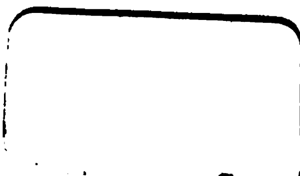
Google



ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLVII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLVII

1892

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1892

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1892 года).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1892 году

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" издается **въ 1892 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двѣнадцать лѣтъ (1880—1891).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми **приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени".**

Въ **книжныхъ** магазинахъ **„Новаго Времени"** продаются оставшіеся въ незначительномъ количествѣ экземпляры **„Систематическаго указателя содержанія „Историческаго Вѣстника" за 1880—1889 годы".** Цѣна за экземпляръ 2 р. с.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1892 г.

См. слѣд. стр.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ
съ обожженными руками и головой послѣ пожара, случившагося во время бала у князя Шварценберга въ августѣ 1810 г.

Съ весьма рѣдкой гравюры Рта.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ.

I.

Никандра, священника въ селѣ Петровскомъ, поздно
ью, когда всѣ уже спали, позвали къ умирающей.
Вьюга, свирѣпствовавшая весь день и весь вечеръ,
іерь поутихла.

— Но морозъ какъ будто еще лютѣе сталъ,—объявилъ
юдой парень въ тулупѣ и валенкахъ, съ мѣховой
ткой въ рукахъ, переминавшійся съ ноги на ногу
сѣнцахъ поповскаго дома.

— Эхъ, грѣхи наши тяжкіе! — вздохнула попадья,
кая, худощавая женщина лѣтъ сорока.—А у попа-то,
къ на зло, горло прихватило, кашляетъ и хрипитъ—
асть!

И, окинувъ посланца внимательнымъ взглядомъ, она спросила, чьихъ онъ будетъ.

— Корзухиныхъ, Матвѣя Корзухина сынъ.

— Знаю, знаю я Корзухиныхъ. Изба ваша около оврага будетъ, крайняя?

— Около оврага.

— Привязалъ, што ли, лошадь-то? Не ушла бы.

— Не уйдетъ, снѣгу во каки сугробы намело! — угрюмо отвѣчалъ юноша, поднимая руку, чтобъ показать, какой вышины сугробы.

— Надо за дьячкомъ послать,—замѣтила озабоченно попадья и двинулась было въ кухню, но парень объявилъ, что дьячекъ ужъ знаетъ. Онъ, какъ мимо ѣхалъ, постучалъ ему кнутовищемъ въ ставень. Собака залаяла, а дьячиха выскочила на крыльцо.

— Я ей закричалъ: за требой, говорю, къ попу, изъ Ямокъ.

— И что-жъ она?

— Ладно, говоритъ, сейчасъ дьячка разбужу.

— Ну, хорошо. Постой тутъ. Испить, можетъ, хочешь? Кваску?

— Не,— тряхнулъ кудрями малый.

— Ну, я тебѣ сейчасъ хлѣбца вынесу, пожуй отъ скуки.

Она ушла въ горницу, не притворяя вплотную двери, а парень остался одинъ въ темныхъ сѣняхъ.

Изъ широкой щели, съ умысломъ оставленной хозяйкой, на него вѣяло тепломъ изъ тѣсной горницы, пропитанной запахомъ щей, деревяннаго масла и душистыхъ травъ, пучками привѣшанныхъ къ потолку.

Передъ кіотомъ, въ красномъ углу, теплилась лампада; на столѣ, покрытомъ скатертью домашняго тканья, горѣла сальная свѣча въ широкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ. Стѣны, обшитыя тесомъ, были увѣшаны лубочными картинками, а на подоконникахъ, надъ горшками съ пышно разросшейся геранью и бальзаминомъ, висѣли клѣтки съ щегломъ и соловьемъ.

Отецъ Никандръ былъ охотникъ до птицъ.

Онъ слылъ зажиточнымъ. Приходъ у него былъ большой, и въ него входило нѣсколько богатыхъ деревень, но попадья постоянно жаловалась на то, что не изъ чего дать приданаго дочерямъ и содержать сыновей въ московской семинаріи имъ не по средствамъ.

Жили они прижимисто, держали одну только батрачку Матрену и гостепріимствомъ не отличались.

Кромѣ горницы съ двумя досчатыми перегородками, въ домѣ попа была еще подъ самой крышей свѣтелка, въ которой жили три дочери: двѣ на возрастѣ, а третья подросточекъ. За одной изъ перегородокъ, рядомъ съ горницей, помѣщалась спальня попа съ попадьей, въ другой спали меньшіе сыновья. Старшіе двое жили въ Москвѣ, въ семинаріи, а меньшой ребенокъ, пятилѣтняя Варька, спала съ родителями.

Всѣхъ дѣтей у о. Никандра осталось восемь человѣкъ въ живыхъ, а было вдвое больше.

Жилъ еще у нихъ сирота племянникъ, лѣтъ восемнадцати, Карпушка, деликатнаго сложенія мальчикъ и къ физическому труду неспособный, но смышленый и къ наукѣ способный: почти самоучкой и читать, и писать, и на счетахъ считать выучился.

Вся семья отличалась благонравіемъ. Самъ о. Никандръ даже и по праздникамъ не бралъ въ ротъ хмѣльнаго и съ крестьянами держалъ себя важно.

Когда посланецъ изъ Ямокъ пріѣхалъ за о. Никандромъ, никто въ домѣ, кромѣ попадьи, не шелохнулся. Она одна только услыхала скрипъ полозьевъ по снѣгу и стукъ въ ворота, накинула шубейку, натянула на ноги сапоги и выбѣжала на дворъ.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, и отодвинувъ засовъ у воротъ, она крикнула посланцу, чтобъ въѣзжалъ, а сама опрометью кинулась назадъ будить попа. И тотчасъ же кашель о. Никандра раздался по всему дому, но и кашель этотъ никого изъ домашнихъ не разбудилъ.

— Чайку бы тебѣ на дорогу напиться,—предложила мужу попадья, помогая ему снаряжаться въ путь.—Самоваръ мигомъ вскипитъ.

— Когда тутъ! Вернувшись, напьемся,—сиплымъ голосомъ прохрипѣлъ онъ.—Еще скоро ли Анисимъ повернется. Дослать бы до него кого нибудь, Матрену что ли, либо Карпушку.

— Матрену лихоманка съ вечера треплетъ, ея съ печи и не стащишь. Анисима хозяйка снарядитъ, не сумлѣвайся: ей уже сказано, чтобъ поторапливалась.

Попъ хотѣлъ было что-то возразить, но взрывъ кашля перервалъ ему голосъ на полусловѣ.

Жена поспѣшила поднести къ его губамъ чашку съ липовымъ цвѣтомъ, изъ которой онъ хлебнулъ глотокъ.

— Экое горе! Ни одного-то денечка не дадутъ тебѣ дома посидѣть въ такой холодъ!—соболѣзновала она.—Вчера крестины, третьяго дня свадьба, кажинный день что нибудь.

— Мірское дѣло не ждетъ,—прохрипѣлъ онъ.

— И зря вѣрно послали. До обѣдни, поди чай, старуха протянетъ.

— Можетъ, протянетъ, а, можетъ, и нѣтъ. Спрашивалъ я намеднись про нее у Онтошкиной снохи: плоха, говоритъ. Вторую недѣлю въ ротъ ничего не беретъ. А что-жъ это Онисимъ-то?

— Да ты не сухотись, придетъ. Собраться ему не долго; спитъ вѣдь онъ завсегда одѣмши. Какъ-то васъ Господь донесетъ, снѣгу страсть сколько напало.

— Ну, чего тутъ. Дотащимся, Богъ дастъ. Къ утру назадъ вернемся.

— Гдѣ ужъ къ утру! Дай Богъ—въ обѣдъ. До Ямокъ-то вѣдь добрыхъ десять верстъ будетъ.

— Это лѣтомъ, а теперь по рѣчкѣ и семи нѣтъ.

— Въ прорубь бы вамъ понамеднишнему не попасть.

— Ужъ ты почнешь измышлять!

— Долго-ль до грѣха. Карпушу бы съ собой прихватили.

— Это еще на какую потребу?

— Да мало ли чтò приключиться можетъ! Всетаки лишній человѣкъ съ вами будетъ. Велю-ка я ему сбираться, онъ живо,— прибавила попадья, поощренная молчаніемъ мужа.

Она побѣжала въ кухню, гдѣ не безъ труда растолкала племянника и приказала ему скорѣе снаряжаться съ попомъ въ Ямки.

— Лапшиха умирать собралась, за попомъ прислала. Боюсь я его одного отпускать: хворый вѣдь онъ.

Юноша завозился подъ тулупомъ, которымъ былъ покрытъ съ головой.

— Встань, голубчикъ, встань, успокой ты меня, Христа ради. Прислали они парнишку лядащаго, если, Боже упаси, понамеднишнему въ прорубь угодитъ, ни въ жисть ему съ лошадью не справиться.

— Встаю, встаю,—сказалъ Карпушка, раскрывая большіе голубые глаза и срываясь съ войлока, служившаго ему постелью.

Успокоенная попадья прошла въ кухню, отрѣзала тамъ большую краюху отъ ситника, лежавшаго подъ чистымъ полотенцемъ на полкѣ, и, вернувшись въ сѣни, подала ее парню изъ Ямокъ.

— Пожуй, сердешный,—сказала она со вздохомъ.

Парень молча взялъ краюху и засунулъ ее за пазуху.

— Бабкой, что ли, Лапшиха-то тебѣ доводится?—спросила она, не спуская съ его безбородаго лица пытливаго взгляда слезящихся глазъ.

— Не! Наша бабка давно помёрши. Она Андронихѣ бабка, а не намъ,—отвѣчалъ неохотно и съ долгими разстановками между словами парень.—Второй годъ она у насъ. Какъ дѣдка-то померъ, мамка ее и взяла. Помираетъ таперича.

— Такъ, такъ. Много пожила на свѣтѣ старушка, пора костямъ на покой. Кто же хоронить-то будетъ?

— На похороны у ней припасено. Намеднись приказала мамкѣ сундукъ отпереть. Холстъ у ней тамъ на саванъ. Мамка Терентьиху позвала, сшили ужъ саванъ-то.

— И попу за требу дастъ?

— Дастъ. Въ ладонкѣ у ней деньги-то зашиты.

— И много у ней денегъ?

— Кто-жъ ея душу знаетъ! Можетъ, и много, а, можетъ, самая малость. Вотъ помретъ, тогда и увидимъ.

— Кому-жъ она деньги-то приказала отдать?

— Да никому еще. Мамка пытала ее про деньги: кому ты ихъ оставишь, баушка? Молчитъ.

— Попу, вѣрно, скажетъ.

— Можетъ, и скажетъ.

— Мать! А, мать!—раздался голосъ попа.—Варишки-то мои куда задѣвала? Да прикажи парню изъ Ямокъ, чтобъ лошадь отвязалъ отъ плетня, выхожу сейчасъ.

— Сейчасъ, отецъ, сейчасъ,—отвѣчала попадья, кидаясь со всѣхъ ногъ въ горницу.

Парень изъ Ямокъ вышелъ на дворъ, и черезъ нѣсколько ми-

нутъ сани подъѣхали къ крыльцу. Черезъ сѣнцы выбѣжалъ на дворъ Карпушка, а изъ горницы вышелъ попъ, въ широкой и длинной медвѣжьей шубѣ, подпоясанной ремнемъ, и въ огромной мохнатой шапкѣ, нахлобученной на лобъ по самыя брови, поверхъ вязанаго краснаго шарфа, которымъ попадья укутала ему голову, чтобъ ушей не отморозилъ.

За нимъ, набросивъ на плечи шубейку, шла жена съ зажженной свѣчей въ рукахъ.

— Ну, а Анисимъ-то гдѣ же?—спросилъ о. Никандръ, вглядываясь въ черную кучу саней, лошади и людей, копошившихся на бѣломъ снѣжномъ фонѣ у крыльца.

— Здѣсь, батька, здѣсь,—раздался визгливо дурашливый голосъ дьячка Анисима, извѣстнаго по всей окрестности весельчака и балагура.

— И въ своемъ видѣ? — спросилъ попъ, занося ногу въ огромномъ мѣховомъ сапогѣ въ сани.

— Не сумлѣвайся, батька, гдѣ ужъ при такомъ морозищѣ удержаться хмѣлю въ человѣкѣ! — отвѣчалъ дьячекъ, усаживаясь рядомъ съ попомъ. — И ты съ нами, Карпуша? Дѣло! Подваливайся къ намъ въ ноги, теплѣй будетъ.

И, обращаясь къ парню изъ Ямокъ, который, примащиваясь на облучокъ, забиралъ въ рукавицы вожжи, дьячекъ прибавилъ:

— Валяй, парень, съ Богомъ!

— Трогай!—приказалъ ему въ свою очередь строгимъ голосомъ и о. Никандръ.

А когда сани двинулись, онъ повернулъ, на сколько могъ, свою укутанную голову къ крыльцу, гдѣ стояла попадья, чтобъ закричать ей хриплымъ басомъ:

— Уйди... Чего стоишь, горницу студишь? Мало тебя лихоманка осенью-то трепала.....

Но попадья оставалась на крыльцѣ до тѣхъ поръ, пока сани, ныряя въ густомъ, сыпучемъ снѣгу, не скрылись у нея изъ виду.

Вернувшись въ горницу, она спать не ложилась.

Былъ второй часъ ночи, не больше, и до утра времени оставалось много, но отъ безпокойства за мужа у нея сонъ отбило.

Она прошла въ кухню, гдѣ на палатяхъ ворочалась, кряхтя и охая, батрачка ихъ Матрена.

— Проводила?—жалобно протянула больная.

— Проводила, Матренушка, проводила,—отвѣчала попадья, опускаясь на широкую скамью передъ бѣлымъ деревяннымъ столомъ. — Поутихла мятель-то, слава тебѣ, Господи, тихо стало, что-то Господь на утро дастъ? А ты какъ, сердечная? Знобитъ все тебя?

— Таперича въ жаръ вдарило. Точно огнемъ всю жжетъ, мѣста себѣ не могу найтить. Ты не пужайся, если понамеднишнему околесину зачну городить.

— Чего пугаться, ништо въ первой!—махнула рукой попадья.— Ужъ такая страна здѣсь, лихоманки не переводятся, хоть ты тутъ что хошь дѣлай.

Она зѣвнула, облокотилась обѣими руками на столъ, оперлась подбородкомъ на вывернутыя ладони и продолжала, устремляя задумчивый взглядъ на свѣчу, стоявшую передъ нею, съ нагорѣвшимъ грибами фитилемъ:

— Барыня въ Ивановкѣ, сказываютъ, полынью отъ нея, отъ треклятой, лечитъ. Помогаетъ, говорятъ. Сходить развѣ мнѣ къ ней завтра да поклониться курочкой, чтобъ дала для тебя въ пузырекъ той настойки? На винѣ она, говорятъ, полынь-то настаиваетъ, ну, и помогаетъ.

— Чаво тамъ еще грѣшить-то,—проворчала больная:—съ заговоромъ она, поди чай, настойка-то.

Попадья ей не возражала, и довольно долго тишина, воцарившаяся въ кухнѣ, ничѣмъ, кромѣ потрескиванія фитиля да монотонной пѣсенки сверчка за печкой, не нарушалась.

— Лапшиха-то помираетъ теперь, —проговорила какъ бы про себя попадья.

И, поднявъ глаза къ палатямъ, на которыхъ металась, тихо покрякивая, Матрена, она спросила:

— Ты ее знала, когда она еще молодая была, Матренушка?

— Знать не знала и говорить съ нею не говорила, а видать видала,—отвѣчала больная, обрадовавшись возможности скоротать томительно тянувшееся для нея время болтовней.—Давно ужъ. Въ тѣ поры церковь у насъ еще не строилась, приходомъ-то мы въ тѣ поры къ Яблочкамъ были приписаны. Ну, вотъ по большимъ праздникамъ завсегда, бывало, эта самая Лапшиха съ мужемъ ейнымъ да съ управителемъ.... у праваго клироса стаивала. Одёжа на ней завсегда хорошая. Мужъ-то ейный при ключникѣ сподручнымъ былъ приставленъ, ну, и пользовались. Съ кажиннаго мужика: съ кого алтынъ, съ кого грошъ, а съ бабы пряжей да холстомъ, яицами, масломъ. Домъ у нихъ полная чаша былъ. Ну, а дѣтокъ Господь не далъ. Хворый онъ былъ самъ-то, мужъ-то ейный. А добра всякаго много. Богачами звали.

— Куда же богачество ихнее подѣвалось,—замѣтила попадья.— Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ старикъ ейный померъ, милостынкой живетъ.

— Вотъ поди-жъ ты,—согласилась Матрена.

— Кабы Христа ради добрые люди въ избу не впустили, съ холоду бы да съ голоду сгибла. Собралась теперь помирать, за попомъ прислала, а, поди чай, и гривной одной о. Никандръ

отъ нея не попользуется, понапрасну только безпокойство на себя приметъ. Шутка ли дѣло, въ такой морозъ да ночью за десять верстъ по сугробамъ ползти!—тужила попадья.

— А ты зараньше-то не кручинься, быть того не можетъ, чтобъ попу не заплатили, для попа деньги завсегда найдутся,—утѣшала ее Матрена.

— Развѣ что къ управителю въ Яблочки пошлютъ, — продолжала разсуждать попадья.— Тамошнихъ вѣдь она, Лапшиха-то, Воротыновскихъ господъ крѣпостная, имъ, значитъ, и хоронить ее полагается.

— Такъ, такъ, Воротыновскихъ господъ,—подтвердила Матрена и прибавила со вздохомъ:—охъ, грѣхи наши тяжкіе!

И опять наступило молчаніе.

— Давно не бывали господа въ Яблочкахъ,—снова начала попадья:—до насъ, при о. Савеліи, никто изъ нихъ сюда не заглядывалъ, да вотъ ужъ и мы здѣсь одиннадцатый годъ, и хоть бы кто изъ нихъ сюда понавѣдался, по родителямъ панихиду бы отслужилъ. Самого барина-то Воротынцова ты видала, что ли? — спросила попадья, поднимая взглядъ къ палатямъ.

Больная лежала, повернувшись къ ней лицомъ. Глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ, все лицо пылало.

— Самого видать не довелось, а сударку его, ту, что въ подвалѣ держали, видѣла,—отвѣчала Матрена.

Эту исторію про сударку Воротыновскаго барина, попадья, должно быть, много разъ слышала; напоминаніе объ этой несчастной не произвело на нее никакого впечатлѣнія.

Лѣтъ десять тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ ихъ сюда перевели изъ дальняго прихода, пріѣхалъ въ Петровское купчикъ какой-то издалека, съ Волги, и долго, запершись съ отцомъ Никандромъ, разспрашивалъ его про эту личность. Потомъ, какъ онъ уѣхалъ, попъ сказалъ женѣ, что купецъ этотъ съ ейной, покойницы-то, стороны, и допытывался онъ узнать, какъ она жила въ Яблочкахъ, да не было ли ей притѣсненія отъ управителя, да какъ она рожала, кто при ней находился, да какъ умирала она? На всѣ эти вопросы отецъ Никандръ немного могъ отвѣтить: самъ онъ былъ въ здѣшней сторонѣ человѣкъ новый. Да и старожилы-то здѣшніе ничего вѣрнаго про нее не знали. Прожила она въ Яблочкахъ не полныхъ три мѣсяца, стерегли ее строго, да и сама она никуда изъ дому не рвалась. Дворовая дѣвка, что съ нею пріѣхала, никого къ ней, кромѣ Лапшихи, не допускала. Родила она ребеночка мертваго и сама тутъ же скончалась. Даже за попомъ не успѣли сбѣгать. Вотъ все, что̀ могъ сообщить отецъ Никандръ пріѣзжему съ Волги купцу. Даже мѣсто, гдѣ была похоронена безвѣстная узница, онъ ему указать не могъ; пришлось служить па-

нихиду по «болярин͡ѣ Марѳ͡ѣ» (подъ этимъ именемъ значилась она въ поминальник͡ѣ купца) въ той часовн͡ѣ, гд͡ѣ стоялъ ея гробъ.

— Пом͡ѣшанная она, говорятъ, была,—равнодушно зам͡ѣтила попадья, останавливаясь на воспоминаніи, мелькнувшемъ было въ ея ум͡ѣ, когда р͡ѣчь коснулась этой давно вс͡ѣми зд͡ѣсь забытой исторіи.

И, поз͡ѣвывая отъ скуки, она прибавила:

— В͡ѣдь ты ее ужъ мертвую вид͡ѣла?

— Мертвую, голубонька, мертвую. Иду я это по улиц͡ѣ, а навстр͡ѣчу мн͡ѣ Кононъ, кузнечихи братъ, б͡ѣжитъ, а за Конономъ-то Варька съ Машуткой, а за ними другія бабы да парни. И вс͡ѣ это б͡ѣгутъ сломя голову, чуть съ ногъ меня не сшибли. «Куда?— спрашиваю». «Въ часовню на покойницу смотр͡ѣть». «Кака така покойница?»—руками только замахали да дальше поб͡ѣгли. Ну, и я за ними, в͡ѣстимо. А тутъ отъ управителя приказъ вышелъ: вс͡ѣхъ изъ часовни гнать. В͡ѣжитъ это Андрюшка Косой черезъ садъ сломя голову съ этимъ приказомъ, а народу-то къ гробу такая ужъ толпа протолкалась, что яблоку упасть некуда. Протискалась и я со вс͡ѣми. Лежитъ покойница въ барскомъ убор͡ѣ, платьице на ней б͡ѣлое, башмачки б͡ѣлые, и фатой б͡ѣлой съ головкой прикрыта. А подъ бочекъ ей ребеночка ейнаго подложили, тоже съ головкой, холстомъ перевитой. Дьячекъ Василичъ читалъ надъ ней. Все чинъ чиномъ справляли, и св͡ѣчи въ серебряныхъ большихъ шандалахъ изъ церкви принесли и гробъ, слышь, бархатомъ приказали столяру Ивашк͡ѣ обить, какъ для настоящей барыни.

— А все же ты ее въ лице-то в͡ѣдь не вид͡ѣла,—зам͡ѣтила попадья.

— Какъ не вид͡ѣла! Вид͡ѣла,—оживилась больная.—Д͡ѣвки, что ближе къ гробу-то протискались, фату-то, которой она была покрыта, взяли тихонечко за кончикъ да и приподняли, и я тоже подъ нее съ другими заглянула. Вид͡ѣла я ее, какъ не вид͡ѣть. Молоденькая была.

— И какъ хоронили ее, вид͡ѣла?—машинально продолжала допрашивать попадья, напередъ зная отв͡ѣтъ.

— Гд͡ѣ же вид͡ѣть, ночью ее закопали-то. Изъ-подъ Москвы, съ Черепашьяго хутора, сказывали тогда, мужиковъ за гробомъ-то пригнали. Самъ управитель къ нимъ навстр͡ѣчу вышелъ, самъ и часовню отперъ, самъ помогалъ гробъ выносить. Поставили на тел͡ѣгу, рогожами прикрыли да и повезли. А какъ съ горы-то сносили, я вид͡ѣла. Ночь-то лунная была такая да погожая. Какъ сейчасъ помню. Мн͡ѣ свекровь съ вечера приказала корочекъ коров͡ѣ снести, а я и запамятовала. А ночью, какъ толконетъ меня это вдругъ въ бокъ, проснулась я да про корки-то и вспомнила. Ну, думаю, быть мн͡ѣ завтра битой, коли сейчасъ не снесу. Поднялась я это тихохонько, перешагнула черезъ мужа, захватила

корки въ подолъ юбки да и вышла на крыльцо. И какъ пахнуло на меня тутъ вѣтеркомъ, съ меня весь сонъ-то и соскочилъ. Ну, вотъ вѣкъ бы тутъ стояла да ноченькой любовалась. Тихо такъ да духовито. На небѣ мѣсяцъ свѣтитъ свѣтло, какъ днемъ, далеко кругомъ видно. Часовня на горѣ, какъ на ладошкѣ. И какъ взглянула я это на нее да про покойницу вспомнила, такая на меня жуть напала, хоть назадъ бѣги да съ головой подъ шубу зарывайся, такъ въ ту же пору, а съ мѣста двинуться не могу. Гляжу я это во всѣ глаза на часовню, и представляется мнѣ, какъ гробъ алый въ ней стоитъ, а въ гробу-то покойница подъ фатой съ ребеночкомъ, холстомъ перевитымъ. И вдругъ, вижу я, ползетъ будто что внизъ по горѣ изъ часовни-то. Стала всматриваться—люди несутъ что-то на плечахъ, большое, покрытое чѣмъ-то, на гробъ похоже. Ближе да ближе, спустились къ рѣчкѣ, лугъ перешли, стали къ деревнѣ подходить, въ нашу улицу завернули. Вижу, мужики все чужіе, не нашинскіе, и несутъ гробъ, рогожей покрытый. Мать пресвятая Богородица! Да вѣдь это они покойницу съ ребеночкомъ хоронить несутъ! Какъ вступило мнѣ это въ голову, вспужалась я страсть! Затряслась вся, а съ мѣста сойти не могу. Ну, вотъ точно за ноги-то держитъ меня кто, двинуть ими не вмочь. Присѣла только за кадку и все гляжу, все гляжу...

— И корочки всѣ разсыпала,—подсказала попадья соннымъ голосомъ.

— Разсыпала, родимая, всѣ до единой разсыпала.

Попадья поднялась съ мѣста.

— Чтò-то мой попъ теперь! Доѣхали они, что ли, до Ямокъ-то,—проговорила она, зѣвая и потягиваясь.

— Какъ ужъ, чай, не доѣхать, рѣчкой-то ближе, рѣчкой до Ямокъ рукой подать. А ты бы соснула маленько до утра-то,—посовѣтывала Матрена.

— И то развѣ соснуть,—согласилась попадья и побрела въ горницу.

II.

Отецъ Никандръ съѣздилъ въ Ямки благополучно и вернулся назадъ съ своими спутниками раньше, чѣмъ можно было ожидать.

Лапшиха какъ будто только его и ждала, чтобъ помереть. Ужъ во время исповѣди застывать начала, и какъ только причастилась, такъ Богу душу и отдала.

Попъ былъ мраченъ и неразговорчивъ.

— Намаялся, сердешный, цѣльную ночь хоть бы часочекъ заснулъ. Вѣдь только было глаза завелъ, кашлемъ намучимшись, какъ изъ Ямокъ-то за нимъ пріѣхали,—говорила попадья старшимъ дочерямъ, отвѣчая на ихъ разспросы про отца.

Меньшія дѣти были еще слишкомъ малы, чтобъ интересоваться чѣмъ бы то ни было, кромѣ сусальныхъ пряниковъ да катанья въ салазкахъ по замерзшимъ лужамъ на дворѣ.

Отъ племянника попадья узнала, что попъ на обратномъ пути кашлялъ меньше, чѣмъ тогда, когда онъ туда ѣхалъ, и что при дѣлежкѣ дьячку двѣ гривны досталось.

Лапшиха, значитъ, щедро заплатила за послѣднее напутствіе въ жизнь вѣчную, а потому приписывать угрюмость попа разочарованію въ матеріальномъ отношеніи было невозможно.

— Намаялся, намаялся,—повторяла попадья съ еще бо̀льшею увѣренностью послѣ этого извѣстія.

Однако попъ и въ банѣ попарился, и чаю цѣлый самоваръ выпилъ, и часа три въ полнѣйшемъ спокойствіи на своей высокой постели пролежалъ (ужъ спалъ ли онъ, или нѣтъ, Богъ его знаетъ), а угрюмость его не проходила.

Семья поужинала въ полнѣйшемъ безмолвіи, а когда всѣ улеглись спать, о. Никандръ, шепоткомъ и боязливо оглядываясь по сторонамъ, разсказалъ женѣ такую исторію, что и у нея на долгое время сонъ отлетѣлъ отъ глазъ.

Лапшиха передъ смертью сообщила своему духовнику страшную тайну.

— Слыхала ты про ту несчастную, что въ Яблочкахъ въ подвалѣ жила и скончалась? Давно ужъ это было, лѣтъ за десять передъ тѣмъ, какъ намъ сюда переѣхать,—спросилъ онъ у жены.

— Это сумасшедшая-то?

— Ну, да. Мало теперь кто про нее и помнитъ-то.

— Наша Матрена помнитъ. Сегодня ночью она мнѣ про нее разсказывала.

— Сегодня ночью?—подхватилъ съ испугомъ попъ.—Съ какой это стати—сегодня ночью?

— Да такъ, не спалось мнѣ, а ее лихоманка трепала, ну, вотъ мы отъ скуки и зачали старое перебирать. Она вѣдь изъ Яблочковъ, Матрена-то. Я, говоритъ, видѣла, какъ ее хоронить несли съ ребеночкомъ ночью....

— А знаешь ли ты, кто была эта личность? — перебилъ попадью мужъ.

— Люди сказываютъ—барина Воротынцева полюбовница.

— Не полюбовница его, а законная супруга, вотъ что,—объявилъ отецъ Никандръ, понижая голосъ до шепота и пригибаясь къ уху жены.

Попадья чуть не вскрикнула отъ изумленія.

— А ребенокъ-то ейный не мертвымъ родился, а по сихъ поръ, можетъ, живехонекъ. Двадцать ему лѣтъ теперь, — продолжалъ свое повѣствованіе попъ.

— А какъ же хоронили-то его?—трясясь отъ страха и удивленія, освѣдомилась попадья.

— Не его похоронили съ матерью, а куклу изъ тряпокъ. А орудовалъ всѣмъ покойный управитель съ той дѣвкой, которую вмѣстѣ съ сумасшедшей привезли издалека. Дѣвка эта въ прислужницы къ ней была приставлена и тоже затворницей съ нею жила въ нижнемъ этажѣ дома, съ той стороны, гдѣ окна въ палисадникъ выходятъ, маленькія такія, на поларшина отъ земли. Маланьей ее звали, дѣвку-то, и хоть рѣдко, а все-жъ она изъ дому-то вылѣзала, а ужъ той несчастной, которую она сторожила, даже и въ палисадникъ ходу не было. Ее никто никогда и не видѣлъ. Маланью же и по сихъ поръ въ Яблочкахъ помнятъ; говорятъ, она потомъ за любимаго баринова камердинера замужъ вышла и въ Петербургѣ теперь барыней живетъ. Щедро наградилъ ее господинъ Воротынцевъ за услуги. Да и было за что награждать. Какъ подошло время родить той несчастной, которую они съ управителемъ стерегли, она, Маланья-то, взяла на подмогу Лапшиху. Изъ всей дворни ее выбрали. Лапшиха тогда была ужъ не молоденькая, степенная баба. А главное дѣло въ томъ, что мужъ ейный при ключникѣ состоялъ, завсегда на виду у управителя, значитъ. На нее и положились. Сегодня она мнѣ на духу во всемъ открылась. Не хочу, говоритъ, съ такимъ грѣхомъ на душѣ помирать, будь, что будетъ, а во всемъ тебѣ, говоритъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ, покаюсь.

— Ей хорошо, она теперь ужъ мертвая,—вздохнула попадья.

— А я такъ думаю, что и намъ будетъ не плохо, если по нашей милости сынъ той несчастной узнаетъ, что онъ не безродный подкидышъ, а законный сынъ и наслѣдникъ богатѣющаго и знатнѣйшаго вельможи,—замѣтилъ на это попъ.

— А развѣ доказать это можно?

— Въ томъ-то и штука, что можно: стóитъ только откопать покойницу да посмотрѣть, одна она лежитъ въ гробу, или съ ребенкомъ.

— А кто же знаетъ, гдѣ она закопана-то?—продолжала любопытствовать попадья.

— Я знаю,—объявилъ попъ.—Но ты лучше и не допытывайся, никому не скажу,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

Попадья не настаивала. Достаточно напугана она была и тѣмъ, что узнала.

Надолго для нея теперь былъ утраченъ душевный покой; рѣдкую ночь не будетъ она просыпаться при малѣйшемъ шумѣ, обливаясь холоднымъ потомъ при мысли объ ужасахъ, грозившихъ имъ въ случаѣ, если, Боже сохрани, Воротыновскій баринъ узнаетъ про затѣваемыя противъ него козни.

Невѣроятнымъ казалось, чтобъ ему не удалось затушить начатое противъ него страшное дѣло. Онъ и богатъ, и знатенъ, и всякимъ наукамъ обученъ, и къ царю близокъ, всякаго можетъ онъ, какъ былинку, стереть съ лица земли. Не безуміе ли тягаться съ такой особой? Вѣдь это все равно, какъ если-бъ захотѣть гору сдвинуть съ мѣста, или вдругъ вздумать изъ простыхъ сельскихъ поповъ да въ митрополиты попасть.

Попадья не знала, какія сравненія придумать, какими словами убѣдить мужа отказаться отъ задуманнаго предпріятія, но попъ стоялъ на своемъ.

— Покойница побожиться меня заставила, что я этого дѣла такъ не оставлю,—повторилъ онъ.

— Да, можетъ, старуха-то передъ смертью въ умѣ помутилась и наврала тебѣ съ три короба,—возражала жена.

— А вотъ увидимъ. Зря орудовать не станемъ, не безпокойся,—упорно повторялъ онъ.

На слѣдующее утро попъ поѣхалъ въ уѣздный городъ къ пріятелю своему Якову Степанычу Гусеву.

Изъ роду въ родъ крючки подъячіе были эти Гусевы. Отецъ ихъ въ сыскномъ московскомъ приказѣ служилъ. Сынъ лѣтъ сорокъ въ губернскомъ управленіи подвизался, и такъ успѣшно, что дѣти его пошли еще дальше; дочери за купцовъ замужъ повышли, а одного изъ сыновей ему удалось пристроить секретаремъ къ особѣ, присланной изъ Питера для ревизіи. Ревизоръ достигъ до высшихъ административныхъ должностей и съ молодымъ Гусевымъ не разставался.

Въ то время, когда начинается этотъ разсказъ, а именно въ 1837 году, Степана Иваныча Гусева уже въ живыхъ не было, а сыновья его, Иванъ и Яковъ, были уже въ лѣтахъ. Первый, какъ выше сказано, служилъ въ Петербургѣ, а второй, Яковъ Степанычъ, попавшись во взяточничествѣ и выгнанный со службы, устроился (и тоже недурно) въ уѣздномъ городѣ, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ большую извѣстность черезъ свое искусство ябеды строчить. Особенно удавалось ему благополучно кончать дѣла, ведущіяся въ губернскомъ правленіи, гдѣ у него была сильная рука въ лицѣ многоопытныхъ сподвижниковъ его покойнаго отца. А къ тому же всѣмъ было извѣстно, что братъ его, состоя на службѣ въ одномъ изъ высшихъ петербургскихъ учрежденій, можетъ сдѣлать много вреда или пользы, кому захочетъ.

Прожилъ попъ у кума Якова Степаныча трое сутокъ и вернулся домой въ воинственномъ настроеніи.

— Будемъ дѣйствовать, будемъ дѣйствовать,— повторялъ онъ, съ загадочной улыбкой потирая себѣ руки.—Кумъ говоритъ—дѣло

прибыльное: если умѣючи его повести, можно на немъ фортуну нажить.

— А какъ же дѣйствовать-то? — спросила попадья.

— А вотъ прежде всего вѣрнаго человѣка въ то мѣсто снарядить, откуда самая важная помощь должна намъ придтить, чтобъ умненько тамъ языка добился. Если только живъ одинъ человѣчекъ, ну, тогда, Богу помолившись, можно и доносъ настрочить.

— А если онъ орудовать съ вами сообща не пожелаетъ?

— На этотъ случай у насъ другое надумано, не сумлѣвайся. А только быть этого не можетъ, чтобъ онъ отказался съ нами орудовать. Не сталъ бы сюда сына своего за справками засылать, кабы къ дѣлу этому равнодушіе чувствовалъ.

— Это тотъ, что пріѣзжалъ къ намъ, когда мы только что сюда переѣхали?

— Тотъ самый. Купчикъ такой молоденькій. Онъ вѣдь тогда и съ Яковомъ Степанычемъ видѣлся и многое ему открылъ про покойницу. Лапшиха правду сказала: Воротыновскій баринъ съ этой несчастной обвѣнчанъ былъ, и при вѣнчаніи родители этого купчика свидѣтелями состояли и въ книгѣ росписались, все какъ слѣдуетъ. Не полюбовницу, значитъ, онъ въ заточеніи держалъ, а законную супругу. И если доказать, что онъ отъ живой жены женился, а законнаго сына въ Воспитательный Домъ приказалъ отдать,— понимаешь, чѣмъ такое дѣло для господина Воротынцева пахнетъ?

— Да вѣдь все это доказать надо,—продолжала сомнѣваться попадья.

— Докажемъ. Онъ, купчикъ-то, прямо тогда сказалъ Якову Степанычу: «мы, говоритъ, денегъ на это дѣло не пожалѣемъ». Ужъ и тогда, значитъ, сумлѣніе ихъ на счетъ ребенка-то брало, ужъ и тогда дошли до нихъ слухи, будто онъ живъ, а только уцѣпиться было не за что, чтобъ дѣло вчинать, ну, а теперь намъ Лапшиха руки-то развязала, теперь намъ бы только добиться разрѣшенія откопать покойницу, только бы этого намъ добиться.

— Матрена говоритъ: въ Москву ее повезли хоронить,— замѣтила попадья.

Попъ презрительно махнулъ рукой.

— Много она знаетъ, твоя Матрена!

— А какъ его зовутъ, купчика-то вашего?

— У кума записано: зовутъ его Лексѣемъ, по отчеству Петровичъ, а прозвище — Бутягинъ. Они дальніе. Въ томъ городѣ, на Волгѣ, у нихъ и домъ свой, и все заведеніе. Торговлю ведутъ хлѣбомъ да шерстью. Барки свои гонятъ съ Астрахани до Нижняго. По всему видно, купцы богатѣющіе. Сказывалъ онъ мнѣ тогда, что и родитель его, и родительница здравствуютъ, и хоша слова лишняго онъ не вымолвилъ, а изъ того малаго, что сказалъ, можно

было понять, что та несчастная, что сюда привезли помирать, больше родителямъ его была близка, чѣмъ ему. Самъ-то онъ какъ будто и не видалъ ся никогда. Такъ изъ словъ его можно было понять. И очень онъ тужилъ, что никакихъ вѣстей про нее родителямъ своимъ привезти не можетъ. Нарочно, говоритъ, для этого съ прямаго пути крюку далъ.

— Съ Лапшихой бы его тогда свести, она бы ему про покойницу поразсказала,— замѣтила попадья.

— Онъ въ тѣ поры и отъ Лапшихи бы ничего не узналъ,—возразилъ на это попъ.—Помирать-то подъ кнутомъ кому хочется, а управитель до смерти бы ее засѣкъ, кабы узналъ, что она проболталась. Теперь ей ужъ все равно, окромя Господа Бога, ей страшиться некого.

— Кого же ты къ Бутягинымъ послать хочешь?—спросила попадья.

— Да Карпушку придется, больше некого. Кабы наши не были еще въ ученіи....

Попадья не дала ему договорить; въ ужасѣ замахала она на него руками.

— Что ты, батька, съ ума сошелъ! Чтобъ я на такое страшное дѣло роднаго сына послала, да ни въ жисть!—вскричала она внѣ себя отъ испуга.—Вѣдь ты только подумай, что съ нами будетъ, если Воротыновскій баринъ узнаетъ про твою затѣю! Запытаютъ вѣдь насъ тогда, съ лица земли сотрутъ! За что же ребятъ-то нашихъ подъ его гнѣвъ подводить? Чѣмъ они виноваты?

— Да ужъ такое дѣло, съ опаской его надо дѣлать,— раздумчиво замѣтилъ попъ.— Но за то, если выгоритъ.... заживемъ мы тогда съ тобой, Луша! Дочерей за помѣщиковъ замужъ выдадимъ, сыновей въ академію... эхъ!—крякнулъ онъ отъ восхищенія.

— Нечего заранѣе загадывать, дѣло-то еще не начато,—проворчала съ притворною угрюмостью жена.—Ты какъ же Карпа снаряжать-то станешь? Вѣдь добраться туда, если даже и съ попутчикомъ, не дешево станетъ.

— Да ужъ дѣлать нечего, если только Яковъ Степанычъ благословитъ на это дѣло (онъ въ городъ кое къ кому за совѣтомъ поѣхалъ), съ кровными грошами разстанусь, удѣлю сколько нужно Карпу. Сторицей намъ за все это воздастся, Луша, сторицей.

— Оно, конечно, если только Яковъ Степанычъ благословитъ, попытаться можно,—согласилась попадья.

Яковъ Степанычъ такъ заинтересовался исповѣдью Лапшихи, что разъ десять заставлялъ о. Никандра повторять каждое сказанное слово, и, сопоставивъ его разсказъ съ тѣмъ, что ему говорилъ десять лѣтъ тому назадъ молодой купецъ, интересовавшійся судьбой таинственной узницы, онъ объявилъ своему куму, что, если только Бутягины не измѣнили своего намѣренія денегъ на это

дѣло не жалѣть, онъ приметъ въ немъ дѣятельное участіе и доведетъ его до благополучнаго конца. Если даже несчастнаго подкидыша не удастся отыскать между живыми, остается фактъ вступленія въ бракъ отъ живой жены, и ужъ на основаніи одного этого факта можно такъ прижать къ стѣнѣ господина Воротынцева, что онъ и полъ-состоянія не пожалѣетъ, чтобъ заставить молчать людей, которымъ этотъ фактъ извѣстенъ.

Только бы заручиться согласіемъ этихъ заволжскихъ друзей покойницы, и ужъ тогда будетъ у чего покормиться на многіе, многіе годы.

— А если, да на наше счастье, младенецъ-то не сгибъ, да намъ его розыскать удастся, тогда вѣдь и онъ намъ помогать станетъ,—фантазировалъ попъ.

Прошло еще съ недѣлю; пріѣхалъ въ Петровское Яковъ Степанычъ прямо изъ губернскаго города, и послѣ совѣщанія, длившагося цѣлую ночь, рѣшено было снабдить Карпа деньгами и отправить его съ письмомъ къ старику Бутягину въ тотъ городъ за Волгой, гдѣ онъ жилъ.

— Смотри, батька, не попасться бы тебѣ съ письмомъ-то, самъ знаешь, гдѣ рука, тамъ и голова,— предупреждала попадья мужа.

— Небось, у меня все обдумано. Напишу обинякомъ, чтобъ только тотъ и понялъ, до кого касается, а про все остальное прикажу Карпу на словахъ передать.

— Развѣ что такъ.

— А на счетъ Карпа сомнѣваться намъ нечего, паренекъ онъ вѣрный, на него намъ полагаться можно, все равно, что дѣтище родное.

— Это что говорить,— согласилась попадья.

Карпъ отправился въ дальній путь ранней весной, до Твери съ попутчикомъ на подводѣ, а отъ Твери до Саратова водой, и цѣлыхъ пять мѣсяцевъ не было о немъ ни слуху, ни духу. Ужъ только осенью проѣзжій купецъ доставилъ въ село Петровское для о. Никандра посылку отъ племянника.

Въ посылкѣ той оказались богатые подарки для всей семьи. Попу—складной ножикъ и денегъ два золотыхъ, попадьѣ — лисій мѣхъ на салопъ, дѣвицамъ—шелковой матеріи на платья, дѣвочкамъ — по платочку, мальчикамъ — букварп и сукна на армячки. Никто не былъ забытъ, даже Матрена получила большой ковровый платокъ и драдедаму на шушунъ.

Всего подарковъ рублей на триста по крайней мѣрѣ.

— Расщедрился Петръ Никаноровичъ, примѣта хорошая,— замѣтилъ Яковъ Гусевъ, присутствовавшій при распаковкѣ посылки.

Онъ же и привезъ ее изъ Москвы. Давно ужъ была она получена, да все случая не было отправить ее въ Петровское.

— Вы полагаете, это отъ Бутягиныхъ?—спросила попадья.

— А то отъ кого же? Карпушкѣ вашему еще негдѣ было капиталомъ раздобыться.

Однако въ письмѣ, приложенномъ при этихъ дарахъ, про это не упоминалось. Послѣ обычныхъ поклоновъ всѣмъ членамъ семьи и знакомымъ на селѣ и извѣщенія о томъ, что онъ, слава Богу, живъ и здоровъ, Карпушка увѣдомлялъ дяденьку съ тетенькой, что остался на житье въ Саратовѣ.

«Меня, сироту, при лавкѣ здѣсь оставили, а жалованье положили больше, чѣмъ стою. Вамъ, дяденька, благодѣтели мои поклонъ шлютъ и велятъ безпремѣнно на Господа Бога надѣяться и просятъ не забывать молитвами вашими рабовъ Божіихъ Петра и Анны съ чадами и домочадцами. И чтобъ путь ему благополучно свершить въ вашу губернію послѣ спада водъ, побывавши въ Нижнемъ на ярмаркѣ».

— Самъ, значитъ, сюда къ намъ сбирается,—замѣтила попадья.

— И сейчасъ мы его къ вамъ, куманекъ, направимъ,—подхватилъ попъ.

— Ужъ это безпремѣнно,—одобрилъ Гусевъ.

Золотые, полученные черезъ племянника, о. Никандръ положилъ въ особый кошелекъ и запряталъ въ божничку.

Онъ смотрѣлъ на нихъ съ особенно радостнымъ умиленіемъ, какъ на первыя капли золотаго дождя, имѣющаго пролиться на его голову, въ случаѣ удачи въ затѣянномъ имъ важномъ и опасномъ дѣлѣ.

III.

Прошла осень и зима.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье, послѣ заутрени, прослушанной во дворцѣ, Александръ Васильевичъ Воротынцевъ возвращался домой.

Пасха была въ томъ году поздняя, и въ воздухѣ пахло весной, но съ моря дулъ вѣтеръ, и, возвращаясь изъ церкви, богомольцы кутались въ теплые платки и шубы.

Но Александръ Васильевичъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобъ чувствовать холодъ.

Проѣзжая по набережной, онъ опустилъ стекла въ четырехмѣстной каретѣ на высокихъ, круглыхъ рессорахъ, въ которой сидѣлъ одинъ, въ своемъ расшитомъ золотомъ камергерскомъ мундирѣ, и, распахнувъ шинель на дорогомъ мѣху, подставилъ вѣтру свое красивое, энергичное лицо съ черными бакенбардами и широкую грудь, покрытую орденами, съ лентой черезъ плечо.

Треугольную шляпу, обшитую кругомъ бѣлымъ плюмажемъ, онъ снялъ; волосы его густой вьющейся шапкой поднимались надъ высокимъ, упрямымъ лбомъ.

Переживая мысленно только что испытанныя впечатлѣнія этой въ полномъ смыслѣ для него свѣтлой ночи, припоминая и взвѣшивая каждое слово, сказанное ему государемъ, государыней и другими близкими къ царю лицами, онъ самодовольно усмѣхался.

Царь, всегда къ нему милостивый, былъ сегодня особенно добръ и привѣтливъ. Изволилъ вспоминать про своихъ крестниковъ, сыновей Воротынцева, сказалъ, что ихъ пора въ пажи, и пошутилъ насчетъ рѣзваго нрава ихъ сестры Марты, назвавъ ее при этомъ своей любимицей.

Всѣ окружающіе это слышали.

Остальные члены августѣйшей фамиліи послѣдовали примѣру царя. Императрица, милостиво освѣдомившись о здоровьѣ жены Воротынцева, пожалѣла, что рѣдко видитъ ее во дворцѣ. Великія княжны просили передать ихъ поклонъ его дочери.

— А когда же мы замужъ отдадимъ это милое дитя?—сказала, между прочимъ, императрица.

Воротынцевъ понялъ, что это намекъ на слухи, ходившіе по городу, про его троюроднаго племянника, барона Ипполита Фреденборга, который послѣднее время усердно ухаживалъ за Мартой.

Мать Фреденборга, одна изъ любимыхъ статсъ-дамъ императрицы, навѣрное выболтала ей про любовь сына и про свое желаніе еще ближе породниться съ Воротынцевыми. «Губа-то не дура у этихъ бароновъ. Такой невѣсты, какъ Марѳа Александровна Воротынцева, во всей Россіи пять-шесть, да и обчелся»,—думалъ Александръ Васильевичъ, отвѣчая низкимъ поклономъ на милостивыя слова государыни.

Когда онъ поднялъ голову, первые глаза, глянувшіе ему въ лице, были глаза родственника его, Сергѣя Владиміровича Ратморцева, и онъ поспѣшилъ отвернуться къ толпѣ придворныхъ, окружившихъ его съ заискивающими улыбками и льстивыми фразами.

Отвѣчая направо и налѣво съ обычною находчивостью на комплименты, которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ, ему удалось забыть про своего недруга, но теперь, въ ночной тишинѣ, сидя одинъ въ каретѣ, онъ опять про него вспомнилъ, и тяжелое чувство ненависти и безсильной злобы зашевелилось въ его душѣ.

У Александра Васильевича было много враговъ, но ни къ одному изъ нихъ не питалъ онъ столько злобы, сколько къ Ратморцеву. Человѣкъ этотъ однимъ своимъ присутствіемъ отравлялъ ему существованіе, потому, можетъ быть, что раньше онъ былъ съ нимъ очень друженъ.

Какъ бы тамъ ни было, но теперь, при одномъ воспоминаніи о немъ, лицо его омрачилось, и брови сердито сдвинулись.

Хорошо, что отъ Зимняго дворца до дома Воротынцева на Мойкѣ было недалеко, и предаваться непріятнымъ воспоминаніямъ ему пришлось минутъ пять, не больше. Карета въѣхала въ настежъ растворенныя ворота широкаго двора, съ каменными флигелями, въ которыхъ помѣщались кухни, погреба и людскія, обогнула цвѣтничекъ съ статуей посреди и подкатила къ высокому выложенному мраморомъ подъѣзду барскаго дома, выходившаго фасадомъ на Мойку, а задней стороной съ мезониномъ въ старый тѣнистый садъ.

Ловкій выѣздной соскочилъ съ запятокъ, въ одно мгновеніе отворилъ дверцу карету, откинулъ обитую ковромъ лѣсенку подножки и высадилъ барина.

На крыльцѣ появился другой лакей въ ливрейномъ фракѣ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, молодой, красивый малый, Петрушка, недавно взятый бариномъ въ помощники къ камердинеру Михаилу Ивановичу.

— Всѣ дома?—отрывисто спросилъ у него баринъ.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство. Ея превосходительство приказали подавать кушать, какъ только вы изволите пожаловать.

Александръ Васильевичъ оглянулся на экипажи, стоявшіе въ глубинѣ двора, и спросилъ:

— Пріѣхалъ ли графъ Петръ Андреевичъ?

— Пріѣхали-съ.

— Съ графиней?

— Съ графиней-съ.

— А баронесса?—продолжалъ справляться Воротынцевъ, поднимаясь по лѣстницѣ съ каменными крутыми ступенями, красиво обставленными растеніями.

Петрушка отвѣчалъ, что баронесса съ сыномъ раньше всѣхъ пріѣхали.

«Какъ имъ раньше всѣхъ не явиться!»—подумалъ Александръ Васильевичъ съ тѣмъ инстинктивнымъ недоброжелательствомъ, съ которымъ каждый отецъ, когда онъ нѣжно любитъ дочь, относится къ человѣку, выказывающему намѣреніе похитить ее изъ родительскаго дома.

Баронъ былъ не первый претендентъ на руку красавицы Марты, но до сихъ поръ Александръ Васильевичъ всѣмъ отказывалъ подъ разными предлогами. Отдѣлаться отъ барона (который тоже ему приходился не по душѣ: онъ находилъ его дуракомъ, да еще нѣмецъ въ придачу) было труднѣе; у матери его были большія связи и сильная поддержка въ лицѣ императрицы, а потому Александръ Васильевичъ до поры до времени ограничивался тѣмъ, что держалъ себя сдержанно и съ нимъ, и съ его матерью, а женѣ своей приказалъ до предложенія не допускать.

О томъ, нравится ли баронъ ихъ дочери и желаетъ ли она имѣть его своимъ мужемъ, между супругами и рѣчи не было.

— Мароа выйдетъ за того, кого я ей выберу,—сказалъ онъ разъ навсегда еще въ прошломъ году, когда за нее сватался графъ Павинъ, которому Александръ Васильевичъ отказалъ, не посовѣтовавшись ни съ женой, ни съ дочерью.

Изъ дверей, растворенныхъ въ бѣлую съ золотомъ залу, уставленную золочеными стульями, зеркалами во всѣхъ простѣнкахъ, померанцевыми и лимонными деревьями въ зеленыхъ кадкахъ, и съ рояземъ, арфой и этажеркой съ нотами у одной изъ стѣнъ, доносился въ прихожую гулъ голосовъ, звонъ шпоръ, шуршаніе шелковыхъ юбокъ, сдержанный смѣхъ и говоръ, чувствовался запахъ духовъ съ примѣсью аромата отъ живыхъ цвѣтовъ, привезенныхъ изъ оранжерей Воротынцева въ Царскомъ Селѣ.

Изъ прихожей Александръ Васильевичъ, не заглядывая въ залу, прошелъ прямо коридоромъ въ кабинетъ. За нимъ послѣдовалъ младшій камердинеръ Петрушка.

На каминѣ, по обѣимъ сторонамъ бронзовой группы съ часами, горѣли восковыя свѣчи въ высокихъ конделябрахъ.

Изъ этой комнаты, глубокой и просторной, съ окнами въ садъ, массивной мебелью, обитой тисненымъ сафьяномъ, и книжными шкапами вдоль стѣнъ, одна дверь вела въ спальню, другая — въ уборную.

Входя въ кабинетъ и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ бросить снятыя въ коридорѣ бѣлыя перчатки на ближайшій столъ, Александръ Васильевичъ замѣтилъ на бюро запечатанный конвертъ.

— Кто это принесъ? — спросилъ онъ, указывая на письмо.

Петрушка смутился. Онъ не понималъ, какимъ образомъ очутилось тутъ это письмо. Не дальше, какъ минутъ пять тому назадъ входилъ онъ сюда, чтобъ закрыть трубу у камина, письма на бюро не было. Кромѣ него да старшаго камердинера Михаила Иваныча, никому сюда ходу не было. Даже барыня съ барышней сюда безъ доклада не допускались. Кто-жъ могъ принести сюда это письмо?

— Не могу знать-съ,—отвѣчалъ онъ, дрожа подъ пристальнымъ взглядомъ барина.— Михаилъ Иванычъ, можетъ быть,—прошепталъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Александръ Васильевичъ подошелъ къ бюро, взялъ конвертъ и прежде, чѣмъ раскрыть, повертѣлъ между пальцами его въ нерѣшительности и съ брезгливой гримасой.

Надпись на конвертѣ изъ грубой, сѣрой бумаги показалась ему странной. «Его свѣтлости, высокопревосходительству, милости-«вѣйшему государю Александру Васильевичу Воротынцеву, вла-«дѣльцу подмосковнаго села Яблочки съ деревнями и хуторами, «имѣнія Воротыновки.....».

Чортъ знаетъ, что за чушь! Какому болвану понадобилось выписывать все его состояніе на конвертѣ?

Хороши были также и приписки на этомъ конвертѣ — на одномъ углу: «весьма и безотлагательно нужное», въ другомъ: «со«благоволите прочесть преданнаго раба отъ усердія предостереженіе».

Все это было выведено съ большимъ стараніемъ, четкимъ, убористымъ почеркомъ искуснаго калиграфа. Печать большая, краснобураго сургуча, съ какими-то цвѣтами и птицами вмѣсто герба.

Въ предчувствіе Александръ Васильевичъ не вѣрилъ, но впослѣдствіи онъ не разъ вспоминалъ, какъ ему претило сламывать эту глупую печать и какой безотчетный страхъ и отвращеніе ощущалъ онъ, вынимая вложенное въ конвертъ посланіе.

«Довожу до твоего свѣдѣнія, извергъ рода человѣческаго, лю«тѣйшій изъ тирановъ, которому нѣтъ подобнаго на землѣ, что «неистовствамъ твоимъ наступаетъ конецъ. Вспомни про несчаст«ную твою жертву, испустившую душу въ мукахъ черезъ твоихъ «преданныхъ рабовъ, Маланью и Николая, въ селѣ Яблочкахъ, въ «тысяча восемь сотъ семнадцатомъ году, вспомни про Марѳу Дми«тревну и казнись, ибо часъ воли Божіей близокъ и тебя ждетъ «кара и возмездіе за всѣ твои неистовства».

Слѣдовала подпись: «неизвѣстный вашей свѣтлости бывшій «рабъ, а нынѣ самъ себя освободившій человѣкъ».

Письмо это Александръ Васильевичъ пробѣжалъ вдругъ, въ одно мгновеніе, схватилъ его глазами, такъ сказать, и отъ гнѣва, охватившаго все его существо, кровь съ такой силой отхлынула къ его сердцу, что онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

Рука, державшая письмо, задрожала, а брови судорожно сдвинулись.

Но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и, выдвинувъ одинъ изъ потайныхъ ящиковъ бюро, бросилъ въ него письмо съ конвертомъ, а затѣмъ обернулся къ Петрушкѣ, который замеръ на мѣстѣ у двери.

— Чтобъ завтра утромъ было извѣстно, кто принесъ сюда это письмо. Лобъ забрѣю, если не узнаешь,— произнесъ отрывисто баринъ.

И, поправивъ передъ зеркаломъ высоко взбитый хохолъ, онъ вышелъ своей обычной, твердой походкой изъ кабинета и, гордо поднявъ голову, прошелъ въ залу.

Тутъ было весело и оживленно.

Хозяйка, Марья Леонтьевна Воротынцева, рожденная княжна Молдавская, нѣкогда очень красивая и живая дѣвушка, представляла теперь изъ себя старообразную, молчаливую женщину, точно кѣмъ-то напуганную (мужемъ, по увѣренію злыхъ языковъ), и

сдѣлать свой домъ пріятнымъ ей бы никакъ не удалось безъ помощи дочери, которая не только у себя дома, но всюду, куда бы ни являлась, дѣлалась немедленно душою общества.

Благодаря ей, у Воротынцевыхъ было всегда шумно и весело; всегда можно было встрѣтить интересныхъ людей, услышать самыя свѣжія и достовѣрныя придворныя новости, насладиться пѣніемъ, игрой и декламаціей пріѣзжихъ знаменитостей и отечественныхъ виртуозовъ. Да и послушать самое mademoiselle Marthe, когда она удостоивала пѣть при постороннихъ, считалось не малымъ удовольствіемъ даже и для знатоковъ. Голосъ у нея былъ большой, сильный и такъ прекрасно обработанный, что, если-бъ она не была дочерью русскаго вельможи, изъ нея, безъ сомнѣнія, вышла бы знаменитая пѣвица.

Въ бѣломъ муслиновомъ платьѣ, съ букетомъ изъ живыхъ розъ съ яркой зеленью на груди и съ такимъ же цвѣткомъ въ черныхъ гладко зачесанныхъ волосахъ, она стояла у открытаго клавесина съ барономъ Фреденборгомъ, высокимъ длиннолицымъ блондиномъ, и разсказывала ему о своемъ послѣднемъ успѣхѣ на маленькомъ вечерѣ у графа.

Разговоръ происходилъ пофранцузски, разумѣется.

Марта говорила отрывисто, откидывая назадъ гордую головку и съ надменной усмѣшкой на тонкихъ, красиво очерченныхъ губахъ. Она очень напоминала въ эту минуту отца, на котораго похожа была не только лицомъ, но и голосомъ и осанкой. У нея были такія же рѣзкія и порывистыя движенія, какъ у него, та же манера щурить красивые, полные огня, глаза, съ высоко приподнятыми тонкими бровями.

Въ свѣтѣ строгіе критики упрекали ее въ недостаткѣ женственности и въ чрезмѣрной живости характера. Правда, она была очень вспыльчива и ко всему относилась съ не вполнѣ приличной страстностью; къ тому же она была такъ правдива, что подчиняться свѣтскимъ условіямъ для нея составляло истинную пытку, но, такъ какъ и тщеславія въ ней было не мало, пріучить ее сдерживать въ себѣ душевные порывы удалось довольно основательно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ отецъ сталъ вмѣшиваться въ ея воспитаніе. Воротынцева, даже и въ то время, когда родительскій авторитетъ не былъ еще поколебленъ, осуждали за излишнюю строгость къ дочери. Съ непоколебимою суровостью преслѣдовалъ онъ въ ней все, что она наслѣдовала отъ него въ умѣ и характерѣ. Онъ самъ выбралъ ей гувернантку, m-lle Lecage, довольно ничтожную по характеру и уму особу, но гибкаго характера, ловкую и покорную.

Убѣжденный въ ея слѣпомъ повиновеніи его волѣ, онъ часто толковалъ съ нею наединѣ про дочь и, передавая ей свои взгляды на то, какъ слѣдить за Мартой и на какія именно ея свойства обращать вниманіе, онъ такъ застращивалъ ее надменною автори-

тетностью своихъ сужденій, что француженка всегда выходила взволнованная послѣ такихъ бесѣдъ и повторяла съ умиленіемъ Мартѣ: Votre père est un esprit supérieur, mademoiselle.

Но дочь Александра Васильевича не нуждалась въ мнѣніи постороннихъ, чтобъ благоговѣть передъ отцомъ. Ея любовь къ нему доходила до обожанія, и угождать ему, добиваться его одобренія, сдѣлалось главной ея цѣлью въ жизни съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ ранняго дѣтства, и онъ сталъ обращать на нее вниманіе.

— Eh bien, et votre engouement pour m-lle Pauline, cela dure toujours [1])? — спросилъ баронъ, замѣчая, что Марта начинаетъ скучать бесѣдой съ нимъ и разсѣянно посматриваетъ по сторонамъ, выискивая новый предметъ для развлеченія.

Она оживилась.

— Развѣ я вамъ не сказала? Отецъ позволилъ посылать за нею три раза въ недѣлю. Мнѣ съ нею такъ ловко пѣть! Онъ насъ слушалъ третьяго дня, и ему понравилось. Онъ нашелъ, что у нея есть метода... а ужъ если онъ что нибудь похвалитъ, то, значитъ, это очень, очень хорошо, онъ такой взыскательный... Моимъ пѣніемъ онъ никогда не бываетъ доволенъ...

— А между тѣмъ такого прелестнаго голоса, какъ вашъ, я никогда еще не слышалъ,—любезно подхватилъ баронъ.

— О, это ровно ничего не доказываетъ, надо понимать толкъ въ искусствѣ, чтобы судить о немъ,—небрежно и съ презрительной гримаской проговорила она.

И, не давая себѣ труда ни взглядомъ, ни улыбкой, сгладить рѣзкость этого замѣчанія, она отвернулась отъ барона и присоединилась къ дѣвицамъ, прохаживающимся по залѣ. Вокругъ нихъ увивалось нѣсколько гвардейцевъ, два-три лицеиста и пажи въ новенькихъ мундирчикахъ.

У окна, наполовину спрятавшись за лимонное дерево, сидѣла m-lle Lecage, старушка съ острымъ, длиннымъ носомъ и живыми глазами, въ старомодномъ, временъ имперіи, тюрбанѣ съ зеленымъ бантомъ и большимъ, вышитымъ разноцвѣтными шелками по бархату, ридикюлемъ на рукѣ.

Она посматривала съ гордымъ сознаніемъ исполненнаго долга на свою воспитанницу, казавшуюся ей d'une parfaite distinction, и съ легкимъ презрѣніемъ на прочихъ дѣвицъ съ ихъ кавалерами.

Это были все родственники Воротынцевыхъ, дѣти двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и сестеръ Александра Васильевича и Марьи Леонтьевны, съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ Петербурга съ родителями, чтобы разгавливаться у богатаго и знатнаго родственника.

---

[1]) А ваша вспышка нѣжности къ мадемуазель Полинѣ все еще продолжается?

Двое мальчиковъ восьми и девяти лѣтъ, сыновья Воротынцевыхъ, въ бархатныхъ курточкахъ съ отложными батистовыми воротничками, завитые барашкомъ домашнимъ парикмахеромъ, застѣнчиво жались къ гувернеру, мсьё Ривьеръ, тучному человѣку среднихъ лѣтъ, въ свѣтло-коричневомъ фракѣ съ золотыми пуговицами, высокомъ жабо и бѣломъ пикейномъ жилетѣ, съ толстой цѣпочкой отъ часовъ, болтавшейся на замѣтно выдающемся брюшкѣ.

У мальчиковъ видъ былъ утомленный, имъ хотѣлось спать. Они знали, что имъ даже и подойти не дадутъ къ длинному роскошно сервированному столу въ парадной столовой съ хорами и уведутъ на верхъ въ дѣтскую, когда большіе сядутъ за столъ, но имъ приказано было дожидаться возвращенія отца, чтобы поздравить его съ праздникомъ, и они терпѣливо томились, сонными глазенками слѣдя за мелькавшими передъ ними розовыми, бѣлыми и голубыми платьями кузинъ и сверкающими эполетами и пуговицами кузеновъ.

Въ гостинной, гдѣ хозяйка дома, Марья Леонтьевна, сидѣла со старшими гостями, бесѣда носила интимный, непринужденный и слегка грубоватый характеръ, свойственный разговорамъ въ родственномъ кругу.

— Однако, Александра долго тамъ сегодня задерживаютъ,— замѣтилъ позѣвывая старикъ въ орденахъ, развалившійся въ креслѣ рядомъ съ баронессой Фреденборгъ, чопорной дамой, нарумяненной и набѣленной, съ крупными брильянтами въ ушахъ и на шеѣ.

— А вамъ передавали отзывъ государыни про голосъ вашей прелестной Марты, кузина?—обратилась она къ хозяйкѣ, сидѣвшей на длинномъ диванѣ, съ двумя почетными гостьями, графиней Павиной и старухой въ малиновомъ, бархатномъ токѣ, съ золотыми колосьями.

— Да, мы слышали отъ князя Голицына,—съ замѣтною сдержанностью отвѣчала Марья Леонтьевна.

Приказаніе мужа не допускать Фреденборговъ до предложенія пугаломъ вставало передъ нею каждый разъ, когда баронесса обращалась къ ней, и приводило ее въ неописанное смущеніе.

— Государь изволилъ сказать,—объявила съ торжественностью баронесса:—«голосъ у этой дѣвочки симпатичнѣе, чѣмъ у Семеновой».

— А слышали вы дочерей Сергѣя Ратморцева?—спросилъ старичокъ въ лентѣ и въ рыжемъ парикѣ, сидѣвшій съ дамой въ желтомъ атласномъ платьѣ, которую онъ звалъ ma nièce. — Онѣ поютъ, какъ ангелы, съ тѣхъ поръ, какъ имъ взяли другаго учителя,—прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана золотую табакерку съ женскимъ портретомъ, украшеннымъ жемчугомъ.

И, открывъ ее, онъ вынулъ деликатно двумя пальцами щепотку табаку, которую поднесъ къ носу длинному, тонкому и немного кривому.

— А правда это, что ихъ представляютъ ко двору нынѣшней весной?—спросила графиня.

— Какъ же, какъ же! Сергѣй мнѣ самъ говорилъ.

— Неужели? Но онѣ еще такъ молоды!

— Имъ минуло пятнадцать лѣтъ въ февралѣ.

— Всетаки рано.

— Императрица этого желаетъ. Она познакомилась съ Людмилой и съ ея дѣтьми за границей и очень ихъ обласкала...

— Во всякомъ случаѣ имъ ужъ теперь нельзя будетъ жить такими скрягами, какъ до сихъ поръ...

— Семнадцатаго сентября они даютъ балъ...

— Семнадцатаго сентября обѣ крошки Сергѣя именинницы,—добродушно улыбаясь, замѣтила толстая дама, молчавшая до сихъ поръ.

— А вѣдь онѣ обѣ чахоточныя,—объявила дама въ желтомъ.

— Откуда вы такой вздоръ слышали, племянница? — желчно огрызнулся на нее старикъ, котораго величали графомъ.

— Мнѣ самъ Арндтъ сказалъ.

— Оселъ твой Арндтъ, племянница.

— Но во всякомъ случаѣ грудь у нихъ слабая, и заставлять ихъ такъ много учиться, какъ ихъ заставляютъ, просто безбожно,—рѣшила баронесса, у которой вошло въ привычку, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ ея ухаживалъ за Мартой, подчеркивать свое нерасположеніе къ Ратморцевымъ.

По какой-то странной случайности выходило всегда такъ, что, когда родственники съѣзжались къ Воротынцевымъ, разговоръ непремѣнно заходилъ про тѣхъ именно людей, про которыхъ хозяевамъ даже и между собой вспоминать было непріятно.

Очень можетъ быть, что Марья Леонтьевна отчасти поэтому тяготилась этими фамильными сборищами. Съ той минуты, какъ гости ея напали на свою излюбленную тему, лице ея приняло еще болѣе холодное и скучающее выраженіе, и она совсѣмъ перестала принимать участіе въ разговорѣ.

Въ группѣ мужчинъ съ густыми эполетами, въ орденахъ и лентахъ, толковавшихъ въ противоположномъ концѣ гостиной о государственныхъ дѣлахъ, тоже имя Ратморцева упоминалось очень часто. А на маленькомъ диванѣ, обитомъ голубымъ штофомъ, какъ и вся мебель въ большой гостиной, двѣ дамы шептались между собою про Фреденборговъ и про шансы ихъ на успѣхъ въ затѣянномъ сватовствѣ.

— Никогда Александръ Васильевичъ не отдастъ за него Марты,—увѣряла одна:—никогда.

— Но почему же? Они богаты, Ипполиту предстоитъ блестящая карьера, нашъ посланникъ въ Англіи ему родной дядя; баронесса мнѣ говорила, что онъ беретъ его въ секретари. Чего имъ еще?

— Ахъ, Боже мой! точно вы дяденьки Александра Васильевича не знаете!

Кто его не зналъ! Про его чудачества и самодурство анекдоты ходили по городу. Теперь давно что-то про его исторіи съ женой перестали говорить, а раньше чего-чего про нихъ не разсказывали! Лѣтъ десять тому назадъ ходилъ по городу нелѣпый слухъ про капельмейстера, котораго Александръ Васильевичъ будто бы выбросилъ изъ окна мезонина, и будто бы этотъ несчастный ребра себѣ поломалъ при паденіи и вскорѣ умеръ. И всѣ этому слуху вѣрили: вотъ какая была репутація у Александра Васильевича. Приписывали этому случаю несчастные роды Марьи Леонтьевны; она будто бы такъ испугалась, когда узнала про исторію съ капельмейстеромъ, что родила до срока меньшаго своего мальчика и была долго больна.

Возлѣ хозяйки разговоръ снова вернулся къ голосу ея дочери.

— Мой Ипполитъ тоже поетъ,—объявила баронесса. — У него не большой, но очень пріятный теноръ, очень пріятный.

— Да иначе и быть не можетъ, вѣдь бабушка его съ материнской стороны была рожденная Воротынцева, а у всѣхъ Воротынцевыхъ хорошіе голоса и способности къ музыкѣ, — замѣтила графини Павина.

— Это, такъ сказать, нашъ фамильный атрибутъ, — подхватилъ ея сосѣдъ, толстый генералъ.

— Вмѣстѣ съ длинными носами,—вставилъ старичекъ въ парикѣ. — Я надняхъ говорю Ратморцеву: твои дочери прелестны, мой милый, настоящіе полевые цвѣточки, милы, свѣжи, граціозны и невинны, но въ нихъ ровно ничего нѣтъ Воротынцевскаго, ровно ничего.

— А глаза? У нихъ такіе чудные, черные глаза!

— Синіе, кузина, синіе. Они только вечеромъ кажутся черными, а днемъ совсѣмъ синіе.

— А какъ похожи одна на другую, удивительно! У Вѣрочки родинка на правой щекѣ, и только по этой родинкѣ я и отличаю ихъ одну отъ другой, честное слово.

— Людмила опять съ дѣтьми уѣзжаетъ за границу.

— Опять?!

— Да вѣдь дѣвочки здоровьемъ такъ слабы.

— Полноте, пожалуйста, это все выдумки Людмилы. Ей только за границей и хорошо, а въ Россіи все кажется скверно.

— У нихъ все этотъ Vaillant, а гувернантки до сихъ поръ нѣтъ.

— Ну, разумѣется,—иронически протянула дама въ малиновомъ

токѣ,—нельзя же имъ воспитывать дѣтей такъ, какъ всѣ воспитываютъ, непремѣнно надо отличиться чѣмъ нибудь.

«Господи! Что-жъ это Александръ Васильевичъ не ѣдетъ!»—съ тоской думала хозяйка, оглядываясь на дверь въ сосѣднюю комнату, изъ которой долженъ былъ явиться лакей съ докладомъ о томъ, что кушать подано.

Наконецъ, раздались знакомые шаги, и маленькій старичокъ‘ которому давно ужъ не сидѣлось на мѣстѣ, заглянувъ въ залу объявилъ, что Александръ Васильевичъ пріѣхалъ.

Марья Леонтьевна поспѣшно поднялась съ мѣста и пригласила гостей въ столовую.

— — - - - — -

Ужинъ былъ à la fourchette. Большая часть гостей, выпивъ чашку бульона и бокалъ шампанскаго, уѣхали домой.

За столомъ оставались одни мужчины да хозяйка съ баронессой. Проводивъ до дверей послѣдній транспортъ тетушекъ и кузинъ, Марта остановилась у окна, выходившаго въ садъ, и, спрятавшись наполовину за тяжелую штофную драпировку, смотрѣла на ужинающихъ.

Прямо противъ нея, между вазами съ цвѣтами и фруктами, на сверкающемъ фонѣ горки, стоявшей за его стуломъ, сплошь уставленной серебряной и золотой посудой, выдѣлялась характерная голова хозяина дома. Марта глазъ не могла оторвать отъ него.

— Отчего это отецъ сегодня не въ духѣ? — проговорила она вполголоса, какъ бы про себя и не оборачиваясь къ барону, который, замѣтивъ, что она одна, поспѣшилъ къ ней подойти.

Онъ выпучилъ отъ изумленія глаза.

— Развѣ дяденька не въ духѣ?

— Да неужели же вы не замѣчаете? Это въ глаза бросается. Графъ два раза спросилъ, когда ждутъ великаго князя изъ Варшавы, и онъ ничего ему не отвѣтилъ. Онъ, навѣрно, чѣмъ нибудь разстроенъ, навѣрное,—продолжала она съ возростающимъ одушевленіемъ.—Я всегда знаю, когда онъ чѣмъ нибудь разстроенъ, всегда. Я это чувствую, — прибавила она, понижая голосъ. — Maman, та никогда не догадывается, и когда ей нужно сказать ему что нибудь, она у меня спрашиваетъ: въ духѣ онъ, или нѣтъ? А мнѣ стоитъ только взглянуть на него, и я ужъ знаю.

И по мѣрѣ того, какъ она всматривалась въ знакомыя, дорогія черты, выраженіе ея лица мѣнялось, глаза заволакивались нѣжностью.

Баронъ съ страстнымъ умиленіемъ любовался ею.

Вотъ какой желалъ бы онъ ее всегда видѣть! Любящей, ласковой, покорной, а не гордой, насмѣшливой и капризной, какой она всегда была и съ нимъ, и со всѣми молодыми людьми, ухаживавшими за нею.

Сердце ея такъ размягчилось, что ее вдругъ потянуло къ откровенности, ей захотѣлось высказать то, что переполняло ей въ эту минуту душу, и, не оборачиваясь къ нему, не отрывая глазъ отъ отца, она стала думать вслухъ.

— Онъ меня любитъ... гораздо больше, чѣмъ показываетъ. Когда братья родились, я вообразила себѣ, что они сдѣлаются его любимцами, и возненавидѣла ихъ... О, какъ я страдала! Нѣтъ, никто даже и представить себѣ не можетъ, какъ я была несчастна! Долго не могла я успокоиться, до тѣхъ поръ, пока не убѣдилась, что меня онъ, всетаки, любитъ больше, чѣмъ ихъ.

— Вы ревнивы? C'est bon à savoir,—сказалъ съ загадочной улыбкой баронъ.

— Это никого не касается,—надменно объявила она.

— А, можетъ быть, и касается,—продолжалъ онъ въ томъ же тонѣ, съ смущенной улыбкой и мольбой во взглядѣ.

Мать запретила ему дѣлать формальное предложеніе прежде, чѣмъ она сама не переговоритъ съ Александромъ Васильевичемъ или съ Марьей Леонтьевной, но Марта была въ эту ночь такъ прелестна, что онъ не въ силахъ былъ утерпѣть, чтобъ не признаться ей въ любви.

Но въ эту минуту она менѣе, чѣмъ когда нибудь, расположена была выслушивать подобныя признанія.

— Нѣтъ, не касается,—повторила она съ раздраженіемъ.

И, не обращая вниманія на печальное недоумѣніе, выразившееся въ его глазахъ, она продолжала предаваться вслухъ своимъ размышленіямъ.

— Разумѣется, онъ любилъ бы меня еще больше, если-бъ я была мужчина, я бы тогда всю жизнь носила фамилію Воротынцевыхъ.

Тутъ баронъ опять не выдержалъ.

— Но вы можете промѣнять ее на такую, которая не хуже вашей,—сказалъ онъ, гордо выпрямляясь.

— Такой нѣтъ,—рѣзко отвѣчала она.—Онъ всегда со мной суровъ и даже подчасъ бываетъ жестокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ его обожать больше всѣхъ на свѣтѣ. И это всегда такъ будетъ,—прибавила она послѣ небольшаго раздумья.

Она была такъ прекрасна въ эту минуту, вся фигура ея дышала такой мечтательной граціей, въ глазахъ свѣтилась такая томная нѣжность, что баронъ сердиться не могъ.

— Больше всѣхъ на свѣтѣ?—повторилъ онъ, всматриваясь въ ея чудные глаза.—И неужели никогда не полюбите вы никого больше вашего отца? Даже вашего мужа?

Она съ усмѣшкой пожала плечами.

— Моему будущему мужу, кто бы онъ ни былъ, также далеко до моего отца, какъ... какъ мнѣ до этой звѣзды,—проговорила она,

протягивая руку къ небу, съ блѣднѣвшими въ занимавшейся зарѣ звѣздами.

Не въ первый разъ приходилось барону выслушивать такія горькія истины отъ Марты, не даромъ слыла она въ обществѣ чудачкой и фантазеркой, но, во-первыхъ, изъ такихъ экцентричныхъ дѣвушекъ часто выходятъ отличныя, скромныя и любящія женщины, во-вторыхъ, у нея были блестящія связи и на милліонъ приданаго, а, въ-третьихъ, она красавица, и онъ въ нее влюбленъ,— какъ же послѣ этого не относиться снисходительно къ ея дикимъ выходкамъ?

IV.

Въ людскихъ у Воротынцевыхъ тоже разговлялись.

Стряпуха Мавра, высокая, худощавая женщина лѣтъ сорока пяти, въ бѣломъ фартукѣ и бѣломъ платкѣ на головѣ, стояла пригорюнившись у притолки въ кухню и распухшими отъ слезъ глазами смотрѣла на трапезующихъ за длиннымъ столомъ, уставленнымъ жирными курами, гусями, свининой, бараниной, куличами и пасхами, жбанами съ квасомъ и брагой, лукошками съ красными яицами.

На столѣ горѣли сальныя свѣчи въ оловянныхъ и деревянныхъ подсвѣчникахъ, а вокругъ сидѣло человѣкъ тридцать мужчинъ и женщинъ въ праздничныхъ платьяхъ.

Дворня у Воротынцевыхъ была гораздо многочисленнѣе, но тѣ, что были заняты въ барскихъ покояхъ, должны были разгавливаться позже, когда они не нужны будутъ господамъ. Не было также тутъ и старшихъ слугъ съ семьями, которые жили въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ и вели свое хозяйство.

— Полно, тетка, кручиниться,—обратился форейторъ Кононъ къ стряпухѣ, утиравшей украдкой широкимъ бѣлымъ рукавомъ сарафана слезы, струившіяся по ея скорбному, прежде времени состарѣвшемуся, лицу.—Богъ дастъ, мимо пронесется гроза.

У Мавры слезы закапали чаще.

— Гдѣ ужъ! Быть мому Петенькѣ въ солд....

Она не договорила, залилась слезами и вышла въ кухню.

На почетномъ мѣстѣ за столомъ сидѣло человѣкъ пять-шесть кучеровъ тѣхъ господъ, что пріѣхали разговляться къ Воротынцевымъ.

Поручивъ лошадей форейторамъ, они приняли приглашеніе хозяйскаго кучера Степана, считавшагося старшимъ въ холостецкой людской, и разгавливались вмѣстѣ съ Воротынцевскими людьми.

— Да что у васъ тутъ за бѣда случилась? О чемъ это баба убивается?—спросилъ одинъ изъ гостей.

— Да вотъ залѣзъ какой-то въ бариновъ кабинетъ, пока господа у заутрени были, и оставилъ на бюрѣ письмо. А сына-то

сѣнаго, Петрушку, не такъ давно Михаилъ Ивановичъ въ младшіе камардины поставилъ, ну, значитъ, онъ и въ отвѣтѣ таперича, Петрушка-то, за то, что не доглядѣлъ.

— Баринъ сказалъ, что въ солдаты его отдастъ, если не узнаетъ, кто принесъ письмо.

— Такъ. Штука любопытная. Тутъ ужъ понятно, камардинъ въ отвѣтѣ, никто больше,—поглаживая бороду, объявилъ графскій кучеръ.—А только какъ это удалось чужому человѣку въ кабинетъ пробраться, ужъ истинно дивиться только надо,—прибавилъ онъ, веселыми глазами поглядывая на окружающихъ.

— Какой тамъ чужой! Просто изъ своихъ кто нибудь. Народу, то нешто мало у насъ тутъ, всѣмъ въ душу не влѣзешь,—замѣтилъ форейторъ.

— Вѣстимо, что свой, гдѣ ужъ чужому!—согласились съ нимъ и другіе.

— Я говорю, пусть покланяется, чтобъ сознался тотъ, кто подъ бѣду-то его подвелъ. Есть также и заговоръ на такихъ; къ гадалкѣ бы на Пески сходить, отлично, говорятъ, въ этихъ случаяхъ отгадываетъ?—робко вмѣшалась въ разговоръ одна изъ бабъ.

Мужчины только покосились на нее, но ничего не возражали.

— А не замѣтно, чтобъ при этомъ случаѣ стащено было что изъ кабинета-то? Примѣрно, изъ золотыхъ какихъ вещей, либо серебряныхъ,—полюбопытствовалъ одинъ изъ чужихъ кучеровъ.

— Михаилъ Ивановичъ смотрѣлъ, все на мѣстѣ, кажись. Развѣ потомъ что объявится, а теперича все цѣло, слава Богу.

— Если все цѣло, такъ баринъ, можетъ, и смилуется для праздника.

— Нѣтъ, нашъ не изъ таковскихъ, чтобъ слово свое рушить. Зря никогда ничего не скажетъ и грозить попусту у него не въ обычаѣ.

— Пересѣчь бы казачковъ, небось, сознались бы подъ розгами-то,—проворчалъ выѣздной, давно жившій на покоѣ, по болѣзни; онъ былъ въ чахоткѣ.

— Это точно. Не мѣшало бы также и дѣвчонокъ попужать. Намеднись у меня одна яблоко изъ буфета стащила. Зазѣвался минутку, а она, мухи бы ее съѣли, паскуду, прыгъ изъ угла, стибрила и убѣжала. Да еще хохочетъ, слышу, чертовка.

— И что за письмо за такое? Что въ немъ прописано?

— Да ужъ должно быть злокачественное что нибудь, когда баринъ изъ-за него такъ разгнѣвался.

— Можетъ, на бѣдность какой нибудь оголтѣлый проситъ.

— Зачѣмъ ему въ такомъ случаѣ тайность на себя напущать? Такія письма, что отъ бѣдныхъ, у насъ Михаилу Ивановичу препоручено получать и раздачи по нимъ производить, всѣмъ это из-

вѣстно. Нѣтъ, это не иначе, какъ съ доносомъ должно быть. Вотъ помяните мое слово, что съ доносомъ.

— Да на кого доносъ-то?

— Мало ли на кого! У насъ вотчинъ много, и вездѣ управители отъ барина понасажены, тоже и мучителевъ между ними не мало, ну, можетъ, кто и написалъ на нихъ доносъ.

— Очинно даже можетъ быть. У насъ тоже въ позапрошломъ году мужика одного управитель до смерти засѣкъ, такъ писарь на него доносъ графу написалъ...

Въ противоположномъ концѣ стола, двѣ бабы, судомойка съ коровницей, близко пригнувшись другъ къ другу, вели промежъ себя оживленную бесѣду шепотомъ, по временамъ подозрительно оглядываясь по сторонамъ, въ страхѣ, чтобъ кто нибудь ихъ не подслушалъ.

Онѣ были изъ одной деревни, ходу въ барскія комнаты имъ не было, и господъ своихъ имъ такъ рѣдко доводилось видѣть, что врядъ ли узнали бы они ихъ, если-бъ встрѣтились съ ними въ незнакомомъ мѣстѣ.

Этихъ двухъ таинственное происшествіе, волновавшее остальную дворню, не интересовало.

Обѣ были молоды, невзрачны изъ себя, но сильныя и коренастыя бабы, выносливыя и злы работать. Ихъ для того и выписали изъ родоваго имѣнія Воротыновки, чтобъ полы мыть, кухонное и людское бѣлье стирать, да за коровами ходить, и назначеніе свое онѣ исполняли какъ нельзя лучше, но во всемъ остальномъ, не взирая на трехлѣтнее пребываніе въ столицѣ, не совершенствовались; выражались помужицки и мысли имѣли самыя мужицкія. Изъ земляковъ и родичей, прибывшихъ сюда до нихъ, сошлись онѣ только съ дѣвчонкой Хонькой, взятой въ горницы на побѣгушки къ горничной барышни, Маринѣ Самсоновнѣ; изъ остальныхъ никто съ ними не хотѣлъ знаться: такъ грубы и глупы казались онѣ всѣмъ.

Но у Хоньки была мать въ Воротыновкѣ, которую она еще не успѣла забыть и о которой, когда ее ужъ очень шпыняла Марина Самсоновна, дѣвочка до отчаянности тосковала. Эти двѣ бабы знали ея мать, говорили ей про нее, и Хонька свела съ ними дружбу.

Одну изъ нихъ звали Марьей, другую — Василисой. Первая была вдова, и у нея осталось двое дѣтей у старой бабки въ Воротыновкѣ; у второй мужъ шестой годъ былъ въ бѣгахъ, и про него ходили слухи, будто онъ утонулъ въ рѣкѣ.

— Отпираться стала,— прошептала Василиса.

— Н-н-ну! Съ чаво-жъ это она?

— А вотъ поди-жъ ты!

— А ты ей сказывала, что узнала его?

— Сказывала; неправда, говоритъ, я вамъ это все наврала. Путаетъ, значитъ, таперича концы хоронитъ, спокаялась, что сказала.

— Да ты его и въ самдѣлѣ признала?

— Вотъ те крестъ! Съ нищими на паперти стоялъ.

— И видѣла, какъ онъ съ Хонькой говорилъ?

— Видѣла. Она этта ему грошъ подала, а онъ взялъ грошъ-то, да губами вотъ такъ. А какъ поднялъ на насъ глаза, я его и признала.

— Чудеса!

— Она, поди чай, ищо съ нимъ гдѣ видается, не на паперти только.

— Хонька-то? Да ужъ вѣстимо, что видается. Лепешки намеднись жрала, онъ ей, вѣрно, далъ.

— Крестный вѣдь онъ ей.

— Крестный.

— Эхъ, про моихъ про двухъ мальченочковъ у него бы разспросить!—вздохнула Василиса.

— А я что, кума, удумала, можетъ, и Василичъ мой здѣсь съ нимъ, кто знаетъ! — замѣтила Марья.

— Ну, Василичъ твой давно утопъ.

— Кто его душу знаетъ!

— Да ужъ утопъ, чего тутъ.

— А вѣдь Митька-то розыскать его хочетъ.

— Лексѣя-то?

— Его самого. Живъ, говоритъ, не буду, если не розыщу. Мнѣ, говоритъ, надо про дѣдку узнать. Кубышка у него съ деньгами зарыта была, я, говоритъ, знаю гдѣ. Добраться бы мнѣ только, кто да кто эфтой кубышкой попользовался, ужъ задалъ бы я той анаѳемѣ встряску. Все до копѣечки вырвалъ бы у него, потому послѣ дѣдки одинъ я наслѣдникъ.

— Поди, чай, управитель ужъ раньше до всего дошелъ.

— Митька говоритъ: я, говоритъ, Лексѣя подкараулю, когда онъ къ Хонькѣ придетъ, и допытаю его.

— Мнѣ бы только про моихъ мальченковъ узнать,—снова вздохнула Василиса.

— Да вотъ бѣда, Хонька запираться таперича зачала.

— И съ чего это она?

— Кто ее знаетъ! Спужалась, вѣрно.

— А онъ, Лексѣй-то, вотъ безстрашный-то!

— Онъ завсегда былъ такой. Мнѣ, говоритъ, что, мнѣ, говоритъ, и убѣчь не долго, если что. У меня, говоритъ, корешокъ такой имѣется...

Въ сѣнцахъ раздались торопливые шаги, и вбѣжалъ запыхавшись казачокъ.

— Графскіе уѣзжать сбираются, — объявилъ онъ.

Чужіе кучера поспѣшно поднялись изъ-за стола и, наскоро поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ за соль, побѣжали къ лошадямъ.

Минутъ пять спустя, стали долетать сюда зычные возгласы выѣздныхъ лакеевъ съ крыльца:

— Карету графини Павиной! Карету госпожи Обронцовой! Князя Молдавскаго! Баронессы Фреденборгъ! и другихъ. Загромыхали, покачиваясь на высокихъ, круглыхъ рессорахъ, огромныя колымаги, увѣшанныя кистями и бахромами, и начался разъѣздъ.

— Сбирай, Мавра, на другу смѣну,—закричалъ Ѳедотъ, заглянувъ въ кухню, на пути къ выходу изъ людской.

— У меня все готово,— отозвалась Мавра.

— Ставь на столъ, сейчасъ нагрянутъ.

Онъ прошелъ въ кучерскую, чтобъ завалиться спать на палатяхъ.

Послѣдовали и прочіе его примѣру. Въ людской осталась одна только Мавра да тѣ двѣ бабы, что вели промежъ себя бесѣду про таинственнаго Алексѣя.

— Вы что же, бабочки, спать-то не заваливаетесь?—обратилась къ нимъ Мавра, прибирая со стола блюда съ объѣдками и ставя на ихъ мѣсто свѣжія кушанья.

— Не хочется что-то, теинька,—отвѣчала Марья.—Сейчасъ день, коровушекъ надо идти доить.

— И то правда,—согласилась Мавра, ставя на столъ жбанъ съ пѣнящейся брагой.

— И чтой-то они такъ долго Хоньку разгавливаться не отпущаютъ,—сказала Василиса.

— Хоньку сюды не пустятъ,—замѣтила Мавра.—Имъ отнесено разгавливаться къ Анѳисѣ Петровнѣ. Такой приказъ отъ ключницы вышелъ, чтобъ дѣвчонокъ не пускать ночью въ людскую.

Съ этими словами она вышла въ кухню. Землячки печально переглянулись.

— Ничего, значитъ, сегодня не узнать, — сказала вполголоса Марья и встала изъ-за стола.

Василиса тоже поднялась съ мѣста.

— Уходите?—спросила Мавра, возвращаясь изъ кухни съ жаренымъ гусемъ на противнѣ.

— Уходимъ, чего тутъ околачиваться разговѣвшись-то.

Навстрѣчу имъ попалась веселая толпа молодежи, перебѣгавшая черезъ дворъ съ хохотомъ и шутками. Дѣвушки—все миловидныя (уродовъ и даже невзрачныхъ въ домъ къ господамъ не брали), въ розовыхъ и голубыхъ холстинковыхъ платьяхъ, съ поднятыми на гребенку лоснящимися отъ коровьяго масла косами, чистень-

кія, бѣленькія и здоровыя. Казачки и лакеи тоже всѣ до одного рослые и красивые, первые—въ черныхъ, суконныхъ казакинахъ съ красными нашивками на груди и красными кантами у воротника и обшлаговъ, вторые—въ ливрейныхъ фракахъ и кюлотахъ, въ бѣлыхъ жабо съ плойкой.

Вся компанія, весело болтая и хихикая, стала усаживаться за столъ.

— Всѣ, что ли, гости-то уѣхали? — спросила Мавра, ставя на столъ глиняное блюдо съ жареными курами.

— Всѣ, всѣ!—отвѣчало ей нѣсколько голосовъ заразъ.

— Петруша-то мой у барина вѣрно?

— Нѣтъ, баринъ съ Михаилъ Ивановичемъ пошли въ спальню... Да вотъ онъ, Петруша-то твой. Ты чего это, братъ, замѣшкался?

Отвѣта не послѣдовало, и вопрошающій не настаивалъ.

При появленіи Петрушки все смолкло. Смѣшки и шутки прекратились, лица вытянулись. Вспомнилась висѣвшая надъ головами гроза.

Не на одного Петрушку должна была она обрушиться, достанется и другимъ. Кому именно — неизвѣстно. И вотъ неизвѣстность-то эта всѣхъ и угнетала.

У Мавры снова подступили слезы къ горлу.

— Родимый!—прошептала она всхлипывая.

Петрушка былъ блѣденъ, и глаза у него были красны. Не разъ, видно, всплакнулъ онъ, упрашивая всякаго встрѣчнаго и поперечнаго сознаться въ преступленіи, за которое онъ долженъ былъ безвинно погибнуть.

— Что, паренекъ, ничего еще не узналъ? — спросилъ у него одинъ изъ товарищей.

Петруша молча махнулъ рукой, грохнулся на скамью въ концѣ стола и, облокотившись на столъ, опустилъ голову на руки.

— Эхъ, бѣда-то какая стряслась надъ тобой для праздника!— вздохнулъ другой лакей.

Стали ѣсть молча. Петруша ни до чего не притрогивался и каждый разъ, когда къ нему пригибалась мать, сурово отмахивался отъ ея ласкъ. Но она не переставала время отъ времени подходить къ нему, то по головѣ погладитъ его морщинистой, закорузлой и шершавой отъ возни съ дровами и кастрюлями рукой, то по плечу ласково потреплетъ.

И вдругъ онъ запустилъ себѣ пальцы въ густые, кудрявые волосы и громко зарыдалъ.

— Черти! Дьяволы! Подвели анаѳемы!—вскрикивалъ онъ сквозь слезы.—Подвели!

— Да, ужъ это точно, что изъ здѣшнихъ кто нибудь штуку эту спроворилъ,—замѣтилъ одинъ изъ лакеевъ.

— Михаилъ Ивановичъ что говоритъ?

— Онъ тоже такъ думаетъ, что чужому залѣзть въ кабинетъ никакъ не возможно.

— Да ужъ понятно.

— Можетъ, барыня?

— Нѣтъ, Лизавета Акимовна говоритъ: барыня больше двухъ недѣль ни отъ кого писемъ не получала,—поспѣшила заявить одна изъ горничныхъ.

— Да барыня никогда въ кабинетъ и не входятъ,—подхватила другая.

— А барышня, та бы безпремѣнно сказала,—прибавила третья.

— И что-жъ это, православные! Неужто-жъ никто за насъ, горемычныхъ, не вступится!—завопила Мавра.—Неужто-жъ на душу такой грѣхъ возьмутъ, безвинно человѣка погубятъ! Спокайтесь, православные, спокайтесь!—повторяла она въ изступленіи.

И, повалившись въ ноги къ сидѣвшему съ края выѣздному, она схватила его руки и цѣловала ихъ, обливаясь слезами.

— Что ты, тетка, встань, ништо сталъ бы я таиться, кабы зналъ что нибудь, чай, на мнѣ крестъ,—угрюмо говорилъ, вырывая у нея руки, высокій статный малый съ молодымъ, гладко выбритымъ лицомъ.

— Не въ чемъ намъ каяться,—отозвались и другіе.

Мавра медленно поднялась съ колѣней.

— Да вѣдь кто нибудь положилъ же письмо-то, — вымолвила она, не переставая всхлипывать.

— А кто-жъ его знаетъ, кто положилъ!

— Дѣвченокъ-то пыталъ, что ли?—обратилась Мавра къ сыну.

— Всѣхъ, всѣхъ пыталъ, у всѣхъ спрашивалъ.

— Ахъ, ты горе наше горькое!—снова завопила Мавра.

Ихъ перестали утѣшать. Всѣ такъ намаялись и проголодались, что заниматься чужимъ горемъ передъ столомъ, уставленнымъ вкусными праздничными яствами, никому не было охоты.

Между горничными, усѣвшимися кучкой въ концѣ стола, стали мало по малу завязываться разговоры о постороннихъ предметахъ. Разумѣется, имъ было жалко Петрушку: онъ былъ добрый, веселый, да и привыкли всѣ къ нему; его съ маткой привезли сюда совсѣмъ еще крошечнымъ ребенкомъ, онъ у всѣхъ здѣсь на глазахъ выросъ. Рожица у него была такая красивенькая и открытая, глазенки такіе шустрые, что его съ пяти лѣтъ взяли въ горницу. Господа къ нему благоволили; даже баринъ, ужъ на что грозный да взыскательный, и тотъ къ нему былъ всегда особенно милостивъ. Да ужъ чего больше, въ младшіе камердинеры его взялъ. И вдругъ такая страшная бѣда стряслась на голову несчастнаго парня! Любовишка у него было ужъ завязалась, на Лизаветку швею сталъ заглядываться. Михаилъ Иванычъ обѣ-

щалъ улучить удобную минуту, чтобъ барину доложить, загадывали по осени свадьбу сыграть, а замѣсто того...

Но у дѣвушекъ были и свои дѣлишки, кромѣ Петрушкиныхъ, и, погоревавъ объ его злой участи, онѣ стали перешептываться между собою про дѣвчонку Хоньку, которая съ нѣкоторыхъ поръ удивительныя выкидывала штуки. Отчаянная какая-то стала, куда бы ни послали ее—пропадетъ, по цѣлымъ часамъ виситъ на заборахъ, то на одномъ, то на другомъ, высматриваетъ все кого-то. Или за ворота выбѣжитъ да и глазѣетъ по сторонамъ. А дворовымъ дѣвкамъ у Воротынцевыхъ строго на строго было запрещено на улицу выбѣгать.

— И Боже сохрани, кто нибудь барину бы донесъ, что холопку его за воротами на улицѣ увидѣли! Что бы тутъ было, страсти!—разсуждали дѣвушки.

Но Хонька шалая какая-то стала. Отъ ѣды отбилась, мечется какъ угорѣлая и всѣмъ грубитъ.

— Всѣ яица, что ей пожаловала ключница, тутъ же и роздала. Не надо мнѣ, говоритъ, ничего.

— И колотушками пронять ее нельзя. Намеднись деретъ ее Афросинья Семеновна за вихры, во какихъ два пучка волосъ выдрала, а она хоть бы пискнула, ну, вотъ точно статуй какой безчувственный стоитъ да глазами хлопаетъ. Я говорю, вѣдь чашку-то не ты разбила. Ну, такъ что-жъ, говоритъ. Да ты бы сказала, говорю, тебя бить-то бы и не стали. Мнѣ все равно, говоритъ. Вѣдь вотъ какая отчаянная.

— И съ чего это на нее вдругъ нашло?

— А кто ее знаетъ!

V.

Раздѣвать себя въ ту ночь баринъ позвалъ не Петрушку, а Михаила Ивановича.

Проходя черезъ кабинетъ въ спальню, Александръ Васильевичъ остановился передъ бюро.

— Слышалъ ты про письмо, которое я нашелъ здѣсь, вернувшись отъ заутрени? — спросилъ онъ, указывая на то мѣсто, гдѣ лежало злополучное посланіе таинственнаго доброжелателя.

— Слышалъ-съ,—чуть слышно отвѣчалъ старшій камердинеръ, благообразный человѣкъ однихъ лѣтъ съ бариномъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ и тщательно расчесанными русыми бакенбардами.

Михаилъ Ивановичъ, Мишка, какъ продолжалъ называть его баринъ, не взирая на его степенный видъ и возростъ, былъ приставленъ къ Воротынцеву еще въ то время, когда они оба были дѣтьми, и съ тѣхъ поръ никогда съ нимъ не разставался.

Его снарядили съ молодымъ бариномъ изъ подмосковной въ село Воротыновку къ прабабкѣ Александра Васильевича, Маѳѣ Григорьевнѣ Воротынцевой; оттуда онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Петербургъ, гдѣ шестнадцатилѣтній Воротынцевъ поступилъ на службу. Онъ съ нимъ былъ и на войнѣ въ 12-мъ году, а пять лѣтъ спустя сопровождалъ его вторично въ село Воротыновку, доставшееся Александру Васильевичу послѣ смерти его прабабки.

А когда барину надоѣло жить въ деревнѣ, Михаилъ Ивановичъ, для всѣхъ тогда еще Мишка, уѣхалъ съ нимъ обратно въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ Александръ Васильевичъ женился на Марьѣ Леонтьевнѣ, княжнѣ Молдавской.

Всюду былъ Михаилъ Ивановичъ неразлученъ съ бариномъ и, должно быть, служилъ ему вѣрой и правдой, если судить по щедрымъ милостямъ, которыми былъ имъ осыпанъ.

Только вольной онъ ему не далъ, но за то и деревянный домъ со всей обстановкой пожаловалъ ему на Мѣщанской, и большое мѣсто для огорода въ Царскомъ Селѣ близь собственной дачи, и деньгами двѣ тысячи на свадьбу, когда онъ женился на крѣпостной же Воротынцева, одной изъ дворовыхъ дѣвушекъ, Маланьѣ. Молодымъ отвели помѣщеніе въ одномъ изъ флигелей, служившихъ въ былое время пристанищемъ для пріѣзжихъ изъ провинціи родственниковъ барина, а когда у нихъ родился сынъ, Ѳедоръ, баринъ самъ вызвался быть крестнымъ отцомъ и вмѣстѣ съ десятью червонцами въ кошелькѣ положилъ подъ подушку родильницы вольную на имя новорожденнаго.

Для втораго ребенка Михаила Ивановича, Фленушки, баринъ оказалъ ту же милость. А затѣмъ, когда дѣти стали подростать и жена Михаила Ивановича пожелала жить барыней въ своемъ собственномъ домѣ и дѣтей, какъ вольныхъ, воспитывать побарски, ко всеобщему удивленію, баринъ и на эту затѣю согласился.

Надо и то сказать, что, если Михаилъ Ивановичъ былъ необходимъ Александру Васильевичу какъ камердинеръ и довѣренное лицо, жена его Маланья Тимоѳеевна жила въ господскомъ домѣ не при чемъ, такъ что тутъ ли она, или нѣтъ, господамъ было рѣшительно все равно.

Барыня не взлюбила ли ея, или у барина были особенныя причины ни къ чему ея не допускать, такъ или иначе, но всѣ пять лѣтъ, что она прожила въ господскомъ домѣ, сдѣлавшись женой баринова камердинера, въ отдѣльномъ флигелѣ и съ двумя дѣвками для услугъ, Маланьи Тимоѳеевны ни разу не позвали въ барскія хоромы. И, по желанію ли господъ, или по собственному своему капризу, ни съ кѣмъ изъ остальныхъ людей она не якшалась, а жила съ дѣтьми особнякомъ и совершенной затворницей.

Баринъ безъ малѣйшаго затрудненія разрѣшилъ ей жить съ дѣтьми, гдѣ она хочетъ, и заниматься, чѣмъ она пожелаетъ, съ

тѣмъ, однако, условіемъ, чтобъ она не являлась въ домъ, гдѣ мужъ ея долженъ былъ оставаться на службѣ и въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ онъ находился до женитьбы.

И вотъ съ тѣхъ поръ ужъ пятнадцатый годъ, какъ Михаилъ Ивановичъ живетъ на два дома — у барина на Мойкѣ и на Мѣщанской въ семьѣ.

Здѣсь онъ бываетъ не часто, но его всегда встрѣчаютъ съ любовью и почетомъ. Сынъ—ученикъ театральнаго училища, дочь — настоящая барышня, пофранцузски говорила и на клавесинѣ играла, а жена Маланья Тимоѳеевна въ шелковыхъ платьяхъ ходила, шляпки носила, держала прислугъ изъ отпущенныхъ по оброку крѣпостныхъ и водила знакомства съ семействами приказныхъ, полицейскихъ и придворныхъ нижнихъ чиновъ, гоффурьеровъ, камерлакеевъ и камерюнгферъ.

Семейные Михаила Ивановича тщательно скрывали его настоящее положеніе. Знакомымъ ихъ и въ голову не приходило, что и онъ, и жена его крѣпостные люди Воротынцевыхъ; про него думали, что онъ занимается дѣлами этого вельможи и служитъ у него за крупное жалованье управителемъ или секретаремъ, чѣмъ-то въ этомъ родѣ, а ужъ никакъ не камердинеромъ.

Если-бъ кто нибудь разсказалъ этимъ наивнымъ людямъ, какъ Воротынцевъ обращается съ Михаиломъ Иванычемъ и какъ Михаилъ Ивановичъ дрожитъ передъ бариномъ, когда этотъ послѣдній не въ духѣ, никто бы этому не повѣрилъ: такъ важно и съ такимъ достоинствомъ держитъ онъ себя въ своемъ домѣ, на Мѣщанской.

Въ ту достопамятную ночь Михаилъ Ивановичъ особенно сильно трусилъ. Отъ страха его била лихорадка, когда Александръ Васильевичъ прижималъ пружинку потайнаго ящика и вынималъ изъ него таинственное письмо.

— Вотъ прочти на просторѣ,— проговорилъ баринъ, протягивая ему злополучное посланіе.— Петрушкѣ даю два дня сроку. Если въ понедѣльникъ къ вечеру мнѣ не будетъ доложено, кто изъ людей осмѣлился войти сюда и положить это письмо на бюро, Петрушку въ солдаты,—прибавилъ онъ, возвышая голосъ и злобно отчеканивая слова.

А затѣмъ, запирая бюро, онъ продолжалъ съ возростающимъ гнѣвомъ:

— Надо допросить того мерзавца, который осмѣлился моихъ холоповъ подкупить, понимаешь?

— Понимаю-съ, — дрожащими губами пролепеталъ Михаилъ Ивановичъ.

Ни слова больше не было произнесено между нимъ и бариномъ.

Молча раздѣлся Александръ Васильевичъ, молча снялъ съ него

камердинеръ башмаки съ пряжками и чулки. Молча зажегъ Михаилъ Ивановичъ восковую свѣчу съ зеленымъ тафтянымъ абажуромъ на столикѣ у оправленной постели и, погасивъ свѣчи, горѣвшія въ бронзовыхъ бра на стѣнѣ, тихо ступая по мягкому ковру, вышелъ изъ спальни, притворивъ за собою дверь.

Въ ту ночь Михаилъ Ивановичъ совсѣмъ не ложился.

Прочитавъ письмо, переданное ему бариномъ, онъ накинулъ на себя шинель, нахлобучилъ картузъ на лобъ, вышелъ на улицу и, сѣвъ на первую попавшуюся гитару, приказалъ извозчику везти его на Мѣщанскую.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КУМА.

Неизданная поэма изъ волжскихъ преданій,

Д. Н. Садовникова.

ПРЕДИСЛОВІИ къ «Исторія новѣйшей русской литературы» А. М. Скабичевскаго говорится, между прочимъ, что «авторъ старался по возможности представить характеристики всѣхъ мало-мальски выдающихся литературныхъ дѣятелей, но, конечно, не могъ избѣгнуть кое-какихъ пробѣловъ»... Затѣмъ говорится, что подобные пробѣлы онъ обѣщаетъ загладить въ слѣдующихъ изданіяхъ своей книги и т. д.

Къ этимъ пробѣламъ, допущеннымъ въ книгѣ г. Скабичевскаго, несомнѣнно принадлежитъ и отсутствіе въ ней имени Дмитрія Николаевича Садовникова, талантливаго поэта и неутомимаго собирателя матеріаловъ просто народнаго творчества,—поэта, оставившаго и за кратковременный періодъ своей дѣятельности довольно замѣтный слѣдъ въ нашей новѣйшей литературѣ.

Предлагая вниманію читателей «Историческаго Вѣстника» (въ которомъ покойный принималъ участіе своими историко-литературными замѣтками) посмертную поэму Дмитрія Николаевича, мы считаемъ нелишнимъ предпослать ей нѣсколько страницъ съ цѣлью выясненія личности поэта въ глазахъ не знавшихъ или забывшихъ его читателей. Пользуясь самымъ скуднымъ запасомъ біографическихъ и библіографическихъ данныхъ, мы здѣсь не можемъ сказать многаго какъ о самомъ Д. Н. Садовниковѣ, такъ и о послѣдовательномъ развитіи его литературной дѣятельности. Родился онъ 25 апрѣля 1847 года въ г. Симбирскѣ, въ старо-дворянской семьѣ, обучался въ Симбирской классической гимназіи, и хотя по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ курса не кончилъ, но, всю жизнь продолжая саморазвитіе, былъ человѣкомъ разносторонне образованнымъ, прекрасно владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, такъ что въ подлинникѣ изучилъ корифеевъ европейской литературы. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ непреодолимое тяготѣніе къ народу; какъ

истый волжанинъ, онъ полюбилъ Волгу и родное Поволжье, объѣздилъ и даже обошелъ его вдоль и поперекъ, узнавая народъ и его жизнь путемъ личнаго, непосредственнаго общенія съ нимъ. Благодаря этому, онъ и обогатилъ отечественную этнографію цѣннымъ вкладомъ собранныхъ и на мѣстѣ записанныхъ преданій и образцовъ простонароднаго творчества; при этомъ самъ, невольно поддавшись неотразимому обаянію этого творчества, онъ и въ своихъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ придерживался народнаго колорита и міросозерцанія.

О личной, семейной жизни Дмитрія Николаевича мы распространяться не вправѣ, а потому скажемъ только, что умеръ онъ, оставивъ послѣ себя троихъ сиротъ-дѣтей, изъ которыхъ только двое (дочь и сынъ) живы теперь и живутъ въ Симбирскѣ на попеченіи достойной всякаго уваженія родной тетки Садовникова, Юліи Ивановны Полянской.

Когда именно началъ печататься Д. Н. Садовниковъ, мы достовѣрно не знаемъ, но можемъ только указать 1874 годъ, какъ годъ уже его литературной дѣятельности, такъ какъ этимъ годомъ помѣчена книжка его этнографическо-историческихъ очерковъ «Наши землепроходцы» (разсказы о заселеніи Сибири), изданная въ Москвѣ редакціей народнаго журнала «Грамотей»... Въ 1876 г. (II, VI кн.), а также и въ слѣдующемъ 1877 г. (апрѣль) цѣлый рядъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній его появляется на страницахъ «Вѣстника Европы». Затѣмъ, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ печатается не мало крупныхъ и мелкихъ стихотвореній Дмитрія Николаевича въ «Пчелѣ» (М. Микѣшина), «Огонькѣ» (Гоппе), «Дѣлѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Словѣ», «Отечественн. Запискахъ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Игрушечкѣ», «Волжскомъ Вѣстникѣ», «Дѣтскомъ Чтеніи», «Будильникѣ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ 1881 (октябрь), 1882 (январь и мартъ) и 1883 (январь) годахъ, однѣми изъ лучшихъ вещей Садовникова украсились книжки «Русской Мысли»... Но всѣмъ этимъ еще далеко не исчерпывается участіе Дмитрія Николаевича въ литературѣ. Такъ онъ перевелъ выдающіяся произведенія многихъ иностранныхъ поэтовъ, выпустилъ цѣлый сборникъ, переведенныхъ прекраснымъ бѣлымъ стихомъ, въ духѣ и размѣрѣ подлинника, норвежскихъ и датскихъ сказокъ, издалъ «Загадки русскаго народа», объемистый томъ систематически-подобраннаго сыраго матеріала, подготовилъ къ печати новый трудъ этнографическаго характера (вышедшій уже послѣ смерти его въ изданіи Имп. географическ. общества, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова) «Сказки и преданія Самарскаго края» и умеръ, въ полномъ смыслѣ этого слова, съ перомъ въ рукахъ, за послѣднее время жизни написавъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ критическихъ этюдовъ по русской поэзіи, этюдовъ, обратившихъ на журналъ «Искусство», гдѣ они печатались (подъ псевдонимомъ «Д. Волжановъ»), общее вниманіе.

19-го декабря 1883 года, тѣсный, но довольно обширный кружокъ друзей и знакомыхъ похоронилъ Дмитрія Николаевича въ Петербургѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

По отзывамъ всѣхъ, знавшихъ покойнаго, это была идеально-благородная личность, беззавѣтно и безкорыстно отдававшаяся съ чисто юношескимъ увлеченіемъ всему свѣтлому и хорошему... Обаяніе личности Дмитрія Николаевича Садовникова усугублялось еще, конечно, и его оригинальнымъ, свѣжимъ, чуждымъ всякаго шаблона, поэтическимъ талантомъ...

— Да, это былъ истинный поэтъ! Это — была чудная личность!.. — вотъ общій отголосокъ всѣхъ мнѣній лицъ, близко знавшихъ Садовникова; а между тѣмъ память объ этой «чудной личности» почти уже успѣла изгладиться, а изданіе его стихотвореній и до сихъ поръ не вышло, хотя прошло уже со дня смерти Дмитрія Николаевича больше восьми лѣтъ. Это послѣднее обстоятельство несомнѣнно помогло русскому забывчивому читателю забыть

даже, можетъ быть, и самое имя поэта, когда-то привлекавшаго его симпатіи своими поэмами былиннаго склада, опоэтизированными волжскими преданіями, музыкальными сонетами и замѣчательными по своей изящной простотѣ степными и волжскими пейзажами... «Исторія» литературы, хотя бы въ лицѣ того же А. М. Скабичевскаго, обошла это имя полнымъ молчаніемъ, а между тѣмъ не всѣ представители критики были такъ глухи къ его вдохновенному голосу...

Димитрій Николаевичъ Садовниковъ.

Такъ, напримѣръ, передъ пишущимъ эти строки лежитъ книга В. В. Чуйко «Современная русская поэзія въ ея представителяхъ» (Спб., 1885), въ которой Д. Н. Садовникову посвящена цѣлая глава...

«Не прошло еще и года, съ тѣхъ поръ, какъ мы хоронили молодаго поэта, уносившаго съ собою въ могилу огромные задатки поэтическаго дара, хотя и не вполнѣ еще расцвѣтшаго, но уже проявившагося въ прекрасныхъ формахъ, — говоритъ г. Чуйко... Свои стихотворенія, прекрасно законченныя, съ любовью обработанныя, онъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ... Масса публики мало была знакома съ его именемъ, но любители поэзіи его замѣтили... Онъ успѣлъ составить себѣ почетную извѣстность среди литературныхъ кружковъ Петербурга и Москвы, гдѣ его привыкли

уже цѣнить и уважать... Народъ онъ зналъ прекрасно... Этическій строй народной поэзіи, ея сильныя краски, непосредственность, какая-то инстинктивная мощь и сила,—все это находило въ Садовниковѣ звучный откликъ... Садовниковъ былъ оригиналенъ даже тамъ, гдѣ обычныя, установившіяся формы заставляютъ держаться опредѣленнаго тона... Приходится жалѣть, что смерть похитила у насъ молодаго поэта съ крупными задатками настоящаго поэтическаго таланта, который, казалось, способенъ былъ воскресить лучшія традиціи русской поэзіи»...

Г. Чуйко не впадаетъ въ преувеличенія... Чѣмъ-то освѣжающимъ, самобытно-художественнымъ вѣетъ при чтеніи такого, напримѣръ, отрывка изъ одной волжской поэмы Садовникова («Полонянка»):

— «Зеленыя горы!.. Здѣсь каждый бугоръ
«Особое носитъ названье;
«Глухіе овраги, расщелины норъ
«Хранятъ у себя съ незапамятныхъ поръ
«Поросшее мохомъ преданье...
«Среди этихъ темнозеленыхъ холмовъ
«Сказанія мѣстнаго слова
«Какъ крикъ выплывающихъ въ небо орловъ,
«Какъ шумъ отдаленный сосновыхъ лѣсовъ,—
«И дико, и вмѣстѣ сурово...
«Вотъ Дѣвьей Горы опустилась пята
«И моется въ зыби разлива;
«А выше, надъ каменной гранью хребта,
«Чернѣютъ, какъ точки, одни беркута
«И шепчетъ сосновая грива»...

Какая оригинальная характеристика изустнаго народнаго творчества («сказанія мѣстнаго слова»), какіе чудные образы, богатство созвучій!.. И все это получаетъ еще большую цѣнность, если мы скажемъ, что за этимъ слѣдуетъ замѣчательно-поэтическая легенда, связанная съ прошлымъ Волги, легенда, слышанная Дмитріемъ Николаевичемъ непосредственно изъ устъ народа... А сколько неотразимой прелести въ такой, напримѣръ, картинкѣ, взятой изъ его большой сказки «Попутный вѣтеръ» («Вѣстн. Европы», 1876 II):

— «Ясный день глядится въ воды,
«Неба ровная лазурь
«Не пророчитъ близкихъ бурь
«Перемѣнчивой погоды...
«Вонъ лебедокъ бѣлыхъ стая
«На рѣкѣ разбила станъ,—
«Бѣлогрудый караванъ
«Дремлетъ, вѣтра поджидая»...

Только изъ устъ настоящаго поэта могла вырваться слѣдующая строфа (въ той же сказкѣ):

— «Тронься, вѣтеръ ты низовый!
«Полно, будетъ отдыхать!...
«Тучей темною свинцовой
«Принакрой ты Волгу-мать;
«Разведи рѣчную воду,
«Бѣляки сѣдые вспѣнь,
«Дай попутную погоду,
«Отряхни скорѣе лѣнь!...
«Что гуляешь безъ заботы,
«Или волюшка мила?
«Позабылъ свои полёты
«Темнокрылаго орла?!»... и т. д.

Только поэту, понимающему «говоръ природы», могла навѣяться и такая простая, но много говорящая сердцу картина:

— «Вотъ она, родная степь,
«Проглянула изъ тумановъ,
«И синѣющихъ кургановъ
«Обозначилася цѣпь...
«Встрѣчу мнѣ бѣжитъ ковыль
«Серебристыми волнами,
«Позади ложится пыль
«Сѣроватыми клубами...
«Надо мной сквознымъ узоромъ,
«Тучекъ движется гурьба,
«И повисли ястреба,
«Сторожа добычу взоромъ...
«Ширь степная раздалась:
«Ни лѣсовъ, ни горъ высокихъ,
«И подолгу ищетъ взоръ
«Деревенекъ одинокихъ!...
. . . .
«Ночью прелесть этихъ мѣстъ
«Легкой дымкою одѣта,
«Смѣсь тѣней и полусвѣта
«Отъ горящихъ въ небѣ звѣздъ...
«Незамѣтно и согласно
«Все въ одинъ слилося тонъ,
«Даль и темный небосклонъ;
«А вверху лазурно, ясно...
«Чуть колеблетъ свѣтъ луны
«На себѣ степныя воды,
«И святой покой природы
«Посылаетъ въ душу сны»...
(«Вѣстн. Евр.», 1877 г., IV).

Сколько мягкаго, женственно-граціознаго чувства въ слѣдующихъ, посвященныхъ дочери-ребенку (О. Д. С—ковой), строфахъ: «Посмотри, какъ много свѣта, какъ лазурь ясна... Къ намъ идетъ предтеча лѣта—юная весна... Подъ живящими лучами вешней теплоты рыхлый снѣгъ бѣжитъ ручьями, искрятся цвѣты, дѣти ласки и ухода, полнаго любви; ихъ даритъ тебѣ природа,—подойди, сорви!... Посмотри: зазеленѣли и зовутъ лѣса; въ нихъ запѣли-зазвенѣли птичьи голоса... Если къ пѣснямъ слухъ твой чутокъ, перейми одну: мать-природа для малютокъ создала весну. Бѣгай, крошка, беззаботно,—пусть въ груди твоей птичка бьется неотлётно, сердце-соловей!»... и т. д.

Какъ рѣзокъ переходъ отъ этой кроткой, женственной поэзіи къ такимъ, напримѣръ, металлически-звенящимъ строфамъ (изъ стихотв. «Сонъ»):

— «Виднѣлись скалъ причудливыя кручи,
«Ряды вершинъ, обглоданныхъ вѣками;
«Кругомъ песокъ подвижный и сыпучій,
«По прихоти взметаемый вѣтрами...
«Далекихъ горъ рѣзное очертанье
«Широкою каймою озарило
«Какое-то волшебное сіянье...
«И мысль вела невѣдомая сила...
. . . .
«И видѣлъ я, что къ отдаленной цѣли
«Насъ много шло: людскихъ тѣней не мало
«Мои глаза во мракѣ разглядѣли,
«И шумъ походки ухо различало...
«Мелькали всюду люди, привидѣнья,
«По сторонамъ; посереди дороги
«Передвигались торопливо ноги,
«Слегка шурша о мелкіе каменья...
«Такъ за волною, на морскомъ просторѣ,

«Во слѣдъ волна тревожная несется,
«Взбѣжитъ на берегъ, тихо разольется
«И межъ камней, журча, стекаетъ въ море.
— «Остановись!»—послышался мнѣ голосъ:—
«Иди назадъ: усилья безполезны!»...
«И у меня поднялся дыбомъ волосъ:
«Я на краю стоялъ отверстой бездны...
«Смѣнила страхъ боязнь иного рода,
«Она была сильнѣе и острѣе...
«Гдѣ перейти? И въ безднѣ, не робѣя,
«Мои глаза искали перехода...
«Онъ узокъ былъ, какъ лезвіе кинжала,
«Какъ мечъ, ведущій къ раю Магомета;
«Но истины желанье, жажда свѣта
«Меня впередъ все также увлекала...
«И я ступилъ не робкою ногою
«На этотъ путь къ источнику сіянья...
«Земля изъ глазъ исчезла подо мною,
«Но ожили о ней воспоминанья...
«Мнѣ память все былое воскресила...
«Такъ прошлаго страшна была утрата,
«Что я, въ виду желаннаго свѣтила,
«Вновь захотѣлъ свободы и возврата...
«Въ едва сквозящей полусвѣтомъ дали,
«Предъ взоромъ, отуманеннымъ тоскою,
«Какъ гребни пѣны надъ волной морскою,
«Знакомые мнѣ образы взбѣгали...
«Какъ облака, смѣнялися видѣнья,
«Молящія протягивались руки...
«Мнѣ слышались призывныя моленья;
«Мнѣ раздирали сердце эти звуки...
— «Не любишь ты!»—шепталъ мнѣ голосъ милый,
«И сердце вслѣдъ мнѣ говорило:
«Вернись назадъ, люби съ былою силой,
«Зачѣмъ тебѣ блестящая могила?!»
«Въ отчаяньѣ назадъ я оглянулся,
«Но прежній путь уже объяла бездна,
«И, огласивши воплемъ безполезно
«Пустынный міръ, я въ ужасѣ проснулся»...

Нельзя не согласиться вполнѣ со словами г. Чуйко, отозвавшагося объ этомъ стихотвореніи такъ: «Вся картина, какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, безподобна; въ ней видѣнъ крупный, энергическій талантъ, не удовлетворяющійся мелкою ходячею монетой нашего современнаго поэтическаго вдохновенья; она обнаруживаетъ въ поэтѣ энергію мысли и чувства, которая какъ бы сдѣлалась анахронизмомъ въ наше время... Въ упрекъ поэту можно только поставить двѣ послѣднія строфы, не вполнѣ гармонирующія съ торжественно-объективнымъ тономъ «Сна»...(«Совр. русск. поэзія», стр. 151).

А кому изъ присутствовавшихъ на московскомъ торжествѣ «Пушкинскаго праздника», въ 1880 году, не памятно прочтенное и неоднократно повторенное по требованію публики Н. П. Аксаковымъ, бывшимъ въ то время секретаремъ «Общ. любит. росс. слов.», слѣдующее присланное изъ Симбирска Садовниковымъ стихотвореніе:

— «Въ отрадный мигъ желаннаго рожденья
«Все, что въ наслѣдство передалъ апрѣль,
«Душистый даръ послѣдняго цвѣтенья
«Тебѣ весна кидала въ колыбель...
«Май отцвѣталъ и шелъ навстрѣчу лѣта;
«И думалъ онъ, переходя ко сну:

«Я встрѣтилъ день рожденія поэта —
«Онъ воскреситъ умершую весну!»...
«Ты оправдалъ святыя упованья:
«Заслыша пѣсни первыя твои,
«Въ усталомъ сердцѣ ожили желанья,
«Въ нѣмомъ лѣсу проснулись соловьи...
«Любили мы, но спорною любовью!...
«Давно-ль у насъ топтали твой вѣнокъ?
«Но ты простишь минутному злословью,
«Прекраснаго созданіемъ высокъ...
«Простишь намъ то, что рѣчь, тебѣ родная,
«Вплела шипы въ цвѣтущій твой вѣнецъ...
«Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ мая
«Твой день привѣтствовать, пѣвецъ!...
«И въ честь тебя, поэта-чародѣя,
«Пѣвца живой любви и красоты,
«Весна, какъ встарь, бросаетъ, не жалѣя,
«Къ твоимъ ногамъ послѣдніе цвѣты!»...

И здѣсь опять, какъ и въ большинствѣ оригинальныхъ стихотвореній Садовникова, мысль поэтическая и граціозная выразилась въ спокойно-эпическомъ тонѣ, который былъ болѣе всего присущъ симпатичному дарованію покойнаго поэта [1]... Приводенные здѣсь отрывки и стихотворенія Д. Н—ча не могутъ еще назваться лучшими его строфами,—мы не имѣли возможности познакомить читателей ни съ пѣснями о Стенькѣ Разинѣ, ни съ «Усо̀лкой», за неимѣніемъ подъ руками тѣхъ журналовъ, гдѣ были онѣ напечатаны... Много нашлось бы прелестныхъ вещей у этого безвременно умершаго и еще болѣе безвременно забытаго, самобытнаго русскаго пѣвца!... И все это, разбросанное по старымъ книжкамъ и нумерамъ ежемѣсячныхъ журналовъ,

---

[1]) Не лишены нѣкотораго значенія для характеристики Садовникова и два слѣдующіеся отрывка изъ его стихотвореній, показывающіе, какъ именно смотрѣлъ онъ на призваніе и личность поэта:—«...въ строѣ твоихъ пѣснопѣній, скажи мнѣ по правдѣ, поэтъ, смѣняютъ тяжелыя тучи сомнѣній мечтаній заоблачныхъ свѣтъ... Уноситъ всѣ грезы и сны золотые богатый сознаніемъ умъ, и чувство любви заслоняютъ впервые толпы угнетающихъ думъ... Ты видишь вездѣ столько пошлаго, злого и столько неправды кругомъ,—срывается съ устъ твоихъ молнія-слово, угрозы доносится громъ... Въ душѣ нераздѣльны въ такія мгновенья отчаянье, злоба и гнѣвъ,—ты къ роду людскому питаешь презрѣнье, на сердцѣ любовь отогрѣвъ... Но гнѣвъ отошелъ, и иное понятно: стихаетъ волненье въ крови, и бывшихъ враговъ ты кропишь благодатно дождемъ животворной любви!...» ...«Я не рожденъ для злобы дня, для битвы долгой и упорной, и съ суетой своею вздорно̀й такая жизнь не для меня!... И вотъ въ надзвѣздные края, въ пространство свѣтлаго эфира, за грани видимаго міра душа уносится моя... Какъ хорошо, привольно тамъ въ безбрежномъ исчезать просторѣ, отъ сна перелетать ко снамъ, позабывать земное горе!... Что-жъ, сердце, на призывъ мечты, летящей всюду беззаботно, не скоро поддаешься ты?—Нѣтъ, сердце, ты не перелетно!... И въ этомъ сумракѣ земномъ все бьешься старою любовью, людскою обливаясь кровью, о прошломъ помнишь и родномъ! Въ порывѣ бури грозовой опавшій листъ мелькаетъ, тонетъ; а дубъ, склоняясь головой, отъ бурнаго налета стонетъ, какъ бы вздыхаетъ, глубоко̀ надъ облетѣвшими листами, ушедши въ землю далеко̀ своими цѣпкими корнями»... Когда Садовниковъ отрѣшался отъ эпоса и переходилъ къ лирикѣ,—то съ его устъ дѣйствительно нерѣдко срывалось «молнія-слово», но «громъ угрозы» также смѣнялся «дождемъ животворной любви»... Сердце же его было, дѣйствительно, «не перелетно», а умѣло любить, чувствовать и понимать глубоко, всецѣло отдаваясь тому, къ чему тяготѣла душа поэта.

иллюстрацій и газетъ (включая сюда и провинціальныя, волжскія), остается почти совершенно незнакомымъ современному читателю... Если бы нашлись средства и энергичные люди для отдѣльнаго изданія стихотвореній Д. Н—ча, то, по всей вѣроятности, и имя его не оставалось бы въ такой незаслуженно-обидной «тѣни»...

Въ заключеніе этой замѣтки скажемъ еще нѣсколько словъ о посмертной поэмѣ Садовникова, предлагаемой читателямъ. Прочтя ее болѣе или менѣе внимательно, нельзя не замѣтить, что въ ней, при ея довольно обширномъ объемѣ, нѣтъ ни одной глагольной рифмы, что̀ сразу обличаетъ уже въ авторѣ ея большаго мастера стиха̀... Затѣмъ также нельзя не замѣтить, при всѣхъ ея шероховатостяхъ и неровностяхъ, ни своеобразной музыки созвучій, ни оригинальной красоты образовъ, ни неотразимой прелести нѣкоторыхъ мѣстъ... Конечно, если бы по рукописи этой поэмы, принадлежащей къ излюбленному Садовниковымъ циклу «волжскихъ преданій», прошлась хоть еще разъ рука ея автора, то она была бы совершенно чужда тѣхъ бросающихся въ глаза недостатковъ (особенно въ срединѣ и концѣ поэмы), которые едва не сводятъ ея къ «черновымъ наброскамъ», интереснымъ почти только какъ историко-литературный матеріалъ... Написавъ ее въ послѣдній свой пріѣздъ въ Симбирскъ (куда онъ наѣзжалъ почти каждое лѣто), Дм. Никол. Садовниковъ, возвращаясь въ Петербургъ, оставилъ рукопись у родныхъ, думая, конечно, взяться за окончательную обработку ея впослѣдствіи, но вторично перечитать ее ему уже не пришлось...

Кромѣ «Кумы», у родныхъ Дм. Н—ча остались ненапечатанными еще нѣсколько мелкихъ, отрывочно-записанныхъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, изъ которыхъ иныя могли бы, безъ всякой дополнительной отдѣлки, быть напечатаны даже самимъ взыскательно-строгимъ къ себѣ покойнымъ авторомъ, съ такой любовью работавшимъ надъ каждой своей вещицей... Вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени, этимъ наброскамъ и отрывкамъ придется увидѣть свѣтъ въ какомъ либо изъ обще-литературныхъ журналовъ, что, конечно, заставитъ вспомнить нѣкоторыхъ забывчивыхъ друзей и читателей о Садовниковѣ...

Миръ его праху, но не миръ его прекраснымъ, выливавшимся изъ прекраснаго, богато-одареннаго сердца, истинно-поэтическимъ произведеніямъ.

Апол. Коринфскій.

Кума.

I.

Всплываетъ мѣсяцъ и горитъ
На высотахъ Кремлевскихъ башенъ...
Весь Нижній спитъ глубокимъ сномъ,
Вездѣ огонь давно погашенъ;
Лишь воеводѣ одному
Въ тотъ часъ не спится на постели,—
Мечты грѣховныя его
Въ опочивальнѣ одолѣли...
Онъ радъ бы спать, да сонъ нейдетъ;
Нѣтъ, не даетъ ему покою
«Кума», красавица вдова,

На перевозѣ за Окою...
И все мерещатся ему
То грудь налйвная, то плечи,
То руки бѣлыя что снѣгъ,
То глазъ приманчивыя рѣчи...
И не глядѣлъ бы на жену!..
Княгини любящая ласка
Ему противна, сынъ забытъ,
И не страшитъ его огласка...
Онъ всталъ, велитъ сѣдлать коней;
Сѣдлать коней въ мигъ дворня сбита;
Черезъ минуту у крыльца
Бьютъ лошадиныя копыта...
Князь сѣлъ; холопъ спѣшитъ за нимъ
Къ раскрытымъ челядью воротамъ;
Несутся улицей и вотъ
Пропали вдругъ за поворотомъ...

II.

Проходитъ день, а князя нѣтъ;
Другой прошелъ,—его не видно;
Никто не вѣдаетъ, гдѣ онъ.
Княгинѣ больно и обидно...
На третій день вернулся князь;
Съ женой—ни слова, рветъ и мечетъ...
Ничто не радуетъ его—
Ни травля, ни любимый кречетъ...
Томитъ его и тяготитъ
Необъяснимая кручина:
Бывало, прежде по часамъ
Не налюбуется на сына,—
Теперь семьи какъ словно нѣтъ;
Все опротивѣло, постыло;
Куда-то ѣздитъ по ночамъ,
И прежде милое—не мило...
На грѣхъ заѣхалъ, видно, онъ
Съ охоты, гостемъ запоздалымъ,
На перевозъ и до утра
Спалъ у «кумы» на постояломъ:
Его, сѣдаго старика,
Опуталъ, видно, бѣсъ лукавый:
Кума—колдунья, у нея
Всѣ приворотныя есть травы;
Въ ея сверкающихъ глазахъ

Не даромъ, говорятъ, есть сила,
Не мало въ городѣ мужей
Она къ себѣ приворожила...
Глазами вскинетъ — дрожь беретъ;
Въ рѣчахъ — какая-то отвага...
И что̀ пьянѣй — вино-ль ея,
Иль рѣчи хмѣльныя, какъ брага,—
Кто знаетъ?!.. Только силы нѣтъ
Отъ этой груди оторваться,
Съ семьей постарому зажить,
Съ кумой подолгу не видаться,—
Такъ вотъ и тянетъ за Оку...
И скоро слухъ прошелъ въ народѣ,
Что привоpо̀тнаго дала
Колдунья зелья воеводѣ...

III.

Кромѣшный адъ кипитъ въ дому;
Не можетъ сынъ добиться толку,
О чемъ его родная мать
Такъ часто плачетъ втихомолку...
Она молчитъ, не говоритъ
Любимцу-сыну ни полслова,
Съ терпѣньемъ муки до конца
Она выдерживать готова...
Разъ какъ-то утромъ гнѣвный мужъ
Въ сердца̀хъ занесъ надъ нею руку,—
Лишь тутъ рѣшилася она
Свою тоску, всю сердца муку
Повѣрить сыну; въ поздній часъ
Она, позвавъ его, сначала
Поколебалась, а затѣмъ
Заплакала и все сказала:
«Вотъ кто разлучница моя,
Она его околдовала,
Она крушитъ меня тоской,
Моей любви ему, вишь, мало!»...
...Сынъ все узналъ. Проснулась въ немъ
И къ матери любовь, и злоба;
Всю ночь покою не дала
Ему отцовская зазноба...
Въ его горячей головѣ
Кровавый замыселъ о мести —
Врасплохъ нагрянуть на куму

И положить ее на мѣстѣ...
Беретъ онъ вѣрныхъ слугъ своихъ,
Кинжалъ въ серебряной оправѣ
И ночью, тайно ото всѣхъ,
Несется къ быстрой переправѣ...

IV.

На постояломъ нѣтъ огня;
Кума не спитъ... Она готова
Къ пріѣзду княжаго сынка,
Къ пріему гостя дорогого...
Чу! Слышенъ говоръ голосовъ...
Вотъ по землѣ стучатъ копыта...
Они... Черезъ минуту дверь
Трещитъ, сдается и отбита...
Кума встаетъ, зажгла свѣчу,
На шумъ идетъ полунагая,
Своихъ непрошенныхъ гостей
Съ оплывшей свѣчкою встрѣчая...
Но, видно, очи у кумы
Сильнѣе остраго кинжала:
Взглянулъ сынъ княжій на нее,
И словно къ мѣсту приковало...
Забылъ, зачѣмъ сюда пришелъ,
И вмѣсто гнѣвнаго проклятья
Къ колдуньѣ руки протянулъ
Для поцѣлуя и объятья...
Такой волшебной красоты
Онъ не видалъ, живя на свѣтѣ,
И понялъ, какъ отецъ-старикъ
Попалъ въ разставленныя сѣти...
А тутъ холопъ еще присталъ
И, подстрекаемъ силой вражей,
«Не плохо водки», говоритъ,
«Сперва попробовать намъ, княже!»
Глядятъ — дубовый столъ накрытъ,
Кума виномъ гостей обноситъ
И хлѣбомъ-солью закусить
Съ поклономъ, улыбаясь, проситъ...
— «Холопы! Эй, ступайте прочь:
Я позову, когда мнѣ надо...
А вотъ, красавица, тебѣ
За угощеніе награда!»...
И въ чашу перстень дорогой

Князь опускаетъ съ изумрудомъ...
Все по желанію кумы
Перемѣнилось, словно чудомъ...
По утру, на условный свистъ,
Еще задолго до разсвѣта,
Вошли холопы, а кума
Сидитъ, царицей разодѣта
Въ парчевый, шитый сарафанъ;
А князь, забывъ позоръ отцовскій,
Цѣлуетъ хитрую куму,
Опутанъ силою бѣсовской...

V.

Весна гуляетъ на дворѣ...
Про новый грѣхъ несутся слухи...
Княгиня цѣлый день одна;
Она не плачетъ, очи сухи...
Былъ сынъ у ней, но и того
Колдунья злая погубила:
Ни мужъ, ни сынъ не устоялъ...
И вотъ холопа для посыла
Княгиня кличетъ. Слухъ ходилъ,
Что за зелеными лѣсами,
На Кудьмѣ, есть одинъ старикъ —
Колдунъ. Онъ знается съ бѣсами,
Онъ ей изъ злыхъ наборныхъ травъ
Сваритъ смертельную отраву.
Тогда съ разлучницей-кумой
Она расправится на славу...
— «Введи ко мнѣ его!» Старикъ
Явился въ полночь на свиданье...
Его къ княгинѣ провели,
И съ нею тайное шептанье
Недолго длилось... — «Вотъ тебѣ», —
Сказалъ онъ: — «стклянка, изъ нея ты
Куму въ винѣ и угости;
Тутъ зелье не простой работы;
Оно и въ стклянкѣ-то кипитъ,
А съ виду цвѣту золотаго...
Пять капель если отольешь,
Да выпить дашь, — и все готово...
Прощай!»... Ушелъ сѣдой колдунъ...
Княгиня все съ себя снимаетъ,
Замѣсто шелку и парчи

Нарядъ черницы надѣваетъ
И въ ночь, когда всѣ въ домѣ спятъ,
Полна и страхомъ, и тревогой,
Она выходитъ и пѣшкомъ
Идетъ знакомою дорогой...

VI.

Кума отъ пришлаго не прочь,
Всѣхъ проситъ: милости пожалуй!
Богатъ ли, бѣденъ — всѣ во дворъ,
На то вѣдь онъ и постоялый...
Старуха странница пришла,
И ей покой вѣдь тоже надо...
— «Иду я, милая, съ Москвы,
Хочу пробраться до Царьграда...
Пусти, родимая, меня,
Я ночку здѣсь переночую»...
— «Переночуй!.. Вотъ поѣдимъ
Да выпьемъ чарочку-другую...
Садись сюда... Ты пьешь, аль нѣтъ?»...
— «Когда не пить! Грѣшна»... — «Постой-ка,
Я хмѣльной бражки принесу!»...
Несетъ, и началась попойка...
Налиты чарки до краевъ...
— «Отпей-ка!» — «Нѣтъ, ужъ ты сначала»...
Кума хлебнула разъ-другой
И, покатившись, закричала:
— «Змѣя! Меня ты извела,
Да про себя-то позабыла...
Недолго жить тебѣ! Смотри...
Одна у насъ съ тобой могила!»...
Едва сказала, старый князь
Вбѣжалъ, и не прошло минуты,
Какъ въ горло бѣлое жены
Впился онъ, словно коршунъ лютый,
И придушилъ... За нимъ вослѣдъ
Ворвался сынъ... Силенъ и молодъ,
Боролся долго онъ съ отцомъ
И рядомъ съ матерью заколотъ...
— «Тащите въ рѣку ихъ! Пускай
Несетъ, куда захочетъ!»... Тупо
Глядитъ на слугъ безумный князь
И на три посинѣвшихъ трупа...
Тѣла оттащены въ Оку,

Какъ вдругъ надъ сыномъ и женою
Зажглися яркіе огни,
Сверкая радугой цвѣтною;
А надъ кумою на вѣтру
Заколебалося, какъ знамя,
Кидая зарево кругомъ,
Нечистое и злое пламя...
Холопы вскрикнули и прочь;
Но князю страхъ совсѣмъ не вѣдомъ,
И кто-то шепчетъ все ему:
«За ними, князь! За ними слѣдомъ!»...
И вотъ, вдоль берега Оки,
Онъ мчится узкою тропою,
А позади за нимъ спѣшатъ
Холопы робкою толпою...

VII.

До устья доплыли тѣла,
Но вдругъ на мигъ остановились
И, вверхъ по Волгѣ повернувъ,
Огнями снова засвѣтились...
Дивится князь, и въ страхѣ онъ
Не въ силахъ вымолвить ни слова;
Назадъ хотѣлъ бы повернуть
Аргамака онъ молодого,
Но тотъ, не слушая удилъ,
Храпитъ раздутыми ноздрями
И мчится, голову сломя,
Вдоль Волги, слѣдомъ за огнями...
Перекреститься?! Но сложить
Не можетъ онъ креста святого,
Себя не въ силахъ оградить
Отъ навожденья духа злого;
О подорожные кусты
Князь рветъ богатую одежду,
Аргамака остановить
Онъ потерялъ уже надежду...
Конь мчится, гриву распустя,
И, полонъ бѣшеной отваги,
Песками, чащею лѣсной,
Не разбирая, гдѣ овраги,
Все дальше мчится... Путь ночной
Грозитъ бѣдою неминучей,
И вдругъ умаявшійся конь

Оборвался надъ самой кручей...
Огни погасли; а тѣла
Пошли на дно рѣки глубокой;
И слышитъ помертвѣвшій князь
Глухой и будто издалёка
Какой-то голосъ: «Ты, злодѣй,
«Сыноубійца, знай отнынѣ,
«Что близокъ твой послѣдній часъ!...
«Твоя могила здѣсь, въ пучинѣ...
«Тебѣ пощады не дадутъ,
«Умрешь, какъ звѣрь, безъ покаянья,
«И тѣло грѣшное твое
«Отдастся всѣмъ на поруганье!»
Въ лѣсу, направо отъ него,
Справляютъ чьи-то похорòны,
Смѣняютъ жалобный напѣвъ
Людскіе выкрики и стоны;
Протяжный раздается вой,
Зубовный скрежетъ, визгъ и хохотъ;
Сверкнула молнія вдали,
И грома перекатный грохотъ
Все ближе кàтится... Рѣкой
Несется буря, валъ вздымая,
И злобно мечется въ лѣсу,
Съ корнями дỳбы вырывая...
Крутятся листья на вѣтру,
Что снѣгъ зимой въ большую зàметь;
Ударилъ громъ у самыхъ ногъ,
И рухнулъ князь, теряя память...
Холопы въ страхѣ за него,
Везутъ его въ посёлокъ ближній;
А утромъ, блѣдный и больной,
Старикъ ворочается въ Нижній...

VIII.

Холопы вѣрные молчатъ,—
У нихъ и преданность холопья;
А если скажутъ, естъ на нихъ
Расправа: плети и ослопья...
Самъ князь и вѣритъ имъ, и нѣтъ, —
То сыплетъ мѣдными деньгами,
То, грозенъ словно Божій гнѣвъ,
Грозитъ плетьми и батогами...
Но дивно всѣмъ, что сынъ пропалъ

Въ ту ночь, какъ злилась непогода,
И гдѣ княгиня, гдѣ кума,
И чтò нахмуренъ воевода...
Вѣдь слухи исподволь въ народъ
Проникнутъ, поздно или рано;
Они изъ Нижняго въ Москву
Пробрались до царя Ивана...
Царь гонитъ спѣшнаго гонца
Съ своею грамотою царской:
«Отвѣтствуй, гдѣ жена твоя
И молодой сынокъ боярскій!»...
Старикъ гонцу передаетъ
Свое отвѣтное посланье:
«Царь-государь! Жена моя
«Ушла въ далекое скитанье
«Къ святымъ мѣстамъ. Вотъ ровно годъ
«Никто не знаетъ, чтò съ ней сталось...
«А сынъ охотился въ лѣсу,
«Да лихо съ сыномъ повстрѣчалось:
«Медвѣдь сломалъ»...
Отвѣта нѣтъ...
Князь ждетъ рѣшенія со страхомъ;
Какъ мученикъ, въ своемъ дому
Живетъ отшельникомъ, монахомъ...
Забыты прежніе пиры,
Попойки, розсказни, охота;
Грѣхамъ прощенье умолить,—
О томъ одна его забота...
Онъ нищимъ деньги раздаетъ;
Людямъ захожимъ нѣтъ обиды;
Въ дому попы и чернецы
Поютъ по мертвымъ панихиды...
А князь по городскимъ церквамъ
Передъ святыми образами,
Возноситъ Господу мольбы
И плачетъ горькими слезами...

IX.

Пришла зима...
Воскресный день...
Князь у заутрени въ соборѣ
Лежитъ на каменныхъ плитахъ,
Свое оплакивая горе...
Сюда, въ соборъ, пришла толпа

Искать покоя и отрады
Подъ эти своды, гдѣ горятъ
Неугасимыя лампады,
Гдѣ хоръ и причетъ въ ранній часъ
Свершаютъ стройное служенье
И къ лику Господа несутъ
Съ толпой молитвы и куренья...
Вдругъ слышно ржаніе коней
И конскихъ ногъ зловѣщій топотъ...
Мелькнули всадники... Идутъ...
Въ толпѣ пронёсся тихій ропотъ...
Отъ страха клиръ не въ силахъ пѣть,
И, какъ волковъ голодныхъ стая,
Толпа опричниковъ вошла,
Кнутомъ дорогу расчищая,
И прямо къ князю:
— «Царь велѣлъ
Схватить тебя безъ замедленья,
Изъ нашихъ рукъ пріимешь ты
Себѣ достойныя мученья...
Вставай!»...
Церковная толпа
Упала ницъ, дрожа отъ страха;
Но воеводу не страшатъ
Ни мѣсто лобное, ни плаха:
— «Несу вины свои царю
И лютой казни я не трушу!
Берите... Богу предаю
Стыдомъ истерзанную душу!»...
Одежды мигомъ сорваны,
И князя съ гикомъ, на арканѣ,
Влекутъ изъ храма на морозъ;
Связавъ, полунагого въ сани
Бросаютъ... Конная толпа
Летитъ впередъ съ веселымъ крикомъ,
Разноситъ воеводскій домъ,
Холоповъ бьетъ; въ весельѣ дикомъ
Пьянѣя, вышибаетъ дно
И пьетъ изъ воеводскихъ бочекъ;
Несется Нижнимъ, по пути
Всѣхъ раздѣвая до сорочекъ,
И дальше, изъ городу вонъ;
Не смущена дорогой долгой,
Оку проѣхала и вотъ,
Сугробы разметая, Волгой

Летитъ...
Захватываетъ духъ
Отъ этой бѣшеной погони...
У князя въ жилахъ стынетъ кровь;
Вдругъ слышитъ: «Стой!» — и стали кони...
— «Что стали вы?!»... — «Коней поить!»
Глядитъ, а отъ него направо
Горятъ два радужныхъ огня
И между нихъ одинъ кровавый...
— «Нѣтъ! Не конямъ ту воду пить,
А мнѣ!... Я жду желанной смерти,
И той же мѣрою, что я
Себѣ возмѣрилъ, мнѣ возмѣрьте!»...
Къ санямъ опричникъ подошелъ,
Взмахнулъ сѣкирою широкой,
Ударилъ разъ — и голова
Слетѣла прямо въ снѣгъ глубокій...
— «Рубите прорубь!»... На рѣкѣ
Работа быстро закипѣла;
Подъ синимъ льдомъ нашло себѣ
Могилу княжеское тѣло...
Едва покончили они
Съ своею спѣшною расправой, —
Надъ трупомъ князя въ тотъ же мигъ
Поднялся вдругъ огонь кровавый...
Огни скрутились въ два столба,
Столбы сплелись между собою,
И словно тѣшились они
Своей воздушною борьбою...
Все разгораяся, столбы
Кидались злобно другъ на друга...
Толпа опричниковъ стоитъ,
Глядитъ, блѣднѣя отъ испуга;
Садится быстро на коней
И въ страхѣ, не промолвивъ слова,
Съ добычей цѣнною своей
Спѣшитъ отъ мѣста проклятого...

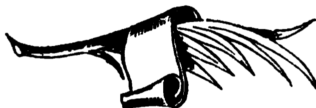
X.

Москва...
Народъ со всѣхъ концовъ
Бѣжитъ... На городскихъ раскатахъ
Гудятъ вездѣ колокола,
Сзывая бѣдныхъ и богатыхъ...
Спѣшатъ на казнь... Сегодня день,

Когда получитъ воздаянье
Старикъ-бояринъ, бывшій князь,
За небывалыя дѣянья...
Докуку праздничнаго дня
Толпа вознаградитъ съ избыткомъ,
И хочетъ знать она, какимъ
Преступника подвергнутъ пыткамъ;
Не знаетъ, суждено-ль ему
На площади четвертованье,
Иль, можетъ, смилуется царь
И перемѣнитъ истязанье...
... Вотъ показались бирючи,
Народъ конями раздвигая
И громко отповѣдь свою
О лютой казни возвѣщая:
— «Идите всѣ смотрѣть сюда!
«Глядите, какъ по правдѣ царской
«Казненъ за разныя вины
«Убійца, выродокъ боярскій!...
«На перекрёсткѣ по ночамъ
«Онъ рѣчи велъ съ лукавымъ бѣсомъ!
«Жена-красавица и сынъ
«Погибли по его кудесамъ!...
«Пріялъ онъ мзду за всѣ дѣла,
«Что силой учинялъ бѣсовской,
«И царь казнилъ его... Иди,
«Смотри сюда, народъ московскій!»...
И надъ толпою высоко̀
Заколебалася на пикѣ
Покрыта кровью голова
Нижегородскаго владыки...

Дм. Садовниковъ.

Симбирскъ, 9-го ноября 1882 г.



ДО И ПОСЛѢ...

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

ЭТИХЪ воспоминаній познакомился съ старой бур-й въ послѣдній годъ ея существованія, когда ре-рма висѣла надъ ней, быть можетъ, уже готовая всѣхъ своихъ подробностяхъ. Бурса умирала, но такъ, какъ умираетъ человѣкъ, истощенный изну-тельной болѣзнью, который знаетъ, что дни его чтены; она умирала въ полномъ расцвѣтѣ своихъ ихійныхъ силъ, совсѣмъ даже не подозрѣвая, что дъ ней виситъ уже мечъ. Никто и не думалъ под-говлять ее къ новымъ формамъ, постепенно про-кавшимъ тогда во всѣ сферы русской жизни; и гда эти формы, по мановенію начальственной руки, ли въ ней водворены, старая бурса сотряслась отъ изумленія. Ничѣмъ рѣшительно, ни внѣшнимъ обличіемъ, ни внутренними порядками, ни одной стороной своего существованія, она не соотвѣтствовала новому духу, который вслѣдствіе этого явился для нея не обновителемъ, а разрушителемъ.

Всю бурсу, отъ высшаго ея начальства до послѣдняго «осла», пришлось сперва искромсать на мелкіе куски, превратить въ тѣсто и затѣмъ уже изъ этого печальнаго матеріала лѣпить новые экземпляры. Многіе оказались совсѣмъ негодными для новой жизни,—многіе не только изъ учащихся, но и изъ учащихъ,—и ихъ пришлось безпощадно выбросить за бортъ. Это—невинныя искупительныя жертвы, понесшія наказаніе за чужой грѣхъ, жертвы цѣлой школьной системы того времени.

Воспоминанія автора отрывочны и неполны. Многое изъ того, что есть въ его памяти, ему приходится отложить въ сторону, изъ боязни повторить то, что было уже описано другими. Но, если въ воображеніи читателя, по прочтеніи этихъ страницъ, возникнетъ хоть смутная картина водворенія новыхъ формъ на развалинахъ старой бурсы, неожиданно разбитой на голову, то авторъ будетъ считать свою цѣль достигнутой.

I.

Новичка привезли.

Жаркій августовскій день. Желтыя поля по обѣ стороны широкой степной дороги, благодаря толстому слою пыли, мягкой, словно застланной ковромъ. Уже восемнадцать верстъ мы проѣхали въ нашей полукрытой безрессорной трясучкѣ,—отецъ мой, мать и я, и всю дорогу въ ушахъ моихъ звучатъ безконечныя неистощимыя напутствія. Мои старики видимо задались цѣлью основательно подготовить меня къ новому поприщу, дабы я явился во всеоружіи практическихъ свѣдѣній.

— Будь благоразуменъ всегда и на всякомъ мѣстѣ! — внушительно говоритъ отецъ и вѣритъ, что этого довольно, и отнынѣ я буду благоразуменъ всегда и на всякомъ мѣстѣ:—учись исправно и скромностью заслужи благорасположеніе отца-инспектора. Помни, что всякій твой успѣхъ будетъ для насъ праздникомъ...

Отецъ говоритъ это строгимъ голосомъ и съ суровымъ выраженіемъ лица, но я знаю, что это стоитъ ему большаго труда, потому что онъ очень добрый человѣкъ.

Мать думаетъ совсѣмъ о другихъ вещахъ. Ни благоразуміе, ни о. инспекторъ не занимаютъ ея.

— Пуговка ли оторвется, шовъ ли распорется въ какомъ мѣстѣ, сейчасъ взялъ иголочку, ниточку и зашилъ... Портковъ не занашивай, каждую недѣлю мѣняй... Волосы ежедневно и рѣдкимъ и частымъ гребнемъ чеши... Самъ обо всемъ подумай, тамъ некому о тебѣ думать...

Я все слушаю и къ сердцу принимаю и тоже вѣрую, что все это именно такъ и будетъ: и благоразуменъ я буду, и благорасположеніе о. инспектора заслужу, и портки занашивать не буду. Старики подумаютъ-подумаютъ и опять что нибудь изрекутъ: отецъ на счетъ благонравія и успѣха въ наукахъ, мать—по части содержанія въ чистотѣ тѣла, чистки сапогъ и незапусканія длинныхъ ногтей. А ужъ тамъ виденъ губернскій городъ. Весело красуются издали бѣлыя колокольни и золоченные куполы церквей. Это грязное гнѣздо, наполненное мѣщанами, бѣдными чиновниками, евреями и клопами, издали кажется красивымъ и уютнымъ

мѣстечкомъ, гдѣ людямъ живется привольно и дышится легко. Вотъ предмѣстье съ на бокъ покосившимися строеніями, съ прогнившими деревянными крышами, съ шляющимися по улицѣ свиньями; вотъ балка, отдѣляющая предмѣстье отъ города, а черезъ балку мостъ каменный на каменныхъ устояхъ. Передъ мостомъ наша кибитка останавливается, всѣ мы изъ нея вылѣзаемъ и идемъ пѣшкомъ, а кучеръ беретъ лошадей подъ уздцы и ведетъ ихъ, еле переступая съ ноги на ногу и тщательно лавируя между зіяющихъ ямъ, сквозь которыя видно все, что дѣлается подъ мостомъ. И всякій, въѣзжающій въ губернскій городъ, обязательно продѣлываетъ такую же операцію. Очень трудно попасть въ губернскій городъ, и если бы какому либо непріятельскому войску пришлось брать его приступомъ, то остановилось бы оно передъ этимъ мостомъ и крѣпко задумалось бы въ виду этихъ сквозныхъ дыръ, въ которыя свободно могъ проскользнуть всадникъ вмѣстѣ съ своимъ конемъ. И никому изъ коренныхъ обывателей города и пріѣжихъ даже и въ голову не приходило, что можно бы эти дыры на худой конецъ хоть мочалой заткнуть.

Городскія улицы, по которымъ мы ѣхали, были широки, съ глубокими выбоинами, съ канавками по обѣ стороны и по срединѣ, а по этимъ канавкамъ текла зелено-буро-грязная жидкость, издававшая отвратительный запахъ, къ которому губернскіе граждане до того принюхались, что по вечерамъ выходили сюда гулять, нѣжными парами ходили вдоль и въ то же время между вонючихъ канавъ и, чего добраго, въ любви объяснялись.

Длинное двухэтажное зданіе съ обтертыми, давно нештукатуренными стѣнами хорошо было мнѣ знакомо. Когда отецъ, въ видѣ особой награды за благонравіе, бралъ меня съ собою въ городъ, мы нерѣдко проѣзжали мимо этого зданія, и отецъ тогда говорилъ мнѣ: «подростешь маленько, и тебя сюда отдадимъ. Здѣсь, братъ, наукамъ обучаютъ, здѣсь строго!» И, благодаря этому краткому опредѣленію, внутренность длиннаго зданія представлялась моему воображенію величественной и внушительной. Видѣлся мнѣ огромный залъ, весь залитый яркимъ свѣтомъ. Сотни учениковъ въ скромныхъ, однообразныхъ одеждахъ тихо и чинно занимаютъ свои мѣста, и ихъ внимательные взоры устремлены на учителя, этого величественнаго благообразнаго старика въ длинной одеждѣ. Каждое его слово—бездна мудрости, и слушая его, ученики, видимо, прямо на глазахъ дѣлаются умными и учеными. Наука! Что такое наука? Вотъ чего я никакъ не могъ представить. Толстая ли это книга, въ которой написано все, рѣшительно все, что только есть на свѣтѣ, или предлинное слово, въ которомъ заключена вся премудрость человѣческая...

Мальчикъ, стоявшій у приступки экипажа и ростомъ едва-едва ровнявшійся съ переднимъ колесомъ, мальчикъ съ смуглымъ ли-

цомъ, съ здоровыми полными щеками,—былъ я. Мнѣ было всего восемь лѣтъ отъ роду, и я очень гордился своими касторовыми штанами съ широкими лампасами, длиннымъ чернымъ сюртукомъ и широкой фуражкой съ чернымъ плисовымъ околышкомъ, точь въ точь младшій канцелярскій писецъ, еще не достигшій перваго чина и собравшійся идти къ начальству.

Мать осталась въ экипажѣ, а отецъ повелъ меня «опредѣлять». Это была очень несложная исторія. Надо было только заявить кому-то, что привезли такого-то, и внести за мое третное содержаніе двадцать два рубля пятьдесятъ копѣекъ, на собственной одеждѣ. Кучеръ Антонъ тащилъ за нами на плечѣ мой сундукъ, а въ рукѣ постельныя принадлежности и торбу. Мы прошли длиннымъ корридоромъ, повернули налѣво, гдѣ передъ нами раскинулся еще болѣе длинный корридоръ, и остановились со всѣмъ скарбомъ у широкаго окна. Здѣсь не было ни души. Черезъ окно виднѣлся дворъ—широкій, съ флигелями, съ кучей дровъ, съ помойной ямой по срединѣ. И на дворѣ—ни души; только цѣпная черная собака угрюмо лежала около своей будки. Словно изъ подземелья, слышался какой-то неопредѣленный гулъ, какой обыкновенно раздается изъ раскрытыхъ оконъ еврейской школы.

— Обѣдаютъ!—сказалъ отецъ:—ты погоди здѣсь, я поищу кого нибудь.

Антонъ вернулся къ лошадямъ, я остался одинъ надъ своимъ сундукомъ, подушкой и торбой. Но не прошло и минуты, не успѣлъ я наладиться но подходящія размышленія, какъ во дворѣ, а потомъ въ корридорѣ закружились, завертѣлись десятки разнообразнѣйшихъ фигуръ, раздались крикливые голоса, топотъ, визгъ, смѣхъ и плачъ. Я смотрѣлъ на все это большими глазами, поражался и не вѣрилъ. Неужели эти оборванцы, одѣтые во что попало, хуже, чѣмъ нищіе на ярмаркѣ, неужели это тѣ самые ученики, которые въ воображаемой мною картинѣ чинно сидѣли рядышкомъ и почтительно слушали учителя?

Пока меня не замѣчали, я наблюдалъ спокойно. Мнѣ ни на минуту не казалось, что вся эта пестрая голытьба есть не что иное, какъ то цѣлое, частью котораго я сейчасъ сдѣлаюсь, а, можетъ быть, и сдѣлался. Среди сотни лицъ, вертѣвшихся и кувыркавшихся передъ моими глазами, я замѣтилъ десятка три дѣтскихъ, остальныя же были съ усиками, бородками и даже бородами; у иныхъ замѣчались явные слѣды регулярнаго бритья; иная голова сидѣла на долговязомъ, чуть не трехаршинномъ туловищѣ. Длинный сюртукъ съ продранной спиной, ситцевая рубашка навыпускъ, подпоясанная какимъ-то монашескимъ поясомъ; фланелевая куртка, передѣланная изъ женской кофты, сапожища выше колѣнъ, рваныя резиновыя галоши вмѣсто сапогъ, совсѣмъ босыя ноги, пискливые голоса мальчугановъ наравнѣ съ львинымъ ре-

[illegible] головѣ и пора-
[illegible] представленіемъ о школѣ,
[illegible] Во дворѣ образо-
[illegible] большой кругъ,
[illegible] раздѣлившись на два
[illegible] играла «въ
[illegible] шесть неловкихъ
[illegible] вперемежку съ под-
[illegible] вытягиваясь «въ
[illegible] цѣпкими руками, бо-
[illegible] борьбы...
[illegible] безпардонной
[illegible] около своей будки. Отецъ
[illegible] и мое храброе на-
[illegible] Я представлялъ себя
[illegible] видѣлъ себя по-
[illegible] Я былъ меньше и
[illegible]

[illegible] предавался столь безо-
[illegible] подчеркнутая
[illegible] среди корри-
[illegible] этого кор-
[illegible] цѣлой
[illegible] и гля-
[illegible]

— [illegible] хриплымъ
[illegible]

— [illegible] прида-
[illegible] Я под-
[illegible] говорить
[illegible] его го-
[illegible] черные,
[illegible] кото-
[illegible] длинны и грязны.

— [illegible]

— [illegible] въ торбѣ? а? — спро-
[illegible] Я мол-
[illegible] а просто потому,
[illegible] ни языка. Только
[illegible]

[illegible] видимо превра-
[illegible] на мою торбу такъ,
[illegible] же наброситься
[illegible] Голодъ свѣтился
[illegible] не оттого, что

человѣку не дали сегодня пообѣдать, а оттого, что онъ каждый день не доѣдаетъ.

— А вотъ я его попробую!—сказалъ бритый малый и тяжелою поступью подошелъ ко мнѣ, взялъ мое ухо между обѣихъ вытянутыхъ ладоней и хорошенько потеръ ихъ одну о другую, потомъ продѣлалъ то же самое съ другимъ моимъ ухомъ.

— Ну, что, нравится? — спросилъ онъ, глядя на меня сверху внизъ своими блестящими глазами и оскаливъ зубы. Я молчалъ, а уши мои горѣли и были красны. Вдругъ молодецъ повернулся лицомъ къ остальнымъ, сталъ въ эфектную позу, поднялъ свой здоровый кулакъ и грозно промолвилъ:

— Пошли вонъ отсюда! Фюить!

И онъ уже хотѣлъ пустить въ дѣло кулакъ, но компанія струсила и разбѣжалась. Тогда онъ обратился ко мнѣ:

— Ты меня не бойся, дуракъ! Ты видишь этотъ кулакъ? (онъ поднесъ свой гигантскій кулакъ къ моему носу). Я здѣсь первый силачъ, и вся эта мразь меня боится. Я за тебя буду заступаться. Что у тебя въ торбѣ?

— С...ало!—отвѣтилъ я покорнымъ шепотомъ.

— А, это хорошо! Я люблю сало. А еще что?

— Цыплята жареные...

— Ну, это ерунда! Это братъ герундивъ! Ты знаешь, что такое герундивъ?

— Нѣтъ, не знаю!

— Это всё равно, что ерунда! А еще что есть?

— Сдобные коржи!..

— Го-го-го-го-го-о! Это хорошо, я это люблю!.. Ты давай мнѣ торбу, я ее спрячу въ свой сундукъ и запру на замокъ. Когда захочешь, скажешь мнѣ, а ужъ никто другой не тронетъ! Если будутъ просить, скажи—Остаповъ взялъ. Меня зовутъ Остаповъ. А ежели кто тебя обидитъ, мнѣ скажи: я ему морду искровяню!.. Давай!

И страшный Остаповъ схватилъ одной рукой мою торбу и понесъ её куда-то въ глубину корридора.

Черезъ четверь часа я уже былъ окончательно водворенъ.

Отецъ на прощанье кратко резюмировалъ всѣ свои дорожныя наставленія, мать плакала, и я плакалъ.

Мнѣ отвели кровать въ небольшой комнатѣ, въ которой стояло уже семь кроватей. Тутъ же былъ длинный столъ для занятій и табуретки. Здѣсь спали и учили уроки, воздухъ былъ спертый отъ вонючей стѣнной лампы, отъ сапоговъ и отъ самихъ обитателей.

Учили уроки вслухъ, тутъ же ругались и дрались. Когда въ 8 часовъ прозвонили на ужинъ, и всѣ уже вышли изъ комнаты, а я собирался выйти послѣднимъ, на порогѣ появился Остаповъ.

— Не стоитъ идти туда!—сказалъ онъ.—Тамъ какая нибудь сухая гречаная каша. Мы съ тобой и такъ поужинаемъ.

Онъ повлёкъ меня въ свою комнату, гдѣ стояло двѣнадцать кроватей. Четыре ему подобныхъ молодца сидѣли надъ раскрытымъ сундукомъ, изъ котораго выглядывала моя злосчастная торба, и жадно уплетали сало съ ржанымъ хлѣбомъ.

— Ты ихъ угощаешь!—сказалъ Остаповъ:—это, братъ, всё хорошіе люди; вотъ это Куркинъ, а это Маламузъ, это Пичуженко, а это Гностовъ. Гностовъ—самый умный человѣкъ во всей бурсѣ, ты это знай. Онъ умнѣе самого инспектора. Впрочемъ, инспекторъ—дуракъ.

У Гностова, дѣйствительно, было умное лицо, худое и блѣдное, онъ хитро улыбался, и при этомъ терзалъ зубами сало. Послѣ я узналъ, что онъ былъ первый ученикъ высшаго отдѣленія и отличался необыкновенными способностями. Прочтетъ одинъ разъ, и знаетъ наизусть. Онъ былъ казеннокоштный, потому что у него не было ни отца, ни матери, никакой другой родни. Никто никогда не присылалъ ему ни копѣйки денегъ, никто не бралъ его на каникулы, и онъ вѣчно жилъ въ помѣщеніи бурсы, ходилъ въ казенныхъ рубищахъ и голодалъ.

Мой покровитель далъ мнѣ кусокъ сала и сказалъ: «ѣшь!» Сердце мое болѣло при видѣ того, какими порціями истребляли «хорошіе люди» мой фуражъ. Въ одинъ присѣстъ половины торбы какъ не бывало. И всё это было сдѣлано необычайно быстро. Когда въ корридорѣ послышались шаги возвращавшихся съ ужина бурсаковъ, сундукъ уже былъ запертъ, и усы моихъ компаньоновъ вытерты.

Остаповъ взялъ меня своей огромной лапой за затылокъ, что означало у него нѣжное расположеніе, и вывелъ въ корридоръ, гдѣ тускло горѣла маленькая лампочка.

— Послушай, ты мнѣ нравишься, и я намѣренъ тебя кой-чему научить,—доброжелательно сказалъ онъ.—Ты умѣешь ругаться?

— Нѣтъ, не умѣю!—чистосердечно отвѣтилъ я.

— Видишь, какой ты дурень. Тебя всякій можетъ обидѣть. Вѣдь ты клопъ, не больше. Что бы съ тобой было, если бы я не взялъ тебя подъ свое покровительство? Драться ты не можешь, надо, по крайней мѣрѣ, чтобы толкомъ обругать умѣлъ врага. Тутъ, братъ, всё враги—одинъ другому, тотъ мнѣ, а этому я—врагъ. А тебѣ всѣ враги, потому что ты паршукъ и клопъ. Такъ вотъ же, если къ тебѣ пристанутъ съ тѣмъ или съ другимъ, ты скажи.... А ежели тебя толкнетъ какой нибудь негодяй, ты отвѣть... А ежели...

И онъ самымъ основательнымъ образомъ преподалъ мнѣ урокъ отборныхъ, кудрявыхъ, многоэтажныхъ ругательствъ.

— Понялъ? Ну, повтори!

Я старался повторить, кое-что мнѣ удалось, другое перепуталъ, но истина тотчасъ же была возстановлена, и я, наконецъ, усвоилъ

преподанный мнѣ урокъ вполнѣ. Я не краснѣлъ, и мнѣ нисколько не было стыдно, потому что я не понималъ ни одного изъ тѣхъ словъ, что обогатили мою память.

Когда послѣ общей молитвы я раздѣлся и улёгся въ постель, завернувшись въ свое мягкое одѣло, мой сосѣдъ громко сказалъ:

— Братцы, новичекъ уже спитъ; давайте-ка, погасимъ лампу и стащимъ его тюфякъ съ постели!

Другіе разсмѣялись и выразили ему одобреніе. Тогда я высунулъ голову изъ-подъ одѣяла и пустилъ имъ одну изъ многоэтажныхъ выразительныхъ фразъ, только что мною усвоенныхъ. Я пустилъ ёе наугадъ, не зная, подходитъ ли она сюда, но, къ моему удивленію, это какъ нельзя лучше подѣйствовало.

— Эге! Да онъ парень не промахъ, даромъ что маленькій!— одобрительно замѣтилъ кто-то̀, и меня оставили въ покоѣ. Такимъ образомъ я на дѣлѣ убѣдился въ полезности урока, преподаннаго мнѣ моимъ покровителемъ.

II.

Шестое чувство.

Бурса помѣщалась въ частномъ наемномъ домѣ, въ домѣ всѣмъ извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ Кирила Онисимовича Працовскаго. Послѣ я еще буду имѣть случай разсказать исторію этой типической личности, этого кулака изъ бурсаковъ, съумѣвшаго высосать себѣ огромное состояніе изъ жалкихъ рубищъ Богомъ обиженной бурсы, кулака-философа, весьма не чуждаго латыни и любившаго цитировать и Виргилія, и Сенеку.

На другой день мы встали въ 7 часовъ утра и получили по куску чернаго хлѣба. Нечего и говорить, что мы съ Остаповымъ превосходно позавтракали изъ моей торбы, причемъ на этотъ разъ онъ сдѣлалъ честь и моимъ цыплятамъ, не смотря на то, что признавалъ ихъ «герундивомъ, т. е. ерундой». Онъ заглянулъ на дно мѣшка и печально покачалъ головой.

— Эге-ге! Больше никого угощать нельзя! Тутъ и для насъ самихъ мало! Послушай, клопъ, твои родные вѣдь тутъ недалеко живутъ, въ Краматоровкѣ? Двадцать верстъ? Ты бы сказалъ имъ, чтобы они почаще да побольше привозили.... А то этакъ ты тутъ съ голоду помрёшь...

Однако-жъ, не у одного меня была торба. У многихъ кой-какое съѣстное добро, привезенное съ каникулъ, еще осталось. Тотъ, кто собственной силой могъ защитить своё добро отъ расхищенія, ѣлъ самъ одинъ, а слабые, въ родѣ меня, обязательно прибѣгали къ покровительству какого нибудь силача. Но большинство грызло казенный кусокъ чернаго хлѣба и съ угрюмой, жадной завистью смотрѣло на счастливцевъ.

— Не ядый ядущаго да не осуждаетъ!—громко цитировалъ какой нибудь безсердечный «ядущій»; подобные ему счастливцы побѣдоносно смѣялись, а у «не ядущихъ» пуще разгорались глаза завистью и отъ этого зарождалось чувство злобы, которое потомъ вымещалось въ одной изъ тѣхъ ребяческихъ игръ, гдѣ выламывали противнику ноги, вышибали глаза. Глядя на бурсацкія игры и содрогаясь отъ одной мысли, что и я могъ бы участвовать въ нихъ, я долго не могъ понять, откуда берется эта серьезная, заправская жестокость расправы съ проигравшимъ противникомъ. Вѣдь били, нисколько не шутя. Мячи дѣлались фунтовые (бурсаки сами дѣлали мячи), плотные, съ крѣпко натянутой кожей, мѣтили непремѣнно въ самое чувствительное мѣсто и ударяли такъ, что иной разъ побѣжденнаго приходилось свозить въ больницу. Синяки, опухоли, вывихи, выбитые зубы,—всё это были до того обычныя явленія, что начальство не обращало на нихъ вниманія. Рѣшительно приходится думать, что это происходило отъ голода, голода хроническаго, накоплявшагося втеченіе многихъ лѣтъ и разжигаемаго жадной завистью. Не эта ли голодовка есть источникъ той прославленной ненасытности, какую проявляли герои бурсы впослѣдствіи, когда уже облачались въ кафтаны и рясы. Всё имъ казалось мало, всё хотѣлось больше, чтобы осуществить мечту, лелѣянную еще на школьной скамьѣ, мечту наѣсться всласть. Отсюда произошли «поповскія очи»...

Школа помѣщалась въ соборномъ домѣ, минутъ пять ходьбы отъ дома Працовскаго. Шли гурьбой, скученнымъ стадомъ, съ шумомъ, прыганьемъ и визгомъ, въ тѣхъ же самыхъ ужасающихъ костюмахъ, въ какихъ ходили дома. Бурсакъ, у котораго было двѣ перемѣны платья, былъ бы чудомъ, и навѣрное на него косо смотрѣло бы начальство.

— Вишь, франтъ какой проявился!—съ насмѣшкой сказалъ бы про него самъ инспекторъ.

Кстати, я дивился, что втеченіе почти сутокъ, что я прожилъ въ бурсѣ, я до сихъ поръ не видѣлъ никакого начальства. На молитвѣ появился какой-то отставной солдатъ, который звонилъ въ колокольчикъ и презрительно рычалъ на насъ:

— Ну, ну, голоштанники, не мѣшкать!

Помню я странное ощущеніе, когда я въ первый разъ вошелъ въ классъ, на дверяхъ котораго было написано: «низшее отдѣленіе». Классъ состоялъ изъ сорока семи душъ. Это была свѣтлая, просторная комната, съ голыми стѣнами, съ черными партами, на которыхъ вдоль и поперекъ красовались вырѣзанныя перочиннымъ ножемъ надписи игриваго свойства, съ черной доской, съ простымъ, даже некрашеннымъ столикомъ и стуломъ для учителя. Среди надписей нерѣдко попадались слова и выраженія изъ тѣхъ, кото-

рымъ вчера научилъ меня Остаповъ, въ иныхъ же мѣстахъ можно было встрѣтить и художественныя иллюстраціи къ нимъ.

Въ сумятицѣ передъ приходомъ учителя я ничего не могъ сообразить; великовозрастные молодцы большими шагами ходили по классу, размахивали книжками и долбили вслухъ. Малолѣтніе, которыхъ набиралось душъ съ десятокъ, какъ-то робко ютились по угламъ, одинъ разъ навсегда запуганные и приведенные къ покорности.

— Тсс... Лиса идетъ, Лиса идетъ!—раздались испуганные голоса.

Я взглянулъ въ окно, выходившее въ корридоръ, и замѣтилъ совершенно лысую голову и благообразную сѣдую бороду. Весь классъ сидѣлъ уже по мѣстамъ, водворилась тишина. То же самое, очевидно, произошло и въ другихъ классахъ, т. е. въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ, потому что и оттуда перестало доноситься галдѣніе. Только теперь, взглянувъ на своего сосѣда, я убѣдился, что это не кто иной, какъ мой покровитель Остаповъ. Мы сидѣли на послѣдней партѣ, и я замѣтилъ, что тутъ помѣщались исключительно рослые ребята.

Среди глубокой тишины до нашего слуха вдругъ долетѣлъ отчаянный крикъ хриплаго баритона, похожій на то, какъ бы кого рѣзали.

— Поретъ!—сказалъ почти хоромъ весь классъ.

— И меня сегодня выпоретъ!—сказалъ мнѣ тихимъ басомъ Остаповъ.

— За что̀?—спросилъ я.

— Какъ за что̀? Ни за что̀!

— Развѣ можно пороть ни за что̀?

— А вотъ увидишь!

Минуты двѣ длился этотъ крикъ, потомъ все замолкло, произошло какое-то движеніе, хлопанье дверью, и затѣмъ послышался новый крикъ, на этотъ разъ уже болѣе тенороваго тембра, по временамъ переходящій въ чисто бабскій визгъ.

— Это уже, значитъ, въ среднемъ отдѣленіи поретъ. Сейчасъ къ намъ придетъ!—пояснилъ мнѣ Остаповъ.

Я замѣтилъ, что въ лицѣ его на мѣсто обычнаго самоувѣренно-безшабашнаго выраженія появилось выраженіе какой-то угрюмой покорности передъ совершенно неустранимой необходимостью. Я не могъ себѣ ясно представить ни этой «Лисы», которая ходитъ по отдѣленіямъ и поретъ, ни самой порки. Отецъ иногда говаривалъ, что это дѣлаютъ въ бурсѣ, и даже описывалъ: «спустятъ съ тебя штанишки да и всыпятъ въ одно такое хорошее мѣсто десятокъ-другой березовой каши! О,—прибавлялъ онъ,—отецъ инспекторъ это любитъ!» Но я еще не зналъ, что о. инспекторъ и Лиса—это одно и то же.

Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда и въ нашъ классъ дверь растворилась, и вошелъ тотъ самый человѣкъ, у котораго была большая лысина и благообразная сѣдая борода. На немъ была сѣрая шерстяная ряса, а на груди висѣлъ бронзовый крестъ. При его появленіи тишина въ классѣ дошла до возможнаго максимума. Всѣ сидѣли чинно, ровно, вытянувшись.

Онъ подошелъ къ первой партѣ, прошелся вдоль ея, и въ то время взглядъ его переходилъ отъ одного ученика къ другому. Изъ-подъ сѣдыхъ, порыжѣвшихъ отъ табачнаго дыма усовъ свѣтилась насмѣшливая улыбка, но безъ всякой злобы. Лицо его не было худо, но его покрывала болѣзненная блѣдность. Самъ онъ былъ худощавъ, держался прямо и бодро.

— Н-ну?—сказалъ онъ громкимъ пѣвучимъ голосомъ:—который сегодня виновенъ?

Глубокое молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Никого? Ахъ, святые! Такъ слѣдственно вы святые? Гм!.. Поди сюда, Остаповъ!

Остаповъ инстинктивно пощупалъ обѣими руками верхнюю часть своихъ штановъ, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, что всѣ пуговицы на мѣстѣ. «Я говорилъ, что выпоретъ!»—успѣлъ онъ шепнуть мнѣ, потомъ поднялся во весь свой большой ростъ и вышелъ на средину класса.

— Ого-го! Да ты еще немного подросъ! Экій ты молодецъ!—смѣялся отецъ инспекторъ, показывая намъ свои зелено-желтые зубы.—Только вотъ давно не брился. А ты у какого цирюльника брѣешься?

— Я самъ брѣюсь!—отвѣтилъ октавой Остаповъ.

— Гм... Молодчина! А къ дѣвицамъ куда ходишь? На Сѣверное [1])?

На этотъ нескромный вопросъ Остаповъ не отвѣтилъ, за то весь классъ, зная, что о. инспекторъ не любитъ даромъ острить, разсмѣялся.

— А когда я тебя поролъ?—продолжалъ о. инспекторъ.

— На прошлой недѣлѣ въ среду!

— О, давненько! Ну, сколько же тебѣ дать? Назначай самъ. Такъ и быть, будетъ потвоему!..

— Я не могу назначить!—отвѣтилъ Остаповъ, и его лѣвый усъ задрожалъ отъ улыбки.

— Гм... Ну, сколько у тебя чувствъ?

— Пять: зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе и вкусъ!—бойко отвѣтилъ Остаповъ, питая слабую надежду, что столь блестящія познанія избавятъ его отъ казни.

— И всѣми ими ты согрѣшаешь повседневно!—замѣтилъ отецъ

---

[1]) Названіе части города.

инспекторъ.—Эй, Онуфрій! Дай ему пять, во имя его пяти чувствъ, чтобы онъ познаяъ еще и шестое чувство—боли!..

И вотъ я увидѣлъ, что такое порка. Правда, это была только слабая тѣнь настоящей экзекуціи (впослѣдствіи мнѣ привелось видѣть и настоящую), ибо что же такое составляли пять ударовъ для могучей спины моего покровителя Остапова, который къ тому же смотрѣлъ на это, какъ на дѣло привычки. Но все же я видѣлъ всю процедуру этой загадочной до того момента для меня штуки—порки. Я видѣлъ, какъ грозный Остаповъ покорно собственными могучими руками разстегивалъ и скидывалъ съ себя все, что полагается, какъ онъ затѣмъ, точно дрессированная лошадь въ циркѣ, легъ, принявъ соотвѣтственную позу и добровольно распредѣливъ на полу части своего тѣла такъ, чтобы было поудобнѣе пороть его. Онуфрій принесъ пучекъ березовыхъ лозъ, приблизился къ жертвѣ и, занося надъ нею орудіе казни на манеръ топора, которымъ рубятъ дрова, аккуратно отсчиталъ пять ударовъ и остановился.

— Гы-ы!.. какъ-то глухо рычалъ Остаповъ, но ни разу не возвысилъ голоса, а по окончаніи экзекуціи всталъ, привелъ въ порядокъ свой туалетъ и дѣловой поступью отправился на свое мѣсто.

Я искоса взглядывалъ на лице отца инспектора. Во время порки онъ внимательно смотрѣлъ прямо на мѣсто дѣйствія, какъ бы боясь, что Онуфрій попадетъ не туда, куда слѣдуетъ. Рѣшительно лицо у этого человѣка, одно появленіе котораго въ ближнемъ корридорѣ водворяло во всѣхъ классахъ гробовое молчаніе,—было предоброе. Ничего звѣрскаго, ничего даже сколько нибудь злобнаго. Да онъ вовсе и не сердился, его масляные небольшіе глазки смотрѣли не то сонно, не то слащаво, на толстыхъ губахъ играла не особенно пріятная, но, всетаки, добродушная улыбка, толстый носъ, направлявшійся немного кверху, ничего не говорилъ о желѣзномъ характерѣ. Рѣшительно, это былъ не злой человѣкъ; при томъ же все, что онъ говорилъ своимъ пѣвучимъ, благопотребнымъ голосомъ, было такъ просто, шутливо и никому ничѣмъ не угрожало! Такое несоотвѣтствіе между внѣшностью и дѣяніями заслужило ему прозваніе «Лисы», и когда онъ говорилъ и при этомъ нѣжно приглаживалъ обѣими ладонями свою блестящую лысину, то въ самомъ дѣлѣ походилъ на это животное.

— Теперь ты знаешь, Остаповъ, что существуетъ еще и шестое чувство!—замѣтилъ онъ.

— Эге!—воскликнулъ онъ, поглядѣвъ на меня прямо въ упоръ, и отъ этого мягкаго, почти отеческаго взгляда у меня замерло сердце:—это что за пигмей тамъ сидитъ? Это ты, Остаповъ, должно быть, своего сынка привелъ? а? Я думаю, у тебя уже могъ бы быть такой сынъ, а можетъ—уже и есть? а? Кто ты такой?

Классъ смѣялся, я всталъ. Ноги у меня дрожали, и я чувствовалъ, что, если-бъ теперь меня заставили пройти черезъ классъ, то

я продѣлалъ бы далеко не прямую линію. Дрожащимъ голосомъ я назвалъ свою фамилію.

— Ага, твоего отца я знаю. Да только тебѣ вѣдь надо бы еще въ пеленкахъ сидѣть. Но чего же ради ты сѣлъ на послѣдней скамейкѣ? Или ты уже сразу въ ослы записался? а? Вѣдь тамъ стойло для ословъ. Тамъ все почтенные мужи, сидящіе многія лѣта въ низшемъ отдѣленіи, въ коемъ и курсъ кончаютъ... Да еще рядомъ съ Остаповымъ... Онъ, братъ, у насъ третье двухлѣтіе отслуживаетъ... Садись сюда!

Онъ указалъ мнѣ на пустое мѣсто на второй партѣ, гдѣ сидѣли мальчики. Я, разумѣется, безъ разговоровъ пересѣлъ на указанное мѣсто.

— Ну, а теперь учитесь съ миромъ!—закончилъ о. инспекторъ и вышелъ изъ класса.

Этотъ почтенный іерей, по имени о. Сергій, а по фамиліи Гекубовъ, отецъ многочисленнаго семейства и, какъ я впослѣдствіи узналъ, очень нѣжный отецъ, всѣ свои инспекторскія обязанности полагалъ въ непрестанной поркѣ. Очевидно, что онъ дѣйствовалъ такъ не по влеченію сердца, а единственно по принципу и, пожалуй, по традиціи. Жилъ онъ отдѣльно отъ бурсы, при своей приходской церкви и навѣдывался въ нее единственно для того, чтобы своимъ появленіемъ поддержать страхъ. Ежедневно утромъ, даже тогда, когда у него не было урока (читалъ онъ Законъ Божій), онъ обходилъ всѣ три отдѣленія, и никто изъ учениковъ не помнилъ такого дня, когда бы онъ обошелся безъ порки. Достаточно было ему встрѣтить въ корридорѣ неизвѣстно почему восторженно прыгающаго мальчугана (на бурсаковъ иногда находили такія настроенія), какъ онъ уже кликалъ Онуфрія; достаточно было одному пожаловаться на другаго, чтобы онъ выпоролъ послѣдняго, нисколько не входя въ разбирательство дѣла. Иногда такого рода преступниковъ оказывалась цѣлая дюжина, это его не затрудняло: онъ спокойно переходилъ отъ одного къ другому. Крикъ, раздававшійся при этомъ, не только не разстроивалъ, а, повидимому, ласкалъ его нервы. И все это онъ продѣлывалъ съ яснымъ лицомъ, улыбаясь и шутя. Бывали дни, когда виноватаго вовсе не оказывалось, какъ это случилось въ низшемъ отдѣленіи въ день моего дебюта на школьной скамьѣ. Тогда принципы отца инспектора получали удовлетвореніе на спинѣ какого нибудь безнадежно-хроническаго грѣшника, какіе оказывались въ каждомъ отдѣленіи. Въ нашемъ это амплуа по праву занималъ Остаповъ, пятый годъ уже сидѣвшій на своей скамьѣ (въ каждомъ отдѣленіи былъ двухгодичный курсъ) и на столько освоившійся съ своей искупительной ролью, что могъ безошибочно предсказать себѣ порку.

Такимъ образомъ первое впечатлѣніе, какое я получилъ въ

школѣ, было кроваваго свойства. Порка была тѣмъ факеломъ, при свѣтѣ котораго я вошелъ въ довольно таки мрачный храмъ бурсацкой науки. Первой мелодіей, поразившей мой слухъ, былъ крикъ, доносившійся изъ сосѣдняго отдѣленія, гдѣ пороли; первой картиной, обласкавшей мое зрѣніе, было публичное скидываніе штановъ почтеннымъ мужемъ и моимъ покровителемъ и публичное обнаженіе позорныхъ частей тѣла.

Подобныя картины съ перваго разу, разумѣется, огорошивали новичковъ, но при повтореніи мало по малу закаляли ихъ сердца и выработывали изъ нихъ кремневыя натуры, смотрѣвшія на наказаніе, какъ на шутку.

О. инспекторъ ушелъ внизъ, въ учительскую комнату; изъ этого учителя заключили, что воздаяніе кончилось, и можно начинать ученье.

Въ классъ вошелъ высокій, плотный мужчина съ черной бородой, черными густыми волосами, ежомъ, черными глазами и смуглымъ лицемъ, на мой взглядъ показавшійся красавцемъ. «Цыганъ идетъ»!—шепнулъ мнѣ сосѣдъ; всѣ поднялись, кто-то читалъ молитву. «Цыганъ» сѣлъ за столикъ и началъ дѣлать перекличку. Голосъ у него былъ звонкій, металлическій, отрывистый; одежда приличная—черный сюртукъ, свѣжіе воротнички, цвѣтной галстухъ, фуражка съ синимъ околышемъ и съ кокардой и перчатки. Такого приличнаго господина я еще никогда въ жизни не видѣлъ. Смотрѣлъ онъ на насъ исподлобья, и когда, прочитавъ въ спискѣ мою фамилію, взглянулъ на меня, по спинѣ моей пробѣжали мурашки.

III.

Жестокое время.

— Аравинъ!—произнесъ сквозь зубы учитель.

— Есть!—отвѣчалъ за себя Аравинъ, худощавый подростокъ въ рваной жакеткѣ.

— Гарбузенко!

— Есть!

— Винокуровъ!

— Abest!—въ одинъ голосъ отвѣтилъ весь классъ.

— Почему?

— Безъ одежды!—объяснялъ дежурный, которымъ на этотъ разъ былъ Аравинъ.

Учитель писалъ въ журналѣ «безъ одежды» и продолжалъ перекличку.

— Годуновъ!

— Есть!—отвѣчала басомъ большая стриженная голова съ толстыми губами и выпученными глазами.

— Довбушъ!

— Abest!—опять возгласилъ классъ.

— Почему?

— Боленъ,—заявилъ дежурный. Учитель отмѣчалъ полностью «боленъ» и шелъ дальше.

— Чепурченко!—подходилъ онъ уже къ концу.

— Abest!

— Почему?

— Безъ сапогъ!—Въ журналъ заносилось: «безъ сапогъ».

— Щурикъ!

— Abest!

— Почему?

— По неизвѣстной причинѣ!

Щурикъ былъ городской житель и проживалъ у родныхъ, а не въ бурсѣ.

Всѣ эти причины считались вполнѣ законными и достаточно объясняющими дѣло. И надо замѣтить, что ни одно изъ этихъ выраженій не было фразой, всѣ они были подлинныя и означали сущую правду. Бурсаки, не имѣющіе сапогъ, попадались на каждомъ шагу; это были большею частью своекоштники, круглые бѣдняки, но не обладавшіе формальными основаніями сдѣлаться казеннокоштными. Но нерѣдко и у козеннокоштныхъ не оказывалось сапогъ. Сапоги давались по одной парѣ на годъ, а если въ конецъ снашивались раньше, то бурсаку оставалось одно—ходить босикомъ. Что же такое означалъ терминъ «безъ одежды», можно видѣть изъ того, что ношеніе женской фланелевой и притомъ рваной кофты не избавляло отъ обязанности ходить въ классъ. Тѣ, что причислялись къ рубрикѣ «безъ одежды», ходили просто въ рубищахъ, въ которыхъ уже было немыслимо выйти на улицу. Бывали и такіе случаи, что одежду носили по очереди: сегодня одинъ, а завтра другой; такъ и въ классъ ходили.

Начался урокъ русской грамматики. Къ доскѣ былъ вызванъ Гарбузенко. Этотъ широкоплечій, приземистый малый, коренастый и крѣпкій, обладалъ неумнымъ и ничего не обѣщающимъ лицомъ, и смотрѣлъ не то удивленно, не то испуганно. Онъ былъ второкурсникъ, т. е. начиналъ уже въ низшемъ отдѣленіи второе двухлѣтіе.

— Что задано?—спросилъ учитель.

Гарбузенко скромно промолчалъ.

— Что задано?—обратился тогда къ классу учитель. Первый ученикъ Лопаревъ всталъ и объяснилъ: склоненіе именъ существительныхъ на *а* и *я* и выучить наизусть стихи: «Птичка Божія не знаетъ».

— Слышалъ?—обратился учитель въ Гарбузенкѣ. Тотъ безмолвно мотнулъ головой въ знакъ того, что онъ слышалъ.—Ну, склоняй!

Гарбузенко хранилъ молчаніе.

— Склоняй же, болванъ! Какое ты слово знаешь на *а*? Припомни какое нибудь, какое хочешь!

Гарбузенко видимо всѣми силами старался припомнить какое нибудь слово на *а*, но не могъ, рѣшительно не могъ. И я знаю по личному опыту, что это вовсе не такъ легко, какъ думаютъ. Когда пристаютъ къ горлу съ ножемъ, когда почти навѣрное знаешь, что тебя прибьютъ, то въ голову лѣзутъ какія угодно слова, только не на *а*, не тѣ, которыя нужны.

— А можетъ, ты знаешь какое нибудь слово на *я*?

Гарбузенко и на этотъ разъ скромно промолчалъ.

— Какъ? Ты и на *я* не знаешь? Вотъ удивительно!

И красивый, плотный и статный учитель поднялся съ своего мѣста, ловкимъ прыжкомъ сѣлъ на столъ со стороны противоположной стулу и началъ болтать ногами, не спуская глазъ съ Гарбузенки. Я замѣтилъ, что при этомъ движеніи Гарбузенко какъ-то весь дрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ не знаешь? а? Не знаешь?

Онъ сошелъ со стола и сдѣлалъ шагъ къ Гарбузенко, этотъ тоже ровно на шагъ попятился назадъ.

— Куда-жъ ты? Постой? Такъ на *я* не знаешь ни одного слова? а?—еще шагъ впередъ, а Горбузенко еще шагъ назадъ. У учителя въ глазахъ заблистали искры и конвульсивно сжалась въ кулакъ правая рука.

— Припомни, припомни!

Еще одинъ шагъ, и Гарбузенко толкнулся спиной прямо въ стѣну. Видно было его намѣреніе уклониться въ сторону, но въ это время раздались одна за другой двѣ звонкія пощечины, сперва въ правую, потомъ въ лѣвую щеку.

— Свинья! Пошелъ вонъ на мѣсто!—закончилъ сквозь зубы учитель. Гарбузенко рысью побѣжалъ на свое мѣсто...

Послѣ него вызванъ былъ худенькій мальчуганъ лѣтъ десяти, малокровный, робкій и забитый, по фамиліи Портковскій. Онъ началъ съ того, что сталъ трусить, блѣднѣть и дрожать.

— Говори «Птичка Божія не знаетъ»! — приказалъ ему учитель.

— Птичка Божія не знаетъ! — дрожащимъ, почти плачущимъ голосомъ пропищалъ Портковскій и остановился.

— Ну?

— Птичка Божія не знаетъ... не знаетъ...

— Чего-жъ она не знаетъ?

— Птичка Божія не знаетъ...

Учитель взялъ Портковскаго за его большое ухо и, пригибая его голову книзу, выразительно промолвилъ:

— Урока, урока, урока не знаешь... Пошелъ вонъ на мѣсто!

И, рвануВъ его за ухо изо всей силы, онъ отпустилъ совершенно потерявшагося и обливавшагося безмолвными слезами мальчика. Втеченіе часа передъ моими глазами проходили подобнаго рода сцены; сначала я дивился тому обстоятельству, что никто, кого бы ни вызвалъ учитель, ничего не знаетъ. Но потомъ оказалось, что онъ нарочно вызывалъ тѣхъ, про кого былъ глубоко убѣжденъ, что они не могутъ знать урока. Очевидно, это доставляло ему удовольствіе. Только за пять минутъ до звонка, надававши довольно пощечинъ и надравши достаточно ушей и чубовъ, онъ вызвалъ Лопарева, который отмѣнно просклонялъ ему имена существительныя на *а* и на *я* и прочиталъ стихи. Когда въ коррндорѣ раздался звонокъ, возвѣщавшій перемѣну, учитель сказалъ:

— На слѣдующій разъ то же самое! Читай молитву!

Если о. инспекторъ внушилъ мнѣ страхъ, то этотъ «цыганъ», дѣйствительное имя котораго было Николай Павловичъ Остроумовъ, вселилъ въ меня съ перваго же раза настоящую ненависть. Въ этомъ приличномъ, красивомъ и такъ ровно, съ достоинствомъ, державшемъ себя человѣкѣ сидѣла какая-то скрытая, высокомѣрная злоба, проявлявшаяся только въ черныхъ цыганскихъ глазахъ. На классъ онъ смотрѣлъ презрительно и даже всякій разъ, когда ему приходилось дать кому нибудь пощечину или надрать ухо, брезгливо вытиралъ руки своимъ всегда очень чистымъ носовымъ платкомъ. Всегда потомъ, когда бы и гдѣ бы я его ни встрѣтилъ, у меня являлось желаніе сдѣлать ему какую нибудь непріятность, мерзость, даже подлость... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, многое, если не все, перемѣнилось. Но мнѣ, когда я объ этомъ думаю, кажется, что если-бъ я теперь встрѣтилъ этого человѣка, то въ груди моей зашевелилось бы старое чувство. Слышалъ я много о томъ, что время было тогда жестокое, что будто по времени и люди иными быть не могли. Но это неправда. Въ той же самой обстановкѣ и въ то же самое жестокое время попадались люди иного закала.

Передо мною встаетъ образъ Ивана Яковлевича Чепурина. Несоразмѣрно большая, остроконечная голова на короткомъ туловищѣ; длинные, рѣдкіе волосы русаго цвѣта, длинное вытянутое лице, болѣзненно-блѣдное, но поминутно, при малѣйшемъ волненіи, краснѣющеее, очень широкія плечи, выпяченная грудь; онъ горбатъ, у него сотня болѣзней, онъ быстро устаетъ, стонетъ и вздыхаетъ. Но его большіе глаза смотрятъ ласково, а голосъ звучитъ добродушной шуткой. Если онъ сердится, то беззлобно, и больше потому, что у него ломитъ спину и кровь приливаетъ къ головѣ, а ноги пухнутъ. Медленно идетъ онъ по улицѣ, съ трудомъ подымается по деревянной лѣстницѣ вверхъ, останавливаясь и тяжело дыша послѣ каждыхъ двухъ ступенекъ, и входитъ въ классъ.

Ученики не спѣша идутъ на мѣста, гулъ еще продолжается. Дежурный читаетъ молитву погречески:

— Vasilev ouranie, paraclite to pneuma tis alitias...

Онъ тяжело дышитъ, крестится и въ то же время искоса смотритъ на читающаго и полуулыбается.

— Дурачина, напуталъ и навралъ!—говоритъ онъ, садясь на стулъ, на который Онуфрій предварительно положилъ ему кожаную подушку. Съ этого стула онъ такъ ужъ и не встаетъ впродолженіе всего урока, потому что ему трудно стоять и ходить. «Ослы» послѣдней парты пользуются этимъ и спокойно играютъ въ стуколку и въ перья. Онъ это знаетъ, но молчитъ, не желая ради «ословъ», которыхъ все равно не исправишь, портить себѣ кровь.—«А впрочемъ,—прибавляетъ онъ шутливо,—для Господа Бога это безразлично!» Переклички онъ не дѣлаетъ, довѣряя отмѣткѣ дежурнаго. Ему достался греческій языкъ, котораго онъ терпѣть не можетъ. Но достался, такъ достался, онъ и обучаетъ. Онъ вызываетъ къ столу. Знаетъ ученикъ,—хорошо, а не знаетъ, онъ говоритъ: «Дурачина! Поди, выучи! Завтра еще спрошу!» Случается, что и онъ вспылитъ, покраснѣетъ весь и позоветъ къ себѣ лѣнтяя.

— Поди-ка, поди-ка сюда, скотина! Дай ухо!

Но едва онъ возьмется за ухо, какъ краска сходитъ съ его лица. Онъ уже смягчился.

— Слѣдовало бы тебя выдрать, да чортъ съ тобой, проваливай съ глазъ моихъ.

Я не помню, чтобы онъ кого нибудь наказалъ больше, чѣмъ стояніемъ на колѣняхъ. И было замѣчено, что, не смотря на то, что свой предметъ онъ преподавалъ такъ же нелѣпо, какъ и другіе, греческій языкъ былъ по душѣ бурсакамъ, и даже «ослы» иной разъ обмолвливались и вдругъ оказывались знающими урокъ, какой чести они никому другому не дѣлали.

Бурсаки его любили, и не мудрено: этотъ обиженный Богомъ человѣкъ былъ единственный, чья рука на нихъ не подымалась. Только въ его глазахъ видѣли они ласку, только его голосъ звучалъ для нихъ доброжелательно.

Безпомощный человѣкъ былъ Иванъ Яковлевичъ Чепуринъ. Толкнуть его на улицѣ пальцемъ, онъ полетѣлъ бы и разбился бы; подшутить надъ нимъ въ классѣ, выпустивъ изъ-подъ полы птицу, или пропѣвъ пѣтухомъ, что такъ любили продѣлывать игривые бурсаки и за что жестоко доставалось имъ отъ начальства, — и онъ долженъ былъ бы снести это, сидя на своемъ мѣстѣ. Не угнаться же ему за здоровымъ и рѣзвымъ шутникомъ. Но все, что позволяли себѣ продѣлывать бурсаки съ другими, считалось бы позорнымъ, если бы кто нибудь вздумалъ продѣлать съ Иваномъ Яковлевичемъ. Подъ толстой бурсацкой шкурой водилось сердце, и сердце это

умѣло тонко чувствовать, когда представлялся случай. Конечно, бывали и исключенія.

Помню я случай, который остался въ моей памяти навсегда. Передъ урокомъ греческаго языка была какая-то возня въ классѣ. Происходила одна изъ тѣхъ дикихъ игръ, послѣ которыхъ синяки считались десятками. Никто не видѣлъ, какъ великовозрастный, изъ категоріи «ословъ», Стрыжицкій, совершенно тупоумное животное, что-то такое чертилъ мѣломъ на доскѣ. Вошелъ Чепуринъ, всѣ сѣли по мѣстамъ, прочитали молитву и начался урокъ. Прошло уже съ полчаса, когда Чепурину пришла фантазія заставить кого-то писать подъ диктовку. Едва онъ поднялъ глаза на доску, какъ лицо его сдѣлалось багровымъ, и руки, державшія греческую хрестоматію, задрожали. Съ полъ-минуты онъ, повидимому, не могъ прійдти въ себя, брови его вздрагивали, ротъ нервно кривился. Наконецъ, онъ повернулъ къ намъ лице и взглянулъ на насъ; но что это былъ за взглядъ!—взглядъ, полный укора и горечи, а въ глазахъ у него стояли слезы.

— Подлецы вы, подлецы, и нѣтъ вамъ другаго названія! Мерзавцы! — промолвилъ онъ хриплымъ голосомъ, швырнулъ хрестоматію на полъ, тяжело поднялся и быстро заковылялъ вонъ изъ класса.

Мы сидѣли огорошенные. Весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, почувствовалъ, что совершилась какая-то мерзость, глубокая незаслуженная несправедливость. На доскѣ былъ нарисованъ горбачъ съ длинной бородой и густыми усами, какъ у Чепурина. Всѣ мы были блѣдны, намъ было стыдно.

— Кто нарисовалъ? Какой негодяй?—раздалось со всѣхъ сторонъ. Отвѣта не было. Но вотъ на задней партѣ поднялась возня, весь классъ воспламенился, кто-то объяснилъ, что рисовалъ Стрыжицкій, и на его спину со всѣхъ сторонъ посыпались удары кулаковъ. Изъ-подъ парты раздались его глухіе стоны, то на это никто не обращалъ вниманія. Въ этотъ день Стрыжицкій сказался больнымъ и пролежалъ въ больницѣ около мѣсяца... Когда объ этомъ узналъ Чепуринъ, то сдѣлалъ намъ строгій выговоръ.

— Подло онъ поступилъ, но колотить, всетаки, не слѣдовало... Вѣдь онъ идіотъ, и все равно не почувствуетъ... А притомъ не стоило пачкать рукъ!

Третьимъ урокомъ въ день моего дебюта въ росписаніи значилось «обиходное пѣніе», терминъ, для меня представлявшійся пустымъ звукомъ. Я замѣтилъ, однако, странное явленіе: когда прозвонилъ призывный колокольчикъ, и классъ разсѣлся по мѣстамъ, около порога толпилась группа человѣкъ въ пятнадцать, въ которой была вся послѣдняя парта и кое-кто изъ другихъ мѣстъ. Въ то же время дежурный Аравинъ принесъ и положилъ на столикѣ небольшой пучекъ лозъ, представлявшій по своей конструкціи нѣ-

которое отличіе отъ тѣхъ пучковъ, которые употреблялъ въ дѣло о. инспекторъ, а именно: въ то время, какъ въ послѣднихъ были тщательно вытянуты тонкіе концы, въ этомъ экземплярѣ концы были скомканы, за то были намѣренно выдвинуты корешки. Но всего больше удивило меня, что самъ Аравинъ, выполнивъ эту священную обязанность дежурнаго, скромно присоединился къ группѣ, стоявшей у дверей.

— Что это они стоятъ тамъ?—спросилъ я у своего сосѣда.

— Не знаютъ урока. У нихъ никакого слуха нѣтъ, и сколько ни бился съ ними отецъ Петръ, ничего не могъ подѣлать. Такъ ужъ они сами становятся къ порогу и получаютъ, что полагается... У него такое правило: кто не знаетъ, самъ становись къ порогу и получай. А ежели кто не сталъ самъ, а послѣ окажется, что не знаетъ, такъ тому двойная порція...

— Такъ онъ тоже поретъ?—съ ужасомъ спросилъ я.

— Нѣтъ!—успокоительно отвѣтилъ мой сосѣдъ:—онъ не поретъ. Отецъ Петръ корешками лупитъ въ ладонь... Иной разъ и до пузырей... Но онъ не поретъ. А ты не видалъ его?

— Нѣтъ, не видалъ!

— Какъ же! Онъ регентъ въ архіерейскомъ хорѣ. Три версты ростомъ и весь рыжій, какъ собака... Его такъ и называютъ: «Рыжая Собака». Сердитый, какъ чортъ... Я его боюсь!..

Разумѣется, послѣ этой аттестаціи и я немедленно сталъ бояться о. Петра, который сердитъ, какъ чортъ, да вдобавокъ еще рыжъ, какъ собака.

Когда о. Петръ вошелъ, весь классъ нестройнымъ хоромъ запѣлъ молитву. Дѣйствительно, онъ былъ рыжъ, строенъ, и ростомъ, если и не досталъ трехъ верстъ, то во всякомъ случаѣ былъ не меньше трехъ аршинъ. Лице у него было красное, волосы длинные, путанные, руки большія, мускулистыя.

— Фу, чортъ бы васъ побралъ... Сколько васъ набралось!—сказалъ онъ, обратившись къ группѣ, стоявшей у порога. — А ты, Аравинъ, опять?

— Что-жъ, когда у меня слуха нѣтъ!—отвѣтилъ Аравинъ, который по всѣмъ другимъ предметамъ учился хорошо.

— Разсказывай, слуха нѣтъ! У всякаго человѣка есть слухъ! Экую ерунду выдумали! Слышишь же ты, какъ изъ пушки стрѣляютъ!.. Вотъ я тебѣ всыплю еще разовъ пять, такъ и слухъ появится! Ужъ объ этихъ ослищахъ я не говорю: у нихъ слухъ есть, только въ другомъ мѣстѣ (и онъ полностью назвалъ мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, у ослищъ пребываетъ слухъ)... А ты,—тебѣ стыдно, ты хорошій ученикъ! А впрочемъ пой! Что задано?

— «Всемірную славу» безъ словъ!

— Ну, жары!

Аравинъ взялъ въ лѣвую руку обиходъ, а правой приноровился, чтобы «руку давать», и началъ:

— Ми-ре-ми фа-соль-фа-ми-ре ми-ре-ми-ре...

— Хо-хо-хо-хо-хо!.. Да ты чудакъ! Ты только разныя слова говоришь, а все одну и ту же ноту тянешь!

Дѣйствительно, Аравинъ, при полномъ отсутствіи у него музыкальнаго слуха, рѣшительно не понималъ, что значитъ повысить или понизить на тонъ, на два, на полтора. Тамъ, гдѣ онъ зналъ, что нужно повысить, онъ надавливалъ голосомъ, а гдѣ понизить— онъ замиралъ, и ему казалось, что онъ дѣлаетъ именно то, что нужно. А ужъ о томъ, какъ онъ «давалъ руку», т. е. отбивалъ тактъ, нечего и говорить. Эти суетливые розмахи скорѣе выражали безпокойное состояніе его духа, чѣмъ тактъ мелодіи.

— Отецъ Петръ, ей-Богу же, у меня нѣтъ никакого слуха!— со слезами въ голосѣ говорилъ Аравинъ.

— Ну, ладно, ладно, держи-ка руку!

Аравинъ протянулъ правую руку.

— Ну, нѣтъ, братъ, не на дурака напалъ! Потомъ скажешь: писать подъ диктовку не могу, потому о. Петръ отбилъ мнѣ руку! Нѣтъ, держи лѣвую!

Аравинъ протянулъ лѣвую. О. Петръ взялъ пучекъ лозъ, держа ихъ за скомканные концы, и, ловко цѣлясь, сталъ отсчитывать удары корешками въ ладонь. Послѣ каждаго удара Аравинъ неистово рычалъ и, конвульсивно сжимая ладонь въ кулакъ, потрясалъ ею въ воздухѣ, словно грозилъ о. Петру. Такимъ способомъ этотъ ученый музыкантъ водворялъ слухъ въ своимъ питомцахъ.

Отпустивъ Аравина, онъ занялся другими. Въ классѣ стоялъ ревъ нестерпимый; всѣ получили свою порцію. Потомъ онъ началъ спрашивать сидѣвшихъ за партами и, когда открывалъ между ними тайныя незнанія, давалъ двойную порцію. Наконецъ, въ заключеніе онъ сталъ въ торжественную позу и скомандовалъ:

— Пой всѣмъ классомъ!

И въ то время, какъ о. Петръ, стоя посреди класса, широкими розмахами «давалъ руку», причемъ безбрежный рукавъ его діаконской рясы выдѣлывалъ чудеса эквилибристики, то закатываясь по плечо, то вдругъ окутывая всю руку,—классъ ревѣлъ благимъ матомъ:

— Ми-ре-ми фа-соль-фа-ми-ре ми-ре-ми-ре... А потомъ переводилъ это на человѣческій языкъ;

— Все-е-мі-і-ірну-у-ю сла-а-ву-у...

И этимъ торжественнымъ гимномъ закончился урокъ «обиходнаго пѣнія», послѣ котораго бурса пошла домой обѣдать.

IV.

Бурса насыщается.

Торба моя совершенно пуста. Я уже нѣсколько дней спускаюсь внизъ въ подвальный этажъ и питаюсь бурсацкой пищей. Остаповъ говоритъ:

— Послушай, клопъ, что-жъ это твои родители не прiѣзжаютъ?

— А на что они вамъ?

Я почтительно называлъ Остапова «вы» въ уваженiе къ его лѣтамъ, усамъ и силѣ, въ особенности же силѣ, потому что онъ очень добросовѣстно выполнялъ принятыя на себя обязанности по отношенiю ко мнѣ. Что онъ за меня «заступается», это не было простымъ звукомъ, это было извѣстно всей бурсѣ. Случалось, что какому нибудь досужему бурсачку, просто потому, что ему нечего было дѣлать, приходила фантазiя подбѣжать ко мнѣ и, пользуясь тѣмъ, что я малъ и беззащитенъ, ни съ того ни съ сего надавать мнѣ тумаковъ въ спину. Откуда ни возьмись, появлялся Остаповъ, какъ коршунъ накидывался на моего обидчика и колотилъ его на славу, приговаривая при этомъ, что такъ же онъ поступитъ со всякимъ, кто меня тронетъ. Иной разъ дѣло ограничивалось только покушенiемъ на мою особу. Замышлявшаго противъ меня вò время останавливалъ другой:

— Ты его не затрогивай, за него заступается Остаповъ!

И этого было довольно, чтобы меня оставили въ покоѣ. Терминъ «заступаться» для мелкоты, въ родѣ меня, былъ почти оффицiальный. Мы такъ и спрашивали другъ у друга:

— А кто за тебя заступается?

— Маламузъ. А за тебя кто?

— Остаповъ!

— О, тебѣ хорошо! Остаповъ такой, что никому не спуститъ!

Тѣмъ не менѣе, втеченiе нѣсколькихъ дней, что я прожилъ въ бурсѣ, я былъ въ достаточной степени битъ и получилъ такое количество тумаковъ въ разныя части тѣла, что исчислить ихъ былъ бы напрасный трудъ. За что меня били? Этого ни я не знаю, ни тѣ, кто билъ. Такъ вотъ стоишь, и онъ, т. е. кто нибудь, какой нибудь бурсакъ, стоитъ невдалекѣ и созерцаетъ перелетающихъ съ крыши на крышу воронъ. И вдругъ глядишь: онъ злобно оскалилъ зубы, налетаетъ на тебя и начинаетъ колотить куда попало,— отъ скуки ли, отъ избытка ли энергiи, или вѣрнѣе всего отъ общей озлобленности, которую систематически порождаетъ и воспитываетъ въ бурсакѣ все окружающее. Понятное дѣло, ты всяческими способами отбиваешься, изловчаешься если не силой, то хитростью побѣдить врага, незамѣтно хватить его въ такое мѣсто, куда онъ не ждалъ удара, и онъ завоетъ. Долженъ сказать, что

я недолго оставался пассивной личностью, созданной лишь для того, чтобы ее били. Необходимость заставила меня изловчаться, и я, не смотря на то, что былъ рѣшительно слабѣе всѣхъ, скоро и съ своей стороны началъ бить и не разъ даже побѣждалъ врага.

Я сталъ настоящимъ бурсакомъ, перепробовалъ всѣ игры, освоившись съ ужасной терминологіей бурсы, и все это усвоилъ такъ быстро, что меня уже перестали называть новичкомъ, а вмѣсто этого называли «пампушкой» ради моихъ полныхъ и бѣлыхъ щекъ.

Возвращаюсь къ разговору съ Остаповымъ.

— А на что они вамъ?—спросилъ я.

— Гм... на что? Я соскучился по нимъ!..—отвѣтилъ онъ улыбаясь.

— Да вы же ихъ не видали даже!—наивно удивился я.

— Гм... Это ничего. Они мнѣ снились. Я видѣлъ ихъ во снѣ. Хочешь, опишу тебѣ, какіе они? Отецъ твой съ бородой, правда? А мать, та безъ бороды!.. Такъ вѣдь? Ну, вотъ видишь, а ты не вѣришь!.. Эхъ, ты дурень, дурень! не понимаешь, зачѣмъ они мнѣ. Да вѣдь торба наша пуста! Понялъ?

Ну, это я, разумѣется, понялъ. Торба наша пуста. Ужъ Остаповъ такъ освоился съ нею, что называлъ ее «наша торба», а не моя, и мечталъ о наполненіи ея съ такой увѣренностью, какъ будто все, что было въ амбарѣ и погребѣ краматоровскаго батюшки, что такъ самоотверженно охранялось моей матерью, принадлежало ему, Остапову, и было только во временномъ пользованіи моихъ родителей.

— Да ты, послушай, вотъ что. Ты имъ скажи, чтобы они вяленыхъ рыбцовъ привезли, вотъ это дѣло! Ихъ можно долго ѣсть! Я съ однимъ рыбцемъ могу три фунта чернаго хлѣба слопать, это выгодно!..

Этого рода «выгоду» многіе бурсаки соблюдали. Отмѣнно черствъ былъ кусокъ чернаго хлѣба, который выдавался бурсаку на завтракъ. Ужъ на что, кажется, неприхотливое блюдо—черный хлѣбъ, а и его зачѣмъ-то выдерживали и выдавали непремѣнно черствымъ. Только въ субботу вечеромъ да въ воскресенье утромъ хлѣбъ давался мягкій, потому что по субботамъ его пекли на цѣлую недѣлю. А ужъ дальше что ни день, то черствѣе, въ субботу же утромъ мы получали остатки, напоминавшіе камни. И вотъ бурсакъ, не владѣющій собственнымъ запасомъ и не съумѣвшій пристроиться къ какому нибудь счастливцу, получивъ этотъ кусокъ хлѣба и видя, какъ другой вкусно приправляетъ его саломъ (сало, какъ домашній продуктъ, удобный для храненія, было въ большемъ ходу), умоляетъ:

— Дай кусочекъ!

— Не дамъ, самому мало!

— Дай, пожалуйста! Ну, самый маленькій, самый малюсенькій, ну, вотъ съ ноготь!

И это не преувеличеніе,—онъ проситъ именно хоть съ ноготь и проситъ иной разъ такъ, что у него слезы на глазахъ. У бурсака сердце — не камень, и въ рѣдкихъ случаяхъ такая мольба встрѣчаетъ отказъ. Много ли это—съ ноготь?! И онъ отрѣзываетъ кусочекъ не больше ногтя, и тотъ вполнѣ счастливъ: онъ бережно беретъ этотъ даръ и смазываетъ имъ себѣ губы. Оближетъ языкомъ губы и закуситъ хлѣбомъ, потомъ опять смажетъ и опять закуситъ, и такимъ образомъ ноготка ему хватаетъ на цѣлый завтракъ. И повѣрьте, что это могло быть существеннымъ украшеніемъ жизни. Мнѣ самому случалось пробовать, и я знаю, что кусочекъ сала съ ноготокъ придавалъ безподобную прелесть завтраку бурсака, черствому и грубому, какъ вся его обстановка, вся его жизнь...

Я наравнѣ съ другими ходилъ въ столовую. Меню было очень несложно: борщъ и каша, борщъ съ кашей и каша съ борщемъ. Борщъ не выходилъ изъ репертуара бурсацкаго стола, но каша мѣнялась: гречневая, пшенная, ячменная. То, что называлось ужиномъ, составлялось изъ остатковъ отъ обѣда. Если такихъ остатковъ не оказывалось, то кое-что приваривалось, большею частью галушки, т. е. кусочки тѣста, варенные въ водѣ съ солью, иногда подавалась квашенная капуста, но это было роскошью, и бурсаки тогда ликовали и набрасывались на нее, какъ на лакомство. Мясо плавало въ борщевой чашкѣ, но что это было за мясо, право, приличнѣе не вспоминать объ этомъ. И тѣмъ не менѣе помню я ежедневно повторявшуюся такую картину. Бурсаки по звонку влетѣли въ столовую. Миски съ борщемъ стоятъ уже на столахъ,—одна миска на шестерыхъ. Но до тѣхъ поръ, пока не пропоютъ молитвы, прикасаться къ ѣдѣ воспрещено. Въ этомъ вся штука, и не даромъ это такъ устроено. Это своего рода мѣра предупрежденія и пресѣченія. Бурсаки поютъ молитву, но мысли у нихъ далеко не молитвенныя, а лишь голодныя, и пока тянется пѣніе, всѣ занимаютъ свои мѣста, каждый беретъ свою ложку и жадными очами смотритъ въ миску, гдѣ плаваютъ кусочки мяса. Когда молитва подходитъ къ концу, бурсаки начинаютъ мысленно прицѣливаться въ миску, обдумывая при этомъ, какъ бы половчѣе попасть въ нее ложкой, чтобы захватить побольше мяса. Вѣдь шесть ложекъ — конкуренція не малая, и каждой ложкой управляетъ крѣпчайшій голодъ. Но вотъ ужъ поется послѣднее слово: «отъ лукаваго», и не успѣли еще басы попасть въ доминанту, какъ ложки стрѣлой полетѣли въ миски, въ которыхъ происходитъ невообразимый кавардакъ, половина борща выплескивается на столъ, иной, неловко прицѣлившійся ложкой и сразу понявшій свою неудачу, залѣзаетъ натуральной рукой прямо въ самую гу-

щину борща, и все это въ погоню за кусочкомъ сквернаго и вывареннаго мяса; а бываетъ и такъ, что тотъ, кому ничего не досталось, въ порывѣ ревности накидывается на болѣе удачливаго сосѣда и старается выдрать у него кусокъ мяса чуть не изо рта.

Въ столовой начальствомъ была экономка Кирила Онисимовича Працовскаго, Дарья, особа пожилая, рябая, злая и вульгарная до той степени, до какой можетъ дойдти женщина ея ранга. Она водворяла порядокъ такими обращеніями къ бурсакамъ:

— Тише вы, безштанный народъ! Чего разгоготались, словно жеребцы въ табунѣ? Поролъ васъ мало отецъ инспекторъ, а вотъ, погодите, выпоретъ такъ, что три мѣсяца будете почесывать свои...

И она полнымъ именемъ называла тѣ мѣста, которыя бурсаки будутъ почесывать послѣ порки отца инспектора. Особа эта являлась всегда въ необычайно грязномъ видѣ, въ какомъ-то заношенномъ ситцевомъ капотѣ, босая, съ распущенными жиденькими волосами. Главная задача ея въ столовой состояла въ томъ, чтобы грудью защищать интересы и невинность Кирила Онисимовича Працовскаго. Случалось, что каша наполовину состояла изъ какихъ-то черныхъ зеренъ, которыя бурсаки называли «плевелами»; случалось, что мясо, плававшее въ борщѣ, своимъ запахомъ изумляло даже невзыскательное обоняніе бурсаковъ; Дарья всѣми силами своего краснорѣчія настаивала на томъ, что все это отличнаго качества и первый сортъ. Ей тыкали кусокъ мяса подъ самый носъ, пихали кашу въ ротъ, а она все доказывала, что это превосходно.

— Да дома-то вы что ѣли?—наконецъ воинственно спрашивала она.—Не бойсь, въ проголодь жили и даже тухлаго мяса въ глаза не видали! Скажите спасибо, что хоть такъ-то даютъ ѣсть, и этого не стоите! Чистая вы арестантская рота!

И, высказавъ этотъ свой послѣдній и самый рѣшительный доводъ, который притомъ же вполнѣ согласовался съ ея внутреннимъ убѣжденіемъ, Дарья при неистовыхъ крикахъ бурсы, среди которыхъ можно было разслышать позорнѣйшіе эпитеты, намекавшіе на ея деликатныя отношенія къ Кирилу Онисимовичу Працовскому, уходила изъ столовой.

Когда на шестой день моего пребыванія въ бурсѣ пріѣхала, наконецъ, моя мать, и я увидѣлъ чрезъ окно издали нашу трясучку, узналъ Антона, величественно сидѣвшаго на козлахъ, и нашихъ лошадей, весело помахивавшихъ хвостами, у меня страстно забилось сердце, захотѣлось обнять и мать, и Антона, и лошадей, расцѣловать въ самыя ихъ морды, и до того необъятно было это чувство радости при видѣ того, что напоминало о жизни человѣческой и человѣческихъ отношеніяхъ, что со мной едва не сдѣлался обморокъ.

Мать была поражена моимъ видомъ и прежде всего нашла,

что я похудѣлъ. Тщательно осмотрѣвъ мой костюмъ, она отыскала въ немъ множество изъяновъ. Тамъ было протерто до дыры, здѣсь разорвано, тутъ замазано какой-то дрянью, и ужъ я далеко не былъ похожъ на не получившаго чина канцелярскаго писца, собирающагося идти къ начальству.

— Господи, Господи! На что ты сталъ похожъ! Точно на тебя напали разбойники или голодные волки тебя помяли!—съ сердечнымъ сокрушеніемъ воскликнула моя мать.

И если-бъ она знала, до какой степени правдоподобны были ея простыя сравненія! Когда я, стоя на улицѣ, на приступкѣ экипажа и разспрашивая мою мать о домашнихъ дѣлахъ, на секунду оглянулся на зданіе бурсы, то замѣтилъ въ открытой форточкѣ голову, которая, безъ сомнѣнія, принадлежала моему величественному покровителю Остапову. Его острый пристальный взглядъ, казалось, проникалъ въ самую глубину экипажа и видѣлъ еще прикрытую сѣномъ новую торбу, въ которой заключались новыя блага. Не могу ручаться, что Остаповъ, не смотря на порядочное разстояніе между нимъ и экипажемъ, своимъ тонкимъ нюхомъ, обостреннымъ голодомъ, не различалъ разнообразныхъ предметовъ, лежавшихъ въ торбѣ. Онъ корчилъ выразительныя рожи и дѣлалъ мнѣ знаки и носомъ, и ртомъ, и глазами, и усами, и всѣ эти знаки говорили одно: «перестань разводить канитель, тащи-ка скорѣй торбу, страсть какъ жрать хочется!» Когда же я распрощался съ матерью и Антонъ потащилъ вслѣдъ за мною торбу, Остаповъ впился въ нее глазами, но вдругъ его голова исчезла изъ окна, и онъ, встрѣтивъ насъ въ корридорѣ, вырвалъ изъ рукъ удивленнаго Антона торбу и потащилъ ее, прискакивая, въ свой сундукъ. Въ ту же минуту началось пиршество, къ которому были приглашены кой-какіе почетные гости, между ними былъ, разумѣется, и Гностовъ, къ которому, неизвѣстно почему, Остаповъ питалъ непобѣдимую слабость. Вѣроятно, это происходило оттого, что Гностовъ—прилежный, до извѣстной степени благонравный, способный и не глупый—обладалъ тѣми качествами, какихъ именно не доставало Остапову и по части пріобрѣтенія которыхъ онъ былъ совершенно безнадеженъ. Противоположности сошлись.

V.

Подложный.

Каждый изъ имѣвшихъ власть надъ беззащитной бурсой обязательно билъ ее, но билъ не какъ попало, а своимъ излюбленнымъ способомъ. Благообразный и шутливый іерей Гекубовъ, онъ же о. инспекторъ, справедливо прозванный «Лисой», методически поролъ розгами, прибѣгая для осуществленія своего благо-

дѣтельнаго принципа къ услугамъ многоопытной руки Онуфрія; приличный, красивый, ядовитый и презрительный «цыганъ» Остроумовъ давалъ благородныя пощечины, свирѣпый силачъ о. Петръ, онъ же «Рыжая Собака», билъ не иначе, какъ корешками лозъ въ руку, и притомъ въ лѣвую. И какъ подумаешь хорошенько, то приходишь къ мысли, что иначе быть не могло, что іерею Гекубову было бы какъ-то не къ лицу давать пощечины или оборачивать розги корешками впередъ, Остроумову было бы неприлично возиться съ процедурой скидыванія штановъ бурсакомъ, а о. Петру бить какъ нибудь иначе, чѣмъ корешками въ лѣвую руку. Но этимъ не исчерпывалось богатство способовъ, какими люди, стоящіе надъ бурсой, поощряли ее къ исправленію.

У насъ нѣсколько дней не было урока ариѳметики, поэтому я еще ни разу не встрѣтился съ Васильемъ Макарычемъ Левицкимъ. Онъ былъ боленъ и не выходилъ изъ квартиры; а жилъ онъ во дворѣ бурсы, въ отдѣльномъ флигелькѣ, такъ какъ занималъ должность помощника инспектора и слѣдовательно ближайшимъ образомъ наблюдалъ за поведеніемъ бурсы.

Василья Макарыча я зналъ раньше. Онъ нерѣдко пріѣзжалъ къ намъ въ Краматоровку въ качествѣ почетнаго гостя. Отецъ принималъ его съ распростертыми объятіями, ибо и помимо всего прочаго было лестно принимать у себя такую особу, какъ помощникъ инспектора въ бурсѣ; вѣдь онъ могъ сдѣлаться и инспекторомъ, а это ужъ было бы очень хорошо. Но главное дѣло было въ томъ, что Василій Макарычъ явно ухаживалъ за моей сестрой, а въ послѣднее время сдѣлалъ ей предложеніе и считался у насъ въ домѣ женихомъ и своимъ человѣкомъ.

Я зналъ его, какъ самаго любезнаго человѣка въ цѣломъ мірѣ. Онъ былъ худощавъ, средняго роста, одѣвался просто и даже неуклюже, въ широкіе пиджаки и цвѣтныя сорочки съ накрахмаленными воротничками, но все это содержалось чисто. Лице у него было некрасивое, съ множествомъ рябинъ, съ плохенькой растительностью, но симпатичное, открытое, славное лице. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ деревню, то обязательно привозилъ мнѣ конфектъ, халву, пряники и орѣхи, бралъ меня на руки, прыгалъ со мной, разсказывалъ сказки, дѣлалъ смѣшныя рожи и шутилъ со мной, какъ ребенокъ. Сестру мою, кажется, онъ любилъ искренно, и она къ нему питала сердечное расположеніе.

Былъ урокъ ариѳметики. Василій Макарычъ пришелъ въ одномъ изъ своихъ широкихъ пиджаковъ, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ. Лице у него было такое же привѣтливое и симпатичное, какъ всегда. Онъ небрежно поискалъ въ журналѣ и вызвалъ кого-то къ доскѣ. Продиктовавъ задачу на сложеніе, онъ подошелъ къ ученику и, стоя близко около него, слѣдилъ глазами за его работой.

— Пять и семь... двѣнадцать!—громко складывалъ ученикъ и записывалъ.—Два пишу, одинъ замѣчаю!

Василій Макарычъ кивнулъ головой.

— Восемь и девять... семнадцать... Семь пишу, одинъ замѣчаю!..

— Врешь!..

И при этомъ словѣ, сказанномъ просто и тѣмъ добродушнымъ голосомъ, которымъ обладалъ Василій Макарычъ, онъ приподнялъ руку въ уровень съ головой ученика и сдѣлалъ ею какое-то движеніе, до того тонкое, что я не могъ уловить его взглядомъ. Но меня удивило, что ученикъ какъ-то съ необычайной энергіей мотнулъ головой и продолжалъ, но уже на цѣлый тонъ выше.

— Восемь и девять... се-ем... шестнадцать... шесть пишу...

— Врешь!

И опять то же тонкое движеніе рукой. На этотъ разъ ученикъ неистово мотнулъ головой и продолжалъ уже совсѣмъ въ квинту и плачущимъ голосомъ:

— Восемь и девять... Во-о-о-семь и де-е-вять... Семнадцать! Да... да одинъ въ умѣ... Восемнадцать...

— Ага, то-то! Молодецъ!

Кончивъ задачу, ученикъ пошелъ на мѣсто, обливаясь слезами. Слѣдующій рѣшалъ другую задачу, и опять Василій Макарычъ стоялъ около него и, когда тотъ дѣлалъ ошибку, производилъ таинственное движеніе рукой, и тотъ моталъ головой и возвратился на мѣсто въ слезахъ. Такимъ образомъ въ этотъ урокъ добрый десятокъ учениковъ были доведены до слезъ.

— Что онъ такое дѣлаетъ, отчего всѣ плачутъ?—спросилъ я моего сосѣда, не будучи въ состояніи понять это собственнымъ умомъ.

— Щелчки даетъ!—отвѣтилъ мой сосѣдъ такимъ простымъ тономъ, какъ будто въ этомъ не было ничего удивительнаго.

— Какъ щелчки? Куда?

— Куда придется: больше въ ухо, но бываетъ, что и въ носъ, и въ темя. Самое больное въ носъ...

— Да какъ же онъ это дѣлаетъ?

— Да какъ обыкновенно; вотъ такъ,—мой сосѣдъ вытянулъ свою правую руку, соединилъ кольцомъ средній палецъ съ большимъ и показалъ въ воздухѣ, какъ даютъ щелчки.

— И такъ это больно, что плачутъ?

— Адски больно! Онъ какъ-то такъ наловчился давать, да и палецъ у него точно желѣзный. Дастъ щелчокъ, такъ у тебя искры въ глазахъ покажутся...

— Неужели онъ злой?—спросилъ я съ недовѣріемъ.

— Кто?

— Василій Макарычъ?!

— Нѣтъ, онъ не злой. Онъ никогда не сердится, а ежеминутно щелчки даетъ. Это у него привычка. Иной разъ даже въ корпусѣ стоишь себѣ да зѣваешь, а онъ подойдетъ: какъ поживаешь, Книшенко? Да въ это время щелкъ въ ухо, ты такъ и подскочишь на мѣстѣ...

Василій Макарычъ? Мой любимецъ? Этотъ милый, веселый, добрый человѣкъ? Мнѣ просто не вѣрилось, что у него могла быть такая несчастная привычка. Почему же онъ меня, когда пріѣзжалъ къ намъ, никогда не щелкалъ по ушамъ? А между тѣмъ это было такъ, и я потомъ окончательно убѣдился въ этомъ. Къ концу урока онъ меня замѣтилъ.

— Какъ! это ты? Тебя привезли?—радостно спросилъ онъ!—Ну, заходи-ка ко мнѣ! Ты знаешь мою квартиру? Тебѣ покажутъ.

Я заходилъ къ нему не разъ, онъ былъ также ласковъ со мной, какъ дома, и ни разу не далъ мнѣ щелчка.

Чтобы больше не возвращаться къ Василію Макарычу, я здѣсь разскажу его дальнѣйшую исторію, которая всѣхъ насъ, какъ бурсаковъ, такъ и моихъ домашнихъ, поразила совершенной неожиданностью.

Василій Макарычъ былъ единственный преподаватель въ бурсѣ, излагавшій свой предметъ толково и ясно, такъ что мы понимали ариѳметику и въ самомъ дѣлѣ относились къ ней сознательно. Остроумовъ «задавалъ уроки» по параграфамъ, разсчитывая, чтобы выходило на каждый урокъ двѣ страницы. «На слѣдующій урокъ три слѣдующихъ параграфа»,—говорилъ онъ и уходилъ изъ класса. Отецъ Петръ заставлялъ насъ орать цѣлымъ классомъ, а каждому въ отдѣльности вбивалъ въ голову свою музыкальность посредствомъ корешковъ розогъ. Иванъ Яковлевичъ по слабости здоровья ограничивался тѣмъ, что бралъ у дежурнаго его книжку и по ней отмѣчалъ ногтемъ предѣлъ, до котораго должна была подвинуться наша мудрость. Одинъ только Василій Макарычъ внимательно и толково всякій разъ объяснялъ намъ каждое новое правило, каждую задачу, благодаря чему по ариѳметикѣ мы двигались впередъ сознательно. Я, конечно, не могъ тогда судить о томъ, на сколько онъ уменъ и развитъ, но уже послѣ я слышалъ единодушные отзывы всѣхъ, близко знавшихъ его, что это былъ человѣкъ, по уму выдававшійся среди своихъ товарищей и, какъ тогда любили выражаться, «начитанный». Не менѣе замѣчательно то, что, держа въ рукахъ экономическую часть бурсы, онъ, въ противность тогдашнимъ обычаямъ, не урывалъ въ свою пользу изъ скуднѣйшаго кошта, отводимаго на долю бурсаковъ, и не разъ грудью возставалъ противъ алчности Працовскаго, морившаго насъ голодомъ.

Таковъ былъ Василій Макарычъ, и вотъ что съ нимъ произошло.

Однажды (это было въ воскресный день) въ послѣобѣденный

часъ, когда бурсаки рѣзвились на обширномъ дворѣ Працовскаго, на полулѣсенкѣ, ведущей изъ корридора во дворъ, появился Василій Макарычъ. Онъ не шелъ, а почти бѣжалъ, походка у него была неровная, лицо блѣдное, полы широкаго пиджака развѣвались по вѣтру. Противъ обыкновенія, онъ ни разу не остановился, не сдѣлалъ ни одному бурсаку замѣчанія, никому не далъ щелчка въ носъ, даже не глядѣлъ ни на кого, а прямо прошелъ въ свой флигель, и сейчасъ же тамъ извнутри щелкнула задвижка. Бурсаки мигомъ почуяли, что это не спроста и что тутъ есть нѣчто недоброе. Ловкачи умудрились, оставаясь незамѣченными, заглядывать въ окна его квартиры, и намъ, всѣмъ остальнымъ бурсакамъ, находившимся въ разныхъ углахъ двора, сообщалось, словно по телеграфу:

— Бумаги въ столѣ перебираетъ!

— Укладываетъ вещи въ чемоданъ!

— Зажегъ свѣчу и сжигаетъ какую-то бумагу!

— Письмо пишетъ! Запечаталъ! Марку наклеилъ!

Сообщая другъ другу всѣ эти свѣдѣнія, бурсаки волновались не на шутку. Что-то необыкновенное совершилось въ квартирѣ Василія Макарыча. Онъ страшно торопился, ежеминутно смотрѣлъ на часы и, повидимому, былъ смущенъ чѣмъ-то необычайнымъ. Наконецъ, опять щелкнула задвижка извнутри, дверь растворилась, вышелъ Василій Макарычъ и кивнулъ пальцемъ двумъ здоровымъ бурсакамъ. Тѣ подбѣжали и схватили на плечи чемоданъ и узелъ и понесли за нимъ въ ворота, а за воротами уже стоялъ заранѣе взятый имъ извозчикъ.

— Куда вы ѣдете, Василій Макарычъ?—рѣшился спросить одинъ изъ бурсаковъ, несшій чемоданъ.

Любопытство пересилило въ немъ страхъ. Василій Макарычъ сурово посмотрѣлъ на него, и лицо его какъ-то перекосилось. Но на вопросъ онъ не отвѣтилъ.

— Трогай!—строго сказалъ онъ извозчику, и бричка тронулась.

Однако-жъ, любопытные бурсаки прослѣдили и узнали, что Василій Макарычъ поѣхалъ на пристань, сѣлъ на пароходъ, который черезъ четверть часа отошелъ. Весь день только и было толковъ, что про это необычайное событіе. А на другой день, ужъ не знаю какимъ путемъ, бурсаки дознались, что за полчаса до отъѣзда Василій Макарычъ, идя по улицѣ, встрѣтилъ о. инспектора.

— А я васъ ищу и къ вамъ иду! — сказалъ о. инспекторъ своимъ пѣвучимъ теноромъ, но по лицу его можно было догадаться, что онъ чѣмъ-то встревоженъ.

— Меня? Что такое произошло?—спросилъ Василій Макарычъ.

О. инспекторъ остановился, остановилъ и его, снялъ шляпу, погладилъ свою лысину и началъ говорить своимъ сдержаннымъ голосомъ:

— Вотъ что, милый Василій Макарычъ, вы знаете, что я очень уважаю васъ и люблю и всяческаго добра вамъ нелицемѣрно желаю! (Это была истинная правда: о. инспекторъ въ самомъ дѣлѣ любилъ Василія Макарыча). Но бываютъ положенія, когда и дружба безсильна и обязана спасовать. И я вамъ скажу сегодня, а вы сейчасъ же примите свои мѣры, какія знаете, потому что завтра я буду обязанъ сказать другимъ. Извѣстно мнѣ, что есть на свѣтѣ Григорій Семеновичъ Миропольцевъ...

Какъ сказалъ эти слова о. инспекторъ, такъ Василья Макарыча и шатнуло въ сторону, и чуть онъ не упалъ на мѣстѣ.

— Вы знаете?—произнесъ онъ страшнымъ голосомъ.

— Бумагу получилъ... Не волнуйтесь, держите себя въ рукахъ. Я знаю, что вы не дурной человѣкъ, вы не убили и не украли, а взяли то, что никому уже не было потребно! Но напрасно. Вы поступили опрометчиво! Подобныя дѣла рано или поздно узнаются. Между тѣмъ ваши познанія и вашъ умъ могли бы дать вамъ то же самое правильнымъ путемъ... Теперь спасайтесь, какъ умѣете. Я приму на душу грѣхъ и дозавтра утаю отъ другихъ...

Василій Макарычъ, блѣдный и убитый, крѣпко пожалъ руку отцу инспектору и побѣжалъ домой.

Тайна же, которую на другой день узнали всѣ, заключалась въ томъ, что Василій Макарычъ Левицкій вовсе не былъ Васильемъ Макарычемъ Левицкимъ, а былъ въ сущности Григоріемъ Семеновичемъ Миропольцевымъ. Учился Миропольцевъ въ бурсѣ, въ городѣ весьма отдаленномъ отъ нашего, учился хорошо, надежды подавалъ, что пойдетъ въ академію и прославитъ свою семинарію, но нравъ у него былъ слишкомъ самостоятельный, и по этой части не ладилъ онъ съ начальствомъ. Случилось такъ, что, когда онъ былъ уже въ философскомъ классѣ, почти наканунѣ перехода въ богословскій, вышла исторія, результатомъ которой было то, что Миропольцевъ совершилъ заушеніе инспектору, за что, разумѣется, былъ немедленно выключенъ съ волчьимъ билетомъ. Былъ же у него товарищъ и другъ, Василій Макарычъ Левицкій, учившійся тоже прекрасно и кончившій курсъ по первому разряду. Оба они были одиноки, что называется круглые сироты. Но у Левицкаго была чахотка, и онъ умеръ на рукахъ у своего друга Миропольцева. Похоронилъ Миропольцевъ друга и, оставшись совсѣмъ одинокъ, раздумался о своемъ безвыходномъ положеніи. Некуда было ему идти съ волчьимъ билетомъ, никуда его, даже въ солдаты не примутъ. А между тѣмъ въ рукахъ у него былъ чистый аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи семинаріи, документъ уже никому ненужный и совсѣмъ задаромъ пропадающій. Тутъ ему и пришла мысль воспользоваться единственнымъ наслѣдіемъ умершаго друга. Онъ поѣхалъ въ дальній нашъ городъ и здѣсь выдалъ себя за Василья Макарыча Левицкаго и прекрасно справлялся съ обязан-

ностями учителя и помощника инспектора втеченіе шести лѣтъ. И такъ твердо и точно основался онъ на этомъ мѣстѣ, что сталъ подумывать о женитьбѣ... Но какъ-то на мѣстѣ это узналось и завязалось дѣло...

Пріѣзжали въ городъ отецъ мой, мать и сестра, ходили къ о. инспектору и спрашивали, правда ли. Отецъ служилъ благодарственное молебствіе по случаю избавленія отъ опасности, мать вздыхала и говорила: «чуть не погубили мы нашу доченьку», а сестра плакала, потому что искренно любила мнимаго Василья Макарыча.

Съ тѣхъ поръ мы ничего не слышали объ этомъ человѣкѣ, и мнѣ неизвѣстно, какова была его дальнѣйшая судьба.

VI.

Кулакъ отъ бурсы.

«Обиходное пѣніе» съ перваго же раза показало мнѣ зубы. Я, разумѣется, какъ запоздавшій, долженъ былъ начать съ азовъ, но такъ какъ о. Петръ обладалъ темпераментомъ сангвиническимъ и торопился съ водвореніемъ въ насъ обиходной музыкальности, то мнѣ было задано все заразъ до самой «Всемірной славы». Я первый разъ въ жизни видѣлъ ноты и смотрѣлъ въ нихъ, какъ въ воду, а между тѣмъ долженъ былъ стоять передъ о. Петромъ и пѣть по обиходу головоломное: «утъ-утъ-утъ-утъ, ре-ре-ре-ре, ми-ми-ми-ми...», и при этомъ «давать руку». Нечего и прибавлять, что я оказался въ числѣ добровольно стоящихъ у порога, ибо вполнѣ искренно сознавалъ, что ничего пропѣть не въ состояніи.

— А, и ты тутъ?—привѣтливо встрѣтилъ меня о. Петръ, точно обрадовавшись, что и я попалъ къ порогу. — Ну, ну, пой!

— Я не могу!—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ я.

— Почему не можешь? Ты развѣ рыба? а? Что-жъ ты молчишь? Говори: ты рыба?

— Нѣтъ, я не рыба!

— Ну, а если ты не рыба, то слѣдственно можешь пѣть. Пой!

Что мнѣ оставалось дѣлать? Я началъ пѣть и «давать руку» и, должно быть, и то, и другое я дѣлалъ очень смѣшно, потому что весь классъ весело смѣялся.

— Молодчина! Ну, братецъ, вижу, что по нотамъ ты не умѣешь пѣть. А вотъ посмотримъ, какъ ты наизусть запоешь.... Держи руку! Нѣтъ, лѣвую, лѣвую!...

Еще казнь не началась, а слезы уже катились изъ моихъ глазъ. Розги казались мнѣ ужаснымъ орудіемъ, а боль, которая должна отъ нихъ произойдти,—нестерпимой. Я протянулъ дрожащую руку, о. Петръ поднялъ пучекъ розогъ и нанесъ мнѣ ударъ.

Страшный крикъ раздался въ классѣ, это кричалъ я. Я кричалъ такимъ высокимъ и звонкимъ голосомъ, что о. Петръ бросилъ розги и закрылъ обѣими руками свои уши. Но я продолжалъ кричать.

— Постой, постой, братъ!—вдругъ остановилъ онъ меня, какъ бы спохватившись:—а ну-ка, крикни еще разъ, вотъ какъ сейчасъ кричалъ.

Я лилъ слезы и угрюмо молчалъ, сжимая въ кулакъ лѣвую ладонь.

— Ну, что же ты? Кричи, я тебя прошу!

Я, всетаки, молчалъ, подозрѣвая въ этой просьбѣ какую нибудь каверзу.

— Если ты не хочешь такъ кричать, то я тебя заставлю. Держи руку!

Но я предпочелъ кричать такъ и дѣйствительно закричалъ, причемъ постарался и хватилъ еще болѣе звонкую и высокую ноту.

— Молодчина! Ей-Богу же, молодчина! Да у тебя альтъ, и я тебя беру въ архіерейскій хоръ! Ты будешь у меня солистомъ, ей-Богу, будешь солистомъ, дуракъ ты этакій! Завтра же приходи на спѣвку!

Я недоумѣвалъ, не понимая еще, что значитъ «спѣвка» и что такое—архіерейскій хоръ. Но во время перемѣны бурсаки объяснили мнѣ, что все это очень хорошо.

— Въ архіерейскомъ домѣ будешь жить, это превосходно. Тамъ кормятъ лучше, куда-а!

Это, конечно, было самое важное преимущество съ точки зрѣнія бурсака. Но были и другія, напримѣръ, то, что пѣвчіе всегда лучше одѣты. Остаповъ же напиралъ на то, что, состоя въ пѣвчихъ, можно часто въ классъ не ходить и даже безъ экзамена переходить изъ класса въ классъ. Все это было заманчиво, и у меня, огорошеннаго тягостной обстановкой бурсы, явилась въ душѣ смутная надежда на то, что авось будетъ нѣкоторое облегченіе моей участи.

Въ этотъ вечеръ у Остапова былъ крайне недовольный видъ. Когда мы ходили съ нимъ по корридору, онъ кряхтѣлъ, вздыхалъ и мрачно плевалъ въ разныя стороны.

— Послушай, пампушка, это очень дурно съ твоей стороны, что ты переберешься въ архіерейскій домъ!—сказалъ онъ мнѣ:—очень дурно! Я къ тебѣ привыкъ, мнѣ, пожалуй, будетъ скучно!..

Я не сразу понялъ эту аллегорію и замѣтилъ, что я тутъ не при чемъ, такъ какъ это воля «Рыжей Собаки», т. е. о. Петра.

— А ты не соглашайся, да и конецъ!—посовѣтовалъ онъ.

— Какъ же это можно? Онъ бить станетъ и заставитъ!

— Эка важность! Бить станетъ! Пусть побьетъ, что за бѣда! А ты думаешь — тамъ, въ архіерейскомъ домѣ, не будутъ бить?

Ого-го! Отецъ экономъ отлично владѣетъ линейкой, а «Рыжая Собака» прямо въ голову камертономъ лупитъ! Нѣтъ, ты лучше откажись, ой-Богу! Да ты вотъ что: ты скажи, что у тебя голосъ пропалъ, ну, онъ дастъ тебѣ въ руку корешковъ, а ты не кричи, а такъ только одинъ хрипъ пускай. Потерялъ голосъ, да и только! Право же такъ!

Предложеніе это казалось мнѣ нецѣлесообразнымъ. Какъ это можно потерять голосъ? Что-то очень мудрено. Скоро, однако-жъ, и мой опечаленный покровитель самъ понялъ, что это не годится, и открылъ передо мной всѣ свои карты.

— Послушай, пампушка,—опять заговорилъ онъ:—это ничего, что ты будешь жить въ архіерейскомъ домѣ; всеже тебя обижать будутъ... Если я за тебя не буду заступаться, то тебѣ худо будетъ...

— Я буду приносить вамъ сало и сдобные коржи!—прямо сказалъ я, вполнѣ усвоивъ его идею, и онъ оцѣнилъ мою прямоту.

— Вотъ молодчина! Это я люблю, это подружески!

И Остаповъ тотчасъ же повеселѣлъ и больше не уговаривалъ меня потерять голосъ. Онъ даже взялся завтра отвести меня къ архіерейскому дому и указать «спѣвочную», куда мнѣ велѣлъ прійдти о. Петръ.

Такъ какъ это уже дѣло рѣшенное, что я завтра пойду на спѣвку и затѣмъ переселюсь въ архіерейскій домъ, для чего, конечно, мнѣ придется совсѣмъ покинуть домъ Кирила Онисимовича Працовскаго, то я считаю своимъ долгомъ сказать похвальное слово этому замѣчательному человѣку, геройскіе подвиги котораго и донынѣ еще сохранились въ устныхъ преданіяхъ губернскаго города.

Кирилъ Онисимовичъ Працовскій происходилъ изъ духовнаго званія, а слѣдовательно былъ чистокровный бурсакъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ этой же самой бурсѣ, но это было такъ давно, что, кажется, даже и онъ самъ позабылъ объ этомъ. Онъ былъ академикъ и, въ качествѣ бурсака стариннаго закала, совершенно свободно говорилъ полатыни. Изъ академіи онъ пріѣхалъ сюда, вѣроятно, преподавателемъ, объ этомъ я ничего не знаю, но очень скоро пришелъ къ заключенію, что это дѣло не стоитъ траты его драгоцѣнныхъ силъ. Надо думать, что бережливость помогла ему сдѣлать сбереженія, которыя, въ свою очередь, помогли ему купить какой нибудь домишко въ тѣ давнія времена, когда дома въ губернскомъ городѣ стоили дешево. Связи въ сферѣ бурсацкаго начальства помогли ему помѣстить въ своемъ домишкѣ бурсу, которая, бездомная, ютилась по наемнымъ квартирамъ, и сдѣлаться ея кормильцемъ и поильцемъ, а впослѣдствіи взять на откупъ и всю обмундировочную часть.

Когда меня привезли въ бурсу, Працовскій уже прошелъ главную часть своего житейскаго поприща: ему было 82 года. Съ виду

это былъ высокій, очень тонкій человѣкъ, слегка согбенный, съ лицомъ совершенно бритымъ, морщинистымъ, съ бѣлыми замѣчательно сохранившимися волосами на головѣ, всегда подстриженными подъ гребенку. Ничего выдающагося не представляло его лице: обыкновенныя мелкія старческія черты, только въ маленькихъ стальныхъ глазахъ свѣтился какой-то холодный блескъ, отражавшій, должно быть, тотъ холодъ, который вѣчно царилъ въ сердцѣ Працовскаго.

Двѣ идеи и только двѣ идеи во всю жизнь занимали Працовскаго: созданіе собственной матеріальной независимости и наивозможное продолженіе своей жизни. Первая начала осуществляться съ того момента, какъ ему удалось завести въ губернскомъ городѣ собственный домъ и переселить въ него бурсаковъ. На содержаніе казеннокоштныхъ бурсаковъ отпускалась сумма, какъ разъ достаточная, чтобы бурсакъ не умиралъ съ голоду, но въ то же время никогда не былъ и сытъ. Своекоштные платили почти по этой же нормѣ. Кирилъ Онисимовичъ хорошо зналъ все это и тѣмъ не менѣе смѣло взялся за это дѣло и не только не оставался въ убыткѣ, а ежегодно клалъ остатки въ банкъ, отъ времени до времени прикупая домики въ разныхъ частяхъ города. Чѣмъ кормилъ и во что одѣвалъ онъ бурсаковъ, это мы видѣли, но это были далеко еще не всѣ статьи, изъ которыхъ онъ извлекалъ свои остатки. Працовскій былъ не просто скупой человѣкъ, скаредъ—по одному только влеченію сердца. Это само собой, но, кромѣ того, онъ былъ еще художникъ своего дѣла. Безъ сомнѣнія, Працовскій очень хорошо зналъ разницу между рублемъ и копѣйкой, но въ дѣлѣ экономіи и пріобрѣтенія онъ не дѣлалъ никакой разницы между двумя этими величинами и удѣлялъ копѣйкѣ столько же вниманія, сколько и рублю, «ибо,—говорилъ онъ,—не было на свѣтѣ еще ни одного рубля, который не составлялся бы изъ копѣекъ». Поэтому Працовскій тщательно слѣдилъ, чтобы не пропала ни одна корка хлѣба изъ остатковъ послѣ бурсацкой трапезы; поэтому онъ внимательно подбиралъ всѣ лохмотья, которые снимали бурсаки, когда получали новую одежду, всѣ остатки старой обуви безъ подошвъ и задковъ, рѣшительно все, что уже не годилось ни къ какому употребленію. Все это онъ сбывалъ куда-то, всѣмъ этимъ еще потомъ пользовались люди, которые были бѣднѣе и голоднѣе бурсаковъ. Вся система его жизни была построена на строгой экономіи. Экономка Дарья совмѣщала у него обязанности горничной и метрессы; происшедшая отъ этого сожитія смазливая Феня, съ которой запросто обращались великовозрастные бурсаки, обшивала его съ ногъ до головы; всѣ закоулки своего дома онъ приспособлялъ для жилья и отдавалъ въ наемъ учителямъ. Самъ же, обладая стотысячнымъ состояніемъ, жилъ въ одной комнатѣ—просторной и свѣтлой, гдѣ былъ столъ, клеенчатый диванъ, такое же кресло, нѣ-

сколько стульевъ и множество приспособленій для гимнастики. Жизнь его проходила въ соблюденіи гигіеническихъ правилъ для продленія жизни. Онъ только и дѣлалъ, что упражнялся въ гимнастикѣ, подымалъ гири, прогуливался, ѣздилъ за городъ въ своей двухколескѣ, тамъ выходилъ въ поле и начиналъ энергично расхаживать широкими шагами. Ѣлъ онъ бульонъ и кусокъ мяса, причемъ очень долго и основательно разжевывалъ, пилъ только чистую воду; ни одного излишества, ни одного сколько нибудь волнующаго удовольствія не позволилъ онъ себѣ во всю жизнь.

И жилъ Кирилъ Онисимовичъ долго. Много лѣтъ спустя, когда уже даже устныя преданія о старой бурсѣ поблѣднѣли, мнѣ довелось быть въ губернскомъ городѣ. Кирилу Онисимовичу насчитывали больше ста лѣтъ, а онъ все продѣлывалъ свою гимнастику и увеличивалъ свое добро. Онъ давалъ деньги подъ залогъ домовъ (дома были его страстью), бралъ большіе проценты и ликовалъ, когда домъ оставался за нимъ. И въ городѣ дома Працовскаго считались десятками.

Но кончилъ Працовскій, всетаки, скверно. Не смотря на то, что онъ всячески боролся со смертью, естественная смерть, всетаки, была отъ него недалеко, и тѣмъ не менѣе она ему не досталась. Наивные люди почему-то воображали, что онъ всѣ свои богатства держитъ у себя подъ подушкой, и вотъ однажды компанія головорѣзовъ забралась къ нему и перерѣзала ему горло. Въ жилетномъ карманѣ у него оказалось два съ полтиной мелочью, все же остальное было, разумѣется, въ банкѣ. Пріѣхалъ какой-то во всю жизнь Працовскаго не являвшійся племянникъ и получилъ наслѣдіе.

На другой день послѣ того, какъ о. Петръ открылъ у меня великолѣпный альтъ, послѣ ученья Остаповъ, котораго въ этотъ день почему-то никто никакимъ способомъ не билъ, взялъ меня отечески за руку и повелъ къ архіерейскому дому. Это было очень недалеко, по мѣстному счету на разстояніи одного квартала, всего минуты двѣ ходьбы. Я увидѣлъ длинную деревянную рѣшетку, окрашенную въ зеленый цвѣтъ, широкія ворота; къ рѣшеткѣ примыкалъ внутренній садикъ, а къ садику—длинный одноэтажный домъ. Обширный дворъ былъ почти пустъ. Въ концѣ его особнякомъ стояло небольшое каменное строеніе въ родѣ часовни, круглое съ маленькимъ куполомъ, но безъ креста; направо живописно раскидывались остатки полуразрушеннаго двухэтажнаго каменнаго зданія, которые произвели на меня какое-то удручающее впечатлѣніе.

Остаповъ остановился на улицѣ у воротъ.

— Вонъ видишь ту бесѣдку?—сказалъ онъ, указывая на круглое строеніе съ куполомъ:— это и есть спѣвочная. Ты туда и отправляйся.

Сдѣлавъ это указаніе, Остаповъ не посмѣлъ войдти въ архіерейскій дворъ, ибо это непосвященнымъ лицамъ воспрещалось. Онъ вернулся обратно въ бурсу, а я робкими шагами вошелъ въ предѣлы, въ которыхъ мнѣ суждено было водвориться и познакомиться съ новыми формами жизни, быть можетъ, еще болѣе странными, чѣмъ тѣ, которыми жила бурса.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАСѢКИНСКІЙ ДОМЪ.

Разсказъ-хроника.

(1613—1892).

I.

О ДНИ ОНЫ, въ древней столицѣ Московскаго государства, на одной изъ самыхъ большихъ улицъ, Вознесенкѣ, въ приходѣ Николы Линючаго, стоялъ въ глубинѣ двора деревянный боярскій домъ со службами. Домъ былъ темно-зеленаго цвѣта, а службы не были выкрашены.

Уже болѣе пятидесяти лѣтъ прошло съ той поры, что домъ былъ выстроенъ. Въ ту пору, когда бояринъ его строилъ, совершалось и устроеніе Русскаго государства послѣ самозванцевъ.

Вновь избранный царь изъ дома Романовыхъ устроялъ царство, а новые бояре строились на новыхъ мѣстахъ.

Теперь царствовалъ Тишайшій царь. Въ домѣ же этомъ проживалъ сынъ строителя, бояринъ Михаилъ Алексѣевичъ Засѣкинъ.

Въ домѣ бывало всегда тихо. Мало отлучался изъ дому бояринъ, а еще меньше посѣщали его. Иждивенья у него было немного, и гостей угощать было нечѣмъ. Доставало только для пропитанія себя и семьи и соблюденія боярскаго званья. Хватало только, чтобы сводить концы съ концами.

Но однажды все перемѣнилось...

На Москвѣ въ семьяхъ боярскихъ именитыхъ, новыхъ и захудалыхъ равно было неспокойно. За послѣдній мѣсяцъ много было толковъ «и пошепту и въявь» о томъ, что царь хочетъ сочетаться вторымъ бракомъ. Стало быть, дѣло идетъ къ тому, что всѣхъ красавицъ самыхъ «знатныхъ въ людяхъ» соберутъ на царскія смотрины.

Сполохъ среди бояръ. Просто дымъ коромысломъ! Кто же вдругъ станетъ ровней Милославскихъ!? Кого Господь взыщетъ, а царь удостоитъ?!

Но однажды утромъ прошелъ по Москвѣ несравненный слухъ: никакихъ смотринъ не будетъ! Царь уже избралъ себѣ подругу жизни и будущую царицу. Да слышно, что и впредь никогда никакихъ смотринъ не будетъ. Счастливица, избранная царемъ, не кто иная, какъ младая красавица Наталья Нарышкина, «домочадка» ближняго боярина Артамона Сергѣевича.

Вотъ и не даромъ у него Матвѣева въ домѣ, какъ у друга, часто бывалъ и кушалъ царь. Мягко стелетъ Артамонъ Сергѣевичъ, а нѣтъ, нѣтъ, да бока и пожметъ боярамъ.

Прошло съ недѣлю, и слухъ подтвердился, а наконецъ стало всѣмъ вѣдомо не только, что царь избралъ «Матвѣевскую Наталью», но и день будущаго царственнаго брака уже назначенъ. Во многихъ боярскихъ палатахъ носы повѣсили, и наоборотъ въ иныхъ домахъ иной какой «худой» бояринъ гоголемъ пошелъ, а промежъ домочадцевъ стало шумно и голосисто.

Едва только прошелъ слухъ о бракѣ царя, какъ въ домѣ боярина Засѣкина сугубая суетня пошла. Вся многочисленная семья, чады и домочадцы, все повеселѣло и запрыгало.

А затѣмъ чрезъ нѣсколько деньковъ во дворъ зелененькаго дома стали появляться гости и верхомъ, и пѣшкомъ. А тамъ вдругъ пошли наѣзжать на дворъ и колымаги со скороходами впереди. Всѣ начали чествовать Засѣкина.

Многіе, почти никогда не бывавшіе у боярина Михаила Алексѣевича, теперь вдругъ появились безъ всякой нужды, «внезапу». Давно собирались они якобы, да все было не время, или погода была «ненасть».

Дѣйствительно, для боярина Засѣкина наступило вёдро.

Дѣло было простое. Бояринъ былъ родственникомъ той счастливицы, которой вскорѣ надлежало стать царицей.

Захудалый родъ, но именитый и древній, въ лицѣ боярина долженъ былъ снова процвѣсти. Но прежде всего расцвѣлъ самый домикъ. Бояринъ на радостяхъ распорядился вымазать и домъ, и службы, свѣжей зеленой краской, а ставни расписать цвѣтами и фруктами.

Кроткая и красивая дѣвушка, которая еще не давно у себя въ вотчинѣ изъ нужды бѣгала босикомъ въ лѣтнюю пору, или въ онучахъ и лапоткахъ зимой, теперь стала выше всѣхъ женщинъ въ Россіи. Родни у нея было не мало, но все дальняя родня, которая съ ней не зналась. Всѣ эти родичи, всетаки, стояли повыше, чѣмъ родъ Кирилы Нарышкина.

Воспитанница боярина Матвѣева, сдѣлавшись царицей, вознесла весь свой родъ, но не стала открещиваться и отъ дальнихъ родственниковъ. Бояринъ Засѣкинъ былъ тоже допущенъ съ поклономъ къ невѣстѣ царской, а потомъ и съ просьбой и къ царицѣ.

Всѣ просьбы ближнихъ царицы исполнялись царемъ съ великой радостью. Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ брака царя, какъ всѣ родственники царицы стали уже знатными людьми, а бояринъ Засѣкинъ былъ отправленъ на кормленіе воеводой въ Ярославскіе предѣлы.

Черезъ десять лѣтъ въ приходѣ Николы Линючаго стоялъ большой съ «вышкой» домъ въ глубинѣ болѣе просторнаго двора. Бояринъ Михаилъ Алексѣевичъ вернулся съ воеводства и уже былъ именитый человѣкъ, былъ, почитай, ближній бояринъ при царицѣ. Велъ онъ себя осторожно, былъ осмотрителенъ на словѣ, а тѣмъ паче на дѣлѣ.

Наступили дни стрѣлецкихъ бунтовъ, но дома боярина Засѣкина стрѣльцы не тронули, и никакой бѣды и напасти не произошло.

II.

Прошло много лѣтъ. Глухо было въ боярскомъ домѣ прихода Николы Линючаго. «Засѣкинскій домъ», какъ звали его въ околодкѣ, стоялъ теменъ и пустъ. Бояринъ Михаилъ Алексѣевичъ былъ на томъ свѣтѣ, а сынъ его, Михаилъ Михайловичъ, въ чинѣ полковника, находился неотлучно при первомъ императорѣ. Доходили слухи въ Москву объ его подвигахъ то съ турками, то со шведами. Приходили извѣстія то объ новой ему наградѣ царской, то объ якобы смертельной ранѣ, полученной въ бою. Но все это мало, конечно, волновало обывателей прихода Николы.

Но однажды обыватели всполошились немало.

По приказу боярина Михаила Михайловича, былъ купленъ цѣлый пустырь, прилегавшій къ Засѣкинскому дому, и огороженъ частоколомъ. Для этого понадобилось, однако, выселить съ краевъ пустыря трехъ владѣльцевъ. Съ однимъ вошли въ полюбовное соглашеніе, какой-то обмѣнъ; у другаго задешево купили его домишко и снесли, а третьяго несговорчиваго просто прогнали по шеямъ.

Въ годъ смерти перваго императора бояринъ явился въ Москву съ двумя молодцами сынами, уже офицерами, и порѣшилъ кончать свой вѣкъ, гдѣ родился и гдѣ жилъ отецъ его.

Рабочее время на Руси вдругъ прекратилось. Истинная страда миновала. Наступило затишье.

Семья боярина Засѣкина мирно прожила лѣтъ десять, и за это время купленный пустырь обратился въ маленькій молодой садъ съ небольшими деревцами, съ аллеями изъ тоненькихъ, но свѣженькихъ липочекъ. Бояринъ утѣшался, что коли самъ не будетъ въ прохладѣ гулять, зато внуки поблагодарятъ его за насажденіе.

Но вдругъ разразилась гроза. Случилась въ домѣ бѣда бѣдовая. Ни въ чемъ не повинный бояринъ со всей своей семьей былъ высланъ изъ Москвы въ дальнюю степную вотчину, а затѣмъ чрезъ годъ очутился въ Пелымѣ ссыльнымъ.

Въ Россіи царилъ герцогъ Биронъ. Хотя бояринъ скромно и тихо велъ себя въ Москвѣ, но на свою бѣду имѣлъ родню въ Питерѣ. Одинъ изъ родственниковъ его, бывшій въ силѣ, попалъ въ опалу и, чтобы спастись, оклеветалъ московскаго родственника. Самъ онъ не спасся, а дворянина Засѣкина со всей семьей уходилъ въ Пелымъ, гдѣ сподвижникъ перваго императора вскорѣ умеръ отъ нужды и горя.

Одновременно, въ одинъ осенній день, Засѣкинскій домъ освѣтился яркими огнями. Все въ немъ ликовало. Гостей было много, но всѣ гости говорили не пороссійски. Домъ былъ отнятъ у боярина вмѣстѣ съ большой подмосковной вотчиной, описанъ и подаренъ нѣмцу, любимцу брата герцога. Регентъ и самъ не зналъ, кому перешло имущество московскаго дворянина.

Нѣмцы жили, пили и ликовали въ домѣ, но не только по всей Москвѣ, но и въ самомъ околодкѣ, обыватели не знали, какъ звать по имени этого нѣмчуру, и попрежнему домъ около Николы Линючаго прозывался «Засѣкинскій».

Но Богъ не безъ милости. Прошло немного времени, и страшный герцогъ самъ попалъ въ ссылку. По всей Руси было ликованіе. Воцарилась новая императрица, дщерь Петрова, а не Иванова, и многое пошло на перемѣну.

Расплодившихся на Руси нѣмцевъ стали ворошить, перетряхивать, а потомъ начали сквозь новое рѣшето просѣевать. Которые оказывались безобидными, тѣхъ не трогали, имъ было указано поджатаго хвоста не распускать и сидѣть на немъ благодушно и смирно. Истинныхъ сыновъ государства опальныхъ, ссыльныхъ, на разные лады униженныхъ и обиженныхъ, стали изъ ссылокъ «водворять», снова взыскивать милостью, а затѣмъ, елико возможно, возвращать имъ ихъ несправедливо утраченное имущество, вотчины и дома.

Въ первое время правительство новой царицы было на столько завалено просьбами о прощеніи и возвращеніи, что трудно было распутаться сразу. Просьбы приходили тысячами изъ всѣхъ концовъ имперіи, равно изъ предѣловъ и Азіи, и Бѣлаго моря, и Каспія, и съ границъ королевства Польскаго.

До иного пострадавшаго отъ нѣмцевъ только чрезъ два года дошла милость дщери Петровой.

Въ числѣ прочихъ послали челобитныя и дворяне Иванъ и Сергѣй Михайловичи Засѣкины.

Послѣ смерти Михаила Михайловича, старшій сынъ его Иванъ оставался попрежнему въ Пелымѣ. Судьба младшаго, Сергѣя, была много легче. Благодаря невѣдомому покровителю, онъ былъ чрезъ годъ послѣ ссылки освобожденъ, и ему дозволили поселиться въ маленькой деревнюшкѣ, случайно или умышленно оставленной за родомъ при описи всѣхъ помѣстій Засѣкиныхъ.

Деревнюшка эта въ двадцать душъ, принадлежавшая ему по праву прощеннаго, была близь Муромскихъ лѣсовъ. Сергѣй Михайловичъ и этому гнѣзду радъ былъ. Поселившись здѣсь снова бариномъ-дворяниномъ, а не ссыльнымъ, онъ надѣялся, благодаря глуши, на всю жизнь укрыться отъ глазъ владычествующаго на Руси нѣмца.

При двадцати крѣпостныхъ душахъ не только прокормиться, но и разжиться было можно. Вскорѣ Сергѣй Михайловичъ выстроилъ себѣ маленькій усадебный домъ и развелъ даже садъ. Зато вскорѣ одинокая жизнь въ глуши безъ близкихъ сосѣдей стала томить его.

Только одна отрада и явилась. Въ деревнюшкѣ нашлась его же крѣпостная дѣвка, лѣтъ семнадцати, Аринка, чрезвычайно, не по холопскому состоянію, красивая, а при этомъ еще тихая, добрая и съ разумомъ. Помѣщикъ взялъ ее въ домъ ради услугъ. Чрезъ полтора года Ариша собиралась уже сдѣлаться матерью, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже давно такъ обворожила Сергѣя Михайловича, что приходилось ему теперь призадуматься... Дворянинъ, почти сосланный, и, конечно, на всю жизнь въ эту деревнюшку среди дебрей Муромскихъ, не долго размышлялъ и колебался. Чего искать или ждать счастья, когда оно подъ рукой.

И Аринка стала Ариной Матвѣевной Засѣкиной, и сразу стала настоящей барыней. Свои же мужики дивились, откуда у нея что бралось, будто во дворянкахъ родилась.

Разумѣется, когда явился на свѣтъ законный наслѣдникъ, названный Сергѣемъ, то Сергѣй Михайловичъ сталъ обожать младенца-сына столько же, сколько обожалъ жену.

Но едва минуло «Серегѣ» три года, какъ пронеслась по Руси радостная вѣсть о воцареніи цесаревны Елисаветы. А затѣмъ прошелъ слухъ, что невинно пострадавшихъ россійскихъ дворянъ

прощаютъ и снова отдаютъ имъ все отобранное и отписанное нѣмцами.

Разумѣется, Сергѣй Михайловичъ, списавшись съ ссыльнымъ братомъ, тоже послалъ челобитную въ Питеръ... Дошла очередь милости царской и до нихъ...

III.

Однажды, нежданно-негаданно, обыватели околодка Николы Линючаго, а за ними и вся первопрестольная, увидѣли въ «Засѣкинскомъ домѣ» ихъ истинныхъ владѣльцевъ.

Все прежнее иждивеніе и всѣ вотчины, все неправильно отнятое у сподвижника перваго императора, было возвращено его двумъ сыновьямъ дщерью Петровой. Иванъ Михайловичъ, потерявшій здоровье въ Пелымѣ, прожилъ недолго. За то Сергѣй Михайловичъ не только здравствовалъ, но послѣ недавняго своего положенія трущобнаго помѣщика сталъ почти придворнымъ сановникомъ. Онъ понравился царицѣ простотой своихъ разсужденій и своего обхожденія, своимъ смиренномудріемъ, нажитымъ въ дебряхъ Муромскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пришелся по душѣ и любимцу императрицы Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Этого было достаточно, чтобы сдѣлаться человѣкомъ властнымъ.

Проживая въ Москвѣ въ своемъ домѣ, Сергѣй Михайловичъ не разъ побывалъ и въ Петербургѣ.

Во время частыхъ посѣщеній Первопрестольной царицей, Засѣкинъ состоялъ при ея особѣ и всегда сопутствовалъ ей при ея богомольѣ пѣшкомъ въ Троицкую лавру. Однако, перебраться совсѣмъ въ Питеръ Сергѣй Михайловичъ не пожелалъ и уклонялся отъ придворной жизни.

Онъ любилъ свое родовое гнѣздо въ приходѣ Николы Линючаго и не промѣнялъ бы его ни на какой дворецъ на берегу Невы.

Арина Матвѣевна еще пуще мужа полюбила и Москву златоглавую, и приходъ свой св. Николая Чудотворца, и родовой домъ на Вознесенкѣ.

И мужъ, и жена неустанно озабочивались роднымъ гнѣздомъ. За десять лѣтъ времени домъ узнать было нельзя. Въ глубинѣ двора выросли большія каменныя палаты, а огромное мѣсто за домомъ и по бокамъ двора было опять очищено отъ сосѣднихъ обывательскихъ жилищъ. Не только лачужки были снесены, но и такіе же зелененькіе домики, въ какомъ когда-то проживалъ дѣдъ Засѣкинъ, исчезли по сосѣдству. Садъ и дворъ были уже чуть не первыми въ городѣ по обширности.

Въ народѣ стали уже говорить «Засѣкинскія палаты», какъ бы повысивъ чиномъ родовое жилище именитыхъ москвичей.

Состояніе Сергѣя Михайловича увеличивалось не по днямъ, а по часамъ. Къ концу царствованія дщери Петровой онъ былъ однимъ изъ наиболѣе богатыхъ русскихъ дворянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и властный придворный сановникъ. А между тѣмъ сынъ Сергѣя Михайловича, уже гвардеецъ и весь въ мать нравомъ и лицемъ, стало быть, умница и замѣчательный красавецъ, обѣщалъ пойдти далеко.

Въ послѣднюю кампанію противъ Фридриха молодой Засѣкинъ, при Кунерсдорфѣ едва не захватилъ въ плѣнъ самого короля. Онъ былъ раненъ, чуть не смертельно, и только поэтому прусскій монархъ не сдѣлался россійскимъ плѣнникомъ. Подвигъ Засѣкина, хотя и не увѣнчанный удачей, былъ награжденъ царицей. Выздоровѣвшій герой, по прибытіи въ Петербургъ, былъ произведенъ прямо въ чинъ капитана, но главная награда была иная, другая... По желанію государыни, онъ сочетался бракомъ съ графиней Зарумовской, самой богатой невѣстой обѣихъ столицъ.

Хотя съ трудомъ, но москвичи, отецъ и мать, переѣхали къ женатому сыну въ Петербургъ, въ гости, обѣщаясь прожить годъ. Но они прожили, однако, недолго. Дни императрицы были уже сочтены...

Послѣ кончины Елисаветы для многихъ русскихъ людей наступила невзгода, наступилъ вновь мракъ.

Не только придворный сановникъ, но и герой-гвардеецъ тотчасъ вернулись въ московское гнѣздо. Они сказывали, что ихъ пѣсня спѣта, да не только для старика, а и для молодца, котораго поприще еще только начинается. Новый императоръ косо поглядѣлъ на сановника, друга Разумовскихъ, и особенно на героя войны противъ Фридриха. Государь Петръ Ѳедоровичъ такихъ людей, какъ оба Засѣкины, не могъ жаловать.

И смѣтливый отъ природы да наученный въ молодости вельможа мгновенно самъ собрался изъ Петербурга и сына увезъ, чуя, что въ Москвѣ лучше уберегутъ они и себя, и свое имущество.

— На Москвѣ много тише,—разсуждалъ Сергѣй Михайловичъ.— Въ Питерѣ всякія треволненья и волны житейскія. Нынѣ онѣ поднимутъ, завтра опустятъ, нынѣ вознесутъ чуть не къ небесамъ, а завтра поглотятъ. И пойдешь топоромъ на дно морское.

И дворянинъ, когда-то побывавшій уже въ ссылкѣ, оказался правъ. Вскорѣ многіе другіе елизаветинскіе любимцы тоже перебрались отъ бѣды въ Первопрестольную. Сергѣй Сергѣевичъ, поневолѣ поселившись въ Москвѣ съ отцемъ и съ молодой женой, сталъ отъ тоски праздной жизни тоже заниматься роднымъ гнѣздомъ, всяческой передѣлкой отцова дома и украшеньемъ его извнѣ и внутри. Обыватели прихода Николы Линючаго дивовались только на карнизы, капители, барельефы и всякія другія лѣпныя затѣи на стѣнахъ дома. Настоящую диковину, впервые появившуюся въ

Москвѣ, видѣли только знакомые Засѣкиныхъ. Эта диковина была главная пріемная горница для гостей. Шпалеры на стѣнахъ и обивка мебели были въ ней одинаковаго колера, золотисто-желтаго, изъ одной и той же шелковой матеріи, выписанной изъ-за границы и именуемой дублегро-дефрансъ.

Долго вся дворянская Москва дивилась и толковала про желтую гостиную, а пуще всего про живописный портретъ во весь ростъ покойной императрицы въ коронѣ и порфирѣ, который занималъ въ ней цѣлую стѣну.

При вступленіи на престолъ тридцатилѣтняго императора, оба Засѣкины, разумѣется, имѣли основаніе думать, что не только служебному поприщу старика, но и поприщу сына положенъ предѣлъ. Казалось, что, конечно, на ихъ вѣкъ хватитъ новыхъ Рамбовскихъ порядковъ, какъ звали елизаветинцы Ораніенбаумъ, любимое мѣстопребываніе Петра Өедоровича.

Но смѣтливые россіяне ошиблись, печалуясь о судьбахъ россійскихъ. Нежданно, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы ожиданно, вдругъ, чрезъ какихъ нибудь шесть мѣсяцевъ царствованія новаго императора, произошло на Невѣ «дѣйство» Орловыхъ и гвардіи. Вступила на престолъ, объявясь императрицей, нѣмка по происхожденію, а порядки стали твердо, круто и быстро наступать не нѣмецкіе, а сугубо россійскіе.

Начали было москвичи, болтуны неугомонные, звать императрицу Фредерикой Августовной, заморской принцессой цербской, а кто въ шутку принцессой «къ трону цѣпкой». А въ тѣ же дни отъ ея правленія русскимъ духомъ повѣяло. Можно было сказать, что «Русью пахнетъ».

Вскорѣ всѣ елизаветинцы, говорившіе, думавшіе и вѣрившіе, что никогда на Руси не воцарится болѣе никого, подобнаго дщери Петровой, стали призадумываться и дивиться, стали по совѣсти сказывать, что «цѣпкая принцесса» оказывается якобы истинной второй дщерью Петровой.

IV.

Коронація новой императрицы была назначена на осень. Подошелъ сентябрь мѣсяцъ. Москва оживилась. Но Первопрестольная, однако, не собиралась ликовать отъ полноты сердца, а собиралась бурча и ворча сдѣлать отъ себя лишь то, что будетъ указано начальствомъ. Чрезъ мѣру много было въ Москвѣ упрямыхъ елизаветинцевъ, которые крѣпко вѣрили, что съ ея кончиной славные дни государства кончились.

— Тянется новая государыня за матушкой Елизаветой... Да что? Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней! Нешто можно; гдѣ-жъ ей?

Появилась, наконецъ, новая императрица изъ Питера, остановилась въ селѣ Петровскомъ, подъ Москвой. И стали всѣ ждать торжественнаго въѣзда ея въ столицу и коронаціи... И сама она съ волненіемъ ждала великаго событія. Худые слухи достигали въ Петровскій дворецъ о настроеніи москвичей, какъ дворянскаго сословія, такъ и простонародья.

Наступилъ день, давно ожиданный, и все оказалось измышленьемъ праздныхъ болтуновъ. Загудѣла Москва, привѣтствуя царицу такъ, что заглушила звонъ колокольный и потрясла стѣны клемлевскія. И чрезъ нѣсколько дней заговорили всякіе «фрондеры» и елизаветинцы на новый ладъ. Одинъ Сергѣй Михайловичъ уперся и не поддавался общему увлеченію. И въ засѣкинскомъ домѣ пошли споры. Капитанъ, герой кунерсдорфскій, усовѣщевалъ отца отнестись къ петербургскому дѣйству гвардіи справедливо и зорче. Старикъ стоялъ на своемъ, что каковъ бы ни былъ Петръ Ѳедорычъ, а все же престолонаслѣдникъ законный былъ онъ, а не чуждая Россіи германская принцесса...

Побывалъ, однако, Сергѣй Михайловичъ во дворцѣ представиться государынѣ, побывала и Арина Матвѣевна. Не много словъ сказала ему царица, да каждое было чудно, прямо въ сердце попало... Аринѣ Матвѣевнѣ государыня, знавшая, кто она родомъ, сказала:

— Истинно русская величавая красота... Пятый десятокъ вамъ, а краше иной двадцатилѣтней. Вы больше меня на царицу похожи.

Арина Матвѣевна поблагодарила за ласку и не повѣрила словамъ. Зато Сергѣй Михайловичъ за жену, а молодецъ гвардеецъ за мать родную отплатили царицѣ тою же монетой. Съ того же дня стали Засѣкины горячо превозносить красоту и мудрость новой монархини...

Черезъ недѣлю старобоярскій домъ въ приходѣ Николы Линючаго сталъ убираться и наряжаться. Не стерпѣлъ Сергѣй Михайловичъ и, по наущенью жены и сына, рѣшился дать пиръ горой на всю Москву, чтобы удостоиться принять у себя монархиню.

И за все свое двухвѣковое стояніе на Вознесенкѣ не видалъ Засѣкинскій домъ того, что было въ немъ и кругомъ него въ день Покрова Богородицы. Весь домъ сіялъ, какъ радуга въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Вся Москва, казалось, побросала дома свои и улицы и вся съѣхалась и сошлась въ околодокъ прихода Николы Линючаго. Званые едва вмѣстились въ огромныхъ, ярко сверкающихъ палатахъ, а незваные запрудили всѣ сосѣднія улицы и переулки, покрыли, какъ грачи, всѣ крыши домовъ сосѣднихъ.

Императрица пожаловала на балъ въ Засѣкинскій домъ въ сопровожденіи графовъ Разумовскаго, Воронцова и Бестужева и съ своимъ адъютантомъ, новопожалованнымъ графомъ Орловымъ.

Государыня прошла «полонезъ» съ хозяиномъ по его великолѣпной залѣ и удалилась въ желтую гостиную, обитую чуднымъ дубле-гродефрансомъ, гдѣ ей подали шоколаду. Увидя чудный живописный портретъ покойной императрицы, государыня долго разглядывала его и много хвалила. Часъ съ четвертью пробыла монархиня въ Засѣкинскомъ домѣ.

И бывшая крестьянка изъ глухой деревнюшки Муромскихъ дебрей, въ качествѣ хозяйки принимая царицу, угощала ее яствами и лакомствами, а самъ хозяинъ съ сыномъ, удостоенные простой ласковой бесѣдой, разсказывали всякій свое.

Сергѣй Михайловичъ, спрошенный, разсказалъ, какъ былъ съ отцемъ и братомъ въ ссылкѣ и какъ женился на своей Аришѣ... Полковникъ Засѣкинъ разсказалъ, какъ при Кунерсдорфѣ прусскій король попался было ему и его солдатамъ совсѣмъ въ руки, да какой-то бранденбургскій капралъ спасъ своего монарха отъ постыднаго плѣна и ранилъ Засѣкина чуть не на смерть.

Государыня слушала хозяевъ внимательно, а сама зорко, пытливо переводила глаза съ кунерсдорфскаго героя на бывшую крепостную крестьянку, а съ нея, съ матери, опять на него, на сына.

— Посудить по вашему сыну,—сказала наконецъ государыня Сергѣю Михайловичу:—то хоть закономъ новымъ постановляй, чтобъ женились всѣ россійскіе дворяне, подобно вамъ... на своихъ крѣпостныхъ деревенскихъ дѣвицахъ.

И царица не притворствовала. Въ стоящемъ предъ ней капитанѣ Засѣкинѣ все было на лицѣ: красота, статность, умъ, сила, удальство и благородство. Уѣхала государыня изъ Засѣкинскаго дома, поздравивъ Сергѣя Михайловича съ придворной должностью, высшей, чѣмъ какую имѣлъ онъ при покойной царицѣ, но съ правомъ оставаться на покоѣ въ Москвѣ.

И елизаветинецъ пересталъ имъ быть...

Уѣхала государыня изъ Москвы обратно въ Петербургъ, а чрезъ мѣсяцъ былъ вызванъ туда же и капитанъ.

V.

Прошло пять лѣтъ. Сергѣй Сергѣевичъ Засѣкинъ былъ уже полковникомъ. Еще чрезъ пять лѣтъ, послѣ подвиговъ при Ларгѣ и при Кагулѣ, онъ былъ уже генераломъ и александровскимъ кавалеромъ. А затѣмъ, покуда все гремѣла и гремѣла на всю Европу слава русскаго оружія, Засѣкинъ въ числѣ немногихъ былъ прямымъ виновникомъ этого побѣднаго грома и сталъ генералъ-аншефомъ, георгіевскимъ и андреевскимъ кавалеромъ.

Арина Матвѣевна видѣла только начало блестящаго поприща своего сына, а Сергѣй Михайловичъ дожилъ и до той минуты,

когда сынъ, генералъ-аншефъ, явился въ Москву показаться престарѣлому отцу.

Въ той же желтой гостиной, уже слегка полинявшей, на томъ же мѣстѣ, гдѣ когда-то кушала шоколадъ тогда «новая», а нынѣ «великая» императрица, Сергѣй Михайловичъ обнялъ сына, обливаясь слезами и призывая свою покойную жену.

И свиданіе это отца съ сыномъ было послѣднимъ... Сергѣй Михайловичъ, отпустивъ сына снова на подвиги, заснулъ однажды въ креслѣ, думая о сынѣ и о женѣ, и уже не проснулся...

И затихъ, потемнѣлъ надолго Засѣкинскій домъ, стоялъ пустъ и угрюмъ, но ежегодно одѣвался заново. Видно было, что хозяинъ хотя и издалека, но печется о родномъ гнѣздѣ.

Именитый вельможа Сергѣй Сергѣевичъ изрѣдка появлялся въ Москву на побывку, проводя время или на поляхъ бранныхъ, или въ Петербургѣ. Но каждый разъ, что онъ пріѣзжалъ, вслѣдъ за нимъ вереница подводъ и возовъ появлялась среди обширнаго двора. Съ нихъ выкладывали и вносили въ домъ цѣлыя сокровища. И хотя все являлось на лошадяхъ изъ Питера, но въ Питеръ достигало на корабляхъ изъ заморскихъ краевъ.

Однажды въ желтой гостиной было поставлено вновь прибывшее чудное мраморное изваяніе монархини во весь ростъ, работы флорентійскаго скульптора. Заказъ и перевозка статуи изъ Италіи въ Россію на особо зафрахтованномъ кораблѣ обошлись генералъ-аншефу въ десять тысячъ червонцевъ. Здѣсь же повѣсили одновременно большую картину, Мадонну Джуліо Романо, прибывшую вмѣстѣ съ статуей и стоившую тоже много тысячъ червонцевъ. При этомъ, однако, пришлось перевѣсить живописный портретъ императрицы, дщери Петровой, въ сосѣднюю залу. Ничто на свѣтѣ не вѣчно...

Вскорѣ Засѣкинскій домъ сталъ извѣстенъ на всю Москву уже не тѣмъ однимъ, что онъ былъ богатъ и великъ, и не тѣмъ, что былъ окруженъ великолѣпнымъ тѣнистымъ садомъ, насажденнымъ руками дѣда вельможи, а тѣмъ, что въ немъ стеклись чуть не со всего міра всякія драгоцѣнности, и онъ сталъ полная чаша диковинъ и рѣдкостей.

Дворяне, пріѣзжавшіе въ Москву, считали честью и удовольствіемъ получить дозволеніе поглядѣть на картины, статуи, бронзу, фарфоръ и всякія заморскія рѣдкости, которыя собралъ просвѣщенный вельможа.

Прошло еще лѣтъ десять. Въ Москвѣ шло ликованіе на улицахъ, освѣщенныхъ плошками и смоляными бочками. Праздновался миръ съ турками.

Засѣкинскій домъ тоже сіялъ окнами и горѣлъ въ потѣшныхъ огняхъ. Владѣлецъ его былъ въ Москвѣ и праздновалъ два празд-

ника—одинъ государственный, а другой свой, личный: замиреніе съ турками и заслуженную имъ высшую награду отъ царицы.

Генералъ-аншефъ за свои дѣянія и ратные подвиги былъ пожалованъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Послѣ этого празднества новый графъ Засѣкинъ уѣхалъ, но обѣщался вскорѣ прибыть совсѣмъ на житье въ Москву, на покой...

Обыватели околодка Николы Линючаго начали было называть всѣмъ извѣстныя палаты «графскимъ» домомъ, но затѣмъ столѣтнее прозвище взяло верхъ, и попрежнему москвичъ говорилъ: Засѣкинскій домъ.

Однако, еще четыре года простоялъ домъ темнымъ и пустымъ, и только послѣ кончины Великой Екатерины, ея орелъ «изъ стаи славныхъ», графъ Засѣкинъ появился снова въ Москвѣ. Онъ вдругъ почуялъ, что пришла пора съ двумя сыновьями, Михаиломъ и Николаемъ, и внуками удалиться съ береговъ Невы, чтобы спокойно дожить свой вѣкъ, отдыхая отъ всего пережитаго и всего достигнутаго. Поселившись въ родномъ гнѣздѣ, онъ зажилъ хлѣбосоломъ, нараспашку, на боярскую ногу.

На дворѣ его ежедневно кормился народъ, встрѣчный и поперечный. Да и его столъ на сто кувертовъ наполнялся всякій день гостями зваными и незваными. Когда кто называлъ въ разговорѣ «Сергѣя Сергѣевича», не называя по фамиліи, то всякій москвичъ зналъ, о комъ идетъ рѣчь.

Однажды, вскорѣ по воцареніи государя Александра I, въ желтой гостиной появился высокій помостъ, а на немъ гробъ, въ которомъ виднѣлся на подушкѣ величавый профиль. Москвичи со всѣхъ концовъ шли поклониться праху.

Это былъ безболѣзненно и мирно скончавшійся именитый вельможа. День похоронъ екатерининскаго «орла», генералъ-аншефа россійскихъ войскъ, графа Сергѣя Сергѣевича Засѣкина, много лѣтъ спустя, поминала вся Москва. Вся она—и знатная, и простая, и нищая—была на ногахъ. Казалось, что все золото и серебро, но и всѣ лохмотья московскіе сошлись вмѣстѣ, чтобы проводить въ Донской монастырь останки сугубо именитаго гражданина.

VI.

Графы Михаилъ и Николай Сергѣевичи, два сына вельможи, раздѣлились, но состояніе было на столько велико, что графы Засѣкины были оба, всетаки, одни изъ богатѣйшихъ людей въ имперіи.

Михаилу Сергѣевичу, конечно, достался именуемый москвичами «Засѣкинскій домъ». Николай Сергѣевичъ перебрался на жительство въ Петербургъ. Выстроивъ себѣ тамъ палаты не хуже дома старшаго брата, онъ сталъ служить въ иностранной коллегіи и веселить балами и пирами общество, дворъ и гвардію.

Михаилъ Сергѣевичъ остался проживать въ Москвѣ и вскорѣ занялъ праздныхъ москвичей перемѣнами, какія совершались въ Засѣкинскомъ домѣ.

На дворѣ появились строительные матеріалы и рабочіе, и въ шесть мѣсяцевъ времени предъ Засѣкинскимъ домомъ появилось восемь колоннъ, а по бокамъ дома въ видѣ двухъ крыльевъ полукружіемъ двѣ большія террасы на колоннадахъ, легкія, граціозныя, чрезвычайной красоты. Архитекторъ итальянецъ, нарочито выписаный, не самъ придумалъ, а скопировалъ крылья собора Св. Петра въ Римѣ. И Засѣкинскій домъ сталъ сразу самымъ красивымъ домомъ на всю имперію. Графъ Михаилъ Сергѣевичъ, не воинъ и сановникъ, а только богачъ и хозяинъ, жилъ мирно и скромно, безъ особыхъ пиршествъ и празднествъ. Москвичи могли только любоваться ввечеру сотнями огней въ огромномъ и красивомъ Засѣкинскомъ домѣ. Яркой волной освѣщалъ онъ изъ своихъ оконъ далекое пространство темнаго квартала. Новоизобрѣтенное освѣщеніе лампами «карселями» было страстью графа. Домъ былъ переполненъ народомъ вольнымъ и крѣпостнымъ. Сколько обыватели ни старались перечесть дворню графа, но ни разу не сочли и только спорили. Кто сказывалъ прислуги триста человѣкъ въ домѣ, а кто говорилъ, что и до полъ-тысячи наберется.

И только разъ двинулся изъ дому его владѣлецъ. Но въ эти дни вся Москва волновалась, поднималась и спасалась. Былъ роковой двѣнадцатый годъ. Французъ былъ уже давно въ предѣлахъ россійскихъ и подошелъ къ Москвѣ.

Втеченіе трехъ недѣль была денно и ночно суетня, и кипѣла работа въ Засѣкинскомъ домѣ. Укладывали всѣ диковины, всѣ сокровища. Человѣкъ двѣсти неустанно работали и едва успѣли все уложить и все увезти въ тульскую вотчину. Кое-что, правда, зарывали въ обширныхъ подвалахъ, но творили это ночью и тайно, боясь предателей.

И Засѣкинскій домъ вдругъ опустѣлъ, но не надолго... Прошелъ мѣсяцъ, и домъ снова засіялъ огнями. Но какъ-то чудно было въ немъ. Для обывателей казались тутъ чудеса въ рѣшетѣ. Стоялъ тутъ со свитой Бонапартовъ фельдмаршалъ.

Въ домѣ и во дворѣ кишмя кишѣли всякіе офицеры и солдаты въ удивительныхъ мундирахъ. На дворѣ были и повозки, и лошади, и пушки. Сюда же приводили русскихъ офицеровъ и солдатъ, но они попадали въ Засѣкинскій домъ, какъ въ пасть львиную.

Въ желтой гостиной почти безвыходно сидѣлъ—писалъ, ѣлъ и спалъ—самъ фельдмаршалъ.

Но все минуетъ на свѣтѣ, и нѣтъ худа безъ добра. Отъ француза и слѣда не осталось. Былъ одинъ слѣдъ—Москва въ развалинахъ, дымящаяся. Но это не было французскимъ слѣдомъ. Сами же

москвичи додумались, какъ прогнать французовъ. Выкурить! И выкурили...

Засѣкинскій домъ въ глубинѣ большаго двора, да еще защищенный большимъ и густымъ садомъ, да вдобавокъ заключавшій въ своихъ стѣнахъ Наполеоновскаго фельдмаршала, разумѣется, остался цѣлъ и невредимъ, какъ островъ среди пламеннаго моря.

Не прошло года, какъ вся Москва снова возродилась изъ пепла, еще болѣе бѣлокаменная, будто умывшись въ огнѣ.

Засѣкинскій домъ былъ снова давно полонъ и снова весело свѣтился. Всѣ сокровища изъ вотчины и изъ подваловъ опять были на своихъ мѣстахъ.

За то вернувшійся въ свой домъ графъ Михаилъ Сергѣевичъ, пользуясь тѣмъ, что весь околодокъ Николы Линючаго выгорѣлъ, какъ и вся Москва, тотчасъ же купилъ два погорѣлыя мѣста въ улицѣ, направо и налѣво отъ дома.

Черезъ годъ по бокамъ Засѣкинскаго двора высились два дома на улицу, играя роль флигелей, и въ этихъ домахъ размѣстилась громадная дворня, освободивъ отъ себя домъ для господъ.

Семейство графа было уже очень большое. Вѣрнѣе сказать, въ Засѣкинскомъ домѣ было шесть семействъ. Всѣ пять дочерей графа были замужемъ и жили съ мужьями и дѣтьми при отцѣ.

Главныя же и лучшія горницы занималъ со своей семьей единственный сынъ, Павелъ Михайловичъ, чудной, робкій, почти душевно больной.

Какимъ образомъ у генералъ-аншефа оказался слабоумный внукъ, а у Арины Матвѣевны такой правнукъ, рѣшить мудрено. Мать Павла Михайловича была изъ древнѣйшаго россійскаго рода князей Сицкихъ.

Графъ Михаилъ Сергѣевичъ любилъ равно всѣхъ своихъ дѣтей и считалъ, что законъ, дающій дочери право только на четырнадцатую часть, несправедливъ и даже безсмысленъ.

— Ужъ тогда прямо пускай издадутъ для дворянъ законъ о майоратахъ!—говорилъ онъ.—Сынъ будетъ богачъ, какъ и я былъ, а всѣ пять графинь Засѣкиныхъ пойдутъ въ компаньонки или въ монахини, если не выйдутъ достойно замужъ.

Разумѣется, графъ на этомъ основаніи распорядился такъ, что каждой изъ своихъ дочерей назначилъ большое приданое и всѣхъ выдалъ отлично замужъ. Сына, обиженнаго природой, неспособнаго ни на что, но добраго и тихаго, графъ женилъ на дочери друга своего, курляндскаго барона, давно поселившагося въ Москвѣ. Молодая графиня Засѣкина была женщиной не дюжинной, хорошей женой и невѣсткой. Свекоръ упрекалъ ее только за то, что она была какая-то «сонная». Въ дѣйствительности, графиня была совершенно болѣзненное, худосочное существо, скрипѣвшее и хворавшее безъ всякихъ видимыхъ болѣзней. У нея всего было по-

немножку, отъ ревматизмовъ до періодическихъ флюсовъ на щекахъ отъ вѣчно болящихъ зубовъ.

Слабоумный графъ Павелъ и графиня Доротея, перешедшая въ православіе подъ именемъ Даріи, были четой странной. Графъ былъ ростомъ и видомъ въ дѣда генералъ-аншефа, а лицомъ въ прабабку Арину Матвѣевну, и былъ поэтому красивъ собой, но умственно онъ не имѣлъ съ предками ничего общаго и былъ прямо негативомъ ихъ.

Графиня была очень неглупа и образована, занималась переводами съ нѣмецкаго и французскаго на русскій языкъ ради собственнаго развлеченія, хорошо рисовала акварелью, была музыкантшей. Но все это она дѣлала совсѣмъ автоматически. Хворости заѣдали ее. Маленькая ростомъ, съ блѣдно-зеленымъ цвѣтомъ лица, она еле говорила, тихо двигалась, кисло улыбалась и была безучастна ко всему,—«истинная соня», какъ прозвалъ ее свекоръ.

Рожденіе на свѣтъ сына и двухъ дочерей совсѣмъ разстроили ея здоровье, и она въ 25 лѣтъ отъ роду была уже чахоточной и на ладонъ дышала.

VII.

Прошло опять немало лѣтъ. Въ тѣ дни, когда Москва волновалась и толковала, кто будетъ царствовать, кто наслѣдуетъ престолъ россійскій — Константинъ или Николай, въ Засѣкинскомъ домѣ тоже волновались.

Юный графъ Михаилъ Павловичъ, давно потерявшій дѣда, но равно потерявшій и слабоумнаго отца, жилъ съ вѣчно хворой матерью и съ двумя сестрами. Ему было уже восемнадцать лѣтъ, и онъ собирался на службу. А мать говорила, что будетъ счастіе великое, если воцарится великій князь Николай Павловичъ. Если же вступитъ на престолъ великій князь Константинъ Павловичъ, то имъ будетъ хуже: нѣтъ тѣхъ же ходовъ при дворѣ.

Засѣкинскій домъ казался глухъ и сумраченъ. По смерти стараго графа Михаила Сергѣевича, дочери его со своими семьями выѣхали изъ Засѣкинскаго дома въ разныя стороны—кто въ Петербургъ, или въ провинцію, по мѣсту служенія мужей, или въ вотчины, полученныя въ приданое.

Вдова графа Павла Михайловича, теперь женщина еще только тридцати пяти лѣтъ, жила скуповато, скромно и всячески берегла состояніе своего любимца Мишеньки. У нея была цѣль. Съ тѣхъ поръ, что она овдовѣла, она задумала всякими путями снова накопить то, что потерялъ сынъ, представитель именитаго рода, вслѣдствіе раздѣла его отца съ сестрами. Приданое, данное его дѣдомъ его пяти тетушкамъ, сильно умалило состояніе. А вѣдь онъ единственный на Руси потомокъ знаменитаго екатерининскаго вельможи, генералъ-аншефа Сергѣя Сергѣевича, такъ какъ родъ графа Ни-

колая Сергѣевича, поселившагося въ Петербургѣ, прекратился. Хотя отъ питерскаго дяди послѣ его смерти и досталось по закону наслѣдство, но оно явилось подспорьемъ, а не обогащеніемъ.

Тотчасъ же по вступленіи на престолъ императора Николая юный графъ Михаилъ Павловичъ Засѣкинъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ и шумно, весело зажилъ въ Петербургѣ. Мать съ двумя дочерьми осталась въ Москвѣ. Засѣкинскій домъ затихъ еще болѣе. Хворая графиня жила почти скаредно, но ежемѣсячно посылала крупныя суммы денегъ сыну въ Петербургъ. Эти посылки, наконецъ, стали вліять на управленіе всѣми помѣстьями. Двѣ вотчины были уже въ опекунскомъ совѣтѣ.

Напрасно письменно и устно при рѣдкихъ свиданіяхъ просила графиня сына воздержаться и не жить беэпутной жизнью, губя слабое здоровье. Юный графъ не слушался...

Наконецъ, однажды два дома-флигеля, выходившіе на улицу, преобразились.

Обыватели Николы Линючаго немало удивились. На этихъ домахъ появились вывѣски, а въ горницахъ, гдѣ широко, но не сытно жила немногочисленная плохо одѣтая дворня Засѣкинскаго дома, появились жильцы.

Графиня начала уже изыскивать доходы. Она разсудила вмѣстѣ съ управителемъ, что, если оба пустовавшіе флигеля обратить въ квартиры и отдавать въ наймы, то получится сумма, какъ разъ необходимая для ежегоднаго ремонта всего дома.

Прошло шесть лѣтъ. Двухъ дочерей графини уже не было въ Засѣкинскомъ домѣ. Одна умерла, другая вышла замужъ и, получивъ свою часть, уѣхала съ мужемъ въ Польшу. Графиня, оставшись одна, стала еще пуще хворать и, по совѣту врачей, выѣхала на заграничныя воды. И ей уже не суждено было вернуться въ Засѣкинскій домъ. Скончавшись на водахъ въ Германіи, она была похоронена сыномъ временно въ чужой землѣ... но въ ней и осталась на вѣки.

Долго простоялъ Засѣкинскій домъ темнымъ, пустымъ, мертвымъ, но за это время произошло нѣчто важное. Обывателямъ околодка Николы Линючаго было мало извѣстно, да и не любопытно, что творилъ въ Петербургѣ веселый кавалергардъ, графъ Михаилъ Павловичъ. Но однажды эти обыватели всполошились. Въ глубинѣ тѣнистаго сада Засѣкинскаго дома сошлись рабочіе и повалили великолѣпную каменную ограду. И вдругъ оказалось, что половина сада была продана какому-то купцу изъ отпускныхъ дворовыхъ.

Чрезъ годъ около Засѣкинскаго дома садъ былъ уже не великъ, а за этимъ садомъ поднимались каменные дома купца Матрешина, а мимо нихъ вдругъ прошла улица подъ названіемъ «Новая». Дома, построенные купцомъ среди жилья, оказались на улицѣ. Земля и дома стали ему въ тридцать тысячъ, а теперь стоили полтораста.

Графъ Михаилъ Павловичъ, ни разу не заглянувшій въ московскій домъ, изрѣдка присылалъ приказы, о которыхъ узнавалъ и много толковалъ весь околодокъ. Однажды пришелъ приказъ уничтожить оранжереи, бывшія въ саду, а въ другой разъ было указано отправить мраморное изваянье императрицы Екатерины въ Петербургъ по адресу богатаго нѣмца-негоціанта. Фамильный chef-d'oeuvre былъ графомъ подаренъ нѣмцу за какія-то услуги, якобы имъ оказанныя графу.

Наконецъ, однажды достигла до прихода Николы Линючаго новость совсѣмъ диковинная. Графъ женился!.. Но удивительно женился!—на такой барышнѣ, которая въ «кіятерѣ скачетъ на конѣ вверхъ ногами».

Разумѣется, многіе обыватели околодка не повѣрили выдумкѣ... Оказалось, однако, ложью только одно: «вверхъ ногами».

Графъ Михаилъ Павловичъ, боявшійся немного, или, вѣрнѣе, совѣстившійся матери, скрывалъ отъ нея свою страсть и тотчасъ же послѣ ея смерти женился на красавицѣ итальянкѣ, лихой наѣздницѣ цирка. Онъ былъ уже давно въ числѣ обожателей идола петербургской молодежи, красивой и бойкой Джуліи Фикки. Итальянка обращала на него мало вниманія и только удостоивала его принятіемъ богатыхъ подарковъ. Когда графъ лишился матери, знаменитая Фикки стала гораздо нѣжнѣе съ нимъ и грустнѣе... разочарованнѣе въ жизни, вздыхала и мечтала о семейныхъ узахъ и жизни съ любимымъ человѣкомъ на необитаемомъ островѣ съ однимъ лишь супомъ изъ незабудокъ... Конечно, все кончилось свадьбой, послѣ которой, однако, по негласному приказу великаго князя Михаила Павловича, графъ Засѣкинъ подалъ въ отставку.

За это именно время купецъ Матрешинъ и повалилъ стѣну сада, купивъ его половину подъ свои будущіе дома. Графу Михаилу Павловичу понадобились деньги на свадьбу вдругъ, по зарѣзъ. Продавать какое либо имѣніе казалось ему глупымъ, да и ждать долго, а занять деньги казалось для графа Засѣкина постыднымъ. Купецъ же Матрешинъ вдругъ принесъ восемь тысячъ и предлагаетъ ихъ за кусокъ земли совсѣмъ ненужный, который подъ садомъ того дома, гдѣ графъ сто лѣтъ не бывалъ.

Просто находка!

Женившись, графъ Засѣкинъ лишь года три наслаждался семейнымъ счастьемъ. Одинъ другъ дома его, американецъ и дипломатъ, собравшись изъ Петербурга на родину, захватилъ съ собой и графиню Юлію Засѣкину. Михаилъ Павловичъ остался съ младенцемъ сыномъ, и горю его не было предѣла. Человѣкъ легкомысленный, но сердечный, привязчивый, не могъ примириться съ мыслію объ измѣнѣ страстно любимой жены. Онъ началъ страшно тосковать и, не зная, куда дѣваться, вспомнилъ о своемъ московскомъ домѣ-дворцѣ.

Чрезъ мѣсяцъ околодокъ Николы Линючаго оживился, потому что Засѣкинскій домъ засіялъ огнями. Но обыватели ошиблись, ожидая, что въ домѣ будетъ снова веселый гулъ и пиршества. Домъ сіялъ и былъ полонъ дворовыхъ, но гостей въ немъ никогда не бывало. Не прошло полгода, какъ въ Засѣкинскомъ домѣ совершилось темное и печальное событіе.

Въ той же самой желтой гостиной, гдѣ ласково бесѣдовала Великая Екатерина съ елизаветинцемъ Сергѣемъ Михайловичемъ, откуда командовалъ Москвой Бонапартовъ фельдмаршалъ, въ ней же покончилъ свои дни графъ Михаилъ Павловичъ выстрѣломъ изъ пистолета. Дѣды и прадѣды жили по семи и восьмидесяти лѣтъ, а самоубійцѣ было всего тридцать два года.

VIII.

Въ Засѣкинскомъ домѣ, всетаки, остался владѣлецъ... Но это былъ сирота, одинокій на свѣтѣ, при трехъ опекунахъ, весело жившихъ въ Москвѣ, покуда питомецъ Сережа, черномазый и красивый младенецъ, учился грамотѣ и игралъ въ игрушки. Близкихъ семейныхъ у мальчика не было, а было только большое количество дальнихъ тетушекъ, двоюродныхъ и троюродныхъ сестеръ и братьевъ, которые часто навѣщали его и все надѣялись, что онъ умретъ. Но мальчикъ только росъ, красивый, ловкій, веселый... и замѣчательный хвастунъ и лгунъ. Чрезъ двадцать лѣтъ Засѣкинскій домъ опустѣлъ совершенно. Молодой графъ Сергѣй Михайловичъ не взлюбилъ Москвы, гдѣ выжилъ подъ опекой, и по достиженіи совершеннолѣтія тотчасъ же переселился въ Петербургъ. Онъ даже собирался продать московскій домъ, купить таковой же въ Петербургѣ и перевезти всѣ рѣдкости изъ одной столицы въ другую. Одинъ годъ былъ онъ въ Московскомъ университетѣ по настоянію одного изъ трехъ опекуновъ, но послѣ экзамена съ перваго курса на второй онъ изъ-за придирчивости профессоровъ, конечно, оказался снова на первомъ курсѣ. Это побудило его серьезно обдумать свое положеніе. Онъ обдумалъ и, снявъ студенческій мундиръ, выѣхалъ въ Петербургъ и надѣлъ кирасирскій—гораздо красивѣе студенческаго.

Будучи въ университетѣ, онъ всегда жаловался на однообразіе и скуку, на необходимость просиживать по три—четыре часа въ аудиторіяхъ, отъ чего разболѣвалась у него голова. Теперь онъ жаловался на безпокойство. Манежная ѣзда, полковыя ученья и парады утомляли его.

Однако, протянувъ кое-какъ юнкеромъ болѣе года, онъ добился офицерскаго чина и, спустя мѣсяца три послѣ этого, уже былъ корнетомъ въ отставкѣ.

Молодой графъ объяснилъ начальству и товарищамъ, что поневолѣ долженъ выйдти въ отставку и ѣхать въ деревню, ради поправленія дѣлъ, такъ какъ состояніе его сильно разстроено опекунскимъ управленіемъ.

Дѣйствительно, молодой графъ Сергѣй Михайловичъ объѣхалъ главныя три вотчины, поставилъ новыхъ управляющихъ, остановился въ Москвѣ въ Засѣкинскомъ домѣ и прожилъ въ немъ мѣсяца два. Но вскорѣ ему стало скучно и въ Первопрестольной, и въ отечествѣ, и его потянуло за границу. Онъ рѣшилъ, что управленіе имѣньями и поправленіе разстроеннаго состоянія—дѣло совершенно не мудреное. Личное присутствіе его, собственно говоря, совершенно излишне. Достаточно лишь получать правильныя ежемѣсячныя донесенія управителей, а проживать, конечно, можно всюду, гдѣ вздумается.

Не прошло года послѣ выхода въ отставку, какъ молодой графъ Сергѣй Михайловичъ былъ уже прикомандированъ къ русскому посольству въ Бельгіи. Но, такъ какъ онъ проживалъ въ Парижѣ всю зиму, а остальныя три времени года рыскалъ по всей Европѣ, то заслужилъ въ министерствѣ особое прозвище.

Другихъ звали attaché d'ambassade, а его въ шутку прозвали détaché. Одйнъ шутникъ заказалъ даже и подарилъ ему визитныя карточки съ слѣдующей надписью: «Comte Serge Zassékine détaché de la légation de Russie.

Такъ прошли годы. За это время все чаще стало появляться въ печати имя Сергѣя Михайловича Засѣкина. Имя это поминалось двояко: въ иностранной прессѣ и въ отечественной. Въ иностранной прессѣ итальянскія, нѣмецкія и французскія газеты то и дѣло, небольшимъ количествомъ строчекъ, иногда только двумя, извѣщали своихъ читателей о какой нибудь диковинѣ, касающейся знаменитаго principe, или дурхлаута, или же boyard comte de Zazekzine, иногда даже Zakzetchine.

И дѣйствительно графъ Сергѣй Михайловичъ удивлялъ Европу.

Въ Парижѣ онъ ѣздилъ по бульварамъ на русской тройкѣ, или занималъ всѣ комнаты Maison d'Or на цѣлую ночь ради того, чтобы его съ его пріятелями и пріятельницами не безпокоили другіе гости. За это же время графъ почти нечаянно женился на петербургской барышнѣ, дочери тайнаго совѣтника Евтюхова, съ которой познакомился на морскихъ купаньяхъ. Однако, черезъ годъ, въ Римѣ, графъ былъ уже влюбленъ въ какую-то «причипессу» и, чтобы показать ей подобіе русской зимы, онъ среди мая обратилъ въ зиму довольно большой садъ отеля, который занималъ. Онъ приказалъ усыпать землю мукой, вымазать клеемъ всѣ деревья, оборванныя отъ листьевъ, и обсыпать ихъ ватой и слюдой.

Графиня же оставалась въ Парижѣ и очень веселилась...

Въ Вѣнѣ, гдѣ у графа былъ собственный домъ-вилла и кон-

скій дворъ съ полсотней скакуновъ, онъ нашумѣлъ наиболѣе и два раза: одинъ разъ, взявши на скачкѣ призъ, другой разъ, сломавши себѣ ключицу и надломивши шею. Послѣдній подвигъ очень заинтересовалъ родственниковъ женатаго, но еще бездѣтнаго графа, но вскорѣ они разочаровались. Вѣнскіе доктора шею починили заново.

Каждый разъ, что графъ возвращался къ женѣ въ Парижъ и къ своей амбасадѣ, при которой былъ détaché, всѣ бульварныя газеты въ двухъ—трехъ строкахъ объявляли, что извѣстный милліонеръ comte de Zaczaczine снова появился въ бомондѣ, танцовалъ въ салонѣ такой-то герцогини, или за одну ночь въ Джокей-клубѣ проигралъ въ карты une somme ronde!

Однажды, когда графъ вернулся въ Парижъ, гдѣ оставалась и веселилась графиня, она объявила ему, что она беременна. Графъ очень удивился...

За время этого заграничнаго житія въ русской прессѣ тоже появлялось часто имя графа Сергѣя Михайловича Засѣкина и тоже въ краткихъ, но очень точныхъ выраженіяхъ, вдобавокъ въ нѣсколькихъ всегда одинаковыхъ строкахъ. Это были объявленія о продажѣ различныхъ вотчинъ его въ разныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе неплатежа. Деньги, разумѣется, вносились, но на слѣдующій годъ снова появлялось то же лаконическое упоминаніе его имени. Это было единственное доказательство для россіянъ о его существованіи на бѣломъ свѣтѣ.

Однажды обыватели околодка въ приходѣ Николы Линючаго были сильно озадачены суетой, которая происходила на дворѣ Засѣкинскаго дома. Издавна тутъ бывало мертво—тихо, а вдругъ тутъ появились всякія телѣги, ломовые извозчики, даже три драныя четырехмѣстныя кареты съ биржи.

Оказалось, что многое и многое изъ Засѣкинскаго дома вывозится: и картины, и бронза, и другія рѣдкости. Все это продано наполовину какому-то петербургскому вельможѣ, а наполовину какому-то московскому купцу, который недавно выстроилъ домъ и заводитъ такія же рѣдкости у себя, какія когда-то скопилъ екатерининскій вельможа.

Графъ Сергѣй Михайловичъ былъ въ это время въ Висбаденѣ, немножко проигрался въ рулетку и хотѣлъ отыграться.

Графиня все оставалась въ Парижѣ...

Она очень веселилась...

Засѣкинскій домъ былъ, между тѣмъ, очищенъ въ мѣсяцъ. Оставалась лишь кой-какая мебель. Но вскорѣ, хотя ничего вновь продавать приказа не было, многое начали вывозить опять. Но все больше по ночамъ. Наконецъ, Засѣкинскій домъ опустѣлъ совершенно. Въ немъ остались только стѣны и потолки. Да и не всѣ стѣны были цѣлы. Въ желтой гостиной даже ободрали шпалеры

со стѣнъ. Затѣмъ управитель вдругъ, придравшись къ неполученному за два мѣсяца жалованью, самъ покинулъ свое мѣсто. Ему надоѣло быть управителемъ. Онъ купилъ себѣ домъ недалеко отъ Засѣкинскаго дома и внесъ за него двадцать пять тысячъ чистоганомъ.

Прошелъ годъ, и въ Засѣкинскомъ домѣ уже виднѣлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рамы съ разбитыми стеклами, а чрезъ разбитыя окна уже появились новые обитатели въ комнатахъ—голуби. Въ трубахъ давно нетопленнаго дома вороны и галки уже вили гнѣзда. Жизнь сосредоточивалась только въ двухъ флигеляхъ, выходившихъ на улицу, гдѣ жили квартиранты.

Прошло десять лѣтъ. Подошли шестидесятые годы. Упоминанія о графѣ Сергѣѣ Михайловичѣ въ иностранной прессѣ постепенно давно прекратились. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и упоминанія о немъ отечественныя. Всѣ вотчины одна за другой были уже проданы въ разныя руки съ переводомъ долговъ. И графъ Сергѣй Михайловичъ, «реализировавъ», какъ онъ выражался, свое состояніе, взялъ у жены сына и поселился въ Висбаденѣ. Реально или видимо получилъ онъ всего сто тысячъ, которыхъ ему хватило на цѣлыхъ пять лѣтъ. Послѣ этого онъ переѣхалъ жить къ троюродному племяннику въ г. Епифань, а мальчика сбылъ въ Москвѣ въ пансіонъ.

Графиня все оставалась въ Парижѣ...

Она меньше веселилась...

IX.

Въ шестидесятыхъ годахъ Засѣкинскій домъ вдругъ преобразился. Крышу на немъ вывели новую. Весь домъ выкрасился темнокоричневой краской. Дворъ снова ожилъ. Въ фасадѣ былъ задѣланъ главный подъѣздъ, уничтожена громадная парадная лѣстница, и сдѣлано два подъѣзда поменьше.

Домъ раздѣлился на двѣ половины. Въ одной поселился съ семьей новый владѣлецъ, потомственный почетный гражданинъ и мануфактуръ-совѣтникъ Матрешинъ, тотъ самый, который за двадцать пять лѣтъ предъ тѣмъ повалилъ каменную ограду сада, провелъ улицу и выстроился на ней. Про него шутили москвичи, что онъ подкрался къ Засѣкинскому дому сзади, пролѣзъ по черному ходу и теперь появился въ домѣ уже въ качествѣ его владѣльца.

Въ другой половинѣ дома, гдѣ помѣщалась великолѣпная зала, по которой когда-то прошла съ хозяиномъ полонёзъ сама Екатерина, окна ярко свѣтились всякій вечеръ. Тутъ было какое-то новое для Москвы заведеніе. Тутъ по вечерамъ и далеко за полночь играла музыка. Въ бывшей желтой гостиной былъ буфетъ съ закусками и всякими питіями, но пуще всего и ходчѣе шла

водка и селедка. Внизу продавались билеты, всего только полтинникъ за входъ.

Сначала публики бывало мало, но затѣмъ стало набираться иногда въ вечеръ до трехсотъ человѣкъ. Сказывали, что это заведеніе было подражаніемъ петербургскимъ, именуемымъ танцъ-классами. Обыватели, повторявшіе слово: «танцъ-классъ», понимали, что значитъ «танцъ», но не понимали, какъ приложить къ этому заведенію слово «классъ». Вскорѣ шутники прозвали заведеніе: «бацъ въ глазъ», на основаніи собственнаго опыта. Всякіе разночинцы часто говорили, проходя или проѣзжая мимо на лихачахъ:

— А что, братецъ, не дернуть ли намъ въ Засѣкинскій!

Одинъ провинціалъ-купецъ жаловался:

— Понесла меня, сударь мой, нелегкая въ энту Засѣкинщину! Тамъ всякія барышни! Проснулся въ полиціи. А пяти сотъ рублей, что были въ карманѣ,—немà.

Однако, лѣтъ чрезъ пять увеселительное заведеніе такъ разжилось, что переѣхало на другую улицу, въ самый центръ города, и заняло цѣлый большой барскій домъ, немногимъ меньше всего Засѣкинскаго дома.

Здѣсь прежде живалъ одинъ предводитель дворянства, потомъ былъ долго пансіонъ для дѣтей благородныхъ родителей. Но, такъ какъ благородные родители послѣ эмансипаціи перевелись, а остались лишь просто родители, которые начали отдавать сыновей въ дешевыя правительственныя гимназіи, то домъ долго стоялъ пустъ, покуда не переѣхало сюда процвѣтающее увеселительное заведеніе. Но уже не танцъ-классомъ именовалось оно, а славилось на всю столицу подъ названіемъ «Салонъ-де-Амюземанъ», гдѣ всѣмъ было весело, кромѣ полиціи.

Засѣкинскій домъ видоизмѣнился совершенно. Два крыла его, террассы на колоннадахъ, которыя возвелъ когда-то сынъ екатерининскаго вельможи, графъ Михаилъ Сергѣевичъ, въ подражаніе колоннадамъ св. Петра, преобразились вдругъ въ простые дома. Между массивными колоннами провели каменныя стѣны, вмѣсто террассъ надѣли двѣ зеленыя крыши и пробили два ряда маленькихъ оконъ. Засѣкинскій домъ принялъ видъ уродливаго дома, состоящаго изъ трехъ домовъ въ рядъ въ видѣ подковы.

Въ двухъ крылахъ отдавались квартиры, въ среднемъ корпусѣ завелась было сначала гостиница «Отель-де-Прянсъ», но скоро прогорѣла и завелись благополучно меблированныя комнаты. Самыя обширныя на всю Москву, онѣ наиболѣе были любимы студентами.

Часть Засѣкинскаго дома не очень долго была резиденціей мануфактуръ-совѣтника Матрешина. Онъ выстроилъ себѣ великолѣпный домъ-дворецъ на модной улицѣ, а Засѣкинскій обратилъ въ нѣчто, подобное муравьиной кучѣ, и сталъ продавать частями въ разныя руки.

X.

Въ семидесятыхъ годахъ старожилы околодка Николы Линючаго уже не узнавали Засѣкинскаго дома. Обширнаго двора не было, такъ какъ переднюю часть двора занималъ вновь выстроенный магазинъ-оранжерея. Сада не было совсѣмъ, ибо наполовину онъ обратился въ задній дворъ, а два края его были заняты двумя вновь выстроенными домами.

Все, что называлось прежде Засѣкинскимъ домомъ, осталось существовать только въ догадкѣ или въ воображеніи старожиловъ москвичей. Все, что тутъ было вновь настроено, принадлежало уже разнымъ и разношерстнымъ владѣльцамъ. Два прежніе флигеля принадлежали двумъ быстро разбогатѣвшимъ людямъ: одинъ доктору по накожнымъ болѣзнямъ, другой инженеру. Дома, построенные когда-то въ Новой улицѣ купцомъ Матрешинымъ, принадлежали тоже разнымъ лицамъ: одинъ нѣмцу, другой священнику. Наконецъ, центральнымъ зданіемъ владѣла какая-то бельгійская компанія, продававшая машины. Во всѣхъ домахъ отдавались квартиры, были магазины и лавки.

Наконецъ, въ восьмидесятыхъ годахъ Засѣкинскій домъ, т. е. собственно главное центральное зданіе, перешло изъ рукъ бельгійской компаніи въ руки россійскаго гражданина, второй гильдіи купца Абрама Гольдзаца, а вдоль зданія появилась громадная, красивая вывѣска съ золотыми буквами, гласящими: «Касса ссудъ».

Всѣ операціи этого разоро-вспомогательнаго заведенія: пріемъ, оцѣнка, выдачи ссудъ, производятся въ бывшей желтой гостиной, гдѣ когда-то кушала шоколадъ сама Великая монархиня и гдѣ затѣмъ стоялъ помостъ съ усопшимъ екатерининскимъ орломъ и гдѣ, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, прошла вся Москва съ колѣнопреклоненьемъ. Тутъ же на стѣнѣ, гдѣ когда-то висѣлъ живописный портретъ дщери Петровой, теперь приклеились продольныя вывѣски, извѣщающія, что касса открыта для заклада ежедневно отъ девяти часовъ утра до девяти вечера, а для выкупа разъ въ недѣлю отъ двухъ до четырехъ. Но и эти два часа, почитай, пропащіе...

И снова Засѣкинскій домъ наполненъ, какъ когда-то, всякаго рода предметами. Онъ снова—полная чаша рѣдкостей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго тряпья и гнили.

Но разныя россійскія и заморскія сокровища, серебро, золото, самоцвѣтные камни, бронза, фарфоръ, картины и т. д.,—все болѣе или менѣе не принадлежитъ владѣльцу дома, а разложенное по многочисленнымъ горницамъ, обращеннымъ въ кладовыя, тщательно перемѣчено нумерами. Все это болѣе или менѣе принадлежитъ многимъ и многимъ москвичамъ, въ миніатюрѣ подражающимъ графамъ Засѣкинымъ послѣдней формаціи.

XI.

Вскорѣ послѣ появленія въ Засѣкинскомъ домѣ учрежденія, гдѣ происходитъ денной... денная помощь, въ одномъ изъ крыльевъ дома, въ третьемъ этажѣ нанялъ себѣ квартирку въ двѣ комнаты молодой человѣкъ. Уже три года собирается онъ поступить въ университетъ, но покуда тщательно посѣщаетъ всякія увеселенія, балы, концерты, театры — явно, «Салонъ-де-Амюземанъ» — тайно.

Молодой человѣкъ платитъ за свою квартиру двадцать два рубля въ мѣсяцъ. Квартирка у него чистая и приличная, и въ ней лишь одно неудобство. Такъ какъ центральный домъ принадлежитъ Гольдзацу, то даже среди квартирантовъ сосѣднихъ домовъ очень большое количество семей съ множествомъ дѣтей. И всѣ они, смугло черные, лохматые, день-деньской снуютъ и галдятъ, какъ грачи на вечерней зарѣ.

Молодой человѣкъ, поселившійся тутъ, малый добрый. Онъ немного важенъ, немножко туповатъ, недуренъ собой, но золотушный и совсѣмъ хилаго сложенія. Однако, внѣшность его, всетаки, нѣсколько элегантна. Ноги маленькія, какъ у женщины, а руки красивы и бѣлы поразительно. Голосъ пискливый. Въ обществѣ всѣ его любятъ, но дали прозвище: «Чижикъ, гдѣ ты былъ!»

Отецъ его недавно умеръ отъ подагры, живя у дальнихъ родственниковъ на хлѣбахъ. Мать его была теперь неизвѣстно гдѣ... кажется, замужемъ за фабрикантомъ макаронъ во Франціи. Молодой человѣкъ этотъ изъ тѣхъ, что благодушно вѣрятъ въ свою звѣзду,—изъ тѣхъ, что можно назвать «манну ждущими». Его будущность рисуется ему поэтому ярко радужная. Онъ на всѣхъ вечерахъ и балахъ усиленно ищетъ поухаживать за богатыми дѣвицами, не исключая и зрѣлыхъ «безнадежныхъ» дворянскаго ли, купеческаго ли сословія. Онъ тщательно справляется о состояніи ихъ родителей и объ ихъ приданомъ. Онъ надѣется вскорѣ пристроиться, завести собственный домъ и почить на лаврахъ отъ поисковъ.

Два раза его уже «поблагодарили за честь», но онъ не унываетъ и продолжаетъ манну ждать!...

Поселился онъ въ этой квартирѣ изъ-за самолюбія и дворянскаго гонора. Если не въ самомъ Засѣкинскомъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, во флигелѣ этого самаго дома желалъ онъ непремѣнно жить, а потому, что этотъ молодой человѣкъ—графъ Сергѣй Сергѣевичъ Засѣкинъ, единственный на Руси представитель знаменитаго рода. Онъ же—тотъ самый, зачатію котораго такъ удивился его законный отецъ. Можно смѣло утверждать впередъ, что судьба его на бѣломъ свѣтѣ будетъ нѣсколько иная, нежели судьба

его пращура, коего титулъ, имя, отчество и фамилію онъ носитъ... и продаетъ! И, всетаки, послѣ самопродажи не купить ему новыми домами раздавленнаго прадѣдова дома.

Воевода Михаилъ Алексѣевичъ, ближній бояринъ царицы Наталіи! Графъ Сергѣй Сергѣевичъ, екатерининскій орелъ! Встаньте изъ гробовъ! Поглядите!!..

Графъ Е. Саліасъ.

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ.

I.

ЫРАЖЕНІЯ: «сороковые годы», «люди сороковыхъ годовъ», не рѣдко употреблялись и теперь еще употребляются для обозначенія того усиленнаго интеллектуальнаго движенія, которое началось и дѣйствовало въ Москвѣ, совпадая съ тѣмъ періодомъ времени, когда попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ графъ С. Г. Строгоновъ (1835—1847). Вторымъ выраженіемъ Писемскій даже озаглавилъ одинъ изъ своихъ романовъ, къ сожалѣнію, весьма неудачный.

Необходимо замѣтить, что означенное движеніе не ограничивается въ точности десятилѣтнимъ періодомъ. Странно думать, что оно началось именно 1-го января 1840 и завершилось 1-го января 1850 года. Можно если угодно назвать это пространство времени выдающимся пунктомъ культурнаго прогресса, но начало его восходитъ къ предъидущимъ годамъ нашего столѣтія, а послѣдствія его раскрываются втеченіе послѣдующихъ, частію измѣняясь, а частію и замѣняясь другими движеніями или вѣяніями.

Второе замѣчаніе относится къ отрицанію особеннаго значенія сороковыхъ годовъ въ нашемъ культурномъ прогрессѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ журнальныхъ статей, сороковые годы стоятъ на одномъ уровнѣ съ предшествовавшими имъ и слѣдовавшими за ними. Въ доказательство приводятся свидѣтельства представителей того

времени (напримѣръ, И. С. Аксакова), что общественное положеніе нисколько не измѣнялось къ лучшему. Разсуждать такимъ образомъ значитъ имѣть ложное понятіе о тѣхъ эпохахъ, которымъ присвоено названіе выдающихся, прогрессивныхъ, и которымъ принадлежатъ времена Перикла, Августа, Людовика XIV, наконецъ вѣкъ просвѣщенія—XVIII-й вѣкъ. Послѣдній, пожалуй, окажется наиболѣе худшимъ, такъ какъ народъ былъ погруженъ въ невѣжество, въ высшихъ сферахъ господствовали крайнія злоупотребленія, развратъ и ханжество, да и самыя свѣтила философіи не отличались достаточнымъ нравственнымъ цензомъ. Однако-жъ, никто не сомнѣвается въ исторической важности указанныхъ эпохъ. Дѣло не въ томъ, какъ жили тѣ или другіе субъекты въ эпоху прогресса, а въ самомъ прогрессѣ и его послѣдствіяхъ,—въ тѣхъ новыхъ началахъ, которыя онъ кладетъ для серьезнаго умственнаго развитія и нравственнаго улучшенія, для болѣе точнаго, правдиваго самосознанія, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ массъ. Чацкій—одинъ среди людей минувшаго вѣка, но онъ уже усвоилъ иной образъ мыслей, которому предстояло торжество. И. Кирѣевскій, въ статьѣ по поводу постановки «Горя отъ ума на Московской сценѣ», высказалъ пустоту жизни москвичей, ихъ равнодушіе ко всему нравственному и умственному, но въ то же время онъ представилъ и исключенія, т. е. людей, которые развиваютъ въ себѣ чувства возвышенныя съ правилами твердыми и благородными.

Усиленное стремленіе московскаго юношества къ болѣе серьезному образованію ведетъ свое начало, по моему мнѣнію, съ двадцатыхъ годовъ, когда профессоръ М. Г. Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы, открылъ свои лекціи сельскаго хозяйства и минералогіи. Онъ первый далъ студентамъ понятіе о господствовавшей въ то время философіи Шеллинга, или, точнѣе, о примѣненіи этой философіи къ естествовѣдѣнію однимъ изъ его послѣдователей — Океномъ. Новизна взглядовъ, мастерство ихъ изложенія въ логическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ сильно дѣйствовали на слушателей и, кромѣ того, привлекали въ университетъ постороннюю любознательную молодежь изъ наиболѣе просвѣщенныхъ семействъ высшаго московскаго общества. Между этими юношами, поступавшими на службу преимущественно въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ и потому прозванныхъ «архивными», особенно выдавался князь В. Ѳ. Одоевскій своею любовью къ высшему знанію, къ такъ называемой трансцендентальной философіи. Онъ устроилъ у себя въ домѣ философское общество, которое посѣщалось его товарищами по службѣ и по образу мыслей, а въ 1824 году издавалъ сборникъ «Мнемозину» для ознакомленія читателей съ философіей Шеллинга. Въ немъ помѣщено нѣсколько статей Павлова и самого издателя: послѣднему принадлежатъ отрывки изъ

исторіи философіи и по эстетикѣ, основанной на идеяхъ Шеллинга и долженствовавшей положить конецъ французскимъ, лжеклассическимъ эстетическимъ понятіямъ, представителомъ которыхъ въ то время былъ профессоръ Мерзляковъ.

Новые органы журналистики содѣйствовали съ своей стороны университетскому вліянію. Кромѣ сборника «Мнемозина», въ двадцатыхъ годахъ явились «Телеграфъ» (Н. Полеваго), «Московскій Вѣстникъ» (Погодина), «Европеецъ» (И. Кирѣевскаго). Даже дряхлѣющій «Вѣстникъ Европы» значительно оживился, благодаря сотрудничеству Н. И. Надеждина. По своимъ направленіямъ и содержанію, эти новыя періодическія изданія въ Москвѣ взяли перевѣсъ надъ таковыми же петербургскими.

Потребность серьезнаго ученія возростала болѣе и болѣе. Въ тридцатыхъ годахъ философія Шеллинга уступила свое мѣсто философіи Гегеля, которая заинтересовала кружокъ любознательныхъ студентовъ, преимущественно историко-филологическаго факультета, собиравшихся у ихъ товарища Н. Станкевича. Главными лицами этого кружка были К. Аксаковъ, Катковъ, Ключниковъ, Бѣлинскій. Послѣдній, по незнанію иностранныхъ языковъ, своимъ знакомствомъ съ нѣмецкой эстетикой и съ нѣмецкой поэзіей, преимущественно съ Шиллеромъ, много обязанъ Станкевичу, въ своихъ бесѣдахъ разъяснявшему сущность той и другой. Въ университетѣ лекціи Н. И. Надеждина, профессора теоріи изящныхъ искусствъ, сильно вліяли на молодежь, равно какъ и основанный имъ журналъ «Телескопъ» вмѣстѣ съ листкомъ «Молва», въ которомъ Бѣлинскій выступилъ какъ критикъ, уже подготовленный къ своему дѣлу бесѣдами съ Станкевичемъ и лекціями Надеждина. Наконецъ, въ тридцатыхъ же годахъ развилось такъ называемое славянофильство, занимающее весьма почетное мѣсто въ исторіи нашего самопознанія. Основателями и разъяснителями этого ученія были А. Хомяковъ, К. Аксаковъ, И. Кирѣевскій и (позднѣе) Ю. Самаринъ.

Сороковые годы относятся преимущественно къ двѣнадцатилѣтнему управленію графа С. Г. Строгонова Московскимъ учебнымъ округомъ. До оффиціальнаго назначенія его на этотъ постъ, будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ, онъ обстоятельно знакомился съ университетскимъ преподаваніемъ, т. е. посѣщалъ лекціи тѣхъ или другихъ профессоровъ. Надобно отдать ему справедливость и за то, что при всемъ уваженіи истинной учености онъ обращалъ большое вниманіе на нравственную пробу преподавателя: невнимательное отношеніе къ своей обязанности или уклоненіе отъ нея къ другому дѣлу, тщеславіе, непотизмъ, отсутствіе справедливости и благородства, неправильный образъ жизни были имъ нетерпимы и презираемы. Всѣ, напримѣръ, знали, что онъ не жаловалъ четырехъ профессоровъ, хотя по своимъ лекціямъ

они стояли на видномъ мѣстѣ. Одинъ (И. И. Давыдовъ) отталкивалъ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и непрямыми путями въ своихъ дѣйствіяхъ [1]), другой (Д. М. Перевощиковъ)—непотизмомъ и хитростью, прикрываемою простотой себѣ на умѣ [2]); третій (С. П. Шевыревъ)—раздражительностью и педантизмомъ; четвертый (М. П. Погодинъ) — многостороннею, разбросанною дѣятельностью, мѣшавшею ему всецѣло посвятить себя избранному имъ предмету—исторіи. Утверждали, будто графу не нравились эти лица потому, что къ нимъ въ особенности благосклонно относился министръ С. С. Уваровъ, бывшій съ нимъ не въ ладахъ. Можетъ статься, это и справедливо, но только отчасти, а не вполнѣ. Обращеніе этихъ личностей съ ихъ меценатомъ, при поѣздкѣ въ его подмосковное помѣстье Порѣчье, заставляло многихъ пожимать плечами, особенно послѣ статьи Давыдова въ «Москвитянинѣ», повѣствующей о провожденіи времени въ означенномъ имѣніи. Прочитавъ ее, графъ Строгоновъ, при свиданіи съ авторомъ, обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: «не знаете ли, кто написалъ эту лакейскую статью? Не думаю, чтобы она могла понравиться Сергію Семеновичу» [3]).

Другое важное достоинство графа Строгонова состояло въ томъ, что онъ радѣлъ о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ свѣжими, ка-

---

[1]) Ключниковъ охарактеризовалъ его въ чрезвычайно злой эпиграммѣ. См. также и другія свидѣтельства, напримѣръ, въ «Русск. Архивѣ» 1888 г., VIII, стр. 482, Письма Каткова къ А. Н. Попову. Здѣсь Давыдовъ обличается въ плагіатѣ, т. е. въ присвоеніи себѣ критическихъ замѣтокъ Ѳ. И. Буслаева о книгѣ Павскаго («Филологич. наблюденія надъ составомъ русскаго языка»). Впослѣдствіи, давая отчетъ въ «Москвитянинѣ» о какомъ-то грамматическомъ трудѣ Давыдова, Буслаевъ привелъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ: «нельзя уважать человѣка, который вредитъ другимъ своими продѣлками».

[2]) Ibid., стр. 493.

[3]) Замѣчу, что гр. Строгоновъ былъ иногда очень рѣзокъ въ своихъ выраженіяхъ. Рѣзкость эта порою переходила въ комизмъ. Однажды явился къ нему какой-то провинціалъ, отецъ двухъ гимназистовъ, жаловаться на то, что его дѣти послѣ экзамена не переведены въ слѣдующій классъ, и при этомъ часто повторялъ одну и ту же фразу: вѣдь они у меня, ваше сіятельство, преумные. «Вѣрю, вѣрю, — отвѣчалъ графъ, — должно быть, въ матушку».—На одномъ магистерскомъ диспутѣ сидѣлъ онъ рядомъ съ Грановскимъ, а противъ нихъ помѣстился О. М. Бодянскій, положивъ одну ногу на другую и тѣмъ выказавъ особенность своихъ сапоговъ, подбитыхъ крупными гвоздями, словно подковами. Графъ обратился къ своему сосѣду: «Посмотрите, Тимоѳей Николаевичъ, какъ во всемъ оригиналенъ Осипъ Максимовичъ. Мы съ вами, если намъ нужны сапоги, отправляемся къ сапожнику, а онъ заказываетъ ихъ въ кузницѣ». Но, дозволяя себѣ рѣзкія выходки, графъ спокойно выслушивалъ удачныя, остроумныя реплики. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Въ разговорѣ съ Е. Ѳ. Коршемъ, извѣстнымъ многими серьезными литературными трудами, выражая ему, какъ редактору «Московскихъ Вѣдомостей», свое неудовольствіе за помѣщеніе какой-то статьи, графъ, между прочимъ, сказалъ: «Поставьте себя на мое мѣсто».— Никакъ не могу, ваше сіятельство.—«Почему?»— Воображенія не хватаетъ: у васъ шестьдесятъ тысячъ душъ.

питально образованными силами. Изъ среды студентовъ, оканчивающихъ курсъ, онъ покровительствовалъ тѣмъ, которые желали посвятить себя ученому званію, и содѣйствовалъ отправленію ихъ за границу для усовершенствованія въ той наукѣ, на каѳедру которой они желали поступить. При немъ явились въ Московскомъ университетѣ такія личности, какъ Грановскій, Соловьевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ...

Корпорація студентовъ за все время попечительства графа была примѣрная по своему стремленію къ высшему знанію и по отношенію къ лекціямъ. Нѣкоторые профессоры пользовались ихъ особенною любовью за то, что дозволяли имъ въ праздничные дни приходить къ себѣ для бесѣдъ, сообщали имъ научныя новости, дозволяли пользоваться книгами изъ своихъ библіотекъ и давали совѣты для ихъ собственныхъ работъ. Въ pendant ко всему этому инспекторъ студентовъ былъ образцовый — Нахимовъ, родной братъ знаменитаго защитника Севастополя. Не отличаясь ни дарованіями, ни образованностью, даже платившій дань Вакху, онъ по какому-то благодатному инстинкту умѣлъ обращаться съ молодежью. Студенты любили его, какъ роднаго, хотя и посмѣивались надъ его наивностью. Много ходило о немъ анекдотовъ, не выдуманныхъ, а дѣйствительно бывшихъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, весьма характеристичный. Студентамъ запрещалось отпускать длинные волосы, за чѣмъ, разумѣется, должны были наблюдать инспекторъ и его помощники. Одному изъ такихъ длинноволосыхъ Нахимовъ нѣсколько разъ говорилъ сходить къ цырульнику, но все напрасно: студентъ обѣщалъ, но не исполнялъ своихъ обѣщаній. «Слушай,—сказалъ ему Нахимовъ, выведенный изъ терпѣнія:—если я еще разъ встрѣчу тебя[1]) въ такомъ видѣ, то непремѣнно исключу изъ университета. Даю тебѣ честное слово. Понимаешь?»—«Понимаю, Павелъ Степановичъ». На другой или третій день Нахимовъ отправляется въ университетъ. Повернувъ съ Тверской улицы въ университетъ по Долгоруковскому переулку, онъ къ ужасу своему видитъ, что съ другаго конца этого переулка, т. е. отъ Большой Никитской улицы, идетъ ему навстрѣчу означенный студентъ, и не остриженный. Бѣдный инспекторъ очутился между Сциллой и Харибдой. Сдержать свое слово—жалко студента; не сдержать — значитъ признать себя безчестнымъ. Положеніе бѣдовое, но добрякъ удачно изъ него вышелъ.—«Оборачивай назадъ, выѣзжай на Тверскую!—кричитъ онъ кучеру:—скорѣе, разиня!» Кучеръ исполнилъ приказаніе и тѣмъ спасъ студента отъ бѣды, а своего барина отъ безчестья. Наконецъ, графъ Строгоновъ

---

[1]) Нахимовъ, какъ и нѣкоторые изъ профессоровъ, обходился тогда безъ церемоніи; но студенты нисколько не обижались, что онъ пустое вы замѣнялъ сердечнымъ ты.

неизмѣнно выказывалъ въ своемъ обращеніи и мнѣніяхъ самостоятельность и прямизну. Не страдая тщеславіемъ и честолюбіемъ, онъ не заискивалъ въ высшихъ сферахъ и не терпѣлъ угодничества. Доказательствомъ служитъ его отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія. Нѣкоторые находили въ немъ непривѣтливость и сухость сердца, но какъ согласить съ такимъ отзывомъ многіе противорѣчащіе ему факты? Графъ всегда былъ готовъ помочь предпріятію, если оно имѣло своимъ предметомъ что нибудь полезное: такъ онъ помогъ М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву при началѣ изданія ими «Русскаго Вѣстника». Равно не отказывалъ онъ въ заступничествѣ ни цензорамъ, ни авторамъ, по поводу какихъ либо ихъ недосмотровъ или провинностей. Правда, онъ рѣдко своихъ посѣтителей (если они состояли подъ его управленіемъ) приглашалъ садиться: они обязаны были стоя вести съ нимъ бесѣду [1]), но за то эти стоящіе нисколько не были стѣсняемы въ изложеніи своихъ просьбъ и мнѣній. Графъ охотно и снисходительно выслушивалъ дѣльныя возраженія.

Въ сороковыхъ годахъ Московскій университетъ могъ похвалиться пріобрѣтеніемъ новыхъ профессоровъ, молодыхъ и талантливыхъ, умѣвшихъ поднять уровень высшаго научнаго образованія и возбудить въ студентахъ не только любознательность, но и нравственныя чувства стремленія къ благороднымъ идеаламъ. Таковы были Грановскій, Крюковъ, Соловьевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ. Петербургскіе журналы «Отечественныя Записки» и «Современникъ», органы европеизма, открыли новую эру періодической прессы, равно какъ главный сотрудникъ ихъ Бѣлинскій своими статьями открылъ новую эру высшей литературной критики. Противовѣсомъ этихъ журналовъ служили въ Москвѣ представителя славянофильства — «Москвитянинъ» и отдѣльные сборники. Тогда же выступили многіе литературные таланты, относящіеся къ школѣ Пушкина и Гоголя, какъ ихъ послѣдователи: явленіе, подобное романтической школѣ у нѣмцевъ съ ея представителями—Тикомъ и двумя братьями Шлегелями, или романтической школѣ во Франціи съ ея представителемъ В. Гюго. Цѣлая плеяда даровитыхъ беллетристовъ, съ Тургеневымъ во главѣ, быстро заполонила вниманіе и любовь публики. Имена ихъ извѣстны теперь всѣмъ и каждому: Гончаровъ, Майковъ, Некрасовъ, Григоровичъ, Фетъ, Полонскій, Достоевскій, Писемскій, Салтыковъ (Щедринъ), Островскій, графъ Л. Толстой... Объ нихъ-то, равно какъ и о другихъ лицахъ, извѣстныхъ въ нашей литературѣ и наукѣ и съ которыми выпало мнѣ счастіе познакомиться втеченіе трехъ десятилѣтій (30—50 годовъ), хочу я поговорить въ моихъ запискахъ.

---

[1]) С. М. Соловьевъ получилъ приглашеніе садиться лишь послѣ того, какъ занялъ мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ русской исторіи.

Большинство ихъ сошло въ могилу и лично не было извѣстно современному поколѣнію. Посмотрите: въ «Воспоминаніяхъ» А. Я. Головачевой-Панаевой, изъ тридцати трехъ писателей осталось только двое (Е. Ѳ. Коршъ и графъ Л. Н. Толстой), а изъ артистовъ (актеровъ), если не ошибаюсь, не осталось ни единаго. Какая богатая жатва смерти! какой бѣдный процентъ долгоденствія!

II.

Воспоминанія мои начну съ Боткина (Василія Петровича), такъ какъ съ нимъ я познакомился раньше, чѣмъ съ другими, въ Москвѣ, вскорѣ по окончаніи университетскаго курса. При имени этого лица нѣкоторые, его знавшіе, можетъ быть, улыбнутся, вспомнивъ кое-какія причуды и слабости покойнаго и, между прочимъ, слѣдующіе стихи изъ литературнаго акаѳиста Щербины:

«Радуйся, Испаніи описаніе!
«Радуйся, въ Испаніи небываніе!
Плѣшивый чаепродавче, Донъ-Василіо, радуйся!

Но я не пойду за ними по этой дорогѣ, потому что сущность дѣла не въ сатирѣ, а совершенно въ противоположномъ предметѣ. Сынъ извѣстнаго торговца чаемъ, отъ перваго брака, Василій Петровичъ обучался въ пансіонѣ Кистера, преподававшаго нѣмецкій языкъ и литературу въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ познанія въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Впослѣдствіи онъ читалъ свободно книги англійскія, итальянскія и испанскія. Этимъ чтеніемъ замѣстилъ онъ высшее, университетское образованіе. Роднымъ языкомъ владѣлъ онъ на ряду съ лучшими его знатоками, въ чемъ удостовѣряютъ его переводы и сочиненія. Одно изъ послѣднихъ: «Поѣздка въ Испанію», сразу доставило ему извѣстность. Его переводы изъ Карлейля занимали видное мѣсто въ статьяхъ «Современника». Отъ природы получилъ онъ вѣрный и тонкій вкусъ изящнаго, въ чемъ бы оно ни выражалось: онъ прежде многихъ оцѣнилъ таланты Фета и Некрасова. Комнаты его постоянно украшались немногими, но лучшими произведеніями живописи и скульптуры (это какъ бы природная принадлежность талантливаго семейства Боткиныхъ, изъ среды котораго вышелъ такой ученый дѣятель, какъ Сергѣй Петровичъ). Въ его обѣдахъ, которыми онъ угощалъ своихъ пріятелей, выказывался образованный эпикуреизмъ: они сопровождались интересными бесѣдами, такъ какъ знакомые его принадлежали къ передовымъ талантамъ въ литературѣ и наукѣ. Образованность Василія Петровича имѣла доброе вліяніе и на его отца, человѣка очень умнаго отъ природы, но по той средѣ, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, не могшаго относиться съ большимъ уваженіемъ къ

наукѣ и учености. Однако-жъ, впослѣдствіи онъ сталъ смотрѣть иначе на то общество, которое собиралось въ его домѣ, и выражать свое къ нему почтеніе замѣчательнымъ образомъ: никогда не ломавшій шапки передъ ученостью, онъ, въ праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія, со шляпой въ рукахъ, отправлялся для поздравленія къ профессору Грановскому, нанимавшему у него квартиру въ особомъ флигелѣ, хотя этотъ жилецъ былъ много моложе домовладѣльца. О такой метаморфозѣ разсказывалъ мнѣ сынъ его Павелъ Петровичъ.

Литературное знакомство Боткина было обширно какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Со многими личностями онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Бѣлинскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Дружининъ, Панаевъ были съ нимъ на ты; пріѣзжая въ Москву, они большею частію останавливались у него. Письма его къ нѣкоторымъ изъ нихъ выказываютъ человѣка мыслящаго и многообразованнаго. Не принадлежа къ тароватымъ, онъ, однако-жъ, въ случаѣ нужды помогалъ своимъ пріятелямъ по литературному ремеслу, въ томъ числѣ и Бѣлинскому. Здѣсь я долженъ остановиться и сказать нѣсколько словъ объ интересныхъ «Воспоминаніяхъ» г-жи А. Я. Головачевой-Панаевой, извѣстной своимъ талантомъ и образованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они искренни и справедливы, т. е. сообщаютъ именно то, что авторъ видѣлъ или слышалъ, ничего къ тому не прибавляя и не искажая; но мнѣ сдается, что она слышанное и видѣнное въ извѣстный моментъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, обобщаетъ, почему и является постоянно невыгодное мнѣніе объ однѣхъ личностяхъ и неизмѣнно выгодное о другихъ (въ родѣ предубѣжденія и предилекціи). Въ числѣ первыхъ преимущественно фигурируютъ Боткинъ, Анненковъ и Тургеневъ. Почти каждый разъ достается имъ при выходѣ ихъ на сцену. Вотъ примѣръ. Когда Бѣлинскому, въ критическую минуту его денежнаго затрудненія, было предложено занять денегъ у Анненкова или у Боткина, то онъ перваго обозвалъ «русскимъ кулакомъ», а о другомъ выразился такъ: «покорно благодарю—душу всю вымотаетъ своими разговорами, что онъ нуждается въ деньгахъ»[1]). И это сказано безъ всякихъ оговорокъ и разъясненій, такъ что читатель можетъ составить объ этихъ личностяхъ мнѣніе невѣрное, противоположное документальнымъ свидѣтельствамъ, приведеннымъ въ біографіи Бѣлинскаго[2]), изъ которыхъ видно, что Боткинъ и Анненковъ были первыми, главными друзьями Бѣлинскаго.

Что же касается до стиховъ Щербины: «Испаніи описаніе— въ Испаніи небываніе», то трудно понять, откуда возникло такое

---

[1]) Воспоминанія, стр. 121.

[2]) А. Н. Пыпина (т. II, стр. 271, 275—276, 285, 325).

странное подозрѣніе, такая нелѣпая сплетня. Можетъ быть, поводомъ къ тому послужили современныя описанія путешествій въ Испанію—французскія или англійскія. Я самъ видѣлъ два или три таковыхъ въ библіотекѣ Василія Петровича, но заключать отсюда о плагіатѣ есть сущая нелѣпость. Какой путешественникъ при разсказѣ о томъ, что онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ, не пользовался предшествовавшими ему описаніями тѣхъ же странъ. Такъ, напримѣръ, поступалъ Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ»: сообщая своимъ друзьямъ о посѣщеніи французской академіи (въ Парижѣ), онъ присоединилъ къ тому и краткій историческій очеркъ этого учрежденія, безъ сомнѣнія, переведенный или извлеченный имъ изъ какой нибудь французской монографіи. То же дѣлалъ фонъ-Визинъ въ своихъ «Письмахъ» къ гр. Панину изъ Франціи; то же самое имѣлъ право дѣлать и Боткинъ: разсказывая о боѣ быковъ, онъ знакомитъ съ исторіей этого зрѣлища; описывая Севильскій соборъ, онъ также вводитъ исторію его постройки. Не самому же ему сочинять эти исторіи. Отсюда заключеніе: Боткинъ несомнѣнно былъ въ Испаніи, но вмѣстѣ съ этимъ, само собою разумѣется, пользовался описаніями другихъ путешественниковъ, т. е. поступалъ такъ, какъ поступаютъ всѣ авторы путешествій.

Некрасовъ, какъ извѣстно, охарактеризовалъ П. В. Анненкова въ слѣдующемъ стихотвореніи [1]):

За то, что ходитъ онъ въ фуражкѣ
И крѣпко бьетъ себя по ляжкѣ [2]),
Въ немъ нашъ Тургеневъ всѣ замашки
Соціалиста отыскалъ.

Но не хотѣлъ онъ вѣрить слуху,
Что демократъ сей черствъ по духу,
Что только къ собственному брюху
Онъ уваженіе питалъ.

Какъ всякая эпиграмма, въ которой, по пословицѣ, на брань слово покупается, характеристика не вѣрна, потому что исключительна, одностороння. Талантливый, образованный и съ несомнѣннымъ эстетическимъ тактомъ, Павелъ Васильевичъ Анненковъ написалъ много умныхъ статей, которыя цѣнились образованными читателями, но не нравились читателямъ полуобразованнымъ.

Литературную извѣстность дали ему впервые «Парижскія письма»; они помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и умно, интересно изображали тогдашнее состояніе Франціи. Затѣмъ слѣдовало изданіе «Писемъ Н. Станкевича», съ приложеніемъ его «біографіи»: здѣсь охарактеризовано движеніе молодыхъ людей (такъ

---

[1]) «Русск. Архивъ», 1884, кн. 3, стр. 235: «Некрасовъ про ***».

[2]) Анненковъ дѣйствительно имѣлъ эту привычку.

называемый «кружокъ Станкевича») къ современной философіи Гегеля. Статья, подъ заглавіемъ: «Литературный типъ слабовольнаго человѣка», полемизируетъ съ статьей Н. Г. Чернышевскаго: «Русскій человѣкъ на rendez-vous», напечатанной въ «Атенеѣ» (московскомъ журналѣ, издававшемся Е. Ѳ. Коршемъ) и преслѣдовавшей нерѣшительность, вялость русскаго человѣка, отсутствіе иниціативы въ герояхъ Тургенева. Новыя произведенія тогдашнихъ беллетристовъ встрѣчали въ Анненковѣ осторожнаго, но всегда умнаго оцѣнщика, какъ видно изъ собранія его сочиненій (три тома). Никто изъ занимавшихся серьезно отечественной литературой не сомнѣвался въ дѣльности, разсудительности его критики; осуждали только иногда особенность его стиля, какъ бы умышленно избѣгавшаго простоты и стремившагося къ фигуральнымъ выраженіямъ. Это былъ личный, субъективный слогъ, отраженіе свойствъ писателя, по выраженію Бюффона (le style — c'est l'homme). Тургеневъ, всегда цѣнившій талантъ и образованность Анненкова, сравнивалъ его манеру писать съ замашкой такого человѣка, который, желая почесать у себя въ головѣ, исполняетъ свое желаніе не просто, а, подобно акробату, черезъ колѣно.

Наконецъ, изданіе сочиненій Пушкина (1855—57) съ «Матеріалами для его біографіи», равно какъ и самая біографія, къ сожалѣнію, доведенная только до 1826 года, составляютъ капитальную заслугу Анненкова. Оно впервые дало возможность приступить къ всестороннему изученію геніальнаго поэта. Труды издателя были по справедливости оцѣнены Московскимъ университетомъ, избравшимъ его въ свои почетные члены, по истеченіи пятидесяти лѣтъ отъ смерти Пушкина.

III.

Перехожу къ моему знакомству съ Бѣлинскимъ. Впервые мы встрѣтились въ 1834 или 1835 году у моего университетскаго товарища Селивановскаго, сына нѣкогда извѣстнаго типографщика. Въ домѣ его занималъ квартиру Надеждинъ, издатель «Молвы», въ которой явились «Литературныя мечтанія», заинтересовавшія весь московскій читающій людъ. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней, вечеромъ, у Селивановскаго сошлись: я, В. П. Боткинъ и Н. А. Полевой. Послѣдній, по запрещеніи «Телеграфа», занимался тогда редакціей «Живописнаго Обозрѣнія», издателемъ котораго былъ типографщикъ Семенъ. Послѣ чая, передъ ужиномъ, вошелъ Бѣлинскій, помѣщавшійся, если не ошибаюсь, въ квартирѣ Надеждина, у котораго состоялъ главнымъ сотрудникомъ. Хозяинъ и Полевой встрѣтили его, какъ уже знакомое лице. Это доказывалось ихъ свободнымъ и шутливымъ съ нимъ обращеніемъ. Селивановскій даже трунилъ надъ его отпущенными усами, называя ихъ знакомъ литературнаго удальства. Бѣлинскій видимо конфузился, но былъ

разговорчивъ и веселъ. Затѣмъ мы сходились въ такъ называвшейся «Литературной кофейнѣ», которую почти ежедневно посѣщали артисты московскихъ театровъ и любители чтенія газетъ и журналовъ, особенно принимавшіе участіе въ ихъ изданіи. Впрочемъ, Бѣлинскій рѣдко приходилъ туда, занятый срочною работою у Надеждина. Въ 1837 г. онъ напечаталъ первую часть (этимологію) своей «Русской грамматики для первоначальнаго обученія». Я послалъ отчетъ о ней къ Краевскому, въ «Литературныя Прибавленія» къ «Русскому Инвалиду» [1]): въ этомъ отчетѣ отдано должное его труду, особенность и новость котораго (по тогдашнему времени) заключалась въ томъ, что значеніе частей рѣчи выводилось изъ разложенія предложенія, иначе: исходнымъ пунктомъ этимологіи полагался синтаксисъ. Бѣлинскій былъ очень доволенъ этимъ указаніемъ: онъ благодарилъ меня, что я выставилъ напоказъ именно то отличіе его учебника, которое онъ самъ цѣнилъ преимущественно и которымъ его трудъ отличается отъ другихъ трудовъ по тому же предмету [2]). Вскорѣ послѣ этого мы сошлись еще ближе, благодаря общему сотрудничеству по критикѣ и библіографіи въ двухъ повременныхъ изданіяхъ: въ «Прибавленіяхъ къ Инвалиду», и въ «Отечественныхъ Запискахъ» перваго года (третьимъ товарищемъ въ томъ же дѣлѣ былъ М. Н. Катковъ). Сбираясь на переселеніе въ Петербургъ, Бѣлинскій рекомендовалъ мнѣ, вмѣсто себя, П. Н. Кудрявцева, еще студента, но уже заявившаго себя въ литературѣ повѣстями, которыя, подъ псевдонимомъ Нестроева, помѣщались въ «Наблюдателѣ», когда этотъ журналъ издавался типографщикомъ Степановымъ, а редактировался Бѣлинскимъ. За эту рекомендацію я душевно благодарилъ его: трудно было найдти лице, болѣе талантливое, болѣе знакомое съ отечественной литературой и болѣе добросовѣстное для того дѣла, за которое онъ взялся.

Супруга Бѣлинскаго, Марья Васильевна Орлова, была классной дамой въ Московскомъ Александровскомъ институтѣ, гдѣ я преподавалъ русскій языкъ и словесность и, сверхъ того, занималъ должность помощника инспектора классовъ. Она и нѣкоторыя изъ ея сослуживицъ отличались любознательностью, интересовались современной литературой. Я снабжалъ ихъ «Отечественными Записками», «Современникомъ» и другими книжными новостями. Наѣзжая въ Петербургъ, я большею частію имѣлъ притонъ у Краевскаго, но, разумѣется, посѣщалъ и Бѣлинскаго, который удивлялся моей привязанности къ Москвѣ и чаепійству: ни того, ни другаго онъ очень не жаловалъ. Переписки между нами не было, но въ письмахъ къ Кудрявцеву онъ посылалъ мнѣ поклоны, какъ «общему другу» (его и Кудрявцева).

---

[1]) 1837, №№ 36 и 37.

[2]) Другой разборъ той же книги (К. С. Аксакова) основанъ на противоположномъ началѣ.

Считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ инцидентѣ или пассажѣ по поводу разрыва Бѣлинскаго съ «Отечественными Записками» и перехода его къ «Современнику». Это было крупнымъ событіемъ и сильно взволновало литературную братію, принимавшую участіе въ означенныхъ журналахъ. Главнымъ поводомъ къ волненію служило письмо Бѣлинскаго къ В. П. Боткину [1]). Въ этомъ письмѣ онъ заявилъ желаніе, если не требованіе, чтобы московскіе сотрудники Краевскаго огуломъ отреклись отъ него и перенесли свою дѣятельность исключительно въ «Современникъ». Само собою разумѣется, что такое желаніе могло удивить, но не понравиться, такъ какъ оно равнялось покушенію на свободу лицъ, давно вышедшихъ изъ-подъ опеки и привыкшихъ распоряжаться своимъ добромъ по собственному усмотрѣнію. Какое было дѣло Грановскому, Соловьеву, Кудрявцеву... до взаимно-непріязненныхъ отношеній обѣихъ редакцій? Они посылали свои статьи въ тотъ или другой журналъ по собственному усмотрѣнію. Въ письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, я выставленъ, какъ неизмѣнный пособникъ Краевскаго, хотя по временамъ я снабжалъ и «Современникъ» своими трудами, которые охотно принимались его издателями, Некрасовымъ и Панаевымъ. Впрочемъ, тревога разрѣшилась благополучно. Бѣлинскій былъ такъ добръ, правдивъ и честенъ, такъ дорожилъ истиной, что не могъ оставаться долго въ туманѣ самозабвенія: онъ сознавъ свою ошибку, какъ слѣдствіе болѣзненной раздражительности, и жалѣлъ искренно, что огорчилъ своимъ письмомъ московскихъ друзей.

Дозволяю вмѣнить себѣ въ заслугу два дѣла, относящіяся къ Бѣлинскому: а) собраніе его сочиненій издано по моему списку, такъ какъ списокъ, представленный покойнымъ М. Н. Лонгиновымъ и переданный мнѣ Н. Х. Кетчеромъ, заботившимся объ изданіи, былъ исполненъ пропусками и невѣрностями; б) по моему представленію, комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ присудилъ выдавать его вдовѣ съ дочерью пенсію въ 600 рублей.

IV.

Въ плеядѣ беллетристовъ, слѣдовавшихъ за Пушкинымъ и начавшихъ дѣйствовать въ сороковыхъ годахъ, пальма первенства, несомнѣнно, принадлежала И. С. Тургеневу. Каждое произведеніе его ожидалось съ нетерпѣніемъ, читалось съ жадностью и оставляло сильное впечатлѣніе въ умѣ и сердцѣ читателя. Независимо отъ крупнаго таланта, онъ самъ по себѣ, своею личностью, съ перваго раза привлекалъ къ себѣ искренно и крѣпко. Тайна вле-

[1]) Отъ 4 ноября 1847 года (напеч. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1869 г., №№ 187—188).

ченія объясняется его мягкостью и добротою, а потомъ капитальнымъ образованіемъ. Въ немъ не было покушеній на нетерпимость. Случалось нерѣдко, что въ литературныхъ спорахъ онъ становился скорѣе на сторону защиты, чѣмъ на сторону нападенія. Даже въ карточной игрѣ, когда плохой партнеръ дѣлалъ промахи, у него всегда находились въ запасѣ «обстоятельства, смягчающія вину». Онъ не тяготился, когда юные претенденты на поэзію осаждали его просьбами прочесть ихъ первые опыты и сказать о нихъ мнѣніе. Щадя молодое самолюбіе, онъ давалъ имъ поводъ продолжать занятія, отъ которыхъ, конечно, было бы полезнѣе отвлекать ихъ; но Тургеневу совѣстно было рѣшиться на такой совѣтъ, частію по деликатности, а частію и по надеждѣ: авось современемъ и выйдетъ что либо путное изъ первыхъ шаговъ юношей на Парнасъ. Надежды, большею частью, не сбывались, за что и доставалось ментору отъ В. П. Боткина, не терпѣвшаго разочарованія въ искусствѣ, какое бы оно ни было—эстетическое или кулинарное. Примѣровъ тому не мало. Тургеневъ увлекся разсказами одного изъ московскихъ студентовъ медицинскаго факультета, Л—ва, и началъ чрезъ мѣру восхвалять ихъ.—«Посмотримъ, мой милый,— сказалъ съ недовѣрчивостью Боткинъ: — познакомь меня съ лучшими мѣстами расказовъ твоего protégé». Тургеневъ началъ читать, но чѣмъ больше читалъ, тѣмъ больше Василій Петровичъ хмурился и, наконецъ, напустился на своего пріятеля: «Такъ это-то, по твоему мнѣнію, многообѣщающій талантъ? Это-то ты называешь перлами поэзіи? Это, мой милый, не перлы, а ерунда, дичь» и т. д. Однажды я и П. В. Анненковъ застали у Ивана Сергѣевича благообразнаго офицера, съ тетрадью въ рукахъ. По уходѣ его, И. С. обратился къ намъ съ такими словами: «Знаете ли, кто это былъ у меня? Это такой талантъ, которому Лермонтовъ не достоинъ будетъ развязать ремень обуви». Замѣтивъ наше сомнѣніе, онъ промолвилъ: «Ну, вотъ увидите сами». Къ сожалѣнію, мы этого не увидѣли: хотя молодой офицеръ и оказался дѣйствительно талантливымъ, но все же не заткнулъ Лермонтова за поясъ.

Образованіемъ Тургеневъ несомнѣнно превышалъ всѣхъ своихъ сверстниковъ-литераторовъ. Окончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, онъ за границей слушалъ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ изъ школы Шеллинга и Гегеля. Литературы французская и нѣмецкая были капитально ему знакомы. Съ даромъ творчества соединялся у него и талантъ критическій, что доказывается сужденіями о важнѣйшихъ поэтическихъ твореніяхъ. Мнѣнія его были очень оригинальны, соединяя серьезность нѣмецкой эстетики съ ясностью изложенія французскихъ критиковъ.

По добротѣ своей, Тургеневъ оказывалъ помощь своимъ товарищамъ по ремеслу, т. е. ссужалъ ихъ деньгами во дни безде-

нежья. Однажды я засталъ его за письменнымъ столомъ съ реестромъ въ рукахъ. На вопросъ мой: «Чѣмъ вы занимаетесь?»—онъ отвѣчалъ: — «Да вотъ свожу итогъ деньгамъ, взятымъ у меня взаймы такими-то и такими лицами».—«Сумма не малая»,—замѣтилъ я.—«Конечно, такъ; но знаете ли что? я нисколько не раскаяваюсь съ ссудахъ: я увѣренъ, что каждому лицу, означенному въ реестрѣ, ссуда принесетъ пользу, поправитъ его временную нужду. За одного только должника не ручаюсь; боюсь, что помощь не пойдетъ ему въ прокъ»... и онъ указалъ мнѣ на означенномъ реестрѣ: А. А. Г—ву (столько-то).

Симпатична и трогательна была привязанность Тургенева къ дѣтямъ. Случалось нерѣдко, что онъ, пріѣхавъ на вечеръ и принявъ участіе въ общей бесѣдѣ, оставлялъ ее и подсаживался въ другой комнатѣ къ какому нибудь мальчугану или дѣвочкѣ на разговоръ. Ему интересно было подмѣчать въ нихъ проявленіе смысла, зародышъ какого нибудь дарованія. Въ такомъ случаѣ онъ сообщалъ родителямъ свои замѣчанія и совѣтовалъ имъ обратить на нихъ вниманіе. Извѣстно, что для дѣтей онъ и переводилъ, и сочинялъ сказки.

Прислуга также любила своего барина. Разсказывали (за вѣрность слуха не ручаюсь), что онъ и братъ его были одолжены ей полученіемъ материнскаго наслѣдства. Мать, почему-то не любившая сыновей своихъ, хотѣла передать все имущество своей воспитанницѣ (Л—ой), побочной дочери одного изъ московскихъ неважныхъ докторовъ. Заболѣвъ серьезно, она посылала за нотаріусомъ, но посылаемые не исполняли приказаній барыни и дали знать Ивану Сергѣевичу, не бывшему тогда въ Москвѣ, о серьезной болѣзни своей госпожи и приглашали его поспѣшить пріѣздомъ. Тургеневъ явился, когда духовной, по агоніи больной, уже невозможно было совершить. Такъ или иначе, но Тургеневъ изъ нуждавшагося литератора сталъ богатымъ. Это дало ему средство вести жизнь привольную, собирать знакомыхъ москвичей и угощать ихъ обѣдами. Такъ какъ прежній поваръ не дѣлалъ чести своему искусству, то онъ просилъ одного изъ своихъ петербургскихъ купить ему другаго, хорошаго повара. Слово «купить» вызвало бы теперь смѣхъ или раздраженіе, но тогда оно, какъ обычное выраженіе, не удивляло даже самыхъ ревностныхъ противниковъ крѣпостнаго права. Дѣло не въ словѣ, а въ чувствѣ, съ которымъ оно произносится, и въ мысли, которая съ нимъ сопрягается. Заключать отсюда о барствѣ или аристократизмѣ не слѣдуетъ. Тотъ же самый Тургеневъ, довольный «купленнымъ» поваромъ за отлично приготовленный обѣдъ, въ концѣ стола позвалъ его, выпилъ за его искусство и поднесъ ему самому бокалъ шампанскаго. Можетъ статься, это было уже слишкомъ, черезъ край, но было именно такъ. Обвинявшіе автора «Записокъ охотника» въ барствѣ

должны были помнить, что этимъ сочиненіемъ онъ оказалъ не малую услугу образу мыслей относительно крѣпостнаго права.

На обѣды къ Тургеневу приглашались московскіе профессора и литераторы, принадлежавшіе къ такъ называемой европейской партіи (Грановскій, Кудрявцевъ, Забѣлинъ, Боткинъ, Кетчеръ, Өеоктистовъ и др.), хотя онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми членами славянофильскаго кружка, особенно съ С. Т. Аксаковымъ. Изъ артистовъ почти постоянно являлись Щепкинъ, Садовскій и Шумскій и какой-то нѣмецъ, можетъ быть, подлинникъ Лемма (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»), мастерски игравшій на фортепьяно. Иногда послѣ обѣда устроивался небольшой хоръ, подъ управленіемъ Шумскаго, и гости, обладавшіе голосомъ, исполняли тотъ или другой хоръ изъ какой нибудь оперы, преимущественно изъ «Аскольдовой могилы». А иногда Садовскій морилъ со смѣха вымышленными разсказами, которые мнѣ нравились больше разсказовъ Горбунова: въ нихъ ярче, интереснѣе выступалъ комизмъ, потому что соединялся съ нѣкоторымъ лицедѣйствомъ... Однимъ словомъ, все было свѣтло, радостно, дружелюбно, хотя по временамъ и не обходилось безъ споровъ, на которые москвичи были очень падки (не знаю, какъ теперь). При одномъ воспоминаніи объ этомъ, уже давно минувшемъ времени, я чувствую себя лучше, веселѣе, самодовольнѣе.

По выходѣ въ свѣтъ «Записокъ охотника» извѣстность Тургенева возростала все больше и больше. Рядъ такихъ произведеній, какъ «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Отцы и дѣти», «Дымъ», возвели ихъ производителя на первое мѣсто и возбудили глубокую къ нему симпатію. Иначе и не могло быть, потому что Тургеневъ принадлежалъ къ разряду талантовъ субъективныхъ, то есть состоялъ въ родствѣ съ созданными имъ героями, представителями тогдашняго образа мыслей, страдалъ ихъ недугами, былъ въ числѣ людей слабовольныхъ, не дѣйствующихъ, а размышляющихъ, заѣденныхъ, по его собственному выраженію, рефлексіей и анализомъ. Съ какимъ интересомъ читалось и перечитывалось «Дворянское гнѣздо!» Сколько чувствъ было возбуждено имъ, сколько слезъ оно стоило читателямъ и преимущественно читательницамъ! Нѣкоторыя мѣста его такъ сильно дѣйствовали на чувства, что приходилось иногда на нѣкоторое время прерывать чтеніе [1]). Справедливость высказаннаго обнаружилась блистательно на публичныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Первое чтеніе состоялось 10-го января 1861 г. въ залѣ Пассажа. Тургеневъ выбралъ изъ своихъ сочиненій этюдъ, или, пожалуй, характеристику: «Донъ-

[1]) Подобное дѣйствіе, хотя и не въ такой мѣрѣ, производила повѣсть г. Григоровича: «Антонъ-горемыка».

Кихотъ и Гамлетъ». Надобно было присутствовать, чтобы понять впечатлѣніе, произведенное его выходомъ. Онъ долго не могъ начать чтеніе, встрѣченный шумными, громкими рукоплесканіями, и даже нѣсколько смутился отъ такого пріема, доказавшаго, что онъ былъ въ то время нашъ излюбленный беллетристъ. Особенное чувство выказывали тѣ посѣтители, которые, будучи очень хорошо знакомы съ его сочиненіями, впервые лицемъ къ лицу увидали сочинителя. Короче, львиная часть овацій досталась на долю Тургеневу, и вполнѣ справедливо.

Независимо отъ главнаго направленія своего поэтическаго таланта, Тургеневъ обладалъ и значительною способностью къ сатирѣ. Этотъ въ сущности кроткій голубь могъ въ случаѣ надобности и язвить, какъ змѣя. Отрицательное отношеніе къ текущей дѣйствительности выразилось всего явственнѣе въ романѣ «Дымъ», рѣчами Потугина. Здѣсь, какъ говорится, досталось и нашимъ, и вашимъ—и западникамъ, и славянофиламъ, почему онъ и не былъ въ авантажѣ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Потугинъ осмѣялъ нашихъ борзыхъ прогрессистовъ, изъ которыхъ двое даже поименованы (Шелгуновъ и Щаповъ), а третій выведенъ подъ вымышленной фамиліей Воротилова—того самаго (какъ ходили слухи), въ которомъ авторъ предсказывалъ поэта свыше Лермонтова. Въ Губаревѣ, представителѣ нашихъ прогрессистовъ, думали видѣть Огарева, но едва ли справедливо: между ними нѣтъ никакого сходства, кромѣ развѣ того, что ихъ фамиліи образуютъ богатую риѳму. Со стороны читателей, видѣвшихъ въ Потугинѣ отсутствіе патріотизма, явилась даже слѣдующая эпиграмма на романъ:

«И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!—
«Намъ вѣкъ минувшій говоритъ.
«Вѣкъ нынѣшній и въ солнцѣ ищетъ пятенъ,
«И смраднымъ «Дымомъ» онъ отечество коптитъ».

Сочиненіе этой эпиграммы приписывали князю П. А. Вяземскому.

Прибавлю, что еще до появленія романа въ печати авторъ читалъ изъ него нѣкоторыя мѣста въ пользу литературнаго фонда. Чтеніе происходило въ Петербургѣ, въ домѣ бывшемъ Бенардаки (на Невскомъ проспектѣ), и привлекло многочисленную публику. Посѣтители, даже изъ числа самыхъ серьезныхъ, не могли удержаться отъ смѣха при характеристикѣ русскихъ людей, жившихъ за границей.

Другой образчикъ сатиры, доведенный до сарказма или пасквиля, Тургеневъ адресовалъ къ одному изъ лицъ, извѣстныхъ и въ службѣ, и въ литературѣ. Вотъ первыя строки этого злостнаго посланія:

«Другъ мыслей возвышенныхъ,
«Чуть-чуть не коммунистъ,
«Удавъ для подчиненныхъ,
«Передъ П—мъ [1]) — глистъ.

Само собою разумѣется, такими ядовитыми посланіями наживаются непримиримые враги. Дѣйствительно, авторъ и охарактеризованная имъ личность сошлись только чрезъ многія лѣта: одинъ—съ извиненіемъ, другой—съ прощеніемъ обиды.

Отзывы Тургенева о лицахъ и литературныхъ произведеніяхъ высказываютъ его остроуміе мѣткое и въ то же время изящное. Приведу одинъ примѣръ. Узнавъ, что одинъ изъ нашихъ талантливыхъ поэтовъ вмѣсто прежней своей фамиліи, съ которой уже соединена была его извѣстность, принялъ другую, онъ замѣтилъ: «Какая жалость! у этого человѣка было имя, а онъ промѣнялъ его на фамилію». Кстати приведу появившееся на этотъ случай четверостишіе:

«Какъ снѣгъ вершинъ,
«Какъ фунтъ конфектъ,
«Исчезнулъ ...ъ
«И сталъ .. ..нъ

Что Тургеневъ искони и неизмѣнно принадлежалъ къ западникамъ, что идеаломъ нашего интеллектуальнаго и политическаго развитія долженствовала, по его убѣжденію, неизбѣжно служить Западная Европа, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказывается его спорами съ московскими славянофилами, которые, не смотря на несогласіе съ нимъ во взглядахъ, уважали его высокій талантъ, но еще болѣе его сочиненіями, особенно романомъ «Дымъ». Беру изъ него для примѣра одно мѣсто. Прощаясь съ Литвиновымъ, возвращающимся въ Россію, Потугинъ даетъ ему слѣдующій напутственный совѣтъ: «Всякій разъ, когда вамъ придется приниматься за дѣло, спросите себя: служите ли вы цивилизаціи, въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова, проводите ли одну изъ ея идей, имѣетъ ли вашъ трудъ тотъ педагогическій, европейскій характеръ, который единственно полезенъ и плодотворенъ въ наше время, у насъ? Если такъ—идите смѣло впередъ: вы на хорошемъ пути, и дѣло ваше благое». Ясно, что, по мнѣнію Потугина (или Тургенева), слѣдованіе по стопамъ Западной Европы есть sine qua non русскаго преуспѣянія во всѣхъ отношеніяхъ.

Не помню, кто, гдѣ и когда (кажется, г. Марковъ въ газетѣ «Голосъ» пятидесятыхъ годовъ) видѣлъ причину элегическаго настроенія Тургенева въ страхѣ его при мысли о неизбѣжной смерти. Настоящее время выразилось бы такимъ образомъ, что Тургеневъ

---

[1]) Начальникъ вѣдомства, въ которомъ служилъ А—въ.

былъ «пессимистъ». Дѣйствительно, нѣкоторыя мѣста его произведеній оправдываютъ такое мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, какія мысли, говоря его словами, приходили ему на умъ въ небольшомъ разсказѣ «Поѣздка въ Полѣсье (1857): «Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается одинъ и тотъ же голосъ: «мнѣ нѣтъ до тебя дѣла»,—говоритъ природа человѣку,—«я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть». «При видѣ неизмѣннаго, мрачнаго бора глубже и неотразимѣе, чѣмъ при видѣ моря, проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли, и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ». Одно изъ «Стихотвореній въ прозѣ», подъ названіемъ «Природа», подтверждаетъ высказанный взглядъ.

Нѣкоторые читатели и критики осуждали Тургенева за отсутствіе нравственныхъ принциповъ, идеала. Это несправедливо и обличаетъ малое вниманіе читающихъ. Напротивъ, у него явственно выражалась высочайшая цѣль человѣческой жизни — альтруизмъ, любовь къ ближнимъ. Почетнѣйшимъ титуломъ каждому изъ насъ служитъ слово «добрый». «Да»,—говоритъ онъ въ заключеніи своего прекраснаго этюда (Гамлетъ и Донъ-Кихотъ),—«одно это слово имѣетъ еще значеніе передъ лицемъ смерти. Все пройдетъ, все исчезнетъ; высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній,—все разсыплется прахомъ. Но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ: онѣ долговѣчнѣе самой сіяющей красоты; все минется, сказалъ Апостолъ, одна любовь останется». Прибавлю къ этому еще заключительныя слова къ разсказу о долгомъ спорѣ университетскихъ товарищей—Лаврецкаго и Михалевича. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ»,—думалъ Лаврецкій, возвращаясь въ домъ. Затѣмъ говоритъ авторъ, т. е. Тургеневъ: многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хоть онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ, — его никто отразить не можетъ. Этимъ взглядомъ объясняется предпочтеніе, оказанное Тургеневымъ Донъ-Кихоту, въ сопоставленіи послѣдняго съ Гамлетомъ: «онъ живетъ не для себя, а внѣ себя, для другихъ; идеалъ его—истребленіе зла, водвореніе истины и справедливости на землѣ; чтобы достигнуть этой цѣли, онъ готовъ на всевозможныя жертвы».

Но не даромъ говорится: «и въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя пятна». Были такія пятна и въ прекрасной личности Ивана Сергѣевича. Наиболѣе замѣтныя изъ нихъ обнаруживались въ слабо-

воли, легкомыслія, неустойчивости. Близкіе къ нему москвичи откровенно замѣчали ему этотъ недостатокъ. Н. Х. Кетчеръ нерѣдко говаривалъ ему: «ты ростомъ съ слона, а душа у тебя съ горошину»; В. П. Боткинъ величалъ его «Митрофаномъ». Можетъ быть, отсутствіе твердой воли объясняется его дряблымъ темпераментомъ, рыхлымъ тѣлосложеніемъ. Этотъ великорослый человѣкъ говорилъ голосомъ отрока, часто жаловался на нездоровье и завидовалъ людямъ крѣпкимъ, которые обладали неизмѣннымъ аппетитомъ и надлежащимъ пищевареніемъ. Холеры боялся онъ паче всего и немедленно бѣжалъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда она направлялась. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, подтверждающихъ вышесказанное. Тургеневъ былъ коротко знакомъ съ извѣстной писательницей Евгеніей Туръ, относился съ большой похвалой о ея романѣ «Племянница» и даже вызвался написать разборъ его. Такъ было въ Москвѣ, но не такъ вышло въ Петербургѣ, среди издателей «Современника», которые не жаловали автора «Племянницы»: подъ ихъ внушеніемъ критическая статья вовсе не отвѣчала тому, что̀ критикъ говорилъ въ Москвѣ. Иногда, Богъ знаетъ почему, Тургеневъ высказывалъ мнѣніе, прямо противоположное тому, что̀ онъ дѣйствительно думалъ. Къ числу такихъ выходокъ принадлежитъ его отзывъ о предпріятіи П. В. Анненкова издать сочиненія Пушкина, приведенный г-жею Головачевой-Панаевой въ ея «Воспоминаніяхъ»: Анненковъ ни съ того, ни съ сего обзывается кулакомъ, круглымъ невѣждой, а изданію его предсказывается позоръ; Некрасову же дѣлается выговоръ, что онъ упустилъ случай взять на себя изданіе. Все это не согласно съ настоящею мыслью Тургенева: онъ отлично зналъ, что Некрасовъ, хотя и крупный поэтическій талантъ, не могъ по своему недостаточному образованію удовлетворительно исполнить предпріятіе, тогда какъ Анненковъ, хотя и не поэтъ, но обладавшій мѣткимъ поэтическимъ чувствомъ и надлежащими знаніями, съумѣетъ удовлетворить ожиданія публики, что онъ дѣйствительно и сдѣлалъ, приложивъ къ изданію «Матеріалы» для біографіи Пушкина. Зачѣмъ же онъ говорилъ противъ своего убѣжденія? Да такъ—ни съ того, ни съ сего. Иногда,— что грѣха таить? — онъ и о себѣ, и о другихъ, разсказывалъ небывальщину, почему Бѣлинскій и называлъ его импровизаторомъ. Далѣе, Тургеневъ не жаловалъ Добролюбова за «Свистокъ» (въ «Современникѣ»), направляемый безразлично одесную и ошую, на хорошее и дурное. Я помню, что на обѣдѣ у одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба онъ укорялъ его за отсутствіе идеаловъ въ сужденіяхъ о литературѣ, что дурно дѣйствовало на молодежь, а въ одномъ изъ засѣданій комитета литературнаго фонда онъ напалъ на Кавелина за его сочувствіе къ «Свистку»: «Нашего брата въ грязь топчатъ (выговаривалъ онъ ему), а вы хохочете и своимъ хохотомъ одобряете безобразіе». Но въ другихъ подобныхъ тому

явленіяхъ Тургеневъ оставался молчаливъ и равнодушенъ, какъ бы потакая имъ или даже поощряя ихъ своимъ равнодушіемъ. Наконецъ, болѣе и болѣе рѣдкое появленіе его на Руси, болѣе и болѣе сильное стремленіе за границу, преимущественно во Францію, а здѣсь преимущественно въ семейство Віардо, вмѣстѣ съ неясностью его отношеній къ лицамъ разныхъ политическихъ и соціальныхъ ученій, смущало его почитателей и отчуждало его отъ единоземцевъ. Конечно, онъ любилъ Россію, но уже любилъ ее издалека, не бывъ свидѣтелемъ, что съ ней дѣлается за послѣднее время его жизни. Неуспѣхъ его романа «Новь» обнаружилъ невозможность изображать новыя движенія народной жизни заочно, по слухамъ или газетамъ [1]). На ряду съ его знаменитостью стали имена Достоевскаго и графа Л. Н. Толстаго, а въ настоящее время и превысили ее, судя по журнальнымъ отзывамъ. Замѣтимъ, однако-жъ, что Тургеневъ и за границей оказалъ несомнѣнную услугу нашей поэзіи, познакомивъ съ нею французовъ и раскрывъ имъ существенное ея свойство, состоящее въ томъ, что она имѣетъ своимъ предметомъ и цѣлью — правду жизни.

V.

Съ Николаемъ Ѳедоровичемъ Щербиной познакомился я въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ. Онъ часто посѣщалъ мое семейство по четвергамъ въ день, назначенный для пріятелей и знакомыхъ. Каждый приходъ его былъ праздникомъ для нашихъ гостей, такъ какъ онъ угощалъ ихъ произведеніями своей сатирической музы, имѣвшей въ виду преимущественно пишущую братію. К. Д. Кавелинъ помиралъ со смѣху, слушая сочиненное имъ на славянскомъ діалектѣ «Сказаніе о старцѣ Михаилѣ» [2]). Впечатлѣнію не мѣшалъ даже природный недостатокъ автора—заиканіе: напротивъ, оно сообщало особую оригинальность разсказчику, который сохранялъ полнѣйшую серьезность. Случалось, что у него экспромтомъ являлись эпиграммы на нѣкоторыя знакомыя лица, и плодомъ такого внезапнаго вдохновенія онъ тотчасъ дѣлился съ присутствующими. Таково, напримѣръ, четверостишіе на Л—ва, преподавателя математики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, занимавшагося, кромѣ того, философіей и даже покушавшагося занять каѳедру этого предмета въ С.-Петербургскомъ университетѣ:

---

[1]) По выходѣ этого романа явилась слѣдующая эпиграмма:
«Твердятъ, что новь родитъ сторицей;
«Но видно плохи сѣмена,
«Иль пересохли за границей:
«Въ романѣ «Новь» — полынь одна».

[2]) М. П. Погодинъ.

«Онъ Пилатъ студентской дружбы [1]),
«Онъ философъ нашихъ лѣтъ,
«Онъ полковникъ русской службы,
«Русской мысли онъ—кадетъ.

Кто зналъ Л—ва, тотъ вполнѣ признаетъ мѣткость и вѣрность послѣдняго стиха.

Вотъ характеристика одного изъ поэтовъ, или, вѣрнѣе, поэтиковъ: «это—благонамѣренная, прогрессивная въ гуманномъ и соціалистическомъ направленіи посредственность; это — канарейка, поющая съ органчика соціализма, пауперизма, гуманизма, прогресса,—канарейка, постоянно вѣрная въ началѣ принятому ею камертону». Нерѣдко приходилось ему въ гостяхъ схватывать что либо забавное и тутъ же выражать его оригинальнымъ образомъ. Однажды, сидя на диванѣ, онъ облокотился на шитую подушку, очень туго набитую, жесткую: «это не подушка, сказалъ онъ, а «Путь ко спасенію» [2]). Замѣтивъ пониженіе дѣятельности одного изъ самыхъ почтенныхъ профессоровъ, онъ охарактеризовалъ его именемъ Новиковскаго журнала «Покоящійся трудолюбецъ». О сотрудникахъ «Москвитянина» сороковыхъ годовъ (иначе «молодой редакціи» этого журнала) онъ говорилъ: «это не славянофилы, а спиртофилы». Редакція не осталась въ долгу: она отвѣчала удачной эпиграммой. Зашла какъ-то рѣчь о привычкѣ редактора одного изъ лучшихъ журналовъ ежедневно гулять по Невскому проспекту въ 8 или 9 часовъ утра. «Неправда,—возразилъ Щербина:—онъ гуляетъ лишь въ тѣ дни, когда камердинеръ ему докладываетъ, что въ воздухѣ пахнетъ пятиалтыннымъ». Всѣмъ извѣстно его стихотвореніе къ тѣни Булгарина, съ просьбой рѣшить, кто изъ двухъ тогдашнихъ литераторовъ продажнѣй и подлѣй. Особенно забавенъ былъ разсказъ Щербины о томъ состояніи, въ какомъ онъ обрѣтался на вечерахъ у одной писательницы-поэтессы, любившей читать произведенія пера своего. Скука одолѣвала присутствующихъ, но не дождаться конца чтенію было невѣжливо. Щербина рѣшился прибѣгнуть къ хитрости: онъ началъ садиться у двери, ближайшей къ выходу, чтобы, улучивъ добрый моментъ, скрыться незамѣтно. Раза три стратагема удавалась, но потомъ хозяйка замѣтила ее и приняла свои мѣры: она клала бульдоговъ у обѣихъ половинъ выходной двери. Какъ только Щербина привставалъ, намѣреваясь дать тягу, такъ бульдоги начинали глухо рычать и усаживали его снова на кресло...

Дорожа талантомъ привлекать вниманіе слушателей своими разсказами, Николай Ѳедоровичъ имѣлъ слабость завидовать тѣмъ, которые могли состязаться съ нимъ, а иногда и превосходить его

[1]) Относится къ тогдашнимъ сходкамъ и волненіямъ студентовъ.
[2]) Сочиненіе Ѳедора Эмина.

въ томъ же искусствѣ. Однажды, среди разгара его сатирическаго краснорѣчія, посѣтилъ насъ И. А. Гончаровъ, воротившійся изъ своего путешествія. Разумѣется, онъ заполонилъ вниманіе гостей любопытнымъ разсказомъ о видѣнныхъ имъ странахъ, такъ что Щербина, какъ говорятъ теперь, стушевался. Я взглянулъ на него: онъ былъ печаленъ и вскорѣ ушелъ.

При выдающейся наклонности къ сатирѣ, Щербина обладалъ вѣрнымъ чувствомъ изящнаго, что и доказалъ какъ оцѣнкой появлявшихся произведеній нашихъ поэтовъ, такъ и собственными стихотвореніями, которыя не были заурядными, но выдавались и внѣшней формой, и чувствомъ или мыслью. Авторъ ихъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу мыслящихъ и по взглядамъ своимъ склонялся всего болѣе къ славянофиламъ. Онъ преслѣдовалъ каждаго прогрессиста, который восхищается всѣмъ новымъ, потому только, что оно ново, и который выставленъ на посмѣшище словами поэта:

«Что̀ ему книга послѣдняя скажетъ,
«То на душѣ его сверху и ляжетъ».

Щербина уважалъ преданіе и цѣнилъ лишь тотъ прогрессъ, который совершается на основаніи историческомъ, безъ разрыва съ прошлымъ. На этомъ пунктѣ онъ раздѣлялъ взгляды Хомякова, Аксакова и Кирѣевскаго. Свидѣтельствомъ этого, между прочимъ, служитъ изданная имъ книга: «Пчела», т. е. сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Самое названіе напоминаетъ древне-русскую литературу. Содержаніе книги расположено по важнѣйшимъ предметамъ любознательности и душевной пользы русскаго человѣка, коренныя стихіи котораго сохранились среди простаго народа. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, и одинъ изъ нихъ «общеславянскій», заключающій въ себѣ свѣдѣнія о славянахъ вообще, о Кириллѣ и Меѳодіи, нѣкоторыя пѣсни болгаръ, сербовъ, словаковъ, чеховъ.

VI.

Кудрявцевъ (Петръ Николаевичъ), по характеру и образованію, не походилъ ни на своихъ друзей и одномысленниковъ, ни на лицъ другаго направленія. Онъ чтилъ въ особенности Грановскаго, который, съ своей стороны, относился къ нему съ любовью и уваженіемъ; онъ состоялъ также въ неизмѣнно дружескихъ отношеніяхъ къ Каткову и Леонтьеву, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался отъ нихъ, въ свою пользу, существенными качествами. Это была личность исключительная, человѣкъ-особнякъ.

Одаренный врожденнымъ изяществомъ, онъ еще съ дѣтства выступалъ изъ среды своихъ сверстниковъ, привлекая къ себѣ

мягкостью нрава, пристойностью обращенія, какою-то степенностью или серьезностью. Въ немъ не было ничего рѣзкаго, порывистаго, безразсуднаго, свойственнаго почти всѣмъ его сверстникамъ, или, по крайней мѣрѣ, большинству ихъ. Рано лишась матери, онъ въ отцѣ своемъ, священникѣ Даниловскаго монастыря (въ Москвѣ), нашелъ умное и попечительное о себѣ радѣніе, въ которомъ долгъ отца совмѣщался съ нѣжною любовью матери. Сынъ платилъ ему тою же монетою.

Въ школѣ (духовной семинаріи) онъ держалъ себя исключительно, вовсе не похоже на поведеніе своихъ товарищей. Учился онъ, разумѣется, очень хорошо, но не въ этомъ главное его отличіе: важно то, что онъ не старался выказывать ни учителямъ, ни товарищамъ своихъ знаній. Онъ не былъ тѣмъ, что̀ называется «выскочка»: спрашивалъ его преподаватель—онъ отвѣчалъ; не спрашивалъ—онъ не поднималъ руки, по тогдашнему школьному обычаю, давая тѣмъ знать, что я, дескать, знаю урокъ, а товарищи мои не знаютъ. Такимъ обычаемъ, можетъ быть, и поощряется школьный успѣхъ, но въ то же время развивается тщеславіе, корыстное соревнованіе, изъ малыхъ ребятъ готовящее взрослыхъ членовъ общества, любящихъ подставлять ногу своимъ сослуживцамъ.

Чувство долга глубоко лежало въ его душѣ. Какъ въ собственномъ образованіи на всѣхъ его ступеняхъ онъ былъ исполнителенъ, такъ впослѣдствіи и въ своей педагогической практикѣ онъ относился къ своему дѣлу серьезно, не дозволяя себѣ манкировать принятою на себя обязанностью или относиться къ ней кое-какъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истый «классикъ», тогда какъ его сослуживцы отличались «романтизмомъ», т. е. нерѣдкимъ отлыниваньемъ отъ уроковъ подъ разными предлогами.

Петръ Николаевичъ принадлежалъ къ натурамъ сосредоточеннымъ. Онъ не любилъ распахиваться не только передъ незнакомыми, но даже и передъ людьми ему близкими, чѣмъ капитально отличался отъ москвичей, падкихъ на сближеніе съ новыми лицами, легко переходящихъ отъ вѣжливаго вы къ безцеремонному ты и лѣзущихъ съ перваго же визита на дружбу или даже въ родство. Онъ зналъ, чѣмъ большею частію оканчивалось такое быстрое, закадышное знакомство. Происходило это у него не отъ застѣнчивости или нелюдимства, а отъ того, что онъ дорожилъ своими задушевными связями и сходился лишь съ такими личностями, которыя были ему по плечу въ отношеніи двоякаго ценза—образовательнаго и нравственнаго.

Вслѣдствіе такой прирожденной замкнутости внутренній міръ Петра Николаевича туго поддавался точной характеристикѣ. Одинъ изъ повѣствователей средняго разряда вывелъ его въ какомъ-то разсказѣ, который и отправилъ къ Бѣлинскому, прося его выра-

зить свое мнѣніе. «Вы напрасно, мой милый,—отвѣчалъ ему критикъ,—воображаете, что личность Кудрявцева можетъ быть легкимъ сюжетомъ для психическаго анализа: ее надобно узнать да узнать, а это не скоро дается». Жалко, что такой умный человѣкъ, какъ П. В. Анненковъ, не познакомившись съ Кудрявцевымъ обстоятельнѣй и увидѣвъ его впервые у Бѣлинскаго, назвалъ выраженіе лица его «каменнымъ» [1]). Онъ сильно ошибся: трудно было найдти человѣка, который бы принималъ болѣе живое участіе въ горѣ, постигавшемъ не только его друзей, но и простыхъ знакомыхъ. Всѣ, сходившіеся съ Петромъ Николаевичемъ, никогда не расходились съ нимъ.

Съ первыхъ шаговъ самопознанія (а это началось очень рано, чуть ли не въ отрочествѣ) Кудрявцевъ сталъ запасаться негодованіемъ на косность ума и нравственнаго совершенствованія, на стѣсненіе разумной воли, стремящейся къ лучшему устройству жизни. Иначе и быть не могло, принимая въ соображеніе даровитость субъекта и коренныя отличія того сословія, къ которому субъектъ принадлежалъ по рожденію. Сословіе это обрѣталось подъ строгой дисциплиной высшихъ своихъ членовъ. Примѣры такой безусловной подчиненности Кудрявцевъ легко могъ видѣть на своемъ отцѣ, переносившемъ тѣ или другія стѣсненія, а также и въ школѣ, гдѣ первоначально обучался. Вотъ почему, снисходительный и гуманный, онъ былъ неуступчивъ, когда дѣло шло о покушеніяхъ на образъ мыслей, на идеи и принципы. Въ семействахъ того сословія, о которомъ здѣсь говорится, онъ встрѣчалъ также примѣры тяжелаго ярма. Родныя и двоюродныя сестры Петра Николаевича горячо любили его, находя въ его обхожденіи съ ними прямую противоположность съ обхожденіемъ другихъ членовъ семьи: отцевъ, братьевъ, мужей. Со стороны его неизмѣнная снисходительность и любовь, со стороны другихъ вкоренившійся обычай брутальнаго отношенія силы къ слабости. Незавидная участь одной изъ его родственницъ изображена имъ въ повѣсти: «Безъ разсвѣта».

Изъ того же источника, т. е. изъ сочувствія къ притѣсняемымъ, происходила въ его ученыхъ занятіяхъ особенная наклонность къ судьбамъ національностей, находившихся подъ чужеземнымъ гнетомъ. Такова была судьба тогдашней Италіи, исторіи которой онъ посвятилъ первый свой трудъ [2]). Такъ называвшійся тогда «италіанскій вопросъ» сталъ его любимою темою, а всецѣлое возрожденіе Италіи твердымъ убѣжденіемъ. На это возрожденіе смотрѣлъ онъ, какъ на торжество исторической правды. Но, будучи врагомъ вся-

[1]) Воспоминанія и критическіе очерки, отдѣлъ III, стр. 134.
[2]) Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ.

кихъ насильственныхъ распоряженій и непрошеннаго чуждаго вмѣшательства, онъ хотѣлъ бы предоставить самому народу устройство его судьбы. По его мысли, Италія могла быть способною на это при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и потому онъ стоялъ на сторонѣ того мнѣнія, которое выражалось поговоркой: «Италія управится сама собой» (farà da se).

По возвращеніи его изъ-за границы (1846 г.), замѣчали въ немъ какое-то меланхолическое настроеніе и объясняли это частію его нездоровьемъ, частію чувствомъ скрываемой любви. Допуская въ извѣстной мѣрѣ дѣйствіе этихъ причинъ, слѣдовало бы не забывать третьей, болѣе разумной причины: то была благородная туга сердца при сознаніи разлада между текущею жизнію и разумными началами иной, лучшей жизни. Его тяготили въ особенности тѣ изъ современныхъ событій, которыя и у насъ, и за границей обращали вспять успѣхи цивилизаціи. При такомъ положеніи дѣлъ не мудрено было терять вѣру въ разумный прогрессъ. Но въ столѣтній юбилей Московскаго университета (1855 г.) Петръ Николаевичъ замѣтно повеселѣлъ. Это было не безъ причины. Почетъ, оказанный въ лицѣ старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ наукѣ и служителямъ ея, прояснилъ его душу и лице, ободрилъ его. Онъ мирилъ его съ тяжелою памятью прошлаго во имя надежды и довѣренности къ будущему. Вслѣдъ за Грановскимъ выдвигался и онъ на ученое поприще. Оба они привлекали къ себѣ любовь учащейся молодежи и вниманіе развивавшагося общественнаго мнѣнія. Имена ихъ становились рядомъ по благородству направленій. И, когда Грановскій преждевременно сошелъ въ могилу, Петръ Николаевичъ, по всѣмъ правамъ, заступилъ его мѣсто въ университетѣ и въ сердцахъ слушателей: онъ достойно держалъ каѳедру на высотѣ, поставленной покойнымъ профессоромъ, его наставникомъ, товарищемъ и другомъ. Учащаяся молодежь никого такъ не любила, какъ этихъ двухъ преподавателей исторіи, потому что видѣла въ ихъ обращеніи благосклонность къ себѣ и искреннее желаніе пользы. И Кудрявцевъ и Грановскій допускали къ себѣ студентовъ по воскресеньямъ, бесѣдовали съ ними о новыхъ сочиненіяхъ по предмету исторіи и даже снабжали ихъ книгами изъ своихъ библіотекъ. Другіе профессоры, тоже достойные во всѣхъ отношеніяхъ, осуждали такой обычай, находя, что онъ отнимаетъ у нихъ время, нужное для ихъ собственныхъ трудовъ или отдыха, и притомъ слишкомъ сближаетъ учащихъ и учащихся, даетъ послѣднимъ поблажку въ обращеніи. Можетъ статься, и есть въ этихъ словахъ извѣстная доля правды, но когда вспомнишь, что вслѣдъ за Грановскимъ занимали каѳедру исторіи такія лица, какъ Кудрявцевъ, Ешевскій, Герье, то отнесешься къ принятому обычаю съ великимъ уваженіемъ и благодарностью.

Стойкость убѣжденій соединялась въ немъ съ удивительнымъ благодушіемъ. Въ немъ не было ни малѣйшаго упрямства или грубости, которымъ часто подвержены личности прямыя и честныя, но въ то же время непріятно отталкивающія отъ себя манерами своего обхожденія, какъ бы изъ желанія выказать себя Катонами. Петръ Николаевичъ отъ природы чуждался такого катонства: онъ былъ образцомъ снисходительности въ кругу личныхъ отношеній, отчего и пользовался не только горячей привязанностью своихъ единомышленниковъ, но и уваженіемъ тѣхъ, которые думали иначе. До какой степени доходила его гуманность по отношенію къ личности, на какой бы ступени общества таковая ни стояла, можно судить по слѣдующему факту. Въ первый годъ своего супружества онъ проводилъ лѣто въ Останкинѣ, подмосковномъ имѣніи графа Шереметева. Однажды, послѣ вечерняго чая, бывшіе у него въ гостяхъ короткіе знакомые отправились гулять. Отошедши недалеко отъ дачи, супруга его вспомнила, что она забыла взять съ собою ключи отъ комода, въ которомъ хранились деньги и нѣкоторыя цѣнныя вещи. Не надѣясь на честность своей прислуги, она проситъ Петра Николаевича вернуться и принести ключи. «Какъ же, мой другъ, теперь это сдѣлать?—возразилъ онъ:—вѣдь это не ловко, совѣстно». Къ этимъ словамъ нечего прибавлять. Петръ Николаевичъ скорѣе согласился бы лишиться денегъ, чѣмъ оскорбить прислугу подозрѣніемъ, можетъ быть, незаслуженнымъ.

Во взглядѣ Петра Николаевича на міроустройство проглядывалъ пессимизмъ. Онъ часто видѣлъ въ жизни дѣйствіе слѣпаго случая, безсмысленныхъ силъ, губящихъ человѣка безъ надежды на исцѣленіе. Ужасная болѣзнь жены и неожиданная смерть ея во цвѣтѣ лѣтъ поразила его. Онъ спрашиваетъ себя въ недоумѣніи: «что это такое—слѣпой случай или наказаніе, имѣющее какой либо смыслъ? Если это неразумная сила, то откуда въ ней столько разсчитанной жестокости? а если она разумна, то какъ можетъ быть столько жестокою?»... И затѣмъ прибавляетъ: «Намъ ли хотѣть обманывать себя? Дѣти ли мы, чтобъ закрывать себѣ глаза на наши прирожденныя немощи и на законы, надъ нами господствующіе? Испытавши на дѣлѣ ихъ неумолимость, опять ли тѣшить себя розовыми теоріями и на воздухѣ построенными мечтами?». Но еще прежде того, до своего несчастія, онъ думалъ также, что доказывается слѣдующимъ мѣстомъ въ письмѣ къ одной изъ бывшихъ его учениць. Выразивъ желаніе себѣ быстрой смерти, не предшествуемой никакой злостной болѣзнью, онъ останавливается и говоритъ: «Куда зашелъ я! какъ будто все это въ нашей власти? какъ будто нѣтъ надъ нами судьбы, которая хотя и вовсе не дальновиднѣе насъ, видитъ впередъ менѣе нашего, однако по самой слѣпотѣ своей часто смѣшиваетъ насъ съ деревьями и кремнями и вовсе неожиданно даетъ намъ щелчки, отъ которыхъ не устояло бы и крѣпкое

дерево. Здѣсь упала она грозою и сожгла цѣлое селеніе; тамъ, на морѣ, разыгралась она бурею и потопила цѣлый корабль со всѣмъ его живымъ грузомъ, безъ разбора праведника отъ неправедника; тамъ промчалась язвою, тамъ пронеслась голодомъ, а вотъ, недавно еще, зашевелившись подъ землею, почти опрокинула вверхъ дномъ цѣлый городъ—людей наравнѣ съ домами. Неужели она пошутила надъ нимъ съ мыслью? Неужели съ мыслью истребила она Лиссабонъ, сгладила съ лица земли Помпею, залила Нидерланды и проч., и проч... Но, право, въ такой мысли я ровно ничего не смыслю... и молчу».

А. Галаховъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ РАЗРЫВЪ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1853 г.

I.

Споръ о святыхъ мѣстахъ.

Святыя мѣста въ Іерусалимѣ въ средніе вѣка.—Принадлежность ихъ грекамъ.—Покровительство Франціи надъ католиками.—Требованіе Людовика-Наполеона о возвращеніи имъ утраченныхъ преимуществъ. — Исполненіе его Портою. — Февральскій фирманъ 1852 г., изданный по настоянію Россіи и подтверждающій исконныя права православныхъ.—Франція настаиваетъ на дарованіи католикамъ новыхъ преимуществъ. — Порта прибѣгаетъ къ посредничеству Англіи.—Перемѣна въ личномъ составѣ турецкаго министерства. -- Порта удовлетворяетъ требованія Франціи.—Возбужденіе православнаго населенія.—Негодованіе императора Николая.—Вооруженія Россіи.—Объясненія графа Нессельроде съ англійскимъ посломъ.—Депеша его барону Бруннову.—Попытка Франціи вступить въ непосредственное соглашеніе съ Россіей.—Отклоненіе ея императорскимъ кабинетомъ.—Мнѣніе англійскаго правительства.—Отправленіе князя Меньшикова чрезвычайнымъ посломъ къ султану.—Условная поддержка Англіей русскихъ требованій.

АДАНІЕ іерусалимскими святынями составляло предметъ давняго спора между представителями различныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Во времена единства вселенской церкви духовенство Палестины было греческое—по народности, восточное—по обряду. Глава его, епископъ іерусалимскій, уже на Никейскомъ соборѣ получилъ титулъ патріарха и занялъ въ ряду верховныхъ святителей христіанства пятое мѣсто. Въ концѣ IX вѣка, когда возникли несогласія между церквами константинопольскою и римскою, завершившіяся отпаденіемъ Рима отъ духовнаго общенія съ православнымъ Востокомъ, патріархъ іерусалимскій, вмѣстѣ съ патріархами александрійскимъ и антіохійскимъ, принялъ сторону Фотія и вселенскаго престола. Съ этой поры церковь іеру-

салимская не переставала быть составною частью единой православной восточной церкви.

Покореніе Палестины крестоносцами повело къ удаленію изъ Іерусалима православнаго патріарха и къ учрежденію въ этомъ городѣ патріархата латинскаго. Пока существовало основанное Готфридомъ Бульонскимъ Іерусалимское королевство, православные патріархи Іерусалима имѣли пребываніе въ Константинополѣ, но тотчасъ возвратились во святой градъ, по завоеваніи его султаномъ Саладиномъ. Государь этотъ подтвердилъ всѣ права и преимущества, дарованныя въ половинѣ VII вѣка патріарху Софронію халифомъ Омаромъ, и православное духовенство снова вступило въ безспорное обладаніе всѣми іерусалимскими святынями.

Представителями римской церкви въ Іерусалимѣ оставалось нѣсколько францисканскихъ монаховъ, которымъ вначалѣ доступъ ко Гробу Господню былъ открытъ лишь чрезъ прилегавшій къ нему монастырь единовѣрцевъ ихъ, маронитовъ, во время крестовыхъ походовъ признавшихъ надъ своимъ духовенствомъ главенство папы. Въ 1332 году король Сициліи Робертъ, купивъ у мусульманскихъ собственниковъ занимаемыя францисканцами зданія, заключилъ съ египетскимъ султаномъ договоръ, обезпечивавшій за нимъ владѣніе ихъ обителью. Положеніе католиковъ въ Палестинѣ улучшилось послѣ покоренія ея турками, въ особенности же со времени установленія въ XVI столѣтіи тѣснаго союза между Оттоманскою имперіею и французскимъ королемъ. Въ угоду Франціи, султаны предоставили латинянамъ большія льготы и формальными договорами признали право покровительства надъ ними королей «христіаннѣйшихъ». Въ XVIII столѣтіи католическій патріархъ Іерусалима и зависѣвшіе отъ него монахи успѣли, благодаря этому покровительству, пріобрѣсти въ исключительную собственность нѣкоторыя изъ мѣстныхъ святынь и получить доступъ къ остальнымъ, вмѣстѣ съ православными, армянами, коптами и другими исповѣданіями Востока. Право ихъ на обладаніе святынями было установлено договоромъ, заключеннымъ въ 1740 году между Франціею и Портою. 33-я статья его гласила: «Франкскіе монахи, которые, согласно древнему обычаю, живутъ внутри и внѣ Іерусалима, въ храмѣ Св. Гроба, именуемомъ «каманою», сохраняютъ владѣніе принадлежащими имъ мѣстами поклоненія, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ они владѣли ими и прежде; никто не долженъ тревожить ихъ и утруждать требованіемъ платы; если же возникнетъ у нихъ споръ, который не можетъ быть разрѣшенъ на мѣстѣ, то онъ долженъ быть переданъ на рѣшеніе нашей высокой Порты».

Іерусалимскія святыни раздѣлялись на два разряда: одинъ составлялъ исключительную собственность различныхъ исповѣданій, другимъ владѣли они всѣ сообща. Но самое право собственности

одного исповѣданія не исключало дозволенія прочимъ совершать службу въ святыняхъ перваго разряда. Владѣльцы ихъ могли одни зажигать и содержать въ нихъ лампады, постилать ковры и пользовались правомъ первенства въ совершеніи богослуженія.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, возростающее вліяніе Россіи въ Константинополѣ съ одной стороны, съ другой—события Французской революціи, измѣнившія отношенія правителей Франціи къ религіознымъ вопросамъ, были причиною перемѣнъ въ распредѣленіи іерусалимскихъ святынь между православными и католиками, состоявшихся въ пользу первыхъ. Въ руки грековъ перешли снова нѣкоторыя мѣста поклоненія, которыми они издревле владѣли. Въ 1808 году право обладанія ихъ храмомъ Св. Гроба было, по восточнымъ понятіямъ, торжественно подтверждено султаномъ, разрѣшившимъ имъ возстановить на собственныя средства храмъ, на половину разрушенный пожаромъ.

Ни Реставрація, ни Іюльская монархія не протестовали противъ такого порядка вещей, вполнѣ отвѣчавшаго какъ историческому праву грековъ, такъ и несравненному численному превосходству ихъ надъ католиками въ Палестинѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія на 3,500 христіанскихъ жителей Іерусалима приходилось 2,000 православныхъ и лишь 1,000 латинцевъ. Остальные были армяне, копты, сирійцы и проч. Изъ 12,000 поклонниковъ, ежегодно посѣщавшихъ святыя мѣста, католиковъ насчитывалось всего отъ 80 до 100.

Но съ избранія Людовика-Наполеона Бонапарта президентомъ Французской республики парижскій кабинетъ сталъ иначе относиться къ предоставленному ему договорами праву покровительства римской церкви на Востокѣ. Новый глава французскаго правительства побуждался къ тому какъ соображеніями внутренней политики, заставлявшей его искать въ католическомъ духовенствѣ опору своей власти и поддержку въ будущихъ честолюбивыхъ замыслахъ, такъ и преданіями перваго Наполеона, который при составленіи и приведеніи въ исполненіе своихъ плановъ относительно Запада всегда принималъ въ соображеніе и Востокъ, какъ естественное яблоко раздора между европейскими государствами и препятствіе къ установленію единомыслія и согласія между ними.

Вскорѣ по прибытіи въ Константинополь генерала Опика, вновь назначеннаго посланникомъ Французской республики при Портѣ, въ дипломатическихъ кружкахъ турецкой столицы разнесся слухъ, что Франція намѣрена возбудить вопросъ о положеніи католической церкви въ Палестинѣ. Вопросъ этотъ, писалъ лорду Пальмерстону вліятельный представитель Англіи на Босфорѣ, сэръ Стратфордъ Каннингъ, вѣроятно, возбудитъ много споровъ и тревогъ. Сущность его заключается въ правѣ владѣнія іерусалимскими святы-

нями. Латинцы обвиняютъ грековъ въ произвольномъ присвоеніи себѣ святыхъ мѣстъ, принадлежащихъ имъ по праву, и въ частности — въ умышленномъ допущеніи разрушенія гробницъ Готфрида Бульонскаго и Гюи де-Лузиньяна. Право вмѣшательства своего французская миссія основываетъ на договорѣ 1740 года и намѣрена требовать возвращенія всѣхъ этихъ святынь латинскимъ монахамъ. Французскій посланникъ сказалъ англійскому сотоварищу, что въ дѣлѣ этомъ рѣчь идетъ о возстановленіи нарушеннаго права собственности и объ исполненіи статьи договора, но сэръ Стратфордъ Каннингъ находилъ, что трудно отдѣлить этотъ вопросъ отъ политическихъ соображеній, и предвидѣлъ, что онъ скоро перейдетъ въ борьбу за вліяніе, въ особенности, если Россія, какъ и слѣдуетъ ожидать, вступится за греческую церковь. Опытный дипломатъ выражалъ мнѣніе, что Порта поступитъ благоразумно, не связывая себя ни въ ту, ни въ другую сторону, прежде чѣмъ подвергнетъ все дѣло зрѣлому обсужденію [1]).

Въ половинѣ мая 1851 года французскій посланникъ дѣйствительно обратился къ Портѣ съ нотою, въ которой просилъ согласно 33-й ст. договора 1740 года возстановить право владѣнія латинскихъ монаховъ въ слѣдующихъ св. мѣстахъ: большой храмъ въ Виѳлеемѣ, пещера Рождества Христова, Геѳсиманская пещера, камень Мѵропомазанія, семь пещеръ Святой Дѣвы въ храмѣ Гроба Господня. Генералъ Опикъ требовалъ предоставить католикамъ право вновь поставить въ Виѳлеемской пещерѣ серебряную звѣзду, перемѣнить иконы и вообще «поступать съ ней въ качествѣ единственныхъ собственниковъ», также исправить куполъ надъ Св. Гробомъ и возстановить въ немъ все въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ находился до пожара 1808 года. Посланникъ обязывался доказать, что означенныя святыни до 1740 года принадлежали католикамъ. Въ заключеніе онъ взывалъ «къ откровенности и мужеству, съ которыми Порта вступила на путь нравственнаго улучшенія и цивилизаціи», и къ признаннымъ ею «великимъ началамъ европейскаго народнаго права», выражая надежду, что она проявитъ въ настоящемъ случаѣ «свою честность и духъ справедливости» и дастъ новое доказательство «уваженія своего къ возлагаемымъ на нее договорами обязательствамъ», наконецъ утверждалъ, «что такимъ образомъ она положитъ предѣлъ постоянно возобновляющимся пререканіямъ, увѣковѣченіе коихъ не можетъ де входить въ ея разсчеты» [2]).

Требованіе французскаго посланника было поддержано представителями Португаліи, Сардиніи и Неаполя. Въ началѣ 1851 года присоединился къ нимъ и австрійскій повѣренный въ дѣлахъ.

---

[1]) Сэръ Стратфордъ Каннингъ лорду Пальмерстону 8-го (20-го) мая 1850 г.
[2]) Генералъ Опикъ Аали-пашѣ 16-го (28-го) мая 1851 г.

Извѣстивъ Порту о полученномъ имъ приказаніи поддержать притязанія латинскихъ монаховъ въ Палестинѣ, онъ основывалъ право вмѣшательства своего правительства въ это дѣло на договорахъ Карловицкомъ, Пожаревацкомъ, Бѣлградскомъ и Систовскомъ и обращалъ особенное вниманіе ея на предъявленныя генераломъ Опикомъ и поддержанныя католическими державами притязанія латинскаго духовенства, которыя, утверждалъ онъ, не что иное, какъ провозглашеніе неотъемлемаго права, долгое время остававшагося въ забвеніи. Обязательства, принятыя Портою въ этомъ отношеніи, лишаютъ законной силы всѣ послѣдующія, противорѣчивыя имъ дѣйствія. Простѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ прійдти къ удовлетворительному рѣшенію вѣнскій дворъ считаетъ установленіе смѣшанной коммиссіи, которая опредѣлила бы объемъ владѣнія католиковъ въ Палестинѣ въ предѣлахъ 1740 года [1]).

Поддержанное католическими державами требованіе Франціи встревожило православное духовенство въ Палестинѣ, тѣмъ болѣе, что Порта признала обязательную для себя силу договора 1740 года и согласилась на учрежденіе смѣшанной коммиссіи изъ мусульманъ и католиковъ, которой и поручено разсмотрѣть постановленія этого договора въ связи съ фирманами и распоряженіями о святыхъ мѣстахъ, послѣдовавшими какъ до, такъ и послѣ его заключенія и установленія нынѣшняго порядка вещей [2]).

Въ виду такого посягательства на права и преимущества православной церкви въ Палестинѣ, россійскій императорскій кабинетъ не остался бездѣятельнымъ. Туркамъ поставилъ онъ на видъ вредъ, который они нанесутъ сами себѣ въ глазахъ огромнаго большинства своихъ христіанскихъ подданныхъ, измѣняя порядокъ, освященный вѣками и рядомъ султанскихъ фирмановъ, изъ которыхъ нѣкоторые были оффиціально сообщены русскому правительству; парижскому же кабинету внушилъ, что опасно возбуждать религіозные споры, которые при настоящемъ состояніи Турціи могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія, присовокупляя, что Россія не въ состояніи относиться къ нимъ равнодушно и что они непремѣнно отразятся на отношеніяхъ ея къ Франціи.

Но президентъ Французской республики продолжалъ настойчиво требовать отъ Порты возстановленія въ святыхъ мѣстахъ порядка, установленнаго договоромъ 1740 года. Облеченный въ званіе посла, преемникъ генерала Опика, маркизъ Лавалеттъ, весною 1851 года

---

[1]) Клецль Аали-пашѣ 22-го января (3-го февраля) 1851 г. Напрасно авторъ «Etude diplomatique de la guerre de Crimée» утверждаетъ (ч. I, стр. 140), что Франція не встрѣтила въ настоящемъ случаѣ поддержки католическихъ державъ и что Австрія «уединялась» отъ французскаго правительства.

[2]) Аали-паша генералу Опику 18-го (30-го) декабря 1850 г.

возобновилъ настоянія своего предшественника. Подъ вліяніемъ его угрозъ, смѣшанная коммиссія была, повидимому, расположена удовлетворить французскимъ требованіямъ, и между французскимъ посломъ и рейсъ-эфенди Аали-пашою уже состоялось предварительное соглашеніе, когда русскій посланникъ вручилъ султану собственноручное письмо императора Николая. Въ немъ русскій государь выражалъ сожалѣніе о переговорахъ Порты съ Франціею, не оправдываемыхъ никакимъ выдающимся фактомъ, который указывалъ бы на необходимость измѣнить порядокъ, освященный вѣками, и просилъ султана взять подъ свою защиту права собственныхъ подданныхъ, сохранивъ въ святыхъ мѣстахъ statu quo, въ поддержаніи коего была заинтересована и Россія.

Такимъ образомъ Порта очутилась между двухъ огней. Не желая навлекать на себя неудовольствія ни русскаго императора, ни президента Французской республики, она предложила открыть христіанскимъ исповѣданіямъ безъ различія доступъ ко всѣмъ іерусалимскимъ святынямъ. Одновременно она распустила смѣшанную франко-турецкую коммиссію и назначила новую изъ оттоманскихъ сановниковъ и улемъ, подъ предсѣдательствомъ шейхъ-уль-ислама, которой поручила разсмотрѣніе притязаній на святыя мѣста какъ латинянъ, такъ и грековъ. Заключенія новой коммиссіи не были въ пользу первыхъ. Они были одобрены верховнымъ совѣтомъ, утверждены султаномъ и сообщены французскому послу. Аали-паша извѣстилъ его, что Порта, хотя и привыкла исполнять обязательства, истекающія изъ договоровъ ея съ иностранными державами, но долгомъ считаетъ также сохранять въ полномъ ихъ объемѣ права и льготы, дарованныя султанами собственнымъ ихъ подданнымъ. Вслѣдствіе сего доступъ къ Св. Гробу открытъ обоимъ главнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, на равныхъ правахъ, также точно какъ и пользованіе вертепомъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ. Ключи отъ трехъ дверей виѳлеемскаго храма, согласно древнему обычаю, должны находиться какъ у грековъ, такъ и у католиковъ, а потому послѣднимъ, нынѣ ихъ не имѣющимъ, и будутъ даны таковые. Геѳсиманская пещера останется, какъ и прежде, во владѣніи православныхъ, но латиняне могутъ въ опредѣленные дни совершать въ ней богослуженіе [1]).

Распоряженія эти были облечены въ форму фирмана. Взамѣнъ дарованнаго католикамъ права богослуженія въ Геѳсиманіи, греки получили такое же право въ храмѣ Вознесенія, до тѣхъ поръ исключительно принадлежавшемъ латинянамъ. Всѣ прочія притязанія послѣднихъ признаны были въ фирманѣ «неосновательными».

Посланникъ нашъ въ Константинополѣ удовольствовался такимъ рѣшеніемъ спорнаго вопроса подъ условіемъ, что оно будетъ приведено

---

[1]) Аали-паша маркизу Лавалетту 28-го января (9-го февраля) 1852 г.

въ исполненіе по соглашенію съ православнымъ іерусалимскимъ патріархомъ. Онъ потребовалъ также отъ Порты, чтобы вновь было дано грекамъ, пріостановленное по проискамъ французскаго посла, разрѣшеніе возобновить грозившій разрушеніемъ куполъ надъ Св. Гробомъ, безъ всякаго участія въ томъ латинскаго духовенства. По нашему настоянію, великій визирь въ довѣрительномъ письмѣ къ іерусалимскому пашѣ предписалъ даже не выдавать католикамъ обѣщанныхъ имъ ключей отъ виѳлеемскаго храма, такъ какъ они и безъ того имѣли свободный входъ въ него чрезъ вертепъ Рождества Христова. Наконецъ, на заголовкѣ фирмана султанъ собственноручно приписалъ, что признаетъ и подтверждаетъ всѣ прежнія права и преимущества, дарованныя православнымъ его предшественниками и имъ самимъ. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ императору Николаю Абдулъ-Меджидъ, сообщивъ о всѣхъ этихъ мѣрахъ, положительно обязался соблюдать впредь statu quo въ Іерусалимѣ и обезпечить восточную церковь отъ дальнѣйшихъ посягательствъ латинскаго духовенства [1]).

Но чѣмъ болѣе удовлетворялъ такой оборотъ дѣла русскій дворъ, тѣмъ менѣе могъ онъ быть пріятенъ французскому правительству. Вскорѣ послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, преобразившаго принца-президента въ неограниченнаго владыку Франціи, отношенія наши къ его кабинету улучшились, и императоръ Николай выразилъ ему полное одобреніе, за энергическій поступокъ, обуздавшій крайнюю революціонную партію. Но мало-по-малу обнаружилось намѣреніе его возстановить имперію во Франціи. Императорскій кабинетъ не могъ сочувственно отнестись къ такому нарушенію договоровъ 1815 года и искалъ возобновить противъ племянника союзъ четырехъ великихъ державъ, положившихъ конецъ владычеству дяди. Такое настроеніе нашей политики, ставъ извѣстнымъ въ Парижѣ, должно было отразиться на образѣ дѣйствій Франціи по отношенію къ восточнымъ дѣламъ. Еще до отъѣзда своего въ отпускъ весною 1852 года маркизъ Лавалеттъ, отвѣчая на ноту Аали-паши, извѣщавшую его о рѣшеніи султана по вопросу о святыхъ мѣстахъ, настаивалъ на правахъ, предоставленныхъ его правительству договоромъ 1740 года, хотя и не возражалъ противъ рѣшенныхъ Портою мѣръ. Но подобная умѣренность была послѣдствіемъ тайнаго соглашенія между нимъ и Аали-пашою, обѣщавшимъ не обнародовать султанскаго фирмана, благопріятнаго Россіи, и не приводить его въ исполненіе. Временный замѣститель Лавалетта, Бенедетти, протестовалъ противъ фирмана въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Послѣдствіемъ были новыя колебанія Порты. Отмѣнивъ прежнее рѣшеніе свое о куполѣ,

[1]) Записка по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, составленная въ императорскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

она объявила, что онъ будетъ возобновленъ на счетъ султана, и съ большимъ трудомъ согласилась на предоставленіе православному іерусалимскому патріарху права надзора за работами.

Въ августѣ 1851 года маркизъ Лавалеттъ возвратился въ Константинополь на линейномъ кораблѣ «Карлъ Великій». Проходъ этого военнаго судна чрезъ Дарданеллы составлялъ нарушеніе конвенціи 1841 года, провозгласившей начало закрытія проливовъ въ мирное время, но Порта искала извинить его, увѣряя, что сама просила французское правительство прислать линейный корабль въ видѣ образца для турецкаго адмиралтейства. Посолъ повторилъ протестъ Бенедетти противъ фирмана, грозя Портѣ появленіемъ французской эскадры у сирійскихъ береговъ. Устрашенные министры султана въ оффиціальной нотѣ объявили ему, что дарованный грекамъ фирманъ не отмѣняетъ ни врученной французскому посольству первой ноты Порты, ни обязательствъ, истекающихъ для нея изъ договора 1740 года.

Между тѣмъ, въ Іерусалимъ прибылъ чрезвычайный коммиссаръ султана Афифъ-бей для введенія тамъ новаго порядка, установленнаго февральскимъ фирманомъ. Собравъ въ храмѣ Воскресенія патріарховъ православнаго, армянскаго и латинскаго, а также представителей этихъ трехъ исповѣданій, онъ въ присутствіи русскаго генеральнаго консула провозгласилъ, что султанъ въ заботливости своей о благѣ всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія вѣры принимаетъ на себя обновленіе купола надъ Св. Гробомъ, и что наблюдать за работами будутъ три довѣренныя лица отъ общинъ греческой, армянской и латинской. Оттуда Афифъ-бей со всѣми присутствовавшими отправился въ Геѳсиманскую пещеру и тамъ объявилъ, что католикамъ дозволено совершать въ ней богослуженіе въ опредѣленные дни, но подъ условіемъ, что алтарь и его украшенія останутся въ прежнемъ видѣ. Объявленіе это было встрѣчено громкими укорами латинянъ, восклицавшихъ, что для нихъ немыслимо совершать литургію на «схизматическомъ мраморѣ, покрытомъ шелкомъ и парчею, а не льняною скатертью, съ греческими сосудами и предъ распятіемъ, на которомъ ноги Спасителя отдѣлены одна отъ другой, а не пригвождены другъ ко другу».

При всемъ томъ самый фирманъ прочитанъ не былъ. На вопросъ нашего генеральнаго консула турецкій коммиссаръ отвѣчалъ сначала, что не знаетъ, о какомъ фирманѣ онъ его спрашиваетъ, затѣмъ, что у него нѣтъ копіи съ этого акта, наконецъ, что ему не предписано читать фирманъ. Іерусалимскій паша, къ которому обратился г. Базили съ тѣмъ же вопросомъ, ограничился общими словами о «благорасположеніи султана къ подданнымъ своимъ всѣхъ исповѣданій» [1]).

---

[1]) Англійскій консулъ въ Іерусалимѣ графу Мальмсбюри, 15-го (27-го) октября 1852 г.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ протестовалъ предъ Портою противъ такого нарушенія данныхъ намъ обѣщаній [1]). Великій визирь началъ съ того, что выразилъ негодованіе по поводу «столь гнусной измѣны» и сказалъ, что доложитъ о ней султану, но скоро перемѣнилъ мнѣніе. «Предмѣстникъ мой,— заявилъ онъ г. Озерову,—обѣщалъ французскому послу не придавать гласности фирману. Они поступили не хорошо, но я не могу исправить ихъ ошибку. Пусть рѣшитъ дѣло самъ султанъ!»

Положеніе Порты было дѣйствительно затруднительное. Она хорошо сознавала, что въ сущности вопросъ заключается не во взаимныхъ препираніяхъ между палестинскими греками и католиками, а въ борьбѣ между Россіею и Франціею изъ-за вліянія на Востокѣ, къ тому же въ ущербъ ей самой. «Султанъ,—писалъ графу Мальмесбюри англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ полковникъ Розъ,—долженъ быть судьею и разрѣшить тотъ споръ, а между тѣмъ онъ не только не обладаетъ независимостью и свободою, требуемыми таковымъ званіемъ, но постоянные угрозы унижаютъ его въ глазахъ собственныхъ подданныхъ и принуждаютъ принимать противорѣчащія и безчестныя рѣшенія, за которыя его же упрекаютъ потомъ въ недобросовѣстности» [2]).

Съ самаго возникновенія спора о святыхъ мѣстахъ великобританское правительство постановило держать себя въ сторонѣ отъ него и не принимать въ немъ никакого участія [3]). Но новый министръ иностранныхъ дѣлъ Порты рѣшился прибѣгнуть къ англійскому посредничеству. «Франція, — говорилъ Фуадъ - эфенди полковнику Розу,—съ договоромъ 1740 г. въ рукахъ, настаивала на признаніи правъ латинянъ на святыя мѣста, другими словами требовала полнаго измѣненія statu quo. Порта была уже готова исполнить истекавшія для нея изъ договора обязательства, какъ вдругъ русскій императоръ потребовалъ въ письмѣ на имя султана безусловнаго сохраненія statu quo, утверждая, что вопросъ о святыхъ мѣстахъ ясно и опредѣленно разрѣшенъ торжественными распоряженіями и верховными гатти-шерифами. Посланникъ Титовъ объявилъ, что въ случаѣ малѣйшей перемѣны, онъ оставитъ Константинополь со всею русскою миссіею. Лавалеттъ грозилъ блокировать Дарданеллы французскою эскадрою, если Порта сохранитъ настоящій порядокъ. Русскія угрозы защищаютъ statu quo, французскія—нападаютъ на него. И Россія, и Франція втянули Порту въ цѣлый рядъ обмановъ, въ ущербъ свободѣ ея рѣшеній и достоинству, и онѣ же угрожаютъ ей своимъ мщеніемъ, если она не приведетъ спора къ разрѣшенію, невозможному вслѣдствіе ихъ противопо-

---

1) Озеровъ Фуаду-эфенди 28-го октября (9-го ноября) 1852 г.

2) Полковникъ Розъ графу Мальмесбюри 8-го (20-го) ноября 1852 г.

3) Лордъ Пальмерстонъ сэру Стратфорду Каннингу 26-го мая (7-го іюня) 1850 г

ложныхъ притязаній. Единственный спасительный для Порты исходъ—вмѣшательство Англіи, которая одна можетъ побудить враждующія стороны положить конецъ распрѣ полюбовнымъ соглашеніемъ [1]).

Полковникъ Розъ отвѣчалъ турецкому министру, что инструкціи его не позволяютъ ему вмѣшаться въ это дѣло, но что, если бы онъ имѣлъ на то право, то все же не могъ бы произнести сужденія о рѣшеніяхъ, за которыми немедленно слѣдовали другія имъ противорѣчившія, не зная къ тому же, не было ли сдѣлано прежде иныхъ обѣщаній, тайныхъ и ему неизвѣстныхъ. Но въ то же время онъ заявилъ Фуаду-эфенди, что долгомъ сочтетъ поддержать султана, если тотъ въ полномъ сознаніи своего права возьметъ на себя произнесть приговоръ въ дѣлѣ, подлежащемъ его рѣшенію. Представителямъ же Франціи и Россіи онъ поставилъ на видъ «вѣжливо, но твердо», что они не правы, обвиняя Порту въ двоедушіи и коварствѣ, такъ какъ угрозами своими сами заставляли ее поступать противъ своей воли, интересовъ и убѣжденія [2]).

Но не однѣмъ угрозамъ слѣдуетъ приписать противорѣчивыя рѣшенія, которыя Порта впродолженіе 1852 года принимала по вопросу о святыхъ мѣстахъ. Они зависѣли главнымъ образомъ отъ личнаго состава министерства, подвергавшагося за это время частымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ. Съ начала столѣтія диванъ раздѣлялся на двѣ противоположныя партіи: одна, такъ называемыхъ «старыхъ турокъ», охранительная въ полномъ смыслѣ этого слова; другая—сторонниковъ преобразованій, по образу и подобію Западной Европы. Первая въ вопросахъ внѣшней политики склонялась на сторону Россіи, вторая—сочувствовала преимущественно Англіи и Франціи и не видѣла инаго спасенія для Оттоманской имперіи, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Въ сороковыхъ годахъ главою охранительной партіи считался Хозревъ, главный виновникъ Ункіаръ-Искелесскаго договора. Вождемъ партіи «либеральной» былъ Решидъ, составитель гатти-шерифа Гюльхане, этой magna charta турецкихъ вольностей. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Хозревъ за старостью не принималъ уже дѣятельнаго участія въ правительствѣ, а Решида далеко опередили его ученики и послѣдователи, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимали Аали-паша и Фуадъ-эфенди. При возникновеніи вопроса о святыхъ мѣстахъ великимъ визиремъ былъ Решидъ, а Аали занималъ должность рейсъ-эфенди. Въ началѣ 1852 года перваго замѣстилъ Реуфъ-паша, принадлежащій къ старотурецкой партіи. За время нахожденія его во главѣ управленія состоялись уступки требованіямъ русскаго двора, рѣ-

---

[1]) Полковникъ Розъ графу Мальмесбюри 8-го (20-го) ноября 1852 г.

[2]) Полковникъ Розъ графу Мальмесбюри 22-го и 23-го ноября (4-го и 5-го декабря) 1852 г.

шеніе Порты, отвергавшее притязанія католиковъ, нота французскому посольству, извѣщавшая объ этомъ рѣшеніи, и февральскій фирманъ въ пользу грековъ. Но уже въ мартѣ Реуфъ долженъ былъ снова уступить мѣсто Решиду, а этотъ послѣдній Аали, назначенному великимъ визиремъ въ августѣ, по возвращеніи въ Константинополь изъ отпуска маркиза Лавалетта. Въ концѣ сентября преемникомъ Аали сталъ Мегеммедъ Али-паша, зять султана, хотя и ярый противникъ Решида, но вмѣстѣ съ тѣмъ и недоброжелатель Россіи, при которомъ должность рейсъ-эфенди занялъ наиболѣе передовой изъ турецкихъ государственныхъ людей того времени—Фуадъ.

Фуадъ не скрывалъ отъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, что лично онъ склоняется въ пользу французскихъ притязаній; что по внимательномъ разсмотрѣніи договоровъ и другихъ документовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что не только Франція права, настаивая на врученіи латинянамъ ключа отъ главной двери виѳлеемскаго храма, но что на точномъ основаніи договора 1740 года она могла бы потребовать предоставленія католикамъ несравненно бо̀льшаго числа святынь, чѣмъ тѣ, которыя уступались имъ въ силу февральскаго фирмана. Великій визирь подтвердилъ этотъ взглядъ Фуада [1]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ тщетны были усилія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ съ успѣхомъ исполнить полученныя имъ изъ Петербурга приказанія. Они заключались въ томъ, чтобы, гласно выразивъ Портѣ неудовольствіе государя за вѣроломное поведеніе ея коммиссара въ Іерусалимѣ, тайно предложить ей нашу помощь, въ случаѣ, если бы Франція попыталась привести свои угрозы въ исполненіе. Г. Озеровъ прибавилъ отъ себя, что французы, напавъ на Турцію, вооружили бы противъ себя всю Европу, а православные народы вооружились бы поголовно на защиту Оттоманской имперіи [2]). Тогда же онъ заявилъ французскому послу, что Россія на основаніи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора имѣетъ право покровительствовать православной церкви въ Турціи. Лавалеттъ, незадолго передъ тѣмъ объявившій, что Франція не намѣрена распространять своего покровительства на католическихъ подданныхъ султана, поспѣшилъ довести слова г. Озерова до свѣдѣнія какъ Порты, такъ и представителей великихъ державъ. Турецкіе министры были крайне встревожены притязаніемъ, заявленнымъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ [3]).

Между тѣмъ, маркизъ Лавалеттъ упорно требовалъ отъ Порты исполненія обѣщанія ея, оффиціально ему сообщеннаго, и вруче-

---

[1]) Полковникъ Розъ графу Мальмесбюри 23-го ноября (5-го декабря) 1852 г.
[2]) Записка нашего М. И. Д.
[3]) Полковникъ Розъ графу Мальмесбюри 23-го ноября (5-го декабря) 1852 г.

нія латинскому духовенству ключа отъ главнаго входа въ виѳлеемскій храмъ. Объ обѣщаніи этомъ упоминалось и въ нотѣ Аалипаши, и въ самомъ февральскомъ фирманѣ, но оно не было выполнено по настоянію русской миссіи. Требованіе свое французскій посолъ, по обыкновенію, поддерживалъ угрозами. Снова былъ созванъ большой совѣтъ, и на обсужденіе его предложенъ вопросъ: слѣдуетъ ли удовлетворять притязанію Франціи? Фуадъ съ жаромъ отстаивалъ необходимость уступокъ въ ея пользу. Онъ распространился о преобладающемъ значеніи недавно возстановленной Французской имперіи въ Европѣ, объ энергіи и рѣшительности императора Наполеона, о воинственномъ духѣ французскаго народа; представилъ выгоды тѣснаго союза между Франціею и Турціею, который позволилъ бы послѣдней разрѣшить въ благопріятномъ для нея смыслѣ затрудненія, возникшія въ княжествахъ, въ Черногоріи, въ Египтѣ; указалъ на опасность появленія французскаго флота у береговъ Сиріи. О Россіи Фуадъ отозвался враждебно и даже съ презрѣніемъ. Она-де слишкомъ осторожна, чтобы прибѣгнуть къ силѣ въ вопросѣ, въ которомъ не можетъ опереться на существующіе договоры и будетъ имѣть всю Европу противъ себя. Для Турціи большое счастіе разъ навсегда отдѣлаться отъ тяготѣющаго надъ православнымъ населеніемъ Оттоманской имперіи вліянія русскаго двора.

Доводы Фуада были поддержаны великимъ визиремъ. Большинство совѣта высказалось согласно мнѣнію обоихъ министровъ, и султанъ подписалъ ираде, въ силу котораго ключъ отъ главнаго входа въ виѳлеемскій храмъ отдавался латинцамъ.

Но этимъ не ограничилась уступчивость Порты предъ требованіями французскаго посла. Видимымъ знакомъ принадлежности католикамъ вертепа Рождества Христова считалась серебряная звѣзда, когда-то пожалованная одною изъ французскихъ королевъ и возвышавшаяся надъ алтаремъ вертепа. Звѣзда эта была похищена изъ храма, и католики непремѣнно требовали замѣны ея другою. Новая звѣзда была изготовлена въ Константинополѣ, съ латинскою надписью 1717 года, и Порта разрѣшила поставить ее на мѣстѣ прежней. Она оказала предпочтеніе латинянамъ и при распредѣленіи между разными исповѣданіями часовъ богослуженія въ Геѳсиманской пещерѣ: католики получили цѣлый день для себя, тогда какъ греки имѣли лишь день общій съ армянами. Для расширенія католическаго монастыря, прилегавшаго къ Св. Гробу, Порта уступила францисканцамъ турецкіе гаремы, возвышавшіеся на террассахъ, сосѣднихъ съ куполомъ храма Воскресенія. Наконецъ, латинскому патріарху разрѣшено выстроить домъ по близости виѳлеемскаго храма.

Всѣ эти мѣры составляли рядъ нарушеній statu quo, обезпеченнаго февральскимъ фирманомъ, и торжественнаго обѣщанія со-

блюдать его, даннаго Портою нашему представителю и скрѣпленнаго письмомъ султана къ государю. Обстоятельства, которыми сопровождалось приведеніе ихъ въ исполненіе на мѣстѣ, не могли не возбудить справедливаго негодованія греческаго духовенства и православныхъ жителей Палестины. Католическіе священники, поддерживаемые французскимъ консуломъ, въ присутствіи его, поручили слесарю взломать замокъ главнаго входа храма Св. Гроба, а ключи отъ виѳлеемской церкви были вручены имъ турецкими властями. Серебряная звѣзда съ гербомъ Франціи и латинскою надписью была торжественно возстановлена надъ алтаремъ вертепа Рождества Христова, знаменуя владычество римской церкви въ этой святынѣ, составляющей предметъ почитанія и поклоненія всего христіанскаго міра [1]).

Одновременно Порта распорядилась, наконецъ, прочтеніемъ и занесеніемъ въ протоколъ городскаго совѣта въ Іерусалимѣ и февральскаго фирмана, но, не смотря на требованіе православнаго патріарха, представители латинской общины не были, согласно обычаю, приглашены присутствовать при этой церемоніи [2]).

Такъ завершился 1852-й годъ. Западная дипломатія въ Константинополѣ считала вопросъ о святыхъ мѣстахъ окончательно разрѣшеннымъ и выражала по этому поводу свое удовольствіе. Французскій посолъ торжествовалъ. Получивъ удовлетвореніе по всѣмъ своимъ требованіямъ, онъ снисходительно согласился закрыть глаза на обнародованіе въ Іерусалимѣ февральскаго фирмана, тѣмъ болѣе, что обнародованіе послѣдняго ираде султана о передачѣ католикамъ ключей въ Виѳлеемѣ было обставлено необычайною торжественностью. Онъ даже нашелъ преувеличеннымъ требованіе латинянами предоставленія имъ цѣлаго дня для богослуженія въ Геѳсиманской пещерѣ и предложилъ имъ удовольствоваться нѣсколькими часами. Наконецъ, онъ выразилъ намѣреніе не настаивать на правѣ ихъ содержать лампады и образа въ часовнѣ Св. Гроба [3]).

Но возбужденіе православнаго населенія духовнаго и свѣтскаго было крайнее. Патріархъ іерусалимскій Кириллъ спѣшилъ въ Константинополь, дабы протестовать предъ Портою противъ нарушенія вѣковыхъ правъ его паствы и столь еще недавно возобновленныхъ обѣщаній. Цареградскіе греки громко роптали, но представителямъ ихъ было объявлено, что нечего и думать объ отмѣнѣ распоряженій султана и что всякое противодѣйствіе имъ будетъ считаться

---

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву 27-го января (8-го февраля) 1853 г. Ср. донесеніе англійскаго консула въ Іерусалимѣ графу Мальмесбюри отъ 16-го (28-го декабря 1852 г.

[2] Записка М. И. Д.

[3]) Полковникъ Розъ графу Мальмесбюри 4-го (16) декабря 1852 г. и лорд Джону Русселю 16-го (28) января 1853 г.

мятежемъ. Волненіе между христіанами распространилось до отдаленнѣйшихъ областей Оттоманской имперіи, естественно вызывая проявленіе религіознаго фанатизма и вражды на гяуровъ въ средѣ мусульманскаго населенія. Отношенія обострялись. Ожидали всеобщаго возстанія турецкихъ христіанъ.

Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное въ С.-Петербургѣ извѣстіями о происшествіяхъ, совершившихся въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ.

Императоръ Николай не могъ не видѣть, что въ совѣтахъ султана французское вліяніе взяло верхъ надъ русскимъ; что министры Абдулъ-Меджида оказались покорными слугами Наполеоновской политики; что отъ такого порядка вещей страдаютъ наши матеріальные интересы; что обаянію нашему на Востокѣ нанесенъ чувствительный ударъ. Государь былъ человѣкомъ, искренно вѣрующимъ, глубоко преданнымъ православію, защиту котораго считалъ священнымъ долгомъ, возложеннымъ на него завѣтами державныхъ предшественниковъ, историческими преданіями русскаго народа. Строгій блюститель законнаго порядка, врагъ всякихъ революціонныхъ стремленій, онъ терпѣлъ владычество султана надъ христіанскими подданными, но подъ условіемъ уваженія ихъ вѣрованій. Въ этомъ отношеніи онъ считалъ себя естественнымъ ихъ покровителемъ. Поведеніе Порты составляло нарушеніе его права, не только истекавшаго изъ внутренняго убѣжденія, но и торжественно провозглашеннаго международными договорами. Въ довершеніе всего нравственное чувство его было оскорблено двоедушіемъ султана. «Этотъ господинъ измѣнилъ данному мнѣ слову», — говорилъ онъ англійскому послу съ выраженіемъ негодованія и презрѣнія.

Такъ мыслилъ императоръ Николай о настоящемъ. Будущее, представлявшееся еще въ болѣе мрачномъ видѣ, озабочивало и тревожило его. Онъ давно не вѣрилъ въ прочность Оттоманской имперіи, въ возможность поддержанія ея существованія искусственными средствами. Тѣмъ не менѣе, вѣрный обязательствамъ, принятымъ на себя предъ союзниками, онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы отдалить часъ ея паденія, и дважды спасъ ее отъ гибели, близкой и неминуемой. Поступалъ онъ такъ во имя охранительной политики, которой былъ и оставался вѣренъ впродолженіе всего своего царствованія. А между тѣмъ въ послѣдніе годы эта самая оберегаемая имъ Турція все болѣе и болѣе подчинялась вліянію либеральныхъ идей, усвоенныхъ и проводимыхъ молодымъ поколѣніемъ ея государственныхъ людей, воспитанныхъ на Западѣ и вынесшихъ оттуда глубокую вражду и ненависть къ Россіи и къ политическимъ началамъ, ею представляемымъ. Въ Турціи нашли себѣ убѣжище пресловутые вожди и участники мятежей польскаго и венгерскаго, и Порта изъ-за нихъ едва не объявила войны

двумъ могущественнымъ сосѣднимъ имперіямъ: Русской и Австрійской. По мѣрѣ того, какъ падало на Босфорѣ значеніе русской дипломатіи, вліяніе англійскаго посла принимало небывалые размѣры. Сэръ Стратфордъ Каннингъ, съ начала сороковыхъ годовъ снова представлявшій на Босфорѣ королеву Викторію, не только пользовался необычайнымъ почетомъ, но голосу его съ покорностью внимали министры султана во всѣхъ важныхъ вопросахъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Турки не иначе называли его, какъ «великимъ посломъ». Этого мало. Дипломатія Людовика-Наполеона въ нѣсколько мѣсяцевъ завоевала себѣ въ Царьградѣ положеніе почти столь же вліятельное и даже прямо въ ущербъ правамъ, пользамъ и достоинству Россіи.

Русскій государь не могъ равнодушно отнестись къ этому торжеству на Востокѣ той самой возстановленной Французской имперіи, къ обузданію честолюбивыхъ видовъ которой на Западѣ были направлены всѣ усилія его кабинета. Онъ не ожидалъ ничего хорошаго отъ попытки привить законы и учрежденія Запада къ разлагающемуся тѣлу Оттоманской имперіи и полагалъ, что этимъ путемъ можетъ быть лишь ускорено ея паденіе. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы Наполеоновская Франція заняла въ Левантѣ преобладающее положеніе, которое предоставило бы ей возможность въ минуту наступленія катастрофы захватить львиную часть изъ наслѣдія султана Не сомнѣваясь въ политической солидарности Австріи и Пруссіи съ Россіей, когда рѣчь шла о противодѣйствіи хищническимъ замысламъ наслѣдника перваго Бонапарта, онъ надѣялся привлечь и Англію къ обще-европейскому соглашенію по дѣламъ Востока,— соглашенію, изъ котораго оставалась исключенною одна Франція.

Давая такое направленіе своей внѣшней политикѣ, императоръ Николай рѣшился одновременно возстановить на Босфорѣ значеніе Россіи въ объемѣ, соотвѣтствующемъ ея географическому положенію, историческимъ преданіямъ, нравственнымъ и матеріальнымъ силамъ. Онъ считалъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что на западныхъ окраинахъ Турціи обнаруживались признаки близости новаго вооруженнаго столкновенія между мусульманами и христіанами. Черногорія, незадолго передъ тѣмъ получившая изъ рукъ его своего перваго свѣтскаго князя, готовилась смѣло вступить въ бой съ превосходными силами, сосредоточенными противъ нея, Омеръ-пашою. Австрія ожидала всеобщаго возстанія турецкихъ христіанъ и въ предвидѣніи его стягивала свои войска къ границамъ Босніи и Сербіи.

Государь нашелъ нужнымъ послѣдовать ея примѣру и приготовиться на всякій случай. Послѣдняя попытка образумить Порту должна была быть поддержана соотвѣтствующими движеніями русскихъ военныхъ силъ. Въ концѣ 1852 года расположенные въ южной Россіи два армейскіе корпуса, 4-й и 5-й, были укомплек-

тованы безсрочно-отпускными; къ корпусамъ этимъ присоединились входившія въ ихъ составъ двѣ легкія кавалерійскія дивизіи, а интендантство начало заготовлять на Днѣстрѣ склады фуража и провіанта.

Иностранные дипломаты, акредитованные при русскомъ дворѣ, были свидѣтелями раздраженія, вызваннаго въ С.-Петербургѣ константинопольскими происшествіями. Всѣ они старались разузнать намѣренія императорскаго кабинета, а англійскій посолъ рѣшился даже высказать государственному канцлеру безпокойство, внушаемое ему продолжительностью спора о взаимныхъ притязаніяхъ православнаго и латинскаго духовенства на обладаніе святыми мѣстами. «И вы совершенно правы,—отвѣчалъ ему графъ Нессельроде,—потому что я не могу скрыть отъ васъ, что это очень опасное дѣло». Канцлеръ объяснилъ послу точку зрѣнія русскаго правительства. Послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ, въ началѣ 1852 года состоялось соглашеніе, удовлетворительное для всѣхъ сторонъ, въ силу котораго католикамъ были даже сдѣланы нѣкоторыя уступки. Оно было подтверждено не только фирманомъ, но и собственноручными письмами султана къ императору Николаю. Но угрозы французскаго посла побудили Порту пріостановить обнародованіе фирмана. Государь тѣмъ менѣе могъ допустить такое нарушеніе принятыхъ на себя Портою обязательствъ, что оно должно было имѣть одинаково вредныя послѣдствія какъ для нея, такъ и для русскихъ интересовъ, ибо собственная польза султана требовала, чтобы онъ уважалъ чувства огромнаго большинства своихъ подданныхъ, принадлежащихъ къ православной церкви, тогда какъ онъ ничего не потерялъ бы, не удовлетворивъ желаніямъ какого нибудь случайнаго туриста-католика. Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ замѣтилъ, что англійское правительство, не имѣя личнаго интереса въ этомъ спорѣ, ограничивается желаніемъ, чтобы прекратились недоразумѣнія между двумя дружественными ей державами и чтобы третья, ея давняя союзница, не потерпѣла при этомъ ущерба, а графъ Нессельроде откровенно признался, что не предвидитъ пока удовлетворительнаго исхода, хотя лично и готовъ при обсужденіи вопроса руководствоваться самымъ примирительнымъ взглядомъ [1]).

Вскорѣ до великобританскаго посла въ С.-Петербургѣ донеслись слухи о военныхъ приготовленіяхъ на югѣ Россіи. Возбужденныя въ немъ этимъ извѣстіемъ опасенія онъ изложилъ въ меморандумѣ, который и прочелъ канцлеру. Графъ Нессельроде возразилъ противъ нѣкоторыхъ выраженій этой бумаги, найденныхъ ихъ преувеличенными, и сообщилъ, что дѣйствительно 5-му корпусу дано приказаніе готовиться къ походу, но что ему, канцлеру, ничего неиз-

---

[1]) Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ графу Мальмесбюри 19-го (31-го) декабря 1852 г.

вѣстно о распоряженіяхъ по 4-му корпусу. Онъ поспѣшилъ присовокупить, что императоръ Николай отнюдь не желаетъ паденія Турціи, и выразилъ надежду, что настоящія несогласія съ нею будутъ улажены путемъ переговоровъ. Необходимо только поддержать усилія русской дипломатіи военными демонстраціями. Государь намѣренъ потребовать отъ Порты строгаго исполненія ея обязательствъ относительно православной церкви и его самого. Грекамъ должно быть дано вознагражденіе за уступки католикамъ «на счетъ правъ единовѣрцевъ его величества». Мирному исходу можетъ во многомъ содѣйствовать англійское правительство, поддержавъ русскія требованія въ Парижѣ и въ Константинополѣ и открыто высказавшись противъ незаконныхъ притязаній французовъ [1]).

Когда стало извѣстно въ С.-Петербургѣ образованіе новаго великобританскаго министерства подъ предсѣдательствомъ лорда Абердина, государственный канцлеръ предписалъ посланнику въ Лондонѣ войдти по вопросу о святыхъ мѣстахъ въ подробныя объясненія какъ съ первымъ лордомъ казначейства, такъ и съ лордомъ Джономъ Русселемъ, временно исправлявшимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ. Баронъ Брунновъ имѣлъ объявить имъ, что нарушеніе правъ православной церкви и слова, торжественно даннаго государю султаномъ, вынуждало насъ потребовать отъ него удовлетворенія. Подражая Франціи, мы могли бы начать наши объясненія съ Портою прямо съ угрозы, но, не смотря на справедливость нашихъ притязаній, мы послѣдуемъ иной, менѣе быстрой методѣ. Мы всегда хотѣли и хотимъ сохраненія Оттоманской имперіи, какъ наименѣе неудобной комбинаціи, на коей сходятся противорѣчивые интересы европейскихъ державъ, которыя несомнѣнно пришли бы въ столкновеніе другъ съ другомъ, если бы имперія эта исчезла съ лица Востока. А потому мы будемъ послѣдовательны и, на сколько это согласуется съ нашею честью, станемъ избѣгать всего, что могло бы еще болѣе потрясти это слабое и больное тѣло и обратить его въ прахъ. Не смотря на тщетность нашихъ прежнихъ усилій образумить Порту, мы сдѣлаемъ послѣднюю примирительную попытку. Мы постараемся выработать такое соглашеніе, въ силу котораго февральскій фирманъ снова получитъ отнятое у него значеніе, и оба исповѣданія будутъ уравнены въ правахъ. Передавая Портѣ наши предложенія, мы дадимъ ей совѣтъ миролюбивый, но твердый, съ цѣлью разъяснить ей послѣдствія учиненной ею несправедливости и въ то же время обезпечить ее отъ всѣхъ случайностей, которыя угрожаютъ ей со стороны Франціи. Главныя основанія этого рѣшенія мы сообщимъ лондонскому кабинету, какъ только оно будетъ окончательно принято.

---

[1]) Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ лорду Джону Русселю, 27-го декабря (8-го января) 1852 (1853) г.

Канцлеръ указывалъ на усиленіе въ Константинополѣ за послѣднее время нравственнаго вліянія Франціи, принявшаго такіе размѣры, что слѣдуетъ опасаться неудачи всѣхъ нашихъ усилій въ виду понятія, составленнаго себѣ совѣтниками султана о неодолимой силѣ французскаго правительства. Новыя угрозы его могутъ удержать Порту отъ удовлетворенія нашихъ справедливыхъ притязаній. Шансы успѣха между Россіею и Франціею были бы слишкомъ неравны, если бы послѣдняя имѣла возможность направлять свой флотъ во всѣ концы Средиземнаго моря и каждое свое требованіе предъявлять Портѣ на лезвіи меча, тогда какъ мы оставили бы въ туркахъ убѣжденіе, что мы не въ состояніи защитить ни ихъ, ни собственные наши интересы. Государь рѣшился принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, дабы поддержать наши переговоры, ослабить дѣйствіе угрозъ маркиза Лавалетта и обезпечить себя отъ предпріятій правительства, охотно придерживающагося политики неожиданностей. Вооруженія наши отнюдь не направлены противъ независимости Оттоманской имперіи, а имѣютъ прямою цѣлью поддержать эту независимость въ виду посягательствъ иностранной диктатуры и поднять достоинство султана въ глазахъ большинства собственныхъ подданныхъ. Дѣйствіе военныхъ приготовленій Россіи должно быть, по мысли государя, гораздо болѣе нравственнымъ, нежели матеріальнымъ. Мы надѣемся, что англійское правительство не ошибется относительно нашихъ намѣреній. Умѣренность, проявленная въ прошломъ императоромъ Николаемъ относительно Турціи, служитъ залогомъ его рѣшимости не уклоняться отъ нея и въ настоящемъ случаѣ. Общій интересъ побуждаетъ Англію, какъ и Россію, заботиться о поддержаніи мира на Востокѣ. Къ нему взываемъ мы, обращаясь къ безпристрастію великобританскаго правительства. Двойная задача англійскихъ министровъ — поддержать наши совѣты въ Константинополѣ, дабы разсѣять ослѣпленіе или паническій страхъ турокъ и побудить парижскій кабинетъ внять голосу благоразумія. Подъ условіемъ такого содѣйствія съ ихъ стороны, можно надѣяться, что предпринимаемые нами переговоры не подвергнутъ опасности миръ Востока [1]).

Въ то самое время, какъ мы приглашали англійское правительство выступить посредникомъ между нами и Франціею, тюильрійскій дворъ сдѣлалъ попытку войти съ нами по вопросу о святыхъ мѣстахъ въ непосредственное соглашеніе. Онъ былъ побужденъ къ тому перемѣною, происшедшею въ составѣ великобританскаго министерства, глава котораго, лордъ Абердинъ, считался приверженцемъ союза съ Австріей и Россіей, и въ которомъ главный доброжелатель Наполеоновской Франціи, лордъ Пальмерстонъ, хотя и призванъ былъ

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову 2-го (14-го) января 1853 г.

занять мѣсто, но только министра внутреннихъ, а не иностранныхъ дѣлъ. Французскому послу въ С.-Петербургѣ предписано было объясниться съ графомъ Нессельроде дружественнымъ и довѣрительнымъ образомъ. Рѣшеніе іерусалимскаго спора,—писалъ ему Друэнъ де-Люисъ, — не должно болѣе зависѣть отъ усердія второстепенныхъ агентовъ и отъ волненія мѣстныхъ страстей. Попеременно подчиняясь вліянію двухъ противоположныхъ теченій, Порта впродолженіе минувшаго года приняла въ этомъ вопросѣ рядъ рѣшеній, взаимно исключающихъ другъ друга и вводящихъ общественное мнѣніе въ заблужденіе относительно мнимаго антагонизма, существующаго между Франціей и Россіей въ Константинополѣ. Между тѣмъ, цѣль Франціи—достигнуть рѣшенія справедливаго и умѣреннаго. Французское правительство, не отрекаясь оффиціально отъ унаслѣдованныхъ имъ правъ, вполнѣ понимаетъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ не существуетъ ничего безусловнаго. Оно принимаетъ въ соображеніе происшествія, совершившіяся втеченіе минувшихъ шестидесяти лѣтъ, не желаетъ возбуждать религіозныхъ страстей въ потрясенной и безъ того Оттоманской имперіи, не хочетъ оскорблять личныхъ чувствъ императора Николая, въ качествѣ верховнаго главы въ Россіи того самаго исповѣданія, къ которому принадлежитъ большинство восточныхъ христіанъ, а потому оно рѣшилось «заключить требованія свои въ строгія границы своихъ обязанностей и достоинства». Въ сознаніи умѣренности оно было удивлено усиліями русской миссіи въ Константинополѣ помѣшать сдѣланнымъ Франціи незначительнымъ уступкамъ. С.-Петербургскій кабинетъ не можетъ-де не признать обязательности капитуляцій ея съ Портою, не подвергнувъ опасности собственныхъ своихъ договоровъ съ Турціей, несравненно болѣе выгодныхъ и важныхъ. Допустивъ это, ему нѣтъ причины продолжать свое противодѣйствіе французскимъ требованіямъ въ Константинополѣ и приписывать имъ свойства, противныя намѣреніямъ Франціи. Она не хочетъ ни вступать съ Россіей въ борьбу изъ-за вліянія, ни даже лишать христіанъ греческаго исповѣданія пользованія преимуществами, предоставленными имъ временемъ. Исключительная цѣль ея—вывести римскую церковь на Востокѣ изъ состоянія подчиненности, не достойнаго ни католицизма, ни Франціи. Парижскій кабинетъ не вѣритъ, чтобы цѣль эта могла вызвать неудовольствіе русскаго двора. Къ тому же происходящая въ Іерусалимѣ на глазахъ ислама борьба двухъ великихъ христіанскихъ державъ изъ-за религіознаго первенства была бы въ наше время необычайнымъ и прискорбнымъ зрѣлищемъ для всего міра. Разумъ, достоинство, польза религіи вмѣняютъ въ обязанность Россіи и Франціи поступать иначе, и если истекающее изъ неправильнаго представленія о побужденіяхъ послѣдней недоразумѣніе нуждается въ разъясненіи, то французское правительство надѣется, что, получивъ

таковое, русскій дворъ не поколеблется признать его умѣренность и справедливость [1]).

Примирительное обращеніе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ достигло С.-Петербурга въ то время, когда уже былъ составленъ планъ дѣйствій императорскаго кабинета и начато приведеніе его въ исполненіе. Полагаясь на поддержку не только Австріи и Пруссіи, но и Англіи, мы рѣшились вступить въ новые переговоры непосредственно съ Портою, при условіяхъ, которыя, повидимому, должны были обезпечить ихъ успѣхъ. Къ тому же мы не довѣряли искренности намѣреній тюильрійскаго кабинета, а потому хотя и не отвергли вполнѣ его предложенія, но отвѣчали на него сухо и сдержанно. Въ депешѣ на имя нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, государственный канцлеръ утверждалъ, что мысль о дружественномъ и довѣрительномъ соглашеніи съ Франціею была высказана нами болѣе чѣмъ за годъ, при самомъ началѣ столкновенія, но тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Тюрго отвѣтилъ, что вопросъ уже рѣшенъ въ Константинополѣ, и что поэтому нѣтъ болѣе надобности обсуждать его въ Парижѣ. Заявленіе это возбудило въ насъ надежду, что онъ и не будетъ возбужденъ снова, тѣмъ болѣе, что февральскій фирманъ Порты представлялъ рѣшеніе вполнѣ справедливое и удовлетворительное для всѣхъ сторонъ. Но, тогда какъ всѣ прочія католическія державы не предъявили противъ него возраженій, французскій посолъ въ Константинополѣ подъ страхомъ угрозы потребовалъ его отмѣны, а также цѣлаго ряда новыхъ уступокъ въ пользу палестинскихъ католиковъ, которыя, нарушая права и оскорбляя чувство послѣдователей другихъ христіанскихъ исповѣданій, сѣяли между ними и латинянами сѣмена ненависти и раздора.

Упомянувъ о позорныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ введеніе католическаго духовенства въ Іерусалимѣ въ пользованіе новыми исторгнутыми у Порты преимуществами, графъ Нессельроде находилъ, что поздно думать о прямомъ соглашеніи между Россіей и французскимъ правительствомъ. Главнымъ препятствіемъ служитъ притязаніе послѣдняго возстановить въ Палестинѣ положеніе, основанное на договорѣ 1740 года, не смотря на то, что актъ этотъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ онъ составленъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, безъ обозначенія принадлежащихъ латинянамъ святынь. 33-я статья его была уже въ 1757 году разъяснена и дополнена указомъ Порты, точныя и опредѣленныя постановленія котораго были подтверждены при каждой перемѣнѣ царствованія и досėлѣ сохраняютъ законную силу, не смотря на жалобы, приносимыя на нихъ время отъ времени францискан-

[1]) Друэнъ де-Люисъ маркизу Кастельбаньюку 3-го (15-го) января 1853 г.

скими монахами чрезъ посредство французскаго посольства въ Константинополѣ.

Ссылаясь на заявленія парижскаго кабинета о нежеланіи его лишать христіанъ греческаго исповѣданія правъ, освященныхъ вѣками, государственный канцлеръ находилъ возможнымъ положить это начало въ основаніе соглашенія съ тѣмъ, чтобъ февральскій фирманъ былъ безусловно приведенъ въ исполненіе. Въ этомъ смыслѣ онъ выражалъ намѣреніе дѣйствовать въ Константинополѣ энергично и рѣшительно и, напомнивъ Портѣ о принятыхъ ею относительно русскаго двора обязательствахъ, убѣдить ее, что между Россіей и Франціей не было и нѣтъ спора, что всѣ великія державы одинаково желаютъ сохраненія Оттоманской имперіи, ея внутренняго спокойствія и независимости ея правительства, если только поступки послѣдняго будутъ отвѣчать справедливости и собственнымъ ея пользамъ. Въ заключеніе графъ Нессельроде высказалъ надежду, что французское правительство снабдитъ своего посла въ Константинополѣ наставленіями, согласными съ изложенными выше взглядами, и тогда, конечно, не замедлитъ установиться полное согласіе между представителями Россіи и Франціи при дворѣ султана [1]).

Оба кабинета, и русскій, и французскій, спѣшили сообщить англійскому правительству депеши, которыми они обмѣнялись между собою. Лордъ Джонъ Руссель предпочелъ воздержаться отъ выраженія мнѣнія великобританскаго министерства по спорному вопросу. На трактаты, конвенціи, договоры,—замѣтилъ онъ,—обѣ стороны ссылаются съ равною увѣренностью. Но лондонскій кабинетъ находитъ, что французскій посолъ въ Константинополѣ первый посягнулъ на statu quo и пригрозилъ вмѣшательствомъ французскаго флота, Россія же отчасти послѣдовала этому дурному примѣру, помышляя о поддержаніи своихъ требованій силою оружія.

Въ депешѣ къ великобританскому послу въ Парижѣ, временной министръ иностранныхъ дѣлъ королевы Викторіи называлъ крайне прискорбнымъ поведеніе обѣихъ сторонъ. «Мы должны были бы,—писалъ онъ,—глубоко сожалѣть о всякомъ спорѣ, который можетъ повести къ столкновенію между двумя великими европейскими державами; но, если мы подумаемъ, что настоящій споръ касается исключительныхъ преимуществъ въ такой мѣстности, гдѣ Господь Христосъ возвѣстилъ людямъ миръ на землѣ и братскую любовь, то мысль о такомъ зрѣлищѣ становится еще болѣе прискорбною». Лордъ Джонъ Руссель приходилъ къ слѣдующему тройному заключенію: 1) «Правительство ея британскаго

---

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву 27-го января (8-го февраля) 1853 г.

величества не хочетъ входить въ разбирательство спора, возникшаго между Россіею и Франціею; 2) оно порицаетъ всякую угрозу, а тѣмъ болѣе всякое обращеніе къ силѣ; 3) оно объявляетъ обѣимъ сторонамъ, что, если онѣ искренно намѣрены уважать независимость Порты, то должны воздержаться отъ всякихъ мѣръ, что̀ выставили бы въ яркомъ свѣтѣ ея безсиліе». Прежде же всего имъ слѣдуетъ отказаться отъ мысли привести въ движеніе войска и флоты, съ цѣлью сдѣлать изъ Гроба Господня предметъ борьбы между христіанскими державами [1]).

Одновременно англійское правительство дало Портѣ совѣтъ объявить торжественно, что она готова утвердить всякое соглашеніе по вопросу о святыхъ мѣстахъ, которое будетъ согласоваться съ правами султана, въ качествѣ территоріальнаго владѣтеля, и которое французскій и русскій дворы предложатъ ей сообща, какъ представители взаимныхъ притязаній церквей римской и православной [2]).

Въ концѣ января 1853 года императоръ Николай остановился на мысли поручить веденіе предположенныхъ съ Портою переговоровъ чрезвычайному и полномочному послу, который, будучи личнымъ представителемъ государя, явился бы въ глазахъ турокъ авторитетнымъ выразителемъ его воли и твердой рѣшимости получить отъ нихъ удовлетвореніе. Для исполненія этого порученія государственный канцлеръ предложилъ его величеству генералъ-адъютантовъ графа Орлова или графа Киселева. Личный выборъ государя остановился на начальникѣ главнаго морскаго штаба его императорскаго величества, свѣтлѣйшемъ князѣ Меншиковѣ.

Сообщая англійскому послу объ отправленіи князя Меншикова въ Константинополь, графъ Нессельроде замѣтилъ, что онъ призванъ замѣнить во главѣ русскаго посольства управлявшаго имъ повѣреннаго въ дѣлахъ, званіе котораго не придастъ нашему представителю достаточно вѣсу, чтобы стоять на высотѣ требованій настоящаго критическаго положенія дѣлъ. Чрезвычайному послу будетъ поручено веденіе переговоровъ о святыхъ мѣстахъ и о Черногоріи. Онъ, хотя и получилъ военное воспитаніе, но, по словамъ канцлера, одушевленъ миролюбивыми намѣреніями. Что же касается до полученныхъ имъ инструкцій, то онѣ составлены въ примирительномъ духѣ, хотя по необходимости нѣсколько неопредѣленны, такъ какъ съ одной стороны въ точности неизвѣстно, въ какой мѣрѣ впродолженіе минувшаго года нарушены права грековъ, съ другой же—не можетъ быть и рѣчи объ отобраніи у католиковъ уже полученныхъ ими льготъ. Цѣль посольства — получить въ

---

[1]) Лордъ Джонъ Руссель лорду Коулею 16-го (28-го января) 1853 г.

[2]) Лордъ Джонъ Руссель полковнику Розу 16-го (28-го января) 1853 г.

пользу грековъ возмездіе за каждое потерянное ими преимущество [1]).

Тюильрійскій кабинетъ былъ встревоженъ вѣстью объ отправленіи князя Меншикова въ Константинополь, совпадавшею съ отказомъ русскаго двора вступить съ нимъ въ соглашеніе иначе, какъ на основаніи февральскаго фирмана. Онъ принесъ на этотъ отказъ жалобу англійскому министерству, увѣряя, что подобное рѣшеніе унизило бы католическую церковь въ Іерусалимѣ и нанесло бы достоинству Франціи на Востокѣ тяжелый ударъ. Въ депешѣ къ французскому послу въ Лондонѣ, Друэнъ де-Люисъ хвалился тѣмъ, что правительство его на столько умѣренно, что и не помышляетъ о возстановленіи порядка, условленнаго договоромъ 1740 года, вполнѣ понимая, что Россія въ случаѣ надобности дошла бы до крайности, защищая религіозные интересы, столь тѣсно связанные съ интересами политическими. Онъ былъ бы очень удивленъ, если бы, при могущихъ возникнуть вслѣдствіе Меншиковскаго посольства замѣшательствахъ на Востокѣ, иностранные кабинеты не отнеслись безпристрастно къ справедливымъ требованіямъ Франціи и не рѣшили, въ силу ложныхъ предубѣжденій, что на ея сторонѣ истинное право. Право это въ данномъ случаѣ нераздѣльно съ достоинствомъ и независимостью самой Порты, ибо, если бы она была вынуждена подчиниться русскимъ притязаніямъ, то не одна Франція пожалѣла бы о томъ [2]).

Но всѣ доводы французскаго министра иностранныхъ дѣлъ не могли поколебать составившагося у великобританскаго правительства убѣжденія въ неправотѣ тюильрійскаго двора. Извѣщая англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ о предстоящемъ прибытіи въ эту столицу русскаго чрезвычайнаго посла, лордъ Джонъ Руссель приглашаетъ его въ разговорахъ своихъ съ министрами султана, съ княземъ Меншиковымъ и съ маркизомъ Лавалеттомъ, высказываться въ пользу возстановленія порядка введеннаго февральскимъ фирманомъ, щадя при этомъ достоинство Франціи, нѣсколько скомпрометированное поступками ея представителя. Если императоръ Николай потребуетъ удаленія Фуада отъ должности рейсъ-эфенди, то полковникъ Розъ не выскажется ни за, ни противъ. Если русскія войска придвинутся къ предѣламъ Оттоманской имперіи, то онъ тотчасъ же извѣститъ о томъ свой дворъ. Наконецъ, если они, перейдя границу, направятся къ Царьграду, то въ такомъ случаѣ виконтъ Стратфордъ Редклифъ возвратится къ своему посту, снабженный надлежащими наставленіями [3]).

---

[1]) Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ лорду Джону Русселю 24-го и 29-го января (5-го и 10-го февраля) 1853 г.

[2]) Друэнъ де-Люисъ графу Валевскому 9-го (21-го февраля) 1853 г.

[3]) Лордъ Джонъ Руссель полковнику Розу 7-го (19-го февраля) 1853 г.

Не одна Англія обѣщала поддержать князя Меншикова въ исполненіи возложеннаго на него порученія. Кабинеты вѣнскій и берлинскій дали наказы въ томъ же смыслѣ представителямъ своимъ при Портѣ [1]). Но лондонскій кабинетъ пошелъ еще дальше. Благодаря его настояніямъ, императоръ Наполеонъ отозвалъ маркиза Лавалетта изъ Константинополя за двѣ недѣли до прибытія туда нашего чрезвычайнаго посла [2]).

Татищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate. Ч. I стр. 171 и 375, и ч. II, стр. 206.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 117 и 170.

СТИХІЙНЫЯ БѢДСТВІЯ И БОРЬБА СЪ НИМИ ВЪ РОССІИ ВЪ СТАРИНУ[1].

НАЯ борьба человѣка съ природой, побѣда его
ю, составляютъ общеизвѣстный культурно-исто-
і фактъ. Исторія борьбы русскаго народа съ
й является вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіей его куль-
хочу предложить читателямъ краткій, но по
ости систематическій очеркъ физическихъ, или
тихійныхъ, бѣдствій на Руси съ указаніемъ
борьбы, употреблявшихся противъ нихъ вте-
сьми слишкомъ вѣковъ; это будетъ, слѣдова-
страничка изъ исторія русскаго народа и вмѣ-
тѣмъ изъ исторіи русской культуры.
едварительно намъ нужно поставить и разрѣ-
лѣе общій вопросъ, на сколько энергично и
успѣшно боролся русскій народъ съ природою вообще. Мнѣ кажется, что, если будетъ принята во вниманіе чрезмѣрная трудность задачи, зависящая отъ естественныхъ условій русской

---

[1]) Публичная лекція, прочитанная въ Харьковѣ въ пользу голодающихъ; она представляетъ не изслѣдованіе и даже не монографію предмета, а только популярный очеркъ, основанный на важнѣйшихъ источникахъ и пособіяхъ; въ основу его положены труды Лешкова (Русскій народъ и государство, М., 1856) и Рихтера (Исторія медицины въ Россія). Но авторъ пользовался при этомъ лѣтописями (Ип., Лавр., Новгор., Воскр., Ник., Самовидца), нѣкоторыми памятниками литературными, мемуарами, сказаніями иностранцевъ и актами; изъ другихъ пособій отмѣчу: И. Е. Андреевскаго, Полицейское право, т. II, 2-е изд., Спб., 1874 г.; В. О. Ключевскаго, Русскій рубль, XVI—XVIII в.; Рошера, О хлѣбной торговлѣ; Аристова, Пром. древн. Руси; С. М. Соловьева, Ист. Россіи, т. 29-й и нѣкот. др.

территоріи, то отвѣтъ долженъ будетъ получиться утвердительный. Да, боролся довольно энергично и дѣлалъ завоеванія, хотя медленныя и цѣною страшныхъ усилій; медленность же объясняется главнымъ образомъ отсутствіемъ на первыхъ порахъ научныхъ знаній. Борьба эта началась съ перваго момента его исторической жизни на русской равнинѣ и не окончилась еще до сихъ поръ. Она постоянно сопровождала русскую колонизацію, а эта послѣдняя въ разные моменты коснулась всей Руси. Болѣе десяти вѣковъ совершается этотъ тяжелый процессъ, причемъ одно поколѣніе продолжаетъ работу другаго. Чтобы достойно оцѣнить его, нужно внимательно изучить его ходъ и развитіе въ домонгольскій и московскій періоды и въ новое время; нужно вникнуть въ тяжелое положеніе первыхъ піонеровъ. И трудно сказать, кому, какимъ общественнымъ слоямъ, придется отдать пальму первенства: служилымъ ли людямъ, сиротѣ-крестьянству, вольнымъ казакамъ, промышленникамъ, или, наконецъ, монахамъ. Всѣмъ извѣстно культурное значеніе монастырской колонизаціи. Подвиги русскихъ людей, завоевавшихъ и заселившихъ Сибирь, представляются намъ теперь прямо невѣроятными. Даже на южномъ степномъ пограничьѣ, гдѣ климатъ теплый и почва плодородная, первымъ поселенцамъ-малороссіянамъ приходилось преодолѣвать огромныя трудности и терпѣть массу неудобствъ. Рука объ руку съ заселеніемъ Руси шло и распространеніе матеріальной культуры: земледѣлія и всякихъ промысловъ, путей сообщенія и торговли. «Много нужно было бы денегъ,— говоритъ Аристовъ,—если бы сосчитать и уплатить народу за трату того времени и перенесеніе тѣхъ трудовъ, какіе онъ положилъ на борьбу съ дикими звѣрями, на расчистку и обработку земли и культуру болотистой страны, на истребленіе лѣсовъ, выкорчеваніе пней, выборъ удобныхъ переправъ и бродовъ черезъ рѣки, запруду плотинъ, просѣки и расчистку дорогъ, наведеніе мостовъ и улучшеніе путей сообщенія».

Вся исторія русскаго народа есть безпрерывная борьба съ природой, или, если хотите, безпрерывный подвигъ, совершаемый въ интересахъ цивилизаціи.

Такова была борьба въ обычныхъ условіяхъ существованія русскаго человѣка. Но бывали годины особыхъ испытаній судьбы, тяжкихъ стихійныхъ бѣдствій: голода, мора, пожаровъ, наводненій. Мы изложимъ исторію важнѣйшихъ изъ нихъ по періодамъ, начиная съ XI вѣка, и постараемся указать на средства борьбы противъ нихъ, принятыя народомъ и государствомъ. Особенное вниманіе мы обратимъ на древній домонгольскій періодъ, ибо всякое явленіе труднѣе всего изучать въ его генезисѣ. Мы постараемся отмѣтить и слабѣйшія проявленія борьбы въ это время, такъ какъ оцѣнка историческихъ явленій должна дѣлаться примѣнительно къ ихъ эпохѣ, а не по мѣркѣ нашего времени.

Лѣтописи оставили намъ цѣлый рядъ разсказовъ о голодныхъ годахъ въ домонгольскій періодъ. Первое свидѣтельство относится къ 1024 году. Тогдашній голодъ въ Суздальской области сопровождался возмущеніемъ волхвовъ, научавшихъ народъ избивать старухъ за то, что тѣ будто бы прятали хлѣбъ. Въ томъ же XI вѣкѣ произошелъ еще одинъ случай голода въ Ростовской области, гдѣ волхвы также произвели смуту въ народѣ: они избивали женщинъ подъ тѣмъ предлогомъ, что тѣ будто бы прятали хлѣбъ у себя подъ кожей. Тутъ дѣйствовали, очевидно, финскія языческія воззрѣнія, въ связи съ которыми находятся и нѣкоторые современные обычаи мордвы (такъ называемый веленъ-моляпъ—общественное моленіе). Извѣстія о неурожаяхъ XII вѣка относятся почти исключительно къ Новгородской области. Самый сильный неурожай произошелъ въ 1127 году, а въ результатѣ его былъ страшный голодъ: люди ѣли липовый листъ, березовую кору, мохъ и разныхъ нечистыхъ животныхъ (что считалось большимъ грѣхомъ); вездѣ по улицамъ валялись трупы, отъ которыхъ шелъ ужасный смрадъ; родители даромъ отдавали своихъ дѣтей иноземнымъ купцамъ, лишь бы они не умерли съ голода; много народа погибло, много разошлось, «и тако,—заключаетъ лѣтописецъ,—погыбе земля наша!»

Въ XIII вѣкѣ были также страшные голодные годы въ Новгородскомъ княжествѣ: въ 1215 году ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ, и отдавали даромъ своихъ дѣтей; для умершихъ вырыли общую могилу, но трупы, всетаки, валялись на торгу, по улицамъ и по полямъ; ихъ было такъ много, что и собаки не могли поѣдать всѣхъ; вожане частью вымерли, а частью разбрелись. Еще болѣе ужасенъ былъ голодъ 1230 года, краснорѣчиво описанный новгородскимъ лѣтописцемъ, бывшимъ свидѣтелемъ его. Голодъ 1230 года, по извѣстію лѣтописца, вѣроятно, нѣсколько преувеличенному, былъ во всѣхъ русскихъ областяхъ, исключая одной Кіевской. Большая часть жителей Новгорода и всей волости его разбрелись въ другіе города и области; питались снова мхомъ, сосновой и липовой корой и ильмовымъ листомъ; но были и такіе, которые пожирали падаль: конину, псину, кошекъ, и даже человѣческіе трупы; наконецъ, нашлись и такіе, которые рѣзали живыхъ людей и питались человѣческимъ мясомъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что уличенныхъ въ этомъ жестоко казнили—жгли на огнѣ, отсѣкали головы, вѣшали. Люди, очевидно, обращались въ звѣрей; лѣтописецъ говоритъ, что это страшное бѣдствіе не только не смягчило, но еще болѣе ожесточило человѣческія сердца: отецъ не имѣлъ состраданія къ сыну, мать къ дочери, сосѣдъ не давалъ хлѣба сосѣду; вездѣ была тоска и печаль; некуда было уйдти отъ нея: была она на улицѣ, была и дома, гдѣ дѣти съ плачемъ просили хлѣба или прямо умирали отъ недостатка его. Устроено было три обще-

ственныхъ скудельницы: въ первую набросали 3,030 труповъ, во вторую—3,500, а въ третью «безъ числа».

Не останавливаемся на другихъ случаяхъ неурожая и голода въ древней Руси, замѣтимъ только, что, по разсчету Лешкова, ихъ было по лѣтописямъ 15—16 (въ XI вѣкѣ—4, въ XII вѣкѣ—8, въ первой половинѣ XIII вѣка—4). Конечно, эти цифры не даютъ намъ полнаго представленія о неурожаяхъ на всей территоріи Русской земли; лѣтопись дала свѣдѣнія только о важнѣйшихъ бѣдствіяхъ. Лешковъ полагаетъ, что голодные годы посѣщали равномѣрно всѣ области древней Руси, потому что естественныя и историческія условія ихъ были одинаковы. Но съ этимъ едва ли можно согласиться; эти условія на самомъ дѣлѣ были различныя, потому-то и неурожаи посѣщали разныя области неравномѣрно: въ наилучшемъ положеніи должна была находиться юго-западная Русь; въ наихудшемъ—Новгородская область, питавшаяся главнымъ образомъ привознымъ хлѣбомъ; но общихъ повсемѣстныхъ неурожаевъ дѣйствительно допустить невозможно.

Причинами дороговизны и голода бывали главнымъ образомъ неурожаи, а неурожаи вызывались преимущественно физическими явленіями: то засухой, то излишней влагой, то ранними морозами. (Неурожаи 1092 и 1161 гг. произошли отъ засухи; въ 1092 г. она была столь велика, что лѣса загорались сами собой; въ 1161 г. засуха прямо смѣнилась морозами, зима же стояла теплая и дождливая; голода въ 1215, 1127 и 1230 гг. вызваны были осеннимъ морозомъ, убившимъ озимый хлѣбъ, въ 1145 году—дождями, лившими все время до зимы). Кромѣ климатическихъ вліяній, сокращали урожай вредныя насѣкомыя: впервые отмѣчено лѣтописью вредное вліяніе саранчи (лѣтопись называетъ ее «пруси») подъ 1409 годомъ, когда она поѣла на югѣ всю траву и много жита. Въ Новгородской области вызывало дороговизну и голодъ запрещеніе подвоза хлѣбныхъ припасовъ: такъ было, напримѣръ, въ 1215 году, когда задержана была рожь на Торжкѣ. Общую картину голодныхъ годовъ даютъ уже тѣ лѣтописныя данныя, которыя мы приводили выше (моръ людей, выходъ ихъ въ другія области, возстанія и т. п.); кромѣ того, о размѣрахъ бѣдствія свидѣтельствуютъ еще хлѣбныя цѣны, которыя находимъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ. Къ сожалѣнію, это такого рода источникъ, который еще нужно дешифрировать, умѣть прочитать и объяснить. Древняя Русь имѣла свою монетную систему; значитъ, нужно опредѣлить ея отношеніе къ нынѣшней, но этого недостаточно: останется еще самое трудное—опредѣлить сравнительную цѣну самаго металла въ прежнее время и теперь. Работу эту и пытался сдѣлать Лешковъ; но его соображенія не представляются намъ убѣдительными. Остается одно: указать на предѣлы колебанія цѣнъ. Эти предѣлы были очень значительны. Изъ одного мѣста лѣтописи видно, что въ 1228 г. цѣна въ

$^{3}/_{7}$ гривны кунъ за четверть считалась очень дорогою; а между тѣмъ во время недородовъ она доходила до 2 и $2^{1}/_{2}$ гривенъ; во время же самаго страшнаго голода 1230 года четверть ржи на рынкѣ покупалась по 5 гривенъ, а во дворахъ по $6^{1}/_{4}$, четверть пшеницы—по 10 гривенъ, четверть пшена—по $12^{1}/_{2}$ гривенъ, т. е. цѣна хлѣба увеличилась въ 7—8 разъ даже сравнительно съ дороговизной 1228 года; на самомъ же дѣлѣ процентное отношеніе было еще выше. Лешковъ считаетъ цѣны 1230 г. невѣроятными; мы же не находимъ въ нихъ ничего невозможнаго. Во время голода 1601 года онѣ увеличились несравненно больше, именно въ 80—120 разъ. Уровень цѣнъ и въ болѣе позднее время въ московской Руси былъ очень шатокъ; нашъ рынокъ, по выраженію В. О. Ключевскаго, «былъ удивительно пугливъ; малѣйшее затрудненіе вызывало на немъ панику». Да и вообще извѣстно, что хлѣбныя цѣны, выражаясь словами Рошера, «могутъ повышаться гораздо выше и упадать гораздо ниже, чѣмъ цѣны другихъ менѣе необходимыхъ предметовъ». Въ 1590 году, во время осады Парижа Генрихомъ IV, цѣна на хлѣбъ была тамъ въ 50 разъ выше обыкновенной. Незначительный недородъ сильно повышалъ цѣны въ Англіи въ XVIII вѣкѣ: цѣны возвышались на 100—200%, когда урожай бывалъ отъ $^{1}/_{6}$ до $^{1}/_{3}$ ниже обыкновеннаго и притомъ пополнялся еще привознымъ хлѣбомъ.

Одинъ старый англійскій экономистъ (Грегоръ Кингъ) пытался даже вычислить, въ какомъ отношеніи находится количество урожая къ цѣнѣ хлѣба; при 50% обычнаго урожая цѣна возростаетъ, по его мнѣнію, на 450%; конечно, его вычисленія и проблематичны, и не универсальны; но общая тенденція отмѣчена имъ вѣрно; Тукъ полагалъ, что въ Англіи недостатокъ $^{1}/_{3}$ урожая безъ привоза и запасовъ могъ возвысить цѣну хлѣба въ 6 и 20 разъ. И это понятно: размѣры и быстрота производства всякаго другаго товара могутъ быть увеличены по желанію человѣка; тутъ же они зависятъ отъ природы и никакое человѣческое искусство не въ состояніи, напримѣръ, сократить промежутокъ времени, который долженъ пройти между посѣвомъ и жатвой. Въ древней Руси были еще особыя мѣстныя причины, сильно возвышавшія хлѣбныя цѣны и вызывавшія рѣзкія колебанія: ея географическое положеніе, климатическія условія и крайне неудовлетворительные пути сообщенія. Единственнымъ средствомъ противъ дороговизны былъ подвозъ. Новгородъ постоянно пользовался привознымъ хлѣбомъ; во время голода жители, какъ мы видѣли, уходили туда, гдѣ былъ урожай. Первый голодъ 1024 г. прекратился только потому, что всѣ люди, по выраженію лѣтописца (т. е. не одни хлѣбные торговцы, но и простые обыватели), спустились по Волгѣ въ землю камскихъ болгаръ и привезли оттуда жита. Самый страшный голодъ 1230 г. прекратился только тогда, когда въ 1231 г.

«прибѣгоша нѣмцы изъ заморія съ житомъ и съ мукою и створиша много добра, а уже бяше при конци городъ сій». Но и внутренняя и внѣшняя хлѣбная торговля совершались съ большими препятствіями; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть въ извѣстномъ трудѣ Аристова страницы, посвященныя «задержкамъ и препятствіямъ промышленности въ древней Руси». Вѣ время получить хлѣбъ было трудно и изъ сосѣднихъ областей, и изъ-за границы. «Села, деревни и починки,—говоритъ Аристовъ,—разсѣяны были по лѣсамъ и стояли далеко одни отъ другихъ: поселяне жили отдѣльно другъ отъ друга и рѣдко имѣли сношенія между собою; промышленныхъ связей и интересовъ было мало. Оттого въ мѣстностяхъ производительныхъ накоплялось много хлѣба отъ недостатка потребителей и неудобствъ сбыта, а въ то же время въ другихъ областяхъ безъ подвоза хлѣба люди умирали съ голоду». Въ то время не только селяне, но и горожане сѣяли хлѣбъ для собственнаго потребленія. Запасы могли скопляться у очень немногихъ, главнымъ образомъ у князей и монастырей. Чрезвычайно богатые запасы были, напримѣръ, у черниговo-сѣверскихъ князей; и это понятно: значительную часть даней съ населенія князья взимали натурою; поэтому-то они были, такъ сказать, первыми купцами на Руси. Въ 1279 г. былъ голодъ въ Руси, Польшѣ, Литвѣ и Ятвяжской землѣ. Ятвяги отправили пословъ къ волынскому князю Владиміру Васильковичу и просили объ отпускѣ имъ хлѣба для обмѣна на воскъ, мѣха или серебро. Тотъ отправилъ имъ изъ города Берестья жита въ лодкахъ по рѣкѣ Бугу съ довѣренными людьми; но на рѣкѣ Наровѣ, въ Литовской землѣ, они были перебиты. Какова была роль князей въ дѣлѣ устраненія голода, мы не знаемъ. Но извѣстно, что правительственная власть считала своею обязанностью принимать мѣры противъ политическихъ слѣдствій голода: первое возстаніе, поднятое волхвами во время голода 1024 г., было подавлено княземъ Ярославомъ, а второе—воеводою Яномъ Вышатичемъ. Монастыри также могли собирать большое количествое съѣстныхъ припасовъ и, повидимому, подчасъ раздавали ихъ народу. По крайней мѣрѣ, въ Патерикѣ Печерскомъ мы имѣемъ извѣстіе о раздачѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ хлѣба и соли: то дѣлалъ блаженный Прохоръ, превращавшій, по извѣстію Патерика, чудеснымъ образомъ лебеду въ муку и золу въ соль. Изъ житія Прохора оказываетея, что соль привозилась въ Кіевъ изъ Галицкой области; Святополкъ не пустилъ купцовъ изъ Перемышля, и настала страшная дороговизна. Прохоръ сталъ раздавать свою соль даромъ, и цѣна на нее упала въ 5 разъ; скупщина обратилась съ жалобою къ Святополку: тотъ хотѣлъ было взять продажу въ свои руки, но въ виду чуда отказался отъ своей мысли. Тотъ же Прохоръ во время голода раздавалъ народу приготовляемый имъ изъ лебеды хлѣбъ. Итакъ, въ домонгольскій

періодъ самъ народъ долженъ былъ принимать мѣры къ своему прокормленію; и онъ, дѣйствительно, то покупалъ хлѣбъ на мѣстѣ, то уходилъ искать его на сторонѣ; княжеская власть только употребляла мѣры къ устраненію вредныхъ политическихъ слѣдствій голода. Монастыри принимали на себя инниціативу въ дѣлахъ благотворительности, чего требовала отъ нихъ христіанская мораль. Конечно, всего этого было недостаточно, но нельзя, всетаки, игнорировать и этихъ слабыхъ попытокъ, потому что всегда первыя попытки бываютъ слабыя. Голодные годы теперь сопровождаются усиленною смертностью. Въ старину эта смертность была несравненно значительнѣе. Мы видѣли, какая масса народа умирала во время голодныхъ годовъ дотатарскаго періода. Но бывали и такіе случаи, когда болѣзнь получала самостоятельный характеръ и развитіе. Такъ было, повидимому, въ 1092 году, когда умерло въ Кіевѣ съ Филипова дня (14 ноября) до масляной недѣли, т. е. втеченіе какихъ нибудь трехъ мѣсяцевъ, 7,000 человѣкъ. Въ 1230 г., во время свирѣпствовавшаго въ Новгородѣ голода, въ Смоленскѣ былъ ужасный моръ, отъ котораго умерло масса народа; въ однѣхъ общественныхъ скудельницахъ было похоронено 32,000 человѣкъ. Въ годъ монгольскаго нашествія (1237 г.) былъ страшный моръ въ Псковѣ и Изборскѣ; умирали старики и старухи, взрослые и дѣти; при всѣхъ церквяхъ вырыты были могилы, куда бросали по 7—8 труповъ. О какихъ либо прямыхъ мѣрахъ противъ болѣзни мы ничего не знаемъ, если не считать устройства скудельницъ и вывоза труповъ за городъ; эта послѣдняя мѣра имѣла санитарное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ и до XVI вѣка были извѣстныя лѣчебныя средства и даже врачи: о нихъ упоминается и въ «Русской Правдѣ», и въ «Церковномъ уставѣ Владиміра Святаго», и въ «Печерскомъ Патерикѣ»; но едва ли они могли оказать существенную помощь противъ эпидемическихъ болѣзней, относительно которыхъ былъ безсиленъ и Западъ. Почти также обстояло дѣло съ пожарами и другими стихійными бѣдствіями, стоившими нерѣдко человѣческихъ жертвъ. Древняя Русь, можно сказать, вся была деревянная; не только частныя, но и общественныя постройки дѣлались изъ дерева: не даромъ существовало выраженіе «срубить городъ»; были, правда, исключенія, но весьма немногочисленныя, и они отмѣчены, какъ таковыя, въ лѣтописяхъ; таковъ, напримѣръ, разсказъ Ипатіевской лѣтописи о постройкѣ Милонѣгомъ каменной стѣны въ Выдубецкомъ монастырѣ. Неудивительно, что пожары были очень частые и опустошительные. Выгорали цѣлыя части города, а не только улицы. Жители въ страхѣ перебирались изъ своихъ жилищъ на поля; горѣли и частныя, и общественныя зданія. Въ 1211 году въ Новгородѣ сгорѣло 4,300 дворовъ и 15 храмовъ; обыватели прятали отъ огня свои драгоцѣнности въ каменные храмы, но и тамъ онѣ погибали отъ губительной стихіи:

такъ было въ Новгородѣ въ 1217 г., когда въ Варяжской божницѣ сгорѣло безчисленное множество товаровъ. Въ одномъ Новгородѣ Лешковъ насчитываетъ до половины XIII вѣка 14 пожаровъ; втеченіе 1194 г. Новгородъ горѣлъ нѣсколько разъ; были пожары въ Ладогѣ и Русѣ. Конечно, народъ по мѣрѣ силъ своихъ боролся противъ пожаровъ, разметывалъ горящія зданія, спасалъ свое имущество и т. п., но стихія была сильнѣе его и свое разрушительное дѣло доводила до конца; о полицейскихъ мѣрахъ въ это время мы не знаемъ ничего.

Отъ воды Русь страдала меньше, чѣмъ отъ огня. Въ лѣтописяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія о разлитіи Днѣпра и Волхова, когда уничтожалось имущество и гибли люди. Есть данныя и о землетрясеніяхъ; одно изъ нихъ (1230 г.), очень подробно описанное въ Лаврентьевской лѣтописи, было во Владимірѣ, Кіевѣ, Переяславлѣ и во всей землѣ Русской, какъ объ этомъ сообщали лѣтописцу очевидцы.

Древнерусское языческое вѣрованіе обоготворяло, какъ извѣстно, природу и ея силы. Финскія религіозныя воззрѣнія выдвинули вѣдовство и вѣдуновъ, которые находились въ сношеніяхъ съ богами и могли узнавать черезъ нихъ какъ о явленіяхъ природы, такъ и о судьбѣ человѣка. Вновь принятое христіанство должно было, конечно, вступить въ борьбу съ этими вѣрованіями и выдвинуть мысль о единомъ Всемогущемъ Богѣ, который посылаетъ и голодъ, и моръ, и наводненіе. Такія мысли мы находимъ и въ лѣтописяхъ, и въ памятникахъ, чисто литературныхъ. Лѣтопись часто говоритъ о знаменіяхъ. Въ поученіи о казняхъ Божіихъ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго мы читаемъ: «если какая либо страна согрѣшила, то ее Богъ казнитъ смертью или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, или другими какими либо казнями»; при этомъ Ѳеодосій ссылается на пророка, говорившаго: «я понялъ, что вы, жестокіе, съ каменнымъ сердцемъ, лѣнитесь исполнять мою волю; поэтому и удержалъ дождь; одну область я оросилъ, другую нѣтъ, и засохла земля вашихъ нивъ; и поразилъ васъ различными казнями; но и тогда вы не обратились ко мнѣ».

Такія же мысли выражаетъ и блаженный Серапіонъ въ своемъ Словѣ о маловѣріи. Указывая на вѣру въ волхвовъ, онъ прибавляетъ: «гдѣ это сказано въ писаніи, что человѣкъ можетъ владѣть обильемъ или скудостью, послать дождь и теплоту. О, неразумные! все дѣлаетъ Богъ, что хочетъ, бѣды и голодъ посылаетъ за грѣхи наши, наказуя насъ и приводя къ покаянію». Далѣе проповѣдникъ указываетъ на голодъ, рати и другія современныя ему бѣдствія, и обличаетъ тѣхъ, кто хотѣлъ объяснить изъ своего разума причины неурожаевъ. Этотъ взглядъ проникъ и въ свѣтское общество. Ярославъ, усмиряя возстаніе волхвовъ, говорилъ: «Богъ посылаетъ за грѣхъ на всякую землю голодъ или моръ, или засуху, или иную

казнь, а человѣкъ ничего не знаетъ». Янъ Вышатичъ вступилъ съ волхвами въ настоящее словесное состязаніе и высказывалъ такія же мысли, какъ и Ярославъ. Объяснять научнымъ образомъ явленія природы тогдашнее общество не могло, и потому многія объясненія позаимствованы даже изъ апокрифическихъ сказаній; на этой почвѣ создавались и легенды, въ родѣ, напримѣръ, проникнутаго поэзіей пророчества св. Варлаама «о снѣгѣ и мразѣ». Онъ предсказалъ новгородскому архіепископу, что на первой недѣлѣ Петрова поста (т. е. въ іюнѣ) выпадетъ снѣгъ и будетъ морозъ, но они не только не принесутъ вреда, а, наоборотъ, спасутъ урожай. И дѣйствительно: выпалъ глубокій снѣгъ, который на другой же день растаялъ и съигралъ роль дождя, а морозъ уничтожилъ въ корняхъ ржанаго колоса всѣхъ червей; рожь тогда цвѣла, но цвѣтъ ея не пострадалъ. Подобные разсказы, при глубокой вѣрѣ въ нихъ, могли ободрять хлѣбопашца даже въ самыя трудныя времена.

Переходимъ теперь къ послѣдующему періоду, XIV—XVII вѣкамъ. И въ это время одни недороды вызывали простую дороговизну, другіе же—настоящій голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями. Въ иныхъ случаяхъ дороговизна и голодъ ограничивались одною какою либо областью (мы имѣемъ извѣстія о дороговизнѣ и голодѣ въ Новгородѣ, Псковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ), въ другихъ—они захватывали гораздо болѣе значительный раіонъ (лѣтописи говорятъ даже о всей Руси); такихъ бѣдствій до XVII вѣка было три, и они сопровождались значительною смертностью. Всѣхъ голодныхъ годовъ въ XIV, XV и XVI вѣкахъ Лешковъ насчитываетъ 23 (7, 8 и 8). Слѣдуетъ отмѣтить новыя черты ихъ въ это время: нѣкоторые изъ нихъ сопровождаются безпорядками, которые нужно было подавлять суровыми мѣрами; дороговизна затягивается на нѣсколько лѣтъ (на три и даже десять лѣтъ); къ извѣстнымъ уже намъ причинамъ неурожаевъ (засуха, дожди, морозъ, саранча) присоединяется еще одна—мыши, съѣвшія въ 1309 г. весь хлѣбъ. Иногда не родился яровой, иногда озимый хлѣбъ.

Начало XVII вѣка ознаменовано самымъ страшнымъ голодомъ 1601—1604 гг. Русскіе и иностранные источники: лѣтописи, Авраамій Палицынъ, Конрадъ Буссовъ, Маржеретъ, Петрей, Масса и др., единогласно рисуютъ намъ ужасныя картины этого народнаго бѣдствія. Причину неурожая 1601 г. «Лѣтопись о многихъ мятежахъ» объясняетъ такъ: во время роста хлѣбовъ вездѣ шли сильные дожди; хлѣбъ наливался, но не зрѣлъ, а стоялъ все время зеленый, какъ трава; 15-го августа былъ сильный морозъ, побившій всю рожь и овесъ. Втеченіе зимы населеніе кое-какъ перебивалось въ надеждѣ на новый урожай; но весь посѣянный хлѣбъ погибъ въ землѣ, и произошелъ настоящій голодъ; то же подтверждаетъ и Авраамій Палицынъ. Нельзя безъ содроганія читать описанія голода, сдѣ-

ланнаго очевидцами. Голландецъ Масса говоритъ, что подобнаго голода не приходилось описывать ни одному историку. «Крестьяне, не взирая на постъ, истребили весь скотъ и стали ѣсть нечистыхъ животныхъ; матери пожирали своихъ дѣтей. На всѣхъ дорогахъ лежали люди, умершіе отъ голода, и ихъ трупы были пожираемы волками, лисицами, собаками и другими животными». Вымирали отъ голода цѣлыя деревни. Въ самой Москвѣ было не лучше. Везти хлѣбъ на рынокъ нужно было тайкомъ, «въ противномъ случаѣ его могли отнять. На улицѣ не смѣли подавать кому нибудь милостыню, ибо толпа, собиравшаяся при этомъ, могла задавить подателя». Иные питались сѣномъ; «утромъ можно было встрѣтить за городомъ людей, лежавшихъ близь кучекъ навоза; трупы нѣкоторыхъ были полусъѣдены... умершихъ и даже живыхъ, но находившихся въ безчувственномъ состояніи, подбирали и хоронили въ ямахъ». Конрадъ Буссовъ говоритъ, что этотъ голодъ былъ страшнѣе еврейскаго, описаннаго Іосифомъ Флавіемъ: «Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимою ѣли сѣно. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти—своихъ родителей, хозяева—гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье въ пирожкахъ». Не приводимъ другихъ еще болѣе ужасныхъ подробностей. Маржеретъ разсказываетъ, какъ его сосѣдки, четыре женщины, заманили къ себѣ мужика, продававшаго дрова, и умертвили, чтобы съѣсть; на слѣдствіи выяснилось, что это была третья жертва. Если даже мы признаемъ эти разсказы нѣсколько преувеличенными, то и тогда, всетаки, голодъ 1601—1604 гг. будетъ явленіемъ совершенно исключительнымъ. Голодъ этотъ продолжался три года. Въ одной Москвѣ погибло, по словамъ К. Буссова, болѣе 500,000 человѣкъ. Мы думаемъ, что эта цифра выражаетъ смертность отъ голода и мора во всемъ государствѣ. Маржеретъ говоритъ, что на царскій счетъ въ Москвѣ похоронено было 120,000 человѣкъ. По сказанію Авраамія Палицына, насчитано было за два года и четыре мѣсяца 127,000 человѣкъ, погребенныхъ въ общественныхъ скудельницахъ, кромѣ тѣхъ, кои похоронены были при 400 московскихъ церквяхъ и съѣдены звѣрями и птицами. Принявъ во вниманіе незначительное число жителей въ Московскомъ государствѣ, нужно будетъ сознаться, что потеря населенія представляетъ огромную цифру. Цѣны на хлѣбъ въ это время поднялись въ 80—120 разъ противъ обычныхъ (съ 5 денегъ до 2—3 рублей). Какія же мѣры принимало тогдашнее правительство противъ этого страшнаго несчастія? Размѣры бѣдствія были очень велики, и потому, естественно, были пущены въ ходъ всѣ средства. Познакомившись съ ними, мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнаемъ, какіе успѣхи сдѣлало въ этомъ отношеніи

Русское государство сравнительно съ предъидущимъ періодомъ. Мѣры были разнообразныя, рѣшительныя, хотя и не всегда раціональныя; о нихъ намъ сообщаютъ тѣ же самые русскіе и иностранные источники.

Борисъ Годуновъ, по словамъ Масса, велѣлъ раздавать изъ собственной казны милостыню неимущимъ. Ежедневно, по извѣстію К. Буссова, раздавалось около 50,000 денежекъ. Но это не уменьшило, а увеличило зло; большія суммы отправлялъ Борисъ и въ другіе города, какъ это видно изъ хроники Маржерета.

Слухи объ этой милостынѣ распространились по окрестностямъ, и оттуда стали стекаться въ Москву крестьяне иногда за 150 миль, бросая свои нивы необработанными; они, конечно, дѣлались первыми жертвами голода и умирали, какъ мухи. Къ этому присоединились злоупотребленія: лица, завѣдывавшія раздачей, приводили своихъ родственниковъ, одѣвая ихъ въ худыя одежды, а настоящихъ бѣдняковъ прогоняли дубинами; больные и изувѣченные умирали, какъ скотъ на улицахъ. Число преступленій (разбоевъ, грабежей и т. п.) въ это время сильно возросло. Другою мѣрою была такса на печеный хлѣбъ (по вѣсу); но польза этой мѣры парализовалась злоупотребленіями пекарей, которые для увеличенія тяжести пекли его такъ, что въ немъ было наполовину воды. Весьма разумно поступилъ Годуновъ, затѣявъ каменныя постройки, чтобъ дать заработокъ нуждающимся. Но самыми важными мѣрами были распоряженія относительно подвоза хлѣбныхъ запасовъ. Московская Русь не отпускала излишка своего хлѣба за границу; поэтому въ урожайные годы скоплялось много немолоченнаго хлѣба въ скирдахъ и зерна въ ямахъ. Такимъ образомъ, и во время голодныхъ 1601—1604 гг. Русь могла бы прокормиться старыми запасами, которыхъ было много и у государства, и у частыхъ лицъ. Конрадъ Буссовъ говоритъ: «Борисъ велѣлъ освидѣтельствовать свои владѣнія—нашлись на поляхъ огромные скирды, длиною въ 1000 саженъ, болѣе полувѣка неприкосновенные и уже поросшіе деревьями (явное преувеличеніе!). Царь приказалъ немедленно молотить ихъ и везти хлѣбъ въ Москву и въ другіе города. Вездѣ отворены были царскіе хлѣбные магазины, и нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ же вдовамъ и сиротамъ, особливо нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно». Это извѣстіе подтверждается тѣмъ, что московское правительство XVI—XVII вѣковъ вездѣ имѣло «государевы пашни» и было, слѣдовательно, самымъ крупнымъ сельскимъ хозяиномъ въ государствѣ. «Князья и бояре, исполняя царскую волю, сжалились надъ всеобщею нуждою и дешевле обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы». Но, къ сожалѣнію, и здѣсь появились злоупотребленія: «богатые московскіе барышники, скупивъ за малыя деньги черезъ

бѣдныхъ людей нѣсколько тысячъ бочекъ муки изъ царскихъ и княжескихъ магазиновъ, продавали ее гораздо дороже». Къ сожалѣнію, Борисъ, говоритъ Масса, не сдѣлалъ распоряженія, чтобы запасы частныхъ лицъ также пускались въ продажу, не смотря на то, что царь могъ приказать все, что́ хотѣлъ. «И вотъ во многихъ монастыряхъ,—говоритъ Масса,—и у многихъ знатныхъ богатыхъ людей амбары были полны хлѣба, часть котораго отъ продолжительнаго времени уже сгнила, а они не хотѣли продавать его. Многіе богатые крестьяне, зарывъ въ ямы значительные запасы хлѣба, не осмѣливались его продавать». Факты послѣдующаго смутнаго времени оправдали эти извѣстія. Тогда и на поляхъ, и на дворахъ, по извѣстію Авраамія Палицына, отыскались старые запасы, которыми кормились во время смуты.

Таковы были средства борьбы противъ голода со стороны Бориса Годунова. Они несомнѣнно доказываютъ, что царь желалъ помочь народной бѣдѣ, но современники не вѣрили въ его искренность, и были правы. Недовѣріе и нерасположеніе къ Борису ослабляли значеніе даже дѣйствительныхъ его мѣръ и нашли себѣ яркое выраженіе въ тогдашнихъ литературныхъ памятникахъ, но еще болѣе это должно было проявляться въ устной народной молвѣ. Порожденіемъ этой послѣдней мы считаемъ невѣроятное извѣстіе К. Буссова, будто Борисъ Годуновъ запретилъ русскимъ, подъ угрозою смертной казни, покупать хлѣбъ, привезеный въ Нарву нѣмцами, потому де, «что для него было бы стыдно, если бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный»; мотивъ странный вообще и еще менѣе вѣроятный для Годунова, который любилъ иностранцевъ. Такую же участь и по тѣмъ же причинамъ испыталъ въ своихъ мѣропріятіяхъ противъ московскаго голода царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Торговцы, скупивъ вездѣ хлѣбъ, стали страшно повышать его цѣну на московскомъ рынкѣ; цѣна ржи дошла до 7 руб. за четверть, т. е. въ 280 разъ превысила минимальную. Царь Василій Шуйскій то издавалъ противъ такихъ спекулянтовъ строгія постановленія, то призывалъ и усовѣщевалъ ихъ вмѣстѣ съ патріархомъ; но они лицемѣрно заявляли, что запасовъ у нихъ нѣтъ, а затѣмъ, выйдя оттуда, обвиняли въ голодѣ самого царя, говоря: «сій убо гладъ и мечъ царева ради несчастія». Только одна мѣра оказалась, какъ этого и должно было ожидать, дѣйствительной—это вывозъ на рынокъ хлѣбныхъ запасовъ Троицко-Сергіевской лавры и продажа ихъ по 2 р. за четверть. Такимъ образомъ, и Московская лавра, подобно Кіевской, пришла на помощь народной бѣдѣ, не смотря на то, что сама въ это время испытывала ужасъ польской осады и сопряженныхъ съ ней оскудѣнія и болѣзней. Съ половины XVII вѣка вопросъ о народномъ продовольствіи пріобрѣтаетъ государственный характеръ: вмѣсто прежнихъ случайныхъ распоряженій, изданныхъ ad hoc, мы ви-

димъ постоянныя прочныя мѣры, введенныя даже въ законодательство. Въ Уложеніи мы находимъ постановленіе о прокормленіи помѣщиками своихъ холопей въ голодное время, и если они этого не дѣлали, то послѣдніе получали свободу. Нѣсколько позже было издано распоряженіе, пытавшееся регулировать цѣны въ случаѣ чрезмѣрнаго поднятія ихъ; въ такомъ случаѣ и духовенство, и дворянство, и всякихъ чиновъ люди должны были обязательно вывозить свои запасы на рынокъ; правительственные же агенты— продавать бѣднымъ по указанной цѣнѣ или даже давать въ долгъ за поруками. Въ 1660 году правительство прибѣгло даже къ созыву свѣдущихъ людей; собранные гости и торговые люди дали цѣлый рядъ отвѣтовъ на поставленные царемъ вопросы, почему въ Москвѣ и другихъ городахъ вздорожалъ хлѣбъ и что нужно сдѣлать для того, чтобы онъ подешевѣлъ. Изъ этихъ отвѣтовъ, между прочимъ, выяснилась важная роль въ дѣлѣ дороговизны скупщиковъ-кулаковъ, противъ которыхъ и потомъ принимались ограничительныя мѣры. Такова была дѣятельность высшаго правительства. Съ своей стороны глава церковнаго управленія, патріархъ, узаконялъ на случай голода духовно-нравственныя мѣры: общественные посты, молитвы и т. п., которыя также распространялись на все государство и имѣли особенно важное значеніе для поднятія духа христіанской благотворительности.

Нѣкоторую систему мѣропріятій выработало государство и противъ другаго бича Божія—эпидемическихъ болѣзней. Эти послѣднія съ ужасающимъ постоянствомъ посѣщали Русь въ XIV—XVII столѣтіяхъ, но съ особенною силою свирѣпствовали въ XIV—XV вѣкахъ. Къ XIV вѣку относится первое появленіе знаменитой чумной эпидеміи, извѣстной подъ именемъ черной смерти. Она опустошала почти весь старый свѣтъ, а въ особенности Европу. На Руси свирѣпствовала въ 1350—1352 гг. Борьба съ ней была почти невозможна. Въ Европѣ она, повидимому, свирѣпствовала даже съ большей силой, чѣмъ въ Россіи. Во Флоренціи въ нѣсколько мѣсяцевъ погибло отъ нея 100,000 человѣкъ, столько же умерло въ Венеціи; островъ Кипръ вымеръ совершенно; въ Германіи за 2 года умерло 1.244,000 душъ; во Франціи $^{3}/_{4}$ всего населенія; ужасныя опустошенія она причинила и въ Испаніи, Англіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи. Извѣстно, какое трогательное описаніе ея оставилъ намъ Петрарка (въ одномъ изъ своихъ писемъ «De rebus familiaribus»). Изъ Западной же Европы чума проникла и въ Россію. Въ Никоновской лѣтописи мы находимъ описаніе ея симптомовъ; начиналась она кровохарканіемъ, а на второй или третій день заболѣвшій непремѣнно умиралъ; позже болѣзнь выражалась другими признаками (припуханіемъ железъ и прыщомъ). Множество народа умерло въ Псковѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ, Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Подъ вліяніемъ тяжелаго испыта-

нія многіе обратились къ покаянію, стали раздавать свое имущество въ монастыри, церкви и на бѣдныхъ. Тѣ, которые ухаживали за больными, заражались сами, и потому многіе оказывались непогребенными. Но за то нашлись и такіе, которые въ эту тяжелую годину обнаружили нравственную доблесть и самоотверженіе, всецѣло посвящая себя уходу за больными и погребенію мертвыхъ. Жертвою своего пастырскаго долга сдѣлался, между прочимъ, и новгородскій архіепископъ Василій, отправившійся для благословенія народа во Псковъ и заразившійся чумою. Моровое повѣтріе часто и потомъ посѣщало московскую Русь и производило огромныя опустошенія. Въ Смоленскѣ, напримѣръ, въ 1386 году изъ всего населенія уцѣлѣло только 5—10 человѣкъ, которые ушли изъ города и затворили за собою ворота. Въ XV вѣкѣ были также страшныя моровыя повѣтрія, отъ которыхъ умирали многія тысячи народа; въ результатѣ одного изъ нихъ былъ сильный голодъ: некому было собирать на поляхъ созрѣвшій хлѣбъ. Въ XVI—XVII вѣкахъ чума продолжала насъ посѣщать, но не такъ часто, какъ прежде; сильнѣе другихъ была моровая язва въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича (въ 1654—1656 гг.). Но теперь уже нѣсколько ознакомились со страшной гостьей и принимали противъ нея энергическія мѣры. Въ XVI вѣкѣ стали устроивать заставы, запечатывать зараженные дома, прокармливать заключенныхъ и больныхъ на общественный счетъ и т. п. Начиная съ XVI вѣка, въ Россію стало пріѣзжать много иноземныхъ врачей. Въ XVII вѣкѣ явилась уже необходимость создать центральное медицинское учрежденіе, такъ называемый аптекарскій приказъ Но особенную энергію въ созданіи мѣръ противъ распространенія заразы выказало правительство Алексѣя Михайловича по случаю чумы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Учреждены были самые строгіе карантины, прервавшіе сообщеніе съ Москвою другихъ городовъ; запрещено было всякое сношеніе съ зачумленными; было издано нѣсколько указовъ предупредительнаго характера, на случай появленія заразы въ другихъ мѣстахъ; «заморныя» мѣста нужно было засѣкать лѣсомъ и ставить тамъ крѣпкія заставы; послы и гонцы должны были передавать отписки чрезъ огонь, причемъ подлинники сожигались, а отправлялись переписанныя на заставѣ копіи. Платье больныхъ сожигалось, дома окуривались можжевельникомъ и полынью и вымораживались; наконецъ, нѣсколько позже, по случаю мора въ Англіи, принята была чрезвычайно рѣшительная мѣра: запрещена свободная пограничная торговля съ иностранцами. Патріархъ Никонъ съ своей стороны обратился съ пастырскимъ посланіемъ, которое должно было успокоительно подѣйствовать на сердца людей.

Пожары въ московскій періодъ были такъ же часты, какъ и прежде. Къ стихійнымъ причинамъ присоединилось теперь и под-

жигательство съ цѣлью грабежа. Въ Москвѣ было нѣсколько «историческихъ» пожаровъ; таковъ, напримѣръ, былъ пожаръ 1493 года, истребившій почти весь городъ, и пожаръ 1547 года, когда погибло болѣе 2,000 человѣкъ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ пожаръ, истребившій третью часть города. То же самое нужно сказать относительно другихъ городовъ; Псковъ въ 1623 году выгорѣлъ почти весь; въ Новгородѣ однажды сгорѣло 3,315 человѣкъ. Естественно, что въ тушеніи пожаровъ были заинтересованы всѣ: и дѣйствительно, въ XV вѣкѣ московскіе князья принимали даже личное участіе въ прекращеніи огня — разметывали горящія зданія. Въ XVI—XVII вѣкахъ былъ организованъ уже рядъ обязательныхъ полицейскихъ мѣръ по части предупрежденія и пресѣченія пожаровъ: запрещено было лѣтомъ и ночью топить печи и вообще держать огонь; были учреждены объѣзды и поставлены рѣшетки; на крышахъ ставили бочки съ водою и вѣники на шестахъ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно было обывателямъ имѣть мѣдныя и деревянныя трубы.

Различныя области Русскаго государства страдали не въ одинаковой степени отъ различныхъ физическихъ бѣдствій. Сибирь съ ея инородческимъ населеніемъ дѣлалась жертвою главнымъ образомъ оспенной эпидеміи; Малороссія страдала преимущественно отъ саранчи.

Въ XVII вѣкѣ въ лѣвобережной Малороссіи лѣтописцы отмѣтили два тяжелые года — 1680 и 1690. Въ лѣтописи Самовидца подъ 1680 годомъ читаемъ: «въ томъ же году была страшная засуха и жара, отъ чего повысыхали воды и засохли травы; вслѣдствіе этой сухости размножились черви и поѣли капусту, бобы горохъ, коноплю и гречиху; они цѣлыми стадами переходили съ одной нивы на другую». Нашествіе червей на огороды повторилось и въ 1686 году; они снова цѣлыми стадами ползали по дорогамъ и даже проникали въ городъ, но хлѣбамъ вреда не нанесли; лѣто на этотъ разъ было дождливое. Въ 1690 году, по извѣстію Самовидца и Величка, явилось въ Малороссію множество саранчи. Расплодившись втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Новороссійскихъ степяхъ, она проникла въ Полтавскій полкъ, а оттуда огромными партіями разлетѣлась въ разныя мѣста—въ Полѣсье, въ Польшу, на Волынь, въ Комарицкую (Московскую) волость, а главнымъ образомъ въ Стародубье. На Украйнѣ она задержалась на 2 недѣли и поѣла здѣсь всѣ яровые посѣвы и травы «до щенту» (т. е безъ остатка). Результатомъ ея появленія была дороговизна хлѣба и овса, такъ что ихъ стали привозить въ Сѣверщину изъ урожайныхъ мѣстностей. Тамъ, гдѣ она погибала, сдѣлался такой смрадъ, что лошади и рогатый скотъ околѣвали; свиньи же и птицы пожирали ее безъ вреда для себя и только тучнѣли. Это нашествіе саранчи на Малороссію было уже не впервые въ XVII вѣкѣ,—должны

заявить мы вопреки мнѣнію историка Малороссіи Н. Маркевича, основывавшаго свое заявленіе на недостовѣрной «Исторіи руссовъ». Самовидецъ сообщаетъ, что она въ 1688 году налетала отъ Днѣпра и Донца на казацкія войска, но потомъ повернула къ татарскимъ полямъ. Бопланъ сообщаетъ о ней множество интересныхъ подробностей. «Я видѣлъ,—говоритъ онъ,—какъ бичъ сей терзалъ Украйну впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на 5 или на 6 миль въ длину и на 2, на 3 мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкасіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ: гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не остается ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ 300 разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени, ибо въ октябрѣ мѣсяцѣ она умираетъ, но прежде смерти каждое животное кладетъ въ землю до 300 яицъ, изъ коихъ въ слѣдующую сухую весну выводится бездна саранчи. Если во время ея вывода случатся дожди, она погибаетъ, и Украйна избавляется отъ опустошенія на цѣлый годъ, развѣ только вѣтеръ принесетъ ея тучи изъ Татаріи». Не приводимъ другихъ, также характерныхъ подробностей Боплана объ изобиліи саранчи въ Малороссіи. Замѣтимъ только, что противъ нея употреблялись слѣдующія средства: осенью выпахивали изъ земли ея яички, загоняли ее во рвы и тамъ сожигали, стрѣляли въ нее изъ пушекъ, звонили въ колокола, чтобы отогнать ее дальше, и т. п.

Въ XVIII вѣкѣ противъ дороговизны хлѣба и другихъ физическихъ бѣдствій (напримѣръ, моровыхъ повѣтрій) въ Малороссіи принимались разнообразныя мѣры какъ центральнымъ правительствомъ, такъ и мѣстной казацкой администраціей. Богатыя данныя какъ о самыхъ бѣдствіяхъ, такъ и о средствахъ борьбы съ ними въ XVIII вѣкѣ хранятся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ (въ дѣлахъ Малороссійской коллегіи). Особенно памятенъ былъ 1711 годъ, когда Малую Россію постигло одновременно два бѣдствія—голодъ и моръ; моровая язва началась въ Полтавщинѣ и дошла до Польши, свирѣпствуя съ особенной силой въ Кіевѣ; въ одномъ Черниговскомъ полку погибло отъ нея 11,830 чел. Въ XVII вѣкѣ моровое повѣтріе въ Малороссіи было въ 1652 и 1690 годахъ. Въ Запорожьѣ оно бывало очень часто.

Какъ же относились къ этимъ народнымъ бѣдствіямъ представители тогдашняго малороссійскаго общества? Сохранился одинъ любопытный литературный памятникъ, сильно и рѣзко обличающій тѣхъ, кто не оказывалъ народу во время голода никакой помощи; это именно «Слово во время бездождія и глада и всякая

пагубы, и всякая нужда, и злоключенія людей, о немилосердію же и разныхъ справахъ людскихъ, якіе сихъ часовъ дѣются, а меновите во христіанствѣ» (оно напечатано въ «Южно-русскихъ лѣтописяхъ», изд. Бѣлозерскимъ). Слово это составлено неизвѣстнымъ во второй половинѣ XVII вѣка, повидимому, вскорѣ послѣ смуты Брюховецкаго (1668 г.). Оно направлено противъ тѣхъ, кто не только не помогалъ голодающимъ, а напротивъ того «задерживался съ продажей своего хлѣба и повышалъ на него цѣну»; а между тѣмъ голодающіе питались листьями, корою, «порохнею», лебедой, желудями, брунью, павшими животными, чистыми и даже нечистыми. Оно проникнуто одинаково обличительнымъ духомъ, какъ противъ пановъ, бравшихъ съ народа нестерпимые поборы, такъ и противъ черни (броварниковъ, свинопасовъ), поднявшей тогда знамя бунта и производившей разныя неистовства (до святотатства включительно).

Слободская Украйна въ XVII—XVIII вѣкахъ страдала сравнительно меньше другихъ областей. Были и здѣсь неурожаи, эпидеміи и т. п., но не причиняли такихъ огромныхъ бѣдствій, какъ прежде разсмотрѣнныя. Отъ голода страдала больше южная часть Харьковской губерніи (Изюмскій уѣздъ), представлявшая украйну. Въ 1699 году тамъ былъ сильный голодъ, потому что туда не привезли запасовъ; жители ходили для прокормленія въ московскіе города, а оставшіеся питались брунью, омелой и березовою корою; недородъ вызывалъ также нашествіе саранчи, появлявшейся здѣсь черезъ извѣстные сроки. Моръ былъ здѣсь и въ XVII вѣкѣ (въ 1688 г.), но особенно памятна чума 1738 и 1739 годовъ, занесенная изъ Очакова и появившаяся впервые въ Изюмѣ и его, окрестностяхъ, гдѣ умерло 6,610 человѣкъ. Въ Святогорскомъ монастырѣ вымерли всѣ, за исключеніемъ двухъ столѣтнихъ старцевъ. Харьковъ также сильно пострадалъ, какъ это видно изъ фамильной лѣтописи Квитокъ и одного найденнаго мною документа: многія семьи вымерли всѣ до одного человѣка. Благодаря принятымъ мѣрамъ, эпидемія дальше не распространилась.

Въ XVIII вѣкѣ физическія бѣдствія, повидимому, потеряли свой острый характеръ. Исторія не знаетъ уже такихъ голодныхъ годовъ, какіе были раньше. Бывали недороды въ разныхъ областяхъ имперіи (напримѣръ, во время Бироновщины); продолжаются они и въ XIX вѣкѣ; таковъ сильный неурожай 1833 года; но они не имѣютъ уже характера неотвратимаго народнаго бѣдствія. Даже страшная чума 1771 года посѣтила только одну Москву, хотя и напомнила эпидемію стараго времени. Особенно тяжелую память она оставила потому, что сопровождалась народнымъ бунтомъ, жертвою котораго сдѣлался московскій архіепископъ Амвросій. Въ 50% городскихъ домовъ въ Москвѣ была зараза, а въ 25% жители вымерли совершенно. Сначала велъ борьбу съ чумою гене-

ралъ-губернаторъ Салтыковъ, потомъ энергичный Еропкинъ, наконецъ, императрица прислала своего довѣреннаго вельможу, извѣстнаго графа Орлова. Однимъ словомъ, правительство сдѣлало все отъ него зависящее для прекращенія бѣдствія, и чума дѣйствительно не вышла изъ предѣловъ Москвы.

Въ XVIII вѣкѣ правительство ясно поставило вопросъ о необходимости общихъ государственныхъ мѣръ для борьбы съ физическими бѣдствіями. Мѣры Петра Великаго для продовольствія населенія на случай голода отличались принудительнымъ характеромъ (у зажиточныхъ описывали хлѣбъ и отдавали въ займы нуждающимся). Энергическія мѣры были приняты Петромъ Великимъ и для введенія у насъ медицинской и пожарной полиціи: Петръ Великій считалъ необходимымъ регулировать частное домостроительство. Дѣло Петра Великаго продолжали его преемники до Екатерины II включительно. И она, подобно Петру, хотѣла устроивать въ городахъ хлѣбные казенные магазины, чтобы держать въ своихъ рукахъ цѣну хлѣба. Но та же Екатерина II призвала къ общественной самодѣятельности разныя сословія. Очевидно, государство считало полезнымъ часть своихъ заботъ въ сферѣ мѣстнаго управленія возложить на созданныя имъ сословныя учрежденія. Въ нашъ вѣкъ, послѣ созданія министерствъ, независимо отъ сословныхъ учрежденій, было создано еще всесословное земство, въ числѣ обязанностей котораго вопросъ о продовольствіи населенія, о предупрежденіи и пресѣченіи эпидемій и пожаровъ занимаетъ первое мѣсто.

Подведемъ теперь итоги. Мы видѣли, что русскій народъ болѣе восьми вѣковъ боролся съ физическими бѣдствіями. Успѣхи его на первыхъ порахъ были очень медленные, ибо онъ шелъ ощупью, безъ свѣточа науки. Сначала борьбу вело не государство и даже не общество, а отдѣльныя лица, всякій на свой страхъ и рискъ. Потомъ въ XVI—XVII вѣкахъ эту борьбу приняло на себя государство. Въ XVIII вѣкѣ оно вооружилось опытомъ своихъ сосѣдей и пыталось дѣйствовать исключительно полицейскими принудительными средствами. Но въ XIX вѣкѣ правительство уже призвало къ содѣйствію и русское общество. Нашъ историческій опытъ не пропалъ даромъ. Обращая вниманіе на средства борьбы, которыя употребляетъ въ настоящемъ бѣдствіи Русское государство и народъ, мы замѣчаемъ старыя испытанныя средства. Уже въ XI вѣкѣ понимали, что единственное вѣрное средство есть подвозъ хлѣба изъ сосѣднихъ областей или изъ-за границы. Псковичи въ XV вѣкѣ запрещали вывозъ своего хлѣба за рубежъ. Давно уже стали заводить у насъ казенные и сельскіе магазины. Уже Борисъ Годуновъ прибѣгалъ къ постройкамъ, чтобы дать заработокъ нуждающимся; при немъ же была устроена государственная помощь голодающимъ; давно начали вести борьбу со скупщиками и принимать

мѣры къ пониженію чрезмѣрно высокихъ цѣнъ и т. д., и т. д. Все это дѣлается и теперь. Но, кромѣ давняго историческаго опыта, мы имѣемъ теперь еще науку. Она сдѣлала невозможными такіе ужасы голода, какіе мы видѣли раньше. Уже одно существованіе желѣзнодорожныхъ путей не допуститъ такихъ колебаній цѣнъ, какія были въ старину. Возможность, въ случаѣ надобности, быстрой доставки хлѣба изъ-за границы является важною резервною мѣрою. Однимъ словомъ, государство испробуетъ всѣ тѣ средства, которыя рекомендуетъ наука. Нужно только, чтобы общество также оказалось на высотѣ своего призванія. Пусть каждый отдѣльный членъ его поработаетъ для этого головою и сердцемъ, и онъ будетъ имѣть счастье сознать свою связь съ многомилліоннымъ русскимъ народомъ.

Д. Багалѣй.

ПАМИРСКІЙ ВОПРОСЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

ОЧНО въ силу какого-то особаго рока, являющагося, впрочемъ, въ то же время отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей предшествовавшей исторической жизни, неудержимое стремленіе Россіи на Востокъ всегда было одною изъ характерныхъ особенностей нашей національной политики, неизмѣнно находящей себѣ поддержку и сочувствіе въ нашемъ общественномъ мнѣніи.

Неразрѣшимый восточный вопросъ, зародившійся еще въ почти легендарную эпоху Святослава, двигавшагося походомъ на Царьградъ, проходитъ красной нитью по всей русской исторіи, то временно сходя съ исторической сцены, то снова на ней появляясь. Будучи изстари сосѣдями Азіи и сами нося въ себѣ, въ силу вѣковаго татарскаго гнета, немалую дозу восточной крови, мы всегда чувствовали къ Востоку какое-то особое органическое тяготѣніе, охотно и умѣло дружа съ нимъ и въ то же время никогда не покидая завлекательныхъ на него видовъ.

Восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ слова,—мы не говоримъ здѣсь о славянскомъ вопросѣ, неразрывно съ нимъ связанномъ,—породилъ съ шестидесятыхъ годовъ вопросъ среднеазіатскій. Завоеваніе Хивы, Ташкента и Туркестана двинуло насъ далеко въ глубину Средней Азіи и поставило лицомъ къ лицу съ Англіей, явившейся тамъ нашей сильной и ловкой соперницей.

Въ настоящее время, для многихъ, не посвященныхъ въ наши азіатскія дѣла, какъ будто неожиданно выдвинулся еще новый, такъ называемый, памирскій вопросъ, о которомъ такъ много говорятъ теперь и у насъ, и за границей.

Мы считаемъ поэтому своевременнымъ и полезнымъ выяснить, по возможности, нашимъ читателямъ, большинству которыхъ мало извѣстны наши среднеазіатскія дѣла, сущность памирскаго вопроса, какимъ онъ представляется съ русской точки зрѣнія, съ возможнымъ безпристрастіемъ и краткостью.

Для того, однако, чтобы читатели могли ясно представить себѣ все значеніе недавняго событія на Памирахъ, съ умысломъ раздутаго Англіей, мы должны сказать предварительно нѣсколько словъ о пограничномъ афганскомъ вопросѣ, безъ чего памирскій инцидентъ останется совершенно непонятнымъ.

Русскія владѣнія въ Центральной Азіи въ 1863 году состояли лишь изъ теперешней Оренбургской губерніи, отдѣляемой отъ Сибири огромной пустыней, такъ что между двумя военными линіями не было другаго сообщенія, какъ по большому сибирскому тракту, въ объѣздъ. Русское правительство должно было поэтому озаботиться о болѣе короткихъ, вѣрныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ между своими разъединенными владѣніями. Далеко раскинувшуюся плоскость между Оренбургомъ и Сибирью занимали степи, которыя принадлежали частью Кокану, Бухарѣ и Китаю, благодаря чему Россіи часто приходилось снаряжать экспедиціи для отраженія кочевниковъ и ихъ усмиренія. Россія была поэтому въ непрерывной борьбѣ съ названными ханствами, и результатомъ этого было взятіе генераломъ М. Г. Черняевымъ въ 1866 году Ташкента, а въ 1868 г.—генераломъ Кауфманомъ Самарканда, нѣкогда резиденціи страшнаго Тамерлана. Эти блестящіе успѣхи русскаго оружія вызвали цѣлую бурю въ Англіи, страдавшей тогда съ особенной силой такъ называемой «азіатской лихорадкой», отъ которой она врядъ ли когда, впрочемъ, излѣчится. Въ это именно время Дизраэли (впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ), Баккеръ и др. выработали пресловутую программу «научной границы», которую Россія не могла бы нарушить въ своемъ традиціонномъ и вѣчно смущающемъ Англію стремленіи въ глубину Азіи. Въ началѣ 1869 года, лордъ Кларендонъ выразилъ бывшему тогда русскимъ посломъ въ Лондонѣ барону Бруннову желаніе успокоить такъ или иначе общественное мнѣніе, сильно возбужденное въ Англіи русскими завоеваніями въ Азіи, и, чтобы избѣжать недоразумѣній, могущихъ возникнуть на азіатской территоріи между двумя великими державами, предложилъ установить нейтральную почву, не нарушимую для нихъ обѣихъ. Князь Горчаковъ согласился на это и предложилъ, съ своей стороны, считать за такую именно нейтральную зону Афганистанъ, отъ по-

сягательствъ на независимость котораго должны строго воздерживаться обѣ стороны [1]). Дальнѣйшіе дипломатическіе переговоры между обоими кабинетами велись въ этомъ именно направленіи.

Въ томъ же 1869 году, лѣтомъ, нашъ канцлеръ встрѣтился съ лордомъ Кларендономъ въ Гейдельбергѣ, и между обоими дипломатами естественно возобновился обмѣнъ мыслей по вышеозначенному предмету. Оба кабинета на столько успѣли прійдти ко взаимному соглашенію въ этомъ вопросѣ, что тогдашній вице-король Индіи, лордъ Майо, прислалъ въ Петербургъ своего уполномоченнаго, сэра Дугласа Форзита, чтобы войдти въ переговоры съ русскимъ правительствомъ для установленія точныхъ границъ Афганистана, которыя, къ сожалѣнію, не могли считаться вполнѣ опредѣленными.

Какъ желательное основаніе соглашенія, со стороны петербургскаго кабинета было предложено условіе, что оба правительства будутъ сообщать другъ другу, когда какой либо изъ выработанныхъ пунктовъ условія подастъ поводъ къ недоразумѣніямъ, что легко могло бы случиться при политической организаціи Афганистана и свободнаго Туркестана. Рѣшено было, что, если отнынѣ Россіи или Англіи придется снаряжать военныя экспедиціи въ Центральную Азію и присоединять тамъ новыя территоріи къ своимъ владѣніямъ, то такой образъ дѣйствій не долженъ быть стремленіемъ къ новымъ завоеваніямъ, но лишь результатомъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, при невозможности поступать иначе. Такъ какъ русскія и англійскія владѣнія въ Азіи не могутъ считаться неподвижными, то на петербургскомъ совѣщаніи признано было возможнымъ способомъ обоюднаго modus vivendi—установленіе общихъ положеній политическаго равновѣсія для тѣхъ земель, которыя раздѣляютъ русскія и англійскія владѣнія въ Азіи.

Затѣмъ обѣими сторонами были проектированы слѣдующіе главнѣйшіе пункты соглашенія:

1) Считать границы находящейся во владѣніи Ширъ-Али-хана территоріи дѣйствительными границами Афганистана.

2) Эмиръ афганскій не долженъ распространять своего вліянія за предѣлы принадлежащихъ ему владѣній; англійское правительство употребитъ всѣ мѣры, чтобы удерживать его отъ какихъ бы то ни было аггрессивныхъ попытокъ.

3) Съ своей стороны русское правительство приложитъ старанія, чтобы удержать бухарскаго эмира отъ нападенія на афганскую территорію.

Лондонскій кабинетъ вполнѣ согласился съ этими положеніями. Также и русское правительство присоединилось къ мнѣнію лорда

---

[1]) «Aucune intervention ou ingérence quelconque contraire à l'indépendance de cet Etat n'entre dans ses intentions».

Майо, что посылка въ Афганистанъ русскихъ или англійскихъ офицеровъ не должна быть допускаема; этимъ оба правительства признали de facto Афганистанъ нейтральнымъ государствомъ, во внутреннія дѣла котораго они не должны вмѣшиваться.

Замѣтимъ здѣсь кстати, мимоходомъ, что Сентъ-Джемскій кабинетъ постарался, однако же, найдти поскорѣе мотивъ для того, чтобы не считать этого условія для себя обязательнымъ, и воспользовался съ этою цѣлью postscriptum'омъ въ одной изъ депешъ тогдашняго англійскаго посла въ Петербургѣ сэра А. Буканана, въ которомъ сообщалось, что, будто бы, князь Горчаковъ не считаетъ «недопустимымъ» посѣщенія англійскими офицерами Кабула.

Что касается до установленія фактическихъ границъ владѣній Ширъ-Али-хана, то съ этою цѣлью туркестанскій генералъ-губернаторъ генералъ Кауфманъ былъ отправленъ нашимъ правительствомъ на границу Афганистана. Дѣло опредѣленія афганскихъ границъ обѣщало, однако, затянуться надолго, что вызвало совершенно неосновательное неудовольствіе Англіи, которая въ этомъ важномъ вопросѣ выказывала необыкновенную поспѣшность. Графъ Грэнвиль поторопился предложить петербургскому кабинету считать владѣнія Ширъ-Али состоящими изъ Бадахшана съ зависимымъ отъ него ханствомъ Ваханъ, отъ самаго Памира и озера Саръ-и-куль на востокъ, а отсюда по рѣкѣ Оксусу (Аму-Дарья) по направленію къ западу до устья рѣки Кокши (носящей далѣе названіе Пэнджъ) и далѣе вдоль по этой рѣкѣ, которая и составляетъ на всемъ своемъ протяженіи сѣверную пограничную линію названной области; дальнѣйшую границу долженъ образовать афганскій Туркестанъ, захватывающій ханства Кундузъ, Хулмъ и Балхъ, отъ рѣки Кокши до области Ходжа-Салехъ на лѣвомъ берегу Аму.

Вскорѣ затѣмъ князь Горчаковъ получилъ и отъ генерала Кауфмана данныя объ афганской границѣ, но не вполнѣ согласовавшіяся съ воззрѣніемъ на этотъ предметъ англійскаго кабинета. По объясненію генерала Кауфмана, Бадахшанъ и Ваханъ должно считать независимыми областями, а не афганскими провинціями, такъ какъ эмиръ никогда и ничѣмъ не выражалъ своего фактическаго господства надъ ними. Далѣе, отъ Ходжа-Салеха на Оксусѣ сѣверная граница по направленію къ западу захватываетъ земли Акша, Саръ-и-куль, Маймене, Шиберганъ и Андхой и отдѣляетъ эти послѣднія отъ независимыхъ тогда закаспійскихъ туркменъ. Западная же граница, отдѣляющая Гератъ отъ персидскаго Хорасана, предполагается всѣмъ извѣстной.

Князь Горчаковъ сообщилъ лондонскому кабинету объ этихъ разногласіяхъ въ опредѣленіи афганскихъ границъ русскими и англійскими уполномоченными, но въ то же время обнаружилъ, къ сожалѣнію, крайнюю уступчивость въ признаніи границъ

Афганистана въ томъ видѣ, какъ онѣ были опредѣлены графомъ Грэнвилемъ. Князь потребовалъ только, чтобы англійское правительство употребило все свое вліяніе на Ширъ-Али, дабы удержать его отъ всякихъ завоевательныхъ попытокъ въ отношеніи сосѣдей.

Таковъ результатъ русско-англійскаго соглашенія 1872—1873 г. Мы должны были довольно подробно познакомить съ нимъ читателей, такъ какъ о немъ въ нашей печати почти не имѣется свѣдѣній, а въ англійской все дѣло представляется въ неправильномъ видѣ, и такъ какъ въ возникшемъ теперь вопросѣ о Памирѣ онъ является на первомъ планѣ, ибо англичане силятся представить насъ, какъ читатели увидятъ ниже, нарушителями вышеупомянутаго соглашенія 1872—1873 г. [1]).

Разногласія во взглядахъ Англіи и Россіи на земли, входящія въ составъ Афганистана, такъ и остались невыясненными и неуничтоженными, не смотря на вызвавшее собою всѣмъ памятное сраженіе при р. Кушкѣ, инцидентъ Пенджъ-Дэ и вторичное недавнее опредѣленіе афганскихъ границъ въ 1886 году, на мѣстѣ, особой русско-англійской разграничительной коммиссіей, назначеніе которой потребовала сама же Англія послѣ присоединенія къ Россіи Мерва,—присоединенія, сдѣлавшаго ее, какъ тогда острили, чрезвычайно «мервозной». Въ вопросѣ объ афганскихъ границахъ коммиссія эта пришла, наконецъ, къ установленію ихъ между Закаспійской областью и владѣніями Ширъ-Али отъ Герируда въ Персіи до Босакха на Оксусѣ, но въ вопросѣ о независимыхъ ханствахъ разнорѣчія не прекратились. На Бадахшанъ и Ваханъ русское правительство, въ силу предъидущей политической и этнографической жизни этихъ областей, о чемъ было бы слишкомъ длинно распространяться въ журнальной статьѣ, совершенно основательно смотрѣло какъ на независимыя отъ Афганистана владѣнія [2]), тогда какъ Сентъ-Джемскій кабинетъ упорно продолжалъ и понынѣ продолжаетъ предъявлять притязанія на оба эти ханства въ пользу Афганистана, если и не объявляя ихъ категорически ему принадлежащими, то во всякомъ слу-

---

[1]) Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что тѣ же границы, какъ онѣ приведены выше,—отъ озера Саръ-и-куль, по Малому Памиру (Памиръ-хурдъ), по Оксусу, до Ходжа-Салехъ, находятся обозначенными и на оффиціальной англійской картѣ, изданной Walker'омъ, въ 1874 г., въ Калькуттѣ, «Turkestan and the countries between the British and the Russian dominations in Asia». Основываясь на этой же оффиціальной англійской картѣ, Афганистану во время Ширъ-Али не принадлежало никакой земли по правую сторону Аму-Дарьи; ханства Шугнанъ и Рошанъ показаны на ней независимыми и, наконецъ, Алечуръ и Кальянъ-Памиръ (Большой Памиръ) считаются внѣ границы Афганистана.

[2]) Меморандумъ князя Горчакова 7-го декабря 1872 года.

чаѣ продолжая смотрѣть на нихъ, какъ на территорію весьма спорную.

Своеобразное отношеніе Англіи къ афганскимъ границамъ, которыя она старается расширить въ пользу Афганистана, дружбой съ которымъ дорожила и дорожитъ въ видахъ своей индійской политики, повторилось и по отношенію къ самой сущности соглашенія 1872—1873 г. Англійское правительство не задумалось нарушить его, ничуть не стараясь, какъ требовалъ договоръ, удерживать афганскаго эмира отъ завоевательныхъ замысловъ, и взирало спокойно, если только не одобрительно, на его попытки установить свое владычество въ Бадахшанѣ, Ваханѣ и Шугнанѣ, какъ бы признавая этимъ права эмира на эти области. Отсюда представляется понятнымъ, что, смотря на дѣло съ такой именно точки зрѣнія, Англія не могла не обнаруживать крайняго опасенія за Ваханъ, послѣ того, какъ отряду генерала Абрамова удалось изъ Фергана перевалить черезъ Алайскія горы, съ намѣреніемъ пересѣчь Памиръ по направленію къ Читралю, въ долину котораго представляется возможность пройдти черезъ долину Вахана по Барогильскому перевалу. Читральской же долинѣ англичане придаютъ особенно важное значеніе съ точки зрѣнія обороны Индіи.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что территорія Вахана расположена въ долинѣ Ваханъ-Дарьи и имѣетъ приблизительно до 1,700 жителей обоего пола, весьма напоминающихъ собою по наружному виду таджиковъ. Они имѣютъ свое особое нарѣчіе, но большинство изъ нихъ хорошо понимаетъ при этомъ поперсидски. Мужчины высокаго роста, красиво сложены и, какъ всѣ горцы вообще, хорошіе стрѣлки и охотники. Они воинственны и проникнуты симпатіей къ русскимъ, о которыхъ отзываются съ уваженіемъ. Женщины отличаются красотою и, вопреки обычаямъ ислама, ходятъ съ открытыми лицами, не прикрывая ихъ чадрою, какъ прочія мусульманки.

Командировка въ минувшемъ іюлѣ англійскаго агента Юнгусбенда имѣла несомнѣнною цѣлью, какъ ни стараются замаскировать это агличане, установить соглашеніе между китайцами, владѣющими восточною окраиною Памира, и афганцами, западныя владѣнія которыхъ примыкаютъ къ той же окраинѣ, — въ томъ смыслѣ, чтобы сомкнуть такимъ образомъ границы китайскихъ и афганскихъ владѣній, захватить промежуточную часть Памира и тѣмъ самымъ заградить намъ путь къ Читраю.

Тутъ-то, на Памирахъ, и произошла крайне встревожившая англичанъ встрѣча ихъ агента съ русскимъ полковникомъ Іоновымъ, о насильственныхъ будто бы дѣйствіяхъ котораго въ отношеніи англійскаго и китайскаго правительственныхъ агентовъ на

Памирѣ на всѣ лады заговорила недавно британская пресса, надѣлавъ немало шуму на всю Европу и чуть ли не создавъ даже грознаго призрака новаго политическаго «событія».

При ближайшемъ знакомствѣ, однако, съ пресловутымъ происшествіемъ на Памирѣ все дѣло является нѣсколько въ иномъ видѣ.

Чтобы читатели имѣли понятіе о самомъ мѣстѣ инцидента, скажемъ сперва нѣсколько словъ о Памирѣ.

Многочисленные путешественники послѣдняго времени даютъ разныя толкованія названію «Памиръ». По словамъ однихъ, памирами вообще называются всѣ лѣтнія пастбища, посѣщаемыя киргизами. Вѣроятность этого объясненія подтверждается таджиками Ташкургана и Вахана на Памирѣ. Они же раздѣляютъ Памиръ на Большой и Малый. Нѣкоторые изъ кочевниковъ приводятъ легенду о двухъ братьяхъ Алинурѣ и Памирѣ, раскинувшихъ здѣсь свои кочевья и сообщившихъ нагорьямъ свои имена.

Другіе даютъ всему плоскогорью названіе Бамъ-и-дамьяхъ, т. е. крыша міра.

Границею Памира слѣдуетъ считать Заалайскій хребетъ на сѣверѣ, Сарыкульскія горы на востокѣ, Гиндукушъ на югѣ, а на западѣ р. Пэнджъ. Памиръ орошаютъ Мургабъ, Ваханъ-Дарья, Шахъ-Дэрэ и Гунтъ. Рѣки эти имѣютъ многочисленные притоки, питающіеся водою отъ таянья обильныхъ снѣговъ, и осенью пересыхаютъ. Средняя высота Памира 14,000 ф. надъ уровнемъ моря. Долины занимаютъ болѣе низменныя положенія. Горныя цѣпи подымаются иногда до 19,000 ф. надъ уровнемъ моря. Отдѣльныя же вершины достигаютъ до 25,000 ф.! На Памирѣ существуютъ два рѣзко отличающіяся одно отъ другаго времени года: суровая зима и знойное лѣто, продолжающееся четыре мѣсяца; остальное время царитъ холодъ, доходящій иногда до 20° R.

По отчету самого капитана Юнгусбенда о своей командировкѣ, съ упорно скрываемою цѣлью, на Памиръ, напечатанному въ оффиціальной газетѣ англо-индійскаго правительства «Times of India», его встрѣча тамъ съ русскою экспедиціей вовсе не имѣла того тревожнаго характера, какъ писалось объ этомъ въ сенсаціонныхъ статьяхъ англійской оффиціальной и оффиціозной печати.

Англійскій капитанъ,—читаемъ въ названномъ органѣ,—который уже въ 1889 г. встрѣтился на Памирѣ съ русскимъ путешественникомъ Громбчевскимъ, узналъ во время своей поѣздки въ Кашгаръ, въ городѣ Яркандѣ, о русской экспедиціи, находящейся на китайской (?) территоріи Памира. Для разъясненія этого факта былъ отправленъ его товарищъ, англійскій лейтенантъ Дэвидсонъ, на Аличуръ-Памиръ, гдѣ онъ былъ схваченъ русскими и отправленъ въ Маргеланъ, главный пунктъ Ферганской обла-

Карта Памира.

сти. Здѣсь онъ встрѣтился съ секретаремъ англійскаго посольства въ Петербургѣ, г. Элліотомъ, путешествовавшимъ по Туркестану. Благодаря его вмѣшательству, онъ былъ освобожденъ и отправленъ обратно въ Кашмиръ чрезъ Кашгаръ. На Маломъ Памирѣ самъ капитанъ Юнгусбендъ встрѣтился съ русскою экспедиціею, состоявшею изъ 50 казаковъ и 50 человѣкъ пѣхоты, въ м. Гумбезъ-и-Бозай, подъ командою капитана (?) Янова (?). Русскій капитанъ весьма вѣжливо попросилъ англичанина предъявить ему пропускной листъ; убѣдившись же, что его у англичанина нѣтъ, онъ воспрепятствовалъ дальнѣйшему пути англійскаго агента, угрожая ему, въ противномъ случаѣ, арестованіемъ. Капитанъ Юнгусбендъ обѣщалъ тотчасъ же оставить Памиръ, что и исполнилъ. Въ концѣ своего отчета англійскій капитанъ констатируетъ, что русская экспедиція отправилась на афганскую (?!) территорію и даже въ Читраль, за Гиндукушъ, въ страны, находящіяся подъ протекторатомъ Англіи въ Кяфиристанѣ (?). Далѣе говорится, что лейтенантъ Дэвидсонъ, возвращаясь изъ Маргелана, встрѣтилъ на Аличуръ-Памирѣ китайскій отрядъ подъ начальствомъ генерала (?) Чонга, который принужденъ былъ по настоятельному требованію капитана Янова также оставить эту страну, занятую русскими (?). По словамъ того же отчета, китайцы будто бы намѣрены будущею же весною явиться на Памиръ, чтобы отстаивать свою территорію (??).

Таковъ памирскій инцидентъ по англійскому оффиціальному источнику.

Посмотримъ теперь, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Коканскаго ханства наши границы отодвинулись за Заалайскій хребетъ, къ Гиндукушу. На долю Россіи достались негостепріимныя, неподдающіяся земледѣлію и культурѣ мѣстности суроваго Памира. Въ виду трудности сообщенія и отсутствія, въ первое время, попытокъ нашихъ сосѣдей захватить наши владѣнія, русское правительство не имѣло сначала опорныхъ пунктовъ на Памирахъ. Со временемъ, однако, скудныя пастбища въ котловинахъ Памира стали привлекать овецъ киргизовъ, а китайцы и афганцы, пользуясь отсутствіемъ русскихъ пикетовъ, начали мало по малу расширять свои границы, перенося ихъ на русскую территорію. Въ видахъ необходимаго въ данномъ случаѣ заявленія о правахъ на принадлежащія намъ области, въ іюлѣ минувшаго лѣта изъ Ферганской области, по приказанію туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта барона Вревскаго, отправленъ былъ на Памиры небольшой экспедиціонный отрядъ съ тѣмъ, чтобы, не задаваясь никакими завоевательными замыслами, пройти дозоромъ по мѣстности, принадлежащей Россіи.

Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ командиръ 2-го Туркестанскаго линейнаго батальона полковникъ Іоновъ.

Къ 8-му іюля, какъ видимъ изъ оффиціальнаго русскаго мѣстнаго органа «Туркестанскихъ Вѣдомостей», изъ которыхъ мы заимствуемъ дальнѣйшій разсказъ, весь отрядъ стянулся въ мѣстечкѣ Боръ-Даба и послѣ дневки двинулся на Памиры.

Наша пѣхота передвинулась на р. Аличуръ, и здѣсь охотничьи команды занялись развѣдками ущелій и переваловъ, ведущихъ къ озеру Саръ-и-куль,— нелегкій трудъ, сопряженный на каждомъ шагу съ большими опасностями. Врядъ ли какой другой охотничьей командѣ приходилось преодолѣвать подобныя трудности. Выносливѣйшій въ свѣтѣ русскій солдатъ съ удивительной стойкостью подымался на перевалы въ 14—19 тысячъ футовъ высоты, и ни удушья, ни кровотеченія, сопряженныя съ горными мѣстностями, не останавливали его движенія. Только два человѣка свалились съ ногъ и выбыли изъ строя, но потомъ оправились.

Начальникъ отряда, полковникъ Іоновъ, потянулся отсюда съ казаками на юго-востокъ.

На пути онъ встрѣчалъ довольно зажиточныя кочевья киргизовъ и изрядныя пастбища, которыя являются, въ свою очередь, приманкой для китайцевъ, перебирающихся сюда понемногу изъ своихъ предѣловъ.

Обогнувъ юго-восточный уголъ нашихъ владѣній, отрядъ достигъ м. Гумбезъ-и-Бозай, у впаденія Ваxджира въ Ваханъ-Дарью.

Отсюда полковнику Іонову хотѣлось осмотрѣть одинъ перевалъ на востокъ отъ Даркотскаго, о которомъ упоминаютъ многіе путешественники, и, между прочимъ, Громбчевскій, но черезъ который до сихъ поръ не удалось перебраться ни одному европейцу. Вполнѣ понятное стремленіе новыхъ открытій привлекло маленькую команду къ неизслѣдованному перевалу.

Счастье улыбнулось энергичному полковнику, бывалому и опытному туркестанцу, и онъ съ офицерами и казаками успѣшно перебрался на ту сторону Гиндукуша, къ сѣвернымъ истокамъ Инда. Дальнѣйшее движеніе на югъ не входило въ задачу экспедиціи, и отрядъ повернулъ назадъ.

На обратномъ пути въ Гумбезъ-и-Бозай и произошелъ пресловутый памирскій инцидентъ: встрѣча съ капитаномъ англійской службы Юнгусбендомъ (F. Jounghusband, capitain Kings Dragon Guards), намѣревавшимся изъ Кашгара черезъ Ваханъ перебраться по русскимъ владѣніямъ въ Индію.

Встрѣча была вполнѣ дружественная, а взаимное хлѣбосольство укрѣпило добрыя отношенія, установившіяся сначала, но это не могло помѣшать, однако, полковнику Іонову, какъ того и слѣдовало ожидать, освѣдомиться у англійскаго капитана въ самомъ,

разумѣется, вѣжливомъ и мирномъ тонѣ насчетъ пропускного листа для безпрепятственнаго прохода чрезъ наши владѣнія. Такого листа не оказалось, и англичанинъ долженъ былъ подчиниться вполнѣ законному требованію начальника русскаго отряда не продолжать дальнѣйшаго пути. Капитанъ Юнгусбендъ честнымъ словомъ обязался исполнить это требованіе и, дружественно распростившись съ полковникомъ Іоновымъ и нашими офицерами, повернулъ въ обратный путь.

Изъ Гумбезъ-и-Бозая отрядъ двинулся на сѣверъ съ намѣреніемъ перевалить къ озеру Саръ-и-куль. По совѣту одного афганца, попробовали перебраться вверхъ по теченію ручья Куль-Айрыкъ. Съ большими трудностями удалось взобраться по обледенѣлымъ скаламъ на страшную высоту, но спуститься на сѣверный склонъ по громадному леднику не представлялось возможности. Пришлось поэтому повернуть и пойти кружнымъ путемъ черезъ перевалъ Бендерскаго. Путь былъ очень утомителенъ. Сначала лилъ дождь, а затѣмъ загудѣлъ сѣверный буранъ. Это было въ началѣ августа, когда въ Россіи было лѣто и поспѣвали фрукты. Отряду пришлось болѣе сутокъ оставаться на конѣ и лишь къ полудню 8-го августа стянуться къ озеру Саръ-и-куль.

Въ Сомэ (кумирня на берегу рѣки Аличура) нашу команду ожидалъ новый сюрпризъ: она встрѣтилась съ англійскимъ лейтенантомъ Дэвидсономъ, у котораго также не оказалось пропускного билета, въ виду чего со стороны начальника отряда повторилось предложеніе очистить русскую территорію. На Аличуръ-Памиръ пріѣхалъ также къ полковнику Іонову китайскій мандаринъ, который, послѣ оживленнаго завтрака, также выслушалъ дружественное, но категорическое, заявленіе о необходимости немедленно очистить русскую почву отъ китайскихъ пикетовъ.

Китаецъ согласился съ законностью этого распоряженія и безпрекословно выступилъ съ своими командами съ русской территоріи Памира.

Походъ приближался къ концу, но трудности путешествія усиливались. Двигаясь на сѣверъ, пришлось три раза на складной парусиной лодкѣ переправляться чрезъ многоводный и быстрый Мургабъ. Тяжесть переходовъ отразилась особенно сильно на лошадяхъ, обезсиленныхъ продолжительнымъ форсированнымъ маршемъ и недостаткомъ въ подножномъ корму.

30-го августа отрядъ полковника Іонова благополучно вступилъ въ Маргеланъ, пройдя въ два мѣсяца 1800 верстъ по русской территоріи Памира.

Сравнивая два вышеприведенные отчета, англійскій и русскій, о памирскомъ инцидентѣ, читатели ясно видятъ, конечно, сколь невѣрное освѣщеніе придала ему британская печать. Подня-

тая ею по этому поводу тревога является, однако же, неизбѣжнымъ и совершенно логическимъ слѣдствіемъ упорства Англіи въ неправильномъ пониманіи русско-англійскаго соглашенія 1872—1873 г., съ которымъ мы подробно познакомили читателей въ началѣ статьи, безъ чего усмотрѣнныя англійской печатью въ нашей памирской экспедиціи нарушенія договора остались бы для нихъ совершенно непонятными. Опасаясь за возможность движенія русскихъ на Ваханъ, который англичане считаютъ владѣніемъ Афганистана или, по крайней мѣрѣ, спорной территоріей, находящейся, однако же, будто бы подъ британскимъ протекторатомъ, Англія увидѣла въ экспедиціи полковника Іонова нарушеніе договора 1872—1873 г. въ смыслѣ посягательства на неприкосновенность владѣній Абдуррахманъ-хана, теперешняго афганскаго эмира. Вахану же, какъ было упомянуто выше, англичане придаютъ важное значеніе, какъ пути въ Читраль, а оттуда въ Индію.

Появленіе на Памирѣ англійскихъ агентовъ, повторяемъ, имѣло несомнѣнное соотношеніе съ этимъ именно опасеніемъ, въ смыслѣ развѣдокъ и возстановленія противъ насъ китайцевъ и афганцевъ. Поэтому не было бы ничего удивительнаго, если бы экспедиція полковника Іонова, помимо значенія «русскаго *дозора*», обходившаго владѣнія Россіи на Памирахъ, *имѣла, можетъ быть,* и *значеніе отвѣта на англійскіе происки.*

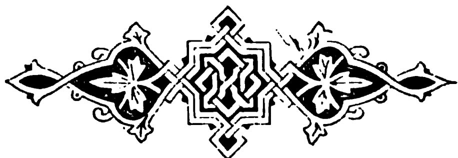
Этимъ, какъ намъ кажется, *понятнымъ для Англіи* значеніемъ нашей памирской экспедиціи объясняется и то озлобленіе и тотъ рѣзкій тонъ, которымъ заговорила англійская печать по поводу нежелательныхъ для Англіи и, кажется, совершенно неожиданныхъ встрѣчъ англійскихъ агентовъ съ полковникомъ Іоновымъ на высотахъ Памира.

Конечно, памирскій инцидентъ, о которомъ органъ самого вице-короля Индіи, «Times of India», заговорилъ теперь, какъ видимъ, въ мирномъ тонѣ, не можетъ и не долженъ повести ни къ какимъ политическимъ недоразумѣніямъ, но нельзя, однако, при этомъ не замѣтить, что, повидимому, инциденты, подобные памирскому, могутъ и, вѣроятно, будутъ повторяться, если вопросъ объ афганскихъ границахъ и владѣніяхъ, входящихъ въ составъ Афганистана, останется въ томъ неопредѣленномъ состояніи, въ какомъ онъ издавна находится, при тѣхъ разногласіяхъ во взглядахъ на этотъ предметъ Россіи и Англіи, о которыхъ мы не разъ указывали въ нашей статьѣ.

Было бы весьма желательнымъ и своевременнымъ образованіе новой, третьей, русско-англійской коммиссіи для всесторонняго разсмотрѣнія на мѣстѣ пограничнаго афганскаго вопроса, на основаніи данныхъ, представляемыхъ предыдущей исторіей, трудами предшествовавшихъ коммиссій и статьями соглашенія 1872—1873 г.

Обращаясь затѣмъ къ нашимъ владѣніямъ на Памирахъ [1]), нельзя не признать, по нашему мнѣнію, крайне необходимымъ, чтобы, во избѣжаніе встрѣчъ съ чужими экспедиціями и командами, въ этой неприступной странѣ ежегодно систематически повторялись дозорные разъѣзды, до тѣхъ поръ, пока тамъ не будутъ водворены незыблемые признаки русскаго владычества [2]).

С. Уманецъ.



[1]) Для удобства читателей мы прилагаемъ къ нашей статьѣ карту Памира, составленную по картѣ Средней Азіи Генеральнаго Штаба, въ изданіи Ильина.

[2]) При составленіи нашей статьи мы пользовались, между прочимъ, интересной замѣткой о возникновеніи памирскаго вопроса, помѣщенной въ газетѣ «Herold» (27-го октября и 3-го ноября минувшаго года) и подписанной иниціалами I. V., которая является въ данномъ вопросѣ весьма цѣнной, ибо подъ вышеозначенными иниціалами мы узнаемъ первыя буквы имени и фамиліи одного бывшаго дипломатическаго чиновника на Востокѣ, серьезнаго знатока среднеазіатскихъ дѣлъ.

КАТАСТРОФА НА БАЛѢ У КНЯЗЯ ШВАРЦЕНБЕРГА ВЪ 1810 ГОДУ.

КНЯЗЬ А. Б. Куракинъ, правнукъ знаменитаго дипломата и свояка Петра Великаго, князя Бориса Ивановича, родился въ царствованіе императрицы Елисаветы 18-го января 1752 года. Въ отроческомъ возростѣ онъ, по принятому обычаю, записанъ былъ въ гвардію сержантомъ. Приходясь внучатнымъ племянникомъ графу Никитѣ Ивановичу Панину, онъ учился подъ его надзоромъ съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, который съ тѣхъ поръ называлъ его своимъ вѣрнымъ другомъ. Въ 1770 году графъ Панинъ отправилъ князя Александра Борисовича въ Лейденскій университетъ; затѣмъ для завершенія своего образованія молодой Куракинъ путешествовалъ по Германіи, Франціи и Англіи.

Будучи уже камеръ-юнкеромъ, князь Александръ Борисовичъ сопровождалъ цесаревича въ 1776 году въ Берлинъ и присутствовалъ при сговорѣ его съ прицессою Виртембергскою Софіею-Доротеею (впослѣдствіи императрица Марія Ѳеодоровна). Въ 1781 году князь Куракинъ сопровождалъ графа и графиню Сѣверныхъ во время заграничнаго путешествія ихъ высочествъ. По возвращеніи въ Петербургъ, 20-го ноября 1789 года, его постигло несчастіе; онъ впалъ въ немилость и удаленъ отъ двора въ село Борисоглѣбское, Саратовской губерніи. Причиною ссылки князя была обнаруженная во время путешествія секретная переписка его съ флигель-адъютантомъ Павломъ Александровичемъ Бибиковымъ.

Поселившись въ деревнѣ, князь Куракинъ назвалъ ее Надеждино. Послѣдующія событія оправдали его надежды; съ восшествіемъ на престолъ императора Павла Петровича 6-го ноября 1796 года, на него посыпались тотчасъ нескончаемыя царскія милости: чинъ тайнаго совѣтника, званіе гофмаршала, орденъ св. Александра Невскаго, званіе вице-канцлера, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, орденъ св. Андрея Первозваннаго. Всѣ эти почести послѣдовали втеченіе одного мѣсяца!!!

Но на этомъ не остановились милости. Въ день коронованія императора Павла, 5-го апрѣля 1797 года, князь Куракинъ получилъ болѣе 5,000 душъ крестьянъ, 20,000 десятинъ въ Тамбовской губерніи и рыбныя ловли на Волгѣ [1]).

При императорѣ Александрѣ князь Куракинъ въ 1802 году наименованъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ и въ 1807 году назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Вѣну. Отправляясь къ мѣсту назначенія, онъ долженъ былъ встрѣтиться съ государемъ, находившимся въ арміи. Но послѣ Фридландскаго сраженія послѣдовалъ неожиданный, крутой переворотъ въ русской политикѣ, и на долю князя Александра Борисовича выпала честь подписать Тильзитскій мирный договоръ.

Пробывъ въ Вѣнѣ до Эрфуртскаго свиданія двухъ императоровъ 1808 года, князь Куракинъ смѣнилъ русскаго посла въ Парижѣ (графа П. А. Толстаго) и пробылъ здѣсь до войны 1812 года.

Въ Парижѣ князя Александра Борисовича постигло въ 1810 году большое несчастіе; онъ едва не погибъ во время пожара на праздникѣ, данномъ австрійскимъ посломъ княземъ Шварценбергомъ 19-го іюня (1-го іюля) по случаю бракосочетанія императора Наполеона съ эрцъ-герцогинею Маріею-Луизою. Онъ жестоко потерпѣлъ отъ огня. У него совсѣмъ не осталось волосъ, голова повреждена во многихъ мѣстахъ, и особенно пострадали уши; рѣсницы сгорѣли, ноги и руки были разбиты и покрыты ранами, а на лѣвой рукѣ обжогъ оказался столь сильнымъ, что кожу можно было снять какъ перчатку. Кромѣ того, у него разболѣлся сѣдалищный нервъ вслѣдствіе того, что его волокли за ноги. Спасеніемъ своимъ онъ былъ отчасти обязанъ своему наряду изъ золотого сукна, которое сильно нагрѣлось, но не воспламенилось. Люди, вытащившіе его изъ огня, долго не рѣшались поднять его, обжигаясь отъ одного прикосновенія къ его одеждѣ; если бы она была шелковая, то онъ бы погибъ.

---

[1]) Ростопчинъ въ письмѣ отъ 18-го апрѣля 1799 года графу С. Р. Воронцову отзывается о князѣ Куракинѣ со свойственною ему безпощадною ироніею слѣдующимъ образомъ: «это такой болванъ, что слѣдовало бы ему быть нѣмецкимъ принцемъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣній, или же идоломъ у дикарей».

Независимо отъ здоровья, князь Куракинъ лишился еще во время этой суматохи бриліантовъ на сумму болѣе 70,000 франковъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

Въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 14-го (26-го) августа 1810 года, князь Куракинъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«J'ai formé le souhait que Votre Majesté puisse se représenter au vrai la figure et l'attitude que j'avais, étant souffrant dans mon lit; c'est dans cet état qu'on m'a dessiné et c'est d'après ce dessin qu'on a fait la gravure que mon frère va présenter à V. M. [1]) de ma part, couvert de plaies, excitant le compassion de tous ceux qui me voyaient, j'ai pu me comparer au malheureux Lazare, cité dans le nouveau Testament».

Эта любопытная гравюра и воспроизведена на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Князь Куракинъ скончался во время заграничнаго путешествія для поправленія здоровья въ Веймарѣ, 24-го іюня 1848 года, на 67-мъ году отъ рожденія.

Любопытное и подробное описаніе катастрофы, случившейся на балѣ у князя Шварценберга, сохранилось въ запискахъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя Варнгагена-фонъ-Энзе «Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens», до сихъ поръ, къ сожалѣнію, очень мало обратившихъ на себя вниманіе русской исторической литературы.

Лѣтомъ 1810 года Варнгагенъ-фонъ-Энзе прибылъ въ Парижъ незадолго до бала, который, какъ уже сказано выше, готовился у австрійскаго посла князя Шварценберга по случаю бракосочетанія Наполеона съ эрцъ-герцогинею Маріей-Луизой. Этотъ балъ долженъ былъ довершить собою рядъ блестящихъ празднествъ, которыми увлекалось высшее парижское общество того времени. Въ домѣ, занимаемомъ австрійскимъ посломъ, и въ прилегающемъ къ нему саду шли громадныя приготовленія, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить императорскую чету. Наконецъ, празднество было назначено на 19-е іюня (1-го іюля).

Обратимся теперь къ разсказу Варнгагена.

Князь Шварценбергъ занималъ бывшій отель Монтесонъ (Hôtel de Montesson) въ улицѣ Монбланъ; это было красивое зданіе, расположенное между дворомъ и садомъ, но не достаточно обширное для предстоящаго праздника. Для отвращенія этого неудобства, австрійское посольство наняло сосѣдній отель и устроило необходимыя между ними сообщенія, приспособивъ всѣ помѣщенія къ программѣ самаго торжества.

---

[1]) Чтобы поздравить Наполеона съ бракосочетаніемъ, императоръ Александръ послалъ въ Парижъ въ мартѣ 1810 года министра внутреннихъ дѣлъ князя Алексѣя Борисовича Куракина.

Роскошныя залы главнаго зданія были соединены съ обширной деревянной постройкою, воздвигнутой среди сада и предназначенной для бальной залы. Искусные и опытные мастеровые исполнили возложенную на нихъ задачу съ замѣчательнымъ вкусомъ.

Потолокъ и боковыя стѣны были завѣшаны снаружи клеенкою, а съ внутренней стороны одѣты роскошными обоями и убраны большими зеркалами, канделябрами, цвѣтными лампами и множествомъ блестящихъ украшеній.

Столбы, отдѣлявшіе среднюю часть гигантскаго зала отъ окружающей ее галлереи, обвѣшанные драгоцѣнными матеріями, соединялись между собою безконечной вереницей гирляндъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, газа и другихъ воздушныхъ тканей. Массивныя люстры, изящно задрапированныя и сверкавшія хрусталемъ, спускались съ потолка на цвѣточныхъ цѣпяхъ, перехваченныхъ разноцвѣтными лентами. Въ глубинѣ зала, на небольшомъ возвышеніи съ нѣсколькими ступенями, убранномъ коврами, затканными золотомъ, красовались два роскошныхъ трона, передъ которыми находилось свободное пространство для танцевъ.

Въ залѣ было три выхода: одинъ изъ нихъ, находившійся возлѣ трона, велъ во внутренніе покои дворца и, въ случаѣ необходимости, долженъ былъ облегчать сношенія домашнихъ; на противоположномъ концѣ зала, влѣво, по направленію къ саду, шла широкая и длинная деревянная галлерея, тоже разукрашенная, подобно бальной залѣ, и тянувшаяся вдоль всего отеля, соединяясь во многихъ мѣстахъ непосредственно какъ съ его покоями, такъ и съ садомъ; справа, какъ разъ противъ этой галлереи, на половинѣ высоты залы, была устроена эстрада для музыкантовъ, на которую, однако, можно было попасть только посредствомъ одной наружной лѣстницы.

Главный же выходъ изъ большаго зала, въ видѣ богатаго портала, открывался посрединѣ всего сооруженія и спускался нѣсколькими широкими и богато убранными ступенями въ садъ, который въ этомъ мѣстѣ, для болѣе свободнаго движенія публики, былъ значительно расширенъ. Однимъ словомъ, во всемъ и вездѣ была видна щедрая и заботливая рука.

При всемъ томъ, кому-то вздумалось предложить для удовлетворенія національной гордости здѣсь, въ центрѣ Парижа и предъ глазами Наполеона, устроить надпись надъ порталомъ, которая должна была быть составлена на нѣмецкомъ языкѣ. При этомъ принималось въ соображеніе и то, что это былъ родной языкъ императрицы, а поэтому, если бы французы удивились этому и пожелали выразить свое недовольство, то въ виду вышеизложенной причины сдѣлали бы это уже не такъ громко. Это предложеніе встрѣтило всеобщее одобреніе, и отъ словъ тотчасъ же перешли къ дѣлу. Мѣсто для двухъ строкъ было легко найти, но съ составленіемъ надписи дѣло подвигалось не такъ быстро. Тѣ, которые лучше могли бы сдѣлать это, напримѣръ, я, — благоразумно отклонились принять участіе въ этомъ, и плодомъ добровольнаго усердія и соревнованія явился слѣдующій александрійскій стихъ:

Mit sanfter Schönheit Reiz strahlt Heldenkraft verbunden,
Heil! Heil! die goldne Zeit ist wieder uns gefunden!

Правда, это не могло служить образцомъ слога, но для надписи изъ буквъ, вырѣзанныхъ изъ папки для транспаранта, было вполнѣ

удовлетворительно. Главное же дѣло заключалось въ томъ, что буквы были нѣмецкія и съ высоты, къ тому же еще значительной, сіяли довольно гордо.

Великій день, наконецъ, наступилъ, и тутъ нужно было позаботиться уже о самихъ себѣ. Ничто не было упущено изъ виду въ этомъ отношеніи. Богатство и красота австрійской формы затмевали все, что могли бы въ этомъ направленіи сдѣлать французы. Прислуга, и безъ того многочисленная, была теперь увеличена на нѣсколько сотенъ, и часть ея щеголяла во французскомъ платьѣ.

Взводъ гренадеръ императорской гвардіи появился заблаговременно и занялъ въ указанныхъ мѣстахъ почетные и охранительные посты. Еще не стемнѣло, а весь отель со всѣми пристройками и садомъ уже сіялъ тысячами огней, и между столпившимся по обѣимъ сторонамъ улицъ народомъ уже проѣзжали многочисленные экипажи. Всѣ члены посольства принимали прибывавшихъ, вручая дамамъ прелестные букеты и провожая затѣмъ гостей въ большой залъ. Приготовленныя вдоль стѣнъ мѣста уже заполнялись, и движеніе въ залѣ становилось болѣе затруднительнымъ. Красота, знатность и богатство прибывающихъ лицъ, казалось, соперничали между собою, возростая съ каждой минутой. Здѣсь были уже короли и королевы, но сами они находились еще въ ожиданіи появленія болѣе высокихъ гостей. Наконецъ, бой барабановъ и оглушительные звуки военной музыки возвѣстили о прибытіи императорской четы, и великолѣпная карета въ сопровожденіи блестящей свиты подкатила между шпалерами войскъ къ порталу. На ступеняхъ подъѣзда высокіе гости были встрѣчены семействами Шварценберга и Меттерниха. Посолъ привѣтствовалъ императорскую чету краткой рѣчью, а дамы преподнесли императору роскошные свѣжіе цвѣты, которые онъ передалъ своей супругѣ. Затѣмъ, предложивъ ей руку, онъ повелъ ее въ залъ, сопровождаемый посломъ и густой толпой придворныхъ.

Я видѣлъ тогда императора совсѣмъ близко и пристально смотрѣлъ на него; впервые черты его лица поразили меня своею красотою, равно какъ и наружность его своею властностью. Выраженіе лица его было строгое, непреклонное, почти злое; пренебрежительный взглядъ обнаруживалъ въ немъ полное отсутствіе ласки. Изъ этихъ устъ каждую минуту могли раздаться страшныя приказанія. Я старался, на сколько могъ, не поддаваться этому впечатлѣнію, и мнѣ это удалось на столько, что я могъ предаваться мыслямъ, хвастаться которыми въ то время было бы отнюдь не благоразумно. Среди оглушительныхъ фанфаръ прослѣдовалъ императоръ въ главный залъ, гдѣ онъ на нѣсколько мгновеній пріостановился, окинувъ быстрымъ взглядомъ собравшуюся массу людей. Отклонивъ предложенные ему прохладительные напитки, онъ

обратился къ стоявшимъ возлѣ него лицамъ съ нѣсколькими короткими, отрывочными фразами, произнесенными небрежнымъ тономъ. По приглашенію посла пройдти въ садъ, онъ съ императрицей послѣдовалъ за нимъ. Повсюду въ иллюминованномъ саду были расположены отдѣльные хоры, начинавшіе свои пѣсни по мѣрѣ его приближенія и превращавшіе его прогулку въ непрерывное тріумфальное шествіе. На большой лужайкѣ были приготовлены мѣста для императорской четы и другихъ высокопоставленныхъ

лицъ, гдѣ теперь и была сдѣлана остановка. Отсюда открывался видъ на Люксенбургскій дворецъ, или, вѣрнѣе, на его дѣйствительно удачное подражаніе. Чтобы оживить въ памяти императрицы воспоминанія о ея родинѣ, изъ-за кустовъ, окаймлявшихъ импровизированную сцену, появилась группа крестьянъ и крестьянокъ въ національныхъ австрійскихъ костюмахъ, восхитительно исполнявшихъ народные танцы (это были артисты большой Оперы) и спеціально для бала разученную пантомиму. Война и миръ играли въ ней главныя роли. Отъ первой, послѣ всѣхъ ужасовъ, оставались только почести, а второй присоединялъ къ нимъ мирное процвѣтаніе народовъ. Едва кончилась пантомима, какъ вниманіе гостей было занято другимъ предметомъ. Хлопанье бича и стукъ лошадиныхъ

копытъ возвѣстили о курьерѣ, который появился среди блестящаго собранія весь въ пыли и, быстро подойдя къ императору, подалъ ему депешу. Радостный шопотъ о хорошихъ извѣстіяхъ изъ Испаніи пробѣжалъ по напряженной толпѣ, но императоръ, заранѣе посвященный въ эту тайну, сказалъ съ улыбкой, что это письмо изъ Вѣны, и при этомъ передалъ императрицѣ собственноручное письмо ея отца, нарочно для этого случая написанное. Послѣ этой сцены былъ зажженъ блестящій фейерверкъ, послѣднее слово того, что только могло тогда придумать искусство, не сдерживаемое никакими затратами. Однако, не обошлось и безъ волненій; часть лѣсовъ этого фейерверка загорѣлась, но пожаръ былъ вскорѣ потушенъ пожарными, бывшими на всякій случай наготовѣ. Всѣ радовались за счастливый исходъ, хвалили расторопность людей, и никто не думалъ еще, что уже не далекъ былъ тотъ моментъ, когда ихъ помощь будетъ еще нужнѣе, но, къ сожалѣнію, далеко не будетъ столь достаточной. Когда всѣ двинулись обратно въ залъ, нѣмецкая надпись свѣтилась уже надъ порталомъ огненными буквами. Ее читали, всячески перетолковывали. Говорятъ, что императоръ вначалѣ изумился иностранной рѣчи, но потомъ презрительно улыбнулся, причемъ не обошлось безъ ироническихъ замѣчаній относительно нѣмецкаго текста. Вновь привѣтствуемые фанфарами, императоръ и императрица вступили въ залъ, и, какъ только заняли приготовленныя для нихъ мѣста, музыка заиграла танцы. Время клонилось уже къ полуночи. Самая блестящая и труднѣйшая часть празднества прошла, остальныя были въ полномъ разгарѣ, и балъ съ завершавшимъ его банкетомъ обѣщалъ затянуться до утра. Танцы открыла королева Неаполитанская съ княземъ Эстергази и вице-король Италіи Евгеній съ княгиней Шварценбергъ, невѣсткою посла [1]). Послѣ кадрилей танцовали экосезъ. Впродолженіе этого танца императорская чета бесѣдовала съ нѣкоторыми лицами, и ей были представлены тѣ, которые еще впервые появлялись здѣсь. Императрица очень скоро окончила свои обходъ и уже возвратилась къ своему мѣсту, а императоръ находился еще на другомъ концѣ зала, гдѣ ему только что были представлены княгиней Полиной Шварценбергъ, урожденной княжной Аремберкъ и невѣсткою посла, ея дочери, съ которыми онъ вступилъ въ разговоръ. Какъ разъ въ это время недалеко отъ него, за колоннами галлереи, соединявшей залъ съ отелемъ, ярко вспыхнула газовая ткань отъ пахнувшаго на нее вѣтра, благодаря чему ея коснулось пламя одной изъ тысячи лампъ. Но яркій свѣтъ тотчасъ же и погасъ, и только нѣсколько клочковъ тлѣвшей матеріи продолжали мерцать тусклымъ свѣтомъ. Все это вначалѣ

---

[1]) Братъ посла князь Іосифъ Шварценбергъ прибылъ въ Парижъ съ семействомъ, равно какъ и графъ Меттернихъ.

было такъ ничтожно, что графъ Бентгеймъ, подбросивъ свою шляпу, удачно затушилъ ею одинъ изъ слабо горѣвшихъ клочковъ; каммергеръ же императора, графъ Дюмануаръ, взобравшись на одну изъ колоннъ, сорвалъ часть потухавшей воздушной ткани и затопталъ ее ногами. Всетаки, огонь успѣлъ уже быстро перебѣжать на верхнія гирлянды, до которыхъ нельзя было достать рукою, и огненные языки показались въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вскорѣ весь потолокъ былъ охваченъ пламенемъ. Музыка замолкла, и испуганные музыканты бросились къ выходу черезъ наружную лѣстницу. Ворвавшійся черезъ открытыя двери потокъ вѣтра еще сильнѣе раздулъ пламя, и все пришло въ смятеніе. Наполеонъ видѣлъ все происшедшее съ самаго начала, и потому не могъ подозрѣвать здѣсь злаго умысла. Онъ подошелъ къ императрицѣ и держалъ себя совершенно спокойно, наблюдая за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла, между тѣмъ какъ многіе изъ его приближенныхъ, опасаясь измѣны, бросились къ нему, обнаживъ шпаги. Австрійскій посолъ, нимало не растерявшись, находился неизмѣнно при императорѣ и, замѣтивъ, какіе размѣры принимаетъ пожаръ, настоятельно приглашалъ его оставить залу. Не сказавъ на это ни слова, Наполеонъ взялъ императрицу подъ руку и послѣдовалъ за посломъ, увѣщевая столпившуюся вокругъ него публику къ порядку и благоразумію [1]). Все шло хорошо, пока не удалился императоръ, но затѣмъ уже ни на что не обращалось вниманія, и бушующая публика, ничего не разбирая, бросилась къ выходу.

Едва только посолъ увидѣлъ, что императоръ собирается уѣхать, какъ онъ немедленно отправилъ своего адъютанта, чтобы тотъ приказалъ императорскому экипажу подъѣхать не къ главному входу, гдѣ слѣдовало опасаться большаго смятенія и давки, а къ садовой калиткѣ, выходившей въ тихую боковую улицу, откуда императоръ могъ бы уѣхать совершенно незамѣченнымъ и избѣжать такимъ образомъ послѣдствій злаго умысла, если бы таковой находился въ связи съ пожаромъ. Но Наполеонъ, замѣтивъ перемѣну пути, внезапно остановился и, не одобривъ доводовъ посла, сказалъ рѣзко: «нѣтъ, я хочу къ главному входу»; повернувшись, онъ приказалъ, чтобы кареты, направленныя уже въ переулокъ, вернулись обратно. Благодаря этому, произошла большая потеря времени, и посолъ находился въ мучительномъ безпокойствѣ, хотя по внѣшности и казался спокойнымъ. Но Наполеонъ выжидалъ терпѣливо, такъ какъ былъ убѣжденъ, что засады можно было ожидать скорѣе тамъ, чѣмъ здѣсь. Показаніе Moniteur'а, что импе-

---

[1]) Воспроизводя при настоящей статьѣ нѣсколько сценъ пожара, заимствованныхъ изъ тогдашнихъ французскихъ изданій, мы сочли нелишнемъ воспроизвести и извѣстную картину Раффа, изображающую легендарное событіе: Наполеона, выносящаго свою жену изъ объятаго пламенемъ зала.

раторъ сѣлъ въ экипажъ у садовой калитки, было ошибочное, какъ и многія другія описанія злосчастнаго пожара.

Уже гораздо позднѣе узналъ я эти подробности изъ устъ непосредственныхъ очевидцевъ. Но, какимъ образомъ меня самого коснулось это событіе, я разскажу въ короткихъ словахъ. Въ залѣ было душно, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Однако не прошло и минуты, какъ жужжанье и шумъ бала совершенно неожиданно приняли другой характеръ, и позади меня раздались отдѣльные голоса. Я оборачиваюсь и хочу вернуться въ залъ, и первое, что мнѣ бросается въ глаза, это—яркое пламя. Не успѣлъ я еще опомниться, какъ неудержимая волна народа хлынула прямо на меня и увлекла за собою. Нѣсколько тучныхъ генераловъ кричали въ ужасѣ: «О, Боже мой, императоръ, императоръ не спасенъ!» А другіе, требовавшіе воды, такъ запутали меня въ своемъ бѣгствѣ, что я отдѣлался отъ нихъ только въ третьей комнатѣ и тотчасъ же поспѣшилъ назадъ. Громадный залъ пылалъ въ огнѣ, а у портала тѣснилась публика и съ криками ужаса, давя другъ друга, бросалась въ садъ. Между тѣмъ пламя бушевало, быстро захватывая все, что еще не было охвачено огнемъ. Въ черномъ столбѣ дыма трещали разлетавшіяся во всѣ стороны искры; массивныя люстры, балки, доски съ грохотомъ рушились. Черезъ нѣсколько времени отъ всего великолѣпія осталась только груда развалинъ. Ужасное зрѣлище! Кто въ состояніи описать его? Вода, которую выливали цѣлыми ведрами, не помогала и съ шипѣніемъ обращалась въ пары. Красота, знатность, однимъ словомъ, чуть ли не вся гордость Европы, такъ безпечно веселившіяся среди этого великолѣпія,— все бросалось теперь въ разныя стороны, спасаясь отъ огня. Всеобщая паника, личная опасность, страхъ и забота о своихъ близкихъ заступили мѣсто радостнаго веселья. Всѣ искали и звали своихъ, безцеремонно проталкиваясь черезъ толпу; у каждаго была только своя личная цѣль. Мужья искали своихъ женъ, матери были разлучены съ своими дочерьми, видѣвъ ихъ въ послѣдній разъ въ рядахъ танцующихъ. Никто не зналъ о судьбѣ другаго. Повсюду раздавался плачъ, а нѣкоторые приходили просто въ бѣшенство. Другіе, отыскавъ дорогихъ своему сердцу, со страстной радостью бросались въ ихъ объятія; видно было много раненныхъ и падающихъ въ обморокъ. Подъ тяжестью людей, искавшихъ спасенья въ бѣгствѣ, ступени портала подломились и рухнули; многіе попадали и были растоптываемы бѣжавшими вслѣдъ за ними. Пламя опережало спасавшихся. Неаполитанская королева упала безъ чувствъ, и великій герцогъ Вюрцбургскій явился ея спасителемъ. Королева Вестфальская своимъ спасеньемъ была обязана своему супругу и графу Меттерниху. Русскій посолъ, князь Куракинъ, былъ вытащенъ въ обморокѣ изъ толпы докторомъ Корефъ (Koreff) при содѣйствіи австрійскихъ

и французскихъ офицеровъ. Платье на немъ горѣло, и его тушили водою изъ лужи, между тѣмъ какъ другіе отрѣзывали бриліантовыя пуговицы его одежды. Сильнѣе всѣхъ пострадали дамы, благодаря своимъ легко воспламеняющимся платьямъ. Жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ находилась въ опасности, до того смертельны были ихъ пораненія. Прислуга, рабочіе и пожарные находились тутъ же, и различія состояній, казалось, не существовало. Звѣзды и ордена никогда не испытывали къ себѣ такого равнодушія со

стороны публики, и никогда еще не обращалось такъ мало вниманія на высочества и величества, какъ теперь. Со страстной сердечностью обнялъ въ саду князь Іосифъ Шварценбергъ свою спасенную, сильно пострадавшую, дочь, но съ тѣмъ большимъ отчаяніемъ искалъ онъ теперь свою жену, которой никакъ не могъ найдти еще. Дочь находилась при ней, но потеряла ее изъ вида, когда между ними упала горящая балка. Мы приведемъ здѣсь слова маіора фонъ-Прокешъ, который въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о князѣ Шварценбергѣ передаетъ слѣдующее: «Въ тотъ моментъ, когда вспыхнулъ пожаръ, князь Іосифъ разговаривалъ, находясь около императрицы. На первый же крикъ объ опасности онъ обернулся въ сторону, гдѣ только что разбѣжались пары танцующихъ, и при этомъ указалъ подошедшимъ къ нему вице-королю Евгенію и его супругѣ боковую дверь, черезъ которую тѣ и вышли. Въ залѣ пламя и дымъ уже боролись за господство. Онъ сталъ розыскивать свою супругу, но не находилъ ея. Наконецъ, удачно выбравшись черезъ лѣстницу въ садъ, онъ разспрашивалъ всѣхъ о пропавшей, и нѣкоторые говорили ему, что видѣли ее, увѣряя, что она въ саду. «Она тамъ!» —крикнулъ ему какой-то голосъ. Онъ бросается туда, но это была дама, похожая на его жену. Душу его охватилъ невыразимый ужасъ. Онъ вернулся въ залу. Лѣстница уже рухнула. Люди бѣгутъ оттуда и падаютъ другъ черезъ друга. Мимо него проносятъ его обгорѣвшую дочь, бережно закутанную. Тутъ же тащатъ жену его брата; головной уборъ ея былъ сорванъ. Его взглядъ при зловѣщемъ освѣщеніи пожара падаетъ на стонущую фигуру въ разодранномъ, почти совсѣмъ истребленномъ огнемъ платьѣ и съ тлѣющей діадемой на лбу. Это княгиня фонъ-деръ-Лейенъ. Шведскій офицеръ, который только-что вынесъ ее изъ залы, увѣряетъ, что видѣлъ въ пламени странствующую фигуру! Князь Іосифъ спѣшитъ ко входу. Онъ хочетъ взобраться по горящимъ ступенямъ. Весь полъ залы рушится съ глухимъ шумомъ, и видны лишь клубы густаго дыма, поднимающагося изъ развалинъ. Все погибло!»

Вотъ что говоритъ этотъ разсказъ. Съ начала пожара до указаннаго момента прошло не болѣе четверти часа, и я все время присутствовалъ при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Впечатлѣнія всего видѣннаго быстро смѣнялись одно за другимъ. Впрочемъ, показанія отдѣльныхъ личностей сильно расходились, хотя въ общемъ и способствовали разъясненію истины. Если «Moniteur» и предполагаетъ, что княгиня Шварценбергъ разговаривала съ королемъ Вестфальскимъ, княземъ Боргезе и графомъ Реньо уже внѣ залы, въ саду, то достовѣрно только одно, что это ни на чемъ не основано; перепутать имена было въ высшей степени легко, и, къ тому же, подобное увѣреніе могло вытекать изъ добраго намѣре-

нія. Но, когда и бывшій тогда префектомъ дворца де-Боссэ разсказываетъ въ своихъ иемуарахъ о томъ, что: «On vit s'élancer une femme jeune, belle, d'une taille élégante... poussant des cris douleureux, des cris de mère»... и въ такомъ же духѣ продолжаетъ описывать «désolante apparition», то онъ явно поддается здѣсь своему поэтическому воображенію. Никто не видѣлъ несчастной княгини, уже спасшейся изъ залы, и никто не говорилъ съ нею и точно также не видѣлъ, чтобы она возвратилась туда. Подобное возвращеніе было бы совершенной невозможностью. Прежде всего этому бы воспрепятствовалъ встрѣчный потокъ людей, а, кромѣ того, и сплошной огонь, который гналъ его, тотчасъ же охватывая все пространство. Пламя въ нѣсколько минутъ сдѣлалось до такой степени невыносимымъ, что, какъ я самъ убѣдился въ этомъ, къ нему нельзя было подойдти на десять шаговъ, чтобы не потерять сознанія въ клубахъ густаго, убійственнаго дыма. Взглядъ уже не могъ проникать въ это сплошное море огня и дыма, такъ что и вышеприведенныя показанія, а равно и всѣ могущія появиться впослѣдствіи, слѣдуетъ исправить по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ. О судьбѣ княгини первоначально не могло существовать подобныхъ печальныхъ предположеній, и все еще надѣялись, что она спасена; она могла уѣхать съ другими лицами, наконецъ, могла лежать гдѣ нибудь въ саду въ обморокѣ или же неузнанной быть принятой въ какомъ нибудь изъ сосѣднихъ домовъ. Все еще не переставали розыскивать ее, и несчастный князь Іосифъ просто выбился изъ силъ. Между тѣмъ залъ и галлерея сгорѣли дотла, и, не смотря на дѣйствіе пущенныхъ въ ходъ пожарныхъ рукавовъ, пламя коснулось самаго отеля, угрожая и это зданіе обратить въ пепелъ. Прежде всего опасность угрожала архиву, и на его спасенье были обращены всѣ усилія; всѣ австрійцы приняли участіе въ этомъ: кто носилъ воду, кто пускалъ въ дѣло, гдѣ было нужно, крючья и топоры, кто выносилъ вещи. Шляпы и шпаги были сброшены, даже мундиры, какъ лишнее бремя при такой жарѣ, къ тому же сильно попорченные отъ воды и огня, были скинуты.

Иностранцы большею частью разъѣхались; остались только ближайшіе знакомые дома и нѣсколько французскихъ должностныхъ лицъ, которые и продолжали свою дѣятельность на мѣстѣ великаго бѣдствія. Вмѣсто разодѣтыхъ и сіяющихъ гостей, залы, дворъ и садъ наполнились солдатами императорской гвардіи, количествомъ до тысячи человѣкъ. Такой контрастъ сильно дѣйствовалъ на душу. Но болѣе сильное впечатлѣніе оставалось еще впереди. Императоръ проводилъ императрицу до Елисейскихъ полей, гдѣ ее ожидали кареты для обратной поѣздки въ С.-Клу, и въ сопровожденіи одного лишь адъютанта вернулся обратно. Совершенно неожиданно для всѣхъ появился онъ въ толпѣ въ своемъ сѣромъ

сюртукѣ. Его появленіе удвоило рвеніе. Онъ приказалъ очистить мѣсто отъ посторонней публики, велѣлъ занять всѣ входы и лично отдавалъ распоряженія относительно принятія мѣръ противъ не прекращавшагося пожара; сильная струя воды, выброшенная насосомъ, чуть не сшибла его съ ногъ, но онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія. Свѣдѣнія о числѣ пострадавшихъ скоро были приведены въ извѣстность, и поиски за все еще не находившейся княгиней продолжались съ удвоенной энергіей. Въ то же время происходилъ и строгій судъ надъ мѣстной администраціей. Полицейскій префектъ Парижа графъ Дюбуа былъ въ затруднительномъ положеніи: онъ долженъ былъ все знать, все предвидѣть и во всемъ дать отчетъ. Суровая строгость Наполеона побуждала нерѣшительнаго графа къ усиленной дѣятельности, но онъ только тихо извинялся, бросался во всѣ стороны, разспрашивалъ, отдавалъ распоряженія и, возвращаясь каждую минуту къ государю, снова выслушивалъ отъ него цѣлый потокъ упрековъ и рѣзкихъ словъ. Сильнѣе всего досталось брандмейстеру. Генералъ графъ Гюленъ (Hulin), желая выказать свое усердіе и подставить императору предметъ, на которомъ тотъ могъ бы сорвать свой гнѣвъ, набросился на этого бѣднаго человѣка и, ударивъ его нѣсколько разъ въ грудь кулакомъ, толкнулъ ногою и осыпалъ его цѣлымъ градомъ ругательствъ. Наполеонъ, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи, смотрѣлъ на это гнѣвнымъ и строгимъ взглядомъ. Сцена кончилась арестомъ брандмейстера, который послѣ долгаго тюремнаго заключенія былъ позорно выгнанъ со службы. Какъ утверждаетъ герцогъ Ровиго, вина брандмейстера состояла въ нѣкоторой медлительности въ подачѣ помощи, однако многіе извиняли его и были того убѣжденія, что уже при выходѣ императора изъ залы,—а раньше ни одинъ насосъ и не могъ бы прибыть, такъ какъ нельзя было успѣть поднять тревогу,—никакая сила тушительныхъ снарядовъ не могла бы спасти горѣвшее зданіе. Между тѣмъ поиски за княгиней были безплодны. Ея не было ни въ саду, ни у знакомыхъ, нигдѣ! Разосланные во всѣ концы приближенные Наполеона возвращались ни съ чѣмъ. Несчастный князь, измученный физически и душевно, бродилъ повсюду, какъ тѣнь. Его пробовали успокоить, утѣшить, но ничто не дѣйствовало, даже присутствіе и слова императора только скользили по немъ. Только тогда, когда послѣдняя искра была потушена, и Наполеону лично не оставалось ничего дѣлать, онъ уѣхалъ въ С.-Клу. Гренадеры его гвардіи расположились на ночлегъ, и рѣдкій бивуакъ былъ на столько блестящъ и обиленъ разными угощеніями. И мы, тоже утомленные послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, должны были искать себѣ подкрѣпленія и отдыха. Мы подсѣли къ одному изъ богато сервированныхъ столовъ, и между нами завязался оживленный разговоръ по поводу злополучнаго бала. Тѣмъ временемъ,

гроза, давно уже надвигавшаяся, разразилась надъ нами, какъ зловѣщая интермедія. Ослѣпительныя молніи сверкали въ воздухѣ, громовые удары слѣдовали одинъ за другимъ, и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Когда, наконецъ, буря стихла, и свѣтлая полоса наступавшаго дня прорѣзалась между расходившимися тучами,

какое-то безпокойство снова потянуло насъ туда, гдѣ мы пережили столько ужасовъ. Насъ было уже немного, и мы, молча, разбрелись по громадному саду. Я пошелъ на пожарище; мрачныя груды развалинъ виднѣлись повсюду; обугленныя балки, выпавшіе кирпичи, разные обломки, черепки, — все валялось вперемежку; въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ дождя образовались грязныя лужи. Подымали части люстръ, согнутыя шпаги, браслеты и другія украшенія, которыя, благодаря огню, сдѣлались неузнаваемыми. Недалеко отъ меня по развалинамъ поднимались графъ Гюленъ и докторъ Галъ. Вдругъ Гюленъ остановился, подался немного назадъ, и я услышалъ въ полголоса произнесенныя слова: «докторъ Галъ, подите сюда, здѣсь человѣческое тѣло!»... Я и теперь еще съ дрожью вспоминаю эти зловѣщія слова; страхъ сдавилъ мнѣ грудь. Галъ подошелъ, а за нимъ и я; избѣгая всякаго шума, мы старались различить предметъ нашего вниманія. Въ глубинѣ развалинъ, на половину прикрытый балками и углемъ, лежалъ скорчившійся, обугленный трупъ, совершенно не узнаваемый. Только силою воображенія можно было распознать въ немъ человѣческій образъ. Сохранилась только одна грудь, случайно попавшая въ собравшуюся въ одномъ мѣстѣ воду, и ея свѣжая бѣлизна рѣзко отдѣлялась отъ остальныхъ черныхъ частей тѣла. Съ молодыхъ лѣтъ привыкшій къ подобнымъ ужаснымъ зрѣлищамъ, я тутъ невольно отвернулся. Галъ сошелъ въ углубленіе и высказалъ предположеніе, что это княгиня Шварценбергъ; нѣсколько колецъ и ожерелье валялись тутъ же, при трупѣ; ихъ показали послу, ходившему недалеко отъ насъ, и послѣ этого не могло оставаться никакихъ сомнѣній: ожерелье носило вензеля дѣтей княгини; ихъ было у нея восемь, а девятый, еще не родившійся, раздѣлилъ съ нею ея участь. Въ этотъ моментъ открытія ужасной истины всѣ пали духомъ; глубокая печаль склонила головы, на глазахъ навернулись слезы. Невольно явилась новая забота — извѣстить князя Іосифа о постигшемъ его несчастіи и въ то же время принять надлежащія мѣры къ извлеченію тѣла изъ-подъ развалинъ. Мѣсто нахожденія и самое положеніе трупа дѣлали, по крайней мѣрѣ, возможнымъ утѣшительное предположеніе о томъ, что несчастная не сгорѣла заживо. По всей вѣроятности, отрѣзанная отъ главнаго выхода, или же желая избѣгнуть давки, она попробовала добраться до боковаго выхода во внутренніе покои отеля, но по дорогѣ, упавши, задохлась отъ дыма и уже потомъ была охвачена пламенемъ и вмѣстѣ съ рухнувшимъ досчатымъ поломъ погрузилась въ углубленіе съ водою. Мы покинули мѣсто разрушенія и горя, но сонъ и спокойствіе не приходили къ намъ; страшныя грезы не позволяли надолго сомкнуть глаза, и, вздрагивая и просыпаясь, приходилось возвращаться къ дѣйствительности. Да и на улицахъ, оживленныхъ событіями ночи, замѣтнѣе обыкновеннаго царилъ уже день со всей его дѣловой сутолокой. Весь Парижъ заволновался событіями этой ночи. Извѣстіе о пожарѣ, заявившемъ о себѣ громаднымъ заревомъ, съ быстротою молніи распространилось повсюду. Предполагали покушеніе на жизнь императора, начало осуществленія какого нибудь колоссальнаго заговора, и неизвѣстность вол-

новала всѣ умы. Одно время всеобщее убѣжденіе сводилось къ тому, что пожаръ возникъ вслѣдствіе поджога, учиненнаго врагами императора, съ цѣлью избавиться отъ ненавистнаго деспота, его семьи и приверженцевъ. По крайней мѣрѣ, это было убѣжденіемъ большинства французовъ, которое не легко было искоренить впослѣдствіи; къ разсказамъ о противномъ относились недовѣрчиво. Только на третій день появились въ «Moniteur'ѣ» подробныя извѣстія о происшедшемъ, но и то далеко не всѣ были удовлетворены ими. Однако, въ виду полнаго согласія показаній большинства свидѣтелей пожара и самаго сильнаго доказательства, заключавшагося въ характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій Наполеона, пустая молва не могла держаться дольше, и истина восторжествовала какъ во Франціи, такъ и повсюду за границей.

Цѣлый рядъ печальныхъ дней послѣдовалъ за этимъ событіемъ, впродолженіе которыхъ мы продолжали жить тяжелымъ прошедшимъ съ его мрачными послѣдствіями. Погребеніе княгини Полины Шварценбергъ было совершено съ обычной пышностью. За нимъ послѣдовали похороны княгини фонъ-деръ-Лейенъ, генеральши Тузаръ и другихъ дамъ высшаго общества, умершихъ втеченіе слѣдующихъ дней или недѣль послѣ тяжкихъ страданій отъ обжоговъ.

Всего погибло болѣе двадцати жертвъ, а болѣе или менѣе пострадавшихъ оказалось за шестьдесятъ. Молодая княжна Шварценбергъ, носившая имя несчастной матери, едва избѣжавшая смерти, нѣсколько недѣль лежала въ безнадежномъ состояніи. Выздоровленіе русскаго посла, князя Куракина, долгое время оставалось сомнительнымъ. Потеря драгоцѣнностей была громадная; ее исчисляли въ нѣсколько милліоновъ. Австрійскій посолъ, кромѣ собственныхъ убытковъ, несъ убытки и многихъ другихъ лицъ, которымъ онъ возмѣщалъ потерянное или поврежденное. Глубокое и зловѣщее впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было очевидно. Оно сильно засѣло въ умахъ и воображеніи толпы, и, какъ ни старались искоренить его, оно снова оживлялось при воспоминаніи несчастныхъ слачаевъ, сопровождавшихъ помолвку австрійской эрцгерцогини Маріи-Антуанеты съ французскимъ дофиномъ, впослѣдствіи королемъ Людовикомъ XVI, и какъ бы предрекавшихъ роковую судьбу королевской четы.

Недавній случай служилъ лишь новымъ подтвержденіемъ, что надъ союзомъ Франціи съ Австріей тяготѣетъ какой-то злой рокъ, и послѣдующія событія и на этотъ разъ оправдали отчасти это суевѣрное заблужденіе.

Н. Шильдеръ.

ДРЕВНІЙ БОГОЯВЛЕНСКІЙ ХРАМЪ ВЪ ГОРОДѢ ОСТРОГѢ.

ГОРОДѢ Острогѣ, Волынской губерніи, совершилось недавно торжество возстановленія изъ развалинъ древняго православнаго храма.

Чтобы выяснить значеніе этого праздника, необходимо напомнить, что Острогъ—одинъ изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ городовъ, получившій въ исторіи извѣстность съ того времени, когда, послѣ кончины равноапостольнаго князя Владиміра, южная Русь распалась на удѣлы; городъ Острогъ поступилъ тогда къ князю Давиду Игоревичу († 1112 г.), а въ концѣ XIII вѣка образовалъ изъ себя особый удѣлъ, перейдя во владѣніе князей туровскихъ и пинскихъ. Одному изъ этихъ князей, Даніилу Васильевичу Острожскому, городъ обязанъ возведеніемъ тѣхъ укрѣпленій, остатки которыхъ сохранились до нашихъ дней. Внукъ Даніила, Василій Красный († 1453 г.), сынъ Ѳеодора, въ схимѣ Ѳеодосія, причтеннаго къ лику святыхъ (мощи котораго покоятся въ Кіево-Печерской лаврѣ), еще болѣе возвысилъ и упрочилъ городъ Острогъ; такъ онъ расширилъ крѣпость и возвелъ на ней башни, построилъ церковь св. Василія и, наконецъ, соорудилъ при замкѣ величественный храмъ въ византійскомъ стилѣ въ честь Богоявленія. Внукъ Василія Краснаго, литовскій гетманъ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, охраняя свои владѣнія отъ татарскихъ набѣговъ, обнесъ замковую гору каменной стѣной и устроилъ въ укрѣпленіи еще нѣсколько башенъ, причемъ по недостатку мѣста онъ принужденъ былъ примкнуть часть крѣпостной стѣны къ Бо-

Развалины замковаго Богоявленскаго храма въ г. Острогѣ, сооруженнаго въ XV вѣкѣ.

гоявленскому храму и измѣнить нѣсколько внѣшній и внутренній видъ храма, который поэтому утратилъ свой прежній строго византійскій стиль и получилъ весьма своеобразную форму; вмѣстѣ съ этимъ въ сѣверной церковной стѣнѣ были устроены амбразуры для орудій, а надъ амбразурами въ стѣну были вставлены четыре каменныя плиты съ выбитыми славянскими и латинскими надписями. Такимъ образомъ храмъ вполнѣ сдѣлался составною частью Острожской крѣпости.

Впослѣдствіи Богоявленскій храмъ былъ каѳедральнымъ соборомъ луцкихъ и острожскихъ православныхъ епископовъ. Внушительный по внѣшнему своему виду и величественный внутренними богатыми украшеніями, храмъ этотъ былъ мѣстомъ совершенія божественной службы многими южно-русскими іерархами, оставившими по себѣ память въ исторіи, именно: знаменитымъ ученымъ Кирилломъ Лукарисомъ, бывшимъ въ то время ректоромъ Острожской академіи, а впослѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ; пресвитеромъ Василіемъ, извѣстнымъ своею дѣятельностію на пользу православія и ревностнымъ проповѣдникомъ; протопопомъ Даміаномъ, роднымъ братомъ казацкаго гетмана Северина Наливайки, и другими.

Послѣ кончины князя К. К. Острожскаго († 1608 г.), этого, по словамъ польскаго короля Стефана Баторія, «верховнаго хранителя и защитника западно-русской православной церкви», не допустившаго вторженія уніи въ предѣлы своего владѣнія, православіе начало претерпѣвать въ городѣ Острогѣ гоненія. Главной причиной тому послужило то, что внучка знаменитаго ревнителя православія, Анна Александровна, вышедшая замужъ за гетмана Ходкевича, совратилась въ латинство, принявъ имя Алоизы. Сохранилось преданіе о причинахъ и условіяхъ паденія древняго Богоявленскаго храма. Въ свѣтлый день Пасхи прихожане во множествѣ собрались къ храму и, за недостаткомъ въ немъ мѣста, расположились съ куличами и яйцами на площади и на подъемномъ мосту, перекинутомъ черезъ ровъ, отдѣляющій зàмокъ отъ города. Въ это время изъ зàмка выѣхала въ каретѣ княгиня Анна-Алоиза, направлявшаяся также на богослуженіе въ іезуитскій костелъ. Увидѣвъ густую толпу народа, княгиня приказала разгонять его бичами и двинулась прямо на приготовленные народомъ къ освященію куличи и яйца. Народъ и безъ того негодовалъ на княгиню Анну за отступничество отъ православной вѣры; но тутъ чаша терпѣнія переполнилась, и оскорбленные поруганіемъ пасхальныхъ принадлежностей и побоями прихожане начали бросать въ карету яйца, однимъ изъ которыхъ былъ выбитъ у княгини глазъ. Анна-Алоиза не простила нанесеннаго ей оскорбленія и вызвала въ Острогъ королевскій трибуналъ, который приговорилъ многихъ мѣщанъ къ казни; но она пощадила, однако, осужденныхъ и ограничилась изгнаніемъ православнаго духовенства изъ

своихъ владѣній и прекращеніемъ богослуженія въ православныхъ церквахъ. Народное сказаніе добавляетъ, что іезуиты, опасаясь передачи Богоявленской церкви какому либо католическому монашескому ордену въ ущербъ имъ самимъ, предали анаѳемѣ какъ

Богоявленскій храмъ въ г. Острогѣ, возобновленный въ 1891 году.

церковь, такъ и того, кто бы пожелалъ возстановить въ ней богослуженіе. Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени Богоявленскій храмъ оставался въ совершенномъ запустѣніи и обратился въ развалины, изображенныя въ гравюрѣ по фотографіи, снятой въ 1886 году.

Ревнители православія не могли, однако, равнодушно взирать на развалины нѣкогда величественнаго вѣковаго острожскаго храма и начали хлопотать о возстановленіи его. Вопросъ этотъ первоначально былъ представленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ іюнѣ 1864 года, когда дѣло сооруженія и возстановленія православныхъ церквей въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ находилось въ завѣдываніи П. Н. Батюшкова. По представленію послѣдняго, правительство дважды давало разрѣшеніе на отпускъ суммъ, необходимыхъ на возобновленіе Богоявленскаго храма, причемъ на составленномъ проектѣ въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ II собственноручно измѣнилъ характеръ куполовъ, очертивъ ихъ закругленность въ форму, приближающуюся къ виду грузинскихъ куполовъ. Но, не смотря на старанія П. Н. Батюшкова, на отпускъ денегъ для реставраціи и на высочайшую санкцію проекта, вышло такъ, что данныя на Богоявленскій храмъ суммы были обращены на другой предметъ. Наконецъ, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, покойнаго графа Д. А. Толстаго, послѣдовало 30-го іюня 1883 года высочайшее повелѣніе о возобновленіи древней острожской святыни по проекту архитектора Токарева, причемъ изъ казны были ассигнованы необходимыя на то суммы.

По этому проекту внѣшній византійскій стиль острожскаго Богоявленскаго храма сохраненъ вполнѣ; но внутренняя отдѣлка его не могла быть возстановлена въ прежнемъ видѣ, не сохранившемся до нашего времени въ рисункахъ.

Работы, начатыя 9-го октября 1885 года, производились подъ ближайшимъ наблюденіемъ особо назначеннаго для того хозяйственно-строительнаго комитета изъ мѣстныхъ русскихъ людей. Только этимъ путемъ можно было достигнуть полной реставраціи храма за сравнительно небольшую сумму, — именно всего за 108,550 рублей.

Наканунѣ освященія храма, 12-го октября 1891 года, своды его огласились заупокойною молитвою за всѣхъ потрудившихся надъ укрѣпленіемъ въ древне-русской Волынской землѣ вѣры православной и за доблестныхъ дѣятелей въ этомъ направленіи, князей Острожскихъ. 13-го октября совершенъ чинъ освященія храма и вслѣдъ затѣмъ была принесена безкровная жертва, — впервые послѣ того, какъ русская святыня была закрыта врагами православія, поругана іезуитами и опустошена временемъ. Знаменательное по существу своему богослуженіе представляло полное торжество и съ внѣшней стороны, какъ совершенное двумя православными архіереями—епископами волынскимъ Модестомъ и острожскимъ Антоніемъ, въ присутствіи кіевскаго генералъ-губернатора графа А. П. Игнатьева, волынскаго губернатора Е. О. Янковскаго, попечителя Кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельями-

нова-Зернова, предсѣдателя Владиміро-Волынскаго братства, мѣстнаго дѣятеля Е. Н. Дверницкаго и другихъ почетныхъ лицъ.

Возстановленіе храма, по русскому обычаю, закончилось трапезой, устроенной въ помѣщеніи острожскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, за которой были произнесены глубоко-прочувствованныя рѣчи главнымъ начальникомъ края и начальникомъ губерніи, равно генералъ-лейтенантомъ Панютинымъ, — рѣчи, посвященныя исторіи острожскаго храма и значенію православія въ краѣ, причемъ благодарственно вспоминалось имя иниціатора по возстановленію храма П. Н. Батюшкова, которому была послана привѣтственная телеграмма.

На память объ острожскомъ торжествѣ русскій землевладѣлецъ Острожскаго уѣзда А. Д. Злотницкій пожертвовалъ въ Богоявленскій соборъ прекрасно сохранившійся экземпляръ первопечатной славянской библіи, изданной въ городѣ Острогѣ 31-го августа 1581 года.

М. Городецкій.

РЕВОЛЮЦІЯ „БАКАЛАВРОВЪ“.

Non libertatem inimicam libertati!

РУДНО пріискать въ жизни современныхъ народовъ болѣе яркій примѣръ неудачной погони за свободой, чѣмъ какой представляютъ теперешнія событія въ Бразиліи. Что намъ Бразилія и что мы ей?—нетерпѣливо спрашиваетъ себя читатель, пробѣгая длинный рядъ телеграммъ и извѣстій, получаемыхъ изъ этой отдаленной страны. И тѣмъ не менѣе онъ пробѣгаетъ эти телеграммы, эти газетныя извѣстія, и въ душѣ у него шевелится чувство, что бразильскія событія имѣютъ какое-то сходство съ животрепещущими злобами русской жизни. Но какое? Насъ трогаетъ судьба императора Домъ-Педро, незаслуженно, повидимому, свергнутаго съ престола и умершаго вдали отъ родины съ горькою улыбкою глубокаго разочарованія на устахъ. Мы спрашиваемъ себя, отчего онъ былъ свергнутъ, какіе общественные элементы возстали противъ него: не бывшіе же рабы, которыхъ онъ освободилъ, не народъ, благу котораго онъ посвятилъ всю свою жизнь, не интеллигенція же подняла руку на этого просвѣщеннаго и всецѣло преданнаго успѣхамъ просвѣщенія дѣятеля? Кто же? Плантаторы, армія? Прекрасно; но почему же они не приступили къ государственному перевороту раньше, когда дѣло эмансипаціи рабовъ еще не было совершено?

Этихъ вопросовъ никто еще не разъяснилъ ни въ русской, ни даже въ западной журналистикѣ. А между тѣмъ отвѣтъ на нихъ, вытекающій изъ безпристрастной оцѣнки исторіи Бразиліи, оказы-

вается чрезвычайно интереснымъ, и притомъ для насъ русскихъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ для западныхъ народовъ, такъ какъ Бразилія поставлена во многихъ отношеніяхъ въ аналогичныя съ нами условія: по обширности территоріи, рѣдкости населенія, сравнительной молодости общественной и государственной жизни и, наконецъ, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя имѣла отмѣна у насъ крѣпостничества, а въ Бразиліи невольничества.

Правда, у насъ крѣпостное право отмѣнено еще въ 1861 году; въ Бразиліи же отмѣна невольничества послѣдовала всего три года тому назадъ. Но къ этому времени уже очень значительное число рабовъ было освобождено разными предварительными законодательными мѣропріятіями. Уже въ 1845 году, будучи двадцати лѣтъ отъ роду, императоръ Домъ-Педро публично заявляетъ о своей твердой рѣшимости уничтожить не только торговлю неграми, но и самое невольничество. На первыхъ шагахъ онъ встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ со стороны всего общественнаго мнѣнія; но это его не смущаетъ. Пять лѣтъ спустя, онъ уже рѣшается установить наказаніе за ввозъ негровъ въ Бразилію и назначаетъ срокъ для прекращенія этой постыдной торговли. Поддерживая въ законодательномъ собраніи эту реформу, онъ тономъ глубокаго убѣжденія и непоколебимой рѣшимости заявляетъ, что «онъ лучше потеряетъ корону, чѣмъ откажется отъ осуществленія своей реформы». Его энергія преодолѣваетъ сопротивленіе народныхъ представителей, но реформа почти остается мертвою буквою. Въ Бразиліи уже тогда существовалъ судъ присяжныхъ, которому были подсудны дѣла, касавшіяся торга невольниками. Этотъ судъ присяжныхъ, этотъ голосъ общественнаго мнѣнія въ судебныхъ дѣлахъ, признаетъ всѣхъ торговцевъ живымъ человѣческимъ мясомъ, т. е. лицъ, нарушавшихъ новый законъ, невиновными. Воля императора восторжествовала только формально. Общественное мнѣніе воспротивилось ея осуществленію.

Но императоръ не смутился постигшею его неудачею. Черезъ извѣстные сроки онъ составляетъ и вноситъ въ парламентъ разные законы, облегчающіе участь невольниковъ. Это выводитъ рабовладѣльцевъ изъ себя. Ихъ публицисты начинаютъ вести систематическую агитацію противъ императора, обвиняютъ его въ составленіи заговоровъ, въ подготовленіи опаснаго государственнаго переворота. Домъ-Педро воздерживается отъ преслѣдованія печати. Онъ предоставляетъ ей полную свободу, не стѣсняетъ даже собраній, на которыхъ ораторы прямо призываютъ своихъ слушателей къ мятежу, но въ то же время продолжаетъ твердо идти намѣченнымъ себѣ путемъ. Послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ реформъ, значительно смягчившихъ рабство, онъ въ 1880 году рѣшается внести законопроектъ объ окончательной его отмѣнѣ. Парламентъ, однако, снова отвергаетъ этотъ законопроектъ подавляю-

щимъ большинствомъ голосовъ. Четыре года спустя, императоръ вноситъ однородный законопроектъ; парламентъ не принимаетъ его даже во вниманіе. Императоръ распускаетъ парламентъ, но новый немедленно низвергаетъ министерство Дантоса, защищающее реформу императора. Въ 1886 году императору лишь съ большимъ трудомъ удается отмѣнить наказаніе негровъ кнутомъ, практиковавшееся въ Бразиліи съ необыкновенною жестокостью, такъ что онъ начинаетъ даже падать духомъ и публично произноситъ слѣдующія горестныя слова: «Неужели я умру раньше, чѣмъ смою съ моего отечества позорное пятно рабства!»

Но усилія императора, его стойкость, его непоколебимая воля сдѣлали свое дѣло. Съ каждымъ годомъ число сторонниковъ его завѣтной мечты увеличивалось. Благодаря личному его вліянію, нѣкоторые плантаторы либо облегчали участь своихъ невольниковъ, либо даже отпускали ихъ на волю съ обязательствомъ прослужить у нихъ извѣстный срокъ. Общественное мнѣніе все болѣе склонялось въ пользу окончательной отмѣны рабства, и въ концѣ концовъ императору удалось достигнуть своей цѣли. 1-го (13-го) мая 1888 года рабство было безповоротно и окончательно отмѣнено въ Бразиліи.

Это одинъ изъ многихъ примѣровъ,—хотя по значенію своему и главный,—иллюстрирующихъ ту борьбу, которую пришлось вести императору для обезпеченія культурныхъ успѣховъ своей страны. Организованное общество ставило ему почти непреодолимыя препятствія. Если въ вопросѣ объ отмѣнѣ невольничества судъ присяжныхъ и парламентъ прямо отвергали предположенную важную реформу, то во всѣхъ другихъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ народное представительство отказывалось предоставлять императору необходимыя денежныя средства. Заходила ли рѣчь о принятіи мѣръ для оказанія содѣйствія земледѣлію, главной отрасли промышленности страны, или объ увеличеніи средствъ, необходимыхъ для успѣховъ низшаго, средняго или высшаго образованія,—парламентъ постоянно отказывалъ въ денгахъ. Главными плательщиками налоговъ были, понятно, землевладѣльцы, обогащавшіеся трудомъ невольниковъ. Они засѣдали въ парламентѣ, отказывались освободить рабовъ и удѣлить часть своихъ доходовъ на культурные успѣхи страны. Читая капитальный трудъ о современномъ состояніи Бразиліи, составленный выдающимися спеціалистами подъ общей редакціей г. Нери (Néry. Le Brésil en 1889. Paris. 1889), мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ слѣдующую характерную фразу: «Оппозиція палаты депутатовъ и сената противъ увеличенія расходовъ приняла такіе размѣры, что законопроектъ (той или другой реформы) неизбѣжно потерпѣлъ бы крушеніе, если бы императоръ не принялъ его подъ свое покровительство». Реформы же эти заключались: въ учрежденіи новыхъ каѳедръ, клиникъ, сель-

ско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, пріютовъ для сиротъ и умалишенныхъ, въ увеличеніи числа народныхъ школъ и пр. Во всѣхъ этихъ вопросахъ императоръ постоянно наталкивался на отпоръ. Преслѣдуя одну основную цѣль, стремясь всѣми силами своего просвѣщеннаго ума и человѣколюбиваго сердца къ созданію въ странѣ культурныхъ условій жизни, къ искорененію соціальной неправды, къ распространенію образованія, къ облегченію участи всѣхъ страждущихъ не по своей винѣ, онъ не угождалъ ни консерваторамъ, ни либераламъ. Консерваторы негодовали на него за то, что онъ отмѣною рабства и увеличеніемъ государственныхъ расходовъ подрываетъ ихъ благосостояніе. Либералы же, имѣя въ виду фантастическія соціальныя и экономическія реформы, которыя могли развѣ осуществиться въ весьма отдаленномъ будущемъ, изображали императора какимъ-то деспотомъ, только и помышляющимъ о томъ, какъ бы стѣснить или даже подавить свободу народа. Между тѣмъ вотъ что писалъ объ этомъ мнимомъ деспотѣ одинъ изъ рьяныхъ французскихъ республиканцевъ, Рибейроль (Ribeyrolles. Le Brésil pittoresque. Rio de Janeiro. 1859): «Въ Бразиліи уже много лѣтъ какъ не существуетъ ни политическихъ процессовъ, ни политическихъ преступниковъ, ни преслѣдованія печати, ни ссылокъ. Мысль во всѣхъ ея проявленіяхъ давно не вызываетъ подозрѣній и не подлежитъ вѣдѣнію полиціи. Душа свободна, какихъ бы вѣрованій человѣкъ ни придерживался и что бы онъ ни дѣлалъ. Государство въ этомъ отношеніи бездѣйствуетъ. И почему? Потому что Домъ-Педро II дорожитъ не своею прерогативою и не своею личностью, а дѣломъ; потому что въ странѣ царствуетъ духъ терпимости, примиренія, общественности; потому что даже католицизмъ, хотя и признается государственною религіею, не осмѣливается уже метать проклятія и громы». Это писалъ убѣжденный республиканецъ въ 1859 году. Затѣмъ Домъ-Педро царствовалъ еще тридцать лѣтъ, но не только не уклонялся отъ выраженныхъ такъ краснорѣчиво Рибейролемъ принциповъ, но, напротивъ, съ необычайною стойкостью продолжалъ неуклонно ихъ придерживаться, хотя на каждомъ шагу встрѣчалъ въ свободѣ общества препятствіе къ установленію соціальнаго равенства, культуры и истинной свободы. Нерѣдко, когда онъ выходилъ изъ какого нибудь публичнаго собранія, за его спиною раздавались крики: «Да здравствуетъ республика!» Дорожа свободою убѣжденій, онъ на эти крики не обращалъ ровно никакого вниманія. Честолюбивые генералы составляли противъ него заговоры; онъ ихъ усовѣщевалъ и въ крайнемъ случаѣ переводилъ изъ столицы въ провинцію, пользуясь первымъ удобнымъ предлогомъ, чтобы снова приблизить ихъ къ себѣ. Учащаяся молодежь дѣлала антиправительственныя манифестаціи; императоръ по этому поводу вспоминалъ увлеченія собственной молодости. Печать громила его,

называя тираномъ, подавляющимъ всякую свободу въ странѣ, но онъ самъ прекращалъ всякое административное или судебное ея преслѣдованіе. Таковъ былъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей бразильской жизни, свергнутый императоръ Домъ-Педро, и поэтому вдвойнѣ интересенъ вопросъ: кто же его свергъ и за что?

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ переворота 3-го (15-го) ноября 1889 года я высказалъ въ печати мысль, что низложеніе императора Домъ-Педро является послѣдствіемъ отмѣны невольничества; другими словами, что плантаторы, самый вліятельный въ Бразиліи классъ, потерпѣвъ вслѣдствіе освобожденія рабовъ значительные убытки, добились post festum сверженія имперіи. Дальнѣйшія свѣдѣнія, однако, убѣждали, что мы имѣемъ дѣло съ военною революціею, инициатива которой исходила отъ одного изъ бразильскихъ маршаловъ, Мануэля Деодора Фонсеки, человѣка, всѣмъ обязаннаго свергнутому императору, который далъ ему образованіе и средства для службы въ арміи, но уже раньше замышлявшаго переворотъ и переведеннаго по этому поводу въ отдаленную провинцію, но затѣмъ снова возвращеннаго въ столицу, благодаря отмѣченной уже нами крайней незлобивости императора. Дѣйствительно, столичныя войска подъ предводительствомъ Фонсеки разыграли главную роль въ низверженіи Домъ-Педро. Однако, въ то же время выяснилось, что генералъ Деодоро, какъ его называютъ въ Бразиліи, приступая къ мятежу, намѣревался только добиться сверженія министерства д'Уро-Прето, и что низложеніе императора вызвано было пассивностью остальной части столичнаго гарнизона, не оказавшей почти никакого отпора маршалу Фонсекѣ, и присоединеніемъ къ нему представителей республиканской партіи, преимущественно нѣкоторыхъ публицистовъ, преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ военныхъ школъ. Такимъ образомъ возникалъ вопросъ, почему войска отнеслись такъ равнодушно къ революціи, т. е. пришлось искать причины низверженія императора въ недовольствѣ арміи. Вопросъ, слѣдовательно, усложнялся, и истинныя причины революціи оставались невыясненными. Одно только было совершенно очевидно: за императора почти никто дѣятельно не вступился, и страна какъ будто тотчасъ же примирилась съ его низложеніемъ.

Этотъ фактъ могъ показаться на первый взглядъ страннымъ и даже непонятнымъ. Какъ мы уже говорили, императоръ, не смотря на противодѣйствіе общества, съумѣлъ провести чрезвычайно важныя реформы и значительно двинуть культурные успѣхи страны [1]). Но во всякой странѣ людей, дорожащихъ интересами

---

[1]) Наглядную картину этихъ успѣховъ читатель можетъ найдти въ указанномъ нами уже трудѣ г. Нери.

государства, мало; преобладаютъ же, особенно въ мирное время, когда патріотизмъ дремлетъ, люди, дорожащіе преимущественно своими частными интересами или интересами тѣхъ соціальныхъ группъ, къ которымъ они принадлежатъ. Императоръ Домъ-Педро, стремясь къ обезпеченію государственныхъ интересовъ, постоянно нарушалъ, хотя въ весьма мягкой и примирительной формѣ, интересы отдѣльныхъ группъ населенія. Твердо рѣшивъ смыть позорное пятно рабства, онъ подрывалъ матеріальное благосостояніе главнаго, самаго многочисленнаго и вліятельнаго общественнаго класса [1]). Можно было ожидать, что во время медленнаго процесса уничтоженія рабства плантаторы научатся вести свое хозяйство при помощи свободнаго труда. Но эта надежда, какъ и въ другихъ странахъ,—напримѣръ, у насъ, въ Россіи,—осуществилась лишь въ очень слабой степени. Экономическими своими успѣхами страна въ значительной степени обязана пришлому населенію (иноземцамъ); плантаторы же либо разорялись, не смотря на все содѣйствіе, которое оказывало имъ правительство, либо терпѣли значительный ущербъ въ своихъ доходахъ.

Въ сущности, вся Бразилія была не чѣмъ инымъ, какъ агломератомъ помѣщичьихъ, или, выражаясь точнѣе, плантаторскихъ хозяйствъ. Плантаторъ былъ царькомъ въ своемъ помѣстьѣ или плантаціи. Дорожа самъ своею свободою,—соціальною, экономическою и политическою,—онъ безпощадно угнеталъ свободу всѣхъ людей, имѣвшихъ какое нибудь прикосновеніе къ его хозяйству. Такимъ образомъ свобода, какъ она выражалась въ конституціонныхъ и разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, совпадала съ произволомъ одного общественнаго класса надъ всѣми остальными. Надо было ослабить власть плантаторовъ надъ жизнію или участью людей, жившихъ въ плантаціяхъ. Императоръ шелъ медленно, но неуклонно къ этой цѣли. Поэтому онъ не вызвалъ взрыва негодованія среди плантаторовъ, но, подрывая ихъ вліяніе, въ то же время подрывалъ и свою популярность. На всякую законодательную его мѣру, направленную къ устраненію соціальной неправды, плантаторы смотрѣли какъ на актъ государственнаго деспотизма и тяготились императорскою властью. Среди плантаторовъ было очень мало лицъ, которыя сочувствовали освободительной миссіи императора, а большинство терпѣло его только потому, что его реформы предпринимались въ духѣ возможнаго примиренія интересовъ, и потому еще, что государственный переворотъ могъ вызвать внутреннія потрясенія, опасныя для самихъ плантаторовъ.

Но, тѣмъ не менѣе, ихъ экономическіе интересы при рутинномъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, отмѣна рабства въ 1888 году обошлась плантаторамъ, по меньшей мѣрѣ, въ $1^1/_4$ милліарда франковъ, такъ какъ средняя рыночная цѣна раба составляла 1.666 франковъ, а освобождено рабовъ около 750,000.

веденіи хозяйства, при склонности къ тунеядству, чрезмѣрной роскоши и страсти къ побрякушкамъ современной цивилизаціи сильно страдали. Надо было примѣняться къ новымъ экономическимъ условіямъ, а этою способностью они не отличались: слишкомъ они привыкли, чтобы на нихъ работали другіе. Такимъ образомъ хозяйственныя единицы, изъ которыхъ состояла Бразилія, начали приходить въ разстройство. Каждая плантаторская семья въ силу естественнаго закона размноженія увеличивалась, а доходы ея уменьшались. Ея членамъ приходилось искать себѣ новыхъ средствъ къ существованію, а гдѣ ихъ было найдти? У насъ развился громадный бюрократическій классъ, абсорбирующій значительную часть прироста помѣщичьихъ семей. Въ Бразиліи, при сильномъ развитіи самоуправленія, въ бюрократіи не представлялось надобности, да и императоръ не сочувствовалъ бюрократическому режиму. Такимъ образомъ членамъ плантаторскихъ семействъ оставались открытыми только либеральныя профессіи да армія. При рѣдкомъ населеніи, при сравнительно слабой цивилизаціи, либеральныя профессіи не представляли много хлѣбныхъ занятій. Что же касается до арміи, то забота императора была направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы по возможности сократить наличный ея составъ. Онъ постоянно урѣзывалъ военный бюджетъ и оставлялъ офицеровъ за штатомъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе установленной въ Бразиліи системы вербовки войскъ, въ ряды арміи включались люди, негодные къ производительному труду, неспособные самостоятельно заработывать себѣ средства къ существованію: вольноотпущенные, неудачники, лѣнтяи, пьяницы,—все это стремилось въ армію, а наличный ея составъ все сокращался императоромъ, и вслѣдствіе этого онъ утрачивалъ популярность среди той силы, которая могла постоять за него въ случаѣ попытки низвергнуть его съ престола.

Но не могъ ли императоръ, по крайней мѣрѣ, разсчитывать на популярность среди городской интеллигенціи, людей просвѣщенныхъ и способныхъ понять тѣ намѣренія, которыми онъ былъ одушевленъ? Населеніе главныхъ городовъ Бразиліи состоитъ въ значительной части изъ иностранцевъ и коммерческаго люда. Оно политикою мало занималось. Ею занимались за то въ провинціальныхъ городахъ, крупныхъ и мелкихъ, гдѣ издавались лучшія газеты. Въ городахъ, населеніе которыхъ не превышало 15.000, по временамъ издавалось до шести газетъ. Это на видъ непонятное явленіе объясняется тѣмъ, что газеты эти предназначались не только для мѣстнаго городскаго населенія, но и для окрестныхъ плантацій, гдѣ политикою усиленно занимались сами плантаторы и ихъ служащіе. Затѣмъ въ провинціальныхъ городахъ сосредоточивалось много людей, вытѣсненныхъ изъ нормальной колеи жизни: сыновья и родственники обѣднѣвшихъ плантаторовъ, вольноотпущенные, не

желавшіе работать, кончившіе и некончившіе курса воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній до пріисканія себѣ выгодныхъ хлѣбныхъ занятій, которыхъ было мало. Ихъ можно назвать своего рода разночинцами. Въ Бразиліи они образовали новый контингентъ недовольныхъ, усматривавшихъ все зло въ центральномъ правительствѣ, т. е. въ монархіи и ея представителѣ, императорѣ. Уровень образованія всѣхъ этихъ политикановъ, или, какъ ихъ называютъ въ Бразиліи, «бакалавровъ», потому что бакалавры, т. е. люди, кончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, главнымъ образомъ посвящали себя политикѣ, былъ, конечно не высокъ: они, понятно, не столько занимались компетентнымъ обсужденіемъ государственныхъ вопросовъ, сколько критикою всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій и систематическою оппозиціею, которая вполнѣ соотвѣтствовала вслѣдствіе указанныхъ мною причинъ настроенію какъ плантаторовъ, такъ и военнаго сословія. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что самостоятельная бразильская наука и литература почти еще не существуетъ и что бразильская интеллигенція черпаетъ свои экономическіе, политическіе и соціальные идеалы главнымъ образомъ во Франціи непосредственно или черезъ посредство испанской и португальской науки и литературы. При поверхностномъ образованіи склонность увлекаться утопическими ученіями велика, и поэтому никого не удивитъ, что бразильскіе «бакалавры» увлекались главнымъ образомъ крайними французскими политическими и соціальными доктринами и пришли къ заключенію, что стоитъ только устранить монархію, какъ въ Бразиліи тотчасъ же водворится земной рай. Къ этимъ пылкимъ головамъ сознательно и хладнокровно присоединялись недовольные плантаторы, не рѣшавшіеся прямо выступать противъ императора для защиты своихъ корыстныхъ интересовъ. Къ нимъ примыкала и армія, равно какъ и всѣ неудачники, изъ которыхъ она вербовалась. Вотъ въ общихъ чертахъ та почва, на которой разыгралась безкровная трагедія низверженія императора Домъ-Педро.

Тотчасъ послѣ освобожденія негровъ большинство рабовладѣльцевъ перешли въ республиканскій лагерь. Газеты стали помѣщать статьи самаго зажигательнаго свойства и прямо предсказывать, что республика будетъ провозглашена не далѣе, какъ черезъ годъ. Всѣ эти статьи читались «бакалаврами» съ жадностью и вызывали бурное ихъ одобреніе. Не только студенты, но и 12—15-ти-лѣтніе кадеты считали долгомъ выразить правительству свое неудовольствіе въ напыщенныхъ воззваніяхъ. Эта усиленная пропаганда вызвала роженіе среди столичныхъ негровъ, образовавшихъ по собственному почину тайное общество (guarda negra) для защиты освободившаго ихъ императора. Когда весною 1889 года въ столичномъ театрѣ одинъ изъ республиканцевъ произнесъ зажигательную рѣчь,

присутствовавшіе при этомъ негры избили его и его сторонниковъ, а полиція, которая въ Бразиліи вообще не привыкла стѣснять свободу слова и сходокъ, отсутствовала и не вмѣшалась въ дѣло. Тутъ страсти «бакалавровъ» разыгрались окончательно. Газеты начали призывать населеніе прямо къ мятежу. Министерство, опасаясь послѣдствій этой невоздержности печати, постоянно дѣлало императору представленія о необходимости репрессивныхъ мѣръ, но Домъ-Педро ихъ отклонялъ, неизмѣнно повторяя одну и ту же фразу: «Не я ограничу свободу слова въ Бразиліи!» Бездѣйствіе власти было принято «бакалаврами», войсками и плантаторами за признакъ слабости. Республиканцы поддерживали въ себѣ и внушали другимъ убѣжденіе, что стоитъ только свергнуть императора, и немедленно водворится общее благополучіе. Признаки приближающейся грозы были очевидны. Императора со всѣхъ сторонъ предостерегали; но онъ былъ такъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, въ отсутствіи всякихъ серьезныхъ причинъ для революціи, въ преданности всѣхъ здравомыслящихъ гражданъ, что не обращалъ на всѣ эти предостереженія никакого вниманія.

Всѣмъ еще памятныя подробности переворота 3-го (15-го) ноября 1889 года вполнѣ подтверждаютъ указанныя нами причины этой революціи. Главными ея зачинщиками были: маршалъ Фонсека, редакторъ газеты «O Paiz», г. Бокаюва, и профессоръ ботаники, нынѣ уже умершій, Бенжаменъ Констанъ, страстный приверженецъ Огюста Конта и французскихъ коллективистовъ, уже много лѣтъ занимавшійся республиканской пропагандой. Бразильскіе «бакалавры» рѣшили совершить переворотъ въ столѣтнюю годовщину великой французской революціи 1789 года и съ этою цѣлью заказали въ Парижѣ массу бразильскихъ знаменъ съ изображеніемъ фригійскихъ колпаковъ. Печать, какъ мы видѣли, также вела усиленную агитацію въ пользу республики. Поминутно возникали новыя республиканскія газеты, общее число которыхъ вдругъ увеличилось въ поразительныхъ размѣрахъ. Какъ теперь окончательно выяснилось, всѣ эти вновь возникшія газеты, на подобіе прежнихъ республиканскихъ, существовали благодаря щедрой денежной поддержкѣ плантаторовъ, однако воздержавшихся отъ всякаго непосредственнаго участія въ переворотѣ. Они разсчитывали, и, какъ показали событія, не безъ основанія, на армію «бакалавровъ» и ихъ довольно многочисленныхъ городскихъ сторонниковъ. Дѣйствительно, въ переворотѣ не принялъ участія ни одинъ серьезный государственный человѣкъ, которыхъ въ Бразиліи, однако, народилось не мало вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ министерствъ, и ни одинъ видный общественный дѣятель. Революцію произвели столичный гарнизонъ (отъ 3—4 тысячъ человѣкъ), вмѣстѣ съ «бакалаврами», студентами и воспитанниками военно-учебныхъ заведеній. 3-го (15-го) ноября маршалъ Фонсека потре-

бовалъ отъ правительства увольненія министерства, урѣзавшаго военный бюджетъ, а 5-го (17-го) ноября императора уже не было въ Бразиліи. Обстоятельства, которыми сопровождался его отъѣздъ, еще болѣе подтверждаютъ указанный нами характеръ революціи. Революціонеры не дали опомниться странѣ. Не встрѣтивъ отпора въ самой столицѣ, они съ поразительною быстротою противопоставили волѣ народа совершившійся фактъ [1]). Задача ихъ была въ значительной степени облегчена самимъ императоромъ. На всѣ предложенія оказать отпоръ онъ отвѣчалъ: «Боже меня избави вызвать кровопролитіе въ моемъ отечествѣ!» — и поспѣшилъ исполнить требованіе революціонныхъ дѣятелей. Послѣдніе, однако, сильно опасались, что столичное населеніе опомнится и вступится за императора. Поэтому отъѣздъ его изъ столицы былъ назначенъ въ три часа ночи.

Не задолго до этой революціи одинъ изъ лучшихъ профессоровъ политехнической школы, г. Ребусасъ (A. Rebouças), объясняя причины необычайнаго роста бразильской иммиграціи (съ 30 тысячъ до 150 тысячъ въ годъ) и приписывая это явленіе успѣхамъ цивилизаціи въ своемъ отечествѣ, писалъ слѣдующее: «Втеченіе, сорока восьми лѣтъ насъ воспитывалъ человѣкъ въ истинномъ значеніи этого слова,—человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и глубоко-просвѣщеннымъ умомъ, отмѣнившій варварскія наказанія, пытку, смертную казнь и рабство. Викторъ Гюго сравнилъ его съ Маркомъ Авреліемъ. Нѣтъ, онъ былъ нашимъ Нумою Помпиліемъ. Онъ создалъ у насъ науку и искусство и научилъ насъ поклоняться добру, цѣнить все прекрасное. Онъ презиралъ роскошь, не зналъ честолюбія, былъ вседа мягокъ, простъ и скроменъ. Для него не было большаго счастья, чѣмъ бесѣдовать съ учеными и художниками, быть окруженнымъ дѣтьми и видѣть довольство среди трудоваго рабочаго люда. Бразилія обязана всѣми своими гуманитарными и альтруистическими стремленіями этому правителю, проявившему въ защитѣ свободы и дѣлахъ человѣколюбія рѣдкое мужество и безграничную любовь»...

Императоръ покинулъ Бразилію. Правительство оказалось въ рукахъ военнаго диктатора и «бакалавровъ». Съ тѣхъ поръ про-

---

[1]) Бразильское населеніе разбросано на громадной территоріи, равняющейся почти европейскому материку, и не имѣетъ удовлетворительныхъ средствъ сообщенія. Телеграфныхъ проводовъ насчитывается въ Бразиліи всего 18,500 кил. (въ Россіи 285,000 кил.). Да и телеграфъ находился въ рукахъ временнаго правительства, которое давало телеграммамъ благопріятную для себя окраску. Но во многихъ мѣстностяхъ нѣтъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ. Извѣстія доходятъ туда изъ столицы черезъ много недѣль. Провинціальная же печать, какъ мы видѣли, находилась, по большей части, въ рукахъ республиканцевъ получавшихъ щедрыя субсидіи отъ плантаторовъ. Поэтому о быстромъ проявленіи народной воли въ Бразиліи не могло быть и рѣчи.

шло слишкомъ два года, и мы можемъ составить себѣ уже весьма ясное понятіе о томъ, что̀ выиграла Бразилія отъ происшедшей въ ней перемѣны.

Первымъ мѣропріятіемъ новаго временнаго правительства,— «учрежденнаго сухопутными и морскими арміями», какъ значится во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ того времени,—было воззваніе къ народу, въ которомъ ему сообщалось о низверженіи имперіи (безъ всякаго указанія причинъ, вызвавшихъ этотъ переворотъ), объ упраздненіи сената и государственнаго совѣта, а также о распущеніи палаты депутатовъ. Словомъ конституціонная форма правленія была временно пріостановлена. Затѣмъ слѣдовало распущеніе всѣхъ провинціальныхъ собраній, т. е. и мѣстное самоуправленіе было временно отмѣнено. Во главѣ провинцій были поставлены генералы и штабъ-офицеры, которымъ присвоена была диктаторская власть. Министерскіе портфели были вручены вождямъ революціи, причемъ профессоръ ботаники Бенжаменъ Констанъ, въ качествѣ главнаго пособника генерала Фонсеки, былъ назначенъ военнымъ министромъ. Право сходокъ было отмѣнено; свобода печати пріостановлена; всякая оппозиція со стороны газетъ вела къ ихъ закрытію. Политическіе аресты сдѣлались явленіемъ обычнымъ. Всюду появились шпіоны, доносившіе по принадлежности о неблагонамѣренности того или другаго частнаго лица, которое немедленно заключалось подъ стражу. Гарнизоны всѣхъ значительныхъ центровъ были усилены для немедленнаго подавленія всякой попытки къ возстанію. Словомъ, Бразилія превратилась изъ страны, наиболѣе свободной въ мірѣ, въ страну, терроризируемую военною диктатурою.

Мало того, республиканцы, ставшіе во главѣ правительства, нисколько не спѣшили подкрѣпить свой авторитетъ ссылкою на народную волю. Въ первоначальномъ воззваніи временнаго правительства говорилось о созывѣ учредительнаго собранія въ январѣ 1890 года, но вслѣдъ за тѣмъ выборъ въ учредительное собраніе и созывъ его были отложены до конца 1890 года. Страна не протестовала. Плантаторы, составлявшіе ядро общественнаго мнѣнія, сами поддерживали революцію. Городскіе жители подвергались непосредственно гнету военной диктатуры и протестовать не рѣшались. Для подавленія же всякой попытки къ возстанію ряды арміи, сокращенные императоромъ съ 29,000 до 12,000 человѣкъ, были доведены республиканскимъ правительствомъ въ скоромъ времени опять до 30,000 человѣкъ. Число же жандармовъ увеличено съ 3,000 до 10,000 человѣкъ. Національная гвардія, объ организаціи которой дѣятельно заботился императоръ, желая превратить защиту отечества въ почетный долгъ всякаго гражданина, не была созвана республиканскимъ правительствомъ, очевидно, имѣвшимъ основаніе ея опасаться.

Одновременно были приняты и разныя экономическія, столь же насильственныя мѣропріятія. При императорѣ Домъ-Педро финансовое хозяйство достигло блестящаго положенія; дефициты, вызванные внутренними междоусобицами и внѣшними войнами, къ концу царствованія совершенно прекратились; бумажныя деньги не только достигли al pari, но размѣнивались съ лажемъ; неконсолидированный долгъ исчезъ. Экономическія мѣропріятія временнаго правительства были слѣдующія: въ столицѣ и во многихъ провинціяхъ учреждены были эмиссіонные банки, въ рукахъ которыхъ была монополизована почти вся промышленность и торговля. Количество бумажныхъ денегъ было увеличено въ такихъ размѣрахъ, что курсъ страшно упалъ. Расходы на армію поглощали громадныя суммы. Значительныхъ средствъ требовало и увеличеніе штатовъ полиціи. Между тѣмъ тотчасъ послѣ переворота иностранные капиталисты поспѣшили перевести въ Европу капиталы, помѣщенные ими въ разныхъ бразильскихъ банкахъ и предпріятіяхъ. Въ торговлѣ и промышленности вслѣдствіе общей неувѣренности произошелъ застой. Поступленіе налоговъ замедлилось, и временному правительству пришлось, съ одной стороны, выпускать черезъ посредство эмиссіонныхъ банковъ бумажныя деньги, съ другой—усиленно облагать главныя статьи отпуска, составляющія богатство страны. Словомъ, экономическая реакція шла рука объ руку съ политическою.

Но на ряду съ этими мѣрами временнаго правительства, подавлявшими всякую свободу въ странѣ, было приступлено къ либеральнымъ мѣропріятіямъ въ духѣ предполагавшагося новаго соціальнаго и государственнаго строя. Оживленно дебатировался вопросъ объ упраздненіи всѣхъ религіозныхъ праздниковъ, о переименованіи дней недѣли и мѣсяцевъ по образцу первой французской революціи. Этимъ тѣшились «бакалавры». Болѣе практическіе дѣятели съ генераломъ Фонсекою во главѣ должны были серьезно взвѣсить вопросъ, какъ организовать народную волю для закрѣпленія совершеннаго переворота. Съ этою цѣлью были почти принудительно натурализованы всѣ иностранцы, что̀ вызвало энергическій протестъ какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны ихъ правительствъ, и, кромѣ того, избирательное право было распространено на всѣхъ грамотныхъ людей. Мѣры эти могли казаться либеральными на первый взглядъ, но на самомъ дѣлѣ были продиктованы простымъ чувствомъ самосохраненія. [Иностранцы, поселившіеся въ Бразиліи, дорожатъ, конечно, главнымъ образомъ ненарушимостью порядка и къ остальнымъ политическимъ вопросамъ относятся довольно равнодушно. Поэтому временное правительство разсчитывало на ихъ поддержку для предотвращенія новой революціи. Что же касается до распространенія избирательнаго права на всѣхъ грамотныхъ людей, то этою мѣрою имѣлось въ виду усилить сто-

ронниковъ представительства «бакалавровъ» въ ущербъ представительству бывшихъ рабовладѣльцевъ. Революція, совершенная арміею, встрѣтила поддержку со стороны той части населенія, которая увлекалась крайними политическими и соціальными теоріями или потерпѣла вслѣдствіе неспособности или нерасположенія къ труду неудачу въ жизни. Эта часть населенія сосредоточивалась преимущественно въ городахъ и доставляла главный контингентъ для пополненія рядовъ арміи, такъ что между послѣднею и всѣми неудачниками существовала неразрывная, тѣсная связь. Временное правительство, распространяя избирательныя права на всѣхъ грамотныхъ, имѣло въ виду найти себѣ въ указанномъ городскомъ населеніи опору противъ бывшихъ рабовладѣльцевъ и той части населенія, которая находилась въ прямой зависимости отъ нихъ. Затѣмъ оно разсчитывало еще на подкупъ и, гдѣ возможно, на насиліе для обезпеченія за собою избирательной побѣды. Сосредоточеніе всего управленія, центральнаго и мѣстнаго, въ рукахъ самого маршала Фонсеки и его сторонниковъ довершало надлежащее воздѣйствіе республиканцевъ на выборы, которые отложены были до 15-го августа 1890 года, а созывъ учредительнаго собранія до 3-го (15-го) ноября того же года. Мотивирована была эта отсрочка затруднительностью составленія избирательныхъ списковъ. Бросалось, однако, въ глаза, что, если бы правительство дѣйствительно желало ознакомиться съ желаніями народа и доставить имъ удовлетвореніе, то оно ни въ какомъ случаѣ не прибѣгло бы къ подобной уверткѣ.

На сколько новый порядокъ вещей былъ встрѣченъ сочувственно, видно изъ того, что временному правительству постоянно приходилось имѣть дѣло съ внутренними смутами. Въ декабрѣ вспыхнула въ самой столицѣ кровавая контръ-революція, длившаяся цѣлыхъ три дня. Одна часть арміи и флота возстала противъ другой. Провинціи отказывались подчиняться распоряженіямъ центральнаго правительства. Въ разныхъ пунктахъ происходили столкновенія между имперіалистами и республиканцами. Временное правительство все увеличивало армію и расширяло права провинціальныхъ диктаторовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась его непопулярность среди трудоваго люда. Но войска находились въ его рукахъ, а плантаторы и духовенство [1]), озабоченные тѣмъ, чтобъ не допустить возвращенія императора, терпѣли диктаторскую власть временнаго правительства, которое, съ своей стороны, декретами объ амнистіи всѣмъ дезертирамъ и осужденнымъ за нарушеніе воинской дисциплины, о правѣ временнаго правительства неограни-

[1]) Бразильское духовенство сильно не долюбливало императора за его энергическую дѣятельность, направленную къ всевозможному распространенію свѣтскаго образованія среди народныхъ массъ и женщинъ.

ченно усиливать численный составъ арміи, объ увеличеніи содержанія офицерамъ и рядовымъ, о введеніи новаго болѣе нарядного мундира,—старалось окончательно закрѣпить за собою содѣйствіе арміи. Въ сущности же, армія была единственнымъ властелиномъ въ странѣ.

Наконецъ, наступилъ день выборовъ. Въ учредительное собраніе попало, какъ и можно было ожидать, значительное число «бакалавровъ» и сторонниковъ генерала Фонсеки. Но, не смотря на избирательный гнетъ, попали въ собраніе и сторонники императора, въ томъ числѣ такой горячій его приверженецъ, какъ бывшій морской министръ контръ-адмиралъ Ладаріо, тяжело раненый во время государственнаго переворота. Большинство, однако, находилось на сторонѣ генерала Фонсеки, и поэтому онъ рѣшился передать свои полномочія конгрессу, который, въ свою очередь, продлилъ ихъ до окончательнаго утвержденія новой конституціи. Разработка этой новой конституціи, однако, оказалась задачею нелегкою. «Бакалавры» никакъ не могли столковаться съ военными, которые, въ сущности, забрали всю власть въ свои руки и вытѣснили уже раньше «бакалавровъ» изъ министерства, составивъ его исключительно изъ бригадныхъ генераловъ. Даже министерствами земледѣлія, финансовъ, народнаго просвѣщенія завѣдывали бригадные генералы, и только морское министерство въ видѣ исключенія предоставлено было вице-адмиралу. Кончилось дѣло, однако, тѣмъ, что «бакалавры» одержали побѣду въ учредительномъ собраніи и, утвердивъ генерала Фонсеку президентомъ республики, а военнаго министра, бригаднаго генерала Флоріана Пейхото, вице-президентомъ, заставили министерство выйдти въ отставку и замѣнили бывшихъ военныхъ дѣятелей членами своей партіи. Генералъ Фонсека былъ избранъ конгрессомъ не на шесть лѣтъ, какъ онъ этого желалъ, а всего на четыре года, и притомъ самымъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Кромѣ того, былъ обнаруженъ цѣлый рядъ корыстныхъ злоупотребленій со стороны временнаго правительства, отвѣтственность за которыя генералъ Фонсека свалилъ на своихъ товарищей, бригадныхъ генераловъ, и вскорѣ затѣмъ поспѣшилъ распустить представительное собраніе.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ власть перваго президента «Соединенныхъ Штатовъ Бразиліи» не могла быть прочною. Онъ былъ свергнутъ тѣми же войсками, къ помощи которыхъ прибѣгъ для сверженія императора Домъ-Педро. Какъ извѣстно, 11-го (23-го) ноября 1891 года возставшія столичныя войска овладѣли арсеналомъ и потребовали удаленія генерала Фонсеки, который и передалъ власть генералу Флоріану Пейхото. Не смотря на то, что бывшій диктаторъ тратилъ громадныя суммы на армію, онъ ея не удовлетворилъ; а изъ-за нея онъ главнымъ образомъ разошелся съ законодательнымъ собраніемъ. «Бакалавры», совершая

переворотъ, конечно, не имѣли въ виду установить въ Бразиліи военную диктатуру. Они, напротивъ, мечтали о «полной» свободѣ. Такимъ образомъ, между конгрессомъ и президентомъ, конечно, хорошо сознававшимъ, что осуществленіе общественно-политическихъ идеаловъ «бакалавровъ» немыслимо, возникло столкновеніе, которое уладить не было, понятно, возможности. Тѣмъ временемъ безпокойство начало овладѣвать и бывшими рабовладѣльцами, втайнѣ поддерживавшими революцію, чтобъ впослѣдствіи воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Оказывалось, однако, что генералъ Фонсека не обращалъ на ихъ интересы должнаго вниманія, напротивъ, облагалъ ихъ при содѣйствіи губернаторовъ, снабженныхъ дискреціонною финансовою властью, очень тяжелыми налогами. Кромѣ того, ихъ интересы значительно страдали отъ обложенія отпуска высокими пошлинами. Всѣ эти налоги, вызванные удовлетвореніемъ денежныхъ требованій арміи, довели плантаторовъ до такого раздраженія, что они начали вербовать войска для сверженія диктатора. Богатѣйшая изъ бразильскихъ провинцій, Ріо-Гранде, сформировала армію въ 20,000 человѣкъ и готовилась уже идти на столицу. Революціонное движеніе охватило подъ вліяніемъ плантаторовъ и духовенства и другія провинціи, которыя рѣшительно отказывались подчиняться распоряженіямъ провинціальныхъ властей, назначенныхъ президентомъ, и угрожали отпаденіемъ отъ республики. Въ Ріо-Гранде произошло кровопролитное столкновеніе между правительственными войсками и инсургентами. Такія же стычки, какъ теперь окончательно выяснилось, произошли и въ другихъ провинціяхъ, и если о нихъ мало извѣстно, то только потому, что телеграфъ, находившійся въ рукахъ генерала Фонсеки, ничего о нихъ не сообщалъ. Сепаративныя стремленія всюду усилились и продолжаютъ проявляться, не смотря на состоявшійся новый переворотъ. Центральное правительство не удовлетворяетъ страны, и время, переживаемое теперь Бразиліею, живо напоминаетъ собою междоусобную эпоху, которую она пережила нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, когда, благодаря свергнутому императору, страна окончательно объединилась и вступила на путь спокойнаго и очень успѣшнаго мирнаго прогресса.

Во всякомъ случаѣ уже теперь вполнѣ очевидно, что совершенный 3-го (15-го) ноября 1889 года переворотъ далъ одни только отрицательные результаты. Финансы страны расшатаны; авторитетъ центральной власти поколебленъ; сепаративныя стремленія усилились до того, что распаденіе бывшей Бразильской имперіи представляется вѣроятнымъ; армія увеличена почти втрое, если не вчетверо; налоги возросли въ неслыханныхъ размѣрахъ; иностранные капиталы уходятъ изъ страны; во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія царствуетъ застой; торговля и промы-

шленность парализованы. Ради чего же приноситъ страна эти жертвы? Оправданіемъ служитъ стремленіе къ свободѣ. Но къ какой свободѣ? Болѣе значительной, чѣмъ какою страна пользовалась при покойномъ императорѣ, трудно себѣ представить. По крайней мѣрѣ, всѣ виды свободы, которыми привыкли дорожить европейскіе народы, процвѣтали въ Бразиліи въ полной мѣрѣ: свобода совѣсти, свобода слова, свобода сходокъ и ассоціацій, наконецъ, политическая свобода въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Но, тѣмъ не менѣе, «бакалаврамъ» казалось, что страна еще недостаточно свободна. Они не могли примириться съ существовавшею въ Бразиліи формою правленія, и лучшіе люди между ними, вѣроятно, были искренно убѣждены, что настоящая свобода водворится только тогда, когда монархія будетъ замѣнена республикою. Монархіи въ Бразиліи нѣтъ. Но какъ же далеко удалилась страна въ эти два года отъ того общественнаго и политическаго строя, о которомъ мечтали бразильскіе «бакалавры»! Армія, возставшая противъ монархіи, установила диктатуру для того, чтобы успѣшнѣе бороться съ страшною силою: съ монархомъ, постоянно утверждавшимъ, что при первомъ требованіи своего народа онъ промѣняетъ тяжелый свой санъ на роль простаго частнаго человѣка, и свято сдержавшимъ свое слово. Онъ отвергалъ всякій гнетъ, потому что не хотѣлъ вѣрить, чтобъ свобода для своего торжества нуждалась въ насиліи. Поставленный лицомъ къ лицу съ жизнію, онъ на каждомъ шагу видѣлъ, что его человѣколюбивые планы встрѣчаютъ препятствіе въ свободѣ отдѣльныхъ группъ населенія. Достаточно вспомнить отмѣченные нами фазисы предпринятой имъ эмансипаціи негровъ, чтобъ убѣдиться, какъ трудно было, не прибѣгая къ мѣрамъ насилія, осуществить эту великую реформу. Когда онъ требовалъ суммъ, необходимыхъ для распространенія въ народныхъ массахъ образованія, безъ котораго истинная свобода немыслима, онъ встрѣчалъ рѣшительный отпоръ со стороны народныхъ представителей. Когда онъ желалъ установить полную равноправность въ распредѣленіи бремени, вызываемаго защитою внѣшней безопасности страны, онъ встрѣчалъ отпоръ со стороны самой арміи, негодовавшей на него за то, что онъ сокращаетъ ряды постоянныхъ войскъ. Онъ довелъ свое свободолюбіе до того, что отмѣнилъ законъ, обязывавшій депутатовъ присягать императору въ вѣрности. Онъ уважалъ свободу печати до такой степени, что послѣдняя могла подготовить революцію, свергшую его съ престола. Упрекать его въ недостаткѣ свободолюбія, поэтому, является абсурдомъ. Республиканецъ Рибейроль, о которомъ мы упоминали, писалъ, что Домъ-Педро дорожилъ «дѣломъ». Онъ достигъ многаго. Но представимъ себѣ на минуту, что тѣ общественные элементы, которые оказывали столь сильный отпоръ его начинаніямъ или, какъ «бакалавры», подрывали его власть, соединились бы съ нимъ для энергическаго, честнаго и по возможности

безкорыстнаго служенія избранному имъ великому дѣлу упроченія истинной свободы и культурныхъ успѣховъ отечества! Тогда получились бы результаты въ тысячу разъ болѣе блестящіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ политическое вліяніе всѣхъ лицъ, высоко ставящихъ общественное благо, оказалось бы навсегда обезпеченнымъ. Но «бакалавры» насильственно устранили главнаго, самаго усерднаго и умѣлаго работника на этой плодотворной почвѣ и, добившись власти, оказались сами весьма плохими защитниками свободы. Во всякомъ случаѣ они своими дѣйствіями показали, что не вѣрятъ въ возможность ея торжества помимо безпощаднаго насилія. Диктатура центральнаго правительства, диктатура въ мѣстномъ управленіи, пріостановка или полная отмѣна политическихъ правъ, подавленіе свободы слова, сходокъ и ассоціацій, наконецъ, даже насиліе надъ иностранцами, которыхъ натурализовали противъ ихъ воли,—вотъ основныя черты ихъ управленія страною. Этимъ гнетомъ они не оказали услуги дѣлу, которому хотятъ служить. Они всѣхъ вооружили противъ себя и представили совершенно наглядное доказательство полной своей государственной неспособности. Страна переживаетъ теперь тяжелый политическій, соціальный и экономическій кризисъ. Главные общественные классы: плантаторы, армія, сами «бакалавры», земледѣльцы, освобожденные рабы вступили въ борьбу между собою. Если восторжествуетъ тотъ или другой классъ, онъ подавитъ свободу остальныхъ; если въ разныхъ провинціяхъ восторжествуютъ разные общественные элементы, то между этими провинціями возгорится борьба, которая расшатаетъ единство страны. Гдѣ та сила, которая выступитъ въ защиту общегосударственныхъ интересовъ и побудитъ отдѣльные классы отказаться отъ той доли свободы, которая несовмѣстима съ свободою остальныхъ классовъ? Очень внимательно слѣдя за жизнью Бразиліи, мы послѣ смерти императора ея не видимъ: она должна еще сложиться. Во всякомъ случаѣ, переживаемый теперь Бразиліею кризисъ служитъ интереснымъ дополненіемъ къ теоріи объ относительныхъ достоинствахъ разныхъ формъ правленія, а участь, постигшая императора Домъ-Педро,—новымъ свидѣтельствомъ, что установленіе свободы, къ прискорбію, требуетъ искупительныхъ жертвъ: такими жертвами были въ Соединенныхъ Штатахъ десятки тысячъ лучшихъ сыновъ страны, въ Бразиліи же—императоръ Домъ-Педро, съумѣвшій одинъ пострадать за всѣхъ. Это—огромная заслуга покойнаго императора, въ виду которой благодарность потомства, мы въ этомъ увѣрены, превзойдетъ даже столь великую неблагодарность его современниковъ.

Р. Сементковскій.

Рис. 1. Окровавленное одѣяніе подпоручика Буланже въ Италіи.

ИЗЪ ИКОНОГРАФІИ БУЛАНЖЕ.

АКЪ ВСѢ «герои дня», и покойный генералъ Буланже имѣлъ свою иконографію. Неутомимый собиратель этого рода историческихъ документовъ, Гранъ-Картре успѣлъ уже сгруппировать все, что появлялось въ связи съ именемъ Буланже въ книгахъ, иллюстрированныхъ изданіяхъ, каррикатурныхъ журналахъ французскихъ и заграничныхъ, въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Наименѣе эксплоатировались буланжистской рекламой книги и журналы. Самостоятельные органы буланжизма «Petit Boulanger» и «Boulangiste Catholique» не имѣли большаго успѣха. Изъ немногихъ книгъ извѣстно изданіе Барбу (1886 года), первая монографія о генералѣ. Была еще анонимная патріотическая исторія покойнаго генерала («Histoire patriotique du général Boulanger», изданіе Файяра), откуда извлечено прилагаемое изображеніе (см. рис. 1) «окровавленнаго одѣянія подпоручика Буланже въ Италіи», свидѣтельствующее объ исконной любви покойнаго генерала къ рекламѣ. Затѣмъ, распространялась апологетическая брошюра «Etoile» и нѣсколько альманаховъ Буланже, на подобіе альманаховъ На-

Рис. 2. Объявленіе нѣмецкой фирмы съ именемъ Буланже.

Рис. 8. Названія главнѣйшихъ пѣсенъ буланжистскаго періода.

полеона, Луи-Филиппа, Вольтера и Руссо. Зато всякаго рода рисунки и народныя картинки, а также пѣсни, рекламировали имя Буланже въ обширныхъ размѣрахъ. Иллюстраціи этого рода французскія, англійскія, нѣмецкія и итальянскія, появлявшіяся съ 1886 по 1890 годъ включительно, могутъ составить цѣлый отдѣлъ въ любительской библіотекѣ коллекціонера. Онѣ или прославляютъ генерала на ворономъ конѣ, или издѣваются на его счетъ. Особенно нѣмцы изготовляли массу раскрашенныхъ изображеній Буланже всевозможныхъ форматовъ, распространяя ихъ въ мастерскихъ и питейныхъ заведеніяхъ. Эти хромолитографіи заимство-

вали свои сюжеты обыкновенно изъ юмористическихъ изданій и находили сбытъ даже у французовъ. Въ «Kladderadatsch» 13-го февраля 1887 года была помѣщена довольно грубая каррикатура «Frankreichs Trümpfe» (Козыри Франціи), изображающая на четырехъ тузахъ игральныхъ картъ: Жанну д'Аркъ, Верцингеторикса, Наполеона I и Буланже. Одинъ нѣмецкій промышленникъ воспользовался этимъ мотивомъ, преобразилъ шаржъ «Kladderadatsch» въ раскрашенный рисунокъ, и эта хромолитографія въ изобиліи рас-

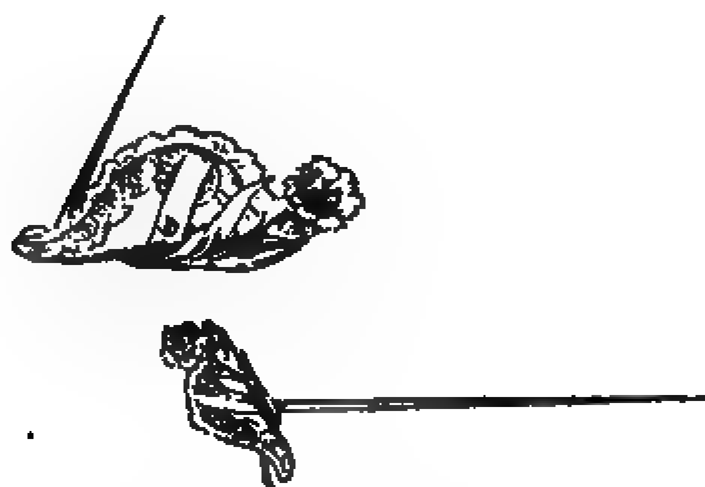


Рис. 4. Кружка.—Ножикъ.—Брошка.—Булавка.—Головка глиняной трубки Буланже.

пространялась на сѣверѣ Франціи, когда была выставлена кандидатура покойнаго генерала.

Изображенія Буланже считаются тысячами. Пѣсни были не такъ многочисленны, но и ихъ оказывается до шести сотъ въ честь генерала. Названія народныхъ пѣсенъ буланжистскаго періода читатель найдетъ на воспроизведенномъ нами титулѣ «L'Icono-bibliographie du général Boulanger». Сверхъ того, имя его связано съ цѣлымъ рядомъ различныхъ бездѣлушекъ. Профиль генерала воспроизводился въ медальонахъ, въ брошкахъ и въ булавкахъ. Генералъ

преображался въ бутылку, табачницу; голова его придѣлывалась на трубкѣ и на палкѣ. Стеклянныя и глиняныя издѣлія, не говоря уже о пряникахъ, также популяризировали его имя. Любопытны, между прочимъ, бывшіе въ модѣ браслеты изъ позлащеннаго цинка изъ 9 медальоновъ, изъ которыхъ въ каждомъ обозначена одна изъ буквъ его имени. Вотъ и цѣпочки для часовъ изъ цинка съ буланжистскими надписями: «il reviendra» и «il est revenu». Эти вещи продавались уличными разносчиками. Подъ именемъ Буланже поступали въ продажу различные напитки (былъ коньякъ Буланже), фабричныя издѣлія (папиросная бумага Буланже), «патріотическая почтовая бумага», даже «мыло de la revue», и т. п.

Рис. 5. Табачница Буланже.

Гранъ-Картре отмѣчаетъ въ данномъ случаѣ большое сходство между годами популярности Буланже и 1793 и 1848 годами. Какъ сто лѣтъ и сорокъ лѣтъ назадъ, такъ и въ концѣ 80-хъ годовъ употреблялись тѣ же средства для политической пропаганды. Генералъ въ полной парадной формѣ окруженъ патріотическими аллегоріями, знаменами и трехцвѣтными кокардами. Подобно принцу-президенту, «племяннику» великаго дяди, подобно будущему Наполеону III, и Буланже долженъ былъ олицетворять собой вожделѣнія и права народа. То его изображаютъ «національнымъ кузнецомъ», «выигрывающимъ большой призъ Франціи», то «защитникомъ башни всеобщей подачи голосовъ», идущимъ рука въ руку

Рис. 6. Цѣпочки для часовъ изъ цинка съ буланжистскими надписями.

съ народомъ; лучи солнца Франціи озаряютъ его или голова его сливается съ бюстомъ Республики. Эти наивныя патріотическія и воинственныя иллюстраціи составляютъ самую элементарную форму графической пропаганды.

Затѣмъ портретъ Буланже распространяется въ отдѣльныхъ листкахъ съ подписями; въ раскрашенныхъ народныхъ календаряхъ перечисляются его подвиги изо дня въ день. На проспекту-

Рис. 7. Каррикатура на Буланже изъ «Courrier de Londres».

сахъ газетъ, «безусловно независимыхъ», его имя фигурировало рядомъ съ президентомъ республики Карно, съ принцемъ Викторомъ Бонапартомъ, съ графомъ Парижскимъ. И онъ причислялся къ претендентамъ на французскій престолъ, подобно потомкамъ царствовавшихъ во Франціи правителей. По выраженію одного буланжиста, онъ былъ «одной изъ картъ будущаго въ неизвѣстности». Навстрѣчу ему шли похвалы, лесть, ѳиміамъ, реклама патріотическая, литературная, торговая, народныя пѣсни, героическія эпопеи, не считая объясненій въ любви и просьбъ о помощи.

И съ како
реклама! Вот
укорять въ
деньги и жен
летучій листо
tresses du gén
улицѣ Круас
тре, въ один
пляровъ этог
стка покупат
изумленіемъ
дующее: «у
вляющія ему
ность. Весь
женщины на
лика и Отмес
обманулся, н
ходъ. Изъ
кламъ, прив
тимъ еще та
лагающаго полный комплектъ костюма за 39 фр. 95 сант. съ разсрочкой въ платежѣ, а на оборотной сторонѣ—портреты браваго генерала; на одной булочной можно было прочесть надпись: «Au G(rand) Boulanger»; одна съѣстная лавка выставляла своимъ девизомъ: «A la Marmite du Général». Все тянулось къ имени Буланже. Одна дама, жена высокопоставленнаго чиновника, на своихъ визитныхъ карточкахъ стала вдругъ обозначать: «M-me X***, урожденная Буланже».

Рис. 8. Виньетка изъ объявленія о «горькой генерала Буланже».

Самое любопытное, что реклама политическая и реклама торговая шли рука объ руку: на стѣнахъ въ дни выборовъ, какъ и на этикеткахъ бутылокъ съ напитками, значилось одно и то же имя. Знаменитый конь генерала «Tunis» гарцовалъ на бутылкѣ съ горькой водкой съ тѣми же побѣдоносными аллюрами, какъ и на иллюстрированномъ объявленіи или на литографіи, предназначенной для политической пропаганды. Какъ дѣятели революціи, какъ Наполеоны I и III,

Рис. 9. «Генералъ во что бы то ни стало!».— На картѣ силуэтовъ.

какъ Тьеръ и Гамбетта, и бравый генералъ фигурировалъ на матеріяхъ, платкахъ и занавѣсахъ. «Монументы, улицы, вокзалы, проселочныя дороги, — писалъ во время агитаціи буланжизма корреспондентъ «Figaro» изъ Лилля,—совершенно стушевываются подъ портретами (генерала)». Проспектусы, этикетки, брошюры, вся эта печатная бумага гласила одно: «я славный малый, красивый мужчина, зовутъ меня Эрнестъ, у меня голубые глаза, носъ правильный, русая борода, купите меня, возьмите меня и подавайте голосъ за меня». Въ воспроизводимой нами каррикатурѣ Пилотелля изъ «Courrier de Londres» «генералъ Бланъ-Манже»

Рис. 10. «L'assiette au beurre», политическая игра буланжизма.

держитъ свой палашъ съ надписью: «продается», а Гранъ-Картре указываетъ другой подобный же эстампъ. На немъ кровь капаетъ съ сабли, и вмѣсто «продается» надпись гласитъ: «продана Орлеанамъ». Изъ торговыхъ рекламъ факсимиле виньетки къ объявленію о «горькой генерала Буланже» по артистическому выполненію представляетъ собой образецъ въ своемъ родѣ. Эта «горькая» стала не менѣе знаменитой, какъ «анисовка Беранже» или «вермутъ Гамбетты».

Изъ атрибутовъ физіономіи генерала самымъ популярнымъ считалась его борода. Его величали «генераломъ съ золотой бородой», достойнымъ соревнователемъ «Сары Бернаръ съ золотымъ голо-

сомъ». Поэтому-то и каррикатуристы наиболѣе эксплоатировали въ своихъ видахъ эту бороду. Очень любопытны, между прочимъ, и разныя забавы съ именемъ Буланже, игры: «Найдите Буланже», метаморфозы, игрушки, карты съ силуэтами. Вотъ, напримѣръ, «Генералъ во что бы то ни стало!!» «Надо,— говорится въ наставленіи къ пользованію подобными силуэтами, — установить какую нибудь точку въ срединѣ изображенія Буланже, считая до 50, потомъ перенести взоры на какую нибудь ровную поверхность, положимъ, на потолокъ, на разстояніи 3—4 метровъ, и фигура самого генерала появится передъ вами въ натуральную величину». Образчикомъ «политическихъ игръ буланжизма», забавлявшихъ парижанъ, можетъ служить «L'assiette au beurre», состоящая изъ двухъ отдѣловъ—лагеря буланжистскаго и лагеря парламентскаго, по 32 нумера въ каждомъ. На нашемъ рисункѣ воспроизведены фигуры буланжистскаго лагеря.

Изъ этого краткаго обзора предметовъ, входящихъ въ составъ иконографіи Буланже, видно, какой шумной была кратковременная слава знаменитаго генерала. Характерно здѣсь особенно то, что эта реклама отличалась универсальностью. Она имѣла въ виду всѣ партіи, искала поддержки во всѣхъ лагеряхъ, обращалась къ народу и къ свѣтскимъ дамамъ, къ военнымъ и промышленникамъ.

Ѳ. Б.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Шимко. Новыя данныя къ біографіи князя Антіоха Дмитріевича Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ. (По документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи). Спб. 1891.

«КУЧЕНЪ вамъ, стихи мои, ящикъ, десять цѣлыхъ гдѣ вы лѣтъ тоскуете въ тѣни за ключами»,—говорилъ кн. Антіохъ-Кантемиръ подъ конецъ своей жизни. И было о чемъ ему вспомнить съ горькой проніей: не смотря на всѣ его старанія, любимѣйшія и лучшія произведенія его — сатиры — не могли появиться въ печати вплоть до самой смерти его. Лишь черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ того, какъ тѣло князя уже покоилось рядомъ съ отцомъ его въ Московскомъ Николаевскомъ монастырѣ, досужему человѣку пришла мысль издать труды его: иначе, пожалуй, такъ и остались бы они подъ спудомъ. Подобно тому, какъ тогда судьба сохранила отъ гибели и уничтоженія рукописи главныхъ литературныхъ произведеній перваго нашего сатирика, такъ сохранила она и значительное количество писемъ и актовъ семьи Кантемировъ, благодаря которымъ фамильная хроника этого рода представляется намъ теперь въ довольно ясныхъ очертаніяхъ. Уцѣлѣлъ и дошелъ до насъ семейный архивъ Кантемировъ по слѣдующему стеченію обстоятельствъ. Наибольшей долговѣчностью изъ дѣтей господаря Дмитрія отличался Сергѣй Дмитріевичъ, пережившій какъ любимую сестру и наслѣдницу Антіоха, Марію, такъ и обоихъ старшихъ братьевъ своихъ, и соединившій въ рукахъ своихъ все достояніе Кантемировъ. Прямыхъ наслѣдниковъ, если не считать двухъ дочерей отъ плѣнной турчанки, онъ не имѣлъ; съ двоюроднымъ братомъ своимъ, полоумнымъ кн. Дмитріемъ Константинови-

чемъ, подѣлиться не пожелалъ, хотя тотъ и грозился убить его, и за небольшимъ исключеніемъ все свое имущество отказалъ въ казну. Въ числѣ прочаго движимаго имущества, перешедшаго въ казенную собственность, оказалось и нѣсколько сундуковъ «съ письменными дѣлами», которыя были представлены въ юстицъ-коллегію и ею распредѣлены въ 21 вязку. Вязки эти оставались здѣсь до 1790 г., когда въ полной неприкосновенности были сданы въ «государственный московскій архивъ старыхъ дѣлъ». Нашествіе французовъ имъ никакого вреда не причинило, какъ массѣ другихъ актовъ; онѣ благополучно дожили до 1852 г., когда были перевезены въ Московскій архивъ министерства юстиціи, гдѣ въ настоящее время удалось найти и разобрать ихъ г. Шимко.

Изъ всего фамильнаго архива Кантемировъ, конечно, наиболѣе интереса представляютъ тѣ бумаги и письма, которыя имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ біографіи нашего сатирика. Сохранилось не малое число таковыхъ, гдѣ онъ намъ является въ своихъ отношеніяхъ къ братьямъ и къ сестрѣ, гдѣ мы видимъ его роль въ различныхъ мелкихъ фамильныхъ и придворныхъ интригахъ, наблюдаемъ закулисную сторону его дѣятельности, какъ резидента и полномочнаго министра при дворахъ парижскомъ и лондонскомъ. Наиболѣе интереса представляетъ намъ его переписка съ старшей сестрою, Марьей Дмитріевной, фрейлиною императрицы Анны. Довольно интересный типъ представляетъ эта старая дѣва, привязанная съ материнской нѣжностью къ младшему брату своему, передъ которымъ она благоговѣетъ, считая его мудрецомъ и философомъ, повторяетъ его излюбленныя мысли о необходимости покоряться судьбѣ, о довольствѣ малымъ и т. п. Мы видимъ изъ писемъ, какъ она заботится о братѣ послѣ его отъѣзда за границу, какъ она интригуетъ въ его пользу при дворѣ, то хлопоча о прибавкѣ жалованья, то объ орденѣ, какъ она выбивается изъ силъ, подыскивая ему невѣсту, причемъ ей приходится въ той же мѣрѣ бороться съ апатіей своего брата въ этомъ дѣлѣ, какъ и съ нерѣшительностью родителей невѣсты. Послѣдняя попытка, какъ извѣстно, кончилась неудачно, хотя Кантемиръ и поддерживалъ одно время довольно близкія отношенія съ невѣстой и присылалъ ей даже подарки изъ-за границы, въ родѣ табаку и т. д. Характеръ отношеній Антіоха къ этому брачному проекту представляется довольно страннымъ и своеобразнымъ. Онъ какъ бы играетъ совершенно пассивную роль, возложивъ всѣ хлопоты на сестру, которая, однако, никакъ не могла, не смотря на всѣ старанія, довести дѣла до желанной цѣли. То мѣшала этому уклончивость и непостижимость для Маріи Дмитріевны характера самой невѣсты, княжны Варвары Алексѣевны Черкасской, то виною всему оказывалась доходившая до робости нерѣшительность отца невѣсты, кабинетъ-министра, потомъ канцлера, кн. Алексѣя Михайловича Черкасскаго. На характерномъ языкѣ писемъ Кантемировъ первая называется постоянно тигрицею, а второй черепахою. Не трогавшіеся съ мѣста переговоры причиняли Антіоху досаду, и онъ не разъ ясно выражаетъ это въ письмахъ къ сестрѣ. «Что касается тигрицы,—пишетъ онъ, напр., въ одномъ изъ писемъ,—то я больше о ней не думаю: мнѣ надоѣли эти вѣчные безплодные разговоры о ней, что у меня уже не хватаетъ на нихъ терпѣнія» (письмо № VII). Онъ рѣшается самъ отказаться отъ невѣсты. Отвѣчая на просьбу сестры отказаться отъ резидентства и возвратиться на родину, онъ пишетъ: «Если мое возвращеніе нужно только для того, чтобы

гоняться за тигрицею, увѣряю васъ, оно будетъ напраснымъ: я уже совершенно не въ состояніи жениться... (№ XIV). Тигрицу уступаю кому угодно: по правдѣ сказать, мнѣ теперь все равно». Не могло, конечно, способствовать ускоренію женитьбы такое къ ней отношеніе кн. Антіоха, который къ тому же иногда любилъ выбирать мишенью своихъ остротъ въ сатирахъ саму невѣсту и мать ея. Подъ вымышленнымъ именемъ «Сильвія» представляетъ онъ, напр., въ VII сат. свою невѣсту дѣвицею, которая «круглую грудь рѣдко покрываетъ, смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ, бѣлится, румянится... легко даетъ, кто чего не проситъ, боясь досаднаго въ отказѣ отвѣта». «Такова,—прибавляетъ Кантемиръ,—и матушка была въ ея лѣта». Ничего нѣтъ удивительнаго при такомъ положеніи дѣла, что послѣ десятилѣтняго неудачнаго сватовства кн. Антіоха «тигрица» оказывается помолвленной за гр. П. Б. Шереметева. Равнодушное отношеніе кн. Антіоха къ брачному проекту его сестры объясняется съ одной стороны его склонностью къ тихой, уединенной жизни, которой онъ оставался вѣренъ втеченіе всей своей жизни, а съ другой тѣми любовными связями, въ которыхъ онъ состоялъ въ бытность свою въ Лондонѣ и Парижѣ съ различными особами. Княжна Марія во всѣхъ письмахъ нерѣдко упоминаетъ объ этихъ невинныхъ удовольствіяхъ своего брата, относится къ нимъ снисходительно и проситъ лишь брата позаботиться, «чтобы изъ поцѣлуевъ и разговоровъ не вышло чего нибудь серьезнаго, и главное, чтобы не нажить непріятностей и не обидѣть невѣсты» (письмо отъ 23-го іюня 1733 г.). Изъ этихъ связей наиболѣе извѣстна связь кн. Антіоха съ нѣкоей дѣвицей Ангельбертъ, отъ которой онъ имѣлъ двоихъ дѣтей, умершихъ, однако, въ малолѣтствѣ вслѣдъ за отцомъ. Послѣ смерти сатирика, его родственники согласно духовному завѣщанію оказали довольно крупную денежную помощь Ангельбертъ, которая вскорѣ съумѣла найти себѣ мужа въ лицѣ какого-то стряпчаго парижскаго парламента. Сохранилось интересное письмо этого послѣдняго къ Кантемирамъ, въ которомъ онъ выражаетъ надежду, что, можетъ быть, и его не оставятъ благодѣяніями ради супруги его, имѣвшей честь быть любимою кн. Антіохомъ. Жизнь Кантемира, особенно въ Парижѣ, была вообще не безъ удовольствій, хотя она въ значительной степени и отравлялась ему частымъ недомоганіемъ: то глаза у него болѣли до того, что онъ почти не былъ въ состояніи читать, то страдалъ онъ почками или желудкомъ. Не смотря на довольно тяжкія страданія, причинявшіяся ему этимъ недомоганіемъ, онъ о своей жизни выражается иногда слѣдующимъ образомъ: «По правдѣ сказать, жизнь посла—самая пріятная, какую только можно вести; поэтому я не желалъ бы разстаться съ нею, если бы не имѣлъ желанія повидаться съ вами и братьями и если бы не находился постоянно въ денежныхъ затрудненіяхъ, такъ какъ жалованье ограниченное и высылается очень туго» (№ IV, 1 сент. 1740). На служебныя занятія и на трудности ихъ находимъ довольно мало указаній въ письмахъ кн. Антіоха; гораздо чаще говоритъ онъ въ нихъ о разныхъ своихъ хлопотахъ по порученіямъ, которыя ему въ качествѣ посла приходилось брать на себя, Очень часто обращались къ нему то та то другая знакомая дама изъ высшаго свѣта въ Парижѣ или Лондонѣ съ просьбою выписать изъ Россіи мѣха: благодаря этому, княжнѣ Маріи приходилось подыскивать и пересылать брату рѣдкихъ довольно и въ это время горностаевъ цѣлыми сотнями, соболей, медвѣжьихъ шкуръ, а также порою и различныя китайскія мате-

ріи, обои и т. п. Въ свою очередь и кн. Антіохъ не оставался въ долгу: онъ то пересылалъ въ Россію табакъ, который любили употреблять въ это время наши дамы, то выполнялъ заказы въ родѣ пріобрѣтенія десертныхъ ножей, блюдъ и т. п. Можно было бы подумать, что въ исполненіи такого рода порученій состояла главная обязанность нашего резидента и полномочнаго министра. Обиліе разнаго рода мелочей, касающихся частной жизни, въ письмахъ послѣднихъ годовъ сокращается. Здѣсь находимъ больше разнаго рода политическихъ намековъ, жалобы на дурное отношеніе къ нему правительства, наряду съ ними жалобы на нездоровье и т. п. Кантемиръ озабоченъ полученіемъ ордена, который необходимъ ему для поддержанія престижа, поколебленнаго въ значительной мѣрѣ отнятіемъ у него званія посла. Онъ проситъ похлопатать брата кн. Константина, чтобы ему какъ возможно скорѣе была пожалована голубая лента, сестру проситъ прибѣгать къ подкупамъ, если нельзя будетъ подѣйствовать иначе. Онъ ей совѣтуетъ посулить лакею Разумовскаго золотую табакерку, если получитъ черезъ его господина орденъ втеченіе года, «убѣдительнѣйше проситъ» дать подробныя свѣдѣнія о всѣхъ титулахъ Степана Өеодоровича Апраксина, въ это время вице-президента военной коллегіи: «потому что это вещь, какъ сами знаете, необходимая, когда приходится просить или благодарить». Жалобы на нездоровье рядомъ съ тѣмъ все увеличиваются. Отъ начала 1744 г. мы имѣемъ письмо, которое онъ пишетъ порусски, такъ какъ, будучи очень слабъ, не въ состояніи былъ вынести напряженія писать на иностранномъ языкѣ (переписка обыкновенно велась на итальянскомъ языкѣ). Онъ хлопочетъ о полученіи отпуска въ Италію, выражая при этомъ надежду, что, можетъ быть, удастся ему-таки вернуться на родину; на высказанное сестрою желаніе поступить въ монастырь, онъ отвѣчаетъ положительнымъ запрещеніемъ, пиша ей по этому поводу: «Я желаю, чтобы по пріѣздѣ моемъ въ отечество вы прожили всю жизнь со мною и въ домѣ моемъ были хозяйкою, чтобы собирали и потчевали гостей, однимъ словомъ, чтобы были мнѣ увеселеніемъ и спомощницей». Княжна свое намѣреніе, конечно, оставила. Послѣднія два письма ея почти только и говорятъ о нездоровьѣ кн. Антіоха; она посылаетъ ему рецепты двухъ врачей, которыхъ считаетъ хорошими практиками, говоритъ, что сама собирается пріѣхать къ нему въ Италію. Желанію княжны не суждено было исполниться: 11-го апр. 1744 г. «вечера въ восьмомъ часу... полномочный министръ кн. А. Д. Кантемиръ по долготерпѣнной жесточайшей болѣзни, сначала въ желудкѣ и потомъ въ груди... перемѣнилъ сіе временное житіе съ вѣчнымъ блаженствомъ».

Изложенное нами, конечно, не заключаетъ въ себѣ всего содержанія переписки кн. А. Д. Кантемира съ сестрою и братьями, обнародованной г. Шимко. Мы не упоминали о многочисленныхъ данныхъ, касающихся заботъ князя объ умственномъ развитіи его сестры, исчисленіи книгъ, пересланныхъ имъ ей, о жизни княжны Маріи въ ея скромной, тихой обстановкѣ въ Москвѣ, въ ея «Ноевомъ ковчегѣ», гдѣ она была окружена своими любимыми кошками, собаками и старыми слугами молдавскаго господаря и т. д. Всѣ подобнаго рода подробности, которыхъ въ изданныхъ г. Шимко письмахъ весьма много, въ общемъ, конечно, для характеристики литературной дѣятельности кн. Антіоха Дмитріевича даютъ довольно мало, но за то прекрасно очерчиваютъ многія стороны частной жизни высшихъ слоевъ нашего общества первой половины минувшаго вѣка. Систематическаго изложенія біографіи

Кантемира трудъ г. Шимко не представляетъ, да и не можетъ представлять: авторъ, по собственному выраженію, имѣлъ въ виду представить «лишь сводъ новыхъ дополнительныхъ извѣстій о жизни выдающагося русскаго писателя и общественнаго дѣятеля первой половины прошлаго вѣка».

А. Л—нъ.

Морской полярный путь въ Сибирь и его значеніе для экономическаго и культурнаго развитія края (посвящается памяти М. К. Сидорова). Владиміра Турбина. Спб. 1891.

Карское море, не смотря на богатства его водъ и его важное значеніе, какъ воднаго пути въ Сибирь, до послѣдняго времени оставалось у насъ почти въ совершенномъ забвеніи. Вспомнили о немъ только теперь, послѣ настойчивыхъ попытокъ смѣлыхъ англійскихъ предпринимателей проложить черезъ Карское море прочный торговый путь въ Сибирь. Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ недавно появилась брошюра г. Турбина. Поставивъ задачею изложить прошлое и настоящее полярныхъ экспедицій въ Сибирь и выяснить, на сколько возможно, всѣ выгоды и преимущества окончательнаго установленія морскаго пути въ Сибирь, авторъ предпосылаетъ краткій историческій обзоръ этихъ экспедицій. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ русскіе усердно посѣщали арктическія воды, но съ половины настоящаго столѣтія интересъ къ этимъ плаваніямъ начинаетъ ослабѣвать, и мѣсто русскихъ занимаютъ иностранцы. Полярный островъ Новая Земля былъ извѣстенъ намъ задолго до путешествія В. Варренса (въ 1595 г.), а въ 1556 г. Баррусъ встрѣтилъ въ Ледовитомъ океанѣ много русскихъ судовъ. Въ XVII столѣтіи русскіе усердно посѣщали воды Шпицбергена, а казакъ Семенъ Дежневъ, выйдя изъ Колымы, обогнулъ восточную оконечность Азіи и былъ истиннымъ виновникомъ открытія пролива, названнаго впослѣдствіи «Беринговымъ». 1734 г. ознаменовался первой попыткой научныхъ экспедицій для изученія нашихъ арктическихъ странъ и водъ. Затѣмъ слѣдуютъ экспедиціи въ 1737 и 1791 гг. Въ началѣ текущаго столѣтія (въ 1806 г.) былъ открытъ Ново-Сибирскій архипелагъ, а въ 1820 г. были снаряжены двѣ правительственныя экспедиціи для изслѣдованія сѣверо-восточныхъ береговъ Ледовитаго океана; это были экспедиціи Анжу, Врангеля и Матюшина. Съ 1819 г. по 1824 г. въ Карское море было снаряжено пять правительственныхъ экспедицій и въ числѣ ихъ извѣстная экспедиція графа Литке. Въ 1832 г. Клоковъ и Брандтъ снарядили три судна, на одномъ изъ которыхъ находился знаменитый изслѣдователь Новой Земли Пахтусовъ. До сороковыхъ годовъ на Сѣверѣ работали также Моисеевъ, Бережный, Ивановъ и Рогозинъ. Затѣмъ уже начинается извѣстная дѣятельность М. К. Сидорова. Въ послѣднее время дѣятельное участіе въ снаряженіи экспедицій къ берегамъ Сибири принимали Сибиряковъ и Трапезниковъ. Что касается иностранцевъ, то послѣдніе, особенно норвежскіе промышленники, издавна посѣщали Карское море, но особаго развитія иностранныя полярныя плаванія достигаютъ съ семидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ ряду этихъ экспедицій выдающееся мѣсто принадлежитъ экспедиціи профессора Норденшильда. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя плаванія извѣстнаго капитана Виггинса, датская и голландская полярныя экспедиціи, плаванія пароходовъ «Лабрадоръ», «Фениксъ», «Бискай» и др.

Послѣднія экспедиціи носятъ исключительно коммерческій характеръ и снаряжались для обмѣна товаровъ сибирскихъ рынковъ на англійскіе. Большинство упомянутыхъ предпріятій доказало полную доступность сибирскаго полярнаго побережья и возможность проникнуть въ устья сибирскихъ рѣкъ. Что же касается финансовыхъ неудачъ послѣднихъ англійскихъ торговыхъ экспедицій въ Сибирь, то причина этого кроется въ недостаточности средствъ, а также и въ слишкомъ поверхностномъ знакомствѣ съ потребностями страны и въ другихъ побочныхъ обстоятельствахъ. При болѣе стройной организаціи предпріятія и при устраненіи внѣшнихъ и внутреннихъ препятствій, успѣхъ операцій будетъ зависѣть отъ степени соотвѣтствія ихъ потребностямъ сибирскаго населенія. Начинающаяся англо-сибирская торговля нашла у насъ массу противниковъ, ратующихъ изъ-за ложнаго патріотизма и изъ-за интересовъ собственнаго кармана. Въ непривлекательныхъ краскахъ рисуетъ авторъ современное экономическое состояніе Сибири и мѣстную торговлю. Благодаря спячкѣ и косности сибирской общественной жизни и торговли, сибирское купечество и его «старшій» братъ—россійско-нижегородское забили тревогу при вѣсти о послѣдовавшемъ высочайшемъ разрѣшеніи безпошлиннаго ввоза иностранныхъ товаровъ въ устья рѣкъ Оби и Енисея. Но, съ другой стороны, по мнѣнію автора, и примѣненіе къ англо-сибирской торговлѣ принципа laissez-faire, laissez-aller «цѣликомъ отдастъ сибирскую торговлю въ руки иностранцевъ, которые несомнѣнно явятся болѣе вредною силою, нежели сибирскіе кулаки». Относительно размѣровъ, въ какихъ можетъ быть допущена иностранная торговля въ Сибири, г. Турбинъ говоритъ, что ей слѣдуетъ предоставить свободу лишь въ той мѣрѣ, въ какой она способна удовлетворить потребностямъ населенія и содѣйствовать подъему мѣстной промышленности, а затѣмъ приложить всѣ старанія и усилія, чтобы вызвать къ жизни производительныя силы страны, что невозможно безъ упорядоченія мѣстныхъ путей сообщенія. Познакомивъ читателей съ производительными раіонами Сибири и ея естественными богатствами, авторъ въ заключеніе говоритъ, что, такъ какъ для созданія благопріятныхъ условій для подъема сибирской промышленности, упорядоченія путей сообщенія и проч. потребуется масса затратъ со стороны правительства и общества, то нельзя ли въ ожиданіи созданія этихъ условій помириться съ временнымъ допущеніемъ свободы иностранной торговли въ Сибири. «Если мы допустили иностранное хозяйничаніе на нашихъ европейскихъ моряхъ, то чего же намъ бояться иностранной конкурренціи на Ледовитомъ океанѣ, гдѣ и условія плаванія менѣе благопріятны, да и самыя предпріятія не вышли еще изъ области попытокъ». Допустивъ въ Сибири иностранную торговлю, слѣдуетъ ограничить ее надлежащими рамками, не позволяя ей преслѣдовать иныя цѣли, кромѣ спеціально торговыхъ. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи Сибири допущеніе иностранной торговли дастъ сильный толчекъ развитію края. Не слѣдуетъ забывать, что высочайше дарованная льгота на безпошлинный ввозъ иностранныхъ товаровъ въ устья сибирскихъ рѣкъ распространяется не на однихъ лишь англичанъ, а рѣшительно на всѣхъ, въ томъ числѣ и на нашихъ предпринимателей. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ еще никто не воспользовался этою льготой.

Въ заключеніе укажу на нѣкоторыя неточности, встрѣченныя мною въ брошюрѣ г. Турбина. Авторъ говоритъ, что въ 1882 г. парусное судно

«Варна» было затерто льдомъ съ Карскомъ морѣ и на помощь ему поспѣшилъ капитанъ Хугардтъ на датскомъ пароходѣ «Димфна», также застрявшемъ во льдахъ. Это невѣрно. «Варна» не парусное судно, а большой пароходъ, зафрахтованный голландской экспедиціей у норвежцевъ и раздавленный льдами. Далѣе говорится, что въ 1883 г. пароходъ «Луиза» дошелъ до Оби, но во время шторма потерялъ дымовую трубу и былъ выброшенъ на мель въ заливѣ. Это тоже не совсѣмъ вѣрно. На сколько мнѣ помнится, «Луизѣ» не пришлось испытать подобныхъ ужасовъ. «Луиза», слѣдуя въ 1883 г. въ Карское море, встрѣтила ледъ около Югорскаго Шара и обломала себѣ винтъ; оттуда «Луиза» была приведена въ Норвегію однимъ изъ сибиряковскихъ пароходовъ, на которомъ также возвратилась и голландская полярная экспедиція съ погибшаго парохода «Варна». Не вѣрно также и то, что въ 1888 г. «Лабрадоръ», имѣя на бортѣ сына англійскаго посла, остановившись невдалекѣ отъ Обской губы, высадилъ его на берегъ, и онъ возвратился въ Англію сухимъ путемъ, черезъ Березовъ и Тобольскъ. Между тѣмъ «Лабрадоръ» дошелъ только до Югорскаго Шара, и отсюда молодой Морріеръ не возвратился въ Англію, а совершилъ спеціальное путешествіе за Уралъ. Эти неточности не имѣютъ существеннаго значенія и не умаляютъ достоинства брошюры г. Турбина. М. Р.

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Отъ Калмыцкой степи до Бухары. Спб. 1891.

Въ то время, когда Западная Европа съ вполнѣ понятнымъ интересомъ и вниманіемъ относится къ нашимъ среднеазіатскимъ владѣніямъ, мы почти ничего, или очень мало, знаемъ о нихъ и ничѣмъ пока не выражаемъ намѣренія покороче и поподробнѣе съ ними ознакомиться. Эта именно горькая истина невольно приходитъ на умъ при чтеніи интересной книги князя Э. Ухтомскаго, названіе которой приведено выше.

По пути изъ Самарканда въ Закаспійскую область авторъ въ 1889 году на одной изъ станцій встрѣтилъ знаменитаго въ ученомъ мірѣ и, по всей вѣроятности, вовсе неизвѣстнаго большинству представителей нашего интеллигентнаго общества, директора берлинскаго музея für Völkerkunde, Адольфа Бастіана, много и полезно поработавшаго надъ этнографическимъ изученіемъ инородцевъ нашихъ окраинъ и пріѣзжавшаго въ Закаспійскую область для ея серьезнаго, всесторонняго, бдительнаго изученія. Въ то время какъ у насъ можно кое-что найти по этому интересному предмету въ Дашковскомъ музеѣ въ Москвѣ, да въ двухъ залахъ академіи наукъ, отведенныхъ подъ антрополого-этнографическія коллекціи, по части нашихъ инородцевъ, въ Берлинѣ, въ музеѣ für Völkerkunde, четырнадцать шкафовъ вмѣщаютъ въ себѣ драгоцѣннѣйшіе матеріалы для изученія быта нашихъ тунгусовъ, бурятъ, калмыковъ, киргизовъ, чукчей, остяковъ, самоѣдовъ и т. д.

Въ Чарджуѣ автору довелось провести нѣсколько дней съ путешествовавшимъ съ научною цѣлью по нашимъ закаспійскимъ владѣніямъ англійскимъ инженеромъ маіоромъ Уэльсомъ, занимавшимъ тогда въ Тегеранѣ мѣсто начальника англо-индійской телеграфной линіи, а ранѣе, въ Узунъ-Ада, авторъ встрѣтилъ члена англійскаго парламента, г. Кэрдсона, уже вторично пріѣхавшаго изучать наши владѣнія въ Средней Азіи.

Иностранные путешественники серьезнѣе насъ изучаютъ нашъ Востокъ и осмысленнѣе коллекціонируютъ все, достойное вниманія. Извѣстный лингвистъ Уйфальви издалъ въ Парижѣ огромный спеціальный Atlas des étoffes, bijoux etc. de l'Asie Centrale; Бонвало, прославившійся сравнительно недавнимъ зимнимъ переходомъ изъ Ферганы въ Индію, составилъ очень поучительную среднеазіатскую этнографическую коллекцію; Лэнсделль, изъѣздившій вдоль и поперекъ наши окраины, сдѣлалъ то же самое для Лондона, а не менѣе предпріимчивый Мозеръ для Швейцаріи. Цѣлыми сотнями появляются за границей книги, брошюры и замѣтки о Средней Азіи и, къ сожалѣнію, приходится сознаться, что все лучшее по этому вопросу принадлежитъ перу иностранцевъ.

А между тѣмъ наши среднеазіатскія владѣнія заслуживаютъ всесторонняго изученія и достойны вниманія и съ этнографической, и съ исторической точки зрѣнія.

Стоитъ прочесть книгу кн. Ухтомскаго, написанную чрезвычайно живо, занимательно и искренно, являющуюся безпристрастными замѣтками любознательнаго и образованнаго туриста, чтобы согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ. Сколько интереса для историка, археолога и этнографа можетъ представить собою хотя бы, напримѣръ, нѣкогда блестящій и могущественный Мервъ, прежняя кипучая жизнь котораго такъ и остается не вполнѣ изслѣдованной.

Авторъ много и подробно говоритъ (VII гл.), между прочимъ, о переселенческомъ вопросѣ въ Средней Азіи. Онъ находитъ совершенно, по нашему мнѣнію, основательно, что допущеніе на наши восточныя окраины бездомныхъ пришлецовъ, массами, цѣною жертвъ и лишеній, являющихся туда искать себѣ крова и куска хлѣба, и нежелательно и даже вредно для самого русскаго дѣла. Отрываясь отъ насиженныхъ мѣстъ, гдѣ они, всетаки, кое-какъ перебивались, и, отправляясь въ совершенно невѣдомый, далекій край, съ обманчивой надеждой устроить тамъ свою жизнь и сытнѣе и привольнѣе, они сразу же разочаровываются въ этомъ и остаются почти безъ всякихъ средствъ къ существованію, оборванными, голодными, отбившимися отъ работы нищими. Авторъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что наша печать, усиленно занимающаяся моднымъ у насъ теперь вопросомъ о переселенцахъ, весьма ошибается, смотря на этотъ пришлый людъ, какъ на колонизаторовъ нашихъ окраинъ. Переселенцы вездѣ и всегда представляютъ собою въ большинствѣ ненадежный контингентъ, составляемый обыкновенно изъ неумѣвшихъ устроиться дома неудачныхъ отбросковъ, часто вносящихъ съ собою порчу. Такой элементъ не можетъ колонизовать страну, гдѣ къ тому же онъ не находитъ плотно сложившагося строя жизни и поэтому заработка, и является предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія со стороны мусульманскаго населенія края, что подрываетъ нашъ престижъ на окраинѣ. Пока переселенческій вопросъ не будетъ поставленъ у насъ на твердую, солидную почву, до тѣхъ поръ казалось бы болѣе полезнымъ, для самихъ же переселенцевъ, сдерживать, а не распространять бродяжническія наклонности нашего крестьянства.

А между тѣмъ этого нѣтъ, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, переселенцы безпрепятственно стекаются на наши окраины погибать въ неизвѣстной странѣ и побираться подаяніемъ.

Все это показываетъ наше равнодушіе къ условіямъ жизни края, и этого

и многаго другаго, конечно, не было бы, если бы мы внимательнѣе изучали быть нашихъ владѣній въ Закаспійской области и, беря въ этомъ отношеніи добрый примѣръ съ иностранцевъ, знающихъ наши окраины гораздо лучше насъ самихъ, болѣе интересовались исторіей, этнографіей, археологіей края, чѣмъ фокусами дервишей и пляскою баядерокъ. С. У -цъ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціею М. И. Семевскаго, издателя-редактора «Русской Старины». Книга вторая. Спб. 1891.

О первой части этого изданія мы своевременно дали краткій отчетъ читателямъ «Историческаго Вѣстника». Вышедшій нынѣ въ свѣтъ второй томъ «Архива князя Ѳ. А. Куракина» заключаетъ въ себѣ документы, по важности и значенію, не уступающіе тѣмъ, которые были помѣщены въ первомъ томѣ. Документы эти важны не только по отношенію къ характеристикѣ князя В. И. Куракина, занимавшаго довольно видное положеніе въ ряду дипломатовъ Петровскаго времени, но и по отношенію къ характеристикѣ Петровскаго времени вообще и даже въ частности—къ быту нашихъ высшихъ классовъ въ это переходное время.

Въ смыслѣ историческомъ, конечно, не столько важны эти грамоты царя Петра I къ различнымъ владѣтельнымъ особамъ, при которыхъ князь В. И. былъ аккредитованъ, сколько собственные «протоколы-записки», которые князь Куракинъ велъ постоянно во время посольства къ различнымъ европейскимъ дворамъ. Эти записки, писанныя подъ живымъ впечатлѣніемъ, рисуютъ намъ довольно полную картину дѣятельности русскаго дипломата и живо передаютъ намъ ту обстановку, среди которой этимъ въ полномъ смыслѣ «новымъ людямъ» приходилось жить и дѣйствовать. Любопытнымъ образчикомъ бѣдности нашего тогдашняго дипломатическаго языка можетъ, между прочимъ, служить слѣдующій отрывокъ изъ этихъ «протоколовъ-записокъ» (заимствуемый нами на стр. 257—269).

«... Тогда я принужденъ тутъ при столѣ у электора взять конгресъ и уступить въ домъ свой, который аффронтъ всегда въ сердцѣ своемъ содержу».

Или: «по заключеніи концерта въ Гагѣ, трупы шведскіе 6000, которые въ Помераніи аккордированы, въ службу аліатскую половину взяли аглечане на свою плату, а другую половину—цесарь съ голанцы. И нынѣ аліаты всегда требуютъ отъ регранціи шведской тѣхъ труповъ».

Частная переписка князя Бориса Ивановича изобилуетъ любопытными чертами времени, и въ этомъ отношеніи особенно важными кажутся намъ тѣ письма, которыми онъ обмѣнялся съ графомъ Г. И. Головкинымъ, по поводу бракосочетанія княжны Екатерины Борисовны съ сыномъ графа. Изъ этихъ писемъ видимъ, какъ разумно и серьезно смотрѣли наши предки на бракъ и какъ осторожно относились къ будущему имущественному положенію молодой четы. Тѣ росписи и предварительныя поручныя записи, которыми имущественное положеніе молодыхъ супруговъ заранѣе опредѣлялось родителями, имѣли положительное значеніе свадебныхъ контрактовъ и на столько обязательную силу, что несоблюденіе условій записи или росписи могло быть обжаловано и передъ судебной, и передъ высшей властью.

Чрезвычайно любопытенъ (въ письмѣ И. И. Неплюева къ князю Б. И. Куракину) взглядъ, высказываемый однимъ изъ образованнѣйшихъ людей

Петровскаго времени на нашъ кругъ знаній, который можетъ быть названъ необходимымъ для юношества:

«Мое желаніе (пишетъ Неплюевъ) таковое, дабы мой сынъ обучался двумъ наукамъ: философіи и отъ нея происходящей математикѣ. И весьма сіе свободно обѣ науки вдругъ учить, яко слѣдуетъ сперва къ философіи латинской языкъ граматически, а къ математики—ариөметика и геометрія. И сіи науки къ его лѣтамъ сходны. Покуда выучитъ латинскій языкъ и ариөметику, и геометрію, потуда можетъ еще въ умѣ утвердиться... А что касается особливо до навигаціи, такожде и до артиллеріи, и до танцевъ, о семъ я нимало попеченія не имѣю, чтобы онъ нынѣ зналъ, яко извѣстно, что артиллерія и навигація есть арти или части науки, зависятъ отъ математики, а не есть совершенная наука... Ежели онъ, съ помощью Вышняго будетъ основательно знать философію, и математику, и исторіи, тогда, хотя бъ солдатомъ или матрозомъ, или писаремъ былъ, вездѣ можетъ добрымъ человѣкомъ застать и счастіе свое съ помощію Божіею отыскать».

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе всѣхъ интересующихся дѣломъ царевича Алексѣя Петровича на письма (№№ 222, 225), въ которыхъ сообщаются любопытныя подробности о бѣгствѣ изъ Вѣны Аврама Веселовскаго, нѣкогда бывшаго секретаремъ у Меншикова и впослѣдствіи игравшаго такую загадочную роль въ страшномъ процессѣ царевича и его единомышленниковъ. Обстоятельства, сообщаемыя вышеозначенными письмами о тѣхъ хитрыхъ маневрахъ, которыми Веселовскій съумѣлъ обставить свое бѣгство, прежде, чѣмъ скрылся безслѣдно, еще болѣе подтверждаютъ тѣ важныя гипотезы, которыя были нѣкогда высказаны Погодинымъ въ его изслѣдованіяхъ о дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича. П. П.

А. Гольденвейзеръ. Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи. Кіевъ. 1891.

Книга г. Гольденвейзера представляетъ не только исторію измѣненія земледѣльческаго характера англійскаго хозяйства въ промышленный, съ быстрымъ развитіемъ одновременно пролетаріата и обогащеніемъ класса собственниковъ, но также знакомитъ насъ съ практическими мѣропріятіями въ строѣ англійской индустріи, клонящимися къ уровновѣшиванію и взаимности интересовъ рабочихъ и капиталистовъ. Такимъ образомъ, не смотря на компилятивный характеръ книги, составленной по двухтомному произведенію Шульце-Геверница («Zum socialen Frieden»), она имѣетъ и для насъ живой интересъ. Коснувшись усиленія промышленности на счетъ земледѣлія, торжества предпринимательской свободы на мѣсто цѣховыхъ и гильдейскихъ ограниченій хозяевъ съ массою лежавшихъ на нихъ обязанностей, а также ученій Ад. Смита, Рикардо, Бентама и Мальтуса о безполезности государственнаго вмѣшательства въ промышленныя сферы, г. Гольденвейзеръ переходитъ къ иной школѣ англійскихъ мыслителей и практиковъ, горячо протестовавшихъ противъ ученій о благодѣтельности индивидуализма и призывавшихъ людей къ взаимности и жертвамъ личными выгодами во имя душевной ясности и любви къ человѣчеству. Такими мыслителями въ англійскомъ обществѣ были Т. Карлейль и Р. Оуэнъ. Первый проводилъ свое ученіе болѣе теоретически, а второй—пробуетъ на собственныхъ фабрикахъ въ Нью-Ланаркѣ преобразовать разгульно-безпечный и порочный ха-

рактеръ рабочихъ измѣненіемъ условій ихъ быта, сдѣлавъ ихъ изъ свободныхъ конкурентовъ участниками производства, съ правомъ на прибыль одинаково съ хозяиномъ. На этой почвѣ скоро появляются такъ называемые «христіанскіе соціалисты»: Маурисъ, Кингслей, Т. Гюгъ и т. д., устроиваются повсемѣстно потребительныя и производительныя ассоціаціи, организуются «рабочіе союзы» (trade unions), вліяющіе на капиталистовъ въ такой степени, что послѣдніе начинають признавать справедливость ихъ требованій, необходимость солидарности капитала и труда, во имя чего между ними устроиваются совмѣстные комитеты депутатовъ для разбирательствъ взаимныхъ претензій въ предупрежденіе стачекъ и безпорядковъ. Успѣхи «союзной организаціи» между рабочими и даже капиталистами за послѣдніе годы особенно значительны и, для объясненія этого явленія, въ книгѣ г. Гольденвейзера собраны поучительные факты изъ дѣятельности англійскаго духовенства («теологическое движеніе»), высшей аристократіи («Юная Англія») и людей науки, профессоровъ и студентовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ («университетское движеніе»), совмѣстно и съ разныхъ сторонъ помогающихъ кооперативному движенію среди рабочихъ и старающихся вызвать къ нему сочувствіе не только капиталистовъ и парламента, но также поддержать это движеніе просвѣщеніемъ народныхъ массъ. По этому поводу кембриджскій профессоръ Стюартъ говорилъ на собраніи рабочихъ: «піонеры кооперативнаго движенія должны столько же заботиться объ образованіи своихъ приверженцевъ, какъ и о матеріальномъ успѣхѣ ихъ начинаній, ибо дальнѣйшая участь его только тогда можетъ быть признана обезпеченною, когда то и другое будетъ идти рука объ руку». Въ книгѣ г. Гольденвейзера указаны многочисленныя учрежденія, поддерживающія рабочіе союзы, какъ единственно мирный путь къ примиренію интересовъ труда и капитала. Въ этомъ отношеніи «Соціальныя теченія и реформы XIX ст. въ Англіи» имѣютъ для насъ жизненный и современный интересъ. Къ сожалѣнію, историческая часть о преобразованіи сельскаго быта Англіи въ промышленный изложена г. Гольденвейзеромъ весьма слабо и поверхностно, а между тѣмъ у насъ имѣется объ этомъ прекрасное изслѣдованіе Н. Каблукова «Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ». То же самое надо сказать объ исторіи потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій, разработанной также болѣе тщательно и полно у гг. А. Михайлова, Пфейфера, Бехера и т. д. Но главный недостатокъ г. Гольденвейзера—это какой-то техническій языкъ, которымъ написана его компиляція, и длинныя отступленія въ сторону отъ главной темы, вслѣдствіе чего интереснѣйшіе факты и увлекательныя мысли становятся скучными и неясными для большинства. Напримѣръ, «исторія,—пишетъ онъ,—есть процессъ соціализированія человѣчества»; «индивидуальные интересы обнаруживаютъ центробѣжныя наклонности»; «мы слѣдили также за судьбой альтруистическихъ идей, формулированныхъ въ чистомъ видѣ, въ томъ ихъ преобладающемъ вліяніи, которое онѣ съ колебаніями, но тѣмъ не менѣе въ восходящей степени, пріобрѣтаютъ надъ крайностями индивидуалистическаго міровоззрѣнія», и т. д. Подобное изложеніе бытовыхъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о слабомъ умѣньѣ автора пользоваться простотой и ясностью русскаго языка для ознакомленія читающей публикѣ съ научнымъ предметомъ. А. Фаресовъ.

Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи. Изслѣдованіе члена-секретаря Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета Л. Б. Вейнберга. (Съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова). Воронежъ. 1891.

Мы не можемъ отнестись къ этому изданію съ какою бы то ни было строгостью критическою. Изданіе это предпринято съ благотворительною цѣлью, на «благое дѣло усиленія средствъ Воронежскаго дѣтскаго пріюта». Притомъ, въ это изданіе внесено очень много добраго желанія принести извѣстнаго рода пользу дѣлу изученія нашей родной старины: съ этою цѣлью и почтенный Е. Л. Марковъ далъ свои рисунки (скорые наброски?), а Л. В. Вейнбергъ написалъ цѣлый рядъ изслѣдованій о древностяхъ придонскихъ и воронежскихъ... Но если мы возьмемъ, въ общемъ соображеніи, все, что сдѣлано для изданія этого довольно объемистаго атласа-сборника, то придемъ все же къ заключенію, что его можно было и должно было сдѣлать совсѣмъ иначе, т. е. съ бо̀льшею умѣлостью и съ меньшею наивностью.

Е. Л. Марковъ въ весьма краткомъ предисловіи толкуетъ въ началѣ «Очерка Воронежскихъ древностей» о важности изученія родной старины, о томъ небреженіи, среди котораго погибаютъ многія наши древности, о томъ, что, благодаря этому небреженію и недостаточному знанію нашей старины, мы долго не дождемся своихъ О. Тьери, Маколеевъ и Вальтеръ-Скотовъ, и затѣмъ представляетъ читателю въ «Очеркахъ» цѣлый рядъ своихъ рисунковъ, которые рѣшительно никого не могутъ ознакомить ни съ какими археологическими остатками Воронежскаго края. А между тѣмъ въ современной археологіи правильный и вѣрный снимокъ вещи, зданія или мѣстности, считается гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ самое подробное описаніе или изслѣдованіе.

Такою же наивностью отличаются и частныя изслѣдованія Л. В. Вейнберга. Рядомъ съ любопытными свѣдѣніями и подробностями, рядомъ съ мѣстными преданіями, заслуживающими вниманія людей, интересующихся отечественной стариной, въ «изслѣдованіяхъ» г. Вейнберга встрѣчаются и такія странныя обобщенія и выводы, которые ничего не имѣютъ и не могутъ имѣть общаго ни съ какою наукою... Для того, чтобы ознакомиться съ общимъ характеромъ этихъ выводовъ, достаточно здѣсь привести одинъ: «Сообразно геологическимъ особенностямъ Воронежской губерніи»,—говоритъ Л. В. Вейнбергъ,—повидимому, распредѣлялись здѣсь и древнія поселенія человѣка. Такъ почва девонской формаціи содержитъ главнымъ образомъ скиѳскіе памятники. Здѣсь встрѣчаются орудія каменнаго вѣка (sic). По правому же берегу Дона, въ предѣлахъ мѣловой формаціи, тянутся большею частью пещерные памятники какого-то культурнаго народа (?), по всей вѣроятности, козаръ. Наконецъ, въ почвѣ новѣйшаго наслоенія встрѣчаются почти исключительно костяки и предметы татарскаго происхожденія», и т. д.

Изъ этого небольшаго отрывка съ достаточною ясностью видимъ, что а̀вторъ «изслѣдованія» не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о скиѳахъ, ни о скиѳскихъ памятникахъ и притомъ совершенно напрасно путаетъ геологію съ археологіей...

Теперь, когда фотографія пріобрѣла въ жизни такое громадное значеніе, когда она стала играть такую важную роль въ археологіи, странно издавать атласы-сборники, подобные «Очеркамъ» воронежской старины. Полезнѣе было издать альбомъ фотографическихъ снимковъ съ тѣхъ же памятниковъ, съ самыми краткими объяснительными текстами. П. П.

А. Д. Бочаговъ. Наша торговля и промышленность въ старину и нынѣ. (Историческіе очерки). Выпускъ I. Торговля предметами потребленія. Спб. 1891.

Г. Бочаговъ замѣтилъ, что столь интересный и важный вопросъ, какъ исторія торговли и промышленности Русскаго государства. «менѣе всего занималъ нашихъ изслѣдователей старины», и потому рѣшилъ восполнить этотъ пробѣлъ. Но сдѣлать этого ему не удалось. Достаточно сказать, что г. Бочагову не извѣстенъ основной источникъ, безъ котораго невозможно было обойтись при разработкѣ даннаго вопроса, именно—писцовыя книги. По крайней мѣрѣ, изъ книжки такого знакомства не видно. Авторъ ограничился простой компиляціей общихъ трудовъ—Карамзина, Соловьева, Костомарова, Аристова и др., причемъ неизвѣстно почему какъ руководство по исторіи русскаго права избралъ чуть ли не самое плохое, именно г. Михайлова, оставивъ безъ вниманія труды профессоровъ Владимірскаго-Буданова и Сергѣевича. Такимъ образомъ, на трудъ г. Бочагова слѣдуетъ смотрѣть, какъ на компилятивный и нисколько не заполнившій дѣйствительно большаго пробѣла нашей историко-юридической литературы. Но, не имѣя научнаго значенія, книжка г. Бочагова, всетаки, имѣетъ нѣкоторый интересъ, особенно для петербургскаго жителя, который можетъ узнать изъ нея, напримѣръ, что въ Петербургѣ, самый древній трактиръ «надо по справедливости считать «Лондонъ» (Вас. Остр., уголъ Кадетск. лин. и Средн. пр.), основанный въ 1719 г., что «прекрасной кухней издавна популярны среди петербуржцевъ — «Малый Ярославецъ», «Пассажъ» и «Доминикъ» (стр. 17), а ресторанъ «Пассажъ», кромѣ, того, замѣчателенъ тѣмъ, что открытъ по особому указу Николая Павловича» (ibid.) и принадлежитъ,—странное совпаденіе!—однофамильцу нашего автора. Любопытны также данныя, краснорѣчиво говорящія о развитіи русскаго пивоваренія, которыя г. Бочаговъ собралъ на петербургскихъ заводахъ за 1882 годъ. «За этотъ годъ въ Петербургѣ существовало 9 пивоваренныхъ заводовъ, производящихъ на продажу пиво, сбытъ котораго выражается слѣдующими цифрами: 1) Калинкинскій—2.520,560 ведеръ, 2) Баварія—970,500 в., 3) Славянскій—521,305 и т. д., а на всѣхъ 9 заводахъ вмѣстѣ — 5.790,073 ведра»... «Попробуемъ,—говоритъ г. Бочаговъ,—сравнить наше потребленіе съ Германіей, гдѣ въ 1881 году было выпито 21.316,000 гекролитровъ пива, и мы увидимъ, что мы далеко отстали отъ нѣмцевъ въ этой области» (стр. 35)... Досадно. Такого рода любопытныхъ данныхъ много сообщаетъ г. Бочаговъ, говоря о «трактирахъ на Руси» (1—18 стр.), «о фряжскихъ и ренсковыхъ погребахъ» (18—27 стр.), «о портерныхъ лавкахъ» (стр. 27—39), кабакахъ, (39—49 стр.), «о булочныхъ», чайной торговлѣ, торговлѣ мясомъ, колбасой, молокомъ, яйцами, итальянскими макаронами, рыбою, солью, квасомъ, лимонадомъ и табакомъ и т. п. В. Б.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. 1770—1837. Изданіе А. Брикнера. Томъ V. Спб. 1891.

Это уже пятый томъ обширнаго документальнаго изданія профессора Брикнера, о первыхъ томахъ котораго говорилось въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Онъ изданъ съ прежнею внѣшнею роскошью; прибавленъ еще видъ усадьбы Панина. Попрежнему дукументы все новые: изъ 523 только 22 были напечатаны раньше, преимущественно въ «Архивѣ кн. Воронцова», издаваемомъ Вартеневымъ. Большинство нхъ заимствовано изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; затѣмъ значительная часть почерпнута изъ семейнаго архива Паниныхъ; кое-что взято даже изъ стокгольмскаго архива. Этотъ томъ составляетъ третью часть всего сборника, обнимающую 1799—1801 гг. Время весьма интересное: то была пора вицеканцлерства Панина при государѣ такого измѣнчиваго нрава, какъ Павелъ I. Къ концу этого времени (съ ноября 1800 до марта 1801) относятся внезапная отставка и ссылка Панина въ его помѣстья. Plus royaliste que le roi, Панинъ ненавидѣлъ Бонапарта, какъ исчадіе революціи, даже въ ту пору, когда обстоятельства требовали союза съ нимъ, что понималъ и самъ царь, и прямой начальникъ вицеканцлера, первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графъ Ростопчинъ. Онъ не хотѣлъ измѣнить своего мнѣнія, не смотря на то, что Павелъ I приказывалъ передать ему, что его вице-концлеръ есть «не что иное, какъ инструментъ». Загадочный поводъ къ опалѣ разъясняется теперь письмомъ самого Панина къ Крюденеру черезъ день послѣ событія (№ 486 разсматриваемаго тома): перехватили письмо прусскаго посланника, свидѣтельствовавшее о томъ, что Панинъ недоволенъ внѣшнею политикой Павла I. По нашему мнѣнію, вполнѣ разъясняется и постыдный поступокъ Ростопчина, который сочинилъ небывалое письмо Панина, чтобы показать его легковѣрному царю и тѣмъ погубить своего соперника. Но роющій яму ближнему самъ впадетъ въ оную. Продѣлка Ростопчина разоблачилась, и онъ слетѣлъ съ мѣста, а Панину позволили возвратиться въ Петербургъ Это случилось черезъ три мѣсяца послѣ опалы Панина, 20 февраля 1801 года. Неизвѣстно, что было бы дальше съ Панинымъ при такихъ превратностяхъ судьбы, если бы 13 марта не послѣдовала внезапная кончина Павла I. Съ воцареніемъ Александра I началась новая пора въ жизни Панина, которой будетъ посвященъ слѣдующій томъ изданія профессора Брикнера. Въ заключеніе замѣтимъ, что намъ показалось, будто почтенный издатель нѣсколько нерѣшителенъ, слишкомъ строго держась буквы документовъ, съ другой же стороны онъ иногда не вполнѣ внимателенъ къ нимъ. Онъ словно боится сказать, почему же палъ Панинъ, когда дѣло совсѣмъ ясно. Онъ видитъ одну изъ причинъ недоразумѣній между Панинымъ и Ростопчинымъ въ «какомъ-то» эпизодѣ съ маркизомъ де-Галло. Онъ зналъ бы этотъ эпизодъ, если бы обратилъ вниманіе на стр. XXXIII 70-го тома «Сборника Русскаго историческаго общества», посвященнаго той же эпохѣ и, впрочемъ, хорошо извѣстнаго ему, какъ видно изъ другихъ мѣстъ его книги.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Биржевая паника въ 1813 году въ Лондонѣ.—Причины войны 1870 года.—Возлюбленная Руссо.—Былъ ли папа Пій IX франкмасономъ.

Биржевая паника въ 1813 году въ Лондонѣ. Весной 1813 года, въ дни борьбы союзныхъ армій противъ Наполеона I, когда русскіе уже заняли Дрезденъ, вездѣ былъ застой въ торговлѣ, но нигдѣ разстройство въ торговыхъ дѣлахъ не достигало такого лихорадочнаго напряженія, какъ въ Лондонѣ. 28-го апрѣля, раннимъ утромъ, въ корабельной гостинницѣ въ Дуврѣ, остановился одинъ англійскій офицеръ, только что прибывшій изъ Франціи. Выпивая стаканъ съ грогомъ, онъ вдругъ произнесъ съ торжествующей радостью: «была рѣшительная битва, французская армія уничтожена, Наполеонъ убитъ во время бѣгства, и предстоитъ миръ». Затѣмъ онъ представился портовому адмиралу Полею подъ именемъ полковника де-Бурга, въ качествѣ адъютанта лорда Кетскарта: «только что прибылъ изъ арміи и спѣшу въ Лондонъ съ донесеніемъ». Изящный экипажъ, запряженный четверней, увезъ его быстро въ столицу Англіи, такъ что губернаторъ не поспѣлъ ему дать даже проводника. При этомъ радостномъ извѣстіи, разнесшемся изъ гостинницы съ быстротою молніи, сотни людей торговыхъ, спекулянтовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ лондонской биржей, поскакали на почтовыхъ въ столицу, чтобъ возможно раньше эксплоатировать радостный слухъ. Въ день прибытія помянутой вѣсти въ Лондонъ, тамъ немедленно сильно поднялись курсы, но затѣмъ за неимѣніемъ подтвержденія ея къ вечеру опять стали падать, а на другой день снова повысились вдвое. Что же такое случилось? Двое какихъ-то военныхъ пріѣхали въ Сити въ каретѣ, украшенной лаврами, и изъ оконъ ея пона

вали клочекъ бумаги, возвѣщавшій «большую побѣду союзниковъ и смерть Наполеона». На биржѣ поднялась суматоха неописуемая, со всѣхъ улицъ поспѣшали запыхавшись торговцы, офицеры, чиновники, члены парламента женщины, извозчики. Все тѣснилось около биржи. Повышеніе праздновало свою вакханалію. Около двухъ часовъ длилась эта вакханалія. Затѣмъ появилось правительственное сообщеніе, что никакихъ извѣстій съ театра войны не получено, что адъютантъ лорда Кэткарта не былъ ни въ военномъ министерствѣ, ни въ какомъ либо иномъ оффиціальномъ вѣдомствѣ. Бумаги пали вдругъ страшно. На биржѣ разыгрались трагическія сцены. Раздавались вопли, проклятія, пускали въ ходъ кулаки. Полиція должна была вмѣшаться. Возмущенная публика брала штурмомъ биржу и жаждала сама расправиться съ виновниками, распространившими вѣсть о побѣдѣ. Тысячи разорились. Милліоны были потеряны втеченіе двухъ часовъ.

Какъ только улеглась буря на биржѣ и миновалъ первый страхъ, комитетъ изъ представителей крупныхъ банковыхъ фирмъ собрался для производства слѣдствія надъ виновниками описаннаго маневра. Съ помощью полиціи удалось раскрыть все дѣло. Прежде всего стали розыскивать мнимаго адъютанта и полковника де-Бурга. Нашли кучера, который привезъ его изъ Дувра въ Лондонъ. Тотъ показалъ, что онъ высадилъ де-Бурга въ домѣ, принадлежавшемъ знаменитому морскому герою, лорду Кочрану. Лордъ этотъ, какъ отважный морякъ, былъ популяренъ и уважаемъ всѣми, но въ интимномъ биржевомъ кругу слылъ за страстнаго биржеваго игрока. Лордъ и слышать не хотѣлъ ни о какомъ полковникѣ и возмутился обращенными къ нему допросами, но вскорѣ выяснилось, что достопочтенный лордъ зарвался въ биржевыхъ спекуляціяхъ и наканунѣ успѣлъ раздѣлаться съ своими бумагами. Дальнѣйшія разслѣдованія обнаружили существованіе компаніи биржевыхъ игроковъ, во главѣ которыхъ стоялъ лордъ. Наконецъ, раскрылось, что мнимый полковникъ де-Бургъ есть не кто иной, какъ нѣкій Рандомъ де-Беранже, французскій авантюристъ, запутавшійся въ долгахъ и тайно нанятый лордомъ. Офицеры въ тріумфальной каретѣ также оказались подставными лицами, спеціально нанятыми для этой роли. По разнымъ примѣтамъ раскрыли, что помянутая компанія игроковъ въ день роковой паники нажила милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Нашли и Беранже, который сознался, что получилъ свою офицерскую форму отъ камердинера лорда Кочрана, приготовившаго для него и экипажъ.

Въ 1814 году лордъ Кочранъ съ соучастниками былъ судимъ и признанъ виновнымъ въ составленіи тайной шайки для игры на повышеніе въ свою пользу при помощи ложныхъ слуховъ. Лорда присудили къ стоянію у позорнаго столба, къ тюремному заключенію на годъ и къ уплатѣ штрафа въ 1,000 фунтовъ стерлинговъ. Большинствомъ голосовъ въ парламентѣ онъ былъ исключенъ изъ палаты общинъ, лишенъ ордена Бани и вычеркнутъ изъ списка морскихъ начальниковъ. Отъ позорнаго столба избавилъ его принцъ-регентъ, 1,000 фунтовъ стерлинговъ уплатили за него друзья, а избиратели Вестминстера тотчасъ же избрали его своимъ депутатомъ въ нижнюю палату.

— **Причины войны 1870 года.** Въ парижскомъ «Figaro» недавно появилась статья, идущая, очевидно, отъ людей близкихъ къ экс-императрицѣ Евгеніи, ибо статья пытается освободить ее отъ установившагося въ послѣднее время обвиненія въ томъ, что она была причиной франко-прус-

ской войны. Французскія газеты на эту статью отвѣтили кратко, что приговоръ исторіи не подлежитъ уже отмѣнѣ. По тому же поводу лондонская газета «Evening News» напечатала весьма любопытный анекдотъ. «Тѣ, кто зналъ Парижъ въ дни послѣ оскорбленія прусскаго короля въ Эмсѣ Бенедетти, вспомнятъ о тѣхъ противорѣчивыхъ слухахъ, какіе распространялись въ столицѣ Франціи по вопросу, быть или не быть войнѣ. Никому не было извѣстно, какъ поступитъ императоръ, такъ какъ и самъ Наполеонъ III не зналъ этого. При такихъ обстоятельствахъ баронъ Альфонсъ Ротшильдъ рѣшилъ обратиться непосредственно къ императору за разрѣшеніемъ всѣхъ интересовавшаго вопроса. Дворъ тогда находился въ Сенъ-Клу, и баронъ былъ принятъ императоромъ немедленно. Онъ откровенно объявилъ цѣль своего посѣщенія. Императоръ отвѣтилъ съ неменьшей откровенностью: «Любезный баронъ! мнѣ пріятно, что вы обратились прямо ко мнѣ для разъясненія своихъ опасеній. Увѣряю васъ, что войны нѣтъ никакой, вотъ вамъ мое слово! Какіе бы слухи ни доходили до васъ, не придавайте имъ ни малѣйшаго значенія». И императоръ трижды повторилъ: «Il n'y aura pas la guerre». Восхищенный и благодарный Ротшильдъ уѣхалъ изъ дворца, не преминувъ въ корридорѣ перекинуться нѣсколькими словами съ императрицей, которая шла къ своему столь миролюбивому супругу. Но едва онъ успѣлъ прибыть въ свой знаменитый банкъ въ rue Lafitte, какъ лейбъ-егерь императора на умыленномъ конѣ прискакалъ къ Ротшильду съ личнымъ письмомъ отъ его величества. Въ письмѣ сообщалось, что война будетъ. И черезъ нѣсколько часовъ была объявлена война». Авторъ замѣтки узналъ этотъ анекдотъ отъ лорда Ліонса, который слышалъ его непосредственно отъ самого Альфонса Ротшильда. Было ли причиной внезапной перемѣны воли императора посѣщеніе императрицы, на это могъ отвѣтить только самъ Наполеонъ III.

— **Возлюбленная Руссо.** Г-жа де-Варенсъ, пріютившая у себя Жанъ-Жака Руссо, когда онъ явился къ ней юнымъ скитальцемъ, и потомъ ставшая ему матерью и любовницей, въ послѣднее время возбудила къ себѣ интересъ. О ней появились три независимыя одно отъ другаго изданія. Въ одномъ изъ нихъ, къ которому мы еще вернемся, французскій судья Мюнье трактуетъ объ ея жизни, полной приключеній, съ 1728 года, когда она поселилась въ Эвіанѣ, до ея смерти въ 1769 году. Прочія два изданія принадлежатъ швейцарцамъ Муте и Риттеру. Муте на основаніи архивныхъ изысканій устанавливаетъ тотъ фактъ, что эта дама, жена почтеннаго гражданина изъ Ваадтскаго кантона Лойса де-Варенсъ, послѣ семилѣтняго брака тайно бѣжала отъ него, причемъ не позабыла пообчистить домъ мужа, захвативъ съ собой, кромѣ серебра и большаго количества бѣлья, значительную сумму денегъ. По прибытіи въ Эвіанъ, она съ театральной афектаціей бросилась въ ноги жившему тамъ архіепископу, просила его о защитѣ, перешла въ католицизмъ и тѣмъ добилась сильной протекціи и пенсіи въ 1,500 ливровъ. Былъ ли только комедіей этотъ переходъ ея въ католицизмъ? По изысканіямъ Риттера, это была вовсе не комедія. Семья ея въ Веве принадлежала къ піетизму. Маньи, глава піетистовъ въ романской Швейцаріи, былъ ея совѣтникомъ и одно время опекуномъ. Оффиціальная церковь Ваадта безпощадно преслѣдовала піетистскихъ сектантовъ, и эти послѣдніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ питали большую склонность къ католицизму, чѣмъ къ реформатскимъ догматамъ. Руссо въ своихъ «Confessions»

заявляетъ, что отъ г-жи де-Варенсъ онъ воспринялъ болѣе религіи, чѣмъ отъ всѣхъ богослововъ, какихъ онъ зналъ. А такъ какъ и въ Новой Элоизѣ обнаруживается сердечное благочестіе съ необыкновенной силой, то Риттеръ считаетъ это отголоскомъ піэтистскаго движенія въ Германіи, того движенія, которое доставило Маньи послѣдователей въ Ваадтѣ.

— **Былъ ли папа Пій IX франкмасономъ?** Вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ полемики и историческихъ справокъ въ иностранной печати послѣ заявленія президента французской палаты депутатовъ Флокэ, который въ палатѣ вызвалъ цѣлую бурю споровъ и пререканій. Флоке утверждалъ, что папа былъ франкмасономъ, и въ подтвержденіе своего замѣчанія сослался на извѣстный словарь Ларуса. Этотъ авторитетъ, конечно, не безспорный, такъ какъ Ларусъ и въ другихъ случаяхъ вовсе не считается непогрѣшимымъ источникомъ. Гораздо интереснѣе въ данномъ случаѣ показанія болѣе спеціальныхъ свидѣтельствъ, а ихъ теперь набралось вдоволь.

Споръ о франкмасонствѣ Пія IX довольно старый. Онъ возгорѣлся еще въ 60-хъ годахъ. 25-го сентября 1865 года Пій IX въ аллокуціи проклялъ массонство. «Это развращенное общество, — говорилось въ аллокуціи, — есть гибель религіи и человѣческаго общества. Мы клеймимъ и проклинаемъ навсегда эту крайне безнравственную секту, которая дышетъ только преступленіями и живетъ нападками на священные предметы». Этотъ приговоръ возбудилъ тогда сенсацію. Вскорѣ появилось въ печати извѣстіе, что и самъ Пій IX въ юности былъ массономъ, и что теперь де онъ тѣмъ строже пытается осудить свои грѣхи. Существовали на этотъ счетъ различныя версіи. Наиболѣе распространенная заключалась въ письмѣ, напечатанномъ мессинскими массонами къ Маріо Альотти въ 1865 году. «Monde maçonnique» въ 1868 году перепечаталъ это письмо изъ «L'humanitario». По свидѣтельству этого письма, Пій IX во время поѣздки своей въ Америку 1823 и 1824 гг. въ качествѣ нунція, былъ принятъ въ масонскій орденъ въ Филадельфіи. Онъ-де былъ усерднымъ и дѣятельнымъ братомъ, и великая ложа Пенсильваніи, мѣстопребываніе которой находится въ Филадельфіи, памятуетъ-де о графѣ Мастаи Ферретти — такъ звали Пія IX до его возвышенія, и владѣетъ многими его автографами. Тогда издатель «Monde maçonnique» обратился непосредственно къ гросмейстеру Филадельфійской ложи съ просьбой провѣрить эти показанія. Гросмейстеръ отвѣтилъ, что, просмотрѣвъ книги всѣхъ ложъ, подчиненныхъ Филадельфійской, онъ нигдѣ не нашелъ имени Мастаи Ферретти. Не смотря на это опроверженіе, въ 1874 году снова во французскихъ и итальянскихъ газетахъ былъ поднятъ тотъ же вопросъ, именно въ формѣ сообщенія, что будто бы, по увѣренію «News Masonis», великая ложа шотландскаго ритуала, Палермскій Востокъ, 27-го марта изгнала изъ своей общины графа Мастаи Ферретти, который подъ именемъ Пія IX короновался папой и королемъ, и въ этомъ санѣ проклялъ массонство и отлучилъ отъ церкви своихъ прежнихъ братьевъ, что будто бы этотъ декретъ подписанъ королемъ Викторомъ Эмануиломъ, какъ гросмейстеромъ итальянскаго Великаго Востока, и копія съ документа препровождена папѣ въ Ватиканъ. Но и это заявленіе было опровергнуто массонскимъ изданіемъ «Monde maçonnique» (въ ноябрѣ 1874 года).

Легенда, однако, не умерла и по сіе время. «Diritto» напечаталъ недавно документъ, долженствующій ее подтверждать. Въ архивѣ Нюрнбергской ложи «Zur deutschen Treue», филіальной ложѣ берлинской «Drei Weltkugel», подъ

№ 18715 сохранился документъ, скрѣпленный печатью Неаполитанской ложи «Luce perpetua» и свидѣтельствующій о томъ, что въ первой половинѣ августа 1839 года Джіованни Мастаи Ферретти вступилъ въ ложу «Eterna catena» («Вѣчная цѣпь») въ Палермо. Это опровергается опять-таки ссылкой на то, что въ 1839 году Мастаи Ферретти былъ уже епископомъ Имбы и противникомъ всякихъ свободомыслящихъ и, стало быть, масоновъ.

Несомнѣнно во всей этой полемикѣ лишь то, что Пій IX въ своей молодости раздѣлялъ масонскіе взгляды. Въ то время, когда король Мюратъ (1814 г.) замыслилъ національизировать Италію, неаполитанскія войска его пришли въ Синигалью, мѣсто рожденія Мастаи Ферретти, и были радостно встрѣчены населеніемъ, какъ «освободители Италіи». Подобно своимъ согражданамъ, и молодой Мастаи (род. 1792 г.) былъ въ восторгѣ, даже больше— онъ братался съ офицерами неаполитанской арміи и гордился ихъ дружбой. Офицеры «Освободительней арміи» безъ особеннаго затрудненія уговорили своего «молодаго и веселаго пріятеля» вступить въ союзъ массонства, къ которому тогда принадлежали почти всѣ именитые итальянцы либеральнаго направленія. Мастаи считалъ это предложеніе честью для себя, какъ доказательство того, что его новые друзья цѣнятъ его политически. Подъ вліяніемъ этого тщеславія онъ даже выразилъ благодарность всѣмъ тѣмъ, кто взялся бы его рекомендовать въ массонство.

Мастаи уже долженъ былъ исполнить требуемыя формальности по вступленію въ члены этого ордена, какъ вдругъ (1816 г.) прогремѣло проклятіе Пія VII противъ массоновъ. Хотя Мастаи тогда еще не принадлежалъ къ «благочестивымъ», мало соблюдалъ посты, манкировалъ мессами, тѣмъ не менѣе папское проклятіе и его испугало. Давши слово, отступать было нельзя, иначе его сочтутъ святошей, осмѣютъ въ кругу мѣстныхъ дамъ, гдѣ онъ былъ свой человѣкъ, а сдержать слово значило признать себя навсегда отлученнымъ отъ церкви. Нѣкоторые утверждаютъ, что неаполитанскіе офицеры успѣли покинуть Синигалью, прежде чѣмъ Мастаи окончательно рѣшился вступить въ массонскій орденъ. По свидѣтельству другихъ, напротивъ, онъ тогда уже сдѣлался массономъ. Послѣдняя версія подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ любопытнымъ фактомъ.

Французскій писатель Кретино Жоли пріѣзжалъ въ Римъ и довелъ до свѣдѣнія Пія IX, что онъ печатаетъ «Исторію сектъ», въ успѣхѣ которой не сомнѣвается вслѣдствіе одного документа, находящагося въ его распоряженіи. Но изъ почтенія къ престолу св. Петра онъ думаетъ не печатать этого документа. Къ Жоли былъ посланъ повѣренный папскаго двора съ цѣлью освѣдомиться, какія данныя имѣются въ его рукахъ. Кретино Жоли отвѣтилъ, что у него есть доказательство принадлежности папы къ одному обществу, проклятому церковью, но онъ готовъ этотъ документъ выдать за 60,000 франковъ. Услышавъ это, Пій IX пришелъ въ гнѣвъ и приказалъ Кретино Жоли въ 24 часа оставить Римъ и Церковную Область. Кретино Жоли, какъ извѣстно, написалъ «Исторію іезуитовъ» и, хотя она явилась славословіемъ для іезуитскаго ордена, Пій IX тѣмъ не менѣе поручилъ одному патеру раскритиковать эту исторію и выставить автора незаслуживающимъ довѣрія. Кретино Жоли отвѣчалъ на нападеніе, заявивъ, что онъ былъ бы менѣе сдержанъ относительно своего зоила, если бы онъ не зналъ, что этотъ зоилъ написалъ свою критику по приказанію свыше. И этотъ упрекъ Пію IX остался безъ разъясненія.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Путешествіе Стевенса по Россіи.— Кіевская жизнь по описанію англичанки.— Книги о Закавказьѣ и хевсурахъ. — Миссъ Гапгудъ въ гостяхъ у Л. Н. Толстого. — Мнѣніе русскаго писателя объ англичанахъ и русскія характеристики въ англійской оцѣнкѣ.—Повѣсти съ русскими героями: маіоръ 1815 года и русская героиня между современными англичанами.—Махдизмъ въ Суданѣ.—Исторія человѣческаго брака.—Исторія византійской литературы.

ЕЗСОЗНАТЕЛЬНЫЕ враги наши англичане, все подозрѣвающіе, что мы хотимъ проглотить если не ихъ самихъ, то ихъ Индійскую имперію, продолжаютъ серьезно изучать наше отечество въ то время, когда сознательные друзья наши французы относятся къ нему съ достаточно фривольной точки зрѣнія. Это доказываютъ два англійскія и два французскія путешествія, описанія которыхъ вышли въ концѣ прошлаго года. Первыя касаются всей Россіи, вторыя—одного Кавказа. Англійскіе критики не очень довольны произведеніями своихъ соотечественниковъ и желали бы чего-нибудь болѣе солиднаго, а не «поспѣшныхъ набросковъ» (hasty glimpses). Авторъ книги «Черезъ Россію верхомъ» (Through Russia on a mustang) Томасъ Стевенсъ, иллюстрировавшій ее снятыми имъ въ дорогѣ фотографіями, изъ Петербурга проѣхалъ до Севастополя. Это — одинъ изъ журналистовъ, изъ словаря которыхъ вычеркнуто слово «невозможное». Онъ объѣхалъ весь свѣтъ на велосипедѣ и отъискивалъ Стенли въ восточной Африкѣ. Не зная ни слова порусски, пренебрегая всякими паспортами, надѣясь на помощь свою собственную и всемогущаго рубля, хотя бы и кредитнаго, онъ совершилъ путешествіе по Россіи на лошади, прозванной «Техасъ», но родомъ изъ Венгріи, и проданной ему изъ цирка стрѣлкомъ Карверомъ, дававшимъ въ Москвѣ

представленія изъ быта американскихъ краснокожихъ. «Техасъ», по словамъ ея хозяина, боялась всего на свѣтѣ: выстрѣловъ, шума, толпы, перехода черезъ мосты и черезъ высохшее русло исторической Альмы, часто сбрасывала съ себя сѣдока и, не смотря на это, Стевенсъ восхваляетъ свою лошадь. Когда въ Москвѣ узнали, что онъ хочетъ верхомъ проѣхать въ Крымъ, явились охотники сопутствовать ему, и онъ принялъ въ товарищи студента, только-что кончившаго курсъ и хорошо говорившаго поанглійски. «Саша былъ настоящій типъ русскаго человѣка, хорошо знавшій обычаи и нравы своей страны, услужливый, предупредительный, но непостоянный, увлекающійся. Онъ зналъ наизусть Шекспира и не могъ понять, что Россія не сдѣлается богата оттого, что будетъ печатать горы бумажныхъ рублей. Онъ не зналъ цѣны деньгамъ и принадлежалъ къ тѣмъ русскимъ дворянамъ, которые, воспитанные на крѣпостныхъ началахъ, бросаютъ тысячи фунтовъ стерлинговъ на зеленые столы Монако или осыпаютъ золотомъ парижскихъ консьержей. Скоро надоѣли ему дорожныя неудобства и лишенія, и онъ вернулся черезъ двѣнадцать дней путешествія къ спокойной жизни въ Москвѣ». Встрѣтилъ также Стевенсъ на своемъ пути сотника Пѣшкова, «казацкаго капитана», какъ онъ его называетъ, ѣхавшаго изъ Албазина въ Петербургъ. Въ книгѣ много интересныхъ сценъ изъ жизни провинціальныхъ городовъ, деревень и гостинницъ. Послѣдними Стевенсъ особенно недоволенъ и избѣгалъ ихъ сколько могъ, ночуя охотнѣе въ конюшняхъ, чѣмъ въ постеляхъ русскихъ трактировъ. О пресловутомъ русскомъ гостепріимствѣ, отошедшемъ въ область преданій, авторъ говоритъ, что на всемъ пути онъ могъ получить даромъ только стаканъ молока, да и то у бѣдныхъ мужиковъ, которымъ нельзя было не заплатить. А въ южной Россіи въ помѣщичьемъ домѣ ему отказали и въ этомъ, отнесясь къ нему подозрительно. Стевенсъ провелъ день и у графа Толстого, но не говоритъ ничего новаго объ этомъ «современномъ евангелистѣ». Путешественникъ находитъ, что болѣе пяти процентовъ петербургскихъ дамъ, старыхъ и молодыхъ, страдаютъ зубною болью и ходятъ съ подвязанною челюстью; петербургскія дѣвушки ложатся и встаютъ очень поздно, ничего не дѣлаютъ и питаются только сладкимъ да пикулями. Въ отдѣльной главѣ, посвященной русскимъ женщинамъ, авторъ отзывается объ нихъ еще строже. «Главная забота русской леди въ томъ — какъ бы убить время. Она не находитъ удовольствія ни въ шитьѣ, ни въ ѣздѣ верхомъ, ни въ игрѣ въ крокетъ, ни въ какомъ тѣлесномъ упражненіи. Романы, сигареты и подсолнечныя сѣмена (это у леди-то!)—ихъ единственное занятіе, кромѣ баловъ и театровъ въ большихъ городахъ. Тщеславіе — одинъ изъ ихъ главныхъ грѣховъ. Онѣ плохого сложенія отъ климата, дурной вентиляціи, неправильной жизни, недостатка дѣятельности. Зато онѣ не румянятся и могутъ похвастать маленькой ножкой и ручкой». Вообще нельзя сказать, чтобы авторъ симпатично относился къ русскому народу, и хотя его нельзя назвать тонкимъ наблюдателемъ, но впечатлѣнія его всегда искренни и часто вполнѣ правдивы.

— Вторая книга написана женщиною и называется: «Лѣто въ Кіевѣ, или солнечные дни въ южной Россіи» (A summer in Kieff, or sunny days in southern Russia, by Isabel Morris). Миссъ Моррисъ жила въ англійскомъ семействѣ, не говорящемъ порусски, и не знаетъ русскаго народа. Какъ всѣ молодыя дѣвушки, пускающіяся въ литературу, она опи-

сываетъ иногда очень живо самыя обыденныя, не стоющія вниманія происшествія. О Россіи и даже о самомъ Кіевѣ говорится очень мало, а больше всего о семейныхъ интересахъ. По поводу кіевскаго театра миссъ Моррисъ находитъ, что онъ очень малъ для такого большого города. Первоначальный планъ былъ составленъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, съ электрическимъ освѣщеніемъ и всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Посланный въ Петербургъ на утвержденіе планъ этотъ былъ одобренъ вмѣстѣ съ планомъ другого театра для Житоміра. Но, къ сожалѣнію, при отправкѣ плановъ произошла путаница, и въ Кіевъ прислали житомірскій. Объяснять начальству, что оно ошиблось, было немыслимо: этого не допускалъ канцеляризмъ (red-tapism, собственно: красносуконность) офиціальной Россіи,— какъ выражается авторъ,—и въ Кіевѣ выстроили крошечный театръ.

— Путешествіе по Закавказью и Апшеронскому полуострову (La Trans-Caucasie et la péninsule d'Apchéron) написано армяниномъ Калустомъ Гульбенкіаномъ. Авторъ ѣздилъ туда съ практической цѣлью: ознакомиться съ мѣсторожденіемъ нефти, и въ этомъ отношеніи книга его полна интересныхъ данныхъ. Онъ часто цитируетъ англичанина Марвина, писавшаго объ этихъ же краяхъ. Путешествіе описано живо и занимательно; ему предпосланъ очеркъ исторіи Грузіи. Авторъ цитируетъ многихъ писателей, изслѣдовавшихъ эту страну: Вардропа (Kingdom of Georgia, 1888), этнографическія изысканія Верже и его преемника по управленію тифлисскимъ музеемъ Радде, 30 лѣтъ живущимъ въ Россіи, но не выучившимъ и тридцати русскихъ словъ. По филологіи авторъ пользуется трудами Броссе, Цагарелли, Услара, Шёгрена, Шифнера, особенно Аберкромби, въ его поѣздкѣ по восточному Кавказу (A trip through the eastern Caucasus). Нѣкоторыя показанія автора подвержены, однако, сильному сомнѣнію, какъ, напримѣръ, разсказъ о набѣгахъ на Кавказъ древнихъ ассирійцевъ и о колонизаціи его китайцами. Странно также, что онъ не упоминаетъ о книгѣ Эркерта: Der Kaukasus und seine Völker, 1887, къ которому приложена превосходная этнологическая карта. Отправившись изъ Константинополя, авторъ рисуетъ картину упадка турецкихъ гаваней и вообще всей Турецкой имперіи. Въ 1878 году въ Батумѣ было 2,000 жителей, теперь болѣе 18,000, и хотя это до сихъ поръ все еще не вполнѣ устроенный городъ, но разница между его прежнимъ прозябаніемъ и нынѣшнею кипучею дѣятельностью бросается въ глаза. Авторъ описываетъ Кутаисъ, Гелатъ и другіе города, особенно Баку и его нефтяное производство. Встрѣчаются и промахи: такъ «балалайка» вовсе не кавказское слово; Руставели написалъ «Барсову кожу», а не «Львиную». Орбеліани, Церетели, Чавчавадзе — не старинные писатели, а современные, два послѣдніе живутъ до сихъ поръ, а Орбеліани умеръ въ 1883 году; древнее названіе Тифлиса—Тбилиси, а не Тибилисъ; слово вокзалъ происходитъ отъ англійскаго vauxhall и его нельзя писать waagzaal; архитектурный грузинскій и армянскій стиль вовсе не тожественъ съ византійскимъ, и между грузинскимъ и армянскимъ алфавитомъ нѣтъ ничего общаго. Но всѣ эти мелочи не уменьшаютъ значенія книги Гульбенкіана.

— Сочиненіе Дингельштедта «Нравы хевсуровъ, кавказскаго племени» (Les moeurs des Khevsoures, peuplade caucasienne) вышло въ Женевѣ. Это отдѣльный оттискъ выходящаго тамъ географическаго журнала «Le Globe», этнографическій этюдъ, а не путешествіе. Хевсуровъ не болѣе 7,000, это — горное племя грузинской расы, живущее на сѣверѣ отъ Ти-

флиса. О происхожденіи ихъ писано много въ кавказскомъ отдѣлѣ трудовъ географическаго общества. Въ своихъ средневѣковыхъ кольчугахъ изъ мелкихъ цѣпочекъ и пластинокъ слоновой кости они производятъ странное впечатлѣніе. Въ ихъ обычаяхъ, подробно описанныхъ авторомъ, сохранилось много древнихъ преданій. Эти живописные горцы до подчиненія ихъ Россіи жили однимъ грабежомъ. Женщины исполняютъ у нихъ всѣ домашнія работы и потеряли всякую привлекательность. Мужья до сихъ поръ «умыкаютъ» себѣ женъ волею или неволею, но не изъ своей общины. Обряды очищенія напоминаютъ строгіе законы левитовъ. Соблюдается кровомщеніе, падающее на дядю со стороны матери. Хевсуры раздѣляются на шесть общинъ, групирующихся каждая около одного мѣста, считающагося священнымъ, «хати». Каждое такое мѣсто справляетъ особо свой годовой праздникъ, подъ управленіемъ главы общины—«хевисбера». Главный святой у нихъ Георгій. Обширныя подземелья на сѣверѣ страны служатъ имъ кладбищемъ. Мертвыхъ хоронятъ въ разныхъ положеніяхъ, сидячими и лежачими, въ ихъ кольчугахъ, но безъ оружія, вкладывя иногда въ руки труповъ музыкальные инструменты. У нихъ два рода священниковъ и, кромѣ того, знахарки—«мхитхари», которыя лечатъ болѣзни, объясняя причины ихъ, даютъ совѣты, какъ избѣгать несчастій, гадаютъ на водѣ и пр. Для изслѣдователей народныхъ обычаевъ книга Дингельштедта представляетъ несомнѣнный интересъ.

— По примѣру Стевенса еще одна туристка, миссъ Изабелла Гапгудъ, нанесла визитъ Л. Н. Толстому въ Ясной Полянѣ и описала его въ послѣдней книжкѣ американскаго журнала «Atlantic». Но американская миссъ сообщаетъ такія подробности о времепрепровожденіи въ семьѣ нашего писателя, что невольно заподозрѣваешь всѣ ея извѣстія. Такъ, она подробно разсказываетъ о купаньѣ всѣхъ членовъ семьи, вмѣстѣ съ ихъ гостями, въ маленькой рѣчкѣ. «Всѣ мы, говоритъ миссъ, вошли въ воду, большіе и маленькіе, но безъ всякаго костюма. Подобный костюмъ былъ бы сочтенъ въ этомъ случаѣ доказательствомъ желанія скрыть какой нибудь тѣлесный недостатокъ». Оставивъ въ сторонѣ такія наивности, мы приведемъ только мнѣніе писателя объ англичанахъ и ихъ литературѣ. Миссъ Гапгудъ нашла, что онъ очень хорошо знаетъ ее. Онъ говорилъ съ презрѣніемъ о романахъ Ридеръ-Гаггарда и строго отзывался обо всѣхъ англійскихъ и американскихъ писателяхъ. Одинъ Диккенсъ очень нравится ему. «Нужны три условія, говорилъ онъ, чтобъ быть хорошимъ писателемъ: надо, чтобы ему было о чемъ говорить, чтобы онъ разсказывалъ своеобразно и былъ правдивъ. Диккенсъ соединяетъ въ высшей степени всѣ три условія; они соединены также и у Достоевскаго. Текерею, напротивъ, было почти не о чемъ говорить; онъ писалъ занимательно, но съ афектаціей, и ему не доставало искренности». Объ англичанахъ Толстой выразился такъ: «Англичане—самая удивительная нація въ мірѣ, развѣ исключая зулусовъ. Въ нихъ искренно только уваженіе къ мускульной силѣ. Если бы у меня было время, я бы написалъ небольшую книгу объ ихъ манерахъ. И потомъ эта страсть ихъ ко всякаго рода боямъ, экзекуціямъ! Русская цивилизація, конечно, груба, но самый грубый русскій человѣкъ всегда ужасается обдуманнаго убійства. А англичанинъ!.. если бы его не удерживало чувство приличія и страхъ передъ самимъ собою, онъ съ безконечною радостью поѣлъ бы тѣла своего отца».

— Если русскій высокодаровитый человѣкъ высказываетъ такія не лестныя мнѣнія для англичанъ, какой-то никому неизвѣстный Ланинъ,— конечно, псевдонимъ, можетъ быть, къ сожалѣнію, и не англичанина,—высказываетъ о русскихъ въ книгѣ, печатавшейся сначала въ журналѣ «Fortnightly Review» «Русскія характеристики» (Russian characteristics), самыя дикія мнѣнія, называя ихъ чуть не поголовно ворами, убійцами, развратниками и еще удивляется, почему къ его статьямъ серьезная печать остается равнодушна. Но вся эта характеристика цѣлаго народа основана на отдѣльныхъ случаяхъ уголовной статистики и изъ нея нельзя вывести никакихъ обобщеній. Вѣдь не станетъ же увѣрять Ланинъ, на основаніи извѣстій, ежедневно печатаемыхъ въ газетахъ, что на улицы Лондона нельзя выйдти безъ того, чтобы не быть ограбленнымъ или изувѣченнымъ. Онъ негодуетъ на то, что крестьянъ принуждаютъ платить подати, да въ какой же странѣ вносятся онѣ съ удовольствіемъ, безъ всякаго понужденія? Онъ съ ужасомъ разсказываетъ анекдотъ о генералѣ, который для испытанія солдата въ дисциплинѣ приказываетъ ему броситься въ воду и удерживаетъ его только въ ту минуту, когда тотъ готовъ исполнить приказъ. Какъ доказательство глубокаго паденія народа, онъ цитируетъ фразу Щедрина-Салтыкова: «крестьяне не только страдаютъ, но и не сознаютъ того, что страдаютъ». Но фраза эта имѣетъ вовсе не то значеніе, какое ей приписываетъ Ланинъ. Обвиненія мужиковъ въ пьянствѣ, школъ—въ томъ, что онѣ не допускаютъ учиться бѣдняковъ, очень устарѣли, также какъ глумленіе надъ суевѣріемъ какой-то деревушки «Ходнова», гдѣ крестьяне считали воскресенье живымъ лицомъ и причисляли его къ святымъ, также какъ анекдотъ, что губернаторъ приказалъ давать ему знать о пожарахъ за два часа до ихъ начала. Нѣкоторыя изъ обвиненій Ланина просто смѣшны, какъ, напримѣръ, то, что богатый петербургскій студентъ живетъ съ актрисой, которая гораздо старше его. Любопытно, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ этого упрека: надо ли брать на содержаніе актрисъ одинаковаго возроста съ собою или моложе? Но что нашелъ авторъ смѣшного въ томъ, что въ 1889 году 146 курскихъ старовѣровъ, при проѣздѣ государя, чтобы доказать ему свою признательность, присоединились къ православію? Эхъ, господинъ Ланинъ! писали бы вы лучше о ланинской водѣ, чѣмъ разводить грязную воду въ своихъ статьяхъ, возбуждающихъ только сожалѣніе объ ихъ авторѣ.

— Разсказы изъ русской жизни, или въ которыхъ дѣйствуютъ русскіе люди, появляются во всѣхъ изданіяхъ. Выдается между ними повѣсть «Михаилъ Рощинъ», относящаяся къ 1815 году (Michel Roschine. Souvenirs de l'invasion de 1815). Разсказъ, написанный Дрюономъ, ведется отъ лица молодой дѣвушки, дочери мера небольшого мѣстечка, которое прежде другихъ подверглось вторженію союзныхъ войскъ, послѣ Ватерлоо. Сначала въ домъ мера привозятъ раненаго французскаго полковника, потомъ являются на постой пруссаки и между ними русскій маіоръ Рощинъ. Пруссаки грубо и нагло обходятся съ побѣжденными, маіоръ ихъ удерживаетъ, спасаетъ сына мера отъ серьезной опасности, грозившей ему при столкновеніи съ нѣмцами, и оказываетъ всевозможныя услуги его хорошенькой сестрѣ. Но она патріотка и объявляетъ ему, что не можетъ питать ни малѣйшаго сочувствія къ врагамъ своего отечества. Маіоръ огорчается, но продолжаетъ попрежнему вздыхать по француженкѣ и играть на гитарѣ—черта

совершенно во вкусѣ 1815 года. Но втеченіе двухъ лѣтъ, пока продолжалось занятіе Франціи союзными войсками, онъ успѣваетъ пріобрѣсти расположеніе дѣвушки и женится на ней. Въ повѣсти есть нѣсколько эфектныхъ сценъ, какъ напримѣръ, сожженіе французскаго знамени кучкою прусскихъ солдатъ, приглашающихъ погрѣться на этомъ огонькѣ двухъ французовъ, бросающихся на негодяевъ, не смотря на неравенство силъ, или отъискиванье матерью тѣла своего сына на полѣ битвы при Ватерлоо. Русскій маіоръ, конечно, очень сантименталенъ и нѣженъ, но и это совершенно въ духѣ романовъ г-жи Сталь, Жанлисъ и Коттенъ.

— Совсѣмъ въ другомъ родѣ трехтомный романъ Франка Баррета «Грѣхъ Ольги Засуличъ» (The sin of Olga Zassoulich). Авторъ уже прямо бьетъ на эфектъ, основанный на имени, когда-то извѣстномъ и европейской публикѣ. Тутъ такая путаница событій всякаго рода: убійствъ, заговоровъ, любви, мщенія, высокихъ чувствъ и низкихъ преступленій, что нѣтъ никакой возможности разобраться въ этомъ сцѣпленіи неожиданныхъ приключеній. Героиня романа, стремясь инстинктивно къ добру, безнадежно борется съ преобладающимъ вліяніемъ грѣха. Она—жертва моднаго теперь атавизма, какъ дочь и внука преступниковъ, отъ которыхъ вполнѣ зависитъ. Героями являются благородные англичане Паркеры, Эвелинъ, Лесли, въ котораго влюбляется Ольга, но ее компрометируетъ безсердечный Исаковъ. Вся эта запутанная исторія, претендующая на психическое изученіе нравовъ и характеровъ, принадлежитъ, однако, просто къ сенсаціоннымъ произведеніямъ, написаннымъ для толпы, любящей несбыточныя и загадочныя приключенія.

— Маіоръ Вингатъ, адъютантъ командущаго египетскою арміею, написалъ изслѣдованіе о махдизмѣ въ египетскомъ Суданѣ (Mahdisim and the egyptian Sudan). Авторъ описываетъ возникновеніе и развитіе этой секты, привлекшей стольких фанатическихъ приверженцевъ. Событія, уже болѣе десяти лѣтъ происходящія на югѣ Египта, въ долинѣ Нила, полны интереса и политическихъ неожиданностей. Авторъ описываетъ ихъ съ точки зрѣнія египетской, то-есть собственно англійской политики, такъ какъ хедивъ Тевфикъ только орудіе въ рукахъ Англіи. Исторія развитія и ослабленія махдизма отъ 1882 года по 1891 годъ разсказана ясно и подробно, но самое возникновеніе секты и ея ученіе изложены не ясно, и въ нихъ многое остается неразгаданнымъ. Когда лѣтъ 13 тому назадъ молодой лодочникъ въ Донголѣ Могамедъ-Ахметъ началъ проповѣдовать религіозную реформу и вмѣстѣ съ нею политическое преобразованіе Судана, никто не ожидалъ, что эта проповѣдь будетъ имѣть такое важное значеніе въ исторіи Египта и Судана. Революція вспыхнула, какъ только Могамедъ провозгласилъ себя пророкомъ, махди. Ей не помѣшали ни смерть Могамеда, ни жестокое управленіе его преемника, второго махди Абдулла-эт-Таашн. Теперь суданцамъ надоѣла, повидимому, тиранія ихъ пророка, и они не прочь отъ него избавиться, но у него все еще слишкомъ большая армія, которой опасно сопротивляться. Но какъ паденіе Хартума и смерть Гордона придали новыя силы махдизму, такъ и оставленіе Эминомъ-пашею Экваторіальной провинціи, или такъ называемое освобожденіе его Стенлеемъ, увеличили власть Абдуллы, тотчасъ же занявшаго эту провинцію, какъ только изъ нее ушли европейцы и египетское войско. Дѣла въ Суданѣ поправились только послѣ разбитія махдистовъ при Тоски, въ 1888 году и, въ февралѣ 1891 года, подъ Суакимомъ, гдѣ понесъ сильное пораженіе Османъ-Дигма, лучшій изъ генераловъ Абдуллы. Суданцы

не перемѣнятъ, однако, тираніи махдистовъ на тиранію египтянъ, пока не будутъ признаны союзниками, а не подданными Египта.

— Въ Лондонѣ вышла «исторія человѣческаго брака» (The history of human marriage), написанная Эдуардомъ Вестермаркомъ, лекторомъ соціологіи въ Гельсингфорсскомъ университетѣ. Подъ названіемъ брака авторъ понимаетъ болѣе или менѣе продолжительное сожитіе мужчины съ женщиною, не прерывающееся и послѣ рожденія дѣтей. Въ этомъ естественно-историческомъ значеніи понималъ бракъ и Дарвинъ, считая его свойственнымъ людямъ и породамъ низшихъ животныхъ. Но и между людьми, гдѣ бракъ считается законнымъ учрежденіемъ, а въ нѣкоторыхъ странахъ и религіознымъ, онъ основанъ всетаки на природномъ влеченіи къ воспроизведенію своей породы. Авторъ хотя и считаетъ бракъ продуктомъ инстинкта, но видитъ въ немъ естественный подборъ, выражающійся и въ покровительствѣ, оказываемомъ отцомъ своимъ дѣтямъ въ борьбѣ за существованіе. Статистическія свѣдѣнія, опубликованныя д-ромъ Кулишеромъ въ 1876 году, сводятъ браки къ двумъ срокамъ въ году: новому году и концу весны. Но всѣ эти положенія, свойственныя первобытному обществу, совершенно измѣняются въ обществахъ цивилизованныхъ, гдѣ на бракъ нельзя смотрѣть только съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ. Здѣсь недостаточно даже такихъ авторитетовъ, какъ Дарвинъ, Спенсеръ, Лёббокъ, Валласъ, Тайлоръ, да и многіе изъ нихъ не рѣшаются признать всѣхъ положеній, относящихся къ этому вопросу. Такъ Лёббокъ и даже Дарвинъ не признаютъ у доисторическаго человѣка общности женъ. Самъ Вестермаркъ признаетъ, что даже у первыхъ людей запрещались сожитія между родственниками. Онъ приписываетъ это естественному отвращенію отъ такихъ союзовъ лицъ, живущихъ въ одной семьѣ. Единомужіе было первоначальнымъ типомъ человѣчества, многоженство—продуктъ позднѣйшей цивилизаціи. Еще рѣже встрѣчалось и въ первобытномъ обществѣ многомужество. Въ общемъ книга Вестермарка представляетъ любопытное изслѣдованіе скорѣе, впрочемъ, біологическаго, чѣмъ культурнаго содержанія.

— Въ Мюнхенѣ вышла исторія византійской литературы (Geschichte der byzantinischen Litteratur) Крумбахера. Она обнимаетъ періодъ времени отъ Юстиніана до взятія Константинополя турками, хотя совершенное обособленіе Византіи произошло еще въ концѣ VII вѣка. Долгое время пренебрегали изученіемъ этой литературы только потому, что она ниже древнегреческой, но богатство ея произведеній, относящихся ко всѣмъ родамъ творчества, заслуживаетъ вниманія и изученія. Авторъ говоритъ объ этихъ произведеніяхъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а разбираетъ ихъ по родамъ, прослѣдивъ отъ возникновенія до паденія. Сужденія его о писателяхъ вѣрны и безпристрастны, начитанность огромная: онъ знаетъ все, что въ послѣдніе 20—30 лѣтъ написано объ этомъ предметѣ. Первое мѣсто онъ отводитъ историкамъ и, разобравъ ихъ творенія, представляетъ ихъ критическую оцѣнку. Отдѣлъ филологіи разработанъ съ неменьшимъ вниманіемъ, и отдана справедливость трудамъ патріарха Фотія. Какъ философъ, является у автора въ новомъ свѣтѣ Михаилъ Пселлъ, блестящій писатель, но низкій царедворецъ. Превосходно очерченъ Евстафій, реформаторъ, политикъ и архіепископъ Θессалоникъ, во время взятія ихъ норманнами. Поэзія не процвѣтала въ Византіи, но Крумбахеръ отзывается съ большой похвалою о религіозныхъ гимнахъ и пѣсняхъ, сравниваетъ эпическія произведенія, какъ «Дигенесъ Акритасъ» съ подобными же твореніями Запада. Герой этотъ, получившій свое прозваніе

«двуроднаго», какъ сынъ магометанина и матери гречанки, жилъ въ половинѣ X вѣка и защищалъ юго-восточныя границы имперіи со стороны Каппадокіи и Евфрата. Поэма эта была чрезвычайно популярна между славянскими племенами, и главные эпизоды ея перешли въ народныя пѣсни современныхъ грековъ. Другія подобныя метрическія поэмы относятся къ древнѣйшимъ событіямъ греческой исторіи, къ преданіямъ западнаго рыцарства, крестовымъ походамъ. Вообще книга Крумбахера заслуживаетъ вниманія и изученія во всѣхъ отношеніяхъ.

СМѢСЬ.

ѢЛЕНІЕ средних вѣков и Возрожденія въ петербургскомъ Эрмитажѣ. Сокровища петербургскаго Эрмитажа имѣютъ громадное историко-образовательное значеніе. Богатѣйшій интересъ, въ этомъ отношеніи, представляетъ послѣднее, по времени открытія, отдѣленіе среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Объяснителемъ многочисленныхъ сокровищъ вновь образованнаго отдѣла Эрмитажа является недавно отпечатанный «Указатель отдѣленія среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія», составленный Н. Кондаковымъ. Въ предисловіи къ нему объяснено, что отдѣленіе среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія въ Эрмитажѣ составилось изъ двухъ большихъ собраній: прежняго царскосельскаго арсенала и бывшей колекціи М. П. Базилевскаго, а также изъ русскихъ древностей, сосредоточивавшихся до того въ нумизматическомъ отдѣленіи Эрмитажа. Новое отдѣленіе размѣщено въ залахъ, занятыхъ еще недавно государственнымъ совѣтомъ и комитетомъ министровъ, до перевода ихъ въ бывшій дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Въ «Указателѣ» изложена исторія возникновенія царскосельскаго арсенала, колекціи Базилевскаго и русскихъ древностей, и упомянуты какъ лица, въ свое время ихъ устроивавшія, такъ и описанія, ими сдѣланныя. Составитель объясняетъ, что, въ виду многочисленности предметовъ, а также условій размѣщенія, указатель не можетъ быть полнымъ, но не въ этомъ и цѣль его, такъ какъ онъ долженъ только «помогать обозрѣнію, характеризовать отдѣлы и этимъ способствовать распространенію художественно-историческихъ свѣдѣній». Эти цѣли вполнѣ достигнуты относительно роскошнаго собранія, помѣщающагося въ двадцати залахъ. Стоитъ прочесть очень краткія характеристики предметовъ, расположенныхъ въ залахъ: восточной, рѣзьбы по слоновой кости, залы эмалей, древностей Кавказа, равно какъ объясненія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметовъ, чтобы отдать полную справедливость соста-

вителю, исполнившему это дѣло. Рисунки исполнены хорошо, и въ нихъ воспроизведены болѣе типичные изъ предметовъ.

Царскосельскій арсеналъ, основанный въ 1811 году, имѣлъ три отдѣла: восточный, западно-европейскій и русскій. Изъ нихъ первый—вмѣщалъ въ себѣ предметы, захваченные во время персидской и турецкой кампаній 1826, 1827, 1828 и 1829 г.; въ кампанію 1826 г. привезено изъ Ардебиля старинное оружіе, приписываемое шахамъ Надиру и Аббасу Великому, также оружіе изъ Эривани отъ генерала Красовскаго; въ 1828 г. доставлено оружіе изъ Мачина и изъ Варны, въ 1829—изъ Силистріи отъ Дибича и въ 1829 — различное турецкое оружіе изъ эрзерумскаго арсенала. Кавказскія войны съ горцами 1831, 1834, 1840 и слѣдующихъ годовъ также дали для восточнаго отдѣленія арсенала множество очень рѣдкаго оружія. Въ арсеналѣ были помѣщены, кромѣ того, подарки русскимъ государямъ отъ восточныхъ властелиновъ: султановъ, шаховъ, хивинскихъ и коканскихъ хановъ и бухарскихъ эмировъ, также восточныя колекціи Николая I, нѣкоторыя вещи изъ колекцій великаго князя Михаила Павловича и восточныя собранія князя Петра Салтыкова, отецъ котораго, Алексѣй Салтыковъ, составилъ коллекцію разнообразныхъ предметовъ вооруженія и искуствъ индусскаго, бирманскаго и индо-персидскаго, занимаясь собираніемъ старинныхъ вещей въ Дели, Лагорѣ и на островѣ Цейлонѣ. Западно-европейскій отдѣлъ царскосельскаго арсенала въ царствованіе Николая пополнился пріобрѣтеніемъ изъ Англіи цѣлыхъ колекцій средневѣковаго вооруженія; между прочимъ, для арсенала пріобрѣтено: собраніе Монвилля, все оружіе, хранившееся въ Люнебургскомъ замкѣ, много старинныхъ вещей изъ Франконіи и Пфальца, собраніе вѣнскаго посла Татищева, завѣщавшаго принадлежавшіе ему старинные доспѣхи, оружіе и живописныя стекла Николаю I и, наконецъ, въ Царское Село перевезенъ арсеналъ города Нарвы. Русскій отдѣлъ арсенала составился изъ погодинскаго древнехранилища и кабинета живописца Орловскаго, а также изъ различныхъ предметовъ стариннаго вооруженія, взятыхъ изъ Польши, послѣ войны 1831 года.

Въ колекцію М. П. Базилевскаго, составленную подъ наблюденіемъ парижскихъ знатоковъ искуства, вошли предметы древне-христіанскаго искуства, какъ рѣдкія стекла изъ катакомбъ, принадлежавшія кардиналу Гваданьи, бывшему викаріемъ Рима въ 1732 г.; различныя вещи отъ Деча въ Кельнѣ, изъ ризницы Базельскаго собора, колекціи Альтенборо (сосудъ — вкладъ императора Оттона III), Жермо и Пурталеса. Въ колекціи Базилевскаго находятся рѣзныя вещи изъ собраній: князя Салтыкова, Доньи, Жермо, Карпантье, и великолѣпныя эмали, маіолики, венеціанскія стекла и фаянсы, принадлежавшіе Кастеллани, Паркеру, маркизу д'Азеліо и другимъ.

Русскія древности домонгольскаго періода, собранныя при нумизматическомъ отдѣленіи Эрмитажа, пріобрѣтались археологическою комисіею, начиная съ 1859 года, изъ различныхъ вкладовъ. Весьма тяжелое для своего времени татарское нашествіе явилось благодѣтельнымъ для русской археологіи. Ужасъ при нашествіи страшнаго врага заставлялъ поспѣшно убѣгавшихъ жителей зарывать свои богатства въ землю, и черезъ нѣсколько столѣтій отрываются эти богатства уже не врагомъ, а наукою: таковы вклады: смоленскій (гнѣздовскій), орловскій, тереховскій, курскій, харьковскій, подольскій, воронежскій и другіе; особенно любопытными являются клады, найденные въ Кіевѣ, Черниговѣ, Старой Рязани и Владимірѣ.

Въ настоящее время отдѣленіе среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія занимаетъ въ зданіи Эрмитажа двадцать комнатъ. Черезъ вестибюль, коридоръ и проходную залу, въ которой помѣщаются средневѣковые и азіатскіе доспѣхи и вооруженія, посѣтитель входитъ въ восточную залу. Это — одна

изъ самыхъ важныхъ частей музея. Богатый и нѣкогда могучій Востокъ имѣлъ въ свое время огромное художественное вліяніе на европейскія страны. Это вліяніе, между прочимъ, отразилось на оружіи среднихъ вѣковъ. На южныхъ склонахъ Гималая, гдѣ находятся мѣсторожденія желѣза, выдѣлывалось съ древнѣйшаго времени оружіе, впослѣдствіи названное дамаскомъ или булатомъ. Въ восточной залѣ размѣщены предметы вооруженія восточныхъ народовъ и предметы роскоши: индійскіе, персидскіе и турецкіе. Между прочимъ, въ этомъ отдѣленіи имѣются замѣчательные драгоцѣнные конскіе уборы: одинъ — поднесенный въ 1829 г., отъ султана Махмуда Николаю I, по заключеніи Адріанопольскаго мира, другой— поднесенный въ 1833 г., также султаномъ Махмудомъ, въ благодарность за посылку Россіею отряда, остановившаго армію Ибрагима-паши, двигавшуюся на Константинополь; послѣдній уборъ своевременно оцѣненъ въ 204,830 рублей.

Далѣе слѣдуетъ зала, подъ названіемъ октагонъ, въ которой сосредоточены образцы рыцарскихъ доспѣховъ, начиная съ XV в. и кончая серединою XVII в. Затѣмъ, въ залѣ итальянскаго возрожденія собраны лучшіе художественные образцы металическихъ производствъ той эпохи; здѣсь же находится черепаховый щитъ изъ колекціи Петра Великаго. Въ испанской залѣ, названной по клинкамъ трофеевъ и кирасѣ, стоитъ небольшой, орѣховаго дерева, точеный шкафъ французской работы, конца XV или начала XVI столѣтія. Имѣются свѣдѣнія, что этотъ шкафъ служилъ въ абатствѣ Важе, близъ Макона, ящикомъ для кроликовъ; его купилъ одинъ аптекарь и продалъ за 300 франковъ Каррану, который перепродалъ его М. Н. Базилевскому за 70,000 франковъ.

Залы арбалетовъ, рѣзьбы по дереву, рѣзьбы по слоновой кости, маіолики и эмали вмѣщаютъ въ себѣ замѣчательные образчики искуствъ. Въ залѣ арбалетовъ собраны: охотничьи и воинскіе арбалеты, швейцарскіе и австрійскіе алебарды и топоры, также вооруженіе лучниковъ и стрѣлковъ. Въ залахъ рѣзьбы по дереву и по слоновой кости находятся замѣчательно исполненныя художественныя средневѣковыя вещи. Рѣзьба по дереву особенно развилась во Франціи и Германіи въ началѣ XV вѣка; въ то время почти всю мебель покрывали рѣзьбою, преимущественно фигурною, въ сильномъ рельефѣ, а иногда даже въ видѣ цѣлыхъ сценъ. Въ отдѣлѣ рѣзьбы по слоновой кости особенно видное мѣсто занимаютъ консульскіе диптихи, которые имѣли видъ таблетокъ и употреблялись, какъ наши записныя книжки; одна ихъ сторона покрывалась тонкимъ слоемъ воска, а другая—роскошною рѣзьбою.

Въ залѣ христіанскихъ древностей первыхъ восьми вѣковъ находятся художественные образцы искуства первыхъ временъ христіанства; здѣсь большинство вещей составляютъ церковныя принадлежности. Есть еще отдѣлъ такъ называемыхъ коптскихъ тканей, это ткани первыхъ египетскихъ христіанъ, исполненныя подобно позднѣйшимъ гобеленамъ.

Отдѣленіе древностей домонгольскаго нашествія вмѣщаетъ въ себѣ все добытое при раскопкахъ различныхъ кладовъ.

Изъ остальныхъ залъ, кромѣ трехъ занятыхъ ружейнымъ отдѣломъ имѣютъ особенный интересъ три, подъ названіями: 1) русская старина, 2) древности Кавказа и 3) древности изъ развалинъ Сарая. Въ первой залѣ сосредоточены предметы нашего русскаго прошлаго: бердыши, найденные на Куликовомъ полѣ, сабля Дмитрія Пожарскаго, съ славянскою надписью: «Гди востань на помощь раба твоего Димитрія», сабельный клинокъ съ надписью: «Всегда бивалъ съ Петромъ»; и т. д. Здѣсь же находятся двѣ зрительныя трубы Александра I, служившія государю при Аустерлицкомъ сраженіи.

Диспуты въ Петербургскомъ университетѣ. Въ Петербургскомъ университетѣ приватъ-доцентъ Ѳ. Д. Батюшковъ защищалъ дисертацію: «Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы», представленную имъ въ историко-филологическій факультетъ для полученія степени магистра исторіи всеобщей литературы. Ѳ. Д. Батюшковъ родился въ 1857 г. въ Тверской губерніи; среднее образованіе получилъ въ 1-й казанской гимназіи. Въ 1875 г. поступилъ въ петербургскій университетъ на физико-математическій факультетъ, но черезъ годъ перешелъ на историко-филологическій, гдѣ кончилъ курсъ въ 1880 г. со степенью кандидата. Въ 1881 г. оставленъ при университетѣ для подготовленія къ професорской дѣятельности по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. Въ 1882 г. командированъ за границу на годъ для занятій въ германскихъ университетахъ. По возвращеніи изъ-за границы сдалъ магистерскій экзаменъ и съ 1885 г. состоитъ приватъ-доцентомъ Петербургскаго университета. Кромѣ занятій въ университетѣ по предметамъ романской и германской филологіи, г. Батюшковъ читалъ также въ 1886—87 г. лекціи по исторіи западно-европейскихъ литературъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Въ 1888 г. былъ вторично командированъ за границу, на полтора года. Магистерская диссертація диспутанта представляетъ историко-сравнительное изслѣдованіе. Старинная легенда, пользовавшаяся большою популярностью въ среднѣвѣковой литературѣ, повѣствуетъ, что одному отшельнику пригрезился вѣщій сонъ: онъ увидѣлъ трупъ въ гробу и душу, которая, отдѣлившись отъ тѣла, витала надъ нимъ, и осыпала его упреками за дурно проведенную жизнь, обвиняя его въ своей погибели. Тѣло оправдывается, сваливая на саму душу отвѣтственность за грѣховную жизнь. Споръ оканчивается вмѣшательствомъ дьяволовъ, которые хватаютъ душу и увлекаютъ въ преисподнюю. Вопросъ о происхожденіи настоящей легенды былъ нѣсколько разъ возбуждаемъ, но до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Принимаясь за разрѣшеніе вопроса послѣ многихъ другихъ, дисертантъ тщательно изслѣдовалъ нѣкоторые тексты, частью извѣстные, но оставшіеся въ пренебреженіи, частью же неизвѣстные. Благодаря этому, ему удалось нѣсколько разобраться въ запутанномъ вопросѣ происхожденія легенды о спорѣ души съ тѣломъ и ея литературной исторіи, представляющейся довольно сложной. Разсмотрѣніе этого вопроса обнимаетъ собою двѣ части, въ общемъ составляющія объемистую книгу въ 300 слишкомъ страницъ. Офиціальными опонентами были професора А. Н. Веселовскій и А. И. Соболевскій. Первый опонентъ, указавъ на нѣкоторые недостатки, заключающіеся въ отсутствіи строгаго плана въ дисертаціи и недостаточной разработкѣ легенды о сѣтованіяхъ души тѣлу, замѣтилъ, что дисертація обладаетъ несомнѣнными достоинствами. Второй опонентъ, раздѣливъ вполнѣ мнѣніе своего предшественника, сдѣлалъ нѣсколько частныхъ возраженій. По окончаніи диспута историко-филологическій факультетъ единогласно призналъ Ѳ. Д. Батюшкова достойнымъ получить искомую степень.

Магистръ философіи А. Н. Гиляровъ защищалъ дисертацію, подъ заглавіемъ: «Платонъ, какъ историческій свидѣтель. Методологія и свидѣтельства о философахъ», представленную имъ въ историко-филологическій факультетъ для полученія степени доктора философіи. Алексѣй Никитичъ Гиляровъ родился въ Москвѣ, въ 1856 г. Первоначальное образованіе получилъ въ московскихъ 6-й и 4-й гимназіяхъ. По окончаніи курса въ 1880 г. въ Московскомъ университетѣ по класическому отдѣленію историко-филологическаго факультета, назначенъ учителемъ древнихъ языковъ въ рыбинскую класическую прогимназію, но въ томъ же году прекратилъ службу, такъ какъ оставленъ былъ при университетѣ для подготовленія къ професорской дѣятельности. Въ 1883 г. сдалъ магистерскій экзаменъ, а въ слѣдующемъ году утвержденъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета по каѳедрѣ фи-

лософіи. Въ то же время состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ 5-й гимназіи и Усачевско-Чернявскомъ женскомъ училищѣ. Въ 1887 г. назначенъ приватъ-доцентомъ въ университетъ св. Владиміра. Кромѣ того, читалъ лекціи по философіи на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ. Въ 1888 г. въ Московскомъ университетѣ защищалъ на степень магистра дисертацію «Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи». На лѣтнія вакаціи 1888—90 г. былъ командированъ за границу для занятія въ библіотекахъ Берлина, Вѣны, Парижа и Лондона. Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, напечаталъ слѣдующія: «Платонизмъ, какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія въ связи съ вопросомъ о задачахъ и судьбѣ философіи» 1886 г. и «Значеніе философіи» 1887 г. Докторская дисертація г. Гилярова представляетъ солидный трудъ, въ которомъ весьма обстоятельно разобрана литературная дѣятельность Платона. По окончаніи краткой рѣчи, докторантъ приступилъ къ защитѣ 19 положеній, извлеченныхъ изъ дисертаціи. Официальными опонентами были: професоръ А. М. Введенскій и професоръ В. К. Эрнштедтъ. По окончаніи возраженій, сдѣланныхъ вторымъ опонентомъ, историко-филологическій факультетъ призналъ А. Н. Гилярова достойнымъ полученія степени доктора философіи.

Историческое Общество. Рефератъ професора Карѣева «Историческая наука и преподаваніе исторіи» привлекъ въ засѣданіе общества массу учащейся молодежи. Професоръ въ предисловіи къ своему реферату указалъ, что цѣль историческаго общества заключается, между прочимъ, въ соглашеніи теоретическихъ историческихъ вопросовъ съ вопросами практическаго преподаванія исторія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и выразилъ сожалѣніе о напрасно потраченномъ времени въ предыдущихъ засѣданіяхъ на разрѣшеніе вопроса, наука ли исторія? По мнѣнію Н. И. Карѣева, исторію, какъ предметъ преподаванія, слѣдуетъ противополагать не исторіи-наукѣ, а исторіи, какъ предмету изслѣдованій. Въ университетѣ исторія является не наукой, а предметомъ преподаванія, причемъ цѣль этого преподаванія, конечно, отличается отъ цѣли преподаванія исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вообще про цѣль преподаванія исторіи можно сказать, что она находится въ зависимости отъ возроста и пониманія учащихся. При преподаваніи сообщаются результаты научныхъ изслѣдованій, которыя совершаются или въ кабинетахъ ученыхъ, или въ ученыхъ обществахъ, или на съѣздахъ; преподаваніе основывается на данныхъ исторической науки и литературы. Къ сожалѣнію современные учебники исторіи совсѣмъ не соотвѣтствуютъ современнымъ даннымъ историческихъ изслѣдованій. Этотъ крупный недостатокъ вызвалъ желаніе у московскихъ педагоговъ составить новый учебникъ. При преподаваніи разсужденія должны быть научными, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что въ программу преподаванія необходимо включить науку во всемъ ея объемѣ. Нужно учащихся знакомить съ выводами науки, доступными и интересными, причемъ субъективные элементы не являютя лишними. Въ заключеніе професоръ Карѣевъ предложилъ собранію обсудить слѣдующее положеніе: «цѣль ознакомленія съ выводами науки, пригодными для преподаванія, не можетъ быть иная, какъ образованіе правильнаго историческаго міросозерцанія, совпадающаго съ данными науки и требованіями личной и общественной нравственности». Послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ приняли участіе гг. Гуревичъ, Сиповскій, Цвѣтковскій и др., положеніе, предложенное г. Карѣевымъ, было признано собраніемъ.

Общество любителей древней письменности. Засѣданіе общества открыто было приглашеніемъ предсѣдателя почтить вставаніемъ память почившихъ: члена-учредителя общества, кіевскаго митрополита Платона, и намѣстника Троице-Сергіевой лавры, архимандрита Леонида, перечень трудовъ котораго,

напечатанный въ «Памятникахъ древней письменности», былъ при этомъ прочитанъ. Секретарь общества доложилъ собранію о текущихъ дѣлахъ, о пожертвованіяхъ и пріобрѣтеніяхъ для музея, также о томъ, что въ почетные члены общества избранъ профессоръ университета И. В. Помяловскій, а въ члены-корреспонденты: іеромонахъ Никонъ, ректоръ Новороссійскаго университета И. С. Некрасовъ, професоръ С. Ѳ. Платоновъ и В. Гр. Дружининъ. Членъ Общества Д. Ѳ. Кобеко сдѣлалъ сообщеніе о трехъ неизданныхъ собственноручныхъ письмахъ императрицы Екатерины II; членъ общества И. А. Шляпкинъ — объ одной иконѣ св. Александра Невскаго. Содержаніе перваго доклада слѣдующее. Адъютантъ Герстдорфъ, заподозрѣнный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Швеціею, былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Императрица Екатерина, письмомъ на имя шлиссельбургскаго коменданта фон-Циглера, требовала строжайшаго наблюденія за узникомъ, безусловной тайны его имени и рапортовъ о немъ два раза въ мѣсяцъ. Во второмъ письмѣ своемъ императрица, получивъ рапортъ о грусти и уныніи заключеннаго, поручала коменданту узнать, отчего Герстдорфъ такъ часто и много плачетъ, и дать ему понять, что узникъ, при благоразумномъ поведеніи можетъ разсчитывать на помилованіе. Наконецъ, третьимъ письмомъ Екатерина II освободила изъ крѣпости опальнаго адъютанта. Эти три письма докладчикъ принесъ въ даръ Обществу. Не менѣе интересенъ былъ докладъ г. Шляпкина, который нашелъ въ церкви села Александрова (въ 30 верстахъ отъ Петербурга) икону XVII вѣка, изображающую св. Александра Невскаго сидящимъ на конѣ, но безъ воинскаго вооруженія. Ни въ иконописномъ подлинникѣ, ни въ житіяхъ великаго князя нѣтъ никакихъ указаній на подобное изображеніе. Референтъ нашелъ разгадку въ иной области: въ одномъ сказаніи, занесенномъ въ «Степенную книгу», говорится, что пономарь однажды видѣлъ во снѣ св. Александра какъ бы поднимающимся верхомъ на конѣ къ небу. Докладчикъ полагаетъ, что на конѣ изображенъ этотъ именно моментъ видѣнія. Въ виду полнаго интереса образа, постановлено при напечатаніи доклада И. А. Шляпкина, приложить и снимокъ съ иконы. По поводу Александра Невскаго, Хр. М. Лопаревъ сообщилъ о новой редакціи его житія, найденной имъ въ одной изъ монастырскихъ рукописей конца XV вѣка; житіе это написано современникомъ Александра Невскаго, исполнено глубокаго интереса и начинается замѣчательнымъ лирическимъ вступленіемъ, напоминающимъ отчасти «Слово о полку Игоревѣ». И. П. Хрущовъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу недавно вышедшей «Настольной книги для народа». Докладчикъ подвергъ подробному разбору памятники древней письменности, доказывая, что содержаніе главныхъ явленій всеобщей исторіи, занесенныхъ въ современные учебники, было знакомо и нашимъ предкамъ, которые знали глубокую древность, и Византію, и средневѣковую западную исторію и исторію новаго времени. Народная книга составлена весьма тщательно и исправляетъ многія ошибки предшествующихъ работъ, напримѣръ, въ мѣсяцесловѣ: такъ здѣсь доказано, что Инна, Римма и Пинна были не жены, какъ доселѣ полагали, а мужчины. Вслѣдъ затѣмъ И. Ѳ. Горбуновъ сдѣлалъ сообщеніе объ актерѣ XVIII вѣка И. А. Дмитревскомъ. Референтъ тщательно пересмотрѣлъ вопросъ объ одномъ изъ первыхъ русскихъ комедіантовъ, этомъ сѣятелѣ на взбороненной Волковымъ нивѣ. Наконецъ М. И. Семевскій сдѣлалъ докладъ объ эпохѣ Петра Великаго, на основаніи архива князя Ѳ. А. Куракина. Посолъ Петра I былъ участникомъ взятія Азова, второй осады Нарвы, Ніеншанца и пр., и подробно описалъ примѣрное сраженіе русскихъ, изъ которыхъ одна часть представляла русское войско, сражавшееся по русскому воинскому уставу, а другая шведское, дѣйствовавшее по уставу шведскому. Какъ посолъ, кн. Куракинъ отличался необыкновенною акурат-

костью и даже ловкостью: такъ, онъ съумѣлъ отклонить папу Климента XI отъ признанія Лещинскаго королемъ Польши. Его курсъ леченія заграницею особенно интересенъ по предписаннымъ ему рецептамъ и по строгости ихъ исполненія.

† Въ Ялтѣ **Аполлонъ Александровичъ Жемчужниковъ**, землевладѣлецъ Самарской губерніи, земскій дѣятель и бывшій мировой судья самарскаго округа, пользовавшійся большой популярностью и симпатіями среди самарцевъ. Онъ занимался также и литературой. Во время самарскаго голода онъ помѣстилъ въ «Голосѣ», гдѣ состоялъ сотрудникомъ, нѣсколько корреспонденцій изъ неурожайной мѣстности, обратившихъ на себя вниманіе и общества, и администраціи. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ былъ однимъ изъ издателей и редакторовъ Сибиряковскаго журнала «Слово», въ которомъ печатались его стихи и публицистическія замѣтки. Аполлонъ Александровичъ родился въ 1839 г. и высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету, откуда выпущенъ со степенью кандидата.

† Въ Казани профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ **Иванъ Николаевичъ Холмогоровъ**. Образованіе получилъ онъ въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1843 г. со степенью кандидата восточныхъ языковъ. Вскорѣ по окончаніи курса онъ былъ приглашенъ занять должность старшаго учителя персидскаго языка въ Астраханской гимназіи. Черезъ пять лѣтъ И. Н. переѣхалъ въ Казань и здѣсь опредѣлился въ университетъ помощникомъ инспектора студентовъ. Въ 1849 г. занялъ каѳедру арабскаго языка и словесности. Своими знаніями восточныхъ языковъ онъ пріобрѣлъ извѣстность въ ученомъ мірѣ. Когда въ 1852 г. въ Ришельевскомъ лицеѣ освободилась каѳедра восточныхъ языковъ, было предложено занять ее покойному, но вскорѣ каѳедра была закрыта, и И. Н. назначенъ сперва инспекторомъ Астраханской гимназіи, затѣмъ директоромъ народныхъ училищъ Астраханской губерніи. Съ 1863 по 1880 г. онъ читалъ лекціи персидскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, съ 1880 г. до своей кончины — въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Петербургскій университетъ удостоилъ въ 1865 г. покойнаго ученой степени магистра персидской словесности послѣ его удачной защиты дисертаціи: «Шейхъ Мослехудинъ Саади-Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы». Онъ перевелъ также поэму Саади «Гюлистанъ».

† Въ Ярославлѣ заслуженный ординарный профессоръ Петербургскаго университета, **Михаилъ Михайловичъ Михайловъ**. Его профессорская дѣятельность началась еще при Неволинѣ, когда онъ былъ приглашенъ въ качествѣ его адъюнкта. Затѣмъ въ пятидесятыхъ годахъ онъ взялъ на себя чтеніе лекцій о торговомъ правѣ, написалъ нѣсколько юридическихъ статей и былъ однимъ изъ сотрудниковъ «Библіотеки для Чтенія», гдѣ помѣстилъ рядъ статей, между прочимъ, «О юридическихъ условіяхъ исторіи и о связи исторіи законодательствъ съ исторіей вообще» (1856), «О пенитенціарной системѣ и устройствѣ тюремъ» (1856) и критическіе разборы «Исторіи гражданскихъ законовъ» Неволина и «Теоріи кредита» Бунге. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ напечатана его статья «О раздѣльности и нераздѣльности поземельныхъ имѣній въ Германіи». Отдѣльно появились слѣдующіе труды Михайлова: «Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи» (Спб., 1847), «Торговое право» (Спб. 1859 въ трехъ выпускахъ), «Мѣстные гражданскіе законы» (Спб. 1860). Онъ родился въ 1827 г., окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1846 г., причемъ его работа на тему «Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи» была премирована серебряною медалью. Въ 1848 г. послѣ удачной защиты дисертаціи «Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г.», М. М. Михайловъ былъ признанъ Петербургскимъ университетомъ достойнымъ ученой

степени магистра гражданскаго права. Московскій университетъ въ 1866 г. призналъ его достойнымъ степени доктора юридическихъ наукъ за диссертацію «Русское гражданское судопроизводство въ историческомъ его развитіи до изданія Свода законовъ». Въ 1876 г. онъ за свою долголѣтнюю дѣятельность получилъ званіе заслуженнаго профессора.

† Въ Москвѣ **Христіанъ Мартыновичъ Вальдемаръ**. Онъ принадлежалъ къ числу лицъ, написавшихъ рядъ статей о необходимости создать русскій торговый флотъ. По иниціативѣ покойнаго основано общество для содѣйствія русскому торговому мореходству. X. М. особенно интересовался мореходными классами, изыскивая мѣры для увеличенія ихъ числа; благодаря его трудамъ, въ 1881 г. изданъ первый «Списокъ судовъ русскаго торговаго флота», первая регистрація судовъ на основаніи началъ, принятыхъ въ европейскихъ государствахъ. Ему же принадлежитъ обработка девятиязычнаго «Карманнаго морского словаря», изданнаго обществомъ для содѣйствія торговому мореходству. Свои статьи морского содержанія онъ помѣщалъ въ «Морскомъ Сборникѣ», «Московскихъ вѣдомостяхъ» и др. періодическихъ изданіяхъ. Онъ умеръ на 67 году.

† 7-го ноября управлявшій московскимъ театромъ камеръ-юнкеръ **Владиміръ Петровичъ Бегичевъ**. При немъ московскій Малый театръ сталъ давать самые крупные сборы. Онъ былъ изъ первыхъ лицъ, проводившихъ идею устройства нынѣшняго театрально-литературнаго комитета, уставъ котораго, дѣйствующій теперь, основанъ по его мысли. Всѣ помнятъ его, какъ истинно добраго человѣка. Онъ всегда былъ въ долгу, но это не препятствовало ему помогать всѣмъ, кто къ нему обращался, чѣмъ только онъ могъ. Въ свое время онъ пожилъ и прожилъ не мало. В. Маркевичъ въ романѣ «Четверть вѣка назадъ» срисовалъ съ него одного изъ героевъ—Ошанина. Онъ родился въ Тулѣ, получилъ воспитаніе въ Московскомъ университетѣ, служилъ въ казенной палатѣ, въ опекунскомъ совѣтѣ и, наконецъ, при театрахъ. Одно время управлялъ (по выборамъ) московскимъ дворянскимъ собраніемъ. Онъ требовалъ отъ артистовъ, чтобы они всегда были готовы исполнять какъ маленькія, такъ и большія роли. Поэтому часто Шумскій и Самаринъ выходили на сцену въ маленькихъ роляхъ. Онъ написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ. Изъ нихъ послѣдняя «Жаръ птица» шла года два тому назадъ на Крестовскомъ театрѣ. В. П. умеръ 64 лѣтъ отъ грудной жабы. По себѣ онъ оставилъ самую добрую память, какъ товарищъ и въ полномъ смыслѣ прекрасный человѣкъ.

† 4-го ноября **Юрій Николаевичъ Поггенполь**. Онъ получилъ образованіе въ Александровскомъ лицеѣ и началъ службу въ 1846 г. въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1850 г. онъ оставилъ службу и отправился въ кругосвѣтное путешествіе, причемъ посѣтилъ Австралію, гдѣ долгое время жилъ, изучая нравы мѣстнаго населенія. По возвращеніи изъ-за границы въ 1868 г. поступилъ въ бывшій почтовый департаментъ начальникомъ отдѣленія. Когда этотъ департаментъ былъ преобразованъ въ главное управленіе почтъ и телеграфовъ, Ю. Н. назначенъ дѣлопроизводителемъ управленія. Онъ неоднократно принималъ въ качествѣ делегата отъ Россіи дѣятельное участіе въ международныхъ почтовыхъ конгресахъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ былъ командированъ въ Германію, Францію и Бельгію для изученія дѣйствій почтово-телеграфныхъ сберегательныхъ кассъ, а затѣмъ много способствовалъ организаціи у насъ подобныхъ кассъ. Проживая за границей, онъ состоялъ сотрудникомъ газеты «Le Nord», издающейся въ Брюсселѣ.

† 12-го ноября въ Троице-Сергіевскомъ посадѣ, 60 слишкомъ лѣтъ **Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ**, извѣстный своею литературно-политическою дѣятельностью. Родомъ изъ Калужской губерніи, онъ высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1854 г. по медицинскому факультету со степенью лекаря и во время Севастопольской

войны былъ врачомъ въ разныхъ военныхъ госпиталяхъ, находившихся на Крымскомъ полуостровѣ. Въ 1861 г. оставилъ медицинскую службу и въ томъ же году назначенъ секретаремъ и драгоманомъ нашего консульства въ Кандіи, въ 1864 г. переведенъ на ту же должность въ Адріанополь, а въ декабрѣ этого года назначенъ секретаремъ и драгоманомъ генеральнаго консульства въ Бѣлградѣ; въ 1866 г. перемѣщенъ на ту же должность въ адріанопольское консульство; въ 1867 г. назначенъ вице-консуломъ въ Тульчѣ, въ 1867—консуломъ въ Янинѣ, а въ 1871 г.—въ Салоники. Въ 1873 г. онъ оставилъ дипломатическую службу, и ему была назначена ежегодная пенсія въ 600 руб. Въ ноябрѣ 1880 г. К. Н. Леонтьевъ былъ опредѣленъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета и въ февралѣ 1887 г. по болѣзни уволенъ въ отставку съ пенсіей. Въ томъ же году, по всеподданнѣйшему докладу графа Д. А. Толстого, ему пожалована добавочная пенсія по тысячѣ рублей въ годъ за литературные труды. Покойный впервые обратилъ на себя вниманіе своими разсказами изъ жизни христіанъ въ Турціи, имѣющими не только несомнѣнное художественное значеніе, но и значительную этнографическую цѣнность. Разсказы эти помѣщались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова. Повѣсти К. Н. Леонтьева изъ новогреческаго и славянскаго быта въ Турціи, который онъ вслѣдствіе почти десятилѣтней службы на Востокѣ хорошо зналъ, оцѣнены были въ свое время критикою. Онѣ изданы, хотя и не всѣ, въ Москвѣ и отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «Изъ жизни христіанъ въ Турціи». Имъ же напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» при Катковѣ политическій и въ то же время бытовой романъ «Аспазія Ламприда» и большая хроника «Записки Одиссея Полихроніадеса, Загорскаго грека». Важнѣйшіе труды его собраны въ книгѣ, изданной въ Москвѣ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ «Востокъ, Россія и Славянство». Въ сборникѣ собраны статьи, которыя печаталъ авторъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Гражданинѣ». «Руси» И. С. Аксакова, «Востокѣ» и «Варшавскомъ Дневникѣ» за 1880 г.

† Членъ государственнаго совѣта, **Владиміръ Павловичъ Титовъ**. Поступивъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ по московскому архиву иностранной коллегіи, онъ въ срединѣ двадцатыхъ годовъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ московскихъ литераторовъ, предвѣстниковъ славянофильства. Съ нѣкоторыми изъ лицъ этого кружка онъ основалъ въ 1827 г. «Московскій Вѣстникъ», первый русскій серьезный журналъ, «получившій благословеніе отъ Пушкина», и принималъ дѣятельное участіе въ этомъ изданіи съ 1827 по 1830 годъ, помѣстивъ здѣсь много статей, компиляцій и замѣтокъ по литературѣ, искуствамъ, исторіи и этнографіи. Кромѣ того, В. П., подъ псевдонимомъ **Тита Космократова**, печаталъ повѣсти въ «Альманахѣ»—Сѣверные Цвѣты» («Уединенный домикъ на Васильевскомъ», «Монастырь святой Бригитты», и др.) и статьи въ «Московскомъ Телеграфѣ», «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Лирѣ», «Москвитянинѣ» и проч. Ему же приписывается и весьма остроумная книжка (въ 3 ч.) «Неправдоподобные разсказы» (Спб., 1837), подъ псевдонимомъ **Чичероне дель К....о**. Наконецъ, въ качествѣ члена археографической комисіи, В. П. сообщилъ нѣсколько любопытныхъ актовъ и грамотъ въ «Лѣтописяхъ занятій археогр. комисіи» Въ «Русской Старинѣ» помѣщены сообщенные имъ разсказы очевидцевъ о послѣднихъ дняхъ жизни Александра I, записанные княгинею З. А. Волконскою. Былъ посланникомъ въ Турціи и Виртембергѣ. Умеръ 70-ти лѣтъ.

† 17 ноября заслуженный професоръ военно медицинской академіи **Эдуардъ Карловичъ Брандтъ**, пользовавшійся большою популярностью среди представителей науки и глубокими симпатіями учащейся молодежи. Брандтъ, сынъ архитектора, родился въ Петербургѣ 15-го февраля 1839 г., воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ. Черезъ годъ по окончаніи средняго образованія поступилъ въ медико-хирургическую академію и кончилъ въ ней курсъ въ 1862 г. со степенью лекаря. Въ декабрѣ 1865 г. защищалъ доктор-

скую дисертацію, а въ 1876 г. магистерскую дисертацію при Петербургскомъ университетѣ. Съ 1866 по 1881 г. професоръ, по ходатайству конференціи академіи, былъ семь разъ командированъ съ научною цѣлью за границу. Во время этихъ командировокъ онъ посѣтилъ всѣ выдающіеся зоологическіе и сравнительно-анатомическіе музеи Европы; кромѣ того, изучалъ организацію морскихъ рыбъ и низшихъ животныхъ близъ Шербурга, и занимался изслѣдованіемъ нервной системы морской уточки на берегу Адріатическаго моря. Результатомъ командировокъ было нѣсколько солидныхъ ученыхъ работъ и пополненіе богатыми колекціями музея академіи. Въ общемъ имъ написано болѣе 60 ученыхъ работъ, большею частью на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Учебная дѣятельность Э. К. Брандта началась черезъ годъ по окончаніи имъ курса въ академіи, когда онъ былъ назначенъ асистентомъ при каѳедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи; въ 1865 г. избранъ приватъ-доцентомъ, а въ 1873 г. професоромъ по каѳедрѣ анатоміи домашнихъ животныхъ, съ 1870 по 1883 г. преподавалъ зоологію въ Горномъ институтѣ, съ 1874 по 1882 г. зоологію и эмбріологію на женскихъ врачебныхъ курсахъ, съ 1864 по 1880 г.—зоологію въ Петербургскомъ комерческомъ училищѣ, на фребелевскихъ курсахъ, а въ 1886 г. читалъ курсъ позвоночныхъ животныхъ въ Петербургскомъ университетѣ. Какъ ученый, онъ былъ беззавѣтно преданъ своему дѣлу и обладалъ замѣчательно тонкимъ критическимъ чутьемъ. Какъ лекторъ и популяризаторъ естественно-историческихъ свѣдѣній, онъ обладалъ рѣдкою способностью буквально увлекать слушателей и читателей своими лекціями и популярными изданіями, которыхъ имъ напечатано большое количество. Постоянно живой, подвижной, неутомимый, онъ при массѣ научнаго дѣла успѣвалъ заниматься и медицинскою практикою и былъ единственнымъ у насъ спеціалистомъ по глистнымъ болѣзнямъ. Умеръ Э. К. Брандтъ совершенно неожиданно отъ инфлуэнцы, осложнившейся воспаленіемъ легкихъ, оставивъ большую семью съ наслѣдствомъ, состоящимъ только изъ честнаго имени и широкой ученой извѣстности.

† 24-го ноября отъ паралича мозга редакторъ-издатель «Кронштадтскаго Вѣстника», отставной контръ-адмиралъ Николай Александровичъ Рыкачевъ. Вмѣстѣ съ лейтенантомъ Тимиревымъ онъ былъ инициаторомъ изданія «Кронштадтскаго Вѣстника», возникшаго въ 1861 году на капиталъ, собранный въ складчину кружкомъ молодымъ моряковъ. Онъ впродолженіе 30-ти лѣтъ редактировалъ морской и общій отдѣлы. Имъ написанъ рядъ самыхъ разнообразныхъ статей, преимущественно спеціально-морского содержанія. Своею дѣловитостью «Кронштадтскій Вѣстникъ», вскорѣ послѣ возникновенія, обратилъ на себя вниманіе морского министерства, которое признало полезность этого изданія и, вслѣдствіе хлопотъ Рыкачева, рѣшило поддержать «Кронштадтскій Вѣстникъ» ежегодной субсидіей и сдѣлало эту газету своимъ полуофиціальнымъ органомъ. Покойный употребилъ много старанія, силъ и денегъ, чтобы «Кронштадтскій Вѣстникъ» былъ достойнымъ товарищемъ прочихъ изданій. Какъ редакторъ, Н. А. отличался энергіей, добротою, сердечностью, всегда сочувственно относился къ своимъ сотрудникамъ и помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ. Кромѣ редактированія и изданія «Кронштадтскаго Вѣстника», Рыкачевъ издалъ рядъ книгъ и брошюръ военно морского и военно-историческаго содержанія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ брошюры подъ названіемъ: «Французскій броненосный флотъ» и «Чесменская битва». Живя болѣе 30-ти лѣтъ въ Кронштадтѣ, онъ состоялъ членомъ многихъ мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ и кружковъ. Имъ былъ открытъ первый въ Кронштадтѣ книжный магазинъ и основана тамъ же одна изъ лучшихъ типографій. Н. А. Рыкачевъ, сынъ недавно умершаго героя Наваринскаго боя, родился въ 1833 году, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1851 г. Въ чинѣ лейтенанта онъ отправился въ 1854 г. въ кругосвѣтное плаваніе на корветѣ «Князь Вар-

шавскій», но корвету не суждено было уйти дальше Голландіи. Здѣсь, по случаю разгорѣвшейся Крымской войны, корветъ былъ остановленъ, а команда отправлена обратно въ Россію и была назначена на канонирскія лодки для защиты устьевъ Западной Двины. Лейтенанту Рыкачеву было поручено командовать двумя изъ этихъ лодокъ. Въ 1855 г. ему пришлось участвовать въ перестрѣлкѣ съ англійскимъ фрегатомъ, подошедшимъ къ Дюнамюнде. Послѣ Крымской кампаніи Н. А. плавалъ по Средиземному морю на фрегатѣ «Свѣтлана». Въ 1865 г. былъ адъютантомъ штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта. Эту должность онъ занималъ до 1887 г., когда, по предѣльному возрасту, былъ уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ контръ-адмиралы.

† Сотрудникъ «Новаго Времени» **Александръ Дмитріевичъ Курепинъ**. Онъ родился въ 1847 году въ Воронежѣ. Кончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи первымъ ученикомъ, съ золотой медалью, онъ поступилъ на филологическій факультетъ Харьковскаго университета, потомъ перешелъ въ Московскій университетъ и кончилъ тамъ курсъ юристомъ. Еще студентомъ онъ работалъ въ «Искрѣ» Курочкина и «Будильникѣ» Степанова, а во второй половинѣ университетскаго курса—въ «Русскомъ Архивѣ» П. И. Бартенева, гдѣ и познакомился съ исторіей Россіи за послѣднія столѣтія. Окончивъ курсъ, прожилъ годъ за границей; вернувшись въ Россію, напечаталъ отрывокъ изъ своихъ заграничныхъ воспоминаній въ «Русскихъ вѣдомостяхъ», былъ нѣкоторое время кандидатомъ на судебныя должности въ московскомъ окружномъ судѣ, велъ земскую и городскую хронику въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» Каткова, но оказался тамъ «неудобнымъ»; тогда онъ перешелъ въ «Голосъ» и «Русскія вѣдомости», гдѣ работалъ и раньше, а также сдѣлался близкимъ сотрудникомъ «Будильника». Съ первыхъ нумеровъ «Новаго Времени» онъ сталъ вести московскій фельетонъ и велъ его съ небольшимъ перерывомъ, когда въ 1882 г. сдѣлался редакторомъ «Будильника», купленнаго евреями. Когда эти господа увидѣли, что они ошиблись въ своемъ разсчетѣ сдѣлать изъ «Будильника» еврейскій органъ, то оставили его и пришлось его продать. Курепинъ потерялъ при этомъ всѣ свои сбереженія Но перешедшій въ другія руки «Будильникъ» редактировался Курепинымъ вплоть до послѣдней его болѣзни, которая свела его въ могилу. Въ промежуткахъ газетной работы, онъ переводилъ много пьесъ, романовъ и ученыхъ книгъ; послѣднія, являясь на свѣтъ съ помѣтой «подъ редакціей профессоровъ такихъ-то», удостоивались общей похвалы за языкъ перевода. Въ лицѣ его «Новое Время» лишилось дѣятельнаго, талантливаго, въ высшей степени добросовѣстнаго сотрудника и хорошаго человѣка. Жизнь его—жизнь журналиста, вѣчно отыскивающаго темы. Человѣкъ свыкается съ журнальнымъ трудомъ, и онъ дѣлается второю его природою. А. Д. любилъ свое дѣло и не смотря на то, что имѣлъ возможность не работать, положилъ перо, только когда уже не могъ держать его въ рукахъ. Скончался онъ 28-го ноября послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

† 30-го ноября въ Харьковѣ профессоръ русскаго языка и литературы **Александръ Аѳанасьевичъ Потебня**. Онъ принадлежалъ къ числу ученыхъ, издавшихъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ, посвященныхъ частью чисто филологическимъ изслѣдованіямъ русскаго языка, частью изысканіямъ по народной миѳологіи. Онъ кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1857 г. со степенью кандидата филологическихъ наукъ и отправился за границу съ цѣлью усовершенствоваться въ своихъ знаніяхъ. Въ Берлинѣ онъ слушалъ лекціи проф. санскритскаго языка Вебера, затѣмъ объѣхалъ славянскія земли, при посѣщеніи которыхъ практически изучалъ филологическія основанія славянскихъ нарѣчій. По возвращеніи изъ-за границы, Потебня съ успѣхомъ защитилъ диссертацію подъ названіемъ «О нѣкоторыхъ символахъ народной поэзіи» на степень магистра, затѣмъ напечаталъ

рядъ статей по миѳологіи и филологіи: «Мысль и языкъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1862 г.). «О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ» (1864 г.), «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій» (1865 г.), «О купальскихъ огняхъ» («Археологическій Вѣстникъ» 1867 г.), «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій («Филолог. Зап.» 1865 г.), «Изъ записокъ по русской граматикѣ» (1872 и 1889 г.), «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ» («Филолог. Вѣстн.» 1882—83 г.), «Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ» и другія. Въ своихъ сочиненіяхъ по филологіи онъ изслѣдовалъ звуковыя и синтактическія явленія русскаго языка на основаніи сравненія его съ языками индоевропейской семьи, славянскихъ нарѣчій и различныхъ историческихъ періодовъ русскаго языка и его нарѣчій. Кромѣ того, онъ выяснялъ строеніе русскаго синтаксиса. Въ трудахъ по миѳологіи профессоръ Потебня старался объяснить миѳы при помощи филологическихъ толкованій названій существъ и предметовъ, прикосновенныхъ къ миѳамъ. Онъ произвелъ массу наблюденій надъ стилемъ народныхъ пѣсенъ, ихъ метафорическими и символическими образами и миѳологическими намеками. Сочиненіе покойнаго «Изъ записокъ по русской граматикѣ» премировано въ 1878 году академіей наукъ Ломоносовскою преміей, и Потебня тогда же былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ этого ученаго учрежденія. Онъ умеръ на 57 году.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Могила гетмана Мазепы.

Недавно нѣкоторыя газеты, со словъ какого-то «туриста», напечатавшаго свои замѣтки въ газетѣ «Южанинъ», помѣстили разсказъ о современномъ положеніи могилы знаменитаго гетмана Ивана Мазепы. Въ этой замѣткѣ разсказывается, что могила находится въ Галацѣ, въ церкви Святой Дѣвы, причемъ слѣдуетъ такое повѣствованіе: «Священникъ зажегъ восковую свѣчу и отворилъ небольшую дверь въ одной изъ стѣнъ церкви. За дверью шла каменная нкрытая лѣстница. Начали подыматься. Прошли ступенекъ шесть—семь, и священникъ остановился.—«Вотъ,—сказалъ онъ,—смотрите: это надпись, бывшая на могилѣ Мазепы; онъ похороненъ здѣсь, въ церковной стѣнѣ». Въ стѣнѣ была крупная, около аршина въ діаметрѣ греческая надпись, середина которой изломана. «Замѣчаете изломъ?»—спросилъ священникъ.—«Да, а развѣ это что нибудь означаетъ?» — «Къ сожалѣнію, самая интересная часть надписи разрушена. Это дѣло рукъ Петра Великаго. Онъ въ бытность свою на Прутѣ и въ Галацѣ отыскалъ тѣло своего врага, вынулъ изъ этой замуравленой стѣны и бросилъ его въ Дунай».

Можно ли такъ искажать исторію! Во-первыхъ, никогда Петръ Великій въ Галацѣ не былъ. Это ясно видно изъ всѣхъ описаній Прутскаго похода. Во-вторыхъ, не мѣшало бы нѣкоторымъ туристамъ провѣрять мѣстные разсказы историческими справками.

Вотъ истинная исторія могилы Мазепы. Мазепа умеръ въ шведскомъ лагерѣ у м. Варницы, близъ Бендеръ, 18 марта, (а по другимъ источникамъ 2 октября) 1710 года. Отпѣваніе его тѣла совершено было съ большимъ торжествомъ въ небольшой Варницкой церкви и затѣмъ перевезено въ Галацъ,

гдѣ предано землѣ въ монастырѣ св. Георгія въ великолѣпной гробницѣ, сооруженной другомъ его Орликомъ. «Но и могила не доставила Мазепѣ покоя, котораго не имѣлъ онъ при жизни,—говоритъ молдавскій лѣтописецъ Николай Костинъ:—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, въ княженіе Димитрія Кантемира, турки разграбили Галацъ, вырыли трупъ Мазепы, думая найти сокровища въ его гробницѣ и, какъ говорятъ, разбросали его кости по берегу Дуная». Къ этому разсказу присоединяемъ слѣдующія свѣдѣнія изъ книги молдавскаго писателя Когальничано: «Fragments, tirés des chroniques Moldaves et Valaques», изданной въ Ясссахъ въ 1845 г. (часть 2, стр. 91 и 92). Вотъ что сообщаетъ Когальничано: «Гетманъ Мазепа былъ погребенъ въ Галацѣ, въ монастырѣ св. Георгія (на берегу Дуная), посреди церковной трапезы, въ кирпичномъ склепѣ, на которомъ положенъ былъ надгробный памятникъ съ насѣченною на немъ надписью, гербами Украйны и Мазепы и изображеніемъ одноглаваго орла. Должно полагать, что послѣ разграбленія Галаца, сторонники гетмана возобновили его гробницу». Когальничано далѣе говоритъ, что еще въ его время (т. е. въ 1830-хъ гг.) надписи на могилѣ были стерты ногами богомольцевъ, надгробный камень разбился, но все еще ясно было видно изображеніе украинскаго орла. Далѣе Когальничано продолжаетъ: «Въ 1835 г., не зная даже имени того, кто былъ похороненъ въ ихъ церкви, священники, желая похоронить въ церковной трапезѣ боярина Сердаря Димитрія Деретчи-Баша, приказали разрыть могилу и нашли сводъ гробницы Мазепы. Разбили склепъ и нашли голову и кости гетмана. Не зная, чьи это кости, священники оставили ихъ въ могилѣ и тамъ же похоронили боярина. Нѣсколько лѣтъ спустя, родственники боярина отрыли его тѣло, чтобы по обычаю страны совершить надъ нимъ церковное поминовеніе, но вслѣдствіе распоряженія молдавскаго правительства, запретившаго тогда хоронить внутри церквей, кости боярина не могли быть положены въ прежнюю могилу, а потому кости боярина и вмѣстѣ съ ними кости Мазепы положены въ новую могилу, внѣ церкви, вправо отъ преддверія. Тогда же и старый надгробный камень или, вѣрнѣе, его остатки, были отправлены чиновниками карантина, какъ историческій памятникъ, къ князю Михаилу Гикѣ, брату бывшаго валахскаго господаря. А такъ какъ на старомъ надгробномъ камнѣ Мазепы можно было различать изображеніе орла, то родственники боярина Деретчи-Баша пожелали сохранить и этотъ гербъ. Но по незнанію геральдики скульпторъ вмѣсто одноглаваго орла Украйны сдѣлалъ на прекрасной мраморной доскѣ двуглаваго австрійскаго орла».

Н. Ширяевъ.

РОЯЛИСТСКАЯ ЗАГОВОРЩИЦА

(REINE)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ЖЮЛЯ ЛЕРМИНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1892

I.

КОРО будетъ легче возстановить древнюю страну фараоновъ или какую нибудь столицу кельтовъ, чѣмъ дать современнымъ парижанамъ вѣрное понятіе о томъ, каковъ былъ ихъ городъ въ 1815 году, во времена ихъ отцовъ.

Съ тѣхъ поръ прошло не болѣе 80 лѣтъ, а можно подумать, что 60 столѣтій раздѣляютъ эти двѣ эпохи, и все это оттого, что люди старѣются, умираютъ, а города до совершеннаго разрушенія все оживаютъ и молодѣютъ.

Парижъ въ началѣ столѣтія былъ старъ, какъ то общество, которое повымела революція, старъ, какъ предразсудки; онъ обзавелся всевозможными болѣзнями: отекомъ легкихъ, ожиреніемъ сердца, ракомъ желудка. Если мозгъ и сохранился здоровымъ, жизнь съ трудомъ протекала по его кровянымъ сосудамъ, въ которыхъ застои превратились въ хроническіе, и, только благодаря поразительнымъ операціямъ хирургіи цивилизаціи, въ настоящее время воздухъ и свѣтъ проникли въ это тѣло, которому угрожала не анемія, но апоплексія полнокровія. Парижу, страдавшему полнокровіемъ, архитектора выпустили не мало крови, и кровяные шарики, парижане, наконецъ, нашли себѣ выходъ изъ этой черной массы, которая мѣшала имъ двигаться.

Аллеи, набережныя, площади, явились открытыми клапанами для всей этой кипящей жизни, которая до тѣхъ поръ была подавлена, разбивалась, шумѣла, прорывалась иногда и снова, изнеможенная, затихала, точно побѣжденная волна, но все существующая, убѣжденная, что послѣдняя побѣда будетъ за ней.

Дѣти наши, не знакомыя даже съ Парижемъ 1848 года, не могутъ его себѣ представить инымъ, чѣмъ теперь, за исключеніемъ

развѣ нѣкоторыхъ оттѣнковъ. Въ 1815 году главными путями сообщенія были улицы St. Honoré, St. Denis, rue Neuve des Petits Champs. Rue de Rivoli оканчивалась площадью Palais Royal, загроможденной фонтаномъ Chateau d'Eau.

Во всей этой окружности, которая съ сѣвера и востока граничила бульварами и улицей Тампля, съ запада возвышенностью des Moulins, грязнымъ притономъ разврата, съ юга набережными, купающимися въ грязныхъ водахъ Сены,—былъ невообразимый хаосъ.

Улицы Chausseterie, Poterie, Friperie, Gregnerie, Cordonnerie, Trousse Vache окружаютъ Рынокъ и душатъ его.

Отъ набережной de Gesures до porte St. Martin—площадь aux Veaux, улицы Brise Miche, du Poirier, Beaubourg, Transnonain, Frepillon, Lacroix. Свободно вздохнешь только въ улицѣ Meslay.

Продолженіе улицы de Provence—улица de l'Egout, улица St. Lazare теряется въ Pologne, въ ея глухихъ переулкахъ и кабакахъ.

Центръ Парижа, Парижа спорщика, самохвала, нахала, это—Palais Royal съ его ротондою, гдѣ любопытные за два су читаютъ газеты дня; съ Café de Chartres, гдѣ нѣкогда зеленыя и бѣлыя кокарды, Монтань и Жиронда, боролись на смерть и гдѣ въ настоящее время шампиньоны въ раковинахъ—лакомое кушанье отбило отъ Café Hardy его посѣтителей, которымъ пріѣлись жареныя почки, имѣвшія прежде такой успѣхъ; съ Café Lemblin, мѣстомъ свиданій истыхъ бонапартистовъ, съ его игорными домами, отъ которыхъ несетъ развратомъ и золотомъ, съ его магазиномъ Bras d'Or, первымъ магазиномъ мужскаго платья, который доказалъ на дѣлѣ возможность мгновеннаго превращенія мужика въ дэнди; Palais Royal съ его деревянными галлереями, гдѣ продается все, даже моды; съ Frères Provençaux, гдѣ счастливцы дня платятъ по 40 франковъ за обѣдъ.

За бульварами les Porcherons, Coquenard, la Nouvelle France, Saint Laurent, загроможденныя предмѣстья превращаются въ пустыри и оканчиваютъ свое существованіе у черной стѣны ограды.

На лѣвомъ берегу, намъ извѣстно, вилась въ грязи между руинами d'Harcourt и мрачными стѣнами St.-Louis улица de la Harpe. На планахъ 1845 года, планахъ лживыхъ и тщеславныхъ, St.-Jacques помѣченъ бѣлой линіей—широкій путь! Изъ предмѣстья St.-Germain, хорошо разграниченнаго улицами de Seine, de Tournon и du Luxembourg до самаго Bievre, лабиринта, кишащаго какъ гнѣздо гусеницъ, тянутся узкіе переулки Champ d'Alouette, Crolebarbe, до самой богадѣльни капуциновъ (Hospice des Capucins, днемъ это помойная яма, а ночью разбойничій притонъ). Точно какое-то животное съ щупальцами тащитъ на себѣ Пантеонъ. Говорить ли о Cité и его конурахъ, Draperie, Calandre, Fères, Marmousets, объ островѣ St.-Louis, объ островѣ Louviers, этой степи съ дурной славой.

Парижъ роскоши, полный простора и свѣта, начинается только отъ Тюльери и, откинутый предмѣстьемъ St.-Honoré, снова прорывается въ Champs Elysées и натыкается на Chaillot, городъ тряпичниковъ, площадь Carrousel, всю покрытую шалашами, сборный пунктъ мелкихъ торгашей,—тутъ торгуютъ и попугаями, и медалями, и подержанными книгами, и чучелами крокодиловъ, и старымъ желѣзомъ.

Найдите-ка St.-Germain des Prês — эту прелесть! St.-Germain l'Auxerrois—это воспоминаніе! Notre Dame—эту славу! Все это измѣнилось, все это затянулось осадкомъ всякой грязи.

Итакъ, засыпьте бульвары Sebastopol и Strasbourg, улицы Rivoli, Quatre Septembre, de l'Opêra, обнесите большіе бульвары широкими прежними валами, заприте улицы Lafayette, Maubeuge, Dunkerque, avenues St.-Michel, St.-Germain, зачеркните черными чернилами все, что есть свѣтъ, вездѣ, гдѣ свободно, нагромоздите разношерстныхъ домовъ, кривыхъ лачужекъ, хромоногихъ домишекъ... и вы получите Парижъ 1815 года...

А между тѣмъ этотъ Парижъ, который издалека кажется намъ такимъ мрачнымъ, былъ уже тогда и еще гораздо раньше солнцемъ міра. Изъ какой бы столицы вы ни попали въ Парижъ, васъ обдавало атмосферой тепла, испареніями мысли и стремленій, васъ проникала жизненная сила, сила производительности, въ которой таятся всѣ зародыши будущаго. Одна часть города особенно утратила свою оригинальность прежнихъ дней, о чемъ, впрочемъ, жалѣть нечего.

Станьте на срединѣ площади de la Bourse, передъ этимъ новогреческимъ храмомъ, греческій стиль котораго служитъ предметомъ всякихъ насмѣшекъ: передъ вами, около васъ, повсюду—свѣтъ, безпрерывное движеніе, постоянный шумъ.

Закройте глаза и мысленно уничтожьте все, что тутъ есть, и представьте себѣ взамѣнъ полуразрушенные заборы, за которыми виднѣются черныя стѣны въ трещинахъ, полуразвалившіяся, въ брешахъ тесанные камни, какія-то бѣлыя массы, похожія на слѣды циклопическихъ развалинъ. Ночью это притонъ всевозможныхъ бродягъ, днемъ бродячіе разносчики прислоняются къ домамъ и выкрикиваютъ свой товаръ. Между улицами Feydeau и de la Loi до улицы Montmartre никакого сообщенія, кромѣ тропинокъ между заборами и покинутыми жилищами, вдоль которыхъ вьется непрошенная зелень, остатки растительности бывшаго парка монастыря des Filles-St.-Thomas.

Начатыя въ 1809 году работы по постройкѣ биржи были брошены и окончены только черезъ 11 лѣтъ. Улица Vivienne обрывается на углу проэктированной постройки. Между домами пробираются безъименные переулки, которые продѣлываютъ себѣ проходы черезъ дворы и въ концѣ концовъ выходятъ на улицу Notre

Dame des Victoires, узкую, мрачную и чрезвычайно оживленную. Тутъ и ржущіе кони съ звенящими колокольчиками, и ругающіеся почтальоны, тутъ и звуки визгливаго рожка, давка людей и животныхъ, задѣванье колесами за узлы, мольбы, увѣренія, ссоры, поцѣлуи, раздаются крики: «берегись! берегись!» подъ акомпанементъ трубныхъ звуковъ, страшный шумъ, безпорядокъ, крикъ, звонъ желѣза,—таковъ былъ Парижъ-путешественникъ 1815 года въ этомъ центральномъ и единственномъ почтовомъ дворѣ, выходящемъ на улицу Notre Dame des Victoires, которая въ то время тянулась, не прерываясь, отъ Place des Petits Pères до улицы Montmartre.

Это было 31-го мая того года, который видѣлъ плачевный конецъ первой Реставраціи и удивительное возвращеніе съ острова Эльбы. Уже наканунѣ въ этомъ оживленіи чувствовался какой-то особый характеръ.

На другой день, 1-го іюня, должна была происходить церемонія Champ de Mai, провозглашеніе плебисцита, подтвержденіе императорской власти, а также раздача орловъ войску, которому предстояло выступить на границу.

Былъ цѣлый наплывъ путешественниковъ со всѣхъ четырехъ концовъ провинцій, всѣ повозки почтоваго двора были переполнены ими, они натыкались на лошадей, на почтальоновъ, разукрашенныхъ лентами, въ высокихъ сапогахъ, шаги которыхъ такъ и раздавались по двору.

Тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, было старинное кафе Лоріо, сборное мѣсто путешественниковъ, которые не хотѣли дожидаться во дворѣ, съ вѣчно смѣняющеюся публикою; подчасъ эта кофейная бывала пріютомъ провинціаловъ, которыхъ нетерпѣніе загоняло на почтовый дворъ гораздо раньше часа отъѣзда, или парижанъ, упорно желавшихъ встрѣтить какого нибудь родственника, хотя бы часъ пріѣзда уже давно прошелъ. Время убивалось въ выпиваніи рюмочекъ,—посуды изъ толстаго стекла съ нѣсколькими каплями алкоголя. Затѣмъ появлялись пріѣзжіе, окруженные друзьями, вспрыскивался пріѣздъ, и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ стоялъ общій гулъ привѣтствій, разспросовъ, перекрещиваніе рѣчи на звонкомъ провинціальномъ нарѣчіи.

Въ этотъ день, благословенный для дома Лоріо, улица становилась тѣсной для посѣтителей, стремившихся попасть къ нему. Тропическая жара тяготѣла на ихъ лоснящихся лицахъ, люди и чемоданы такъ и наваливались на загроможденныя скамейки.

Открылась дверь, на порогѣ показался мужчина, онъ вошелъ смѣлой поступью. Очень высокаго роста, съ хорошо очерченными плечами подъ плащомъ, можетъ быть, тяжелымъ не по сезону, въ большой фетровой шляпѣ, опущенной на глаза, онъ вошелъ со смѣлостью человѣка, который чувствуетъ себя вездѣ дома, и прямо

направился, пробираясь между скамеекъ къ прилавку, за которымъ возсѣдала m-me Лоріо.

— Что, прибылъ дилижансъ изъ Анжера?—спросилъ онъ низкимъ басомъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣтила продавщица лимонада.—Вамъ придется подождать съ полчаса.

— Благодарю... я подожду.

— Сдѣлайте милость.

Повидимому, неизвѣстный не нуждался въ этомъ разрѣшеніи; онъ повернулся, выбралъ себѣ свободное мѣсто въ углу комнаты у стола и усѣлся, и снова тѣмъ же басомъ потребовалъ себѣ водки, а когда самъ хозяинъ Лоріо поставилъ передъ нимъ одну изъ рюмокъ и маленькій графинчикъ съ гранеными дѣленіями самаго мельчайшаго фантастическаго исчисленія, онъ сказалъ:

— Дайте большой стаканъ и бутылку. Онъ проговорилъ эти слова, не сердясь, точно извиняя ошибку.

Во избѣжаніе какихъ либо возраженій, онъ бросилъ при этомъ на столъ золотой.

Лоріо поклонился.

Новаго пришельца усердно разсматривали, что было для него, повидимому, безразлично. Онъ сбросилъ свой плащъ на спинку стула и предсталъ въ курткѣ коричневаго сукна, поверхъ которой былъ надѣтъ длинный сюртукъ, застегнутый на одну пуговицу подъ горломъ, съ широкимъ разрѣзомъ, въ который былъ видѣнъ кожаный поясъ съ ножемъ, похожимъ на театральный кинжалъ. Сбоку висѣла шпага. Онъ вытянулъ ноги, обутые въ сапоги съ короткими шпорами, потянулъ руки, причемъ мускулы натянулись, какъ веревки.

Затѣмъ, точно опытный актеръ, приберегающій свои эффекты, ловкимъ движеніемъ онъ снялъ шляпу и показалъ свое широкое, темно-красное лицо съ сильно загнутымъ носомъ, съ лошадиными ноздрями, съ красными губами, озаренное двумя глазами, съ наглымъ выраженіемъ, которое увеличивалось еще безпорядкомъ черныхъ съ просѣдью волосъ, всклокоченныхъ, какими возгордился бы самъ Самсонъ... Не говоря о шрамѣ на одной изъ бровей, напоминавшемъ собою просѣку въ лѣсу, голова казалась громадною, громадно было и туловище, громадна была и рука, которая обхватила бутылку, и точно отъ ея сжатія полился изъ нея цѣлый потокъ водки; громаденъ былъ ротъ, который сталъ глотать эту влагу, громаденъ былъ вздохъ удовольствія, точно шипѣнье раскаленнаго металла, который обдали холодною водою. Его можно было принять за рейтара Барбаруссы, кондотьери Сфорцовъ, за кого угодно, только не за порядочнаго человѣка. А между тѣмъ, на этомъ лицѣ, утомленномъ отъ усталости и кутежей, лежала точно печать дикаго величія и превосходства. Не стѣсняясь самъ, онъ не стѣснялъ и

другихъ. Чрезвычайно спокойный, онъ вынулъ сигару и сталъ курить.

Бутылка убывала, лицо его не краснѣло. Когда онъ пилъ, онъ приподнималъ свои длинные усы изящнымъ движеньемъ рта. Вдругъ снаружи послышался страшный шумъ, трубили въ рожокъ, раздавались радостные крики. Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и бросились къ дверямъ.

Цѣлая ватага людей, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, начиная съ облегающаго сюртука до синей блузы, проникла въ узкую улицу и стояла передъ почтовымъ дворомъ.

— Кто такіе? — спросилъ кто-то.

— Союзники изъ Манса, — былъ отвѣтъ.

Отважный посѣтитель, такъ героически уничтожавшій злополучную водку въ кофейной Лоріо, прислонясь своею мощною фигурою къ косяку двери, смотрѣлъ на эту толпу съ цинической, не двусмысленной усмѣшкой.

— Чортовы союзники!—пробормоталъ онъ.

Извѣстно, что жители департаментовъ, напуганные возможностью нашествія, составляли сами полки и требовали оружія для защиты родины. Наполеонъ еще не далъ рѣшительнаго отвѣта этимъ союзникамъ, до которыхъ ему въ сущности было мало заботы: онъ все обѣщалъ имъ ружья, которые обѣщано было имъ выдать на другой день. А имъ, легковѣрнымъ, не приходило и въ голову, чтобы могли сомнѣваться въ ихъ патріотизмѣ, и вотъ они поспѣшили сами въ Парижъ со своими палками и инструментами, чтобы стать подъ ружье, наполняя городъ своими возгласами восторга.

На разспросы, какіе имъ дѣлались, они отвѣчали, что пришли встрѣтить друзей, молодыхъ рекрутовъ.

Въ эту минуту какая-то молодая дѣвушка, которую сопровождала пожилая дама, очевидно, гувернантка, проталкиваясь черезъ толпу, пробиралась къ почтовой станціи. Бѣлокурая, довольно высокая, стройная, въ коричневой шелковой накидкѣ, съ черной бахрамой, въ короткой, прямой юбкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись хорошенькія, маленькія ножки въ темныхъ сапожкахъ, въ большой соломенной шляпѣ, украшенной полевыми цвѣтами, молодая дѣвушка безъ страху прочищала себѣ дорогу улыбкою и милыми словами.

Букетъ на шляпѣ изъ ромашки, васильковъ и мака, говорилъ о томъ, что она принадлежитъ къ трехцвѣтному знамени.

Незнакомецъ, не двигаясь, смотрѣлъ, какъ она подходила къ нему.

Федераты, видя на ней кокарду патріотовъ, пропускали ее съ добродушною улыбкою. Она добралась до колосса и, не замѣчая его, слегка смущенная, тащила за руку свою гувернантку.

Великанъ поднялъ руку и на ходу сорвалъ съ ея шляпы трехцвѣтный букетъ, оборвалъ васильки и маки и подалъ бѣлыя ромашки молодой дѣвушкѣ:

— Неужели такія красивыя шельмовки, какъ ты, боятся бѣлаго цвѣта?—проговорилъ онъ громко.

Почувствовавъ, что ее кто-то взялъ за шляпу, молодая дѣвушка оглянулась и, увидѣвъ передъ собою громаднаго мужчину и сообразивъ, въ чемъ дѣло, вѣроятно, воздала бы ему должное, но въ эту самую минуту съ другой стороны улицы подлетѣлъ молодой человѣкъ, поднялъ съ земли брошенный букетъ цвѣтовъ и хлеснулъ имъ по лицу нахала, сказавъ:

— Вотъ тебѣ букетъ всѣхъ цвѣтовъ.

Молодая дѣвушка, вскрикнувъ, бросилась въ сторону.

Оба мужчины, стоя одинъ противъ другаго, вступили въ пререпирательства.

— Ага!—воскликнулъ великанъ, обнажая шпагу,—вамъ, какъ видно, любезный другъ, угодно имѣть дѣло съ капитаномъ Лавердьеромъ!

Тотъ тоже взялся за шпагу.

Онъ былъ одѣтъ наполовину военнымъ, наполовину статскимъ, въ сюртукѣ à la française, безъ орденовъ, въ шляпѣ directoire, въ бѣлыхъ штанахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ полувысокихъ сафьяновыхъ сапогахъ.

— Къ вашимъ услугамъ, капитанъ безъ роты... врядъ ли вамъ будетъ пріятно имѣть дѣло съ виконтомъ де-Лорисомъ.

— Виконтъ изъ лакейской, я пригвозжду тебя къ стѣнѣ...

Въ улицѣ была страшная сумятица; большинство готово было бѣжать, но изъ толпы образовалась цѣлая стѣна. Молодая дѣвушка, окруженная со всѣхъ сторонъ, понимая, что всякое вмѣшательство между этими двумя мужчинами будетъ безполезно, смотрѣла на своего избавителя съ гордо-закинутою головою, какъ храбрый ребенокъ, восхищающійся чужою храбростью.

Г-жа Лоріо заперла двери своей кофейной, и ея посѣтители оказались у нея въ плѣну.

Капитанъ Лавердьеръ, какъ онъ назвалъ себя, прижался къ стеклу: слишкомъ было имъ мало мѣста, но оба противника не обращали вниманія на это. А главное, въ какія нибудь нѣсколько секундъ поединокъ, такъ внезапно затѣянный, принялъ самый серьезный характеръ.

Худощавый, съ черными вьющимися волосами, безбородый, съ женоподобною наружностью, виконтъ Лорисъ, повидимому, былъ не болѣе двадцати лѣтъ. Но онъ скоро убѣдилъ противника, что онъ не ребенокъ. Нервный, блѣдный, хорошо владѣющій собой, онъ не торопясь взялся за оружіе, а его противникъ, съ коварными замашками бреттера, накинулся на него съ размаху, мѣтя прямо въ сердце.

По счастью, молодой человѣкъ ловкимъ вольтомъ избѣжалъ удара.

— Подлецъ!—воскликнулъ онъ.—Настоящій разбойникъ!

И онъ въ свою очередь сталъ его преслѣдовать, а Лавердьеръ, какъ человѣкъ увѣренный въ себѣ, отпарировалъ изъ глубины.

Однако, послѣ нѣсколькихъ ударовъ ему пришлось уступить. Онъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло далеко не съ новичкомъ, кисть у него была твердая, ударъ при всемъ изяществѣ былъ чрезвычайно вѣренъ.

Насмѣшливое выраженіе исчезло съ лица Лавердьера, онъ сталъ серьезенъ, челюсти сжались, и онъ безсознательно, медленно жевалъ ими, какъ это бываетъ въ минуты страшнаго гнѣва.

Въ толпѣ царило молчаніе; молодая дѣвушка безмолвная, съ устремленнымъ взоромъ слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось.

Виконтъ, съ блестящими глазами, наступалъ на своего противника, угадывая въ немъ разбойника.

Вдругъ Лавердьеръ оставилъ оружіе, выпрямился, присѣлъ до земли, и ударъ, который онъ нанесъ, былъ до того вѣренъ и такъ неожиданъ, что, не смотря на всю ловкость молодаго человѣка, онъ задѣлъ его за плечо, за что получилъ въ отвѣтъ отчаянный ударъ въ грудь...

Шпага сломалась около рукоятки.

— Подлецъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ.—На немъ кираса!

— Врешь!—промычалъ великанъ, занося шпагу.

Но молодая дѣвушка бросилась между двумя противниками, толпа тоже приняла участіе и накинулась на капитана. Кто-то крикнулъ: «полицію!»

Лавердьеръ прижался къ стекламъ дверей, съ поднятой шпагой на нападающихъ; повидимому, угроза позвать полицію его особенно испугала.

Онъ понялъ опасность: толпа—это слѣпая сила, съ которой бороться нельзя; тогда напоромъ плеча онъ проломилъ дверь кофейной Лоріо, споткнулся, всталъ и, собравшись съ послѣдними силами, бросился во внутреннія комнаты, гдѣ и скрылся при содѣйствіи г-жи Лоріо, которая боялась за кассу.

Тогда молодая дѣвушка бросилась къ виконту:

— Спасайтесь... вашъ безчестный противникъ спрятался... васъ арестуютъ... но вы ранены...

Дѣйствительно, на фракѣ, около лопатки, были видны капли крови.

— Это простая царапина, mademoiselle, не безпокойтесь! Что касается бѣгства—ни за что. Съ этимъ обломкомъ шпаги не поздоровится тому, кто подниметъ на меня руку...

И молодой человѣкъ, который въ своемъ гнѣвѣ не прочь былъ бы затѣять новую ссору, гордо оглядывался.

Но ему не угрожало никакой опасности, толпа двинулась по теченію, а о полиціи точно не было и рѣчи.

Напротивъ, патріоты подходили къ нему съ самыми миролюбивыми намѣреніями.

— Похвально,—сказалъ кто-то:—защищать цвѣта Франціи...

— И заставить стараго шуана уважать знамя.

Виконтъ обернулся.

— Это что за поздравленія? Ужъ не думаете ли вы, господа союзники, что я вашего поля?

Молодая дѣвушка вмѣшалась:

— Дайте мнѣ, пожалуйста, руку, проведите меня до двора; мнѣ такъ страшно.

Голосъ былъ такой нѣжный, просьба была въ такой милой формѣ, что виконтъ, забывая свое новое неудовольствіе, поспѣшилъ ее исполнить.

Окружавшіе его люди не разслышали его отвѣта, но, видя въ поступкѣ молодаго человѣка любезность въ отношеніи дѣвушки, которую онъ спасъ отъ опасности, новое доказательство его гражданской добродѣтели, снова привѣтствовали его крикомъ:

— Да здравствуетъ нація!

— Чего они отъ меня хотятъ?—проговорилъ Лорисъ.

— Эти люди,—она произнесла это съ усмѣшкою:—васъ благодарятъ, что въ сущности я должна была бы сдѣлать сама.

— Мнѣ достаточно одного вашего слова: это даже больше, чѣмъ нужно.

— Благодарю васъ за себя лично,—прибавила она тихо:—они васъ благодарятъ за то, что вы со шпагою въ рукѣ защищали цвѣта Франціи.

Виконтъ точно подпрыгнулъ.

— Извините меня, но я долженъ выяснить недоразумѣніе.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Неужели вы думаете, что васильки и маки могли меня разбѣсить до такой степени?

— Отчего же нѣтъ?

— Не хочу васъ обманывать... Я хотѣлъ проучить нахала, который осмѣлился оскорбить молодую, прелестную дѣвушку... Что касается трехцвѣтнаго букета, скажу вамъ откровенно, я никогда не защищалъ его и никогда не буду его защищать...

Она вздрогнула, и выраженіе грусти разлилось на ея лицѣ.

— Знамя Франціи трехцвѣтное,—тихо замѣтила она.

— Я дурно вижу,—отвѣтилъ виконтъ, приподнимая шляпу:—мнѣ оно казалось всегда бѣлымъ...

Они дошли до выхода во дворъ, оба были въ большомъ смущеніи: она отъ того, что не могла быть ему теперь вполнѣ благодарной, а онъ былъ недоволенъ собою за свою откровенность.

— Мсьё, — начала она, преодолѣвая свое смущеніе, — я знаю ваше имя, но вы не знаете моего... Меня зовутъ Марсель... Марсель Картамъ... я патріотка не ради дѣтской фантазіи, но по убѣжденію, по долгу... Я не желала бы имѣть васъ врагомъ...

— Врагомъ?—повторилъ виконтъ улыбаясь.—Довольно, если вы скажете противникомъ... и то не вашимъ, такъ какъ увѣренъ, что ваши убѣжденія не доведутъ васъ ни до какого поля битвы...

Она гордо взглянула на него.

— Мсьё де-Лорисъ,—проговорила она,—какъ видите, я помню имя друга, хотя бы друга на минуту, не смѣйтесь надъ моими убѣжденіями, вы сами никому не позволили бы смѣяться надъ вашими... Я была бы счастлива... О, весьма счастлива, если-бъ вы относились къ нашимъ интересамъ съ тѣмъ же сочувствіемъ, съ какимъ вы отнеслись ко мнѣ... Вы говорите о полѣ битвы, мы можемъ встрѣтиться на немъ, когда дѣло коснется защиты страны... Женщины не носятъ оружія, но вездѣ, гдѣ честные люди жертвуютъ собою, для нихъ есть мѣсто... и вотъ тогда мы можемъ съ вами встрѣтиться. Я убѣждена, что мы не очутимся съ вами въ враждебныхъ лагеряхъ, такъ какъ у насъ съ вами одно отечество.

Марсель проговорила все это серьезнымъ, убѣжденнымъ тономъ, просто, безъ всякой рисовки. Виконтъ, болѣе тронутый, чѣмъ бы того желалъ, попробовалъ отдѣлаться шуткою.

— Во всякомъ случаѣ, — замѣтилъ онъ весело, — дадимъ слово щадить другъ друга...

— Я иду дальше,—продолжала она:—я обязуюсь, если-бъ встрѣтилась въ томъ надобность, сдѣлать то же для васъ, что вы сдѣлали для меня — пожертвовать собою... Признаюсь откровенно, я была бы счастлива, если бы вы были въ рядахъ нашихъ...

— У меня тоже есть свои убѣжденія, есть долгъ и честь,—замѣтилъ серьезно молодой человѣкъ.

Онъ держалъ въ своей рукѣ руку Марсель.

— И клянусь вамъ, что я люблю мое отечество такъ же страстно, какъ и вы.

— Ну, слава Богу... Прощайте же, мсьё Лорисъ... Быть можетъ, до свиданія.

Въ эту минуту подъ звуки рожка во дворъ въѣхалъ дилижансъ.

— Это дилижансъ изъ Оксера! — воскликнула Марсель.

— Вы ждете кого нибудь?

— Я жду дѣдушку... вотъ и онъ...

И, кивнувъ Лорису головой, она бросилась навстрѣчу старику, съ виду буржуа, который быстро вылѣзалъ изъ дилижанса.

Онъ обнялъ свою внучку и приподнялъ ее на воздухѣ, чтобъ хорошенько поцѣловать!

Лорисъ изъ вѣжливости отошелъ въ конецъ станціонной залы.

Онъ восхищался этою дѣвушкою, которая была одновременно и смѣла, и скромна, полна отваги и вмѣстѣ таинственности.

«Марсель!» — повторялъ онъ тихо ея имя, которое отдавалось въ его сердцѣ.

Старикъ давалъ распоряженія коммиссіонеру, вручая ему свой дорожный мѣшокъ.

Онъ видѣлъ его прямо въ лицо и былъ невольно пораженъ мужественною красотою этого лица, его правильными чертами, его выраженіемъ энергіи; въ этомъ семидесятилѣтнемъ старикѣ видно было, что бодрость не поддавалась годамъ, въ немъ чувствовалась исключительная натура, предпріимчивая, страстная.

— Посмотри-ка,—сказалъ кто-то сзади,—старый другъ Барера... который былъ членомъ комитета общественнаго спасенія.

Лорисъ быстро обернулся.

— Вы говорите объ этомъ старикѣ? Не можете ли вы мнѣ сказать его имя?

— Конечно... Пьерръ Картамъ... Робеспьеръ его очень цѣнилъ...

Лорисъ остановился. Картамъ разговаривалъ въ эту минуту съ какимъ-то господиномъ, по виду военнымъ, который пожималъ Марсель руки; въ немъ поднялось странное чувство злобы, почти гнѣва, онъ кинулся въ толпу и исчезъ.

Какъ разъ въ это самое время Марсель, приподнявшись на цыпочки, искала глазами своего рыцаря, очевидно, желая его представить дѣду, но его уже не было.

II.

Злясь на себя, на свое донкихотство, на этого лже-капитана, который такъ ловко избѣжалъ ударовъ шпаги, на этихъ федератовъ, которые были причиною всего, на эту молодую дѣвушку, которая была трижды виновата тѣмъ, что она была такъ прелестна, тѣмъ, что она покровительствовала ненавистнымъ революціоннымъ цвѣтамъ, тѣмъ, что она была внучкою самаго яростнаго террориста, поставщика гильотины, злясь на все и на всѣхъ, виконтъ Жоржъ де-Лорисъ проклиналъ случайность, которая привела его сюда, гдѣ онъ могъ встрѣтиться съ такимъ сбродомъ, котораго порядочный человѣкъ долженъ сторониться. Случайность? Была ли это дѣйствительно случайность? Пораздумавъ хорошенько, Лорисъ вспомнилъ, что ему дано было порученіе, правда, не важное, навести справку о часахъ прихода и отхода дилижансовъ изъ Бретани, и онъ, въ этой сумятицѣ, забылъ о немъ.

Эта забывчивость съ его стороны была тѣмъ болѣе не простительна, что порученіе было дано ему милѣйшею, прелестнѣйшею маркизою де-Люсьенъ. Что скажетъ онъ ей въ свое оправданіе?...

Разсказать ей настоящую причину, эту глупую исторію, конечно, немыслимо.

Вернуться назадъ? Объ этомъ нечего было и думать, безъ того было сдѣлано достаточно глупостей... Не достаетъ только еще разъ встрѣтиться съ этой маленькой якобинкой и ея дѣдушкой. И что за охота была ему вмѣшиваться въ чужія дѣла? Какое ему дѣло, что какой-то негодяй оскорбилъ молодую дѣвушку? Развѣ она не сама во всемъ была виновата? Какая была необходимость этой маленькой кровопійцѣ такъ смѣло поднимать символъ, который за три мѣсяца, когда король былъ въ Тюльери, считался бы признакомъ возмущенія.

Положимъ, этотъ капитанъ поступилъ, какъ настоящій мужикъ... Какъ его... Чортъ возьми... Лавальеръ.. Ламбертьеръ... Но развѣ въ своемъ поступкѣ не проявилъ онъ идеальной честности? Развѣ онъ не поступилъ, какъ поступилъ бы самъ виконтъ, если бы его вызвалъ какой нибудь офицеръ Бонапарта съ проклятой кокардой въ петличкѣ? Правда, что эта Марсель,—кажется, ее такъ звали,—была очень отважна, восторженна, но, принадлежи она къ партіи честныхъ людей, самъ Лорисъ пришелъ бы отъ нея въ восторгъ, а кромѣ того... всякій, кто оскорбляетъ женщину, достоинъ наказанія... это негодяй, котораго бьютъ, а въ случаѣ надобности и убиваютъ...

Такимъ образомъ виконтъ мысленно обсуждалъ съ одинаковой энергіей и за, и противъ, случившійся эпизодъ; при этомъ онъ удалялся быстрыми шагами, точно за нимъ гнались; онъ остановился, только дойдя до Palais-Royal, въ этомъ саду, въ которомъ статистики того времени насчитывали 488 деревъ, вокругъ которыхъ прогуливалась цѣлая толпа неутомимыхъ castors, demi-castors, castors fins, странное прозвище, объясненіе котораго любопытные найдутъ въ словарѣ Trévout; оно употреблялось для подраздѣленія общества свѣтскихъ людей. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ принцъ Люсьенъ Бонапартъ завладѣлъ дворцомъ и окружилъ себя цвѣтомъ бонапартистскаго воинства, въ извѣстные часы садъ превращался въ казарменный дворъ: онъ былъ полонъ воинами въ мундирахъ, съ длинными усами, съ широкими красными лентами, въ перчаткахъ. Военные, въ громадныхъ киверахъ, въ оригинальныхъ мохнатыхъ шапкахъ, съ перьями, съ султанами, съ пѣтушиными хвостами, группами толпились по аллеямъ, заполненнымъ разносителями вѣстей, болтливыми пророками или молчаливыми пессимистами.

Лорисъ удивлялся самъ себѣ, отчего онъ не уходитъ, ходилъ взадъ и впередъ въ этой толпѣ, злющій, раздраженный, готовый придраться къ каждому непріятному взгляду.

Надо сказать правду, виконтъ Лорисъ былъ самымъ страстнымъ и самымъ неосмотрительнымъ молодымъ человѣкомъ въ королевствѣ.... виноватъ.... въ имперіи.

Ему было 25 лѣтъ; онъ родился въ 1790 году, въ первые дни эмиграціи, рано остался сиротою и очутился въ первые годы своей сознательной жизни за границею подъ опекою дяди, барона Тиссака, человѣка восторженнаго, безразсуднаго, который таскалъ его по Европѣ среди того роя шершней, которые кружились надъ Наполеономъ, не смѣя его ужалить; быстрые успѣхи Бонапарта давали каждый день новую пищу ихъ гнѣву, среди этого главнаго штаба in partibus, который мечталъ о непогрѣшимыхъ планахъ, несомнѣнныхъ побѣдахъ и, вписывая свои неудачи, разсчитывалъ съ непреклонною вѣрою на успѣхъ завтрашняго дня. Въ итогѣ всегда наступитъ часъ, когда самому искусному игроку судьба измѣняетъ. Всѣ эти люди находились въ ожиданіи. Оставалось только не доводить себя до смерти.

И вотъ именно въ этомъ-то направленіи и дѣйствовалъ баронъ Тиссакъ, одинъ изъ рѣдкихъ эмигрантовъ, съумѣвшихъ сберечь значительное состояніе. Первая обязанность всякаго дворянина, по его мнѣнію, состояла въ умѣньѣ всегда держать себя при дворѣ, и потому онъ съумѣлъ внушить своему племяннику, что основой всякаго образованія должны быть верховая ѣзда, танцы и умѣнье кланяться.

Съ отчаянною ненавистью къ якобинству и съ глубокимъ презрѣніемъ къ разбойникамъ, которые сопровождали Наполеона, Лорисъ могъ разсчитывать на все.

Какое же воспитаніе получилъ молодой графъ? Во время перемѣны лошадей, по пути изъ Англіи въ Россію, смотря потому, куда направляла ихъ капризная воля барона Тиссака, менторъ Жоржа Лориса наскоро наставлялъ его. Курьезный этотъ менторъ, бывшій раньше придворнымъ аббатомъ, вслѣдствіе политическихъ переворотовъ и невзгодъ попалъ въ воспитатели. Не безупречный, не особенно набожный, довольно вольный, онъ получилъ строгое приказаніе отъ барона воспитать виконта въ духѣ ненависти къ революціи и философіи. И вотъ какъ онъ принялся за это.

Когда при передвиженіи являлась возможность, онъ овладѣвалъ своимъ ученикомъ, вынималъ изъ кармана книгу и говорилъ ему:

— Виконтъ, будьте готовы внимать ужасамъ: я вамъ прочитаю сейчасъ нѣчто ужасное, страничку этого разбойника Жанъ Жака Руссо... Или: это нѣчто чудовищное.... отрывокъ изъ «Essai sur les moeurs», этого ужаснаго Вольтера.

Онъ только читалъ, правда, очень внятно, съ снисхожденіемъ артиста и во время минутнаго отдыха приходилъ къ такимъ выводамъ:

— Не правда ли, виконтъ, человѣкъ, который проповѣдуетъ, что мы всѣ равны, достоинъ висѣлицы?

Такіе же разговоры были и по поводу революціи, и по поводу кампаній имперіи:

— Разбойники, эти солдаты Вальми, Жемаппа, Аустерлица. Ваграма.,..

Чтобы придать особое значеніе своему разсказу о войскахъ, онъ кричалъ во все горло:

«Да здравствуетъ республика!» или: «Да здравствуетъ императоръ!»

Затѣмъ онъ прибавлялъ степенно:

— Вотъ какъ дерутся эти преступники, этотъ позоръ человѣчества.

И вотъ такимъ-то образомъ аббатъ де-Блапъ,—такъ его звали,—исполнялъ возложенную на него обязанность и фактически весьма добросовѣстно обогатилъ лексиконъ молодаго человѣка всевозможными бранными словами, на какія только могло его вдохновить воображеніе, чтобы поносить враговъ легитимизма; но въ своемъ рвеніи онъ не замѣчалъ, что не всегда попадалъ мѣтко, и что въ головѣ молодаго человѣка былъ полнѣйшій хаосъ, царилъ страшный безпорядокъ.

Восемнадцати лѣтъ,—въ то время баронъ его устроилъ при шведскомъ дворѣ,—молодой человѣкъ очутился одинъ. Аббатъ не рѣшился на путешествіе въ полярную страну, и съ этой минуты въ головѣ его воспитанника прояснилось. Лорисъ превратился въ фанатика роялизма.

Пора было; баронъ Тиссакъ не разъ съ удивленіемъ прислушивался къ фразамъ въ родѣ:

— Удивительно, что этотъ мерзавецъ д'Аланберъ сказалъ это такъ вѣрно...

Или:

— Эти оборванцы Вальми, дѣйствительно, народъ храбрый...

Какъ у всѣхъ молодыхъ людей, у Лориса была потребность восторгаться. Говоря правду, до сихъ поръ партія роялистовъ не подавала особыхъ поводовъ для его восторговъ, и тѣмъ не менѣе онъ, всетаки, хотѣлъ служить ей съ полнымъ самоотреченьемъ; вліяніе аббата сказывалось въ немъ только словами ненависти, но прочныхъ основъ не было въ немъ никакихъ. Нѣсколько красивыхъ женщинъ эмиграціи помогли ему найти выходъ для этихъ потоковъ бурлившей въ немъ страсти, безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Уроки, которые давались красивыми устами и сопровождались нѣжными взглядами, опредѣлили его направленіе: онъ превратился въ яраго роялиста, даже самъ мсьё де-Блакасъ казался ему недостаточно страстнымъ. Онъ самымъ искреннимъ образомъ вѣрилъ въ позоръ, въ безчестіе Франціи и клялся вернуть ей ея честь.

Разъ вступивъ на этотъ путь, онъ зашелъ на немъ дальше всѣхъ самыхъ непреклонныхъ; будь онъ въ другой средѣ, страстность его натуры заставила бы его двигаться впередъ, а не рыться

въ прошломъ: онъ мечталъ о геройскомъ времени феодализма и клялся клятвою Ганнибала противъ прогресса.

Въ то время, какъ онъ шелъ по саду Palais Royal, злясь на толпу и, всетаки, не уходя изъ-за истомы, которая обыкновенно является послѣ всякаго сильнаго возбужденія, онъ почувствовалъ, что кто-то слегка коснулся его плеча, говоря:

— О чемъ мечтаете, виконтъ?

Онъ быстро обернулся, точно отъ боли, какъ ни было слабо это прикосновеніе, и готовъ уже былъ на новую вспышку. Но увидавъ, что позволившій себѣ эту фамильярность, былъ не кто иной, какъ одинъ изъ адъютантовъ де Бурмона:

— А! это вы, милѣйшій Тремовиль,— проговорилъ онъ.— Будь это кто другой, я бы не поблагодарилъ его, что онъ такъ внезапно нарушилъ мои думы...

Тремовиль расхохотался.

— Ба! Мечты влюбленнаго! Такъ и подобаетъ въ ваши годы. Не выпьемъ ли мы вмѣстѣ по стакану «bavaroise» въ какомъ нибудь уголкѣ, гдѣ бы можно было поболтать по душѣ...

— Какъ прикажете, господинъ командиръ... и разъ что представляется случай, я буду не прочь предложить вамъ нѣсколько вопросовъ.

— Прекрасно. Такъ отправимся.

Молодые люди направились къ столу, подлѣ ротонды, въ уголокъ, который упирался въ галлерею. Имъ подали то, что они спросили.

— Начинайте вы, любезный Лорисъ,—сказалъ Тремовиль:—жду вашихъ обѣщанныхъ вопросовъ.

— Я ошибся, сказавъ о нихъ въ множествееномъ числѣ. Въ сущности мой одинъ вопросъ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные, которые я бы позволилъ себѣ вамъ предложить.

— Я жду, готовый къ отвѣту.

— Предупреждаю васъ, однако, что мой вопросъ щекотливый.

— Тѣмъ лучше, между людьми, какъ мы съ вами, въ случаѣ надобности понимаютъ другъ друга на полусловѣ.

— Въ такомъ случаѣ, любезнѣйшій командиръ, гдѣ причина того, что̀, обращаясь къ вамъ, я могу называть васъ такъ, какъ я васъ называлъ?

— То есть какъ?

— Я назвалъ васъ—любезнѣйшій... командиръ.

— Совершенно вѣрно—таково мое положеніе.

— Вотъ это-то именно меня и удивляетъ.

— Въ такомъ случаѣ это не только деликатный вопросъ, но квинтэссенція самой деликатности.

— А между тѣмъ, что проще,—замѣтилъ Лорисъ съ оттѣнкомъ горечи... Я пораженъ, что въ такое время одинъ изъ Тремовиль можетъ носить эполеты...

Тремовиля передернуло, но онъ проговорилъ совершенно спокойно:

— Прошу васъ, объяснитесь совершенно откровенно.

— Такъ слушайте же,—началъ Лорисъ:—я пораженъ, что графъ Тремовиль, который пользовался довѣріемъ, скажу больше, дружбою короля, не сломалъ своей шпаги... Сегодня утромъ я узналъ, что четвертый корпусъ арміи Бонапарта на обсерваціонномъ пунктѣ недалеко отъ границы, и что было отдано приказаніе офицерамъ и отряду, вызванному въ Парижъ для этого маскарада Champ du Mars, немедленно присоединиться къ нему... Вѣрно ли это?..

— Совершенно... Продолжайте...

Лорисъ слегка покраснѣлъ, что съ нимъ бывало всегда, когда онъ не желалъ блѣднѣть:

— Я не считаю себя въ правѣ осуждать, ни даже оспаривать поступковъ де Бурмона, генералъ-лейтенанта короля, нынѣ состоящаго на службѣ у господина съ Корсики... Онъ принялъ отъ Банапарта генеральскій чинъ, и, я помню, его величество не вмѣнилъ этого ему въ вину. Но то, что онъ еще разъ переступилъ порогъ Тюльери, когда имъ завладѣла шайка революціонеровъ, что онъ рѣшается идти съ оружіемъ въ рукахъ противъ нашихъ союзниковъ, противъ нашихъ друзей, защитниковъ короля,—вотъ этого я не въ состояніи понять? Какъ можете вы связываться съ такимъ сбродомъ, рискуя сражаться рядомъ съ Неемъ, съ этимъ измѣнникомъ изъ измѣнниковъ, и со многими другими въ этомъ же родѣ, которымъ предстоитъ быть разстрѣленными?... Откровенно говоря, графъ, вы, который знаете мои взгляды, знаете мои чувства преданности къ нашимъ королямъ, конечно, не удивитесь, что въ данную минуту у меня нѣтъ охоты чокаться стаканомъ съ такимъ... забывчивымъ человѣкомъ.

Хорошо было это смягченное выраженіе. Тремовиль былъ нѣсколькими годами старше Лориса. У него была одна изъ тѣхъ физіономій, которыя не подкупаютъ — низкій лобъ, маленькіе глаза щелками, блѣдныя губы. Онъ улыбаясь выслушалъ молодаго человѣка, который, очевидно, старался быть все время вѣжливымъ.

— Милѣйшій Лорисъ, — началъ онъ: — не удивляюсь вамъ, я самъ задавалъ себѣ вашъ вопросъ.

— Будетъ ли нескромно спросить, что вы себѣ на него отвѣтили?

— Я не навижу и презираю этого узурпатора совершенно такъ же, какъ вы его ненавидите и презираете.

— И вы ему служите?

— Я служу де-Бурмону.

— Который исполняетъ приказанія Наполеона.

— Почему вы это знаете?

Эти реплики перекрещивались, точно дуэль на словахъ.

— Вы еще молоды, виконтъ,—продолжалъ Тремовиль покровительственнымъ тономъ:—и вы судите о людяхъ и о вещахъ со всѣмъ пыломъ юнаго сердца... Какъ вы сами только что сказали, графъ Шень де Бурмонъ достаточно далъ доказательствъ своей честности, чтобы мы дерзали его обвинять... Король—лучшій судья своихъ слугъ, и я смѣю васъ увѣрить, что его величество разрѣшилъ де-Бурмону сохранить его постъ въ арміи.

— Для того, чтобы де-Бурмонъ, содѣйствуя счастью Наполеона, предалъ Францію въ руки этой преступной шайки... Король обманутъ!—съ жаромъ воскликнулъ Лорисъ.

— Это ваша вѣрность?—спросилъ Тремовиль строго.—Вы забываете, что у старой Франціи есть своя аксіома: «Король всегда правъ». Совѣтую вамъ, другъ мой, не выдумывать себѣ напрасныхъ тревогъ; то, что сегодня кажется не объяснимымъ, будетъ понятнымъ завтра.

Лорисъ вспылилъ было:

— Но вы, по крайней мѣрѣ, не отречетесь отъ того, что, если Бонапартъ окажется побѣдителемъ, что вы и друзья ваши, которые вели себя такъ же странно, какъ вы, содѣйствовали его тріумфу, т. е. погибели всѣхъ нашихъ надеждъ? Вы приговорили вашего короля къ изгнанію.

Тремовиль нахмурился:

— Вы упорны въ вашихъ подозрѣніяхъ. Позвольте мнѣ, не смотря на всю мою дружбу къ вамъ, на все уваженіе, какое я къ вамъ питаю, не вторгаться въ святая святыхъ вашей души. Я вижу, что совершенно напрасно остановилъ васъ, имѣя въ виду передать вамъ одно предложеніе.

— Предложеніе? Мнѣ? Отъ имени кого?

— Зачѣмъ вамъ знать это, разъ, что мое предложеніе не можетъ быть принято.

— Отчего вы такъ думаете?

— Одно только слово.

И Тремовиль протянулъ ему руку черезъ столъ:

— Считаете ли вы меня, не смотря на всю вашу строгость, за человѣка, неспособнаго на подлость?

— Конечно.

И Лорисъ незамѣтно для самого себя вложилъ свою руку въ руку Тремовиля, который ее крѣпко пожалъ. Лорисъ слегка вскрикнулъ:

— Я вамъ сдѣлалъ больно?—съ безпокойствомъ спросилъ Тремовиль.

— Пустяки. Царапина, которую я получилъ сегодня въ плечо и которая еще не перевязана.

— Дуэль?

— Нѣтъ, маленькая стычка... съ одимъ нахаломъ, который вздумалъ нанесть оскорбленіе одной прелестной, молодой дѣвушкѣ — я его проучилъ немножко.

— А! странствующій рыцарь... съ вѣчно обнаженною шпагою за дамъ... Что бы сказала нѣкая маркиза, не хочу называть ее, если бы она узнала объ этомъ храбромъ подвигѣ...

— Глупомъ подвигѣ—я уже раскаяваюсь, что вмѣшался въ эту исторію.

И въ двухъ словахъ онъ разсказалъ ее. Тремовиль разсмѣялся.

— И вы еще упрекаете насъ... что мы служимъ Бонапарту, а вы сами-то, несговорчивый, являетесь защитникомъ Ребеспьерова отродья. Признаюсь, виконтъ, вы попали еще въ лучшую компанію, чѣмъ мы.

Лорисъ снова покраснѣлъ, ему не понравилось, что о Марсели, которой онъ ни разу не назвалъ, говорятъ такъ грубо:

— Не будемъ объ этомъ говорить,—сказалъ онъ:—и чтобы искупить мою вину, я готовъ смиренно выслушать то, что вы собирались мнѣ сообщить.

— Слава Богу. Вотъ въ чемъ дѣло, любезный другъ. Какъ вы знаете, немедленно послѣ этой комедіи Champ de Mai мы должны отправиться въ дорогу, чтобы присоединиться къ де-Бурмону?

— Неужели вы будете присутствооать на томъ, что вы сами назвали комедіею?

Тремовиль усмѣхнулся.

— Намъ приказано, мой милый, и, какъ вы знаете, солдатъ не разсуждаетъ. Мы должны быть на мѣстѣ. Тамъ будетъ маркизъ Трезекъ, баронъ Водеваль, Гитемонъ, однимъ словомъ, все ваши друзья; только одинъ не явится на призывъ.

— Вѣроятно, кто нибудь, кто раздѣляетъ мои взгляды, кто одумался.

— Нѣтъ... Онъ не явится потому, что умеръ.

— Кто такой?

— Де-Шамбоа, поручикъ четвертой роты.

— Бѣдный малый... храбрецъ.

— Онъ три дня какъ убитъ на дуэли.

— Онъ? Нашъ лучшій боецъ?.. Съ кѣмъ онъ дрался?

— Съ однимъ офицеромъ уланскаго полка.

— Надо отмстить за нашего друга.

— Онъ уже отмщенъ. Сегодня утромъ этотъ офицеръ убитъ.

— Вы дрались съ нимъ?

— Я?—повторилъ Тремовиль, пожимая плечами:—драться съ этимъ якобинцемъ?! Вѣдь это былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ.

— Однако, Шамбоа дрался съ нимъ.

— И совершенно напрасно... всегда можно найдти кого нибудь,

кто бы избилъ или убилъ подобныхъ людей... У насъ какъ разъ былъ подъ рукою вѣрный шуанъ (приверженецъ королевской партіи въ Вандеѣ во время первой французской революціи), который взялся за эту обязанность; я васъ познакомлю съ нимъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ сухо Лорисъ:—съ своими дѣлами я самъ справлюсь.

Очевидно, мало было пунктовъ, на которыхъ бы онъ сходился съ своимъ собесѣдникомъ, и онъ перемѣнилъ разговоръ.

— Я васъ прервалъ... итакъ, Шамбоа умеръ.

— Это вступленіе было необходимо. Итакъ Шамбоа нѣтъ... мы такъ довѣряли ему, мы знали, что во всякую данную минуту его величество могъ разсчитывать на его совершенную преданность, безъ всякихъ разсужденій, что намъ и было дорого. Это необходимо для служащихъ въ корпусѣ де-Бурмона. Сегодня я видѣлся съ военнымъ министромъ и, по настоятельному требованію нашего генерала, получилъ отъ него бумагу для исправляющаго временно службу поручика: на ней надо только вписать имя... ваше, если хотите.

И, вынувъ изъ кармана листъ бумаги съ какимъ-то бланкомъ, Тремовиль поднесъ его молодому человѣку, котораго передернуло.

— Вы хотите,—началъ онъ медленно:—чтобы я отрекся отъ всѣхъ привитыхъ мнѣ смолоду взглядовъ, отъ всѣхъ традицій моихъ предковъ, чтобы я, виконтъ Лорисъ, пошелъ на содержаніе къ узурпатору?

— Мсьё Лорисъ,—проговорилъ серьезно Тремовиль,—отецъ Трезека умеръ въ Нантѣ на эшафотѣ. Отецъ Водеваля былъ вмѣстѣ съ Кадудалемъ казненъ на площади de la Grève, Гишемонъ еще мѣсяцъ назадъ дрался въ Вандеѣ. Я, графъ де-Тремовиль, десять лѣтъ назадъ, въ 1805 году, содѣйствовалъ бѣгству де-Бурмона, когда онъ былъ задержанъ Бонапартомъ и дрался съ десятью жандармами, которые были посланы за нимъ въ погоню. Кажется, мы всѣ не такъ плохи, чтобы вы, находясь среди насъ, очутились не въ своемъ обществѣ...

Лорисъ ударилъ кулакомъ по столу:

— Ни за что! Никогда! Какъ ни прекрасны, можетъ быть, мотивы, руководящіе вами, я ихъ не понимаю и не имѣю духа вамъ подражать. Я не умѣю одновременно любить и ненавидѣть... Я не хочу подвергать себя возможности драться противъ нашихъ союзниковъ, противъ короля... и я не продамъ моей шпаги.

— Вы хотите сказать этимъ, что мы себя продали?—спросилъ Тремовиль, подымаясь съ своего мѣста.

Лорисъ жестомъ уговорилъ его сѣсть.

— Простите мою невольную рѣзкость, я не умѣю притворяться. Ваше предложеніе задѣло меня за живое, прошу васъ, не настаивайте на немъ. Но я бы не желалъ, чтобы мой отказъ былъ по-

водомъ малѣйшаго недоразумѣнія между нами. Протянемъ другъ другу руку... и будемъ каждый дѣлать дѣло посвоему... Я еще самъ не знаю хорошенько, за что я примусь, но только повѣрьте, что не буду бездѣйствовать. Вы сказали,—я молодъ. Да, я молодъ. Я чувствую въ себѣ большой запасъ силъ, и я хочу ихъ употребить на пользу моему королю, на погибель тѣхъ, кто у него похитилъ тронъ, кто попралъ все, что для меня дорого и свято. Солдатъ Бонапарта... жертвующій жизнью за него!

И онъ нервически расхохотался.

Тремовиль слушалъ его со вниманіемъ.

— Мы не понимаемъ другъ друга,—проговорилъ онъ и остановился, точно удерживая слова, готовыя сорваться съ устъ. Затѣмъ онъ продолжалъ шутливо:—Не будемъ говорить объ этомъ. Я надѣялся сообщить нашимъ друзьямъ добрую вѣсть—завербовать вѣрнаго товарища, чтобы замѣнить того, котораго мы лишились... Но я отказываюсь отъ этого. Одно только—пусть это все останется между нами. Меня закидаютъ просьбами: многіе, вѣроятно, зорче васъ... но мы будемъ выбирать... да и почемъ знать, послѣднее ли это ваше слово.

И, не дожидаясь новаго протеста со стороны молодаго человѣка, Тремовиль сказалъ:

— Мы, вѣроятно, увидимся сегодня вечеромъ у г-жи де-Люсьенъ.

— Надѣюсь, что я буду имѣть возможность явиться сегодня къ маркизѣ. Я, можетъ быть, пріѣду попозже,—прибавилъ Лорисъ, слегка покраснѣвъ при этой лжи: онъ зналъ, что его ожидали раньше всѣхъ другихъ, ненужныхъ гостей, къ числу которыхъ принадлежалъ и Тремовиль.—И вы меня успокоите, что вы на меня не сердитесь.

— Сохрани меня Богъ! Значитъ, до свиданья, милый другъ.

— До вечера. Пожалуйста, чтобы та глупая исторія осталась въ тайнѣ...

— Будьте спокойны... Не забудьте, всетаки, про вашу царапину.

И оба джентельмена разстались.

— Славный малый,—пробормоталъ Тремовиль уходя:—глуповатъ только... Какъ будто его просили драться за Бонапарта. Очевидно, Лорисъ не понялъ.

III.

Возвратясь во Францію въ 1814 году, послѣ отреченія Наполеона, 22-лѣтней вдовой старика, за котораго она вышла при вѣнскомъ дворѣ ради аристократическихъ соображеній и который не имѣлъ счастья ввести ее во дворецъ Тюльери, маркиза Регина де-Люсьенъ Сейгеръ заняла свое мѣсто въ большомъ свѣтѣ Парижа.

Она происходила изъ древней и гордившейся своимъ родомъ фамиліи нижней Вандеи les Sallestaines. Ея отецъ, послѣдній герцогъ, былъ разстрѣлянъ у де-ла-Рошжакленъ. Бертранда де-Шамплето, мать ея, съ ней, малюткой, на рукахъ, простилась съ умирающимъ сыномъ на полѣ битвы Киберонъ и отплыла въ Англію.

Регина, дважды окрещенная этимъ двойнымъ крещеньемъ крови, росла за границею и сохранила въ своемъ сердцѣ ребенка, а потомъ молодой дѣвушки неприкосновенными традиціи своего рода, глубокую ненависть къ этой Франціи, которая издалека являлась ей точно сквозь красное покрывало отданной въ руки разбойничьихъ шаекъ, предводители которыхъ, если и назывались разными именами Робеспьера, Барраса, Наполеона, тѣмъ не менѣе, всѣ они, по ея мнѣнію, были воплощеніемъ того же дьявола, и въ своихъ молитвахъ она призывала на нихъ гнѣвъ Божій.

Съ сильно развитымъ воображеніемъ, страстная по природѣ, отъ постоянныхъ разочарованій въ надеждахъ, которыми поддерживали себя всѣ эмигранты,—эти свойства ея натуры еще болѣе окрѣпли, и какъ только маркиза Регина вступила въ возростъ сознанія, она посвятила себя служенію королю и его интересамъ, какъ другіе посвящаютъ себя Богу. Восемнадцати лѣтъ, подъ вліяніемъ увлеченія спасать,—увлеченія, породившаго такіе типы, какъ Шарлотта Корде, Жанна д'Аркъ,—она была уже центромъ всѣхъ заговоровъ противъ правительства, она была въ сношеніяхъ со всѣми дѣятелями будущей Реставраціи, такими, какъ, напримѣръ, Пюизе, Буильонъ, Прижанъ. Предоставляя въ распоряженіе партіи свое громадное состояніе, которое она получила въ наслѣдство отъ матери, она поступала, какъ настоящая героиня, отказавшаяся отъ всѣхъ радостей женской жизни, не поддающаяся ни на какую лесть, относящаяся съ презрѣніемъ къ банальному ухаживанью, обладающая иногда поистинѣ геніальностью дипломата, умѣвшая подкрѣпить падающихъ духомъ послѣ неудачи, пробуждавшая дремлющую энергію, ускоряющая слишкомъ долгую нерѣшительность и отвѣчавшая на всѣ осужденія строгимъ девизомъ ея рода:

Non sibi, sed regi!

И дѣйствительно, она не принадлежала себѣ, она отдала себя всю. Ея роялизмъ былъ для нея той же религіею; эти два слова: Богъ и король, сливались для нея въ одно понятіе.

Между тѣмъ, она не была амазонкою—это была настоящая женщина въ полномъ смыслѣ этого слова, съ чистою, непорочною душою.

Если она согласилась носить титулъ и имя своего мужа де-Люсьенъ, стараго развратнаго подагрика-милліонера, перебывавшаго при всѣхъ дворахъ, то единственно для того, чтобы быть свободной, независимой.

Непорочная тѣломъ и сердцемъ, она отдавала себя всю своей миссіи, какъ кармелитка посвящаетъ свою красу Богу; она отдавала всѣ свои стремленія, всю энергію своей полной жизни молодости.

Она встрѣтилась съ виконтомъ де-Лорисъ незадолго до французской кампаніи.

Она была тогда уже годъ вдовою. Наивная страсть молодаго человѣка, соединеніе роялистскаго мистицизма и сантиментальнаго платонизма охватило ее, тронуло, увлекло. Въ немъ она нашла собрата по оружію, товарища миссіонера, рыцаря безъ страха и упрека, готоваго драться за нее до послѣдней капли крови.

Они полюбили другъ друга, но какъ любятъ другъ друга два солдата, идущіе вмѣстѣ на битву, радуясь умереть въ объятіяхъ другъ друга. Ихъ соединяло нѣчто, что въ своемъ страстномъ невѣдѣніи они считали сильнѣе любви; между ними былъ заключенъ тайный, таинственный договоръ, и изліянія ихъ не казались имъ опасными: въ нихъ было столько отвлеченныхъ мечтаній и такъ мало дѣйствительности.

Это было полнѣйшее отреченіе всякихъ эгоистическихъ помысловъ: есть годы, когда въ подобномъ безуміи видится счастье.

— Да, я васъ люблю,—говорила Регина:—люблю васъ свято; моя душа навсегда принадлежитъ вамъ. Въ тотъ день, когда долгъ нашъ будетъ выполненъ, я, гордясь собою и вами, стану вашей женой.

И онъ въ благоговѣйной непорочности молодости согласился на этотъ договоръ, вѣря, какъ и она, что онъ его не нарушитъ; съ сладкой болью бравируя опасностью, жилъ общею жизнью, перенося искушенія, какъ мученики переносили пытки, умѣряя съ героическою беззаботностью огонь въ крови, которому суждено было запылать только на алтарѣ воскресшаго королевскаго достоинства.

Повременамъ у него въ душѣ поднимались протесты, но онъ тщательно скрывалъ это: онъ любилъ Регину со всею страстью своихъ 25 лѣтъ, со всею непоколебимою вѣрностью. Повременамъ завѣса, которой они сами себя отдѣляли, отдергивалась, и она являлась ему въ настоящемъ свѣтѣ—женщиной, молодой, прекрасной, внушающей страсть... но вотъ она глядитъ на него, и въ ея глазахъ ничего, кромѣ преданности, экзальтаціи до мученичества.

Слова просились на его уста, но она поднимала на него свой взоръ, и въ глубинѣ ея голубыхъ глазъ онъ видѣлъ свѣтъ лучей точно освѣщеннаго лампадою алтаря, и онъ молчалъ, опускался на колѣни и благоговѣйно цѣловалъ подолъ ея платья.

Дѣло въ томъ, что въ этой реальной борьбѣ женщины съ цѣлымъ обществомъ было дѣйствительное величіе. Наполеонъ, при всемъ своемъ недовѣріи, не зналъ этого противника, быть можетъ, самаго опаснаго, потому что онъ былъ самый таинственный.

До сихъ поръ у нея не было минутъ слабости, она не признавала никакихъ опасностей. Не блѣднѣя, она взошла бы на эшафотъ вмѣстѣ съ побѣжденнымъ заговорщикомъ. Почемъ знать, можетъ быть, она вонзила бы кинжалъ прямо въ сердце разоблаченнаго измѣнника?

Отважная, она нисколько не заботилась о своей репутаціи: она знала, что всѣ считали Лориса за ея любовника. Но она знала, что это неправда,—какое же ей дѣло до всего остальнаго? Она себя достаточно высоко цѣнила, чтобы заставить другихъ ее уважать, и она умѣла заставить опускать глаза самыхъ смѣлыхъ.

Только одинъ рѣшился сказать про нее:

— Красивая m-me де-Люсьенъ—Жанна д'Аркъ, которая сгоритъ раньше костра.

Правда, что этотъ одинъ былъ Людовикъ XVIII, который, можетъ быть, зналъ женщинъ лучше, чѣмъ политику.

На это она только улыбнулась: ея любовь къ Лорису, дѣйствительно искренняя, была для нея защитою, тѣмъ довѣріемъ, которое онъ ей внушалъ: увѣренная въ немъ, она вѣрила въ себя.

Когда событіе 20-го марта въ нѣсколько часовъ разрушило трудъ всей ея жизни, у нея не было ни одной минуты отчаянія или нерѣшительности: она одобряла короля, что онъ не дожидался узурпатора на порогѣ своего дворца. Не ему было умирать солдатомъ.

Она осталась въ Парижѣ, не взирая на возможность изгнанія, смерти, тюрьмы, желая видѣть непріятеля въ лицо, воочію. Быть можетъ, ея женское самолюбіе было задѣто равнодушіемъ деспота; занятый другими дѣлами, онъ предоставилъ Фуше заботу о ея безопасности, а герцогу Отрантскому, который принималъ участіе во всѣхъ интригахъ, даже въ тѣхъ, которыя замышлялись противъ него,—маркиза не была неизвѣстна. Ее не мѣшало имѣть въ Парижѣ, какъ де-Витроля въ Венсенѣ.

Она занимала отель на окраинѣ Парижа, въ концѣ улицы de l'Université. Ея паркъ тянулся до эспланады Инвалидовъ. Она жила одна, съ компаньонкой и слугами; ея домъ былъ центромъ, куда стремились всѣ воинствующія надежды.

Въ этотъ день, т. е. наканунѣ Champ de Mai, m-me де-Люсьенъ сидѣла въ маленькомъ салонѣ нижняго этажа, выходящаго въ садъ, изъ котораго въ открытыя двери врывалось благоуханіе цвѣтовъ и распространялось по всему дому; облокотясь на лаковое бюро, она читала письма, полученныя изъ-за границы.

Коалиція не разоружилась, напротивъ, она напрягала послѣднія усилія. Наполеонъ не признавался Европой, его лазутчики задерживались на границахъ; на его письма, на его примирительныя обращенія, на всѣ его предложенія отвѣта не было; онъ былъ, но его какъ будто не существовало.

Странная и вмѣстѣ съ тѣмъ плачевная минута нашей исторіи,

всеобщее проклятіе, напоминающее собою отлученіе отъ церкви въ средніе вѣка, проклятіе, которое находило себѣ отголосокъ во всѣхъ сердцахъ, во всѣхъ умахъ сознающихъ императорскій деспотизмъ, и только истинная Франція, великодушная къ тому, кто поставилъ ее внѣ законовъ націй.

Что могло сравниться съ этимъ поразительнымъ, раздирающимъ сердце символомъ тревогъ, которыя внесло въ душу всѣхъ это непомѣрное честолюбіе, эта молодая, прелестная женщина, которая была рождена для жизни, для любви, отдающаяся со страстью изученію всѣхъ средствъ къ низверженію этого вымышленнаго героя, хотя бы цѣною погибели отечества!

Въ настоящую минуту Регина де-Люсьенъ была всецѣло во власти демона интриги, которому она отдалась.

Она была поразительно хороша: на ней было платье изъ легкаго сукна съ длинною таліею, вопреки имперскимъ модамъ, на груди этой женщины-дѣвственницы, которая при малѣйшемъ кокетствѣ внушила бы столько страсти, былъ скромно повязанъ фишю à la Шарлотта Корде, а на черныхъ, роскошныхъ волосахъ, убранныхъ короною, на которыхъ такъ кстати были бы брилліанты, былъ надѣтъ чепчикъ Маріи Антуанетты,—да, Регина была удивительно красива и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было что-то странное. Красивы были ея большіе голубые глаза, ея красныя молодыя губы, ея тонкій, съ маленькой горбинкой носъ, оваль ея лица съ нѣжной, блѣдно-розовой кожей.

Поражалъ въ ней ея видъ величія, и это было въ ней не притворно: вѣдь она была единственная въ своемъ родѣ. Ее точно озаряли какіе-то лучи, придавая особую бѣлизну ея высокому лбу, ея довольно длинной шеѣ, ея изящнымъ рукамъ маркизы.

Какъ могло случиться, что эта женщина, каждое движеніе, каждый взглядъ которой дышали страстью, реальною, человѣческою, живою, должна была замкнуться въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, въ которомъ она, безъ сомнѣнія, задыхалась?

Ни одно существо не могло олицетворять собою лучше идеала любовницы, супруги, матери, а она не была ни любовницею, ни супругою, ни матерью: она вся была поглощена честолюбивыми замыслами, и между тѣмъ честолюбіе не было ея свойствомъ.

Тревожныя времена порождаютъ подобныя аномаліи.

Она вдругъ приподняла голову; раздался наружный звонокъ; кто-то пришелъ. Она медленно встала и, держась за бюро, смотрѣла на дверь.

Вошла горничная и подала ей визитную карточку.

Она прочитала имя, странно улыбнулась и велѣла принять.

Вошелъ маленькій, худенькій, тщедушный человѣчекъ, до того худой, что, казалось, онъ могъ пролѣзть во всякую щелку, пробраться во всякую, самую плотную толпу.

Онъ вошелъ неслышною поступью, онъ былъ не замѣтенъ на сѣромъ фонѣ обоевъ.

Онъ почтительно поклонился маркизѣ.

Она смотрѣла на этого человѣка съ невольнымъ выраженіемъ презрѣнія.

— Васъ зовутъ мсьё Бодюсъ?—спросила она.

Опять поклонъ.

— Вы явились отъ имени...

— Герцога Отрантскаго.

— Никто не видалъ, какъ вы вошли?

Маленькій человѣчекъ улыбнулся.

— Меня никогда никто не видитъ.

— Разсчитываете ли вы на успѣхъ?

— Успѣхъ за нами...

Регина вздрогнула.

— Вы добыли бумаги?

— Онѣ у меня.

— Какимъ образомъ вы ихъ добыли?

— Маркиза непремѣнно желаетъ это знать?

— Женское любопытство... да, я бы желала это знать.

— Неужели вы считали это дѣломъ труднымъ?

— На столько труднымъ, что я до сихъ поръ не вполнѣ вѣрю. Трудно себѣ представить, чтобы узурпаторъ былъ на столько неосторожнымъ, чтобы такія важныя бумаги могли быть у него похищены.

— Похищены? О, это слово не примѣнимо въ политикѣ.

— Ну, скажемъ, взяты на время, если это вамъ болѣе по вкусу.

— И это не вѣрно... Наполеонъ диктуетъ... Вмѣсто двухъ ушей его слушаютъ четыре уха, вмѣсто одной руки пишутъ двѣ... Вся суть—помѣстить въ вѣрное мѣсто вторую руку и вторую пару ушей.

— Значитъ, это прямо со словъ...

— Его величества, эти замѣтки записаны съ его словъ.

Маркиза протянула руку.

— Вручите мнѣ ихъ.

Маленькій человѣчекъ не двигался.

— Что за нерѣшительность... Развѣ вамъ не приказано довѣриться мнѣ?

— Такъ точно, маркиза, но у насъ есть свои правила.

— Я не понимаю.

— Маркизѣ, вѣроятно, небезъизвѣстно, что такъ часто говорится о словахъ и о томъ, что написано.

— Это значитъ?

— Если маркизѣ будетъ угодно, я буду имѣть честь ей продиктовать то, что было продиктовано.

Регина улыбнулась. Она привыкла къ таинственности въ обращеніи и не была въ претензіи, что къ ней относились въ данную минуту съ подозрительною осторожностью.

Во всякомъ заговорщикѣ есть доля ребячества. Мракъ, въ который облекается всякій шагъ, придаетъ большее значеніе самому дѣянію и большее величіе цѣли.

— Согласна, Фуше—вѣдь повелитель.

— Мой, маркиза, и я только повинуюсь ему.

— Въ такомъ случаѣ диктуйте.

Она сѣла къ конторкѣ и взялась за перо.

Бодюсъ, этотъ повѣренный министра полиціи, преданный ему человѣкъ, помогающій ему плести тѣ сѣти, которыми онъ обматывалъ своихъ противниковъ и въ которыя онъ самъ никогда не попадался, сталъ читать вслухъ, останавливаясь по временамъ, давая маркизѣ время записывать, и такимъ образомъ онъ прочиталъ двѣ страницы замѣтокъ... ясный, подробный планъ сраженія, которое должно было состояться черезъ нѣсколько дней.

Это была величайшая измѣна во всемъ ея цинизмѣ, очевидная ея цѣль, вполнѣ несомнѣнная, помѣшать этимъ намѣреніямъ въ ущербъ Франціи, въ пользу иностранныхъ державъ.

Безсознательность этой женщины была такова, что слушая она улыбалась, отмѣчая кивкомъ головы самыя важныя детали.

— Все та же система,—прошептала она:—Наполеонъ надѣется разъединить своихъ враговъ и разбивать ихъ по очереди одного за другимъ. По счастью, они успѣютъ соединиться.

— Это все?—спросила она, когда Бодюсъ остановился.

— Да, маркиза. Теперь позвольте мнѣ спросить васъ, какое вамъ будетъ угодно сдѣлать употребленіе изъ этихъ записокъ?

— Не имѣете ли вы тоже намѣренія записать это подъ мою диктовку?

— Нѣтъ, маркиза, но я считаю долгомъ васъ предупредить, что весьма опасно хранить эти документы у себя, чьей бы рукой они ни были написаны, и, что въ такія времена, какія мы переживаемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду хотя бы обыскъ.

— Обыскъ? Неужели Фуше осмѣлится?

— Герцогъ Отрантскій не смѣетъ ничего сдѣлать безъ своего главы, но если ему прикажутъ, онъ повинуется.

— Развѣ я на подозрѣніи?

— Почемъ знать!

— Мы здѣсь съ вами вдвоемъ. Кто же можетъ меня выдать?

— Аксіома,—отвѣтилъ Бодюсъ:—тамъ, гдѣ двое, тамъ и третій.

— Хорошо. Я приму нужныя предосторожности, будьте покойны.

Она выдвинула ящикъ и вынула изъ него кошелекъ, сквозь петли котораго виднѣлось золото и подала его Бодюсу, который попятился назадъ и, кланяясь, тихо проговорилъ:

— Мы трудимся изъ чести, маркиза.

Этотъ дьяволъ проговорилъ это съ оттѣнкомъ скрытой ироніи.

Съ видимымъ раздраженіемъ маркиза бросила кошелекъ назадъ, въ ящикъ.

Затѣмъ она позвонила и приказала проводить посѣтителя.

Онъ вышелъ.

Когда Регина осталась одна, она нѣсколько минутъ пробыла неподвижною.

У самыхъ увѣренныхъ въ себѣ людей бываютъ минуты мрачнаго упадка силъ, когда надъ ними точно витаетъ непризнаваемое ими правосудіе.

Вечерѣло. Подойдя къ окну, Регина стала перечитывать документъ; ея воображенію представлялась Франція умирающею, уничтоженною.

— Вѣдь это же не Франція, это Наполеонъ!

Она вернулась къ своему бюро и снова позвонила.

— Когда пріѣдетъ виконтъ,—сказала она:—вы его проводите въ мою молельню. Это не все, я ожидаю еще одного господина, съ виду похожаго на солдата; чтобы вы его признали, онъ вамъ покажетъ бѣлую кокарду; его вы проведете сюда.

Когда дверь закрылась, маркиза принялась водить своимъ точенымъ пальчикомъ по плану, изучая ходы армій, которыя должны были встрѣтиться на фламандской границѣ.

IV.

Молча, не прося сторониться, катясь какъ бомба между столами и посѣтителями, опрокинувъ по пути самого хозяина Лоріо, содержателя кофейной, который инстинктивно хотѣлъ его задержать, капитанъ Лавердьеръ добрался до двери около выручки, открылъ ее и очутился въ маленькомъ дворѣ; перебравшись черезъ массу пустыхъ бочекъ, онъ перелѣзъ черезъ стѣну и въ концѣ концовъ очутился въ глухомъ переулкѣ Saint-Pierre среди цѣлой груды экипажей всякихъ размѣровъ и формъ, скученныхъ тамъ въ ожиданіи, когда они потребуются почтарямъ и путешественникамъ. Это былъ задній дворъ почтовой станціи. Для передышки и чтобы прійдти въ себя, Лавердьеръ открылъ одну изъ каретъ и растянулся на подушкѣ.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ онъ:—не узнаю себя! Какой-то волокита вызываетъ меня, и я, который никогда въ жизни не промахивался, вдругъ раскисъ, точно ученикъ десятаго сорта, и изъ-за какихъ-то мужицкихъ криковъ и изъ-за нѣсколькихъ кулаковъ, направленныхъ на меня, я вдругъ теряю голову... Обуялъ меня страхъ, нечего сказать... Меня-то страхъ!!

Онъ подумалъ съ минуту.

— Непонятное дѣло,—продолжалъ онъ:—никогда я еще ничего не боялся. Сегодня утромъ я убилъ того молодца. Разъ, два, дѣло было сдѣлано. Этотъ проклятый якобинецъ такъ и повалился, не вздохнувъ.

Онъ вздрогнулъ.

— Я вру самому себѣ... Къ чему?.. Онъ успѣлъ даже сказать мнѣ... Не люблю я повторять то, что онъ мнѣ сказалъ: «Это убійство принесетъ вамъ несчастье!» Какое же убійство? Вѣдь это же былъ поединокъ... Тогда я, небось, не раскисъ... Принесетъ мнѣ несчастье!.. Вотъ вздоръ какой!.. А между тѣмъ его предсказаніе мнѣ не понравилось. Мнѣ давно прежде предсказывали, что я умру отъ руки того, кого буду любить. Вотъ отчего я никогда никого не любилъ, такъ дѣло-то вѣрнѣе.

Онъ растянулся на скамейкѣ такъ, что его невозможно было замѣтить снаружи. Онъ все продолжалъ твердить:

— Принесетъ мнѣ несчастье! Да за что же въ самомъ дѣлѣ? Я исполнилъ службу... я солдатъ... я отстаиваю мои убѣжденія, какъ умѣю... Я не зналъ этого человѣка, слѣдовательно, я убилъ его не изъ ненависти. Я былъ орудіемъ высшей цѣли... Это не помѣшало мнѣ, однако, чуть не быть проткнутымъ насквозь, подобно простому зайцу... Мастеръ своего дѣла—этотъ виконтъ... какъ его дальше!.. И потомъ глаза этой дѣвчонки жгли мнѣ лице... хорошенькая... и кромѣ того...

Онъ внезапно остановился.

— Странно! Это лице точно мнѣ напоминаетъ кого-то... Но кого? Самъ не знаю... Я точно впадаю въ дѣтство... Кажется, я еще не разслабъ: у меня и ноги ходятъ, и глаза видятъ; вѣдь это не случайность—неужели изъ-за нея я буду убиваться... Положимъ, правда, этотъ утренній эпизодъ принесъ мнѣ несчастье... но уже несчастье случилось... это дѣло уже прошлое... теперь только бы выбраться отсюда. Не желалъ бы я никакихъ встрѣчъ въ настоящую минуту. Послѣ дождя надо сперва пообсохнуть. Ужъ отсюда-то выберусь... Что касается до пріятелей, которыхъ я раздобылъ на порогѣ дилижанса... Я знаю, гдѣ мнѣ ихъ искать. А теперь побольше спокойствія, и не то бывало...

Капитанъ приподнялся вполовину, опустивъ ноги на дно кареты. Онъ вытянулъ шею къ окну, заглянулъ въ другое и ужъ собирался взяться за ручку дверей, какъ вдругъ услыхалъ голоса.

Это было за повозкой; говорили тихо.

Капитанъ навострилъ уши.

— Хорошо ли ты понялъ?—спрашивалъ кто-то.—Въ десять часовъ на углу улицы Eperon, низенькій домъ... Шесть ударовъ въ дверь съ промежутками черезъ каждые два удара. Повтори мнѣ пароль...

— Pro virtute!..

— Тебѣ отвѣтятъ... Pro patria!

— Значитъ рѣшено... И ты увѣренъ въ людяхъ, которыхъ мы тамъ встрѣтимъ?

— Какъ въ тобѣ...

— Не попадется шпіоновъ?

— Приняты всѣ предосторожности. Условный знакъ мѣняется каждую недѣлю. Сегодня вечеромъ, какъ ты знаешь, правая рука кладется ладонью на лѣвое плечо... и маска... Какъ ни хитры полицейскіе Бонапарта...

— Браво! Дай Богъ, чтобы республика...

Трое людей прошли удаляясь, ихъ голоса скоро превратились въ шепотъ. Лавердьеръ не шевелился, онъ былъ не изъ тѣхъ, который помѣшалъ бы разговору людей, разсчитывавшихъ, что ихъ никто не слышитъ за этими безмолвными экипажами-укрывателями.

Нечего прибавлять, что онъ не проронилъ ни одного слова изъ слышаннаго разговора.

— Какъ видно,—промычалъ онъ:—счастье опять повернуло ко мнѣ. Заговоръ, тайное общество, да еще республиканское... Я знаю, кто мнѣ заплатитъ за эти свѣдѣнія. Только бы ничего не перезабыть.

Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ:

— Адресъ: на углу улицы Eperon. Прекрасно. Пароль полатыни. Да будь я проклятъ: фразеологія à la Робеспьеръ. Да, я чуть не забылъ... условный знакъ: правая рука на лѣвое плечо.

Онъ это продѣлалъ.

— Совсѣмъ просто. По вашему, полиція не можетъ знать всѣхъ этихъ подробностей. Это—смотря по тому, о какой полиціи вы говорите, господа мои. Теперь сытный обѣдъ съ нѣсколькими бутылками вина, чтобы себя уравновѣсить, и затѣмъ отрапортуемъ. Полковница останется довольна.

На этотъ разъ ничто не помѣшало ему вылѣзть изъ кареты, онъ пробрался черезъ сарай съ экипажами, наткнулся въ немъ на маленькую дверь, которую открылъ, толкнувъ ее, и въ концѣ концовъ вышелъ на улицу Montmartre. Онъ выпрямился во весь ростъ, втягивая въ себя воздухъ. Его дурныя впечатлѣнія начинали сглаживаться, къ нему вернулась его прежная смѣлость храбреца, съ гордо закинутой головой дерзко оглядывающаго женщинъ, толкающаго прохожихъ.

Онъ направился къ рынку; тамъ на углу улицы du Jour былъ ресторанъ гдѣ, какъ онъ зналъ, хорошо кормили, дешево и въ кредитъ. А когда онъ вышелъ оттуда, простоявъ довольно долго передъ буфетомъ, перепробовавъ всевозможныхъ ликеровъ, потягиваясь больше обыкновеннаго и пощелкивая каблуками, онъ направился въ Сенъ-Жерменское предмѣстье.

Что же это былъ за капитанъ-авантюристъ, смахивающій и на шпіона, и на разбойника?

На это никто бы не съумѣлъ отвѣтить опредѣленно, а тому, кто бы обратился съ подобнымъ вопросомъ къ нему лично, врядъ ли бы поздоровилось.

Его имя? Да не все ли равно, какимъ именемъ его звали? Партіямъ нужны партизанскіе предводители, которые представляли бы изъ себя не что иное, какъ нумера.

Безъ сомнѣнія, ярый роялистъ, такъ какъ онъ прежде дрался въ Вандеѣ, лѣтъ 15 назадъ. Въ сущности не нападалъ ли онъ только на артиллерійскіе фургоны? Не принимались ли имъ подчасъ дилижансы за добычу войны? Затѣмъ онъ иногда внезапно исчезалъ неизвѣстно куда, никто не зналъ, что это были за отлучки. Одно время онъ состоялъ при полиціи у Ровиго. Сегодня онъ являлся болѣе смѣлымъ, храбрымъ, чѣмъ когда либо, готовымъ на рыбную ловлю въ мутной водѣ.

Лихорадочныя эпохи—времена удачи для людей подобнаго сорта: а онъ къ тому же былъ готовъ на все, даже жертвовать своей головой. Онъ разсчитывалъ создать себѣ опредѣленное положеніе внѣ политическихъ или другихъ случайностей, однимъ словомъ, продать себя какъ можно дороже. Ему указали покупателя. Вотъ почему онъ направлялся теперь къ маркизѣ де-Люсьенъ, которую онъ въ насмѣшку называлъ полковницею и которой онъ рѣшился служить съ полною преданностью, на сколько его личные интересы того потребуютъ.

V.

Въ 5 часовъ виконтъ Лорисъ былъ въ отелѣ де-Люсьенъ. Онъ былъ въ странномъ настроеніи духа, сознавая, что утро было неудачное. Дважды въ это утро его сокровенныя чувства были задѣты: первый разъ, когда онъ подъ вліяніемъ безразсуднаго порыва заступился за врага его убѣжденій,—и зачѣмъ только она созналась ему въ этомъ,—а второй разъ, когда къ нему обратились съ предложеніями, которыя онъ считалъ для себя оскорбительными.

Молодость не идетъ на сдѣлки съ совѣстью, въ двадцать лѣтъ сердце ревниво бьется или за любовь, или за ненависть, оно не бываетъ еще развращено разочарованіями, которыя принято называть опытомъ и которыя въ сущности очень часто не что иное, какъ уступка самому отвратительному эгоизму.

У него была потребность какъ можно скорѣе отвести душу съ той, которая была для него олицетвореніемъ его собственной совѣсти, ему нужно было найдти въ ней отголосокъ его собственнаго гнѣва.

Регина встрѣтила его еще съ большею радостью, чѣмъ обыкновенно.

…РЖАНІЕ.

…ЛЬ, 1892 г.

См. слѣд. стр.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.

Съ гравированнаго портрета Райта.

Дозв. ценз. спб., 23 января 1892 г.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ[1].

VI.

ВСПЛЫВАЕТЪ, Малашенька, докапываются! Всплываетъ!

Только эти два слова и могъ произнести Михаилъ Ивановичъ, входя въ спальню жены и бѣгая, какъ угорѣлый, взадъ и впередъ по длинной комнатѣ въ одно окно, заставленной сундуками и тяжелой мебелью.

— Да что всплываетъ-то? До чего докопались-то?— спрашивала у него Маланья Тимоѳеевна, не получая отвѣта.

Она сидѣла на своихъ высоко взбитыхъ пуховикахъ, окруженная безчисленнымъ множествомъ большихъ и маленькихъ подушекъ, покрытая шелковымъ, стеганымъ одѣяломъ, въ ночной кофточкѣ и чепцѣ, одного фасона съ тѣми, что носила супруга Александра Васильевича Воротынцева.

Маланья Тимоѳеевна была очень красива смолоду. У нея до сихъ поръ сохранилась густая, черная и длинная, предлинная коса, прекрасные каріе глаза, такіе блестящіе и пытливые, что тому, на кого она ихъ устремляла съ недоброжелательствомъ, становилось жутко, и если-бъ не худоба да не желтый цвѣтъ кожи, ее можно было бы и теперь назвать красавицей, не смотря на то, что у нея были взрослыя дѣти.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр 7.

Нрава она была властнаго и тѣмъ, кто ей не потрафлялъ, сама не спускала.

Мужъ ее обожалъ, гордился ею и вмѣстѣ со всѣми въ домѣ трепеталъ передъ нею.

Она и сына держала въ такой строгости, что онъ въ каждомъ своемъ поступкѣ долженъ былъ отдавать ей отчетъ. А ужъ про дочь и говорить нечего. Фленушка была нрава робкаго, тихаго и лѣниваго; и хотя вытянуло ее къ семнадцати годамъ съ версту коломенскую, но по уму и развитію она была еще сущимъ ребенкомъ, играла потихоньку отъ матери въ куклы, возилась съ котятами и смотрѣла на необходимость учиться у стараго, пьяненькаго нѣмца играть на клавикордахъ и у мадамы, бывшей модистки, пофранцузски, какъ на тяжкую эпитимію.

Супруга своего Маланья Тимоѳеевна и раньше, когда еще была влюблена въ него, третировала свысока, а ужъ теперь, когда любовь къ нему остыла, она ни во что не ставила его мнѣній, относилась болѣе чѣмъ критически къ его умственнымъ способностямъ и ни въ чемъ не считала себя ему обязанной.

Что баринъ обогатилъ ихъ да дѣтямъ ихъ вольную далъ,—экая важность! То ли онъ еще долженъ былъ для нихъ сдѣлать послѣ тѣхъ услугъ, которыя они ему оказывали!

Ихъ-то, небось, на волю не отпустилъ, въ кабалѣ держитъ.

Разумѣется, если-бъ ея Мишка былъ хоть крошечку посмѣтливѣе да побойчѣе, давно съумѣлъ бы онъ выпросить и эту милость у барина, да что съ такимъ пентюхомъ подѣлаешь! Ужъ она его учитъ-учитъ, какъ съ бариномъ разговаривать, но ничего изъ ея наставленій не выходитъ.

Эхъ, кабы ей посчастливилось съ Александромъ Васильевичемъ хоть разочекъ наединѣ потолковать! Ужъ напѣла бы ему!

Дѣло въ томъ, что, не взирая на благосостояніе, которымъ они пользовались съ семьей, и на то, что всѣ знакомые ихъ за настоящихъ господъ считаютъ (имъ и фамилію дали по тому сельцу, изъ котораго Мишка былъ родомъ,—Гуслятиковы), и не смотря на то, что дѣти ихъ были на пути къ дворянству, сынъ черезъ службу, а дочь черезъ мужа, который будетъ дворянинъ, ужъ это непремѣнно,—не взирая на все это, Маланья Тимоѳеевна была несчастна и по временамъ такъ терзалась, что самая послѣдняя изъ ея же судомоекъ не согласилась бы помѣняться съ нею судьбой.

Не могла она примириться съ мыслью, что они съ мужемъ крѣпостные.

По временамъ она чувствовала къ дѣтямъ своимъ ненависть за то, что они не могутъ понимать ея терзаній и никогда не будутъ испытывать то, что она испытала и что, можетъ быть, ей еще доведется испытать. Вѣдь крѣпостные они съ Мишкой, какъ тамъ ни верти, сколько ни получай доходовъ съ огорода, съ дома да

съ капитала, который она очень практично умѣла пускать въ оборотъ, а все же они крѣпостные господъ Воротынцевыхъ.

Сознаніе этого факта угнетало Маланью Тимоѳеевну. Она отъ него худѣла, томилась, болѣла и тѣломъ и душой. И всѣмъ, кому только могла, отравляла она существованіе непонятными капризами, прихотями и требованіями.

Къ семьѣ барина она относилась еще съ большимъ раздраженіемъ, чѣмъ къ самому барину.

Быть рабой Александра Васильевича она привыкла еще съ тѣхъ поръ, когда крошечной дѣвчонкой бѣгала босикомъ по господской усадьбѣ его прабабки, старой барыни Марѳы Григорьевны. Не она одна, а всѣ тамъ смотрѣли на него, какъ на полновластнаго господина. Примириться же съ мыслью, что и та чужая барышня, которую онъ взялъ себѣ въ супруги, ихъ барыня, и что, умри Александръ Васильевичъ, они отъ нея будутъ зависѣть или, что еще хуже, отъ ея дочери, которая Богъ ее знаетъ за кого замужъ выйдетъ, мысль эта была невыносима Маланьѣ Тимоѳеевнѣ.

Съ Александромъ Васильевичемъ ее многое связывало. Одно то, что ей про него извѣстно, чего никто не знаетъ, ужъ одно это сближало ее съ нимъ. Сквозь ея злобу на него за то, что онъ держитъ ихъ въ кабалѣ, когда ему такъ легко сдѣлать ихъ вполнѣ счастливыми, часто просвѣчивало чувство, похожее на нѣжность. Ругая его и досадуя на него, она не переставала восхищаться его красотой, умомъ, характеромъ и никогда не позволила бы она чужому человѣку осуждать его въ ея присутствіи. Она одна знала, что въ баринѣ хорошо и что дурно, другіе ничего въ этомъ не понимаютъ и должны молчать.

Сѣтуя на него за то, что по непонятному капризу онъ не выпускаетъ ее съ мужемъ на волю, она въ глубинѣ души не только понимала причину этого каприза, но сознавала также и то, что сама бы поступила такъ на его мѣстѣ.

Но ей не легче было отъ этого сознанія, и оно не мѣшало ей сохнуть отъ безсильной злобы и всѣми силами души жаждать какой бы то ни было развязки.

Она сдѣлалась суевѣрна; отыскивала прорицающихъ юродивыхъ, совѣщалась съ ворожеями, вѣрила снамъ и предчувствіямъ.

Мѣсяца три тому назадъ, она ѣздила на Петербургскую сторону къ ворожеѣ, про которую ей разсказывали чудеса, и вернулась отъ нея взволнованная самыми радужными надеждами.

У ворожеи и по картамъ, и на бобахъ выходило одно и то же— быть удачѣ въ затѣянномъ предпріятіи черезъ неожиданное извѣстіе и полнѣйшее исполненіе желаній.

Маланья дала обѣщаніе сходить пѣшкомъ, какъ настоящая странница, съ котомкой за плечами, въ Кіевъ на богомолье, если

предсказаніе ворожеи сбудется и ей съ мужемъ дастъ Александръ Васильевичъ вольную.

Появленіе мужа въ такой поздній часъ, и когда его всего менѣе можно было ждать (Маланья знала, что у Воротынцевыхъ послѣ заутрени разгавливаются гости, и что мужъ ея всю ночь будетъ нуженъ въ домѣ), не столько испугало, сколько удивило ее, и на восклицанія его: «Всплываетъ! Допытываются!» она только съ досадой на его безтолковость спрашивала:

— Да что всплываетъ-то? До чего допытываются? Говори толкомъ, отолпѣшенный!

Михаилъ Ивановичъ пересталъ, наконецъ, мотаться по комнатѣ, грохнулся на стулъ около постели жены и, закрывъ лице руками, завопилъ, что они всѣ пропали—и баринъ, и онъ, и жена, и дѣти.

— Да что случилось-то? — вскричала Маланья Тимоѳеевна запальчиво.

Окрикъ этотъ подѣйствовалъ; онъ оправился, но прежде, чѣмъ начать говорить, боязливо оглянулся по сторонамъ.

— Ну, чего трясешься да оглядываешься, подслушать насъ здѣсь некому, выкладывай все безъ опаски. Попался, вѣрно, въ чемъ нибудь? Донесли на тебя? Можетъ, съ уликами? Говорила я тебѣ, Иванычъ, чтобъ осторожнѣе дѣйствовалъ. Съ умомъ надо хапать-то, а не зря; каку, намеднись, охабину всякаго добра приволокъ...

— Не то, не то, много хуже!--замахалъ на нее обѣими руками мужъ. — Ахъ, Маланьюшка, пропали наши головушки!

Она, наконецъ, вышла изъ терпѣнія, схватила его длинной, костлявой рукой за волосы и стала энергично трясти ему голову, приговаривая:

— Да говори же толкомъ, мучитель! Что ротъ-то зря раскрываешь да глупыя слова роняешь? Безтолковая образина!

— Про Марѳу Дмитріевну всплываетъ! — простоналъ онъ.

Жена выпустила его волосы изъ своихъ цѣпкихъ пальцевъ.

— Про каку таку Марѳу Дмитріевну?

— Про ту, что въ подмосковной-то схоронена.

Маланья Тимоѳеевна слегка поблѣднѣла. Но, очень скоро овладѣвъ собою, развязно спросила:

— Чему же про нее всплывать-то, когда она умерла?

— А вотъ письмо я тебѣ прочту, слушай. Тутъ и про тебя сказано.

Онъ подошелъ къ окну, заставленному бутылями съ настойками и банками съ вареньемъ, отдернулъ темную занавѣску, висѣвшую передъ нимъ, вынулъ изъ боковаго кармана письмо, дрожащими пальцами развернулъ его и прерывающимся отъ волненія голосомъ прочиталъ увѣдомленіе анонимнаго недоброжелателя.

— Баринъ это видѣлъ?—спросила Маланья Тимоѳеевна.

— Какъ же не видѣлъ, когда онъ мнѣ его самъ и передалъ.

И Михаилъ Ивановичъ подробно разсказалъ о случившемся, какъ письмо было подкинуто неизвѣстно кѣмъ въ кабинетъ, въ то время, какъ господа были у заутрени, какъ баринъ погрозился забрить лобъ Петрушкѣ, если не узнается, кто положилъ письмо на бюро, какъ воетъ Мавра-стряпуха и въ какомъ переполохѣ у нихъ вся дворня по этому случаю.

— Про то, что въ письмѣ, никто, окромя меня съ бариномъ, не знаетъ, да вотъ ты таперича...

— Еще бы! Онъ зналъ, кому въ этомъ дѣлѣ довѣриться! Кромѣ насъ троихъ, его, меня да тебя, кто-жъ про это здѣсь знаетъ, — съ злобнымъ смѣхомъ перебила его жена.—Никто, кромѣ насъ, и въ отвѣтѣ не будетъ, если, Боже сохрани, да и впрямь до чего нибудь докопаются, — прибавила она угрюмо.

— Въ отвѣтѣ? Зачѣмъ намъ быть въ отвѣтѣ?—пролепеталъ заплетающимся отъ страха языкомъ Мишка. — Ништо мы по своей волѣ дѣйствовали? Мы крѣпостные, что намъ баринъ приказывалъ, мы то и дѣлали.

— А гдѣ это видано, чтобы крѣпостныхъ миловали, когда они по волѣ господъ преступленія чинятъ, либо прикрываютъ? Давно ли на Конной тѣхъ двухъ кнутомъ били, которые вмѣстѣ съ барыней барина своего ядомъ опоили? Тоже, поди чай, на барыню показывали, что по ейному приказанію да наущенію дѣйствовали. Помиловали ихъ что ли за это? Самъ же ты мнѣ здѣсь про эту исторію разсказывалъ. Я тутъ же подумала: если что всплыветъ про ту... не поздоровится барину, да и намъ Сибири не миновать.

Михаилъ Ивановичъ задрожалъ съ ногъ до головы.

— Малашенька, умница ты моя, красавица!—взмолился онъ, припадая головой къ ногамъ жены.—Раскинь разумомъ, какъ намъ быть! Убѣжать развѣ?

— Куда?—спросила она съ презрительной усмѣшкой.

— Да куда нибудь... подальше... Въ такія забиться дебри, гдѣ бы никто насъ не нашелъ.

— А дѣти?

— Дѣти наши вольныя.

— Такъ что-жъ, что вольныя? Отъ вольныхъ-то еще больше требуется, чѣмъ отъ крѣпостныхъ. Ѳедѣ еще два года остается въ школѣ учиться, Фленушка не пристроена, а мы въ дебри скроемся Эхъ, ты, голова баранья!

— Оставимъ ихъ здѣсь, домъ у нихъ, огородъ, пусть себѣ сами ужъ тутъ промышляютъ...

— Да молчи ты, Христа ради, тошно твои глупости слушать! Ничего еще неизвѣстно... Какой-то подлецъ написалъ письмо, попужать можетъ захотѣлъ, такъ, изъ озорства, а онъ ужъ и нюни распустилъ.

Она все болѣе и болѣе одушевлялась, глаза ея загорѣлись, на губахъ появилась дерзкая, вызывающая улыбка.

— Экую штуку надумали, съ Александромъ Васильевичемъ тягаться! Умники! Ну-ка, потягайтесь! Пушинки отъ васъ не останется, такъ онъ васъ истреплетъ! Ну, чего ты вспужался, глупый?— обратилась она снова къ мужу, который смотрѣлъ на нее выпученными отъ недоумѣнія глазами.—Вѣдь до насъ доберутся тогда только, когда съ нимъ совладаютъ, а ништо съ нимъ легко совладать? Вѣдь ужъ онъ живымъ своимъ лиходѣямъ не дастся, ужъ онъ мозгами-то поворочаетъ и ничего не пожалѣетъ, чтобъ выкрутиться изъ бѣды. Небось, развернется во всю. Ума-то да ловкости ему не занимать стать; знаемъ мы его, слишкомъ даже достаточно. Онъ и мальченкомъ дошлый былъ да смѣлый, а ужъ теперь!..

Она показала кулаки невидимому врагу, къ которому обращала свою грозную рѣчь, и смолкла, задумавшись.

— Такъ бояться намъ, значитъ, нечего?—робко спросилъ Михаилъ Ивановичъ, переждавъ минуту.

Маланья Тимоѳеевна отмахнулась отъ него, какъ отъ докучливой мухи.

— Надо того человѣка, что письмо принесъ, безпремѣнно найтить, вотъ что,—объявила она, не отвѣчая на вопросъ мужа.—Изъ Воротыновскихъ долженъ быть, разбойникъ.

— Да какъ его найдешь?

— А вотъ пусть Петрушка изловчается. Съ Лизаветкой-то онъ все еще путается, что ли?

— Просилъ намеднись барину доложить, не позволитъ ли ему на ней жениться, и вотъ теперича... Эхъ, горемычные!

— А ты подожди о чужихъ-то тужить, не пришлось бы о себѣ завопить,—сердито оборвала его жена.

Въ глазахъ его снова выразился испугъ.

— Да что-жъ дѣлать-то?

— Ужъ это баринъ надумаетъ, что дѣлать, а намъ—молчать да ждать до поры до времени. Тамъ видно будетъ. Сколько дней далъ онъ Петрушкѣ на розыски?

— Только два дня, до вторника.

— И того много. Въ два дня далеко можно уйтить и туда схорониться, гдѣ и полиціи не сыскать,—раздумчиво проговорила Маланья Тимоѳеевна.

И, наказавъ еще разъ мужу осторожность, посовѣтовала ему скорѣе отправляться домой.

— А письмо ты мнѣ отдай, я его схороню,—прибавила она.

— А если баринъ спроситъ?

— Скажи барину, что женѣ отдалъ,—усмѣхнулась она, засовывая письмо подъ подушку.—Небось, не заругается, онъ знаетъ, что у меня цѣло будетъ. А если что скажетъ,—продолжала она

послѣ небольшаго раздумья:—доложи, что Маланья проситъ милости дозволить ей съ ними повидаться. Очинно, скажи, нужно. Да ужъ не опасайся,—прибавила она, все съ той же загадочной улыбкой, замѣтивъ испугъ, выразившійся на лицѣ мужа,—не осерчаетъ, не такое теперича время, чтобъ ему на меня серчать. Мы для него самыми нужными на свѣтѣ людьми теперича окажемся.

VII.

Въ первый день праздника обычный строй жизни въ домѣ Воротынцева ничѣмъ не нарушался.

Какъ всегда по торжественнымъ днямъ, знакомые и тѣ изъ родственниковъ, которые у нихъ не разгавливались, пріѣхали поздравить Марью Леонтьевну съ дочерью, а Александръ Васильевичъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ такимъ особамъ, которые по своему общественному положенію или преклоннымъ лѣтамъ считали себя въ правѣ требовать къ себѣ особеннаго вниманія.

Дома жена съ дочерью принимали гостей въ голубой гостиной.

Спускаясь съ лѣстницы послѣ короткаго, праздничнаго визита, блестящіе представители золотой молодежи, гвардейцы, франты изъ посольства и министерства иностранныхъ дѣлъ, перекидываясь между собою отрывистыми замѣчаніями о вынесенныхъ впечатлѣніяхъ, не забывали упомянуть, что m-lle Marthe была сегодня особенно авантажна.

— Delicieuse, ravissante, charmante!—сыпалось изъ всѣхъ устъ.

— «Charmante!»—подумалъ и Александръ Васильевичъ, останавливаясь въ дверяхъ гостиной и любуясь дочерью.

Марта стояла у окна, въ отдаленіи отъ общества, окружавшаго ея мать, и такъ увлеклась бесѣдой съ незнакомымъ старичкомъ, что въ первую минуту не замѣтила появленія отца.

Рядомъ съ нею стояла дочь старика, та самая дѣвушка, Полинька Ожогина, про которую она въ эту ночь разсказывала барону, что съ нею такъ ловко пѣть дуэты.

Оба они, и старикъ и Полинька, высокая, худощавая брюнетка, съ умными, сѣрыми глазами и бѣдно одѣтая, были не у мѣста въ гостиной Воротынцевыхъ, и, если увлеченный любезностью Марты, отецъ этого не замѣчалъ, то дочь это чувствовала и отъ смущенія казалась угрюмой и старообразой.

Не даромъ отговаривала она всячески отца отъ этого визита къ Воротынцевымъ. Страдать за него начала она съ той минуты, когда они вошли въ длинную прихожую.

Лакеи съ пренебреженіемъ оглядывали ихъ съ ногъ до головы, снимая съ отца его ветхую шинель, а съ нея худенькій бурнусъ. Казачки же безъ церемоніи хихикали въ кулакъ, глядя на мизерную фигуру отставнаго капитана, отца «учительши», какъ

называла прислуга Полиньку, и капитанъ начиналъ уже злиться, когда въ дверяхъ появился представительный Михаилъ Ивановичъ.

— Это старшій камердинеръ г. Воротынцева, папенька,—поспѣшила шепнуть отцу Полинька, въ страхѣ, чтобъ онъ не принялъ Михайла за барина.

Капитанъ выпрямился и съ большимъ достоинствомъ объявилъ, что желаетъ видѣть Алаксандра Васильевича Воротынцева.

— Пожалуйте въ гостиную,—сказалъ Михаилъ Ивановичъ, указывая на дверь, растворенную въ господскіе покои.

Не успѣли Ожогины дойдти и до половины длинной, бѣлой залы, какъ изъ гостиной Марта ихъ увидѣла и поспѣшила къ нимъ навстрѣчу.

Она дѣлалась чрезвычайно мила и привѣтлива съ тѣми, кого ей хотѣлось обласкать, тщеславная дочка Александра Васильевича.

Ожогинымъ посчастливилось это испытать на себѣ въ то утро.

Потому ли что Полинька внушала особенную симпатію богатой, избалованной дѣвушкѣ, или потому, что Мартѣ вздумалось вниманіемъ къ ней и къ ея отцу еще рѣзче подчеркнуть надменное отношеніе свое къ остальному обществу, такъ или иначе, но она обошлась со своими новыми знакомыми съ такою очаровательною любезностью, что старикъ пришелъ отъ нея въ восторгъ.

Представивъ его матери, она увела его съ дочерью къ окну и стала разспрашивать про все, что могло его интересовать, про походъ, въ которомъ его ранили въ грудь, про его покойную жену, про ту княгиню, у которой дочь его воспитывалась.

— Папенька, это отецъ Полиньки,—сказала она, представляя Александу Васильевичу капитана Ожогина.

И при этомъ такими умоляющими глазами смотрѣла на отца, что холодное выраженіе его лица смягчилось, и онъ довольно привѣтливо кивнулъ на почтительное расшаркиваніе старика.

Однако, съ той минуты, какъ хозяинъ дома появился въ гостиной, Ожогину стало не по себѣ. Да и Марта смолкла, тревожно поглядывая на отца, а Полинька, какъ опустила глаза, присѣдая передъ г. Воротынцевымъ, такъ и не поднимала ихъ, точно боясь снова встрѣтиться съ его надменнымъ, пронзительнымъ взглядомъ.

Но, когда они стали уходить, Марта вспомнила про дуэты, присланные ей утромъ, и про то, что гостей сегодня ни за обѣдомъ, ни вечеромъ, вѣроятно, не будетъ и что поэтому мѣшать имъ пѣть некому, и ей такъ захотѣлось удержать Полиньку на весь день, что она не вытерпѣла и стала просить шепотомъ объ этомъ мать.

Но Марью Леонтьевну выдумка дочери даже испугала.

— Ты съ ума сошла! M-lle Lecage дома нѣтъ... папенька разсердится... у насъ обѣдаютъ Фреденборги,—возразила она дочери, тоже шепотомъ и боязливо оглядываясь на мужа, который разго-

варивалъ съ какимъ-то почетнымъ гостемъ въ противоположномъ углу комнаты.

Опять эти Фреденборги! Разумѣется, разъ они тутъ, нечего и мечтать о какомъ бы то ни было удовольствіи!

Лицо Марты омрачилось и приняло то капризное выраженіе, за которое ей такъ доставалось отъ отца и отъ m-lle Lecage, а когда старикъ съ дочерью, распростившись, скрылись у нея изъ виду, ей стало совсѣмъ грустно.

Какъ весело провела бы она время вдвоемъ съ Полинькой, если-бъ не несносная необходимость выслушивать скучныя фразы баронесы и противные намеки ея сына!

Не дальше какъ нѣсколько часовъ тому назадъ она была къ нему только равнодушна, теперь равнодушіе это готово было превратиться въ отвращеніе.

Какая разница съ Полинькой! Эту чѣмъ больше она видѣла, тѣмъ больше ей хотѣлось сблизиться съ нею. Мало того, что она ей нравилась больше всѣхъ другихъ дѣвицъ, она интересовала ее. Въ ней было что-то загадочное. Раннее дѣтство, проведенное у полупомѣшанной княгини въ глухой деревнѣ, одиночество въ такіе годы, когда душѣ также нужно общество, какъ цвѣтку солнце, и, наконецъ, при ея образованіи и талантѣ теперешняя ея жизнь съ такимъ отцемъ, какъ капитанъ Ожогинъ,—все это дѣлало изъ нея личность не похожую на другихъ. Ей всего только девятнадцать лѣтъ, а сколько она уже выстрадала и перенесла!

У нея, вѣрно, были романы, и она должна знать пропасть такихъ вещей, о которыхъ Марта и понятія не имѣетъ. Какъ весело было бы распросить ее именно сегодня, когда m-lle Lecage дома нѣтъ! Въ сущности, не взирая на то, что она считалась однимъ изъ украшеній высшаго столичнаго общества, одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи и всеобщей любимицей при дворѣ, Марта была очень одинока. Съ кузинами ей не позволяли дружиться, точно также и имъ съ нею; она знала, что ее не любятъ родные, завидуютъ ей и съ особеннымъ удовольствіемъ подмѣчаютъ ея недостатки и промахи. Ей это такъ часто твердили съ ранняго дѣтства, что когда она стала подростать, недовѣріе ея къ родственникамъ росло вмѣстѣ съ нею.

Другихъ же людей, кромѣ родственниковъ, да тѣхъ, которыхъ она встрѣчала въ большомъ свѣтѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ее представили ко двору и начали вывозить, она не знала.

Крѣпостныхъ, которыми она была окружена, Марта за людей не считала. Кромѣ няни Григорьевны, жившей теперь на покоѣ въ одномъ изъ флигелей, да горничной Марины, приставленной къ ней лѣтъ десять тому назадъ, она ни съ кѣмъ изъ дворовыхъ не имѣла случая перекинуться словомъ. Она ихъ даже и въ лице не знала, этихъ дворовыхъ.

Недавно Марина взяла себѣ на подмогу дѣвчонку Хоньку. Марта каждое утро видѣла эту дѣвчонку, когда она вносила въ ея уборную тяжелое ведро съ водой для умыванія, или когда она собирала на совочекъ соръ, выметаемый Мариной изъ спальни барышни. Дѣвочка эта забавляла ее жгучимъ любопытствомъ, съ которымъ она смотрѣла на нее исподлобья, и Мартѣ не разъ хотѣлось заговорить съ этимъ быстроглазымъ бѣсенкомъ, спросить, хорошо ли ей здѣсь живется, откуда ее привезли и есть ли у нея въ деревнѣ родные? Но она не знала, какъ это сдѣлать, чтобъ не показаться всѣмъ окружающимъ странной и не навлечь на себя выговора отъ m-lle Lecage, которая, она это знала, зорко слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ и обо всемъ доноситъ отцу.

Полинька, та бы знала, какъ поступить въ подобныхъ случаяхъ. Ее отпускаютъ совсѣмъ одну къ незнакомымъ людямъ; она пріѣхала съ юга Россіи въ Петербургъ съ какими-то купцами (и она въ этомъ по секрету созналась Мартѣ), завѣтная ея мечта—поступить на сцену!

А у Марты какая мечта?

Развѣ только то, чтобъ ее не отдали замужъ за такого противнаго дурака, какъ баронъ Ипполитъ,—ни о чемъ другомъ не смѣетъ она мечтать.

Если-бъ m-lle Lecage сама не нашла нужнымъ привезти къ нимъ Полиньку, ей ни за что не позволили бы ни пѣть съ нею, ни разговаривать.

За столомъ, сервированнымъ попраздничному, но въ маленькой столовой, такъ какъ обѣдъ былъ семейный, сидѣло человѣкъ пятнадцать, между прочимъ, и баронесса съ сыномъ.

Марья Леонтьевна очень удивилась, когда мужъ ея, вернувшись послѣ визитовъ домой, объявилъ, что заѣжалъ къ Фреденборгамъ и пригласилъ ихъ обѣдать.

Обыкновенно тѣхъ, кто у нихъ разгавливался въ ночь на Пасху, Александръ Васильевичъ обѣдать на другой день не звалъ.

Удивились этому приглашенію и Фреденборги, но и обрадовались въ то же время.

Баронъ Ипполитъ съ каждымъ часомъ все больше и больше влюблялся въ Марту, а ужъ теперь, когда по всѣмъ признакамъ можно было разсчитывать, что предложеніе его будетъ принято, онъ далъ волю своему чувству и смотрѣлъ на нее такими влюбленными глазами, что всѣ это замѣчали.

День былъ теплый, солнечный. За дессертомъ кто-то заговорилъ про народное гулянье «качели» на Дворцовой набережной; Александръ Васильевичъ приказалъ заложить открытыя коляски и предложилъ гостямъ своимъ прокатиться.

Всѣ, даже и тѣ, которые предпочли бы отправиться домой и лечь спать, поспѣшили принять предложеніе съ благодарностью.

Также поступила и Марта, а между тѣмъ съ какимъ удовольствіемъ осталась бы она дома!

Она предвидѣла, что баронъ и во время катанья будетъ сидѣть противъ нея и надоѣдать ей своими вздохами, страстными взглядами, нѣжными намеками.

Все это начинало ей ужъ не на шутку надоѣдать. Теперь только замѣтила она то, что за обѣдомъ и раньше всѣмъ окружающимъ бросалось въ глаза, а именно, что онъ съ какой-то особенной самонадѣянностью позволяетъ себѣ за нею ухаживать.

Открытіе это и оскорбило ее, и разсердило.

Какъ онъ смѣетъ? Какое онъ имѣетъ право? Неужели онъ воображаетъ, что она можетъ сдѣлаться его женой? Такой пошлый дуракъ...

Но если отецъ захочетъ?..

Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ этого быть!

Ей становилось такъ жутко при этой мысли, что она поспѣшила отогнать ее отъ себя и, чтобъ скрыть тоскливое смущеніе, овладѣвавшее ею, впала въ крайность, напустила на себя притворную веселость и безпощадно стала поднимать на смѣхъ своего обожателя, осыпала его колкостями, придиралась къ каждому его слову, чтобъ выставить его тупоуміе.

Баронъ оробѣлъ и послѣ каждой ея колкости растерянно оглядывался на свою мать.

«Видите, какъ она со мною обращается, а вы мнѣ разрѣшили надѣяться»,—говорилъ этотъ взглядъ.

Это происходило въ карточной, угловой комнатѣ, съ дверью на балконъ, гдѣ обыкновенно подавали кофе послѣ обѣда.

Марья Леонтьевна сидѣла на своемъ диванѣ въ глубинѣ комнаты, какъ на иголкахъ. Слышать то, что говорила Марта своему претенденту, она не могла; молодые люди стояли у двери, растворенной на балконъ, и шумъ проѣзжавшихъ мимо экипажей заглушалъ ихъ голоса, но она не могла не видѣть смущенія барона, отчаянныхъ взглядовъ, бросаемыхъ имъ на мать, и негодующаго волненія этой послѣдней. А когда она оборачивалась къ мужу, стоявшему въ группѣ мужчинъ въ другомъ концѣ комнаты, ей казалось, что онъ сердито смотритъ на дочь, и это усиливало ея волненіе.

Нѣсколько разъ пыталась она знаками дать понять Мартѣ, чтобъ она была осторожнѣе, но это ни къ чему не вело.

Точно какой-то бѣсъ дерзости и язвительности овладѣлъ дѣвушкой. Она продолжала мучить свою жертву, и, надо ей отдать справедливость, дѣлала это такъ остроумно и съ такою находчивостью, что присутствующіе при этой травлѣ не въ силахъ были сдерживать смѣха.

Баронесса выходила изъ себя. Еще мгновеніе, и она, можетъ быть, не выдержала бы и вмѣшалась бы въ разговоръ молодежи,

чтобы проучить дерзкую дѣвчонку, но, къ счастью, явился лакей съ докладомъ, что коляска у подъѣзда.

— Сказать мсьё Ривьеру, дѣти поѣдутъ,—приказалъ Александръ Васильевичъ лакею.

Съ этими словами онъ отошелъ отъ своихъ собесѣдниковъ и приблизился къ дамамъ.

— Я поѣду съ дѣтьми,—говорила между прочимъ Марта барону:—мнѣ съ ними несравненно веселѣе, чѣмъ съ большими. Слушать ихъ глупости только смѣшно, знаешь, что они маленькія и что когда имъ будетъ двадцать шесть лѣтъ...

Ее такъ забавляло смущеніе барона, что она не замѣтила, какъ подошелъ отецъ.

— Vous irez dans votre chambre et vous y resterez jusqu'à ce qu'on vous permette d'en sortir,—объявилъ ей Александръ Васильевичъ во всеуслышаніе, тѣмъ холоднымъ и рѣзкимъ тономъ, который у него всегда являлся, когда онъ былъ чѣмъ нибудь сильно взбѣшенъ.

Въ испугѣ все кругомъ смолкло.

Марта поблѣднѣла, но не растерялась. Бросивъ вызывающій взглядъ на барона, она опустила глаза и медленно удалилась.

Марья Леонтьевна вспыхнула и вся красная отъ волненія, со слезами на глазахъ, метнулась было за дочерью, но, встрѣтивъ выразительный взглядъ мужа, какъ вкопанная, остановилась на мѣстѣ.

Баронъ въ припадкѣ отчаянія тяжело дышалъ и безсмысленно смотрѣлъ выпученными, блѣдными глазами то на мать, то на ту дверь, за которой скрылась Марта. Молоденькія кузины боязливо переглядывались между собой. Впрочемъ, переполохъ длился недолго, почти тотчасъ же раздался громкій, веселый голосъ хозяина дома, приглашавшій общество сбираться въ путь. Явился мсьё Ривьеръ съ мальчиками, одѣтыми для катанія. Дамы заторопились надѣвать шляпы и мантильи передъ зеркалами, между барышнями и прислуживавшими имъ кавалерами завязались вполголоса оживленные разговоры.

Одинъ только баронъ хранилъ мрачный видъ и упорное молчаніе, но за то баронесса была удовлетворена.

— Александръ Васильевичъ слишкомъ строгъ,—замѣтила она вполголоса Марьѣ Леонтьевнѣ, усаживаясь рядомъ съ нею въ коляску.

И, взглянувъ съ ласковой улыбкой на сына, который долженъ былъ, по распоряженію Воротынцева, занять мѣсто на передней скамейкѣ въ той же коляскѣ, она прибавила, чтобъ доказать, что непріятный эпизодъ не измѣнилъ ихъ намѣреній:

— La petite est un peu violente, mais un si bon coeur!

И, не дожидаясь возраженій своей спутницы, со свойственнымъ ей тактомъ заговорила о другомъ.

VIII.

Въ домѣ изъ господъ остались только баринъ да барышня, а изъ дворни только старые, хворые да малые, всѣхъ остальныхъ отпустили подъ качели.

Александръ Васильевичъ прошелъ въ кабинетъ и велѣлъ прислать къ себѣ Михаила Ивановича.

— Ну, что?—спросилъ онъ, когда старшій камердинеръ появился въ дверяхъ.

Михаилъ Ивановичъ тотчасъ же понялъ, о чемъ его спрашиваютъ, и отвѣчалъ, что ничего еще неизвѣстно.

Баринъ поднялся съ мѣста и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Прошло минуты двѣ.

— Ужъ не думаетъ ли Петрушка, что я его прощу?—спросилъ Александръ Васильевичъ, останавливаясь у бюро и вкладывая ключъ въ одинъ изъ ящиковъ.—Такъ ты ему втолкуй, что этого не будетъ, понимаешь?

— Слушаю-съ.

— Мнѣ надо знать, черезъ кого попало сюда это письмо, слышишь?—продолжалъ баринъ, возвышая голосъ и рѣзко отчеканивая слова.

— Точно такъ-съ,—вполнѣ убѣжденнымъ тономъ подтвердилъ Михаилъ Ивановичъ.

Послѣ разговора съ женой онъ и самъ утвердился въ мнѣніи, что таинственнаго вѣстовщика непремѣнно слѣдуетъ розыскать и подвергнуть строжайшему допросу.

А баринъ, между тѣмъ, продолжалъ излагать вслухъ свои соображенія:

— Письмо послано не по почтѣ. Можетъ, тотъ самый мерзавецъ, который подъ насъ подкапывается, и настрочилъ его.

Подъ насъ!

У Михаила Ивановича поджилки затряслись отъ этихъ двухъ словъ.

Баринъ опять прошелся раза три по комнатѣ, а затѣмъ опять остановился у бюро, передъ выдвинутымъ на половину ящикомъ и, вынувъ изъ него черный, сафьянный портфель, раскрылъ его, прижимая невидимый простымъ глазомъ винтикъ, и вынулъ изъ него пополамъ перегнутый листокъ бумаги.

— Можетъ, который нибудь изъ этихъ?—спросилъ онъ отрывисто. И прочелъ вслухъ нѣсколько именъ: Иванъ Токаревъ, Петръ Лохматовъ, Евсей Скорняковъ, Фалалей изъ Малиновки...

— Никакъ нѣтъ-съ: Евсей съ Иваномъ на заводѣ, а Фалалей и Петръ Лохматовы умерли,—отвѣчалъ Михаилъ Ивановичъ.

Баринъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Ни одинъ не бѣжалъ,навѣрно знаешь? Управляющій не доносилъ? Когда получено оттуда послѣднее донесеніе?

— На шестой недѣлѣ... все тамъ благополучно.

— И больше никому неизвѣстно? Навѣрное?—возвышая голосъ продолжалъ свой допросъ баринъ.

— Маланья Тимоѳеевна говоритъ: никто ничего не знаетъ.

— Маланья...

Александръ Васильевичъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но воздержался и, перевертывая памятный листокъ, который держалъ въ рукѣ, спросилъ, щелкая по немъ пальцами:

— Тутъ еще про какую-то Лапшиху сказано?

— Она тоже ужъ больше году какъ умерла,—поспѣшилъ заявить камердинеръ.

— Отъ Дмитрія Лаврентьева было увѣдомленіе?

— Точно такъ-съ, отъ Дмитрія Лаврентьича я вашей милости тогда докладывалъ.

Опять наступило молчаніе. Баринъ продолжалъ пересматривать бумаги, наполнявшія портфель, а Михаилъ Ивановичъ терпѣливо ждалъ у притворенной двери.

— Въ Яблочки придется кому нибудь съѣздить, тебѣ или Маланьѣ,—вымолвилъ наконецъ вполголоса Александръ Васильевичъ.

Михаилъ Ивановичъ вспомнилъ про наказъ супруги.

— Осмѣлюсь доложить вашей милости,—началъ онъ, запинаясь въ нерѣшительности передъ каждымъ словомъ.

— Что такое?—спросилъ баринъ, не оборачиваясь.

— Маланья проситъ, если милость ваша будетъ, дозволить ей вашей милости сказать одно слово.

— Когда нужно будетъ, позову,—отрывисто возразилъ баринъ.

А Михаилъ Ивановичъ между тѣмъ расхрабрился.

— Осмѣлюсь доложить, прежде, чѣмъ въ подмосковную за языкомъ ѣхать, здѣсь бы того человѣка поискать,—позволилъ онъ себѣ посовѣтовать.

— Я сказалъ: если Петрушка завтра къ вечеру не узнаетъ, въ солдаты его,—объявилъ баринъ, раздумчиво пощипывая бакенбарды.

Разумѣется, можно было и съ тѣмъ, что есть, ѣхать къ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу и разсказать ему, что какой-то негодяй осмѣливается подкупать челядь въ его домѣ, чтобъ безпокоить его анонимными письмами. Этого вполнѣ достаточно, чтобъ учредить тайный надзоръ надъ бродягами и подозрительными личностями, шатающимися по набережной Мойки, близь дома Воротынцева, и таинственный доброжелатель, если только онъ еще не успѣлъ удрать изъ Петербурга, исполнивъ свою миссію, будетъ изловленъ, это ужъ непремѣнно, но тогда первый допросъ ему будетъ учиненъ Третьимъ

Отдѣленіемъ, а не Александромъ Васильевичемъ, а этого-то именно и желалъ избѣгнуть этотъ послѣдній.

— Подождемъ дозавтра,—рѣшилъ онъ про себя и, повернувшись къ камердинеру, сказалъ ему, что онъ можетъ идти.

Оставшись одинъ, Александръ Васильевичъ прошелся еще нѣсколько разъ по комнатѣ, а затѣмъ сѣлъ въ глубокое съ высокой спинкой кресло передъ бюро, облокотился на него, опустилъ голову на руки и глубоко задумался.

Былъ седьмой часъ вечера, но длинный, весенній день еще не близился къ концу.

Кабинетъ выходилъ окнами на западъ, и косые лучи заходящаго солнца, пронизываясь сквозь голыя вѣтви деревьевъ у самыхъ стеколъ, ложились сверкающими свѣтовыми пятнами на предметы, раскиданные въ безпорядкѣ на бюро, золотили мраморные и бронзовые бюсты, которыми оно было уставлено, бумаги, книги и письменныя принадлежности, сверкали въ бронзовыхъ инкрустаціяхъ, искусно вдѣланныхъ въ дерево чернаго, стараго дуба.

Портфель, вынутый изъ секретнаго ящика, лежалъ открытымъ, передъ Александромъ Васильевичемъ.

Занятый своими думами, онъ забылъ вложить въ него вынутую бумагу и спрятать его обратно туда, откуда онъ его взялъ.

Кругомъ было совсѣмъ тихо, опустѣвшій домъ точно вымеръ.

Праздничный звонъ колоколовъ, достигавшій сюда сквозь двойныя рамы вмѣстѣ съ гуломъ толпы, гуляющей по улицамъ, напоминая отдаленный шумъ волнующагося моря, навѣвалъ Воротынцеву на память давно забытыя картины и будилъ въ его душѣ давно заглохшія ощущенія.

Та, что умерла въ Яблочкахъ, Мареинька! Какъ живая вставала она теперь передъ нимъ, такой, какой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, во всей своей наивной, безъискусственной прелести.

Ни одно существо въ мірѣ не доставляло ему столько сильныхъ ощущеній, сколько этотъ ребенокъ. Ни одной женщины не любилъ онъ такъ страстно и ни одного мужчины не ненавидѣлъ такой упорной злобой, какъ ее.

Долго не могъ онъ равнодушно вспоминать про Мареиньку, даже и тогда, когда ея уже не было въ живыхъ. Первый годъ, послѣ разлуки съ нею, когда она ему еще мѣшала, онъ входилъ въ ярость при одной мысли, что такое ничтожество, какъ это слабое, покорное, изможженное нравственными и физическими страданіями существо, загораживаетъ ему путь къ полному счастью и покою, что ей стоитъ только выползти изъ того темнаго, невѣдомаго угла, въ который онъ заключилъ ее за тысячу верстъ отъ себя, чтобы ру-

шилось все зданіе, воздвигнутое его умомъ, ловкостью и смѣлостью, и придавило бы его своими обломками.

А между тѣмъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что этого никогда не можетъ случиться. Поторопился онъ жениться на княжнѣ Молдавской, отчасти изъ удальства, чтобы доказать самому себѣ, что онъ имѣетъ на это полное право, что шалость, содѣянная имъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ его собственномъ имѣніи съ дѣвчонкой безвѣстнаго происхожденія и единственно для того, чтобы удовлетворить чувственный капризъ къ ней,—что шалость эта никакихъ серьезныхъ послѣдствій имѣть для него не можетъ.

Такія ли еще штуки выкидывали молодые люди изъ его общества въ то время!

Однако, онъ иногда спрашивалъ себя: не будетъ ли благоразумнѣе совсѣмъ стереть ее съ лица земли?

Вѣдь для этого стоило только не приписывать въ каждомъ письмѣ къ управителю въ Яблочкахъ: «а за ту помѣшанную ты мнѣ головой отвѣчаешь», или спросить у него при свиданіи: «жива ли все еще она?» Этого было бы достаточно для того, чтобы она умерла не родами, а много раньше. И тогда она исчезла бы изъ этого міра безслѣдно. Похоронили бы вмѣстѣ съ нею и тотъ блѣдный призракъ, который по временамъ до сихъ поръ смущаетъ покой Воротынцева.

Почему же онъ этого не сдѣлалъ? Что заставило его бросить дерзкій вызовъ судьбѣ, оставляя ее дольше, чѣмъ слѣдовало, въ живыхъ?

Во всякомъ случаѣ не жалость къ ней; пока она была жива, онъ такъ глубоко ее ненавидѣлъ.

Долго не зналъ онъ, что она беременна. Сообщили ему объ этомъ тогда только, когда она умерла.

Ребенокъ былъ живъ. Его отвезли въ Москву, въ воспитательный домъ.

Этимъ распорядилась самовольно Малашка. Медлить въ ожиданіи инструкцій отъ барина ей показалось опаснымъ. Управитель предлагалъ другой способъ, менѣе сложный и болѣе цѣлесообразный, чтобы избавить барина отъ хлопотъ, но Малашка наотрѣзъ отказалась брать лишній грѣхъ на душу, а управитель не рискнулъ взять на себя одного отвѣтственность за такое дѣло.

Докладывая объ этомъ Александру Васильевичу, Мишка прибавилъ, что Малашка запретила управителю увѣдомлять барина письменно о случившемся и сама сюда для этого пріѣхала.

А затѣмъ, опустившись на колѣни, Мишка со слезами сознался барину въ своей любви къ ней и сталъ умолять его, дозволить ей здѣсь остаться и сочетаться съ нимъ, Мишкой, законнымъ бракомъ.

Дуракъ! Онъ бы тогда и не такую милость могъ выпросить у барина. Умѣй онъ только воспользоваться минутой, Александръ

Васильевичъ и на волю бы ихъ обоихъ отпустилъ и капиталомъ бы большимъ наградилъ: такъ былъ онъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ и обрадованъ, конечно.

Однако, выразить лично свое благоволеніе Малашкѣ за оказанную услугу и разспросить ее о случившемся онъ не торопился и на просьбу своего камердинера отвѣчалъ уклончивымъ: увидимъ.

Время шло, но Малашку, которую приказано было помѣстить отдѣльно въ одномъ изъ дальнихъ флигелей, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, въ домъ не призывали.

Переждавъ еще съ недѣлю, Мишка рѣшился доложить барину, что у пріѣзжей изъ Яблочковъ находится секретная запись, которую она желаетъ передать ему въ собственныя руки.

Однако и это не помогло.

— Возьми у нея эту запись и принеси сюда,—приказалъ баринъ.

Это была та самая памятная записка, что лежала теперь на бюро передъ нимъ. Въ ней были прописаны имена свидѣтелей послѣднихъ минутъ усопшей, всего только два имени: дворовой дѣвки Маланьи Тимоѳеевой и крестьянки Акулины, по прозвищу Лапшиха. А ниже шелъ перечень мужиковъ изъ хутора за Москвой, выписанныхъ управителемъ, чтобъ вырыть могилу, снести туда гробъ, опустить его и засыпать землей.

Людей этихъ баринъ немедленно распорядился разослать по заводамъ, которые у него были и на Уралѣ, и въ Сибири. Маланья, какъ сказано выше, самовольно выѣхала изъ Яблочковъ, а про Лапшиху управитель, то же прискакавшій въ Петербургъ, объявилъ, что ея опасаться нечего. Баба мозговитая, живетъ подъ началомъ у строгаго мужа, попусту болтать ей не для чего.

Отправляясь назадъ въ Яблочки, управитель видѣлся съ Маланьей Тимоѳеевной и передавалъ ей, что баринъ всѣ ея поступки изволилъ одобрить, но тѣмъ не менѣе Мишка ходилъ, какъ въ воду опущенный.

Каждое утро и вечеръ, одѣвая и раздѣвая барина, онъ задыхался отъ усилій скрыть свой страхъ и волненіе. Чего ему стоило сдерживаться, чтобы не упасть передъ нимъ на колѣни и слезно умолять, чтобы какъ ни на есть порѣшили ихъ судьбу, одному Богу было извѣстно!

Наказалъ бы ихъ, какъ хочетъ, сослалъ бы, куда пожелаетъ, только бы не разлучалъ, да развязалъ бы скорѣе отъ томительной неизвѣстности.

Но баринъ, повидимому, и самъ еще не зналъ, какъ поступить со своими сообщниками.

Присутствіе въ его домѣ дѣвки, которой извѣстно больше, чѣмъ ему самому про покойницу и про ея ребенка, волновало его до чрезвычайности. Ему и разспросить-то ее обо всемъ хотѣлось и вмѣстѣ съ тѣмъ претило слышать изъ чужихъ, да еще холопскихъ

устъ подробности такой важной для его личной безопасности тайны. При одной мысли о томъ, что его же крѣпостная дѣвка имѣетъ право считаться его сообщницей, у него въ умѣ мутилось отъ гнѣва.

Но однажды, ночью, ворочаясь съ боку на бокъ безъ сна на рѣзной краснаго дерева кровати, подъ шелковымъ пологомъ, ему вдругъ пришло на умъ новое опасеніе: Малашка такая отчаянная, она чортъ знаетъ на что можетъ рѣшиться, если еще долго заставить ее ждать награды за содѣянное. Надо скорѣе ублаготворить ее.

На слѣдующее же утро Мишкѣ было объявлено, чтобъ онъ готовился къ свадьбѣ. При этомъ баринъ жаловалъ ему тысячу рублей деньгами да деревянный домъ на Мѣщанской. Домъ былъ одноэтажный, съ мезониномъ, съ садомъ, и выгодно сдавался подъ трактиръ.

Однако, когда Мишка, кланяясь въ ноги за такія щедроты, заикнулся было о дозволеніи Маланьѣ лично поблагодарить барина, просьба эта была опять отклонена.

— Не для чего,—угрюмо оборвали его на полусловѣ.—Увидимся, какъ благословлять ее подъ вѣнецъ буду,—прибавилъ баринъ, чтобъ новой милостью смягчить рѣзкость невольно сорвавшагося съ его языка отказа.

Свадьба была веселая, вся дворня угощалась на славу. Невѣстѣ барыня прислала черезъ старшую свою горничную шелковой матеріи на платье и золотыя серьги съ бирюзой, а баринъ благословилъ ее образомъ въ серебряной вызолоченной ризѣ, но въ то время, когда Маланья, очень красивая въ своемъ подвѣнечномъ нарядѣ, хотя и блѣдная какъ смерть, кланялась ему въ ноги, всѣ замѣтили, что видъ у него былъ угрюмый, губы сжаты, а руки, державшія образъ, слегка дрожали.

Народу собралось глазѣть на эту сцену такое множество, что въ комнатѣ было тѣсно и жарко, какъ въ церкви, когда архіерей служитъ обѣдню.

Такъ и не удалось Малашкѣ повидаться съ бариномъ наединѣ.

Съ лѣтами и по мѣрѣ того, какъ воспоминанія о прошломъ сглаживались въ душѣ Александра Васильевича, ослабѣвало въ немъ и то чувство не то страха, не то отвращенія, заставлявшее его избѣгать столкновенія съ Малашкой. Онъ даже по временамъ совсѣмъ забывалъ объ ея существованіи; однако, когда пять лѣтъ спустя, она переселилась съ дѣтьми въ свой домъ, на другую улицу, Александръ Васильевичъ вздохнулъ свободнѣе и почувствовалъ себя счастливѣе прежняго.

И вотъ теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ, она опять настаиваетъ на свиданіи съ нимъ.

Что ей отъ него нужно? Что можетъ она ему сказать такого, до чего онъ самъ еще не додумался въ минуты тоскливаго возврата къ прошлому?

А такія минуты были у Александра Васильевича, и чаще, чѣмъ онъ желалъ.

Воспоминаніе о непоправимыхъ ошибкахъ—что можетъ быть мучительнѣе этого?

Да, непоправимо.

Мареинька умерла.

Ея сынъ (его ребенокъ, онъ слишкомъ хорошо ее зналъ, чтобъ сомнѣваться въ этомъ), ея сынъ, если даже онъ и живъ, для него все равно что умеръ.

Хуже, о мертвыхъ можно вспоминать, а Александръ Васильевичъ тогда только и успокоивался, когда ему удавалось забыть про него.

Теперь, пока глупая исторія съ письмомъ не разъяснится, часто придется о немъ вспоминать.

Онъ сорвался съ мѣста и сталъ большими шагами прохаживаться по комнатѣ, опустивъ голову и съ такимъ удрученнымъ видомъ на осунувшемся лицѣ, что самые близкіе люди не узнали бы его въ эту минуту.

Никто его еще такимъ не видалъ.

Видѣли его гнѣвнымъ и сердитымъ, съ грозно сдвинутыми бровями, или блѣднымъ отъ ярости, съ бѣшенымъ блескомъ въ глазахъ и дерзкой усмѣшкой на устахъ, но растеряннымъ и удрученнымъ—никогда.

Болѣе одинокаго человѣка на свѣтѣ, чѣмъ Воротынцевъ, трудно было найдти.

Съ женой, опротивѣвшей ему еще до свадьбы, и еще больше, чѣмъ Мареинька, отношенія у него были самыя тяжелыя.

Если онъ не мучилъ ея такъ грубо, какъ ту въ Воротыновкѣ, а изводилъ только тѣмъ, что на каждомъ шагу подчеркивалъ свое отвращеніе и недовѣріе къ ней, то это потому, что здѣсь обстановка была не та, что въ Воротыновкѣ, и Марью Леонтьевну, рожденную княжну Молдавскую, нельзя было терзать такъ, какъ ту, беззащитную.

У этой было богатое и знатное родство, она была принята ко двору, за нее было кому заступиться, и невозможность считать ее вполнѣ своею вещью и обращаться съ нею, какъ съ крѣпостной, разжигала еще сильнѣе злобу къ ней Александра Васильевича.

Да, онъ былъ одинокъ. Друзей у него и раньше никогда не было, а послѣ женитьбы и пріятелей не стало. Остались только холодныя, офиціальныя отношенія съ множествомъ лицъ, изъ которыхъ одни боялись его, другіе ему завидовали, третьи ненавидѣли.

Онъ же всѣхъ, безъ исключенія, презиралъ и никому не вѣрилъ.

Любилъ онъ на свѣтѣ одно только существо—дочь. Но и это чувство было для него отравлено сознаніемъ, что у нея будетъ мужъ, имя котораго она будетъ носить, и что онъ, Александръ Васильевичъ, ни фамиліи своей, которой онъ такъ кичился, ни родовыхъ имѣній своихъ передать ей не можетъ.

Все это достанется двумъ мальчишкамъ, ея братьямъ, а къ нимъ онъ, кромѣ отвращенія, ничего не чувствовалъ.

Явились они на свѣтъ слишкомъ поздно и когда ненависть его къ женѣ дошла до того, что онъ не могъ заставить себя вѣрить ни въ добродѣтель ея, ни въ вѣрность къ нему.

Исторія съ капельмейстеромъ, выброшеннымъ изъ окна, извѣстна была только ему съ женой да тому несчастному, поплатившемуся жизнью за свою неосторожность. Но онъ умеръ, а то, что произошло потомъ между супругами, для всѣхъ оставалось тайной.

Послѣ этой катастрофы Марья Леонтьевна стала замѣтно сохнуть, возненавидѣла свѣтъ, ударилась въ набожность и то время, котораго не проводила въ церкви, сидѣла запершись въ своей спальнѣ за чтеніемъ духовныхъ книгъ и ведя бесѣды съ монахами, монахинями, странниками и юродивыми.

Со дня на день хирѣла она и тупѣла все больше и больше, и если-бъ не страхъ, внушаемый ей мужемъ, давно отказалась бы она отъ выѣздовъ въ свѣтъ и отъ тягостной для нея обязанности наряжаться и принимать гостей.

Но Александръ Васильевичъ однимъ своимъ взглядомъ заставлялъ ее встряхиваться и выполнять то, что требовало отъ нея общество, какъ отъ матери взрослой дочери и хозяйки одного изъ богатѣйшихъ домовъ столицы.

Къ дочери относиться съ апатіей она не могла; избытокъ жизненной силы, которой дышало все существо дѣвушки, на всѣхъ окружающихъ дѣйствовалъ заразительно, въ томъ числѣ и на ея мать. Что же касается до мальчиковъ, равнодушіе къ нимъ Марьи Леонтьевны доходило до того, что она по недѣлямъ ихъ не видѣла.

— Что дѣти?—спрашивала она иногда у горничной, когда она утромъ раздвигала штофныя зеленыя занавѣски въ спальнѣ барыни.

— Ничего-съ,—отвѣчала Лизавета Акимовна.

И барыня довольствовалась этимъ отвѣтомъ.

Никогда не обращалась она ни за чѣмъ къ мужу. Съ раннихъ лѣтъ привыкла Марта быть посредницей между отцомъ и матерью, и увидѣть Александра Васильевича на половинѣ жены, отдѣлявшейся отъ его комнатъ обширными парадными покоями, была такая рѣдкость, что, когда это случалось, объ этомъ толковали въ дѣвичьей и людскихъ, какъ о событіи первостепенной важности.

Но сегодня Александру Васильевичу надо было переговорить съ женой, чтобъ дать ей новыя инструкціи относительно сватовства барона Фреденборга.

Пусть сдѣлаетъ предложеніе, тамъ видно будетъ.

Мартѣ минетъ надняхъ двадцать одинъ годъ, пора ей выходить замужъ, скоро старая дѣвка будетъ.

Рѣшеніе это было принято Александромъ Васильевичемъ въ эту ночь.

Наканунѣ онъ даже и останавливаться не хотѣлъ на мысли о разлукѣ съ дочерью, но теперь онъ думалъ иначе, и его бѣсила недогадливость Марты. Могла бы, кажется, понять. Не поѣхалъ бы онъ безъ цѣли къ баронессѣ, чтобъ звать ее съ сыномъ обѣдать, послѣ того, какъ они ночью тутъ торчали и раздражали его—она своимъ чванствомъ, а онъ своей глупостью. Совсѣмъ дуракъ этотъ Ипполитъ.

Но Марту надо пристроить, дать ей богатое приданое и прочное положеніе въ свѣтѣ, пока онъ живъ еще, и пока... Мало ли что можетъ случиться!

IX.

А Марта тѣмъ временемъ, сидя за фортепьянами въ своей комнатѣ, разбирала вполголоса новые ноты, присланные ей утромъ, и терялась въ догадкахъ.

За что отецъ разгнѣвался на нее?

Не въ первый разъ случалось ей подвергаться рѣзкимъ выговорамъ и жестокимъ наказаніямъ отъ него. Раньше, когда m-lle Lesage не было въ домѣ, было еще хуже.

Два года тому назадъ (ей было ужъ тогда восемнадцать лѣтъ) онъ сдѣлалъ ей при всѣхъ строгій выговоръ за то, что она позволила себѣ громко смѣяться, болтая съ кузиной, въ то время, когда онъ что-то разсказывалъ собравшемуся въ той же комнатѣ обществу. Но тогда она знала, что ей досталось за непочтительность къ нему, и ей даже въ голову не приходило роптать и возмущаться. Сегодня же ее мучилъ вопросъ: за что онъ на нее прогнѣвался? Никакой вины передъ нимъ она за собой не знала.

Неужели за ея обращеніе съ барономъ?

Но въ такомъ случаѣ отецъ смотритъ на ухаживаніе Ипполита совсѣмъ иначе, чѣмъ она предполагала до сихъ поръ? Ужъ не хочетъ ли онъ, чтобъ она вышла за него замужъ?

Ей стало жутко и, чтобъ заглушить мрачныя предчувствія, зашевелившіяся у нея въ душѣ, она изо всѣхъ силъ ударила по клавишамъ и запѣла во весь голосъ.

Могучей, гармоничной волной разнеслись звуки по всему дому, достигая, не взирая на припертыя двери, до кабинета ея отца и

до длинной горницы съ низкимъ потолкомъ на антресоляхъ, гдѣ у окна, передъ столомъ съ самоваромъ и чайной посудой, толковали между собой старшія горничныя, Марина Савишна и Лизавета Акимовна.

Тутъ же, у двери въ корридоръ, смиренно сложивъ на животѣ руки, стояла Мавра, а въ углу за печкой притулилась Хонька, которую въ наказаніе за непокорность и строптивость вмѣстѣ съ дѣвушками и дѣвчонками подъ качели не пустили.

— Да ништо барышня дома?—спросила Лизавета Акимовна, маленькая и худощавая особа, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ.

Услышавъ пѣніе, она такъ удивилась, что не донесла блюдечка съ налитымъ въ него чаемъ до губъ и стала прислушиваться.

— Какъ же, дома. Баринъ на нее за что-то разгнѣвался и при гостяхъ изъ гостиной ее выслалъ,—отвѣчала Марина.

Она представляла изъ себя полнѣйшій контрастъ съ Лизаветой; крупная и костлявая фигура ея дышала смѣлостью и здоровьемъ.

Онѣ были однихъ лѣтъ, обѣ старыя дѣвы и другаго дома, кромѣ барскаго, другихъ интересовъ, кромѣ барскихъ, онѣ не знали во все время своей почти полувѣковой жизни.

Марина была господъ Воротынцевыхъ, а Лизавета — князей Молдавскихъ и дана была въ приданое вмѣстѣ съ другими дворовыми княжнѣ Марьѣ Леонтьевнѣ, когда она выходила замужъ за Воротынцева.

И та и другая пользовались довѣріемъ господъ и поставлены были во главѣ женской прислуги въ домѣ, вмѣстѣ съ ключницей Надеждой Андреевной.

Эта послѣдняя, какъ вольная (она была дочь дьякона въ одномъ изъ княжескихъ имѣній), пользовалась особенными прерогативами, у нея была отдѣльная комната и дѣвчонка для услугъ.

— Да, баринъ барышнѣ не спущаетъ,—продолжала Марина со вздохомъ.—Вотъ мы на судьбу свою жалуемся, а посмотришь, и господамъ не всегда легко живется,—прибавила она, отгрызая кусочекъ сахару и заливая его чаемъ съ блюдечка.

— У кажиннаго свои заботы и горести,—подтвердила Лизавета.

Наступило молчаніе. Невольно прислушиваясь къ пѣнію, обѣ старшія горничныя наслаждались имъ.

— Ишь ты, заливается-то какъ нашъ соловушекъ!—съ самодовольной улыбкой, покачивая головой, замѣтила Марина.

Лизавета, попивая чай, одобрительно кивнула. Но Маврѣ было не до музыки, она точно застыла у притолки, устремивъ печальный взглядъ въ пространство; у Хоньки же, при первыхъ звукахъ, долетѣвшихъ сюда, лице стало нервно передергиваться, и какъ ни крѣпилась она, наконецъ, не выдержала и громко зарыдала.

— Чего тамъ хнычешь?—строго обратилась къ ней Марина.— Небось, другой разъ не посмѣешь вольничать, паскуда эдакая. Я те не такъ еще оттаскаю, дай срокъ.

Рыданія прекратились.

Наступали сумерки. На дворѣ было еще свѣтло, но здѣсь окна были такъ малы и тусклы, что предметы различались съ трудомъ.

— Сейчасъ свѣчей спроситъ,—сказала Лизавета, кивая въ ту сторону, откуда раздавались переливы звучнаго, глубоко хватающаго за душу контральто.

— Нѣтъ, она больше въ темнотѣ любитъ сидѣть, когда въ разстройствѣ,—возразила Марина.

— Я, Лизавета Акимовна, къ барынѣ въ ноги кинусь,—объявила вдругъ молчавшая до сихъ поръ Мавра.

— И не моги! Баринъ еще пуще осерчаетъ,—поспѣшила возразить ей Лизавета.—Барыня тебѣ помочь не можетъ, она сама передъ нимъ во какъ трепещетъ. Барышня, та посмѣлѣе...

— Я и къ барышнѣ...

— Да и барышня о твоемъ дѣлѣ къ барину подступиться не посмѣетъ. Помните, Лизавета Акимовна, какъ онъ ее намеднись турнулъ, когда она за Надежды Андревнинаго племянника стала просить, чтобъ изъ конторы его не выгоняли?

— Какъ не помнить! Я говорила тогда Надеждѣ Андреевнѣ: сами бы лучше какъ нибудь до барина дошли, а ужъ черезъ барыню али барышню—нѣтъ ничего хуже.

— Да какъ же мнѣ къ самому-то!—простонала Мавра.—Мнѣ къ самому-то и не попасть.

На это не возражали.

— И неужто-жъ такъ-таки до конца никто не сознается,—раздумчиво проговорила Марина.—Эдакій тяжкій грѣхъ на душу взять, человѣка подъ такую бѣду подвести!

— Черти, анаѳемы! Чтобъ имъ ни дна, ни покрышки, чтобъ имъ и на этомъ свѣтѣ и въ будущемъ дьяволы жилы тянули!—завопила въ голосъ Мавра.

— А ты подожди отчаянность-то на себя напускать, можетъ, и объявится кто нибудь.

— Понятно, объявится, вѣдь до завтрашняго вечера дали вамъ срокъ,—утѣшали ее Лизавета съ Мариной.

— Всѣхъ я просила, всѣмъ мы съ Петрушей въ ноги кланялись,—продолжала сокрушаться Мавра:—никто не сознается.

— А ты обѣщаніе дай къ Спасителю сходить, аль Казанской молебенъ отслужить.

— Хорошо также при такомъ случаѣ въ Сергіевскую пустынь пойтить, монахъ тамъ одинъ, отцемъ Варсонофіемъ звать, ужъ такой-то утѣшительный!..

— Къ Валаамскимъ святителямъ обѣщалась отпроситься, го-

лубоньки мои, къ Валаамскимъ святителямъ! Господи, царь нашъ небесный! да не токма что на богомолье, въ монастырь бы я пошла, схиму бы приняла, власяницу бы на себя надѣла, во всю жисть горячаго бы въ ротъ не брала! Мать, царица небесная! Да скажи мнѣ теперича баринъ: умри, Мавра, или какую мýку прими, самую страшную, все приму, на всякое терзаніе...

Она зарыдала и такъ громко, что всхлипыванья Хоньки, захныкавшей одновременно съ нею, не было слышно.

Если-бъ которой нибудь изъ сидѣвшихъ за самоваромъ женщинъ вздумалось заглянуть въ эту минуту за печку, она увидѣла бы, съ какимъ отчаяньемъ дѣвчонка колотится головой объ стѣну, и тогда, можетъ быть, догадалась бы о связи, существующей между горемъ той, что убивалась у двери въ корридорѣ, и той, что рыдала за печкой. Но тогда никому еще и на умъ не приходило подозрѣвать Хоньку въ чемъ бы то ни было, кромѣ дѣтскаго озорства, грубости передъ старшими и самовольства.

— Встрѣлась мнѣ намеднись Лизавета въ сѣняхъ, лица на ней нѣтъ,—объявила послѣ довольно продолжительнаго молчанія горничная барыни.

— Отказалась и подъ качели ѣхать,—замѣтила горничная барышни.

— Какія ей ужъ теперича качели!—вздохнула первая.

— Къ ворожеѣ-то пойдешь, что ли?—обратилась вторая къ Маврѣ.

— Пойду, родимая, завтра чуть свѣтъ пойду.

— Сходи. Она те всю правду скажетъ. Намеднись, какъ ложка-то у Надежды Андреевны пропала, съ ногъ вѣдь мы всѣ сбились ее искамши, а она, какъ разложила карты, сейчасъ этта: идите, говоритъ, домой, пропажа ваша нашлась, говоритъ.

— И вѣдь впрямь нашлась. Подкинулъ, вѣрно, кто, въ буфетѣ подъ салфеткой нашлась,—подтвердила Марина.

— Дай-то, Господи, чтобъ она мнѣ на Петрушинкинаго лиходѣя указала, въ ножки ей поклонюсь за это,—съ глубокимъ вздохомъ вымолвила Мавра.

По лѣстницѣ раздались торопливые шаги, и вбѣжавшій казачокъ объявилъ, что господа домой пріѣхали.

— Сейчасъ, вѣрно, моя переодѣваться захочетъ, не любитъ она долго въ корсетѣ-то, — поднимаясь съ мѣста, объявила Лизавета Акимовна и послѣдовала за казачкомъ, который опрометью убѣжалъ назадъ.

— Прибери посуду-то,—обратилась Марина къ углу, въ которомъ копошилась Хонька.

— Да свѣчку зажги, слышишь? — сердито возвысила она голосъ.—Съ тобой говорятъ!

Но Хонька не подавала признака жизни и, переждавъ съ минуту, Марина сорвалась съ мѣста и двинулась къ печкѣ.

— Эдакая язва! До тѣхъ поръ будетъ молчать, пока за вихры ея не оттаскаешь. И навяжется же такой дьяволъ, прости Господи!

Она отыскала сѣрнички, зажгла сальную свѣчку на комодѣ, а затѣмъ выволокла дѣвчонку за волосы изъ ея засады и принялась ее трепать, приговаривая: «я те выучу, я изъ тебя дурь-то выбью!».

Хонька, блѣдная, съ сверкающими отчаяннымъ блескомъ глазами, не защищалась, и Марина била ее до тѣхъ поръ, пока у нея руки не устали.

Хонькѣ это какъ будто доставляло удовольствіе; своихъ синихъ искусанныхъ въ кровь губъ она ни разу не разжимала во все время, пока длилась потасовка.

— Ну, что? Приберешь теперь посуду, мерзавка? — спросила Марина.

Хонька, вся истерзанная, истрепанная, съ всклокоченными волосами и въ кровь надранными ушами, не шелохнулась.

— Тьфу ты, окаянная!—плюнула на нее Марина.

И, обращаясь къ Маврѣ, которая, поглощенная своимъ горемъ, равнодушно смотрѣла на эту сцену, сказала:

— Ну, что съ такимъ чортомъ подѣлаешь? Только руки о нее попусту обиваешь. Съ тѣхъ поръ, какъ нашла на нее эта дурь, все самой надо дѣлать. Повѣришь ли,—продолжала она, принимаясь перемывать посуду, — ведра воды не заставишь принести въ спальню барышнѣ. Ужъ я ее утромъ сегодня, вернувшись отъ заутрени, таскала, таскала, а все толку нѣтъ. Вотъ, какъ теперь, плюнула, да сама все и сдѣлала. Точно испорченная, прости Господи!

И, разставивъ чашки на подносъ, она вышла съ нимъ изъ комнаты, а Хонька, не дождавшись, чтобъ она скрылась за дверью, шмыгнула назадъ за печку.

Мавра же не трогалась съ мѣста.

Въ смертельной тоскѣ, не покидавшей ея съ той самой минуты, какъ она узнала о бѣдѣ, висѣвшей надъ головой ея сына, она таскалась изъ угла въ уголъ, какъ душа на мытарствѣ, нигдѣ не находя себѣ ни мѣста, ни покоя, съ смутной надеждой услышать отъ кого нибудь такое слово, которое внесло бы утѣшеніе въ ея наболѣвшую душу, но никто ей такого слова не говорилъ. Всѣ повторяли ей то, что она и сама знала,—что Петрушкинаго лиходѣя далеко искать не для чего, здѣсь долженъ быть, у нихъ во дворѣ или въ домѣ. Надо только узнать, кто это именно, да заставить его сознаться, и Петруша ея спасенъ. Она и сама это знала, да что проку-то—близокъ локоть, да не укусишь.

Можетъ, и объявится виноватый, да ужъ тогда, когда невинному лобъ забрѣютъ.

Въ воображеніи своемъ она ужъ видѣла своего выхоленнаго, кудряваго красавца, съ бритой головой, какъ у арестанта, въ грубой солдатской курткѣ, вытягивавшагося въ струнку передъ палкой фельдфебеля гдѣ нибудь за тридевять земель отсюда, въ такихъ мѣстахъ, откуда и письму-то ни въ жисть не придтить, гдѣ всегда война, и не токма, что простыхъ солдатъ, а даже и офицеровъ, господскихъ дѣтей, видимо-невидимо убиваютъ и калѣчатъ.

Кровь застывала у нея въ жилахъ отъ ужаса при этой мысли. Лучше бы онъ умеръ! Легче бы ей было своими рученьками бѣлымъ саваномъ его повить, въ гробъ положить и надъ могилкой его выть и причитывать, чѣмъ знать, что онъ, можетъ, и живъ, да Богъ знаетъ гдѣ, и Богъ знаетъ, что за муки терпитъ, а вѣсточки о себѣ родимой матери дать не можетъ.

Внизу шумъ и суматоха съ минуты на минуту усиливались. Раздавалось по всѣмъ направленіямъ хлопанье дверьми, торопливые шаги прислуги и оживленный говоръ господъ.

Въ буфетной экономка съ двумя своими помощницами разливала чай и разставляла на большихъ серебряныхъ подносахъ вазы съ сластями и фруктами, корзинки съ печеньемъ и чашки съ чаемъ. Лакеи въ бѣлыхъ перчаткахъ разносили эти подносы по залѣ и гостиной.

Марта не получила разрѣшенія выйдти изъ своей комнаты. За нее Александръ Васильевичъ давалъ себѣ трудъ занимать гостей. Онъ заставлялъ барышенъ съ молодыми людьми пѣть и играть на фортепьяно, былъ очаровательно любезенъ со всѣми и даже внимателенъ къ женѣ.

Узнавъ, что барышнѣ прощенія отъ папеньки еще не вышло, Марина понесла ей чай наверхъ.

Марта въ волненіи прохаживалась по своей маленькой, красиво разубранной гостиной.

— Папенька про меня не спрашивалъ? — освѣдомилась она у вошедшей съ подносомъ горничной.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчала Марина.

Поставивъ подносъ на столъ, она зажгла свѣчи на изящномъ, съ фарфоровыми медальонами и бронзовыми инкрустаціями, письменномъ столѣ, заставленномъ дорогими бездѣлушками.

— Я не хочу чаю, зачѣмъ ты это принесла?—сказала съ раздраженіемъ барышня, отвертывая въ сторону свое, распухшее отъ слезъ, лице.

— Выкушайте чашечку, лучше заснете покушамши,— посовѣтовала Марина.

Ей не отвѣчали, и она повернулась къ двери, чтобъ уйдти, но барышня ее окликнула.

— Марина!

— Что изволите-съ?

— Кто тамъ внизу?—спросила Марта послѣ минутнаго колебанія.

— Всѣ тѣ гости, что кушали у насъ,—отвѣчала Марина.

— И баронесса съ сыномъ? — съ возростающимъ смущеніемъ и дрогнувшимъ голосомъ продолжала свой допросъ барышня.

— Не знаю-съ, можно спросить.

— Спроси, пожалуйста.

Марина вышла, а Марта опустилась на кресло у окна.

Сердце ея такъ билось, что ей казалось, что она слышитъ, какъ оно у нея стучитъ подъ корсетомъ; грудь сжимало тоской до слезъ. Но она старалась бодриться.

— Ну, что я за дура, ничего еще нѣтъ, а я ужъ раскисла. Развѣ можно вѣрить предчувствіямъ! — повторяла она себѣ, не спуская глазъ съ двери въ корридоръ, въ которую должна была явиться съ отвѣтомъ Марина.

Но вопреки доводамъ разума суевѣрная мысль не переставала кружиться у нея въ умѣ: если баронъ съ матерью здѣсь, значитъ у нихъ есть основаніе надѣяться, значитъ, отецъ ея отличилъ его отъ другихъ и заставитъ ее выйдти за него замужъ.

И Мартѣ казалось, что противнѣе этого человѣка она никогда еще никого не встрѣчала на свѣтѣ.

Но, разумѣется, если папенька захочетъ, она должна будетъ повиноваться. Даже и просить его сжалиться надъ нею она не посмѣетъ. Мать ея тоже противорѣчить не станетъ. Да онъ ее и не послушаетъ, она только повредить можетъ своимъ вмѣшательствомъ. Одна надежда на m-lle Lecage, да и то... если онъ скажетъ своимъ рѣзкимъ, ледянымъ тономъ: «я такъ хочу», она тотчасъ же смолкнетъ и вмѣстѣ со всѣми будетъ совѣтовать Мартѣ покориться.

Изъ гостиной Марты, кромѣ той двери, изъ которой вышла Марина, были еще двѣ: одна отворялась въ спальню барышни, другая въ комнату m-lle Lecage.

Эти три комнаты назывались половиной барышни. Окна выходили въ садъ, и сюда вела изъ нижняго этажа красивая лѣстница винтомъ изъ краснаго дерева съ рѣзными перилами.

Были еще двѣ другія лѣстницы наверхъ, но эта служила исключительно для господъ. По ней Александръ Васильевичъ поднимался къ дочери, а также ея учителя и тѣ барышни, которыхъ ей позволяли принимать у себя на верху.

Въ томъ же этажѣ находились дѣвичьи, уставленныя пяльцами, на которыхъ начали вышивать приданое барышнѣ со дня ея ро-

жденія. Дальше шли горницы, уставленныя сундуками и шкафами съ разнымъ добромъ, отдѣльныя помѣщенія для Марины Савишны, Лизаветы Акимовны и экономки, а въ антресоляхъ та длинная комната, гдѣ горничныя и дѣвчонки спали на полу, въ повалку, на войлокахъ, каждое утро убиравшихся на чердакъ, а также и та горница, съ большой печкой, въ которой, послѣ ухода Марины съ Лизаветой, остались вдвоемъ Мавра съ Хонькой.

Въ надеждѣ повидать сына,—можетъ, урвется на минутку, когда узнаетъ, что мать здѣсь,—Мавра не спѣшила уходить въ свой чуланъ рядомъ съ холостецкой столовой.

Постоявъ еще минутъ десять у притолки, она не въ силахъ была дольше переносить боль въ ногахъ и опустилась на низенькую скамеечку, стоявшую тутъ же у двери.

Всю ночь до разсвѣта моталась она на кухнѣ, да и днемъ ни на минутку не удалось ей присѣсть. Не успѣетъ однихъ накормить, какъ ужъ другіе валятъ. Весь день топилась печка и посуда со стола не убиралась. Надо бы теперь спать завалиться, да ништо заснешь съ той тоской, что сердце ей гложетъ?

За печкой Хонька возилась и сопѣла. Плачетъ какъ будто, носомъ фыркаетъ.

Такъ прошло еще съ полчаса времени. Опершись спиной объ стѣну и поджавъ подъ себя ноги, Мавра стала было подремывать подъ глухой шумъ голосовъ и музыки, долетавшій сюда снизу, какъ вдругъ по сосѣдней комнатѣ раздались торопливые шаги, дверь съ шумомъ растворилась, и вбѣжала молоденькая, тоненькая дѣвушка, скрыпя новыми башмаками и шурша туго накрахмаленнымъ розовымъ ситцевымъ платьемъ.

Въ полутьмѣ свѣчка нагорѣла такими грибами, что свѣтила очень тускло; Мавра не вдругъ узнала Лизаветку, возлюбленную ея сына. Лизаветка же была въ такомъ волненіи, что и вовсе ея не примѣтила.

Съ сдавленнымъ возгласомъ: «Хонька, ты тутъ?» промчалась она мимо нея безъ оглядки прямо къ печкѣ и стала теребить дѣвчонку.

— Сознавайся, лѣшій, сознавайся! Ты положила письмо! Не отпирайся... я знаю... не отпирайся,—повторяла она, задыхаясь отъ волненія.

При словѣ «письмо» Мавра, какъ ужаленная, вскочила съ полу и кинулась съ радостнымъ воплемъ за печку.

— Родимые, это она! Голубчики мои бѣлые, она самая! Мать царица небесная! Николай угодникъ! Она! Она!—лепетала Петрушкина мать, не помня себя отъ радости.

— Она, теинка, она, — подхватывала Лизаветка, и обѣ вмѣстѣ накидывались на Хоньку, повторяя въ одинъ голосъ:—сознавайся, паскуда! Что молчишь, окаянная!

Но Хонька губъ не разжимала.

Ее вытащили на средину комнаты, тормошили, дергали во всѣ стороны, кричали надъ нею, вопили, а она только хмурилась, мотала отрицательно всклокоченной головой и отпихивала локтями то одну, то другую изъ своихъ мучительницъ.

— Да что-жъ это такое, Господи!—вскричала наконецъ, въ отчаяніи всплескивая руками, Лизаветка.—Вѣдь знаю, что это она!

— Да кто тебѣ сказалъ?—только тутъ догадалась спросить Мавра.

— Да ужъ знаю, — повторила дѣвушка.

— Кто?—настаивала Мавра, бросая Хоньку и цѣпляясь пальцами за руку Лизаветки

Дѣвушка смутилась.

— Да ужъ знаю... пусти, теинка, чего меня держишь! — отвѣчала она упавшимъ голосомъ и, тревожно оглядываясь по сторонамъ, вырвалась изъ цѣпкихъ рукъ Петрушкиной матери и отскочила отъ нея въ противоположный уголъ комнаты.

Но Мавра побѣжала за нею и, крѣпко ухвативъ ее за юбку, съ сверкающими рѣшимостью глазами, продолжала свой допросъ.

— Не пущу, скажи, кто тебѣ сказалъ, что Хонька положила письмо, скажи, — шипѣла она надъ ней глухимъ шепотомъ.

Лизаветка разрыдалась.

— Да что-жъ это такое! Чего ты меня пытаешь! Значитъ, нельзя сказать, если не говорю... Кабы можно было, ништо я бы не сказала! — завыла она въ голосъ.

— Говори, говори, кто сказалъ!—сама себя не помня отъ ярости, твердила Мавра.

— Ты вотъ лучше къ ней пристань, чтобы созналась... она вѣдь это, паскуда, знаю я, что она...

На шумъ прибѣжалъ народъ. Кто-то донесъ ключницѣ про то, что происходитъ наверху, и она поспѣшила туда пойдти.

Дѣвки и дѣвчонки, толпившіяся въ дверяхъ, разступились при появленіи Надежды Андреевны. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она тоже обратилась къ Хонькѣ съ допросомъ.

Но, кромѣ односложныхъ: «не, не я», и Надежда Андреевна ничего не могла отъ нея добиться.

Тогда ключница обратилась къ Лизаветкѣ. Но Лизаветка, блѣдная, съ растеряннымъ взглядомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, на всѣ разспросы отвѣчала то же, что и Маврѣ.

— Знаю, что Хонька, подъ колокола пойду, что она, а выдать того, кто мнѣ это сказалъ, хоть жги меня, хоть рѣжь, не могу.

Замѣтивъ, что при этомъ она искоса и боязливо поглядываетъ на дѣвокъ, толпившихся у двери, экономка гнѣвно затопала на любопытныхъ.

— Вонъ! Чтобъ духу вашего тутъ не было! Набѣжали, прошу покорно! Маршъ, въ бѣлошвейную!

А когда толпа скрылась у нея изъ виду, она обратилась къ Маврѣ.

— Выдь-ка и ты отсюда,—приказала она ей.

Но Петрушкина мать не трогалась съ мѣста. Опустивъ голову, она изподлобья вскидывала злобные взгляды то на забившуюся въ уголъ Хоньку, то на Лизаветку, которая, покрывши голову передникомъ, истерично рыдала.

— Ступай и ты, тетка,—повторила экономка.

И, взявъ ее за плечи, хотѣла повернуть къ двери, но Мавра такими сверкающити глазами посмотрѣла на нее, что она отступила.

— Оставь,—огрызнулась старуха:—мое дѣтище; онѣ, подлыя, ништо пожалѣютъ его.

При этихъ словахъ Лизаветка завыла подъ своимъ передникомъ въ голосъ.

— Вотъ что, Марина Савишна,—обратилась Надежда Андреевна къ прибѣжавшей на шумъ барышниной горничной:—вы тутъ побудьте, а я дѣвицу эту у себя въ комнатѣ разспрошу, авось либо она мнѣ во всемъ сознается, какъ останемся мы съ нею съ глазу на глазъ.

Она увела плачущую Лизаветку, а Марина осталась стеречь Мавру съ Хонькой.

Минутъ черезъ двадцать ключница вернулась назадъ одна.

Лицо ея, длинное и темное, съ крупными, выразительными чертами, было мрачно, а въ глазахъ выражалась тревога.

— Ну, молись Богу, сыну твоему развязка можетъ быть,—отрывисто объявила она Маврѣ.

— Ступай къ себѣ и никому ни слова, слышишь? Все пропало, если проболтаешься кому нибудь,—прибавила она, строго возвышая голосъ.—Отступлюсь тогда и я отъ васъ, сами выпутывайтесь, какъ знаете.

Мавра кинулась ей въ ноги съ крикомъ:

— Матушка, благодѣтельница, не оставь!

— Иди, иди, нечего у меня въ ногахъ валяться, Богу молись!—взволнованнымъ голосомъ повторила Надежда Андреевна, выпроваживая ее вонъ изъ комнаты.

Марина оставалась у окна, сквозь тусклыя стекла котораго глядѣла сюда холодная, бѣлесоватая петербургская ночь.

Экономка вызвала ее въ коридоръ. И тутъ, въ темнотѣ, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ и тревожно прислушиваясь, она стала передавать ей шепотомъ результаты своихъ переговоровъ съ Лизаветкой.

— Она письмо въ кабинетъ подкинула, Хонька.

— Надо барину доложить,—сказала Марина.

— Поколь не созналась, ничего нельзя барину докладывать.

И, пригибаясь къ самому уху своей слушательницы, экономка продолжала еще тише:

— Тутъ еще другіе замѣшаны: Митька да Марья съ Василисой.

— Это Воротыновскіе?

— Воротыновскіе. И Хонька вѣдь оттуда же. Они тутъ съ однимъ бѣглымъ изъ Воротыновки всю Страстную, говорятъ, путались.

— Кто такой?—захлебываясь отъ любопытства, спросила Марина, которая была родомъ изъ того же мѣста.

— Не знаю, мужикъ тамошній. Хонькѣ крестный, говорятъ.

— Онъ, вѣрно, письмо-то ей и далъ, чтобъ барину въ кабинетъ положить?

— Понятно, кому же больше. Съ доносомъ, говорятъ, письмо-то.

— Съ доносомъ?!

— На управителя. Онъ ей и лепешекъ отъ матери принесъ. Вѣдь вотъ, дѣвки каторжныя, всѣ видѣли, что она лепешки жретъ, и хоть бы которая мнѣ словомъ обмолвилась—обратите, дескать, вниманіе на Хоньку, Надежда Андреевна, знакомство съ кѣмъ-то завела, лепешки жретъ.

— И мнѣ было не вдомекъ,—созналась Марина.

И, помолчавъ немного, она спросила у экономки, какъ она думаетъ поступить.

— Сами, что ли, станете ихъ допрашивать, или Михаилу Ивановичу препоручите это дѣло?

— Нѣтъ, ужъ пусть Михаилъ Ивановичъ; мнѣ дай Богъ съ этимъ чертенкомъ, Хонькой, справиться. Улики на лицо, а, все-таки, надо, чтобъ сама созналась.

— А тѣхъ-то, кто допыталъ? Неужто Лизаветка?

— Нѣтъ, тѣхъ Митька подстерегъ, когда онѣ того мужика въ щелку, черезъ заборъ высматривали.

— Хоньку теперича караулить надоть,—замѣтила Марина.

— Ужъ это безпремѣнно. Я ее въ чуланъ подъ черной лѣстницей запру. Пусть тамъ ночь-то просидитъ, а утромъ опять зачну допрашивать.

— Стащить бы ее въ старую баню да посѣчь хорошенько, небось, подъ розгами созналась бы,—проговорила раздумчиво старшая горничная.

— Тамъ видно будетъ,—возразила экономка.

X.

На слѣдующе утро, подавая барышнѣ умываться, Марина объявила ей, что Каролину Карловну (такъ звали по имени и по отчеству m-lle Lecage) позвали къ барину.

У Марты ёкнуло сердце. Наканунѣ вечеромъ, наплакавшись, она крѣпко заснула и, такъ сказать, заспала свое горе, но сегодня съ первыхъ же словъ Марины опасенія съ новой силой пробудились въ ея душѣ, и опять ей сдѣлалось такъ невыносимо грустно, что слезы подступили къ горлу.

— Поздно вернулась вчера Каролина Карловна домой? — спросила она.

— Не такъ, чтобъ ужъ очень поздно, но вы ужъ изволили почивать,—отвѣчала Марина.—Маменька приказали посмотрѣть, я къ вамъ вошла, вижу вы не слышите, я постояла, постояла вотъ тутъ,—указала она на мѣсто въ двухъ шагахъ отъ кровати,— да и ушла.

— Зачѣмъ маменькѣ было знать, сплю ли я, или нѣтъ?—спросила Марта.

— Не могу знать. Какъ гости уѣхали, къ нимъ въ уборную папенька изволили пройдти и съ полчаса тамъ пробыли, а какъ вышли оттуда, маменька и приказали мнѣ посмотрѣть, почиваете вы, или нѣтъ.

Каждое ея слово служило для Марты подтвержденіемъ ея предчувствій, и у нея мурашки пробѣгали по тѣлу отъ страха. Однако она и виду не показывала, что трусить, и, вспомнивъ, что у нихъ сегодня танцовальный вечеръ, спросила, какой туалетъ приказала приготовить ей m-lle Lecage?

— Къ вечеру бѣлое съ розанами, а теперь Каролина Карловна приказали подать вамъ голубое шелковое.

— Теперь? Зачѣмъ теперь?—удивилась Марта.

— Сейчасъ Лизавета Акимовна прибѣгала сказать: съ визитомъ барыня съ барышней поѣдутъ. Приказано, чтобъ карета была къ двѣнадцати часамъ у крыльца. Теперь скоро десять.

Она подала барышнѣ батистовый, вышитый пенуаръ и растворила передъ нею дверь въ гостиную, гдѣ былъ сервированъ чай на кругломъ столѣ, съ мраморной доской.

Марта машинально сѣла за серебряный самоваръ и начала дѣлать чай.

Никогда мать ея не ѣздила съ визитами на второй день праздника.

Обыкновенно такъ было: первые три-четыре дня Марья Леонтьевна принимала гостей, а въ концѣ недѣли отдавала визиты только самымъ почетнымъ изъ посѣтившихъ ея домъ, по списку составленному Александромъ Васильевичемъ, и отъ котораго она никогда не позволяла себѣ отклоняться.

Къ кому же посылаетъ онъ ихъ сегодня? Неужели къ баронессѣ?

И какъ ни старалась Марта отогнать отъ себя эту мысль, она не переставала упорно навертываться ей на умъ.

M-lle Lecage, съ которой она обыкновенно пила утренній чай, не возвращалась. Болѣе часу держалъ ее въ кабинетѣ Александръ Васильевичъ.

О чемъ толкуетъ онъ съ нею? Неужели только о томъ, какъ заставить Марту держать себя приличнѣе въ обществѣ и не насмѣхаться надъ ухаживавшими за нею молодыми людьми?

Ну, а съ маменькой онъ о чемъ говорилъ вчера вечеромъ? Все о томъ же? Не можетъ быть!

M-lle Lecage вернулась, наконецъ, изъ кабинета. Видъ у нея былъ и смущенный и торжественный въ одно и то же время. Она крѣпко поцѣловала свою воспитанницу, при чемъ съ какой-то странною пытливостью заглянула ей въ глаза и, замѣтивъ любопытство, загорѣвшееся въ нихъ, заболтала съ неестественною живостью о постороннихъ предметахъ. Разсказала про знакомыхъ, у которыхъ она провела вчерашній день, спросила про Полиньку и про ея отца, и начала было объяснять, почему она вчера позже обыкновеннаго вернулась домой, но тутъ ее съ раздраженіемъ прервали.

— Папенька мною не доволенъ, онъ вамъ не сказалъ за что?— спросила Марта.

Оставаться дольше въ неизвѣстности на счетъ того, что именно противъ нея замышляютъ, она была не въ силахъ; ей надо было это узнать, во что бы то ни стало.

Француженку неожиданный вопросъ немножко смутилъ и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, прежде чѣмъ отвѣчать, она вынула изъ ридикюля золотую табакерку, извлекла изъ нея щепотку, которую ловко и проворно втянула въ себя носомъ.

— Вашъ отецъ на васъ больше не сердится, дитя мое; онъ увѣренъ, что вчерашній урокъ послужитъ вамъ въ пользу и что вы впредь не позволите себѣ забывать должнаго къ нему уваженія,—начала она, стряхивая со сборокъ шелковаго лифа крупинки душистаго французскаго табаку, застрявшаго въ нихъ.—Онъ васъ нѣжно любитъ, отдаетъ справедливость качествамъ вашего ума и сердца и желаетъ, чтобъ вы слѣпо довѣряли его заботамъ о васъ и его опытности.

— И только? Онъ ни о чемъ больше не говорилъ съ вами?

M-lle Lecage только улыбнулась.

— Отца вашего безпокоитъ ваша необузданность, дитя мое; вы слишкомъ живы и слишкомъ мало сдерживаете ваши душевные порывы. Вы готовите себѣ много горя, дитя мое; жизнь состоитъ изъ испытаній...

— О, да, вы мнѣ это доказываете какъ нельзя лучше!—вскричала дѣвушка.—Я, право, не понимаю, что за удовольствіе всѣмъ доставляетъ меня мучить!—прибавила она сквозь слезы.

Старушка заволновалась.

— Du calme, mon enfant, du calme. Выпейте стаканъ воды, вотъ такъ. И, ради Бога, не плачьте, у васъ еще до сихъ поръ глаза распухли отъ слезъ, пролитыхъ вчера, что-жъ это будетъ, если сегодня опять! Вамъ надо ѣхать съ визитомъ, а у васъ лице будетъ въ красныхъ пятнахъ, это ужасно, ужасно! Я вамъ принесу de la fleur d'orange нѣсколько капель въ стаканъ воды, нѣтъ ничего лучше отъ разстройства нервъ...

Съ этими словами она вскочила съ мѣста, чтобы бѣжать въ другую комнату, но Марта, схвативъ ее за руку, силой усадила на прежнее мѣсто.

— Я не буду ни плакать, ни волноваться, скажите мнѣ только все, все, что сказалъ вамъ папенька,—проговорила она рѣшительнымъ тономъ.

— Боже мой, Боже мой! Да ничего особеннаго. Мы говорили про общество, собравшееся у васъ вчера, про барона Фреденборга...

— Что онъ про него сказалъ? Что?

— Вы обѣщали не волноваться, дитя мое.

— Не буду, не буду, только не мучьте меня, Бога ради!—умоляюще протянула дѣвушка.

M-lle Lecage опустила глаза и стала размѣшивать ложечкой давно растаявшій въ чашкѣ сахаръ.

— Вашъ отецъ очень хорошаго мнѣнія объ этомъ молодомъ человѣкѣ,—сдержанно объявила она. — Онъ находитъ его прекрасно воспитаннымъ, почтительнымъ сыномъ и...

— И дуракомъ,—вырвалось у Марты.

Ей съ улыбкой погрозили пальцемъ.

— Опять! Вы неисправимы, дитя мое, неисправимы,—покачивая своими сѣдыми локончиками, замѣтила съ тонкой усмѣшкой француженка и прибавила, скорчивъ серьезную мину:

— Баронъ Ипполитъ очень богатъ, и изъ него выйдетъ хорошій мужъ.

— Никогда не выйду я за него замужъ!—вскричала Марта.

На умномъ и хитромъ лицѣ француженки выразился испугъ.

— Marthe! Хорошо, что отецъ вашъ этого не слышитъ!

Значитъ, правда, предчувствіе не обмануло ее. Отецъ хочетъ отдать ее за Фреденборга. А когда онъ чего нибудь захочетъ, никто ему перечить не смѣетъ, онъ всегда ставитъ на своемъ, всегда!.. Что дѣлать? Господи! что дѣлать! Да нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Она будетъ просить, умолять, она скажетъ, что баронъ ей противенъ, что она съ нимъ не можетъ быть счастлива, и надъ нею сжалятся... Баронесса такая злая, непріятная женщина! Покориться ей, сдѣлаться ея невѣсткой, зависѣть отъ нея, цѣловать у нея руки, какъ теперь она цѣлуетъ у матери своей и у отца... О! ни за что, ни за что! Но какъ же быть?..

Мысли эти вихремъ проносились въ ея головѣ въ то время, какъ m-lle Lecage ровнымъ, сентенціознымъ голосомъ продолжала изрекать наставленія: la soumission aux parents est la première vertu des enfants, и тому подобныя высокопарныя и убійственныя по своей сухости и холодности фразы.

О, да, отъ этой бездушной иностранки Мартѣ ждать помощи и участія нельзя было!

Надо самой дѣйствовать, самой придумать такіе доводы, которые смягчили бы отца, заставили бы его измѣнить свое намѣреніе.

Она ему скажетъ, что совсѣмъ не желаетъ выходить замужъ, что для нея нѣтъ больше счастья, какъ оставаться въ родительскомъ домѣ, и что ее вовсе не пугаетъ кличка старой дѣвы...

Но прежде всего надо быть спокойной, твердой и даже, если можно, веселой. Онъ терпѣть не можетъ людей, не умѣющихъ собой владѣть, и, она это знаетъ, ему очень нравится въ ней ея гордость, и что она умѣетъ, при случаѣ, скрывать свои чувства.

Вошла Марина съ прелестнымъ шелковымъ платьемъ, нѣжно голубаго цвѣта, на растопыренныхъ пальцахъ. За нею шла дѣвочка съ картонками—въ одной былъ газовый серебристо-бѣлый шарфъ, въ другой шляпа, тоже бѣлая, изъ tulle d'illusion, усыпанная незабудками.

Все это было съ должною осторожностью, почти съ благоговѣніемъ, разложено на кровать и на столъ, а затѣмъ началось одѣванье барышни.

Парикмахера дѣлать прическу не звали; Марта должна была оставаться въ шляпѣ во время визита, и ея густую, черную косу просто закололи гребнемъ.

Она была блѣдна, но казалась совершенно спокойной. Только по временамъ брови ея, высоко приподнятыя, Воротынцѣвскія брови, судорожно сдвигались, и при этомъ продолговатые, лучистые сѣрые глаза, казавшіеся темными отъ густыхъ черныхъ рѣсницъ, щурились.

Эта привычка щурить глаза, когда онъ былъ чѣмъ нибудь озабоченъ, была и у отца ея, и у прабабки ея Мароы Григорьевны.

M-lle Lecage, присутствовавшая при туалетѣ своей воспитанницы, старалась развлекать ее городскими новостями и разсказами о предстоявшемъ праздникѣ въ Петергофѣ, по случаю посѣщенія какого-то иностраннаго принца.

— Vous aurez une toilette ravissante pour cette fête, mademoiselle. Monsieur votre père a tout fait venir de Paris. J'ai vu la lettre, qu'il envoie aujourd'hui avec le courier de l'Empereur. Il a eu la bonté de me cousulter sur certains détails... Oh! Après les grandes duchesses, vous serez la plus jolie, la mieux mise, la plus admirée...

Ее не прерывали, но и не слушали.

Марта стояла передъ большимъ трюмо, отражавшимъ ея краси-

вую, стройную фигуру, терпѣливо ожидая, чтобъ Марина кончила убирать ей платье лентами.

Разсѣянно взглянувъ на дѣвчонку, подававшую горничной булавки на серебряномъ блюдцѣ, она увидала незнакомое лицо и спросила, почему ей теперь прислуживаетъ не Хонька, а другая.

Марина нахмурилась.

— Хоньки нѣтъ-съ,—проворчала она на столько ясно, на сколько позволяли ей булавки, которыя она держала во рту.

— Гдѣ же она? Больна?—продолжала допрашивать барышня.

— Больна-съ,—отрывисто отвѣчала горничная и поспѣшила прибавить, поднимаясь съ полу:—извольте повернуться, надо спереди драпри наложить.

При этомъ она глянула изподлобья на француженку, у которой при имени Хоньки глаза забѣгали и загорѣлись жгучимъ любопытствомъ.

M-lle Lecage была извѣстна исторія съ письмомъ, а также и подозрѣнія, падавшія на Хоньку. У нея были шпіоны въ домѣ, и отъ природы она была такъ любознательна, что отъ ея пронырливости ничего не могло укрыться.

XI.

Михаилъ Ивановичъ въ то же утро доложилъ барину про открытіе, сдѣланное Лизаветой.

Баринъ страшно разгнѣвался, узнавши про сношенія, завязавшіяся между его дворовыми и бѣглецомъ изъ Воротыновки. Тогда только успокоился онъ немного, когда ему доложили, что, кромѣ двухъ бабъ да Хоньки, никто не говорилъ съ Алексѣемъ. Митька только издали его видѣлъ.

— Примѣты этого мерзавца?—спросилъ онъ отрывисто, садясь за письменный столъ и принимаясь за письмо къ оберъ-полицеймейстеру.

— Митька говоритъ: низенькій, бѣлобрысый, бороденка жиденькая, лице оспой попорчено,—началъ объяснять камердинеръ.

— А тѣ двѣ что говорятъ?—сердито прервалъ его баринъ, не отрываясь отъ письма.

— Тѣ еще не допрошены-съ.

— Заперты? Отдѣлены отъ другихъ?

— Нѣтъ еще. Безъ вашего приказанія одну только Хоньку... Не сознается.

— Сѣкли ее?

— Точно такъ-съ, сегодня утромъ Марина Савишна распорядилась. Молчитъ.

Баринъ, не выпуская пера изъ рукъ, поднялъ глаза на стоявшаго передъ нимъ камердинера и, устремивъ на него выразитель-

ный взглядъ, вымолвилъ, сурово сдвигая брови и поднимая палецъ кверху угрожающимъ жестомъ:

— Смотри, ты у меня осторожнѣе!

— Не извольте безпокоиться-съ,—пролепеталъ, теряясь отъ страха, Мишка.

— Откуда она?—спросилъ баринъ, исписавъ до конца первую страницу письма, положивъ перо и откидываясь на спинку кресла.

Онъ только тутъ въ первый разъ узналъ о существованіи этой мелкой твари Хоньки среди своей многочисленной дворни.

— Изъ Воротыновки-съ,—отвѣчалъ Мишка:—конюха Трифона внучка.

— Кто у нея изъ родныхъ еще живъ?

— Мать жива-съ.

— Отписать Либерману (въ Воротыновку главнымъ управителемъ Александръ Васильевичъ посадилъ нѣмца), чтобъ допросилъ эту бабу про бѣглеца, и наказать ее за то, что не донесла. А Митьку за то, что цѣлую недѣлю молчалъ, отодрать и посадить въ подвалъ на хлѣбъ и на воду.

— Слушаю-съ. Хоньку я приказалъ въ старую баню запереть.

— Хорошо. Больше ее не сѣчь. Я ее самъ допрошу сегодня вечеромъ. Бабъ тѣхъ... Какъ ихъ звать?

— Марья и Василиса, тоже Воротыновскія-съ.

— Ну, понятно, земляки!—усмѣхнулся баринъ.—Ихъ тоже посадить... каждую отдѣльно, въ пустой флигель. Запереть, чтобъ не ушли, и пристращать, сказать имъ, что я ихъ самъ допрошу. А если раньше сознаются, придти мнѣ сказать.

— Слушаю-съ.

— А теперь, чтобъ ни во дворѣ, ни въ домѣ, про это дѣло ни слова!—грозно возвышая голосъ, прибавилъ баринъ.

И, оттолкнувъ отъ себя недописанное письмо къ оберъ-полицеймейстеру, онъ посмотрѣлъ на часы и велѣлъ сказать барынѣ, что имъ пора съ барышней ѣхать.

— Душенька моя, у папеньки, кажется, виды на барона для тебя,—сказала Марья Леонтьевна дочери, когда онѣ сѣли въ карету и лошади тронулись съ мѣста.—Я ему намекнула на то, что онъ тебѣ не нравится, но папенька не захотѣлъ меня выслушать.

Марта не возражала.

Помолчавъ немного, мать ея снова заговорила:

— Не надо сердить папеньку, Марта: это ни къ чему не поведетъ.

И, тяжело вздохнувъ, она прибавила:

— У него, повидимому, есть важныя причины желать, чтобъ ты въ нынѣшнемъ году вышла замужъ.

— Онъ вамъ сказалъ эти причины, маменька? — спросила Марта.

— Ты знаешь, у него нѣтъ привычки объяснять причины своихъ поступковъ.

— Да, я это знаю,—согласилась дочь холодно, почти апатично и не мѣняя позы.

Она сидѣла неподвижно въ своемъ бѣломъ, атласномъ, съ лебяжьимъ пухомъ, палатинѣ, ни на что не глядя и что есть силъ сдавливая рыданія, рвущіяся у нея изъ груди.

Минутъ за десять тому назадъ она еще надѣялась.

Спускаясь съ лѣстницы изъ своихъ комнатъ, она увидала отца, проходившаго изъ кабинета въ столовую, обрадовалась возможности остаться съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ и поспѣшила къ нему навстрѣчу.

Александръ Васильевичъ остановился и протянулъ ей руку. Но, прижимаясь горячими губами къ этой рукѣ, Мартой все больше и больше овладѣвала робость и, постепенно ослабѣвая, рѣшимость ея открыть душу отцу замѣнилась отчаяньемъ.

Съ перваго взгляда замѣтила она его блѣдность и утомленный видъ. Точно онъ всю ночь провелъ за тяжелой и мучительной работой; въ глазахъ его не было ни обычнаго блеска, ни живости.

Но не это приводило ее въ отчаянье, не это заставляло слова замирать на ея губахъ, а упорная неумолимость, выражавшаяся въ его взглядѣ, во всѣхъ движеніяхъ и въ голосѣ.

Онъ какъ будто ужъ успѣлъ похудѣть за эту ночь, его красивое и мужественное лицо осунулось и постарѣло.

— Готово?—отрывисто спросилъ онъ, бѣглымъ, но внимательнымъ взглядомъ окидывая ее съ ногъ до головы.—Пора, первый часъ. Вы рискуете не застать баронессы дома.

И вдругъ, пытливо глянувъ ей въ лице, онъ сердито спросилъ:

— Отчего глаза распухли? Плакала?

Дѣвушка, краснѣя, опустила голову.

— Не дури, Мароа! Я этого не люблю, ты знаешь, — продолжалъ онъ еще суровѣе и не спуская съ нея строгаго взгляда.

Онъ ее пронизывалъ насквозь этимъ взглядомъ. Она чувствовала, что онъ читаетъ въ душѣ ея, какъ въ открытой книгѣ, всѣ ея мысли, чувства, печаль и отчаянье, и, всетаки, поставитъ на своемъ. Просить его, умолять—безполезно.

Чѣмъ больше станетъ она сопротивляться, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе сломитъ онъ ее и заставитъ поступить такъ, какъ онъ хочетъ. Онъ такъ привыкъ къ тому, чтобы все ему покорялось — и люди, и обстоятельства.

Вышла изъ своей уборной Марья Леонтьевна въ шляпѣ и въ

мантильѣ, и Александръ Васильевичъ отвернулся отъ дочери, чтобы заговорить съ женой.

— Передайте мое почтеніе баронессѣ и поблагодарите ее за любезность. А ты, Марѳа,—продолжалъ онъ, снова повертываясь къ дочери и магнетизируя ее взглядомъ,—напомни Ипполиту, что у насъ сегодня танцуютъ. Пусть пріѣдетъ пораньше, я радъ его видѣть.

Марта молчала, опустивъ глаза и стиснувъ побѣлѣвшія губы.

Онъ сдвинулъ брови.

— Ты слышишь, что я говорю?

— Oui, papa,—чуть слышно вымолвила она.

— Повтори.

Ужъ это было слишкомъ. Она вспыхнула, гордо выпрямилась, и рѣзкій протестъ чуть было не сорвался съ ея дрожавшихъ отъ гнѣва губъ, но глаза ихъ встрѣтились, и дольше трехъ-четырехъ секундъ она не въ силахъ была выдержать его суроваго и упорнаго взгляда...

Снова почувствовала она себя побѣжденной, и на этотъ разъ окончательно.

— Я ему скажу, что вы желаете его видѣть,—проговорила она тихо, но твердо.

Онъ усмѣхнулся.

— Это не совсѣмъ то, что я сказалъ, но, пожалуй, даже лучше. Ты именно ему такъ и скажешь. Онъ пойметъ, что это значитъ. Я желаю, чтобы и баронесса это слышала,—продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Oui, mon ami,—покорно отвѣчала Марья Леонтьевна.

Александръ Васильевичъ смягчился. Онъ почти ласково дотронулся рукой до пылающей щеки дочери, замѣчая при этомъ, что она ужасно сегодня красна.

— Когда назадъ вернешься надо взять ванну, pour être présentable le soir. Et vous serez convenable avec le baron, vous lui ferez oublier vos impertinences d'hier,—прибавилъ онъ.

Этотъ новый намекъ на нее ужъ не подѣйствовалъ. Она покорилась. Ей ужъ казалось, что она обвѣнчана съ противнымъ Ипполитомъ и, кромѣ холоднаго отчаянья, такого, какое чувствуешь надъ засыпанной могилой любимаго существа, въ душѣ ея ничего не было.

Марта никого еще не любила, но ей было двадцать лѣтъ, она мечтала о любви, о счастьѣ, и навсегда похоронить эту мечту было не легко.

Карета подъѣзжала къ Караванной, гдѣ у Фреденборговъ былъ свой домъ.

— Браки по любви не всегда бываютъ счастливы, дитя мое,— печально проговорила, глядя на дочь и угадывая ея мысли, Марья Леонтьевна.

Горькимъ опытомъ заплатила дочь князя Молдавскаго за право такъ говорить!

Послѣ обѣда господъ (у Воротынцевыхъ садились за столъ ровно въ три часа, а отъ пяти до семи часовъ баринъ съ барыней отдыхали, каждый на своей половинѣ) дворня пользовалась болѣе или менѣе свободой.

Гостей въ это время нельзя было ждать, господа не спросятъ, можно было, значитъ, своими дѣлишками заняться и свою коекакую работишку подѣлать. Тогда, обыкновенно, въ прихожей оставались только дежурный казачокъ да младшій камердинеръ, на случай, если бы баринъ проснулся и позвалъ, а изъ дѣвичьей отпрашивались сбѣгать въ людскую всѣ тѣ дѣвки и дѣвчонки, у которыхъ были тамъ родственники или пріятельницы.

Въ тотъ день каждой изъ просившихся къ тетенькѣ, маменькѣ или кумѣ, старшія повторяли, чтобы возвращались скорѣе. Барыня съ барышней начнутъ одѣваться по крайней мѣрѣ за два часа до съѣзда гостей.

— Да не забудьте сказать паликмахтеру, чтобы ровно въ шесть былъ у барышни. Баринъ велѣли имъ новую прическу сдѣлать; сразу-то не наладится.

И казачкамъ съ лакеями, рвущимися во флигеля на дворѣ, Михаилъ Ивановичъ тоже наказывалъ оставаться тамъ самую малость. Однихъ кенкетовъ сколько надо было зажечь, да свѣчей въ люстрахъ и въ бра, карточные столы разставить, въ буфетѣ все приготовить и, наконецъ, въ парадныя ливреи одѣться.

Петрушку, не взирая на его просьбы, Михаилъ Ивановичъ къ матери не отпустилъ.

Дѣло повертывалось въ его пользу. По всему было видно, что гроза, собравшаяся надъ его головой, должна была пронестись мимо и разразиться надъ другими, но Хонька еще не созналась, и малый былъ въ уныніи.

— И что ей, дьяволу эдакому, стоитъ сознаться, вѣдь все равно теперь и баринъ знаетъ, и всѣ,—повторялъ онъ въ сотый разъ, сидя съ Михаиломъ Ивановичемъ на скамейкѣ, обитой алымъ трипомъ, въ маленькой проходной, рядомъ съ кабинетомъ.

— Такъ вотъ поди-жъ ты. Ужъ мы честью ее съ Мариной Савишной просили: развяжи ты насъ, Христа ради, сознайся, что ты положила письмо. Стоитъ какъ истуканъ и молчитъ. Тѣ обѣ, Василиса съ Марьей, во всемъ повинились, все разсказали. Имъ, поди чай, сегодня, вотъ какъ баринъ встанетъ, и развязка будетъ.

— А что съ ними сдѣлаютъ?—полюбопытствовалъ Петрушка.

Михаилъ Ивановичъ вынулъ изъ кармана своего камзола серебряную табакерку, пожалованную ему бариномъ за какую-то заслугу, года два тому назадъ, нюхнулъ изъ нея и, презрительно фыркнувъ, съ усмѣшкой замѣтилъ, что женскаго пола въ солдаты не берутъ, значитъ одно только остается—сослать ихъ куда нибудь подальше, въ Рембурскую деревню, либо въ Вологодскую.

— Ну, а на дорогу посѣкутъ, конечно, ужъ это само собою разумѣется, для примѣра, значитъ,—прибавилъ онъ дѣловитымъ, перенятымъ у господъ, тономъ. — Эхъ, кабы у насъ съ Хонькой руки-то не были связаны, давно бы всей этой маятѣ конецъ! — прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Да съ чего это вдругъ ее баринъ пожалѣлъ, мерзавку эдакую?—спросилъ Петрушка.

— Какая тамъ жалость! Нашъ жалости не знаетъ. Еще не родился тотъ человѣкъ на свѣтѣ, который бы его разжалобилъ. Нѣтъ, тутъ другая причина, — отвѣчалъ раздумчиво Михаилъ Ивановичъ.

— Запороли мы съ нимъ такъ, при допросѣ, одну старуху до смерти, ну, вотъ и опасаемся таперича. Н-да! было такое дѣло,— прибавилъ онъ, покачивая головой.

— Какую старуху?

Но Михаилъ Ивановичъ былъ не изъ болтливыхъ.

— Тамъ одну... далеко отсюда. И ужъ давно, когда баринъ еще молоденькимъ былъ,--проговорилъ онъ уклончиво, и снова, глубоко вздохнувъ, надолго смолкъ.

Вспоминалъ ли онъ про оргіи въ Яблочкахъ во времена царствованія тамъ подлой женки Дарьки съ ея разбойничьей шайкой, или кровавый эпизодъ съ Ѳедосьей Ивановной? Навертывалось ли ему на умъ воспоминаніе о томъ, какъ онъ слюбился съ Малашкой, въ то время, какъ баринъ его разыгрывалъ идиллію съ барышней-сиротой, подъ зелеными, душистыми сводами заглохшаго парка?

А, можетъ быть, въ памяти его воскресала сцена таинственнаго вѣнчанія, которой онъ былъ свидѣтелемъ, въ ветхой, деревенской церкви? Блѣдный и съ дрожащими отъ страха руками, священникъ, въ старенькой, заштопанной ризѣ; удрученный тяжелыми предчувствіями и недоумѣніемъ Бутягинъ съ женой, робко жавшіеся въ темномъ уголку у запертой двери, а передъ аналоемъ, со свѣчами въ рукахъ, красивая и надменная фигура усмѣхающагося иронически молодаго барина и блѣдная, какъ призракъ, трепещущая невѣста?

Начинаетъ теперь пошевеливаться въ гробу этотъ призракъ, начинаетъ ихъ безпокоить.

И кому это понадобилось воскрешать эту давно похороненную, давно позабытую старину?

— Да я бы эту чертовку, Хоньку, до тѣхъ поръ сѣкъ, поколь она бы мнѣ все до крошечки про этого дьявола, что ей письмо далъ, не разсказала!—проворчалъ онъ вслухъ послѣ болѣе чѣмъ получасоваго молчанія.

— Ужъ и я бы тоже поприжалъ ее какъ слѣдуетъ, — подхватилъ Петрушка.

И хотѣлъ еще что-то прибавить, но остановился, прислушиваясь къ стуку, раздавшемуся вдали.

— Это дѣвки изъ людской прибѣжали, дверью изъ сѣней хлопнули,—замѣтилъ Михаилъ Ивановичъ. — И вѣдь знаютъ, что господа почиваютъ, а шумятъ, паскуды эдакія.

— Казачки бѣгутъ,—объявилъ Петрушка, кидаясь въ корридоръ.

А вслѣдъ затѣмъ раздался его голосъ, хриплый съ перепугу:

— Михаилъ Ивановичъ, пожалуйте сюда!

Камердинеръ поднялся съ мѣста и направился къ корридору. Тутъ онъ увидѣлъ группу изъ двухъ казачковъ, экономки, Мавры и еще пяти-шести человѣкъ, толпившихся въ безпорядкѣ и шептавшихся оживленно между собой, въ противоположномъ концѣ корридора.

У Михаила Ивановича морозъ по кожѣ подралъ отъ жуткаго предчувствія при видѣ этихъ людей, но это не помѣшало ему напустить на себя важность и, проходя мимо Петрушки, сдѣлать ему строгій выговоръ.

— Чего орешь, болванъ! Отсюда все къ барину слышно. Ступай въ переднюю. Дверь-то съ крыльца открыта, долго-ль какому нибудь съ улицы забраться. Ну, ступай, ступай,—прибавилъ онъ сурово, указывая пальцемъ на дверь въ переднюю.

И тогда только пошелъ дальше, когда Петрушка, неохотно и безпрестанно оглядываясь назадъ, побрелъ туда, куда его посылали.

При появленіи старшаго камердинера, въ толпѣ произошелъ переполохъ, шепотъ усилился, всѣ заговорили разомъ, боязливо понижая голосъ, съ возбужденіемъ жестикулируя и перебивая другъ друга.

— Яшка, у тебя письмо-то, подай...

— Надо прежде про Хоньку...

— Да, да, надо про Хоньку...

— Надежда Андреевна, скажите вы...

— Подайте прежде письмо, письмо важнѣе...

— Письмо опосля...

— Письмо подождетъ, а это такое дѣло...

— Той же минутой надо доложить...

— Кто увидалъ первый, тотъ пусть и доноситъ...

— Лушка...

— Гдѣ она? Лушка? Куда, дьяволъ, запропастилась?..

— Вылѣзай скорѣй, пострѣленокъ! Я те задамъ!..

— Я здѣсь, дяинька,—пискнула дѣвочка лѣтъ восьми, вылѣзая изъ угла за дверью.

Она дрожала какъ въ лихорадкѣ. Глаза ея въ безумномъ ужасѣ бѣгали по сторонамъ, какъ у травленаго звѣря, лицо было красно и вспухло отъ слезъ или отъ побоевъ, которыми нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, по всей вѣроятности, встрѣтили принесенную ею вѣсть изъ чулана, въ которомъ была заперта Хонька.

Ее стали теребить и толкать впередъ, она упиралась, а тѣмъ временемъ Михаилъ Ивановичъ подошелъ.

— Что тутъ за сборище? Зачѣмъ притащились?—строго спросилъ онъ.

И замѣтивъ письмо въ рукѣ Яшки:

— Откуда это? Подай сюда!—сказалъ онъ отрывисто, ну, вотъ точь въ точь, какъ баринъ, когда онъ не въ духѣ.

— Изъ подмосковной, отъ Митрія Лаврентьича,—проговорилъ почтительно Яшка, подавая письмо.

— Съ нарочнымъ?

— Съ нарочнымъ-съ. Племянника свово прислалъ, конторщика.

— Гдѣ его помѣстили?

— Нигдѣ еще, въ холостецкой пока. Лошадей отпрягаютъ. На почтовыхъ онъ.

«На почтовыхъ. Дѣло спѣшное, значитъ», — подумалъ Михаилъ Ивановичъ, въ недоумѣніи повертывая письмо, запечатанное большой конторской печатью.

— Помѣстить его въ правомъ флигелѣ и сказать, чтобъ торопился прибраться, сейчасъ, вѣрно, къ барину позовутъ.

А затѣмъ, повернувшись къ толпѣ, продолжавшей топтаться и перешептываться въ двухъ шагахъ отъ него, онъ замѣтилъ въ числѣ другихъ экономку и обратился къ ней:

— Что имъ нужно, Надежда Андреевна?

— Несчастье случилось, Михаилъ Ивановичъ.

— Какое несчастье?

— Хонька повѣсилась.

Среди внезапно наступившей тишины эти два слова прозвучали особенно внятно.

Михаилъ Ивановичъ поблѣднѣлъ и въ испугѣ попятился.

— Что?!—пролепеталъ онъ съ трудомъ.

— Хонька повѣсилась,—повторила Надежда Андреевна.

И, выталкивая впередъ оторопѣвшую Лушку, она прибавила:

— Вотъ эта первая увидѣла, изъ оконца...

Внезапно раздавшійся сильный и нетерпѣливый звонокъ заставилъ ее смолкнуть на полусловѣ.

Всѣ узнали звонокъ барина и въ испугѣ переглянулись.

Михаилъ Ивановичъ окончательно растерялся. Постоявъ съ минуту молча и съ безсмысленно выпученными глазами, онъ бросился безъ оглядки въ кабинетъ.

Въ волненіи своемъ онъ забылъ даже разогнать народъ изъ корридора, распорядилась этимъ ужъ Надежда Андреевна.

— Письмо-то захватилъ, что ли?—спросила она у Яшки, когда всѣ разошлись.

Яшка отвѣчалъ, что письма Михаилъ Ивановичъ изъ рукъ не выпускалъ.

Правда, письмо, присланное съ нарочнымъ изъ Яблочковъ, Михаилъ Ивановичъ держалъ въ рукѣ, докладывая барину про Хоньку.

— Никто ее пальцемъ не трогалъ, она сама, ей-Богу, сама, — прибавилъ онъ въ заключеніе своего повѣствованія.

Баринъ слушалъ молча и нахмурившись.

— Можетъ, она еще не умерла,—проговорилъ онъ, наконецъ, раздумчиво.—Лёвка ее видѣлъ?

Лёвкой звали фельдшера, тоже крѣпостнаго, лечившаго въ домѣ Воротынцевыхъ дворню и скотъ, лошадей, коровъ и собакъ.

— Не могу знать-съ.

— Ступай, узнай. Да что это у тебя въ рукѣ? Отъ кого письмо?

— Виноватъ-съ... Изъ Яблочковъ, съ нарочнымъ... запамятовалъ подать, — пролепеталъ растерявшійся камердинеръ, подавая письмо.

Баринъ запальчиво вырвалъ его у него изъ рукъ.

— Оселъ! Ступай, и толкомъ все тамъ чтобъ сдѣлали. Если нужно въ аптеку послать, пусть сбѣгаютъ, и придти мнѣ сказать, что тамъ, очнется она или нѣтъ. Да чтобъ до барыни съ барышней ничего не дошло, слышишь?—закричалъ онъ ему вслѣдъ.—Скажи тамъ Надеждѣ Андреевнѣ и другимъ!

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ ужъ за дверью Михаилъ Ивановичъ.

Баринъ остался одинъ.

Онъ опустился въ кресло передъ бюро, распечаталъ конвертъ, вынулъ изъ него письмо своего главнаго управляющаго и сталъ его читать.

Прошло съ полчаса времени.

Въ кабинетъ снова вошелъ Михаилъ Ивановичъ, но баринъ, какъ сидѣлъ, облокотившись на столъ и опустивъ голову на руки, такъ и не шелохнулся.

Постоявъ у двери въ нерѣшительности, Михаилъ Ивановичъ кашлянулъ, чтобъ дать знать о своемъ присутствіи, но и это ни

къ чему не повело. Тогда, переждавъ еще нѣсколько минутъ, онъ рѣшился самъ заговорить.

— Изволили приказ...

— Что? Кто тутъ? Зачѣмъ?—вскричалъ въ испугѣ Александръ Васильевичъ, обертывая къ нему лицо, такое блѣдное и взволнованное, что Михаилъ Ивановичъ вздрогнулъ.

— Хонька умерла-съ,—произнесъ онъ съ усиліемъ.

Баринъ провелъ рукой по лбу.

— Хонька... это та, что повѣсилась?

— Точно такъ-съ. Она умерла.

— Умерла?—повторилъ Воротынцевъ, все еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ слышалъ.

— Точно такъ-съ. Вы изволили приказать, чтобъ вамъ доложить...

— Да, хорошо, хорошо... Иди себѣ,—прервалъ его баринъ.

И, снова облокотившись на столъ, онъ опустилъ голову на руки.

Но Михаилъ Ивановичъ не уходилъ.

— Какія же будутъ отъ вашей милости распоряженія?..

— Иди, оставь меня,—повторилъ баринъ.

Въ голосѣ его не было больше ни испуга, ни гнѣва, одно только утомленіе.

— Прикажете дать знать въ участокъ?

— Хорошо.

— Я распоряжусь гробъ заказать...

— Хорошо, хорошо.

Это, безъ смысла повторяемое, слово смущало Михаила Ивановича невыразимо. Что сдѣлалось съ бариномъ? Онъ точно въ умѣ помутился или пьянъ? Не спроситъ даже, созналась ли Хонька передъ смертью.

— Она ни въ чемъ не созналась, но тѣ двѣ, Марья съ Василисой, прямо на нее указываютъ, — началъ онъ самъ отъ себя объяснять то, чего у него не спрашивали:—онѣ говорятъ, больше некому, какъ ей...

Баринъ и на это ничего не возражалъ.

Если-бъ Михаилъ Ивановичъ зналъ содержаніе письма, привезеннаго изъ Яблочковъ, онъ понялъ бы причину этого равнодушія и не удивлялся бы ему. Когда на васъ обваливается цѣлый домъ, грозя задавить васъ подъ своими обломками, нельзя раздражаться брошеннымъ издали однимъ какимъ нибудь камнемъ.

Созналась ли передъ смертью Хонька, или нѣтъ, удастся ли изловить мужика, передавшаго ей письмо, или не удастся, — все это было теперь для Александра Васильевича безразлично. Самое главное и самое для него ужасное во всемъ этомъ дѣлѣ не составляло для него больше тайны; онъ зналъ, что анонимное извѣстіе было вѣрно. Въ письмѣ, лежавшемъ теперь передъ нимъ и

подчиненнымъ преданнѣйшимъ изъ его рабовъ, было наложено то же самое, но только съ большими подробностями: въ Яблочки, на пятой недѣлѣ поста, пріѣзжалъ жандармскій офицеръ, допросилъ изъ дворни человѣкъ десять, да изъ крестьянъ столько же, про умершую въ 1818 году, записалъ показанія и уѣхалъ, не принявъ предложенія управителя отдохнуть и закусить въ господскомъ домѣ. По поводу этихъ допросовъ весь округъ пришелъ въ смятеніе. Съ недѣлю управитель пережидалъ, не стихнутъ ли толки сами собой, но они со дня на день размножаются; надняхъ пронесся слухъ, будто попъ Никандръ, въ сосѣднемъ селѣ Петровскомъ, знаетъ, гдѣ незнакомка похоронена, и будто гробъ будутъ отрывать, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли въ немъ кости матери съ ребенкомъ, и если одной только матери, то начнется слѣдствіе на счетъ ребенка, куда его дѣли. Въ заключеніе управитель спрашивалъ, какъ ему поступать, если, Боже сохрани, народъ, возбуждаемый наущеніями смутьяновъ, подниметъ бунтъ противъ него и другихъ вѣрныхъ барину слугъ.

Вотъ что писали Александру Васильевичу изъ подмосковной.

Но Михаилъ Ивановичъ этого не зналъ и продолжалъ дивиться, что баринъ сидитъ, безмолвно погруженный въ думы, когда по случаю Хонькиной смерти сейчасъ должна явиться полиція, которую надо непремѣнно подкупить взяткой, чтобъ избѣжать огласки и получить возможность похоронить покойницу, какъ всѣхъ хоронятъ, а не какъ самоубійцу.

И вдругъ до уха его долетѣлъ рѣзкій звукъ смычка по струнамъ, и онъ вспомнилъ, что сегодня у нихъ вечеръ. Музыканты настраиваютъ инструменты въ прихожей, передъ тѣмъ, какъ забраться на хоры. Сейчасъ гости начнутъ съѣзжаться. Баронесса Фреденборгъ съ сыномъ ужъ пріѣхали. Ему это сказалъ одинъ изъ лакеевъ, когда онъ сюда шелъ. Но катастрофа съ Хонькой положительно отбила у него память...

А также и у барина.

— Что это? — съ изумленіемъ спросилъ Александръ Васильевичъ, указывая въ ту сторону, откуда раздавалась дикая, рѣжущая слухъ, музыка.

— Музыканты инструменты настраиваютъ-съ. Сегодня вечеръ-съ,—напомнилъ ему Михаилъ Ивановичъ.

Этого еще не доставало! Принимать гостей, смотрѣть, какъ они пляшутъ, въ такую минуту, когда онъ и одинъ, въ тишинѣ своего кабинета, не въ силахъ собрать мыслей, обдумать положеніе, рѣшить, какимъ образомъ предотвратить напасть...

— Отказывать, всѣмъ отказывать, сказать, что я нездоровъ,— приказалъ онъ.

И, поднявшись съ мѣста, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по кабинету.

— Баронъ съ баронессой ужъ пріѣхали...

Александръ Васильевичъ вспылилъ:

— Вонъ! всѣхъ вонъ! Чтобъ духу ихъ у меня въ домѣ не было, вонъ!—повторилъ онъ гнѣвно.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ обрадованный Михаилъ Ивановичъ. Теперь все пойдетъ на ладъ, бояться нечего.

Передъ нимъ стоялъ его баринъ, тотъ, котораго онъ знаетъ больше сорока лѣтъ, дерзкій, гордый и отважный, а не беспомощное существо, которое ни себя, ни другихъ, не съумѣетъ оградить отъ бѣды.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. Мердеръ.

ЧАЙНАЯ РОЗА.

I.

, живя здѣсь, въ Петербургѣ, я получилъ изъ
и отъ сосѣдки-старушки, одной дальней моей
енницы, письмо, въ которомъ она, по обыкно-
давала мнѣ разныя порученія: купить га-
какую-то накидку, чепчикъ, «какіе теперь но-
дамы моихъ лѣтъ», и т. д., и, между прочимъ,
ала, что, по всей вѣроятности, въ скоромъ вре-
и, можетъ быть, даже надняхъ, ко мнѣ явится
ъ Перцевъ.

ы его, мой другъ, прими поласковѣй,—писала
-защищать и оправдывать его, конечно, я не
но онъ, всетаки, какъ молодой человѣкъ хо-
фамиліи, достоинъ вниманія и сожалѣнія и,
му же, можетъ исправиться, если его во время
поддержать. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, всѣ ему совѣтывали ѣхать къ тебѣ, такъ какъ увѣрены, что при связяхъ и хорошемъ и большомъ знакомствѣ тебѣ не составитъ особыхъ хлопотъ достать ему какое нибудь мѣсто, и тогда отъ него самого ужъ будетъ зависѣть доказать всѣмъ, что онъ исправился, или, что онъ дѣйствительно погибшій молодой человѣкъ, изъ котораго ничего не выйдетъ»...

Дальше она писала, какія онъ въ послѣднее время выносилъ униженія, «живя то у одного, то у другаго родственника и разъѣзжая въ чужомъ тепломъ платьѣ, при чемъ всѣмъ онъ былъ въ тягость, такъ какъ при его неуживчивомъ характерѣ, странностяхъ и привычкахъ имѣть его у себя въ домѣ стѣснительно, особенно у кого дочери, взрослыя дѣвушки»...

«Въ Петербургѣ же, если ты ему устроишь мѣсто, онъ увидитъ, что такъ вести себя и имѣть такой характеръ нельзя, потому что можетъ потерпѣть по службѣ и даже потерять мѣсто, котораго другаго ему ужъ никто не достанетъ»...

«Я просила тебя принять его ласковѣе, но это только при первой встрѣчѣ,—продолжала старуха—чтобы ему, какъ благородному человѣку, пріѣхавшему изъ провинціи къ своему родственнику, хоть и дальнему, очень не было совѣстно передъ прислугой. Вообще же ты будь съ нимъ построже и не позволяй ему никакихъ фамильярностей, чтобы онъ зналъ и понималъ, что ты дѣлаешь для него благодѣяніе, а вовсе не радъ ему, чтобы раздѣлять съ нимъ компанію. И мой совѣтъ тебѣ, на первое время, пока не увидишь, что онъ началъ серьезно заниматься своей службой и вообще склоненъ къ исправленію, ни съ кѣмъ его не знакомь и въ кругъ своего общества его не вводи, а то онъ, по своимъ привычкамъ, начнетъ, не стѣсняясь, выдумывать и разсказывать разныя гадости про своихъ родственниковъ, которые ничего ему дурнаго не сдѣлали, и онъ же передъ ними виноватъ, или, еще того хуже, станетъ тайкомъ отъ тебя выпрашивать и занимать деньги, которыя ему вовсе не нужны и пойдутъ только на глупости, такъ какъ на проѣздъ до Петербурга дяденька Григорій Николаевичъ дастъ ему пятьдесятъ рублей и, кромѣ того, на первый годъ будетъ высылать ему по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, чего ему совершенно достаточно, такъ какъ сынъ отца Павла, студентъ, получаетъ столько же стипендіи, и этого ему вполнѣ достаточно, хватаетъ на все, и даже прилично одѣтъ. Вотъ—безпристрастно скажу—достойный молодой человѣкъ, котораго намъ пріятно видѣть каждое лѣто. Выходятъ же, значитъ, и изъ ихъ сословія нынче приличные и скромные молодые люди!»...

Первымъ моимъ дѣломъ, сейчасъ же, какъ прочелъ я это письмо, было написать въ деревню, чтобы этого Анатоля ко мнѣ не присылали, я категорически отказываюсь отъ него, что мѣстъ у меня никакихъ нѣтъ, и я не знаю, какъ и гдѣ ихъ доставать, и проч., и проч., потому что мнѣ было ясно, что онъ тамъ, въ деревнѣ, всѣмъ ужъ надоѣлъ по горло, и они сплавляютъ его оттуда ко мнѣ. Да къ тому же объ Анатолѣ я имѣлъ, и помимо этого письма, свѣдѣнія самыя обстоятельныя, такъ что для меня не было никакого сомнѣнія, что изъ него ничего не можетъ выйти,—совсѣмъ пропащій ни на что и никуда негодный человѣкъ, съ которымъ я буду только понапрасну возиться, и онъ еще надѣлаетъ мнѣ кучу непріятностей.

Написалъ и сейчасъ же отправилъ.

II.

Происхожденія страннаго былъ этотъ Анатоль.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, передъ самой Крымской войной, въ нашей довольно глухой въ то время мѣстности появился

молодой человѣкъ замѣчательной красоты—брюнетъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ легкой едва пробивающейся бородкой, которой онъ, наперекоръ тогдашнему обычаю, не сбривалъ, съ томными глубокими глазами, которые вдругъ загорались и блестѣли, смѣялись, франтомъ, помодному, постоличному одѣтый,—Борисъ Павловичъ Перцевъ. Пріѣхалъ онъ изъ Москвы гостить на лѣто къ однимъ нашимъ сосѣдямъ, зажился, понравилось ему у насъ, и онъ остался и на зиму.

Жизнь деревенская тогдашняя была совсѣмъ не та, что теперь. Всѣ жили просторно, широко. Обѣды, пиры, балы, смѣняли одинъ другой. Цѣлымъ уѣздомъ съѣзжались и жили по три, по пяти дней. По вечерамъ гремѣла полковая музыка, танцовали и ужинали до утра, и на слѣдующій день опять то же. А тамъ, черезъ недѣлю, а то и прямо отсюда, всѣ ѣхали къ другому помѣщику, и тамъ снова офицеры, музыка, обѣды, танцы и ужины.

Перцевъ былъ вездѣ принятъ, какъ дома; всѣ дамы и дѣвицы были отъ него безъ ума, ухаживали за нимъ. У него былъ очень симпатичный и сильный голосъ, и онъ пѣлъ, самъ себѣ акомпанируя на фортепіано. У него былъ одинъ какой-то романсъ, слова котораго были такъ чувствительны, и онъ пѣлъ его такъ съ душой, что никто не могъ его слушать безъ слезъ, а дамы такъ прямо плакали, чуть не рыдали и потомъ цѣлый часъ ходили съ красными глазами. А самъ онъ, между тѣмъ, ужъ танцовалъ, смѣялся, или гдѣ нибудь въ другомъ углу декламировалъ стихи. Особенно хорошо онъ декламировалъ «Демона» Лермонтова, который тогда, тщательно переписанный на почтовой бумагѣ, съ ленточками и бантиками, былъ обязательно у каждой барышни. Кажется, онѣ находили при этомъ сходство въ немъ съ Демономъ, и онъ самъ, можетъ быть, былъ не прочь видѣть въ себѣ родственныя по духу черты и кокетничалъ этимъ.

О его прошедшемъ, о его состояніи, собственно никто ничего не зналъ достовѣрнаго. Знали только, что онъ такой же дворянинъ, какъ и всѣ, что у него нѣтъ ни отца ни матери, есть въ Москвѣ какая-то тетка, сестра отца, богатая женщина, которая его воспитала, содержала, когда онъ былъ въ университетѣ, и которая и теперь снабжала его средствами.

Теперь при здѣшней жизни, этихъ средствъ ему хватало вполнѣ: въ карты онъ не игралъ, въ кутежахъ не участвовалъ. Онъ только завелъ себѣ тройку, экипажъ, держалъ кучера и лакея и съ ними переѣзжалъ отъ одного помѣщика къ другому, съ одного бала на другой, вездѣ щедро давая на чай, за что прислуга вездѣ его съ радостью встрѣчала, всѣ любили и всѣ старались ему угодить, были во всемъ и всегда къ его услугамъ.

Не было у этого человѣка, казалось, никакой заботы въ жизни и никакой цѣли. Всегда веселый, спокойный, нѣжно участливый

ко всякому несчастію, ко всякому горю, онъ радостно смотрѣлъ на жизнь, и она сама точно всюду оживала съ нимъ, куда бы онъ ни пріѣзжалъ.

Здѣсь, у насъ, репутація его была безупречна: ни у кого не занималъ, не пользовался никакимъ одолженіемъ, былъ до щепетильности точенъ и акуратенъ въ своемъ словѣ, никогда ни во что, ни въ одно семейное дѣло не вмѣшивался, ни въ одной сплетнѣ и ни въ одной ссорѣ не участвовалъ.

Онъ только то и дѣло влюблялся, и въ него влюблялись, ухаживалъ, страдалъ, за нимъ ухаживали, по немъ страдали. Но онъ и это все велъ какъ-то такъ, что изъ этого не выходило никакихъ исторій, сплетенъ, и рѣшительно никто ничего не зналъ, до чего онъ доходилъ или на чемъ останавливался въ томъ или другомъ своемъ романѣ. Замѣчалось ухаживанье, сближеніе это тянулось извѣстное время, потомъ вдругъ замѣчалось ухаживанье за другой, другое сближеніе, но онъ оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ первой и точно также посѣщалъ ея домъ, и всѣ ему тамъ были рады. Никому онъ никакихъ предложеній не дѣлалъ, никакихъ обѣщаній не давалъ, ни въ чемъ не увѣрялъ, и отъ того ни у кого не было никакихъ правъ и на него. Онъ—вольный вѣтеръ.

Его такъ «вольнымъ вѣтромъ» и звали.

— А, Борисъ Павловичъ пріѣхалъ, вольный вѣтеръ прилетѣлъ!—говорили про него, встрѣчая его, когда онъ входилъ.

Черезъ часъ онъ уже сидѣлъ за роялемъ и пѣлъ, всѣ слушали его задушевные романсы со слезами на глазахъ или затаивъ дыханіе отъ восторга.

— Ахъ, если бы съ эдакой душой да сердцемъ, да характеръ былъ у него,—говорили потомъ про него и иногда прямо даже въ глаза.

А онъ улыбался, качалъ головой, и со смѣхомъ, какъ бы въ опроверженіе, въ отвѣтъ имъ, валялъ на фортепіано камаринскую или другую какую разухабистую пѣсню.

III.

И вдругъ этотъ человѣкъ влюбился, повидимому, страстно, безумно; почти вездѣ пересталъ бывать, сдѣлался серьезнымъ, задумчивымъ, молчаливымъ.

Это случилось, т. е. всѣ замѣтили въ немъ эту перемѣну, въ концѣ зимы, передъ самой весной: были уже весенніе паводки, пригрѣвало, весной уже пахло въ воздухѣ.

Предводителемъ у насъ въ то время былъ Алексѣй Михайловичъ Алябьинъ, человѣкъ очень богатый. Онъ служилъ уже третье трехлѣтіе, всѣми любимый за свою всегдашнюю готовность всячески—и протекціей, и связями, и деньгами, помочь своему дво-

рянину. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большой хлѣбосолъ. То и дѣло у него бывали съѣзды, обѣды. За зиму онъ обязательно давалъ два бала, на которые пріѣзжали и губернаторъ, и губернскій предводитель, и вся наша мѣстная аристократія, и тутъ ужъ шло настоящее разливанное море.

Состояніе, собственно, въ землѣ, или, потогдашнему, въ душахъ, у Алябьина было не особенно большое: у него не было и тысячи душъ. Но у него было много денегъ—своихъ и чужихъ—въ оборотѣ: онъ былъ гласно въ дѣлѣ съ откупщикомъ, державшимъ на откупу нашу и двѣ сосѣднія губерніи, грекомъ или евреемъ Карали,—ракали, или просто ракалія, какъ его всѣ звали.

Тогда, или потогдашнему, участіе въ подобнаго рода дѣлахъ не считалось нисколько предосудительнымъ, и потому и Алябьину никто этого участія его въ откупу въ упрекъ не ставилъ, а, напротивъ, всѣ завидовали только ему, а у кого были когда лишнія деньги, везли ихъ къ нему, или отдавали ему имѣнія свои на залоги, за что онъ тоже имъ платилъ проценты. Тогда это тоже было въ обычаѣ и, казалось, не представляло рѣшительно никакого риску.

Въ эпоху, къ которой относится этотъ разсказъ, дѣла у Алябьина шли блистательно. Его боготворили за то, что онъ и другимъ дворянамъ даетъ наживать, помѣщая такъ выгодно ихъ деньги или беря у нихъ для представленія по залогамъ имѣнія.

Женатъ былъ Алябьинъ, въ своемъ родѣ, на замѣчательной красавицѣ, Зинаидѣ Евграфовнѣ Большиной. Женился онъ на ней въ Петербургѣ, гдѣ служилъ въ гвардіи. Женившись, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню. Тутъ его вскорѣ выбрали въ предводители.

Онъ женился на ней на очень еще молоденькой: ей не было еще и полныхъ шестнадцати лѣтъ, когда она вышла изъ Смольнаго института, и онъ женился на ней. Онъ не взялъ за ней никакого приданаго,—она была совсѣмъ бѣдная.

Въ новой своей средѣ она оказалась совсѣмъ чужою и никогда и впослѣдствіи не была своей, ни по воспитанію, ни по манерамъ, ни по образу своей личной жизни. Даже по фигурѣ своей и по лицу она не подходила къ этой средѣ.

Ростомъ она была не выше средняго, худощавая, блондинка съ роскошными рыжими волосами, съ изумительной бѣлизны кожей, съ тонкими пальчиками, съ большими, точно удивленными, темно-синими, бархатными, какъ говорятъ, глазами, съ длинными, загибавшимися даже кверху черными рѣсницами и темными, тоже почти черными, правильными бровями, которыя она необыкновенно мило сдвигала вмѣстѣ и подымала, когда ей было весело или казалось что нибудь смѣшнымъ.

И одѣвалась она какъ-то не такъ, какъ всѣ, а особенно; или

это происходило, или казалось, отъ ея фигуры, изящной и стройной. Она и цвѣта любила тоже все особенные: блѣдно-зеленоватый, розоватый, лиловатый. Она напоминала въ нихъ что-то среднее между фарфоровой куколкой маркизы прошлаго столѣтія и застѣнчивой, стыдливой китаянкой съ опущенными глазами и съ вѣеромъ.

Кто-то назвалъ ее однажды чайной розой, и это названіе такъ и осталось за ней.

Среди мѣстныхъ дамъ, женъ помѣщиковъ, она не пользовалась ни авторитетомъ, ни любовью, хотя репутаціи ея не коснулась ни одна сплетня. Она не была нисколько горда, у всѣхъ бывала и держала себя совершенно просто. Но она была чужая—людямъ, ихъ интересамъ, всей средѣ. Она такою казалась даже и дома, у себя. Почти чужою она являлась и въ отношеніи мужа,—точно это была не жена его, не хозяйка въ домѣ, а дорогая и близкая гостья, принявшая на себя—и то только на сегодня—роль хозяйки.

Особенно она являлась такою на съѣздахъ, обѣдахъ, ужинахъ и балахъ, когда у нихъ собирались сотни гостей, и надо было, чтобы всѣмъ всего хватило и все чтобы было во время—отъ чая до постелей и подушекъ остававшимся ночевать. Ее за это осуждали, называли не-хозяйкой — высшее преступленіе въ глазахъ всѣхъ, по тогдашнему времени. Но къ этому ужъ привыкли всѣ, и никто отъ нея въ этомъ отношеніи ничего ужъ не ждалъ.

— Развѣ такую жену надобно было бы Алексѣю Михайловичу,— говорили про нее:—при его дѣлахъ, при его хозяйствѣ, при его съѣздахъ...

— Ему Надежду Васильевну, или Анну Дмитріевну бы—вотъ бы кого ему надо въ жены, а это что? Она и не знаетъ, что у нея есть, чего у нея нѣтъ. Это еще слава Богу, что Евпраксѣюшка у нихъ такая женщина. А то бы просто до срамоты когда нибудь...

И всѣ сочувствовали Алябьину, когда онъ, замѣтивъ какой нибудь безпорядокъ въ сервизахъ или нехватку какую въ чемъ, вздергивалъ плечами, съ упрекомъ бросалъ на нее взоры и нервно потягивалъ книзу усъ.

Поглощенный дѣлами, поддержкою связей и знакомства, онъ не былъ въ отношеніи ея и въ семейной своей жизни внимательнымъ мужемъ, повидимому, предоставивъ ее совершенно собственной ея участи.

И она, улыбающаяся, нѣжная, хрупкая, старающаяся поймать своими бархатными глазами его взоръ и понять его, казалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, совсѣмъ ему чужой, обязанной лишь теперь, при людяхъ, исполнять его желанія, предупреждать все, чего онъ хотѣлъ.

Такова была эта странная, по тогдашнему времени и по тому мѣсту, полузагадочная женщина—«Чайная роза»,—которой вдругъ

и неожиданно совершенно суждено было сдѣлаться героиней романа, притчей во языцѣхъ, и испытать затѣмъ страшныя несчастія, разбившія вдребезги всю ея жизнь.

IV.

Съ самаго своего появленія у насъ, съ первыхъ же своихъ шаговъ, Перцевъ, какъ только познакомился и сталъ бывать въ домѣ у Алябьиныхъ, началъ ухаживать за Зинаидой Евграфовной. Она несомнѣнно, видимо, заинтересовала и остановила на себѣ его вниманіе, какъ и очень многихъ изъ пріѣзжихъ, своей оригинальной, совсѣмъ изъ ряда вонъ въ нашей мѣстности, фигурой: лицомъ, своей внѣшностью и страннымъ, казалось, загадочнымъ характеромъ.

Всѣ это, разумѣется, сейчасъ же замѣтили, но такъ какъ Перцевъ былъ уже не первый неудачникъ въ своихъ ухаживаніяхъ за нею—ихъ и раньше было много—и зная напередъ, что изъ всѣхъ этихъ его ухаживаній ровно ничего не выйдетъ, тихонько подсмѣивались надъ нимъ. И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, видя, что она ничѣмъ не отличаетъ его отъ другихъ своихъ ухаживателей, даже не кокетничаетъ съ нимъ, какъ, впрочемъ, и со всѣми прочими, онъ мало-по-малу отсталъ отъ нея, переставъ почти бывать у нихъ въ домѣ, и съ удвоенной энергіей, точно желая наверстать потерянное время, бывалъ то у одного помѣщика, то у другаго, пѣлъ, хохоталъ, декламировалъ, танцовалъ.

Предметовъ новыхъ обожаній у него явилось сейчасъ же много, и онъ, казалось, забылъ объ ней и думать совсѣмъ.

Когда въ это время, желая уколоть его за что нибудь, напоминали ему объ ней, спрашивали, отчего онъ пересталъ за ней ухаживать,—онъ дѣлалъ комическую рожицу, склонялъ на бокъ голову и безнадежно разводилъ руками.

И онъ дѣйствительно и въ самомъ дѣлѣ, кажется, забылъ, махнувъ на все прошедшее рукою.

По крайней мѣрѣ, изрѣдка бывая, всетаки, у Алябьиныхъ, онъ попрежнему былъ веселъ, пѣлъ, игралъ, смѣялся, какъ будто онъ никогда не увлекался ею, чего, конечно, не могло бы быть, если бы отъ прошлаго остались какія нибудь серьезныя царапинки на сердцѣ или на его самолюбіи.

Она тоже очень радостно, весело встрѣчала его, спрашивала, что его давно нѣтъ, гдѣ онъ пропадаетъ, и тоже въ свою очередь сама подсмѣивалась надъ нимъ, спрашивая о побѣдахъ, слухи о которыхъ доходили до нея. Но и это все тоже безъ всякаго волненія, безъ тѣни горечи, досады, упрековъ. Просто ей было весело, и она была довольна, что интересный и веселый собесѣдникъ, куда-то пропадавшій, вновь явился.

Самъ Алябьинъ, привыкшій къ ухаживаніямъ за его женой, совершенно въ ней увѣренный, съ спокойно-благодушной ироніей относившійся къ этому, любезно и радушно встрѣчавшій Перцева у себя и ранѣе, такъ же, какъ и прежде, былъ съ нимъ и теперь.

Словомъ, говоря теперешнимъ языкомъ, маленькій инцидентъ этотъ всѣ считали исчерпаннымъ и поконченнымъ навсегда.

Подходила весна. Мясоѣдъ въ этомъ году былъ длинный, такъ что масляница и потомъ великій постъ должны были начаться поздно.

На масляницѣ, въ четвергъ, Алябьинъ каждый годъ устроивалъ у себя блины съ удивительно вкусной прямо изъ Астрахани зернистой икрой, съ аршинными стерлядями, удивительной, необыкновенной какой-то разварной севрюжкой и проч., и проч.

На эти блины къ нему обыкновенно съѣзжался буквально весь уѣздъ, изъ города пріѣзжали всѣ судейскіе, всѣ офицеры расквартированнаго полка съ своими музыкантами, и этотъ пиръ, подъ скромнымъ названіемъ блиновъ, тянулся до вечера субботы, когда всѣ наконецъ разъѣзжались. Черезъ недѣлю послѣ этого уѣзжалъ и самъ Алябьинъ въ Петербургъ, гдѣ онъ съ своимъ компаньономъ откупщикомъ сводилъ разсчеты, дѣлился барышами, бралъ или условливался брать новые откупа и проч.

Жена его, всегда остававшаяся дома, въ это время говѣла, вообще вела жизнь уединенную, почти ни къ кому не показывалась и никого не принимала у себя.

Такіе блины должны были быть и въ этомъ году, и всѣ тужили, что начавшіеся пригрѣвы и оттепели испортятъ хорошую дорогу къ Алябьинымъ, и нельзя будетъ тамъ ни кататься на тройкахъ, ни съ горъ, которыя къ этому времени всегда устроивались на широкомъ лугу передъ домомъ.

V.

До масляницы оставалось всего уже какихъ нибудь недѣля, дней девять.

Вдругъ разнеслась странная, неожиданная вѣсть: Алябьинъ получилъ какія-то извѣстія, наскоро собрался и уѣхалъ въ Петербургъ. Это всѣхъ заинтересовало. Какъ же такъ, значитъ, не будетъ блиновъ? Почему онъ уѣхалъ? Отчего? Значитъ какая нибудь экстренность, если онъ не могъ подождать недѣли, двухъ, какъ онъ уѣзжалъ обыкновенно?..

Начались догадки, предположенія.

Алябьинъ, какъ было сказано выше, имѣлъ въ дѣлахъ, на своей отвѣтственности и попеченіи, деньги очень многихъ и имѣнія въ залогахъ по откупамъ. Это обстоятельство еще болѣе усиливало любопытство.

Главное—всѣхъ смущала неожиданность, необычайность этой его поѣздки.

Скоро все объяснилось. Стало извѣстно, что компаніонъ Алябьина, откупщикъ Карали, неожиданно вдругъ умеръ, и Алябьинъ по этому именно случаю поскакалъ въ Петербургъ.

Сейчасъ же, разумѣется, пошли слухи, вполнѣ достовѣрныя извѣстія, что откупщикъ, компаніонъ его, вовсе не умеръ, а обанкротился, и теперь и Алябьинъ, и всѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣла, чьи деньги были у него и чьи имѣнія были представлены залогами, тоже все потеряютъ, останутся нищими.

Всѣ, заинтересованные и незаинтересованные въ дѣлахъ, конечно, сейчасъ же поспѣшили къ его женѣ, и съѣздъ въ Покровскомъ, имѣніи Алябьина, все время былъ не менѣе, чѣмъ въ обычные дни на масляницѣ.

Но бѣдная женщина, совершенно не посвященная въ дѣла мужа, ничего, конечно, въ нихъ не понимавшая, отвѣчала всѣмъ только, что откупщикъ, компаніонъ ея мужа, дѣйствительно умеръ и что мужъ поѣхалъ дѣйствительно по этому случаю въ Петербургъ. Но въ какомъ положеніи компаніонъ-откупщикъ оставилъ дѣла и есть ли отъ этого какая опасность ея мужу или кому бы то ни было, она не знаетъ.

— Полагаю, что ничего нѣтъ, потому Alexis поѣхалъ такъ спокойно,—добавляла она.

Ничего она не могла отвѣтить и на вопросъ: скоро ли и вообще когда онъ вернется?

— Какъ пріѣдетъ, Alexis обѣщалъ написать. А теперь я и сама не знаю. Думаю, что онъ пріѣдетъ какъ обыкновенно: черезъ мѣсяцъ, черезъ полтора...

Но ей возражали, говорили, что эта его поѣздка вовсе не обычная, не такая совсѣмъ, какъ предъидущія, и вызвана она другимъ совсѣмъ.

Она ничего имъ больше не могла объяснить: Alexis былъ покоенъ, когда уѣзжалъ; Alexis, какъ пріѣдетъ, напишетъ—и только.

Ничего отъ нея не добившись, одни уѣзжали, мысленно называли ее дурой, другіе, особенно дальновидные, подозрѣвали ее, говорили, что она въ стачкѣ съ мужемъ, все знаетъ и не говоритъ, и нарочно оставлена имъ здѣсь, чтобы все узнавать и выпытывать безъ него, что тутъ будутъ дѣлать, и потомъ писать ему обо всемъ въ Петербургъ.

Почта тогда ходила до Петербурга долго, телеграфа совсѣмъ не было, да и Алябьину, когда онъ пріѣхалъ и окунулся въ дѣло, вовсе, можетъ быть, было ужъ не до писаній писемъ, такъ что эта неизвѣстность, такая загадочная и тревожная для очень многихъ, тянулась долго, а къ бѣдной женщинѣ все ѣздили, приставали, что̀ и какъ, и, наконецъ, довели ее до того, что она

не велѣла никого почти принимать. Она уже выслушала передъ тѣмъ, ни въ чемъ тутъ не виноватая, нѣсколько дерзостей, грубостей.

Въ числѣ немногихъ, кого она въ это время принимала, былъ и Перцевъ, Борисъ Павловичъ. Дѣлъ у него съ ея мужемъ, да и вообще ни съ кѣмъ, никакихъ не было, онъ былъ не сплетникъ, ни чьей стороны не держался, ни во что не вмѣшивался: къ тому же онъ былъ веселый вѣчно, шутилъ, пѣлъ, декламировалъ. Ничего не можетъ быть естественнѣе, что такой человѣкъ теперь былъ дня нея кладъ.

И дѣйствительно, вскорѣ у Алябьиной образовался свой маленькій кружокъ, человѣкъ пять, въ числѣ которыхъ постоянно и непремѣнно бывалъ и Перцевъ. Всѣ они, съ хозяйкой во главѣ, меньше всего думали и разсуждали о дѣлахъ. Они ничего въ нихъ не понимали, не знали; извѣстія, которыя, наконецъ, начали приходить отъ Алябьина, были успокоительныя, онъ писалъ, что все поправитъ, думаетъ даже скоро вернуться и проч., и потому они очень благоразумно не теряли времени на напрасныя и пустыя соображенія и опасенія и жили тихо, скромно и превесело: пѣли, играли, читали, болтали. Перцевъ, показывавшійся, всетаки, время отъ времени то тамъ, то здѣсь, разсказывалъ, что Алябьина, по ея словамъ, рѣшила, когда пріѣдетъ мужъ ея, отказаться разъ навсегда и наотрѣзъ отъ всякихъ пріемовъ у себя и что и ни на какіе обѣды, балы и ужины, которые если онъ и будетъ дѣлать, она не будетъ выходить,—до того ее за это время разобидѣли и она всѣхъ хорошо поняла, поняла, какіе это все друзья ея мужа, за которыхъ онъ столько хлопоталъ, которыхъ столько разъ спасалъ, выручалъ и проч.

Это удаленіе ея отъ общества, отъ всѣхъ, замкнутая жизнь въ кружкѣ двухъ-трехъ сосѣдокъ, съ которыми она и раньше была болѣе чѣмъ съ другими близка, и постоянныя, частыя поѣздки къ ней Перцева, еще такъ недавно, годъ какой нибудь назадъ, влюбленнаго въ нее, ухаживавшаго за ней и теперь защищавшаго ее такъ горячо и страстно отъ всякихъ нападокъ на нее,—все это, вмѣстѣ съ недовольствомъ ея мужемъ, съ опасеніемъ за свои деньги, которыя были довѣрены ему, и, наконецъ, досадой очень многихъ поклонницъ Перцева за его исчезновеніе отъ нихъ,—все это, породило, наконецъ, сплетню объ интимныхъ отношеніяхъ, установившихся, благодаря отсутствію Алябьина, между его женою и Перцевымъ, и о томъ времяпрепровожденіи, которому предается собирающійся у нея интимный ея кружокъ.

Сплетня эта, разъ появившись, росла по обыкновенію всѣхъ сплетенъ, не встрѣчала ни откуда и ни отъ кого отпора, кромѣ страстныхъ, раздраженно рѣзкихъ возраженій и опроверженій Перцева, до котораго сплетня эта, конечно, скоро очень дошла.

Но вѣдь онъ—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ ней. Не сознаваться же ему, не говорить же ему: да, это такъ. Въ самой этой страстности и раздражительности его, казалось, было что-то подозрительное. Мало ли и раньше этого ходили слухи объ его увлеченіяхъ той или другой, въ интимности и въ близкихъ отношеніяхъ его къ нѣкоторымъ его подозрѣвали, и онъ тоже возражалъ, опровергалъ, какъ порядочный человѣкъ, но тогда не было ни этой страстности, ни раздражительности. Отчего это? Очевидно, что нибудь да есть...

VI.

Между тѣмъ, время шло. Отъ Алябьина и жена его, и многіе изъ тѣхъ, кто были связаны съ нимъ по дѣламъ, получали все успокоительныя письма съ обѣщаніемъ скоро пріѣхать. Однако же подъ разными предлогами онъ все оставался въ Петербургѣ, не ѣхалъ.

Наступила наконецъ весна. Прошли и рѣки, наступило тепло, все ужъ разстаяло. Вдругъ получилось страшное извѣстіе, которое прежде всего пришло въ Покровское и оттуда ужъ разнеслось по всему уѣзду: Алябьинъ зарѣзался. Въ Петербургѣ, въ гостинницѣ, гдѣ онъ стоялъ, утромъ нашли его за письменнымъ столомъ, надъ бумагами, зарѣзавшимся, съ бритвою въ рукѣ...

Что тутъ поднялось, какія проклятія посыпались на его голову, какія мерзости и низости разсказывались про его жену, — это не трудно себѣ представить всякому, кто хотя немного знакомъ съ провинціальной средой, особенно съ такой, какой она была въ то время.

Въ тотъ же день Алябьина уѣхала въ Петербургъ, такъ что всѣ, опять нахлынувшіе къ ней съ разспросами, какъ и что, не застали ужъ ея.

Провожать ее до Москвы вмѣстѣ съ нею уѣхалъ и Перцевъ.

Это, въ обыкновенное время, при обыкновенныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, поѣзжай она на свиданіе съ мужемъ въ Петербургъ, вызвало бы, можетъ быть, шутки надъ нею, болѣе или менѣе ядовитыя насмѣшки; но теперь, когда ѣхала на похороны мужа, такъ страшно кончившаго свою жизнь, всѣ, кому и дѣла до этого не было никакого, были возмущены и увидали въ этомъ нѣчто въ родѣ вызова какого-то, брошеннаго всѣмъ въ лицо. «Они, значитъ, теперь не находятъ даже нужнымъ скрывать своихъ отношеній, имъ плевать на всѣхъ и на все. И это они катаются и будутъ кататься на чужія, награбленныя ея мужемъ деньги. Мы разорены, а они на нашъ счетъ будутъ разъѣзжать, кататься!»...

Вернувшійся изъ Москвы черезъ двѣ недѣли, Перцевъ засталъ ужъ совсѣмъ не тѣ отношенія къ себѣ, что были прежде. Горечь,

злоба и ненависть пали ото всѣхъ теперь и на его голову. Онъ такой же соучастникъ въ общемъ ограбленіи и разореніи и церемониться съ нимъ нечего и не стоитъ. Положеніе его въ это время было крайне не только неловкое, но невыносимо даже. Въ двухъ-трехъ домахъ, куда онъ пріѣхалъ, ему прямо сказали, что дома нѣтъ, когда онъ, подъѣзжая, видѣлъ всѣхъ въ окно. При встрѣчахъ съ нимъ просто не кланялись, какъ будто раньше съ нимъ не были вовсе и знакомы. Наконецъ, съ нимъ было нѣсколько объясненій, только изъ уваженія къ дому, гдѣ они происходили, не кончившихся прискорбно.

Понастоящему, ему слѣдовало бы, казалось такъ, совсѣмъ не возвращаться изъ Москвы, но онъ не только вернулся, оставался здѣсь, продолжалъ, не смотря на все это, оставаться, и еще, мало того, въ довершеніе всего, въ отсутствіе хозяевъ, поселился въ Покровскомъ домѣ, въ ожиданіи, когда Алябьина вернется съ похоронъ мужа изъ Петербурга. Что это такое? Значитъ, онъ увѣренъ, имѣетъ какія нибудь права на нее, свой человѣкъ ей. Когда она вернется, онъ, можетъ быть, женится на ней?.. Это его пребываніе здѣсь окончательно выводило всѣхъ изъ себя.

А Алябьина уѣхала и тоже пропала, объ ней тоже не было ни слуху, ни духу. Перцевъ, говорили, получаетъ отъ нея письма, но, кромѣ него, никто, и когда она вернется, никому это неизвѣстно. Прошло такъ съ мѣсяцъ и болѣе.

Наконецъ, надъ имѣніемъ была назначена опека, и опекуномъ былъ назначенъ, по обыкновенію, одинъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, Василій Ивановичъ Мутовкинъ, личность совершенно ничтожная, ближайшій сосѣдъ Алябьиныхъ. Этотъ Мутовкинъ, на отчетѣ у опеки, теперь и распоряжался всѣмъ въ Покровскомъ, т. е., конечно, собственно хозяйствомъ.

VII.

Непонятное, загадочное, во всякомъ случаѣ, безтактное пребываніе Перцева въ Покровскомъ, послужившее уже темой стольких скандальныхъ сплетенъ про Алябьину, вдругъ и ужъ совершенно неожиданно дало новую пищу и предлогъ для разговоровъ.

У этого опекуна Мутовкина была большая семья—человѣкъ шесть дѣтей, которыя и были всѣ распиханы на дворянскія средства пансіонерами въ разныя учебныя заведенія. Старшая дочь, Леночка, была въ институтѣ, кончила курсъ и въ этомъ году пріѣхала домой въ имѣньеце къ отцу съ матерью. Дѣвушка она вышла не глупая, а главное—изумительной красоты.

Посѣщая, въ качествѣ опекуна, Покровское, Мутовкинъ познакомился съ проживавшимъ тамъ и скучавшимъ Перцевымъ и, какъ человѣкъ маленькій, ничтожный по своему положенію въ

уѣздѣ, среди большей частью все богатыхъ помѣщиковъ, онъ стоялъ внѣ ихъ пересудовъ и вражды къ Алябьинымъ, и пригласилъ его какъ-то пріѣхать, отъ скуки, къ себѣ, въ свое маленькое имѣньице, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ огромнаго и великолѣпнаго Покровскаго. Это было вскорѣ, какъ возвратилась изъ института его дочь, Леночка. Перцевъ пріѣхалъ, увидалъ ее и съ этого раза ужъ не проходило дня, чтобы Перцевъ не являлся утромъ или вечеромъ изъ Покровскаго къ Мутовкинымъ. Съ этой встрѣчи, съ перваго же дня, онъ все позабылъ, даже и то, зачѣмъ онъ жилъ въ имѣніи Алябьина—ни до чего и ни до кого ему не было дѣла, кромѣ этого новаго своего увлеченія, которое легко, можетъ быть, дѣйствительно было или стало впослѣдствіи самымъ сильнымъ въ его жизни.

Объ этомъ новомъ и неожиданномъ эпизодѣ, какъ ни уединенно и даже изолированно жилъ Мутовкинъ въ своемъ гнѣздѣ, скоро, однако-жъ, всѣ узнали, и пошла гулять новая сплетня не о Мутовкиной, дѣвушкѣ, которой никто не зналъ, такъ какъ нигдѣ почти она не бывала, а о самомъ Перцевѣ, этомъ всѣми признанномъ и несомнѣнномъ любовникѣ Алябьиной.

И въ этихъ сплетняхъ и разговорахъ было столько злорадства, столько ненависти къ Алябьиной, несчастной женщинѣ, никому въ сущности ничего злаго не сдѣлавшей, что, казалось, дѣло шло о какомъ нибудь общемъ, общественномъ врагѣ, наконецъ-то попавшемся и изобличенномъ.

Но Перцеву,—зналъ онъ объ этихъ же сплетняхъ, или нѣтъ,—теперь было все равно, ему ни до чего и ни до кого не было дѣла, кромѣ Леночки. Было, какъ это оказалось вскорѣ, однако-жъ, дѣло до этого самому Мутовкину и его женѣ...

Неизвѣстно, отвѣчала ли Леночка ему взаимностью, полюбила ли и она его въ свою очередь такъ же страстно, но только однажды въ моментъ сердечныхъ изліяній передъ ней и признаній Перцева застали Леночкинъ отецъ и ея мать, поймали на словѣ и, долго не думая, на другой же день ихъ благословили и обручили. Перцевъ былъ объявленъ оффиціально женихомъ Леночки Мутовкиной и очень скоро переѣхалъ къ нимъ совсѣмъ изъ Покровскаго. Свадьба должна была быть очень скоро, черезъ мѣсяцъ.

Неожиданная новость эта была встрѣчена съ восторгомъ. Всѣ радовались въ ожиданіи, какой это будетъ ударъ для Алябьиной, когда она возвратится и узнаетъ все. Въ этомъ злорадномъ ожиданіи теперь, казалось, утонули всѣ другія менѣе сильныя ненависти къ ней за мужа, за гордость ея, что она ни съ кѣмъ не сходилась и не дружила, наконецъ, за отбитаго—это она-то отбивала!—у многихъ красавца, ухаживателя и обожателя.

Теперь всѣ только ждали, дождаться не могли ея возвращенія изъ Петербурга. Относительно же женитьбы Перцева теперь всѣ

находили, что ничего тутъ страннаго и удивительнаго нѣтъ, что это собственно самая настоящая для него партія, такъ какъ кто же, какая же это дѣвушка, кромѣ какой-то Мутовкиной, и пойдетъ послѣ всего того, что было, за него замужъ.

Алябьина, между тѣмъ, почему-то все не ѣхала. Насталъ, наконецъ, и день свадьбы Перцева. Молодыхъ очень скромно повѣнчали въ бѣдной деревенской церкви, и они зажили у родителей невѣсты, никуда не являясь, ни къ кому изъ сосѣдей не показываясь. Осенью Перцевъ собирался съ молодой женой ѣхать въ Москву къ теткѣ своей и остаться тамъ на всю зиму, навсегда.

VIII.

Въ августѣ, въ концѣ, Алябьина вернулась, наконецъ, изъ Петербурга. Видѣвшіе ее въ это время говорили, что ее почти узнать нельзя, до того она перемѣнилась: въ трауръ, исхудавшая, она постарѣла лѣтъ на десять и казалась совсѣмъ ужъ старухой, хотя ей не было и тридцати лѣтъ, и еще какихъ нибудь полгода назадъ она была красавицей.

Еще раньше ея возвращенія стало уже извѣстно, что дѣла ея мужа остались въ ужасномъ безпорядкѣ, а имѣніе Покровское, когда все, наконецъ, будетъ приведено въ извѣстность и ясность, будетъ продано и ей ничего не останется отъ покрытія его долговъ и всякихъ претензій къ нему. Домъ въ Покровскомъ, мебель, экипажи, серебро, посуда, все было описано и опечатано. Несчастная женщина поселилась теперь, по пріѣздѣ, въ одномъ изъ флигелей и жила тамъ покамѣстъ на очень скромныя деньги, которыя ей отпускались изъ опеки. Какъ пріѣхала, она никому не сдѣлала визита, заперлась, показывалась только въ церкви и наотрѣзъ отказалась кого бы то ни было принимать. Нѣсколько попытокъ увидать ее, переговорить съ ней, не удались. Она выслала сказать, что по дѣламъ ея мужа слѣдуетъ обращаться въ опеку, а не къ ней, такъ какъ она теперь тутъ не при чемъ. Она однажды, разъ только, приняла опекуна Мутовкина на другой или третій день по пріѣздѣ и при этомъ попросила его, чтобы и онъ не трудился къ ней заходить, а присылалъ бы ей просто съ кѣмъ нибудь деньги, въ полученіи которыхъ она будетъ расписываться. Она рѣшительно никого не принимала. Не приняла и явившагося было къ ней съ женою Перцева:—«Барыня извиняется: онѣ не здоровы и не могутъ принять»,—вынесла ему отвѣтъ ея горничная.

Тогда, чтобы ее хоть увидѣть въ лицо, начали ѣздить всѣ къ обѣднѣ въ Покровскую церковь. Она перестала ходить и въ церковь.

Черезъ мѣсяцъ, въ сентябрѣ, Перцевъ съ женою уѣхали въ Москву. Настала осень, распутица, пришла и зима. Въ этомъ году

въ декабрѣ должны были быть дворянскіе выборы,—«баллотировка», какъ назывались они тогда, однимъ словомъ,—надо было выбрать новаго предводителя на мѣсто Алябьина, должность котораго исправлялъ его кандидатъ. Эти выборы въ тогдашней жизни были событіемъ самой первой важности, они поглотили все вниманіе всѣхъ, о несчастной Алябьиной сперва было забыли на время, а потомъ, такъ какъ она никуда не показывалась, ведя чисто замкнутую жизнь, забыли почти, наконецъ, и совсѣмъ.

Ликвидація дѣлъ Алябьина по участію его въ откупахъ, съ казною, и по частнымъ дѣламъ, затянулась. Нѣсколько разъ Покровское назначалось въ продажу, но потомъ продажа эта опять почему-то откладывалась. Всѣ свыклись, наконецъ, съ мыслью, что этому конца не будетъ. Такъ прошелъ годъ, другой, третій. Мутовкинъ все былъ опекуномъ. Алябьина все еще жила во флигелѣ и попрежнему никуда не показывалась, кромѣ церкви, куда стало, наконецъ, можно и ей приходить, такъ какъ любопытные бросили слѣдить за ней. Объ ней дѣйствительно забыли, и теперь уже, казалось, навсегда.

Но ей суждено было вновь сдѣлаться на время темой для разговора. Получилось извѣстіе, что Перцевъ, уѣхавшій четыре года назадъ съ женою въ Москву, умеръ тамъ въ тифѣ, а вслѣдъ за нимъ отъ тифа же умерла и заразившаяся отъ него его жена, оставившая двухъ дѣтей сиротокъ—старшую дѣвочку трехъ лѣтъ и мальчика одного году.

Теперь всѣ съ участьемъ заговорили о Перцевѣ, его несчастной женѣ, вспомнили, какъ онъ необыкновенно задушевно пѣлъ, декламировалъ, какой это былъ, правда, легкомысленный, но все же хорошій и пріятный человѣкъ. Вспомнили объ немъ, вспомнили и объ Алябьиной, обо всей этой исторіи. Но теперь это было невинное, грустно-пріятное чесаніе языка по поводу прошедшаго.

Въ Москву за этими оставшимися сиротками Перцева ѣздила жена Мутовкина и привезла ихъ къ себѣ въ деревню, такъ какъ тетки Перцева, дѣйствительно богатой женщины, которая ихъ бы не отдала ей, въ Москвѣ въ это время не было: она жила гдѣ-то за границей, лечилась тамъ.

Какимъ образомъ, по какимъ соображеніямъ, но только старшую сиротку, дѣвочку, Мутовкина вскорѣ уступила Алябьиной, которая взяла ее къ себѣ, и она была единственнымъ ея развлеченіемъ и утѣшеніемъ. Дѣвочка, говорили, была дѣйствительно и преумненькая, и прехорошенькая. Алябьина къ ней страшно привязалась, въ свою очередь и дѣвочка ее полюбила. Но надъ судьбой этой несчастной женщины точно что тяготѣло. Ровно черезъ годъ, день въ день съ кончиной отца, умерла и эта дѣвочка. Алябьина, говорили, чуть съ ума не сошла по этому поводу. Цѣлыми днями, съ утра до вечера, она просиживала на ея могилкѣ, убирала ее

цвѣтами, устроила себѣ даже столикъ и кресло у этой могилки и такъ и сидѣла тамъ, работая, читая.

Еще черезъ годъ кончилась, наконецъ, и Алябьинская ликвидація: Покровское было, наконецъ, продано, долги почти-почти сполна были всѣ уплачены, но вдовѣ Алябьиной ничего не осталось.

Вслѣдъ за продажей Покровскаго, Алябьина навсегда покинула нашу сторону, въ которой она испытала столько огорченій, обидъ и такъ мало радостей. Она уѣхала въ Петербургъ, гдѣ, говорили, у нея былъ еще въ живыхъ какой-то дальній ея родственникъ.

IX.

Сына Перцева, сиротку трехъ лѣтъ, который жилъ у Мутовкиныхъ, сейчасъ же, по возвращеніи въ Москву, вытребовала къ себѣ тетка Перцева, приславшая за нимъ цѣлую экспедицію изъ няньки, дядьки и еще кого-то. Мутовкина, конечно, съ радостью ей уступила его.

Лѣтъ десять послѣ этого объ этомъ мальчикѣ ничего не было слышно, да и кого могъ онъ интересовать? Забыли и о самомъ отцѣ его, а до него ужъ кому было какое дѣло..

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ вдругъ проявился въ нашихъ мѣстахъ ужъ молодымъ человѣкомъ, франтомъ, довольно красивымъ, напоминавшимъ отца, но только производившимъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, какъ его отецъ.

Онъ пріѣхалъ къ дѣдушкѣ съ бабушкой, т. е. къ Мутовкинымъ, которые тогда были ужъ значительно покрупнѣе противъ прежняго, прикупили и землицы и все такое, такъ какъ Мутовкинъ за время своего опекунства въ Покровскомъ изрядно таки нажился.

Молодой человѣкъ, Анатоль, за лѣто успѣлъ кой къ кому втереться въ домъ. Онъ вездѣ слышалъ лестныя воспоминанія объ отцѣ, ему полушутя разсказывали объ его походахъ здѣсь, объ ухаживаньяхъ, разсказали между прочимъ и про романъ — не романъ его съ «Чайной розой», словомъ онъ прослушалъ и узналъ всю легенду своего отца.

Осенью онъ уѣхалъ, а весной вновь проявился. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Бабка его, тетка его отца, содержала его въ Москвѣ, но, видно, дѣла ея стали плохи почему нибудь, или онъ съумѣлъ такъ надоѣсть ей, что она почти что отказалась отъ него и давала ему только время отъ времени подачки, и онъ годъ отъ году сталъ являться изъ Москвы все въ худшемъ и худшемъ видѣ и, наконецъ, однажды, пріѣхалъ совсѣмъ ужъ чуть-чуть не оборванцемъ. Вотъ съ этого раза и начались его приключенія ужъ у насъ, въ нашей сторонѣ, на глазахъ у всѣхъ. Его сначала удалось какимъ-то способомъ опредѣлить въ чиновники особыхъ по-

рученій къ губернатору. Въ извѣстномъ смыслѣ прекрасно воспитанный, съ манерами, съ французскимъ языкомъ, онъ около года профинтилъ въ губернскомъ нашемъ городѣ, конечно, все въ долгъ, нарвался, наконецъ, на скандалъ съ какимъ-то пріѣзжимъ изъ Петербурга офицеромъ, вышла исторія, и онъ вылетѣлъ изъ чиновниковъ. Потомъ и пошло: опредѣляли его и въ судебное вѣдомство, по новымъ судамъ, которые тогда только что открылись, и по старымъ судамъ, которые еще оставались не закрытыми, и по разнымъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ,—черезъ полгода, черезъ два мѣсяца, его отовсюду выпроваживали. Наконецъ, не стали ужъ никуда принимать, онъ опустился окончательно и жилъ ужъ то у того, то у другаго помѣщика часто такъ изъ милости, однако же вездѣ въ благодарность отплачивая или скандалами, наглостью или грязной какой нибудь исторіей.

Бывая въ деревнѣ, въ свои рѣдкіе пріѣзды, я видалъ его,—не у насъ въ домѣ, а встрѣчалъ у кого нибудь изъ сосѣдей. Онъ производилъ на меня всякій разъ самое отвратительное впечатлѣніе негодяя и вмѣстѣ съ тѣмъ нахала, исполненнаго почему-то необыкновенно о себѣ высокаго мнѣнія.

И вотъ объ этомъ-то молодцѣ, всѣмъ ужъ надоѣвшемъ по горло, ко мнѣ писала теперь старушка родственница моя, прося его опредѣлить на службу и вообще пристроить въ Петербургѣ.

X.

Письмо, которое я торопился такъ написать къ ней и отправить, не оправдало моихъ надеждъ—было ужъ поздно.

На другой день утромъ, я только что всталъ, не успѣлъ еще напиться кофе, какъ мнѣ подали письмо, запечатанное большой красной сюргучной печатью. Ни городскаго, ни загороднаго штемпеля на немъ не было.

— Отъ кого это?—спросилъ я.

— Какой-то господинъ принесъ... дожидается.

Я распечаталъ письмо и посмотрѣлъ на подпись. Стояло: «Примите увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго уваженія и преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнымъ слугою, Григорій Бехилевъ».

У меня просто руки опустились.

Григорій Михайловичъ Бехилевъ былъ тотъ самый «дяденька Григорій Михайловичъ», о которомъ добрая старушка писала мнѣ, что онъ дастъ Анатолю пятьдесятъ рублей на проѣздъ до Петербурга и потомъ будетъ высылать ему ежемѣсячно по двадцати-пяти рублей втеченіе года, пока я не пріищу ему мѣста, вообще не устрою его.

Бехилевъ въ своемъ письмѣ обращался къ моему «доброму сердцу», напоминалъ мнѣ, что если я то-то и то-то сдѣлалъ для постороннихъ совсѣмъ, единственно потому только, что они мнѣ земляки, то онъ увѣренъ, что я, конечно, не откажусь помочь Анатолю, который, хоть и дальный, но, всетаки, по Скурлятовымъ мнѣ родственникъ, а потому... и т. д., и т. д.

Было для меня очевидно, что тамъ, въ передней, стоитъ самъ этотъ Анатоль и дожидается моего отвѣта.

— Господинъ этотъ тамъ? Позовите его,—сказалъ я.

Ко мнѣ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, лишенный половины волосъ, съ измятой, опухшей, но всеже еще красивой физіономіей, въ какомъ-то пиджачкѣ мѣстнаго покроя, порядочно таки поношенномъ, и въ новенькомъ яркаго цвѣта галстухѣ съ бронзовой булавкой, — совсѣмъ отставной маркеръ или лакей изъ гостинницы «съ номерами для пріѣзжающихъ», прогнанный за неблаговидной поступокъ и теперь пришедшій просить «рекомендаціи»,—вошелъ, распустилъ сладкую улыбку и хотѣлъ сейчасъ броситься обнимать меня, но я его предупредилъ.

— Садитесь, пожалуйста... Григорій Михайловичъ пишетъ, проситъ устроить вамъ мѣсто,—началъ я:—но какое же у меня мѣсто? У меня никакого мѣста для васъ нѣтъ. Я отъ роду не служилъ... Я никакихъ мѣстъ не знаю.

Я сказалъ это совершенно серьезно и посмотрѣлъ на него.

Онъ видимо растерялся, не ожидалъ такого пріема. Заручившись письмомъ такого первостепеннаго въ своемъ муравейникѣ авторитета, какъ Бехилевъ, предъ которымъ тамъ все преклоняется и который дѣйствительно порядочный человѣкъ, онъ, очевидно, думалъ, что если не для него самого, то ужъ для Бехилева, я и приму его чуть не съ почтеніемъ, и вытянусь въ ниточку, поѣду сейчасъ хлопотать, кланяться и достану ему мѣсто.

— И какъ же они такъ прямо присылаютъ васъ, не сносившись предварительно со мною?—продолжалъ я.

Анатоль молчалъ, но въ глазахъ у него на мгновенье, какъ огонекъ, загорѣлась такая злоба—холодная, голодная.

Мнѣ бы, собственно говоря, на этомъ надобно было и покончить, сказать, что мѣстъ у меня никакихъ нѣтъ, у кого и гдѣ ихъ доставать, я не знаю; дать ему десять рублей, въ крайнемъ случаѣ купить ему обратный билетъ на желѣзную дорогу, и онъ бы и убрался.

Но я имѣлъ неосторожность заговорить съ нимъ. Онъ этимъ воспользовался, представился утопающимъ, у котораго одна только и есть надежда на меня; если я откажусь, ему выходъ одинъ — скитаться, на нѣтъ сойдти, пропасть.

— Двадцать пять лѣтъ мнѣ—только... хотѣлось бы пожить, по-

работать... Чувствую, что могу... сказалъ онъ и глухо кашлянулъ при этомъ.

— Да я, право, не знаю, какое же я вамъ мѣсто могу найдти,—продолжалъ я. — Вы думаете, это легко. На каждое мѣсто здѣсь сотни кандидатовъ.

— Я подожду. Григорій Михайловичъ былъ такъ добръ, снабдилъ меня маленькими средствами, — сказалъ онъ.

— Маленькими средствами! А здѣсь, вы думаете, вы больше получите? Вамъ, можетъ быть, еще придется прикомандироваться и полгода и годъ служить совсѣмъ безъ жалованья.

— Лишь бы прикомандироваться! — отвѣтилъ онъ.

— Да и съ этимъ, вы думаете, мало будетъ хлопотъ?

Онъ смотрѣлъ на меня ужъ съ просіявшимъ лицомъ.

— Я, право, не знаю, съ чего и начинать? Вы гдѣ кончили курсъ? — спросилъ я.

— Къ несчастію моему, нигдѣ... Бабушка такъ баловала меня...

— Но, по крайней мѣрѣ, гдѣ вы были, въ какихъ заведеніяхъ учились?

Онъ началъ мнѣ перечислять массу какихъ-то частныхъ московскихъ пансіоновъ и остановился, запнулся, и улыбнулся.

— Вотъ этотъ пансіонъ m-me Було: вѣдь это женскій,—сказалъ онъ.

— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

— Бабушка отдала меня туда, чтобы смягчить мой нравъ, вообще обращеніе, манеры...

Я невольно улыбнулся. Это его еще болѣе развязало.

— Ахъ, что тамъ было! — воскликнулъ онъ.

— Воображаю. Вамъ который тогда ужъ годъ былъ?

— Шестнадцать, семнадцатый...

— Могу представить. И долго вы тамъ были?

— Девять мѣсяцевъ...

Я разсмѣялся, а онъ смотрѣлъ на меня съ довольнымъ выраженіемъ, дескать, это еще что, я разскажу еще и не такія штуки...

XI.

Короче, кончилось тѣмъ, что я его обстоятельно разспросилъ, а онъ мнѣ съ полной откровенностью разсказалъ все, начиная съ самаго своего дѣтства, которое, оказалось, онъ отлично помнилъ.

— Цѣлая цѣпь несчастій, т. е. собственно несчастныхъ для меня положеній и условій,—сказалъ онъ, заключая свой разсказъ: — эта женитьба отца, когда, въ сущности, онъ любилъ другую...

— Ну, этотъ романъ ужъ оставимъ, — сказалъ я.

— Конечно. Я такъ только говорю. Главное—воспитаніе. Эта несчастная любовь бабушки ко мнѣ, не чаявшей во мнѣ души и

избаловавшей меня... Потомъ это баловство, когда я пріѣхалъ въ деревню, гдѣ всѣ меня баловали по воспоминаніямъ объ отцѣ, въ котораго столько было влюблено и котораго все еще помнили... Наконецъ, эти разсказы о немъ. Вы думаете, это меня не портило? Мальчишкѣ разсказываютъ, какъ его отецъ увлекался то той, то другой замужней женщиной, какіе имѣлъ съ ними романы, какъ надувалъ мужей, какъ дурачилъ всѣхъ, и все это въ самой привлекательной формѣ, съ полнымъ сочувствіемъ къ нему, почти съ восторгомъ... И я попробовалъ, вслѣдъ за нимъ, наслушавшись всѣхъ этихъ разсказовъ...

— И тоже небезуспѣшно?

— Да, въ началѣ. Но тутъ ужъ у меня средствъ не было, бабушкины дѣла позапутались... Мнѣ пришлось, чтобы поддерживать эту жизнь, прибѣгать къ займамъ... Потомъ опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій къ губернатору... Жалованья почти что никакого, а между тѣмъ должность такая, что я вездѣ по необходимости бывалъ и долженъ былъ бывать не по однимъ только дѣламъ, а и съ частными, личными его порученіями и потомъ самъ по себѣ, какъ молодой человѣкъ этого же самаго общества... Ну, вы понимаете.

— Да, я понимаю,—сказалъ я.

— Вотъ вѣдь какъ все это произошло... А потомъ, когда чуть свернулся, и пошло... и пошло... Я началъ опускаться все ниже, ниже... началъ пить...

Онъ замолчалъ и опустилъ голову. Я подъ впечатлѣніемъ его разсказа глубоко вздохнулъ. Онъ поднялъ потомъ голову, встряхнулъ ею, какъ бы отгоняя тяжелый сонъ и собираясь смѣло и рѣшительно пойдти по другой дорогѣ.

— Я вамъ помогу,—сказалъ я...—чѣмъ могу.

— Завтракать готово,—доложила прислуга.

— Пойдемте, хотите... чѣмъ богатъ,—предложилъ я ему.

Онъ, застѣнчиво оправивъ свой пиджакъ, взялся рукой за свой пестрый блестящій галстухъ и скромно послѣдовалъ за мною.

— Водку вы пьете?—спросилъ я его.

— Пью,—отвѣтилъ онъ:—что же лгать?

— Всѣ пьютъ. Отчего же не пить?

Меня поразила непріятно только его манера пить. Онъ какъ-то оттянулъ книзу углы рта, полуоткрылъ ротъ, сдѣлалъ полупрезрительное выраженіе лица и беззвучно опрокинулъ туда рюмку. Я замѣтилъ, что такъ пьютъ всѣ начинающіе пьяницы. Потомъ они дѣлаются непремѣнно настоящими пьяницами.

Онъ кушалъ съ большимъ аппетитомъ, что мнѣ показалось такъ естественнымъ, и это даже мнѣ понравилось, — не ломается, не притворяется.

После завтрака, разставаясь съ нимъ, я ему обѣщалъ завтра

же заѣхать къ одному моему знакомому вліятельному человѣку и попросить для него мѣсто.

— А вы эдакъ денька черезъ три зайдите ко мнѣ, — сказалъ я ему.—Вы гдѣ остановились?

— О,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой,—я въ такой трущобѣ остановился, въ Гончарной, у самаго вокзала... Подешевле, 50 коп. номеръ въ сутки.

— И отлично,—сказалъ я, довольный и этимъ: — Петербургъ... вы его еще не знаете!..

XII.

На другой день я поѣхалъ хлопотать о немъ, былъ у одного, у другаго.

— Мѣстъ нѣтъ, масса кандидатовъ.

Однако-жъ, мнѣ, всетаки, обѣщали и не такъ, чтобы только отдѣлаться отъ меня.

Я былъ очень радъ за него. Онъ мнѣ понравился даже въ концѣ концовъ. Такъ искренно, такъ просто и такъ здраво смотрѣлъ на свое прошедшее, на причины, сдѣлавшія его такимъ. И, потомъ, онъ такъ, повидимому, хочетъ все это загладить, забыть все это, даже просто для самого себя, помимо всякихъ соображеній о томъ, что о немъ думаютъ и говорятъ... Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, ему не помочь? Вѣдь двадцать пять лѣтъ человѣку—только!..

И мнѣ повезло. Въ тотъ же самый день, вечеромъ, я получилъ отъ одного изъ тѣхъ, кого просилъ о мѣстѣ, записку съ просьбой завтра заѣхать, если мнѣ будетъ свободно, по дѣлу, по которому я былъ.

Это меня очень обрадовало, отчасти даже польстило моему самолюбію.

— «Вотъ какъ, — подумалъ я: — сегодня просилъ, сегодня же ужъ и отвѣтъ, и, конечно, удовлетворительный: съ отказомъ никогда не торопятся»...

Оказалось, въ самомъ дѣлѣ мѣсто найдено, т. е. не найдено собственно мѣсто—оно еще предстоитъ, но пока онъ прикомандируется, а тамъ выйдетъ и мѣсто.

Мнѣ пока больше ничего и не нужно было, я былъ этимъ вполнѣ удовлетворенъ.

Добрый сановникъ, сдѣлавшій мнѣ это одолженіе, поинтересовался подробнѣе узнать о моемъ протеже.

— Все, что я вамъ могу сказать о немъ, — отвѣчалъ я: — это несчастный молодой человѣкъ, испорченный, избалованный съ самаго начала своего воспитанія богатой бабушкой, не чаявшей въ немъ души, потомъ оскудѣвшей, оставившей его безъ средствъ съ однѣми дурными наклонностями и привычками. А потомъ онъ попалъ въ губернскую среду и совсѣмъ ужъ повихнулся.

— Гм...

— Но онъ, кажется, очнулся, опомнился, взялся за умъ, хочетъ работать,—добавилъ я.

— Привычка—большое дѣло.

— Только, вѣдь, двадцать пять лѣтъ ему!..

— Дай Богъ, дай Богъ... я очень радъ,—повторилъ старикъ и сказалъ, что я могу его прислать.

Странная вещь: въ тотъ же день вечеромъ я получилъ и отъ другаго моего знакомаго, котораго тоже просилъ о мѣстѣ для Анатоля, записку съ просьбой заѣхать, такъ какъ и тамъ тоже открывалось какое-то мѣсто.

Замѣчательно, сколько разъ мнѣ приходилось просить за людей, которые потомъ оказались полезными и даже талантливыми тружениками, и всегда почти или неудачно, или съ страшнымъ усиліемъ добивался я чего нибудь для нихъ; а вотъ для такихъ, какъ Анатоль, сразу всегда все удается: и мѣсто готово, и ваканціи только что открылись. Замѣчательно это...

Я не зналъ, — написать мнѣ Анатолю, вызвать его, сообщить ему, или нѣтъ?

— «Нѣтъ,—рѣшилъ я:—а то онъ подумаетъ, что это такъ легко дается всегда, и не дастъ этому настоящей цѣны. Послѣзавтра придетъ, узнаетъ».

Бехилеву,—надо же ему было отвѣтить,—я между тѣмъ написалъ, что Анатоль доставилъ мнѣ письмо его, что по этому письму я принялъ Анатоля какъ слѣдуетъ, съѣздилъ кой къ кому изъ знакомыхъ и, кажется, устрою ему мѣсто. Во всякомъ случаѣ, какъ нибудь и куда нибудь приткну его и, чѣмъ могу, на первыхъ порахъ, поддержу его. То же самое я написалъ и къ старушкѣ, родственницѣ моей, чтобы и она не огорчалась, что для Анатоля что нибудь да ужъ я сдѣлаю, во всякомъ случаѣ.

Наступилъ день, когда Анатоль долженъ былъ явиться ко мнѣ за отвѣтомъ насчетъ своей судьбы, по крайней мѣрѣ, узнать на счетъ результатовъ моихъ ходатайствъ о немъ.

Но онъ не являлся. Я ушелъ изъ дома послѣ завтрака, его все не было.

— Если этотъ молодой человѣкъ, что намедни былъ, придетъ, скажите, чтобы онъ или обождалъ меня, или пришелъ бы ужъ вечеромъ,—сказалъ я, уходя.

Но онъ не былъ и втеченіе всего дня у меня. Это было мнѣ непріятно, однако-жъ, я всеже не написалъ ему, не звалъ его.

XIII.

Онъ явился на другой день самъ, но явился не въ девять часовъ утра, какъ тогда, въ первый разъ, а въ двѣнадцать, въ первомъ, какъ разъ, когда зналъ, что я завтракаю.

— Вы отчего же вчера не приходили?—довольно сухо спросилъ я его.

— Вы назначили сегодня прійдти...

— Нѣтъ, вчера.

— Виноватъ, въ такомъ случаѣ... Въ моемъ положеніи неловко надоѣдать...

Онъ опять нѣсколько опѣшилъ.

— Ну-съ, — началъ я: — мѣсто вамъ, кажется, выйдетъ, т. е. сперва вы причислитесь, а тамъ, современемъ, выйдетъ и мѣсто.

Онъ съ благоговѣніемъ,—мнѣ показалось ужъ черезъ-чуръ,—глядѣлъ на меня, неловко поглаживая себя по колѣнкамъ.

— Да, мѣсто будетъ, но знайте, что теперь все ужъ отъ васъ самихъ будетъ зависѣть.

— Господи! Да я...

— Ну, то-то, смотрите. Если не удержитесь тутъ, я больше хлопотать объ васъ не стану.

— Помилуйте! Да я... я готовъ...

— Завтра вы явитесь; я вамъ дамъ письмо; напишите прошеніе объ опредѣленіи васъ, и васъ причислятъ, сперва безъ жалованья, а потомъ, когда получите мѣсто, будете получать и жалованье. У васъ 25 рублей въ мѣсяцъ вѣдь есть? Григорій Михайловичъ вамъ будетъ высылать?

— Онъ обѣщалъ...

— И будетъ. Я его знаю: если онъ обѣщалъ, онъ сдержитъ слово свое. И этихъ денегъ вамъ вполнѣ достаточно. Студенты, которые учатся, живутъ на эти деньги, и имъ хватаетъ на все. Потомъ, къ праздникамъ, получите, можетъ быть, еще наградныхъ сколько нибудь: прикомандированнымъ, которые не получаютъ жалованья, даютъ наградныя, если они занимались усердно.

Затѣмъ я ему, на основаніи собственнаго опыта, далъ совѣтъ, какъ устроиться, гдѣ ему постараться найдти комнату, обѣдъ и т. п., какъ держать себя на службѣ, кого и чего избѣгать и т. д.

— А по воскресеньямъ, милости просимъ, приходите ко мнѣ, къ обѣду.

Онъ былъ очень внимателенъ,—опять мнѣ показалось, ужъ излишне, дѣланно внимателенъ,—благодарилъ, неловко начиналъ увѣрять въ своихъ чувствахъ, путался и проч.

Опять и на этотъ разъ я его пригласилъ позавтракать со мною. Онъ былъ очень радъ. Опять я ему налилъ рюмку водки, и онъ точно также сдѣлалъ полупрезрительную гримасу, оттянулъ углы рта, полуразинулъ ротъ и опрокинулъ туда рюмку водки.

— «Скверная манера какая»,—подумалъ я.

Онъ за чѣмъ-то потянулся, и я увидѣлъ у него разорванный или протертый локоть.

— А у васъ другой есть костюмчикъ, въ чемъ явиться?—спросилъ я его.

— Нѣтъ-съ.

— Такъ какъ же быть? Въ пиджакѣ нельзя же.

Онъ молчалъ.

Мнѣ это раньше не приходило въ голову, но теперь - какъ же быть? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ? Очевидно, мнѣ предстояло теперь озаботиться на этотъ счетъ. Гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ возьметъ?

— У васъ денегъ сколько?—спросилъ я.

— Одиннадцать рублей.

— Куда же вы ихъ дѣвали? Вамъ Григорій Михайловичъ далъ пятьдесятъ рублей на дорогу и 25 рублей на мѣсяцъ,—куда же вы ихъ дѣвали? Дорога вамъ сколько стоила?

Онъ что-то такое началъ говорить, гдѣ-то онъ, по незнанію, такъ какъ ѣхалъ въ Петербургъ первый разъ, переплатилъ и проч.

— Ну-съ, вотъ что: позавтракаемъ, пойдемте, я васъ сведу къ моему портному, онъ вамъ сдѣлаетъ костюмъ, а потомъ, когда вы будете получать уже жалованье, вы мнѣ заплатите.

Онъ необыкновенно, восторженно обрадовался этому, — и это опять меня удивило, — обрадовался больше, чѣмъ мѣсту, когда я ему сказалъ, что онъ его получитъ.

— Костюмъ—великое дѣло,—проговорилъ онъ, какъ бы въ оправданіе своей радости:—безъ костюма тутъ ничего нельзя.

— И не здѣсь только, а и вездѣ надо быть прилично одѣтымъ.

По дорогѣ, когда мы шли съ нимъ къ портному, онъ до того проникся ожидаемымъ имъ счастьемъ, что началъ какое-то воспоминаніе изъ своего прошедшаго, гдѣ если бы былъ у него тогда костюмъ... Началъ и запнулся.

— Ну, и что же?—сказалъ я.

— Можетъ быть, совсѣмъ другая бы у меня была судьба.

— Ну, ужъ это плохо дѣло, если судьба отъ костюма зависитъ.

— Бываетъ,—отвѣчалъ онъ.

Я попросилъ портнаго сшить костюмчикъ ему поскорѣй, снять съ него мѣрку, сказать, когда прійдти примѣрить, и я ушелъ, оставивъ его у портнаго. Согласно тому, какъ будетъ готовъ ему этотъ костюмчикъ, какъ онъ явится, подастъ прошеніе и проч.,—онъ долженъ былъ быть у меня съ извѣстіемъ обо всемъ этомъ дней черезъ пять, черезъ недѣлю.

XIV.

И на этотъ разъ Анатоль не явился въ срокъ. Я думалъ, что онъ придетъ въ воскресенье, но онъ не пришелъ.

Мнѣ было это непріятно; главное—я не зналъ, какъ тамъ у него съ мѣстомъ. И, потомъ, всетаки—невѣжа.

Моего знакомаго, который далъ ему мѣсто, я какъ-то встрѣтилъ на Невскомъ и сталъ благодарить за его любезность.

— Да не за что. Я очень радъ. Вы присылайте его только поскорѣй,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ присылайте? Да развѣ онъ у васъ не былъ?—невольно вырвалось у меня.

— Нѣтъ.

Я такъ и остановился; что такое это значитъ?

— Онъ долженъ былъ у васъ ужъ съ недѣлю назадъ быть.

— Никого не было.

Такъ мы и разстались.

Въ этотъ же день,—мнѣ нужно было что-то заказать,—я зашелъ къ портному.

— Ну, что вы этому молодому человѣку тогда сдѣлали, хорошо? доволенъ онъ?—въ разговорѣ спросилъ я.

— Какъ же-съ. Онъ ужъ послѣ этого два раза былъ. Заказали фракъ, сюртукъ, два пиджака, два пальто, брюки...

Я опять остановился, какъ ошеломленный.

— На какія же это средства?

— Не знаю-съ,—отвѣчалъ портной.

— Я не плачу за него.

— Да у него такъ, повидимому, деньги есть. Вынималъ нѣсколько сотенныхъ...

Я только руками развелъ. Укралъ? Ограбилъ кого? На содержаніе поступилъ?

— Вы его когда увидите?

— Послѣзавтра онъ хотѣлъ въ три часа къ примѣркѣ пріѣхать.

— Вы ему, пожалуйста, скажите, чтобы онъ ко мнѣ какъ нибудь заѣхалъ. Мнѣ надо спросить кое-что. Я ему давалъ тутъ одно рекомендательное письмо...

Дня черезъ три Анатоль былъ у меня, не засталъ,—нарочно выбралъ такое время,—и оставилъ визитную карточку.

— Такимъ франтомъ, узнать совсѣмъ нельзя: въ цилиндрѣ, съ тросточкой,—разсказывали мнѣ дома.

Еще нѣсколько дней спустя, я встрѣтилъ его на Невскомъ, на лихачѣ, сидитъ какъ-то бокомъ, пофатовски, съ моноклемъ въ глазу. Я едва узналъ его, не окликнулъ, и онъ пронесся мимо.

Потомъ, въ тотъ же день я его опять встрѣтилъ—въ театрѣ, въ первыхъ рядахъ, и ужъ у него завелись знакомые, такого же пошиба.

Онъ былъ почти неузнаваемъ, до того онъ скоро преобразился, разжившись депозитками, изъ затертаго молодаго человѣка изъ глухой провинціи въ настоящаго чистокровнаго петербургскаго фата, самаго растлѣннаго фасона. Московская старая наука, оче-

видно, отрыгнула въ немъ, не умерла, не убили ее житейскіе пережитые имъ морозы...

Я видѣлъ на своемъ вѣку нѣсколько такихъ быстрыхъ превращеній—являлись изъ провинціи совсѣмъ прогорѣлые, оборванные, ухитрялись здѣсь какъ-то пристроиться къ шулерамъ, попадали на содержаніе, но на это, всетаки, у нихъ уходили года или мѣсяца, по крайней мѣрѣ, а этотъ черезъ двѣ недѣли процвѣлъ!..

Я рѣшилъ, что предопредѣленіе совершилось, махнулъ на него рукой и ужъ сталъ забывать о немъ, какъ вдругъ явилось ко всему этому объясненіе, совершенно ужъ неожиданное, котораго сразу я даже представить себѣ не могъ.

С. Терпигоревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДО И ПОСЛѢ [1].

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

VII.

Первая опѣака.

ШИРНЫЙ архіерейскій дворъ казался пустыннымъ. Нигдѣ не было видно ни души, ни даже какого либо живаго существа. Но едва я дошелъ до средины двора, какъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ страшнымъ врагомъ. Черезъ весь дворъ наискось былъ протянутъ толстый канатъ, какъ бы висѣвшій въ воздухѣ. Въ пяти шагахъ отъ меня стояла низенькая деревянная будка—собачья конура, въ которой, властно развалившись и высунувъ наружу переднія лапы и морду, лежалъ и, повидимому, дремалъ огромный рыжій песъ. Отъ шеи его къ канату тянулась толстая желѣзная цѣпь. У меня замерло сердце. Песъ тотчасъ замѣтилъ меня, поднялъ голову и зарычалъ. Я со всѣхъ ногъ шарахнулся въ сторону направо по направленію къ развалинамъ стараго дома и при этомъ совсѣмъ безсознательно заоралъ, что было мочи. Очутившись около развалинъ, я со страху присѣлъ накорточки и, весь дрожа, смотрѣлъ въ ту сторону, откуда мнѣ грозила опасность, чувствуя себя такъ, какъ будто я уже былъ разорванъ страшнымъ псомъ на части. Но оказалось, что врагъ мой былъ привязанъ цѣпью около самой будки и дол-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 64.

женъ былъ ограничиться тѣмъ, что неистово лаялъ и надрывался, прыгая на одномъ мѣстѣ. Не успѣлъ я прійдти въ себя отъ напраснаго страха, какъ позади меня точно изъ подземелья раздался дикій хохотъ. Это былъ какой-то нестройный хоръ, составленный изъ разныхъ голосовъ—теноровъ, альтовъ и дискантовъ. Я оглядѣлся во всѣ стороны и никакъ не могъ понять, откуда раздается этотъ дьявольскій хоръ.

— Эй мальчишка, мальчишка!—звалъ кто-то густымъ басомъ, повидимому, меня. Песъ продолжалъ выть; я продолжалъ дрожать.

— Мальчишка-трусишка, что-жъ ты не идешь? — продолжалъ тотъ же таинственный голосъ:—Сенька, приведи его!

Черезъ двѣ секунды около меня появился Сенька, мальчуганъ, котораго я не разъ уже видѣлъ въ школѣ.

— Ты пришелъ пробоваться?—спросилъ онъ меня.

— Меня позвалъ о. Петръ,—отвѣчалъ я несмѣло, потому что я здѣсь боялся всего и даже этого нисколько не страшнаго мальчугана.

— Ну, значитъ пробоваться. Пойдемъ!

— Куда?

— Туда внизъ. Тамъ Ѳедоръ и всѣ. Идемъ!

Онъ взялъ меня за руку и довольно дружелюбно повлекъ меня куда-то внизъ по головоломнымъ, полуразрушеннымъ ступенькамъ, провелъ черезъ цѣлый рядъ полутемныхъ, прохладныхъ комнатъ безъ потолковъ и съ землянымъ поломъ и, наконецъ, ввелъ въ обширную комнату, очевидно, бывшую нѣкогда заломъ. Черезъ трехэтажныя стѣны безъ крыши заглядывалъ сюда солнечный лучъ. На землѣ валялись разной величины каменья, служившіе сидѣньемъ для довольно разнообразной компаніи. Тутъ были почтенные особы съ бородами и въ рясахъ, правда, довольно не свѣжаго вида, были усачи въ статскихъ одеждахъ вида еще менѣе надежнаго, были мальчуганы разныхъ возростовъ, всѣ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ и въ фуражкахъ въ родѣ моей. Компанія, повидимому, была въ веселомъ настроеніи. При моемъ появленіи раздался дружный смѣхъ.

— Ну, ну, поди сюда, великанъ!—обратился ко мнѣ густѣйшей октавой рыжій, краснощекій, красноносый и ужъ въ самомъ дѣлѣ великанъ, составлявшій, какъ можно было думать, центральную личность общества.—Хочешь водки?

На этотъ странный вопросъ я не отвѣтилъ, а всѣ остальные нашли его остроумнымъ и опять разсмѣялись.

— Ты думаешь, что у меня нѣтъ водки, а вотъ и врешь, смотри!—онъ вынулъ изъ кармана штановъ длинную и узкую бутылку и, поднеся ее непосредственно къ своимъ устамъ, втянулъ въ себя добрый глотокъ. Одобрительный смѣхъ привѣтствовалъ это дѣйствіе.—А вотъ о. Павелъ и хотѣлъ бы выпить, да нѣту,—продол-

жалъ октавистъ.—А ты знаешь, кто я? Я—Өедоръ, октавистъ архіерейскаго хора, первая октава во всей Россіи. А это знаешь кто? онъ указалъ пальцемъ на духовное лицо высокаго роста и весьма тонкаго сложенія съ худосочнымъ лицомъ землистаго цвѣта:—это о. Павелъ, первый теноръ и второй пьяница, ибо первый я. Ну а объ этихъ прочихъ не стоитъ говорить, все это, братъ, шушваль, рюмки водки не стоющая.

Въ такомъ родѣ разговоръ, пересыпаемый своеобразными остротами первыхъ и вторыхъ басовъ и поддерживаемый неудержимымъ глупымъ смѣхомъ остальныхъ, тянулся съ полчаса. Октавистъ Өедоръ отъ времени до времени вынималъ бутыль, вливалъ въ себя глотокъ, иногда же въ видѣ особаго расположенія предоставлялъ это благо также и о. Павлу.

— Ты, о. Павелъ, понимаешь,—пояснилъ онъ:—что мнѣ безъ водки нельзя. Тебѣ можно, потому ты теноръ. Теноръ безъ водки можетъ держаться, а моя вся октава отъ водки происходитъ, слѣдственно водка меня кормитъ. Не попей я два дня, октавы какъ не бывало. Въ прошломъ году я сильно животомъ заболѣлъ, въ родѣ холеры, и помѣстился въ больницу, четыре дня водки не давали, и что-жъ ты думаешь, братюга, какъ вышелъ изъ больницы, сталъ пробовать пѣть, — альтъ да и только. Никакой силы и густоты. Такъ я прямо четверную порцію водки хватилъ, т. е. за четыре дня... Ну, и октава опять при мнѣ.

— Гей, гей! На спѣ-ѣ-вку, о. Петръ пришелъ! се-е-рдится!—голосъ этотъ раздавался сверху и принадлежалъ, очевидно, альту. Всѣ поднялись и торопливо гуськомъ направились къ выходу. Я по робости своей шелъ послѣднимъ, а впереди меня дѣлалъ широкіе шаги своими длинными тонкими ногами Өедоръ, и тутъ я замѣтилъ, что его пиджакъ, такой же рыжій, какъ и онъ самъ, былъ сильно поношенъ и засаленъ, штаны неимовѣрно узки и коротки, повидимому, съ чужихъ ногъ, сапоги же до послѣдней возможности стоптаны, искривлены и почти лишены подошвъ. Выйдя изъ лабиринта стараго зданія, мы направились всѣ къ спѣвочной. Это была большая, круглая комната, съ круглымъ столомъ посрединѣ, къ которому были приставлены скамьи безъ спинокъ, былъ тутъ еще шкафъ, заваленный писанными нотами, и еще маленькій столикъ, на которомъ лежали тоже ноты въ переплетахъ и рядомъ съ ними скрипка, смычекъ и кусокъ канифоли. О. Петръ сидѣлъ за круглымъ столомъ, въ сѣрой рясѣ, положивъ обѣ руки на столъ, и съ укоризненной улыбкой смотрѣлъ на входящихъ.

— Гдѣ вы шляетесь у чорта въ гостяхъ?—спросилъ онъ сквозь зубы и съ явнымъ презрѣніемъ, глядя на свою команду.

— И васъ ждали, что же вы не пришли, о. Петръ? — сказалъ замѣтно вызывающимъ тономъ Өедоръ, у котораго, какъ всегда, слегка шумѣло въ головѣ.

— Ну, ну, пьянчуга, не очень-то! знай, съ кѣмъ говоришь!

— Плевать мнѣ,—пробасилъ Ѳедоръ.

О. Петръ нетерпѣливо стукнулъ кулакомъ по столу и, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ этого обиднаго замѣчанія, обратился прямо ко мнѣ:

— А, ты пришелъ, ну-ка, я тебя попробую! Любкинъ, дай скрипку!

Любкинъ, которымъ оказался тотъ же самый Сенька, шарахнулся къ столику, схватилъ скрипку, смычекъ и канифоль и почтительно подалъ ихъ о. Петру. О. Петръ взялъ скрипку, какъ полагается, и извлекъ изъ нея нѣсколько звуковъ, которые и мнѣ показались нестройными, потомъ, не выпуская изъ руки смычка, прикрутилъ колышекъ, опять поигралъ и такъ продѣлалъ нѣсколько разъ, пока скрипка не оказалась настроенной. Наконецъ, онъ взялъ смычкомъ одну ноту, настойчиво повторилъ ее нѣсколько разъ, очевидно, по моему адресу, потому что шейка скрипки была обращена прямо по направленію къ моему носу.

— Пой *а!*

Я протянулъ *а* и, къ моему удивленію, попалъ прямо въ тонъ.

— Молодчина!—сказалъ о. Петръ и взялъ на скрипкѣ другую ноту, я подхватилъ, но, видно, случилось что-то неладное, потому что лице о. Петра скривилось, точно онъ съѣлъ лимонъ.

— Не доносишь! еще разъ! чуточку повыше!—при этомъ смычекъ со скрипомъ прыгалъ по струнѣ. Я постарался и донесъ.

— Слухъ есть и голосъ чудесный, настоящій альтъ!—сказалъ о. Петръ, обращаясь къ пѣвчимъ.

— Славный голосъ!—подтвердили хористы.

Мнѣ показалось только, что Сенька Любкинъ смотрѣлъ на меня крайне недоброжелательно.

Меня посадили за столъ среди альтовъ, тутъ же сидѣли дисканты, противъ насъ помѣщался о. Петръ со скрипкой; что же касается басовъ и теноровъ, то они отдѣльными группами размѣщались на широкомъ и длинномъ подоконникѣ единственнаго окна спѣвочной. Роздали ноты. О. Петръ стукнулъ объ столъ массивнымъ камертономъ и задалъ тонъ. Басъ затянулъ соло «Возведохъ очи мои горѣ», а затѣмъ понемногу и весь хоръ къ нему присоединился. Это былъ концертъ Бортнянскаго, который предполагалось пѣть въ соборѣ въ ближнее воскресенье. Я, разумѣется, молча смотрѣлъ въ ноты, ничего въ нихъ не понимая. Всякій разъ, когда о. Петръ стучалъ камертономъ по столу и завравшійся хоръ останавливался, мнѣ казалось, что этому я причиной, я вспоминалъ напутствіе Остапова и ждалъ, что свирѣпый регентъ взлупитъ меня своимъ страшнымъ камертономъ въ голову. Но этого не случилось.

Ходъ всего дѣйствія былъ таковъ: хористы сбивались каждую

минуту, большею частью тенора, которые и вообще, какъ потомъ оказалось, лѣнивы и безтолковы. О. Петръ сначала только стучалъ камертономъ по столу, при этомъ его и безъ того красное лице понемногу багровѣло; онъ постепенно нагрѣвался. Потомъ въ одинъ изъ моментовъ сильной рѣзни онъ швырнулъ камертонъ, схватился за скрипку и сталъ энергично наигрывать теноровую партію, продолжая еще сидѣть на мѣстѣ; затѣмъ онъ началъ закипать, поднялся съ мѣста и, перебѣгая отъ теноровъ къ альтамъ, отъ альтовъ къ басамъ, бѣшено наигрывалъ и въ то же время напѣвалъ своимъ рѣзкимъ теноромъ то, что требовалось. Случалось, что онъ въ одно и то же время игралъ для басовъ, а пѣлъ для теноровъ, но вдругъ скрипка начинала играть съ альтами, а о. Петръ зудѣлъ надъ самымъ ухомъ какого нибудь неисправнаго дисканта. Въ это время по всему лицу его выступили капли пота, длинные рыжіе волосы свѣшивались на лобъ, цѣплялись за скрипичныя струны и заставляли ихъ дребезжать; это бѣсило о. Петра, онъ въ порывѣ увлеченія хваталъ себя за волосы и дѣлалъ себѣ больно, что еще болѣе бѣсило его. При этомъ онъ топалъ ногами, путался въ полахъ собственной рясы, дѣлалъ страшныя мины, стоналъ, вздыхалъ, рычалъ, и вообще имѣлъ видъ нестерпимо страдающаго человѣка; наконецъ, томимый внутреннимъ жаромъ, происходившимъ отъ бѣшенства и его темперамента, онъ сорвалъ съ себя рясу и кафтанъ и, оставшись въ широкихъ штанахъ и цвѣтной сорочкѣ, неустанно продолжалъ свою работу. Дисканты и альты иногда чувствовали, что кто-то сзади тянетъ ихъ за уши и за чубы, иные изъ нихъ втихомолку проливали слезы, на басовъ же и теноровъ о. Петръ только свирѣпо косился, искренно сожалѣя, что для чубовъ и ушей ихъ у него руки коротки. Добрыхъ два часа тянулся этотъ концертъ, о. Петръ совершенно изнемогъ и объявилъ, что спѣвка кончена.

Когда онъ одѣвалъ кафтанъ и рясу, то обратился ко мнѣ и вмѣстѣ къ Любкину съ слѣдующей рѣчью:

— Ты можешь перебираться въ архіерейскій домъ, а ты долженъ обучить его партеснымъ нотамъ,—нечего рыло воротить (рыло воротилъ не я, а Любкинъ),—къ слѣдующей спѣвкѣ, чтобъ умѣлъ пѣть терціи и кварты.

— Кварту?—подхватилъ Ѳедоръ:—да онъ не вынесетъ, ему и сороковки довольно.

О. Петръ посмотрѣлъ на него презрительно.

— Пьянчуга... проворчалъ онъ и пошелъ черезъ дворъ къ эконому, очевидно, съ цѣлью заявить о моемъ перемѣщеніи. Взрослые пѣвчіе ушли. Я остался съ мальчуганами, не зная, что мнѣ теперь предпринять. Любкинъ подошелъ ко мнѣ, снялъ съ моей головы фуражку и какъ-то обидно прошелся своей пятерней по моей головѣ, начавъ съ затылка и кончивъ подбородкомъ.

— Ахъ ты! Тоже—альтъ! въ солисты лѣзетъ! Можетъ, еще исполатчикомъ будешь! Пампушка!—прибавилъ онъ презрительно и еще разъ прошелся по мнѣ пятерней, начавъ этотъ разъ съ подбородка и окончивъ затылкомъ.

Не понималъ я, за что злобствуетъ на меня этотъ благообразный мальчикъ, у котораго къ тому же былъ такой прекрасный альтъ. Ко мнѣ подошелъ другой мальчикъ, некрасивый, большеголовый и вообще какой-то несуразный. Я видѣлъ его среди дискантовъ, онъ держалъ ноты, значитъ, былъ изъ плохенькихъ, а звали его Пичужко. Онъ взялъ меня за талію и отвелъ въ сторону:

— Это онъ боится, чтобъ ты его не оттеръ; онъ подлиза, отцу Петру и эконому лижетъ... (онъ полнымъ именемъ назвалъ то, что слѣдовало назвать въ данномъ случаѣ), а голосъ у него подается. Вѣдь онъ старая собака, ему шестнадцать лѣтъ. Вотъ онъ и боится, что его изъ исполатчиковъ попрутъ. А ты не обращай вниманія. Мы съ тобой будемъ дружить. Ладно?

Несуразный Пичужко какъ-то сразу пришелся мнѣ по сердцу; чувствуя, что въ моемъ сердцѣ онъ уже начинаетъ занимать мѣсто Остапова, я отвѣтилъ: ладно!—и прибавилъ:

— А мнѣ сало присылаютъ и сдобные коржи.

Пичужко покраснѣлъ и съёжился:

— У меня нѣтъ никого, ни отца, ни матери, и присылать некому!

Въ этотъ день я, всетаки, отправился въ бурсу и тамъ ночевалъ, а на другрй день перенесъ свои пожитки въ новое обиталище, причемъ Остаповъ съ грустно-покровительственнымъ видомъ несъ мою подушку и торбу, оставивъ все ея содержимое у себя въ сундукѣ въ видѣ отступнаго.

VIII.

Партесное пѣніе.

Отецъ мой, узнавши, что меня опредѣлили въ архіерейскій хоръ, очень обрадовался. Помимо того, что жизнь здѣсь была льготная, тутъ еще видѣлась прямая выгода. За содержаніе мое ничего не приходилось платить, и полагалась еще одежда. Самое же главное было въ томъ, что пѣвчимъ въ школѣ дѣлались разныя снисхожденія и легче переводили изъ класса въ классъ.

Насъ было двѣнадцать мальчиковъ, и помѣщались мы всѣ въ одной очень обширной комнатѣ, въ ней же обѣдали и учились. Двѣнадцать кроватей стояли въ два ряда, у стѣны длинный четыреугольный столъ и только пять стульевъ. Не мало мѣста занимали наши сундуки, которые для насъ представлялись предметами первостепенной важности, такъ какъ въ нихъ заключалось все наше добро и явное, и тайное. Явное — составляли книги и

бѣлье, а тайное было различно для каждаго, смотря по его характеру и наклонностямъ: иные, напримѣръ, по постнымъ днямъ тихонько ѣли сало, но, конечно, не по убѣжденію, а единственно ради естественнаго здороваго апетита, другіе любили франтить и держали въ укромныхъ уголкахъ своихъ сундуковъ помаду и какое нибудь глицериновое мыло, считавшееся большой драгоцѣнностью, третьи, наконецъ, соблюдая глубочайшую тайну, курили и прятали въ сундукахъ табакъ. Все это тщательно оберегалось отъ посторонняго глаза, и боялись мы не столько начальства, сколько другъ друга. Собственно прямаго начальства здѣсь у насъ не было. Насъ могъ прибить всякій, и регентъ, и экономъ, и любой изъ басовъ и теноровъ, и даже поваръ архіерейскій, если бы ему пришло такое желаніе. Но настоящаго начальства, поставленнаго смотрѣть за нашимъ поведеніемъ, не было. Регентъ наблюдалъ по части пѣнія, экономъ смотрѣлъ за хозяйствомъ, басы и тенора тянули свою партію, да и жили они на партикулярныхъ квартирахъ, большею частью содержа многочисленныя семейства, поваръ, разумѣется, готовилъ кушанье. Былъ еще келейникъ—этотъ по цѣлымъ днямъ спалъ. Но именно потому, что никто надъ нами спеціально не начальствовалъ, насъ таскали за уши и давали щелчки—всякій кому было скучно. И такъ какъ для школьника нѣтъ большаго удовольствія, какъ видѣть, когда бьютъ другаго школьника, то среди насъ господствовало дѣятельное шпіонство. Доносили первому встрѣчному; одинъ встрѣтитъ келейника и скажетъ ему:

— А у Любкина помада есть, онъ мажется.

— А, ты помадой мажешься?—и хлопъ въ затылокъ.

Любкинъ въ свою очередь встрѣтитъ эконома и почтительно докладываетъ: «сегодня пятница, а Семененко сало ѣлъ!» Экономъ къ Семененкѣ: «Такъ ты въ пятницу сало ѣшь!»—и въ ухо.

Учились мы всѣ отвратительно. Никто на насъ не обращалъ ровно никакого вниманія. Какъ-то ужъ такъ считалось, что архіерейскіе пѣвчіе могутъ и не учиться. При томъ же регулярныя занятія были здѣсь почти невозможны. Сегодня въ классѣ, завтра въ купеческой церкви храмовой праздникъ: архіерей служитъ, мы поемъ. Послѣзавтра въ классѣ, а тамъ скончался какой нибудь именитый гражданинъ: архіерей хоронитъ, мы поемъ. Купцы позвали молебствовать, архіерею вздумалось служить среди недѣли въ ближнемъ монастырѣ; а вотъ наступилъ постъ—служба по средамъ и пятницамъ; а то вдругъ по епархіи ѣдемъ на цѣлыхъ три недѣли,—гдѣ ужъ тутъ мѣсто ученью. Въ школѣ иные учителя насъ даже и не спрашивали. Инспекторъ относился къ намъ презрительно, какъ къ ученикамъ, пользующимся привилегіей и слѣдовательно не вполнѣ подчиняющимся его власти. Мы, однако-жъ, не обижались, а, напротивъ, смотрѣли на это какъ на благо и поль-

зовались своимъ положеніемъ въ томъ смыслѣ, чтобы ровно ничего не дѣлать.

Кормили здѣсь получше, чѣмъ въ бурсѣ; но всеже давали не что иное, какъ борщъ и кашу, только все это было сытнѣе и лучше, на завтракъ—бѣлый хлѣбъ, а по праздникамъ передъ обѣдней даже угощали чаемъ.

Любкинъ началъ выполнять приказаніе о. Петра. Положеніе его было довольно запутанное. Самъ онъ, какъ ревнивый солистъ и исполатчикъ, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ я оказался возможно менѣе воспріимчивъ къ партесному пѣнію. Между тѣмъ ему было приказано во что бы то ни стало обучить меня, а приказаніе о. Петра было дѣло нешуточное. И вотъ онъ принялся учить меня. Онъ училъ, какъ учили тогда всѣ; онъ вполнѣ вошелъ въ роль наставника и билъ меня такъ же основательно, какъ это сдѣлалъ бы самъ о. Петръ. Слѣдующая спѣвка была черезъ недѣлю, и о. Петръ первымъ долгомъ началъ дѣлать мнѣ экзаменъ. Я былъ нетвердъ, а онъ почему-то на этотъ разъ оказался снисходительнымъ и ни разу не пустилъ въ дѣло ни своего камертона, ни скрипки, ни смычка, и даже назвалъ меня молодчиной.

— Современемъ будешь исполатчикомъ,—прибавилъ онъ:—потому этотъ болванъ Любкинъ ростетъ какъ дерево. Выйдетъ въ стихарѣ на средину церкви и дубина дубиной, даже смотрѣть неловко. Мнѣ уже и преосвященный замѣчалъ...

Любкину былъ нанесенъ ударъ, онъ злобно закусилъ губу и посмотрѣлъ на меня разбойничьимъ взглядомъ, за то, когда потомъ онъ приступилъ къ продолженію занятій со мной, онъ все до такой степени запуталъ, что я ровно ничего не могъ сообразить. «Повтори!»—говорилъ онъ послѣ этого. Я ничего не могъ повторить. Онъ уже не билъ меня, а только злорадно смѣялся и повторялъ: «ты ничего не понимаешь, ты никогда не поймешь, ты вѣдь оселъ, а еще въ исполатчики лѣзетъ».

На спѣвкѣ онъ объявилъ о. Петру, что я безнадежный оселъ и со мной ничего нельзя подѣлать.

— О. Петръ,—сказалъ Пичужко:—это неправда, это онъ боится что его изъ исполатчиковъ попрутъ, и нарочно запуталъ. А этотъ мальчикъ способный. Разрѣшите мнѣ поучить его.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ регентъ: — а оно похоже на правду; ну, ладно, поучи, и ежели окажется, что Пичужко его выучитъ, такъ побей меня Богъ, ежели я не настою, чтобы о. экономъ Любкину штаны спустилъ. Вотъ не будь я о. Петръ, ежели я такъ не сдѣлаю.

Ѳедоръ подозвалъ къ себѣ Пичужку и погладилъ его по головѣ.

— Благородно! Люблю! — внушительной октавой проговорилъ онъ:—Сенька дрянь, это я всегда говорилъ!

Пичужко весьма основательно раскрылъ предо мною всѣ тайны партеснаго пѣнія. Самъ онъ хорошо понималъ дѣло, только голосъ у него былъ плохъ. Училъ онъ меня при всѣхъ въ нашей общей комнатѣ, но однажды, убѣдившись, что я постигъ всю партесную мудрость, онъ тайно повлекъ меня въ развалины и тамъ въ одной изъ полутемныхъ комнатъ сказалъ:

— Надо окончательно провалить этого скота Любкина. Онъ — язва. Такъ ты долженъ выучить «исполá».

— А что это такое «исполá»?—спросилъ я.

— Какъ! ты даже не знаешь, что такое «исполá»? А это при архіерейскомъ служеніи поется: «Ис-пола-эти-деспота», четыре раза подрядъ, вотъ и все.

— Что же это означаетъ?

— Ну, этого, братъ, я и самъ не знаю; что нибудь означаетъ, а, можетъ быть, и ничего не означаетъ. И потомъ еще: «тондеспотинъ».

— А это что?

— А это тоже въ родѣ того... тоже погречески. Но пока ты только «исполá» выучишь.—И онъ началъ пѣть: «Ис-по-ла-а-э-ти-де-э-э-э-э-э-спота»...

Онъ очень долго бился со мною и достигъ того, что я вполнѣ основательно усвоилъ «исполá».

На слѣдующей спѣвкѣ я блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ надежды. О. Петръ сострадательно посмотрѣлъ на Любкина и сказалъ:

— Ну, снимутъ же съ тебя штаны.

— Отецъ Петръ,—промолвилъ Пичужко:—онъ можетъ пропѣть «исполá».

— Что ты, ужъ это ты, кажись, заврался!

Надо сказать, что и весь хоръ былъ того же мнѣнія.

Рѣшительно не допускалось, чтобы новичекъ столь быстро могъ дойдти до такой мудрости, какъ «исполá». Любкинъ же фыркнулъ самымъ насмѣшливымъ образомъ.

— Нѣтъ, онъ можетъ!—подтвердилъ Пичужко:—вы заставьте его.

— А ну, ну, это ужъ будетъ чудо! Ну-ка, Брусковъ, задай тонъ! Мальченко, пой секунду!

Брусковъ и Мальченко—первый и второй дисканты, исполатчики. Брусковъ задалъ тонъ, и въ спѣвочной раздалось совершенно согласное пѣніе: «εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα»... Я вступилъ въ тонъ и окончилъ самымъ побѣдоноснымъ образомъ.

— Ну, и шельма же этотъ новичекъ! Нѣтъ, съ него будетъ толкъ, и Пичужко молодецъ, а Любкинъ прохвостъ, ему надо штаны спустить! Обязательно! Слушай, Любкинъ, ступай сейчасъ къ о. эконому и скажи: о. Петръ покорнѣйше проситъ васъ спустить мнѣ штаны. Ступай, ступай!

— Не пойду!—злобно отвѣтилъ Любкинъ.

— Не пойдешь? Такъ я самъ тебя выпорю.

— Не выпорете.

— Это почему?

— Не смѣете.

— Что-о? я не смѣю?

Звонкая пощечина. Любкинъ не плакалъ, но глаза его блистали страшной злобой.

— Я къ самому преосвященному пойду... жаловаться, — сказалъ онъ и выбѣжалъ изъ спѣвочной.

— Вотъ подлецъ, къ преосвященному пойдетъ! Такъ его и пустили къ преосвященному!—говорилъ о. Петръ какъ бы равнодушнымъ голосомъ, но въ сущности это было ему крайне непріятно. Очень не любилъ онъ, когда дѣло доходило до преосвященнаго. Преосвященный-то былъ особаго рода человѣкъ, и никогда нельзя было угадать, какъ онъ посмотритъ на то или другое дѣло. Бывали случаи, что ждешь наказанія, а получаешь похвалу, но случалось и какъ разъ наоборотъ: ожидаешь награды, а онъ тебѣ такъ отпоетъ, что во вѣкъ не забудешь. Поэтому о. Петръ, какъ и всѣ другія лица его ранга, предпочиталъ идти на компромиссы, только бы дѣло не дошло до преосвященнаго. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ чувствовалъ себя вполнѣ правымъ и невиннымъ, онъ старался замять дѣло.

Спѣвка продолжалась, повидимому, обычнымъ порядкомъ, но о. Петръ былъ разсѣянъ, и дѣло не ладилось. Иногда онъ среди пѣнія ударялъ кулакомъ по столу и говорилъ:

— Ишь шельмовскій мальчикъ! Къ преосвященному!

Но, наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, бросилъ скрипку и пошелъ къ о. эконому. О чемъ они тамъ говорили и гдѣ былъ въ это время Любкинъ, неизвѣстно, но фактъ тотъ, что Любкинъ къ архіерею не пошелъ, штаны ему не были спущены, и произошло еще одно обстоятельство, страннымъ образомъ коснувшееся и меня, хотя я тутъ былъ не при чемъ: Любкину было обѣщано, что онъ останется исполатчикомъ. Послѣ этого эпизода я замѣтилъ, что о. Петръ долго относился ко мнѣ враждебно; не смотря на мой блестящій успѣхъ, которому самъ онъ же удивился, онъ придирался ко мнѣ, не щадилъ моихъ ушей, не разъ давалъ имъ испробовать упругость своего камертона и бросалъ въ мою сторону явно недружелюбные взгляды. Я былъ непріятенъ ему, благодаря тому, что изъ-за меня произошла у него исторія съ Любкинымъ, въ которой онъ по своей трусости унизился и уступилъ. А Любкинъ смотрѣлъ теперь на себя, какъ на героя, и сильно задиралъ носъ. Пичужко былъ искренно огорченъ. Этотъ обиженный природой мальчикъ носилъ въ себѣ зачатки какого-то безкорыстнаго великодушія и правдивости. Сначала мнѣ казалось (такую точку зрѣнія я

усвоилъ себѣ въ бурсѣ), что онъ принимаетъ близко къ сердцу мои интересы ради того, что я дѣлился съ нимъ съѣстнымъ добромъ. Но скоро я замѣтилъ, что онъ велъ себя точно такъ же съ другими, у которыхъ не было этого преимущества. При малѣйшей несправедливости онъ краснѣлъ и весь закипалъ и тотчасъ же вступался за обиженнаго. Разумѣется, все это не выходило изъ предѣловъ нашего мальчишескаго кружка, передъ регентомъ же, экономъ и другими властями, онъ въ такихъ случахъ ограничивался тѣмъ, что краснѣлъ, но не смѣлъ закипать. Съ одной стороны слишкомъ ужъ былъ онъ запуганъ могуществомъ этихъ лицъ, съ другой же стороны отъ нихъ такъ часто исходили несправедливости, что возмущаться по поводу каждой изъ нихъ не хватило бы не только Пичужки, но и болѣе сильнаго человѣка, поэтому онъ хранилъ философское молчаніе.

Первая воскресная обѣдня съ архіерейскимъ служеніемъ показалась мнѣ необычайно длинной. Я не привыкъ къ такимъ долгимъ стояніямъ, сильно проголодался и чуть не кончилъ обморокомъ. Главное же дѣло было въ томъ, что Любкинъ тутъ угнеталъ меня.

Когда пѣли что нибудь по нотамъ, онъ заставлялъ меня, какъ новичка, держать раскрытой толстую тяжеловѣсную нотную тетрадь; у меня дрожали руки, а онъ все понукалъ:

— Держи выше, даже нотъ держать не умѣешь. Исполатчикъ! ха, ха! — Да къ тому же еще ехидно жаловался о. Петру на то, что я плохо держу ноты.

— А ты самъ подержи-ка,—предложилъ о. Петръ и предложилъ такимъ тономъ, что Любкинъ не посмѣлъ отказаться и вотъ мы съ нимъ вдвоемъ, два врага и соперника, держали одну тетрадь, и я чувствовалъ, какъ онъ весь дрожалъ отъ злости.

Но оказалось, что и это не болѣе, какъ дѣло привычки. Впослѣдствіи я научился простаивать еще болѣе длинныя службы. Теперь, по крайней мѣрѣ, хоть чаемъ поили передъ обѣдней, а въ великомъ посту морили голодомъ до двухъ часовъ, и мы стояли въ церкви съ блѣдными истощенными лицами, съ синяками подъ глазами, съ страдательнымъ выраженіемъ глазъ, но всеже выстаивали. И замѣчательно, что такой строгости жизни требовалъ для насъ не архіерей, которому это, казалось бы, надлежало дѣлать, а экономъ, мірской дьяконъ, вдовецъ, далеко еще не старый, любившій жизнь и втихомолку угощавшійся ромомъ, коньякомъ и изысканными закусками. Для насъ же онъ полагалъ благочестіе необходимымъ. Но мы не были благочестивыми и каждую лишнюю копѣйку, попадавшую въ наши руки, употребляли на лакомства далеко не благочестиваго свойства, не останавливаясь даже и передъ бутылкой плохаго рома.

IX.

Преосвященный.

Уже выпалъ первый снѣгъ, когда я, наконецъ, увидѣлъ архіерея вблизи и удостоился бесѣдовать съ нимъ. Мой маленькій ростъ вообще останавливалъ на мнѣ вниманіе всѣхъ. Когда я съ другими пѣвчими шелъ по улицѣ, то сердобольные обыватели, встрѣчавшіеся на пути, гладили меня по головкѣ. Церковныя завсегдатайки, старыя мѣщанскія дѣвицы, не вышедшія своевременно замужъ и вслѣдствіе этого посвятившія себя Богу, вѣчно торчавшія впереди, тёршіяся около протодіакона и молодыхъ иподіаконовъ, заглядывавшія въ глаза архіерею, первыя лѣзшія къ нему подъ благословеніе и извѣстныя у насъ подъ именемъ «женъ мѵроносицъ», — подбѣгали ко мнѣ въ соборѣ, окружали меня и восклицали: «Ахъ, какой хорошенькій, ахъ, какой маленькій», совали мнѣ въ руки мѣдныя монеты, а въ карманы конфекты и пряники. Когда я заходилъ въ бакалейную лавку и просилъ на три копѣйки леденцовъ, мнѣ насыпали полный карманъ этого добра и давали гривенникъ сдачи. Вообще, если-бъ только въ этомъ было дѣло, то я могъ бы сказать, что мнѣ съ моимъ маленькимъ ростомъ и блѣдными щеками жилось хорошо.

Архіерей замѣтилъ меня тоже по этой причинѣ. Мы гурьбой возвращались изъ школы. Онъ стоялъ на ступенькахъ, которыя вели со двора къ длинному корридору, и собственноручно кормилъ несмѣтную стаю птицъ, составлявшую любимый предметъ его развлеченій. Здѣсь были маленькія породистыя курочки, величественные индюки, красавцы павлины, меланхолическіе журавли съ подрѣзанными крыльями, скромныя цесарки, обжорливые «шавкуны» и множество другихъ породъ. Всѣ они знали архіерея, какъ человѣка, который ихъ кормитъ и при его появленіи на дворѣ подымали страшный крикъ на всѣ голоса, хлопали крыльями и мчались къ нему. Когда мы подошли къ ступенькамъ, кормленіе уже кончилось. Проходя мимо, мы всѣ по очереди складывали ладонь на ладонь и брали у него благословеніе. Я былъ послѣднимъ и сдѣлалъ то же. Архіерей остановилъ меня, спросилъ, откуда я взялся такой маленькій, какой у меня голосъ, хорошо ли я учусь, жива ли моя мать, и такъ какъ я на всѣ эти вопросы отвѣтилъ удовлетворительно, то онъ сказалъ, что я умный мальчикъ, и велѣлъ идти къ нему. Онъ прибавилъ:

— И этотъ, какъ его зовутъ... философъ... Пичужко... тоже иди.

Пичужко и я выдѣлились изъ группы и пошли вслѣдъ за архіереемъ по длинному корридору. Въ корридоръ выходили окна и дверь квартиры эконома, а затѣмъ слѣдовалъ рядъ оконъ архіерейской квартиры.

— Ступайте, ступайте! Не бойтесь, я васъ не съѣмъ. Я монахъ, скоромнаго не кушаю,—добродушно шутилъ архіерей.

Мы вошли за нимъ въ маленькую переднюю и затѣмъ въ залъ. Залъ былъ невеликъ, но обстановка его поразила мой неопытный глазъ и показалась мнѣ блестящей. Впослѣдствіи я узналъ, что блестящей обстановкой называется нѣчто другое, а это была только вполнѣ приличная для архіерейскаго сана. Мягкій диванъ, нѣсколько креселъ и стульевъ были обиты малиновымъ шелкомъ, на стѣнахъ въ черныхъ рамкахъ висѣли библейскія гравюры и портреты духовныхъ лицъ, между двухъ оконъ стоялъ музыкальный инструментъ, оказавшійся фисгармоніей, полъ былъ застланъ красивымъ пестрымъ ковромъ. Архіерей сейчасъ же прошелъ во внутренніе покои, а мы съ Пичужкой остались въ залѣ. На сколько я былъ робокъ, на столько Пичужко оказался развязенъ. Я все держался ближе къ порогу, боялся ступить на коверъ и поднять глаза на картины. Пичужко же свободно прошелся по залѣ и даже присѣлъ на одинъ изъ стульевъ. Оказалось, что онъ здѣсь далеко не въ первый разъ. Преосвященный любилъ Пичужку прежде всего, по всей вѣроятности, за то, что онъ былъ некрасивъ и нескладенъ и круглый сирота. Нерѣдко онъ звалъ его къ себѣ, разумѣется, въ минуту добраго расположенія духа, бесѣдовалъ съ нимъ, угощалъ его чаемъ и вареньемъ и называлъ философомъ.

— Ну, что, философъ, сѣкъ тебя отецъ инспекторъ?—шутливо спрашивалъ владыка.

— Онъ пѣвчихъ не сѣчетъ,—отвѣчалъ Пичужко съ свойственной ему неопредѣленной улыбкой.

— И прекрасно дѣлаетъ, что не сѣчетъ! Не одобряю я отца инспектора. Посѣчь должно, но лишь въ крайнемъ случаѣ. Бываютъ порочныя натуры, коихъ ничѣмъ не исправишь, такихъ надобно сѣчь, а отецъ инспекторъ зря сѣчетъ. Власти не имѣю, а то бы воспретилъ.

Минуты черезъ двѣ вошелъ келейникъ—молодой, рослый парень, въ длинномъ кафтанѣ, съ густыми кудрями на головѣ, безбородый и безусый.

— Ступайте сюда, шельмецы! И какого бѣса вы на глаза владыкѣ попадаетесь!—сердито промолвилъ онъ вполголоса.

Мы пошли за нимъ, прошли маленькую гостиную и остановились въ небольшой столовой. На кругломъ столѣ, застланномъ бѣлой скатертью, въ красивыхъ металлическихъ блюдцахъ лежали пряники, орѣхи и варенье. Келейникъ сказалъ намъ: «Ѣшьте, только поскорѣе и скатерть не пачкать, прибирай послѣ васъ!» Я не рѣшался прикоснуться къ сластямъ, а Пичужко, не стѣсняясь даже присутствіемъ келейника, взялъ пригоршню орѣховъ и пряниковъ и положилъ себѣ въ карманъ, потомъ взялъ другую при-

горшню и нагрузилъ мои карманы. Вслѣдъ за этимъ онъ принялся за варенье и пригласилъ меня.

— Дорвались,—презрительно замѣтилъ келейникъ, а Пичужко только улыбался и уплеталъ варенье. Я ѣлъ сдержанно и смотрѣлъ чрезъ раскрытую дверь въ слѣдующую комнату. Тамъ было много иконъ, горѣла лампада и восковыя свѣчи на угольникѣ передъ большимъ образомъ, дальше была опять дверь, повидимому, въ спальню. Тамъ что-то зашуршало, и скоро оттуда вышелъ къ намъ архіерей, въ томъ же малиновомъ кафтанѣ, но уже безъ скуфьи, которую носилъ обыкновенно, когда выходилъ во дворъ.

Преосвященный былъ не высокъ ростомъ, довольно толстъ, но не чрезъ мѣру, съ небольшой совершенно бѣлой бородой и замѣчательно сохранившимися густыми длинными волосами цвѣта спѣлыхъ ржаныхъ колосьевъ. Лице у него было румяное, здоровое и очень подвижное, и самъ онъ обладалъ характеромъ дѣятельнымъ, кипучимъ. Не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, онъ постоянно былъ въ дѣйствіи, искалъ дѣла, а когда не находилъ, сочинялъ его. Бѣда была въ томъ, что дѣятельность его была весьма ограниченна и несамостоятельна. Не смотря на то, что городъ нашъ былъ губернскій, архіерейская каѳедра въ немъ была викарная, епархіальный же архіерей жилъ въ другомъ городѣ, который и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ подавлялъ нашу бѣдную губернію. Такимъ образомъ, дѣятельность нашего преосвященнаго вращалась въ сферѣ второстепенной и не имѣла рѣшающаго значенія, а между тѣмъ, у этого человѣка жажда самостоятельности была велика, былъ несомнѣнно выдающійся умъ (что признано всѣми) и рѣдкая опытность. Преосвященный прожилъ жизнь полную разнообразной кипучей дѣятельности. За свою долгую жизнь онъ перебывалъ профессоромъ и ректоромъ многихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, но особенную извѣстность получилъ миссіонерской дѣятельностью. Самъ онъ любилъ разсказывать о томъ, какъ его постоянно перемѣщали изъ одного учрежденія въ другое, какъ затѣмъ онъ былъ посланъ на Алеутскіе острова, ѣздилъ въ Сирію, въ Америку, всюду, гдѣ только есть зачатки православія; вездѣ его дѣятельность обращала на себя вниманіе, вездѣ его любили, и въ то же время вездѣ онъ оказывался неудобнымъ. Вины за нимъ не числилось никакой, поэтому и наказать его не было возможности. За то всю жизнь ему пришлось провести въ переѣздахъ съ одного конца свѣта на другой. «Неудобство» его состояло въ томъ, что онъ ни въ чемъ не признавалъ уклоненій отъ прямаго пути, и чуть замѣчалъ гдѣ либо, въ товарищахъ, или въ начальникахъ, стремленіе къ лести, искательству, неправдѣ, даже въ мелочахъ, говорилъ это прямо въ лице, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ. Но никакія потрясенія не заставили его измѣнить себѣ. Кончилось это поприще тѣмъ, что его послѣ семи десятковъ лѣтъ

жизни сдѣлали викаріемъ и поселили въ нашемъ скверномъ губернскомъ городѣ.

Столь неудачная жизнь, исполненная огорченій, развила въ немъ раздражительность, которая находилась въ постоянной борьбѣ съ правдивостью. Случалось, что онъ вспылитъ, раскричится на какое нибудь подчиненное ему духовное лице, оскорбитъ его при народѣ и сдѣлаетъ жестокое распоряженіе. Въ такую минуту онъ не принималъ никакихъ резоновъ, оправданія только пуще раздражали его. Но, вернувшись къ себѣ домой и пройдясь нѣсколько разъ быстрыми нервными шагами по комнатамъ, онъ начиналъ обдумывать свой поступокъ, приходилъ къ заключенію, что неправъ, и раскаявался. Но раскаявался онъ не на словахъ только, а дѣятельно. Онъ призывалъ къ себѣ обиженнаго и говорилъ ему: «прости меня, брате, я неправъ». Въ случаѣ жестокой обиды онъ не останавливался даже передъ тѣмъ, чтобъ попросить извиненія публично. Такіе случаи были памятны среди губернскаго духовенства.

Ограниченный въ болѣе широкой дѣятельности, преосвященный утѣшался тѣмъ, что требовалъ отъ подчиненнаго ему духовенства необыкновенной точности при исполненіи обрядовъ и слѣдилъ за этимъ строго. Требовалъ онъ также, чтобы во всѣхъ церквахъ пѣли по одному образцу, причемъ, желая возродить древле-благочестивое пѣніе, онъ, будучи изряднымъ музыкантомъ, самъ написалъ ноты и разослалъ всей своей паствѣ. Въ домашней жизни онъ не терялъ даромъ ни одного часа, всегда возлагалъ на свои плечи какой нибудь солидный трудъ, а въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ усиленно занимался переводомъ литургіи на сирійскій языкъ. Но, такъ какъ, не смотря на его огромныя филологическія познанія, при этой работѣ встрѣчались затрудненія, то онъ выписалъ къ себѣ какого-то сирійскаго монаха и ждалъ его пріѣзда съ нетерпѣніемъ. Единственнымъ его развлеченіемъ были птицы, которыхъ онъ набиралъ отовсюду, и выходилъ къ нимъ одинъ разъ въ день передъ обѣдомъ и собственноручно кормилъ ихъ.

— Ну, что, философъ, усладился?—спросилъ онъ Пичужку.

— Усладился, ваше преосвященство,—отвѣтилъ Пичужко, улыбаясь и доканчивая услажденіе посредствомъ абрикосоваго варенья.

— А ты, самый маленькій, не трусишь архіерея?

— Онъ трусить,—отвѣтилъ за меня Пичужко.

— Не слѣдуетъ; коли ты хорошъ, то нечего бояться архіерея. Ну, поѣли. Ступайте съ Богомъ.

Мы ушли. Весь этотъ эпизодъ долго еще казался мнѣ сномъ, до такой степени казалась мнѣ невѣроятной близость къ архіерею, и когда я потомъ разсказывалъ объ этомъ отцу и матери, они одновременно и удивлялись, и приходили въ ужасъ, какъ бы еще не вѣря, что такое невѣроятное счастье можетъ пройдти человѣку даромъ и вполнѣ благополучно.

X.

Пичужкина интрига.

Однажды, когда мы съ Пичужкой прогуливались по двору, мы замѣтили на панели какую-то широкую фигуру, которая осторожно фланировала вдоль рѣшетчатой деревянной ограды. Приглядѣвшись, мы убѣдились, что это не кто иной, какъ Иванъ Яковлевичъ Чепуринъ.

— Это онъ къ эконому хочетъ пробраться,—замѣтилъ мнѣ Пичужко: — да боится, не гуляетъ ли архіерей.

— А на что ему экономъ?

— О, они большіе пріятели!... Заберутся вдвоемъ въ заднюю комнату и попиваютъ себѣ чай съ ромомъ. Одинъ разъ меня о. Петръ послалъ къ эконому за канифолью... Канифоли на спѣвкѣ не хватило, потому что о. Петръ швырнулъ ее Мальченкѣ въ лобъ, такъ она вся и разлетѣлась вдребезги. Прихожу. Въ первой комнатѣ никого нѣтъ, а у эконома двѣ. Я въ другую, а они тамъ сидятъ себѣ за столикомъ: о. экономъ безъ кафтана, а Иванъ Яковлевичъ безъ сюртука... и попиваютъ. У обоихъ морды красныя, глаза масляные и оба другъ на друга смотрятъ и улыбаются; такъ они иногда по нѣскольку часовъ сидятъ, смотрятъ другъ на друга, молчатъ и улыбаются, да все рому подливаютъ.

Въ это время Иванъ Яковлевичъ замѣтилъ насъ и поманилъ пальцемъ. Мы подошли къ рѣшоткѣ.

— Послушай, ты, дурачина, преосвященнаго нѣтъ во дворѣ?—спросилъ онъ у Пичужки.

— Нѣту. Да онъ со двора уѣхалъ. Катается! — отвѣтилъ Пичужко.

— Ну, такъ я пройду къ о. эконому, только ты поди, поговори съ собакой, а я черезъ палисадникъ.

И онъ, не взирая на то, что свидѣтелями этого были мы, презрѣнные бурсаки, воровской походкой направился въ палисадникъ, причемъ полы его шинели широко развѣвались по вѣтру. Мы въ это время бесѣдовали съ собакой.

Это были неизмѣнные друзья, которыхъ свела, по всей вѣроятности, грустная судьба, своя у каждаго. Горе Ивана Яковлевича мы уже знаемъ: онъ былъ горбатъ, и значитъ обиженъ судьбой. Отецъ экономъ сложеніемъ и здоровьемъ былъ какъ слѣдуетъ, отъ роду ему было лѣтъ за сорокъ. Былъ онъ и статенъ и красивъ, съ своей длинной шелковистой бородой и правильными, строгими чертами лица, а горе его состояло въ томъ, что онъ былъ вдовецъ и овдовѣлъ рано, въ молодости, кажется, года два послѣ женитьбы. Былъ онъ тогда дьякономъ и по сану своему долженъ былъ остаться вѣчнымъ вдовцомъ, да вдобавокъ и вѣчнымъ дьякономъ. Это на-

ложило тяжелый колорить на всю его жизнь. И вотъ два эти человѣка, для которыхъ въ равной мѣрѣ, хотя и по разнымъ причинамъ, были доступны далеко не всѣ радости жизни, сошлись на одномъ пунктѣ, именно на стремленіи по возможности забываться. Забывались они слегка, никогда не выходя изъ предѣловъ приличія и притомъ обязательно замыкаясь или во второй комнатѣ о. эконома или въ скромной квартиркѣ Ивана Яковлевича въ домѣ Працовскаго. Разговаривать имъ особенно было не о чемъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они молчали вдвоемъ по нѣсколько часовъ подрядъ. Благодаря рому, къ которому у нихъ была общая симпатія, время проводилось пріятно и цѣль достигалась.

Наступилъ Филипповъ постъ, выпалъ первый снѣгъ, который тутъ же и растаялъ, улицы губернскаго города покрылись глубочайшею грязью, которая то слегка примерзала, то опять таяла и дѣлалась опять жидкою. Въ школѣ во время переклички все чаще и чаще попадались отвѣты «abest» и «безъ сапогъ», потому что въ бурсацкіе сапоги съ зіяющими дырами набиралась грязь, которая переливалась чрезъ голенище. Когда ударилъ первый морозъ, участилась отмѣтка «безъ одежи», ибо у массы бурсаковъ вмѣсто пальто были однѣ дырья. У насъ въ спѣвочной начались дѣятельныя приготовленія къ Рождественскимъ праздникамъ. Разучивались партесные тропари и кондаки, но самую главную роль игралъ праздничный концертъ Бортнянскаго. Разучивался онъ не столько для пѣнія въ церкви, сколько для «поздравленій». Слово это, которое я, конечно, зналъ, казалось мнѣ какъ бы неидущимъ въ данномъ случаѣ къ дѣлу.

— Какое это поздравленіе?—спросилъ я, конечно, у Пичужки.

— А такое... всѣ мы, пѣвчіе, ходимъ по домамъ и поздравляемъ.

— Какъ же это?

— Да вотъ такъ: зайдемъ въ домъ, станемъ около порога, о. Петръ тонъ задастъ, мы и дуемъ концертъ. Ну, хозяева слушаютъ, а потомъ руку о. Петру хозяинъ протянетъ, ну, и сунетъ рубль, два, три, иной побогаче и десять дастъ, но это рѣдко. Иные, которые съ о. Петромъ знакомы, закусить пригласятъ, ну, тутъ ужъ мы налупимся всласть. Басы и тенора водку пьютъ, а мальчики вино. Орѣховъ полные карманы накладемъ. Потомъ дальше идемъ. Нѣтъ, это пріятно. Я люблю. Цѣлыхъ три дня ходимъ. Иногда и на четвертый хватаетъ.

— Я не буду ходить, — замѣтилъ я.

— Какъ не будешь? Всякій долженъ ходить, кто въ пѣвчихъ.

— Нѣтъ, я не буду, — рѣшительно повторилъ я: — я поѣду на праздники домой въ деревню. Мнѣ отецъ говорилъ, что на Рождествѣ, на Пасхѣ и на каникулахъ будетъ брать меня домой.

— Э-ге-ге! Это, братъ, забуды! Этого не полагается! Пѣвчіе до-

мой не ѣздять—не пустять, ни за что не пустять. Ужъ это такое положеніе. За то даромъ и поять, и кормять, и одѣвають. Какъ же, праздники-то и есть самая суть! Каждый день служба. Нѣтъ, братъ, ты и не заикайся.

Это сообщеніе несказанно опечалило меня. Я именно и денно и нощно мечталъ о томъ, что вотъ наступитъ Рождество, поѣду я домой, гдѣ меня вдвойнѣ будутъ любить и ласкать, гдѣ такъ весело, свободно, тепло, уютно и такая масса вкусныхъ вещей. Въ моемъ уже тронутомъ бурсацкимъ голодомъ воображеніи постоянно носились сладкіе образы жаренаго поросенка, индюшки, колбасъ и многаго другаго. И вдругъ оказывается, что ничего этого для меня не существуетъ. Признаюсь, я даже заплакалъ, а Пичужко дружески утѣшалъ меня, расписывая самыми яркими красками прелести хожденія съ поздравленіями, стараясь при томъ выдвинуть на первый планъ вкусныя вещи, которыя могли бы поспорить съ тѣми, что рисовались въ моемъ воображеніи. Такъ какъ я былъ, всетаки, безутѣшенъ, то онъ тутъ же придумалъ компромисъ.

— Ты вотъ что, ты не плачь, ты попроси о. эконома, чтобъ тебя пустили на четвертый день. Онъ пуститъ... На цѣлую недѣлю пуститъ. И знаешь что, попроси своего отца, чтобъ и меня взялъ къ себѣ.

— Ну? Ты поѣдешь?

— Еще бы! я радъ буду. Мнѣ не къ кому поѣхать. Я никогда еще не праздновалъ полюдски.

Эта идея сильно мнѣ понравилась, и я уже мечталъ о томъ, какъ мы съ моимъ благороднымъ другомъ Пичужкой весело проведемъ праздничную недѣлю, и въ особенности какое это ему, круглому сиротѣ, доставитъ удовольствіе.

Въ спѣвочной собирались теперь черезъ день. О. Петръ выходилъ изъ себя, потѣлъ и выбивался изъ силъ. Тенора и тутъ оказывались вѣрными себѣ, всѣ они этотъ концертъ, тропари и кондаки разучивали ежегодно къ Рождеству, выучивали и пѣли, но втеченіе года очень основательно забывали. Съ ними приходилось возиться совершенно такъ, какъ будто это было нѣчто новое. Для меня все это было дѣйствительно ново, и хотя я обнаружилъ блестящія способности къ партесному пѣнію и пользовался благодѣтельной помощью Пичужки, тѣмъ не менѣе, всетаки, я спотыкался на каждомъ шагу. Былъ даже такой моментъ, что о. Петръ, наигрывавшій альтовую партію надъ самымъ моимъ ухомъ, не вытерпѣлъ и хватилъ меня скрипкой по головѣ. Результатомъ этого было то, что голова моя очутилась внутри скрипки, и стоило не малыхъ хлопотъ, чтобы освободить ее отъ этого внезапнаго украшенія.

Между тѣмъ Пичужко дѣятельно, хотя и тайно, интриговалъ

противъ Любкина. Не смотря на свою правдивость, онъ допускалъ это въ виду того, что Любкинъ, по его мнѣнію, былъ зло, достойное наказанія, я же былъ обойденъ, ибо по моимъ блестящимъ качествамъ мнѣ надлежало быть исполатчикомъ.

Пичужко не разбиралъ средствъ для достиженія своей цѣли. Однажды, онъ въ присутствіи о. Петра, но въ отсутствіи Любкина, сказалъ:

— Вчера я слышалъ въ соборѣ... Шестеро бабъ стояли и говорятъ: «даже стыдно смотрѣть, какая дубина большая и вдругъ исполатчикъ!»

— Это, положимъ, не твое дѣло и до этихъ бабъ не касается!—возразилъ о. Петръ:—одначе мнѣ и самому кажется, что Любкинъ великъ, и другіе замѣчали. Надо будетъ какъ нибудь спросить преосвященнаго. Этотъ, положимъ, могъ бы (онъ указалъ на меня), голосъ у него хорошъ, да боюсь—струситъ и все перезабудетъ. Трусъ онъ большой!

Нечего и прибавлять, что шестеро бабъ были фантазіей Пичужки, но это не прошло безслѣдно. О. Петръ однажды доложилъ архіерею:

— Ваше преосвященство! Любкинъ, исполатчикъ, великоватъ сталъ, не прикажете ли замѣнить?

— Великъ, великъ!—сказалъ архіерей:—оно не такъ-то благовидно выходитъ. А кѣмъ же замѣнить?

О. Петръ назвалъ меня.

— Гм... Да на него и стихаря нѣтъ. Онъ такъ малъ!

— Подберемъ, ваше преосвященство.

— Ну, пожалуй, коли подберешь, пускай поетъ...

О. Петръ пришелъ на спѣвку, подозвалъ меня и таинственно, словно оно чего нибудь боялся, сказалъ голосомъ, который могъ слышать только одинъ я:

— Какъ нибудь зайди въ алтарь въ соборѣ въ правый придѣлъ и подбери на себя стихарь.

Я струсилъ, не знаю почему: потому ли, что предстояло вступить въ отвѣтственную роль исполатчика, или потому,—это вѣрнѣе,—что боялся мести со стороны Любкина. Ужъ онъ, конечно, не спуститъ мнѣ съ рукъ этой обиды. Впродолженіе всей спѣвки я не подавалъ и виду, что ношу въ головѣ своей такую важную новость; о. Петръ тоже объ этомъ не заводилъ рѣчи, но мнѣ мерещилось, что всѣ уже на меня смотрятъ какими-то особенными глазами и рѣшительно всѣ порицаютъ за дерзость, съ которой я иду на столь нелегкое поприще, а Любкинъ точитъ на меня зубы. Ничего этого, разумѣется, не было. Пѣвчіе дѣлали свое дѣло, Любкинъ съ обычнымъ искусствомъ выводилъ какое-то соло, и даже Пичужко не подозрѣвалъ о такомъ блестящемъ результатѣ своихъ

козней. Выходя изъ спѣвочной, о. Петръ опять таинственно напомнилъ мнѣ:

— Смотри же, малецъ, не позабудь зайдти насчетъ стихаря... Преосвященный приказалъ.

Это «преосвященный приказалъ» окончательно потрясло меня и прозвучало въ моихъ ушахъ, какъ какое-то страшное заклинаніе, рѣшающее мою судьбу. Я—исполатчикъ! Въ самомъ дѣлѣ, моя пѣвческая карьера шла необычайно быстрыми шагами, и естественно, что я долженъ былъ сдѣлаться предметомъ зависти многихъ. Выйдя во дворъ, я взялъ за руку Пичужку и отвелъ его въ самый дальній уголъ, гдѣ насъ никто не могъ ни видѣть, ни слышать.

— Знаешь, что мнѣ сказалъ о. Петръ? Чтобъ я примѣрилъ стихарь! Исполатчикомъ буду! Преосвященный приказалъ!—таинственнымъ тономъ заговорщика сообщилъ я, и голосъ мой дрожалъ, а лице было блѣдно.

— Ну? Вотъ это такъ штука!

И мой несуразный Пичужко отъ великой радости запрыгалъ и понесся вскачь черезъ весь дворъ, хлопая въ ладоши. Но онъ также до поры до времени оставлялъ это извѣстіе въ тайнѣ, съ злостнымъ намѣреніемъ сразу поразить Любкина уже совершившимся фактомъ.

Въ субботу утромъ мы съ Пичужкой удрали изъ школы: я съ урока русскаго языка, предоставивъ «Цыгану» давать свои пощечины другимъ, а мой пріятель прямо изъ-подъ носа у «Лисы». Руководилъ въ этомъ дѣлѣ, разумѣется, Пичужко, я же только покорно слѣдовалъ его велѣньямъ. Онъ былъ весь проникнутъ рѣшительностью, до того проникнутъ, что явно рисковалъ попасть прямо подъ розги о. инспектора. Мы всяческими обходами прошли къ собору, который отстоялъ отъ школы въ пятидесяти шагахъ, и вошли въ него не главной дверью, а боковой. Проникнувъ въ алтарь праваго придѣла, гдѣ вообще хранились церковныя облаченія, мы обратились къ пономарю Амвросію, который завѣдывалъ стихарями. Пономарь Амвросій былъ длиненъ, тонокъ и кудрявъ, ходилъ десятокъ лѣтъ въ одномъ и томъ же засаленномъ и заношенномъ кафтанѣ, пилъ только сивуху, совсѣмъ не признавая очищенной по той причинѣ, что «въ ней не имѣется самаго главнаго—букета», и былъ извѣстенъ, какъ юмористъ. Юморъ его, впрочемъ, заключался въ томъ, что онъ во всякомъ мѣстѣ и во всякое время корчилъ невѣроятно смѣшныя рожи, высовывалъ языкъ и умѣлъ двигать ушами. Все это онъ умудрялся продѣлывать въ то время, какъ, стоя на лѣвомъ клиросѣ, читалъ кафизму или часы, и рожа его была до такой степени смѣшна, что нельзя было удержаться отъ смѣха. Иногда, вдругъ, среди пѣнія хоромъ какой нибудь очень сложной піесы, мимо клироса пройдетъ пономарь Амвросій и, полуобернувъ къ намъ лице, сдѣлаетъ одну изъ своихъ потѣшныхъ

рожъ. Ужъ непремѣнно въ пѣніи произойдетъ заминка, а иногда тенора, которые были болѣе другихъ смѣшливы, и совсѣмъ собьются. Самъ о. Петръ, даромъ, что былъ строгій, поддавался силѣ комизма и съ трудомъ подавлялъ свою улыбку. Но въ серьезныхъ случаяхъ онъ выходилъ изъ себя и говорилъ:

— Эй, Амвросій, не дури! Я пожалуюсь!..

Амвросій отвѣчалъ ему новой рожей, отъ которой хоръ еще больше сбивался.

— Роська! — уже сердито повторялъ о. Петръ, — пожалуюсь! Отцу настоятелю скажу!..

Но «Роська», онъ же Амвросій, можетъ быть, и настоятеля боялся и отъ души желалъ сдѣлать удовольствіе о. Петру, но не могъ. Комическія рожи были его сферой, языкомъ его души. О. Петръ жаловался настоятелю, настоятель дѣлалъ ему выговоръ; доходило до самого архіерея, который однажды заставилъ Роську всенародно посреди церкви ударить сто поклоновъ въ видѣ наказанія. Но Роська, всетаки, продолжалъ дѣлать рожи. И не слѣдуетъ думать, что этотъ Роська былъ юнъ, и что въ немъ это играла молодая кровь; нѣтъ, почтенному пономарю было отъ роду больше пятидесяти лѣтъ, была у него жена и шестеро наслѣдниковъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право сказать, что комическій талантъ былъ врожденъ пономарю Амвросію, и что онъ пошелъ не по своей дорогѣ. Ему бы въ водевиляхъ играть.

Итакъ, мы обратились къ Амвросію.

— Этому мальчику надо стихарь подобрать,—сказалъ Пичужко:—преосвященный приказалъ!

— Вотъ этому самому?—спросилъ Амвросій, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на меня съ своей высоты:—да гдѣ же я возьму такой стихарь? Такихъ младенцевъ у насъ еще не было!..

Однако-жъ, мы стали примѣрять, и дѣйствительно всѣ стихари, какіе я надѣвалъ на себя, волочились по землѣ; я пробовалъ пройтись въ нихъ нѣсколько шаговъ, но тотчасъ запутывался и падалъ. Амвросій дѣлалъ соотвѣтствующую такому случаю рожу, Пичужко смѣялся.

— Рося, голубчикъ!—нѣжно обратился къ нему Пичужко:—а нельзя новый сдѣлать? а?

— Отчего нельзя? Надобно только сказать о. ключарю! Архіерей, говоришь, сказалъ?

Онъ поднялъ палецъ кверху и сдѣлалъ мину, означавшую важность этого обстоятельства.

— Самъ архіерей!.. Только сдѣлайте милость, Любкину не говорите, потому это ему непріятно!..

— А ты что хлопочешь? а? Вѣдь не тебѣ стихарь... У тебя у самого гусиный голосъ!

Рося при этомъ вытянулъ шею и изобразилъ поющаго гуся.

Пичужко нисколько не обидѣлся, такъ какъ съ одной стороны это было смѣшно, а съ другой—на Росю никто никогда не обижался.

— Мы съ нимъ друзья!—отвѣтилъ онъ:—видите, какой онъ маленькій, что на него даже стихаря нѣтъ. Всѣ его обижаютъ. Мы съ нимъ друзья!..

Тутъ Рося окончательно разсмѣшилъ насъ, изобразивъ на своемъ лицѣ каррикатуру трогательной дружбы, причемъ закатилъ глаза подъ лобъ и сложилъ губы въ трубочку. Онъ обѣщалъ намъ, что всѣ хлопоты по части новаго стихаря возьметъ на себя, что стихарь непремѣнно будетъ готовъ къ будущей субботѣ, и тутъ же собственноручно снялъ съ меня мѣрку. Вечеромъ на всенощной мы доложили о. Петру о положеніи стихарнаго вопроса. Онъ оглянулся и, убѣдившись, что никто его не слышитъ, сказалъ:

— Ладно, только ты, Пичужко, смотри, обучи его всему, какъ слѣдуетъ, чтобы онъ не сдрефилъ! И никому не сказывай!

Отецъ Петръ, само собой разумѣется, нисколько не участвовалъ въ интригѣ Пичужки, но послѣ извѣстной исторіи, когда Любкинъ пригрозилъ ему, что пойдетъ жаловаться къ преосвященному, онъ радъ былъ всякому случаю насолить этому строптивому мальчику, прежде всячески прислуживавшемуся къ нему, а теперь вдругъ сдѣлавшемуся непочтительнымъ.

Когда въ воскресенье Любкинъ вышелъ въ стихарѣ на средину церкви и запѣлъ «исполà», Пичужко злорадно шепнулъ мнѣ на ухо:

— Послѣдній разъ Любкинъ стихарствуетъ! А онъ и не подозрѣваетъ! То-то взбѣсится! У-у!

Наконецъ, наступила урочная суббота. Мы опять сбѣжали съ урока и пробрались въ соборъ. Рося насъ поджидалъ, онъ вполнѣ честно выполнилъ свое обѣщаніе, и стихарь хорошенькій, новенькій, свѣтлый лежалъ отдѣльно. Онъ пришелся мнѣ какъ разъ по мѣркѣ, и Пичужко торжествовалъ. Въ церкви случился о. Петръ, Пичужко самъ сходилъ въ другой алтарь и пригласилъ его. Отецъ Петръ пришелъ и сказалъ, что отлично.

— Завтра же будешь пѣть «исполà» и прочее... Только ты не сдрефишь? а?

— Н...нѣтъ, о. Петръ, я не сдрефлю!—сказалъ я, правда, весьма неувѣренно, ибо самъ болѣе былъ убѣжденъ въ противномъ.

Но очень ужъ казалась мнѣ великолѣпной роль исполатчика, а стихарь рѣшительно блестящимъ костюмомъ. Я уповалъ на Бога и, разумѣется, на Пичужку, который ободрялъ меня. Тутъ же на подкладкѣ стихаря Рося написалъ чернилами мою фамилію. Стихарь былъ мой.

Послѣ обѣда въ архіерейскомъ дворѣ совершился еще одинъ актъ Пичужкиной интриги, самый таинственный и самый злостный. Пичужко тихонько переговорилъ съ Мальченкой и Брусковымъ.

Они терпѣть не могли Любкина, который, по ихъ мнѣнію, зазнавался. Пичужко сообщилъ имъ о готовящемся событіи и, наказавъ строго хранить тайну, пригласилъ ихъ въ самыя дебри стараго дома. Здѣсь мы вполголоса нѣсколько разъ подрядъ пропѣли отъ начала до конца все, что должны пѣть въ церкви исполатчики, причемъ мнѣ было показано, какъ надо идти, какъ и гдѣ стать, поклониться и какъ держать себя. Въ концѣ концевъ я отлично усвоилъ всѣ пріемы, и Пичужко былъ въ полномъ восторгѣ. Онъ потиралъ руки, а увлеченные его примѣромъ первый и второй дискантъ дѣлали то же. На всенощной и потомъ весь вечеръ мы были заражены интригой Пичужки, и, по всей вѣроятности, это было видно по нашимъ глазамъ.

Надо думать, что Любкинъ что-то замѣтилъ, потому что онъ былъ неспокоенъ. Передъ тѣмъ, какъ идти спать, мы вчетверомъ еще разъ посѣтили развалины и въ совершенной темнотѣ пропѣли все, что слѣдуетъ, едва слышными голосами. Но каково было наше смущеніе, когда мы, выходя изъ развалинъ, встрѣтились лицемъ къ лицу съ Любкинымъ. Онъ слѣдилъ за нами и, очевидно, слышалъ, какъ мы пѣли.

— Ха, ха, ха!—злобно разсмѣялся онъ:—напрасно стараешься, Пичужко! Ничего тебѣ не поможется! Только это тебѣ даромъ не пройдетъ!..

Мы, разумѣется, вѣрные завѣту Пичужки, ничего не сказали ему. Ударъ долженъ быть нанесенъ разомъ.

И дѣйствительно ударъ былъ великъ и хорошо разсчитанъ. Добрый Пичужко, сдержанный, разсудительный «философъ», какъ его называлъ архіерей, на этотъ разъ оказался злымъ и безпощаднымъ. Въ воскресенье передъ обѣдней онъ пришелъ въ соборъ раньше насъ всѣхъ и тихонько перенесъ мой стихарь въ другой алтарь. Потомъ явились всѣ, и Любкинъ, по обыкновенію, одѣлъ свой длинный стихарь. Мы молчали, предоставивъ дѣло судьбѣ и Пичужкѣ. Любкинъ расхаживалъ по алтарю, бросая на насъ побѣдоносные взгляды и кокетничая своимъ одѣяніемъ. Уже близился пріѣздъ архіерея, вошелъ о. Петръ, Пичужко подошелъ къ нему и спросилъ:

— Кто будетъ пѣть «исполà»?

— А стихарь готовъ?—спросилъ о. Петръ.

— Еще вчера готовъ!

— Пускай одѣвается!..

Я побѣжалъ въ лѣвый придѣлъ и облачился въ стихарь. Мой внутренній огонь раздувался таинственнымъ положеніемъ заговорщика, я чувствовалъ, что сильно волнуюсь, но вовсе не трушу. Когда я появился въ алтарѣ, гдѣ были пѣвчіе, всѣ ахнули, до такой степени я былъ необыкновененъ въ своей новой одеждѣ.

— А ты, Любкинъ, можешь снять стихарь,—сказалъ о. Петръ:—преосвященный приказалъ ему пѣть...

Любкинъ, бѣдный Любкинъ, котораго мнѣ было даже жаль въ эту минуту, сразу понялъ всю злостность нашей интриги, задрожалъ, поблѣднѣлъ и заплакалъ. Онъ ни слова не возразилъ, порывисто сорвалъ съ себя стихарь, даже что-то разорвалъ при этомъ и, метнувъ глазами на меня и на Пичужку, вышелъ изъ алтаря и вовсе не являлся въ эту обѣдню.

Посрамленіе Любкина совершилось. Я вышелъ съ двумя мальчиками на средину церкви и пѣлъ «исполà». Я ничего не слышалъ и не видѣлъ, сердце у меня страшно билось, и я не зналъ, пою ли то, что слѣдуетъ, или совсѣмъ другое, или даже вовсе ничего не пою. Потомъ я пѣлъ «Τὸν δεσπότην», «Святый Боже» и еще разъ «исполà» и, всетаки, не сознавалъ, что и какъ я пою. Но всякій разъ, когда я возвращался на клиросъ, о. Петръ говорилъ: «Молодчина, не сдрефилъ!» А Пичужко поощрительно толкалъ меня въ бокъ. Изъ этого я заключилъ, что дебютъ мой вполнѣ удался, и торжество мое, а въ то же время и Пичужки, не имѣло границъ.

Въ этотъ день я чувствовалъ себя какъ бы посвященнымъ въ нѣкій санъ. Даже отецъ экономъ нашелъ необходимымъ ознаменовать чѣмъ нибудь этотъ день. Онъ позвалъ меня къ себѣ и далъ мнѣ большое и очень вкусное яблоко, которое мы раздѣлили на четыре части, т. е. между мною, Пичужкой, первымъ и вторымъ дискантами.

Исторія съ Любкинымъ этимъ, однако, не кончилась. Онъ озлобился въ конецъ, сталъ уединяться, похудѣлъ и, очевидно, все время обдумывалъ какой-то замыселъ противъ меня. Я началъ бояться его. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ онъ изъ-за угла швырнетъ мнѣ камнемъ въ голову или рѣзанетъ меня перочиннымъ ножемъ. Я старался обращаться съ нимъ почтительно и мягко, не разъ предлагалъ ему сало и цыплятъ, но онъ гордо отворачивался отъ всего этого. Меня это страшно тяготило, и я однажды рѣшился подойдти къ нему и заговорить.

— Слушайте, Любкинъ!—несмѣло сказалъ я ему, когда мы были одни. Я всегда называлъ его на «вы».—Ей Богу же, я въ этомъ не виноватъ... Я самъ никогда не просилъ... А мнѣ о. Петръ приказалъ...

— Ладно!—промолвилъ Любкинъ, сверкая глазами.—Нечего Лазаря корчить. Знаю я васъ... Только это тебѣ даромъ не пройдетъ... Мы еще посмотримъ.

Такимъ образомъ, моя попытка къ примиренью кончилась полной неудачей. Любкинъ продолжалъ уединяться и злобствовать и придумалъ, наконецъ, способъ для мщенія.

Въ одно изъ воскресеній, едва пѣвчіе собрались на клиросѣ для встрѣчи архіерея, всѣ почувствовали нестерпимый, рѣзкій за-

пахъ простаго, грубаго скипидара. Запахъ былъ до того силенъ, что всѣ чихали и закрывали носы. Дошло даже до того, что изъ алтаря выбѣжалъ жезлодержецъ съ растерянньмъ видомъ и какъ-то странно поводилъ носомъ, чтобы узнать, откуда идетъ запахъ. Но такъ какъ на клиросѣ всѣ чихали и корчили мины, то ясно было, что источникъ здѣсь.

— Кто это надушился скипидаромъ?—строго спросилъ о. Петръ.

Но никто не признавалъ за собою этого невѣроятнаго дѣянія. Кому бы въ самомъ дѣлѣ пришла охота душиться скипидаромъ. Между тѣмъ, на колокольнѣ уже начался трезвонъ: это значило, что архіерей ѣдетъ. Среди пѣвчихъ и вообще лицъ, прикосновенныхъ къ клиру, было большое смятеніе. Можно было замѣтить, что особенные любители церковнаго пѣнія, стоявшіе обыкновенно у самаго клироса, какъ-то осторожно отодвинулись, такъ что между клиросомъ и молящимися образовалось пустое пространство. Отецъ Петръ краснѣлъ, и глаза его уже искрились гнѣвомъ.

— Какая собака принесла скипидаръ?—спрашивалъ онъ уже шипящимъ голосомъ:—признавайся, а не то, ежели узнаю, запорю.. Недѣлю голодомъ морить буду!..

Никто не признавался. Между тѣмъ, уже пріѣхалъ архіерей, подошелъ къ иконостасу, поклонился иконамъ, діаконы кадили, протодіаконъ гудѣлъ своимъ громовымъ басомъ, пѣвчіе пѣли, и у всѣхъ на лицахъ было написано недоумѣніе; даже преосвященный какъ-то сомнительно покосился въ нашу сторону. Отецъ Петръ, конечно, замѣтилъ это и затопалъ ногами, на сколько это можно было сдѣлать, стоя на клиросѣ во главѣ хора.

— Шкуру сдеру, ежели узнаю, кто!—хрипѣлъ онъ.

Архіерея одѣвали посреди церкви на амвонѣ. Вотъ ужъ пора намъ, исполатчикамъ, идти на средину церкви, пѣть «Τὸν δεσπότην». Мы пошли гуськомъ и остановились въ проходѣ между двумя стѣнами, состоявшими изъ молящихся. Каково же было наше удивленіе, когда тотчасъ же около насъ публика съ какимъ-то волненіемъ разступилась и образовала порядочный кругъ, преосвященный покраснѣлъ, а вся его свита подозрительно переглядывалась. Мы смущены. Пропѣли мы свой греческій стихъ и ушли на клиросъ, но сейчасъ же вслѣдъ за нами явился иподіаконъ и повлекъ насъ троихъ въ ризницу. Оказалось, что именно мы трое носили съ собой нестерпимый запахъ скипидара. Съ насъ сняли стихари, осмотрѣли и обнюхали. Произошло что-то непонятное: задній карманъ моего форменнаго казеннаго сюртука и лежавшій въ немъ платокъ были мокры.

— Ты съ ума сошелъ, что ли?—спросилъ меня иподіаконъ. Я въ слезы, я ничего не понимаю. Пришелъ о. Петръ и строго сталъ меня допрашивать. Пострадало мое ухо, и камертонъ нѣсколько разъ прикоснулся къ моей головѣ.

Сюртукъ мой сейчасъ же унесли вонъ изъ церкви, я одѣлъ стихарь безъ сюртука; всего меня обкурили ладономъ и облили розовой водой, но причины такого страннаго обстоятельства отыскать не могли.

Когда я вернулся на клиросъ, блѣдный и потрясенный, и разсказалъ Пичужкѣ, въ чемъ дѣло, онъ наморщилъ лобъ и закусилъ нижнюю губу.

— Я знаю, кто это сдѣлалъ!—сказалъ онъ.—О. Петръ, прикажите обыскать Любкина!

При этихъ словахъ Любкинъ замѣтно дрогнулъ и сдѣлалъ уже шагъ, чтобы уйдти съ клироса, но о. Петръ, сейчасъ же правильно понявшій мысль моего друга, сильной рукой схватилъ его за шиворотъ и остановилъ.

Дѣло кончилось въ ризницѣ. Любкина обыскали, нашли у него бутылку. Оказалось, что онъ не пожалѣлъ матеріала и вылилъ въ мой карманъ все до капли. Пришлось доложить архіерею, и пѣвческая карьера Любкина была на этомъ кончена. Его изгнали изъ хора и переселили въ бурсу. Зло было наказано. Пичужко торжествовалъ, ко мнѣ же теперь всецѣло перешли обязанности солиста.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ [1].

VII.

Ъ ВСЕГО персонала московскихъ профессоровъ и литераторовъ ни съ кѣмъ нельзя было такъ легко познакомиться, какъ съ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ. Это зависѣло отъ его общительности и простоты обращенія, чуждаго какихъ либо церемоній. Могло статься, что въ этомъ свойствѣ отражалась и сущность сословія, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и которому невѣдомы осторожность и раздумье при завязываніи знакомствъ. Другое похвальное свойство Погодина выказывалось въ отношеніяхъ къ лицамъ, высшимъ его по какому либо значенію: онъ обращался съ ними безъ боязни, говорилъ свободно, не понижая голоса, даже часто разнорѣчиво съ ними въ обсужденіи какихъ либо вопросовъ. И. И. Давыдовъ изумлялся такой отвагѣ, особенно въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другими лицами (въ числѣ которыхъ находился и Михаилъ Петровичъ) гостилъ у графа Уварова въ его Тускулумѣ, то-есть селѣ Порѣчьѣ: «Я не позволю себѣ,—говорилъ онъ,—обращаться такъ развязно съ лицемъ, выше меня стоящимъ: какъ я могу забыть, что это лице — министръ и мой начальникъ?» Такъ разсуждалъ выдающійся профессоръ, имѣ-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 126.

шій уже генеральскій чинъ и звѣзду. У него и на мѣдной доскѣ, прибитой ко входной двери, было вырѣзано: **дѣйствительный статскій совѣтникъ** Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Съ такимъ-то общедоступнымъ человѣкомъ, какъ Погодинъ, я познакомился въ первый годъ издававшагося имъ «Московскаго Вѣстника» (1827 г.). Я отъявился къ нему съ небольшой статейкой (подъ названіемъ «Четыре возроста естественной исторіи»), чуждой содержанія, т. е. научнаго интереса, но написанной не дурнымъ стилемъ, подъ вліяніемъ такъ называвшейся «павловщины», т. е. лекцій М. Г. Павлова, любимаго профессора, въ физико-математическомъ факультетѣ. Въ это же время я увидѣлъ и С. П. Шевырева, вмѣстѣ съ Погодинымъ жившаго и работавшаго для журнала.

Второй визитъ Погодину былъ сдѣланъ лѣтъ черезъ пять послѣ перваго, въ 1831 или 1832 году. Въ это время онъ жилъ на Мясницкой улицѣ, въ собственномъ домѣ, купленномъ у князя Тюфякина. Домъ перестроивался или обновлялся по указанію новаго владѣльца, къ которому ввели меня по накладнымъ доскамъ въ верхній этажъ: здѣсь онъ сидѣлъ въ небольшой комнатѣ, за маленькимъ столомъ, оглушаемый стукомъ плотничьихъ топоровъ и крикомъ рабочихъ. Разговоръ нашъ по поводу изданія альманаха «Сиротка» (1831 г.) въ пользу малолѣтнихъ, оставшихся безъ пріюта по смерти ихъ родителей отъ холеры и помѣщенныхъ на время въ домѣ князя Павла Павловича Гагарина, безпрестанно прерывался появленіемъ рыжаго мужика, можетъ быть, подрядчика. «Что тебѣ надобно?»—спрашивалъ Погодинъ.—Пожалуйте гвоздей: всѣ вышли.—«Какихъ тебѣ нужно: большихъ или среднихъ?»—И тѣхъ и другихъ.—«По скольку?»—По стольку-то. И Михаилъ Петровичъ, нисколько не смущаясь, въ самомъ веселомъ и добромъ расположеніи духа, выдвигалъ ящикъ своего рабочаго стола и отсчитывалъ требуемое число гвоздей. Тутъ я замѣтилъ, что на его мѣстѣ я бы не сталъ довѣряться подрядчику, помня пословицу: «красный—человѣкъ опасный».—«Нѣтъ, не безпокойтесь: я хорошо знакомъ съ простымъ народомъ и по физіономіи тотчасъ отличу плута отъ надежнаго, совѣстливаго малаго. Мой подрядчикъ въ числѣ втораго разряда».

Такою способностью совмѣщать двѣ совершенно разнородныя вещи: выдачу гвоздей плотникамъ и изложеніе на бумагѣ своихъ мыслей, нѣкоторые, шутки ради, объясняли происхожденіе излюбленныхъ Погодинымъ афоризмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, часто отрываемый отъ письма приходомъ подрядчика, онъ былъ вынужденъ ставить точки тамъ, гдѣ фраза еще не оканчивалась: отсюда крайне несвязная рѣчь, совершенно противоположная періодическому строю. Но это не афоризмы, которые выражаютъ извѣстныя мысли, хотя и въ немногихъ словахъ, но ясно, опредѣленно и связно. У Ми-

ханла Петровича не то: у него, сплошь и рядомъ, предложенія обходятся безъ подлежащихъ и сказуемыхъ и, однако-жъ, каждое замыкаются точкой. Это скорѣе—лаконизмы, оригинальные по своему строю, выходящіе за предѣлы надлежащей краткости. Вотъ нѣсколько образчиковъ: «Извѣстіе о болѣзни батюшки. Туда. Умеръ» (т. е. получилъ извѣстіе о болѣзни отца. Надобно ѣхать къ нему, но уже поздно: батюшка уже скончался). «Въ университетъ. Съ Кубаревымъ мимо Снегирева. Всѣ гусемъ къ Уварову». «Скучная лекція. Хандра. Для разсѣянія къ Аксаковымъ. Анекдоты Пущина о Павлѣ и Суворовѣ. Въ бостонъ» [1]). Читателей поражала такая форма и давала поводъ къ пародіямъ. Наиболѣе удачная вышла подъ псевдонимомъ Ведрина (Герцена). Графъ Строгоновъ, прочитавъ ее, замѣтилъ: «Будьте увѣрены, господа, что Михаилъ Петровичъ сочтетъ ее своимъ собственнымъ произведеніемъ». Въ похвалу Погодину необходимо прибавить, что онъ не сердился на подобныя выходки и даже смѣялся, если пародія выходила забавною. Но отзывы о книгѣ: «Годъ въ чужихъ краяхъ» (1844), огорчили его. Одинъ изъ нихъ, написанный Н. А. Полевымъ, помѣщенъ въ петербургскомъ журналѣ, въ какомъ именно не припомню; другой, явившійся въ «Отечественныхъ Запискахъ» [2]), принадлежитъ мнѣ. Каюсь искренно и сильно въ этомъ проступкѣ. Что дѣлать? Тогда онъ считался дѣломъ похвальнымъ, обязательнымъ, услугой извѣстному направленію. Всему виною литературная партія. Погодинъ, видите ли, принадлежалъ къ славянофиламъ, а сотрудники «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ я постоянно участвовалъ, къ западникамъ: отсюда гнѣвъ и немилость. Погодинъ принесъ на лекцію обѣ статьи. Онъ началъ ее изложеніемъ своихъ трудовъ по исторіи, литературѣ, изданію журналовъ, и затѣмъ прочелъ наиболѣе выдающіяся мѣста рецензій, гдѣ онъ подвергался глумленію. Чтеніе закончилось такимъ выводомъ: «Вотъ, милостивые государи, что я выслужилъ за мои многолѣтніе труды! Вотъ какъ у насъ награждается честная, добросовѣстная дѣятельность!»

Приведу остроумную замѣтку Хомякова объ одномъ разсказѣ Погодина изъ его заграничной поѣздки. Пріѣхавъ на какую-то станцію съ своей супругой, путешественникъ заказалъ выпускную яичницу и жареную курицу. Онъ думалъ, что остановка будетъ такая же продолжительная, какъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Вдругъ раздается звонокъ. Яичница была уже скушана, а курица осталась до слѣдующей остановки. Обо всемъ этомъ Михаилъ Петровичъ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія читателей. При свиданіи съ нимъ Хомяковъ началъ пенять ему: «Какъ тебѣ не совѣстно, любезный другъ, потчивать публику такими пустяками!

---

[1]) Жизнь и труды М. П. Погодина.

[2]) 1844 года, № 9.

Какой интересъ въ томъ, что вы скушали выпускную яичницу, а жареную курицу взяли съ собой? Вотъ если бы вы курицу скушали, а выпускную яичницу взяли съ собой, это другое дѣло, этимъ слѣдовало бы подѣлиться съ публикой».

Погодинъ принадлежалъ къ разряду людей неробкихъ. Отважность свою онъ, между прочимъ, доказалъ вызовомъ Костомарова на ратоборство по вопросу о происхожденіи Руси, для чего и пріѣхалъ въ Петербургъ. Извѣстно, что въ своей магистерской диссертаціи (1825) Погодинъ ведетъ Русь отъ племени норманскаго, обитавшаго въ нынѣшней Швеціи. Костомаровъ, черезъ 35 лѣтъ, именно 1860 года, въ брошюрѣ «Начало Руси», доказываетъ, напротивъ, что славяне призвали князей изъ Руси литовской (иначе Жмуди, жившей на берегу рѣки Руси). Рѣшаясь на состязаніе, Погодинъ, разумѣется, не могъ льстить себя надеждой на успѣхъ: онъ зналъ, что Костомаровъ пользуется особенною любовью своихъ слушателей, которые не дадутъ его въ обиду, а поддержатъ его своимъ сочувствіемъ и аплодисментами. Зрѣлище вышло интересное и знаменательное, усложненное особыми обстоятельствами того времени (т. е. польскими волненіями).

Ареною для состязанія отведена была огромная зала въ университетѣ. Поставили въ ней двѣ каѳедры, одну противъ другой, чтобы ратоборцы могли ясно слышать обоюдныя возраженія и опроверженія. Зрителей ожидалось не мало, почему П. В. Анненковъ и я поторопились приходомъ и заняли очень удобныя мѣста на первой скамьѣ, у самой каѳедры, назначенной для Погодина. Третьимъ присоединился къ намъ И. И. Срезневскій. Вотъ какъ отлично устроились!—подумали мы:—будемъ лицезрѣть Погодина, хотя не en face, а въ профиль, ни одного словечка его не проронимъ и, кромѣ того, въ случаѣ какого либо казуса, найдемъ покровительство въ нашемъ сосѣдѣ, профессорѣ. Но надежда наша оказалась преждевременной. Едва мы усѣлись, какъ человѣкъ двѣнадцать студентовъ, рослыхъ и бравыхъ юношей, по два въ рядъ промаршировали къ каѳедрѣ и расположились у ней съ трехъ сторонъ, такъ что мы могли только слышать Погодина, но не видѣть его. Другая дюжина студентовъ точно также расположилась у каѳедры Костомарова.

Во время диспута обнаружилось, что обѣ дюжины имѣли своимъ назначеніемъ подавать сигналы товарищамъ, помѣстившимся на хорахъ, когда и кому именно надлежало рукоплескать или шикать. Случалось, что вѣстовые, не разслышавъ или не понявъ, о чемъ идетъ дѣло, давали сигналы не впопадъ, и затѣмъ били отбой. Это смѣшило зрителей, невольно вспоминавшихъ поговорку: ordre, contre-ordre, désordre.

Въ числѣ лицъ, пришедшихъ на диспутъ, было немало поляковъ, которымъ, конечно, было лестно удостовѣриться, что наши первые правители были литовцы.

. На третьей или четвертой скамьѣ сидѣли два офицера генеральнаго штаба, польскаго происхожденія. Одинъ изъ нихъ (С.......) съ бумагой въ рукѣ тщательно записывалъ ходъ диспута, чтобы потомъ, въ газетномъ фельетонѣ, пробить въ набатъ побѣду, одержанную Костомаровымъ. Впрочемъ, послѣднему доброжелательствовали не одни поляки и малороссы, но и великороссы. Профессору Казанскаго университета г. Буличу, находившемуся въ это время въ Петербургѣ, пришлось сидѣть рядомъ съ однимъ почтенныхъ лѣтъ помѣщикомъ, который до того увлекся симпатіей къ Костомарову, что, не стѣсняясь, въ слухъ выражалъ ему одобреніе, а противнику его порицаніе. Когда Погодинъ прервалъ объясненія Костомарова какимъ-то замѣчаніемъ, помѣщикъ не вытерпѣлъ и, обращаясь къ каѳедрѣ Погодина, заговорилъ: «ты погоди отвѣчать; ты прежде выслушай возраженія».

Чѣмъ же кончился диспутъ?... Къ намъ подошелъ князь П. А. Вяземскій съ слѣдующимъ остроумнымъ замѣчаніемъ: «говорятъ, что мы прогрессируемъ въ наукѣ, но едва ли это справедливо; сегодняшній диспутъ доказываетъ противное: прежде мы хоть не знали, куда идемъ, но за то знали, откуда идемъ; а теперь не знаемъ ни того, ни другаго».

Кромѣ того, въ одномъ изъ сатирическихъ изданій явилась забавная каррикатура, какъ бы выражающая результатъ пренія: подъ портретами трехъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора, красуется подпись: «не помнящіе родства». Наконецъ, въ газетѣ «Голосъ», помнится, г. Бергольцъ доказалъ всю несостоятельность лингвистическихъ доводовъ Костомарова въ пользу мнѣнія о призваніи славянами князей изъ Руси литовской.

VIII.

Нѣсколько лѣтъ сряду вакаціонное время (три мѣсяца) проводилъ я въ одной изъ прекрасныхъ окрестностей Москвы—въ селѣ Покровскомъ, принадлежавшемъ Глѣбову-Стрѣшневу, который и самъ переѣзжалъ сюда изъ города на четыре-пять мѣсяцевъ. Рядомъ съ нашей дачей помѣщалось почтенное, всѣми уважаемое семейство Сергѣя Михайловича Соловьева, профессора русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Воспоминаніе о знакомствѣ и бесѣдахъ съ нимъ доставляетъ мнѣ и теперь душевную радость, омрачаемую печальною мыслію о томъ, что это было, а теперь этого нѣтъ.

Я былъ знакомъ съ отцемъ Сергѣя Михайловича, священникомъ въ московскомъ коммерческомъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ Законъ Божій. Изъ разговоровъ съ этимъ образованнымъ и добрѣйшимъ служителемъ церкви я узналъ много интересныхъ фактовъ объ отношеніяхъ бѣлаго духовенства къ своему началь-

ству, трудно совмѣстимыхъ съ истиннымъ гуманизмомъ и естественно возбуждавшихъ неудовольствіе и тайный ропотъ. Впослѣдствіи сынъ его подтвердилъ справедливость разсказовъ и сѣтованій своего отца.

По трудолюбію, неизмѣнности въ распредѣленіи времени для своихъ работъ и точности ихъ исполненія, Сергѣй Михайловичъ могъ служить образцомъ. Всѣ удивлялись ему, но никто не могъ сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Отсутствіе аккуратности, постоянства въ дѣлахъ, было въ большинствѣ случаевъ Ахиллесовой пяткой москвича; у него же, сказать безъ преувеличенія, ни минуты не пропадало напрасно. Вотъ какъ онъ проводилъ шесть рабочихъ дней въ недѣлю. Въ восемь часовъ утра, еще до чаю, онъ отправлялся иногда одинъ, но большею частію съ супругой, черезъ помѣщичій садъ въ рощу, по такъ называемой Елизаветинской дорожкѣ, въ концѣ которой стояла скамейка. Онъ садился на эту скамейку, вынималъ изъ кармана нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», доставленный ему наканунѣ, но не прочитанный тотчасъ по доставкѣ, такъ какъ это чтеніе оторвало бы его отъ болѣе серьезнаго занятія: чтеніе газеты, какъ легкое дѣло, соединялъ онъ съ прогулкой, дѣломъ пріятнымъ. Обратный путь совершался по той же дорожкѣ. Ровно въ 9 часовъ онъ пилъ чай, а затѣмъ отправлялся въ мезонинъ, гдѣ и запирался въ своемъ кабинетѣ: именно запирался, погружаясь въ работу до завтрака, а послѣ завтрака до обѣда. Никто въ эти часы не безпокоилъ его, входъ воспрещался всѣмъ безъ исключенія. Близкіе его знакомые нерѣдко удивлялись такому ригоризму, даже подсмѣивались надъ нимъ. Иногда они спрашивали дочку его (въ то время шестилѣтнюю): «Вѣрочка, сколько разъ ты была у папаши въ кабинетѣ?»—Ни разу,—отвѣчала она.—Конечно, очень не много такихъ отцовъ, которые запретили бы дѣтямъ входить въ свою рабочую комнату, но, съ другой стороны, еще меньше такихъ, которые оставили бы послѣ себя двадцать девять томовъ отечественной исторіи и томовъ десять, если не болѣе, другихъ ученыхъ трудовъ.

Воскресный день былъ для нашего историка истинной субботой, то-есть «покоемъ». Утромъ онъ ходилъ къ обѣднѣ съ своимъ семействомъ, а затѣмъ освобождалъ себя отъ всякихъ занятій и проводилъ время въ кругу близкихъ людей, преимущественно товарищей по университету, пріѣзжавшихъ къ нему на обѣдъ и остававшихся до поздняго вечера. Почти каждое воскресенье бывали у него Ешевскій (жившій тоже нѣкоторое время въ Покровскомъ), Поповъ (Н. А.), Кетчеръ, Коршъ (В. Ѳ.), Дмитріевъ, Забѣлинъ, Аѳанасьевъ и многіе другіе. Иногда навѣщали его пріѣзжіе изъ Петербурга, напримѣръ, К. Д. Кавелинъ. Всѣ и всегда находились въ самомъ пріятномъ, веселомъ расположеніи духа. Говоръ и хохотъ почти не умолкали. Самъ хозяинъ подавалъ примѣръ своимъ

искреннимъ, задушевнымъ, почти-что дѣтскимъ смѣхомъ, который былъ свойственъ москвичамъ того времени, но котораго теперь — увы!—не услышишь не только среди людей пожилыхъ и степенныхъ, но даже въ кругу безбородыхъ юношей. А если завязывался споръ, то ужъ это былъ споръ на славу—громкій, жаркій и продолжительный.

Кромѣ занятій по капитальной своей работѣ (исторіи), Соловьевъ сотрудничалъ въ двухъ петербургскихъ журналахъ: «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ». Гонораръ за статьи служилъ ему добавочнымъ, или, какъ онъ говорилъ, прибавкой на кашу. Писалъ онъ эти статьи по вторникамъ (для «Отечественныхъ Записокъ») и пятницамъ (для «Современника»), отъ такого-то часа до такого-то. Но, какъ только наступитъ положенный предѣлъ работѣ, онъ, не смотря ни на что, бросалъ ее, хотя бы не дописалъ начатой фразы, не перенесъ половины слова изъ одной строки въ другую. Можетъ быть, это и выдумано, или преувеличено шутки ради; но вѣдь только такою точностью и доводятъ дѣло до желаемаго, благополучнаго конца.

Въ университетѣ Соловьевъ держалъ себя самостоятельно и неизмѣнно, основываясь въ своихъ дѣйствіяхъ на извѣстномъ принципѣ. Онъ, конечно, принадлежалъ къ партіи Грановскаго, но вполнѣ сохранилъ свою независимость, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходился съ нимъ, напримѣръ, въ понятіи объ отношеніяхъ профессора къ его слушателямъ: онъ не допускалъ сближенія съ студентами, а держалъ ихъ въ извѣстномъ отъ себя разстояніи. Профессоръ, говаривалъ онъ, обязанъ приносить пользу единственно своими лекціями въ аудиторіи, а не бесѣдами на дому: послѣднія отнимаютъ только время, нужное ему для лучшаго приготовленія первыхъ и для необходимаго отдыха въ семействѣ. Замѣчено при томъ, что этотъ обычай посѣщенія влечетъ за собою нежелаемыя послѣдствія съ обѣихъ сторонъ: многіе студенты являются не съ цѣлію пріобрѣсти какія либо новыя свѣдѣнія, а ради пріятнаго провожденія времени — поболтать о чемъ нибудь, покурить, посмотрѣть на житье-бытье своего наставника; а со стороны наставника возникаетъ покушеніе привлечь къ себѣ молодежь, быть ея любимцемъ, сдѣлаться популярнымъ. Если студенту нужно спросить у меня что нибудь, я къ его услугамъ въ университетѣ по окончаніи лекціи. Поэтому Соловьевъ осуждалъ Грановскаго и еще больше Кавелина, не державшихся такого мнѣнія, хотя былъ съ обоими [1]) въ очень хорошихъ отношеніяхъ. На Кавелина смотрѣлъ онъ, какъ на «предвѣчнаго младенца» (прозвище, данное ему Грановскимъ), признавалъ въ немъ большіе таланты, но въ то же время осуждалъ неустойчивость его мнѣній и по-

---

[1]) Съ послѣднимъ до студенческихъ исторій въ началѣ 60-хъ годовъ.

ступковъ, объясняя ее врожденнымъ легкомысліемъ, а внѣшнимъ знакомъ этого легкомыслія считалъ вьющіеся волосы: «курчавые», — говорилъ онъ смѣясь, — «всѣ безъ исключенія легкомысленны».

IX.

Припомню нѣсколько моихъ свиданій съ Гоголемъ. Первое относится къ тому времени, когда вслѣдъ за «Вечерами на хуторѣ близь Диканьки» явились «Арабески» и «Миргородъ». Авторъ ихъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ у него уже было немало почитателей. Въ числѣ ихъ, кромѣ Погодина и семейства Аксаковыхъ, состоялъ и короткій ихъ знакомый, А. О. Армфельдъ, профессоръ судебной медицины и въ то же время инспекторъ классовъ въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, гдѣ я преподавалъ исторію русской словесности. Онъ пригласилъ на обѣдъ близкихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и меня, жаждавшихъ лицезрѣть новое свѣтило нашей литературы. Обѣдомъ не торопились, зная обычай Гоголя запаздывать, но потомъ, потерявъ надежду на его прибытіе, сѣли за столъ. При второмъ блюдѣ явился Гоголь, видимо смущенный, что заставилъ себя долго ждать. Онъ сидѣлъ серьезный и сдержанный, какъ будто дичился, встрѣтивъ двѣ-три незнакомыя личности. Но когда зашла рѣчь о повѣсти Основьяненки (Квитки) «Панъ Халявскій», напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ», тогда и онъ скромно вставилъ свое сужденіе. Соглашаясь съ замѣчаніемъ, что въ главномъ лицѣ (Халявскомъ) есть преувеличенія, доходящія до каррикатуры, онъ старался, однако-жъ, умалить этотъ недостатокъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ казалось, что онъ въ невыгодномъ отзывѣ о Квиткѣ видѣлъ какъ бы косвенную похвалу себѣ, намѣреніе возвеличить его собственный талантъ. Вообще онъ говорилъ очень умно и держалъ себя отлично, не въ примѣръ другимъ случаямъ.

Вторая встрѣча устроилась въ томъ же домѣ. Хозяинъ (Армфельдъ) игралъ въ карты съ С. Т. Аксаковымъ, а Гоголь, обѣдавшій съ ними, спалъ на кровати. Проснувшись, онъ вышелъ изъ-подъ полога, и я былъ представленъ ему, какъ искренній поклонникъ его таланта, знакомившій институтокъ съ его сочиненіями, которыя читались мною по вечерамъ въ квартирѣ начальницы, разумѣется, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащихъ вѣдѣнію дѣвицъ. Гоголь, бывшій въ хорошемъ расположеніи духа, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, смѣясь: «Не слушайтесь вашего инспектора, читайте все сплошь и рядомъ, не пропускайте ничего».—«Какъ это можно»?—возразилъ Армфельдъ:— «всему есть вѣсъ и мѣра».—«Да не все ли равно? Вѣдь дивчата прочтутъ же тайкомъ, втихомолку».

Третій разъ сошелся я съ нимъ въ Москвѣ же, въ книжной лавкѣ Базунова, бывшей Ширяева. Онъ просилъ показать ему вышедшія въ его отсутствіе[1]) литературныя новинки. Базуновъ выложилъ на прилавокъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ и новое изданіе моей «Русской Христоматіи», въ трехъ книгахъ, изъ которыхъ послѣдняя, подъ названіемъ «примѣчаній», заключала въ себѣ біографическія свѣдѣнія о важнѣйшихъ писателяхъ и оцѣнку ихъ дѣятельности. Гоголь, разумѣется, былъ превознесенъ выше облака ходячаго, но и онъ польстилъ мнѣ, когда въ число отобранныхъ имъ книгъ включилъ и мой учебникъ.

Четвертое и послѣднее свиданіе было во время лѣтней вакаціи, не помню какого года. Краевскій пріѣхалъ на побывку въ Москву и остановился у В. П. Боткина. Каждое утро я отправлялся къ нимъ на чаепитіе и веселую бесѣду. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ неожиданно является Гоголь, по возвратѣ изъ чужихъ краевъ— какихъ именно, тоже не помню. Я нѣсколько сконфузился, вспомнивъ мое письмо къ нему, написанное по поводу предисловія его ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ душъ» и напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1847 года[2]). Гоголь на мой взглядъ измѣнился: похудѣлъ, сталъ серьезнѣе, сдержаннѣй, не выказывая никакихъ причудъ или капризовъ, какъ это имъ дѣлалось нерѣдко въ другихъ болѣе знакомыхъ домахъ. Боткинъ предложилъ гдѣ бы нибудь сообща пообѣдать. Гоголь охотно согласился: чего же лучше,—прибавилъ онъ,—какъ не въ гостиницѣ Яра, близь Петровскаго парка? Такимъ образомъ мы провели время вчетверомъ очень пріятно, благодаря прекрасной погодѣ и повеселѣвшему дорогому гостю. За обѣдомъ онъ разговорился и даже шутилъ. Когда на закуску была подана вмѣсто рѣдиски старая рѣдька, онъ позвалъ слугу и спросилъ его: что это такое? — Рѣдиска,—отвѣчалъ слуга.—Нѣтъ, мой другъ, это не рѣдиска, а рѣдище, точно такъ же, какъ ты не осленокъ, а ослище.

Съ этихъ поръ и до самой его кончины мнѣ не удалось съ нимъ встрѣчаться. Въ послѣдній пріѣздъ его въ Москву онъ жилъ въ домѣ графа Толстаго, его пріятеля и одномысленника, гдѣ и заболѣлъ. Болѣзнь сначала казалась неважною; по крайней мѣрѣ, никто не ожидалъ, что она окончится смертью. Многіе навѣщались о его положеніи и узнавали, что онъ держитъ строгій постъ, кушаетъ только просфоры съ краснымъ виномъ, не принимаетъ никакихъ лѣкарствъ. Къ этимъ причинамъ тѣлеснаго разстройства присоединились внутреннія, моральныя вліянія: отреченіе отъ прежней своей дѣятельности, дошедшее до намѣренія сжечь рукопись втораго тома «Мертвыхъ душъ», пренебреженіе жизнію,

---

[1]) Гдѣ онъ былъ передъ этимъ временемъ, не припомню.

[2]) Февраль, отдѣлъ критики, т. 50.

ничѣмъ необъяснимое самоистязаніе... короче, мракъ и тайна облекали его судьбу. Неожиданная скоротечность гибели поразила его почитателей. На панихидахъ по немъ возбуждались не одни горестныя, но и мрачныя чувства. Ходилъ слухъ, что незадолго до смерти Гоголя Шевыревъ на колѣняхъ умолялъ его принять лѣкарство. Гоголь, не отвѣчая, повернулся къ нему спиной, а къ стѣнкѣ лицемъ. Тогда Шевыревъ не выдержалъ и громко сказалъ ему: «упрямымъ хохломъ ты жилъ, упрямымъ хохломъ и умрешь».

Заключу двумя анекдотическими разсказами, слышанными отъ достовѣрныхъ личностей.

Самыя образованныя семейства, жившія въ Москвѣ, интересовались нашимъ великимъ юмористомъ, цѣнили его талантъ и входили съ нимъ въ близкія отношенія. Таковы были семейства С. Т. Аксакова и А. П. Елагиной, матери Кирѣевскихъ, великой поклонницы нѣмецкой поэзіи. Въ одинъ изъ своихъ визитовъ Гоголь засталъ ее за книгой.—«Что вы читаете?»—спросилъ онъ.—«Балладу Шиллера «Кассандра».—«Ахъ, прочтите мнѣ что нибудь, я такъ люблю этого автора».—«Съ удовольствіемъ»—и Гоголь внимательно выслушалъ «Жалобу Цереры» и «Торжество побѣдителей». Вскорѣ послѣ того онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ не малое время. Возвратясь, онъ явился къ Елагиной и засталъ ее опять за Шиллеромъ. Выслушавъ разсказъ о его путешествіи и заграничной жизни, она обращается къ нему съ предложеніемъ прочесть что нибудь изъ Шиллера: «Вѣдь вы такъ любите его».—«Кто? я? Господь съ вами, Авдотья Петровна: да я ни бельмеса не знаю понѣмецки; ваше чтеніе будетъ не въ коня кормъ». Любопытно бы знать, для чего притворялся или просто лгалъ человѣкъ.

А вотъ второй пассажъ, разсказанный мнѣ Щепкинымъ, нашимъ геніальнымъ комикомъ, боготворившимъ автора «Ревизора». Гоголь жилъ у Погодина, занимаясь, какъ онъ говорилъ, вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ». Щепкинъ почти ежедневно отправлялся на бесѣду съ нимъ (вѣдь они оба были хохлы). Разъ,—говоритъ онъ,—прихожу къ нему и вижу, что онъ сидитъ за письменнымъ столомъ такой веселый. — «Какъ ваше здравіе? Замѣтно, что вы въ хорошемъ расположеніи духа».—«Ты угадалъ; поздравь меня: кончилъ работу». Щепкинъ отъ удовольствія чуть не пустился въ плясъ и на всѣ лады началъ поздравлять автора. Прощаясь, Гоголь спрашиваетъ Щепкина: «Ты гдѣ сегодня обѣдаешь?»—«У Аксаковыхъ».—«Прекрасно: и я тамъ же». Когда они сошлись въ домѣ Аксакова, Щепкинъ, передъ обѣдомъ, обращаясь къ присутствовавшимъ, говоритъ: «Поздравьте Николая Васильевича».—«Съ чѣмъ?»—«Онъ кончилъ вторую часть «Мертвыхъ душъ». Гоголь вдругъ вскакиваетъ: «Что за вздоръ! отъ кого ты это слышалъ?»—Щепкинъ пришелъ въ изумленіе: «Да отъ васъ самихъ; сегодня

утромъ вы мнѣ сказали».—«Что ты, любезный, перекрестись: ты, вѣрно, бѣлены объѣлся или видѣлъ во снѣ».

Снова спрашивается: чего ради солгалъ человѣкъ? зачѣмъ отперся отъ своихъ собственныхъ словъ?

X.

Если справедливы слова Фамусова, что «на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ», то объ Кетчерѣ (Николаѣ Христофоровичѣ) слѣдуетъ сказать, что изъ всѣхъ жителей древней столицы онъ выдавался попреимуществу, былъ архимосквичемъ, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому слову Фамусовъ. Только въ Москвѣ жилось Кетчеру привольно, только здѣсь онъ чувствовалъ себя какъ дома. Къ Петербургу не лежало у него сердце, да и не могло лежать по его темпераменту и душевному складу, капитальная особенность котораго состояла въ пренебреженіи внѣшняго, формальнаго, и въ уваженіи внутренняго, существеннаго. Этикетъ, условныя приличія, благовидные предлоги (то-есть благіе только по виду, а не по существу) возмущали Кетчера, потому что напрасно стѣсняли естественное, свободное проявленіе жизни въ дѣйствіяхъ, чувствахъ и образѣ мыслей. Чему не учитъ насъ природа,—говаривалъ онъ,—тому и не слѣдуетъ приносить ее въ жертву. Кетчеру и на мысль не приходило покушеніе «казаться» не тѣмъ, чѣмъ онъ «былъ» на самомъ дѣлѣ. Онъ всегда и неизмѣнно являлся самимъ собою, и въ этомъ смыслѣ былъ вполнѣ наивнымъ субъектомъ. Притворство, скрытность, желаніе маскироваться, виляніе хвостомъ и нашимъ и вашимъ, находили въ немъ непримиримаго обличителя и преслѣдователя. Правдолюбіе, откровенность, доброта—вотъ тѣ капитальныя особенности, которыми онъ привлекалъ къ себѣ честныхъ и благомыслящихъ людей. Ими объясняется его оригинальность, иногда пугавшая тѣхъ, кто его не зналъ, или зналъ мало.

И по внѣшности Николай Христофоровичъ отличался отъ другихъ. Онъ плохо заботился о своемъ туалетѣ и костюмѣ, какъ бы желая, чтобы его встрѣчали и провожали не по платью.

Я познакомился съ нимъ вскорѣ по окончаніи имъ курса въ медико-хирургической академіи. Его плащъ, или потогдашнему альмавива, не походилъ на плащъ Гарольда (упоминаемый въ первой книгѣ Евгенія Онѣгина): верхъ его былъ зеленый, а подкладка алая, подобно тому, въ какомъ являлся горный духъ волшебному стрѣлку (въ оперѣ Вебера), почему мы и прозвали его асмодеемъ. Смѣхъ его походилъ на грохотъ, изумлявшій присутствующихъ, хотя и напрасно: смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что есть смѣшно; во всякомъ случаѣ онъ искреннѣе, слѣдовательно лучше, сдержаннаго хихиканья или кислой, вялой улыбки. Онъ

говорилъ своимъ близкимъ знакомымъ ты, а не вы, потому что первое слово естественнѣй и сердечнѣй: въ спорахъ часто останавливалъ противника восклицаніями вздоръ, врешь, минуя околичности и смягченія, въ родѣ: извините, это, кажется, неправда. Къ чему оговорка кажется, когда дѣло ясно, какъ день, и для чего извиняться въ томъ, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшей вины? Мнѣнія свои Кетчеръ выражалъ безъ утайки, громко и точно, не прибѣгая къ ограниченіямъ и уклончивости. Онъ могъ ошибаться, но умышленно искажать то, что ему думалось и что онъ признавалъ истиной, онъ считалъ великою подлостью, тяжкимъ грѣхомъ.

Въ числѣ посѣтителей такъ называвшейся Литературной кофейной, Бажанова [1]), нерѣдко встрѣчался молодой преподаватель исторіи, сынъ цырюльника Жданова. Изъ ложнаго стыда, возбуждаемаго въ немъ профессіей отца, онъ прибавилъ къ прозвищу частицу не, то-есть отрекся отъ своего родителя и сталъ Неждановъ. Такой пассажъ глубоко возмутилъ Кетчера, и онъ не давалъ прохода отщепенцу; при каждой съ нимъ встрѣчѣ, въ домѣ или на улицѣ, онъ во всеуслышаніе говорилъ ему: «Здравствуй, Ждановъ! здоровъ ли твой отецъ?» Съ другой стороны онъ не давалъ въ обиду никого—будь то знакомый или не знакомый, если находилъ, что противникъ его неправъ. Въ той же кофейной онъ спасъ театральнаго музыканта Щепина отъ непріятнаго столкновенія съ офицеромъ, вызвавшимъ его на дуэль: Кетчеръ вытолкалъ вонъ назойливаго бретера, не думая о томъ, что самъ могъ попасть въ непріятность. Много ли найдется ему подражателей?

Кругъ друзей и близко знакомыхъ Кетчера состоялъ изъ личностей, выдающихся благородною самостоятельностью и доброкачественнымъ образомъ мыслей. Это были западники, сторонники прогресса, либералы въ тогдашнемъ смыслѣ слова. Чего они желали? Уничтоженія крѣпостнаго права, распространенія образованія, судебной реформы, облегченія цензуры, а не того, къ чему потомъ стремились нигилисты. Крайности были имъ не по сердцу. Грановскій и Кетчеръ, бывшіе друзьями Герцена, повернулись къ нему спиной, когда онъ сталъ издавать «Колоколъ». На обѣдѣ въ Благородномъ Собраніи (1858 г.) Кетчеръ послѣ спича о реформахъ, съ бокаломъ въ рукѣ, на колѣняхъ передъ портретомъ Царя-Освободителя, пилъ за его здоровье и благоденствіе [2]). Центромъ дружескаго круга, въ которомъ вращался Кетчеръ, былъ Т. Н. Грановскій. На немъ и на артистѣ М. С. Щепкинѣ преимущественно высказывалась его сердечность: онъ радовался ихъ

---

[1]) Въ Москвѣ, позади Охотнаго ряда, рядомъ съ бывшимъ трактиромъ Печкина.

[2]) Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ, стр. 142.

успѣхамъ и печалился ихъ невзгодами. Въ его беззавѣтной привязанности къ нимъ было истинно трогательное. Переживъ ихъ, онъ завѣщалъ похоронить его между ихъ могилами, какъ бы надѣясь не разлучаться съ ними и по смерти. Впрочемъ, не они одни, но и другіе той же категоріи пользовались его неизмѣнною привязанностью: онъ радѣлъ о нихъ искренно, былъ постояннымъ ихъ защитникомъ. Горе тому, кто покушался на ихъ честь какими либо дѣйствіями или словами.

Къ молодому поколѣнію (особенно учащимся) Кетчеръ относился съ сочувствіемъ, но съ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы оно было исполнено чувствами, свойственными неиспорченному возрасту: правдивостью, честностью, стремленіемъ къ добру, любознаніемъ. Напротивъ, юноша съ наклонностью къ фальши, учащійся не изъ любви къ образованію, а ради внѣшней цѣли, напримѣръ, изъ желанія быстрой карьеры, признавался имъ погибшимъ и отвращалъ его сильнѣе, чѣмъ вполнѣ испорченный взрослый субъектъ.

Какъ собесѣдникъ на дружескихъ обѣдахъ и другихъ пріятельскихъ сборищахъ, Кетчеръ былъ незамѣнимъ. Онъ не принадлежалъ къ числу гастрономовъ, напротивъ, былъ умѣренъ въ пищѣ, но когда дѣло доходило до угощенія шампанскимъ, его единственнымъ любимымъ напиткомъ, тогда онъ становился героемъ пира, единственнымъ распорядителемъ и исполнялъ свою роль неизмѣнно и неумолимо. Онъ самъ откупоривалъ бутылки, самъ наливалъ бокалы, не дозволяя имъ оставаться пустыми. Никто не имѣлъ права уклоняться отъ нектара: волей-неволей каждый долженъ былъ пить. Напрасны были отнѣкиванія, извиненія, просьбы, всевозможные резоны: пей—и только. Врагъ всякихъ стѣсненій и запретовъ, Кетчеръ въ это время—только въ это—становился деспотомъ, подчасъ докучливымъ. И сколько бы ни было бутылокъ, всѣ онѣ долженствовали быть опорожненными; до того же времени никому не дозволялось выходить изъ-за стола [1]). Подивитесь при этомъ одному обстоятельству: всѣ болѣе или менѣе испытывали дѣйствіе вина; на одного Николая Христофоровича оно нисколько не дѣйствовало: онъ оставался трезвымъ. А вотъ другое еще болѣе удивительное обстоятельство: этотъ любитель шампанскаго, по случаю какихъ либо празднествъ, у себя дома не зналъ, что̀ такое вино и водка; конечно, и то и другое у него имѣлось, но только для гостей.

---

[1]) Роль Кетчера въ подобныхъ случаяхъ вѣрно передана въ разсказѣ объ обѣдѣ на подмосковной дачѣ, гдѣ лѣтомъ жилъ Грановскій, къ которому наѣзжали изъ Москвы знакомые: «Одинъ изъ пріятелей, докторъ, ходитъ и подливаетъ всѣмъ, хохочетъ раскатистымъ смѣхомъ, страшнымъ для непривычнаго слуха, на всѣхъ кричитъ, всѣми командуетъ, и всѣ его слушаются, и всѣмъ весело отъ выходокъ чудака» (Сборникъ Общ. люб. россійской словесности на 1891 г. Разсказъ: Послѣдняя депеша, стр. 286).

Хотя и докторъ, Кетчеръ больше интересовался литературой, чѣмъ медициной, да и знакомился онъ преимущественно съ учеными, литераторами, артистами, а не съ медиками. Онъ извѣстенъ переводомъ (въ прозѣ) драматическихъ произведеній Шекспира съ подлинника. Кромѣ того, переведены имъ нѣкоторыя сочиненія романтика Гофмана (съ нѣмецкаго), напримѣръ, «Котъ муръ», и письмо Чадаева (съ французскаго), помѣщенное въ «Телескопѣ», гдѣ онъ участвовалъ, по знакомству съ издателемъ Надеждинымъ. Помогалъ онъ также Бѣлинскому, когда послѣдній нуждался для своихъ критическихъ статей въ какихъ нибудь матеріалахъ нѣмецкой литературы. Достоинство переводовъ Кетчера—вѣрность, недостатокъ — отсутствіе легкости. «Злобно-печальная» муза Некрасова игнорировала первое (хотя оно главное) и зацѣпила второй (хотя онъ дѣло второстепенное):

«Вотъ и онъ, любитель пира
«И знатокъ шампанскихъ винъ:
«Перепёръ онъ намъ Шекспира
«На языкъ родныхъ осинъ.

XI.

Въ одной изъ своихъ эпиграммъ Щербина назвалъ Григорьева (Аполлона Александровича) «безталаннымъ горемыкой». Это справедливо только наполовину. Григорьевъ былъ очень талантливъ, что доказывается его трудами по литературной критикѣ и книжкой стихотвореній [1]). Онъ не даромъ носилъ имя Аполлона, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, искусно владѣлъ игрою на фортепьяно и очень походилъ лицемъ на Шиллера, если только вѣренъ портретъ, приложенный Гербелемъ къ собранію сочиненій нѣмецкаго трагика, переведенныхъ на русскій языкъ. Что же касается до втораго эпитета (горемыка), то дѣйствительно Григорьеву какъ бы не сидѣлось на одномъ и томъ же мѣстѣ. Родился и обучался онъ въ Москвѣ. По окончаніи университетскаго курса переселился въ Петербургъ, гдѣ велъ разсѣянную жизнь, сильно огорчавшую его добрѣйшихъ родителей. Черезъ четыре года онъ, словно блудный сынъ, воротился на родину. Въ это-то время П. Н. Кудрявцевъ и я познакомились съ нимъ и предложили ему сотрудничество въ журналѣ Краевскаго «Отечественныя Записки». Невозможно выразить радость и благодарность намъ его отца и матери за наше содѣйствіе къ остепененію ихъ единственнаго сына. Другимъ содѣйствіемъ служила женитьба его на образованной и добрѣйшей дѣвицѣ Лидіи Ѳедоровнѣ Коршъ, принадлежавшей ко всѣмъ извѣстному благороднѣйшему семейству. Кромѣ журнальной работы,

[1]) Напримѣръ, стихотвореніе «Городъ» (то-есть Петербургъ), стр. 51—53.

Григорьевъ занимался преподаваніемъ законовѣдѣнія въ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ (что теперь Московское военное училище) и въ первой Московской гимназіи. Свободное отъ педагогическихъ занятій время онъ прилежно посвящалъ журнальной работѣ въ «Москвитянинѣ», подъ редакціей Погодина. Казалось что нельзя было желать лучшаго. Но Григорьеву почему-то не взлюбилась Москва: онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу съ однимъ княжескимъ семействомъ въ качествѣ учителя. Черезъ два года вернулся въ Петербургъ, гдѣ ретиво предался журналистикѣ, выработывая особый взглядъ на сущность и требованія литературной критики. Въ 1861 году поступилъ на службу въ Оренбургскій кадетскій корпусъ учителемъ словесности, но черезъ годъ воротился въ Петербургъ, посвятивъ послѣднее время своей жизни (ум. въ 1864 г.) на излюбленную имъ дѣятельность въ журналахъ («Время», «Якорь», «Эпоха»)[1].

Выдающимся пунктомъ этой дѣятельности слѣдуетъ считать пятилѣтнее сотрудничество его въ «Москвитянинѣ» (1851—1855 гг.) вмѣстѣ съ Эдельсономъ, Алмазовымъ и другими даровитыми лицами, во главѣ которыхъ стоялъ А. Н. Островскій, авторъ знаменитой комедіи «Свои люди — сочтемся». Они получили названіе молодой редакціи «Москвитянина» по своей молодости, а, можетъ быть, и въ отличіе отъ редакціи прежнихъ лѣтъ этого журнала. Новая критика выработывалась преимущественно на разборѣ произведеній Островскаго. Въ одной изъ статей Алмазова онъ не только приравнивается къ Шекспиру, но даже ставится выше его. Григорьевъ, съ своей точки зрѣнія, назвалъ сочиненія нашего драматурга «новымъ словомъ» въ нашей литературѣ. Какое именно это слово? что оно означаетъ? въ чемъ его сущность?—читатели долго не могли отъ него добиться, а журнальная критика безпощадно глумилась надъ нимъ. Наконецъ-то, въ статьѣ «О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ», заявилъ онъ неожиданно, что «новое слово Островскаго есть самое старое слово — народность; что новое отношеніе его къ русской жизни есть прямое, чистое, непосредственное»[2]. Такъ какъ критическіе взгляды молодой редакціи излагались широковѣщательно и не совсѣмъ опредѣлительно, то они давали поводъ къ смѣху и осужденію. Западники относились къ нимъ неодобрительно. На одномъ изъ вечеровъ у В. П. Боткина, Грановскій занялся чтеніемъ только что вышедшей книжки «Москвитянина».—«Полно вамъ наслаждаться болтовней молодой редакціи,—замѣтилъ ему кто-то:—присядьте-ка лучше къ намъ для бесѣды».—«Нѣтъ, господа,—отвѣчалъ онъ,—дайте дочитать: это до того глупо, что даже становится

---

[1]) Сочиненія А. Григорьева, т. I (предисловіе).

[2]) Соч. Григорьева, т. I, стр. 19.

интересным». Другаго мнѣнія о той же критикѣ былъ Тургеневъ. На вопросъ, какъ онъ думаетъ о такой-то статьѣ Григорьева, онъ отвѣчалъ: «мнѣ она нравится». Всѣ собесѣдники захохотали, и знаменитый беллетристъ волей-неволей смутился. Такое несогласіе равномѣрно образованныхъ передовыхъ личностей на одинъ и тотъ же предметъ объясняется господствовавшимъ тогда направленіемъ критики среди западниковъ. Эта критика была попреимуществу тенденціозная, направленная на раскрытіе ненормальныхъ явленій въ современномъ обществѣ и на разъясненіе разумныхъ началъ жизни. Художественное значеніе поэтическихъ созданій при этомъ удалялось на задній планъ, или и совсѣмъ убѣгало изъ виду. Дѣло доходило до смѣшнаго, до nec plus ultra. Одинъ изъ цѣнителей поэзіи, и самъ поэтъ (кажется, Огаревъ), раздѣлилъ эту тенденціозную критику на виды, принявъ въ основаніе сословія или званія: обличеніе дворянъ, обличеніе купцовъ, обличеніе чиновниковъ и т. д. Комедіи и драмы Островскаго дали поводъ молодой редакціи «Москвитянина», въ особенности Григорьеву и ближайшему къ нему сотруднику Эрасту Благонравову (псевдонимъ Алмазова), положить новую основу критикѣ изящныхъ произведеній литературы. Раскрывъ міросозерцаніе, или, какъ онъ выразился, «новое слово» Островскаго, Григорьевъ ретиво принялся за дѣло. Такъ какъ это «слово» состояло «въ непосредственномъ отношеніи къ дѣйствительности» (а не въ предвзятомъ взглядѣ на нее, что, какъ извѣстно, затмеваетъ истину), то, разумѣется, прямая обязанность критики состоитъ въ томъ, чтобы указать правильность или неправильность отношеній автора къ русской народности. Взглядъ Григорьева, долго не признаваемый литераторами, съ теченіемъ времени, мало по малу усвоивался цѣнителями поэзіи, такъ что въ настоящее время Тургеневъ могъ бы сказать: «rira bien qui rira le dernier».

Григорьевъ принадлежалъ къ натурамъ впечатлительнымъ и легко увлекался вѣяніями, иногда прямо противоположными. При первомъ знакомствѣ со мною, посылая свои статьи въ «Отечественныя Записки», онъ стоялъ за европеизмъ, но потомъ круто повернулъ въ другую сторону, т. е. усвоилъ славянофильство и началъ подражать Хомякову въ соблюденіи постовъ. Какъ-то разъ въ одно изъ воскресеній великаго поста столкнулся я съ нимъ въ трактирѣ Печкина. Мы оба спросили по чашкѣ кофе. Я, грѣшный, началъ пить его со сливками, а онъ отказался отъ нихъ и потребовалъ себѣ чего-то другаго. Гляжу, несутъ ему графинчикъ коньяку, значительнаго размѣра. Онъ правъ,—подумалъ я:—молочное грѣшно вкушать, а коньякъ — не грѣшно, зане[1]) въ святцахъ на этотъ день значилось «разрѣшеніе вина» и елея.

[1]) Любимое словцо Григорьева.

XII.

Съ конца сороковыхъ годовъ наступило въ Москвѣ пасмурное, тяжелое время для тѣхъ, которые почему либо состояли на дурномъ счету у градоначальника. Градоначальникомъ же былъ графъ Закревскій, не благоволившій преимущественно къ профессорамъ и вообще къ служителямъ науки, такъ что онъ съ равнымъ подозрѣніемъ относился къ Хомякову и К. Аксакову съ одной стороны и къ Грановскому съ Кудрявцевымъ съ другой. Петрашевская исторія и волненія съ Западной Европѣ усилили бдительность полицейскаго надзора, такъ что малѣйшая неосторожность въ словахъ грозила большою бѣдою. Ходили слухи,—вѣрные или невѣрные, не знаю, — что подкупленная прислуга доносила кому слѣдуетъ о разговорахъ и сужденіяхъ своихъ господъ. Что дѣлать?—необходимо было сдерживать языкъ или прибѣгать къ иностранному языку при выраженіи мнѣній. Собираясь въ назначенные дни преимущественно у графини Саліасъ (Евгеніи Туръ), вмѣсто разговора «о важныхъ матеріяхъ» стали предаваться картежной игрѣ. Но это было сносно умѣвшимъ играть (самой графинѣ, Грановскому, Тургеневу, Кетчеру, Е. М. Ѳеоктистову); другіе же, не любившіе карточной игры или вовсе не знавшіе ея, какъ, напримѣръ, Соловьевъ, Кудрявцевъ, Ешевскій, Бестужевъ-Рюминъ, должны были пробавляться разсказами какихъ нибудь анекдотовъ, возбуждавшихъ общій смѣхъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей графини были Катковъ и Леонтьевъ. Первый воротился изъ-за границы съ разстроеннымъ здоровьемъ, сумрачный и молчаливый, какъ бы чѣмъ-то недовольный. Въ первое свиданіе съ нимъ я напомнилъ ему о нашемъ общемъ сотрудничествѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ, но тотчасъ же замѣтилъ, что ему непріятенъ такой возвратъ къ прошлому: онъ смотрѣлъ на него, какъ на что-то ребяческое, недостойное совершеннолѣтняго человѣка. Университетскія лекціи его по философіи были очень интересны. Студенты слушали ихъ съ великимъ удовольствіемъ втеченіе четырехъ или пяти лѣтъ, когда каѳедра философіи была упразднена, а мѣсто ея заступило преподаваніе логики. Преподаватель Терновскій-Платоновъ, вѣроятно, для оживленія такого сухаго научнаго предмета прибѣгалъ нерѣдко къ метафорической рѣчи. Вотъ какъ однажды началъ онъ свое чтеніе: «Милостивые государи, прошлую лекцію мы, сѣвъ въ лодку любознанія, преплыли море изслѣдованія и достигли брега истины. Пойдемъ теперь дальше». Товарищъ и другъ Каткова, Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, всегда веселый и бодрый, интересовалъ насъ разъясненіемъ положительной философіи Шеллинга и ознакомленіемъ съ своей докторской диссертаціей «О по-

клоненіи Зевсу». Онъ тоже любилъ играть въ карты, но игралъ изъ-рукъ вонъ плохо.

Наступила Крымская война. Повсюду и глубоко возбудила она національное чувство; всѣ, конечно, желали блага отечеству, но взгляды на средства къ достиженію этого блага были различны, иногда прямо противоположны. Одни молились объ успѣхѣ нашихъ войскъ, не допуская ни малѣйшаго изъяна нашимъ владѣніямъ; другіе находили полезнымъ временный гнѣвъ Божій, то-есть политическое приниженіе, которое раскрыло бы глаза на недостатки правительственной системы. Рано утромъ являлись любопытные въ книжную лавку Базунова (въ Москвѣ) читать газеты и узнавать севастопольскія новости. По физіогноміи читавшихъ легко было угадать, къ какой категоріи патріотовъ принадлежатъ они—къ первой или второй. Нѣкоторые изъ послѣдней доходили въ своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ до абсурда. Одинъ (С—въ) почему-то восхищался зуавами, когда наши войска постоянно выказывали образцовый героизмъ; другой (Н. Ф. П—въ) на выраженное кѣмъ-то сожалѣніе о томъ, что враги наши, пожалуй, завладѣютъ Крымомъ (русской Италіей), началъ утѣшать его такими словами: «Повѣрьте, мы останемся не въ накладѣ, а въ выигрышѣ: мы будемъ ѣсть еще лучшіе яблоки и по болѣе дешевой цѣнѣ». Вспоминая теперь подобныя рѣчи, изумляешься и невольно краснѣешь, не смотря на свои преклонные годы.

Свѣтлымъ событіемъ, порадовавшимъ наши сердца въ эту тяжкую годину, былъ столѣтній юбилей Московскаго университета. Рескриптъ императора, превосходно прочтенный министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ, возбудилъ громкія, долгія, радостныя до слезъ рукоплесканія. Всѣ веселились, какъ бы разсвѣту послѣ долгихъ сумерекъ. Пошли праздничные обѣды для профессоровъ и студентовъ, вмѣстѣ со многими другими лицами, сочувствовавшими дѣлу высшаго образованія. Къ императору была отправлена депутація изъ трехъ лицъ: ректора Альфонскаго и двухъ профессоровъ, принести ему глубокую благодарность за благоволеніе къ старѣйшему изъ нашихъ университетовъ. Государь принялъ депутатовъ милостиво, удостоилъ ректора своей руки, причемъ сказалъ слѣдующее: «Я никогда не былъ врагомъ просвѣщенія; я врагъ просвѣщенія западнаго, потому что на Западѣ сами не знаютъ, чего хотятъ».

Восшествіе на престолъ Александра II разсѣяло тягостное настроеніе духа и оживило всѣ сердца радостной, успокоительной надеждой. Надобно было присутствовать при его въѣздѣ въ Москву и коронованіи, чтобы почувствовать сладость успокоенія послѣ разныхъ опасеній и непредвидѣнныхъ бѣдъ. На вечернемъ катаньѣ по московскимъ улицамъ вполнѣ выразилось чувство благоговѣнія и любви къ государю и государынѣ, проѣзжавшимъ среди двухъ

рядовъ экипажей по московскимъ улицамъ: не только толпа народа, стоявшая на тротуарахъ, но и сидѣвшіе въ каретахъ и колясках, привѣтствовали восторженными, неумолкаемыми восклицаніями царя-освободителя и его супругу, доброта которыхъ не имѣла границъ.

Вмѣстѣ съ государемъ прибылъ въ Москву и Ростовцевъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Онъ остановился въ Кремлѣ, въ Николаевскомъ дворцѣ. Я и Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ явились къ нему съ отчетомъ о нашихъ работахъ для кадетъ: мнѣ было поручено составить исторію русской словесности и историческую къ ней хрестоматію (отъ Петра I до нашего времени), а Ѳедору Ивановичу—грамматику и историческую хрестоматію къ древне-русской литературѣ (отъ начала до Петра I).

Только что мы хотѣли приступить къ дѣлу, является съ визитомъ графъ Закревскій. Яковъ Ивановичъ рекомендуетъ насъ, какъ профессоровъ [1]). Мы отвѣсили ему по поклону. Графъ, обратясь къ намъ, полу-шутя замѣтилъ:

— О! профессоры—народъ бѣдовый, непокорливый: трудно съ ними ладить.

— Нѣтъ, графъ,—перебилъ его Ростовцевъ:—это не такіе, это смирные [2]).

Въ 1856 году, въ октябрѣ, по предложенію начальства военно-учебныхъ заведеній занять въ академіи генеральнаго штаба преподавательское мѣсто по каѳедрѣ русской словесности, я переселился въ Петербургъ. Тяжело и горько было мнѣ разставаться съ Москвой, послѣ тридцати четырехъ-лѣтняго въ ней жительства (1822—1856). Москвѣ я обязанъ университетскимъ образованіемъ; въ ней началась моя педагогическая и литературная дѣятельность; въ ней я нажилъ себѣ хотя не обширный, но дорогой кругъ друзей и знакомыхъ, въ ней, наконецъ, устроилось мое семейное счастіе. Легко молодому человѣку выносить разлуку съ излюбленнымъ мѣстомъ, а вѣдь мнѣ уже стукнуло безъ малаго 50 лѣтъ: какъ не тосковать и не вздыхать по матушкѣ Москвѣ? И дѣйствительно жизнь въ Петербургѣ долгое время была подобіемъ сумрачной непривѣтливой осени послѣ благодатнаго лѣта. Единственную отраду

---

[1]) Я не былъ въ то время профессоромъ: Яковъ Ивановичъ хотѣлъ возвысить меня въ мнѣніи градоначальника.

[2]) Закревскій получилъ отставку въ 1858 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, раньше 23-го числа, по поводу дозволенія своей дочери отъ живаго мужа (Нессельроде) выйдти замужъ за князя Друцкаго, для чего и далъ имъ паспортъ за границу («Русск. Старина», 1891 г., августъ, дневникъ Валуева, стр. 275). Вскорѣ послѣ отставки, не помню въ какой именно газетѣ, явилось слѣдующее курьезное извѣстіе: «Намъ пишутъ изъ Москвы, что въ нынѣшнемъ году наступила весна очень рано, такъ что прежде Юрьева дня выгнали скотину въ поле».

представляла мнѣ возможность проводить лѣтніе вакаціонные мѣсяцы въ прекрасныхъ окрестностяхъ Москвы, что я и дѣлалъ втеченіе пяти лѣтъ, нанимая дачу въ селѣ Покровскомъ, Глѣбова-Стрѣшнева, въ восьми или девяти верстахъ отъ столицы. Туда же переселялся и С. М. Соловьевъ. Но съ увеличеніемъ семейства подобные переѣзды оказались неудобными. Волею-неволею пришлось мнѣ проводить вакацію въ Павловскѣ или Царскомъ Селѣ. Съ 1869 года я уѣзжаю на лѣто къ роднымъ въ Рязанскую губернію, останавливаясь въ Москвѣ на цѣлыя сутки. Надобно же, хоть разъ въ году, взглянуть на мѣсто моего бывшаго рая.

А. Галаховъ.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

I.

Бабай.

ТЕБѢ, Иванъ?

— Да вотъ къ вашей милости, Петръ Петро-
ичъ, насчетъ значитъ сѣна, — отвѣчалъ Иванъ,
арикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, снимая шапку.—
е убраться однимъ-то, своими силами.

— А если понанечь?

— Какъ вашей милости угодно: можно и по-
лечь... А только какъ бы не упустить время:
ть, сколь долго простоитъ вёдро-то!

— Ну, такъ принаймемъ, — согласился Петръ Петровичъ: — только кого же? А что если Бабая, Иванъ? Его съ двумя сыновьями и довольно!

— Это вѣрно. Онъ съ парнями своими подможетъ сильно. Да только знаете сами, Петръ Петровичъ, мужикъ онъ характерный: приди къ нему, гляди, что заломитъ!

— А ты сходи, узнай. Поторгуйся, уревонь. Дѣло, скажи, сосѣдское.

— Это можно, я схожу.

Иванъ уже повернулся, чтобы уходить, но Петръ Петровичъ остановилъ его:

— А то погоди-ка, я самъ схожу: мнѣ же нужно у старшины побывать. Не знаешь: старшина дома?

— Ужъ не могу сказать... А вы только вотъ что, Петръ Петровичъ: виду не подавайте Бабаю, что онъ вамъ нуженъ, а этакъ со сторонки...

— Ладно, ладно. Хотите идти вмѣстѣ со мной?—обратился ко мнѣ Петръ Петровичъ Ломовъ, у котораго я гостилъ въ то лѣто.

Я давно зналъ Ломова, жилъ даже нѣкоторое время съ нимъ въ Петербургѣ въ однѣхъ меблированныхъ комнатахъ, и никогда мнѣ въ голову не приходило, что Петръ Петровичъ сдѣлается помѣщикомъ. Да, конечно, и онъ самъ этого не предполагалъ. Случайно встрѣтился онъ съ одной вдовой-помѣщицей, влюбилъ ее въ себя, самъ въ нее влюбился, женился, и вотъ теперь пятый годъ хозяйничалъ въ ея усадьбѣ.

— Такъ идете?—повторилъ Петръ Петровичъ, вставая съ садоваго диванчика, на которомъ мы сидѣли.

— Пожалуй,—согласился я.

— Отлично. До деревни и полверсты нѣтъ, а кстати и Бабая посмотрите. Преинтересный мужикъ... Вы его еще не видали?

— Нѣтъ, не видалъ,—отвѣтилъ я.

— Преинтересный мужикъ,—повторилъ Петръ Петровичъ, уже выходя за ворота усадьбы.—Такое, знаете, самоуваженіе, сознаніе своего достоинства — если хотите, что хоть и не мужику подстать! Предъ нашимъ братомъ-помѣщикомъ и шапки ломить не хочетъ. Экземпляръ!

— Богатый мужикъ?

— Нельзя сказать. Впрочемъ, и не бѣднякъ. Мужикъ исправный, что называется, и самъ, и сыновья—работники хорошіе. Но чертовскій у старика характеръ! Да вотъ вамъ иллюстрація: въ прошломъ году Бабай (его фамилія собственно Бабаевъ, но его всѣ зовутъ Бабаемъ) обругалъ какъ-то моего управляющаго (нѣмецъ у меня жилъ, хозяйство зналъ прескверно, а на гитарѣ игралъ чудесно). Нѣмецъ вломился въ амбицію, и къ мировому. Мировой предлагаетъ помириться.—Извинись,—предлагаетъ онъ Бабаю. Куда! Бабай и глядѣть на нѣмца не хочетъ.—Стану я, говоритъ, передъ всякой нѣмчурой извиняться.—Тогда тебѣ придется посидѣть нѣсколько дней,—говоритъ ему мировой.—Ну, что-жъ, отвѣчаетъ, и посижу, а ужъ у колбасы нѣмецкой прощенья просить не буду. Такъ и просидѣлъ недѣлю.

— Самолюбивый мужикъ,—замѣтилъ я.

— Чертовское самолюбіе. Упорный какой... А какъ говоритъ!.. да вотъ вы увидите сами!

Изба Бабая вторая съ краю, если идти въ деревню отъ усадьбы. Изба уже далеко не новая, но старательно поправленная, и кругомъ ея чисто. Нѣсколько березокъ посажено, и скамеечка у воротъ. Когда мы подошли, на скамейкѣ сидѣлъ самъ Бабай.

Это былъ плотный, коренастый мужикъ, съ окладистою русою

бородою, съ красноватымъ отъ загара лицомъ и сѣрыми, серьезно, нѣсколько надменно, смотрѣвшими глазами. Свѣтлые волосы слегка курчавились.

— Здравствуй, Тихонъ,—промолвилъ Ломовъ и протянулъ Бабаю руку:

— Здравствуй, Петръ Петровичъ,—отвѣчалъ Бабай, слегка приподнимаясь и дотрогиваясь до протянутой руки своими закорузлыми пальцами.

Бабай былъ безъ шапки. Поправивъ волосы, онъ опять опустился на скамейку, пододвинувшись нѣсколько къ ея краю, чтобы очистить мѣсто Ломову.

— Садись, Петръ Петровичъ, въ ногахъ правды нѣтъ,—произнесъ Бабай.—Гулять изволишь?

— И гулять, и къ тебѣ зашелъ, соскучился, что давно не видалъ. Садитесь, мѣста будетъ,—обратился ко мнѣ Петръ Петровичъ.—Мой пріятель,—представилъ онъ меня старику,—а это вотъ тотъ самый Бабай, который такъ отдѣлалъ моего управляющаго,—отнесся снова ко мнѣ Ломовъ.—Гдѣ онъ теперь, не знаешь, Тихонъ?

— Песъ его знаетъ.

Рѣчь Бабая была неторопливая, голосъ громкій. И эта рѣчь, и осанистая фигура, и спокойныя движенія—все сразу обличало, что у Бабая было сильно развито чувство собственнаго достоинства.

Онъ равнодушно посмотрѣлъ на меня, ничего не промолвилъ и даже не поклонился мнѣ отдѣльно. И только уже спустя минуту, отвѣтивъ на какой-то вопросъ Ломова, онъ произнесъ, не глядя на меня:

— Издалече будете?

— Издалека,—отвѣтилъ я, съ любопытствомъ разглядывая Бабая.

— Изъ какихъ же: помѣщики тоже, или изъ чиновныхъ?

— Ни то, ни другое,—улыбнулся я.

Бабай пристально посмотрѣлъ на меня, почесалъ мохнатую грудь, обнаженную вслѣдствіе не застегнутаго ворота рубашки, пошевелилъ губами, какъ бы хотѣлъ что-то сказать, но проронилъ только «хи!», и устремилъ свой взоръ куда-то вдаль.

— Какъ живешь-можешь, Тихонъ?—спросилъ Ломовъ.

— Живемъ, слава Богу,—отвѣчалъ Бабай:—вы какъ?

— Ничего тоже.

— Сѣна нынче у васъ добрыя.

— Недурны!

— Зачѣмъ Бога гнѣвить: хорошія сѣна! Управились?

— Управляемся помаленьку, а что?

— Да ничего, я такъ.

— Не помочь ли хочешь?

— Нешто нехватка въ силахъ-то? — чуть замѣтно улыбнулся Бабай.

— Нѣтъ, не то чтобы... управимся и одни!

— И слава Богу, коли управитесь. Не зачѣмъ и нанимать!

— Да вѣдь масло каши не испортитъ. Чѣмъ больше народу, тѣмъ скорѣе уборка.

— Коли какъ... Мы вотъ убрались со своимъ.

— Скоро! Что же сыновья теперь дѣлаютъ?

— Мало-ли дѣловъ. Найдется что, а пока еще ничего не дѣлаютъ. Роздыхъ я имъ далъ, значитъ. А работы, Петръ Петровичъ, вокругъ много, и зову много, только согласись.

— А ты бы ихъ ко мнѣ послалъ, пусть моимъ помогутъ.

— Вѣдь сами управляетесь?

— Поскорѣе хочу,—при себѣ. Можетъ быть, въ Москву поѣду на нѣсколько дней.

— Такъ, такъ... при себѣ, извѣстно, лучше: хозяйскій глазъ— что говорить!

Онъ вздохнулъ и опять почесалъ грудь.

— Много у тебя сыновей? — обратился я къ Бабаю.

— Двое теперь осталось,—отвѣчалъ онъ не то неохотно, не то небрежно.

— А было?

— А было четверо.

— Умерли?

— Одинъ померши, въ войну прошлую убили, а то еще одинъ служитъ.

Я выразилъ было съ своей стороны сожалѣніе, но Бабай перебилъ меня внушительно:

— Что же тутъ жалѣть; извѣстно — служба. Не мой — первый, не мой и послѣдній. Должно-жъ службу царскую править и царя отъ ворога защищать. Что наше дѣло — то наше и есть.

Эта фраза была произнесена съ особенною важностью; въ каждомъ словѣ Бабая звучало убѣжденіе, что именно ими, мужиками, держится государство, и что безъ нихъ не обойтись.

— Вы не шутите,—обратился ко мнѣ Ломовъ: — нашъ Тихонъ себѣ цѣну знаетъ. По его мнѣнію, мужикъ — всему голова.

Бабай не то съ усмѣшкой, не то съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на Ломова и проговорилъ обычнымъ тономъ:

— Что-жъ, извѣстно такъ, нешто безъ его обойдешься. Что ни что, а всюду мужика за-бока. Въ хоромы его не пущаютъ, а хоромы-то кто строитъ, какъ не онъ? И на войнѣ чья силушка? Опять-таки мужицкая!

Онъ плюнулъ въ сторону, промолчалъ и обратился къ Петру Петровичу:

— Ты что это все о подмогѣ говоришь? Взаболь что ли надо? Говори толкомъ. Я послать парней могу. Почемъ дашь-то?

— А ты бы почемъ хотѣлъ? Дешево, поди, не возьмешь?

— Извѣстно, не даромъ. Прошли тѣ времена, Петръ Петровичъ, когда на папеньку вашей хозяйки работали: сегодня — спасибо, завтра — нѣтъ ничего, либо кулакомъ въ зубы — вотъ тебѣ и вся плата тогда!

— Ахъ, Тихонъ, злопамятный же ты человѣкъ,—засмѣялся Ломовъ:—сколько времени прошло, а ты все помнишь.

— Памятно, Петръ Петровичъ! А только ты напрасно: злобы нѣтъ. Извѣстно всякій свое право наблюдаетъ: можно было, ну, и били! Что мнѣ злобиться? Маркъ Семеновичъ, царство ему небесное, не звѣрь какой былъ: баринъ строгій, а все же жить съ нимъ можно было. Я такъ къ слову, потому ты о цѣнѣ спросилъ.

Онъ опять помолчалъ недолго и промолвилъ съ тонкой усмѣшкой на губахъ:

— А какъ по-твоему, Петръ Петровичъ, рублевку спрашать не дорого?

— Это за день-то?

— А ты какъ же думалъ: за недѣлю?

— Да что ты, Тихонъ, въ умѣ ли?

Бабай насупился.

— Не знаю, какъ ты, а я, слава Богу, въ разумѣ, — сказалъ онъ сердито.

— Ты не обижайся,—мягко произнесъ Ломовъ:—я вѣдь не хотѣлъ тебя обидѣть.

— А не хотѣлъ, такъ нечего такъ несуразно и говорить. «Въ умѣ ли!» Мнѣ уже шестой десятокъ пошелъ, а ты говоришь «въ умѣ ли»!

— Да ты цѣну-то неслыханную запросилъ, — оправдывался Ломовъ:—кто же тебѣ дастъ рубль за день!

— А не дастъ, и не надо. Я нешто напрашиваюсь? Вѣдь не я, а ты ко мнѣ пришелъ.

— Ты и радъ прижать барина?

— Какой тутъ прижимъ: моя воля — просить, твоя — давать. Небось и нашего брата господа-то не больно ласкаютъ.

— Ну, не скажи,—возразилъ Ломовъ:—вѣдь если что случится, такъ ко мнѣ же ваши бѣгутъ. Помнишь, у Ѳедота лошадь пала? Кто ему помогъ купить? Я же!

— Что вѣрно, то вѣрно! Вотъ и иди къ Ѳедоту. Онъ, може, помня твое добро да ласку, и дешевле возьметъ, а я не возьму. Я у тебя не прошу милости, и самъ воленъ брать, что хочу. Опять же, и тебя никто не неволитъ, деревня велика. Негожи тебѣ мои ребята, и не надо.

— Дорого просишь, вѣдь все равно никто не дастъ, и такъ просидишь, если не сбавишь.

— Что же, и просижу. Развѣ намъ и отдохнуть не полагается?

— Ты, я вижу, разбогатѣлъ, Бабай!—пошутилъ Ломовъ.

— Еще бы! Гляди, тебя богаче буду. Эхъ, Петръ Петровичъ, что намъ въ чужомъ карманѣ деньги считать. Я не спрашиваю, сколько у тебя, и тебѣ нечего считать мои богатства. А ряда—дѣло полюбовное.

— Ты все такой же!—досадливо воскликнулъ Ломовъ.

— Какой такой? — спросилъ Бабай, повертываясь къ Ломову всѣмъ корпусомъ.

— Упрямый, вотъ какой. Сказалъ, и баста. И убыточно, да будь по-моему.

— Знаете, какая исторія съ нимъ была? — обратился ко мнѣ Петръ Петровичъ. — Ѣдетъ онъ разъ съ возомъ: дрова въ городъ возилъ. Нагоняетъ онъ охотника, барина одного. Тотъ утомился, еле идетъ. Нанимаетъ онъ Бабая довезти до города. — Три рубля,— говоритъ нашъ Тихонъ.—Что ты,—возразилъ баринъ,—да сколько же твои дрова стоятъ?—Рубля полтора дадутъ, говоритъ.—Такъ тебѣ ихъ еще верстъ двѣнадцать везти и на рынкѣ сколько времени потратишь. Сваливай ихъ, бери съ меня два рубля и вези. Куда! Сказалъ три, и ни копѣйки меньше, а баринъ умаялся.

— И что же, далъ?—засмѣялся я.

— Далъ.

— А если бы онъ тебѣ не далъ, неужели ты такъ бы его и не повезъ за два рубля?

— Вѣстимо бы не повезъ! — отвѣчалъ Бабай, на губахъ котораго играла пренебрежительная улыбка все время, пока Ломовъ разсказывалъ.

— Да вѣдь тебѣ же въ убытокъ?

— А пущай! Тогда бы и онъ пѣхтурой плелся. Ишь тоже нашелся! Думаетъ: приказалъ, и кончено. Нѣтъ, нынче шалишь. Ничего что мужикъ, а я самъ себѣ баринъ. Хочу—везу, а не хочу, такъ за десятку не повезу, хошь ты умри тутъ въ грязи.

— Однако!—невольно вырвалось у меня.

— Что,—усмѣхнулся Бабай,—не по вкусу? Удивительно тебѣ это? Думаешь—мужикъ, а туда же такъ разсуждаетъ. И мужикъ мужику—рознь и не все мужикомъ помыкаютъ; бываетъ, и мужику баринъ поклонится. Какъ вѣдь тамъ не финти, а безъ мужика не обойдешься.

Онъ, кряхтя, поднялся со скамейки.

— Такъ что же, Петръ Петровичъ,—проговорилъ онъ,—ходитъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ, Тихонъ, не ходитъ.

— Ну, не ходитъ, такъ и не ходитъ. Прощенья просимъ!

— Возьми семьдесятъ пять.

— Ни, сказано—рубль, а завтра пошлешь, и рубля не возьму.

Онъ слегка кивнулъ головою и медленно направился домой.

— Вотъ полюбуйтесь-ка,—произнесъ съ дѣланной улыбкой Ло-

мовъ, и въ его голосѣ послышалось сильное раздраженіе.—Да,—добавилъ онъ задумчиво,—Бабай правъ, сами себѣ баре, и какіе еще баре! Да вѣдь этотъ еще что, зажиточный хотя, а у другаго за душой и гроша нѣтъ лишняго, а тоже ломается; не пойду, молъ, дешевле, да и баста... Ну, нужда еще очень прижметъ, такъ сдается, а если чуть заработалъ немного, лучше къ нему не подступай. Народецъ, скажу вамъ!

— А, всетаки, умный мужикъ этотъ Бабай,—замѣтилъ я.

— Ума нельзя отнять, а только и чортъ же упрямый. Вѣдь вотъ теперь предложите ему девяносто восемь копѣекъ, и то не возьметъ.

— Грамотный онъ?

— Печатное разбираетъ.

— А сыновья?

— Сыновья школу кончили. Дай-ка ему капиталъ, онъ ихъ и дальше бы пустилъ. Гордый мужикъ! Спитъ и видитъ въ старшины попасть, да не бывать этому.

— Отчего же?

— Гордъ. За гордость его и не любятъ. И достатокъ есть. Тоже другимъ досадно. Вы думаете, они радуются успѣху сосѣда? Какъ же! Падетъ, напримѣръ, лошадь у кого нибудь. Кажется, какъ бы не помочь сосѣду? Шалишь: заплати! Вообще между книжкой и жизнью—большая разница.

Старшина тоже чѣмъ-то раздосадовалъ Петра Петровича, и онъ вернулся домой въ скверномъ настроеніи духа.

— Что же будете дѣлать?—спросилъ я пріятеля за чаемъ.

— Уберемся какъ нибудь, а то изъ другой деревни возьму. Дороже дамъ, да не Бабаю. Ну, да я ему припомню. Придется, можетъ быть, и ему ко мнѣ обратиться.

Петръ Петровичъ отодвинулъ стаканъ и заговорилъ о томъ, что нынче хозяйничать совсѣмъ нельзя, что работниковъ хорошихъ нѣтъ, что народъ испортился... Въ словахъ Петра Петровича было не мало правды, но относительно многаго, подъ вліяніемъ раздраженія, онъ сильно сгущалъ краски. Я не сталъ возражать, Петръ Петровичъ мало-по-малу успокоился. Пріѣхали знакомые помѣщики, и составился винтъ.

II.

Люблю я бродить по лѣсу, — не сбирать ягоды или грибы, а просто бродить. Выйдешь на полянку, присядешь гдѣ нибудь у куста или у стога, и наслаждаешься природой. Кругомъ тихо, тихо. Деревья, обступившія полянку, перешептываются между собою, надъ головой синѣетъ небо... И эта тишь, и это небо, и этотъ шелестъ деревьевъ какимъ-то особеннымъ чувствомъ наполняютъ

душу. И сладко, и грустно. Сидишь и думаешь. И не думаешь, а какъ-то грезишь наяву. Ни на какой мысли не останавливаешься, а много, много разныхъ мыслей промелькнетъ въ умѣ. Гостя у Ломова, я часто ходилъ въ ближайшій лѣсъ. У меня была тамъ излюбленная полянка. Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ первой встрѣчи съ Бабаемъ, я отправился въ лѣсъ. Невдалекѣ отъ полянки я увидѣлъ старика. Онъ сидѣлъ шагахъ въ двухъ отъ лѣсной дорожки, на кочкѣ; рядомъ съ нимъ стояла корзинка. Я поздоровался. Онъ отвѣтилъ мнѣ, но не снялъ шапки, а только дотронулся до нея рукой.

— Отдыхаешь? Далеко ходилъ?—спросилъ я.

— За озеро,—коротко отвѣтилъ Бабай.

— Развѣ здѣсь есть озеро? — спросилъ я, присаживаясь къ Бабаю.

— Есть, только не близко.

У меня въ рукахъ была газета. Бабай посмотрѣлъ на нее.

— «Вѣдомости» это у васъ?—спросилъ онъ, помолчавши.

— Да, газета.

— Что же пишутъ особеннаго?

— Ничего особеннаго.

— Какъ же такъ ничего?— удивился Бабай: — о чемъ нибудь да пишутъ? Зачѣмъ и «Вѣдомости», если ничего нѣтъ?

Я ему что-то отвѣтилъ, и мы разговорились. Онъ какъ бы боялся уронить себя, дать поводъ подумать, что онъ, Бабай, угождаетъ или подслуживается. Отъ этого тонъ его былъ рѣзокъ, сухъ, а часто даже грубъ.

— Грамота—дѣло великое,—произнесъ Бабай:—дай-ка мужику грамотой овладѣть, учености набраться, не то и будетъ.

— Теперь вездѣ школы,—замѣтилъ я.

— Ну, хоша не вездѣ, а много. И слава Богу, да только проку-то мало.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Выучится мальчишка, а опосля и все забудетъ Когда ему читать! Мой Вавила вонъ какъ хорошо читалъ и писалъ, а въ работѣ да въ хлопотахъ и позабылъ все, почитай. Вона Петръ Петровичъ хотѣлъ большихъ обучать, книжки хотѣлъ читать по праздникамъ, да гдѣ! Будетъ и того, что пообѣщалъ! И то сказать: что ему за корысть. Ишь вѣдь мы какіе несговорчивые, всякій хочетъ за работу подороже взять, а онъ тутъ даромъ старайся, что за сладость!

Я посмотрѣлъ на Бабая и не могъ рѣшить: говоритъ ли онъ серьезно, или съ насмѣшкой. Лицо старика оставалось совершенно спокойнымъ.

— А ты такъ и не отпустилъ сыновей?—спросилъ я.

— Къ Петру Петровичу? Не сошлись! Да вѣдь ему и горя-то мало. Нашли, слышалъ я, по полтинѣ.

— Да, и на своихъ харчахъ.

— Чего лучше! На доброе здоровье, а я такъ-то не охочъ.

— Не обидься, Тихонъ, а, кажется, ты очень не любишь баръ,— сказалъ я.

Бабай поковырялъ что-то въ своемъ сапогѣ.

— Баръ, говоришь, не люблю, — промолвилъ онъ: — чего мнѣ ихъ не любить! А только не охочъ я и юлить передъ ними. Чего мнѣ обхаживать да, словно собаченка, въ глаза имъ смотрѣть. Было время, да прошло, когда волей-неволей медвѣдемъ ученымъ плясали по ихъ дудкѣ... полно! Теперь мужикъ—мужикомъ, а баринъ—бариномъ. Оба сами себѣ баре. Что мнѣ помѣщикъ? Я его и знать-то не хочу, на что онъ мнѣ?

— Ну, какъ на что? Развѣ не приходится обращаться?

— А зачѣмъ? Онъ скорѣе ко мнѣ обратится, а мнѣ почто? Кому надо, тотъ пускай и забѣгаетъ да кланяется, а я, окромя самого себя, никому не слуга. Наймутъ — сработаю, опять-таки для себя, и всеже не крѣпостной, а вольный человѣкъ.

Онъ помолчалъ и заговорилъ снова:

— Какое онъ мнѣ начальство... да хошь и начальство-то взять: ежели я во всѣхъ статьяхъ исправенъ, такъ я никого не боюсь и никого знать не хочу. Баринъ! Что онъ мнѣ? Что сосѣдъ мой Василій, что ты, что Петръ Петровичъ—все равно. Силкомъ ничего не заставитъ сдѣлать. Ну, и другіе прочіе, къ примѣру, старшина, либо становой: что мнѣ они, ежели я подати плачу исправно! Получай и проходи мимо! Вотъ кто пьянствуетъ, да какъ платежъ-то придетъ, а денегъ нѣтъ, вотъ того и возьметъ страхъ. Загодя спина заноетъ. Вотъ тотъ и кланяйся барину, чтобы выручилъ, и дрожи передъ нимъ... а я его нисколечко не боюсь и ублажать не буду.

— Годъ тихъ, да часъ лихъ, — сказалъ я: — все вѣдь можетъ случиться: неурожай, несчастье какое—развѣ поручишься за себя?

— Кто противъ этого говоритъ: съ Богомъ спорить нельзя, да вѣдь что же, несчастіе не съ нами одними, а и съ бариномъ можетъ случиться... Про несчастіе что говорить. Вонъ у Петра Петровича въ позапрошлое лѣто весь хлѣбъ сгорѣлъ. Нѣтъ, это ты неладно сказалъ: бѣда всякаго сломить можетъ, а пока грѣхамъ Богъ терпитъ, да сила есть, что мнѣ на поклонъ идти къ барину! Накланялись вдосталь, надо и честь знать.

— А вѣдь правду говоритъ Петръ Петровичъ, что ты гордъ,— не утерпѣлъ я.

— И вовсе я не гордый человѣкъ, пустое это, а только, значитъ, не къ чему мнѣ въ крѣпость лѣзть, если царь-батюшка сдѣлалъ меня вольнымъ человѣкомъ. Надо себя наблюдать, чарочкой не баловаться—вотъ оно и будешь самъ себѣ баринъ, а то пьянствуетъ человѣкъ, да самъ и идетъ въ кабалу: и баринъ имъ помыкаетъ, и свой братъ-богатѣй жметъ, и начальства всякаго боится.

А я вотъ вольный; никакой гордости во мнѣ нѣтъ, а только, значитъ, я человѣкъ слободный. Эхъ, да пустое все мы съ тобой толкуемъ, извѣстно, ты пріятель Петра Петровича и сословія съ нимъ одного: тебѣ это и не по нраву. Оно, вѣстимо, вамъ бы удобнѣе было, чтобы мужикъ попрежнему въ крѣпости пребывалъ, да нѣтъ, что прошло, то миновало. А если кто самъ лѣзетъ, такъ что же: дураку законъ не писанъ.

Онъ кряхтя поднялся съ кочки.

— А ты это куда же собрался съ газетой?

— На полянку.

— Хорошее дѣло! Въ лѣсу чудесно, благодать!

Онъ дотронулся рукою до шапки и пошелъ тропою по направленію къ деревни.

— Кланяйся Петру-то Петровичу,— крикнулъ онъ, останавливаясь и оборачиваясь въ мою сторону:—скажи, что я очень радъ, не завидую, нанялъ дешево, и слава Богу. Пока что, а нужа мужицкая еще долго будетъ на руку барамъ.

Я прогостилъ у Ломова около мѣсяца. Гуляя, я еще не одинъ разъ встрѣчался съ Бабаемъ, но въ разговоры вступать не приходилось. Такъ перекидывались двумя-тремя фразами, и только. Но прежнія бесѣды, эти отрывочныя фразы и разсказы о Бабаѣ другихъ мужиковъ, а равно и самого Ломова, окончательно выяснили мнѣ личность Тихона.

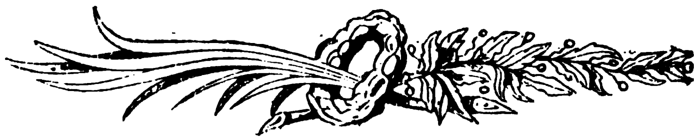
Это не исключительный экземпляръ, какъ, можетъ быть, подумаютъ иные. Шатаясь по Руси, я встрѣчалъ не мало Бабаевъ среди мужиковъ, если не буквально такихъ, не столь характерныхъ, то того же типа, съ тѣми же чертами и взглядами, хотя эти черты встрѣчались раздробно, причемъ у Михея, напримѣръ, одна черта выдѣлялась, у Семена — другая. Бабай явился не вчера, хотя и не особенно давно, уже послѣ воли. Это типъ переходный, и пока зачастую очень не симпатичный. Съ Бабаемъ трудно имѣть дѣло. Человѣка, неспособнаго взглянуть на дѣло спокойно, философски, человѣка нервнаго, Бабаи раздражаютъ и часто могутъ вызвать на нехорошій поступокъ, подъ горячую руку. И это понятно. Бабай грубъ, дерзокъ. У Бабая все перепуталось: хорошее и худое, и послѣднее какъ-то выпуклѣе, въ жизни даетъ себя чувствовать сильнѣе. Вы ѣдете, напримѣръ, по сельской дорогѣ— узкой, малоудобной, ѣдете въ рессорномъ экипажѣ. На встрѣчу вамъ ѣдетъ Бабай,—не ожидайте, что онъ вамъ дастъ дорогу. Самъ-то онъ уже ни за что не дастъ, но онъ едва ли послушается и вашего окрика. Или вы ѣдете въ вагонѣ,—не ждите никакой уступки отъ Бабая ни себѣ, ни вашей женѣ или дочери. А непріятность онъ всѣмъ сдѣлаетъ: если можно курить, онъ одурманитъ васъ махоркой; попросите перестать курить, или пересѣсть на другое свободное мѣсто, онъ не исполнитъ просьбы и грубо отвѣтитъ вамъ:

«Я такія же деньги плачу; гдѣ хочу, тамъ и сижу, а тебѣ, если унизительно сидѣть съ мужикомъ, такъ иди во второй классъ». Въ вагонѣ есть свободныя мѣста. Вы заняли цѣлую скамейку. Бабай не сядетъ на свободное мѣсто, а стѣснитъ васъ. И онъ это дѣлаетъ нарочно, не по злобѣ, а именно желая показать всѣмъ, что ему на господъ наплевать, что онъ ихъ знать не хочетъ. Получивъ волю и желая пользоваться ею, онъ хочетъ сохранить свое достоинство, хочетъ казаться вольнымъ, а не крѣпостнымъ. И это онъ всѣмъ старается доказать, но онъ доказываетъ грубо, аляповато, дерзко, потому что онъ самъ грубъ и аляповатъ. Онъ какъ бы хочетъ сказать: прежде надо мною куражились, а теперь нельзя, потому что всѣ равны. И Бабаи думаютъ, что они этимъ-то именно, то-есть тѣмъ, что поступятъ съ бариномъ грубо,—и сравняются съ нимъ, докажутъ свою вольность. Конечно, такъ думать Бабаи будутъ не всегда, и когда они будутъ думать иначе, они сдѣлаются, безъ сомнѣнія, лучшими изъ крестьянъ. Но все должно заплатить дань времени. Всякій плодъ зрѣетъ постепенно. И хорошее яблоко невкусно до времени. Нехороши пока и Бабаи, но современемъ тò, что въ въ нихъ худо, исчезнетъ, а мотивъ, которымъ руководствуются Бабаи, останется. А противъ него ничего сказать нельзя.

Недавно я получилъ письмо отъ Ломова. Сообщая разныя новости, Петръ Петровичъ прибавляетъ, между прочимъ: «да, чуть было не забылъ: надъ Бабаемъ стряслось несчастіе—у него одну лошадь задралъ медвѣдь, а другая пала. Ну, подумалъ я, придетъ теперь ко мнѣ просить работы, самъ придетъ. Вообразите: не пришелъ! Потратилъ накопленныя деньги, а, всетаки, мнѣ не поклонился. Старый упрямецъ себя же наказалъ. Признаюсь, я этого не понимаю. Не сомнѣваюсь, что и вы не поймете!»

Но я понялъ стараго Бабая.

А. Кругловъ.



ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Во время пребыванія моего въ 1870 году на водахъ въ Пятигорскѣ, заинтересовавшись трагическою кончиной поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, я собралъ отъ лицъ, знавшихъ его, много интересныхъ свѣдѣній и матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ его жизни въ Пятигорскѣ въ сезонъ 1841 года.

Особенное содѣйствіе къ достиженію предположенной цѣли я встрѣтилъ въ пятигорскомъ старожилѣ, бывшемъ въ началѣ сороковыхъ годовъ плацъ-адъютантомъ пятигорскаго комендантскаго управленія (а по выходѣ въ отставку и предводителемъ пятигорскаго дворянства), отставномъ маіорѣ Васильѣ Ивановичѣ Чиляевѣ, въ домѣ котораго квартировалъ поэтъ въ роковой сезонъ дуэли. Въ его присутствіи я осмотрѣлъ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, и получилъ отъ него надлежащія объясненія: гдѣ, что и какъ было расположено при жизни въ немъ Михаила Юрьевича. При ближайшемъ же ознакомленіи съ цѣлью собиранія мною свѣдѣній, Василій Ивановичъ передалъ мнѣ нѣсколько собственноручныхъ замѣтокъ «объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дуэль поэта съ Мартыновымъ», и два подлинныхъ дѣла бывшаго пятигорскаго комендантскаго управленія 1841 года: а) по описи № 88, «О капитанѣ Нижегородскаго драгунскаго полка Столыпинѣ и поручикѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовѣ», начатое 8-го и конченное 23-го іюня 1841 года, и б) по описи № 96, «О дуэли маіора Мартынова и по-

ручика Лермонтова, на коей первый убилъ послѣдняго», начатое 16-го іюля 1841 года и конченное 15-го іюня 1842 года [1]). Когда же я передъ отъѣздомъ изъ Пятигорска зашелъ къ нему проститься, онъ подарилъ мнѣ и просилъ сберечь на память о немъ дорогую, какъ онъ тогда выразился, для него реликвію—старый сафьянный съ серебрянымъ замкомъ бумажникъ Лермонтова [2]).

Часть сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній была напечатана въ журналѣ «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10, въ статьѣ: «Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ», другая же осталась въ моемъ портфелѣ, такъ какъ редакція журнала, въ виду нахожденія тогда въ живыхъ участниковъ дуэли—Н. С. Мартынова и князя А. И. Васильчикова и другихъ прикосновенныхъ къ ней лицъ, всѣхъ свѣдѣній напечатать не согласилась.

Статья эта вызвала возраженіе со стороны князя А. И. Васильчикова, напечатавшаго въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, № 1, «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Мартыновымъ». Въ возраженіи этомъ бывшій секундантъ Мартынова, съ цѣлію ослабить до извѣстной степени нравственную его отвѣтственность за убіеніе Лермонтова, постарался съ ловкой изворотливостью представить не въ надлежащемъ свѣтѣ причины, обстановку и послѣдствія дуэли, но я ему не отвѣчалъ, ожидая, что, можетъ быть, выскажутся и другія лица, участвовавшія въ дуэли или знавшія что либо о ней. Шли годы. Николай Соломоновичъ Мартыновъ упорно молчалъ, ничего не находя возможнымъ сказать въ свое оправданіе, хотя негласно, въ частныхъ разговорахъ, не разъ пытался свалить всю вину происшедшаго между нимъ и Лермонтовымъ поединка на своего такъ безжалостно убитаго имъ соперника и не постѣснился даже мотивировать причину дуэли обстоятельствами, бросавшими неблаговидную тѣнь на память великаго поэта [3]). Прочіе «свѣдущіе люди» также молчали, не считая, вѣроятно, своевременнымъ сказать что либо по поводу смерти «опальнаго поэта» [4]). Но время свое взяло: воздвигнувъ

---

[1]) Дѣла эти и по настоящее время находятся у меня; но, по извлеченіи изъ нихъ всѣхъ нужныхъ для настоящей статьи свѣдѣній, я передамъ ихъ вмѣстѣ съ упоминаемымъ ниже бумажникомъ Лермонтова въ Лермонтовскій музей.

[2]) О случаѣ, доставившемъ этотъ бумажникъ въ руки Чиляева, я разскажу въ своемъ мѣстѣ, при описаніи жизни Лермонтова въ Пятигорскѣ.

[3]) См. письма и замѣтки Ботлинга и доктора Пирожкова, напечатанныя въ «Нивѣ», за 1885 годъ, № 20.

[4]) «Опальнымъ» поэта изобразилъ князь А. И. Васильчиковъ, заявивъ въ своей статьѣ «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и дуэли его съ Мартыновымъ», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г., № 1, что Михаила Юрьевича считали при дворѣ вреднымъ и неблагонамѣреннымъ и притомъ по фрунту дурнымъ офицеромъ, и что, когда его убили, то одна высокопоставленная особа выразилась: «туда ему и дорога!». Между тѣмъ, изъ статьи

памятникъ А. С. Пушкину, въ обществѣ заговорили о памятникѣ М. Ю. Лермонтову, получили разрѣшеніе на постановку его въ Пятигорскѣ, стали собирать средства, приступили къ работамъ и, наконецъ, воздвигли. Тогда «нѣмые» заговорили: появился «Разсказъ о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова» Н. П. Раевскаго, въ изложеніи В. П. Желиховской («Нива», 1885 года, №№ 7 и 8); полились рѣкой «Воспоминанія», «Возраженія» и «Замѣтки» Эмиліи Шанъ-Гирей («Новое Время», 1881 года, № 1983, «Историческій Вѣстникъ», 1881 года, томъ VI, «Нива», 1885 года, № 20, «Русскій Архивъ», 1887 года, № 11, и 1889 года № 6, «Сѣверъ», 1891 года, № 12), заговорили И. А. Арсеньевъ, Бетлингъ, докторъ Пирожковъ и жена священника Александровскаго («Нива», 1885 года, № 20); откликнулся о «Лермонтовѣ на Кавказскихъ водахъ» маіоръ К. I. Карповъ, въ изложеніи С. Филиппова («Русская Мысль», 1891 года, № 2), и, наконецъ, сказалъ и свое слово о дуэли Лермонтова бывшій слуга его, Христофоръ Саникидзе, въ изложеніи Б. П. Эркгарда (газета «Кавказъ», 1891 года, № 185) [1]). Конечно, всѣ эти повѣствованія, написанныя спустя чуть ли не полвѣка послѣ случившихся въ 1841 году событій, весьма разнорѣчивы, не точны и отчасти даже лукавы. Они повѣданы міру или съ цѣлію выдвинуться, пристегнувшись къ Лермонтову, или же для того, чтобы скрасить или исказить непріятный фактъ, касавшійся той или другой извѣстной личности. Но есть въ нихъ и цѣнный матеріалъ для біографіи поэта, съ которымъ, однако, нужно разобраться, привести его въ порядокъ, подвергнуть разсмотрѣнію и общему сопоставленію, и только тогда, когда онъ будетъ очищенъ отъ массы сорныхъ травъ сочинительства и искаженій фактовъ воспользоваться имъ для правдиваго разсказа о послѣднихъ дняхъ жизни поэта и обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дуэль его съ Мартыновымъ.

Вступать съ составителями всѣхъ сихъ повѣствованій въ полемику, писать опроверженія, доказывать неосновательность разныхъ разглагольствій, я не считалъ возможнымъ прежде, потому что публика не можетъ слѣдить за всѣми опроверженіями и помнить ихъ, и не считаю нужнымъ теперь, когда нѣкоторые разсказы, какъ, напримѣръ, фантастическій разсказъ маіора К. I. Карпова, почти цѣликомъ вошли въ большинство біографій поэта, приложенныхъ къ собраніямъ его сочиненій, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50-тилѣтія со дня смерти

Акима Шанъ-Гирея, помѣщенной въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1890 года, № 7, и замѣтки П. И. Бартенева въ «Русскомъ Архивѣ», 1891 года, № 2, видно, что эта особа не только ничего подобнаго не сказала, но, напротивъ, сожалѣла о его смерти и находила его вполнѣ достойнымъ преемникомъ А. С. Пушкина.

[1]) Привожу только тѣ, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія о дуэли поэта или о послѣднихъ дняхъ его жизни въ Пятигорскѣ.

Лермонтова. Но, оставляя ихъ безъ возраженій, я нахожу наиболѣе цѣлесообразнымъ противоположить имъ написанный мною по имѣющимся у меня матеріаламъ и документамъ разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Михаила Юрьевича, въ который будутъ включены также и всѣ достовѣрные факты, указанія и объясненія, находящіеся въ приведенныхъ выше повѣствованіяхъ, разсказахъ и воспоминаніяхъ, съ указаніемъ и ссылками на источники.

Пятигорскъ въ 1841 году, по разсказу В. И. Чиляева, былъ маленькій, но довольно чистенькій и красивый городокъ. Расположенный въ котловинѣ горъ, при рѣкѣ Подкумкѣ, онъ имѣлъ десятка два прихотливо прорѣзанныхъ въ различныхъ направлевленіяхъ улицъ, съ двумя-тремя сотнями обывательскихъ, деревянныхъ, большей частію одноэтажныхъ, домиковъ, между которыми тамъ и сямъ выдвигались и гордо смотрѣли солидныя каменныя казенныя постройки, какъ-то: ванны, галлереи, гостинницы и др. Въ центрѣ города, почти у самыхъ минеральныхъ источниковъ, ютился небольшой, но уже хорошо разросшійся и дававшій тѣнь бульваръ, на которомъ по вечерамъ играла музыка. Городокъ съ мая до сентября переполнялся пріѣзжавшей на воды публикой; у источниковъ, въ казино и на бульварѣ появлялась масса больныхъ обоего пола и всѣхъ ранговъ, лѣтъ и состояній. Жизнь пробуждалась, и обыденную городскую скуку и сплетни смѣняли веселье, шумъ и суета.

Н. П. Раевскій иллюстрируетъ описаніе Пятигорска, но съ своей отрицательной точки зрѣнія. Каменныхъ домовъ,—говоритъ онъ,—въ городѣ почти не было, улицъ и половины тѣхъ, что застроены впослѣдствіи, — также. Лѣстницы, ведущей на Елисаветинскую галлерею, тогда и въ поминѣ еще не было, а бульваръ заканчивался полукругомъ, ходу съ котораго никуда не было. Но зато была бесѣдка, гдѣ влюбленные засиживались до разсвѣта. За Елисаветинской галлерей находилась общая ванна, т. е. бассейнъ, выложенный камнемъ, въ которомъ купались безъ разбору лѣтъ, общественнаго положенія и пола[1]). На Подкумкѣ располагалась слободка, замѣчательная тѣмъ, что тамъ, что ни баба—то капитанша. Баба—мужикъ мужикомъ, а чуть что: «я—капитанша!» Такъ эта слободка и называлась «слободкой капитаншъ», но жить тамъ изъ общества никто не жилъ, потому, во-первыхъ, что капитанши были дамы амбиціозныя, а, во-вторыхъ, въ ту сторону на ночь спускались всѣ сѣрные источники, и дышать тамъ было трудно. Въ павильонѣ на Машукѣ имѣлась «эолова арфа», ни при какомъ, впрочемъ, вѣтрѣ не издававшая ни малѣйшаго звука[2]), а на буль-

[1]) Эмилія Шанъ-Гирей возражаетъ, что ей о существованіи подобной ванны ничего не извѣстно.

[2]) Она же говоритъ, что звуки «эоловой арфы», напротивъ, далеко разносились въ воздухѣ, а когда она была настроена, то и довольно гармоничные.

варѣ, около ваннъ, стоялъ гротъ [1]) съ боковыми удобными выходами, гдѣ весь Лермонтовскій кружокъ частенько пировалъ и гдѣ Лермонтовъ устроилъ и свой послѣдній праздникъ передъ смертью.

Жилось въ Пятигорскѣ весело и привольно. Нравы были просты, какъ въ Аркадіи. Играетъ музыка на бульварѣ, затащатъ ее въ гостинницу Найтаки, барышень запросятъ прямо съ бульвара безъ нарядовъ—и балъ устроится по вдохновенію. Когда же начальство затѣвало настоящій балъ, гостинница превращалась въ благородное собраніе и танцовали парадно [2]).

Но не одни танцы развлекали пятигорское «водяное» общество въ сезонъ 1841 года; любимѣйшимъ его времяпрепровожденіемъ была картежная игра, не прекращавшаяся съ утра до ночи и съ ночи до утра. На воды пріѣзжали не только больные, но и здоровые люди, которымъ некуда было дѣвать времени и денегъ,—люди, любившіе пожить и считавшіе тотъ день потеряннымъ, когда они не участвовали въ игрѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежали: два русскихъ князя, ревельскій баронъ, нѣсколько богатыхъ уральскихъ заводчиковъ и наѣзжавшій въ Пятигорскъ неоднократно извѣстный игрокъ того времени, полковникъ англійской службы сэръ Генри Мильсъ [3]).

На одной изъ пирушекъ Лермонтовъ охарактеризовалъ Пятигорскъ въ слѣдующемъ экспромтѣ:

«Очарователенъ Кавказскій нашъ Монако!
«Танцоровъ, игроковъ, бретёровъ въ немъ толпы;
«Въ немъ лихорадятъ насъ вино, игра и драка,
«И жгутъ днемъ женщины, а по ночамъ—клопы» [4]).

Мѣстная знать не отличалась ни числомъ, ни родовитостью, ни богатствомъ. Она состояла изъ семействъ лицъ, выслужившихся или служившихъ еще на Кавказѣ, офицеровъ, чиновниковъ и казаковъ. Немногіе дома изъ этой знати, преимущественно тѣ, гдѣ царили женщины—«хозяйки водъ», какъ называлъ ихъ Лермонтовъ,—открывали свои гостепріимныя двери для именитыхъ гостей города, золотой столичной молодежи и окуренныхъ порохомъ ветерановъ и свѣтскихъ представителей желѣзныхъ кавказскихъ легіоновъ.

Однимъ изъ такихъ домовъ въ 1841 году считался домъ бывшаго наказнаго атамана Кавказскаго казачьяго войска, генералъ-

Нужно думать, что первый ведетъ рѣчь исключительно о лѣтѣ 1841 года, а вторая, какъ давняя жительница Пятигорска,—вообще за время существованія арфы.

[1]) Гротъ Діаны.

[2]) Н. Н. Раевскій.

[3]) Н. Н. Раевскій и В. И. Чиляевъ.

[4]) Сообщено поручикомъ Куликовскимъ, исправлявшимъ въ 1870 году должность пятигорскаго военнаго начальника.

маіора Петра Семеновича Верзилина. Самъ генералъ находился въ то время на службѣ въ Варшавѣ, но супруга его, Марья Ивановна, представительная дама польскаго происхожденія, со своими двумя дочерьми: отъ перваго брака съ полковникомъ Клингенбергомъ—Эмиліей Александровной [1]) и прижитой съ Петромъ Семеновичемъ—Надеждой Петровной, и дочерью Петра Семеновича отъ перваго брака—Аграфеной Петровной, жила открыто и собирала въ своемъ салонѣ лучшее пріѣзжее общество. Въ кружкахъ «водяной» молодежи домъ Верзилиныхъ назывался «храмомъ грацій». При встрѣчахъ между собой юноши обыкновенно обмѣнивались такими фразами: «Гдѣ былъ?» — «У грацій».— «Гдѣ будешь вечеромъ?» — «Сперва, конечно, зайду къ граціямъ, а потомъ посмотримъ»...—«Съ кѣмъ ты танцуешь мазурку?»—«Съ младшей граціей». Причиной тому былъ самъ Петръ Семеновичъ, который на вопросъ: «сколько у него дочерей?» отвѣчалъ: «у моей жены двѣ дочери и у меня двѣ, а всего—три... только три граціи, а не четыре». Правда, Верзилинскія барышни, въ особенности средняя, Эмилія Александровна, находившаяся тогда въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты, по своей привлекательной внѣшности и свѣтскимъ манерамъ могли съ честію носить имя грацій, но, какъ всѣ провинціальныя барышни, были жеманны и скучны. По крайней мѣрѣ, онѣ казались такими наиболѣе строгимъ и претендательнымъ львамъ столичныхъ гостинныхъ. Послѣ одного изъ баловъ Лермонтовъ на вопросъ: «Ну, какъ веселились вчера?» отвѣчалъ: «Ахъ, какъ всѣ ваши граціи жеманны — мухи дохнутъ!» [2]).

Вторымъ открытымъ домомъ считался домъ генеральши Екатерины Ивановны Мерлини. По разсказу Н. П. Раевскаго, она была героиней защиты Кисловодска отъ черкесскаго набѣга въ отсутствіе ея мужа, коменданта крѣпости. Ей пришлось распорядиться дѣйствіями крѣпостной артиллеріи, и она съумѣла повести дѣло такъ, что горцы разсѣялись прежде, чѣмъ прибыла казачья помощь. Мужъ ея, генералъ-лейтенантъ, числился по арміи и жилъ въ Пятигорскѣ на покоѣ. Екатерина Ивановна считалась отличной наѣздницей, ѣздила на мужскомъ англійскомъ сѣдлѣ и въ мужскомъ платьѣ, держала хорошихъ верховыхъ лошадей и участвовала въ кавалькадахъ, устроиваемыхъ молодежью [3]).

---

[1]) Вышедшей впослѣдствіи замужъ за родственника Лермонтова Акима Павловича Шанъ-Гирея и извѣстной своими тенденціозными статьями о М. Ю. Лермонтовѣ, появившимися въ восьмидесятыхъ годахъ во многихъ журналахъ.

[2]) В. И. Чиляевъ.

[3]) Эмилія Шанъ-Гирей говоритъ, что Мерлини въ 1841 году въ кавалькадахъ не участвовала, предпочитая ѣздить одна. Но трудно допустить, чтобы молодая героиня чуждалась кавалеровъ и скакала по улицамъ Пятигорска или за городомъ одна. Возраженіе это вызвано, вѣроятно, какими нибудь личными соображеніями.

Далѣе слѣдуетъ домъ Озерскихъ, приманку въ которомъ составляла премиленькая барышня Сашенька. Отецъ ея завѣдывалъ калмыцкимъ улусомъ, былъ человѣкъ состоятельный и далъ дочери хорошее образованіе. Но у нихъ М. Ю. Лермонтовъ бывалъ очень рѣдко, такъ какъ тамъ принимали не разборчиво, а поэтъ не любилъ, чтобы его смѣшивали съ толпою [1]).

Въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ упоминается еще о двухъ-трехъ домахъ, гдѣ бывала молодежь; но о домахъ этихъ я распространяться не стану, такъ какъ они стояли въ сторонѣ отъ роковыхъ событій сезона 1841 года. Упомяну только, въ видѣ исключенія, о домѣ близкой сосѣдки Верзилиныхъ, Тарумовской помѣщицы М. А. Прянишниковой, гдѣ гостила тогда ея родственница, дѣвица Быховецъ, прозванная Лермонтовымъ за бронзовый цвѣтъ лица и черныя очи «la belle noire». Она имѣла много поклонниковъ изъ Лермонтовскаго кружка и сдѣлалась извѣстной, благодаря случайной встрѣчѣ съ поэтомъ въ колоніи Каррасъ, передъ самой его дуэлью [2]).

Въ Пятигорскъ прибылъ Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ дядей, капитаномъ Нижегородскаго драгунскаго полка Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, 23-го мая. На другой день они явились къ пятигорскому коменданту, полковнику Ильяшенкову, представили медицинскія свидѣтельства о своихъ болѣзняхъ (№№ 360 и 361) и получили отъ него разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ. О разрѣшеніи этомъ комендантъ донесъ начальнику штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, флигель-адъютанту, полковнику Траскину, того же 24-го мая за №№ 805 и 806. Штабъ, имѣя въ виду, что Пятигорскій госпиталь переполненъ уже больными офицерами, и находя, что болѣзни Лермонтова и Столыпина могутъ быть излечены и другими средствами, предписалъ пятигорскому коменданту отправить ихъ въ свои части или же въ Георгіевскій госпиталь. На данныя имъ вслѣдствіе сего предписанія отправиться по назначенію Лермонтовъ и Столыпинъ донесли отъ 18-го іюня: первый за № 132, а второй за № 51, что они имѣютъ отъ полковника Траскина предписанія, разрѣшающія имъ лечиться въ Пятигорскомъ госпиталѣ, съ тѣмъ, чтобы они донесли объ этомъ своимъ полковымъ командирамъ и отрядному дежурству. И, такъ какъ они начали уже пользованіе минеральными водами и приняли Лермонтовъ 23, а Столыпинъ 29 сѣрныхъ ваннъ, и съ перерывомъ курса леченія могутъ подвергнуться совершенному разстройству здоровья, то и просили полковника Ильяшенкова исходатайствовать имъ разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ до окончанія курса леченія. При рапортахъ были приложены до-

[1]) Н. П. Раевскій.

[2]) О встрѣчѣ этой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ впослѣдствіи.

полнительныя медицинскія свидѣтельства курсоваго врача Барклая-де-Толли за №№ 29 и 30 о необходимости имъ продолжать леченіе минеральными водами,—и начальство сдалось: на представленіе о семъ коменданта отъ 23-го іюня за № 1118 отвѣта изъ штаба не послѣдовало, и Лермонтовъ со Столыпинымъ остались на водахъ въ Пятигорскѣ [1]).

О явкѣ Лермонтова и Столыпина коменданту имѣется слѣдующій характерный разсказъ В. И. Чиляева.

Первую ночь по пріѣздѣ въ Пятигорскъ они ночевали въ гостинницѣ Найтаки. На другой день утромъ, часовъ въ девять, явились въ комендантское управленіе. Полковникъ Ильяшенковъ, человѣкъ стараго закала, недалекій и боязливый до трусости, находился уже въ кабинетѣ. По докладѣ плацъ-адъютанта о томъ, что въ Пятигорскъ пріѣхалъ Лермонтовъ со Столыпинымъ, онъ схватился за голову обѣими руками и, вскочивъ съ кресла, живо проговорилъ:

— Ну, вотъ опять этотъ сорви-голова къ намъ пожаловалъ!... Зачѣмъ это?

— Пріѣхалъ на воды, — отвѣчалъ плацъ-адъютантъ.

— Шалить и бѣдокурить!—вспылилъ старикъ:—а мы отвѣчай потомъ!... Да у насъ и мѣстъ нѣтъ въ госпиталѣ, нельзя ли ихъ спровадить въ Егорьевскъ?... а?... я даже не знаю, право, что намъ съ ними дѣлать?

— Будемъ смотрѣть построже, — проговорилъ почтительно докладчикъ:—а не принять нельзя, у нихъ есть разрѣшеніе начальника штаба и медицинскія свидѣтельства о необходимости леченія водами.

— Ну, позовите ихъ, — махнулъ рукой комендантъ, и Столыпинъ съ Лермонтовымъ были введены въ кабинетъ.

— А, здравствуйте, господа, — привѣтствовалъ ихъ нахмуренный представитель власти, сдѣлавъ шагъ впередъ:—зачѣмъ и надолго ли пожаловали?

— Болѣзнь загнала, г. полковникъ, — началъ было рѣчь Лермонтовъ, но Ильяшенковъ, желая выказать строгость, перебилъ его словомъ: «позвольте!» и, обратясь къ Столыпину, сказалъ:

— Вы—старшій, отвѣчайте.

Столыпинъ объяснилъ причину прибытія и подалъ медицинское свидѣтельство и рапортъ о дозволеніи лечиться въ Пятигорскѣ. Его примѣру послѣдовалъ и Лермонтовъ.

Комендантъ, прочитавъ рапорты, передалъ ихъ плацъ-адъютанту съ приказаніемъ представить ихъ въ штабъ, а молодымъ людямъ, пожавъ руки, сказалъ:

---

[1]) Выписано изъ дѣла Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 88.

— Хотя у меня въ госпиталѣ и нѣтъ мѣстъ, ну, да что съ вами дѣлать, оставайтесь! Только съ уговоромъ, господа, не шалить и не бѣдокурить! Въ противномъ случаѣ вышлю въ полки, такъ и знайте!

— Больнымъ не до шалостей, г. полковникъ, — отвѣчалъ съ поклономъ Столыпинъ.

— Бѣдокурить не будемъ, а повеселиться немножко позвольте, г. полковникъ,—поклонился въ свою очередь почтительно Лермонтовъ.—Иначе вѣдь мы можемъ умереть отъ скуки, и вамъ же придется хоронить насъ.

— Тьфу, тьфу! — отплюнулся Ильяшенковъ:—что это вы говорите! Хоронить людей я терпѣть не могу. Вотъ, если бы вы, который нибудь, женились здѣсь, тогда бы я съ удовольствіемъ пошелъ къ вамъ на свадьбу.

— Жениться!... тьфу, тьфу!—воскликнулъ съ притворнымъ ужасомъ Лермонтовъ, пародируя коменданта.—Что это вы говорите, г. полковникъ, да я лучше умру!

— Ну, вотъ, ну, вотъ! я такъ и зналъ,—замахалъ руками Ильяшенковъ:—вы неисправимы, сами на себя бѣду накликаете. Ну, да идите съ Богомъ и устроивайтесь!... а тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ.

И онъ откланялся [1]). Аудіенція кончилась. Въ канцеляріи зашелъ разговоръ о квартирѣ, Чиляевъ предложилъ флигель въ своемъ

[1]) Изъ приведенной выше выписки изъ дѣла № 88 и разсказа В. И. Чиляева мы видимъ, что напечатанные П. А. Висковатовымъ въ біографіи поэта, приложенной къ «Полному собранію его сочиненій», въ изданіи В. Ѳ. Рихтера, 1891 года: а) разсказъ Магденки о встрѣчѣ съ поэтомъ въ Георгіевскѣ, на почтовой станціи, гдѣ онъ будто бы рѣшилъ самовольную поѣздку въ Пятигорскъ бросаніемъ на орла полтинника, и б) разсказъ К. І. Карпова, бывшаго, какъ поясняетъ г. Висковатовъ, тогда писаремъ комендантскаго управленія что онъ составилъ Лермонтову рапортъ, въ которомъ онъ просилъ коменданта о признаніи его больнымъ, что комендантъ распорядился объ освидѣтельствованіи поэта въ коммиссіи врачей при Пятигорскомъ госпиталѣ, что Карповъ обдѣлалъ какую-то сдѣлку, вслѣдствіе которой Лермонтовъ былъ признанъ больнымъ, что комендантъ донесъ объ этомъ штабу, но штабъ не утвердилъ, и что только послѣ письма Михаила Юрьевича къ главному начальнику края, генералу Головину, ему было дозволено остаться на водахъ,—положительно ложны. Нельзя не удивляться тому, что г. Висковатовъ, которому указано было въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1880 года, № 4, о неосновательности разсказа Магденки и странности его, Висковатова, удостовѣренія, что поэтъ пріѣхалъ на воды самовольно, вопреки распоряженію генерала Граббе отправиться въ отрядъ,—внесъ въ біографію поэта оба эти разсказа, какъ достовѣрные, приведя въ подтвержденіе ихъ нѣсколько голословныхъ своихъ соображеній, и назвалъ сдѣланныя ему мною, упомянутыя выше указанія совершенно бездоказательными. Чтобы убѣдить окончательно г. Висковатова въ правильности моихъ заявленій и побудить его, хотя при второмъ изданіи біографіи Михаила Юрьевича, исключить изъ нея внесенные имъ разсказы, какъ оскорбляющіе память великаго поэта возведеніемъ на него клеветы въ самовольномъ отъѣздѣ

домѣ, добавивъ, что квартира въ старомъ домѣ занята уже княземъ А. И. Васильчиковымъ.

— Поѣдемъ, посмотримъ!—сказалъ Лермонтовъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ Столыпинъ:—только не сейчасъ, нужно заѣхать въ гостиницу переодѣться; скоро полдень, что за пріятность въ жару разъѣзжать по городу въ парадной формѣ.

Часа въ два-три дня они пріѣхали къ Чиляеву. Осмотрѣвъ снаружи стоявшій на дворѣ домикъ и обойдя комнаты, Лермонтовъ

на воды (т. е. въ уклоненіи отъ службы и неисполненіи приказаній высшаго начальства) и постыдныхъ сдѣлкахъ съ писарями, съ цѣлію остаться на лечебный сезонъ въ Пятигорскѣ,—приведу слѣдующія данныя.

а) Въ дѣлѣ комендантскаго управленія № 88 никакихъ бумагъ, по разсказу Карпова, т. е. рапорта Лермонтова коменданту о прибытіи съ заявленіемъ о болѣзни, предписанія коммиссіи врачей объ его свидѣтельствованіи, донесенія коммиссіи о результатѣ освидѣтельствованія и рапорта коменданта въ штабъ съ представленіемъ свидѣтельства, выданнаго Лермонтову коммиссіей врачей,—не имѣется.

б) Лермонтовъ дѣйствительно являлся въ Ставрополѣ къ генералу Граббе, который и приказалъ ему отправиться въ отрядъ. Но, когда поэтъ заявилъ ему о своей усталости и легкомъ нездоровьѣ, то Граббе дозволилъ ему остаться въ Ставрополѣ, а самъ отбылъ въ отрядъ.

в) Оставшись въ Ставрополѣ, Лермонтовъ исхлопоталъ свидѣтельство о болѣзни и просилъ начальника штаба, флигель-адъютанта Траскина, разрѣшить ему лечиться въ Пятигорскѣ, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

г) Прибывъ въ Пятигорскъ, Лермонтовъ явился къ коменданту, представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни и остался, по его распоряженію, при Пятигорскомъ госпиталѣ.

д) Такъ какъ комендантъ о каждомъ прибывавшемъ на излеченіе въ Пятигорскъ офицерѣ долженъ былъ доносить начальству, то онъ донесъ ему и о Лермонтовѣ.

е) Когда Траскинъ, въ виду переполненія Пятигорскаго госпиталя больными офицерами, потребовалъ отъ коменданта отправленія Лермонтова въ полкъ или въ Георгіевскій госпиталь, куда эвакуировали больныхъ, не требовавшихъ леченья минеральными водами, онъ представилъ дополнительное медицинское свидѣтельство о необходимости леченія этими водами и донесъ (а въ донесеніи не могъ писать неправды), что прибылъ въ Пятигорскъ и началъ леченіе на основаніи разрѣшенія начальника штаба, выраженномъ въ данномъ ему предписаніи, подъ условіемъ донесенія объ этомъ командиру полка и отрядному дежурству (состоявшему при генералѣ Граббе), что имъ и исполнено.

ж) Донесеніе объ этомъ коменданта оставлено Траскинымъ безъ отвѣта, потому что ему и отвѣчать-то было нечего: давъ разрѣшеніе лечиться, нельзя было настаивать на отправкѣ больнаго въ полкъ. Предположеніе же г. Висковатова, что распоряженіе объ этомъ не успѣло дойти при жизни поэта, есть не что иное, какъ желаніе подыскать хоть что нибудь въ подтвержденіе своего, ни на чемъ не основаннаго, предположенія. Въ дѣлѣ № 88 никакихъ бумагъ объ этомъ, ни при жизни поэта, ни послѣ смерти его поступившихъ, не имѣется. Оно заключено донесеніемъ коменданта, на которое отвѣта не получено.

з) Писемъ Лермонтовъ ни къ генералу Граббе, ни къ главному начальнику края, генералу Головину, не писалъ, да и не могъ писать, потому что о всякихъ нуждахъ своихъ офицеры могутъ обращаться къ высшему начальству не иначе, какъ только по командѣ, т. е. чрезъ непосредственное свое ближай-

остановился на балконѣ, выходившемъ въ садикъ, граничившій съ садомъ Верзилиныхъ, и погрузился въ раздумье. Между тѣмъ Столыпинъ обошелъ еще разъ комнаты, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на счетъ поправокъ и, освѣдомившись о цѣнѣ квартиры, вышелъ также на балконъ и спросилъ Михаила Юрьевича:

— Ну, что, Лермонтовъ, хорошо?

— Ничего,—отвѣчалъ поэтъ небрежно, какъ будто недовольный нарушеніемъ его завѣтныхъ думъ:—здѣсь будетъ удобно... дай задатокъ!

Столыпинъ вынулъ бумажникъ и заплатилъ всѣ деньги за квартиру. Вечеромъ въ тотъ же день они переѣхали [1].

Домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, цѣлъ и донынѣ. Но, перейдя въ руки лицъ, не имѣющихъ понятія о его значеніи для интеллигентнаго русскаго общества, находится, какъ сообщали корреспонденты въ 1891 году, въ запущеніи [2]. Я его осматривалъ въ 1870 году, когда В. И. Чиляевъ былъ еще живъ. Онъ самъ водилъ меня по комнатамъ и далъ нужныя объясненія о меблировкѣ и томъ положеніи, въ которомъ находился домикъ въ сезонъ 1841 года.

Вотъ описаніе его, сдѣланное мною тогда же, въ присутствіи домовладѣльца, имъ провѣренное и одобренное.

шее начальство. Всѣ разглагольствованія Карпова о письмахъ есть изобрѣтеніе досужей фантазіи, и давать имъ вѣру можетъ только человѣкъ, не знающій военнаго быта.

и) Для удаленія офицеровъ изъ Пятигорска не нужно было пріѣзжать самому Траскину. Это дѣлается вообще или приказомъ, или предписаніемъ высшаго начальства. Траскинъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ именно по случаю смерти Лермонтова, боясь отвѣтственности за смерть его, такъ какъ дозволеніе на леченіе поэта дано было исключительно имъ. Кромѣ того, ему нужно было дать извѣстное направленіе слѣдствію и суду надъ участниками дуэли. Онъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ 17 іюля часовъ въ 5 дня, т. е. спустя почти двое сутокъ послѣ смерти Лермонтова, и сомнѣнія г. Висковатова о томъ, что онъ не могъ успѣть пріѣхать, неосновательны.

і) Предписаніе изъ Петербурга, чтобы не выпускать никуда Лермонтова изъ полка, могло относиться только до отпусковъ, или командировокъ поэта въ отрядъ, гдѣ бы онъ могъ въ дѣлахъ съ горцами отличаться, а не отправки въ госпиталь въ случаѣ болѣзни. Такихъ жестокихъ распоряженій быть не могло. Г. Висковатову нужно было бы имѣть это въ виду, а не приписывать подобнымъ предписаніямъ свойствъ, какихъ они не имѣли, и дѣйствій, какихъ они не производили. (Дѣло комендантскаго управленія № 88, свѣдѣнія, полученныя отъ В. И. Чиляева и другихъ лицъ).

[1]) Въ домовой книгѣ В. И. Чиляева за 1841 годъ, обязательно мнѣ предъявленной домохозяиномъ, я нашелъ слѣдующую запись: «съ коллежскаго секретаря Александра Илларіоновича, князя Васильчикова, изъ Петербурга, получено за три комнаты въ старомъ домѣ 62 руб. 50 коп. сер.; съ капитана Алексѣя Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова, изъ С.-Петербурга, получено за весь средній домъ 100 руб. сер.».

[2]) Онъ принадлежитъ теперь какой-то нѣмкѣ Вейштортъ, живущей въ Бердянскѣ и, какъ говорятъ, продающей его за 8,000 рублей.

Наружность домика самая непривлекательная. Одноэтажный, турлучный, низенькій, онъ походитъ на тѣ постройки, которыя возводятъ отставные солдаты въ слободкахъ при уѣздныхъ городахъ. Главный фасадъ его выходитъ на дворъ и имѣетъ три окна, но всѣ три различной мѣры и вида. Самое крайнее съ лѣвой стороны фасада окно, въ родѣ итальянскаго, имѣетъ обыкновенную раму о 8 стеклахъ и по бокамъ полурамы, каждая съ 4 стеклами, и двѣ наружныя ставни. Второе окно имѣетъ одну раму о 8 стеклахъ и одну ставню. Наконецъ, третье — также въ одну раму о 8 стеклахъ окно, но по размѣру меньше втораго на четверть аршина и снабжено двумя ставеньками. Съ боку домика съ правой стороны пристроены деревянныя сѣни съ небольшимъ о двухъ ступеняхъ крылечкомъ. Стѣны снаружи обмазаны глиной и выбѣлены известкой. Крыша тростниковая съ одной трубой.

Въ сѣняхъ ничего, кромѣ деревянной скамейки, не имѣется. Изъ сѣней налѣво дверь въ прихожую. Домикъ раздѣляется капитальными стѣнами вдоль и поперегъ и образуетъ четыре комнаты, изъ которыхъ двѣ комнаты лѣвой долевой (западной) половины домика обращены окнами на дворъ, а другія двѣ правой (восточной) половины—въ садъ. Первая комната лѣвой половины, въ которую ведетъ дверь изъ сѣней, разгорожена вдоль и поперегъ перегородками и образуетъ, какъ широковѣщательно опредѣлилъ В. И. Чиляевъ: прихожую, пріемную и буфетъ.

Прихожая—небольшая полутемная комнатка съ дверями: прямо—въ пріемную, направо — въ зало. Мебели въ прихожей никакой нѣтъ. Въ пріемной окно на дворъ и двѣ двери: одна — прямо въ спальню, другая же въ противоположной перегородкѣ — въ буфетъ. По лѣвую сторону подъ окномъ столъ, по стѣнамъ нѣсколько стульевъ, а въ углу часть поставленной въ центрѣ дома большой голландской печи. Далѣе спальня Столыпина съ большимъ 16-ти стекольнымъ окномъ и дверью въ кабинетъ Лермонтова. Въ спальнѣ подъ окномъ столъ съ маленькимъ выдвижнымъ ящичкомъ и два стула, у противоположной, ко входу изъ пріемной, стѣны кровать и платяной шкафъ; направо въ углу между дверями часть голландской печи. Въ кабинетѣ Лермонтова такое же 16-ти стекольное окно, какъ и въ спальнѣ Столыпина, и дверь въ зало. Подъ окномъ простой, довольно большой столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, имѣющимъ маленькое мѣдное колечко, и два стула. У глухой стѣны, противъ двери въ зало, прикрытая двумя тоненькими дощечками, длинная и узкая о шести ножкахъ кровать (3¼ арш. длины и 14 вершк. ширины) и трехугольный столикъ. Въ углу между дверями печь, по сторонамъ дверей четыре стула.

Зало имѣетъ два 8-ми стекольныхъ окна—налѣво въ садъ и одно прямо къ сѣнямъ на дворъ. Слѣва, при выходѣ изъ кабинета, складной обѣденный столъ. Въ простѣнкѣ между окнами —

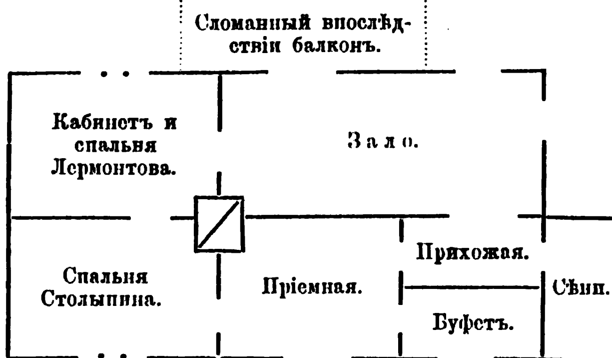
ломберный столъ, а надъ столомъ—единственное во всей квартирѣ зеркало; подъ окнами по два стула. Направо въ углу печь. У стѣны маленькій, покрытый войлочнымъ ковромъ диванчикъ и передъ нимъ передиванный объ одной ножкѣ столъ.

Общій видъ квартиры далеко не представителенъ. Низкія, приземистыя комнаты, стѣны которыхъ оклеены не обоями, но просто бумагой, окрашеной домашними средствами: въ пріемной — мѣломъ, въ спальнѣ — голубоватой, въ кабинетѣ—свѣтлосѣрой и въ залѣ—изкрасна-розовой клеевой краской. Потолки положены прямо на балки и выбѣлены мѣломъ, полы окрашены желтой, а двери и окна синеватой масляной краской. Мебель самой простой, чуть не солдатской, работы и почти вся, за исключеніемъ ясеневаго ломбернаго стола и зеркала краснаго дерева, окрашена темной подъ цвѣтъ дерева масляной краской. Стулья съ высокими въ переплетъ спинками и мягкими подушками, обитыми дешевымъ ситцемъ.

Все въ домикѣ: и его внѣшній видъ, и внутреннее его расположеніе, и убранство, по удостовѣренію В. И. Чиляева, было сохранено имъ до 1870 года въ томъ видѣ, какъ оно обрѣталось во время квартированія Лермонтова въ 1841 году. Только въ залѣ, вмѣсто окна у дверей въ кабинетъ, въ то время былъ выходъ на балконъ, обветшалый и отнятый впослѣдствіи, да спальня Столыпина имѣла другую окраску, именно бланжеваго цвѣта. Перемѣна же въ мебели заключается только въ томъ, что вмѣсто дивана подъ ковромъ стоялъ въ залѣ диванъ, обитый клеенкой [1]).

Въ наше комфортабельное время, конечно, многимъ покажется страннымъ, что такіе интеллигентные и состоятельные люди, какъ Столыпинъ и Лермонтовъ, могли квартировать въ подобномъ мизерномъ помѣщеніи. Но, если Пятигорскъ и теперь, спустя 50 слишкомъ лѣтъ, не представляетъ надлежащихъ удобствъ для жизни

[1]) Для большей наглядности прилагается планъ внутренняго расположенія домика.



пріѣзжающимъ на лѣто туристамъ и больнымъ, то тѣмъ болѣе тогда и это помѣщеніе считалось однимъ изъ лучшихъ, доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что князь А. И. Васильчиковъ съ княземъ С. В. Трубецкимъ занимали въ большомъ домѣ Чиляева только три комнаты, а Н. С. Мартыновъ, М. П. Глѣбовъ, Н. П. Раевскій и А. К. Зельмицъ (послѣдній съ семействомъ), жившіе въ надворномъ флигелѣ Верзилиныхъ, имѣли первые трое—по одной, а послѣдній—двѣ комнаты. Всѣ они благодарили судьбу, что устроились, по возможности, довольно еще сносно, а то были случаи, что пріѣзжавшіе на воды поздно, т. е. въ самый разгаръ сезона, должны были довольствоваться чердачными свѣтелками, чуланами и садовыми бесѣдками.

Образъ жизни Лермонтова въ Пятигорскѣ, по разсказу В. И. Чиляева, былъ самый обыкновенный и простой. Ничто не напоминало въ немъ поэта, а скорѣе помѣщика-офицера съ солидною для кавказца обстановкой. Квартира у него со Столыпинымъ была общая, столъ держали они дома и жили дружно. Завѣдывалъ хозяйствомъ, людьми и лошадьми Столыпинъ. Въ домикѣ, который они занимали, комнаты, выходящія окнами на дворъ, назывались Столыпинской половиной, а выходящія въ садъ — Лермонтовской. Михаилъ Юрьевичъ работалъ большей частію въ кабинетѣ, на томъ самомъ письменномъ столѣ, который стоялъ тутъ и въ 1870 году [1]). Работалъ онъ при открытомъ окнѣ, подъ которымъ стояло черешневое дерево, сплошь осыпанное въ тотъ годъ черешнями, такъ что, работая, онъ машинально протягивалъ руку, срывалъ черешни и лакомился ими. Спалъ Лермонтовъ на кровати, стоявшей до 1870 года въ кабинетѣ, и на ней былъ положенъ, когда привезли тѣло его съ мѣста поединка. Кровать эта освящена кровью поэта, также какъ и обѣденный столъ, на которомъ онъ лежалъ послѣ анатомированія до положенія въ гробъ. Хозяйство его велось представительно. На конюшнѣ онъ держалъ двухъ собственныхъ верховыхъ лошадей. (Красавца-скакуна сѣ-

---

[1]) П. А. Висковатовъ, со словъ князя А. И. Васильчикова, тоже говоритъ, что поэтъ работалъ обыкновенно у открытаго окна. Но бывшій слуга Лермонтова, гуріецъ Христофоръ Саникидзе, поступившій къ нему на службу мѣсяцевъ за пять до его кончины, удостовѣряетъ, что Михаилъ Юрьевичъ занимался обыкновенно на заднемъ балконѣ своей квартиры, выходившемъ въ садъ и завѣшанномъ парусинными занавѣсями. (Впослѣдствіи балконъ этотъ сломанъ). Когда бывало,—говоритъ Саникидзе,—онъ сядетъ на этомъ балконѣ писать стихи, то втеченіе всего времени, пока онъ былъ занятъ писаньемъ, строго на строго приказывалось прислугѣ не безпокоить его и не пускать къ нему туда никого. (Газета «Кавказъ», 1891 года, № 185). Изъ этого видно, что Лермонтовъ работалъ не исключительно въ кабинетѣ, но временами и на балконѣ. А поручикъ Кулаковскій говорилъ, что видали его съ записной книжкой и карандашемъ въ рукахъ также и въ гротѣ на Машукѣ, прозванномъ, поэтому, впослѣдствіи Лермонтовскимъ.

раго черкеса онъ купилъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Пятигорскъ). Штатъ прислуги его состоялъ изъ привезенныхъ съ собой изъ Петербурга четырехъ человѣкъ, изъ коихъ двое было крѣпостныхъ: одинъ камердинеръ, бывшій дядька его, старикъ Иванъ Соколовъ, и конюхъ Иванъ Вертюковъ, и двое наемныхъ — помощникъ камердинера гуріецъ Христофоръ Саникидзе[1]) и поваръ, имя котораго не сохранилось. Домъ его былъ открытъ для друзей и знакомыхъ, и если кто къ нему обращался съ просьбою о помощи или одолженіи, никогда и никому не отказывалъ, стараясь сдѣлать все, что только могъ. Вставалъ онъ не одинаково, иногда рано, иногда спалъ часовъ до 9-ти и даже болѣе. Но это случалось рѣдко. Въ первомъ случаѣ, тотчасъ, какъ встанетъ, уходилъ пить воды или брать ванны, и послѣ пилъ чай, во второмъ же— прямо съ постели садился за чай, а потомъ уходилъ изъ дому. Около двухъ часовъ возвращался домой обѣдать и почти всегда въ обществѣ друзей-пріятелей. Поѣсть любилъ хорошо, но столъ былъ не роскошный, а русскій, простой. На обѣдъ готовилось четыре-пять блюдъ, по заказу Столыпина, мороженое же, до котораго Лермонтовъ былъ большой охотникъ, ягоды или фрукты, подавались каждодневно. Винъ, водокъ и закусокъ всегда имѣлся хорошій запасъ. Обѣдало постоянно четыре-пять, а иногда и болѣе приглашенныхъ или случайно приходившихъ знакомыхъ, преимущественно офицеровъ. Послѣ обѣда пили кофе, курили и балагурили на балкончикѣ, а нѣкоторые спускались въ садъ полежать на травѣ, въ тѣни акацій и сирени. Около 6 часовъ подавался чай, и затѣмъ всѣ уходили. Вечеръ, по обыкновенію, посвящался прогулкамъ, танцамъ, любезничанью съ дамами или игрѣ въ карты.

Необходимо замѣтить, что «благородные» спектакли, живыя картины, литературные вечера и концерты тогда еще не пользовались правомъ гражданства въ «водяномъ» обществѣ; поэтому все свободное время (а его было не мало) молодежь употребляла на пикники, прогулки и «плясы», плясы безъ конца, гдѣ только возможно: у «хозяекъ ли водъ», или на импровизированныхъ балахъ и вечерахъ въ гостинницѣ Найтаки и другихъ благодатныхъ уголкахъ. Но порой (и даже весьма нерѣдко) ухаживанье за дамами смѣнялось искательствомъ благосклонности болѣе доступныхъ и вѣтряныхъ особъ. Молодежь перекочевывала къ Найтаки, и тамъ, въ заднихъ номерахъ, какъ будто занятыхъ людьми съ громкими именами, а когда зало было свободно, то и въ самомъ залѣ, которое завсегдатаями иначе и не называлось, какъ «казино», на зеленыхъ столахъ, за грудами золота, серебра и ассигнацій,— «рѣзалась», сколько хотѣла.

[1]) Сдѣлавшійся, по прошествіи полустолѣтія, біографомъ поэта.

Лермонтовъ тоже игралъ, но рѣдко, съ соблюденіемъ извѣстнаго разсчета и выше опредѣленной для проигрыша нормы не зарывался. Однажды даже была у него игра въ квартирѣ. Весь Лермонтовскій кружокъ, нѣсколько товарищей кавказцевъ и два-три петербургскихъ туза, собрались въ одинъ изъ прелестныхъ іюньскихъ вечеровъ и отъ нечего дѣлать метнули банчишко. В. И. Чиляевъ былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ, и вотъ что записалъ онъ объ этомъ вечерѣ. «Я не игралъ, но слѣдилъ за игрою. Метали банкъ по желанію. Если банкъ разбирали или срывали, банкометъ оставлялъ свое мѣсто и садился другой. Игра шла оживленная, но не большая: ставились рубли и десятки, сотни рѣдко. Лермонтовъ понтировалъ. Весьма хладнокровно ставилъ онъ понтерки, гнулъ и загибалъ: «на пе», «углы» и «транспорты», и примазывалъ «куши». При проигрышѣ бросалъ карты и отходилъ. Потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, опять подходилъ къ столу и опять ставилъ. Но ему вообще въ этотъ вечеръ не везло. Около полуночи банкъ металъ подполковникъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, младшій братъ поэта А. С. Пушкина, бывшій въ то время на водахъ. Проигравъ ему нѣсколько ставокъ, Лермонтовъ вышелъ на балконъ, гдѣ сидѣли въ то время не игравшіе въ карты, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, съ которымъ еще поэтъ не расходился въ то время, князь Сергѣй Васильевичъ Трубецкой, Сергѣй Дмитріевичъ Безобразовъ, докторъ Барклай-де-Толли, Глѣбовъ и др., перекинулся съ ними нѣсколькими словами, закурилъ трубку и, подойдя къ Столыпину, сказалъ ему: «достань, пожалуйста, изъ шкатулки старый бумажникъ!» Столыпинъ подалъ. Лермонтовъ взялъ новую колоду картъ, стасовалъ и, выброся одну, накрылъ ее бумажникомъ и съ увлеченіемъ продекламировалъ:

«Въ игрѣ, какъ левъ, силенъ
«Нашъ Пушкинъ Левъ,
«Бьетъ короля бубенъ,
«Бьетъ даму трефъ.
«Но пусть всѣхъ королей
«И дамъ онъ бьетъ:
«Ва-банкъ!»—и тузъ червей
«Мой—банкъ сорветъ!»

Все маленькое общество, бывшее въ тотъ вечеръ у Лермонтова, заинтересовалось ставкой и окружило столъ. Возгласы умолкли, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили и ждали выхода туза. Банкометъ медленно и неувѣренно металъ, Лермонтовъ курилъ трубку и пускалъ большіе клубы дыма. Наконецъ, возгласъ «бита!» разрѣшилъ состязаніе въ пользу Пушкина. Лермонтовъ махнулъ рукой и, засмѣявшись, сказалъ: «Ну, такъ я, значитъ, въ дуэли счастливъ!» Нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе, никто не нашелся сказать двухъ словъ по поводу легкомысленной ковар-

ности червоннаго туза, только Мартыновъ, обратившись къ Пушкину и ударивъ его по плечу рукой, воскликнулъ: «счастливчикъ!». Между тѣмъ Михаилъ Юрьевичъ, снявъ съ карты бумажникъ, спросилъ банкомета: «сколько въ банкѣ!» и пока тотъ подсчитывалъ банкъ, онъ сталъ отпирать бумажникъ. Это былъ старый сафьянный коричневаго цвѣта бумажникъ, съ серебрянымъ въ полуполтинникъ замкомъ, съ нарѣзаннымъ на немъ циферблатомъ изъ десяти цифръ, на одну изъ которыхъ, по желанію, замокъ запирался. Повернувъ раза два-три механизмъ замка и видя, что онъ не отпирается, Лермонтовъ съ досадой вырвалъ клапанъ, на которомъ держался запертый въ замкѣ стержень, вынулъ деньги, швырнулъ бумажникъ подъ диванъ [1]) и, поручивъ Столыпину разсчитаться съ банкометомъ, вышелъ къ гостямъ, не игравшимъ въ карты, на балконъ. Игра еще нѣкоторое время продолжалась, но какъ-то неохотно и вяло, и скоро прекратилась совсѣмъ. Стали накрывать столъ. Лермонтовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ веселъ, переходилъ отъ одной группы гостей къ другой, шутилъ, смѣялся и острилъ. Подойдя къ Глѣбову, сидѣвшему въ кабинетѣ въ раздумьѣ, онъ сказалъ:

«Милый Глѣбовъ,
«Сродникъ Фебовъ,
«Улыбнись,
«Но на Надѣ [2]),
«Христа ради,
«Не женись»!

А Мартынова, жаловавшагося на жару, подарилъ такимъ экспромтомъ:

«Скинь бешметъ свой, другъ Мартышъ,
«Распояшься, сбрось кинжалы,
«Вздѣнь броню, возьми бердышъ
«И блюди насъ, какъ хожалый!»

Когда сѣли за столъ, князь С. В. Трубецкой повелъ разговоръ на тему о «пирѣ жизни» и высказалъ мысль, что пиръ этотъ надо

---

[1]) На утро, когда люди убирали комнаты, камердинеръ Лермонтова Иванъ Соколовъ поднялъ порванный бумажникъ и принесъ его Михаилу Юрьевичу «На кой онъ мнѣ чортъ безъ денегъ!»—отозвался проигравшійся поэтъ и, разсмѣявшись, прибавилъ: «если нравится онъ тебѣ, возьми его себѣ!»—и бумажникъ перешелъ къ Соколову, у котораго послѣ смерти Лермонтова и купилъ его В. И. Чиляевъ. Почти тридцать лѣтъ хранилъ его Василій Ивановичъ, да двадцать слишкомъ лѣтъ, послѣ перехода его въ мои руки, лежитъ онъ у меня и сберегается въ томъ же видѣ, какъ вышвырнутъ былъ Лермонтовымъ, т. е. съ вырваннымъ клапаномъ и запертъ на той же цифрѣ, которую въ игрѣ позабылъ поэтъ. Бумажникъ довольно уже ветхъ, подкладка въ немъ вся истерта и записной книжки при немъ не имѣется. Но такимъ я получилъ его, такимъ и передамъ въ Лермонтовскій музей.

[2]) Надеждѣ Петровнѣ Верзилиной, за которой Глѣбовъ слегка ухаживалъ.

умѣть продолжить какъ можно долѣе и окончить, когда вино все будетъ випито. Лермонтовъ покрутилъ усъ и отвѣтилъ на это:

«Смѣло въ пирѣ жизни надо
«Пить фіалъ свой до конца,
«Но лишь въ битвѣ смерть—награда,
«Не подъ стуломъ, для бойца».

Иногда по утрамъ Лермонтовъ уѣзжалъ на своемъ лихомъ «Черкесѣ» за городъ, уѣзжалъ рано и большей частію вдругъ, не предувѣдомивъ заблаговременно никого: встанетъ, велитъ осѣдлать лошадь и умчится одинъ. Онъ любилъ бѣшеную скачку и предавался ей на волѣ съ какою-то необузданностью. Ничто не доставляло ему большаго удовольствія, какъ головоломная джигитовка по необозримой степи, гдѣ онъ, забывая весь міръ, носился какъ вѣтеръ, перескакивая съ ловкостью горца черезъ встрѣчавшіеся на пути: рвы, канавы и плетни. Но при этомъ имъ руководила не одна только любительская страсть къ ѣздѣ, онъ хотѣлъ выработать изъ себя лихаго наѣздника-джигита, въ чемъ неоспоримо и преуспѣлъ, такъ какъ всѣ товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой ѣзды, признавали и высоко цѣнили въ немъ столь необходимыя, по тогдашнему времени, качества безстрашнаго лихаго и неутомимаго ѣздока-джигита. Знакомыя дамы приходили въ восторгъ отъ его удали и неустрашимости, когда онъ, сопровождая ихъ на прогулкахъ и въ кавалькадахъ, показывалъ имъ «высшую школу» наѣздничества, а Верзилинскія «граціи» не разъ даже рукоплескали, когда онъ, проѣзжая мимо, передъ ихъ окнами ставилъ на дыбы своего «Черкеса» и заставлялъ его чуть не плясать «лезгинку».

Характеръ Михаила Юрьевича, какъ человѣка, опредѣляется его біографами, критиками и истолкователями его сочиненій различно, причемъ, конечно, ему приписаны: и «нравственное шатаніе», и «двойственность характера», и «разладъ души». Сознательныхъ цѣлей не указано, но поставлены на видъ какія-то неясныя стремленія вырваться изъ давящаго душу положенія, или влеченіе къ какому-то иному лучшему міру. Но я не послѣдую за ними, такъ какъ разсмотрѣніе подобныхъ выводовъ увлекло бы меня далеко за предѣлы программы настоящей статьи; я ограничусь опредѣленіемъ личности Лермонтова, какъ человѣка, по отзывамъ лицъ, стоявшихъ вокругъ него въ послѣдніе дни его жизни.

Въ немъ,—повѣствуетъ князь А. И. Васильчиковъ [1]),—было два человѣка: одинъ добродушный для небольшаго кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе; другой — заносчивый и задорный

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 г., № 1.

для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни (рѣчь идетъ о пятигорскомъ обществѣ): Столыпинъ, Глѣбовъ, князь А. Н. Долгорукій, декабристъ М. А. Назимовъ и нѣсколько другихъ ближайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежалъ, по его понятіямъ, весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и подшучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками. Но, кромѣ того, онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины между серьезными занятіями и чтеніями, и такими шалостями, какія могутъ прійдти въ голову развѣ только 15-тилѣтнему мальчику.

«Любили мы его всѣ,—говоритъ Н. П. Раевскій [1]).—У многихъ сложился такой взглядъ, что у него былъ тяжелый придирчивый характеръ. Ну, такъ это не правда. Особеннымъ нѣженкой онъ не былъ, а пошлости,—онъ былъ необыкновенно чутокъ,—въ людяхъ не терпѣлъ. Съ людьми же простыми и искренними и самъ былъ простъ и ласковъ. Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ. Всѣхъ окрестилъ посвоему, а его никто даже и не подумалъ называть иначе, какъ по имени. Онъ хотя насъ и любилъ, но вполнѣ близокъ былъ съ однимъ Столыпинымъ. Обычной нашей компаніей было, кромѣ насъ, вмѣстѣ жившихъ [2]), еще нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, Манвей, Л. С. Пушкинъ, Безобразовъ и др. Всѣ пріѣзжіе и постоянные жители Пятигорска получали отъ него прозвища. И языкъ же у него былъ! Какъ бывало прозоветъ кого, такъ кличка и пристанетъ. Между пріѣзжими барынями были и belles pales, и grenouilles évanouies. А племянница помѣщицы Быховецъ, имени которой не помню, именно потому, что людей, окрещенныхъ Лермонтовымъ, никогда не называли ихъ христіанскими именами, получила прозвище la belle noire».

Эмилія Шанъ-Гирей [3]) отзывается о Михаилѣ Юрьевичѣ очень осторожно. Она высказала только нѣсколько словъ, что поэтъ любилъ поддразнивать и насмѣхаться, но бывалъ и веселъ, болтливъ до шалости, бѣгалъ съ барышнями въ горѣлки, игралъ въ серсо и кошку-мышку, потомъ все это изображалъ въ каррикатурахъ, что̀ ихъ, барышень, очень смѣшило.

В. И. Чиляевъ опредѣлилъ поэта такъ. Это былъ сильный, эгоистическій и властолюбивый характеръ, имѣвшій одну цѣль—пробить себѣ, во что бы то ни стало, дорогу въ высшія сферы вліянія

---

[1]) «Нива», 1885 г., № 7.

[2]) Жившихъ въ домахъ Чиляева и Верзилиныхъ: кн. А. И. Васильчикова, кн. С. В. Трубецкаго, Н. С. Мартынова, М. П. Глѣбова, Н. М. Раевскаго и А. К. Зельмица.

[3]) Урожденная Клингенбергъ, дочь М. И. Верзилиной отъ перваго мужа.

и дѣла, чтобы современемъ властвовать надъ толпою. Для этого онъ сознательно употреблялъ всѣ средства, выказывалъ свой талантъ, обнаруживалъ беззавѣтную храбрость и сыпалъ шутки и насмѣшки, не щадя никого и ничего, ни даже собственной жизни.

Наконецъ, бывшій слуга Лермонтова, Христофоръ Саникидзе [1]), удостовѣряетъ, что Михаилъ Юрьевичъ былъ человѣкъ весьма веселаго нрава, хотя въ то же время не любилъ много говорить, а любилъ болѣе слушать то, что говорятъ другіе. Иногда имъ овладѣвала задумчивость, и тогда онъ не любилъ, чтобы его безпокоили, и не любилъ, если въ это время заходили къ нему товарищи. Съ прислугой своей былъ необыкновенно добръ, ласковъ и снисходителенъ, а стараго камердинера своего любилъ какъ роднаго и даже снисходительно выслушивалъ его совѣты.

Изъ всѣхъ сихъ свидѣтельствъ только одно, именно В. И. Чиляева, обрисовываетъ намъ главныя основныя черты его характера, съ опредѣленіемъ даже цѣлей жизни, а прочія указываютъ только детали и мелкіе штрихи его обыденнаго, будничнаго времяпрепровожденія. Но, обобщая и совмѣщая ихъ воедино, мнѣ кажется, я не погрѣшу противъ истины, если изображу личность Михаила Юрьевича, какъ человѣка, въ слѣдующемъ опредѣленіи.

Лермонтовъ во всѣхъ отношеніяхъ воплощалъ въ себѣ могучую натуру; онъ обладалъ здоровьемъ, крѣпкой физической организаціей [2]), сильнымъ умомъ и желѣзной, несокрушимой силой воли. При такомъ сочетаніи разнородныхъ, щедрыхъ даровъ природы, конечно, ему, какъ орлу въ клѣткѣ, было тѣсно въ той средѣ, въ которую толкнула его судьба. Онъ жаждалъ свободы, простора и необъятной широты горизонта въ области мысли и творчества и жаждалъ власти, силы, значенья и могущества въ сферѣ дѣятельности. Но, сознавая вполнѣ, что онъ для общества не что иное, какъ захудалый дворянинъ съ нѣкоторыми связями и положеніемъ по матери, субалтернъ-офицеръ, обязанный дѣлать подъ козырекъ каждому штабсъ-ротмистру и становиться во фронтъ предъ командирствомъ, человѣкъ, не обладающій ни представительной наружностью, ни физической красотой,—душа его болѣла и возмущалась. Вопросъ: что дѣлать? возникалъ самъ собою, но колебаться долго не приходилось. Его пытливый, свѣтлый умъ, задаваясь широкими задачами, рвался къ высшей, болѣе достойной его сферѣ дѣятельности и рекомендовалъ борьбу съ окружавшими его общественными элементами; необычайная сила воли подавала надежду сокрушить всѣ препятствія, какія попадутся на пути, горячее стремленіе къ

---

[1]) Газета «Кавказъ», 1891 г., № 185.

[2]) Въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ Лермонтовъ гнулъ и вязалъ въ узлы шомпола гусарскихъ карабиновъ. Разсказъ Меринскаго («Русскій Міръ», 1872 г., № 205).

достиженію предположенной цѣли сдѣлалось стимуломъ его дѣйствій, и онъ вступилъ въ бой. Вѣдь въ его годы многіе избранники судьбы были уже извѣстны міру и покоряли народы силою своего генія, — почему же и ему было не льстить себя надеждой войти во власть и заставить поклоняться себѣ? Но что было въ рукахъ безвѣстнаго, невзрачнаго и некрасиваго собой поручика съ сухимъ геральдическимъ древомъ и довольно тощимъ кошелькомъ? Ничего, или почти что ничего! Другой на его мѣстѣ помирился бы съ своимъ положеніемъ и прозябалъ бы, какъ могъ, т. е. какъ только можно было прозябать въ эпоху сороковыхъ годовъ, въ «самое пустое въ исторіи русской гражданственности время». Но Михаилъ Юрьевичъ былъ не изъ тѣхъ людей, чтобы «томиться и молчать». Сознавая, что для достиженія предположенной цѣли есть единственное для того надежное средство—шумъ и столпотвореніе, онъ принялся постепенно, систематически и неуклонно дѣлать только то, что возбуждаетъ шумъ и производитъ столпотвореніе. Люди, стоявшіе вблизи, ошалѣвали и молчали, стоявшіе поодаль или болѣе сильные пытались шикать, стоявшіе же еще далѣе и бывшіе еще сильнѣе принимали мѣры; но могучая натура поэта не падала духомъ и, примѣняясь къ обстоятельствамъ, возбуждала еще большій шумъ и продолжала все выше и выше возводить затѣянное столпотвореніе. И что же?—геніальный юноша оказался правымъ, произведенный имъ шумъ возымѣлъ свое дѣйствіе: толпа обратила на него вниманіе, и о немъ заговорили. Но отъ разговоровъ до признанія авторитета еще далеко. Онъ это видѣлъ и сталъ работать. Разумно и стойко, шагъ за шагомъ, подвигался онъ впередъ, поражая однихъ блескомъ своего генія въ сферѣ творчества и мысли, изумляя другихъ своею беззавѣтною, неостанавливавшеюся ни передъ чѣмъ храбростью въ дѣлахъ съ горцами, становясь, какъ сказалъ Н. К. Михайловскій [1]), во главѣ чего-то въ родѣ шайки башибузуковъ и смиряя и подчиняя себѣ третьихъ силою своего ѣдкаго сарказма и язвительной безпощадной насмѣшки. Многое было сдѣлано, но еще больше нужно было сдѣлать. Чтобы смирить, покорить и заставить поклоняться себѣ всю эту разношерстную толпу титулованныхъ, чиновныхъ и гордыхъ своимъ богатствомъ и связями людей, нужно было рисковать своей жизнію, и онъ рисковалъ, зная, что каждый сдѣланный по немъ выстрѣлъ усиливаетъ его обаяніе и приближаетъ къ цѣли. Если же въ послѣдней ставкѣ жизни на карту случайности ему не посчастливило, то это былъ случай внѣ всякой человѣческой предусмотрительности: убійства предусмотрѣть нельзя.

Самъ Лермонтовъ опредѣлялъ свое провиденціальное значеніе такъ:

---

[1]) Въ статьѣ «Герой безвременья» («Русскія Вѣдомости», 1891 г., № 270).

«Нѣтъ, я не Байронъ, — я другой
«Еще невѣдомый избранникъ,
«Какъ онъ, гонимый въ мірѣ странникъ,
«Но только съ русскою душой».

Въ письмахъ своихъ къ В. А. Лопухиной онъ говоритъ: въ одномъ (1839 г.) — «самый главный мой недостатокъ суетность и самолюбіе»; въ другомъ (1834 г.) — «съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или не достаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что случай когда нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтается временемъ и опытностью! А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частицу пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезчуръ не кстати, что моя воля не истощится отъ такого выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія» [1]). Значитъ, цѣль жизни и стремленія къ ея осуществленію, прикрытыя шутливыми фразами: «прекрасныя мечтанія и непрекрасные опыты въ житейской наукѣ», существовали отъ юныхъ лѣтъ у «невѣдомаго избранника» судьбы, и если онъ сожалѣлъ о чемъ нибудь, то это объ одномъ, что «изъ него ничего не выйдетъ», то-есть, что онъ не достигнетъ предположенной цѣли. Цѣль эту онъ преслѣдовалъ всю жизнь, для достиженія ея онъ пѣлъ свои дивныя пѣсни, въ университетѣ уединялся и овладѣвалъ вниманіемъ студентовъ своей отчужденностью отъ нихъ и самоуглубленіемъ въ науку, въ школѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ увлекалъ товарищей своей разсчитанной на возбужденіе молвы удалью и молодечествомъ, въ обществѣ ловеласничалъ и бичевалъ бичемъ сарказма и сатиры мизераблей свѣта, на Кавказѣ дивилъ видавшихъ всякіе виды храбрецовъ своей беззавѣтной отвагой, становясь во главѣ беспардонной дружины охотниковъ, и, наконецъ, на водахъ въ Пятигорскѣ дурачился, язвилъ и возмущалъ камелій во фракахъ, въ черкескахъ и мундирахъ. Каждый его шагъ, каждое его слово были разсчитаны и всѣ дѣйствія направлены къ тому, чтобы «задача жизни» осуществилась. Никакой «нравственной шатости», никакой «двойственности характера», никакого «разлада души» въ поэтѣ не существовало. Напротивъ, это былъ самобытный, цѣльный, какъ глыба гранита, и надежный, какъ дамасская сталь, мужественный и закаленный невзгодами характеръ, основные элементы котораго составляли его честность, правдивость, доброта, ласковость и веселость.

Но достигалась ли цѣль?—быть можетъ, спросятъ.

---

[1]) Сочиненія Лермонтова, изд. В. Ѳ. Рихтера, 1891 г., т. V, стр. 401 и 421.

Несомнѣнно. При такихъ усиліяхъ, какія употреблялъ поэтъ, рано или поздно, но цѣль была бы достигнута. Въ подтвержденіе высказанной мысли приведу слѣдующіе отзывы. «Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ»,—говоритъ Н. П. Раевскій [1]). «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душой общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы»,—отзывается о немъ графиня Е. П. Ростопчина [2]). «Всякій разъ, какъ появлялся поэтъ въ публикѣ, ему предшествовалъ шепотъ: «Лермонтовъ идетъ!» и все сторонилось, все умолкало, все прислушивалось къ каждому его слову, къ каждому звуку его рѣчи»,—свидѣтельствуетъ поручикъ Кулаковскій [3]). «Никто такъ не выдвигался и не овладѣвалъ общественнымъ мнѣніемъ на водахъ, какъ Михаилъ Юрьевичъ,—сообщаетъ В. И. Чиляевъ:—онъ былъ главой молодежи, а съ нею и всего водянаго общества, и хотя на водахъ были люди съ положеніемъ и въ чинахъ, но, какъ бы по взаимному соглашенію, боясь попасть ему на зубокъ, всѣ они сторонились и уступали ему дорогу. Никто изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, явно не фрондировалъ, возражать или публично спорить съ нимъ не дерзалъ и ограничивался дружественными привѣтствіями и свѣтскими разговорами. На бульварѣ и около источниковъ его окружала толпа и старалась поймать на лету каждое брошенное имъ острое слово или замѣчаніе, чтобы потомъ разсказывать и повторять его у своихъ знакомыхъ. Старые кавказцы улыбались и крѣпко жали ему руки. Дамы восторгались имъ и пикировались между собой изъ-за него. Молодежь его любила и готова была идти за нимъ всюду, исполняя всѣ капризныя его желанія. Его слово считалось закономъ, и поэтому онъ высоко держалъ голову, сознавая, что онъ—калифъ, калифъ на часъ, но, всетаки, калифъ».

А много ли такихъ калифовъ, въ чинѣ поручика, было на Руси? И могутъ ли быть калифами люди, не обладающіе самобытнымъ цѣльнымъ и твердымъ, какъ гранитъ, характеромъ?

Отъ Лермонтова самый естественный переходъ къ его сопернику Николаю Соломоновичу Мартынову и другимъ близко стоявшимъ къ поэту лицамъ.

Отставной маіоръ Гребенскаго казачьяго полка Н. С. Мартыновъ, «счастливый несчастливецъ», какъ мѣтко охарактеризовалъ его Лермонтовъ В. И. Чиляеву, былъ красивый и статный мужчина, выдѣлявшійся изъ круга молодежи тѣми физическими до-

---

[1]) «Нива», 1885 г., № 7.
[2]) «Русская Старина», 1882 г., № 9, стр. 610.
[3]) «Всемірный Трудъ», 1870 г., № 10, стр. 602 и 603.

стоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ, а именно: высокимъ ростомъ, выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Онъ жилъ въ надворномъ флигелѣ Верзилиныхъ вмѣстѣ съ Н. П. Глѣбовымъ и Н. П. Раевскимъ и, по словамъ послѣдняго [1]), являлся истымъ дэнди a la Circassienne. Отличительными признаками этой горской фешенебельности были у него бритая почеркесски голова и необъятной величины кинжалъ, изъ-за котораго его Лермонтовъ и прозвалъ poignard'омъ. Онъ одѣвался чрезвычайно оригинально и разнообразно. Какъ отставной офицеръ, онъ долженъ былъ носить форму Гребенскаго полка, но это ему не нравилось, и онъ употребилъ всѣ свои способности на то, чтобы опоэтизировать ее, дѣлалъ въ ней добавленія, мѣнялъ цвѣта и примѣнялъ ихъ, согласно погодѣ, случаю или своему вкусу. Въ его костюмѣ постоянно замѣчалась перемѣна: одинъ день на немъ была бѣлая черкеска и черный бешметъ, на другой — черная или цвѣтная черкеска и бѣлый бешметъ. Сегодня онъ появлялся въ бѣлой папахѣ, ухарски заломленной, завтра—въ черной, нахлобученной на глаза. Матеріи мѣнялись: сукно смѣняла шелковая матерія, а послѣднюю—бархатъ; появлялись позументы, галуны и другой серебряный наборъ, и вдругъ исчезали. Онъ выходилъ въ простомъ черномъ суконномъ костюмѣ безъ всякихъ нашивокъ или же драпировался буркой. Одно въ немъ не измѣнялось: это— то, что рукава его черкески, для приданія фигурѣ особаго молодечества, были всегда засучены, да за поясомъ торчалъ кинжалъ. Все это продѣлывалось съ цѣлію нравиться женщинамъ. Женщины были его кумиромъ, и для нихъ онъ занимался собою, по цѣлымъ часамъ просиживалъ передъ зеркаломъ, брѣясь, подстригаясь, холя свои ногти или придавая физіономіи болѣе чарующій видъ разными косметическими средствами. Въ гостинныхъ онъ производилъ впечатлѣніе, съ дамами умѣлъ быть любезнымъ, веселымъ и забавнымъ, зналъ музыку, не дурно пѣлъ чувствительные романсы и ловко танцовалъ. За эти, столь цѣнимыя въ свѣтѣ, качества дамы его отличали, были къ нему внимательны и даже болѣе чѣмъ внимательны. Но въ кружкѣ товарищей онъ какъ будто стушевывался, сторонился и больше молчалъ. По отзыву И. А. Арсеньева [2]), его заѣдало самолюбіе и чванство. Эгоистическій и обидчивый до щепетильности, онъ считалъ себя, по своимъ свѣтскимъ успѣхамъ, стоящимъ выше другихъ и раздражался на каждаго, кто не гладилъ его по головкѣ. Его умственное и нравственное развитіе было крайне ограничено, и поэтому онъ постоянно находился подъ чьимъ либо постороннимъ вліяніемъ, о поэтическомъ геніи Лермонтова надлежащаго понятія не имѣлъ, относился къ нему презрительно и судилъ о немъ свысока.

---

[1]) «Нива», 1885, № 7,
[2]) «Нива», 1885 г., № 27.

Лермонтовъ, по словамъ Н. П. Раевскаго [1]), не подпускалъ Мартынова особенно близко къ себѣ, но всеже не ставилъ его на ряду съ презираемыми имъ людьми. Онъ зналъ его хорошо и совершенно вѣрно опредѣлилъ его свѣтское значеніе, бросивъ случайно отзывъ: «счастливый несчастливецъ». Дѣйствительно, всякій несчастливый случай сходилъ ему съ рукъ счастливо. Мартыновъ былъ товарищемъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, гдѣ они учились вмѣстѣ. Выйдя въ Кавалергардскій полкъ въ 1835 году, онъ былъ замѣшанъ въ какой-то амурной исторіи, но отдѣлался счастливо. Отправившись на Кавказъ, онъ думалъ удивить храбростью кавказцевъ, мечталъ о чинахъ и орденахъ и былъ увѣренъ, что скоро заслужитъ генеральскій чинъ, но, прослуживъ нѣсколько времени въ Гребенскомъ полку, гдѣ у него тоже была амурная исторія, вышелъ въ отставку маіоромъ, что тоже было отнесено къ личному его счастью [2]). Наконецъ, самое убіеніе поэта на дуэли—это величайшее несчастіе, какое только могла послать въ испытаніе человѣку судьба, прошло для него счастливо. Приговоренный къ трехмѣсячному аресту и церковному покаянію, онъ отбывалъ его, по словамъ П. А. Висковатова [3]), съ полнымъ комфортомъ. Какъ богатый человѣкъ, онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей лавры. Кіевскія дамы были имъ очень заинтересованы. Онъ являлся изысканно одѣтый на публичныхъ гуляньяхъ и подыскивалъ себѣ красивыхъ дамъ, желая поражать гуляющихъ и своимъ появленіемъ, и появленіемъ прекрасной спутницы.

Вотъ человѣкъ, которому, какъ самъ о себѣ выразился Мартыновъ въ письмѣ къ М. И. Семевскому [4]), злой рокъ судилъ быть орудіемъ Провидѣнія въ смерти Лермонтова.

Капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ былъ двоюродный дядя Лермонтова [5]), но вслѣдствіе равенства лѣтъ ихъ считали двоюродными братьями. Съ самаго дѣтства онъ связанъ былъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ тѣсной

[1]) Тоже, № 7.

[2]) П. А. Висковатовъ, въ своей біографіи Лермонтова, приложенной къ собранію его сочиненій, изд. В. Ѳ. Рихтера, 1891 года, стр. 401, передаетъ, со словъ Н. П. Граббе, слѣдующій разсказъ о Мартыновѣ. Проѣзжая на Кавказъ, въ Ставрополѣ онъ обѣдалъ у генерала Граббе и за столомъ такъ много и долго говорилъ съ увѣренностью о блестящей будущности, которая его ожидаетъ, что Павелъ Христофоровичъ долженъ былъ охладить его и пояснить ему, что на Кавказѣ храбростью не удивишь, а потому и награды не такъ-то легко даются, и что говорить съ пренебреженіемъ о кавказскихъ воинахъ не годится.

[3]) Тамъ же, стр. 445.

[4]) Матеріалы для біографіи поэта М. Ю. Лермонтова. Изд. М. И. Семевскаго, 1870 года.

[5]) Его отецъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ былъ роднымъ братомъ бабки Лермонтова, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной.

дружбой. Они вмѣстѣ росли, вмѣстѣ прошли курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, вмѣстѣ служили въ лейбъ-гусарахъ, и до высылки Лермонтова на Кавказъ въ 1837 году вмѣстѣ жили на квартирѣ въ Царскомъ Селѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ Столыпинъ былъ красавецъ собою, но красота его не принадлежала къ разряду «вывѣсочной» или «вербныхъ херувимовъ»: это была красота античная, мужественная и выразительная. Всѣ дамы высшаго свѣта отличали его и называли «le beau Столыпинъ» или «la coqueluche des dames». Свѣтскій левъ въ полномъ значеніи этого слова, Алексѣй Аркадьевичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ рыцарь безъ страха и упрека по характеру. Его испытанная храбрость, возвышенныя понятія о чести, благородство во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ, безграничная доброта, великодушіе и беззавѣтная готовность на услугу словомъ и дѣломъ высоко цѣнились обществомъ и снискали ему любовь и уваженіе товарищей. Онъ былъ секундантомъ Лермонтова въ первой его дуэли «съ французикомъ», барономъ де-Барантомъ, сыномъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, и два раза сопровождалъ поэта на Кавказъ [1]). Онъ понималъ значеніе Михаила Юрьевича, какъ писателя и поэта, и если бралъ на себя тяжелый искусъ умѣрять вспышки его, не выносившаго людской лжи и подлости, характера и быть ему спутникомъ и руководителемъ въ негостепріимномъ краѣ, среди раз-

---

[1]) Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть еще разъ о фантастичности разсказа Магденки о встрѣчѣ съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ въ Георгіевскѣ, гдѣ будто бы онъ имѣлъ со Столыпинымъ слѣдующій разговоръ: — «Ну, что, рѣшаетесь, капитанъ? — спросилъ онъ (ѣхать въ Пятигорскъ). — Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ! Вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вотъ наша подорожная, а тамъ инструкція, посмотрите. — Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посовѣстился и, признаться, очень сожалѣю». (Віографія Лермонтова, составленная П. А. Висковатовымъ, стр. 386). Допуская встрѣчу Магденки съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ и совмѣстный ихъ пріѣздъ въ Пятигорскъ, я отвергаю все то, что онъ разсказываетъ о рѣшеніи ихъ ѣхать самовольно вмѣсто отряда на воды, принятомъ послѣ будто бы бросанія монеты на орла. Въ подтвержденіе высказаннаго мною выше, приведу еще слѣдующее соображеніе: во-первыхъ, если бы Столыпину было поручено начальствомъ отвезти Лермонтова въ отрядъ, то никакія бы просьбы, никакія мольбы, никакіе фокусы, въ родѣ бросанія монеты, не заставили бы этого рыцаря уклониться отъ исполненія возложеннаго на него порученія и онъ доставилъ бы Лермонтова въ отрядъ. Во-вторыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что при проѣздѣ ихъ изъ Ставрополя въ Пятигорскъ подорожная у нихъ была — казенная или частная — иначе въ то время на почтовыхъ станціяхъ лошадей не давали. Что же касается инструкціи, то это чистая фантазія, такъ какъ инструкціи даются только сопровождающимъ преступниковъ больныхъ, сумасшедшихъ или малолѣтнихъ. Но Лермонтовъ, какъ офицеръ, возвращавшійся изъ отпуска къ мѣсту своего служенія, ѣхалъ свободно и никакихъ инструкцій со стороны начальства для препровожденія его дано быть не могло, да и самое сопровожденіе поэта Столыпинымъ предпринято не по распоряженію начальства, а по личной дружбѣ и просьбѣ бабушки Арсеньевой, отъ которой никакихъ письменныхъ инструкцій, вѣроятно, тоже не было.

личныхъ чуждыхъ другъ другу общественныхъ элементовъ, то съ съ единственной цѣлію—сберечь поэта для славы Россіи. «Никто не знаетъ,—говорилъ мнѣ В. И. Чиляевъ:—сколько нужно было усилій, кротости и ума употребить Алексѣю Аркадьевичу, чтобы сдерживать порывы сердца своего юнаго, жаждавшаго тревогъ и волненій, друга и заставить его слѣдовать благоразумнымъ совѣтамъ». «Ну, ты у меня,—отвѣчалъ ему обыкновенно Лермонтовъ, смѣясь:—вторая бабушка, боишься, чтобы я не замаралъ своей курточки!» или «конечно, конечно, все это очень хорошо, но только скучно!»

Корнетъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ—товарищъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, но вышедшій изъ нея позже, именно въ 1838 году. Онъ любилъ поэта за его открытый, благородный и добрый характеръ и въ свою очередь пользовался полною со стороны Михаила Юрьевича къ себѣ довѣренностью и расположеніемъ. Между ними существовала искренняя товарищеская дружба, основанная на взаимномъ сочувствіи и взаимномъ другъ къ другу уваженіи. Глѣбовъ былъ храбрый офицеръ, онъ сдѣлался извѣстнымъ, благодаря своему долгому плѣну у горцевъ, изъ котораго былъ выкупленъ правительствомъ, и тяжкой ранѣ, полученной въ послѣдней экспедиціи. Отъ этой раны онъ лечился въ Пятигорскѣ и, конечно, для Михаила Юрьевича былъ желаннымъ и надежнымъ сотоварищемъ.

Титулярный совѣтникъ, князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ, сынъ извѣстнаго командира гвардейскаго корпуса, числился на службѣ во II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Онъ пріѣхалъ на Кавказъ въ свитѣ ревизовавшаго гражданскую часть кавказскаго управленія сенатора, барона Гана, и по болѣзни былъ уволенъ для леченія минеральными водами въ Пятигорскѣ.

Въ запискахъ нѣмецкаго поэта Боденштедта, встрѣтившагося съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1841 года, мы находимъ слѣдующій разсказъ: «Мы сидѣли уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты. «А! Михаилъ Юрьевичъ!—вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только что вошедшаго молодаго офицера.—Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ «здравствуйте!». Слегка потрепалъ Олсуфьева по плечу и обратился къ князю NN съ словами: «ну, какъ поживаешь, умникъ?»...

П. А. Висковатовъ, въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 380), говоритъ, что упомянутый выше князь NN, какъ сообщилъ ему Боденштедтъ, былъ князь А. И. Васильчиковъ.

Вотъ съ этимъ-то «умникомъ» и свела судьба Михаила Юрьевича для кроваваго разсчета подъ Машукомъ.

«Князь Ксандръ», какъ называлъ князя Васильчикова Лермонтовъ, такъ отозвался о своихъ отношеніяхъ къ поэту въ Пятигорскѣ [1]): «Мы жили дружно, весело и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возростѣ 20—25 лѣтъ. Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать—наша дружба, было искренне и чистосердечно».

Но не нужно забывать, что это писано имъ въ 1872 году, въ свое оправданіе и въ оправданіе Н. С. Мартынова въ брошенномъ имъ упрекѣ въ злонамѣренности дуэли.

«Умникъ» велъ себя въ Пятигорскѣ очень тонко. Онъ, по словамъ В. И. Чиляева, зная силу сарказма Лермонтова, первоначально ухаживалъ за нимъ, часто бывалъ у него и съ нимъ на прогулкахъ и въ гостиныхъ общихъ знакомыхъ, выслушивалъ, не обижаясь, отъ него всевозможныя шутки, остроты и замѣчанія, отшучиваясь въ свою очередь, какъ Господь Богъ положитъ на душу. Но съ конца іюня онъ вдругъ перешелъ въ тотъ лагерь, гдѣ враждебно смотрѣли на поэта. Внѣшнія отношенія оставались, конечно, тѣ же, но близкая товарищеская связь была порвана. «Князь Ксандръ» сдѣлался молчаливъ, угрюмо вѣжливъ и сдержанъ, частыя бесѣды прекратились, на Верзилинскіе и другіе вечера онъ сталъ приходить изрѣдка и не надолго, какъ будто только для того, чтобы не было повода сказать, что свѣтскія отношенія нарушены. Лермонтовъ все это видѣлъ и бросалъ ему въ глаза клички: «Донъ-Кихотъ езуитизма», «князь-пустельга», «дипломатъ не у дѣлъ», «мученикъ фавора» и др. Изъ стихотворныхъ эпиграммъ на него записаны В. И. Чиляевымъ двѣ: одна, сказанная Лермонтовымъ на бульварѣ, какъ-то вечеромъ, когда луна свѣтила ярко и тѣнь князя Васильчикова въ шинели и шляпѣ, бесѣдовавшаго съ какимъ-то питерскимъ старикомъ, длинной полосою ложилась на песокъ площадки. Молодежь вышла изъ «казино» Найтаки и столпилась на крылечкѣ. Лермонтовъ указалъ рукою на «мученика фавора» и сказалъ:

«Великъ князь Ксандръ и тонокъ, гибокъ онъ,
«Какъ колосъ молодой,
«Луной сребристой ярко освѣщенъ,
«Но безъ зерна—пустой».

Другая написана была мѣломъ на карточномъ столѣ, когда «умникъ» сказалъ какое-то энергичное слово:

«Нашъ князь Василь-
«Чиковъ—по батюшкѣ,
«Шефъ простофиль
«Глупцовъ—по дядюшкѣ,

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

«Идя въ кадриль
«Шутовъ—по ватрушкѣ,
«Въ рѣчь вводить стиль
«Донцовъ—по матушкѣ».

Все это, конечно, не могло служить къ образованію той «искренней и чистосердечной дружбы», о которой князь писалъ въ 1872 году, и «дипломатъ не у дѣлъ» сказался въ немъ; но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Петръ Мартьяновъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ РАЗРЫВЪ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1853 ГОДА [1]).

II.

Довѣрительные переговоры съ Англіею.

Первое объясненіе императора Николая съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ.—Отзывъ англійскаго посла.—Впечатлѣніе въ Лондонѣ.—Первая отвѣтная депеша лорда Джона Русселя.—Второе объясненіе государя съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ.—Меморандумъ графа Нессельроде.—Вторая депеша лорда Кларендона.—Третья депеша его же.—Третье объясненіе императора Николая съ англійскимъ посломъ.—Довѣрительное заявленіе императорскаго кабинета.—Недоразумѣніе, истекающее изъ противорѣчія между рѣчами государя и писаніями канцлера.—Возвращеніе въ Константинополь лорда Редклифа.—Прошлое этого дипломата.—Наставленія ему.

28-го декабря 1852 года (9-го января 1853 года), на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны, въ Михайловскомъ дворцѣ, императоръ Николай, подойдя къ англійскому послу, сказалъ ему, что съ удовольствіемъ узналъ объ окончательномъ составленіи новаго великобританскаго министерства и что оно, конечно, просуществуетъ долго. Государь съ особенною благосклонностью отозвался о главѣ этого министерства лордѣ Абердинѣ и затѣмъ продолжалъ: «Вамъ извѣстно мое расположеніе къ Англіи, и я повторю то, что говорилъ вамъ неоднократно: я всегда желалъ видѣть обѣ наши страны въ отношеніяхъ тѣсной взаимной дружбы и увѣренъ, что онѣ останутся въ такихъ отношеніяхъ другъ ко другу. Вотъ уже нѣсколько времени какъ вы здѣсь и видите сами, что несогласны мы лишь по весьма немногимъ предметамъ. Въ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVII, стр. 153.

сущности интересы наши тождественны почти во всемъ». Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ согласился со своимъ высокимъ собесѣдникомъ, замѣтивъ, что разногласіе между Англіею и Россіею выразилось недавно лишь въ вопросѣ о признаніи императора Наполеона третьимъ. «Это число III,—возразилъ государь,—требуетъ слишкомъ долгихъ объясненій; я не буду говорить о немъ теперь. Но мнѣ было бы пріятно, если бы вы услышали то, что я имѣю сказать объ этомъ. Я попрошу васъ надняхъ къ себѣ поутру, когда я свободенъ отъ дѣлъ. Повторяю вамъ: крайне важно, чтобы оба правительства, то-есть англійское правительство и я, я и англійское правительство, находились въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и это никогда не представлялось болѣе необходимымъ, чѣмъ въ настоящую минуту. Пожалуйста, передайте слова эти лорду Джону Русселю. Если мы единодушны, то я не боюсь за западъ Европы. Другое дѣло—Турція. Страна эта въ критическомъ положеніи и можетъ причинить намъ много безпокойства. Но пора намъ разстаться».

Съ этими словами императоръ пожалъ руку посла, который, не желая упустить удобнаго случая для выясненія столь важнаго предмета, спросилъ его величество, «не позволитъ ли онъ ему промолвить слово?» «Конечно,—отвѣчалъ государь:—въ чемъ дѣло? говорите!» Посолъ признался, что послѣднія событія въ высокой степени возбудили въ его правительствѣ опасенія, и выразилъ надежду, что его величеству угодно будетъ прибавить нѣсколько словъ, чтобы разсѣять эти опасенія, по скольку они касаются Турціи. Императоръ, давъ понять, что не желаетъ касаться военныхъ приготовленій, предпринятыхъ на югѣ Россіи, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшительнымъ голосомъ сказалъ: «Дѣла въ Турціи въ крайнемъ разстройствѣ. Она грозитъ паденіемъ. Разрушеніе ея будетъ большимъ несчастіемъ, и для Англіи и Россіи важно прійдти къ совершенному соглашенію, такъ чтобы ни одна изъ обѣихъ державъ не сдѣлала рѣшительнаго шага безъ вѣдома другой». Сэръ Гамильтонъ прервалъ государя замѣчаніемъ, что почитаетъ себя счастливымъ, слыша такія рѣчи изъ устъ его величества, и что именно такъ должны обсуждаться относящіеся до Турціи вопросы. «Вѣрьте мнѣ,—заключилъ императоръ,—вѣрьте мнѣ, на рукахъ у насъ больной человѣкъ, тяжко больной человѣкъ. Говорю вамъ откровенно: было бы большимъ несчастіемъ, если-бъ онъ вдругъ скончался, особливо прежде, чѣмъ будутъ приняты всѣ нужныя мѣры». Выслушавъ возраженіе посла, «что великодушный и сильный человѣкъ обязанъ щадить человѣка больнаго и слабаго», императоръ прибавилъ, что послѣднія извѣстія изъ Константинополя болѣе удовлетворительны и что онъ пригласитъ къ себѣ посла надняхъ.

Сеймуръ поспѣшилъ передать дословно своему правительству весь этотъ разговоръ. Онъ обратилъ вниманіе лорда Джона Рус-

селя на важное значеніе для Англіи того обстоятельства, что государь, располагающій «сотнями тысячъ штыковъ», не принимаетъ въ турецкихъ дѣлахъ рѣшенія безъ предварительнаго соглашенія съ правительствомъ королевы. Взаимное положеніе Англіи и Россіи онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Англія должна желать искренняго соглашенія съ Россіею, съ цѣлью воспрепятствовать паденію Оттоманской имперіи, тогда какъ Россія предпочла бы условиться на счетъ событій, которыя имѣли бы послѣдствіемъ разрушеніе Турціи» [1]).

Нѣсколько дней спустя, а именно 2-го (14-го) января, графъ Нессельроде пригласилъ англійскаго посла во дворецъ, къ государю. Императоръ Николай принялъ его наединѣ въ кабинетѣ необыкновенно ласково и, упомянувъ о желаніи Сеймура переговорить съ нимъ о восточныхъ дѣлахъ, замѣтилъ, что самъ онъ не прочь отъ того, но долженъ начать рѣчь издалека. «Вамъ извѣстны,—сказалъ государь,—мечты и планы императрицы Екатерины, дошедшія и до нашего времени. Наслѣдовавъ необъятныя земельныя владѣнія, я не унаслѣдовалъ этихъ мечтаній, или, если вы хотите, намѣреній. Напротивъ, страна моя такъ обширна, такъ счастливо обусловлена во всѣхъ отношеніяхъ, что было бы неблагоразумно съ моей стороны желать владѣть бо̀льшимъ пространствомъ или располагать бо̀льшимъ могуществомъ. Напротивъ, я первый вамъ скажу, что главная наша, быть можетъ, единственная опасность заключается въ слишкомъ широкомъ распространеніи и безъ того великой имперіи. Къ намъ прилегаетъ Турція, и въ настоящемъ нашемъ положеніи нельзя желать ничего лучшаго для русскихъ интересовъ. Прошли тѣ времена, когда мы могли опасаться фанатическаго духа и военныхъ предпріятій турокъ, но все же страна эта на столько сильна, или была на столько сильною доселѣ, чтобы сохранить свою независимость и обезпечить себѣ уважительное обращеніе со стороны другихъ державъ. Въ этомъ государствѣ живетъ нѣсколько милліоновъ христіанъ, интересы коихъ я призванъ оберегать, ибо право это предоставлено мнѣ договорами. Я могу по истинѣ сказать, что умѣренно и бережливо пользовался своимъ правомъ, и откровенно сознаюсь, что съ нимъ иногда сопряжены для меня и крайне неудобныя обязанности, но я не могу не исполнить лежащаго на мнѣ долга. Вѣра наша, исповѣдуемая въ Россіи, получена нами съ Востока, а есть такія чувства и обязательства, которыхъ не должно упускать изъ виду. Между тѣмъ, Турція, положеніе которой я вамъ описалъ, постепенно впала въ такое состояніе дряхлости, что, какъ я уже говорилъ вамъ недавно вечеромъ, сколько бы мы ни при-

---

[1]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Джону Русселю отъ 30-го декабря 1852 г. (11-го января 1853 г.)

нимали близко къ сердцу продолженія существованія больнаго (а вы можете мнѣ вѣрить, что я не меньше васъ желаю продленія его жизни), онъ можетъ внезапно умереть у насъ на рукахъ. Мы не въ состояніи воскресить мертвеца, и если Турецкая имперія падетъ, то болѣе не возстанетъ снова. А потому я спрашиваю васъ: не лучше ли заранѣе предвидѣть подобный случай, чѣмъ подвергаться опасности хаоса, смятенія и неизбѣжной европейской войны, которые должны сопровождать катастрофу, если только она разразится невзначай, прежде чѣмъ будетъ установлена какая либо дальнѣйшая система. Вотъ предметъ, на который я прошу васъ обратить вниманіе вашего правительства».

Сеймуръ напомнилъ, что не въ обычаяхъ великобританскаго кабинета принимать на себя обязательства въ виду могущихъ возникнуть въ будущемъ случайностей, и что, кромѣ того, заблаговременное распоряженіе собственностью стараго друга и союзника возбудило бы въ Англіи всеобщее неудовольствіе. «Правило это хорошо, — воскликнулъ императоръ,—оно хорошо во всякое время, въ особенности же въ столь сомнительное и измѣнчивое, каково настоящее. Тѣмъ не менѣе, для насъ крайне важно понять другъ друга и не дать событіямъ застать насъ врасплохъ. Теперь я хочу говорить съ вами, какъ другъ и джентельменъ. Если Англія и я придемъ къ соглашенію въ этомъ дѣлѣ, объ остальномъ я не забочусь. Мнѣ все равно, что дѣлаютъ или думаютъ другіе. Откровенно говоря, объявляю вамъ прямо, что если Англія помышляетъ о томъ, чтобы когда либо основаться въ Константинополѣ, я этого не позволю. Я не приписываю вамъ подобныхъ намѣреній, но въ такихъ случаяхъ лучше говорить ясно. Со своей стороны, я также согласенъ принять на себя обязательство не утверждаться въ Константинополѣ, разумѣется, въ качествѣ владѣльца, другое дѣло—въ качествѣ временнаго охранителя. Обстоятельства могутъ заставить меня занять Константинополь, если ничто не будетъ предусмотрѣно, и все оставлено на произволъ судьбы».

Посолъ поблагодарилъ государя за откровенность и за намѣреніе дѣйствовать прямодушно и искренно относительно правительства королевы, выразивъ мнѣніе, что такимъ образомъ всего легче могутъ быть избѣгнуты предвидѣнныя его величествомъ опасности. Онъ полагалъ, что, хотя сентъ-джемскій кабинетъ и не пойдетъ на соглашеніе, имѣющее въ виду паденіе Турціи, но, вѣроятно, не откажется условиться о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть испытаны, если такому событію суждено совершиться.

Сказавъ, что подобный разговоръ онъ имѣлъ уже съ герцогомъ Веллингтономъ, въ бытность свою въ Англіи въ 1844 году, императоръ прибавилъ, что и тогда, какъ и теперь, онъ имѣлъ въ виду предупредить такія событія, которыя, за отсутствіемъ предвари-

тельнаго соглашенія, могли бы заставить его дѣйствовать въ смыслѣ противоположномъ намѣреніямъ англійскаго правительства. Затѣмъ, перейдя къ текущимъ дѣламъ, онъ изложилъ послу требованія свои по вопросу о святыхъ мѣстахъ и объявилъ, что будетъ настаивать на ихъ исполненіи. Сеймуръ, давно желавшій узнать что либо о военныхъ приготовленіяхъ на югѣ Россіи, слухъ о которыхъ успѣлъ уже распространиться, не преминулъ замѣтить, что переговоры, поддержанные вооруженіями, несомнѣнно приведутъ къ удовлетворенію законныхъ притязаній Россіи, но признался, что опасеніе въ немъ возбуждаютъ два возможныя послѣдствія появленія императорскихъ войскъ на границахъ Турціи: либо вызванная этимъ воинственная демонстрація со стороны Франціи, либо всеобщее возстаніе турецкихъ христіанъ. Государь отвѣчалъ, что русскія войска еще «не двинулись съ мѣста» и что, вѣроятно, въ этомъ не представится и надобности, но всякое вооруженное вмѣшательство Франціи можетъ приблизить дѣло къ развязкѣ; что въ такомъ случаѣ онъ, повинуясь голосу чести, безъ замедленія и колебанія пошлетъ и свои войска въ турецкіе предѣлы, и что если даже это приведетъ къ низверженію султана, то какъ ему будетъ ни жаль, но онъ не измѣнитъ своего рѣшенія. Предоставивъ послу по собственному усмотрѣнію посвятить или нѣтъ канцлера графа Нессельроде въ тайну предъидущихъ объясненій, императоръ повторилъ ему при прощаніи просьбу довести о нихъ до свѣдѣнія великобританскаго правительства и прибавилъ, что готовъ будетъ со своей стороны принять всякое сообщеніе, которое сенъ-джемскій кабинетъ почтетъ нужнымъ сдѣлать по тому же предмету.

Отдавая лорду Джону Русселю отчетъ объ этой второй бесѣдѣ своей съ русскимъ государемъ, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ приложилъ всѣ старанія, чтобы произвести на великобританское правительство благопріятное впечатлѣніе и вызвать предупредительный отвѣтъ. «На сколько можно судить по словамъ, тону и движеніямъ о чувствахъ, — писалъ онъ, — императоръ несомнѣнно намѣренъ дѣйствовать относительно правительства ея величества съ совершеннымъ прямодушіемъ и откровенностью». Онъ ставилъ на видъ министру, что было бы непристойно не дать отвѣта на подобное заявленіе. Къ тому же, вся выгода отъ такой уклончивости была бы на сторонѣ русскаго двора, который, въ случаѣ наступленія конечной катастрофы въ Турціи, могъ бы сослаться на сдѣланныя Англіи сообщенія и неполученіе на нихъ отвѣта, объяснить въ смыслѣ предоставленія ему права дѣйствовать на Востокѣ сообразно собственнымъ своимъ интересамъ. Очевидно, англійскій дипломатъ не избѣгнулъ того обаянія, которое императоръ Николай производилъ на всѣхъ лицъ, входившихъ въ непосредственное съ нимъ соприкосновеніе. Становясь вполнѣ на точку зрѣнія государя, онъ

заключилъ свое донесеніе слѣдующими строками: «Цивилизація XIX вѣка отпразднуетъ благородную побѣду, если удастся восполнить пробѣлъ, происходящій отъ исчезновенія мусульманскаго имени изъ Европы, безъ нарушенія всеобщаго мира, благодаря лишь мѣрамъ предосторожности, принятымъ двумя державами, наиболѣе заинтересованными въ судьбахъ Турціи!» [1]).

Иное впечатлѣніе произвелъ въ Лондонѣ русскій вызовъ на объясненія. Мысли, высказанныя императоромъ Николаемъ сэру Гамильтону Сеймуру, не представляли ничего новаго для великобританскаго правительства. При посѣщеніи лондонскаго двора, за девять лѣтъ передъ тѣмъ, государь лично развивалъ ихъ англійскимъ государственнымъ людямъ, въ томъ числѣ и лорду Абердину, бывшему въ 1844 году министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онѣ же легли въ основаніе меморандума, сообщеннаго графомъ Нессельроде сентъджемскому кабинету въ іюнѣ того же года. Но подозрѣнія великобританскаго министерства вызваны были тѣмъ обстоятельствомъ, что русскій императоръ снова возбудилъ роковой вопросъ, въ то самое время, когда и Россія и Австрія готовились настойчиво потребовать отъ Порты исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя ею относительно обѣихъ державъ.

Не смотря на это, отвѣтная депеша лорда Джона Русселя составлена была въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ. Отдавъ справедливость умѣренности, искренности и дружественному расположенію императора Николая, англійскій министръ перечислялъ возбужденные имъ вопросы и приходилъ къ заключенію, что «въ настоящее время не существуетъ такого кризиса, который требовалъ бы немедленнаго разрѣшенія необъятной европейской задачи». Существуютъ, правда, несогласія по поводу святыхъ мѣстъ, но они касаются болѣе Россіи и Франціи, чѣмъ Порты. Такъ же точно и пограничныя недоразумѣнія между Турціею и Австріею не затрогиваютъ прямо ни власти, ни безопасности султана. Нельзя, слѣдовательно, упрекнуть его въ томъ, что онъ не въ состояніи соблюсти внутреннее спокойствіе и поддержать дружественныя отношенія къ сосѣдямъ. Къ тому же нельзя даже приблизительно опредѣлить время, когда совершится предусмотрѣнный случай. Если Вильгельмъ III и Людовикъ XIV заключили договоръ о раздѣлѣ наслѣдства Карла II испанскаго, или если въ прошломъ столѣтіи заблаговременно предрѣшена была участь Тосканы послѣ смерти послѣдняго герцога изъ дома Медичи, то потому лишь, что имѣлся въ виду близкій, точно опредѣленный случай, и договоръ о раздѣлѣ не могъ ускорить смерти ни короля испанскаго, ни тосканскаго герцога. Не таково ожидаемое разложеніе Оттоманской

---

[1]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Джону Русселю отъ 10-го (22-го) января 1853 г.

имперіи. Оно можетъ состояться черезъ 20, 50 или 100 лѣтъ, а между тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ къ султану какъ русскаго императора, такъ и королевы великобританской едва ли отвѣчало бы произвольное распоряженіе судьбою турецкихъ областей. Оно только ускорило бы его паденіе. Но этого мало. Нельзя было бы скрыть состоявшагося между Россіей и Англіей уговора ни отъ Франціи, ни отъ Австріи, а сообщеніе его великимъ державамъ было бы равносильно повсемѣстному разглашенію. Это обезпокоило бы султана и придало бы новую силу его врагамъ, такъ что въ концѣ концовъ заботливость друзей больнаго стала бы причиною его смерти. Независимо отъ этихъ соображеній, положеніе русскаго императора, какъ временнаго охранителя, а не владѣльца Константинополя, было бы подвержено безчисленнымъ опасностямъ вслѣдствіе какъ давнихъ честолюбивыхъ замысловъ русскаго народа, такъ и зависти Европы. Окончательный собственникъ, кто бы онъ ни былъ, едва ли бы удовольствовался бездѣятельною и лѣнивою ролью наслѣдниковъ Магомета II. Владѣтель Константинополя, господствующій надъ входомъ въ Средиземное и Черное моря, естественно будетъ имѣть преобладающее вліяніе на дѣла Европы. Вліяніе это легко себѣ представить и въ пользу Россіи, и во вредъ ей. Могущественное и честолюбивое государство, замѣнившее Порту, можетъ въ союзѣ съ Россіей вынудить къ войнѣ если не императора, то преемниковъ его. Такимъ образомъ, европейская война возникла бы изъ того самаго средства, которое было бы принято для предупрежденія ея; ибо ни Англія, ни Франція, да, вѣроятно, и Австрія никогда не согласятся оставить Константинополь за Россіею. Что же касается до Великобританіи, то она разъ навсегда отказывается отъ всякаго намѣренія или желанія владѣть Константинополемъ.

Таковъ былъ рѣшительный отказъ сентъ-джемскаго кабинета вступить въ предложенный императоромъ Николаемъ обмѣнъ мыслей. Единственнымъ удовлетвореніемъ выраженныхъ имъ желаній является обѣщаніе англійскаго правительства, что «въ случаѣ распаденія Турціи оно не вступитъ ни въ какое соглашеніе, не переговоривъ предварительно съ русскимъ дворомъ». Но и это обѣщаніе было поставлено въ зависимость отъ продолженія той «мудрой, безкорыстной и благодѣтельной для Европы политики, которой такъ долго слѣдовалъ русскій императоръ и которая прославитъ его имя болѣе именъ знаменитѣйшихъ государей, искавшихъ безсмертія въ несправедливыхъ завоевательныхъ войнахъ и въ преходящей славѣ». Для успѣха этой политики необходимо обращаться съ Портою съ крайнею снисходительностью. Всѣ требованія великихъ державъ должны быть предъявляемы ей не въ грозной и рѣшительной формѣ, а путемъ дружественныхъ переговоровъ; слѣдуетъ избѣгать военныхъ и морскихъ демонстрацій противъ султана; наконецъ, всѣ

дѣла, касающіяся Порты, должно рѣшать по взаимному соглашенію великихъ державъ, такъ чтобы не насиловать при этомъ слабости турецкаго правительства. Въ заключеніе, лордъ Джонъ Руссель выражалъ мнѣніе, что нужно совѣтовать султану обращаться со своими христіанскими подданными соотвѣтственно началамъ равноправности и свободы вѣроисповѣданій, принятымъ просвѣщенными народами Европы. Чѣмъ болѣе турецкое правительство будетъ руководиться въ отношеніи ихъ безпристрастнымъ закономъ, тѣмъ менѣе русскій императоръ признаетъ нужнымъ оказывать имъ покровительство, «которое самъ онъ находитъ для себя обременительнымъ и неудобнымъ, хотя оно и предписано ему долгомъ и основано на договорахъ».

Депеша лорда Джона Русселя получена была въ Петербургѣ 8-го (20-го) февраля и тотчасъ же сообщена сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ государственному канцлеру. Въ тотъ же день, на вечерѣ у государыни цесаревны, императоръ Николай сказалъ англійскому послу, что желаетъ снова переговорить съ нимъ. Въ лестныхъ для посла выраженіяхъ онъ заявилъ, что питаетъ полное къ нему довѣріе и всегда готовъ безъ малѣйшихъ оговорокъ бесѣдовать съ нимъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ, что̀ и доказалъ ему недавно. «И я очень радъ, что это такъ,—продолжалъ государь.—Я ничего столь не желаю, какъ видѣть величайшую искренность въ отношеніяхъ между нашими двумя правительствами. Никогда она не представлялась болѣе необходимою, чѣмъ теперь. Итакъ, вы получили вашъ отвѣтъ и привезете его мнѣ завтра?» Посолъ замѣтилъ, что отвѣтъ этотъ составленъ въ томъ самомъ смыслѣ, о которомъ онъ предупредилъ его величество. «Я узналъ объ этомъ съ сожалѣніемъ, — возразилъ императоръ, — но мнѣ кажется, что ваше правительство невѣрно поняло мою мысль. Меня занимаетъ не столько то, что будетъ, когда умретъ больной, сколько желаніе условиться съ Англіею на счетъ того, чего быть не должно». Посолъ выразилъ сомнѣніе въ близости опасности и замѣтилъ, что государства умираютъ не скоро; что Турція проживетъ еще много лѣтъ, если не наступитъ непредвидѣнный кризисъ, и что правительство королевы для устраненія этого кризиса разсчитываетъ на великодушное содѣйствіе его величества. «Въ такомъ случаѣ,— отвѣчалъ государь,—я вамъ скажу, что если ваше правительство ласкаетъ себя надеждою, что въ Турціи сохранились какіе либо элементы для жизни, то оно, вѣроятно, получило невѣрныя свѣдѣнія. Повторяю вамъ: больной человѣкъ при смерти, и мы не должны допустить, чтобы смерть его застала насъ врасплохъ. Мы обязаны прійдти къ соглашенію и пришли бы къ нему несомнѣнно, если бы я могъ побесѣдовать хотя десять минутъ съ вашими министрами, съ лордомъ Абердиномъ, напримѣръ, который знаетъ меня хорошо и питаетъ ко мнѣ такое же полное довѣріе,

какъ и я къ нему. И замѣтьте это: я не требую ни договора, ни протокола; общее соглашеніе—вотъ все, что я желаю; этого довольно между порядочными людьми. Я увѣренъ, что министры вашей королевы также бы повѣрили мнѣ, какъ и я имъ. Но довольно на этотъ разъ. Вы ко мнѣ пріѣдете завтра, и всякій разъ, когда вамъ покажется, что бесѣда со мною можетъ послужить къ выясненію какого либо предмета, вы дадите мнѣ знать, что желаете посѣтить меня». Милостивыя слова государя вызвали прочувствованный отвѣтъ Сеймура: «Благодарю ваше величество и смѣю увѣрить васъ, что правительство королевы положится на данное вами слово, какъ на письменное обязательство».

Впрочемъ, посолъ былъ немало озадаченъ настойчивымъ желаніемъ императора Николая переговорить съ нимъ еще разъ, послѣ того какъ канцлеръ, безъ сомнѣнія, довелъ уже до высочайшаго свѣдѣнія уклончивый отвѣтъ лондонскаго двора. Размышляя объ этомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, «что государь, съ такою настойчивостью утверждающій предстоящее паденіе сосѣдней державы, въ душѣ своей положилъ, что близокъ часъ если не разрушенія ея, то во всякомъ случаѣ начала распаденія». Ему казалось вѣроятнымъ, что по этому вопросу существовало уже соглашеніе между Россіею и Австріею, и что намѣреніе императора было, при содѣйствіи вѣнскаго двора, привлечь и англійское правительство къ участію въ раздѣлѣ Турціи, совершенно устранивъ отъ него Францію [1]).

На слѣдующій день, 9-го (21-го) февраля, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ снова появился въ Зимнемъ дворцѣ. Вторая бесѣда его съ государемъ продолжалась болѣе часу. Императоръ попросилъ посла прочитать ему вслухъ депешу лорда Джона Русселя, списокъ съ которой самъ онъ держалъ въ рукахъ, причемъ предупредилъ, что будетъ прерывать чтеніе, чтобы либо сдѣлать замѣчаніе, либо потребовать разъясненія.

Посолъ началъ читать депешу, но былъ остановленъ съ первыхъ же строкъ. Государь замѣтилъ, что дѣйствительно желаетъ соглашенія съ великобританскимъ правительствомъ, съ цѣлью принятія мѣръ на вѣроятный случай распаденія Турціи; что самъ онъ едва ли не болѣе Англіи заинтересованъ въ предупрежденіи катастрофы, но что она ежечасно можетъ быть вызвана или внѣшнею войною, или раздорами между старо-турецкою партіею и партіей поверхностныхъ реформъ во французскомъ духѣ, или, наконецъ, возстаніемъ христіанъ, съ нетерпѣніемъ выносящихъ турецкое иго. По поводу перваго предположенія онъ напомнилъ, что если бы въ 1829 году онъ не остановилъ побѣдоноснаго шествія графа Ди-

---

[1]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура къ лорду Джону Русселю отъ 9-го (21-го) февраля 1853 года.

бича, то уже тогда настaлъ бы конецъ владычеству турокъ, а также что онъ одинъ поспѣшилъ на помощь султану, когда тому угрожалъ паша египетскій.

Продолжая чтеніе, Сеймуръ дошелъ до того мѣста депеши, гдѣ Руссель называлъ распоряженіе турецкими областями несоотвѣтствующимъ нынѣшнимъ дружественнымъ отношеніямъ какъ императора, такъ и королевы къ султану. Государь прервалъ его возраженіемъ, что англійское правительство не хочетъ, повидимому, понять, что главная цѣль его заключается въ полученіи заявленія о томъ, «что не должно быть допущено, въ случаѣ внезапнаго распаденія Турціи». Посолъ спросилъ, не угодно ли будетъ его величеству самому повѣдать свои мысли объ этой «отрицательной» политикѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія государь рѣшился высказаться вполнѣ. «Есть много вещей,—сказалъ онъ,—которыхъ я никогда не потерплю. Я начну съ насъ самихъ. Я не допущу постояннаго занятія Константинополя Россіей, но тотчасъ же прибавляю, что никогда Константинополь не достанется ни англичанамъ, ни французамъ, ни какой либо другой великой державѣ. Опять же я никакъ не позволю совершиться опыту возстановленія Византійской имперіи, или такому расширенію Греціи, которое преобразило бы ее въ могущественное государство. Еще менѣе позволю я расчлененіе Турціи на небольшія республики, убѣжища для Кошута, Маццини и прочихъ европейскихъ революціонеровъ. Лучше начать войну, чѣмъ согласиться на одну изъ такихъ комбинацій, и войну эту я буду вести до тѣхъ поръ, пока останется у меня хотя одинъ солдатъ и одно ружье. Вотъ вамъ нѣсколько моихъ мыслей; сообщите же мнѣ и свои». Посолъ долго уклонялся, ссылаясь на заявленіе Англіи, что она никогда не попытается овладѣть Константинополемъ, и на нерасположеніе правительства королевы къ принятію на себя обязательствъ въ виду отдаленныхъ случайностей, но, уступая настояніямъ своего собесѣдника, онъ, наконецъ, сказалъ, что было бы хорошо, если бы въ случаѣ наступленія турецкой катастрофы и Россія и Англія объявили: что ни одна изъ обѣихъ державъ не завладѣетъ областями Оттоманской имперіи, и что все имущество ея будетъ опечатано впредь до дружественнаго рѣшенія о томъ, кому оно должно принадлежать. «Я не хочу сказать, — возразилъ императоръ, — что подобный образъ дѣйствій не возможенъ, но по меньшей мѣрѣ онъ крайне затруднителенъ. Въ Турціи нѣтъ элементовъ областнаго или общиннаго управленія. Мы дожили бы до того, что турки стали бы нападать на христіанъ, христіане на турокъ, да, кромѣ того, различныя христіанскія исповѣданія начали бы враждовать другъ со другомъ». Посолъ отвѣчалъ, что, по мнѣнію его, между Россіею и Англіей существуетъ слѣдующее главное разногласіе: русскіе настаиваютъ на паденіи Турціи и на мѣрахъ, вызываемыхъ этимъ событіемъ,

англичане же желаютъ, чтобы Турція оставалась на своемъ мѣстѣ и чтобы, напротивъ, были приняты мѣры для воспрепятствованія ухудшенію ея положенія. «Ахъ!—воскликнулъ императоръ,—то же самое мнѣ ежедневно повторяетъ канцлеръ, но катастрофа разыграется надняхъ и всѣхъ насъ застанетъ врасплохъ». Заговоривъ о Франціи, государь продолжалъ: «Боже сохрани, чтобы я кого нибудь обвинилъ напрасно, но въ Константинополѣ, равно какъ и въ Черногоріи, происходятъ вещи крайне подозрительныя. Дѣло выглядитъ такъ, какъ будто французское правительство хочетъ всѣхъ насъ привести въ замѣшательство на Востокѣ, въ надеждѣ достигнуть этимъ путемъ собственныхъ цѣлей, въ числѣ ихъ находится овладѣніе Тунисомъ. Самъ я мало забочусь о томъ, какими путями французы намѣрены вмѣшаться въ восточныя дѣла, но съ мѣсяцъ тому назадъ я велѣлъ объявить султану, что если онъ нуждается въ моемъ содѣйствіи, дабы противостоять угрозамъ французовъ, то я весь къ его услугамъ. Однимъ словомъ, какъ я вамъ уже сказалъ ранѣе, все, что я желаю—это добраго согласія съ Англіей, но относительно не того, что должно, а того, чего не должно случиться. Если цѣль эта будетъ достигнута и англійское правительство и я, я и англійское правительство, будемъ питать полное довѣріе другъ ко другу, то объ остальныхъ я не забочусь». Посолъ высказалъ убѣжденіе, что правительство королевы такъ же точно, какъ и его императорское величество, не потерпитъ присутствія французовъ въ Константинополѣ, но, желая узнать, существуетъ ли соглашеніе между кабинетомъ с.-петербургскимъ и вѣнскимъ, прибавилъ: «Ваше величество позабыли объ Австріи; всѣ эти восточныя дѣла касаются ея весьма близко, и было бы естественно привлечь и ее къ участію». Къ величайшему изумленію Сеймура, государь отвѣчалъ: «Вы должны знать, что, говоря о Россіи, я разумѣю и Австрію; что пригодно одной, то пригодно и другой; интересы наши относительно Турціи совершенно тождественны». Какъ ни хотѣлось послу предложить еще нѣсколько вопросовъ по тому же предмету, онъ этого не посмѣлъ.

Когда Сеймуръ прочиталъ слова Русселя о честолюбивыхъ замыслахъ русскихъ на Константинополь, государь спросилъ, что означаетъ эта фраза? Посолъ поспѣшилъ увѣрить, что она относится не къ его величеству, а къ русскому народу, и въ подтвержденіе сослался на письмо императора Александра I къ лорду Кастльри, писанное въ 1822 году, и въ которомъ государь этотъ утверждалъ, «что онъ единственный русскій противодѣйствующій замысламъ своихъ подданныхъ на Турцію, и что противодѣйствію этому обязанъ онъ уменьшеніемъ своей популярности». «Вы правы,—продолжалъ императоръ Николай,—я припоминаю обстоятельства, на которыя намекалъ мой покойный братъ. Совершенно справедливо, что императрицу Екатерину занимали мечты

всякаго рода, но не менѣе вѣрно и то, что потомки ея отнюдь не раздѣляютъ этихъ мыслей. Вы видите, какъ я обхожусь съ султаномъ. Этотъ господинъ нарушаетъ данное мнѣ слово и дѣйствуетъ самымъ для меня непріятнымъ образомъ, а я удовольствовался тѣмъ, что отправилъ въ Константинополь посла требовать удовлетворенія. Конечно, если бы я захотѣлъ, то могъ бы послать туда армію, ничто не могло бы удержать меня; но я удовольствовался тѣмъ, что выставилъ на показъ такую силу, которая докажетъ, что я не позволю шутить съ собою». Слова эти, повидимому, испугали посла, и онъ попробовалъ отвлечь вниманіе государя съ Турціи на революціонныя движенія въ Венгріи и Италіи. Когда очередь дошла до Черногоріи, государь замѣтилъ, что одобряетъ рѣшенія австрійскаго правительства[1]), и что въ наши дни нельзя дозволить туркамъ дурно обращаться съ христіанами и убивать ихъ. На возраженіе посла, что черногорцы виновны не менѣе турокъ и что они явились зачинщиками въ настоящемъ раздорѣ, императоръ хотя и согласился, что право нарушено обѣими сторонами, что горцы склонны къ разбою, и что взятіе Жабляка возбудило и его негодованіе, но тотчасъ же прибавилъ, что нельзя не сочувствовать племени, столь приверженному къ своей вѣрѣ и которое такъ давно отстаиваетъ независимость свою противъ турокъ. «Говорю вамъ по совѣсти,—продолжалъ государь,—если Омеръ-паша сдѣлаетъ попытку истребить этотъ народъ, и если вслѣдствіе того произойдетъ всеобщее возстаніе христіанъ, то, по всей вѣроятности, султанъ лишится престола, и въ такомъ случаѣ онъ падетъ и больше не возстанетъ. Я готовъ поддерживать власть его, но разъ онъ ее потеряетъ, такъ ужъ навсегда. Турецкую имперію можно терпѣть, но не возстановлять. Въ такомъ дѣлѣ, увѣряю васъ, я не велю даже сдѣлать одного пистолетнаго выстрѣла».

Возвращаясь къ вопросу о распаденіи Турціи, императоръ Николай не затруднился высказать собственныя мысли свои о послѣдствіяхъ этого событія. «По мнѣнію моему,—говорилъ онъ внимательно слушавшему его дипломату,—послѣдствія эти гораздо менѣе затруднительны, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Княжества въ сущности составляютъ два независимыя государства подъ моимъ покровительствомъ. Это можетъ продолжаться. Сербія могла бы получить ту же форму правленія, также и Болгарія. Я не вижу причины, почему бы этой области не сдѣлаться независимымъ государствомъ. Что касается до Египта, то я вполнѣ понимаю важность его для Англіи; а потому могу лишь сказать, что если вы при раздѣлѣ Оттоманской имперіи, который произойдетъ въ данномъ случаѣ, овладѣете Египтомъ, то я ничего не буду имѣть про-

---

[1]) Государь имѣлъ въ виду отправленіе графа Лейнингена въ Константинополь съ чрезвычайнымъ порученіемъ.

тивъ этого. То же скажу я и о Кандіи. Этотъ островъ вамъ пригоденъ, и я не вижу, почему бы ему не стать англійскимъ владѣніемъ». Предложеніе покоробило англичанина, и онъ ограничился отвѣтомъ, что, на сколько ему извѣстно, виды его правительства относительно Египта не простираются далѣе желанія обезпечить вѣрное и быстрое сообщеніе Индіи съ метрополіею.

Бесѣда приближалась къ концу. Государь повторилъ снова выраженіе преданности своей къ королевѣ и уваженія къ ея министрамъ; объясненія лорда Джона Русселя призналъ удовлетворительными, но пожелалъ увидѣть ихъ болѣе подробно развитыми; сужденіе англійскаго министра о собственномъ его поведеніи нашелъ для себя лестнымъ; наконецъ, отпуская посла, сказалъ: «Побудите ваше правительство еще разъ письменно высказаться объ этихъ предметахъ, высказаться подробнѣе и безъ отлагательства. Я не прошу у него ни обязательства, ни конвенціи, а лишь простаго обмѣна мыслей и, въ случаѣ надобности, честнаго слова джентельмена. Между нами этого достаточно».

Впечатлѣніе, вынесенное сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ изъ втораго разговора, весьма похоже на испугъ. Уклончивый отвѣтъ сентъ-джемскаго кабинета не только не измѣнилъ намѣреній императора Николая, но какъ бы вызвалъ его на бо̀льшую откровенность. Вотъ почему осторожный дипломатъ поспѣшилъ дать своему правительству совѣтъ включить въ депешу къ нему «такія выраженія, которыя положили бы конецъ дальнѣйшимъ соображеніямъ или по меньшей мѣрѣ обсужденію столь щекотливыхъ вопросовъ» [1]).

Въ такомъ взглядѣ на предметъ англійскій посолъ едва ли не сходился съ русскимъ государственнымъ канцлеромъ. Двѣ недѣли послѣ второй императорской аудіенціи, а именно 23-го февраля (7-го марта) графъ Нессельроде вручилъ Сеймуру меморандумъ, помѣченный 9-мъ (21-мъ) февралемъ и долженствовавшій служить отвѣтомъ на депешу лорда Джона Русселя отъ 10-го (22-го) января. Посолъ называлъ этотъ документъ «самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ, которые когда либо выходили не столько изъ русской государственной канцеляріи, сколько изъ собственнаго кабинета императора». Посолъ ошибался. Меморандумъ былъ именно составленъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и являлся какъ бы компромиссомъ между прямодушною откровенностью государя и дипломатическою сдержанностью его канцлера. Такое личное вмѣшательство графа Нессельроде современный французскій историкъ остроумно сравниваетъ съ введеніемъ резервовъ въ дѣло, исходъ котораго начинаетъ возбуждать опасеніе [2]).

---

[1]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Джону Русселю отъ 10-го (22-го) февраля 1853 года.

[2]) Camille Rousset, Histoire de la guerre de Crimée, I, p. 16.

Русскій меморандумъ выражалъ удовольствіе, испытанное государемъ при ознакомленіи съ довѣрительнымъ отвѣтомъ лорда Джона Русселя, который онъ почитаетъ новымъ доказательствомъ дружественнаго расположенія къ нему королевы. Обсуждая съ англійскимъ посломъ причины, могущія вызвать распаденіе Турціи, онъ далекъ былъ отъ мысли предлагать, въ виду этой случайности, совершенно готовую систему, а еще менѣе проектъ договора. Цѣль его величества была просто обмѣняться мыслями, дабы въ случаѣ осуществленія предусматриваемаго событія Россія и Англія могли избѣжать дѣйствій въ противоположномъ другъ ко другу направленіи. Нѣтъ и рѣчи о раздѣлѣ или о такой конвенціи, которую слѣдовало бы обязательно предъявить прочимъ дворамъ. Императоръ не видитъ необходимости возбуждать съ ними вопросъ этотъ преждевременно, а потому и предпочелъ, не дѣлая оффиціальнаго сообщенія, объясниться съ представителемъ королевы въ формѣ самой довѣрительной бесѣды, съ тѣмъ именно, чтобы предметъ ея оставался тайною между имъ и ея британскимъ величествомъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на упреки лорда Джона Русселя въ скрытности предъ Европой, меморандумъ соглашался съ нимъ, что возможное паденіе Оттоманской имперіи «есть, безъ сомнѣнія, лишь неопредѣленная и весьма еще отдаленная случайность» и что въ настоящую минуту нѣтъ такого кризиса, который угрожалъ бы немедленнымъ наступленіемъ оной. Тѣмъ не менѣе событіе это мало по малу можетъ возникнуть по меньшей мѣрѣ изъ одного—изъ двухъ упомянутыхъ въ англійской депешѣ вопросовъ, а именно изъ вопроса о святыхъ мѣстахъ, если, напримѣръ, угрозы Франціи заставятъ Порту отказать намъ въ удовлетвореніи и если, съ другой стороны, религіозное чувство православнаго населенія будетъ оскорблено уступками Порты латинянамъ и возбудитъ противъ султана огромное большинство его подданныхъ. Другой вопросъ, черногорскій, хотя и можетъ считаться удовлетворительно разрѣшеннымъ, но во время бесѣдъ государя съ Сеймуромъ Порта еще не подчинилась требованіямъ Австріи, и позволительно было ожидать всеобщаго возстанія христіанъ, вызваннаго жестокостями, совершенными турками въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ.

Англія желаетъ, чтобы въ виду ненадежности и гнилости настоящаго положенія дѣлъ въ Турціи съ нею обращались съ величайшимъ долготерпѣніемъ, но императоръ никогда и не поступалъ относительно ея иначе. Англійскій кабинетъ самъ призналъ это, воздавая его величеству хвалу за неоднократно выказанную умѣренность. Государь отклоняетъ эти похвалы потому, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повиновался лишь своимъ настоятельнѣйшимъ убѣжденіямъ, но продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, воздерживаясь отъ всякихъ демонстрацій и рѣшительныхъ рѣчей,

онъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, «если той же системѣ будутъ одновременно слѣдовать и всѣ другія державы». Между тѣмъ, Франція требованія свои къ Портѣ предъявляла «чрезъ жерла своихъ пушекъ», при полномъ молчаніи Англіи, изъ чего Порта заключила, что со стороны Франціи ей слѣдуетъ всего ожидать и всего опасаться, требованія же Австріи и Россіи она можетъ безнаказанно оставлять безъ вниманія.

Заключительныя строки меморандума заслуживаютъ быть приведенными дословно:

«Такимъ образомъ, Россія и Австрія, чтобы возстановить свое право, вынужденными нашлись, вопреки своему желанію, дѣйствовать угрозою, ибо онѣ имѣютъ дѣло съ правительствомъ, которое уступаетъ лишь рѣшительнымъ требованіямъ. Итакъ Порта по собственной винѣ, или скорѣе по винѣ тѣхъ, кто ранѣе ослабили ее, вынуждена вступить на путь, который долженъ еще болѣе ее ослабить. Пусть же Англія постарается ее образумить. Пусть Англія, вмѣсто того, чтобы соединяться съ Франціей для противодѣйствія справедливымъ требованіямъ Россіи, избѣгаетъ подавать и виду, будто она поддерживаетъ турецкое правительство. Пусть Англія первая, согласно собственному убѣжденію, потребуетъ отъ оттоманскаго правительства, чтобы оно обращалось со своими христіанскими подданными съ бо̀льшею справедливостью и человѣколюбіемъ. Таково дѣйствительнѣйшее средство, дабы избавить императора отъ необходимости воспользоваться традиціоннымъ своимъ правомъ покровительства, которое онъ примѣняетъ противъ своей воли, и отодвинуть на неопредѣленное и долгое время кризисъ, избѣжать коего равно искренно желаютъ и императоръ и ея величество королева». «Въ заключеніе императоръ радъ тому, что вызвалъ этотъ довѣрительный обмѣнъ мыслей между ея величествомъ и самимъ собою. Онъ нашелъ въ немъ драгоцѣнныя увѣренія, которыя принимаетъ къ свѣдѣнію. Оба государя открыто объявили другъ другу, чего не могутъ допустить взаимные ихъ интересы въ крайней гипотезѣ, о которой они договаривались. Англія убѣдилась, что Россія не допуститъ основанія въ Константинополѣ христіанской державы достаточно сильной, чтобы контролировать и безпокоить ее, и сама объявила, что отказывается отъ всякаго намѣренія, отъ всякаго желанія владѣть Константинополемъ. Императоръ также отклонилъ отъ себя намѣреніе утвердиться въ этомъ городѣ. Англія обѣщаетъ не вступать ни въ какое соглашеніе о принятіи мѣръ въ случаѣ паденія Турецкой имперіи, не условившись о томъ предварительно съ императоромъ. Императоръ охотно принимаетъ на себя такое же обязательство, зная, что въ подобномъ случаѣ можетъ разсчитывать на Австрію, связанную обѣщаніемъ предварительно условиться съ нимъ. И такимъ образомъ онъ съ меньшимъ опасеніемъ взираетъ на катастрофу, предотвратить которую и отда-

лить, на сколько это зависитъ отъ него, будетъ всегда составлять его желаніе» [1]).

Но прежде, чѣмъ этотъ меморандумъ успѣлъ достигнуть Лондона, лордъ Кларендонъ, замѣнившій лорда Джона Русселя во главѣ великобританскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, отправилъ уже въ Петербургъ отвѣтъ свой на депешу сэра Гамильтона Сеймура о вторичномъ разговорѣ его съ государемъ, происходившемъ 9-го (21-го) февраля.

Въ депешѣ Кларендона еще ярче, чѣмъ въ сообщеніи его предмѣстника, выступаетъ коренная противоположность между воззрѣніями русскаго императора и великобританскаго кабинета. Новый англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ не уклоняется отъ объясненій. Напротивъ, заявивъ, что, если бы соглашеніе въ виду будущихъ случайностей представлялось цѣлесообразнымъ или дѣйствительно возможнымъ, то правительство королевы предпочло бы слово государя всякому формулированному соглашенію, онъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что Турція отнюдь не лишена элементовъ жизненности, и что послѣднія событія доказали это. Отъ политики его императорскаго величества главнымъ образомъ зависитъ ускореніе или неопредѣленная отсрочка событія, предотвратить которое лежитъ на обязанности всѣхъ державъ Европы. По убѣжденію великобританскаго правительства, ничто не можетъ такъ ускорить наступленіе этого событія, какъ постоянное предсказываніе его близости. Если станетъ извѣстнымъ мнѣніе государя, что дни Турецкой имперіи сочтены, паденіе ея наступитъ еще ранѣе, чѣмъ ожидаетъ его величество. Но, допустивъ, что вслѣдствіе неотвратимыхъ причинъ катастрофа эта дѣйствительно разразится, англійскій кабинетъ «вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе императора, что занятіе Константинополя одною изъ великихъ державъ не соотвѣтствовало бы нынѣшнему равновѣсію между ними и сохраненію мира въ Европѣ и разъ навсегда должно быть сочтено невозможнымъ; что не существуетъ элементовъ для возстановленія Византійской имперіи; что систематически дурная администрація Греціи не можетъ служить поощреніемъ для расширенія ея предѣловъ; и что за неимѣніемъ матеріаловъ для областнаго или общиннаго управленія, анархія была бы послѣдствіемъ предоставленія турецкихъ областей самимъ себѣ или учрежденія изъ нихъ республикъ».

Далѣе Кларендонъ находилъ, что заблаговременное опредѣленіе того, что «не должно быть допущено», не приведетъ къ рѣшенію вопроса: какимъ образомъ слѣдуетъ поступать съ разнородными составными частями Турецкой имперіи. Англія не хочетъ терри-

---

[1]) Меморандумъ императорскаго министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 9-го (21-го) февраля 1853 г.

торіальныхъ пріобрѣтеній и не можетъ принять участія въ соглашеніи, обезпечивающемъ за нею это преимущество, въ особенности въ такомъ, которое было бы содержимо въ тайнѣ отъ прочихъ державъ, да и никакимъ соглашеніемъ нельзя задержать событій. Оно послужило бы лишь сигналомъ для интригъ всякаго рода, для возмущенія христіанскихъ подданныхъ Порты. Каждая держава и каждая партія старались бы обезпечить свои будущіе интересы. и разложенію Турціи предшествовало бы такое состояніе анархіи, которое лишь усилило бы затрудненія, если бы только оно не сдѣлало прямо невозможнымъ мирное разрѣшеніе вопроса. Единственнымъ средствомъ или попыткою достигнуть такаго разрѣшенія могъ бы быть европейскій конгрессъ. Но это служитъ новымъ поводомъ къ тому, чтобы желать упроченія въ Турціи настоящаго порядка вещей, ибо нельзя не предвидѣть взаимной зависти державъ, невозможности примирить ихъ честолюбивые замыслы и противоположные интересы, наконецъ, желанія Франціи освободиться отъ унизительныхъ условій, наложенныхъ на нее договорами 1815 года. Цѣль великобританскаго правительства—миръ, и заботливость его о сохраненіи Турціи вызвана убѣжденіемъ, что ни одинъ важный вопросъ не можетъ быть возбужденъ на Востокѣ безъ того, чтобы не стать источникомъ раздора на Западѣ, и что каждый важный вопросъ на Западѣ приметъ революціонный характеръ и приведетъ къ пересмотру всего общественнаго строя, къ чему континентальныя правительства, конечно, не приготовлены.

Наконецъ, по мнѣнію лорда Кларендона, внѣшніе признаки турецкаго упадка нисколько не рѣзче бросаются въ глаза нынѣ, чѣмъ въ предъидущіе годы. Турція полна еще энергіи и богатствъ; нѣтъ недостатка въ желаніи улучшить систему управленія; испорченность хотя, къ несчастью, и велика, но ни по роду, ни по объему своему не угрожаетъ существованію государства; обращеніе съ христіанами не жестоко, и терпимость, выказываемая Портою относительно этой части своихъ подданныхъ, можетъ быть поставлена въ примѣръ нѣкоторымъ правительствамъ, которыя презрительно смотрятъ на Турцію, какъ на варварскую державу. Правительство королевы полагаетъ, что Турція нуждается лишь въ снисходительности своихъ союзниковъ и въ рѣшимости ихъ не предъявлять къ ней требованій, унизительныхъ для достоинства и независимости султана, однимъ словомъ, въ дружественной поддержкѣ, на которую слабыя государства такъ же, какъ и личности, имѣютъ право разсчитывать со стороны сильныхъ. Въ этомъ мыслѣ англійское правительство желаетъ дѣйствовать сообща съ русскимъ императоромъ, въ увѣренности, что интересы Россіи и Англіи на Востокѣ тождественны [1]).

---

[1]) Депеша лорда Кларендона сэру Гамильтону Сеймуру, 11-го (23-го) марта 1853 года.

Вскорѣ послѣ этой депеши получена была въ Петербургѣ другая депеша лорда Кларендона, служившая отвѣтомъ на русскій меморандумъ отъ 9-го (21-го) февраля. Изъ этого «важнаго и замѣчательнаго» документа, принятаго въ Лондонѣ съ чувствомъ искренняго удовольствія, какъ новое доказательство довѣрія и дружественныхъ чувствъ императора,—сентъ-джемскій кабинетъ принялъ съ свѣдѣнію, что его величество считаетъ паденіе Турціи неопредѣленною и далекою случайностью и что не существуетъ такого кризиса, который могъ бы ускорить ея наступленіе.

Лордъ Кларендонъ не предвидитъ пользы отъ дальнѣйшей переписки по этому предмету, но относительно вопроса о святыхъ мѣста признаётъ, что притязанія императора Николая основаны на договорахъ, и что нравственное значеніе его было бы поколеблено въ глазахъ его подданныхъ, если бы преимущества, которыми пользовалась доселѣ въ Турціи православная церковь, достались на долю церкви латинской; а потому правительство королевы рѣшило отправить снова посломъ въ Константинополь лорда Страдфорда Редклифа, снабдивъ его письмомъ ея величества къ султану въ томъ предположеніи, что Порта охотнѣе послѣдуетъ умѣренному совѣту, если онъ будетъ преподанъ человѣкомъ, занимающимъ столь высокое положеніе и обладающимъ столь большими познаніями и опытомъ въ турецкихъ дѣлахъ, какъ Редклифъ. Ему, кромѣ того, поручено совѣтовать Портѣ, какъ можно милостивѣе обращаться съ ея христіанскими подданными, а такъ какъ королева и императоръ возобновили другъ другу увѣреніе въ желаніи своемъ поддерживать независимость и цѣлость Порты, то правительство ея величества искренно желаетъ, чтобы представители обѣихъ державъ продолжали дѣйствовать сообща и преподавать Портѣ совѣты въ одинаковомъ дружественномъ смыслѣ [1]).

По сообщеніи сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ первой депеши лорда Кларендона, отъ 11-го (23-го) марта, императоръ Николай пожелалъ лично выразить ему свое мнѣніе о ней. Послѣ обѣда во дворцѣ 6-го (18-го) апрѣля государь поблагодарилъ посла за стараніе установить соглашеніе между обоими дворами и прибавилъ, что условія, изложенныя въ русскомъ меморандумѣ, обязательны не только для него, но и для его преемника, и что сынъ его, если упомянутыя событія произойдутъ въ его время, исполнитъ эти условія съ тою же готовностью, какъ и самъ онъ. Но онъ никакъ не можетъ допустить утвержденія лорда Кларендона, будто разрушеніе Турціи представляется событіемъ неопредѣленнымъ и далекимъ: оно дѣйствительно неопредѣленно, но совсѣмъ не далеко. Англійское правительство слишкомъ хорошаго мнѣнія о положеніи

[1]) Депеша лорда Кларендона къ сэру Гамильтону Сеймуру отъ 24-го марта (5-го апрѣля).

Турецкой имперіи. Султанъ, быть можетъ, и намѣренъ улучшить долю христіанъ, но неизвѣстно, будутъ ли исполнены его приказанія. Съ особенною живостью выразилъ государь сомнѣніе въ достовѣрности свѣдѣній, сообщенныхъ по этому предмету англійскими агентами, и противопоставилъ имъ полученныя имъ вѣсти изъ Болгаріи, гдѣ царствуетъ-де всеобщее неудовольствіе, которое давно выразилось бы въ народномъ возстаніи, если бы онъ не воспротивился тому.

Императоръ обратилъ также вниманіе своего собесѣдника на мирный характеръ посольства князя Меншикова сравнительно съ угрожающимъ тономъ австрійскаго чрезвычайнаго посла, графа Лейнингена. Онъ, впрочемъ, поспѣшилъ оговориться, что не думаетъ порицать императора Франца-Іосифа, великодушнаго государя, котораго искренно любитъ и рѣшенія котораго вполнѣ одобряетъ. Различіе это вызвано обстоятельствами. Австрійскій императоръ былъ вынужденъ дѣйствовать рѣшительно, ибо Черногоріи угрожало совершенное опустошеніе. Въ подобномъ случаѣ самъ онъ поступилъ бы не иначе. Между тѣмъ, полученныя изъ Константинополя извѣстія подаютъ мало надежды на соглашеніе. До сихъ поръ государь не привелъ въ движеніе ни одного корабля и ни одного батальона. Онъ дѣйствовалъ такъ изъ уваженія къ султану и изъ экономическихъ соображеній, но не позволитъ шутить съ собою, и если турки не уступятъ убѣжденію, то должны будутъ уступить въ виду угрожающей опасности [1]).

Вскорѣ послѣ того сэръ Гамильтонъ Сеймуръ получилъ и вторую депешу Кларендона отъ 24-го марта (5-го апрѣля) и сообщилъ ее государственному канцлеру. Но еще ранѣе графъ Нессельроде вручилъ англійскому послу письменное заявленіе въ отвѣтъ на депешу великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 11-го (23-го) марта. Ознакомившись со второй депешой Кларендона, канцлеръ объявилъ, что по высочайшему повелѣнію записка его должна служить отвѣтомъ и на эту послѣднюю, и заключить собою довѣрительные переговоры, веденные между обоими дворами. Канцлеръ не скрылъ отъ посла, что самъ онъ очень радъ такому рѣшенію государя, замѣтивъ, что возбужденные вопросы крайне щекотливаго свойства, и что всякое обсужденіе ихъ сопряжено съ величайшими затрудненіями.

Въ послѣднемъ словѣ своемъ императорскій кабинетъ повторялъ выраженіе удовольствія, съ которымъ императоръ Николай узналъ о совпаденіи своихъ намѣреній съ намѣреніями англійскаго правительства относительно политическихъ комбинацій, имѣющихъ произойдти въ томъ случаѣ, если бы внезапно разразилась на Востокѣ

---

[1]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Кларендону отъ 8-го (20-го) апрѣля 1853 года.

катастрофа, замедлить, если не предотвратить которую Россія должна также искренно желать, какъ и Англія. Раздѣляя вообще взглядъ лорда Кларендона на необходимость какъ можно долѣе поддерживать настоящее положеніе дѣлъ въ Турціи, государь не можетъ не указать на единственный предметъ, заставляющій его заключить, что свѣдѣнія, получаемыя англійскимъ кабинетомъ, несогласны съ нашими; предметъ этотъ касается степени терпимости и человѣколюбія, обнаруживаемыхъ Портою въ обращеніи со своими христіанскими подданными. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ императоръ, не распространяясь о болѣе или менѣе очевидныхъ признакахъ упадка Оттоманской имперіи и не вдаваясь въ споръ о бо́льшей или меньшей степени жизненности этого государства, охотно допускаетъ, что лучшее средство продлить существованіе турецкаго правительства заключается въ томъ, чтобы не утруждать его впредь предъявленіемъ требованій, превышающихъ мѣру справедливости и оскорбительныхъ для его достоинства и независимости. Его величество нынѣ, какъ и всегда, готовъ слѣдовать этой системѣ подъ условіемъ, что и прочія державы будутъ поступать такимъ же образомъ, и что ни одна изъ нихъ не воспользуется слабостью Порты для полученія отъ нея уступокъ въ ущербъ правамъ другихъ. Если будетъ признано это основное начало, то императоръ готовъ вмѣстѣ съ Англіей дѣйствовать въ пользу сохраненія Оттоманской имперіи и отложить въ сторону всякую тревогу объ ея распаденіи. Онъ принимаетъ съ радостью даваемое ему Англіею свидѣтельство полнаго довѣрія къ его добросовѣстности и надѣется, что на этомъ основаніи союзъ его съ нею упрочится и станетъ еще тѣснѣе [1]).

Нельзя не остановиться на этомъ дипломатическомъ эпизодѣ, служащемъ какъ бы прологомъ кровавой драмы, разыгравшейся на Дунаѣ, въ Крыму и за Кавказомъ. Прямодушіе и искренность императора Николая не подлежатъ никакому сомнѣнію. Если бы онъ дѣйствительно преслѣдовалъ честолюбивыя цѣли, то ему не было бы надобности заранѣе предварять о нихъ политическаго противника. Слова его, вѣроятно, произвели бы и въ Лондонѣ иное впечатлѣніе, если бы истолкователемъ ихъ не явился графъ Нессельроде, лично не раздѣлявшій воззрѣній государя. Отсюда неполнота, неясность нашихъ сообщеній, естественно возбудившая подозрѣнія и безъ того недовѣрчиво расположеннаго къ намъ великобританскаго кабинета.

Уже изъ первой отвѣтной депеши лорда Джона Русселя, а еще болѣе изъ сообщеній его преемника, можно было заключить, что между взглядами на восточный вопросъ императора Николая и

---

[1]) Записка императорскаго кабинета, приложенная къ депешѣ сэра Гамильтона Сеймура къ лорду Кларендону отъ 9-го (21-го) апрѣля.

англійскаго правительства гораздо болѣе противоположностей, нежели точекъ соприкосновенія. Государь исходилъ изъ того положенія, что Турція разлагается и что перваго толчка будетъ достаточно для совершеннаго низверженія подточеннаго въ основахъ своихъ, ветхаго и гнилаго зданія Оттоманской державы. Англійскій кабинетъ, отрицая это, прямо намекалъ, что единственная опасность, угрожающая существованію Турціи, грозитъ со стороны Россіи. Понятно, что при такомъ взглядѣ на предметъ предложеніе наше условиться съ Англіею на случай ожидаемаго событія не могло быть принято ею. Но этимъ не ограничивалось разногласіе. Государь видѣлъ естественное разрѣшеніе восточнаго вопроса въ возникновеніи на развалинахъ Турціи независимыхъ православныхъ княжествъ въ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Болгаріи. Англійскіе министры не допускали возможности образованія на Балканскомъ полуостровѣ самостоятельныхъ христіанскихъ государствъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «за неимѣніемъ матеріаловъ для областнаго или общиннаго управленія анархія была бы послѣдствіемъ предоставленія турецкихъ областей самимъ себѣ». Возраженіе это было, очевидно, не серіозно, ибо опытъ доказывалъ противное въ Греціи, Сербіи и въ дунайскихъ княжествахъ. Въ сущности же нерасположеніе Англіи къ образованію автономныхъ балканскихъ государствъ объяснялось просто опасеніемъ, что государства эти, бòльшею частью единоплеменныя и всѣ безъ исключенія единовѣрныя намъ, естественно подпадутъ политическому вліянію Россіи, а между тѣмъ ослабленіе этого вліянія или даже совершенное уничтоженіе его на Востокѣ издавна составляло главную цѣль англійской политики.

Графъ Нессельроде прекрасно понималъ эту существенную разницу во взглядахъ, и первою заботою его было въ меморандумѣ, вышедшемъ изъ-подъ его пера, сгладить, стушевать противоположныя мнѣнія обоихъ кабинетовъ. Возможно это было лишь путемъ уступокъ, и вотъ въ вышеупомянутомъ документѣ является признаніе распаденія Оттоманской имперіи «неопредѣленною и весьма еще отдаленною случайностью». Утвержденіе это прямо противорѣчило словамъ государя, настаивавшаго на близости катастрофы и не желавшаго, чтобы она застала его врасплохъ. Далѣе канцлеръ съ тою же примирительною цѣлью заявилъ, что правомъ своимъ покровительствовать турецкимъ христіанамъ русскій императоръ пользуется «противъ своей воли». Наконецъ, онъ выразилъ удовольствіе по поводу отвѣта англійскаго правительства на наши предложенія.

Желаніе государственнаго канцлера во что бы ни стало установить мнимое тождество не только намѣреній, но и интересовъ Россіи и Англіи еще рельефнѣе проглядываетъ въ запискѣ, сообщенной сэру Гамильтону Сеймуру и заключившей собою веденные

съ нимъ довѣрительные переговоры. Въ ней совершенно раздѣлялось мнѣніе великобританскаго правительства, что лучшее средство для продленія существованія Турціи заключается въ томъ, чтобы впредь не утруждать султана предъявленіемъ ему требованій, превышающихъ мѣру справедливости и оскорбительныхъ для его достоинства и независимости. И это высказывалось два дня послѣ того, какъ князь Меншиковъ предъявилъ Портѣ наши требованія.

Можно съ достовѣрностью сказать, что дипломатическое искусство графа Нессельроде отнюдь не успокоило волненія, возбужденнаго въ Лондонѣ откровенными рѣчами, обращенными императоромъ Николаемъ къ сэру Гамильтону Сеймуру, а лишь ослабило дѣйствіе ихъ на умы великобританскихъ министровъ. Въ международныхъ сношеніяхъ ничего не можетъ быть хуже желанія прикрыть дѣйствительное разнорѣчіе заискивающими фразами о мнимой общности стремленій и тождествѣ интересовъ. Единственное средство устранить несогласіе—съ самаго начала ясно и точно опредѣлить его свойство и размѣры. Если же противная сторона начнетъ дѣйствовать застращиваніемъ, то, конечно, не путемъ уступокъ возможно достигнуть съ нею соглашенія. Въ вѣжливыхъ, но твердыхъ выраженіяхъ слѣдуетъ ей дать понять, что въ виду угрозы нѣтъ мѣста уступкамъ, и что сила будетъ отражена силою. Лишь такимъ образомъ удается иногда избѣжать войны, а если война неизбѣжна, то получается по крайней мѣрѣ возможность заранѣе обдумать ее и приготовиться къ ней.

Не чему иному, какъ желанію запугать насъ, нельзя приписать принятое въ февралѣ 1853 года англійскимъ правительствомъ рѣшеніе вновь отправить посломъ въ Константинополь лорда Редклифа. Дипломатъ этотъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Страдфорда Каннинга, въ первые годы своей службы былъ секретаремъ англійскаго посольства въ Константинополѣ и въ этой должности принималъ участіе въ заключеніи между Россіей и Турціей Бухарестскаго мира въ 1812 году. Дядя его, знаменитый Георгъ Каннингъ, назначилъ его посланникомъ при Оттоманской Портѣ въ 1827 году, поручивъ ему убѣдить султана Махмуда согласиться на условія, постановленныя сообща Россіей, Англіей и Франціей въ пользу возставшихъ грековъ. Какъ извѣстно, султанъ отвергнулъ эти условія, и лишь по Адріанопольскому договору, завершившему въ 1829 году побѣдоносную войну нашу съ Турціею, согласился признать независимость Греціи. Изъ Турціи сэръ Страдфордъ Каннингъ былъ переведенъ посланникомъ въ Аѳины, но уже въ 1831 году снова возвратился въ Константинополь. Два года спустя, его послали въ Мадридъ, а оттуда хотѣли назначить въ С.-Петербургъ, но императоръ Николай не согласился принять его при своемъ дворѣ. Въ 1841 году онъ въ третій разъ занялъ должность представителя Англіи при Портѣ и въ этой должности оста-

вался двѣнадцать лѣтъ. Впродолженіе всего этого времени онъ заявилъ себя ярымъ противникомъ Россіи и всѣ старанія приложилъ къ ослабленію ея значенія на Босфорѣ. Это отчасти удалось ему при помощи турецкихъ министровъ современнаго направленія, мечтавшихъ о возстановленіи могущества Оттоманской имперіи, посредствомъ реформъ политическихъ и соціальныхъ, по образцу Западной Европы. На министровъ этихъ, да и на самого султана, Страдфордъ Каннингъ пріобрѣлъ большое вліяніе, въ ущербъ вліянію не только нашего посланника, но и представителей Франціи и Австріи. По возведеніи въ званіе пера, съ титуломъ виконта Страдфорда Редклифа, онъ въ началѣ 1851 года оставилъ Константинополь.

Рѣшеніе вновь отправить лорда Редклифа посломъ въ Турцію было принято англійскимъ правительствомъ вскорѣ послѣ полученія въ Лондонѣ донесеній сэра Гамильтона Сеймура о первыхъ довѣрительныхъ бесѣдахъ его съ императоромъ Николаемъ по восточнымъ дѣламъ [1]. Нашему кабинету было объявлено, что такое рѣшеніе вызвано желаніемъ правительства королевы содѣйствовать намъ въ мирномъ улаженіи вопроса о святыхъ мѣстахъ, но изъ данной Редклифу лордомъ Кларендономъ инструкціи нельзя не убѣдиться, что при этомъ англійское правительство руководствовалось совершенно иными соображеніями.

Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ приглашалъ посла возвратиться къ своему посту въ критическую эпоху для Оттоманской имперіи. Напомнивъ, что начало ея цѣлости и независимости торжественно провозглашено и признано великими европейскими державами, онъ поручалъ ему совѣтовать Портѣ дѣйствовать съ осторожностью и внимательно относиться къ предъявляемымъ ей державами требованіямъ. По пути въ Константинополь, въ Парижѣ Редклифъ долженъ былъ замѣтить французскому правительству, что интересы Франціи и Англіи тождественны на Востокѣ, и объяснить затрудненіе, въ которое будетъ поставленъ султанъ, если Франція станетъ настаивать на притязаніяхъ своихъ по предмету, представляющему столь жизненный интересъ для державы, отъ которой грозитъ Турціи наибольшая опасность. Въ Вѣнѣ ему надлежало снова заявить о консервативныхъ видахъ правительствъ какъ англійскаго, такъ и французскаго. Наконецъ, въ Константинополѣ онъ долженъ былъ извѣстить султана, что прибытіе его служитъ новымъ доказательствомъ дружественнаго расположенія королевы, но выражаетъ также мнѣніе ея величества о важности обстоятельствъ

---

[1]) Донесенія Сеймура отъ 30-го декабря 1852 (11-го января 1853 г.) и отъ 11-го (23-го) января 1853 г. получены въ Лондонѣ: первое 11-го (23-го) января и второе 25-го января (6-го февраля), а инструкціи Редклифу помѣчены 13-го (25-го) февраля.

въ которыя поставлена нынѣ Оттоманская имперія. Послу предоставлялось дѣйствовать по собственному усмотрѣнію въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ, но предписывалось предупредить Порту, что ей угрожаетъ великая опасность. «Накопившееся неудовольствіе иностранныхъ державъ,—писалъ лордъ Кларендонъ,—устранить которое Порта не можетъ или не желаетъ; дурное управленіе собственными дѣлами и возростающая слабость исполнительной власти въ Турціи,—все это побудило недавно союзниковъ Порты принять относительно ея тонъ столь же новый, сколько и возбуждающій опасенія и который, если будетъ продолжаться, можетъ вызвать общее возстаніе среди христіанскихъ подданныхъ Порты и поколебать ея независимость и цѣлость. Правительство ея величества съ крайнимъ сожалѣніемъ отнесется къ этой катастрофѣ, но оно обязанностью считаетъ предостеречь султана, что нѣкоторыя великія державы Европы считаютъ ее вѣроятною и неминуемою. Ваше превосходительство объясните султану, что правительство королевы послало васъ нынѣ въ Константинополь съ цѣлью выяснить эту опасность и въ надеждѣ предупредить ее. Вы будете стараться убѣдить султана и его министровъ, что настоящій кризисъ требуетъ съ ихъ стороны величайшей осторожности и довѣрія къ искренности и разумности совѣтовъ, которые они получатъ отъ васъ, для успѣшнаго разрѣшенія кризиса, въ пользу мира и ихъ будущей независимости». Поручивъ послу настаивать предъ Портою на введеніи реформъ, которыя будутъ рекомендованы ей имъ, лордъ Кларендонъ просилъ его не скрыть отъ султана и его министровъ, что, продолжая придерживаться настоящаго своего образа дѣйствій, они лишатся сочувствія британскаго народа и поставятъ правительство королевы въ невозможность защитить ихъ отъ угрожающей имъ опасности, и что, пренебрегая требованіями всего христіанства, они должны будутъ подвергнуться естественнымъ послѣдствіямъ своей безразсудной политики и дурнаго управленія. Наконецъ, послу разрѣшалось, въ случаѣ близкой угрожающей турецкому правительству опасности, отправить нарочнаго въ Мальту, съ тѣмъ чтобы предложить адмиралу быть готовымъ къ отплытію, но ему не было предоставлено право вызвать эскадру въ Дарданеллы безъ особаго на то дозволенія своего правительства [1]).

Въ инструкціи лорду Редклифу заключается дѣйствительный отвѣтъ великобританскаго правительства на откровенныя сообщенія императора Николая. Она была написана, прежде чѣмъ князь Меншиковъ успѣлъ прибыть въ Константинополь и почти за два мѣсяца до предъявленія имъ Портѣ требованія о признаніи за русскимъ государемъ права покровительства единовѣрцамъ своимъ

[1]) Инструкціи лорда Клорендона лорду Страдфорду Редклифу отъ 13-го (25-го) февраля 1853 года.

въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Въ ней поражаетъ прежде всего строгое осужденіе существовавшаго въ Турціи порядка вещей, весьма похожее на высказанный императоромъ Николаемъ взглядъ о томъ же предметѣ и совершенно противоположное послѣдующимъ утвержденіямъ лорда Кларендона, въ депешѣ къ сэру Гамильтону Сеймуру отъ 11-го (23-го) марта. Слѣдуетъ также замѣтить, что о возвращеніи лорда Редклифа къ прежнему своему посту англійское правительство извѣстило императорскій кабинетъ депешею отъ 24-го марта (5-го апрѣля), то-есть въ самый день пріѣзда посла въ Константинополь.

Всѣ эти обстоятельства ясно указываютъ на то, какъ мало Англія считала свои интересы на Востокѣ тождественными съ нашими и какимъ образомъ она готовилась поддерживать наши требованія, по собственному ея признанію, «предписанныя Россіи долгомъ и основанныя на договорахъ» [1]).

Татищевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Авторъ Etude diplomatique sur la guerre de la Crimée утверждаетъ (ч. I, стр. 306) на основаніи донесеній барона Бруннова изъ Лондона, что причиною отправленія лорда Стратфорда Редклифа въ Константинополь было желаніе великобританскихъ министровъ удалить его изъ Англіи, гдѣ онъ былъ имъ неудобенъ,—почему и какъ, онъ не объясняетъ. Инструкціи Редклифа «бывшій дипломатъ» (тамъ же, ч. I, стр. 177) называетъ «самыми примирительными».

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ ВЪ РОССІИ ИНКВИЗИЦІЯ?

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время въ нашей печати возникли толки относительно существующаго устройства высшаго церковнаго и епархіальнаго управленія въ православной церкви, о нѣкоторыхъ желаемыхъ и яко бы возможныхъ измѣненіяхъ въономъ.

Оставляя пока въ сторонѣ всѣ эти pia desideria нашихъ публицистовъ, мы позволимъ себѣ остановиться на напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьѣ, въ которой православная русская церковь обвиняется въ томъ, что будто бы въ ней со времени учрежденія синода появилась инквизиція, та самая инквизиція, какая существовала на Западѣ, занимавшаяся сысками отступниковъ отъ вѣры и ихъ казнями. «Петръ I,—говоритъ авторъ статьи,—создалъ у насъ инквизицію и инквизиторовъ, и нѣтъ возможности отрицать, что все гражданское и церковное управленіе при немъ и долгое время послѣ него проникнуто было инквизиторскимъ настроеніемъ» («Русскій Вѣстникъ», 1891 г., ноябрь, стр. 191). Подобнымъ образомъ, въ Москвѣ, въ полемикѣ, происходившей между Вл. С. Соловьевымъ и его антагонистами, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ газетахъ, спорящія стороны, нисколько не сомнѣваясь въ существованіи въ православной церкви инквизиціи, той самой, которая нѣкогда неистовствовала въ Испаніи, спорили лишь о томъ, гдѣ инквизиція возникла раньше: въ православной восточной церкви, или въ церкви западной.

Такое мнѣніе о существованіи въ православной церкви западной инквизиціи — плодъ большаго недоразумѣнія. Профессоръ

М. Н. Горчаковъ, въ статьѣ, напечатанной въ недавно вышедшей (№ 12) книжкѣ «Юридической Лѣтописи» за 1891 годъ, съ компетентностію спеціалиста доказалъ, что въ Греко-Римской имперіи и въ Византіи въ частности инквизиціи, въ западномъ смыслѣ этого слова, никогда не существовало. Что касается Россіи, то при Петрѣ I дѣйствительно, въ силу опредѣленія духовнаго регламента, былъ учрежденъ приказъ инквизиторскихъ дѣлъ и при немъ протоинквизиторъ, провинціалъ-инквизиторы и инквизиторы; но достаточно было бы автору упомянутой статьи «Русскаго Вѣстника» справиться съ инструкціей первому протоинквизитору іеродіакону Пафнутію, составляющей учредительный актъ инквизиторскаго приказа, напечатанной въ «Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи» (т. VI, № 3,870) и перепечатанной въ «Полномъ собраніи постановленій по вѣдомству св. синода» (т. I, № 348 по 2-му изданію), чтобы убѣдиться, что между западной инквизиціей и нашимъ «инквизиторскимъ приказомъ» не было ни единой черты сходства ни въ цѣляхъ учрежденія, ни въ размѣрахъ власти, ни въ способахъ дѣйствованія.

Всѣмъ извѣстно, что такое была западная инквизиція. Это было учрежденіе не только антиканоническое, такъ какъ въ канонахъ вселенской церкви нигдѣ не говорится о правѣ церкви подвергать смертнымъ казнямъ и какимъ бы то ни было наказаніямъ, существующимъ въ государствѣ и обществѣ гражданскомъ, кого либо за отступленіе отъ церкви и вѣры, но даже антихристіанское, такъ какъ Іисусъ Христосъ прямо сказалъ апостоламъ, хотѣвшимъ «свести огнь съ небесе» на нечестивыхъ самарянъ, не принявшихъ къ себѣ Божественнаго Учителя: «не вѣсте, коего духа єсте вы» (Лук., IX, 55). Вопреки разуму евангелія и прямому смыслу каноновъ вселенской церкви, католичество усвоило церкви, какъ церкви, въ отношеніи къ отступникамъ отъ чистоты вѣры, прерогативы уголовнаго суда, практиковавшагося государствомъ по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ и закононарушеніямъ, и въ нѣдрахъ самой церкви создало учрежденіе, компетентное не только отъ лица церкви, какъ церкви, постановлять смертные приговоры, но и средствами самой же церкви совершать смертныя казни надъ осужденными ею дѣйствительными или мнимыми отступниками отъ чистоты вѣры, подобно тому, какъ въ силу того же своего спеціально-католическаго права она считала себя компетентною возводить и низлагать государей, давать имъ инвеституры и изрекать свои интердикты. Инквизиціонный трибуналъ, постановлявшій приговоры о казняхъ «еретиковъ», состоялъ изъ лицъ исключительно духовныхъ, монаховъ Доминиканскаго ордена; даже низшіе служители этого судилища и исполнители казней принадлежали къ составу инквизиціоннаго учрежденія. Устройство инквизиціоннаго суда было свое особенное, отличное отъ

устройства какихъ бы то ни было другихъ судовъ даже того времени,—къ этимъ послѣднимъ инквизиція не имѣла никакихъ отношеній. Инквизиціонный судъ самъ констатировалъ «преступленія» противъ вѣры, подводя подъ это понятіе не только прямое отступленіе отъ формулъ катехизиса и правилъ внѣшняго поведенія, установленныхъ клиромъ, но и многія такія понятія, напримѣръ, въ области науки и общественныхъ отношеній, которыя позже самимъ католичествомъ были признаны за правильныя и истинныя. Достаточно припомнить исторію осужденія Галилея. Особенностями инквизиціоннаго суда были также: отсутствіе правильнаго судебнаго процесса и какихъ бы то ни было гарантій безошибочности приговоровъ и полный произволъ судей. Воодушевленные и ослѣпленные суровымъ фанатизмомъ, доминиканцы-инквизиторы постановляли приговоры по своему личному фанатическому усмотрѣнію, почему, какъ извѣстно, великое множество людей казнено было инквизиціей совершенно невинныхъ, преданныхъ ея суду по оговору клеветниковъ, обвинявшихъ тѣхъ или другихъ лицъ въ преступленіяхъ противъ вѣры единственн изъ побужденій личной вражды.

Ничего подобнаго не находимъ въ русскомъ «приказѣ протоинквизиторскихъ дѣлъ» и въ дѣятельности подвѣдомственныхъ ему инквизиторовъ. Этотъ приказъ вовсе не былъ учрежденіемъ ни судебнымъ, ни даже административнымъ. Предметомъ его дѣятельности отнюдь не былъ сыскъ отступниковъ отъ церкви, тѣмъ болѣе судъ надъ ними, а лишь наблюденіе надъ дѣятельностію церковно-административныхъ инстанцій въ епархіяхъ — «надсмотрѣніе всякаго духовнаго дѣйствія» и донесеніе синоду о замѣченныхъ упущеніяхъ и закононарушеніяхъ по вѣдомству церковнаго управленія. Именно инквизиторы имѣли обязанностію: смотрѣть за архіереями, во всемъ ли они поступаютъ по своей присягѣ, по правилимъ и по духовному регламенту, отдаютъ ли должную честь св. синоду, не поставляютъ ли въ духовные чины и должности на мздѣ, взимаютъ ли съ поставляемыхъ указныя пошлины; не имѣютъ ли духовные чины «купечества» и не пользуются ли незаконно какими либо угодьями и промыслами «ради скверныхъ прибытковъ», не даютъ ли послабленія и потачки раскольникамъ; не обижаютъ ли монастырскія начальства принадлежащихъ монастырямъ крестьянъ, налагая на нихъ излишнія подати и работы, не берутъ ли они взятокъ, правильно ли расходуются церковныя суммы, правильно ли производится церковный судъ, не дѣлается ли виновнымъ послабленія за взятки; наконецъ, институту инквизиторовъ поручено было смотрѣть за тѣмъ, чтобы всякаго рода судныя дѣла въ духовномъ вѣдомствѣ вершились въ свое время, въ законные сроки. Вотъ и все, что входило въ кругъ дѣятельности русскаго инкви-

зиторскаго приказа... Здѣсь не представляется надобности входить въ обсужденіе вопроса о томъ, на сколько цѣлесообразно было поручать іеродіакону надзирать надъ дѣятельностію епископа; достаточно замѣтить, что учрежденіе инквизиторскаго приказа вызывалось невозможностію непосредственнаго, со стороны высшаго церковнаго правительства, надзора за помѣстнымъ церковнымъ управленіемъ, вслѣдствіе отдаленности епископскихъ каѳедръ отъ центра церковнаго управленія, при дурныхъ въ то время способахъ сообщенія провинцій съ столицами и при необходимости надзора за ходомъ церковной жизни въ провинціяхъ въ виду нерѣдкихъ злоупотребленій со стороны лицъ, недостаточно осмотрительно поставленныхъ въ епископы. Но во всякомъ случаѣ для какого бы то ни было сближенія русскаго приказа протоинквизиторскихъ дѣлъ съ западной инквизиціей не представляется, очевидно, никакихъ основаній. Къ тому же, учрежденный въ параллель съ институтомъ фискаловъ гражданскаго вѣдомства, институтъ инквизиторовъ при синодѣ существовалъ недолго и скоро былъ упраздненъ. Повторяемъ: нужно было автору статьи «Русскаго Вѣстника» вовсе не имѣть понятія объ инквизиторскомъ приказѣ, чтобы усмотрѣть въ немъ какое либо подобіе западной инквизиціи...

Съ большею основательностью, чѣмъ въ инквизиторскомъ приказѣ, авторъ статьи могъ бы искать слѣдовъ и признаковъ западной инквизиціи въ другихъ учрежденіяхъ, существовавшихъ въ Россіи до Петра I и при немъ, напримѣръ, въ учрежденіяхъ, имѣвшихъ предметомъ дѣятельности расколъ, между которыми значатся и такія, какъ «приказъ церковныхъ дѣлъ», «розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія», самыя названія которыхъ какъ будто указываютъ на ихъ инквизиціонный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ не существовала ли на Руси также инквизиція чисто западнаго характера не подъ именемъ инквизиціи, а подъ какимъ либо другимъ именемъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сдѣлать хотя краткую экскурсію въ обширную область установленій, существовавшихъ у насъ, говоря современною юридическою терминологіей, для «предупрежденія и пресѣченія преступленій противъ вѣры», пользуясь при этомъ случаемъ познакомить читателей съ новыми историческими данными, содержащимися въ изданныхъ недавно томахъ «Описанія дѣлъ Синодальнаго архива», доселѣ не эксплоатированныхъ, сколько намъ извѣстно, ни въ юридической, ни въ исторической нашей литературѣ [1]).

При Петрѣ I, какъ и до него, дѣйствующимъ церковнымъ правомъ служила такъ называемая «Кормчая книга», содержащая въ

[1]) Въ настоящей статьѣ мы не дѣлаемъ особыхъ цитатъ для каждаго отдѣльнаго факта. Читатель легко ихъ найдетъ по предметнымъ указателямъ, имѣющимся при каждомъ томѣ «Описанія» и «Полнаго Собранія», подъ словами «Приказъ» и «Канцелярія».

себѣ съ одной стороны спеціально церковныя, каноническія, узаконенія (правила св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ, что̀, въ отдѣльности взятое, образуетъ такъ называемую «книгу правилъ»), съ другой—церковно-гражданскія постановленія греко-римскихъ императоровъ, состоявшіяся въ силу того покровительства, какое стало оказывать государство церкви послѣ того, какъ христіанство сдѣлалось государственной религіей Греко-Римской имперіи. Что касается законовъ собственно церковныхъ, каноновъ, относительно еретиковъ, то во всѣхъ ихъ строго выдерживается основное правило церковнаго суда, данное еще самимъ Іисусомъ Христомъ и записанное въ евангеліи: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ. Аще ли тебе не послушаетъ, поими съ собою еще единаго или два.. Аще ли не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви; аще же церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь (Мате., XVIII, 15—17). Правило это разъяснено въ отношеніи ереси апостоломъ въ одномъ изъ посланій: еретика—человѣка по двукратномъ увѣщаніи отрицайся (Тита, III, 10—11). Лице, замѣченное въ отступленіи отъ церкви или уклоненіи отъ правоты вѣры, сначала увѣщевалось, убѣждалось обратиться на путь истины, а затѣмъ, въ случаѣ непреклоннаго упорства въ заблужденіи, оно отлучалось отъ церкви, исключалось изъ состава церковнаго общества (что̀ позже стало называться анаѳемой).

Этимъ и исчерпывалась вполнѣ вся юрисдиція церкви, какъ церкви, по отношенію къ отступникамъ отъ истинной вѣры. Церковь православная, какъ церковь, никогда не знала такъ называемыхъ на гражданскомъ юридическомъ языкѣ преступленій противъ вѣры, т. е. дѣяній, караемыхъ гражданскими или уголовными наказаніями. Анаѳема, самое высшее изъ церковныхъ наказаній, не была наказаніемъ въ гражданскомъ смыслѣ, такъ какъ, за исключеніемъ лишенія права и чести быть членомъ церкви, не влекла за собою никакихъ лишеній для анаѳематствованнаго въ области его гражданскихъ правъ и правъ состоянія.

Но затѣмъ, послѣ того, какъ церковь анаѳемой заканчивала свой церковный судъ надъ еретикомъ и прекращала всякія къ нему отношенія, въ силу искони сложившихся на христіанскомъ востокѣ отношеній между церковію и государствомъ, отношеній солидарности, вслѣдствіе того покровительства, которое государство считало себя обязаннымъ оказывать церкви, со временъ Константина Великаго, «ревнуя по Господѣ Бозѣ и оберегаючи матерь свою святую церковь», какъ выражаются наши древніе юридическіе акты [1]), по

[1]) Такъ выражается, напримѣръ, Московскій соборъ 1681 г. См. Акты историч., т. V, № 75. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича заноситъ въ текстъ

отношенію къ необратившемуся еретику вступала въ дѣйствіе юрисдикція государства, признававшаго ересь закононарушеніемъ не только церковнымъ, но и государственнымъ, дѣяніемъ, угрожающимъ государственному порядку и благоустройству, что было совершенно справедливо, такъ какъ дѣйствительно разномысліе по религіознымъ вопросамъ влекло за собою очень часто большія смуты въ государствѣ, какъ это извѣстно изъ исторіи, напримѣръ, аріанскихъ и иконоборческихъ движеній... Итакъ, отчасти «ревнуя по Господѣ Бозѣ и оберегаючи церковь», отчасти оберегая свое собственное спокойствіе и порядокъ, государство, въ силу своей собственной юрисдикціи, считало своимъ правомъ и обязанностію обратить на ересіарховъ и еретиковъ дѣйствіе своей собственной уже не церковной, а государственной власти. Здѣсь и находили свое примѣненіе законы греко-римскихъ императоровъ объ отступникахъ отъ церкви и еретикахъ. Послѣ того, какъ церковь, по первомъ и второмъ увѣщаніи, отрекалась отъ еретика, изрекала на него анаѳему, и онъ становился для нея якоже язычникъ и мытарь, его брала въ свое завѣдываніе государственная власть и, если считала его опаснымъ для государства, предавала его гражданскому, или, говоря языкомъ нашей Кормчей, «градскому» суду, который и былъ компетентенъ примѣнить къ нему соотвѣтственныя статьи кодекса императора Юстиніана и другихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей для упорныхъ ересіарховъ, проповѣдь которыхъ угрожала спокойствію и миру государства, полагалась смертная казнь, между прочимъ, и чрезъ сожженіе, отрѣзаніе языковъ и т. п. Такой порядокъ вещей установленъ былъ для Греко-Римской имперіи, хотя, признаемся, указать факты сожженія еретиковъ или другаго вида ихъ смертной казни, не только въ періодъ вселенскихъ соборовъ, но и въ болѣе позднее время, на Востокѣ, мы затрудняемся. Обыкновенно относительно еретичествовавшихъ дѣло ограничивалось лишеніемъ ихъ сана—патріаршаго, митрополичья, епископскаго, священническаго, и ссылкой ихъ въ заточеніе. Въ болѣе позднее время Византійской имперіи, напримѣръ, во время иконоборческихъ смутъ, можетъ быть, были и смертныя казни; но въ это время партіи собственно-религіозныя до того смѣшивались съ партіями политическими, что трудно иногда опредѣлить, за что смертная казнь постигала то или другое лице—за «ересь» или за принадлежность къ побѣжденной политической партіи. Законы тутъ оставались не при чемъ или имѣли очень мало значенія: просто побѣдившая партія истребляла побѣжденную, по праву побѣдителя, очень мало основываясь на какихъ бы то ни было законоположеніяхъ.

своихъ постановленій изъ «Кормчей» одно изъ правилъ церковныхъ соборовъ: «рождатися въ благочестіи и въ вѣрѣ воспитани бывше цари руку даяти церквамъ должни суть» (Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 3).

Съ принятіемъ Россіей христіанства отъ грековъ и съ перенесеніемъ греческой Кормчей въ Россію въ качествѣ кодекса дѣйствующаго церковнаго и церковно-гражданскаго права, тотъ же самый порядокъ, само собою разумѣется, долженъ былъ установиться и въ Россіи. Когда возникла знаменитая ересь жидовствующихъ (и еще раньше—ересь стригольниковъ), государство подвергало еретиковъ смертной казни, причемъ, правда, за смертную же казнь высказывались иногда и представители церкви (напримѣръ, преподобный Іосифъ, игуменъ Волоцкій), но высказывались лично отъ себя, а не ex cathedra, не отъ лица церкви,—этого отнюдь нельзя сказать. Когда въ царствованіе Алексѣя Михайловича появился расколъ старообрядства, церковь, какъ церковь, оставалась вѣрна своему принципу—лишь увѣщевать заблуждающихся и послѣ непреклоннаго упорства ихъ въ заблужденіи отлучать отъ церкви, послѣ чего расколоучители поступали въ завѣдываніе «градскаго» суда. Но даже и здѣсь, когда Русское государство, «ревнуя по Господѣ Бозѣ и оберегаючи матерь свою святую церковь», примѣняло къ расколоучителямъ соотвѣтственныя статьи Кормчей, оно поступало съ ними не по всей строгости этихъ законовъ, не находя возможнымъ примѣнять старыя греко-римскія юридическія воззрѣнія среди условій русской государственной и церковной жизни. Извѣстно, что даже самые главные расколоучители — протопопъ Аввакумъ, дьяконъ Ѳеодоръ, Логгинъ, Лазарь и другіе, сначала для пресѣченія ихъ гибельной для государства пропаганды были лишь высланы изъ Москвы, и только послѣ того, какъ оказалось, что и изъ мѣстъ своей ссылки они дѣлали большую пропаганду раскола въ народѣ, повлекшую за собою самосожженія раскольниковъ цѣлыми тысячами и открытые бунты противъ властей (Соловецкій и др.), а также сожженіе раскольниками монастырей и цѣлыхъ деревень, признано было необходимымъ подвергнуть ихъ смертной казни чрезъ сожженіе. Что касается народныхъ массъ, уклонившихся въ расколъ, то они или утаивали свое раскольничество, что̀ было дѣлать имъ тѣмъ легче, что на ихъ сторонѣ большею частію оказывались не только священники, но и гражданскіе правители обитаемыхъ ими мѣстностей (объ этомъ имѣется достаточно свидѣтельствъ въ историческихъ актахъ), которые, по выраженію раскольническихъ историковъ, «поберегали ихъ братію», или разбѣгались въ отдаленныя отъ правительственнаго надзора мѣстности, въ разныя лѣсныя трущобы, гдѣ организовались въ самостоятельныя, независимыя отъ общаго строя и распорядка гражданскаго управленія государства, общины, или бродили тысячными толпами, грабя и разоряя православные монастыри и села [1]).

---

[1]) См., напримѣръ, судное дѣло о разореніи раскольниками Палеостровскаго монастыря—въ «Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» за 1849 годъ, №№ 1—14.

И по отношенію къ нимъ собственно церковь дѣйствовала лишь нравственными мѣрами, предписывая священникамъ увѣщевать ихъ, посылая къ нимъ нарочитыхъ миссіонеровъ и т. д. Но государство противъ нихъ вооружилось, какъ противъ враговъ общественнаго и государственнаго строя, и высылало противъ нихъ воинскія команды (напримѣръ, въ Олонецкихъ лѣсахъ дѣйствовалъ противъ раскольниковъ прапорщикъ Портновскій). Эти военныя экспедиціи противъ раскольническихъ скопищъ были, кажется, всѣ до одной безуспѣшны, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ при встрѣчѣ съ военными отрядами раскольники предавались самосожженію, предпочитая оное ожидавшимъ ихъ казнямъ [1]). Особенно строго относилась къ расколу государственная власть въ правленіе царевны Софіи, при которой противъ нихъ изданы были знаменитыя двѣнадцать статей, которыми, между прочимъ, предписывалось казнить смертію расколоучителей даже въ томъ случаѣ, если бы они и покаялись и заявили желаніе возсоединиться съ церковію. Но и въ это время, повторяемъ, церковь, какъ церковь, была не причастна всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ правительства гражданскаго,—она дѣйствовала лишь увѣщаніями и наставленіями.

Обращаясь къ эпохѣ Петра, мы находимъ здѣсь ту же двойственность, тотъ же параллелизмъ въ дѣйствіяхъ церкви и государства по отношенію къ отступникамъ отъ церкви: съ одной стороны церковь съ своими «обращательными» мѣропріятіями и учрежденіями, имѣющими своимъ предметомъ увѣщанія, которыя въ случаяхъ безуспѣшности оканчиваются отлученіемъ упорныхъ отъ церкви, съ другой стороны — государственная власть съ своею гражданскою юрисдикціей, съ своими законами и учрежденіями,

---

[1]) Вопросъ о причинахъ самосожженій раскольниковъ, впрочемъ, доселѣ еще не рѣшенъ исторіей раскола. Одни изслѣдователи считаютъ ихъ слѣдствіемъ страха предстоящихъ казней, другіе—плодомъ ихъ собственнаго фанатизма. Представителемъ перваго мнѣнія служатъ г. Есиповъ (если онъ — авторъ предисловія къ «Исторіи Выговской пустыни» въ изданіи Кожанчикова) и покойный Пекарскій (Наука и литература при Петрѣ I, т. II, стр. 551); представителемъ втораго—Щебальскій («Правленіе царевны Софіи», «Русскій Вѣстникъ», 1856 г., № 7). Мы съ своей стороны думаемъ, что въ самосожженіяхъ раскольниковъ имѣли значеніе обѣ причины, иногда—страхъ казней, болѣе мучительныхъ, чѣмъ самосожженіе, иногда лишь одинъ фанатизмъ; въ однихъ случаяхъ дѣйствовалъ одинъ который либо изъ этихъ мотивовъ, иногда оба вмѣстѣ. Что не одни преслѣдованія и страхъ казней были причиной самосожженія, что здѣсь имѣлъ мѣсто фанатизмъ, видно изъ того, что еще Аввакумъ проповѣдывалъ самосожженіе, какъ догматическій принципъ раскола: «иніи ревнители, пишетъ онъ въ «Книгѣ на крестоборную ересь», да не погибнутъ злѣ духомъ своимъ, собирающеся сожигахуся огнемъ своею волею: блаженъ изванъ сей о Господѣ!» Тюменскій попъ Дометіанъ писалъ въ одномъ посланіи: «собрались ко мнѣ въ пустыню добродѣтельные мужи и жены... и всѣ просятъ втораго не оскверняемаго крещенія огнемъ: что повелитъ твоя святыня?» Много извѣстно фактовъ самосожженія раскольниковъ въ такое время, когда они пользовались полною терпимостію и имъ ничто не угрожало.

имѣющими цѣлію съ одной стороны охрану церкви, съ другой— охраненіе государственнаго порядка, нарушеннаго раскольническими смутами и движеніями. Новую черту въ отношеніяхъ государства къ раскольникамъ въ царствованіе Петра I составляетъ лишь стремленіе эксплоатировать принципъ вѣротерпимости по отношенію къ заблуждающимся въ интересахъ государственнаго хозяйства и казны. Разумѣемъ взиманіе Петромъ I двойнаго подушнаго оклада съ раскольниковъ.

Русское государственное и церковное законодательство относительно раскола въ царствованіе Петра I и его преемниковъ, можно сказать, доселѣ остается малоизвѣстнымъ, не смотря на то, что еще съ 60-хъ годовъ въ нашей литературѣ существуетъ три сборника правительственныхъ распоряженій по дѣламъ раскола[1]). Лишь со времени выхода въ свѣтъ первыхъ томовъ «Описанія документовъ и дѣлъ архива св. синода» и «Полнаго собранія постановленій по вѣдомству св. синода» для насъ обрисовывается со всею подробностію церковно-правительственная и государственная, законодательная и административная, дѣятельность въ отношеніи раскола, которому какъ церковь, такъ и государство, со времени Петра I, какъ предмету своей дѣятельности, справедливо придавали особенное значеніе.

Учрежденій, имѣвшихъ предметомъ своей дѣятельности расколъ, при Петрѣ I существовало нѣсколько, а законовъ и распоряженій по этому предмету при немъ издано большое множество...[2]). Нельзя не признать, что при этомъ обнаружилась наклонность въ правительственномъ строѣ къ смѣшенію дѣла Божія, церковнаго, дѣла обращенія заблуждающихся на путь истины, съ дѣломъ кесаревымъ — съ утилизаціей раскола для цѣлей государственныхъ. Но слѣдуетъ, кажется, признать, что это стремленіе въ государѣ Петрѣ I возникло безсознательно и непреднамѣренно, будучи вызвано совершенно понятною заботою государя о сосредоточеніи всѣхъ дѣлъ о расколѣ въ одномъ учрежденіи, ради объединенія всѣхъ мѣропріятій противъ раскола въ одномъ центральномъ пунктѣ, какъ для избѣжанія возможныхъ противорѣчій между церковнымъ и гражданскимъ вѣдомствами, такъ и въ видахъ сокращенія расходовъ на личный составъ этихъ учрежденій... Но при этомъ, что касается собственно св. синода, то справедливость требуетъ замѣтить въ до-

---

[1]) Разумѣемъ: 1) восьмой томъ «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», составленный покойнымъ д. с. с. Ник. Вас. Варадиновымъ, содержащій въ себѣ спеціально исторію правительственныхъ узаконеній и распоряженій по дѣламъ раскола, 2) «Собраніе постановленій о расколѣ, изданныхъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ», 3) «Собраніе постановленій по дѣламъ о расколѣ, изданныхъ по вѣдомству св. синода».

[2]) Всѣ они въ настоящее время изданы въ «Полномъ собраніи постановленій по вѣдомству св. синода» томы I—VII.

полненіе къ вышесказанному, что въ дѣятельности противъ раскола ни подчиненія церкви государству, ни смѣшенія двухъ сферъ дѣятельности, церковной и свѣтской, всетаки, не произошло; оставалась почти все время лишь прежняя солидарность двухъ сферъ къ обоюдной пользѣ, при полной самостоятельности той и другой власти въ своихъ предѣлахъ. И, что особенно замѣчательно для насъ въ настоящемъ случаѣ, въ дѣятельности какъ церкви, такъ и государства, въ царствованіе Петра I отнюдь не оказывается инквизиціоннаго фанатизма, какъ думаетъ авторъ названной выше статьи.

Изъ своихъ заграничныхъ путешествій Петръ I, какъ извѣстно, вывезъ благоговѣніе къ памяти Лютера (онъ съ досады разбилъ чашу, изъ которой пилъ Лютеръ, когда ему не хотѣли оную подарить, и замѣтилъ, что сооруженный въ Виртембергѣ памятникъ Лютеру недостаточно величественъ для такого великаго человѣка) и принципъ вѣротерпимости: «заблуждающихъ нужно обращать на путь истины не принужденіемъ, а убѣжденіемъ»,—говорилъ онъ еще въ бытность патріаршества. Но почему-то до 1716 года этотъ принципъ не имѣлъ примѣненія въ отношеніи къ расколу. Съ начала царствованія Петра I до 1716 года существовалъ старый порядокъ; дѣйствующимъ церковнымъ и государственнымъ законодательствомъ въ отношеніи къ расколу оставалась попрежнему «Кормчая» въ обѣихъ своихъ частяхъ и «Уложеніе». Завѣдывали дѣлами о расколѣ два учрежденія, по одному отъ каждаго вѣдомства— церковнаго и государственнаго: со стороны церкви «обращательными дѣлами», то-есть увѣщаніемъ раскольниковъ, наряду съ дѣлами о суевѣріяхъ, ханжествѣ, волшебствѣ и по охраненію благочестія въ народѣ завѣдывалъ «патріаршій духовный приказъ», со стороны государства тайный приказъ (иначе «приказъ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ») завѣдывалъ собираніемъ свѣдѣній о существующихъ раскольникахъ и вновь совращающихся въ оный; замѣченныхъ въ раскольничествѣ тайный приказъ отсылалъ въ духовный приказъ для увѣщанія, а въ случаѣ безуспѣшности таковаго бралъ обратно въ свое распоряженіе для учиненія съ ними по силѣ градскаго закона; однако о казняхъ раскольниковъ (ученіе которыхъ не имѣло открыто противогосударственнаго значенія) по опредѣленіямъ тайнаго приказа намъ ничего неизвѣстно. Розыску и казнямъ по опредѣленію тайнаго приказа подвергались лишь тѣ расколоучители, ученіе которыхъ имѣло не только противоцерковный, но и открыто противогосударственный характеръ, каковы были Талицкій и Левинъ, проповѣдывавшіе пришествіе антихриста въ лицѣ самого императора Петра I. Духовный патріаршій приказъ завѣдывалъ «обращательными» дѣлами раскола лишь до 1716 года, хотя другими дѣлами, входившими въ сферу его дѣятельности по первоначальному учрежденію, онъ завѣдывалъ (въ предѣлахъ такъ

называемой Патріаршей области) до времени учрежденія синода, и упраздненъ былъ не раньше, какъ 28-го марта 1722 года.

Въ 1716 году, руководимый отчасти принципомъ вѣротерпимости, отчасти во вниманіе къ заслугамъ раскольниковъ для государства, каковы были помощь, оказанная ему стародубскими раскольниками въ борьбѣ съ Карломъ XII, и заслуги выговцевъ по отыскиванію и разработкѣ рудъ, главнымъ же образомъ руководимый интересами казны, Петръ I позволилъ раскольникамъ свободно содержать свое «древнее благочестіе» подъ условіемъ платежа двойнаго подушнаго оклада. Съ этого момента для дѣятельности церкви и государства по отношенію къ расколу, повидимому, уже окончательно обозначились два отдѣльныхъ пути: со стороны государства—вѣротерпимость и собираніе двойнаго оклада, со стороны церкви—попрежнему миссіонерская и «увѣщательная» дѣятельность. Однако, сначала вышло не совсѣмъ такъ. Желая вообще утилизировать дѣятельность церкви для государственныхъ цѣлей, Петръ всего полнѣе надѣялся достигнуть этого въ дѣлахъ о расколѣ. Фискальныя отношенія къ расколу, которыя вѣдать должно было государство, онъ старался пріурочить къ дѣятельности церкви, смутно представляя себѣ то различіе функцій церковной и государственной въ дѣятельности относительно раскола, какое должно было имѣть въ ней мѣсто по смыслу самой «Кормчей», главнымъ же образомъ имѣя въ виду чрезъ такое пріуроченіе достигнуть экономіи въ расходахъ на содержаніе противораскольническихъ учрежденій. Вслѣдствіе этого, сначала при патріархѣ или, что тоже, при его мѣстоблюстителѣ, а затѣмъ при синодѣ, возникли одно за другимъ учрежденія чисто гражданскаго характера, дѣятельность которыхъ представляла смѣшеніе функцій церковнаго свойства съ функціями гражданскими, при чемъ на долю святѣйшаго синода приходилось лишь значеніе исполнительнаго органа—по регистраціи раскольниковъ и по собиранію съ нихъ двойнаго подушнаго оклада и штрафовъ—и передаточной инстанціи для этихъ сборовъ. Однако, это стремленіе осуществлялось не вполнѣ, и лишь нѣкоторое время. Синоду удалось освободиться и отъ сыска раскольниковъ, и отъ роли передаточной лишь инстанціи сборовъ съ раскольниковъ. Дѣятельность правительства, церковнаго и гражданскаго, по отношенію къ расколу, вслѣдствіе новаго порядка вещей, установившагося съ 1716 года, должна была состоять изъ слѣдующихъ функцій: миссіонерство у раскольниковъ и увѣщаніе ихъ; регистрація раскольниковъ и запись ихъ подъ двойной подушный окладъ; взиманіе этого оклада и счетоводство по этому предмету; запись неисповѣдывавшихся и взиманіе съ нихъ штрафовъ; сыскъ и принудительная запись, въ случаѣ необращенія, подъ двойной подушный окладъ раскольниковъ потаенныхъ; мѣропріятія противъ раскольниковъ, не желавшихъ ни возсоединиться съ цер-

ковью, ни платить двойной подушный окладъ; мѣропріятія противъ совращенія въ расколъ изъ православія; дѣятельность противъ расколоучителей, особенно тѣхъ, ученіе которыхъ имѣло характеръ противогосударственный. Эти функціи мы находимъ распредѣленными между вновь возникшими и прежними учрежденіями по дѣламъ раскола такимъ образомъ.

Объ «оказательствѣ» раскольниковъ въ той или другой мѣстности священники приходскіе сообщаютъ архіереямъ, которые доносятъ о томъ патріарху, позже его мѣстоблюстителю, еще позже синоду чрезъ патріаршій духовный приказъ, позже—чрезъ приказъ церковныхъ дѣлъ. Патріаршій духовный приказъ существовалъ до 1722 года, завѣдуя всѣми дѣлами по обращенію раскольниковъ въ патріаршей (послѣ синодальной) области. Съ уничтоженіемъ его дѣла его поступили въ завѣдываніе Московской духовной дикастеріи. Въ 1717 году «всякія раскольническія дѣла вѣдать» поручено было «приказу церковныхъ дѣлъ», также старому учрежденію патріаршихъ временъ, въ 1717 году поступившему въ завѣдываніе архимандрита Златоустовскаго монастыря Антонія. Но, хотя этому приказу и велѣно было сначала вѣдать всякія раскольническія дѣла, кромѣ дѣлъ патріаршей области, вѣдавшихся въ духовномъ приказѣ, однако, вскорѣ, кромѣ того, изъ его вѣдѣнія были изъяты: 1) сборъ двойнаго оклада съ записныхъ раскольниковъ, который указами Петра I 1716, 1717 и 1722 годовъ былъ порученъ губернаторамъ и камерирамъ, а въ Нижегородской губерніи во все время царствованія Петра I находился въ завѣдываніи вице-губернатора Ржевскаго и епископа Питирима, совмѣстная дѣятельность которыхъ противъ раскола обратила изъ онаго въ православіе въ короткое время свыше 65,000 человѣкъ и двойнаго подушнаго оклада доставила болѣе 100,000 руб., сумму, по тому времени, громадную. 2) Въ С.-Петербургѣ и новозавоеванныхъ городахъ дѣлами раскола завѣдывало нѣкоторое время «тіунское управленіе» или тіунская контора при синодѣ, подъ управленіемъ архимандрита Трифиллія.

Подобно тому, какъ при духовномъ приказѣ одновременно съ нимъ дѣйствовало противъ раскола государственное учрежденіе — тайная канцелярія, такъ, во время дѣятельности со стороны церкви приказа церковныхъ дѣлъ, со стороны государства существовала «канцелярія Плещеева» (чрезвычайнаго уполномоченнаго лица, прежде временно завѣдывавшаго духовнымъ и монастырскимъ приказами), представлявшая не что иное, какъ преобразованную тайную канцелярію. Канцелярія полковника Плещеева, подобно тайной канцеляріи, вѣдала дѣла раскола лишь между прочимъ, именно она имѣла въ своемъ распоряженіи изъ дѣлъ раскольническихъ:ыскъ потаенныхъ раскольниковъ, которыхъ для записи подъ двойной подушный окладъ отсылала въ приказъ церковныхъ дѣлъ; она за-

вѣдывала, согласно указамъ императора Петра I, разсылкой раскольниковъ, не желавшихъ ни обратиться къ церкви, ни платить двойной подушный окладъ, на работы въ Рогервикъ и въ Сибирь на поселеніе; она судила расколоучителей и уклоняющихся вновь въ расколъ изъ обратившихся въ православіе; наконецъ, въ нее посылались для правежа монахи, за расколъ лишенные сана, не желавшіе обратиться къ церкви. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что канцелярія Плещеева уже меньше, чѣмъ тайная канцелярія, входила въ дѣла раскола, такъ что, напримѣръ, для полученія свѣдѣній о незаписавшихся подъ двойной окладъ добровольно раскольникахъ, приказъ церковныхъ дѣлъ, не довольствуясь списками неисповѣдывавшихся, сообщенными отъ священниковъ, имѣлъ право и обязанность отъ себя, помимо канцеляріи Плещеева или чрезъ оную, разсылать въ населенныя раскольниками мѣстности присылавшихся къ нему для этой цѣли офицеровъ, что̀ собственно должно было быть обязанностію канцеляріи.

Съ учрежденіемъ святѣйшаго синода въ 1721 году въ немъ сосредоточивается завѣдываніе всѣми дѣлами раскола, какъ «обращательными», такъ и всякаго рода сборами съ раскольниковъ. Нарочитымъ указомъ императора предписано было о невмѣшательствѣ въ дѣла раскола со стороны Преображенской канцеляріи, которая послѣ тайной канцеляріи имѣла въ своемъ вѣдѣніи дѣла о расколоучителяхъ съ противогосударственными идеями, но, по особой ревности къ своему дѣлу И. Ѳ. Ромодановскаго, завѣдывавшаго этой канцеляріей, вмѣшивалась въ дѣла и о простыхъ раскольникахъ: указъ напоминалъ Ромодановскому, что расколъ «всѣми дѣлами вѣдомъ въ духовной коллегіи». Въ то же время предписано камерирамъ и воеводамъ, занимавшимся, какъ сказано выше, собираніемъ свѣдѣній о раскольникахъ для тайной канцеляріи, не касаться дѣлъ раскола безъ вѣдома синода, который одинъ и сталъ вѣдать и увѣщаніе раскольниковъ, и сборъ штрафныхъ денегъ съ неисповѣдающихся, и сборъ двойнаго оклада съ раскольниковъ записныхъ. Собранныя деньги святѣйшій синодъ имѣлъ обязанность препровождать въ штатсъ-конторъ-коллегію, оставляя у себя лишь сборы съ неисповѣдывавшихся на нужды по обращенію раскольниковъ въ православіе, то-есть на посылку къ нимъ миссіонеровъ и т. д. Для «обращательныхъ» дѣлъ въ синодѣ, въ самыхъ нѣдрахъ его, была учреждена особая «контора раскольническихъ дѣлъ», состоявшая изъ двухъ синодальныхъ членовъ: архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго и іеромонаха Аѳанасія Кондоиди. Этой конторѣ обязаны своимъ происхожденіемъ такія свѣтлыя явленія, какъ миссіи къ раскольникамъ іеромонаховъ: Неофита (въ Олонецкіе скиты) и Іосифа Рѣшилова (въ Стародубье), а равно поддержка дѣятельности епископа Питирима въ Нижегородской епархіи. На синодъ же возложены были сначала и другія функціи дѣятельно-

сти относительно раскола, лежавшія по частямъ на духовномъ и церковномъ приказахъ, на канцеляріи Плещеева и другихъ учрежденіяхъ. Но скоро — не болѣе, какъ года черезъ два по своемъ учрежденіи — святѣйшій синодъ нашелъ невозможнымъ совмѣщать всѣ эти функціи въ своей дѣятельности и снова вполнѣ успѣшно отклонилъ отъ своего непосредственнаго завѣдыванія все то, что прежде лежало на обязанности прежнихъ упраздненныхъ учрежденій государственныхъ, завѣдывавшихъ дѣлами раскола канцелярій — тайной и Плещеева. Въ 1723 году было вновь учреждено новое государственное учрежденіе, имѣвшее предметомъ дѣятельности завѣдываніе всѣми дѣлами раскола, кромѣ «обращательныхъ» или миссіонерскихъ, которыя введены были въ кругъ обычныхъ обязанностей помѣстнаго епархіальнаго управленія, и вѣдались синодальною раскольническою конторой. Учрежденіе это—«розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія» — находилось, естественно, въ близкихъ отношеніяхъ къ синоду, но состояло уже изъ лицъ, исключительно свѣтскихъ, назначавшихся, кажется, сенатомъ. Завѣдывалъ ею судія Топильскій, одинъ изъ болѣе извѣстныхъ дѣльцовъ-бюрократовъ второй степени, временъ Петра I. Эта канцелярія совмѣщала въ себѣ предметы дѣятельности отчасти прежняго приказа церковныхъ дѣлъ, упраздненнаго окончательно 20-го мая 1724 года, отчасти канцеляріи Плещеева, на сколько она завѣдывала дѣлами о расколѣ. Годъ учрежденія розыскной раскольническихъ дѣлъ канцеляріи съ точностію намъ неизвѣстенъ, равно и дѣлъ ея не было у насъ подъ руками (они хранятся, судя по нѣкоторымъ даннымъ, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи). Въ дѣлахъ Синодальнаго архива мы находимъ лишь указаніе на то, что она учреждена была взамѣнъ той части канцелярія Плещеева, которая завѣдывала дѣлами о расколѣ. Въ этомъ видѣ она дѣлается извѣстною по дѣламъ Синодальнаго архива 13-го февраля 1723 года, съ назначеніемъ въ нее «судіею» Топильскаго. Въ 1725 году имѣлось въ виду сдѣлать изъ нея даже особую «коллегію». Изъ донесеній Топильскаго видно, что ей поручено было вѣдать «дѣла раскольническія, касающіяся до гражданскаго суда», «о старцахъ и старицахъ (то-есть лицахъ монашествующихъ), отъ раскола не обращающихся», «о прелестныхъ учителяхъ раскольническихъ, которыхъ въ оной канцеляріи можно истязывать о прелести ихъ, и кого они повредили ученіемъ своимъ», дѣла о вновь совращавшихся въ расколъ. Съ закрытіемъ приказа церковныхъ дѣлъ 20-го мая 1724 года, въ розыскную раскольническихъ дѣлъ канцелярію поступило завѣдываніе регистраціей записныхъ раскольниковъ и неисповѣдающихся, сборами двойнаго оклада съ раскольниковъ и штрафовъ съ неисповѣдывавшихся, сыскъ раскольниковъ потаенныхъ и запись ихъ подъ двойной окладъ. Раскольническія дѣла Нижегородской епархіи, а равно С.-Петер-

бурга и новозавоеванныхъ городовъ, изъяты были и изъ ея вѣдѣнія, какъ были изъяты изъ вѣдѣнія Плещеева; первыми завѣдывала нижегородская раскольническая канцелярія, вторыми с.-петербургская тіунская контора. Такимъ образомъ два рода дѣлъ канцелярія розыскныхъ дѣлъ приняла на себя не одновременно: сперва, въ февралѣ 1723 года, дѣла, вѣдавшіяся канцеляріей Плещеева, и въ мартѣ слѣдующаго года (1724) дѣла, вѣдавшіяся приказомъ церковныхъ дѣлъ. Канцелярія просуществовала лишь до 7-го февраля 1726 года, то-есть около четырехъ лѣтъ. Упраздненіе ея было вызвано рядомъ вооруженныхъ возстаній противъ посылавшихся ею для сбора штрафовъ и двойнаго оклада съ раскольниковъ отрядовъ вооруженныхъ солдатъ. Населенія городовъ Твери, Курска, Новгорода, Пскова, Старой Руссы, Новоторжска, Ржевы-Володимеровой, Кашина, Обояни и множества деревень съ оружіемъ и дреколіями выступали противъ воинскихъ командъ и выдерживали съ ними кровопролитныя битвы, чтобы не платить взыскиваемаго двойнаго оклада и штрафовъ за бороды и неисповѣдь. Послѣ многочисленныхъ донесеній со всѣхъ сторонъ о подобныхъ кровавыхъ столкновеніяхъ, рѣшено было упразднить розыскную канцелярію, и послѣ того ни одно изъ подобныхъ учрежденій не возникало при синодѣ. Дѣла канцеляріи переданы были стольнику Савелову въ сенатѣ.

Послѣ этого краткаго обзора учрежденій временъ Петра I по дѣламъ раскола, намъ теперь легко отвѣтить на поставленный въ началѣ вопросъ: имѣли ли эти учрежденія характеръ инквизиціонный, и можно ли обвинять православную русскую церковь временъ Петра I въ томъ, будто она была причастна западному грѣху инквизиціоннаго отношенія къ заблуждающимся въ вѣрѣ. Очевидно, на эти вопросы не можетъ быть другаго отвѣта, какъ только отрицательный. Патріаршій духовный приказъ, приказъ церковныхъ дѣлъ, раскольническая контора святѣйшаго синода— тіунская контора и самъ синодъ имѣли предметомъ своей дѣятельности лишь «обращательныя» дѣла, то-есть увѣщаніе раскольниковъ обратиться къ церкви, состязанія съ ними, для которыхъ раскольники особыми повсемѣстно распубликованными указами приглашались являться въ синодъ добровольно и «безбоязненно», изданіе сочиненій, опровергающихъ раскольническія заблужденія и т. п. Ни сыскомъ раскольниковъ незаписныхъ, ни тѣмъ болѣе судомъ надъ ними по «градскимъ» законамъ «Кормчей» и «Уложенія», эти учрежденія не занимались, отнюдь не усвояя себѣ правъ гражданскаго, тѣмъ болѣе уголовнаго суда, не назначали ни денежныхъ штрафовъ, ни какихъ либо другихъ наказаній, кромѣ отлученія нераскаянныхъ отъ церкви, лишь отчасти («приказъ церковныхъ дѣлъ») совмѣщая въ своей дѣятельности, по требованію государства, функцію фискальную, то-есть регистрацію раскольниковъ въ

видѣ отмѣтокъ въ исповѣдныхъ росписяхъ неисповѣдывавшихся, и сбора, съ записью, поступавшихъ съ раскольниковъ двойнаго подушнаго платежа и штрафовъ. Ни самъ синодъ, ни состоявшія при немъ учрежденія, не имѣли по отношенію къ раскольникамъ права «розыска съ пристрастіемъ» (каковой розыскъ характеризовалъ бы эти учрежденія, какъ инквизиціонныя). О существованіи или «оказательствѣ» раскольниковъ въ той или другой мѣстности синодъ узнавалъ или отъ епархіальныхъ преосвященныхъ, которые въ свою очередь руководились доношеніями приходскихъ священниковъ, или отъ государственныхъ учрежденій, — узнавалъ для того о прихожанахъ, не являвшихся къ исповѣди или открыто отрекавшихся отъ церкви и учившихъ противно ея ученію, чтобы принимать противъ раскола лишь свои «обращательныя» мѣры, въ случаѣ безуспѣшности которыхъ раскольники становились для церкви «яко же язычникъ и мытарь» и поступали, по силѣ законовъ государственныхъ, въ завѣдываніе государственныхъ учрежденій, каковы были тайная канцелярія, канцелярія Плещеева, отчасти Преображенская канцелярія, розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія. Но и эти государственныя учрежденія, какъ видно изъ предъидущаго, въ царствованіе Петра I были учрежденіями отнюдь не инквизиціонными, а лишь фискальными, и существовали не для иныхъ какихъ либо цѣлей, какъ только для цѣлей взиманія назначенныхъ государственною властію штрафовъ и двойныхъ подушныхъ окладовъ. Мѣры, практиковавшіяся этими учрежденіями для взиманія денегъ съ раскольниковъ, были обычныя въ то время, да и послѣ, полицейскія мѣры, какія употреблялись вообще для неопустительнаго взысканія всякихъ государственныхъ податей. Даже военныя экзекуціи (Коптѣлова, Рожнова и др.), употреблявшіяся для этой цѣли, не могутъ быть приравниваемы къ дѣяніямъ инквизиціоннымъ по той причинѣ, что это были мѣры не инквизиціи, а реквизиціи, и употреблялись не какъ казнь за расколъ, а какъ принудительная мѣра для исполненія раскольниками наложенной на нихъ государствомъ гражданской обязанности. Былъ лишь одинъ родъ раскольническихъ дѣлъ, когда употреблялась въ дѣло пытка (въ тайной канцеляріи и въ Преображенской канцеляріи) и даже смертная казнь: это когда приходилось власти имѣть дѣло не съ простымъ отступленіемъ отъ церкви — раскольничествомъ, а съ расколоучительствомъ политическаго и противогосударственнаго характера, съ оскорбленіемъ величества и съ воззваніемъ, яко бы во имя вѣры, къ открытому бунту противъ верховной власти: таковы были дѣла Талицкаго и Левина и многихъ другихъ, провозглашавшихъ императора Петра I антихристомъ. Но это были уже не дѣла по отступленію отъ церкви, а преступленія политическія, которыя и судились обычнымъ уголовнымъ су-

домъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ инквизиціей, которая всегда судила подобнымъ же образомъ преступленія собственно противъ вѣры.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу заявленія автора упомянутой статьи о томъ, будто «долго и послѣ Петра I все гражданское и церковное управленіе было проникнуто инквизиторскимъ настроеніемъ». Достаточно припомнить личный составъ высшаго церковнаго и гражданскаго управленія въ Россіи при Екатеринѣ I, при Петрѣ II и при Аннѣ Іоановнѣ, для того, чтобы видѣть всю несообразность такого обвиненія. При Екатеринѣ I и при Петрѣ II св. синоду не разъ приходилось подавать имъ жалобы, въ видѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ, на то, что «церковное правительство въ уничиженіи быть значится» отъ правительства гражданскаго—верховнаго тайнаго совѣта, который нерѣдко стѣснялъ церковь въ самыхъ законныхъ ея требованіяхъ и нуждахъ, въ томъ числѣ и по дѣламъ «обращательнымъ». Управлявшіе государствомъ нѣмцы, Остерманъ и Минихъ, позже, при Аннѣ, Биронъ и Левенвольдъ, открыто покровительствовали протестантству въ ущербъ интересамъ церкви государственной. Исторія съ «Камнемъ вѣры» и страдальческая кончина архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго, котораго за православіе «били шелепами снемъ рубаху», два года томили въ тяжкомъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, пока не замучили до полнаго изнеможенія, достаточно показываютъ, на сколько «инквизиціонно» ревновало въ интересахъ церкви «православное» гражданское правительство «времени преемниковъ Петра I». Да и изъ церковныхъ правителей вицепрезидентъ синода Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, дружественно сносился съ расколоучителями, велъ переписку съ знаменитымъ выговскимъ настоятелемъ Андреемъ Денисовымъ, котораго, по словамъ совершенно достовѣрнаго свидѣтельства раскольниковъ, въ своихъ письмахъ «возлюбленнымъ о Христѣ братомъ ублажаше». А при Петрѣ I былъ такой случай. Выговскій «настоятель», расколоучитель Семенъ Денисовъ, былъ отправленъ своимъ «монастыремъ» въ Новгородъ для пріобрѣтенія тамъ Великихъ Миней-Четіихъ митрополита Макарія, которыхъ не оказывалось въ Выговской монастырской библіотекѣ, а, можетъ быть, для пропаганды раскола или для организаціи тамъ раскольническихъ общинъ. На основаніи закона о расколоучителяхъ онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ арестъ при архіерейскомъ домѣ, гдѣ самъ митрополитъ Іовъ занялся его обращеніемъ въ православіе. И что же? За узника вступается и ходатайствуетъ предъ государемъ самъ мѣстный губернаторъ (Корсаковъ); когда вѣсть объ арестѣ Семена достигла Петербурга, жена свѣтлѣйшаго Меншикова (извѣстная филантропка своего времени и прекраснѣйшая женщина) посылаетъ ему гостинцы и разныя принадлежности одежды, и ходатай-

ствуетъ за него предъ мужемъ [1]). Узнику удалось бѣжать изъ тюрьмы, сломавъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ. Когда объ этомъ донесли Петру I, онъ сказалъ: «ну, и Богъ съ нимъ!» Возвратившись въ свой монастырь, Денисовъ снова безпрепятственно вступилъ въ отправленіе своихъ настоятельскихъ обязанностей въ виду и съ вѣдома мѣстныхъ гражданскихъ властей.

Это ли «инквизиціонный духъ гражданскаго и церковнаго правительства при преемникахъ Петра I»? [2]).

Николай Барсовъ.

[1]) «Дивлюсь я, — говорила княгиня своему мужу (по словамъ одного изъ біографовъ Андрея Денисова),—что такою свѣтлостію отъ самаго царскаго величества осіяннаго тебя прелукавилъ оный гнилоносный чернецъ (то-есть митрополитъ Іовъ), оболгавъ бѣднаго узника, якобы твоей свѣтлости ругателя, твое сіятельство скотиною нарекшаго». Меншиковъ отвѣчалъ ей: «Пошли ему нѣчто, да не сокрушится сердце его печалію, будто мы на него прогнѣваны». Княгиня послала ему рубаху съ портами, повелѣвъ не печалиться (См. «Жизнь» Андрея Денисова, рукоп. импер. публичной библіотеки, № 1276).

[2]) Этими замѣчаніями по поводу статьи анонима въ «Русскомъ Вѣстникѣ» мы и ограничимся, хотя можно бы сказать еще не мало по поводу нѣкоторыхъ другихъ мнѣній автора. Отмѣтимъ лишь странное обвиненіе авторомъ статьи Петра I въ томъ, что онъ въ духовномъ регламентѣ (ч. I, гл. 7) «приравнивалъ себя къ Христу Господню», тогда какъ «царь Ѳедоръ Алексѣевичъ запретилъ указомъ приравнивать его къ Богу». Дѣло въ томъ, что авторъ регламанта называетъ не Петра I, а царя (вообще) Христомъ Господнимъ въ смыслѣ помазанника (погречески христосъ), что вовсе не значитъ, чтобы Петръ I приравнивалъ себя къ Іисусу Христу. Недоразумѣніе произошло отъ того, что слово христосъ напечатано ошибочно въ послѣднемъ изданіи регламента съ большой, а не съ маленькой буквы (Х, а не х). Ученіе о томъ, что цари суть христы (помазанники), то-есть что имъ, какъ воспріявшимъ священное мѵропомазаніе при вѣнчаніи на царство, преподаются особые дары Св. Духа, есть катехизическое ученіе церкви.

СИЛУЭТЫ РУССКИХЪ АДМИНИСТРАТОРОВЪ.

НАША изящная литература много занималась русскимъ администраторомъ, даже неоднократно пыталась возвести его въ типъ, и тѣмъ не менѣе наше общество составило себѣ о немъ нѣсколько одностороннее представленіе. Это очень понятно. Исторія администраторами не занимается. Она знаетъ только государственныхъ людей, дающихъ то или другое общее направленіе всей жизни государства,— а администраторъ? Онъ вѣдь простой исполнитель предначертаній начальства. Поэтому мы имѣемъ историческія монографіи о нашихъ государственныхъ людяхъ (и то, къ сожалѣнію, очень немного), но изъ администраторовъ удостоились этой чести только тѣ, которые впослѣдствіи сдѣлались государственными людьми: тогда изслѣдователи вкратцѣ разсматриваютъ ихъ предшествовавшую административную дѣятельность. Наши историческіе журналы стараются восполнить этотъ пробѣлъ, но наталкиваются тутъ на разныя препятствія. Зато публицистика и въ особенности беллетристика посвятила русскому администратору немало страницъ, иногда весьма бойкихъ и талантливыхъ. Намъ хорошо знакомы типы: городничаго, градоправителя, помпадура и т. д. Однако, этими типами почти исчерпывается знакомство нашего средняго интеллигентнаго человѣка съ русскимъ администраторомъ. Другими словами, отрицательныя стороны дѣятельности нашихъ администраторовъ обратили на себя общее вниманіе; положительныя же остались

въ тѣни, не потому, конечно, чтобы ихъ совсѣмъ не было, а потому, что публицистика и беллетристика (мы имѣемъ въ виду лучшихъ ея представителей) ихъ систематически игнорировали, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ установился взглядъ, что всѣ русскіе администраторы подходятъ подъ типы либо салтыковскаго помпадура, либо въ лучшемъ случаѣ—толстовскаго Каренина (хотя послѣдній и не простой администраторъ, а государственный человѣкъ).

Съ точки зрѣнія успѣховъ русской жизни глубоко прискорбенъ фактъ, что между нашею изящною литературою и государствомъ произошло самое сильное разобщеніе именно въ тотъ моментъ, когда правительство наиболѣе приблизилось къ обществу, когда оно отнеслось къ нему съ особеннымъ довѣріемъ, поручивъ ему завѣдываніе многими отраслями судебной и административной дѣятельности. Наканунѣ этого знаменательнаго періода, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, появилось у насъ послѣднее великое твореніе русской художественной мысли, въ которомъ еще живымъ ключемъ бьетъ сознаніе тѣсной связи между задачами литературы и государства. Мы говоримъ о второй части «Мертвыхъ Душъ». Но русское общество какъ бы проглядѣло основную мысль нашего великаго художника. Личность генералъ-губернатора показалась искусственною, дѣланною. Его глубокая, пламенная рѣчь, проникнутая истинно-государственнымъ сознаніемъ, прозвучала безслѣдно. Чичиковъ, Собакевичъ, Ноздревъ, городничій, почтмейстеръ пришлись нашему обществу по сердцу; слова генералъ-губернатора, призывавшаго всѣхъ, у кого «еще есть въ груди русское сердце и (кому) понятно сколько нибудь слово благородство», «возстать противу неправды», потому что иначе «все будетъ безуспѣшно», «какъ ни ограничивай дѣйствія дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ»,—эти слова генералъ-губернатора, тутъ же сознававшагося, что онъ, «можетъ быть, больше всѣхъ виноватъ» своею суровостью, своею излишнею подозрительностью, не произвели впечатлѣнія. А это былъ въ нашей литературѣ послѣдній отголосокъ полуторавѣковаго ея единенія съ государственною властью въ дѣлѣ обезпеченія процвѣтанія отечества. Съ политической точки зрѣнія, Гоголь является представителемъ прежней русской литературы, не утратившей еще сознанія тѣсной связи между главными факторами народной жизни, и родоначальникомъ новой, поставившей себѣ цѣлью достигнуть народнаго благополучія помимо или даже противъ государства.

Но это—вопросъ огромный, далеко выходящій изъ рамокъ нашего этюда. Мы тутъ хотимъ только указать, что вслѣдствіе разобщенія, происшедшаго между государствомъ и литературой, отъ послѣдней нельзя было ожидать полной и безпристрастной оцѣнки дѣятельности русскаго администратора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сколько нибудь отчетливаго пониманія послѣдовательнаго развитія

административныхъ задачъ и пріемовъ. Изучить безконечные циркуляры, указанія, распоряженія, предписанія, составляемые или получаемые, напримѣръ, нашими губернаторами, является трудомъ либо просто невозможнымъ, либо непосильнымъ. Такимъ образомъ вопросъ сводится къ впечатлѣніямъ, а послѣднія въ свою очередь главнымъ образомъ зависятъ отъ нашего настроенія или отъ стороннихъ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ и которыя донынѣ не благопріятствовали безпристрастной оцѣнкѣ дѣятельности нашихъ администраторовъ. Поэтому насъ живо заинтересовала книга, появившаяся въ концѣ прошлаго года въ Саратовѣ подъ заглавіемъ: «Циркуляры, указанія и рѣчи г. начальника Саратовской губерніи, генералъ-лейтенанта А. И. Косича». Тутъ на 102 страницахъ читатель можетъ составить себѣ объективное и очень ясное понятіе о 4-лѣтней дѣятельности (съ 1887—1891 г.) одного изъ нашихъ губернаторовъ, провѣрить, насколько эта дѣятельность соотвѣтствуетъ господствующему у насъ взгляду на русскаго администратора, и, вспомнивъ факты изъ близкаго или болѣе отдаленнаго прошлаго, уяснить себѣ вопросъ, сдѣлала ли наша административная практика успѣхи или застыла на прежнихъ своихъ пріемахъ.

По крайней мѣрѣ, когда я просматривалъ сборникъ бывшаго саратовскаго губернатора (какъ извѣстно, генералъ Косичъ получилъ уже другое видное назначеніе —начальника 4-го армейскаго корпуса), этотъ вопросъ у меня постоянно вертѣлся на умѣ, невольно вызывалъ рядъ воспоминаній о русскихъ администраторахъ, съ которыми мнѣ пришлось въ жизни сталкиваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе обозначалась для меня разница въ системѣ прежнихъ и теперешнихъ администраторовъ. Это очень существенный вопросъ, заслуживающій, по моему мнѣнію, вниманія, и поэтому, надѣюсь, моя попытка нѣсколько освѣтить его, хотя бы только путемъ личныхъ воспоминаній, можетъ оказаться небезполезною.

Какъ живо помню я приземистую, но плотную фигуру моего опекуна, коменданта города Варшавы, генерала-отъ-кавалеріи Ивана Ивановича Тутчека. Я выросъ въ его домѣ и слѣдилъ съ возроставшимъ любопытствомъ пробуждающагося дѣтскаго, а затѣмъ юношескаго ума за всѣми дѣйствіями и словами этого моего перваго наставника и руководителя въ жизни. Я его горячо любилъ: все, что его радовало или печалило, находило отзвукъ въ моей душѣ даже тогда, когда причина этой радости или печали была мнѣ не совсѣмъ понятна. Помню я, какъ, забившись на широкомъ турецкомъ диванѣ за ширмами въ его кабинетѣ, я внимательно прислушивался къ разговорамъ, которые онъ велъ въ пріемные часы съ подчиненными и просителями. Его голосъ всегда раздавался твердо и увѣренно, какъ голосъ человѣка, знающаго, чего

онъ хочетъ или требуетъ. Просителей было обыкновенно много, особенно когда онъ временно исполнялъ обязанности варшавскаго генералъ-губернатора, потому что онъ былъ всѣмъ доступенъ и входилъ лично въ обсужденіе всѣхъ сколько нибудь существенныхъ вопросовъ. Каковъ же былъ нравственный и умственный обликъ этого русскаго администратора, какъ онъ относился къ исполненію своихъ обязанностей и въ чемъ полагалъ главную свою задачу?

Мы имѣемъ тутъ дѣло съ администраторомъ Николаевскихъ временъ. Онъ родился въ 1785 году (умеръ въ 1869 году), помнилъ Екатерину, храбро дрался съ французами въ отечественную войну, съ турками въ 1829 году и былъ назначенъ варшавскимъ комендантомъ въ 1835 году, то-есть вскорѣ послѣ польской революціи 1831 года. Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ помощниковъ Паскевича, дѣятельность и личность котораго довольно извѣстны, особенно въ виду появляющейся теперь монографіи, посвященной этому русскому полководцу и государственному дѣятелю Николаевской эпохи [1]). Такимъ образомъ въ лицѣ моего опекуна мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ частныхъ проявленій административной дѣятельности на фонѣ общей, намъ до нѣкоторой степени знакомой, картины. И вотъ что сразу поражаетъ: лица, составившія себѣ поверхностное понятіе объ администраторахъ Николаевскаго времени, конечно, не склонны думать, что эти администраторы, въ особенности болѣе или менѣе заурядные, какимъ былъ мой опекунъ, отличались образованіемъ или интересомъ къ теоретическимъ вопросамъ государственнаго управленія. Однако этотъ взглядъ на дѣло нисколько не подтверждается на моемъ опекунѣ; напротивъ, его многочисленные книжные шкафы постоянно пополнялись новыми книгами, преимущественно историческаго и отчасти политическаго содержанія. Русскіе и иностранные газеты и журналы всегда красовались на одномъ изъ его письменныхъ столовъ, и по вечерамъ, а иногда и поздно ночью, когда только время позволяло, онъ неизмѣнно сидѣлъ въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ, читая самъ или заставляя другихъ себѣ читать историческіе труды, новѣйшія политическія брошюры, газеты и журналы.

Впослѣдствіи, когда я былъ уже студентомъ, я имѣлъ полную возможность убѣдиться въ его весьма обширныхъ познаніяхъ по исторіи, въ особенности русской (Карамзина онъ зналъ почти наизусть), и новѣйшей политической литературѣ, хотя въ то же время я уяснилъ себѣ, что онъ своеобразно группируетъ историческіе факты и придаетъ имъ значеніе, нисколько не соотвѣтствовавшее тому взгляду на вещи, который я усвоилъ себѣ въ гимназіи и уни-

---

[1]) Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. (Пока вышло три тома этой обширной монографіи).

верситетѣ. Но объ этомъ потомъ, теперь же я остановлюсь на одной чертѣ его нравственнаго облика.

Какъ теперь, помню я сильное впечатлѣніе, которое на меня произвела слѣдующая сцена. Изъ своей засады на турецкомъ диванѣ я увидѣлъ, какъ въ кабинетъ вошла высокая, чрезвычайно красивая дама, о которой лакей доложилъ предварительно, что это графиня Z. (богатая польская аристократка съ историческою фамилію). Ея красота произвела на меня впечатлѣніе. Я видѣлъ, что и опекунъ мой пораженъ ею. Вообще онъ относился къ дамамъ всегда съ изысканною вѣжливостью, даже съ своего рода рыцарскимъ культомъ. Графиня тотчасъ же изложила свою просьбу. Ея мужъ только-что поступилъ на службу pour faire ses stages, и такъ какъ тогда гражданскимъ чиновникамъ не разрѣшалось носить усы, а между тѣмъ самъ графъ или его жена крайне дорожили этимъ украшеніемъ мужскаго лица, то графиня, пуская въ ходъ всю свою любезность и всю мимику своего красиваго личика, умоляла моего опекуна разрѣшить ея мужу носить усы. Но мой опекунъ оставался непреклоннымъ: никакіе доводы не могли смягчить его сердца, даже мнимая накожная болѣзнь, не допускавшая прикосновенія бритвы. Тогда графиня прибѣгла къ послѣднему аргументу. Она довольно демонстративно вынула изъ кармана какой-то пакетъ и сунула его быстро подъ груду бумагъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ. Тутъ произошло нѣчто, совершенно для меня неожиданное. Я видѣлъ, какъ мой опекунъ, вскочивъ съ мѣста, точно ужаленный, весь побагровѣлъ; и онъ, всегда съ такою утонченною вѣжливостью обращавшійся съ дамами, повелительно указалъ графинѣ на дверь, произнося хриплымъ отъ внутренняго волненія голосомъ уже порусски (вся предшествовавшая бесѣда велась попольски): «вонъ, сію минуту вонъ!». Испуганная графиня выбѣжала изъ кабинета, опекунъ позвонилъ камердинера и, вручивъ ему пакетъ, приказалъ ему отдать его дежурному казаку который долженъ былъ сѣсть на козлы кареты графини и, держа пакетъ въ рукѣ, проводить ее до дому и тамъ уже возвратить ей предполагавшуюся взятку. Случай этотъ надѣлалъ большой шумъ, потому что всѣ въ Варшавѣ знали графиню, и ея появленіе на самыхъ людныхъ улицахъ города въ сопровожденіи казака да еще съ какимъ-то пакетомъ въ рукѣ не могло не обратить на себя общаго вниманія.

При такомъ отношеніи къ дѣлу, нельзя удивляться, что мой опекунъ втеченіе своей столь продолжительной административной карьеры (постъ коменданта города Варшавы онъ занималъ 26 лѣтъ до 1861 года), не смотря на скромный, почти спартанскій образъ жизни, не скопилъ себѣ никакого состоянія и оставилъ послѣ своей смерти только пожалованный ему маіоратъ и выкупныя деньги за отошедшіе къ крестьянамъ въ 1864 году участки земли. Служ-

бою онъ занимался съ необычайнымъ рвеніемъ: она за исключеніемъ тѣхъ вечеровъ, которые онъ посвящалъ чтенію, наполняла всю его жизнь. Я не помню, чтобы у него была свободная минута времени: даже по ночамъ его часто будили, напримѣръ, во время пожаровъ, и онъ, вмигъ одѣвшись, стремглавъ летѣлъ туда, гдѣ по закону требовалось его присутствіе. Другой вопросъ, что отъ него требовала служба и во что онъ, такъ сказать, влагалъ душу: смотры, парады, пожары, оффиціальные пріемы чисто-формальнаго характера, наблюденіе за безукоризненнымъ видомъ войскъ, за внѣшнимъ порядкомъ и т. д.,—вотъ что составляло главный предметъ его занятій. Самъ будучи необычайно строгъ къ себѣ, онъ относился съ тою же строгостью къ другимъ. Быть одѣтымъ не по формѣ или съ какимъ нибудь недочетомъ въ костюмѣ признавалось имъ большою провинностью, и виновный на снисходительность съ его стороны разсчитывать не могъ. Когда въ Варшаву пріѣзжалъ новичекъ, относившійся небрежно къ мелочнымъ и сложнымъ постановленіямъ военнаго устава, товарищи напоминали ему всѣмъ въ городѣ извѣстное двустишіе:

«Иванъ Иванычъ Тутчекъ
«Не любитъ этихъ штучекъ».

Но, не смотря на эту строгость, онъ пользовался общимъ расположеніемъ и притомъ не только среди русскихъ, но и среди поляковъ. Лицепріятія въ немъ не было никакого, его готовность прійдти всякому на помощь, чѣмъ только можно, была общеизвѣстна. Значительная часть его въ сущности небольшаго (особенно до полученія маіората) содержанія шла на благотворительныя цѣли, и въ назначенные дни, какъ я хорошо помню, пріемная его всегда была наполнена разными просителями, которымъ онъ помогалъ чѣмъ могъ: указаніемъ, совѣтомъ, устраненіемъ несправедливостей, совершенныхъ другими, денежными вспомоществованіями.

Разскажу еще другой случай, глубоко врѣзавшійся въ мою память Императоръ Николай умеръ, и ожидали пріѣзда въ Варшаву новаго государя. Уже задолго до этого событія мой опекунъ, тогда 70-тилѣтній старикъ, проводилъ цѣлые дни въ хлопотахъ, приготовляясь къ встрѣчѣ государя. Наконецъ, давно ожидаемый день насталъ, и вмѣстѣ съ нимъ начались празднества, торжественные пріемы, иллюминаціи, фейерверки. На меня все это производило такое впечатлѣніе, что я по вечерамъ никакъ заснуть не могъ, поджидая возвращенія опекуна и его разсказовъ о новомъ государѣ. На другой или третій день послѣ пріѣзда, мой опекунъ возвратился въ двѣнадцатомъ часу ночи и направился прямо въ столовую, гдѣ его ожидали домашніе и чай. Когда онъ вошелъ въ комнату, я тотчасъ же замѣтилъ, что онъ разстроенъ. Онъ былъ очень неразговорчивъ и сталъ настаивать, чтобы мы, дѣти, отправились спать. Не хотѣлось намъ повиноваться, но нечего было дѣлать. Онъ остался

наединѣ съ племянницею, исполнявшею обязанности хозяйки. Мы съ сестрою, однако, сдѣлали только видъ, что ушли спать, а сами, сгорая отъ любопытства, остались въ сосѣдней комнатѣ. Мой опекунъ, побрякивая шпорами, расхаживалъ по комнатѣ и долго ничего не говорилъ. Наконецъ, раздался его голосъ.

— Пора мнѣ въ отставку. Не гожусь я больше для службы.

— Что же случилось?—спрашивала племянница.

— Да представь себѣ: я, не пропускающій ни одного пожара, замѣчающій всякую недостающую пуговицу на пальто проходящаго по улицѣ офицера,—я, ожидая моего государя, заснулъ, да какъ заснулъ!..

— Что же? Государь разсердился? — прервала его озабоченно племянница.

— Вотъ слушай. Сама знаешь, сколько мнѣ было хлопотъ и труда: я все это время не досыпалъ. Сижу я, знаешь, въ Бельведерскомъ дворцѣ въ зеленой комнатѣ съ мягкою мебелью,—сижу, ожидая пріѣзда государя, да самъ не замѣтилъ, какъ и заснулъ. Государь пріѣхалъ, и всѣ были въ такихъ хлопотахъ, что никто меня не предупредилъ. Вошелъ государь и видитъ, что блюститель порядка-то, комендантъ, развалился въ креслѣ и спитъ мертвымъ сномъ. Постоялъ, посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и, обратившись къ свитѣ, сказалъ: «Тише, господа! Онъ достаточно бодрствовалъ, не будемъ его тревожить!» И самъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся свита, придерживая сабли, на цыпочкахъ прошли въ слѣдующія комнаты. Я вслѣдъ затѣмъ проснулся и поспѣшилъ за государемъ. Когда онъ меня увидѣлъ, то обласкалъ... Нѣтъ, — сказалъ мой опекунъ въ заключеніе, и голосъ у него дрогнулъ, — я для службы больше не гожусь.

Не смотря на милостивое вниманіе, оказанное ему государемъ, онъ остался при своемъ намѣреніи и тогда же попросился въ отставку. Но она не была принята. Однако, по мѣрѣ того, какъ разыгрывались событія и видно было, что правительственная система кореннымъ образомъ измѣняется, онъ все чаще возвращался къ мысли о выходѣ въ отставку.

Между тѣмъ, онъ былъ еще очень бодръ. По выходѣ въ отставку, онъ ежедневно со мною фехтовалъ на флереткахъ, и я удивлялся ловкости и силѣ его удара. По этому поводу, помню, у насъ завязался разговоръ. Я спросилъ его, почему онъ вышелъ въ отставку, будучи еще такимъ бодрымъ. Вопросъ этотъ отчасти вызывался и ходомъ событій въ Польшѣ. Повстаніе, какъ было очевидно для всѣхъ, жившихъ тогда въ Варшавѣ, быстро приближалось. Между тѣмъ, власти бездѣйствовали. Нѣкоторые поляки, бывавшіе по старой памяти въ домѣ моего опекуна, сами удивлялись пассивному отношенію правительства и постоянно повторяли фразу: «Złe czasy następują, o złe!» Я былъ почему-то увѣренъ, не отда-

вая себѣ, конечно, по молодости лѣтъ, отчета въ истинномъ положеніи дѣлъ, что если мой опекунъ не вышелъ бы въ отставку, то дѣла приняли бы иной оборотъ, и высказался ему въ этомъ смыслѣ.

Онъ улыбнулся моей наивности.

— Нѣтъ, милый,—началъ онъ,—не въ отдѣльныхъ личностяхъ тутъ сила. Если-бъ я сочувствовалъ новой системѣ, я, можетъ быть, не призналъ бы себя еще безполезнымъ и продолжалъ бы служить по совѣсти царю. Но мы, старики, оказались несостоятельными. Подъ Севастополемъ намъ подписанъ приговоръ. Надо испробовать новыя средства, а для нихъ нужны новые люди. Боюсь я только, что эти новыя средства окажутся на повѣрку старыми. Я пережилъ все это. Живо помню я время Вѣнскаго конгреса. И Карамзинъ, и Нессельроде, и австрійцы, и пруссаки, и даже англичане, умоляли или просили внука Екатерины не возстанавливать Польши. Великодушіе государя взяло верхъ надъ всѣми сомнѣніями. Кончилось дѣло революціею 1831 года, которую и мнѣ пришлось усмирять съ болью въ сердцѣ, памятуя слова Николая Павловича: «не забывайте, что вы имѣете дѣло съ братскимъ народомъ». Худо ли, хорошо ли, но мы 30 лѣтъ поддерживали спокойствіе въ странѣ. Новый государь столь же великодушенъ, какъ его дѣдъ. Но я не вѣрю, чтобы поляки съумѣли оцѣнить его великодушіе. Мы, старики, состарились, но старое еще не состарилось. Опасаюсь, что повторится то же, что было въ 1831 году.

Событія оправдали эти опасенія. Но вполнѣ выяснилось для меня политическое міросозерцаніе моего опекуна нѣсколькими годами позже, при поступленіи моемъ въ университетъ. Когда я, проживъ каникулы въ Варшавѣ, уѣзжалъ въ Петербургъ, опекунъ напутствовалъ меня слѣдующими словами:

— Ты теперь вступаешь уже въ самостоятельную жизнь. Я хотѣлъ тебя опредѣлить на медицинскій факультетъ. Врачъ можетъ стоять въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ... политическихъ увлеченій, что ли,—прибавилъ онъ съ легкою гримасою и какъ бы не хотя.— Но ты избралъ юридическій факультетъ; я не хочу, да и не считаю себя въ правѣ противорѣчить твоему выбору. Но тѣмъ болѣе я считаю себя обязаннымъ указать тебѣ на существующую для тебя опасность и выяснить тебѣ, какими правилами я руководствовался при твоемъ воспитаніи. Одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ я тебя удалилъ изъ Варшавы, лишилъ домашняго воспитанія, чтобы лучше тебя закалить для житейской борьбы. Я опредѣлилъ тебя, однако, не въ русское учебное заведеніе, а въ нѣмецкое, послалъ тебя въ Лифляндію, къ нѣмцамъ, но, ради Бога, не думай, что я это сдѣлалъ потому, что я самъ полунѣмецкаго, получешскаго происхожденія! Ты собственными глазами видѣлъ и хорошо знаешь, какъ я служилъ царю и Россіи. Я, правда, ежедневно утромъ мо-

люсь по нѣмецкому молитвеннику, но даже разучился говорить понѣмецки [1]). Я—русскій, но если былъ хорошимъ служакою, если принесъ какую нибудь пользу, то въ значительной степени, можетъ быть, благодаря твердости и выдержкѣ, которыми я обязанъ своему нѣмецкому происхожденію. Характеры нужны нашему отечеству, люди, умѣющіе дѣйствовать въ жизни, и мнѣ кажется, что такіе люди въ настоящее время выработываются лучше въ нѣмецкой, чѣмъ въ русской школѣ. Я могъ развѣ только опасаться, что ты тамъ, у нѣмцевъ, разлюбишь Россію, но я зналъ, что этого не случится, потому что ты росъ въ моемъ домѣ. Я самъ водилъ тебя по воскресеньямъ въ православную церковь и передалъ тебѣ тѣ чувства, которыя меня воодушевляютъ. Затѣмъ, другъ мой, помни, что, прежде чѣмъ учить другихъ, надо самому многому научиться. Пользуйся временемъ, которое ты проведешь въ университетѣ. Я по опыту знаю, какъ трудно наверстать впослѣдствіи упущенное въ молодости. Быть можетъ, если бы я получилъ болѣе тщательное образованіе, я принесъ бы больше пользы, хотя, мнѣ кажется, я ни на одинъ волосъ не измѣнилъ бы руководящихъ правилъ всей моей служебной дѣятельности. Ты не повѣришь, сколько у русскаго человѣка безпорядочности въ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ. Дисциплина намъ нужна, выдержка и ясное сознаніе цѣли, къ которой мы стремимся. Я знаю, что меня называютъ формалистомъ, но что прикажешь дѣлать? Загляни, куда хочешь, и вездѣ ты увидишь одно и то же: своеволіе, умничанье и полную практическую несостоятельность. Государство, правительство ведетъ борьбу съ этимъ печальнымъ явленіемъ. Если-бъ не было правительства, все бы расшаталось, расползлось. Много ему надо еще потрудиться, чтобы положить конецъ этому общему разгильдяйству, этой халатности, этой нравственной дряблости. Я старался быть вѣрнымъ и усерднымъ помощникомъ царя въ этомъ дѣлѣ; я убѣжденъ, что если ты внимательно присмотришься къ жизни, то поймешь смыслъ моихъ словъ. Прошу тебя только объ одномъ: не забывай ихъ...

Вотъ каковъ былъ первый русскій администраторъ, съ которымъ я встрѣтился въ жизни. Во многомъ онъ не соотвѣтствуетъ общераспространенному представленію о дѣятеляхъ Николаевской эпохи. Но его взгляды бросаютъ, по моему мнѣнію, довольно яркій свѣтъ на стремленія и идеалы лучшихъ тогдашнихъ администраторовъ, а только эта сторона вопроса и существенна для уясненія себѣ преемственныхъ задачъ нашей администраціи.

[1]) Сестры моего опекуна были православныя: въ томъ числѣ Елизавета Ивановна, мать не безъизвѣстнаго въ свое время поэта Александра Кирилловича Жуковскаго (Бернета), и Екатерина Ивановна, бабка Ив. Ив. Льховскаго, который также извѣстенъ въ литературѣ (своими путевыми впечатлѣніями) и въ домѣ котораго я часто встрѣчалъ И. А. Гончарова.

Я словъ моего опекуна не забылъ. Въ нихъ заключалось явное сомнѣніе въ зрѣлости общества. Уже мои университетскія занятія (я спеціализировался на полицейскомъ, то-есть административномъ, правѣ) побуждали меня внимательно присматриваться къ общественной и политической жизни. Тотчасъ по окончаніи курса, я началъ читать въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній лекціи государственнаго права. Но чѣмъ болѣе я углублялся въ теорію, тѣмъ живѣе чувствовалъ потребность ближе ознакомиться съ практикою, хотя бы путемъ бесѣды съ русскими администраторами.

Болѣзнь заставила меня въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ отправиться за границу. Проѣздомъ въ Веве я остановился на нѣсколько дней въ Лозаннѣ. На ловца и звѣрь. Помню, сидѣлъ я на террассѣ «Hôtel au Faucon» и любовался оживленною сценою, происходившей на сосѣдней площади ярмарки, какъ замѣтилъ, что вдругъ взвилась вверхъ огромная связка разноцвѣтныхъ шаровъ при радостныхъ восклицаніяхъ толпы. Шары не успѣли еще высоко подняться, какъ взвилась на воздухъ новая связка шаровъ, затѣмъ третья. Меня заинтересовало, отъ нечего дѣлать, какой это крезъ такъ щедро выбрасываетъ деньги на потѣху толпы. Я подошелъ и увидѣлъ, что виновникъ потѣхи какой-то господинъ, одѣтый прилично, но нѣсколько небрежно, высокаго роста, плотный, пожилой человѣкъ лѣтъ 45 съ пробритымъ подбородкомъ и добродушной физіономіей. По его манерѣ держать себя и по выговору я тотчасъ же призналъ въ немъ русскаго. Онъ тоже обратилъ на меня вниманіе и, какъ бы извиняясь, произнесъ, указывая на продавцевъ разноцвѣтныхъ шаровъ и расплачиваясь съ ними:

— Вы русскій? — и послѣ утвердительнаго знака съ моей стороны продолжалъ: — молодцы эти въ вѣкъ не продали бы своихъ шаровъ (швейцарцы вѣдь экономны!), да и позабавить дѣтокъ хотѣлось...

Оказалось, что и новый мой знакомый живетъ въ «Hôtel au Faucon». Мы разговорились, и я узналъ, что онъ губернаторъ одной изъ восточныхъ губерній. Было что-то мягкое, даже вкрадчивое въ его манерѣ держать себя и говорить. Видимо, онъ всѣмъ желалъ быть пріятенъ. При этомъ въ немъ замѣчалась какая-то неувѣренность. Онъ постоянно пересыпалъ свою рѣчь вопросами: «не правда ли?» «вѣдь такъ?» «вы того же мнѣнія?» Я провелъ съ нимъ почти недѣлю въ Лозаннѣ въ ежедневной бесѣдѣ. Очень онъ меня заинтересовалъ и, слушая его, я невольно дѣлалъ сравненіе между покойнымъ моимъ опекуномъ и имъ. Въ первомъ все было ясно, опредѣленно; во-второмъ чувствовалась, какъ я уже замѣтилъ, неувѣренность, доходившая почти до робости. Не требовалось большаго знанія человѣческаго сердца, чтобъ убѣдиться, что новый мой знакомый по существу—человѣкъ прямой, честный, доброжела-

тельный (позднѣйшія свѣдѣнія о немъ вполнѣ подтвердили мое первоначальное впечатлѣніе). Но въ то же время мнѣ сразу показалось, что въ немъ недостаетъ именно того, что мы привыкли называть характеромъ. Тѣмъ не менѣе, онъ оказался человѣкомъ умнымъ, понимающимъ не только свое положеніе, но и положеніе другихъ дѣятелей, поставленныхъ съ нимъ въ одинаковыя условія. Особенно мнѣ памятна послѣдняя бесѣда съ нимъ, въ которой такъ сказать резюмировалось все, что нами было говорено втеченіе нѣсколькихъ дней.

— Вотъ такъ-то мы живемъ и дѣйствуемъ,—говорилъ онъ съ свойственною ему словоохотливостью.—По истинѣ теперь можно говорить о «положеніи хуже губернаторскаго». И замѣтьте: со всѣми приблизительно то же. Такъ сказать, установлено самоуправленіе. Съ одной стороны какъ будто подъемъ общественнаго духа, самодѣятельность; а съ другой чувствуется какъ бы потребность въ усиленіи власти. Вѣдь такъ? И, говорю вамъ, этого вопроса никакъ нельзя избѣжать. И вовсе не въ консерватизмѣ тутъ дѣло! Ужъ какой, напримѣръ, я консерваторъ!—а, всетаки, говорю это. Подумайте сами. Въ Англіи мѣстныя власти не получаютъ никакихъ инструкцій сверху, а дѣйствуютъ, разъ назначенные короною изъ числа землевладѣльцевъ, совершенно самостоятельно. Да эти мѣстныя власти — кто? Люди, которые втеченіе многихъ поколѣній воспитывались къ общественной службѣ, самимъ обществомъ дисциплинированы въ ней. Правду я говорю? Ну, а наши помѣщики? Спора нѣтъ, есть между ними достойнѣйшіе люди, но въ общемъ? И со своимъ-то хозяйствомъ плохо справляются, а съ уѣзднымъ и губернскимъ—и подавно. Со временемъ все это уладится; со временемъ и у насъ можетъ сложиться настоящій selfgovernment, но пока?! Пока вотъ какое получается положеніе: съ одной стороны, такъ сказать, либеральныя вѣянія, самодѣятельность, самоуправленіе и т. д.; съ другой, какъ будто все расползается, не клеится, расшатывается, да и прежній человѣкъ въ новомъ облаченіи даетъ себя чувствовать со всѣми его самодурствами, халатностью, склонностью ко всякимъ злоупотребленіямъ. Виденъ онъ, этотъ прежній человѣкъ, на всякомъ шагу, и нужна ему узда, что вы тамъ ни говорите! Претитъ самому отъ этихъ словъ; но что правда, то правда. Вѣдь я, батенька, изъ училища попалъ прямо въ департаментъ и все тамъ составлялъ доклады, писалъ разныя бумаги въ самомъ либеральномъ духѣ,—анъ, смотришь, попалъ прямо въ вице-губернаторы, а потомъ и въ губернаторы. Привезъ я съ собою самые либеральные принципы, да «жестокіе, сударь, у насъ нравы», охъ, жестокіе-съ! Прежде такъ устроивались патріархально, поотечески, просто. Слыхали, можетъ быть, о тамбовскомъ губернаторѣ Булгаковѣ или о самарскомъ Гротѣ? Люди—честные и достойные. Такъ вотъ первый расправлялся примѣрно такимъ манеромъ. Грязь не-

пролазная, и гдѣ? У самаго собора. Ни пройдти, ни проѣхать. Онъ беретъ съ собою частнаго пристава; самъ ѣдетъ впереди въ коляскѣ, частный приставъ—сзади въ пролеткѣ. Подъѣзжаютъ къ соборной площади — нельзя проѣхать: колеса по ступицу застряваютъ въ грязи. «Какъ же быть?—спрашиваетъ губернаторъ пристава.—Покажи-ка дорогу!» Приставъ хочетъ объѣхать.—«Нѣтъ, батюшка, ты пѣшечкомъ, пѣшечкомъ,—виднѣе будетъ!»—язвилъ губернаторъ и заставилъ пристава по колѣно войдти въ грязь. Съ этого дня площадь вмигъ очистилась. Другой примѣръ. Въ центрѣ города у казенной палаты давно развалился мостъ. Нѣтъ проѣзда. Просто бѣда. Но откуда взять деньги, чтобы соорудить новый мостъ? Приглашаетъ Булгаковъ откупщика. «Сколько вы платили прежде безгрѣшныхъ доходовъ?»—«Тысячъ пять».—«Ну, мнѣ вы ничего не платили, а я состою губернаторомъ 8 лѣтъ; по 5,000 въ годъ,—итого 40,000. Не грѣшно было бы хотя часть пожертвовать на постройку моста».—«Слушаемъ, ваше превосходительство». Не прошло и года, какъ прекрасный каменный мостъ былъ готовъ. Ну, а теперь? Нынѣ времена не тѣ. Правильно говорю? Все больше на счетъ извода бумаги да разныхъ хорошихъ словъ. Предписанія, инструкціи, краснорѣчіе и, главное, въ тонъ попасть трудно. Дѣйствуешь во вниманіе къ «жестокости нравовъ»,—вмигъ окажешься консерваторомъ: всѣ косятся, да и въ Петербургѣ не одобряютъ. Дѣйствуешь въ духѣ времени совѣтомъ да ласкою,—смотришь: дѣло стоитъ. Все лавируешь, лавируешь между консервативнымъ и либеральнымъ теченіемъ, все носишься съ вопросомъ, надо ли усилить, или ослабить власть, и долго еще мы съ этимъ вопросомъ возиться будемъ, а года идутъ и дѣло стоитъ. Вѣрите ли: только и думаю о томъ, какъ бы разстаться съ этою постылою губернаторскою властью. Да все мѣста подходящаго не выходитъ. Вотъ пріѣхалъ отдохнуть немного въ Швейцарію. Ахъ, кабы у насъ народъ былъ такой, какъ здѣсь: всякій душою при своемъ дѣлѣ, безъ этого вѣчнаго хватанья звѣздъ съ неба и съ вонючею помойною ямою подъ самымъ носомъ,—всѣ русскіе губернаторы могли бы себѣ жить припѣваючи въ Швейцаріи да пускать шары, какъ я намедни, и никому бы отъ этого убытка не было. А теперь!—развелъ мой собесѣдникъ въ заключеніе безнадежно руками и умолкъ, глубоко задумавшись.

Это лирическое изліяніе показалось бы мнѣ совершенно невѣроятнымъ въ Россіи. Здѣсь же, въ Швейцаріи, съ ея образцовымъ порядкомъ, складывавшимся какъ бы помимо участія или вмѣшательства какой нибудь направляющей власти, въ силу какъ бы всякому прирожденнаго чувства долга и умѣнья совмѣщать свои личные интересы съ интересами общества, элегическій тонъ русскаго губернатора, глубокое разочарованіе, которымъ проникнуто было каждое его слово, казалось мнѣ понятнымъ и при воспоми-

нанiи о далекой родинѣ навѣвало и на меня чувство щемящей тоски. Впослѣдствiи я имѣлъ неоднократно случай бесѣдовать съ другими администраторами, и если они принадлежали къ разряду дѣятелей въ хорошемъ значенiи этого слова, если они горячо относились къ общественнымъ интересамъ, а не подчинялись честолюбивымъ или другимъ еще менѣе достойнымъ стремленiямъ, постоянно въ ихъ рѣчахъ слышалась та же нотка разочарованiя. Изъ этихъ бесѣдъ я уяснилъ себѣ практическое значенiе вѣчно всплывающаго вопроса о расширенiи губернаторской власти. Съ одной стороны, не смотря на всѣ либеральныя реформы, на безконечные толки о децентрализацiи, въ сущности централизацiя съ каждымъ годомъ усиливалась, и губернаторъ превращался въ какую-то передаточную инстанцiю для сообщенiя кому слѣдуетъ безконечныхъ циркуляровъ, распоряженiй и предписанiй и для наблюденiя за точнымъ ихъ исполненiемъ; съ другой стороны, вслѣдствiе созданiя органовъ самоуправленiя, но еще гораздо болѣе вслѣдствiе господствовавшихъ либеральныхъ вѣянiй, губернаторъ лишался возможности съ успѣхомъ осуществлять всѣ эти предписанiя и постепенно переставалъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по закону, именно хозяиномъ губернiи, высшимъ руководителемъ объединенной ея дѣятельности. Это положенiе дѣлъ не имѣло бы такихъ прискорбныхъ послѣдствiй, если-бъ Россiя не была Россiею, а Швейцарiею или Англiею, если бы само общество имѣло нѣкоторый опытъ въ административной дѣятельности и, главное, если бы въ уѣздѣ и въ губернiи насчитывался болѣе или менѣе значительный контингентъ лицъ, горячо преданныхъ общественнымъ интересамъ. Но такiя лица составляли вездѣ лишь исключенiе. Изъ моихъ бесѣдъ съ тогдашними русскими администраторами я вынесъ убѣжденiе, что никто изъ нихъ не сомнѣвался въ постепенномъ нарожденiи такихъ дѣятелей, что, напротивъ, всѣ они болѣе или менѣе вѣрили въ земскiя силы Россiи; но рѣчь пока шла, всетаки, только о будущемъ, такъ какъ въ данное время даже самые энергическiе общественные и правительственные дѣятели встрѣчали почти непреодолимыя препятствiя на своемъ пути и были вынуждены вступать въ борьбу съ такимъ халатнымъ и часто недобросовѣстнымъ или своекорыстнымъ отношенiемъ къ дѣлу, что всѣ ихъ усилiя давали лишь ничтожные результаты. Для противодѣйствiя такому отношенiю къ дѣлу требовалась довольно значительная дискрецiонная власть, а послѣдняя противорѣчила не столько, быть можетъ, закону, сколько духу времени и общему настроенiю. Къ тому же представители администрацiи вслѣдствiе установленнаго у насъ порядка въ iерархическомъ движенiи являлись по большей части въ губернiю безъ точнаго знакомства съ мѣстными условiями. Такимъ образомъ порождалось или вынуждалось обстоятельствами чисто формальное исполненiе губернаторомъ своихъ сложныхъ и трудныхъ обязанностей

Въ сущности, его дѣятельность парализовалась борьбою двухъ отвлеченныхъ принциповъ, либеральнаго и консервативнаго, порождавшею массу въ практическомъ отношеніи совершенно безполезныхъ дѣлъ.

Такъ было въ 70-хъ годахъ. Прежній формализмъ Николаевской эпохи къ этому времени въ значительной степени исчезъ и долженъ былъ исчезнуть, потому что вслѣдствіе коренныхъ реформъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, нельзя уже было довольствоваться внѣшнимъ благоустройствомъ болѣе или менѣе людныхъ центровъ, содержаніемъ немногочисленныхъ тогда путей сообщенія въ исправности и тому подобными задачами. Мѣстная администрація страшно усложнилась. На каждомъ шагу возникали новые вопросы, касавшіеся матеріальнаго благосостоянія освобожденныхъ массъ, народнаго образованія, санитарныхъ условій и т. д. А между тѣмъ общественныхъ силъ для рѣшенія всѣхъ этихъ жгучихъ и сложныхъ вопросовъ мѣстнаго управленія не было, тѣмъ болѣе, что интеллигенція, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, т. е. со включеніемъ въ нее и административныхъ сферъ, была преимущественно занята обсужденіемъ вопроса о преимуществахъ либеральнаго или консервативнаго режима и, поглощенная этимъ общимъ вопросомъ, упускала изъ виду, что жизнь ставитъ свои требованія,—требованія прозаическія, малозанимательныя, но, конечно, въ тысячу разъ болѣе существенныя, чѣмъ игра въ оппозицію и естественный ея противовѣсъ. Жизнь стучалась къ намъ въ дверь, требуя, чтобы мы, забывъ о нашихъ шумныхъ спорахъ, выслушали, наконецъ, ея голосъ. Но ея лепетъ насъ не интересовалъ. Мы до такой степени увлеклись обсужденіемъ политическихъ доктринъ, что утратили даже способность видѣть то, что насъ окружало, слышать стоны и проклятія, которые раздавались тутъ же, у порога нашихъ домовъ, пока, наконецъ, надъ нами не разразилось бѣдствіе, которое мы въ оправданіе себѣ называемъ чисто стихійнымъ, но которое по своимъ послѣдствіямъ, несомнѣнно, вызвано нашимъ пренебреженіемъ къ насущнымъ требованіямъ жизни и склонностью отдѣлываться фразами тамъ, гдѣ требуется незамѣтное, скромное, но живое дѣло.

Со времени моей швейцарской встрѣчи съ однимъ изъ русскихъ губернаторовъ прошло почти 20 лѣтъ, и вотъ мнѣ попалось подъ руку упомянутое собраніе циркуляровъ, указаній и рѣчей бывшаго саратовскаго губернатора, генералъ-лейтенанта А. И. Косича. Съ первыхъ же строкъ этихъ оффиціальныхъ документовъ я испыталъ такое чувство, какъ будто со мною искренно, откровенно, задушевно бесѣдуетъ человѣкъ, глубоко озабоченный тѣмъ, что заботитъ и всякаго преданнаго общественнымъ и государственнымъ интере-

самъ Россіи публициста. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ моемъ воображеніи началъ возникать образъ новаго русскаго администратора. Я вспоминалъ прежнихъ и старался установить, такъ сказать, преемственную разницу между первымъ русскимъ администраторомъ, съ которымъ столкнула меня жизнь много лѣтъ тому назадъ, во время моей юности, и этимъ администраторомъ, оффиціальные документы котораго я съ такимъ возбужденнымъ вниманіемъ теперь прочитывалъ. Одно ихъ несомнѣнно соединяло: глубокая преданность Россіи; кромѣ того, ихъ соединяла еще энергія, готовность дѣйствовать на общую пользу съ забвеніемъ своей личности, какая-то внутренняя заразительная бодрость и, если можно такъ выразиться, жизнерадостность, составляющая чрезвычайно отрадный контрастъ съ элегическимъ тономъ моего швейцарскаго знакомаго и его сверстниковъ по служебной дѣятельности. Еще одно существенное сходство мнѣ бросилось въ глаза: преданность дѣлу въ отличіе отъ шатанья между двумя отвлеченными принципами, которые столь наглядно проявились въ моемъ швейцарскомъ знакомомъ. Но затѣмъ начинается уже глубокое различіе. Сорокъ лѣтъ тому назадъ дѣло представлялось сравнительно очень простымъ: оно ограничивалось внѣшнею стороною, не шло далѣе поверхности. Теперь оно расширилось и усложнилось до такой степени, что прежній администраторъ, если-бъ онъ воскресъ, вынужденъ былъ бы сознаться, что одной правительственной дѣятельности не можетъ уже хватать на осуществленіе многосложныхъ задачъ, повелительно выдвигаемыхъ жизнью. Рѣчь тутъ идетъ не о торжествѣ либеральнаго или консервативнаго принципа,—рѣчь идетъ о простомъ исполненіи неотложной работы. И съ этой именно точки зрѣнія можно сказать, что бывшій саратовскій губернаторъ, въ отличіе отъ моего швейцарскаго знакомаго, чуждъ хандры, разочарованія: всякая строчка его оффиціальныхъ документовъ равносильна призыву къ дружной работѣ и продиктована глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что какъ ни печальны окружающія насъ условія, особенно теперь, въ виду постигшаго насъ народнаго бѣдствія, эта дружная работа къ цѣли приведетъ и можетъ даже въ недалекомъ будущемъ обезпечить благосостояніе нашего отечества.

Къ этой цѣли и направлены всѣ помыслы генерала Косича. Пріѣхавъ въ 1887 году на свой постъ, онъ тотчасъ же началъ объѣзжать ввѣренную ему губернію, чтобы лично убѣдиться въ ея положеніи. Это дѣлаютъ и всѣ другіе губернаторы, но рѣдко кто, на сколько намъ извѣстно, рѣшается откровенно коснуться существующихъ условій. Вотъ картина, необыкновенно отчетливо выясняющаяся изъ циркуляровъ, указаній и рѣчей генерала Косича: «30 лѣтъ тому назадъ Саратовская губернія давала 20 милл. четв. хлѣба. Въ 1886 году, когда былъ весьма хорошій урожай, Саратовская губернія произвела всего $13^{1}/_{2}$ милл. четв.

Такимъ образомъ явился недочетъ въ $6^1/_2$ милл. четв. Переводя его на наши теперешнія низкія цѣны (1887 года), мы видимъ, что губернія потеряла около 20 милл. рублей. Надо принять при этомъ во вниманіе, что въ то время налоговъ было въ нѣсколько разъ менѣе; теперь же ихъ около 8 милл. рублей. Вотъ причина того печальнаго положенія, что въ столь плодородномъ краѣ на населеніи тяготѣетъ 10 милл. рублей недоимокъ» (стр. 53). Въ чемъ же кроются причины такого положенія края? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами самого генерала Косича: «Страна, имѣя плодородную почву, весьма мало населена, и между землевладѣльцами, которые владѣютъ половиною земли губерніи, замѣчается полный абсентеизмъ. Крестьяне, получая всего 20—30 пудовъ хлѣба съ десятины, переселяются отъ малоземелья; выѣзжаетъ изъ края и учащаяся молодежь, не находя на мѣстѣ высшаго образованія. Наконецъ, какъ бы для дополненія общей картины стремленія изъ предѣловъ губерніи, отъ Саратова ушла и Волга» (стр. 63). Главная же причина обѣднѣнія заключается, по мнѣнію генерала Косича, въ экономическомъ разстройствѣ крестьянъ. «Народъ, мало подвигаясь впередъ по пути прочнаго и разумнаго порядка, въ послѣднее время очень разстроился» (стр. 5). Частые неурожаи въ губерніи въ послѣднее время, объясняемые засухами, главнымъ образомъ зависятъ отъ дурной обработки и истощенія почвы... Что хорошая обработка земли имѣетъ важное значеніе, можно указать на урожай настоящаго года (1891 года), когда у крестьянъ въ общемъ по губерніи едва получились одни сѣмена, у помѣщиковъ, благодаря лучшей обработкѣ полей, получился урожай вдвое, втрое лучше» (стр. 101). Вообще, генералъ Косичъ неоднократно указываетъ на то обстоятельство, что, не смотря на полный абсентеизмъ помѣщиковъ, ихъ земля даже въ рукахъ управляющихъ или приказчиковъ оказывается гораздо лучше обработанною, чѣмъ крестьянская. Основною причиною этого прискорбнаго явленія является пресловутое общинное землевладѣніе съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ: частыми передѣлами земли. «Крестьянскія поля, въ особенности на общественной надѣльной землѣ, обработываются дурно, засорены негодными травами, и урожай, получаемый съ нихъ, гораздо ниже, чѣмъ у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Происходитъ это, кромѣ отдаленности полей отъ селеній и черезполосности ихъ, еще оттого, что почти во всѣхъ обществахъ передѣлы земель производятся очень часто, а разверстки полевыхъ угодій—ежегодно. При подобномъ способѣ пользованія землею домохозяину нѣтъ разсчета приложить къ своей нивѣ лишній трудъ». Генералъ Косичъ сталъ надлежащими указаніями и совѣтами усиленно заботиться о томъ, чтобы крестьяне отказались отъ частыхъ передѣловъ, и имѣлъ случай лично убѣдиться при своихъ объѣздахъ въ пользѣ долгосрочныхъ передѣловъ. Такъ въ Ка-

мышинскомъ уѣздѣ семейные раздѣлы начали уменьшаться, и тотчасъ же крестьяне стали заботиться о лучшей обработкѣ земли. Объ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ во всѣхъ обществахъ сдѣланъ былъ долгосрочный передѣлъ общественныхъ земель, генералъ Косичъ говоритъ, что «среди крестьянъ появилось замѣтное стремленіе къ лучшей обработкѣ земли и къ удобренію ея». Этимъ же объясняется, что «Аткарскій уѣздъ, сосѣдній Балашевскому и Камышинскому, въ 1889 году испыталъ менѣе неурожая, нежели эти послѣдніе уѣзды; въ сельскихъ обществахъ разведены фруктовые сады, въ одной, напримѣръ, Аткарской пригородной волости заведено болѣе 200 новыхъ садовъ». Но на ряду съ частыми передѣлами одной изъ главныхъ причинъ плохой обработки земли является еще и стремленіе къ переселеніямъ. Въ Балашевскомъ уѣздѣ почва богатая, черноземная. Это одинъ изъ плодороднѣйшихъ уѣздовъ въ Россіи. Онъ своимъ хлѣбомъ могъ бы прокормить цѣлое королевство Саксонское и Бельгійское. На душу приходится въ немъ болѣе трехъ десятинъ земли и, тѣмъ не менѣе, онъ подвергся переселенческой горячкѣ. Генералъ Косичъ не отрицаетъ, что стремленіе выселяться отчасти объясняется недостаткомъ собственной земли у крестьянъ, но «не только малоземельные крестьяне, а и сравнительно хорошо надѣленные землею, подаютъ просьбы о переселеніи ихъ въ отдаленныя сибирскія области». Слѣдовательно, дѣло не въ одномъ малоземеліи или въ неурожаяхъ, вызываемыхъ къ тому же преимущественно небрежностью самихъ крестьянъ. Значительную роль тутъ играетъ невѣжество и вслѣдствіе этого подговоры разныхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Такъ, напримѣръ, бывшій балыклейскій волостной писарь, Архангельскій, началъ распускать слухи о необыкновенно плодородныхъ земляхъ Енисейской губерніи, и крестьяне стали просить его быть ихъ благодѣтелемъ и переселить ихъ въ эту заманчивую страну. За свои хлопоты Архангельскій выговорилъ себѣ авансъ по 70 к. съ души, и такъ какъ переселенцевъ записалось 3,000 человѣкъ, то онъ, какъ говорится, не пошевельнувъ пальцемъ, заработалъ 2,100 рублей. Къ счастью, далеко не всѣ крестьяне такъ довѣрчивы. Недовѣріе ихъ, однако, распространяется и на администрацію. Никакіе циркуляры, наставленія, объясненія не приносятъ пользы. Крестьяне убѣждены, что существуютъ какія-то отдаленныя страны, гдѣ всего вдоволь, особенно же земли. Генералъ Косичъ прибѣгъ къ очень разумной мѣрѣ. Онъ нисколько не противился отправкѣ ходоковъ, и вотъ какъ онъ описываетъ возвращеніе одного изъ нихъ. «Всѣ окрестные крестьяне встрѣтили его. Молча и мрачно прошелъ онъ мимо, попросилъ только прежде всего отслужить молебенъ; послѣ молитвы онъ сказалъ крестьянамъ слѣдующее: «Вы посылали меня въ Сибирь: я вамъ только одно скажу, что Сибирь была, есть и останется Сибирью; можетъ быть, здѣсь мнѣ съ се-

мействомъ грозитъ голодная смерть, но лучше умереть на родной сторонѣ, нежели пропадать тамъ; слава Богу, я возвратился; заклинаю васъ не думать о переселеніи. Вотъ мое послѣднее вамъ слово. Прошу васъ возвратить деньги, которыя мнѣ далъ чиновникъ для возвращенія сюда; хотя онъ и не требовалъ этого, но тамъ нужны эти гроши для несчастныхъ, которые зря забрели въ въ Сибирь и тамъ пропадаютъ» (стр. 34). Останавливаясь на громадномъ вредѣ переселеній, генералъ Косичъ говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей, и слова его свидѣтельствуютъ объ истинно государственномъ взглядѣ на дѣло: «На всѣхъ благомыслящихъ людяхъ лежитъ обязанность подать добрый совѣтъ этимъ темнымъ заблуждающимся людямъ, дабы удержать ихъ отъ неосторожныхъ шаговъ... Администрація и земство существенно заинтересованы въ томъ, чтобы эти движенія не нанесли крупнаго ущерба мѣстнымъ интересамъ и самимъ крестьянамъ». Но, кромѣ того, «несвоевременное переселеніе русскаго народа на востокъ отдаетъ въ руки нѣмецкой колонизаціи Волынь, наши западныя окраины, Новороссію и другія богатыя страны Русской державы».

Это обезлюденіе самыхъ плодородныхъ земель гибельно отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ. Вмѣстѣ съ передѣлами, оно является главною причиною плохой обработки земли. «Съ самаго вступленія моего въ управленіе губерніею, я,—говоритъ генералъ Косичъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ,—былъ пораженъ дурнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, неустанно указывалъ и постоянно рекомендовалъ удобривать землю. Въ проѣздъ по селеніямъ, мною замѣчено, что масса навоза лежитъ по улицамъ и на плотинахъ, и въ особенности переполнены имъ овраги; но населеніе убѣждено, что земля родитъ безъ удобренія. Этотъ взглядъ на дѣло обходится населенію очень дорого» (стр. 2). Вообще съ технической стороны крестьянское хозяйство ведется чрезвычайно неудовлетворительно. Истощенная почва, за недостаткомъ скота, все болѣе и болѣе выпахивается и становится безплодною. Это неудивительно въ виду невѣжества крестьянъ и упадка въ нихъ нравственности. Существуютъ цѣлыя волости въ 14,000 душъ, гдѣ не открыто ни одной школы; въ другихъ существующая школа втеченіе 10 лѣтъ дала грамотныхъ людей на четырехъ-тысячное населеніе всего 164 мужчинъ и 15 женщинъ. Въ Сердобскомъ уѣздѣ школы въ безотрадномъ положеніи, и бюджетъ ихъ для всего уѣзда составляетъ 7,000 рублей. Можно было бы подумать, что, по крайней мѣрѣ, въ большихъ селахъ и около городовъ населеніе образованнѣе и ведетъ хозяйство лучше. На самомъ дѣлѣ «чѣмъ больше село, тѣмъ бѣднѣе и распущеннѣе населеніе» (стр. 9). «Болѣе всего оказываются запущены волости около городовъ и другихъ пунктовъ, гдѣ проявляется городской характеръ. При распущенности населенія самые большіе земельные надѣлы его не обезпечиваютъ»

(стр. 33). По тѣмъ же причинамъ и кредитная система мало ему помогаетъ. «Кредитъ вообще великая сила, могучее средство для подъема производительныхъ силъ, но если онъ обращается въ комерческую игру или попадаетъ на почву, совсѣмъ не подготовленную, то это обоюдоострое оружіе, кромѣ вреда, ничего не приноситъ. Такъ случилось у насъ съ кредитомъ вообще и съ банками въ частности... У крестьянъ Ольшанки, Сердобскаго уѣзда, за неплатежи была продана не только купленная ими (въ кредитъ) и надѣльная земля ихъ, но и усадьба». «Ссудо-сберегательныя кассы послужили у насъ источникомъ деморализаціи, доставили только возможность беззастѣнчивымъ людямъ поживиться на счетъ общественнаго и сиротскаго достоянія, хотя крестьянину вспомогательныя кассы болѣе чѣмъ необходимы» (стр. 8). При такомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ крестьянъ нельзя удивляться, что они эксплоатируются «лицами, пользующимися извѣстными неблагопріятными условіями нашихъ деревень», и что многія села «представляютъ образецъ, до чего можетъ дойдти селеніе подъ вліяніемъ кулака и кабака». Принимая депутацію отъ торговцевъ извѣстнаго села Бекова, явившихся къ губернатору послѣ бывшихъ въ этомъ селѣ пожаровъ, генералъ Косичъ былъ вынужденъ обратиться къ нимъ съ рѣчью, въ которой онъ, указавъ на то, что это село имѣетъ до 4,000 населенія, находится при желѣзной дорогѣ, имѣетъ ярмарку, пользующуюся извѣстностью во всей Россіи, что въ селѣ есть мужская министерская школа и женское училище, что подлѣ него кумысное заведеніе, куда съѣзжаются больные изъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, продолжалъ: «И, тѣмъ не менѣе, жизнь въ Бековѣ такъ неблагоустроена, такъ мало обезопасена отъ всякихъ случайностей, что какая нибудь полоумная баба или какой нибудь негодяй могутъ держать васъ въ осадномъ положеніи, нагонять на васъ такой ужасъ, что къ вамъ должны бѣжать въ страдное время изъ окрестныхъ селъ сотни крестьянъ, бросая свои поля, чтобы спасать васъ... Это просто срамъ для Бекова! Увѣряю васъ, что иностранецъ не повѣрилъ бы, что можетъ очутиться въ такомъ положеніи богатое, торговое село, съ 4 тысячами жителей, находящееся не гдѣ нибудь въ глуши, а при телеграфѣ и желѣзной дорогѣ, нарочно проведенной къ нему. Повторяю—это просто позоръ! Вы люди зажиточные, развитые; вы должны понимать это! Ваше дѣло оказывать благотворное вліяніе на мѣстное крестьянское населеніе, а не искать его защиты. Помилуйте, въ такомъ богатомъ селѣ нѣтъ приличнаго обоза, нѣтъ запаса воды, наконецъ, на все село содержится одинъ сотскій и 5 десятскихъ! Это верхъ беззащитности, безпомощности! Къ вамъ должны были сбѣгаться спасать васъ всѣ окрестныя волости, въ которыхъ поэтому у самихъ распространилась тревога. Я принялъ необходимыя мѣры, чтобы обезопасить васъ. Но что же можно еще

для васъ сдѣлать, если вы сами о себѣ не позаботитесь? Вамъ дано правительствомъ высокое благо—самоуправленіе. Вы призваны къ самообороне, къ самозащитѣ»....

Далѣе, вслѣдствіе несоблюденія крестьянами санитарныхъ требованій, встрѣчаются волости, гдѣ въ среднемъ выводѣ за послѣднее десятилѣтіе смертность составляетъ 48 на 1,000, между тѣмъ, какъ естественный приростъ—2 процента, то-есть населеніе быстро вымираетъ (стр. 21). Въ крестьянскомъ самоуправленіи безпорядокъ полный. Рѣшенія волостныхъ судовъ не приводятся въ исполненіе (напримѣръ, въ Балашевскомъ уѣздѣ въ 1888 году изъ 332 рѣшеній не приведено въ исполненіе 278). Въ волостномъ правленіи огромнаго торговаго села (Базарный Карбулакъ) царствовалъ невѣроятный безпорядокъ и произволъ, такъ что губернаторъ вынужденъ былъ лично принять самыя рѣшительныя мѣры къ искорененію вопіющаго зла и деморализаціи населенія. Хлѣбные магазины были въ лучшемъ случаѣ на половину, а частію и совсѣмъ пусты (стр. 28, 52, 61). Для полноты картины укажемъ еще на слѣдующіе факты. Параллельно съ нѣкоторыми желѣзно-дорожными линіями, мы видимъ возникновеніе чумацкаго промысла. Чумаками перевозится сахаръ вдоль желѣзнодорожныхъ линій, даже при цѣнѣ за пудъ 4 рубля, чумаки же везутъ пшеницу, даже тамъ, гдѣ цѣна пуда ея упала до цѣны фунта мяса въ Парижѣ (стр. 58). Грунтовыя дороги непроѣздны, и рабочій людъ двигается пѣшкомъ сотни верстъ параллельно желѣзнодорожному пути (стр. 55). Въ Камышинѣ «большая часть лошадей пожарной команды негодна вслѣдствіе варварскаго обычая ежегодно пускать лошадямъ кровь», а «по Сердобскому уѣзду встрѣчаются случаи содержанія помѣшанныхъ въ крестьянскихъ обществахъ на цѣпяхъ», и въ томъ же уѣздѣ «человѣкъ недавно убилъ человѣка съ цѣлью добыть сала для свѣчки, при которой онъ совершалъ кражи» (стр. 25) [1].

При такомъ положеніи нельзя удивляться, что генералъ Косичъ въ одной изъ своихъ рѣчей восклицаетъ: «Вообще земству предстоитъ масса работы. Работа эта просто безконечна!» Давно прошло то время, когда матеріальное и духовное благосостояніе нашего отечества обезпечивалось помѣщичьею властью, то-есть, когда вся Русь распадалась на помѣстья, въ которыхъ администраторомъ былъ помѣщикъ, а правительственная администрація заботилась главнымъ образомъ о немногочисленныхъ людныхъ центрахъ и о государственныхъ установленіяхъ и учрежденіяхъ, въ родѣ арміи, почты, казенныхъ заводовъ и т. д. Тогда могло существовать мнѣніе, что роль правительства ограничивается этою сферою, и что установленіе въ ней образцоваго порядка и составляетъ главную его за-

[1]) Какъ извѣстно, у воровъ существуетъ повѣріе, что при свѣчкѣ изъ человѣческаго сала кражи бываютъ всегда успѣшны.

дачу. Таково и было политическое міросозерцаніе тѣхъ русскихъ администраторовъ, одного изъ которыхъ мы старались охарактеризовать въ началѣ нашего этюда. Но и онъ уже въ концѣ своей дѣятельности ясно чувствовалъ, что наступаетъ новое время съ новыми требованіями и задачами. Вдумываясь въ эту новую эпоху, онъ относился къ ней съ сомнѣніями въ душѣ. Онъ, напримѣръ, не вѣрилъ, чтобы польское общество оцѣнило по достоинству великодушныя намѣренія покойнаго государя и воспользовалось ими для своего блага безъ потрясенія основъ общественной и политической жизни. То же чувство недовѣрія онъ переносилъ и на Россію. Помню я, какъ въ 1863 году мы съ нимъ гостили въ той же Саратовской губерніи, современное положеніе которой такъ ясно обрисовано въ циркулярахъ и рѣчахъ генерала Косича, и какъ покойный мой опекунъ, наталкиваясь на разныя отрицательныя явленія тогдашней жизни и бесѣдуя со мною объ ожидавшейся земской реформѣ и состоявшейся уже крестьянской, выражалъ опасенія, что общество не окажется на высотѣ своей задачи. «Впрочемъ,— улыбался онъ меланхолически, — я уже старъ, отжилъ свое время. Ну, молодежь, покажите-ка теперь, что вы можете!» Молодежь,—да одна ли молодежь?—была увѣрена, что сѣмена, посѣянныя въ 1861 и 1864 гг., дадутъ богатые всходы, и что почва для обильнаго урожая давно уже подготовлена. Со свойственною сангвиничнымъ натурамъ горячностью всѣ были убѣждены, что всходы взойдутъ немедленно, и что не пройдетъ и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ Россія представитъ собою обновленную, неузнаваемую картину. Было много наивнаго въ этомъ общемъ ожиданіи, но, тѣмъ не менѣе, оно было чрезвычайно распространено. Но, когда значительнаго и быстраго прогресса все не оказывалось, начался періодъ усиленныхъ взаимныхъ упрековъ. При всякомъ крупномъ отрицательномъ явленіи одни стали сваливать всю вину на «новыя вѣянія» и указывать на то, что въ старину этого не было, а другіе, въ свою очередь, утверждали, что никакихъ «новыхъ вѣяній» по существу нѣтъ, и что реформы произведены только мнимыя. Консерваторы упрекали либераловъ, тѣ не оставались въ долгу, и такимъ образомъ начались безконечные споры, которые продолжаются и по настоящій день. Люди дѣла, люди непосредственно прикасающіеся къ жизни и не глядящіе на нее сквозь призму заемныхъ теорій или изъ-за канцелярскихъ стѣнъ, ждали, что выйдетъ изъ этой борьбы двухъ противоположныхъ теченій. Такимъ образомъ сложился новый типъ русскаго администратора (сперва правительственнаго, а потомъ и земскаго), примѣръ котораго мы старались указать во второй части нашего этюда. Въ большинствѣ случаевъ это были люди не увѣренные, не знавшіе, какъ приняться за дѣло, или не рѣшавшіеся дѣйствовать такъ, какъ имъ подсказывалъ простой здравый смыслъ, изъ опасенія

нарушить одинъ изъ двухъ основныхъ принциповъ. Но, къ счастью, уже въ этотъ періодъ начали нарождаться дѣятели правительственные и земскіе, которые брали жизнь такъ, какъ она сложилась на самомъ дѣлѣ, а не въ теоріи, и которые практическими мѣрами старались устранить ея несовершенства и этимъ принести посильную пользу родинѣ. Такіе дѣятели стали появляться все чаще, и имъ Россія главнымъ образомъ обязана тѣми успѣхами, которыхъ она достигла въ переходную эпоху, пережитую нами со времени отмѣны крѣпостнаго права. Къ числу подобныхъ дѣятелей мы причисляемъ и генерала Косича. Онъ представляется намъ въ этомъ смыслѣ типическою личностью, заслуживающею,—къ счастью, на ряду со многими другими болѣе или менѣе видными дѣятелями,—глубокаго нашего вниманія.

Мы тутъ говоримъ не о дѣятельности генерала Косича, съ которою мы слишкомъ мало знакомы, чтобы подвергать ее оцѣнкѣ. Насъ въ данномъ случаѣ занимаетъ только, если можемъ такъ выразиться, административное его міросозерцаніе. И вотъ съ этой точки зрѣнія мы хотѣли бы отмѣтить характеристическія черты нарождающагося новаго типа русскаго администратора. Если въ Николаевское время господствовалъ формализмъ (въ указанномъ нами смыслѣ), если онъ смѣнился вслѣдствіе борьбы между либеральнымъ и консервативнымъ теченіями апатіею и разочарованіемъ, то нынѣ все болѣе чувствуется потребность въ живомъ практическомъ дѣлѣ, прямо направленномъ къ устраненію безчисленныхъ несовершенствъ русской дѣйствительности. Въ сферѣ административной эти три эпохи создали три типа администраторовъ. Администраторовъ Николаевской и освободительной эпохи мы уже охарактеризовали. Каковы же взгляды и стремленія современнаго администратора?

Генералъ Косичъ принималъ во время войны дѣятельное участіе въ трудахъ Краснаго Креста и по окончаніи ея произнесъ въ 1879 году публичную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ слѣдующе: «Больные и раненые съ изумленіемъ и умиленіемъ смотрѣли на самоотверженныхъ, слабыхъ женщинъ; ихъ собственныя геройскія жертвы давали имъ возможность понять и оцѣнить ихъ... Русскіе воины, возвращаясь съ театра войны, цѣловали землю своей родины. Они потому, между прочимъ, такъ любовно привѣтствовали свою отчизну, что въ лицѣ сестеръ милосердія имъ оказана была материнская заботливость въ годину тяжелыхъ испытаній... Остается пожелать, чтобы дѣятельность Краснаго Креста не только не умалилась въ мирное время, но приняла бы еще болѣе широкіе размѣры, такъ какъ и среди мира много частнаго горя, много и народныхъ бѣдствій». Эти мысли дополняются рѣчью, сказанною генераломъ Косичемъ въ прошломъ году при пріемѣ новыхъ земскихъ начальниковъ: «Въ моей долголѣтней

военной практикѣ,—говорилъ онъ,— мнѣ удавалось соединять самыя суровыя требованія военной службы съ самымъ гуманнымъ отношеніемъ, и отъ этого никогда не страдало дѣло». Когда генералъ Косичъ былъ назначенъ начальникомъ кіевскаго окружного штаба, возникъ вопросъ о постройкѣ новаго госпитальнаго зданія, стоимостью въ 2½ милліона рублей. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла, онъ призналъ возможнымъ ограничиться простымъ исправленіемъ стараго госпиталя съ одновременнымъ принятіемъ мѣръ для улучшенія санитарнаго состоянія войскъ. Каковы же были результаты? Число больныхъ, нуждавшихся въ госпиталѣ, понизилось съ 700 человѣкъ на 1,000 до 270, а ежедневное число больныхъ въ госпиталѣ съ 900 человѣкъ—до 420, такъ что въ новомъ громадномъ госпиталѣ и не представилось надобности и казна сберегла 2.200,000 рублей. Уже въ первомъ году своего управленія Саратовскою губерніею генералъ Косичъ началъ энергично настаивать на томъ, чтобы опустѣвшіе хлѣбные запасные магазины были пополнены. Къ 1-му января 1888 года засыпано около 700,000 пудовъ; 1-го января 1889 года засыпано еще 350,000 пудовъ. Затѣмъ у земства и крестьянъ не хватило уже средствъ. Тогда генералъ Косичъ сталъ усиленно хлопотать о правительственной ссудѣ и объ открытіи общественныхъ работъ, и его хлопоты увѣнчались такимъ успѣхомъ, что саратовское земство имѣло полное основаніе заявить въ своемъ прощальномъ адресѣ, поднесенномъ генералу Косичу по случаю его новаго назначенія, что «безъ его заботъ и трудовъ земство было бы поставлено въ крайне тяжелое положеніе по продовольствію населенія».

Всѣ эти примѣры характеристичны. Тутъ либерализмъ и консерватизмъ не при чемъ, а результаты получились благіе. Гуманность съ соблюденіемъ строгаго порядка и практичность — вотъ отличительныя черты дѣятельности генерала Косича. Мы не можемъ перечислить здѣсь всей массы указаній, сдѣланныхъ генераломъ Косичемъ въ этомъ смыслѣ земству и населенію во время его почти пятилѣтняго управленія Саратовской губерніей. Принципы его не занимали; онъ прямо брался за дѣло, да и дѣйствительно какимъ завзятымъ доктринеромъ надо быть, чтобы заботиться о принципѣ въ виду картины, которая представилась генералу Косичу при изученія мѣстныхъ условій и которую мы старались воспроизвести съ его словъ! При объѣздахъ губерніи все его вниманіе было направлено на то, чтобы устранить то или другое реальное несовершенство; въ каждой строкѣ его циркуляровъ или рѣчей сквозитъ сознаніе, что онъ одинъ безсиленъ, что для устраненія крайне невыгодныхъ условій, экономическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, необходимы дружныя усилія всѣхъ административныхъ и общественныхъ учрежденій, правительства, земства,

органовъ крестьянскаго самоуправленія, всего общества и каждаго отдѣльнаго его члена. Онъ старается указаніемъ на живые примѣры, выхваченные изъ окружающей его дѣйствительности, побороть столь прочно укоренившійся у насъ и крайне удобный предразсудокъ, будто бы отдѣльное лицо безсильно въ виду общихъ невыгодныхъ условій. Онъ указываетъ, какъ, благодаря дѣятельности одного священника, въ глухомъ уголкѣ провинціи съ изнывавшимъ отъ бѣдности и невѣжества населеніемъ распространилось общее благосостояніе, и называетъ этого священника «истинно великимъ человѣкомъ». Ему дѣла нѣтъ до того, кто помогаетъ народу. Ему и въ голову не приходитъ ревниво разграничивать сферы дѣятельности. Онъ всѣхъ призываетъ къ дружной работѣ на этой плодородной, но заброшенной нивѣ. Онъ съ истиннымъ умиленіемъ отзывается объ игуменьѣ Марьѣ, кончившей курсъ въ казанскомъ институтѣ и въ качествѣ монахини посвятившей себя благоустройству монастыря, сосѣдней мѣстности и дѣламъ благотворительности. Съ тѣмъ же чувствомъ глубокаго уваженія онъ относится къ дѣятельности г-жи Барабашовой и другихъ учительницъ, «беззавѣтно посвятившихъ себя святому дѣлу образованія и воспитанія дѣтей». Съ глубокою признательностью онъ отзывается о тюремномъ смотрителѣ г. Степановѣ, «доказавшемъ, что и на скромномъ посту можно при доброй волѣ принести пользу не только учрежденію, гдѣ служишь, но и цѣлому городу». Онъ съ восторгомъ говоритъ о г. Назаровѣ, который «выдвинулся изъ неизвѣстности» и, благодаря своему литейно-механическому заведенію, двинулъ сельско-хозяйственное дѣло въ Балашевскомъ уѣздѣ. Въ упомянутой уже рѣчи бековскимъ торговцамъ онъ указываетъ имъ на Сарепту, гдѣ «полторы тысячи человѣкъ съумѣли обставить свою жизнь, обезопасили себя отъ пожаровъ, эпидемій, гдѣ есть водопроводъ, дома все каменные, крытые черепицей, улицы мощеныя, гдѣ волостной старшина образованный, энергичный человѣкъ, гдѣ существуетъ много полезнѣйшихъ учрежденій». Онъ ставитъ русскимъ въ примѣръ нѣмцевъ, выясняетъ поразительные результаты, достигнутые финляндцами съ ихъ бѣдною почвою, «благодаря стремленію всѣхъ и каждаго содѣйствовать великому дѣлу развитія и преуспѣнія своего отечества». Далѣе, не смотря на неудовлетворительное положеніе Саратовскаго края, генералъ Косичъ ни на секунду не сомнѣвается въ возможности измѣнить его къ лучшему. Въ каждомъ его словѣ чувствуется глубокая вѣра въ русскій народъ, въ его историческое значеніе и государственную мощь. «Въ народѣ,—говоритъ онъ,—живетъ удивительный жизненный духъ... Нѣтъ причины отчаяваться за будущее нашего великаго народа». Резюмируя въ разныхъ мѣстахъ свою основную мысль, онъ говоритъ, что все зависитъ отъ лицъ, «стоящихъ близко къ народу» и обязанныхъ радѣть о немъ, что «все можно изви-

нить, кромѣ равнодушія къ общественному благу», и что «во всякое дѣло нужно непремѣнно влагать душу». Когда, такимъ образомъ, всѣ честные люди на различныхъ поприщахъ общественной и частной дѣятельности соединятъ свои труды и усилія, направленные къ общей великой цѣли, тогда не будетъ мѣста ни для унынія, ни для малодушія, ни для взаимныхъ попрековъ и заподозрѣваній. Но задача эта не должна быть откладываема. Время не терпитъ. «Необходимо, чтобы всѣ, кто сохраняетъ въ своей душѣ идеи правды и добра, въ комъ бьется сердце и живетъ стремленіе ко всему благому и возвышенному, кто истинно любитъ свою родину, шли бы на работу въ провинцію, дабы общими силами вывести народъ на торную дорогу... Надо, такъ сказать, совершить мобилизацію всѣхъ живыхъ, честныхъ и просвѣщенныхъ силъ, чтобы одержать одну изъ величайшихъ побѣдъ въ самомъ благородномъ общечеловѣческомъ смыслѣ этого слова». «Мы жалуемся,—говоритъ генералъ Косичъ въ другомъ мѣстѣ,— на кризисъ, но кризиса, по моему крайнему разумѣнію, нѣтъ; если онъ существуетъ, то въ насъ самихъ»...

Думая и говоря такъ, генералъ Косичъ свято хранитъ лучшіе завѣты нашей литературы, къ которой онъ относится въ своихъ рѣчахъ съ истиннымъ воодушевленіемъ. Невольно вспоминаются по этому поводу слова генералъ-губернатора у Гоголя: «Оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ»... Эти недописанныя слова, въ которыхъ Гоголь призываетъ насъ возстать соединенными силами «противу неправды», противъ общественнаго зла, составляютъ какъ бы его политическое завѣщаніе. Не пора ли,—хотя бы въ виду постигшаго насъ тяжелаго народнаго бѣдствія,— приступить къ исполненію этого завѣщанія въ духѣ той горячей любви къ родинѣ, которою воодушевлены лучшіе русскіе люди, на какомъ бы поприщѣ они ни трудились?

Р. Сементковскій.

НИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОПОВЪ.

(некрологъ).

ССКАЯ историческая наука вообще и Москва въ частности понесли недавно весьма чувствительную утрату въ лицѣ Нила Александровича Попова, заслуженнаго профессора Московскаго университета, въ послѣдніе годы жизни управлявшаго архивомъ министерства юстиціи. Профессоръ Ключевскій, сказавшій на похоронахъ Н. А. Попова глубоко-прочувствованную рѣчь, совершенно вѣрно указалъ на покойнаго ученаго, какъ на одного изъ послѣднихъ представителей лучшихъ временъ Московскаго университета,—временъ Грановскаго, Кудрявцева и Соловьева. Нилъ Александровичъ былъ дѣйствительно однимъ изъ наиболѣе видныхъ научныхъ и общественныхъ дѣятелей, по воспитанію и традиціямъ связанныхъ съ этою далекою эпохою нашей русской университетской жизни. Слишкомъ добросовѣстный въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія, Нилъ Александровичъ не можетъ быть, конечно, отнесенъ къ числу ученыхъ плодовитыхъ; но зато все, что было имъ сдѣлано въ области научнаго изслѣдованія, остается полезнымъ и важнымъ достояніемъ русской науки и дѣлаетъ честь его ученому имени. При этомъ нельзя упустить изъ вида, что извѣстностью своею Нилъ Александровичъ обязанъ былъ не столько своимъ ученымъ трудамъ, сколько своей весьма плодотворной дѣятельности профессорской. Какъ профессоръ, наставникъ и опытный руководитель молодаго поколѣнія, посвящающаго себя

научной дѣятельности, Нилъ Александровичъ обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ возбуждать въ молодыхъ ученыхъ страсть къ научнымъ изслѣдованіямъ и поддерживалъ ихъ на этомъ трудномъ пути дѣятельною помощью и вѣскими, основательными указаніями того пути, по которому молодой ученый долженъ былъ слѣдовать, не увлекаясь фантастическими теоріями и строго придерживаясь критическаго такта... Даже и покинувъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ, покойный Нилъ Александровичъ, любившій окружать себя молодежью, не прекратилъ своей дѣятельности ученаго наставника: онъ только перенесъ ее съ университетской каѳедры въ стѣны той богатѣйшей научной сокровищницы, которая была поручена его надзору и попеченіямъ, и съумѣлъ придать своему новому званію и назначенію такой смыслъ и значеніе, какое до него не достигалось у насъ никѣмъ изъ лицъ, назначаемыхъ для управленія русскими архивами.

Нилъ Александровичъ Поповъ былъ родомъ изъ Тверской губерніи. Въ тверской губернской гимназіи получилъ онъ первоначальное воспитаніе и оттуда, по окончаніи курса, поступилъ въ Московскій университетъ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе С. М. Соловьева, который присудилъ ему золотую медаль за его кандидатскую диссертацію «О русской лѣтописи», и даже приблизилъ его къ себѣ на столько, что Н. А. Поповъ, по окончаніи курса въ университетѣ (въ 1854 г.), рѣшился готовиться къ магистерскому экзамену по каѳедрѣ русской исторіи. Пока молодой ученый трудился надъ своимъ объемистымъ трудомъ о Татищевѣ, каѳедра русской исторіи очистилась въ Казанскомъ университетѣ, и С. М. Соловьевъ ходатайствовалъ передъ министромъ о томъ, чтобы эта каѳедра оставлена была за его ученикомъ, Н. А. Поповымъ. Въ 1861 году Нилъ Александровичъ защитилъ въ Москвѣ свою магистерскую диссертацію «В. Н. Татищевъ и его время» и привлекъ общее вниманіе къ труду своему, въ которомъ одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей Петровскаго времени и ближайшей къ нему переходной эпохи былъ очерченъ на основаніи архивныхъ данныхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, и при посредствѣ глубокаго изученія литературной дѣятельности Татищева.

Вскорѣ послѣ того, Н. А. Поповъ былъ переведенъ въ Московскій университетъ на каѳедру русской исторіи и отсюда посланъ съ научною цѣлью въ славянскія земли для ближайшаго ознакомленія съ источниками исторіи славянскихъ народовъ, которую онъ особенно охотно изучалъ и справедливо почиталъ важнымъ подспорьемъ къ изученію многихъ сторонъ нашей отечественной исторіи. Результатомъ этой поѣздки въ славянскія земли и занятій въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ былъ новый, объемистый трудъ Н. А. Попова: «Россія и Сербія» (М., 1869 г.), его докторская диссертація, доставившая ему званіе экстраординарнаго и

ординарнаго профессора и окончательно упрочившая его положеніе при Московскомъ университетѣ. Два года спустя, въ виду того броженія, которое начали замѣчать на Балканскомъ полуостровѣ среди славянскаго населенія, Н. А. Поповъ издалъ въ свѣтъ новый трудъ свой по исторіи славянства, а именно: «Россія и Сербія послѣ Парижскаго мира» (М., 1871 г.). Одинъ изъ первоклассныхъ нашихъ ученыхъ справедливо называетъ эти оба сочиненія, основанныя на первоисточникахъ, «необходимыми пособіями для каждаго занимающагося исторіей русской дипломатіи и вообще русской исторіей въ XIX вѣкѣ».

Само собою разумѣется, что, занимаясь такъ горячо исторіей славянства, Н. А. Поповъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ попыткамъ сближенія славянскихъ ученыхъ съ русскими: онъ дѣятельно поддерживалъ съ ними сношенія, принималъ самое живое и непосредственное участіе въ устройствѣ этнографической выставки и славянскаго съѣзда въ Москвѣ, а впослѣдствіи былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ Славянскаго благотворительнаго комитета, при Погодинѣ и И. С. Аксаковѣ, во время самаго разгара сербской войны.

Подъ конецъ своей профессорской дѣятельности Н. А. Поповъ сталъ, видимо, болѣе и болѣе склоняться къ работамъ архивнымъ. Такъ, по смерти Калачова, онъ принялъ на себя веденіе изданія «Актовъ Московскаго государства»; первый томъ этого изданія и появился въ свѣтъ въ 1890 году и заключаетъ въ себѣ дѣла Разряднаго приказа (съ 1571—1634 гг.), весьма важныя для исторіи Россіи конца XVI и начала XVII вѣковъ. Съ 1886 года Н. А. Поповъ достойно замѣстилъ Калачова и въ званіи управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи. Ему предстояла весьма трудная задача перенесенія этого архива изъ стараго помѣщенія въ новое, спеціально устроенное на Дѣвичьемъ полѣ и приведеніе матеріаловъ архива въ порядокъ. По плану (и притомъ весьма остроумному) Н. А. Попова затѣяно было «описаніе» этого богатѣйшаго архива, которое Н. А. Поповъ съумѣлъ оживить привлеченіемъ къ дѣлу цѣлой плеяды молодыхъ ученыхъ, причемъ принялъ на себя группировку матеріала и распредѣленіе его разработки между этими дѣятелями. Въ результатѣ получилось нѣсколько объемистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ не простые заголовки рукописей, а рядъ весьма полезныхъ руководящихъ статей, важныхъ для ознакомленія съ сокровищами архива и составляющихъ полезное подспорье для каждаго занимающагося исторіей Россіи и ея внутренняго быта.

Въ качествѣ управляющаго архивомъ министерства юстиціи, Н. А. Поповъ съумѣлъ такъ себя поставить, что занятія въ архивѣ, открытомъ для всѣхъ, могли доставить каждому истинное наслажденіе. Радушно принималъ онъ каждаго жаждущаго почерпнуть

знанія изъ сокровищницы, ввѣренной его надзору и попеченіямъ, и всѣми силами старался каждому облегчить достиженіе той цѣли, которою онъ задавался. Каждый, близко знакомый съ другими нашими петербургскими и московскими архивами, съ тѣми препятствіями и препонами, которыя полагаютъ на пути изученія архивнаго матеріала разные архивные церберы и архивные генералы, съ радостью встрѣчалъ въ добродушномъ и привѣтливомъ Н. А. Поповѣ простаго русскаго человѣка, отъ котораго нисколько не пахло «генераломъ». Само собою разумѣется, что личность и воззрѣнія управляющаго архивомъ, «по неизбѣжнымъ законамъ отраженія», отзывались и на всѣхъ остальныхъ служащихъ въ этомъ учрежденіи, и можно смѣло сказать, что нигдѣ русскій ученый не чувствовалъ себя такъ спокойно и уютно, какъ въ залахъ архива министерства юстиціи при управленіи Н. А. Попова.

Миръ праху почтеннаго научнаго дѣятеля и добраго, здраваго, прямаго русскаго человѣка! Пожелаемъ и архиву такого начальника, который бы съумѣлъ быть достойнымъ своего предшественника, и подростающему поколѣнію русскихъ ученыхъ такого же добросовѣстнаго и разумнаго руководителя, какъ покойный Н. А. Поповъ.

П. Полевой.

УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. А. ПОПОВА.

«ЖИЗНИ отдѣльныхъ лицъ, какъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ, встрѣчаются извѣстные предѣлы, при достиженіи которыхъ принято съ благодарностію обращаться къ пройденному пути и въ воспоминаніяхъ объ этомъ прошедшемъ искать новыхъ силъ, новаго возбужденія къ дальнѣйшимъ трудамъ»... Такъ 29 декабря 1871 года, на полувѣковомъ юбилеѣ извѣстнаго историка М. П. Погодина, говорилъ въ своей рѣчи профессоръ Московскаго университета Нилъ Александровичъ Поповъ. Въ настоящее время, спустя двадцать лѣтъ, такой «послѣдній предѣлъ» насталъ и для самого оратора, скончавшагося въ Москвѣ 22 декабря прошлаго года. Поэтому намъ, близко знавшимъ учено-литературную и общественную дѣятельность покойнаго, невольно приходится «съ благодарностію обратиться къ пройденному имъ пути и въ воспоминаніяхъ объ этомъ прошедшемъ искать для себя новыхъ силъ, новаго возбужденія къ дальнѣйшимъ трудамъ».

Покойный, по своему происхожденію, принадлежалъ къ дворянамъ Тверской губерніи. Онъ родился въ городѣ Бѣжецкѣ, 28 марта 1833 года, и одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ дворянскій пансіонъ, состоявшій при Тверской гимназіи. Тамъ ему пришлось пробыть шесть лѣтъ и въ 1850 году окончить гимназическій курсъ съ золотою медалью. Въ томъ же году онъ былъ при-

нять въ казеннокоштные студенты Московскаго университета по историко-филологическому факультету. Тогда названный факультетъ славился своими профессорами, изъ которыхъ особенно выдавались историки—Т. Н. Грановскій, П. Н. Кудрявцевъ и С. М. Соловьевъ. Послѣдній, въ то время начинавшій изданіе своей «Исторіи Россіи», оказалъ наиболѣе сильное вліяніе на занятія молодаго слушателя. Такъ, находясь на четвертомъ курсѣ, Н. А. Поповъ трудился надъ сочиненіемъ на заданную С. М. Соловьевымъ тему: «Исторія вопроса о русской начальной лѣтописи», за что и получилъ золотую медаль [1]), а незадолго до окончанія университетскаго образованія напечаталъ свой первый трудъ подъ заглавіемъ: «Древніе и новые греки» («Московскія Вѣдомости», 1854 г., №№ 39, 46 и 54).

По выпускѣ изъ университета со степенью третьяго кандидата, въ 1854 году, молодой ученый былъ опредѣленъ (съ 25 марта 1855 года) преподавателемъ исторіи въ IV Московскую гимназію, гдѣ и состоялъ на службѣ до 18 октября 1857 года. Уже и въ этотъ почти трехлѣтній періодъ преподавательской дѣятельности, при многочисленныхъ урокахъ, ему удалось заявить себя усерднымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника». Въ нихъ онъ напечаталъ слѣдующія статьи:

«Объ юридическомъ сборникѣ Д. Мейера». («Московскія Вѣдомости», 1855 г., №№ 23—24).

«О сочиненіяхъ И. Е. Андреевскаго». (Тамъ же, 1855 г., №№ 39—40).

«Русская дипломатія въ XVII столѣтіи». (Тамъ же, 1855 г., №№ 47, 60 и 62).

«Путешествіе на сѣверъ Россіи Іоанна Соважа въ 1586 году». («Московскія Вѣдомости», 1855 г., № 147).

«Обзоръ ученыхъ трудовъ, изданныхъ Московскимъ университетомъ къ своему столѣтнему юбилею». (Тамъ же, 1856 г., №№ 4, 5, 13, 17).

«Русское посольство въ Испанію и Францію въ 1668 году». (Тамъ же, 1856 г., №№ 38—39).

«Замѣтка о сатирическихъ изданіяхъ прошлаго вѣка». (Тамъ же, № 119).

«По поводу статьи о лубочныхъ изображеніяхъ». (Тамъ же, № 179).

«Замѣтка на изслѣдованіе профессора Лавровскаго: Объ Іоакимовской лѣтописи». («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., кн. 2).

«Іоаннъ Грозный», по поводу «Исторіи Россіи» профессора Соловьева. (Тамъ же, кн. 8).

«Разборъ ученыхъ записокъ втораго отдѣленія императорской академіи наукъ». (Тамъ же, кн. 12).

«О собраніи писемъ царя Алексія Михайловича». (Тамъ же, кн. 21).

«Королева Варвара», историческій разсказъ. («Русскій Вѣстникъ», 1857 г., кн. 1).

«О трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ». (Тамъ же, кн. 5).

---

[1]) Отчетъ Московскаго университета за 1854 годъ, стр. 23.

«Нѣкоторыя черты общественныхъ отношеній въ Россіи XV—XVII вѣковъ». («Московскія Вѣдомости», 1857 г., №№ 70, 73 и 75).

«Изъ жизни Марины Мнишекъ». (Тамъ же, №№ 82, 86, 91, 98, 103, 106, 120).

«По поводу статьи: Судебныя изслѣдованія колдуновъ и вѣдьмъ въ Германіи». (Тамъ же, №№ 117 и 126).

Благодаря названнымъ статьямъ, Н. А. Поповъ, съ 18 октября 1857 года, занялъ каѳедру русской исторіи при Казанскомъ университетѣ, какъ исправляющій должность адъюнкта, и пробылъ на этомъ мѣстѣ до своего перехода въ Московскій университетъ, до 3 августа 1860 года. Трехлѣтняя служба въ Казани не прервала его учено-литературной дѣятельности. За это время имъ были напечатаны слѣдующіе труды:

«О біографическомъ и уголовномъ элементѣ въ исторіи». («Атеней», 1858 г., ч. VII, № 46).

«Георгій Дандоло, русскій лексикографъ и переводчикъ прошлаго столѣтія», по рукописямъ Казанскаго университета. («Библіографическія Записки», 1859 г., № 7).

«Придворныя проповѣди въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны». («Лѣтописи русской литературы и древности», 1859 г., т. II, кн. 3).

«Постановленія Петра Великаго о заповѣдныхъ лѣсахъ». («Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи», 1859 г., кн. VI).

«Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани съ 1805 по 1834 годъ». («Русскій Вѣстникъ», 1859 г., кн. 17).

«Путешествіе въ Италію и на островъ Мальту стольника П. А. Толстаго въ 1697—1698 годахъ». («Атеней», 1859 г., т. II, кн. 7—8).

«Замѣтка о трудѣ П. А. Толстаго: Описаніе Чернаго моря». («Московскія Вѣдомости», 1859 г., № 214).

«Автографъ Державина», съ двумя стихотвореніями: «Дамѣ приношеніе» и «Разлука», по рукописи Казанскаго университета. («Библіографическія Записки», 1859 г., № 11).

«Матеріалы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ 1717—1720 гг.». («Чтенія императорскаго общества исторіи и древностей», 1859 г., кн. 4; отдѣльно: М., 1859 г., VI+166 стр.).

«Изъ жизни П. А. Толстаго, одного изъ слѣдователей по дѣлу царевича Алексѣя Петровича». («Русскій Вѣстникъ», 1860 г., кн. 11).

Съ переходомъ на каѳедру русской исторіи при Московскомъ университетѣ, предъ Н. А. Поповымъ открылось широкое поприще и для профессорской дѣятельности, и для научныхъ трудовъ, и для живаго участія въ разнообразныхъ какъ ученыхъ, такъ и благотворительныхъ обществахъ. Впервые ему пришлось взойти на каѳедру роднаго университета 13 октября 1860 года и прочесть вступительную лекцію: «По поводу современныхъ вопросовъ въ русской исторической литературѣ», тогда же напечатанную въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1860 г., № 225). Эта первая лекція касалась значенія историческихъ трудовъ Татищева, Щербатова и Карамзина при изученіи русской жизни XVII и начала

XVIII столѣтій. Дѣятельность одного изъ названныхъ историковъ В. Н. Татищева скоро сдѣлалась предметомъ обширнаго труда, изданнаго Поповымъ подъ такимъ заглавіемъ: «В. Н. Татищевъ, эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи, первой половины прошедшаго столѣтія» (М., 1861 г., 803 стр.). Названный трудъ, высоко оцѣненный тогдашнею критикою, доставилъ молодому ученому степень магистра русской исторіи, званіе адъюнкта Московскаго университета и Демидовскую награду, присужденную императорской академіей наукъ по рецензіи А. А. Куника. Послѣ защиты своей диссертаціи Н. А. только втеченіе одного года продолжалъ чтеніе лекцій по русской исторіи, такъ какъ получилъ двухлѣтнюю заграничную командировку (1862—1864 гг.). Передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ напечатать только четыре статьи: «Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 году Пьеромъ Куки» («Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи», 1861 г., кн. 1), «Матеріалы для исторіи русскаго театра: выѣзжіе комедіанты при Петрѣ» («Библіографическія Записки», 1861 г., № 14), «Изъ хроники уѣзднаго городка за первую половину XVIII вѣка» («Московскія Вѣдомости», 1861 г., № 135) и «Разсказъ, записанный со словъ одного изъ участниковъ въ Пугачевскомъ бунтѣ» («Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи», 1862 г., кн. 3). Во время же своего путешествія нашъ ученый помѣстилъ лишь одну замѣтку о книгѣ доктора Раша: «Темные дома Берлина» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1863 г., №№ 140—141). За то онъ съ полнымъ увлеченіемъ отдался непосредственному изученію тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя, по маршруту, шла его поѣздка. Послѣ Берлина и Вѣны предъ нимъ открылся обаятельный славянскій міръ съ Прагою, Загребомъ, Новымъ Садомъ, Бѣлградомъ и другими важными для русскаго историка городами. Зная хорошо славянскія нарѣчія, Н. А. близко познакомился съ бытомъ чеховъ, сербовъ и болгаръ, закрѣпилъ дружественныя связи со многими славянскими учеными и писателями, а главное—на мѣстѣ изучилъ тогдашнее положеніе славянскихъ племенъ въ сосѣдствѣ съ Турціей и Германіей. Эта заграничная поѣздка наложила сильный отпечатокъ на направленіе учено-литературной и общественной дѣятельности Попова. Тотчасъ же, по возвращеніи изъ путешествія (въ сентябрѣ 1864 года), обогащенный новыми данными и свѣжими впечатлѣніями, онъ открываетъ курсъ чтеній по исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, служившій прямымъ дополненіемъ къ тогдашнимъ филологическимъ лекціямъ извѣстнаго слависта О. М. Бодянскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ становится въ ряды дѣятельныхъ членовъ Московскаго Славянскаго благотворительнаго комитета, цѣлію котораго была нравственная и матеріальная помощь славянскимъ племенамъ. Вмѣстѣ

съ М. П. Погодинымъ, Н. А. устроиваетъ славянскій отдѣлъ на этнографической выставкѣ 1867 года, принимаетъ живое участіе въ славянскомъ съѣздѣ, открытомъ тогда въ Москвѣ, и первый, какъ намъ извѣстно, прочитываетъ двѣ публичныя лекціи: «Изъ исторіи Галиціи» (1867 г.). Такой преданности «славянству» вполнѣ соотвѣтствовали и труды, съ которыми покойный появлялся въ печати со дня возвращенія изъ-за границы. Эти труды составляютъ длинную вереницу статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Современной Лѣтописи», «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Москвѣ» (газетѣ И. С. Аксакова), «Православномъ Обозрѣніи» и «Русскомъ Архивѣ». Не имѣя въ виду перечислять мелкія работы Н. А. Попова, напечатанныя въ шестидесятыхъ годахъ [1]), ограничиваемся указаніемъ на слѣдующіе болѣе замѣчательные его труды:

«Поляки въ Пруссіи». («Русскій Вѣстникъ», 1864 г., кн. 10; 1865 г., кн. 1).

«Сербы въ Австріи». (Тамъ же, 1865 г., кн. 5).

«Вопросъ объ общеславянской азбукѣ», М., 1865 г., 32 стр.

«Варшавское герцогство». («Русскій Вѣстникъ», 1866 г., кн. 1—3).

«Переписка барона Гр. Ал. Строгонова съ Милошемъ Обреновичемъ въ 1817—1826 годахъ». («Московскія университетскія извѣстія», 1866 г.' кн. 2; отдѣльно: М., 1866 г., 31 стр.).

«Познанскіе сеймы отъ 1827 по 1845 годъ». («Русскій Вѣстникъ», 1867 г., кн. 12).

«Русское населеніе по восточному склону Карпатъ». («Московскія Университетскія Извѣстія», 1867 г., кн. 7; отдѣльно: М., 1867 г., 30 стр.).

«Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 года». М., 1857 г., 472 стр.

«Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до Прагматической санкціи». («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1868 г., кн. 1, 3, 5—6; отдѣльно: Спб., 1868 г., 203 стр.).

«Славянскій съѣздъ въ Прагѣ и годовщина съѣзда въ Москвѣ», М., 1868 г., 58 стр.

«Венгерскія степи», отрывокъ изъ путевыхъ воспоминаній. («Русскій Вѣстникъ», 1868 г., кн. 7).

Довершеніемъ всѣхъ этихъ трудовъ явилась докторская диссертація Н. А. Попова, подъ заглавіемъ: «Россія и Сербія, историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ» (М., 1869 года, два тома, XIV+521, X+657), удостоенная Уваровской преміи по оцѣнкѣ извѣстнаго славянскаго историка В. Богишича и переведенная на сербскій языкъ.

Съ пріобрѣтеніемъ высшей ученой степени доктора русской исторіи, покойный Поповъ получилъ званіе экстраординарнаго (1869—1871 гг.), затѣмъ, ординарнаго (1871—1882 гг.) и, наконецъ, заслуженнаго профессора (1882 — 1887 гг.). Кромѣ пре-

[1]) О нихъ см. въ «Памятной книжкѣ Московскаго архива министерства юстиціи», М., 1890 г.

подавательскихъ занятій, ему пришлось исполнять обязанность редактора «Московскихъ Университетскихъ Извѣстій» и должность декана историко-филологическаго факультета (1873—1876, 1877—1880, 1882—1885 гг.). Внѣ же университета онъ состоялъ казначеемъ и членомъ приготовительнаго собранія при обществѣ любителей Россійской словесности, инспекторомъ классовъ въ Маріинскомъ училищѣ и предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла при Императорскомъ обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. При всѣхъ названныхъ обязанностяхъ и должностяхъ, Н. А. втеченіе пятнадцати лѣтъ (1870—1885 гг.) бодро продолжалъ вести свою учено-литературную дѣятельность. За исключеніемъ газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ, онъ въ названный періодъ напечаталъ:

«Военныя поселенія сербовъ въ Австріи и Россіи» («Вѣстникъ Европы», 1870 г., кн. 6).

«Русскій писатель въ Венгріи А. В. Духновичъ». («Бесѣды общества любителей россійской словесности», М., 1870 г., кн. 3).

«О значеніи германскаго и византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія», актовая рѣчь. («Московскія универс. извѣстія», 1871 г., кн. 1).

«Очерки религіозной и національной благотворительности на Востокѣ и среди славянъ». («Журналъ мин. нар. просв.», 1871 г., кн. 4—6; отдѣльно: Спб., 1871 г., 152 стр.).

«Сербія послѣ Парижскаго мира». («Бесѣда», 1871 г., кн. 6—9; отдѣльно: М., 1871 г., 267 стр.). Этотъ трудъ переведенъ на сербскій языкъ.

«Исторія Славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ», М. 1872 г., два выпуска, 120 и 62 стр.

«Австрія». («Русскій Энциклопедическій Словарь», изд. И. Н. Березинымъ, Спб., 1873 г., т. I).

«Западные славяне въ эпоху отдаленной древности». («Древности, сборникъ императорскаго Московскаго археологическаго общества», М., 1873 г., т. III, вып. I).

«Православная церковь въ Далмаціи». («Православное Обозрѣніе», 1873 г., кн. 2—3, 5—12).

«Судьбы уніи въ русской Холмской епархіи». (Тамъ же, 1874 г., кн. 4—8).

«Вольный городъ Краковъ съ 1815 по 1846 годъ». («Вѣстникъ Европы», 1875 г., кн. 1—6).

«Графъ Петръ Андреевичъ Толстой съ 1645 по 1727 годъ». («Древняя и Новая Россія», 1875 г., кн. 3).

«Кровная месть въ старой Сербіи». («Братская помощь», сборникъ, Спб., 1876 г.).

«Историческая записка о двадцатипятилѣтней дѣятельности Маріинскаго женскаго училища». (М., 1876 г., 82 стр.).

«Осипъ Андреевичъ Баженинъ», эпизодъ изъ исторіи общественныхъ нравовъ Петровской эпохи. («Древняя и Новая Россія», 1877 г., кн. 9—10).

«О внутреннихъ реформахъ и внѣшнихъ дѣлахъ Александра I-го» актовая рѣчь. (Отчетъ Московскаго Университета, М. 1878 г.).

«Сербія и Порта въ 1861—1867 годахъ». («Вѣстникъ Европы», 1878 г. кн. 2—3).

«Людевитъ Гай въ Россіи». («Древняя и Новая Россія», 1878 г., кн. 8).

«Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель», М., 1879—1880 г., три выпуска, XVII+744 стр.

«Вторичное правленіе Милоша Обреновича въ 1859—1860 годахъ». («Русская Мысль», 1880 г., кн. 4, 9; 1881 г., кн. 8).

«Историческія замѣтки о Бѣжецкомъ Верхѣ XVII и XVIII вѣковъ». («Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи», 1881 г., кн. 3; отдѣльно: М., 1881 г., 74 стр.).

«Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича» («Журн. мин. нар. просв.», 1882 г., кн. 4).

«Извѣстія о похожденіи Симеона Степанова сына Пишчевича», М., 1883 г., 561 стр.

«Исторія императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ», часть первая, 1804—1812 г., М., 1884 г., 249 стр.

«Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная, 1764—1805 г.», М., 1885 г., IV+273 стр.

Съ 1885 года къ учено-литературной и профессорской дѣятельности Н. А. Попова присоединилась новая служба. Причисленный къ министерству юстиціи (6-го марта 1885 года), онъ, не оставляя еще университетской каѳедры, занялъ мѣсто директора Московскаго архива того же министерства (съ 5-го декабря того же года). На его долю выпало открыть этотъ архивъ въ новомъ помѣщеніи на Дѣвичьемъ полѣ (28-го сентября 1886 года) и до конца своей кончины направлять дѣятельность этого учрежденія къ высокимъ научнымъ цѣлямъ. Такъ, подъ его руководствомъ, вышли четыре книги изданія, начатаго еще при Н. В. Калачевѣ, подъ названіемъ: «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи» (М., 1888—1891 гг.). Самъ же редакторъ архива за послѣднія шесть лѣтъ (1886—1891 гг.) напечаталъ только слѣдующія работы:

«Ученые и литературные труды В. Н. Татищева», рѣчь въ торжественномъ собраніи императорской академіи наукъ». («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1886 г., кн. 6, и «Записки императорской академіи наукъ», т. LV). Отдѣльно: Спб., 1886 г., 64 стр.

«По поводу славянскихъ географическихъ названій». («Извѣстія Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества», 1887 т., № 1).

«Разговоръ В. Н. Татищева о пользѣ наукъ и училищъ», съ предисловіемъ и указателями къ нему, М., 1887 г., XXVI+171 стр.

«Къ вопросу о Супрасльской рукописи». («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1887 г., кн. 12).

«Дѣло М. Верещагина въ сенатѣ», 1812—1816 гг. («Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей», 1888 г., кн. 1).

«Къ исторіи Московскаго университета, 1788 года». (Тамъ же, кн. 3).

«Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ». («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1889 г., кн. 1).

«Акты Московскаго государства», томъ первый: Московскій столъ Разряднаго приказа (1571—1634 гг.), Спб., 1890 г.

За многіе важные труды, названные нами, различныя отечественныя и вообще славянскія общества давно избрали Н. А. По-

пова своимъ то дѣйствительнымъ, то почетнымъ членомъ. Императорская академія наукъ, съ 29-го декабря 1883 года, сопричислила покойнаго къ членамъ-корреспондентамъ по историко-филологическому отдѣленію. Наконецъ, русская историческая наука и особенно славяновѣдѣніе давно признавали, а теперь, надѣемся, будутъ вспоминать его, какъ своего замѣчательнаго ученаго представителя.

Д. Языковъ.

РУССКАЯ ОБЛАСТЬ НА ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОКРАИНѢ.

ПАДНЫЙ рубежъ Россіи, тянущійся длинною полосою отъ Балтійскаго моря къ Черному, какъ извѣстно, втеченіе цѣлыхъ столѣтій служилъ ареной борьбы народностей за его обладаніе. Въ исторической жизни этой части нашего государства является иногда неустойчивость въ ея обладаніи и перевѣсъ въ этомъ отношеніи время отъ времени переходитъ то въ одну сторону, то въ другую, пока, наконецъ, обладаніе краемъ не переходитъ отъ незаконной его владѣтельницы — Польши къ законной представительницѣ правъ всей Русской земли — Россіи. Претенціозныя побужденія со стороны поляковъ на владѣніе западно-русскими областями до сихъ поръ, однако, не прекратились: поляки еще и теперь мечтаютъ о возстановленіи своихъ «правъ» на область «отъ можа до можа» и путемъ печати и другими способами защищаютъ эти права, выставляя свои quasi-историческія къ тому основанія.

Польскимъ сочиненіямъ этого рода противопоставлялись иногда болѣе или менѣе обширныя изслѣдованія русскихъ ученыхъ; но въ русской литературѣ оказывался недостатокъ въ отдѣльномъ обзорѣ историческихъ судебъ той или другой части «спорной» области съ послѣдовательнымъ изложеніемъ событій, и тому, кто интересовался предметомъ, приходилось не разъ обращаться къ польскимъ сочиненіямъ, лишеннымъ безпристрастія и въ большинствѣ случаевъ тенденціознымъ.

Въ устраненіе такого недостатка при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предпринято П. Н. Батюшковымъ, съ Высочайшаго

Церковь-замокъ въ селѣ Сутковцахъ, Летичевскаго уѣзда.

соизволенія, изданіе научно-популярныхъ иллюстрированныхъ сборниковъ, относящихся къ отдѣльной западно-русской области. Такъ, появились сочиненія: «Холмская Русь», «Волынь» и «Бѣлоруссія и Литва», съ которыми читатели «Историческаго Вѣстника» имѣли возможность ознакомиться по даннымъ о нихъ на страницахъ этого журнала статьямъ и отзывамъ. Къ ряду этихъ полезныхъ изданій присоединяется вышедшая нынѣ въ свѣтъ новая книга, имѣющая своимъ предметомъ историческія судьбы Подоліи [1]). Какъ видно изъ предисловія издателя, серія предпринятыхъ имъ изданій будетъ завершена историческимъ описаніемъ Бессарабіи, которая, «гранича съ Румыніею и Галиціею, составляетъ послѣднее южное звено длинной цѣпи нашихъ пограничныхъ областей отъ Балтійскаго моря до Чернаго»; матеріалы для этого послѣдняго очерка собраны и приступлено уже къ ихъ своду и обработкѣ.

Настоящій томъ, подобно предыдущимъ, украшенъ множествомъ разнообразныхъ и прекрасно исполненныхъ рисунковъ, обстоятельныя объясненія къ которымъ написаны М. И. Городецкимъ, трудившимся также надъ редакціонною частью изданія [2]). Благодаря любезности издателя, мы имѣемъ возможность иллюстрировать настоящую статью нѣсколькими изъ помѣщенныхъ въ «Подоліи» гравюръ.

Текстъ книги принадлежитъ перу профессора Кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Почтенный профессоръ начинаетъ историческій очеркъ Подоліи съ разселенія юго-западныхъ славяно-русскихъ племенъ, имѣющихъ отношеніе къ Подоліи, то-есть полянъ, хорватъ и особенно угличей и тиверцевъ, и доводитъ его до настоящаго времени. Цѣль очерка — «подтвердить и оправдать естественныя и историческія права Россіи на эту составную часть ея, долго находившуюся въ чужихъ рукахъ, но никогда не терявшую своей коренной народности русской и всегда стремившуюся къ освобожденію отъ чуждаго ига». Мы, конечно, не имѣемъ возможности слѣдить, вмѣстѣ съ авторомъ, за всѣми перипетіями въ судьбѣ этой части нашего отечества; но, въ виду предстоящаго въ 1893 года столѣтняго юбилея со времени возсоединенія ея съ Русскимъ государствомъ, считаемъ не безполезнымъ напомнить нашимъ читателямъ главные моменты ея исторіи.

Край, извѣстный въ настоящее время подъ именемъ Подоліи, первоначально былъ заселенъ славяно-русскими племенами и, входя

---

[1]) Подолія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ одной хромолитографіей, 2-мя фототипіями, 46 гравюрами и 2-мя картами. Спб. 1891.

[2]) М. И. Городецкій, вмѣстѣ съ Н. И. Петровымъ, по просьбѣ издателя П. Н. Батюшкова, совершилъ лѣтомъ 1890 года поѣздку въ Подолію для собиранія историческихъ и художественныхъ матеріаловъ. Личныя впечатлѣнія, вынесенныя г. Городецкимъ изъ этой поѣздки, были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», томъ XLII, стр. 763—793. Ред.

Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.

въ составъ южно-русскихъ княжествъ, не имѣлъ особаго названія. Въ лѣтописи подъ 1226 годомъ впервые встрѣчается названіе Понизья, которое примѣнялось, повидимому, только къ области рѣки Днѣстра, до средняго его теченія. Послѣ татарскаго нашествія, оторвавшаго Понизье отъ Галицко-Волынскаго княжества, эта область во второй половинѣ XIV вѣка подпала подъ власть Литвы, и тогда она была переименована въ Подолію. На сколько можно судить по отрывочнымъ указаніямъ древнѣйшей, дошедшей до насъ литовско-русской лѣтописи, границы Подоліи XIV вѣка составляли: съ запада сѣверные притоки рѣки Днѣстра—Дзурынъ или даже Стрипа, съ юга—среднее теченіе Днѣстра, съ юго-востока—область восточнаго Буга, до средняго его теченія; сѣверная же граница почти совпадала съ границами Подольской и Волынской губерній.

Отвоевавъ Подолію у татаръ, литовцы сами подчинились вліянію русской культуры. Это необходимо должно было случиться какъ потому, что литовцы въ культурномъ отношеніи стояли значительно ниже подвластныхъ имъ русскихъ, такъ и потому, что русскій элементъ количественно превосходилъ литовскій: русскія земли составляли болѣе 0,9 всей территоріи литовскаго, или, вѣрнѣе, литовско-русскаго государства. Поэтому эпоха литовскаго владычества въ Подоліи была одною изъ самыхъ благопріятныхъ для развитія самобытныхъ русскихъ началъ. Православіе въ это время пользовалось полною свободой и покровительствомъ литовскихъ князей, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, множество храмовъ, покрывавшихъ тогда Подолію. Не останавливаясь на другихъ древнѣйшихъ церквяхъ этого края, упомянемъ здѣсь только объ оригинальномъ сооруженіи—церкви въ селѣ Сутковцахъ, Летичевскаго уѣзда. Какъ видно на прилагаемой гравюрѣ, этотъ храмъ въ честь Покрова пресвятой Богородицы имѣетъ видъ древняго зàмка съ остроконечными, конусообразными башнями, амбразурами и бойницами. Сооруженіе этой церкви относится къ XV-му или къ первой половинѣ XVI вѣка.

Но и господствующая народность оказала въ свою очередь воздѣйствіе на бытъ русскаго народа. Литовцы принесли съ собою феодальныя понятія и соотвѣтствующій имъ способъ владѣнія землею. Ранѣе въ Подоліи, какъ и вообще въ древней Россіи, во главѣ земли стоялъ центральный городъ, а внутри земли его пригороды. Вокругъ города и пригородовъ располагались ихъ волости. Городъ или пригородъ вмѣстѣ со своею волостью составлялъ юридическую и поземельную единицу. Литовцы же смотрѣли на землю, какъ на собственность государства, состоящую въ распоряженіи князя. Послѣдній раздаетъ ее въ личное или наслѣдственное пользованіе служилымъ людямъ, преимущественно военнымъ, съ предоставленіемъ имъ власти въ ихъ владѣніяхъ. «Земля», сдѣлавшись собственностью помѣщиковъ или «земянъ», разрываетъ свою

прежнюю связь съ городомъ, который становится такимъ образомъ исключительно мѣщанскимъ. Этотъ процессъ обособленія земли и города скорѣе совершился въ западной Подоліи, чѣмъ въ восточной, хотя и въ первой значительное время продолжалась борьба городовъ съ земянами и боярами за городскія общинныя земли.

Сельское населеніе того времени состояло изъ крестьянъ или «людей», раздѣлявшихся на «людей служилыхъ», которые жили на замковыхъ или государственныхъ земляхъ, и «людей» панскихъ и земянскихъ. Они были лично свободны и пользовались правомъ перехода съ мѣста на мѣсто. Живя на той или другой землѣ, они несли извѣстныя натуральныя повинности и платили опредѣленный оброкъ въ пользу ея владѣльца. Многіе изъ нихъ имѣли и собственную землю, за право пользованія которой платили государству дань, почему и назывались «данниками».

Турецкій минаретъ въ Каменецъ-Подольскѣ.

Но сближеніе Литвы съ Польшей, выразившееся уже въ государственной уніи 1386 года, не прошло безслѣдно для литовско-русскаго государства. Польское вліяніе на литовско-русскія земли

вообще и на Подолію въ частности начинается очень рано и выражается главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ—въ распространеніи католичества и порабощеніи народа. Витовтъ и Свидригайло принимаютъ католичество и водворяютъ въ русскихъ земляхъ польско-католическіе порядки, въ ущербъ православію и русской народности. Строятся католическія церкви и монастыри и получаютъ тѣ же права и преимущества, которыми они пользовались въ Польшѣ. Высшіе классы литовско-русскаго общества, по Городельской уніи 1413 года, уравнены въ правахъ и вольностяхъ съ польскимъ дворянствомъ, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они исповѣдывали католичество.

Особенно сильно было польское вліяніе въ западной части Подоліи, которая въ 1434 году была присоединена къ Польшѣ и образовала Подольское воеводство. Мѣстные бояре и земяне скоро перемѣшались съ нахлынувшею сюда польской шляхтой, слились съ нею въ одно сословіе, «мало по малу добившееся права неограниченнаго самоуправства въ своихъ помѣстьяхъ». Наконецъ, въ силу Люблинской уніи 1569 года и восточная часть Подоліи, Брацлавщина, также присоединяется къ Польшѣ и обращается въ Брацлавское воеводство.

Люблинская политическая унія, сливавшая Польшу и литовско-русскія земли въ одно цѣлое, въ одну Рѣчь Посполитую, имѣла своимъ слѣдствіемъ усиленіе польскаго элемента и въ восточной Подоліи. Отмѣна на Люблинскомъ сеймѣ постановленій, направленныхъ противъ пріобрѣтенія земельныхъ владѣній обывателями одной страны въ другой, открыла полякамъ свободный доступъ въ русскія земли. Сановитые магнаты получаютъ въ Брацлавщинѣ значительныя пожалованія изъ королевскихъ имѣній и пріобрѣтаютъ тамъ много земель покупкою. Но главный контингентъ пришельцевъ составляетъ мелкая служилая шляхта, получавшая иногда державы, а въ большинствѣ случаевъ сопровождавшая своихъ богатыхъ патроновъ въ качествѣ военныхъ или дворныхъ слугъ. Къ нимъ постоянно переходятъ многія помѣстья русскихъ дворянъ. Крестьяне, превратившіеся въ крѣпостныхъ, окончательно теряютъ свои гражданскія права и терпятъ преслѣдованія за свою вѣру.

Брестскій соборъ 1596 года, провозгласившій церковную унію, не только не объединилъ въ духовномъ отношеніи высшихъ польскихъ и ополяченныхъ сословій съ низшими, но послужилъ поводомъ къ открытой упорной борьбѣ между двумя народностями. Унія на первыхъ порахъ встрѣтила дружный отпоръ со стороны всѣхъ классовъ русскаго общества. На борьбу съ нею выступили подольскіе дворяне, церковныя братства и православная іерархія. Но къ концу XVI вѣка русскіе дворянскіе роды въ Подоліи прекратились или ополячились, церковныя братства были уничтожены, а іерархія приняла единеніе съ римско-католическою церковью.

Тогда на защиту православія и русской народности выступилъ простой народъ. Представителемъ его интересовъ является казачество, образовавшееся на юго-восточныхъ границахъ Руси еще въ XV вѣкѣ. Такъ, уже знаменитый гетманъ Сагайдачный, оказавшій

Турецкій амвонъ въ Каменецъ-Подольскѣ.

большія услуги польскому правительству и хорошо сознававшій силу казачества и его значеніе для Польши, сдѣлалъ починъ возстановленія южно-русской православной іерархіи, порабощенной уніей: въ бытность въ Кіевѣ въ 1620 г. іерусалимскаго патріарха Θеофана, онъ упросилъ его посвятить для Кіева митрополита, а

для пяти православныхъ епархій, которыя были заняты уніатами, особыхъ епископовъ.

Не будемъ останавливаться на изображеніи продолжительной и жестокой борьбы угнетеннаго русскаго народа и казаковъ съ поляками и ополячившимися русскими. Обратимъ вниманіе только на то обстоятельство, что, кромѣ общихъ бѣдствій, сопровождавшихъ эту страшную борьбу по всей Украинѣ, на долю Подоліи выпало еще турецкое иго. Турки выступили весною 1672 года противъ Польши, въ защиту передавшагося имъ правобережнаго гетмана Дорошенка. Въ августѣ того же года они осадили Каменецъ, въ которомъ было не болѣе 1,500 человѣкъ защитниковъ. Осажденные послѣ геройской защиты были вынуждены сдаться «на слѣдующихъ условіяхъ: 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправленіе богослуженія; 3) всякій воленъ выѣхать изъ города съ имуществомъ, воленъ и остаться; 4) ратнымъ людямъ вольно выйти съ мушкетами, но безъ пушекъ». По заключеніи этихъ условій, городъ былъ занятъ турками. Жителямъ были оставлены три церкви: одна православнымъ, одна католикамъ и одна армянамъ; каѳедральный и доминиканскій костелы обращены въ мечети. Со всѣхъ церквей сняты кресты и колокола. Часть знатныхъ шляхтянокъ взята на султана, часть на визиря и часть на пашей. Магометъ IV торжественно въѣхалъ въ городъ; въ главной мечети, бывшемъ каѳедральномъ костелѣ, обрѣзали передъ нимъ 8-ми-лѣтняго христіанскаго мальчика.

Двадцатисемилѣтній періодъ господства турокъ въ Подоліи характеризуется непрерывною борьбою за обладаніе этимъ краемъ, отъ которой особенно страдало мѣстное населеніе. «Почти каждый годъ турки предпринимаютъ набѣгъ на ту или другую область, въ которой еще удержались поляки, и тутъ истребляютъ все, что только попадется подъ руки: грабятъ и выжигаютъ города и села, уводятъ въ плѣнъ населеніе цѣлыхъ областей и наполняютъ имъ свои невольничьи рынки, съ другихъ собираютъ дань дѣтьми и т. д. Въ свою очередь поляки напрягали всѣ усилія, чтобы отвоевать обратно прежнія владѣнія, въ особенности когда-то славившіеся богатствомъ торговые приднѣстровскіе города. При каждомъ вторженіи какъ турецкихъ, такъ и польскихъ отрядовъ, жители огромными массами бѣгутъ за Днѣпръ. Опустѣли не только села, но и города и мѣстечки; въ цѣлыхъ округахъ нельзя было найти ни одного населеннаго пункта. Если прибавить ко всѣмъ невзгодамъ постоянной войны безграничный произволъ и всевозможныя насилія борющихся противниковъ надъ личностью и имуществомъ туземцевъ, въ видѣ ли разоренія церквей и монастырей, обращенія ихъ въ костелы, оскорбленія духовенства и насильственнаго введенія уніи со стороны поляковъ, или же въ видѣ тяжело ложившихся на мѣстное населеніе различныхъ налоговъ, военныхъ

Икона Спасителя въ м. Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда, иссѣченная турками.

поборовъ и контрибуцій со стороны турокъ, то получится довольно полная картина внутренняго состоянія цѣлаго края въ это время». Только послѣ побѣдъ Петра Великаго, по Карловицкому договору 1699 г., турки оставили Подолію.

Изъ памятниковъ эпохи турецкаго владѣнія Подоліею сохранились до настоящаго времени въ Каменецъ-Подольскѣ минаретъ при каѳедральномъ костелѣ св. Петра и Павла и проповѣдническій амвонъ въ доминиканскомъ костелѣ. Мы воспроизводимъ изображеніе того и другаго. «За все время 27-ми-лѣтняго владѣнія турками Каменецъ-Подольскомъ,—читаемъ въ объясненіи М. И. Городецкаго къ первому рисунку,—съ высоты минарета ежедневно имамы призывали правовѣрныхъ мусульманъ на молитву. Когда же, по Карловицкому трактату 1699 года, городъ возвратился Польшѣ, римско-католическій епископъ Глинскій освятилъ костелъ, оставивъ минаретъ неприкосновеннымъ памятникомъ турецкаго господства. Въ 1756 году Петропавловскій костелъ былъ ремонтированъ епископомъ Николаемъ Дембовскимъ, причемъ былъ обновленъ минаретъ, и въ то же время вмѣсто полумѣсяца на высотѣ минарета водружено бронзовое вызолоченное изображеніе Богоматери съ Богомладенцемъ». Оставшійся отъ турокъ проповѣдническій амвонъ «сдѣланъ, — продолжаетъ г. Городецкій,—изъ большихъ цѣльныхъ бѣло-мраморныхъ плитъ. Строго выдержанный восточный стиль его представляетъ собою совершенство скульптурнаго дѣла; въ особенности замѣчательна сквозная красивая орнаментація перилъ. При входѣ въ амвонъ, надъ его дверями, сдѣлана турецкая надпись. Когда, по изгнаніи турокъ изъ Каменца, доминиканскій костелъ поступилъ во владѣніе польско-католиковъ, они вырѣзали на боковой сторонѣ амвона даты: 1672—время вступленія турокъ въ Каменецъ и 1699—годъ изгнанія ихъ изъ этого города. Позднѣе былъ тутъ же выбитъ 1862 годъ, несомнѣнно, какъ время предполагавшагося поляками изгнанія «москалей» изъ Каменецъ-Подольска».

Напоминаетъ намъ о нашествіи турокъ и икона Спасителя въ мѣстечкѣ Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда, на границѣ съ Австріей. Турки напали на это мѣстечко 22-го апрѣля 1676 г., разграбили дома и церкви и сожгли его; «при этомъ была поругана ими икона Спасителя, которую они изсѣкли мечемъ въ трехъ мѣстахъ: на очахъ Спасителя, на устахъ и на груди».

Но удаленіе турокъ не улучшило положенія русскаго населенія Подоліи. Почувствовавъ себя хозяевами края, поляки, вопреки горькому опыту недавняго прошлаго, опять начинаютъ съ обычнымъ своимъ фанатизмомъ религіозныя преслѣдованія и порабощеніе народа въ соціально-экономическомъ отношеніи. Чтобы окончательно сломить сопротивленіе со стороны послѣдняго, они рѣшили уничтожить казачество. Универсаломъ 20-го августа 1699 г.

предписывалось распустить казацкіе полки. Казаки возстали, къ нимъ присоединились крестьяне, и въ 1702 году, во время войны Польши со Швеціей, возстаніе охватило всю Западную Украину; оно сопровождалось изгнаніемъ изъ края пановъ и избіеніемъ евреевъ. Поляки, подавляя мятежъ, также не проявили со своей стороны особенной гуманности. По словамъ Мазепы, они «иныхъ висѣлицею, иныхъ бросаніемъ на крюки, а иныхъ вбиваніемъ на колъ казнили, мстя свои убытки и кроворазлитіе».

Но и послѣ такой расправы съ возставшими страна продолжала волноваться. Такъ, въ 1711 году Орликъ, избранный измѣ-

Домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій (въ м. Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда).

нившими Россіи казаками въ гетманы послѣ Мазепы, прошелъ все Поднѣстровье и направился къ сѣверу. Войско его, состоявшее изъ татаръ, поляковъ и запорожцевъ, вскорѣ, однако, разсѣялось, самъ онъ ушелъ въ Молдавію, а въ Подолію вступили русскія войска, шедшія въ Турцію. Самъ Петръ Великій, на пути къ Пруту, прослѣдовалъ черезъ Подолію, былъ въ Браплавѣ и направился къ Сорокамъ, а по окончаніи кампаніи, по дорогѣ къ Ригѣ, посѣтилъ Каменецъ и Сатановъ. По преданію, записанному священникомъ Орловскимъ, императоръ останавливался въ Сатановѣ въ скромной мазанкѣ, крытой соломой. Въ настоящее время этой мазанки уже не существуетъ. Изображенный на прилагаемой гравюрѣ видъ ея воспроизведенъ по рисунку акварельнаго альбома: «Замѣчательные мѣста и предметы Подольской губерніи, собран-

Кіевскій военный губернаторъ и генералъ-губернаторъ подольскій и волынскій, генералъ-отъ-инфантеріи Д. Г. Бибиковъ.

ные генералъ-маіоромъ Флиге, 1842 года», принадлежащаго центральному статистическому комитету при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

По удаленіи русскихъ войскъ и переселеніи казацкихъ полковъ изъ Подоліи, поляки снова возвратились въ опустошенный край. Для привлеченія крестьянъ на пустыя земли паны объя-

Высокопреосвященный Леонтій, бывшій архіепископъ подольскій и брацлавскій.

вляютъ «слободы»; но по истеченіи льготнаго срока наступаетъ новое закрѣпощеніе народа, сопровождаемое распространеніемъ уніи, которая дѣлаетъ теперь большіе успѣхи. Въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія во всей западной Малороссіи насчитывалось не болѣе 150 уніатскихъ приходовъ; въ 1747 году ихъ было уже 800, а около 1764 года до 2,000. Одновременно съ этимъ происходитъ постепенное окатоличеніе уніи, приближеніе ея къ католичеству

какъ со стороны вѣроученія, такъ и со стороны обряда, чему особенно содѣйствовалъ базиліанскій монашескій орденъ, учрежденный по типу католическихъ монашескихъ орденовъ и даже заключавшій въ себѣ значительное число настоящихъ католиковъ. Но какъ ни приближалась унія къ католичеству, она въ глазахъ католиковъ, всетаки, оставалась религіею низшаго разряда и служила только «мостомъ къ католичеству». Католики называли уніатовъ «схизматиками» и даже подвергали ихъ преслѣдованіямъ. Латинскіе монахи и ксендзы представляли унію религіею невѣжественной массы, въ противоположность панской вѣрѣ—католичеству. «Богъ сотворилъ пôпа для хлопа, а плебана (ксендза) для пана»,—публично говорилъ одинъ ксендзъ. И католики въ значительной степени достигали своей цѣли: сотни приходовъ переходили въ католичество. Православіе старались они вытѣснить отовсюду. О его существованіи свидѣтельствуютъ только стѣснительныя мѣры, предпринимаемыя противъ него польскимъ правительствомъ и обществомъ.

При всемъ томъ, «мечты и планы поляковъ относительно порабощенія, окатоличенія и ополяченія Подоліи стали разрушаться почти тотчасъ же по уничтоженіи казачества на правой сторонѣ Днѣпра, вслѣдствіе противодѣйствія, оказаннаго польско-католическому вліянію какъ мѣстнымъ православно-русскимъ населеніемъ, такъ и русскимъ правительствомъ. Противодѣйствіе это со стороны мѣстнаго русскаго населенія выразилось и въ пассивномъ сопротивленіи его окончательному и полному закрѣпощенію крестьянъ за помѣщиками и введенію вѣроисповѣдной уніи, и въ такъ называемыхъ гайдамацкихъ возстаніяхъ и бунтахъ, а со стороны русскаго правительства—въ заступничествѣ его передъ польскимъ правительствомъ за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и въ частности въ Подоліи, на основаніи трактата, заключеннаго между Россіей и Польшей въ 1686 году, и во вмѣшательствѣ Россіи во внутреннія дѣла разлагавшейся тогда Польши, и закончилось отторженіемъ Подоліи отъ Польскаго государства и возсоединеніемъ ея съ Россіей».

Послѣ возстанія 1794 года и третьяго раздѣла Польши изъ Подоліи были образованы двѣ русскія губерніи—Брацлавская съ губернскимъ городомъ Брацлавомъ и Подольская съ губернскимъ городомъ Каменцемъ. Съ цѣлью ослабить матеріальныя средства къ сопротивленію русскому правительству со стороны поляковъ, а также и въ видѣ наказанія безпокойной части населенія, были секвестрованы имѣнія помѣщиковъ, не присягнувшихъ на подданство Россіи или принимавшихъ участіе въ возстаніи. Эти имѣнія были розданы лицамъ русскаго происхожденія, особенно принимавшимъ участіе въ усмиреніи возстанія. При этомъ Екатерина II, видя враждебное отношеніе простаго русскаго народа къ поль-

Церковь св. великомученика Димитрія въ селѣ Сѣнной, Балтскаго уѣзда.

скому дворянству, рѣшилась опереться на него въ новоприсоединенныхъ областяхъ. «Черный народъ,—говорится въ высочайшемъ указѣ 19-го апрѣля 1794 года,—обитающій въ областяхъ нашихъ, а паче намъ единовѣрный, поляковъ господъ своихъ ненавидитъ, что самымъ дѣломъ доказано многими доселѣ происшествіями, а потому нетрудно будетъ имѣть оный въ свою пользу, ободряя покровительствомъ отъ единовѣрныхъ ему».

Были приняты мѣры къ тому, чтобы католическое духовенство и помѣщики не ставили препятствій переходу уніатовъ въ православіе. Вслѣдствіе этого «въ Подоліи еще при Екатеринѣ II унія исчезла почти совершенно: послѣдователи ея въ подавляющемъ большинствѣ присоединились къ православію и только въ самой незначительной долѣ остались вѣрными ей или же примкнули къ польскому католичеству. Поэтому въ послѣдующей исторіи Подоліи являются главнымъ образомъ два дѣятеля мѣстной исторической жизни: съ одной стороны польско-католики, съ другой—мѣстное русское православное населеніе. Первымъ принадлежали населенныя имѣнія, богатство, власть и образованіе, тогда какъ послѣднее продолжало томиться въ тяжелыхъ условіяхъ крѣпостнаго права и въ громадномъ большинствѣ случаевъ подчинено было первымъ».

Екатерина II не могла рѣшиться на радикальную мѣру въ пользу «чернаго народа», на освобожденіе его изъ-подъ власти помѣщиковъ. И потому въ послѣдовавшее затѣмъ царствованіе благоволившаго къ католицизму и полякамъ Павла I и въ либеральное правленіе его преемника польскіе помѣщики, гарантированные въ своихъ владѣльческихъ правахъ сильною властью русскаго правительства, имѣли возможность притѣснять своихъ крѣпостныхъ даже съ большею безопасностью, чѣмъ прежде, когда Подолія была подчинена Польшѣ.

Только уже при Николаѣ I, особенно въ генералъ-губернаторство Д. Г. Бибикова (1838 — 1852 гг.), наряду съ мѣропріятіями въ пользу православія, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ возсоединеніе уніатовъ, было обращено вниманіе и на улучшеніе соціально-экономическаго положенія крестьянъ. Въ 1841 году церковныя и монастырскія имѣнія взяты были въ казенное управленіе. По мысли Бибикова, «введены были въ Юго-Западномъ краѣ такъ называемыя инвентарныя правила, которыми ограничивался произволъ и гнетъ помѣщиковъ надъ крестьянами, расширялись права послѣднихъ и вообще регулировались крестьянскій трудъ и взаимныя отношенія между крестьянами и помѣщиками: крестьяне обязывались работать на своего помѣщика не болѣе трехъ дней въ недѣлю».

Само собою понятно, что въ то время не могло быть и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ. Послѣднее совершилось въ связи съ

общегосударственной крестьянской реформой въ прошлое царствованіе. Поводомъ къ скорѣйшему разрѣшенію этого вопроса послужило послѣднее польское возстаніе. Именнымъ высочайшимъ указомъ 30-го іюля 1863 года прекращались съ 1-го сентября 1863 года всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской и опредѣлялся размѣръ выкупныхъ платежей.

Устроивая соціально-экономическій бытъ русскаго населенія въ Подоліи, правительство заботится въ то же время и о духовныхъ нуждахъ народа. «Въ силу правила, чтобы епархіи, возвращенныя отъ Польши, имѣли архипастырей, отличающихся просвѣщеніемъ, дѣятельностью и кротостью, на православную подольскую епископскую каѳедру назначенъ былъ въ 1863 году одинъ изъ выдающихся архипастырей, преосвященный Леонтій, впослѣдствіи членъ св. синода, архіепископъ холмско-варшавскій, а теперь митрополитъ московскій, 11-ть лѣтъ бодро и мужественно стоявшій на стражѣ православія и русской народности въ Подоліи». Онъ много сдѣлалъ для возрожденія духовно-учебныхъ заведеній и для распространенія начальнаго образованія; онъ устроилъ приходскія и окружныя церковныя библіотеки, возвысилъ значеніе проповѣднаго слова, основалъ церковныя братства и приходскія попечительства. При немъ во всей епархіи построены и обновлены церкви, находившіяся до тѣхъ поръ въ самомъ плачевномъ состояніи. Образцомъ крайняго убожества ихъ можетъ служить старая церковь св. великомученика Димитрія въ селѣ Сѣнной, Балтскаго уѣзда, представленная на помѣщаемой нами гравюрѣ. При посѣщеніи села Сѣнной въ 1866 году, высокопреосвященный Леонтій ужаснулся необыкновенной бѣдности и нищетѣ Сѣнновской церкви. «Боже мой,—воскликнулъ онъ,—это ли церковь, это ли селеніе славы Твоея? Проѣхалъ я почти всю Россію, а подобной церкви нигдѣ не видѣлъ». «И дѣйствительно,— замѣчаетъ по этому поводу М. И. Городецкій,—какъ не поразиться при взглядѣ на эту церковь? Простой деревянный сарай, отличающійся отъ остальныхъ деревенскихъ построекъ небольшой главкой съ восьми-конечнымъ крестомъ». Эта церковь просуществовала до 1890 года. Вмѣсто нея на средства прихожанъ и стороннихъ благотворителей сооружена новая, хотя также деревянная, но вполнѣ приличная церковь, освященная 10-го сентября 1889 года.

М. В. С.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОПЕИ.

Значеніе записокъ второстепенныхъ дѣятелей.—Завѣщаніе Наполеона.—Война въ Испаніи.—Надо ли говорить правду вѣнценосцамъ.—Какъ поступали испанцы съ плѣнными французами.—Маршалы, враждующіе между собою.—Родственники императоровъ.—Храбрецы, добивающіеся наградъ.—Біографія Массены.—Континентальная система и маршалъ, ограбленный императоромъ.—Лучше потерять глазъ, чѣмъ расположеніе монарха.—Подкупы чиновниковъ военными и дипломатическими агентами.—Походъ въ Россію.—Историки войны 1812 года.—Ошибки Наполеона и его маршаловъ.—Полоцкъ, Смоленскъ, Бородино.—Березина и причина неуспѣха кампаніи.—Французское легкомысліе въ сужденіяхъ о пожарѣ Москвы.—Жомини и Вандамъ.—Лейпцигъ и саксонскій король.—Деревянная нога генерала Арнольда.—1814 годъ.—Ватерлоо.—Мемуары и историческая правда.

Ъ ВСѢХЪ книгъ историческаго содержанія, появившихся въ концѣ прошлаго года, большимъ успѣхомъ пользовались несомнѣнно мемуары генерала Марбо. Мало извѣстный, и какъ военный дѣятель и какъ писатель, оставившій только спеціальное сочиненіе о военномъ искуствѣ, онъ вдругъ выдвинулся впередъ съ появленіемъ своихъ «Записокъ». Правда, Наполеонъ въ своемъ завѣщаніи обратилъ на него вниманіе, какъ на писателя, оставивъ ему сто тысячъ франковъ и приглашеніе «продолжать писать въ защиту славы французскихъ армій, чтобы этимъ пристыдить клеветниковъ и отступниковъ». Слова эти взяты эпиграфомъ къ вышедшимъ нынѣ мемуарамъ генерала, но безъ упоминанія о ста тысячахъ. Однако Марбо до 1844 года, когда кончилъ свои записки, не исполнялъ завѣщанія, а наслѣдники не торопились издавать ихъ почти полвѣка. Да и съ обнародованіемъ ихъ врядъ ли выиграла что ни-

будь слава французскихъ армій и посрамились клеветники, такъ какъ правдивый и откровенный авторъ въ своихъ запискахъ больше говоритъ объ ошибкахъ полководца и о пораженіяхъ его армій, чѣмъ о побѣдахъ и тріумфахъ. Это особенно замѣтно во второмъ и третьемъ томѣ мемуаровъ, къ которымъ мы и обратимся, представивъ краткій обзоръ перваго тома въ сентябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ.

Кромѣ войны съ Австріею 1809 года, второй томъ преимущественно посвященъ войнѣ въ Испаніи. Эту войну самъ Марбо называетъ безчестною (impie), прибавляя однако: «но я былъ солдатъ, и не могъ отказаться идти впередъ, иначе меня обвинили бы въ подлости». Но Марбо, какъ лицо, начальствующее войсками и близкое къ Наполеону, не былъ простымъ солдатомъ, который не всегда ясно понимаетъ причины и цѣли войны, и потому не можетъ правильно разсуждать о ней. Онъ могъ высказать свое мнѣніе императору и его приближеннымъ, конечно, не въ такихъ терминахъ, какими отзывается въ мемуарахъ: «Поведеніе Наполеона въ этомъ скандальномъ дѣлѣ было недостойно великаго человѣка. Предложить себя посредникомъ между отцомъ и сыномъ, чтобы завлечь ихъ въ западню и потомъ ограбить ихъ обоихъ, это было чудовищнымъ, возмутительнымъ поступкомъ, заклейменнымъ исторіею, и за который провидѣніе не замедлило наказать, такъ какъ испанская война подготовила паденіе Наполеона». Если бы всѣ близкіе къ императору высказали подобныя сужденія, можетъ быть, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, онъ не нарушалъ бы такъ нагло въ Испаніи международныхъ и человѣческихъ правъ. Несчастіе вѣнценосцевъ состоитъ въ томъ, что имъ никогда не противорѣчатъ, и самыя нелѣпыя приказанія ихъ не встрѣчаютъ возраженій. Никто не рѣшается возбудить неудовольствіе монарха своимъ несогласіемъ съ нимъ, всякій опасается притомъ за это потерять свое мѣсто. Но вѣдь, если бы для незаконныхъ распоряженій не нашлось усердныхъ исполнителей, это поневолѣ остановило бы осуществленіе невозможныхъ плановъ. Марбо говоритъ, что онъ два раза представлялъ императору объ ошибочности взгляда на испанцевъ, какъ на націю, которая не въ силахъ оказать серьезнаго сопротивленія. Наполеонъ выслушалъ замѣчанія, но ничего не сказалъ, а въ другой разъ отвѣтилъ: «они будутъ потомъ мнѣ благодарны». Марбо даже не спросилъ: за что это? и пересталъ говорить объ этомъ, «видя, что ничто не можетъ заставить его отказаться отъ своихъ плановъ». Можетъ быть, такъ и слѣдовало поступить придворному, но храбрый солдатъ долженъ былъ отстаивать свое мнѣніе, вынесенное изъ честнаго отношенія къ вопросу и изъ знакомства со страною, въ которой онъ получилъ десять ранъ, не разъ подвергая свою жизнь опасности и спасаясь почти чудомъ.

А какъ поступали испанцы съ французскими офицерами, попавшимися въ плѣнъ, разсказываетъ самъ Марбо. Посланный въ началѣ войны, съ депешами отъ маршала Ланна, онъ нашелъ близь одной деревни трупъ поручика конныхъ егерей, прибитый гвоздями по рукамъ и по ногамъ и внизъ головою къ дверямъ амбара, у которыхъ разложенъ былъ маленькій огонекъ, опалившій волосы и обуглившій лицо несчастнаго. При осадѣ Сарагоссы Марбо былъ раненъ пулею въ бокъ; пуля эта, извлеченная изъ раны, была плоская, въ формѣ мелкой монеты, только вчетверо толще, съ крестомъ, вырѣзаннымъ на обѣихъ сторонахъ, и съ острыми нарѣзками на ободкѣ, въ видѣ зубцовъ; ее послали Наполеону. Ожесточеніе испанцевъ доходило до крайнихъ предѣловъ, и французы почти вездѣ терпѣли пораженія. Но это происходило больше всего отъ того, что маршалы ссорились между собою и не хотѣли повиноваться главнокомандующему Массенѣ, котораго Наполеонъ смѣнилъ въ іюнѣ 1811 года, хотя неустройства въ управленіи хозяйственною частью арміи зависѣли прямо отъ правительства, а безпорядокъ военныхъ дѣйствій происходилъ отъ нежеланія маршаловъ дѣйствовать единодушно. Ней, Жюно, Монбренъ, Рейнье явно не исполняли приказаній Массены. Сультъ отказался прійдти на помощь главнокомандующему, когда тотъ подошелъ къ стѣнамъ Лиссабона и напрасно прождалъ тамъ цѣлые шесть мѣсяцевъ. Бессьеръ не позволилъ гвардіи принять участіе въ сраженіи при Фуэнтесъ д'Оноро, чтобы Массена потерпѣлъ пораженіе. Тотъ же маршалъ не оказалъ помощи Массенѣ въ битвѣ при Альмеидѣ. Генералъ Сен-Сиръ былъ разбитъ въ Каталоніи, потому что маршалъ Сюше не послалъ ему въ помощь ни одного баталіона. Сультъ былъ брошенъ всѣми въ Опорто, хотя маршалъ Викторъ получилъ приказаніе подкрѣпить его. Мудрено было вести войну съ такими начальниками, зато солдаты гибли тысячами. Съ 1808 года до конца 1813 года ихъ погибло 260,000 убитыми и умершими въ госпиталяхъ, а въ 1814 году Наполеонъ съ трудомъ собралъ 50,000 молодыхъ конскриптовъ для защиты Франціи отъ европейской коалиціи.

Но во всѣхъ неудачахъ испанской войны болѣе всѣхъ виноватъ самъ Наполеонъ, вздумавшій управлять изъ своего парижскаго кабинета движеніями корпусовъ въ Испаніи и посадившій на ея тронъ своего брата, бездарнаго Іосифа, точно также не исполнявшаго распоряженій императора, какъ не исполняли ихъ маршалы. Родня Наполеона имѣла пагубное вліяніе на исходъ его судьбы. Геніальный полководецъ и правитель, захвативъ власть и корону во Франціи, думалъ, что и другіе народы будутъ счастливы, если надъ ними будутъ царствовать его братцы, какъ будто они обязаны быть такими же геніальными людьми. Онъ даже ссорился съ братьями, когда они не изъявляли желанія быть королями, и прогналъ Лу-

ціана изъ Франціи за то, что тотъ не хотѣлъ развестись съ своей женой и жениться на королевѣ этруской. Много несчастій приноситъ непотизмъ правителямъ, желающимъ надѣлить почетными и доходными мѣстами своихъ братьевъ, дядюшекъ, племянниковъ. Короли Испаніи, Голландіи, Вестфаліи, Неаполя только содѣйствовали паденію императора.

Марбо, вѣрно и безпристрастно оцѣнившій событія въ Испаніи 1810 и 1811 года, дѣлаетъ по поводу ихъ странныя, эгоистичныя замѣчанія. Онъ начинаетъ съ того, что, въѣзжая въ Испанію, встрѣтилъ на мосту въ Бидассоа огромнаго чернаго осла, преградившаго ему дорогу. Почтальонъ ударилъ бичомъ животное, но оно бросилось на лошадь и укусило ее. «Я счелъ эту встрѣчу за дурное предзнаменованіе, — наивно замѣчаетъ храбрый офицеръ, — и событія оправдали мои непріятныя впечатлѣнія; служба моя на полуостровѣ была очень тяжела: я получилъ двѣ новыя раны и не удостоился никакихъ наградъ». Неужели награды такъ важны для человѣка, рискующаго каждую минуту своею жизнью? Или и на военномъ поприщѣ карьера играетъ такую же важную роль, какъ въ жизни чиновника?

Разсужденіями о повышеніяхъ и пожалованіяхъ начинается и третья часть мемуаровъ, къ которой приложены фотографическіе снимки съ шапокъ, сабель и шарфовъ автора. Одна изъ шапокъ пробита пулей, на другой слѣды сабельныхъ ударовъ. Все это можетъ быть интересно для наслѣдниковъ, но не для публики. Еще помѣщеніе снимковъ съ израненыхъ шапокъ можно объяснить желаніемъ сохранить память о геройствѣ Марбо, но къ чему было снимать изображеніе пояса съ мундира генералъ-лейтенанта? Чинъ этотъ онъ получилъ только въ 1839 году, при Луи-Филиппѣ. При Наполеонѣ Марбо дослужился только до полковника, хотя надѣялся получить этотъ чинъ еще въ 1811 году во время своей женитьбы. Подругѣ своей жизни онъ посвящаетъ нѣсколько строкъ и цѣлыя страницы тому, какъ Наполеонъ, въ видѣ особеннаго благоволенія, подписался на его брачномъ контрактѣ и какъ Массена, у котораго онъ былъ въ послѣднее время адъютантомъ, не выхлопоталъ ему повышенія по службѣ. По этому случаю онъ разсказываетъ въ отдѣльной главѣ біографію маршала, характеризуя его также мѣтко и безпристрастно, какъ Ожеро, Ланна, Мармона, «этой величайшей ошибки Наполеона», Удино, храбреца, не обладавшаго никакими военными знаніями, Сен-Сира, холоднаго, завистливаго военачальника, мало заботившагося о своихъ солдатахъ и послѣ сраженія подъ Полоцкомъ принявшагося, вмѣсто осмотра своего корпуса, играть на скрипкѣ.

Андрей Массена родился въ Монако, но отецъ его перешелъ въ Ниццу, гдѣ открылъ мыловаренный заводъ, и скоро умеръ, оставивъ трехъ дѣтей на попеченіи своего брата, также работавшаго

на заводѣ. Мальчикъ былъ живого характера и непосѣда, варить мыло ему надоѣло, и тринадцати лѣтъ онъ тайно ушелъ отъ дяди и нанялся юнгою на купеческое судно. Но, проплававъ больше двухъ лѣтъ по морямъ, побывавъ въ Америкѣ, онъ не сжился съ тяжелой службой моряка и 17-ти лѣтъ вступилъ волонтеромъ въ королевско-итальянскій полкъ. Выучившись тамъ говорить и кое-какъ писать пофранцузски, онъ готовился быть унтеръ-офицеромъ, но и пѣхотная служба ему надоѣла, и онъ вышелъ въ отставку. Средствъ къ жизни не было, и бывшій матросъ и солдатъ сдѣлался контрабандистомъ. Быстро наживъ этимъ прибыльнымъ занятіемъ небольшое состояніе, онъ женился на француженкѣ и поселился въ Антибѣ, торгуя прованскимъ масломъ и фруктами. При началѣ революціи онъ увлекся опять воинскимъ духомъ и вступилъ въ баталіонъ, стоявшій въ Варѣ. Во время войны его смѣлость и дѣятельность доставили ему послѣдовательно всѣ оберъ и штабъ-офицерскіе чины. Одно время подъ его командой былъ капитанъ 4-го артилерійскаго полка Бонапарте. При осадѣ Тулона за взятіе фортовъ Лартига и св. Екатерины Массена сдѣланъ дивизіоннымъ генераломъ, потомъ въ итальянскую войну онъ принималъ участіе во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ въ Піемонтѣ и по берегу Средиземнаго моря. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ, но въ 1796 году главнокомандующимъ итальянской арміей былъ назначенъ генералъ Бонапарте. При Каиро, въ то время, когда Массена сидѣлъ въ деревенскомъ трактирѣ за веселымъ ужиномъ, на его отрядъ, расположенный на высокой горѣ, напали внезапно австрійцы, и хотя генералъ пробился къ своему полку, но спускаться съ горы приходилось окружнымъ путемъ, подвергаясь огню непріятеля. Можно было и прямо спуститься съ горы въ долину, но крутой спускъ въ это холодное время года былъ покрытъ снѣгомъ. Не смотря на это, Массена убѣдилъ солдатъ скатиться съ горы внизъ по снѣгу и, подавши примѣръ, этой гимнастической продѣлкой спасъ ихъ отъ пораженія. Не смотря на свою находчивость, Массена былъ отданъ Наполеономъ подъ военный судъ «за оставленіе своего поста», за что въ военное время присуждали къ смерти или къ отставкѣ съ лишеніемъ чиновъ. Но не успѣли еще отдать приказъ объ арестѣ генерала, какъ началось сраженіе при Монтенотте, въ которомъ дивизія Массены на голову разбила австрійцевъ, взявъ 2,000 плѣнныхъ, нѣсколько знаменъ и пушекъ. Послѣ такой побѣды, генерала нельзя было судить, и онъ продолжалъ свою блестящую карьеру, отличаясь въ сраженіяхъ при Лоди, Миланѣ, Арколе, Веронѣ. За битву при Риволи Наполеонъ прозвалъ его «любимцемъ побѣдъ».

Военные подвиги генерала помрачались, однако, его непомѣрною жадностью къ деньгамъ. Когда въ Римѣ убили французскаго посланника, генерала Дюфо, Массена былъ назначенъ начальникомъ

арміи, отправленной въ папскія владѣнія. Онъ обобралъ ихъ на нѣсколько милліоновъ, но оставилъ въ то же время армію безъ амуниціи и безъ провіанта. Полки взбунтовались и отправили къ Массенѣ депутацію изъ ста офицеровъ—требовать отчета въ полученныхъ имъ суммахъ. Массена отказался дать какія либо объясненія подъ предлогомъ, что требованіе арміи нарушаетъ дисциплину, но Директорія, всетаки, лишила его командованія и вызвала въ Парижъ. Тамъ онъ напечаталъ оправдательную брошюру, никого не удовлетворившую. На письмо его объ этомъ къ генералу Бонапарте, отправившемуся въ Египетъ, онъ не получилъ никакого отвѣта. Но новая коалиція Англіи, Австріи и Россіи объявила войну Франціи, и Массенѣ была поручена защита Швейцаріи. Онъ одержалъ сначала нѣсколько побѣдъ, но былъ разбитъ австрійцами при Фельд-кирхѣ, а рейнская армія подъ начальствомъ Журдана потеряла сраженіе при Штокахѣ. Въ то же время начальникъ итальянской арміи Жуберъ, разбитый при Нови, палъ на полѣ сраженія. Франціи угрожало вторженіе непріятеля съ Альпъ и съ Рейна. Оставалась одна надежда на Массену, и Директорія требовала, чтобы онъ далъ сраженіе, угрожая смѣнить его. Но осторожный генералъ не спѣшилъ вступить въ битву, зная, что новое пораженіе будетъ гибельно для арміи. Суворовъ шелъ черезъ Сен-Готардъ на соединеніе съ Корсаковымъ. Этотъ любимецъ Екатерины неосторожно направился къ Цюриху съ 50,000 русскихъ и баварцевъ. Массена бросился на него и разбилъ на голову. 30,000 убитыми и плѣнными, 15 знаменъ, 60 пушекъ были тріумфами побѣдъ, одержанныхъ Массеною. Законодательный Корпусъ провозгласилъ, что онъ заслужилъ благодарность отечества.

Не принимая участія въ переворотѣ 18-го брюмера, Массена, командуя итальянской арміей, помогъ первому консулу выиграть сраженіе при Маренго. Но страсть къ деньгамъ и грабежу была такъ сильна въ этомъ храбромъ военачальникѣ, что Наполеонъ принужденъ былъ лишить его командованія арміей, вслѣдствіе ея постоянныхъ жалобъ на жадность Массены. Онъ вышелъ въ отставку и отказался подать голосъ въ пользу назначенія Наполеона пожизненнымъ консуломъ. Но, когда консулъ сдѣлался императоромъ, онъ далъ отставному генералу званіе маршала и высшую степень ордена Почетнаго Легіона. Массена, довольный въ особенности огромнымъ содержаніемъ, назначеннымъ ему, вотировалъ за учрежденіе имперіи, явился въ Тюльери и присутствовалъ при торжествахъ коронаціи. Въ войну 1805 года онъ удержалъ въ Италіи армію эрцъ-герцога Карла, не допустивъ ее соединиться съ другими австрійскими войсками, которыхъ Наполеонъ успѣлъ разбилъ при Аустерлицѣ. Послѣ Пресбургскаго трактата Наполеонъ поручилъ Массенѣ завоевать Неаполитанское королевство. Маршалъ съ успѣхомъ исполнилъ порученіе и принялся по своему обыкновенію грабить провинціи, еще

не испытавшія его хищничества. Но тутъ съ нимъ случился эпизодъ, о которомъ умалчиваютъ серьезные историки, подробно описывающіе подвиги наполеоновскихъ маршаловъ, а не ихъ некрасивые поступки.

Континентальная система Наполеона состояла въ захватѣ и уничтоженіи англійскихъ товаровъ во всѣхъ странахъ, подчиненныхъ его власти, то-есть почти въ половинѣ Европы. Но строгое примѣненіе этой системы было немыслимо на такомъ огромномъ пространствѣ. Таможенная стража была не въ состояніи слѣдить за всѣми привозимыми товарами, особенно моремъ отъ береговъ Помераніи до Сициліи. Надзоръ за ввозомъ запрещенныхъ товаровъ поручался обыкновенно лицамъ, начальствующимъ надъ прибрежными провинціями, и когда въ одну изъ главныхъ гаваней крейсеры приводили корабль съ захваченнымъ на немъ товаромъ англійскаго происхожденія, его охраняли солдаты, замѣнявшіе таможенныхъ, и командирамъ ихъ разрѣшалось, въ извѣстныхъ случаяхъ, допускать товаръ въ продажу, съ удержаніемъ части сбора въ пользу арміи. Можно представить себѣ, къ какимъ злоупотребленіямъ вели подобныя разрѣшенія (licence), даваемыя генераламъ, начальникамъ провинцій. Въ 1806 году будущій король Швеціи, Бернадотъ, управлявшій Гамбургомъ и частью Даніи, нажилъ такими разрѣшеніями огромныя суммы. Наполеонъ зналъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, такъ какъ даже его придворныя дамы выпрашивали у министровъ такія разрѣшенія и продавали или дарили ихъ другимъ лицамъ. Императоръ не хотѣлъ только, чтобы этими «лиценціями» пользовались во Франціи, но допускалъ ихъ въ Италіи, Испаніи и другихъ завоеванныхъ странахъ. Узнавъ однажды, что Мишо, комисаръ въ арміи Бернадота, проигралъ въ одну ночь въ парижскомъ игорномъ притонѣ триста тысячъ франковъ, онъ на другой же день приказалъ своему адъютанту написать Мишо письмо, въ которомъ очень любезно сообщалось комисару, что, такъ какъ касса Дома Инвалидовъ сильно нуждается въ фондахъ, то императору было бы весьма пріятно, если бы Мишо внесъ въ нее 300,000 франковъ. Комисаръ поспѣшилъ исполнить августѣйшее желаніе. Массена не могъ, конечно, не воспользоваться такимъ легкимъ способомъ наживы и наводнилъ своими «разрѣшеніями» всѣ гавани Неаполитанскаго королевства. Наполеонъ получилъ извѣстіе, что маршалъ положилъ въ ливорнскій банкъ три милліона франковъ, а начальникъ его штаба, генералъ Солиньякъ, 600,000. Тогда императоръ приказалъ написать маршалу, чтобы онъ далъ взаймы милліонъ франковъ, а Солиньякъ — двѣсти тысячъ. Это была ровно треть того, что они награбили, но Массена отвѣчалъ, что онъ бѣднѣе всѣхъ маршаловъ, обремененъ многочисленнымъ семействомъ, долгами, и сожалѣетъ, что не можетъ исполнить желаніе Наполеона; начальникъ штаба также отказалъ

дать взаймы наотрѣзъ. Но черезъ нѣсколько времени изъ Ливорно пріѣхалъ банкиръ и объявилъ маршалу, что въ банкъ явился чиновникъ французскаго казначейства, въ сопровожденіи полицейскаго комисара и жандармовъ. Они потребовали кассовую книгу и потомъ—выдачи трехъ милліоновъ шестисотъ тысячъ франковъ, внесенныхъ Массеной и Солиньякомъ, но «принадлежащихъ арміи», и въ полученіи денегъ выдали росписку. Можно представить себѣ бѣшенство Массены, у котораго ограбили награбленное имъ состояніе. Онъ даже захворалъ, но не смѣлъ ничего сказать императору и не утѣшился даже, когда послѣ Тильзитскаго мира получилъ титулъ герцога Риволійскаго и 300,000 франковъ содержанія. Не смотря на свою сдержанность, онъ жаловался всѣмъ, что въ то время, когда сражался за императора, тотъ отнялъ у него «его маленькое сбереженіе».

За участіе въ сраженіяхъ при Эсслингѣ и Ваграмѣ Массена получилъ княжескій титулъ и еще 500,000 ренты, что съ прежними 300,000 и 200,000 жалованья по званію маршала и главнокомандующаго доводило его годовое содержаніе до милліона. Конецъ его военной карьеры, особенно кампанія въ Испаніи, былъ несчастливъ и неудаченъ. Подъ старость онъ сдѣлался нерѣшительнѣе, боясь утратить свою прежнюю, боевую славу, хотя и прежде, какъ говоритъ Наполеонъ, начиналъ сраженіе безъ всякаго плана и распоряжался массами войскъ, соображаясь съ ходомъ дѣла. Плохо образованный, никогда ничего не читавшій, онъ во время битвы дѣйствовалъ энергично, отличался находчивостью и умѣньемъ пользоваться ошибками непріятеля. Историки напрасно выставляютъ его откровеннымъ и говорящимъ всю правду императору. Скрытный и хитрый, онъ, напротивъ, старался подслужиться къ Наполеону. На охотѣ въ Фонтенебло императоръ, стрѣляя въ фазана, попалъ дробью въ маршала, и Массена потерялъ лѣвый глазъ, но обвинилъ Бертье въ неудачномъ выстрѣлѣ, и Наполеонъ былъ этимъ очень доволенъ. Разстроивъ здоровье въ Испаніи, Массена отдыхалъ въ 1812 году въ Ниццѣ, но Наполеонъ по возвращеніи изъ Россіи назначилъ его губернаторомъ Прованса, котораго онъ, однако, вовсе не защищалъ въ 1814 году, при вторженіи союзныхъ войскъ, и тотчасъ же призналъ власть герцога Ангулемскаго, получивъ за это орденъ св. Людовика, но не былъ сдѣланъ перомъ, такъ какъ Бурбоны не имѣли къ маршалу ни довѣрія, ни уваженія. При возвращеніи Наполеона съ Эльбы, Массена началъ собирать противъ него роялистовъ и національную гвардію, но, когда герцогъ Ангулемскій заключилъ капитуляцію и оставилъ Францію, Массена предупредилъ Людовика XVIII не разсчитывать на помощь маршала и перешелъ на сторону бонапартистовъ. Наполеонъ вызвалъ его, однако, въ Парижъ и принялъ очень холодно. Когда послѣ Ватерлоо палата представителей

избрала временное правительство, Массенѣ поручили командованіе національной гвардіей для защиты столицы. Но интригами Фуше и роялистовъ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ Массена объявилъ, что Парижъ не въ состояніи защищаться. Съ генералами союзныхъ армій было заключено перемиріе, и французская армія отступила за Луару, гдѣ была распущена. Людовикъ XVIII назначилъ Массену членомъ суда надъ маршаломъ Неемъ. Массена присоединился къ судьямъ, требовавшимъ преданія Нея суду перовъ, которые и разстрѣляли маршала. Затѣмъ пришла очередь обвиненія и Массены. Марсельцы подали на него жалобу въ палату за его грабительство въ Провансѣ, гдѣ онъ, однако, ничего не грабилъ. Палата, хотя и преслѣдовавшая наполеоновскихъ генераловъ, отвергла обвиненіе, но Массена поспѣшилъ удалиться въ частную жизнь, въ свое рюэльское помѣстье, гдѣ когда-то жилъ кардиналъ Ришелье. Тамъ и умеръ, въ 1817 году, 59-ти лѣтъ «одинъ изъ величайшихъ полководцевъ эпохи, богатой военными знаменитостями», говоритъ Марбо. Но этотъ, можетъ быть и блестящій, военный геній былъ, по словамъ его же біографа, такимъ неблестящимъ историческимъ дѣятелемъ и частнымъ человѣкомъ, что врядъ ли можно причислить его къ великимъ людямъ своего времени.

Въ 1812 году Наполеонъ назначилъ Марбо, все еще въ чинѣ эскадроннаго командира, временнымъ начальникомъ 23-го полка конныхъ егерей, полковникъ которыхъ страдалъ подагрою. Полкъ стоялъ въ Помераніи, и Марбо въ мартѣ отправился въ Стральзундъ. На войну съ Россіей Наполеонъ рѣшился еще въ 1811 году, и Марбо разсказываетъ, относящійся къ этому времени, эпизодъ съ полковникомъ Чернышевымъ. Этотъ адъютантъ Александра I былъ посланъ въ 1809 году къ Наполеону для поддержанія добрыхъ отношеній между дружественными дворами. Въ Парижѣ онъ вошелъ въ сношенія съ мелкимъ чиновникомъ военнаго министерства и получалъ отъ него свѣдѣнія о состояніи французскихъ войскъ. Объ этомъ узнали въ концѣ 1811 года, чиновникъ былъ арестованъ, сознался въ полученіи 300,000 франковъ и указалъ на своего товарища, доставлявшаго такія же свѣдѣнія Чернышеву, поспѣшившему уѣхать изъ Парижа. Чиновниковъ судили и разстрѣляли, и Наполеонъ приказалъ напечатать въ газетахъ статьи не только съ рѣзкими выходками противъ Чернышева, но и съ намеками на 1801 годъ. Конечно, поступокъ адъютанта нарушалъ международное право, но Марбо совершенно основательно заключаетъ, что наполеоновскіе агенты при иностранныхъ дворахъ постоянно занимались подкупомъ даже высшихъ чиновниковъ для полученія нужныхъ имъ свѣдѣній. Въ 1809 г., передъ началомъ войны съ Австріей, французскій посолъ Андреосси, оставляя Вѣну, купилъ за два милліона франковъ у генералъ-маіора, служившаго

въ главномъ штабѣ, всѣ свѣдѣнія о состояніи австрійской арміи. Эрцгерцогъ Карлъ, увѣдомленный полиціею, самъ подстерегъ свиданіе генерала съ посланникомъ наканунѣ его отъѣзда. Андреосси поспѣшилъ скрыться, генералъ застрѣлился въ ту же ночь. Правительство напечатало, что онъ скончался отъ апоплексическаго удара. Но всего любопытнѣе то, что въ то время, когда Наполеонъ громилъ Чернышева въ газетахъ, французскій посолъ въ Петербургѣ, генералъ Лористонъ, посылалъ императору не только самыя подробныя свѣдѣнія о дислокаціи русскихъ войскъ и состояніи пограничныхъ крѣпостей, но и огромную мѣдную доску, съ награвированной на ней картою Россіи, гдѣ было показано расположеніе нашихъ войскъ. Въ Парижѣ русскія названія городовъ, рѣкъ и пр. были замѣнены на доскѣ французскими, и отпечатанная въ такомъ видѣ карта, даже съ Сибирью и Камчаткой, была разослана всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ. Марбо говоритъ, что онъ сохранилъ ее во время похода и привезъ въ Парижъ.

Храбрый кавалеристъ оказался плохимъ политикомъ, приписывая объявленіе войны Россіи желанію Наполеона понудить Александра къ исполненію Тильзитскаго трактата, по которому Россія запирала всѣ свои гавани для англичанъ. Континентальная система не соблюдалась ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни въ Испаніи, да и въ самой Франціи ее подрывали «лиценціи», на что указывалось и изъ Россіи, когда французскія требованія дѣлались настоятельными. Это былъ только поводъ, а не причина войны, и странно, какъ правдивый авторъ мемуаровъ, такъ горячо обвинившій Наполеона за войну съ Испаніей, не говоритъ ничего о его ненасытномъ властолюбіи, заставившемъ его вторгнуться въ Россію. Марбо, впрочемъ, осуждаетъ этотъ походъ и приводитъ мнѣнія многихъ лицъ, отговаривавшихъ Наполеона отъ этого рискованнаго шага. Въ числѣ ихъ былъ Коленкуръ, прежній посолъ въ Петербургѣ, полковникъ топографъ Понтонъ, долго жившій въ Россіи и «бросившійся къ ногамъ императора съ мольбою, во имя его собственной славы и счастія Франціи, не предпринимать этой опасной экспедиціи». Понтонъ предсказалъ даже ея гибельныя послѣдствія, что могъ сдѣлать и безъ всякихъ колѣнопреклоненій и театральныхъ эфектовъ. Въ маѣ Наполеонъ поѣхалъ въ Дрезденъ, куда явились на поклонъ къ нему всѣ нѣмецкіе короли и князья съ австрійскимъ императоромъ. Прусскій король, не принадлежавшій къ рейнской конфедераціи, просилъ также позволенія пріѣхать и получилъ его. Наполеонъ потребовалъ отъ него только 30,000 войска, какъ и отъ своего тестя, и составилъ изъ нихъ фланги своей арміи на устьяхъ Нѣмана и въ Волыни. Центръ арміи составляли 6 корпусовъ, въ которыхъ французы были перемѣшаны съ итальянцами, иллирійцами, далматами, поляками,

баварцами, виртембергцами, гессенцами, хорватами, швейцарцами, испанцами, португальцами. Марбо сильно критикуетъ и составъ корпусовъ, и дислокацію арміи, и планъ кампаніи. Въ Инстербургѣ Наполеонъ дѣлалъ смотръ второму корпусу, къ которому принадлежалъ Марбо. На этихъ смотрахъ императоръ дѣлалъ обыкновенно самые подробные разспросы полковымъ командирамъ: изъ какихъ департаментовъ солдаты въ полку, сколько между ними съ тремя и двумя шевронами, сколько у нихъ норманскихъ и сколько бретанскихъ лошадей, какихъ лѣтъ эти лошади. На всѣ эти вопросы, въ которыхъ было не мало если не шарлатанства, то педантизма, надо было отвѣчать безъ запинки, и Марбо, отлично сдавъ экзаменъ, надѣялся за это получить полкъ. Но на парадъ явился полковникъ Нугаредъ съ ногами, обмотанными фланелью, и сталъ просить императора за одного офицера, своего родственника, замѣшаннаго въ какомъ-то грязномъ дѣлѣ. Наполеонъ пришелъ въ величайшій гнѣвъ при этой просьбѣ и приказалъ жандармамъ выгнать изъ полка провинившагося офицера. Нугареда онъ не сдѣлалъ генераломъ, а Марбо такъ и пошелъ въ русскій походъ эскадроннымъ командиромъ и только изъ него вернулся съ чиномъ полковника.

Изъ четырехъ историковъ войны 1812 года Марбо хвалитъ только одного Бутурлина за его безпристрастіе, хотя онъ не пользовался многими важными документами. Исторія Лабома плоха съ военной точки зрѣнія, Гурго написалъ панегирикъ Наполеону, а Сегюръ «военный романъ». Съ 1844 года, когда писались мемуары, вышло много болѣе серьезныхъ описаній этой войны, но о нихъ ничего не говорится. 12-го іюня 155,000 французовъ и 170,000 ихъ союзниковъ перешли Нѣманъ. Марбо описываетъ подробно дѣйствія 2-го корпуса, къ которому принадлежалъ 23-й конный егерскій полкъ. Мы приведемъ только тѣ эпизоды кампаніи, въ которыхъ авторъ противорѣчитъ офиціальнымъ извѣстіямъ или дополняетъ ихъ.

Въ самомъ началѣ кампаніи, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать быстро, Наполеонъ выказалъ непостижимую медленность. Девятнадцать дней онъ оставался въ Вильнѣ и семнадцать въ Витебскѣ, а въ эти 36 дней, проведенныхъ въ бездѣйствіи, можно было бы далеко уйти впередъ. Марбо говоритъ, что онъ все ждалъ предложеній о мирѣ. Въ сраженіи при Сивошинѣ, гдѣ генералъ Кульневъ съ восьмью батальонами вздумалъ атаковать корпусъ Удино, Марбо описываетъ смерть генерала, которому французскій офицеръ прокололъ горло и котораго Сегюръ заставляетъ передъ смертью произнести рѣчь своимъ войскамъ, что, конечно, не могло быть на самомъ дѣлѣ. Но едва ли справедливо и обвиненіе, возводимое Марбо на Кульнева въ томъ, что генералъ дрался, едва отрезвившись. Въ мемуарахъ описаны подробно взятіе Полоцка, Смоленска,

сраженія при Валутинѣ, при Бородинѣ. Подъ Смоленскомъ Наполеонъ уложилъ 12,000 французовъ, потому что приказалъ штурмовать городъ, когда могъ обойти его вверхъ по Днѣпру. При Валутинѣ Жюно не подалъ помощи со своимъ корпусомъ Нею, хотя и получилъ приказаніе Наполеона. При Бородинѣ Марбо не былъ, но описываетъ это сраженіе какъ побѣду французовъ и упрекаетъ Кутузова, что онъ обманулъ Александра, объявивъ о разбитіи непріятеля, за что и былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ. Сегюръ въ своей исторіи рисуетъ Ростопчина героемъ, Марбо называетъ его варваромъ и, кромѣ сожженія Москвы, обвиняетъ его въ томъ, что онъ отдалъ черни на растерзаніе множество плѣнныхъ французовъ и даже иностранныхъ купцовъ, жившихъ въ городѣ. При описаніи отступленія французовъ, Марбо останавливается на эпизодѣ взятія въ плѣнъ, 5-го октября, подъ Полоцкомъ Витгенштейна полковникомъ Кюрели. Когда главнокомандующій сдался, свита бросилась освобождать его, и онъ ускакалъ во время свалки. Авторъ мемуаровъ говоритъ, что это спорный военный вопросъ: долженъ ли былъ Кюрели убить непріятельскаго генерала, когда его начали освобождать, и могъ ли онъ бѣжать, сдавшись однажды?

Переходъ черезъ Березину описанъ согласно съ извѣстными данными. Французскіе маршалы дѣлали столько же ошибокъ отступая, какъ и русскіе генералы, преслѣдовавшіе непріятеля. У него была еще стотысячная армія, но составленная изъ сброда и остатковъ всѣхъ полковъ и всякаго рода оружія. За нею въ аріергардѣ тянулось 40,000 повозокъ. Березина не глубока и не широка, и ее легко можно было бы перейти, если бы французскій генеральный штабъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія и въ войскахъ сохранялся бы хоть какой нибудь порядокъ. Вотъ почему стотысячная масса съ обозомъ и повозками бросилась разомъ на два моста, изъ которыхъ одинъ обрушился подъ тяжестью спѣшившихъ спастись отъ ядеръ Витгенштейновой арміи. Произошли ужасныя сцены: при переходѣ черезъ рѣку погибло больше французовъ, чѣмъ при Бородинѣ. Если бы три русскихъ арміи преслѣдовали ихъ съ большею энергіею, развязка Наполеоновской эпопеи произошла бы въ русскихъ снѣгахъ, а не на поляхъ Ватерлоо. Марбо высказываетъ странную мысль, что при наступившихъ 29-ти-градусныхъ морозахъ русскіе солдаты страдали отъ холода больше французовъ, потому что привыкли проводить зиму въ теплыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ постоянно топятся печи. На бивакахъ всякую ночь замерзали тысячи несчастныхъ. Дивизія генерала Граціани изъ 12,000 конскриптовъ, вышедшихъ изъ Вильны, вся замерзла на второй день похода, вмѣстѣ съ 200 кавалеристами неаполитанской гвардіи Мюрата. Отъѣздъ Наполеона изъ Сморгона прямо въ Парижъ окончательно дезорганизовалъ остатокъ арміи. Но Сегюръ напрасно увѣряетъ, что голодные французы ѣли мясо

своихъ товарищей, поджаренное на кострахъ. Оставалось еще довольно лошадей, и не было нужды дѣлаться антропофагами.

Разбирая причины неуспѣха похода въ Россію, Марбо видитъ ихъ прежде всего въ смѣшеніи въ войскѣ французскаго элемента съ иноземнымъ. «Хорошее вино, — говоритъ онъ, — разбавили грязною водою». Затѣмъ сильный вредъ принесло отсутствіе всякой организаціи въ провинціяхъ, занимаемыхъ арміею, въ тылу которой не оставляли ни небольшихъ резервовъ, ни складовъ амуниціи, ни магазиновъ провіанта, ни госпиталей. Раненыхъ бросали тамъ, гдѣ происходили сраженія и ни одинъ изъ нихъ не возвращался въ войска. Кромѣ Вильны и Смоленска, нигдѣ не оставляли гарнизоновъ, да и тамъ они были незначительные, такъ что «ни одинъ изъ 100.000 плѣнныхъ, взятыхъ въ Россіи (не много ли?), не былъ уведенъ изъ нея и всѣ они оставлены въ ней». Въ пожарѣ Москвы Марбо не видитъ причины неуспѣха кампаніи и говоритъ, что Наполеонъ легко могъ бы остаться тамъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, если бы имѣлъ какой нибудь планъ, занимая столицу. И здѣсь авторъ мемуаровъ, не смотря на его правдивость, высказываетъ такія же поверхностныя сужденія, какъ и большая часть его соотечественниковъ, какъ скоро дѣло коснется Россіи. Онъ утверждаетъ, что дворъ былъ даже доволенъ пожаромъ Москвы, «нанесшимъ смертельный ударъ старой боярской аристократіи разрушеніемъ города, центра постоянной опозиціи, вѣчныхъ интригъ; русское правительство всегда сводило счеты съ высшимъ дворянствомъ, недовольство котораго не разъ отражалось на многихъ представителяхъ власти». Ростопчинъ въ изданной имъ въ 1823 году брошюрѣ приписываетъ пожаръ Москвы случайнымъ обстоятельствамъ. Но не смотря на это «и на свой патріотизмъ, былъ изгнанъ и умеръ въ Парижѣ, ненавидимый русскимъ дворянствомъ».

Обратно черезъ Нѣманъ вернулись только 60,000 французовъ. Почти всѣ союзныя войска перешли на сторону непріятеля или дезертировали. Въ 1814 году вернулось изъ Россіи 30,000 плѣнныхъ, стало быть Франція потеряла въ пять мѣсяцевъ 95,000 солдатъ. Тьеръ считаетъ общую потерю съ союзными войсками въ 308,000. Кампанія 1813 года описана съ меньшими подробностями. Неуспѣхъ ея Марбо приписываетъ измѣнѣ генерала Жомини. Этотъ швейцарскій комисаръ, принятый маршаломъ Неемъ во французскую армію, былъ у него начальникомъ штаба и дезертировалъ, унеся съ собою планъ кампаніи, составленный Наполеономъ, и всѣ бумаги, относящіяся къ дислокаціи и численности французской арміи. Онъ сдѣланъ былъ адъютантомъ, хотя императоръ австрійскій говорилъ: «я понимаю, что государи бываютъ иногда принуждены пользоваться услугами дезертировъ, но не понимаю, какъ ихъ можно принимать въ главный штабъ и приглашать къ своему столу». Перебѣжчикъ настоялъ, чтобы военныя дѣйствія начались

за два дня до окончанія срока перемирія, и Наполеонъ, находя вездѣ войска союзниковъ приготовленными къ сопротивленію, долженъ былъ измѣнить свой планъ и вмѣсто похода въ Богемію обратиться противъ прусской арміи, расположенной въ Силезіи. Пораженіе Вандама при Кульмѣ Марбо приписываетъ тому, что храброму генералу не подали помощи маршалы Сен-Сиръ и Мортье, хотя Наполеонъ и приказалъ имъ это. Плѣннаго Вандама привезли въ Прагу, гдѣ у него отняли шпагу и назвали грабителемъ и бандитомъ, на что онъ отвѣчалъ оскорбленіями по адресу высокопоставленнаго лица. Анекдотъ этотъ весьма сомнительный. Сосланный въ Вятку, Вандамъ вернулся во Францію въ 1814 году. Наполеонъ не могъ отдать подъ судъ Сен-Сира и Мортье, потому что въ то же время всѣ его корпуса, какъ Макдональда при Кацбахѣ, Удино при Гросберенѣ и Нея при Ютербахѣ, потерпѣли пораженіе. Макдональдъ, вопреки обычаевъ полководцевъ, въ приказѣ по арміи обвинилъ только самого себя въ потерѣ сраженія. «Я не долженъ былъ, говорилъ онъ, на неровной мѣстности, изрытой проливными дождями, вести кавалерійскую атаку противъ въ двое сильнѣйшаго непріятеля, оставляя позади себя быструю рѣку».

Передъ сраженіемъ при Лейпцигѣ русскіе, по словамъ Марбо, получили сильныя подкрѣпленія: въ корпусахъ Дохтурова, Толстого и Лобанова было много татаръ и башкиръ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. Французы называли ихъ «амурами», удивляясь, какъ можно было высылать дикарей съ такимъ первобытнымъ оружіемъ противъ дисциплированныхъ европейскихъ полковъ. Но эти полки окружала уже 500-тысячная армія русскихъ, пруссаковъ, австрійцевъ и шведовъ, тогда какъ французовъ подъ Лейпцигомъ было 150,000. Наполеонъ могъ еще отступить въ Тюрингенскія горы, за рѣку Заале, что и совѣтовалъ ему послѣдній союзникъ его, король Виртембергскій, предупреждая, что вся Германія поднимается противъ Франціи, и самъ онъ, уступая требованію народа, долженъ будетъ присоединить свои войска къ коалиціи. Но Наполеонъ понадѣялся на свою звѣзду, не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ и потерялъ въ трехдневной битвѣ подъ Лейпцигомъ остатки своей арміи. Въ ночь на 4-ое октября Марбо со своимъ егерскимъ полкомъ едва не захватилъ въ плѣнъ группу штабныхъ офицеровъ, пріѣхавшихъ на Хольмбергъ осматривать позиціи: въ группѣ были русскій императоръ и прусскій король, успѣвшіе ускакать къ своей свитѣ. Такимъ случайностямъ подвергался не разъ и Наполеонъ во время войны, когда каждый неосторожный шагъ можетъ измѣнить судьбы государствъ; но судьба Франціи рѣшилась подъ стѣнами Лейпцига. Да и какъ ей было не рѣшиться, когда въ самый разгаръ сраженія цѣлый корпусъ саксонцевъ перешелъ изъ французскихъ рядовъ на сторону пруссаковъ и примѣру его послѣдовала виртембергская кавалерія. Саксонскій гене-

ралъ Руссель очень развязно объявилъ союзникамъ, что̀, разстрѣлявъ половину своихъ снарядовъ за французовъ, онъ употребитъ теперь остальную половину противъ нихъ. Въ то же время бывшій французскій маршалъ Бернадотъ усердно осыпалъ ядрыми своихъ соотечественниковъ. Потерявъ 40,000 человѣкъ, Наполеонъ рѣшился отступить тѣмъ болѣе, что у артилеріи, сдѣлавшей 220,000 выстрѣловъ, оставалось въ запасѣ всего 16,000 картушей. Но отступленіе было затруднительно: черезъ Эльстеръ и другія рѣки, разлившіяся отъ продолжительныхъ дождей, не было мостовъ. Союзники напали съ ожесточеніемъ на отступавшихъ, и французовъ легло на Эльстерѣ не меньше, чѣмъ въ трехдневномъ лейпцигскомъ бою. Въ тылу французовъ поднялась саксонская гвардія, остававшаяся въ Лейпцигѣ со своимъ королемъ, вѣрнымъ другомъ Наполеона, не смотря на измѣну саксонской арміи. Напрасно старый король вышелъ на балконъ дворца и кричалъ своимъ офицерамъ, стрѣлявшимъ въ французовъ: «убейте меня, негодяи! убейте вашего короля, чтобы онъ не видѣлъ вашего позора»! Никто его не слушалъ, и король, вернувшись въ свои комнаты, сорвалъ въ негодованіи знамя своей гвардіи и бросилъ его въ огонь. Вмѣстѣ съ саксонскими гвардейцами лягнули французовъ и баденцы, оставленные въ городѣ и перестрѣлявшіе множество бѣдняковъ, еще вчера бывшихъ ихъ союзниками. Самъ Наполеонъ съ трудомъ выбрался изъ города и, отступая, приказалъ взорвать мостъ черезъ Эльстеръ, когда всѣ французскіе полки выйдутъ изъ Лейпцига. Но едва императоръ отъѣхалъ на нѣсколько сотъ шаговъ по дорогѣ въ Люценъ, какъ мостъ взлетѣлъ на воздухъ раньше времени, когда въ городѣ оставались еще отряды Макдональда, Лористона, Рейнье, Понятовскаго. Такъ и не узнали, кто виновникъ преждевременнаго взрыва моста. Макдональдъ съ трудомъ спасся вплавь черезъ Эльстеръ. Понятовскій, только что произведенный въ маршалы, утонулъ въ рѣкѣ. 13,000 французовъ, защищавшихся въ домахъ Лейпцига, были истреблены, 25,000 взяты въ плѣнъ, побѣдители захватили 250 пушекъ.

Въ послѣднемъ сраженіи этого года, при Ганау, у ногъ Марбо упала бомба, и онъ спасся, только благодаря быстрому бѣгу своего коня. Онъ сильно упрекаетъ генерала Чернышева за то, что во время битвы онъ оставилъ, съ трехтысячнымъ отрядомъ, своихъ союзниковъ австро-баварцевъ. Обвиняетъ онъ также союзниковъ въ нарушеніи капитуляціи при сдачѣ Дрездена и Данцига, но сознается, что и со стороны французовъ было много перебѣжчиковъ въ союзные отряды, съ которыми они потомъ вторгались во Францію и сражались противъ своихъ соотечественниковъ. Это была эпоха измѣнъ и дезертирства. Кровавое владычество Наполеона лежало такимъ тяжелымъ гнетомъ на самой Франціи, что и въ ней многіе рѣшались подняться противъ виновника народныхъ бѣдствій и счи-

тали позволительными всѣ средства, лишь бы отъ него избавиться. Честный Марбо смотритъ иначе на этихъ ренегатовъ и приводитъ въ примѣръ имъ мнѣнія гражданъ молодой Сѣверо-Американской республики. Генералъ Арнольдъ былъ однимъ изъ самыхъ храбрыхъ и дѣятельныхъ сподвижниковъ Вашингтона. Потерявъ ногу въ одномъ сраженіи, онъ продолжалъ, всетаки, биться за освобожденіе своей родины. Но, поссорившись съ Вашингтономъ, онъ дезертировалъ и, перейдя на сторону англичанъ, сдѣлался непримиримымъ врагомъ своихъ соотечественниковъ. Во время одного перемирія онъ вздумалъ выйдти для переговоровъ съ американскими офицерами, и когда тѣ отвернулись отъ него съ презрѣніемъ, онъ сказалъ имъ съ запальчивостью: «если я теперь вашъ противникъ, вы не должны забывать огромныхъ услугъ, оказанныхъ мною Америкѣ, служа которой я потерялъ ногу». «Мы и не забываемъ этого, — отвѣчали американцы, — и если ты попадешься къ намъ въ плѣнъ, мы съ почетомъ положимъ твою деревянную ногу въ храмъ отечества, чтобы она напоминала нашимъ потомкамъ о храбрости, съ какою ты сражался за независимость родины. Но, отдавъ дань уваженія твоей ногѣ, самого тебя мы повѣсимъ, какъ измѣнника, чтобы твоя висѣлица служила урокомъ всѣмъ негодяямъ, продающимъ свое отечество».

Мемуары Марбо оканчиваются собственно 1813 годомъ. Къ 1814 году относятся двѣ послѣднія главы (34-я и 35-я), въ которыхъ онъ описываетъ свое управленіе депармаментомъ Жемаппы въ Бельгіи и говоритъ только нѣсколько словъ о блестящей кампаніи этого года, въ которой Наполеонъ съ нѣсколькими тысячами солдатъ, большею частью молодыхъ конскриптовъ, сопротивлялся арміямъ всей Европы. Объ этой кампаніи слѣдовало бы написать цѣлые томы, но авторъ говоритъ, что не чувствуетъ въ себѣ достаточно храбрости, чтобы изслѣдовать несчастія своего отечества. Въ Монсѣ Марбо явился хорошимъ администраторомъ, усмирилъ возстаніе бельгійцевъ, поднявшихся противъ французовъ, и захватилъ триста псевдо-казаковъ, разбойничавшихъ въ городѣ. Одно имя казаковъ возбуждало въ то время такой страхъ во Франціи, что этимъ пользовались разные негодяи: мародеры, дезертиры, бѣглые всѣхъ націй, въ фантастическихъ костюмахъ грабившіе деревни и небольшія мѣстечки, подъ видомъ казаковъ. Марбо накрылъ въ Монсѣ отрядъ этихъ разбойниковъ и истребилъ его. О событіяхъ 1815 года помѣщено въ мемуарахъ нѣсколько писемъ, относящихся къ сраженію при Ватерлоо. Какое страшное впечатлѣніе произвело это сраженіе, видно изъ того, что даже добродушный Марбо требовалъ смертной казни для неисполнившихъ своего долга. Вотъ что говоритъ онъ въ одномъ письмѣ отъ 14-го іюня.

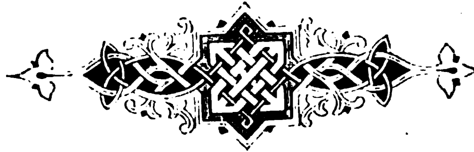
«Я не могу опомниться отъ нашего пораженія. Насъ заставляли маневрировать безъ всякаго толку. Вмѣсто маршала Груши,

который долженъ былъ привести свѣжія силы на правый флангъ, явился Блюхеръ и отдѣлалъ насъ... Можно было бы еще помочь бѣдѣ, но никто не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Большіе генералы сочиняли въ это время въ Парижѣ глупыя рѣчи, маленькіе потеряли голову. Все это дурно кончится. А меня ранили пикой въ бокъ; рана тяжела, но я остался на своемъ посту, чтобы дать хорошій примѣръ. Если бы каждый поступалъ такимъ же образомъ, дѣло могло бы еще поправиться, но солдаты дезертируютъ, и никто ихъ не останавливаетъ; а ихъ можно было бы набрать тысячъ 60. Но для этого надо было наказывать смертью всякаго, кто оставитъ свой полкъ, и всѣхъ, кто позволяетъ солдатамъ уходить. Теперь всѣмъ даютъ отпускъ, и дилижансы наполнены уѣзжающими офицерами. Какъ же оставаться солдатамъ? Черезъ недѣлю не будетъ и никого изъ нихъ, если ихъ не остановитъ смертная казнь».

Угрозою этой казни гуманный Марбо думалъ удержать солдатъ, не понимая, что это уже не пораженіе, а полный разгромъ, крушеніе всей императорской системы, сдѣлавшейся невыносимою для всѣхъ. То, что пріобрѣтено мечомъ и насиліемъ, отнимается еще большею силою. Плохи были Совѣты старшинъ и пятисотъ 1799 года и Палата представителей 1851 года, но, разгоняя ихъ незаконно, ни дядѣ, ни племяннику нечего было удивляться, что ихъ самихъ прогнали при первомъ удобномъ случаѣ съ захваченнаго ими трона. Марбо не панегиристъ Наполеона I, но, всетаки, относится къ нему слишкомъ снисходительно и умалчиваетъ о многихъ некрасивыхъ поступкахъ его даже въ послѣдніе годы его блестящей эпопеи. Правда, онъ говоритъ о ней только съ военной точки зрѣнія и преимущественно о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ самъ участвовалъ, но онъ могъ бы представить характеристику императора такую же, какъ его генераловъ и маршаловъ, хотя и тутъ можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, только когда онъ осуждаетъ, а не когда хвалитъ. Мы видѣли мастерскіе портреты Ожеро, Массены, пылкаго, съ трудомъ укрощаемаго Ланна, умирающаго при Ваграмѣ на рукахъ Марбо, бездарнаго Эксельмана, нерѣшительнаго Макдональда, Бертье, до того запуганнаго грубыми выходками и ругательствами императора, что, хотя и самое приближенное къ нему лицо при дворѣ, онъ никогда ни о чемъ его не спрашивалъ и только исполнялъ его приказанія: когда его просили распорядиться устройствомъ мостовъ подъ Лейпцигомъ на случай отступленія, онъ отвѣчалъ одно: императоръ этого не приказывалъ,—и былъ поэтому главнымъ виновникомъ катастрофы на Эльстерѣ. Но когда Марбо называетъ величайшимъ геніемъ (génie hors ligne) какого-то Сент-Круа, хотя и Наполеонъ сравнивалъ его съ Ланномъ и Дезе и совѣтовался съ нимъ передъ Ваграмомъ,—невольно подымается вопросъ не только о томъ: можно ли во всемъ вѣрить

правдивости d'un soldat qui sait mal farder la verité, какъ говоритъ поэтъ, но и о томъ: гдѣ же, наконецъ, граница дѣйствительной, исторической правды не только въ мемуарахъ Марбо, но и всѣхъ очевидцевъ какихъ нибудь событій? Неужели необходимо хорошо или худо «румянить эту правду», и исторія никогда не увидитъ ея настоящаго лица?..

Вл. Зотовъ.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Лебедевъ. Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Москва. 1892.

СТОЯЩЕЕ сочиненіе г. Лебедева, профессора Московской духовной академіи, представляетъ собою продолженіе ранѣе изданныхъ имъ «Очерковъ исторіи византійско-восточной церкви въ IX, X, XI вѣкахъ» (Москва, 1878 г.) и также имѣетъ своею цѣлью ознакомленіе читателей съ однимъ изъ тѣхъ отдѣловъ церковно-исторической науки, которые очень мало извѣстны. Оно обнимаетъ періодъ византійско-восточной церкви отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 году. «Обработка византійской церковной исторіи,—говоритъ авторъ,—по нашему мнѣнію, есть прямая задача русскихъ богослововъ, тѣмъ болѣе, что богословы западные, какъ и естественно, посвящаютъ мало вниманія этой области церковной исторіи. Принявъ на себя задачу изложить указанный періодъ въ формѣ систематическаго цѣлаго, мы не имѣли подъ руками никакого руководящаго сочиненія. Западная и русская литература, относящаяся къ нашему дѣлу, пересмотрѣна нами, полагаемъ, тщательно; византійская же историческая, богословская и иного рода литература, при ея очень почтенныхъ размѣрахъ, пересмотрѣна на столько, на сколько это нужно было для составленія «очерковъ», не изъявляющихъ притязанія на обширную ученость». Желая восполнить пробѣлъ въ нашей церковно-исторической литературѣ, авторъ ограничивается очеркомъ только тѣхъ сторонъ церковной жизни даннаго періода, которыя не нашли еще въ ней разработки, и не распространяется о такихъ предметахъ, относительно которыхъ уже существуетъ удовлетворительная литература на русскомъ языкѣ. Такъ, онъ оста-

вляетъ въ сторонѣ исторію Ліонской и Флорентійской уній, потому что съ этими историческими явленіями русскій читатель можетъ ознакомиться по слѣдующимъ сочиненіямъ: «Исторіи Флорентійскаго собора», изданной подъ редакціей извѣстнаго ученаго, прот. А. В. Горскаго (Москва, 1849 г.), «Исторіи попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской», проф. А. Л. Катанскаго (Спб., 1868 г.), и по диссертаціи проф. Садова «Виссаріонъ Никейскій» (Спб., 1883 г.). Проходятся молчаніемъ также такіе религіозные споры и такія произведенія византійскихъ богослововъ, которые представляютъ интересъ только для спеціалистовъ.

Изложенію церковной исторіи даннаго періода авторъ предпосылаетъ обзоръ источниковъ этой исторіи, «чтобы читатели имѣли ясное представленіе о тѣхъ историкахъ», имена которыхъ часто упоминаются въ книгѣ. Эти историки, обычно называемые «византиками», отличаются слѣдующими особенностями. Вопервыхъ, это не историки въ настоящемъ смыслѣ, а хроникеры, лѣтописцы, описывающіе свое время, или, вѣрнѣе, мемуаристы, которые «не ограничиваются сообщеніемъ извѣстій о современныхъ имъ историческихъ фактахъ, но передаютъ множество историческихъ подробностей, анекдотовъ, заглядываютъ въ закулисную жизнь описываемыхъ лицъ, стараются раскрыть и уяснить сокровенныя пружины, движущія и управляющія дѣятельностью главнѣйшихъ историческихъ личностей», причемъ часто впадаютъ въ субъективизмъ и судятъ пристрастно. Вовторыхъ, будучи людьми свѣтскими, они интересуются главнымъ образомъ политическими событіями, отводя описанію церковныхъ дѣлъ второстепенное мѣсто. Въ третьихъ, византики почти все свое вниманіе обращаютъ на ходъ дѣлъ въ Константинолѣ, все прочее для нихъ мало интересно; Западная Европа, не исключая Рима, почти совершенно игнорируется ими. Въ четвертыхъ, наконецъ, они не имѣютъ обыкновенія указывать источники своихъ повѣствованій.

Время, описываемое нашимъ авторомъ, было періодомъ быстраго разложенія Восточной Римской имперіи. Въ началѣ періода этому дряхлому организму наносятся чувствительные удары крестоносцами, въ концѣ онъ едва держится подъ напоромъ турокъ и, наконецъ, гибнетъ. Внѣшнему, государственному упадку соотвѣтствуетъ упадокъ духовной жизни грековъ, полнѣйшая деморализація нравовъ. Церковь представляетъ печальную картину. Разорвавъ съ Западомъ, отразивши властолюбивыя притязанія папства, она переживаетъ теперь чрезвычайно усилившійся цезарепапизмъ: «императоры выражаютъ себя, какъ полновластные главы и владыки церкви», являясь, какъ въ языческомъ Римѣ, и царями, и первосвященниками. Вотъ, напримѣръ, характерное profession de foi императора Исаака Ангела: «Царямъ все позволительно дѣлать, потому что на землѣ нѣтъ никакого различія во власти между Богомъ и царемъ». Такъ говоритъ императоръ, а какъ думаютъ объ этомъ представители церкви? Знаменитый канонистъ Вальсамонъ, патріархъ антіохійскій, пишетъ: «Императоры и патріархи должны быть уважаемы, какъ учители церкви, ради ихъ достоинства, которое они получили чрезъ помазаніе миромъ. Отсюда-то происходитъ власть правовѣрныхъ императоровъ наставлять христіанскій народъ и, подобно іереямъ, приносить Богу куреніе. Въ этомъ ихъ слава, что, подобно солнцу, блескомъ своего православія они просвѣщаютъ міръ съ одного его конца до другаго. Мощь и дѣятельность императора касаются тѣла и души (человѣка), тогда какъ мощь и дѣятельность патріарха касается только одной души... Какъ

царствующій императоръ есть помазанникъ Господенъ по причинѣ помазанія на царство, а Христосъ и Богъ нашъ есть, между прочимъ, и архіерей, то благословно и императоръ украшается архіерейскими дарованіями». Приведя много фактовъ, характеризующихъ отношеніе къ церкви этихъ высшихъ архіереевъ или папъ на императорскомъ престолѣ,—людей большею частью безнравственныхъ, нерѣдко запятнавшихъ себя коварнымъ убійствомъ своихъ конкурентовъ, профессоръ Лебедевъ дѣлаетъ общій выводъ, что «византійская церковь много терпѣла отъ деспотизма императоровъ».

Особенно вредно отражалось такое отношеніе императоровъ къ церкви на назначеніи на высшія духовныя должности. По свидѣтельству Георгія Акрополита, императоры ставили цѣлью возводить на патріаршую каѳедру лицъ не особенно умныхъ и чуждыхъ энергіи, чтобы имѣть въ нихъ «послушное орудіе своей воли и даже самоволія». Дѣйствительно, патріархи, управлявшіе столичною церковью съ XII до половины XV вѣка, по своимъ интеллектуальнымъ, моральнымъ и церковно-административнымъ способностямъ, въ большинствѣ случаевъ не стояли на высотѣ своего призванія, а потому мало могли дѣйствовать въ благотворномъ духѣ на общество и имперію. Такому вліянію духовенства на паству препятствовало еще дѣленіе его на враждебныя партіи, проходящее втеченіе всего этого періода. «Для наблюдательнаго историка открывается, что въ византійскихъ церковныхъ сферахъ сложились и прочно держались двѣ партіи, столь противоположныя одна другой, столь недружественныя одна съ другой, что, являясь чуть не по очереди у кормила церковнаго правленія въ лицѣ того или другаго патріарха, каждая изъ нихъ задачу своей дѣятельности поставляла въ томъ, чтобы уничтожить слѣды и плоды дѣятельности другой». Одну изъ этихъ партій византики называютъ «зилотами», то-есть строгими ревнителями, а другую—«политиками», наименованіе, которое лучше всего можетъ быть передано современнымъ французскимъ парламентскимъ выраженіемъ «оппортюнисты», или партія умѣренныхъ.

Зилоты были поборниками свободы и независимости церкви отъ государства; они не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ царской власти, хотя бы и во имя государственныхъ интересовъ, ставя религіозно-нравственныя требованія выше внѣшняго государственнаго и общественнаго благоденствія. Не только высокопоставленныхъ лицъ, но и самихъ императоровъ они желали подчинить строгой церковной дисциплинѣ, не боясь ради своихъ идей вступать въ столкновенія съ властями и обществомъ, хотя бы это влекло за собою смуты и безпорядки. Даже болѣе, они иногда подготовляли революцію противъ неугоднаго имъ государя или возмущали уличную чернь. Зилоты не отличались образованностью, не высоко ставили науку и не заботились о просвѣщеніи духовенства, предпочитая пастырей нравственно-строгихъ ученымъ. Въ своей жизни они отличались не только нравственнымъ ригоризмомъ, но и подвижничествомъ, хотя нерѣдко удовлетворялись формальною религіозностью, не заботясь о развитія внутренняго благочестія. Къ монахамъ зилоты относились сочувственно, часто опирались на нихъ въ борьбѣ съ своими врагами и открывали имъ путь къ вліянію и дѣятельности.

Не такова была другая партія. Она искала поддержки для церкви въ государствѣ, а потому не находила нужнымъ препятствовать его вліянію

на церковныя дѣла. Глубоко уважая государственную власть, политики выставляли на видъ, что она имѣетъ большое значеніе для благоденствія общества. Ради государственнаго блага они готовы были на уступки царской власти, не относились строго къ погрѣшностямъ императоровъ, къ ихъ незаконнымъ, съ канонической точки зрѣнія, поступкамъ, пренебрегая иногда даже чисто церковными интересами. Умѣренные насчитывали въ своей средѣ много образованныхъ лицъ, стояли въ связи съ просвѣщенными классами общества и заботились о томъ, чтобы церковныя должности занимались людьми умственно развитыми. Въ моральномъ отношеніи эта партія не была очень строга и, стоя близко къ жизни общества, не благопріятствовала монашеству. Въ противоположность зилотамъ, политики опирались на бѣлое духовенство и образованный классъ общества. Историкъ Никифоръ Григора объясняетъ появленіе и развитіе этихъ партій тѣмъ, что въ однихъ и тѣхъ же лицахъ тогдашней іерархіи не уживались вмѣстѣ религіозное совершенство, чуждающееся соблазновъ міра, на которое претендовали зилоты, съ церковно-практическою опытностью и благоразуміемъ, какими хотѣли руководиться политики. По временамъ раздоры партій переходили изъ чисто церковной сферы въ народъ и производили тамъ сильное броженіе. Дѣло доходило до того, что каждый отдѣльный домъ въ Византіи дѣлился на партіи: «иначе жилъ (и мыслилъ) отецъ, иначе сынъ, иначе мать и иначе дочь, иначе споха и иначе свекровь»,—замѣчаетъ Пахимеръ.

Въ краткой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности останавливаться на другихъ сторонахъ религіозно-нравственной жизни византійцевъ, которыя обстоятельно разбираются въ разсматриваемой книгѣ, какъ-то: деморализаціи общества, порокахъ духовенства, суевѣріяхъ, отъ которыхъ не были свободны даже самые образованные люди этой эпохи, мертвой схоластической наукѣ и т. п. Интересующимся этими предметами мы рекомендуемъ обратиться къ «Очеркамъ» профессора Лебедева, разсчитаннымъ не на спеціалистовъ, а на средній кругъ читателей, и въ общемъ удовлетворяющимъ своему назначенію. Къ сожалѣнію, этотъ почтенный трудъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: это—излишняя растянутость. Изложенное здѣсь на 644 страницахъ въ восьмую часть листа можно было бы сократить почти на половину, и отъ этого не пострадала бы сущность дѣла: слѣдовало бы измѣнить систематически практикуемую авторомъ манеру характеризовать ту или другую сторону церковной жизни. Въ своихъ характеристикахъ авторъ обычно придерживается хронологіи, разсматривая, напримѣръ, религіозно-нравственную жизнь императоровъ, онъ описываетъ жизнь каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, въ порядкѣ царствованій. По нашему мнѣнію, было бы гораздо лучше выбрать наиболѣе характеристическія черты ихъ быта и представить ихъ въ той или другой системѣ. **М. Ладв—скій.**

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Томаса Карлейля. Перевелъ съ англійскаго В. И. Яковенко. Съ приложеніемъ статьи переводчика о Карлейлѣ. Спб. 1891.

Публичныя бесѣды Карлейля, изданныя теперь въ русскомъ переводѣ г. Яковенкомъ, были читаны въ 1840 году, слѣдовательно, полстолѣтія тому назадъ. Извѣстно, на сколько подвинулась впередъ за это время историческая наука вообще и въ частности вопросъ о роли личности въ исто ,

отъ рѣшенія котораго прямо зависитъ и то или другое отношеніе къ такъ называемымъ героямъ. Тѣмъ не менѣе мы вовсе не хотимъ отрицать полезности и даже важности книги Карлейля, но только не съ научной точки зрѣнія, а съ нѣсколько иной, которую мы установимъ ниже. Теперь же изложимъ въ двухъ словахъ содержаніе разбираемой книги. Начинается она характеристикой Карлейля, принадлежащей перу г. Яковенка. Далѣе слѣдуютъ самыя бесѣды. Ихъ шесть. Каждая посвящена одному или двумъ героямъ, представителямъ извѣстнаго типа историческихъ дѣятелей. Такъ, первая бесѣда посвящена герою, какъ божеству, и трактуетъ о главѣ скандинавскихъ боговъ, Одинѣ. Вторая озаглавлена «Герой, какъ пророкъ» и характеризуетъ Магомета. Въ третьей разбираются Данте и Шекспиръ, представители героя, какъ поэта. Четвертая занимается героемъ, какъ пастыремъ, для чего взяты Лютеръ и Ноксъ, глава пуританизма. Въ пятой — Карлейль обращается къ герою, какъ писателю, и за образцы такого типа беретъ Джонсона, Руссо и Віорнса. Наконецъ, заключительная шестая бесѣда посвящена герою, какъ вождю; представителями этой категоріи являются Кромвель и Наполеонъ. Въ концѣ книги приложено краткое резюме каждой главы въ частности. Цѣль, которую Карлейль преслѣдовалъ въ своихъ бесѣдахъ, онъ обозначаетъ такимъ образомъ: «я имѣю въ виду развить нѣсколько мыслей относительно великихъ людей, какимъ образомъ они проявляли себя въ дѣлахъ нашего міра, какія внѣшнія формы принимали въ процессѣ историческаго развитія, какое представленіе о нихъ составляли себѣ люди, какое дѣло они дѣлали. Я намѣренъ говорить о герояхъ, о томъ, какъ относились къ нимъ люди и какую они играли роль; о томъ, что я называю почитаніемъ героевъ и героическимъ въ человѣческихъ дѣлахъ». Изъ этой тирады ясно, что Карлейль думаетъ установить самое понятіе «героя», а затѣмъ, съ одной стороны, желаетъ выяснить роль героевъ въ исторіи, съ другой же — какъ смотрѣло на героевъ человѣчество. Постараемся показать, какъ англійскій поэтъ-мыслитель отвѣчаетъ на эти вопросы. Итакъ, что такое герой? Герой—это человѣкъ «достаточно мудрый, чтобы опредѣлить потребности времени, достаточно отважный, чтобы провести его прямою дорогой къ цѣли». Роль героя въ исторіи необычайно важна: «всемірная исторія, исторія того, что человѣкъ совершилъ въ этомъ мірѣ, есть, по моему разумѣнію, въ сущности исторія великихъ людей, потрудившихся здѣсь, на землѣ. Они, эти великіе люди, были вождями человѣчества, образователями, образцами и въ широкомъ смыслѣ творцами всего того, что вся масса людей стремилась вообще осуществить, чего она хотѣла достигнуть; все содѣянное въ этомъ мірѣ представляетъ въ сущности внѣшній матеріальный результатъ, практическую реализацію и воплощеніе мыслей, принадлежавшихъ великимъ людямъ, посланнымъ въ этотъ міръ. Исторія этихъ послѣднихъ представляетъ поистинѣ душу всей міровой исторіи». Уже изъ этого мѣста ясно, что, по мнѣнію Карлейля, исторія создается героями и что, слѣдовательно, мнѣніе, считающее героевъ за продуктъ исторической жизни народа, ложно. И дѣйствительно по всему разбираемому труду разсѣяны самыя рѣзкія выходки противъ послѣдняго мнѣнія. Вотъ одна изъ нихъ, прекрасно характеризующая Карлейлеву манеру поражать своихъ противниковъ. «Я хорошо знаю, что въ настоящее время почитаніе героевъ признается уже культомъ отжившимъ, окончательно прекратившимъ свое существованіе... Покажите нашимъ критикамъ великаго

человѣка, напримѣръ, Лютера, и они начнутъ съ такъ называемаго ими «объясненія»; они не преклонятся передъ нимъ, а примутся измѣрять его и найдутъ, что онъ принадлежитъ къ людямъ мелкой породы! Онъ былъ «продуктомъ своего времени», скажутъ они. Время вызвало его, время сдѣлало все, онъ же не сдѣлалъ ничего такого, чего бы мы, маленькіе критики, не могли также сдѣлать! Жалкій трудъ, по моему мнѣнію, представляетъ такая критика. Время вызвало? Увы, мы знаемъ времена, довольно громко призывавшія своего человѣка, но не обрѣтавшія его! Его не оказывалось налицо, Провидѣніе не посылало его... Я сравниваю пошлыя и безжизненныя времена съ ихъ безвѣріемъ, бѣдствіями, замѣшательствами, съ ихъ сомнѣвающимся и нерѣшительнымъ характеромъ, съ ихъ затруднительными обстоятельствами...—все это сравниваю я съ сухимъ, мертвымъ лѣсомъ, ожидающимъ лишь молніи съ неба, которая воспламенила бы его. Великій человѣкъ съ его свободной силой, исходящей прямо изъ рукъ Божіихъ, есть молнія. Все воспламеняется вокругъ этого человѣка и все пылаетъ огнемъ, подобнымъ его собственному... Не можетъ человѣкъ болѣе печальнымъ образомъ засвидѣтельствовать свое ничтожество, какъ высказать невѣріе въ великаго человѣка». Мы пока воздержимся отъ возраженій противъ такого взгляда на героевъ не потому, чтобы мы боялись, «печальнымъ образомъ засвидѣтельствовать свое ничтожество», а просто потому, что объ этомъ будетъ удобнѣе поговорить нѣсколько ниже. Теперь же мы скажемъ кое-что о томъ, что именно, по мнѣнію Карлейля, сдѣлали герои разныхъ типовъ, и какъ отнеслось къ нимъ человѣчество за ихъ дѣянія. Прежде всего выступаетъ передъ нами герой, какъ божество, въ лицѣ скандинавскаго Одина. Одинъ, утверждаетъ Карлейль, былъ реальной личностью, нѣкогда жившимъ человѣкомъ, который съумѣлъ оформить смутное обожаніе природы, царившее въ душахъ его соплеменниковъ. Такимъ образомъ, онъ удовлетворилъ одной изъ насущнѣйшихъ потребностей человѣка—вѣрить во что нибудь опредѣленное, и благодарное потомство почтило его за такое благодѣяніе, признавъ его сверхъестественнымъ существомъ, богомъ. Такова же приблизительно была и роль Магомета, съ той только разницей, что арабы въ его время были гораздо культурнѣе одиновскихъ скандинавовъ и имѣли уже нѣкоторую религію, хотя и весьма несовершенную. Проповѣдь Магомета обновила ихъ, вдохнула въ нихъ неудержимую энергію и выдвинула на міровую сцену. Дѣло Магомета также являлось въ глазахъ его послѣдователей превышающимъ силы обыкновеннаго смертнаго, но за бога они уже не могли счесть его именно въ силу своей нѣкоторой культурности и удовольствовались возведеніемъ его въ пророка, ближайшаго, непосредственнаго провозвѣстника божественной воли. Еще дальше двигалось культурное развитіе человѣчества, еще шире и глубже вмѣстѣ съ тѣмъ становилось понятіе о божествѣ, все труднѣе и труднѣе дѣлалось герою приблизиться къ божеству, и вотъ герой почитается уже не какъ богъ, не какъ пророкъ, а какъ поэтъ, пастырь, писатель, вождь. Но всѣ эти различныя названія нисколько не измѣняютъ сущности дѣла герой остается попрежнему тѣмъ же самымъ—человѣкомъ, открывающимъ новые широкіе горизонты, указывающимъ невѣдомыя дотолѣ цѣли и твердо ведущимъ людей къ достиженію этихъ идеаловъ, этихъ цѣлей, такъ что пророкъ, поэтъ, божество, пастырь, писатель, вождь—это все лишь различные ярлыки, наклеенные на одно и то же вино: самое вино нисколько не измѣняется отъ того, какой ярлыкъ наклеенъ на бутылку.

Вотъ основныя мысли разбираемой книги Карлейля. Онѣ проходятъ красной нитью черезъ всѣ шесть бесѣдъ и постоянно повторяются съ незначительными варіантами. Въ такую канву вплетены яркія и художественныя характеристики тѣхъ лицъ, которыя были уже указаны выше. Но всѣ эти характеристики крайне односторонни, всѣ онѣ подогнаны именно подъ основную идею бесѣдъ и, кромѣ того, давая такой портретъ того или другаго героя, онѣ не даютъ его біографіи—недостатокъ, разумѣется, весьма существенный и имѣющій довольно очевидную причину: только незначительное количество фактовъ могло пригодиться для подтвержденія идей Карлейля, а остальные, съ его точки зрѣнія, были излишни. Тутъ будетъ умѣстно поднять вопросъ о достоинствѣ этихъ идей, ради которыхъ Карлейль не дорисовалъ портретовъ героевъ, упоминаемыхъ имъ въ своей книгѣ, и тѣмъ значительно уменьшилъ ея цѣнность. (Это тѣмъ досаднѣе, что Карлейль былъ мастеръ давать блестящія характеристики историческихъ дѣятелей, какъ онъ это доказалъ своими біографіями Шиллера, Віорнса и другихъ). Г. Яковенко въ своемъ предисловіи, которое онъ довольно претенціозно именуетъ статьей о Карлейлѣ, весьма яро защищаетъ взгляды англійскаго писателя и обрушивается съ неистовыми выходками на В. Р. Зотова и профессора Н. И. Карѣева, которые позволили себѣ усомниться въ истинности его воззрѣній. Главный пунктъ, возбудившій бурный гнѣвъ г. Яковенка, состоитъ въ томъ, что профессоръ Н. И. Карѣевъ вздумалъ приложить къ Карлейлю научно-историческую мѣрку, и съ этой точки зрѣнія Карлейль оказался неспособнымъ выдержать прикосновенія научной аргументаціи. Если это такъ, то и слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что разбираемая книга Карлейля научной цѣнности не имѣетъ. Однако, г. Яковенко умозаключилъ нѣсколько иначе: наука не сходится въ своихъ выводахъ съ Карлейлемъ, слѣдовательно, наука есть нѣчто педантически-безжизненное, и всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ признать ее чѣмъ-то никуда негоднымъ. Вотъ это странно. Можетъ быть, наука и въ самомъ дѣлѣ такая пустая побрякушка, только для такого свирѣпаго приговора не мѣшало бы привести господину переводчику побольше резоновъ, а то вѣдь какъ же быть: неужели повѣрить ему на слово и такъ-таки ни съ того, ни съ сего и втоптать въ грязь всѣ плоды человѣческаго ума? Намъ кажется, что г. Яковенко напрасно обидѣлъ бѣдную науку: ему можно было выйти изъ затруднительнаго положенія и безъ столь необычайнаго парадокса. Вѣдь Гомеръ ничего не потерялъ изъ того, что теперь никто не признаетъ существованія одноглазыхъ циклоповъ, Толстой останется геніемъ, что бы ни говорили про его философію въ «Войнѣ и мирѣ». Стóитъ только признать Карлейля поэтомъ, и тогда станетъ вполнѣ ясно его великое значеніе: поэтическій языкъ, роскошные образы, высоко-художественныя характеристики, прекрасныя, глубокія, вѣрныя мысли, разсѣянныя попутно въ изобиліи по всему его труду, никогда не выдохнутся, никогда не потеряютъ своего значенія и на долгое, долгое время обезпечатъ Карлейлю широкій кругъ читателей. Въ вѣрности такой точки зрѣнія убѣдится всякій, кто только возьмется за книгу Карлейля. Въ ней вы не найдете ни научныхъ изысканій, ни строго логичнаго хода мысли, ни стройныхъ, систематическихъ доказательствъ той или иной мысли, того или иного положенія—нѣтъ! Но зато съ первыхъ же строкъ васъ обдастъ сладкій ароматъ поэзіи и очаруетъ увлекательное, горячее, вдохновенное творчество. Вотъ въ чемъ великая

мощь Карлейля, а не въ научныхъ достоинствахъ его труда. Вотъ почему онъ и черезъ полвѣка не выдохся, а сохранилъ всю свѣжесть новизны, не потерялъ ни атома своего обаянія, а остался также привлекателенъ и драгоцѣненъ, какъ былъ въ первый моментъ своего творчества. Мало того, чтеніе Карлейля можетъ имѣть и великіе практическіе результаты: какъ пѣсни Тиртея заставляли лакедемонянъ отваживаться на славные боевые подвиги, такъ и восторженные диѳирамбы англійскаго поэта въ честь людей, ознаменовавшихъ своей дѣятельностью величайшія эпохи человѣческой исторіи, могутъ пробудить отъ глубокаго сна силы, которыя теперь глохнутъ, не слыша ни откуда вдохновеннаго зова къ дѣятельности—вѣдь воспиталъ же Карлейль въ Англіи цѣлое поколѣніе энергичныхъ общественныхъ дѣятелей. Неужели же всего этого мало для того, чтобы и самого Карлейля причислить къ сонму героевъ-писателей? Что же касается до утвержденія, будто герои дѣлаютъ исторію, а не наоборотъ, то, чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ на культъ Петра Великаго, вѣра въ творчество котораго была заподозрѣна еще въ серединѣ нашего вѣка, подорвана извѣстными чтеніями С. М. Соловьева и поражена на нашихъ глазахъ, благодаря талантливому изслѣдованію П. И. Милюкова, печатающемуся теперь въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Та же участь постигаетъ и другихъ героевъ. Поэтъ, конечно, пожалѣетъ объ этомъ, но противъ фактовъ идти нельзя: какъ ни какъ, а приходится повѣрить въ закономѣрность исторической жизни народовъ и въ безсиліе отдѣльныхъ личностей радикально измѣнить этотъ ходъ.

Однимъ словомъ, мы должны признать, что съ научной точки зрѣнія трудъ Карлейля лишенъ всякаго значенія, да такую мѣрку къ нему даже и прилагать невозможно. Зато Карлейль, какъ поэтъ-мыслитель, стоитъ несомнѣнно высоко, и книга его въ этомъ отношеніи является великимъ произведеніемъ. С. А—въ.

Старое житье. Очерки и разсказы о бывшихъ въ отшедшее время обрядахъ, обычаяхъ и порядкахъ въ устройствѣ домашней и общественной жизни. М. И. Пыляева. Спб. 1892.

М. И. Пыляевъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ многочисленныхъ статей преимущественно о старомъ русскомъ бытѣ. Составленныя имъ книги «Старый Петербургъ», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» и «Старая Москва» имѣли успѣхъ и нашли обширный кругъ читателей, потому что вполнѣ удовлетворяли вкусу публики, знакомя ее съ прошлой жизнью предковъ въ легкой, анекдотической формѣ изложенія. Спеціалисты не безъ основанія упрекаютъ г. Пыляева въ томъ, что въ изслѣдованіяхъ его нѣтъ ни системы, ни критики, что онъ включаетъ въ нихъ все, что попадается подъ руку, безъ всякой повѣрки, и гонится болѣе всего за разнообразіемъ и анекдотичностью, нежели за достовѣрностью приводимыхъ имъ свѣдѣній. Но публика въ эти тонкости не входитъ, и авторъ подкупаетъ ее простотой и занимательностью своего разсказа. Въ новое свое изданіе, заглавіе котораго приведено выше, г. Пыляевъ помѣстилъ нѣсколько статей, напечатанныхъ имъ раньше въ журналахъ. Это новое изданіе отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и предыдущія. Тру-

долюбивый и начитанный авторъ собралъ, безъ особенно тщательной про вѣрки и даже почти безъ указаній на источники заимствованій, массу разнородныхъ свѣдѣній, касающихся прежняго быта, и представилъ пеструю мозаику, по которой читатель можетъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ ѣли наши предки, въ какія азартныя игры они играли, какъ франтили, одѣвались, веселились и т. п., какъ проводилъ свой день генералиссимусъ Суворовъ, какіе юродивые и пустосвяты пользовались извѣстностью и, наконецъ, какіе замѣчательные колокола существовали и существуютъ въ Россіи. Все это разсказано очень занимательно, и мы не сомнѣваемся, что и эта новая книга г. Пыляева будетъ имѣть такой же успѣхъ, какой выпалъ на долю его прежнихъ сочиненій. С. Ш.

Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова (съ портретомъ и біографіей). Подъ редакціей Г. Н. Потанина. Спб. 1892.

Недавно появилась книга, въ которой собраны труды одного ученаго оріенталиста по спеціальности и по происхожденію, бурята Дорджи Банзарова. Въ свое время этотъ бурятъ произвелъ большую сенсацію въ ученомъ мірѣ и возбудилъ великія надежды, благодаря своимъ статьямъ и изслѣдованіямъ о прошломъ монголовъ. Теперь труды Банзарова нѣсколько устарѣли, изученіе избраннаго имъ предмета далеко подвинулось впередъ, тѣмъ не менѣе изданіе этихъ трудовъ въ одномъ сборникѣ дѣло полезное, потому, вопервыхъ, что они давно уже сдѣлались библіографической рѣдкостью, потому, вовторыхъ, что этимъ путемъ можно прослѣдить постепенное развитіе мыслей ученаго, его совершенствованіе, можно оцѣнить его значеніе въ данной спеціальности. Въ книгѣ помѣщена біографія Банзарова, живо и интересно изложенная Г. Н. Потанинымъ.

Бурятъ съ высшимъ европейскимъ образованіемъ, владѣвшій, кромѣ природнаго языка, еще русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, бурятъ выдающихся способностей, усвоившій всѣ научные пріемы западной науки,— это дѣйствительно необыкновенное явленіе. При поддержкѣ и при благопріятныхъ условіяхъ онъ могъ бы занять мѣсто въ ряду лучшихъ оріенталистовъ русскихъ и европейскихъ; но этого не случилось, потому что мы какъ-то не умѣемъ той или другой полезности дать подходящее ей мѣсто. Странная была судьба Банзарова. По призванію онъ былъ истинный ученый, а ему добыли мѣсто чиновника для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, чтобы производить слѣдствія и дознанія разнаго рода, къ чему не имѣлъ онъ не только никакого расположенія, но и достаточной подготовки. Человѣкъ сбился съ пути, запилъ и погибъ. А между тѣмъ тотъ же Банзаровъ, пристроенный къ ученой дѣятельности и командированный на Востокъ же, но съ другимъ порученіемъ, могъ бы оказать большую услугу востоковѣдѣнію. И странно, что ни Казанскій университетъ, гдѣ тогда процвѣтали восточные языки, ни академія наукъ, содѣйствовавшая въ то время развитію у насъ монголовѣдѣнія, не воспользовались необыкновенными дарованіями Банзарова. А вѣдь не лишній же онъ былъ! По нашимъ тѣснымъ связямъ съ Востокомъ у насъ не можетъ быть лишнихъ оріенталистовъ. Или онъ не подходилъ къ извѣстной нормѣ, къ опредѣленнымъ рамкамъ? Можетъ быть. Но мы думаемъ, что привиллегированныя

дисциплины не должны закрывать путь и другимъ, если не столь виднымъ, то всеже важнымъ въ общей связи съ ними, такъ какъ наука представляетъ одно цѣлое. Намъ кажется, что всякій труженикъ, съ пользою занимающійся какимъ либо необычнымъ предметомъ, положимъ, языкомъ тибетскимъ или малайскимъ, египтологіей или ассиріологіей, долженъ находить поддержку, хотя бы и внѣ правилъ и сверхъ штатовъ; ему слѣдуетъ доставить возможность работать производительно въ данной области. Двѣ-три тысячи въ годъ Россію не разорятъ, а русская наука оттого выиграетъ. Нашелся ученый, занявшійся разработкой корейскаго языка (мы не выходимъ изъ круга востоковѣдѣнія), ему надо оказать поддержку, не созидая спеціальной каѳедры и не отвергая его по отсутствію этой каѳедры. Такая поддержка могла бы оказываться академіей наукъ. Польза была бы несомнѣнна и устранилось бы многое ненормальное въ области нашихъ знаній. Теперь у насъ нѣтъ ни одного финнолога изъ русскихъ; а почему? да просто потому, что съ занятіями такого рода пропадешь.

До какой степени условія обстановки отражаются на человѣкѣ, можно видѣть на томъ же Банзаровѣ. Въ концѣ 1847 года онъ пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ и здѣсь живо заинтересовался событіями, совершавшимися на западѣ, бредилъ новыми тогда идеями, однимъ словомъ изображалъ настоящаго европейца только съ нѣсколько странною физіогноміею. Но стоило лишь ему уѣхать въ монгольскія степи, какъ всѣ его увлеченія моментально исчезли, и въ немъ воскресъ самый заправскій бурятъ.

Н. Веселовскій.

Толкователь газетъ и журналовъ. Составилъ учитель И. К. Ганъ. Вильна. 1892.

Книжечка, которую г. Ганъ называетъ «толкователемъ», или «справочной книжкой для читателей періодическихъ изданій», многихъ можетъ заинтересовать своимъ заглавіемъ, но по содержанію она ничего изъ себя не представляетъ. Перелистывая ея странички, вы прежде всего наталкиваетесь на извлеченія изъ устава о цензурѣ и печати; затѣмъ ни съ того, ни съ сего перечисляются важнѣйшія иностранныя государства, начиная съ Австро-Венгріи, съ таковымъ описаніемъ: «Монархія. Состоитъ изъ двухъ частей: Цислейтавіи (собственно Австріи) и Транслейтаніи (Венгерское королевство). Оба государства имѣютъ общаго государя и общую армію. Въ отдѣльности у каждаго есть свое правительство, свое министерство и свой парламентъ» и т. д. Поименовывается и то, что столица Австріи—Вѣна, Венгріи—Буда-Пештъ; въ обѣихъ столицахъ издаются газеты, и въ заключеніе сказано, что гульденъ=100 крейцерамъ=61²/₁₀ коп. Такимъ же образомъ, болѣе годнымъ для дѣтскихъ сюрпризовъ, описаны у г. Гана Америка, Англія, Германія и т. д. Въ концѣ книжки помѣщены объясненія нѣсколькихъ наиболѣе употребляемыхъ въ прессѣ иностранныхъ словъ на каждую букву русскаго алфавита, и за весь этотъ мусоръ назначена цѣна 25 коп. Это немного... Но, если вспомнить, что «Толкователь газетъ и журналовъ» предназначается г. Ганомъ для простаго народа, среди котораго за послѣднее время распространяются періодическія изданія, то, конечно, придется пожалѣть и 25 коп. за наборъ безсвязныхъ словъ и свѣдѣній.

А. Фаресовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Изъ конфиденціальныхъ писемъ Мерси-Аржанто: черный кабинетъ во Франціи и пріемы дипломатіи XVIII вѣка; шпіонство, окружавшее Марію-Антуанетту.—Отчего зависѣла франко-прусская война?—Новыя разоблаченія о болѣзни Наполеона III.—Изъ исторіи мѣховъ.

Изъ конфиденціальныхъ писемъ Мерси-Аржанто.

А и донесенія, отправлявшіяся изъ Парижа въ Вѣну въ
комъ столѣтія графомъ Мерси-Аржанто, австрійскимъ по-
икомъ при дворѣ Людвика XVI, представляютъ большой ин-
ь для желающихъ ознакомиться съ періодомъ времени передъ
узской революціей. Особенно любопытна конфиденціальная
иска этого дипломата съ императоромъ Іосифомъ II и кня-
Кауницемъ. О первомъ томѣ ея у насъ была рѣчь въ нашей
ѣ о Маріи-Антуанеттѣ. Теперь вышелъ второй томъ («Cor-
ndance secrète du Comte de Mercy-Argenteau avec l'empe-
Joseph II et le prince de Kaunitz, publiée par M. le chevlіaer
eth et M. J. Flammermont. Tome second. Paris. Imprimerie
nale), обнимающій собой періодъ времени отъ 1786 г. до
ины Іосифа II (1790 г.). Въ приложеніи помѣщены письма
, между 1766 и 1780 гг. къ Іосифу и его канцлеру. Тутъ
же прибавленъ и біографическій очеркъ Мерси-Аржанто.

Графъ Мерси (род. 1727 г.) происходилъ изъ старинной бельгійской фамиліи. Отецъ его умеръ фельдмаршаломъ, а сынъ пошелъ по дипломатической карьерѣ. Въ 1752 г. онъ уже находился на службѣ въ Парижѣ подъ начальствомъ Кауница. Потомъ графъ Мерси былъ представителемъ императрицы Маріи—Терезіи въ Туринѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и, наконецъ, съ 1766 г. получилъ назначеніе австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ проводникомъ и выразителемъ излюбленной идеи Кауница —франко-

австрійскаго союза. Графъ Мерси жилъ въ столицѣ Франціи на широкую ногу. Онъ былъ очень богатъ. Владѣя графствомъ въ Лотарингіи, онъ въ обезпеченіе наслѣдственныхъ правъ долженъ былъ сдѣлаться французскимъ гражданиномъ, что ему вполнѣ удалось, хотя онъ остался на службѣ австрійскаго императора.

Графу приходилось много работать надъ своими письмами и донесеніями. Дипломаты въ то время должны были писать гораздо больше, чѣмъ теперь. Телеграфовъ не было, а почтой пользоваться было не совсѣмъ удобно. И къ услугамъ дипломатіи предоставлялись курьеры для охраненія ея тайнъ. Каждый мѣсяцъ курьеръ пріѣзжалъ изъ Вѣны въ Парижъ съ пакетами и оттуда отвозилъ донесенія посланника въ Вѣну. На проѣздъ этого пути курьеръ тратилъ 11 дней, проживалъ нѣсколько дней въ Парижѣ, затѣмъ 11 дней ѣхалъ изъ Парижа въ Вѣну, и такимъ образомъ проходилъ цѣлый мѣсяцъ, пока получался отвѣтъ на какой нибудь запросъ. Само собою разумѣется, такія промедленія не оставались безъ вліянія на объемъ донесеній. Чѣмъ длиннѣе была дорога, тѣмъ длиннѣе были дипломатическія депеши. Нѣкоторыя изъ донесеній Мерси занимаютъ по 80 страницъ. Сверхъ того, онъ велъ такъ называемую тайную переписку. Рядомъ съ офиціальными донесеніями Марія-Терезія желала имѣть отъ своихъ уполномоченныхъ особыя конфиденціальныя сообщенія о томъ и о семъ. Она желаетъ этого не изъ недовѣрчивости,—поясняетъ Кауницъ въ письмѣ къ Мерси,—а для своего удовольствія, и этого невиннаго развлеченія онъ не хочетъ лишить ее, но проситъ, чтобъ посланникъ ему сообщалъ краткія извлеченія изъ этой тайной переписки. Въ періодъ двойственнаго правительства въ Австріи, конечно, и Іосифъ получалъ тѣ же извѣстія, такъ что переписка велась безъ конца. Наконецъ, въ техникѣ такой дипломатической службы извѣстную роль играла и почта. Важныя извѣстія не могли ей ввѣряться. Черный кабинетъ, или, какъ говорилось въ Версалѣ, «Тайна короля», вскрывалъ всякое письмо, и чиновники этого темнаго учрежденія были такъ ловки, что дешифрировали всякаго рода тайный шрифтъ.

Но какъ обойти это препятствіе, когда Людовикъ XV ежедневно удовлетворялъ свое любопытство чужой перепиской?

Мерси прибѣгалъ къ такому пріему. Онъ не разъ въ своихъ донесеніяхъ, отправленныхъ по почтѣ, писалъ какъ разъ противоположное тому, что значилось въ его письмахъ, посланныхъ съ курьеромъ. Дипломатія пользовалась почтой, чтобы распространять ложь, чтобы вводить въ заблужденіе французское правительство, а иногда, конечно, и для того, чтобы довести до свѣдѣнія короля какую нибудь непріятную истину.

Когда разслабленный монархъ запутался въ силкахъ Дюбарри, и весь Версальскій дворъ совѣщался о томъ, какъ бы избавиться отъ этого женскаго вліянія, испанскій посланникъ взялъ да и написалъ своему правительству обстоятельное донесеніе о всемъ, что дѣлалось въ Версалѣ, и отправилъ свое посланіе по почтѣ. На другой же день король узналъ все. Это, однако, нисколько не помѣшало ему продолжать скандалъ открыто.

Въ тѣ времена каждый могъ похитить тайну у другаго, и едва ли тогда можно было скрыть что бы то ни было. Даже депеши тайныхъ курьеровъ не были обезпечены отъ лазутчиковъ, даже въ дворцовыхъ канцеляріяхъ сидѣли предатели. Съ удивленіемъ замѣчаетъ графъ Мерси, что французскій посланникъ въ Вѣнѣ зачастую сообщалъ версальскому министру о содер-

жанія депешъ Мерси дословно, тогда какъ, съ другой стороны, австрійскій посланникъ тоже добывалъ точныя свѣдѣнія о тайныхъ рѣшеніяхъ французскаго правительства. Подкупы царили повсюду. Особенно чистоплотнымъ ремесломъ политика никогда не была, а всего менѣе въ тѣ времена, и кто желалъ имѣть успѣхъ, какъ дипломатъ, тому приходилось подкупать лакеевъ, давать взятки чиновникамъ, одурачивать курьеровъ.

Еще труднѣе стала служба для Мерси, когда дофинъ (впослѣдствіи Людовикъ XVI) женился на Маріи-Антуанеттѣ. Іосифъ II требовалъ болѣе общаго содержанія политическихъ донесеній, а Марія-Терезія желала имѣть свѣдѣнія о каждомъ шагѣ своей дочери въ Версалѣ. «Я,—писалъ посланникъ австрійской императрицѣ—приставилъ къ г-жѣ эрцгерцогинѣ трехъ лицъ: одна изъ ея фрейлинъ и два камердинера сообщаютъ мнѣ точно о всемъ, что происходитъ внутри дворца. Изо-дня въ день я получаю свѣдѣнія о бесѣдахъ эрцгерцогини съ абатомъ де-Вермонъ, отъ котораго она ничего не скрываетъ; черезъ маркизу Дюрфоръ узнаю все, даже пустяки, какіе говорятся у королевскихъ принцессъ, и располагаю еще другими людьми и средствами, чтобъ провѣдать о томъ, что дѣлается у короля, когда у него бываетъ супруга дофина. Такимъ образомъ, нѣтъ ни единаго часа въ днѣ, когда я не могъ бы узнать о томъ, что сказала, сдѣлала и слышала г-жа эрцгерцогиня». Это была цѣлая сѣть шпіонства и выслѣживанія, какой окружали молодую женщину по желанію ея матери. Мерси старался только о томъ, чтобы материнскія распеканціи и братскія увѣщанія по адресу Маріи-Антуанетты не были чересчуръ рѣзкими.

Намѣреніе вѣнскаго кабинета ясно: хотѣлось управлять Франціей изъ Вѣны. Это намѣреніе, конечно, не высказывается открыто, и графъ Мерси пускаетъ въ дѣло всю свою ловкость, чтобы хозяйничать въ Версальскомъ кабинетѣ и въ то же время отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ томъ, что онъ, непризванный, вторгается въ чужія дѣла. Слабому королю Людовику XVI старались предоставить только кажущуюся независимость: король де пусть управляетъ Франціей, а королева должна управлять королемъ. Но какъ же королева можетъ вліять на короля, пока она не сдѣлалась матерью, пока король остается равнодушенъ къ королевѣ. Вотъ почему австрійскій посланникъ въ своихъ донесеніяхъ такъ сильно озабоченъ тайнами алькова Людовика XVI. «Le mariage n'est pas encore consommé!»—эта жалоба повторяется каждый мѣсяцъ. Молодая женщина скучаетъ, и скука толкаетъ ее въ пучину развлеченій—она посѣщаетъ маскарады, театръ, полъ-ночи просиживаетъ за карточнымъ столомъ, тогда какъ ея тяжеловѣсный супругъ, послѣ обильнаго объѣдѣнія и возліяній, которыя иногда влекли за собой «des absences de raison», предается одинокому сну вдали отъ придворныхъ развлеченій.

Наконецъ, супруги сживаются, и Мерси получаетъ возможность донести о «ночныхъ бесѣдахъ», при которыхъ королева съ королемъ разговариваютъ не только о серьезныхъ матеріяхъ, но и о предметахъ легкомыслія. Эти супружескія бесѣды, какъ полагаетъ графъ, слѣдуетъ эксплоатировать методически и систематически. Бѣдная королева! Политика преслѣдуетъ ее даже въ спальнѣ, а когда она впервые сдѣлалась матерью (1778 г.),—и въ дѣтской. Къ несчастью, однако, политика скучна, и потому королева избѣгаетъ ея, какъ только можетъ. Всѣ представленія посланника и присылавшіяся изъ Вѣны письма съ увѣщаніями быстро забывались ею въ по-

гонѣ за развлеченіями. Въ этой молодой женщинѣ постепенно происходила внутренняя борьба между разсудительностью и болѣзнью скуки. Невольно беретъ состраданіе, когда знакомишся съ подробностями этой борьбы.

Въ Вѣнскомъ дворцѣ были очень недовольны королевой за то, что она не пользуется своимъ вліяніемъ на короля. Только Кауницъ оставался спокойнымъ. Онъ, по его словамъ, единственный разъ въ своей жизни бесѣдовалъ съ эрцгерцогиней не болѣе четверти часа и былъ очарованъ ея любезностью, но скоро понялъ, что въ политическомъ отношеніи ожидать отъ нея было нечего. Онъ называетъ ее «mauvais payeur», плохой должникъ, отъ котораго надо брать то, что только можно вытянуть. Излечить ее отъ этого равнодушія къ политикѣ могъ бы только какой нибудь ударъ судьбы, «quelque bonne catastrophe».

Цѣлительная катастрофа! Она не заставила себя ждать, но ударъ хватилъ сильнѣе, чѣмъ ожидалъ Кауницъ. Пришло время, когда увѣщанія графа Мерси не вели ни къ чему, такъ какъ было слишкомъ поздно. И онъ предвѣщаетъ катастрофу раньше, чѣмъ она наступила. Сперва онъ опасался только наступленія тяжелаго кризиса, государственнаго банкротства или ему подобнаго, но вскорѣ онъ заявляетъ, что состояніе безнадежное, что монархію спасти нельзя. Ежегодный дефицитъ достигаетъ 160 милліоновъ франковъ, два милліарда долговъ сдѣлано въ правленіе Людовика XVI.

Король проливаетъ слезы объ этомъ платежѣ, но предоставляетъ все на произволъ судьбы. Королева стала совсѣмъ другою, ея характеръ закалился въ несчастьѣ, она во всемъ старается ввести экономію, помышляетъ о коренномъ преобразованіи правительственной системы, побѣждаетъ свои личныя антипатіи, какъ скоро онѣ могутъ служить къ ущербу общаго блага, призываетъ на помощь Неккера, отказывается отъ всего, что ей до сихъ поръ дѣлало жизнь пріятной и веселой, но все это оказывается слишкомъ поздно. Революція проложила себѣ дорогу.

Мерси остается другомъ и совѣтникомъ Маріи-Антуанетты, но уже опасается слишкомъ частыми посѣщеніями затруднить положеніе королевы, ибо вниманіе австрійскаго посла дѣлало еще ненавистнѣе французамъ «австріячку».

Тутъ умираетъ императоръ Іосифъ II (1790 г.). Новаго австрійскаго императора, хотя онъ ей братъ, королева французовъ едва знаетъ. Іосифъ былъ ближе ея сердцу. И Леопольдъ вскорѣ назначаетъ и отправляетъ Мерси въ Голландію и Бельгію. Австрійскій посланникъ, проведшій почти четверть вѣка въ Парижѣ, не безъ охоты удаляется съ своего поста, такъ какъ для человѣка, любившаго спокойствіе, Парижъ сдѣлался адомъ. Всѣ парижскія бури онъ наблюдалъ издали. Умеръ онъ въ Лондонѣ, въ 1794 г., куда былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ.

— **Отчего зависѣла франко-прусская война?—Болѣзнь Наполеона III.** На эту тему въ парижской печати не перестаютъ появляться все новыя разоблаченія, причемъ постоянно выдвигается на сцену излюбленная гипотеза въ такомъ родѣ: знай Наполеонъ III въ 1870 г., что онъ тяжко боленъ, онъ, быть можетъ, по сіе время занималъ бы императорскій тронъ во Франціи. Такое заключеніе вытекаетъ и изъ нижеслѣдующаго разсказа «Gaulois».

Въ іюлѣ 1870 г., за нѣсколько дней до объявленія войны, собрались въ Тюльери медицинскія знаменитости Парижа и послѣ долгаго совѣщанія

констатировали, что императоръ страдаетъ каменной болѣзнью и что операція оказывается настоятельно необходимой. Это резюме врачей было занесено въ протоколъ. Но послѣдній тщательно скрывался и отъ Наполеона III, и отъ его министровъ. Только подъ стѣнами Меца, когда императоръ мучился отъ невыносимыхъ болей, онъ узналъ всю истину о своемъ состояніи. «Никогда,—говорилъ онъ потомъ, находясь въ изгнаніи,—никогда я бы не далъ себя вовлечь въ бездну, если бы я зналъ, что я такъ тяжко боленъ». Также и Эмиль Оливье заявлялъ потомъ: «клянусь, что ни мои коллеги, ни я, не знали о болѣзни императора. Если бы мы знали, мы бы удержали императора въ Парижѣ и не допустили бы, чтобъ онъ принялъ на себя командованіе арміей. Сущее преступленіе, что скрывали подъ спудомъ документъ, который могъ имѣть несомнѣнное вліяніе на рѣшенія правительства». На утро послѣ кончины Наполеона III среди другихъ бумагъ нашли и протоколъ консультаціи, написанный Жерменомъ Сэ и подписанный имъ однимъ, хотя діагнозъ и совѣты для лѣченія болѣзни были установлены нѣсколькими спеціалистами сообща. Сэ поручилъ доктору К. собрать подписи врачей, участвовавшихъ въ консультаціи. Но подписей не удалось собрать, ибо д-ръ Нелатонъ, къ которому обратился К., отказался дать подпись, а его примѣру послѣдовали и прочіе спеціалисты. Нелатонъ же привелъ такой аргументъ въ пользу своего отказа: онъ боялся, что въ случаѣ приведенія въ извѣстность діагноза, его, Нелатона, пригласятъ дѣлать операцію, и послѣдняя могла оказаться столь же неудачной, какъ и та, которую онъ годомъ раньше производилъ надъ маршаломъ Ніелемъ.

Съ другой стороны разсказываютъ про такую сцену, разыгравшуюся въ покояхъ Наполеона III черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти. Принцъ Наполеонъ нашелъ въ бумагахъ отца помянутый протоколъ и остолбенѣлъ отъ изумленія. Докторъ К. стоялъ тутъ же въ углу комнаты. Принцъ накинулся на него:

— Какъ же ты скрылъ такой важный документъ?

— Съ вами нельзя говорить,—сказалъ докторъ:—вы слишкомъ разгорячены.

— Но говори же! Это надо выяснить.

— Я показывалъ протоколъ тому, кого это касалось, и вполнѣ во время.

— И что же тебѣ отвѣтили?

— Кто сказалъ *а*, тотъ долженъ сказать и *б*.

Этими нѣсколько темными намеками д-ръ К., вопреки вышеприведенной версіи, далъ понять, что императоръ зналъ о протоколѣ и не хотѣлъ уже подчиняться рѣшенію врачей. Но первая версія (боязнь отвѣтственности со стороны докторовъ), всетаки, кажется правдоподобнѣе, особенно въ виду коментарія, только-что напечатаннаго по поводу этой исторіи отъ лица самого д-ра Жерменя Сэ. Вотъ сущность этого любопытнаго заявленія. 20 іюня 1870 г. профессоръ Сэ, никогда раньше не приглашавшійся императоромъ, былъ привезенъ въ дворецъ Сенъ-Клу въ экипажѣ полицейскаго префекта. Никто, кромѣ императрицы, ничего не зналъ, зачѣмъ привезли Сэ. Послѣдній изслѣдовалъ паціента цѣлый часъ. Говорили, что Наполеонъ III страдаетъ болѣзнью сердца. Профессоръ же убѣдился, что ничего подобнаго не было на лицо, и что настоящій корень болѣзни искали не тамъ, гдѣ слѣдовало. «Государь, не можете ли вы вкратцѣ изложить исторію вашего образа жизни съ 1864 г.?»—спросилъ Сэ. Императоръ удивленно взглянулъ на него

и сказалъ: «Вы угадали. Именно съ 1864 г. я боленъ. Не вспомнили ли вы о приключеніи, случившемся съ нами въ Невшателѣ? Я, императрица, принцесса Анна Мюратъ и г-жа Кареттъ утромъ поѣхали на могилу моей матери, какъ вдругъ лошади бросились въ сторону и вывалили насъ на улицу. Всѣ мы получили ушибы... Въ тѣ дни я былъ очень боленъ, долженъ былъ лежать, и къ тому времени относится мое первое кровотеченіе».—«А сколько разъ было у васъ кровотеченіе?»—«Четыре».—«Безъ сомнѣнія, вы сообщали эти подробности Нелатону и Рикору? Онѣ весьма важны».—«Я ничего никому не говорилъ объ этомъ».

Сэ объявилъ, что консультація необходима. Императоръ согласился на нее. И 1-го іюля въ 8 час. утра въ квартирѣ д-ра Конно собрался консиліумъ, въ которомъ участвовали Сэ, Нелатонъ, Рикоръ и врачи, состоявшіе при императорѣ — Корвизаръ, Форе и Конно. Совѣщались три часа. «Мм. гг.,—сказалъ Сэ, — я здѣсь самый младшій. Прошу слова и беру его. Мой діагнозъ не долгъ: у императора камень». Всѣ стали подавать свои мнѣнія. Корвизаръ стоялъ за катаръ, Форе — за нарывъ. Но Сэ остался при своемъ мнѣніи и привелъ доказательства въ его пользу. Результатомъ этого спора было то, что всѣ, не исключая Корвизара и Форе, согласились съ нимъ. «Теперь, — сказалъ Сэ, — остается одно: немедленно сдѣлать операцію императору». Рикоръ поддержалъ это мнѣніе. Но Нелатонъ и слышать не хотѣлъ объ операціи. Форе и Корвизаръ стали на его сторону. «Вы понимаете ли, — пояснилъ онъ, — нельзя же съ императоромъ поступить, какъ со всякимъ обыкновеннымъ больнымъ». Нелатонъ отвелъ въ сторону Сэ и прибавилъ: «Подумайте только, какую отвѣтственность мы беремъ на себя!» — «А мнѣ все равно, — отвѣтилъ Сэ.—Уже полгода назадъ слѣдовало сдѣлать операцію. Дѣло идетъ о больномъ, у котораго обнаружились опасные симптомы. Выбирать не изъ чего. Есть только одно средство, и его необходимо немедленно примѣнить». И Рикоръ сказалъ: «Завтра, 2-го іюля, долженъ быть введенъ зондъ. Я вамъ не даю срока дольше, какъ послѣзавтра». Пришлось прибѣгать къ голосованію. Только Сэ и Рикоръ настоятельно требовали операціи. Всѣ прочіе высказались за отсрочку ея. «Пусть пройдетъ лѣто,—сказалъ Нелатонъ,—въ сентябрѣ мы тамъ увидимъ». Такимъ образомъ зондированіе и операція отлагались въ долгій ящикъ. Сэ было поручено составить протоколъ консультаціи, и затѣмъ рѣшили, чтобъ д-ръ Конно собралъ подписи къ протоколу и показалъ его императору и императрицѣ. 3-го іюля документъ, написанный самимъ Сэ, находился въ рукахъ Конно. Но подписей консультировавшихъ докторовъ на немъ не было, о чемъ Сэ узналъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Наполеону III стали извѣстны эти факты только на цѣлый годъ позже, именно въ то время, когда англійскій хирургъ Томсонъ взялся произвести у него раздробленіе камня. О результатѣ врачебнаго консиліума Конно не сообщилъ въ свое время даже императрицѣ.

— Изъ исторіи мѣховъ. Древнѣйшіе обитатели холодныхъ странъ, убивъ звѣря, пользовались его шкурой, изготовляя себѣ изъ нея теплыя одежды. Первоначально при этомъ мягкая волосяная сторона обращалась внутрь, а мяздра шла наружу, являя собою не особенно эстетическое зрѣлище для посторонняго глаза, тѣмъ болѣе, что искусство дубленія тогда не было еще извѣстно.

Утонченность нравовъ, если такъ можно выразиться, вскорѣ вызвала

измѣненіе моды среди безъискусственныхъ дѣтей природы. Стали носить звѣриныя шкуры мѣхомъ кверху, а жесткой, довольно неблаговонной мяздрой къ тѣлу. Такимъ образомъ, нужда породила изобрѣтеніе дубленія.

На сѣверъ отъ Гудзонова залива, а также и въ другихъ странахъ, которыхъ не коснулась культура, и до сихъ поръ встрѣчаются племена, совершенно незнакомыя съ дубленіемъ и носящія звѣриныя шкуры въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ содраны съ убитыхъ звѣрей.

Съ другой стороны, напротивъ, встрѣчаются столь же дикія народности, которыя, однако, до извѣстной степени уже обработываютъ звѣриныя шкуры, употребляемыя ими для одежды. Это обстоятельство указываетъ на зачатки дубленія современныхъ цивилизованныхъ народовъ, ибо наблюденіе нравовъ и обычаевъ дикарей наводитъ на многія картины изъ образа жизни древнѣйшихъ европейскихъ народовъ. Въ древнѣйшія времена одежды грековъ и римлянъ точно также состояли изъ сшитыхъ мѣховъ, которые они употребляли даже для постелей. И достигшіе высшей культуры ихъ потомки, желая подчеркнуть происхожденіе свое отъ своихъ прадѣдовъ, указывали на употребленіе мѣховъ въ то время, ибо въ періодъ процвѣтанія римской культуры одни только бѣдняки носили еще мѣховыя одежды, остальные одѣвались въ шерстяныя, полотняныя и бумажныя ткани. Вмѣсто того, чтобы, въ случаѣ сильныхъ холодовъ, кутаться въ неуклюжія мѣховыя шубы, они предпочитали надѣвать на себя по четыре шерстяныя туники одну на другую. Марціалъ осмѣивалъ римскихъ щеголей, у которыхъ считалось шикомъ зимою надѣвать сразу по нѣсколько пышныхъ одеждъ.

Въ древнемъ Израилѣ мѣховыя одежды носили только пророки, что можно прослѣдить по Ветхому Завѣту, напримѣръ, въ книгѣ Захаріи, 13, 4.

Въ III столѣтіи мѣховыя платья вдругъ снова вошли въ моду у римлянъ. Эту моду занесли къ нимъ германцы, оказавшіеся при вступленіи въ Римскую имперію далеко не такими «варварами», какими обыкновенно ихъ считаютъ. Нѣкоторые нравы и обычаи сѣверныхъ чужестранцевъ очень даже понравились тонкообразованнымъ римлянамъ, и они стали имъ подражать.

Въ глазахъ молодыхъ римлянокъ богатыя и красивыя мѣховыя одежды бѣлокурыхъ воиновъ имѣли особенный успѣхъ. Изъ бобровыхъ, медвѣжьихъ, рысьихъ, волчьихъ и другихъ нѣжныхъ, превосходныхъ мѣховъ, добывавшихся въ изобиліи любителями охоты въ темныхъ первобытныхъ лѣсахъ, германцы умѣли не только изготовлять себѣ прекрасныя одежды для защиты отъ бурь и непогоды, но владѣли также искусствомъ шить изъ нихъ нарядныя платья, которыя украшали ихъ мощныя фигуры. Даже на боевыхъ коней своихъ накидывали они мѣховыя попоны, щиты ихъ также нерѣдко были обтянуты мѣхомъ и обиты металлическими пряжками.

Съ особеннымъ вниманіемъ относится обыкновенно народъ къ разработкѣ предметовъ ему потребныхъ. Подобно тому, какъ въ настоящее время Россія щеголяетъ кожевеннымъ производствомъ, выдѣлкой юфти, такъ же точно щеголяли германцы выдѣлкой мѣховъ. И подобно тому, какъ въ наше время Россія славится великолѣпными мѣхами, не меньшій фуроръ произвели въ тѣ времена въ Римѣ сыны нѣмецкихъ первобытныхъ лѣсовъ.

Римскіе франты бредили тонкими мѣхами, которые быстро сдѣлались главнымъ предметомъ роскоши и одновременно съ тѣмъ и торговли. Высокая цѣна мѣховъ, вслѣдствіе ихъ рѣдкости, дѣлала этотъ товаръ доступ-

нымъ лишь для привиллегированныхъ классовъ, что также много способствовало распространенію этой моды. Римляне того періода вознесли мѣха на тронъ. У германцевъ же, съ распространеніемъ другихъ болѣе легкихъ тканей для платья, мѣхъ стали употреблять исключительно на выпушку.

По словамъ древнихъ историковъ, у гунновъ и готовъ, одежды изъ дорогихъ и рѣдкихъ мѣховъ считались при княжескихъ дворахъ преимущественнымъ признакомъ благороднаго происхожденія. Римляне стали и въ этомъ подражать имъ. На этомъ основаніи императоръ Гонорій въ 397 г. запретилъ въ Римѣ и окрестностяхъ его носить заграничные мѣха; этой привилегіей пользовались только лица, принадлежавшія къ императорскому двору. Вторичное подтвержденіе этого запрещенія въ послѣдующіе годы доказываетъ, между прочимъ, на сколько римскіе богачи гнались за пышными и дорогими нарядами.

Тертуліанъ возставалъ противъ женскихъ костюмовъ, роскошно украшенныхъ иноземными мѣхами. И римскіе патріоты горячо поддерживали его.

Въ виду преимущественнаго права придворныхъ носить мѣха, готское посольство, напримѣръ, не смѣло явиться къ императору въ своихъ мѣстныхъ костюмахъ; члены его должны были переодѣться въ римскія одежды. Римъ велъ торговлю мѣхами не только съ сѣверомъ, но также и съ Персіей, уже знакомой съ искусствомъ окраски мѣховъ. Но главнымъ поставщикомъ, во всякомъ случаѣ, является сѣверъ. Шведы доставляли въ Римъ превосходные мѣха, проходившіе, однако, до мѣста своего назначенія черезъ многія руки. Мѣха считались излюбленнымъ предметомъ мѣновой торговли. Мѣхами уплачивались даже контрибуціи. Такъ, напримѣръ, около 862 года славянскіе народы, должны были платить дань бѣличьими и куньими мѣхами. Особеннымъ успѣхомъ пользовались бобры, ласки, куницы, горностаи и соболи.

Начиная съ XI вѣка чернобурые лисьи мѣха вошли въ большую моду. Во Франціи высоко цѣнились испанскіе и итальянскіе кошачьи мѣха. Въ XII вѣкѣ упоминаются уже окрашенные въ красную краску овечьи мѣха и горностай.

Въ средніе вѣка было весьма распространено обыкновеніе отдѣлывать мѣхомъ шелковыя и бархатныя нарядныя одежды. Придворные Карла Великаго подвергались съ его стороны многимъ насмѣшкамъ по поводу ихъ изящныхъ восточныхъ мѣховъ, ибо самъ онъ носилъ всегда платье изъ овечьяго мѣха или выдры. Горностаевое боа его дочери цѣнилось весьма высоко.

Военныя полукафтанья, надѣвавшіеся рыцарями въ торжественныхъ случаяхъ, обыкновенно обшивались богатой мѣховой опушкой. Монархи также любили украшать свои торжественныя одежды простой и вмѣстѣ съ тѣмъ благородной мѣховой отдѣлкой. Ихъ герольды точно также охотно облачались въ нарядные мѣховые костюмы въ то время, какъ оруженосецъ несъ передъ ними гербъ. Вотъ почему старинные царственные гербы часто изображаются на фонѣ изъ горностая или другихъ какихъ либо дорогихъ мѣховъ. Люди того періода, заказывавшіе свои портреты, часто позировали въ мѣховыхъ одеждахъ, придававшихъ оригиналу портрета видъ знатной, богатой особы. Образчиковъ такихъ портретовъ изъ той эпохи очень много. Напоминаемъ собственный портретъ Альбрехта Дюрера.

Мѣховыя перчатки были уже тогда въ употребленіи у монаховъ. Онѣ назывались muffulae и по сей день существуютъ подъ видомъ дамскихъ

муфтъ. По валлійскимъ законамъ X вѣка, шкура быка, оленя, лисицы, волка или выдры стоила въ восемъ разъ дороже барашковаго или козьяго мѣха. Боберъ цѣнился даже въ сто двадцать разъ дороже.

Въ періодъ крестовыхъ походовъ, при Константинопольскомъ дворѣ мѣха утратили уже значеніе парадныхъ платьевъ, ибо императоръ Алексѣй въ 1096 году пришелъ въ великое изумленіе при видѣ военныхъ полукафтановъ съ мѣховой опушкой Готфрида Бульонскаго и его крестовыхъ рыцарей. Когда войско крестоносцевъ было разбито въ 1187 году при Тиверіи, грабившіе христіанскій лагерь сельджуки съ особенной жадностью набрасывались на тонкій мѣховой товаръ, представлявшій тогда рѣдкостную добычу.

Щегольство дорогими мѣхами въ то время было очень распространено. Предводители четвертаго крестоваго похода Филиппъ II французскій и Ричардъ I, король англійскій, вынуждены были запретить своимъ рыцарямъ ношеніе горностая. А Эдуардъ III, король англійскій, издалъ даже въ 1336 году законъ, согласно которому мѣховыя одежды разрѣшались только лицамъ, имѣвшимъ не менѣе ста фунтовъ стерлинговъ годового дохода.

Въ 1497 году издано было подобное же запрещеніе постановленіемъ Линдаускаго имперскаго сейма. Никому внѣ дворянскаго и рыцарскаго сословія не разрѣшались одежды съ горностаевой или соболіей подбивкой. Однако, въ 1530 и 1548 годахъ воспрещеніе это пришлось возобновить: «простые бюргеры, ремесленники и мелочные торговцы» не имѣютъ права носить платья, опушенныя мѣхомъ, а также бобровыхъ, куньихъ мѣховъ, и должны довольствоваться подбивкой для платья изъ лисицы, хорька, мерлушки. «Купцамъ и ремесленникамъ» воспрещены соболь и горностай, самое большее, что имъ разрѣшается, это—подбивка изъ куньихъ шеекъ. Однако, жены ихъ имѣли право носить бѣличьи мѣха высокаго достоинства. «Графамъ и дворянамъ» разрѣшались всѣ мѣха, за исключеніемъ соболя и горностая.

Съ тридцатилѣтней войны, всякая мѣховая роскошь въ Германіи прекратилась сама собой, чему много способствовало возвышеніе цѣнъ на мѣховой товаръ. Въ началѣ XVI столѣтія въ самой Россіи за шубы изъ чернобурыхъ лисицъ высшей доброты платили по шестисотъ и по тысячѣ рублей.

Такимъ образомъ мѣхъ пережилъ различныя измѣненія въ исторіи моды. Явившись самой первой и первобытной одеждой человѣка, потомъ заброшенный, затѣмъ снова вошедшій въ моду, побывавъ параднымъ костюмомъ, пышной одеждой и предметомъ роскоши, вызвавшимъ на себя veto,— въ наше время мѣхъ представляетъ собою не что иное, какъ прекрасное, грѣющее зимнее платье, практическое значеніе котораго цѣнится главнымъ образомъ, причемъ въ смыслѣ моды и роскоши на долю его отводится весьма незначительная роль.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Нѣмецкія научныя изслѣдованія Россіи.—Польское населеніе и Сибирская желѣзная дорога.—Сухумъ-Кале и Змѣиный островъ.—Штунда.—Русское искусство въ нѣмецкой оцѣнкѣ.—Воспоминанія 70-ти-лѣтней институтки придворной дамы.—Четвертый томъ мемуаровъ Талейрана.—Поѣздка англичанина въ Индію черезъ Персію и Белуджистанъ.

ПЕРВЫХЪ нумерахъ журнала «Нѣмецкое обозрѣніе географіи и статистики» за нынѣшній годъ и въ послѣднихъ—за прошлый помѣщено нѣсколько статей, относящихся къ Россіи и отличающихся если не безусловною точностью данныхъ, то добросовѣстнымъ изученіемъ предмета и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Г. Пецетъ написалъ изслѣдованіе о статистикѣ русско-польскаго населенія (Russisch-polnische Bevölkerungsstatistik). Изслѣдованія касаются только царства Польскаго и основаны на офиціальныхъ данныхъ, собранныхъ профессоромъ Симоненко и статистикомъ Варачемъ. Свѣдѣнія о польскомъ населеніи, пограничномъ съ Австріей и Германіей, собраны Закржевскимъ и помѣщены въ польской газетѣ «Край». Это населеніе простирается до 8.256,562 человѣкъ. Это же число вошло и въ Готскій альманахъ, но нѣмецкій журналъ не считаетъ его точнымъ, такъ какъ общины вписали въ свои списки всѣхъ постоянныхъ жителей въ данной мѣстности, а многіе изъ нихъ во время переписи были въ отсутствіи, и число это доходило до 8,3 процента. Среднее число жителей въ царствѣ Польскомъ 65 на квадратный километръ, подходитъ къ Венгріи, гдѣ ихъ считается 54, и къ Франціи, гдѣ число это доходитъ до 72-хъ, но меньше показаннаго въ 1890 году въ Галиціи—80-ти. Пецетъ забываетъ, однако, при этомъ, что австрійцы причисляютъ къ галицкимъ полякамъ множество русскихъ. Гуще всего населеніе въ Варшавской, Люблинской, Петроковской и Калишской губерніи, въ фабричныхъ округахъ и угольныхъ копяхъ. Въ царствѣ 114 городовъ и 1,286 общинныхъ округовъ. Число не постоянно

живущихъ въ краѣ доходитъ до 746,460-ти, и въ томъ числѣ 92,295 иностранцевъ. Австрійскій авторъ обращаетъ особенное вниманіе на это число, такое значительное, «не смотря на всѣ старанія администраціи обрусить пришельцевъ». «Стѣснительныя мѣры не позволяютъ имъ добывать средствъ къ жизни и принуждаютъ принять русское подданство». Когда правительсво ограждаетъ своихъ подданныхъ отъ эксплуатаціи иноземцами, это называется стѣсненіемъ. А какъ же назвать мѣры, какія еще недавно употреблялъ Висмаркъ, насильно выселяя изъ Познани польское населеніе? Особенное вниманіе обращаетъ Пецетъ и на евреевъ въ царствѣ. Онъ считаетъ ихъ въ 1.134,278 человѣкъ, хотя это число, очевидно, гораздо ниже дѣйствительной цифры. Въ самой Варшавѣ евреи составляютъ двѣ пятыхъ общаго населенія. Въ 1816 году въ царствѣ было 92 процента христіанъ и 8 проц. евреевъ, въ 1846 г. уже 12 на 88, а въ 1886 г. 17 на 83. Въ Варшавѣ въ 1816 году было 81 проц. христіанъ и 19 евреевъ, теперь 60—и 40. Въ другихъ городахъ этотъ процентъ еще значительнѣе: въ Влодавѣ 82, въ Тересполѣ 92 проц. евреевъ. Православныхъ въ царствѣ не болѣе 5 проц.; только въ Грубешовѣ, и Бялой они составляютъ двѣ трети общаго населенія. Всѣ эти цифры, хотя и чуждыя, по словамъ автора, всякихъ политическихъ тенденцій, нуждаются, однако, въ провѣркѣ и не сходятся съ данными русскихъ источниковъ.

— Родерихъ Эркертъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ обстоятельное описаніе Сибирской желѣзной дороги (Die sibirische Eisenbahn) съ картою, на основаніи изслѣдованія Волошинова. Авторъ говоритъ, что проэктъ этой дороги возбуждаетъ интересъ во всемъ культурномъ мірѣ, и приводитъ сначала цифры населенія Сибири, гдѣ на квадратную версту приходится въ Тобольской губерніи 1,1 житель, въ Томской 1,6, въ Енисейской 0,2, въ Иркутской 0,6, въ Забайкальѣ 1, на Амурѣ 0,2, въ Приморской области 0,6. Въ этой области до 100,000 населенія, тогда какъ въ южной Манджуріи десять милліоновъ (не много ли?). Значеніе сибирской дороги, по мнѣнію автора, очень важно для перевозки добываемаго въ Сибири золота—до 60,000 пудовъ на сумму въ 1 миліардъ 200 милліоновъ, причемъ изъ ста пудовъ золотого песку добывается менѣе золотника метала. Чаю изъ Китая привозится до двухъ милліоновъ пудовъ. Цифры эти кажутся гадательны, также какъ и разсчеты о количествѣ товаровъ, провозимыхъ отъ Тюмени до Томска и потомъ до Иркутска. Отъ Байкала путь идетъ на Читу и Срѣтенскъ до Амура, по которому 45 плохихъ пароходовъ возятъ грузъ по дорогой цѣнѣ. Владивостокъ и Южноуссурійскій край почти совершенно отдѣлены даже отъ Амурской области. Соединеніе Европейской Россіи съ Тихимъ океаномъ и транзитъ черезъ громадныя пространства, конечно, желательны, но какихъ суммъ это потребуетъ? 7,000 верстъ отъ Міассы до Владивостока будутъ стоитъ до 340 милліоновъ и если начнутъ работать съ разныхъ концовъ, дорогу можно выстроить даже въ шесть лѣтъ съ перерывами на водяныхъ путяхъ. Авторъ сожалѣетъ, что въ проектѣ дороги Казань оставлена въ сторонѣ, тогда какъ путь отъ нея на Екатеринбургъ былъ бы прямой и болѣе выгодный, но отъ этого города уже есть желѣзная дорога на Пермь, соединить которую съ Нижнимъ Новгородомъ ближе, чѣмъ отъ него вести дорогу на Казань и Екатеринбургъ.

— Въ послѣдней книжкѣ этого же журнала—двѣ статьи, относящіяся къ Россіи: одна представляетъ обширное изслѣдованіе области Сухумъ-Кале (Das Gebiet von Suchum-Kaleh) съ прекрасно раскрашенною картою и двумя

видами: церкви близъ Люкне и развалинъ Драндійскаго монастыря. Рисунки дѣлалъ авторъ статьи, Карлъ Греве, бывшій на Кавказѣ лѣтомъ 1890 года, по порученію московскаго Общества акклиматизаціи. Онъ высадился въ Пицундѣ, Питіосъ Страбона, получившемъ свое названіе отъ приморской сосны (погречески—pitys). Еще Плиній упоминаетъ объ этой богатой милетской колоніи, процвѣтавшей отъ VI до VIII столѣтія. Нынѣшній Сухумъ-Кале возникъ изъ развалинъ только въ 1878 году. Онъ выстроился на плоскомъ болотистомъ берегу, простирающемся на сѣверъ до Пицунды, на юго-востокъ до устья Кодора. Въ городѣ теперь всего 2,300 жителей, считая и войска. Коренное населеніе, мингрельцы и абхазцы, живетъ за городомъ, въ горахъ, но днемъ толпится на базарѣ. Растительность здѣсь роскошная, но низменное положеніе города развиваетъ лихорадки. Христіане лечатся отъ нихъ хининомъ, мусульмане—стихами корана. Лѣтомъ здѣсь температура—42° Цельзія, въ январѣ—6°. Зимою часто свирѣпствуетъ бора—сильный сѣверный вѣтеръ. Авторъ подробно описываетъ географическое положеніе округа, составленнаго изъ Абхазіи, Самурзакани и Цебельды, называетъ всѣ горные хребты и вершины и самыя незначительныя рѣчки. Видно, что онъ все изслѣдовалъ обстоятельно. О флорѣ и фаунѣ страны говоритъ онъ гораздо меньше. Статья оканчивается историческимъ обзоромъ прошлаго страны. Мѣстами видны слѣды значительной торговли, которую она вела сначала съ греками, потомъ съ генуэзцами. Но на мѣстѣ города Діоскуріи, лежавшаго близъ Келасура, теперь жалкая деревушка Цхурц-ха. Страбонъ насчитывалъ на этомъ берегу до 70 торговыхъ мѣстечекъ. Находятъ еще не мало колхидскихъ и діоскурійскихъ монетъ. Много разбросано вездѣ развалинъ, особенно древнихъ церквей. Абхазія принадлежала нѣкогда князьямъ (ахупамъ) Шервашидзе, персидскаго происхожденія. Въ 1455 году турки овладѣли страною, разорили ее, и на мѣстѣ богатаго города возникло незначительное мѣстечко Цехами, гдѣ производилась торговля рабами. Въ 1678 году на этомъ мѣстѣ султанъ Мурадъ выстроилъ крѣпость Сухумъ. Арабскія и османскія надписи и памятники этой эпохи встрѣчаются въ городѣ и теперь. Возобновленная въ 1725-мъ крѣпость въ 1810 году была взята русскими, но во время Крымской войны занята турками, вслѣдствіе измѣны князя Михаила Шервашидзе, передавшагося непріятелю. Въ 1877 году городъ перешелъ опять во власть турокъ, былъ почти совершенно разрушенъ возставшими абхазцами и только послѣ взятія предводителя возстанія Джириба Морхани началъ снова отстроиваться.

— Въ послѣдней статьѣ описанъ «Змѣиный островъ на Черномъ морѣ» (Die Schlangeninsel im Schwarzen Meer), извѣстный еще древнимъ грекамъ подъ именемъ Бѣлаго острова, Λευκὴ νῆσος. Этотъ островъ лежитъ въ 24-хъ морскихъ миляхъ отъ Сулинскаго устья Дуная, имѣлъ когда-то храмъ, посвященный Ахиллу, который, по преданію, здѣсь и погребенъ, отчего и самый островъ называли также Ахилловымъ. Турки называютъ его Джилан-Адасси, нынѣшніе греки—Фидонасси—Змѣиный островъ. Въ немъ всего четыре километра въ окружности, поднимается онъ надъ морскимъ уровнемъ на 40 метровъ, имѣетъ почти квадратную форму. Почва его известковая съ кварцовыми валунами и роговикомъ; окруженъ онъ скалами и подводными камнями, плаваніе между которыми не безопасно. На островѣ только одно зданіе—высокій маякъ, освѣщающій путь въ устьѣ Сулины. Въ расщелинахъ скалъ гнѣздится множество чаекъ, въ высокой травѣ, по-

крывающей почву, громадное число змѣй изъ породы Tesselatus, блестящаго черкаго цвѣта, достигающихъ 125 сантиметровъ длины. Начальникъ русской экспедиціи Демидовъ говоритъ, что эти змѣи ловятъ въ водѣ рыбъ, но нѣмецкій путешественникъ Кольберматенъ, описывающій островъ, находитъ это извѣстіе невѣроятнымъ и утверждаетъ, что змѣи охотятся за неоперившимися чайками и отыскиваютъ въ трещинахъ скалъ птичьи яйца, которыми и питаются. По берегамъ острова, кромѣ южной части его, видны слѣды старинныхъ каменныхъ укрѣпленій, въ которыхъ румыны производили въ прежнее время раскопки. Но теперь нельзя указать и мѣста, гдѣ былъ храмъ Ахилла. Двѣ древнія разрушенныя цистерны отстоятъ далеко одна отъ другой и не могли принадлежать къ храму. Маякъ вышиною въ 23 метра, поднимается на 63 метра надъ уровнемъ моря; при немъ пять сто рожей. Видъ его и карта острова помѣщены въ статьѣ.

— Въ журналѣ «Magazin für Litteratur» Верхсгагенъ напечаталъ изслѣдованіе о штундизмѣ въ Россіи (Der Stundismus in Russland). Статья наполнена, конечно, злобными и даже грубыми выходками противъ Россіи. Самыя желчныя обвиненія въ преслѣдованіи штунды и за одно ужъ лютеранской церкви въ Балтійскихъ провинціяхъ падаютъ на оберъ-прокурора синода. Мѣры, принимаемыя противъ распростаненія секты, называются на чисто нѣмецкомъ языкѣ: «schikanös wie brutal». Авторъ называетъ штунду безвреднымъ, нравственнымъ и чистымъ ученіемъ и говоритъ, что ее преслѣдуютъ «огнемъ и мечомъ». Происхожденіе этой секты онъ выводитъ отъ виртембергскихъ приверженцевъ штунды «Stundengängern». Швабскіе піетисты, переселившіеся въ Россію, принесли туда и свои ученія, вскорѣ послѣ уничтоженія крѣпостничества. Въ Швабіи молитвы на дому многіе предпочитаютъ молитвамъ въ церкви. На точное исполненіе штундистами своихъ обязанностей всегда можно положиться, поэтому ихъ охотно принимаютъ на службу по желѣзнымъ дорогамъ. У сектантовъ нѣтъ ни священниковъ, ни установленной божественной службы; на сходкахъ послѣ чтенія библіи объясняетъ прочитанное тотъ, кто обладаетъ даромъ краснорѣчія и убѣжденія. Соблюдая тѣлесную чистоту, они вступаютъ въ бракъ 16—18 лѣтъ. Вино, табакъ, танцы, игры, строго запрещаются; безусловное повиновеніе родителямъ обязательно. Слѣдуя евангелическо-реформатскимъ принципамъ, они называютъ себя библейскими христіанами въ противоположность христіанамъ церковнымъ. Въ то же время авторъ сознается, что штундисты склонны къ нигилизму, но доходя въ своемъ фантастическомъ описаніи гоненій, какимъ они подвергаются, до крайнихъ предѣловъ, всетаки не приводитъ ни одного имени, ни одного случая жестокаго наказанія и говоритъ только, что сектантовъ доводятъ почти до смерти, да и тутъ ссылается на книгу «Die russischen Sektiren», вышедшую въ Лейпцигѣ въ прошломъ году, какъ будто безъименный памфлетъ можетъ служить какимъ нибудь авторитетомъ.

— Другая статья того же журнала говоритъ о русскомъ искуствѣ (Von russischen Kunst). Она начинается съ того, что судить объ немъ очень трудно, такъ какъ въ немъ очень много противорѣчій. Объ немъ нельзя выразить общаго мнѣнія, но нельзя не удивляться его «варварской силѣ», хотя ему не достаетъ образованія и вкуса. Но, всетаки, и тутъ являются замѣчательныя, тонкія и умѣренныя произведенія, не отличающіяся странностями. Но руссофилы находятъ, что такія произведенія—иностраннаго происхожденія, и сожалѣютъ, что они лишены національнаго характера.

Русское искусство, по мнѣнію нѣмецкаго критика, отличается двумя крайностями: слѣпымъ обезьянствомъ (Nachäffung) иностранныхъ образцовъ и неуклюжимъ бездарнымъ творчествомъ собственной фантазіи. Европейское искусство дѣйствуетъ солидарно: одинъ народъ заимствуетъ у другого лучшіе пріемы, придавая имъ только національный колоритъ. Русскіе не слѣдуютъ этому правилу: у нихъ только хорошіе копировальщики и плохіе оригиналы. Только въ русской архитектурѣ «съ ея остроконечными башенками» (?) замѣтна оригинальность, тогда какъ въ Европѣ архитектура вообще въ упадкѣ. Скульптура не имѣетъ вовсе отличительнаго характера, и произведенія Орловскаго, Клодта, Лаверецкаго, Каменскаго, Микѣшина и Опекушина не отличаются ничѣмъ особеннымъ. Лучшая статуя Петра I работы француза. Живопись на парижской выставкѣ имѣла весьма слабыхъ представителей. Критикъ называетъ только картины Башкирцевой, то-есть тѣ, что были всего слабѣе. Въ собраніяхъ нашего Эрмитажа нѣмецъ не видитъ ничего хорошаго. Слѣды національной изобрѣтательности проявляются на выставкахъ передвижныхъ и въ академіи. Тайны техники не знакомы русскимъ художникамъ. Угрюмовъ названъ тощею копіею Корнеліуса, Брюловъ—безжизненнымъ. «Мѣдный змѣй» Бруни замѣчателенъ только по огромному размѣру картины; Егоровъ плохой колористъ; у Щедрина есть энергія, Айвазовскій отличается яркимъ бурнымъ колоритомъ. Истиннымъ художникомъ критикъ признаетъ одного Маковскаго и у него только одну картину—«Танецъ нимфъ», въ которой, однако, видитъ «нѣмую печаль народа, его безплодную безнадежность—отличительное свойство этой расы». Мы приводимъ всѣ эти странныя сужденія въ подтвержденіе того, что не только въ политикѣ, въ международныхъ отношеніяхъ, въ экономической жизни, нѣмцы стараются представить насъ какимъ-то отверженнымъ, безпомощнымъ народомъ, бездарнымъ въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ. И это стремленіе ярко высказывается во всѣхъ статьяхъ, касающихся Россіи, по всякому поводу, во всякое время. И потомъ эта зазнавшаяся, выродившаяся, огрубѣвшая нація удивляется, почему ее никто не любитъ!

— Въ русскомъ искусствѣ нѣмецъ нашелъ только одного художника, но не выставляетъ для сравненія съ нимъ ни одного выдающагося нѣмецкаго живописца, да ихъ и нѣтъ теперь. А посмотрите, какія у нихъ выходятъ по временамъ литературно-научныя сочиненія. Вотъ книга, вышедшая въ короткое время вторымъ изданіемъ и заслужившая похвальные и почетные отзывы всей печати. Называется она «При пяти короляхъ и трехъ императорахъ» (Unter fünf Königen und drei Keisern). Въ самомъ заглавіи видно уже шарлатанство, такъ какъ въ книгѣ говорится только о пяти короляхъ, изъ которыхъ трое были императорами. Конечно, и объ нихъ можно было разсказать много интереснаго, но авторъ, старая дама, въ заголовкѣ книги предупреждаетъ, что это воспоминанія не политическія. Все-таки, Текла фонъ-Шоберъ, рожденная фон-Гумпертъ, жила при дворѣ больше пятидесяти лѣтъ и могла бы сообщить много интереснаго объ этой жизни и о лицахъ, являвшихся на ступеняхъ трона, а между тѣмъ, чѣмъ же наполнены 350 страницъ книги, изданной роскошно со множествомъ рисунковъ, виньетокъ и автографовъ, изображающихъ родственниковъ автора и близкихъ ей лицъ, нисколько не заслуживающихъ того, чтобы остаться въ исторіи, не сдѣлавшихъ ровно ничего замѣчательнаго ни въ общественной, ни даже въ своей частной жизни.

Книга посвящена императрицѣ и королевѣ Августѣ-Викторіи. Въ предисловіи говорится, что когда сочинительница окончила свои воспоминанія, у нея невольно родилась мысль: «эта книга принадлежитъ императрицѣ», но она не осмѣливалась просить позволенія посвятить книгу ея величеству, такъ какъ императрица недавно приняла посвященіе другой книги автора «Альбомъ дочери». Но потомъ «возъимѣла смѣлость представить книгу» и получила разрѣшеніе на посвященіе. Затѣмъ слѣдуетъ предисловіе ко второму изданію: «Съ тѣхъ поръ, какъ книга, заключающая въ себѣ мои воспоминанія, явилась на книжномъ рынкѣ, прошло такъ мало времени, что мнѣ нечего сказать о второмъ изданіи». Послѣ этихъ наивно-комическихъ строкъ слѣдуютъ 33 главы воспоминаній: о познанскомъ намѣстникѣ князѣ Радзивиллѣ и его семействѣ, объ эпохѣ «сальныхъ свѣчей», то-есть о тридцатыхъ годахъ, о жизни при Радзивиллахъ въ Берлинѣ въ сороковыхъ годахъ, о сочиненіяхъ автора, о знакомыхъ профессорахъ и писателяхъ, о супругѣ сочинительницы Францѣ Шоберѣ, о княгиняхъ Чарторыскихъ, о жизни при прусскомъ дворѣ въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Все это разсказывается съ такими наивными пріемами, что не упомяни писательница, что ей 70 лѣтъ, можно было бы подумать, что эти воспоминанія пишетъ 14-ти-лѣтняя институтка. Есть, впрочемъ, и такія дамы, которыя умираютъ въ глубокой старости съ институтскимъ взглядомъ на вещи. Вся книга наполнена такими пустыми, неинтересными подробностями, что непроходимая скука одолѣваетъ русскаго читателя. Не говоря уже о короляхъ, императорахъ, всѣ родные и близкіе автора—люди, одаренные необыкновенными дарованіями, блестящими талантами, супругъ сочинительницы—просто геній. Но что всего невыносимѣе въ книгѣ—это переполненіе ея стихами автора и его присныхъ, до того плохими и неуклюжими, что одолѣть ихъ нѣтъ никакой возможности. Мѣстами приводятся рисунки разныхъ княженъ Радзивиллъ, изображающихъ, какъ «ручей два древа раздѣляетъ», и тому подобные богатые сюжеты. И это все, что госпожа Шоберъ нашла нужнымъ передать потомству о своей пятидесятилѣтней жизни при пяти короляхъ. И невзыскательная нѣмецкая публика восторгается чтеніемъ этой книги во второмъ изданіи. Можно удивляться, но не завидовать тѣмъ, кто довольствуется подобными воспоминаніями.

— Появленіе четвертаго тома записокъ Талейрана (Mémoires du prince de Talleyrand) прошло незамѣченнымъ въ литературномъ мірѣ—до того всѣ разочаровались въ ихъ интересѣ. Вышедшій нынѣ томъ въ 500 страницъ обнимаетъ собою событія 1831 и 1832 годовъ, когда Талейранъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ, хлопоталъ о признаніи Бельгійскаго королевства и объ устройствѣ дѣлъ Франціи. Весь томъ наполненъ официальными бумагами, дипломатическими нотами, перепискою министровъ иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти документы, хотя и важны для исторіи, представляютъ сырой матеріалъ, съ которымъ можно познакомиться и въ государственныхъ архивахъ и музеяхъ, и не стоило наполнять ими цѣлые томы мемуаровъ. Еще нѣсколько болѣе интересны переговоры о кандидатурѣ на бельгійскій престолъ, на который Россія предлагала члена Нассаусскаго дома, другія державы—герцога Лейхтенбергскаго, принца Оттона Баварскаго, которымъ потомъ подарили Грецію, и др. Но вся дальнѣйшая бельгійская исторія не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго. Объ этой эпохѣ вышелъ недавно болѣе серьезный трудъ Паллена, гдѣ приведены всѣ важнѣйшіе документы,

цитируемые и Талейраномъ, но нѣтъ лишнихъ дипломатическихъ депешъ и писемъ, не служащихъ къ разъясненію хода дѣлъ, какими наполнены всѣ томы мемуаровъ. Въ какой мѣрѣ они изуродованы первымъ его редакторомъ, Бакуромъ, обличеннымъ въ утайкѣ и искаженіи многихъ важныхъ документовъ, объ этомъ умалчиваетъ ихъ второй редакторъ, герцогъ Брольи, добавившій къ запискамъ свои примѣчанія, которыя всѣ состоятъ изъ однихъ сухихъ біографическихъ свѣдѣній о разныхъ лицахъ, упоминаемыхъ Талейраномъ. Есть въ приложеніи нѣсколько интимныхъ писемъ принцесы Аделаиды; интимность эта также политическая и относится къ занятію французами Анконы и къ сожалѣніямъ Луи Филиппа, что герцогъ Немурскій не попалъ въ бельгійскіе короли. Все это, если бы явилось въ печати въ шестидесятыхъ годахъ, какъ завѣщалъ Талейранъ, могло бы еще имѣть значеніе если не интереса, то новости, но съ тѣхъ поръ явилось уже столько изслѣдованій этой эпохи, что всѣ документы, сообщаемые забытымъ дипломатомъ, кажутся излишними и запоздалыми.

— Какъ въ древности всѣ пути вели къ Риму, такъ англичанамъ кажется, что теперь всѣ пути ведутъ въ Индію. Поэтому ихъ особенно интересуетъ изслѣдованіе, какою дорогою удобнѣе добраться до индійской границы, напримѣръ, изъ Россіи. Недавно они сдѣлали хотя и неудачную рекогносцировку самаго неудобнаго пути черезъ нашъ Памиръ. Теперь англичанинъ Виндтъ намѣренъ былъ изъ Тифлиса проѣхать черезъ Каспій по Закаспійской дорогѣ въ Бухару и оттуда по Афганистану въ Кабулъ и Индію. Но на Кавказѣ Виндту сказали, что позволеніе слѣдовать этой дорогой можно получить только отъ военнаго министра въ Петербургѣ. Поэтому англичанинъ долженъ былъ довольствоваться дорогой черезъ Персію отъ сѣвера къ югу, захвативъ небольшую часть Келата. Плодомъ этого путешествія явилась книга: «Поѣздка въ Индію черезъ Персію и Белуджистанъ» (A ride to India across Persia and Baluchistan). Прежде всего Виндтъ жалуется на неудобства путей по азіатскимъ дорогамъ въ зимнее время, потомъ на Закаспійскую дорогу, на которой, по его словамъ, поѣзды поминутно сходятъ съ рельсовъ—такъ она дурно выстроена. На ней часто нельзя достать воды, кромѣ той, которую добываютъ, растаявъ снѣгъ. Вагоны перваго класса грязны и полны насѣкомыхъ. Мервъ сдѣлается своего рода Портъ-Саидомъ, куда стекаются подонки Петербурга, Москвы и Одессы. Пьянство и распутство процвѣтаютъ, нѣтъ ни порядка, ни организованной полиціи; по ночамъ грабежи и убійства. И все это отъ того, что англичанинъ не получилъ разрѣшенія ѣхать по этой дорогѣ въ Бухару; въ другихъ мѣстахъ онъ, напротивъ, расхваливаетъ русскія желѣзныя дороги отъ Тифлиса до Баку. О Тегеранѣ и Испагани путешественникъ не сообщаетъ ничего новаго. Близь Бушира онъ былъ свидѣтелемъ землетрясенія, разрушившаго телеграфную станцію. Въ Келатѣ его принялъ правитель Белуджистана, ханъ Миръ-Худададъ, шестидесятилѣтній старикъ, съ черной крашеной бородой, грязными локонами, падавшими на плечи, въ ожерельѣ изъ брилліантовъ, сапфировъ и рубиновъ. Англичанинъ увѣренъ, что келатскій ханъ находится подъ русскимъ вліяніемъ, но въ этомъ сомнѣвается даже англійская критика, разбирающая книгу Виндта. Англійскіе гарнизоны такъ близки къ границамъ Белуджистана, берегамъ котораго каждую минуту можетъ угрожать индійскій флотъ, что самъ Худададъ никогда не рѣшится выйти изъ покорности англичанамъ. Но это вѣчное опасеніе про-

свѣщенныхъ мореплавателей за цѣлость своей Индійской имперіи, проявляющееся во всѣхъ сочиненіяхъ объ ней, доказываетъ, какъ непрочна власть ихъ въ этомъ краѣ, захваченномъ съ такими насиліями и обманами, и какъ сами они не увѣрены въ возможности поддерживать свое господство въ странѣ старою системою притѣсненій, подкуповъ и возбужденіемъ раздоровъ между племенами, населяющими этотъ благодатный, но приниженный край, находящійся въ хаотическомъ состояніи. Платя огромныя субсидіи такимъ ненадежнымъ союзникамъ, какъ афганскій эмиръ и жалкіе ханы сосѣдней юго-западной Азіи, Англія вмѣсто того, чтобы заключить прочный союзъ съ Россіей, разграничивъ сферу вліянія обоихъ государствъ на сосѣднія съ Индіей племена, подозрѣваетъ насъ въ проискахъ и посылкѣ эмисаровъ къ полудикимъ ханамъ, въ стараніи разрушить вездѣ владычество Англіи. Напрасно только заслужившій въ исторіи свой эпитетъ «коварный Альбіонъ» думаетъ, что политика каждой страны должна походить на англійскую.

СМѢСЬ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе академіи наукъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ Я. К. Гротомъ очерка дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности за пятидесятилѣтіе съ 1841 по 1891 годъ. Первое засѣданіе отдѣленія происходило 23-го декабря 1841 года. Воспоминанія изъ старины отдѣленія тѣсно связаны съ исторіею самой академіи, поставившей своей задачей очищеніе и установленіе русскаго языка. Первой задачей отдѣленія было выполненіе словаря и въ началѣ нынѣшняго столѣтія была издана грамматика и Иліада въ переводѣ Гнѣдича. Но дѣятельность тогдашней Россійской академіи не имѣла научнаго характера. Николай I повелѣлъ преобразовать академію въ учрежденіе съ тремя отдѣленіями. Это было въ 1841 году. Создана была новая коллегія съ строго научнымъ характеромъ. Началось серьезное изученіе словесности и русскаго и славянскаго языковъ. Отдѣленіе приступило къ составленію новаго словаря, изданнаго въ 4-хъ частяхъ подъ именемъ «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языковъ, 1847-го года». Одновременно начата и издана въ 1851 г. грамматика, всецѣло составленная Давыдовымъ. Книга эта перепечатывалась два раза, но не имѣла значенія ни въ ученомъ, ни въ педагогическомъ мірѣ. Въ 1852 г. Востоковымъ изданъ «Опытъ областнаго великорусскаго словаря». Изъ этого труда черпалъ источники Даль для своего «Толковаго словаря». Много потрудился членъ академіи И. И. Срезневскій, сдѣланный адъюнктомъ академіи въ 1839 г. Онъ положилъ начало двумъ періодическимъ изданіямъ: «Извѣстіямъ» и «Ученымъ Запискамъ» отдѣленія. Кромѣ того, съ 1868 г. отдѣленіе начало издавать «Сборникъ», доведенный по настоящее время до 52 тома. Срезневскій собиралъ матеріалы для изученія древне-русскаго языка. Трудъ этотъ нынѣ, послѣ его смерти, продолжаетъ его дочь подъ руководствомъ А. Ѳ. Бычкова. Другими, нынѣ покойными, дѣятелями отдѣленія были Вилляр-

скій, трудившійся надъ изученіемъ славянскаго и болгарскаго языковъ и написавшій біографію Ломоносова, и Пекарскій, изучавшій архивы для историко-литературныхъ монографій и написавшій два тома «Исторіи академіи» (до Екатерины II). Добрую память оставили послѣ себя члены отдѣленія П. А. Плетневъ, извѣстный своими критическими статьями, и А. В. Никитенко, авторъ «Дневника». Кромѣ того, оказали услуги отдѣленію митрополиты Филаретъ и Макарій, Погодинъ, Шевыревъ, Арсеньевъ, Языковъ, Полѣновъ и др. Нынѣ здравствуютъ и работаютъ члены отдѣленія, академики А. Ѳ. Бычковъ съ 1868 г., М. И. Сухомлиновъ съ 1872 г., А. Н. Веселовскій съ 1877 г. и занимающій нынѣ въ Вѣнѣ каѳедру славянской филологіи И. В. Ягичъ съ 1880 г., Н. С. Тихонравовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Л. Н. Майковъ. Въ работахъ отдѣленія принимали участіе и посторонніе ученые: В. И. Ламанскій, А. Н. Пыпинъ, А. С. Будиловичъ, П. Н. Тихоновъ, Д. А. Ровинскій, И. А. Чистовичъ и В. И. Межовъ. Нынѣ отдѣленіе предпринимаетъ изданіе сочиненій Котляревскаго, профессора университета св. Владиміра, и издало первый выпускъ «Словаря русскаго языка».

Непремѣнный секретарь академіи А. Штраухъ прочелъ отчетъ о дѣятельности по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ. Почтивъ память почившихъ членовъ, онъ сообщилъ свѣдѣнія о личномъ составѣ академіи и его передвиженіяхъ. Академикъ А. Ѳ. Бредихинъ утвержденъ директоромъ главной Николаевской обсерваторіи; А. В. Гадолинъ утвержденъ ординарнымъ академикомъ по физикѣ, А. С. Фаминцынъ—по анатоміи и физіологіи растеній, Г. И. Вильдъ былъ командированъ въ Мюнхенъ на метеорологическій съѣздъ, Ѳ. Б. Шмидтъ—въ Вашингтонъ на международный геологическій конгрессъ, и А. А. Марковъ—за границу для личныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ европейскихъ математиковъ, для ученыхъ цѣлей. Изъ трудовъ отдѣленія выдается: порученіе г. Черскому изслѣдовать теченія сибирскихъ рѣкъ, по берегамъ которыхъ во льду залегаютъ сохранившіеся трупы мамонтовъ, носороговъ и другихъ допотопныхъ животныхъ, и по пути, дѣлая барометрическую нивелировку, собирать палеонтологическія, зоологическія и ботаническія коллекціи. Академикъ В. В. Радловъ выѣхалъ съ экспедиціей въ Монголію въ древній городъ Каракорумъ для изслѣдованія памятниковъ съ надписями VIII вѣка, открытыхъ въ 1889 г. Н. М. Ядринцевымъ. Подъ помѣщеніе зоологическаго музея академіи отведенъ бывшій таможенный пакгаузъ; возбуждено и одобрено ходатайство объ устройствѣ русскаго орнитологическаго кабинета и орнитологическихъ станцій, и въ настоящее время академія озабочена предположеніемъ о принятіи въ свое завѣдываніе біологической станціи въ Севастополѣ. Музеи академіи по этнографіи и антропологіи съ 1891 г. открылись для обозрѣнія публики. Приготовленъ къ печати списокъ александрійскихъ патріарховъ по бумагамъ преосвященнаго Порфирія и собраны и напечатаны различные матеріалы, касающіеся вопроса о пересмотрѣ устава академіи. Музеи и библіотеки Академіи пріобрѣли много цѣнныхъ предметовъ и коллекцій. Чтеніе отчета А. Штраухъ закончилъ перечнемъ и характеристикой отдѣльныхъ спеціальныхъ трудовъ академиковъ: по математикѣ—П. Л. Чебышева, В. Г. Имшенецкаго и А. А. Маркова, по астрономіи—Ѳ. А. Бредихина и О. А. Баклунда, по физикѣ—Г. И. Вильда, по химіи—Н. Н. Бекетова, по минералогіи—Н. И. Кокшарова, по геологіи и палеонтологіи—Ѳ. Б. Шмидта, по ботаникѣ—А. С. Фаминцына, по зоологіи—А. А. Штрауха, по физіологіи—Ф. В. Овсянникова, по этнографіи—Л. И. Шренка, по исторіи—А. А. Куника, Н. Ф. Дубровина, по финансамъ—Н. Х. Бунге, по филологіи—А. К. Наука и адъюнкта П. В. Никитина, и по востоковѣдѣнію—В. В. Радлова.

Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, составленный академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ прочитанъ Л. Н. Майко-

вымъ. Отдѣленіе трудилось главнымъ образомъ надъ приготовленіемъ къ выпуску новаго изданія «Академическаго словаря», составленнаго подъ редакціею вице-президента академіи Я. К. Грота. Выпущенъ въ свѣтъ первый выпускъ этого словаря, заключающій въ себѣ буквы А, В и часть В. Общій ходъ работъ ведется при участіи двухъ молодыхъ ученыхъ, кончившихъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ—Е. В. Пѣтухова и Н. А. Смирнова. Труды ихъ просматривались какъ академиками, такъ и учеными внѣ-академіи. Издаваемый отдѣленіемъ подъ руководствомъ академика А. Ѳ. Бычкова трудъ покойнаго И. И. Срезневскаго «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ» продолжается печатаніемъ и доведенъ до буквы З. М. И. Сухомлиновъ окончилъ печатаніемъ первый томъ порученнаго ему отдѣленіемъ критическаго изданія «Сочиненій М. В. Ломоносова». Въ основѣ этого труда лежатъ архивныя розысканія. Академикъ А. Н. Веселовскій издалъ въ отчетномъ году свой переводъ «Декамерона» Бокачіо. И. В. Ягичъ продолжалъ въ изданіи отдѣленія печатаніе труда, посвященнаго обозрѣнію и собранію грамматическихъ сочиненій и статей XV, XVI и XVII столѣтій, относящихся къ церковно-славянскому языку въ связи съ греческимъ и латинскимъ. Н. С. Тихонравовъ продолжаетъ печатаніе шестого тома своего критическаго изданія сочиненій Гоголя и занятъ изученіемъ малоизвѣстныхъ сочиненій Фонвизина. Академикъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ въ «Сборникѣ» отдѣленія два своихъ труда и продолжаетъ работать надъ критическимъ изданіемъ Пушкина по рукописямъ. Отдѣленіе потеряло четырехъ своихъ членовъ-кореспондентовъ: умерли—патріархъ современныхъ славистовъ, Францъ Миклошичъ, И. А. Гончаровъ, намѣстникъ Троице-Сергіевской лавры о. архимандритъ Леонидъ и профессоръ Харьковскаго университета А. А. Потебня. Ихъ дѣятельности, жизни и трудамъ была посвящена остальная часть доклада.

Академикъ Ф. В. Овсянниковъ прочелъ отчетъ о присужденіи премій имени Бэра и Брандта. Первая премія Бэра была присуждена завѣдующему пастеровской станціей въ Одессѣ профессору И. И. Мечникову за его сочиненіе по біологіи и анатоміи безпозвоночныхъ Coelenterata. Второй преміи удостоенъ профессоръ Заленскій, выяснившій въ своемъ трудѣ общебіологическія черты молюсковъ и червей и изучившій развитіе ихъ нервной системы. Отзывы по обоимъ сочиненіямъ доставлены академіи профессоромъ Ковалевскимъ.

Премія Брандта присуждена г. Зарудному, преподавателю 2-го Оренбургскаго кадетскаго корпуса за его обстоятельный трудъ по орнитологической фаунѣ Оренбургской губерніи. Авторомъ описано болѣе 600 видовъ птицъ этого края.

Засѣданіе академіи было закончено провозглашеніемъ лицъ, вновь избранныхъ академіей въ члены ея. Почетнымъ членомъ избранъ К. П. Яновскій и въ члены-кореспонденты: профессоръ математики Варшавскаго университета Н. Я. Сонинъ, проф. Александръ Вильямсонъ въ Лондонѣ, членъ французской академіи наукъ Е. Маскаръ, заслуженный профессоръ Петербургскаго университета А. Н. Бекетовъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, А. Н. Пыпинъ, С. А. Рачинскій, профессоръ Черновицкаго университета Калужняцкій, Джіованни-Батиста де-Росси въ Римѣ и д-ръ Германъ Затамбэръ въ Парижѣ.

Памятникъ на берегу Дуная. По иниціативѣ бывшаго командующаго войсками Одесскаго военнаго округа, генерала Гурко, возбуждено было ходатайство объ увѣковѣченіи мѣста переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай 27-го мая 1828 года, при совершеніи которой они покрыли себя славой. На постановку памятника было асигновано около 15,000 рублей. Въ августѣ 1891 г. памятникъ былъ готовъ; отлитый изъ чугуна, онъ представляетъ обелискъ высотою въ 5 саженъ съ красивыми линіями контура. Онъ вы-

сится надъ окружающею мѣстностью, а со стороны Дуная представляется солиднымъ и грандіознымъ сооруженіемъ. Въ день торжественнаго его освященія, 6-е декабря, для присутствованія на торжествѣ командированы: батальонъ 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка и депутація отъ 115-го пѣхотнаго Вяземскаго полка, въ которомъ имѣется Георгіевское знамя, пожалованное за переходъ черезъ Дунай 17-му Егерскому полку, часть котораго пошла на формированіе Вяземскаго полка. При торжествѣ освященія, у памятника выстроился батальонъ Подольскаго полка и собрались всѣ приглашенныя офиціальныя лица и представители мѣстнаго городского управленія города Рени.

Русское общество передъ реформой Петра I. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ прочелъ въ Педагогическомъ музеѣ три лекціи о русскомъ обществѣ передъ реформою Петра Великаго. Лекторъ выяснилъ, какія условія вліяли на объединеніе великорусской народности. Одно изъ условій заключается въ томъ, что Суздальская земля составляла собственность (вотчину) потомковъ Мономаха и населеніе этой земли находилось въ договорныхъ отношеніяхъ съ княземъ. Князья были владѣльцами Суздальской земли, населеніе—арендаторомъ. Вслѣдствіе такихъ юридическихъ отношеній населеніе не страдало отъ раздоровъ и княжескихъ усобицъ, а потому увеличивалось переселенцами и черезъ это усиливалось. Другимъ главнымъ условіемъ объединенія явился общій врагъ—татары. Послѣ Куликовской битвы московскій князь вообще и Дмитрій Донской въ частности сдѣлался народнымъ героемъ: съ именемъ московскаго князя соединилась общая мысль о близкомъ освобожденіи отъ тяжкаго ига. Объединенію великорусской народности много содѣйствовало также паденіе Византіи, центра православія. На Московское государство стали смотрѣть какъ на такое, гдѣ сохранилось истинное православіе. Первымъ центромъ православія былъ Римъ, но онъ впалъ въ ересь, вторымъ—Византія, но и она погибла отъ турокъ; Москва сдѣлалась третьимъ центромъ православія, третьимъ Римомъ. Въ слѣдующей лекціи, 9-го декабря, профессоръ Платоновъ выяснилъ основныя черты государственнаго устройства и общественной организаціи Московской Руси, а затѣмъ разсмотрѣлъ основанія народно-хозяйственнаго быта. Московское государство, возникшее изъ удѣла, было національнымъ по составу населенія, представлявшаго одну народность, вотчиннымъ по характеру государственной власти, военнымъ по условіямъ общественной организаціи и земледѣльческимъ по условіямъ хозяйственнаго быта. Характеръ государственныхъ повинностей въ московской Руси опредѣлялся военными потребностями государства. Въ свою очередь, повинности опредѣляли государственное положеніе каждаго общественнаго класса. Прикрѣпленіе къ какой либо повинности лежало въ основаніи общественнаго устройства. Сословія находились въ крѣпостной зависимости отъ государства. Земля была главнымъ капиталомъ. Лекторъ закончилъ свое чтеніе указаніемъ на тѣ событія конца XVI вѣка, которыя значительно видоизмѣнили установившійся въ Московскомъ государствѣ порядокъ. Къ такимъ событіямъ относится покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ. Земледѣльческое населеніе двинулось къ плодороднымъ мѣстамъ Волги и поселилось широкой полосой отъ Самарской луки до Смоленска. Далѣе профессоръ выяснилъ вліяніе смутнаго времени на измѣненіе старыхъ формъ быта, а также указалъ на перемѣны въ сферѣ идеальныхъ воззрѣній въ XVII вѣкѣ и на внѣшнія культурныя вліянія до Петра Великаго.

Лекція о реформаціи. Профессоръ Н. И. Карѣевъ прочелъ въ Педагогическомъ музеѣ публичную лекцію, сборъ съ которой поступилъ въ пользу мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Лекторъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить взаимное отношеніе двухъ историческихъ явленій—возрожденія и реформаціи. Сущность возрожденія, культурнаго переворота въ XIV вѣкѣ,

заключалась въ томъ, что культурные классы стали постепенно отворачиваться отъ умственной пищи своихъ современниковъ и стали искать эту пищу въ античныхъ произведеніяхъ. Появилось новое направленіе—гуманизмъ, причемъ гуманисты стремились возможно лучше устроиться на землѣ. Они возобновили стремленіе къ классической древности. Сущность реформаціи заключалась въ желаніи людей возвратиться къ первобытной чистотѣ христіанства. Протестанты были чужды средневѣковой исторіи и отличались отъ гуманистовъ тѣмъ, что ставили на первый планъ будущую жизнь въ другомъ мірѣ. Гуманисты искали отвѣта на свои вопросы въ классической философіи и поэзіи древнихъ, протестанты—въ священномъ писаніи. Не смотря на то, что между античною образованностью и древнимъ христіанствомъ велась борьба, гуманисты при началѣ реформаціи являются въ числѣ передовыхъ протестантовъ. Выясненію этого интереснаго явленія и посвятилъ большую часть своей лекціи г. Карѣевъ. Кромѣ того, онъ обрисовалъ разный характеръ возрожденія въ отдѣльныхъ странахъ.

Археологическое Общество. Въ общемъ собраніи, выслушавъ представленный А. Ѳ. Бычковымъ обзоръ ученой дѣятельности скончавшихся въ послѣднее время членовъ общества В. П. Титова, намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой лавры архимандрита Леонида, барона Н. К. Богушевскаго и М. О. Кояловича, собраніе почтило память усопшихъ вставаніемъ. Н. Д. Чечулинъ прочиталъ рефератъ «О русскихъ жилыхъ деревянныхъ постройкахъ въ XVI вѣкѣ». Опираясь на изученіе писцовыхъ книгъ, докладчикъ прежде всего выяснилъ размѣръ дворовыхъ пространствъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ и посадахъ, опредѣливъ затѣмъ всѣ тѣ виды деревянныхъ сооруженій, которыя находили себѣ мѣсто на всякаго рода подворьяхъ, отъ крестьянскихъ до боярскихъ и государевыхъ, и указавъ на то, что самыя сложныя сооруженія разсматриваемой эпохи, какъ, напримѣръ, на государевомъ дворѣ въ Коломнѣ, представляли отдѣльно построенные покои, лишь соединенные между собою переходами. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, В. А. Тепловъ прочиталъ рефератъ «О существующемъ іерархическомъ строѣ турецкаго чиновничества». Указавъ, какъ на начало этого строя, на эпоху реформъ въ царствованіе Махмуда II, поставившаго себѣ за идеалъ Петра Великаго, докладчикъ видитъ въ установленной съ 1830 г. іерархической лѣстницѣ титуловъ, въ равной мѣрѣ относящихся къ чинамъ военнымъ и гражданскимъ, полное соотвѣтствіе съ нашей табелью о рангахъ и рядомъ сопоставленій доказываетъ, что Махмудъ II несомнѣнно заимствовалъ систему классовъ должностей по табели о рангахъ именно въ томъ количествѣ классовъ, которое у насъ сохранилось къ тридцатымъ годамъ нашего столѣтія. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Ольденбургъ обратилъ вниманіе отдѣленія на то, что въ недавнее время лейтенантъ англійской службы Бауэръ, въ округѣ Кучи, въ Кашгаріи, нашелъ буддійскую на санскритскомъ языкѣ рукопись, написанную на березовой корѣ и относящуюся по времени къ IV—V вв. по Р. Х. По мнѣнію докладчика, всецѣло принятому и восточнымъ отдѣленіемъ, необходимо снестись съ нашимъ консуломъ въ Кашгарѣ Н. Ѳ. Петровскимъ, чтобы принять мѣры къ охраненію въ странѣ Кашгара уцѣлѣвшихъ буддійскихъ памятниковъ. Въ заключеніе баронъ В. Р. Розенъ прочиталъ замѣтку «Объ арабскомъ словѣ «зендикъ», что значитъ—еретикъ. На основаніи разсказа одного арабскаго полигистора IV вѣка, Аль-Джахиса, баронъ В. Р. Розенъ уясняетъ, что имя «зендиковъ» прилагалось и къ послѣдователямъ буддизма, въ принадлежности къ которому были, между прочимъ, обвинены визири Гарунъ-аль-Рашида.

Общество любителей древней письменности. И. А. Шляпкинъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ изъ исторіи новгородскаго Деревяницкаго монастыря въ XVII вѣкѣ: о крещеніи плѣннаго татарина, содержавшагося

«въ большихъ желѣзахъ», о жалобѣ жителей сельца Грузина на незаконные поборы и о челобитной монастыря, поданной въ Москву съ просьбою рать отъ него кабакъ, въ которомъ происходили пьянство, драки, игра сопели, домрѣ, воженіе медвѣдя и проч., и кабакъ былъ переведенъ изъ того мѣста, гдѣ апостолъ Андрей водрузилъ свой посохъ (Друзино); позже питейное заведеніе снова появилось около монастыря, почему въ XVIII вѣкѣ опять стали приноситься жалобы. Вслѣдъ затѣмъ П. Н. Тихановъ сдѣлалъ докладъ о тайномъ языкѣ вообще и въ частности о языкѣ нищихъ (калѣкъ перехожихъ), офеней, торговцевъ, мошенниковъ, о языкѣ argot, Saunerspracbe и проч. Въ языкѣ офеней референтъ констатировалъ присутствіе корней многихъ словъ греческихъ, не замѣченное такими изслѣдователями, какъ Срезневскій и Даль. Наконецъ, А. Ѳ. Бычковъ сообщилъ о новой чертѣ нрава Петра Великаго—объ уваженіи его къ памятникамъ древности. Въ годину тяжелыхъ испытаній, когда по царскому указу всѣ монастыри и церкви должны были выслать въ Москву часть своихъ колоколовъ для литья пушекъ, привезенъ былъ изъ Троице-Сергіевой лавры колоколъ 1427 года, литый при великомъ князѣ Василіи Василіевичѣ, при архіепископѣ Фотіи и при игуменѣ лаврскомъ Никонѣ. Петръ I именнымъ указомъ повелѣлъ возвратить обратно и беречь этотъ колоколъ. Въ заключеніе доложено собранію о пожертвованіяхъ въ библіотеку и музей общества: профессоръ Н. В. Покровскій принесъ въ даръ капитальный трудъ свой «Евангеліе по миніатюрамъ славянскихъ и византійскихъ рукописей», М. А. Гамазовъ—шесть выпусковъ изданій отдѣленія восточныхъ языковъ, а В. Б. Алмазовъ—три тома сочиненій Б. Н. Алмазова. Въ общемъ собраніи секретарь общества Хр. М. Лопаревъ сообщилъ о новомъ литературномъ памятникѣ XIII столѣтія, сохранившемся въ видѣ отрывка въ рукописи XV вѣка и озаглавленномъ: «Слово о погибели Русскыя земли», въ которомъ оплакивались несчастія татарскаго нашествія. Слово безымяннаго автора, по догадкѣ докладчика, равно какъ не дошедшее до насъ «Слово о смерти великаго князя Ярослава» и извѣстное житіе Александра Невскаго, принадлежатъ перу Даніила Заточника. Противъ этого предположенія возражали: А. Ѳ. Бычковъ, Л. Н. Майковъ, И. Н. Ждановъ, В. Гр. Василевскій и П. И. Савваитовъ. Вслѣдъ затѣмъ Н. П. Барсуковъ прочелъ 26—29 главы изъ VI приготовляемой къ печати книги своего сочиненія «Жизнь и труды М. П. Погодина», о путешествіи Погодина по Владимірской, Нижегородской и Костромской губерніямъ въ августѣ 1841 г. для ознакомленія съ памятниками археологіи и древности. Наивность и оригинальность Погодина проявилась и здѣсь, въ его наблюденіяхъ надъ простолюдинами, въ «ученыхъ» разговорахъ его съ кучерами, въ его резонерствѣ о торговлѣ и образованіи. Присутствіе такихъ особенностей въ характерѣ Погодина еще болѣе усиливаетъ интересъ читателя. Въ заключеніе доложено о пожертвованіяхъ въ музей и библіотеку Общества Н. В. Султановымъ древней холстяной ризы и рукописи, Н. П. Поляковымъ византійскихъ крестиковъ X и XI столѣтія съ помѣщеніемъ внутри для мощей.

Литературные юбилеи. Перваго января три нашихъ періодическихъ изданія праздновали свои юбилеи: «Петербургская Газета» — двадцатипятилѣтіе, «Наблюдатель» и «Свѣтъ»—десятилѣтія. Особенною торжественностью отличился праздникъ, данный «Петербургской Газетой», выпустившей въ этотъ день особый юбилейный нумеръ съ портретами всѣхъ своихъ сотрудниковъ, коректоровъ, стенографовъ,съ видомъ типографіи, наборной, машинной, стереотипной и пр. По обычаю, всѣ участвующіе въ изданіи поднесли цѣнные подарки редактору-издателю С. Н. Худекову, въ двадцать лѣтъ своего управленія газетою поднявшему ее съ 600 подписчиковъ до 30,000 и сдѣлавшему ее добросовѣстнымъ, выдающимся органомъ такъ называемой «маленькой» прессы. И зато большая пресса и почти всѣ редакціи илю-

стрированныхъ и мелкихъ изданій лично или письмами привѣтствовали собрата, съ честью выдержавшаго четверть-вѣковой искусъ на аренѣ русской журналистики. С. Н. Худековъ получилъ поздравленія редакторовъ «Новаго Времени», «Правительственнаго Вѣстника», «Новостей», «Свѣта», «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Русской Жизни», «Историческаго Вѣстника», «Русской Старины», «Гражданина», «Петербургскаго Листка», «Всемірной Иллюстраціи», «Русской Медицины», «Московскаго Листка», «Новостей Дня», «Кронштадскаго Вѣстника», «Сѣвера», «Судебной Газеты» и др., также изъ Парижа отъ редакцій «Liberté», «Siècle», «National», «Figaro». Только нѣмецкая печать, даже въ своихъ петербургскихъ органахъ, не привѣтствовала «Петербургскую Газету», потому что она была всегда газетою русскою и не называла бѣлымъ черно-желтаго цвѣта. Почти всѣ выдающіеся представители нашего литературнаго и артистическаго міра сочувственно отнеслись къ юбилею, на которомъ читалось множество рѣчей и стиховъ. Въ исторіи газеты, вкратцѣ разсказанной въ юбилейномъ нумерѣ, много любопытныхъ страницъ, характеризующихъ нашу журналистику втеченіе 25-ти лѣтъ. Жаль, что, помѣщая портреты всѣхъ своихъ репортеровъ, которые имѣли бы еще время увѣковѣчить свои физіономіи, редакція не дала портретовъ и болѣе полныхъ характеристикъ своихъ умершихъ редакторовъ и сотрудниковъ. Мы очень скоро забываемъ дѣятелей, сошедшихъ съ житейскаго поприща, а память объ нихъ надо бы сохранить для потомства.

Редакторъ-издатель «Наблюдателя» не праздновалъ десятилѣтія своего журнала, но намѣренъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ представить подробный отчетъ о составѣ, содержаніи и направленіи изданія за время его десятилѣтняго существованія. Мы скажемъ послѣ объ этомъ отчетѣ, а теперь упомянемъ, что въ первомъ нумерѣ «Всемірной Иллюстраціи» помѣщена біографія А. П. Пятковскаго съ оцѣнкой его литературной и общественной дѣятельности и прекраснымъ портретомъ.

Газета «Свѣтъ» праздновала свое десятилѣтіе на квартирѣ редактора, которому были также сдѣланы приношенія отъ наборщиковъ, служащихъ при редакціи и частныхъ лицъ. На молебнѣ были А. С. Суворинъ, Я. П. Полонскій, В. В. Крестовскій, редакторъ «Русской Медицины» и другіе писатели и знакомые г. Комарова. Въ небольшихъ рѣчахъ указывали, что «Свѣтъ», благодаря своей дешевой цѣнѣ, проникаетъ въ самые отдаленные углы Россіи и его читаетъ простой народъ.

† Въ Сергіевомъ посадѣ, близъ Москвы, заслуженный ординарный профессоръ духовной академіи **Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ-Платоновъ**. Онъ окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1852 г. однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Его студенческое сочиненіе «Объ единствѣ рода человѣческаго» удостоилось лестныхъ отзывовъ знатоковъ богословія и философіи. Съ 1852 по 1854 г. онъ въ качествѣ бакалавра читалъ въ академіи лекціи библейской исторіи и греческаго языка, а съ 1854 г., вмѣсто протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго, — лекціи метафизики и исторіи древней философіи, съ 1870 г.—логики и метафизики. Въ 1858 г. возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Читая лекціи по философіи, онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ выдающійся мыслитель, и въ 1861 г. былъ приглашенъ преподавать философію цесаревичу Николаю Александровичу. Въ 1873 г. за свое сочиненіе «Религія, ея сущность и происхожденіе» онъ признанъ академіей достойнымъ званія доктора богословія. Впродолженіе своей долговременной профессорской дѣятельности онъ написалъ рядъ статей преимущественно богословско-философскаго содержанія. Изъ нихъ выдѣляются: «О единобожіи какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго», «О религіозномъ индиферентизмѣ» («Духовная бесѣда» 1861 г.), «Теологическое значеніе природы» («Правосл. Обозрѣніе» 1874 г.), «Критическій разборъ ученія Канта о трехъ методахъ философскаго познанія» (1874 г.). Онъ умеръ 68-ти лѣтъ.

† Въ Москвѣ фрейлина княжна **Варвара Николаевна Репнина**, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ Лизварской. Она въ 1862 г. издала книгу: «Письма къ молодой женщинѣ о воспитаніи». Ея перу принадлежатъ нѣсколько историческихъ замѣтокъ, въ «Русскомъ Архивѣ»: «Изъ воспоминаній о прошломъ» — объ императорѣ Николаѣ I и гр. М. А. Воронцовой (1870), «Генеалогія князей Репниныхъ» (1877) и «Встрѣча съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1819 году», изъ дѣтскихъ воспоминаній (1888). Она была знакома съ Гоголемъ, вела съ нимъ переписку и напечатала о немъ любопытныя «Воспоминанія» («Русскій Архивъ,» 1890). Княжна Репнина, дочь героя Аустерлицкаго боя Н. Г. Волконскаго, родилась въ 1808 году.

† 5-го декабря, 1891 г. старѣйшій провинціяльный антрепренеръ и актеръ **Николай Ивановичъ Ивановъ**, воспоминанія котораго напечатаны въ послѣднихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1891 годъ. Онъ умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ, изъ которыхъ шестьдесятъ провелъ безпрерывно за кулисами. Послѣдніе годы онъ терпѣлъ крайнюю нужду и только почти наканунѣ смерти былъ пристроенъ въ городскую богадѣльню на средства Общества вспомоществованія сценическимъ дѣятелямъ. Ивановъ, какъ антрепренеръ, — одинъ изъ первыхъ иниціаторовъ частныхъ театровъ. Онъ всю свою долгую жизнь провелъ въ путешествіяхъ и исколесилъ положительно всю Россію, держа театры въ Казани, Оренбургѣ, Архангельскѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитѣ, Омскѣ, Томскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Динабургѣ, Витебскѣ, Костромѣ, Твери, Новгородѣ, Самарѣ. Саратовѣ, Симбирскѣ, Гапсалѣ, Аренсбургѣ, Псковѣ, Кронштадтѣ, Нарвѣ. Съ его легкой руки пошли въ ходъ знаменитости, и столичныя сцены обязаны ему не однимъ десяткомъ даровитыхъ актеровъ, начавшихъ свою дѣятельность на подмосткахъ его театра.

† **Дмитрій Петровичъ Лебедевъ**, библіотекарь Румянцевскаго музея. Когда Румянцевскій музей праздновалъ пятидесятилѣтіе своей дѣятельности, имъ издана книга подъ заглавіемъ: «Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева». Заслуживаетъ также вниманія его переводъ съ французскаго: «Умственный и нравственный прогрессъ европейскаго общества втеченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ» (1848 — 1878 гг.). Д. П. Лебедевъ окончилъ въ 1874 году курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. До 1877 г. онъ преподавалъ русскій языкъ въ Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ, а въ 1877 г. поступилъ въ число слушателей Петербургскаго археологическаго института. Съ 1880 г. служилъ при Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, занимая послѣ смерти извѣстнаго ученаго А. Е. Викторова должность хранителя отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ.

† Въ Варшавѣ профессоръ славянской исторіи Варшавскаго университета **Іосифъ Іосифовичъ Первольфъ**. Онъ принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей въ чешской и русской литературѣ по вопросу славянской взаимности и единства. Родился онъ въ 1841 г., кончилъ курсъ въ 1864 г. на философскомъ факультетѣ Пражскаго университета и до 1871 г. занималъ должность ассистента и архиваріуса въ Чешскомъ музеѣ. Онъ рано занялся изученіемъ отношеній славянскихъ народовъ и свои первые труды печаталъ въ разныхъ чешскихъ изданіяхъ. Въ 1871 г., отправившись путешествовать по Россіи, онъ пріѣхалъ въ Варшаву и здѣсь получилъ приглашеніе занять въ мѣстномъ университетѣ каѳедру профессора славянской исторіи. Онъ писалъ много статей на чешскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ. На русскомъ языкѣ, между прочимъ, явились статьи: «Чехи и русскіе» («Бесѣда» 1872 г.), «Александръ I и славяне» (въ «Древней и Новой Россіи» 1877 г.), «Славяне и ихъ взаимныя отношенія и связь (1866 г.), «Германизація балтійскихъ славянъ» (1890 г.), «Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848 гг.»

(«Русская Рѣчь» 1879 г.). Въ послѣднемъ сочиненіи наглядно, беспристрастно и съ глубокимъ знаніемъ дѣла изложенъ общій ходъ политическихъ идей въ австрійскомъ славянствѣ съ ихъ отраженіями въ литературѣ.

† Въ Крыму **Марія Александровна Сосногорова**, бывшая издательница ежегодно выходившаго весьма обстоятельнаго «Путеводителя по Крыму». Сосногорова старожилка Крыма, много труда посвятившая изученію особенно южнаго берега и его курортовъ. Долговременное пребываніе въ Крыму, предпринимавшіяся покойной экскурсіи въ глубь Таврическаго полуострова и дали ей тотъ богатый запасъ матеріаловъ, который она разработала въ своемъ «Путеводителѣ», бывшемъ одно время весьма популярнымъ среди крымскихъ туристовъ. Въ послѣднее время М. А. жила въ окрестностяхъ Алушты на дачѣ у подножья горы Кастель.

† Въ Вильно отставной генералъ **Петръ Михайловичъ Смысловъ**. Ему принадлежитъ сочиненіе «Репсольдовъ кругъ, хронометры, хронометрическая экспедиція въ 1859 г.». Вмѣстѣ съ академикомъ А. Н. Савичемъ онъ произвелъ наблюденія надъ качаніями маятника въ Пулковѣ, Дерптѣ, Якобштадтѣ и Вильнѣ и описалъ ихъ въ «Запискахъ академіи наукъ» 1868 г. Состоя директоромъ неожиданно сгорѣвшей и оставшейся невозобновленной Виленской астрономической обсерваторіи, П. М. представлялъ замѣчательные по полнотѣ отчеты о ея дѣятельности, печатавшіеся на русскомъ языкѣ въ «Запискахъ» академіи. Эта обсерваторія существовала съ 1801 г.; въ 1870 г. и при П. М. даны были ей новые штаты.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Какую роль игралъ Григорій Отрепьевъ въ самозванческой интригѣ?

(По поводу статьи Д. И. Иловайскаго: «Первый Лжедимитрій» [1]).

Продолжая свой замѣчательный трудъ, «Исторію Россіи», Д. И. Иловайскій достигъ смутной эпохи и, весьма естественно, прежде всего долженъ былъ остановиться на личности перваго самозванца. Изслѣдуя вопросъ о причинахъ его появленія, нашъ уважаемый историкъ приходитъ къ тому заключенію, что первый Лжедимитрій былъ всецѣло произведеніемъ польской и ополяченной западно-русской аристократіи. Будучи далеки отъ того, чтобы оспаривать этотъ выводъ, мы только позволимъ себѣ спросить: при такомъ рѣшеніи вопроса, какая же роль остается на долю Григорія Отрепьева? Въ настоящее время положительно доказано, что не онъ былъ первымъ Лжедимитріемъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Отрепьевъ принималъ въ самозванческой интригѣ на столько дѣятельное участіе, что правительство Годунова указывало на него, какъ на самозванца. Будучи внесено въ лѣтописи, это указаніе считалось почти до нашего времени историческимъ фактомъ. Теперь, благодаря успѣхамъ исторической критики, Отрепьевъ развѣнчанъ изъ главнаго зачинщика смуты и остается при названномъ Димитріи въ родѣ какого-то страннаго атташе, безъ опредѣленной исторической роли, повидимому, совершенно лишнимъ лицомъ. Въ

[1]) Историческій Вѣстникъ, 1891 г., кн. XII.

самомъ дѣлѣ, находясь за польскимъ рубежомъ, онъ могъ примкнуть къ объявившемуся Димитрію, какъ примкнули къ нему десятки, если не сотни, такихъ же русскихъ выходцевъ, и остаться, подобно имъ, никому невѣдомой и ни для кого не интересной личностью. Но мы видимъ противное. Слѣдовательно, въ Отрепьевѣ было нѣчто такое, что выдвигало его изъ толпы и придавало ему извѣстное историческое значеніе.

Въ чемъ же оно заключалось?

Быть можетъ, мы будемъ не очень далеки отъ истины, если скажемъ, что это «нѣчто» заключалось въ посредничествѣ Отрепьева между измыслившими самозванца польскими панами и кружкомъ враждебнаго Борису московскаго боярства, сочувствовавшаго этой иноземной затѣѣ; иначе говоря, онъ былъ агентомъ внутреннихъ враговъ Годунова въ той польской средѣ, гдѣ подготовлялся претендентъ. Обращаясь къ прошлому Отрепьева и къ его личнымъ качествамъ, мы находимъ его вполнѣ приспособленнымъ для такой роли. Человѣкъ бойкій и грамотный, знакомый съ русскими обычаями во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества, онъ съ одной стороны былъ не только полезенъ, по даже необходимъ для подготовки названнаго Димитрія, а съ другой—могъ сообщать въ Москву своимъ милостивцамъ все то, что ихъ интересовало относительно личности самозванца. А такіе милостивцы тамъ у него несомнѣнно были. Свою молодость онъ провелъ въ Москвѣ, живя по разнымъ боярскимъ дворамъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, его хорошо узнали и оцѣнили его способности. Тамъ же, конечно, Отрепьевъ уловилъ первый слухъ, что царевичъ Димитрій спасся отъ смерти и скоро явится. Когда же онъ проговорился объ этомъ подъ пьяную руку, тѣ же милостивцы помогли ему избѣжать заточенія въ Соловки [1]), назначеннаго самимъ царемъ, и, вѣроятно, они же направили его за литовскій рубежъ.

Когда первый Лжедимитрій шелъ къ Москвѣ, Отрепьевъ находился при немъ; его являли народу для нагляднаго увѣренія въ томъ, что царевичъ и онъ, Отрепьевъ, два совершенно различныя лица. Этимъ его историческая роль была вполнѣ исчерпана: затѣмъ онъ быстро стушевывается и исчезаетъ со сцены.

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее: если принять, что названнаго Димитрія выдвинули одни польскіе паны, безъ всякаго участія въ этой затѣѣ московскаго боярства, то роль Григорія Отрепьева въ дѣлѣ перваго самозванца представится положительно исторической загадкой.

А. Мерцаловъ.

---

[1]) Нельзя не обратить самаго серьезнаго вниманія на это обстоятельство: дьякъ Смирной-Васильевъ не спѣшитъ исполнить прямое повелѣніе царя и даже забываетъ о немъ. Ясно, что Отрепьеву мироволили.

Ихъ интимныя свиданія происходили въ маленькомъ салонѣ, прозванномъ молельнею; ему нравилось это названіе, потому что тамъ онъ бывалъ съ ней наединѣ, но это дѣйствительно было нѣчто въ родѣ часовни. Вся комната была обтянута бѣлою шелковою матеріею съ цвѣтами; потолокъ представлялъ изъ себя родъ балдахина съ короною по серединѣ. На одномъ изъ панно былъ портретъ Маріи-Антуанетты во весь ростъ, передъ нею на пьедесталѣ изъ оникса стоялъ бюстъ Людовика XVI. Напротивъ, на консолѣ изъ бѣлаго мрамора находилась севрская ваза съ медальономъ Людовика XVIII. Низкіе стулья изъ бѣлаго выпуклаго бархата съ золотомъ напоминали собою налои, а догорающіе лучи дня, падая на коверъ черезъ большія стекла окна, смягчали всѣ линіи оттѣнкомъ ризницы.

Вотъ здѣсь-то эти два любовника, въ самомъ высокомъ и чистомъ смыслѣ этого слова, связанные единствомъ ихъ религіи, ихъ страсти, ихъ надеждъ, проводили долгіе и пріятные часы, уносясь въ міръ грезъ, поэтизируя свои стремленія, обращаясь къ своимъ богамъ съ тѣми изліяніями, съ которыми они не смѣли обращаться къ мірской любви. Совершенно такъ, какъ въ церкви тѣ, кто не можетъ говорить другъ съ другомъ, соединяютъ свои обѣты, въ лонѣ улыбающейся Богоматери.

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось васъ видѣть!—воскликнула Регина.—Есть дни, когда бываетъ такъ же тяжело справиться съ радостью, какъ въ другіе дни—съ печалью. Взгляните на меня, Жоржъ, и скажите мнѣ, что вы находите меня красивой.

Подъ вліяніемъ обаянія этой женщины, Жоржъ забылъ всѣ невзгоды дня и опустился передъ ней на колѣни.

— О, да!—прошепталъ онъ,—такой красивой, что иногда я страшусь, что я не доживу до той счастливой минуты, когда эта рука будетъ навсегда принадлежать мнѣ, я не дождусь, когда мы вырвемся изъ этого міра злыхъ и измѣнниковъ и, исполнивъ нашу задачу, попадемъ, наконецъ, въ блаженную тьму неизвѣстности, которая не будетъ нарушаться никакимъ шумомъ извнѣ.

Регина, которая положила ему свои обѣ руки на голову, отодвинулась слегка лицемъ.

— Наконецъ-то, другъ мой,—проговорила она:—наша мечта близка къ осуществленію, такъ близка, что намъ стоитъ сдѣлать еще одно усиліе, чтобы видѣть ее осуществленною.

— Говорите, дорогая моя. Если бы вы знали, какъ я люблю звукъ вашего голоса! Какія у васъ опять новыя надежды?

— Скажите лучше—доказательства. Въ данную минуту въ моихъ рукахъ, въ моихъ слабыхъ рукахъ женщины, вся будущность Франціи. Мы приближаемся къ цѣли. Впрочемъ, развѣ я могла сомнѣваться въ успѣхѣ, имѣя такихъ союзниковъ, какъ вы?

— Не говорите обо мнѣ: я—дитя и умѣю вамъ только повиноваться... и васъ любить.

— Развѣ этого мало: такое повиновеніе, такое довѣріе, благодаря которымъ вы принадлежите мнѣ всецѣло? Вы придаете такое значеніе тому, что я сдѣлала, другъ мой, но развѣ у меня стало бы смѣлости пройдти до конца путь, который я себѣ начертала, если бы у меня не было поддержки въ вашемъ сердцѣ, въ вашей совѣсти?

— Развѣ это сердце и эта совѣсть могли бы не принадлежать вамъ? Развѣ не вы ихъ образовали? Развѣ не благодаря вашей правдивости я постигъ весь ужасъ лжи и фальши, и правда сдѣлалась принципомъ моей жизни? Развѣ не вы научили меня жертвовать всѣмъ, самыми дорогими интересами, во имя чести и уваженія къ себѣ?

— Я горжусь вами, мой Жоржъ, горжусь этой героической экзальтаціею, которая помогла бы вамъ перенести самыя тяжелыя испытанія ради нашего предпріятія. Но развѣ ради нашего Бога, нашего короля, вы бы не пожертвовали даже и честью,—вѣдь затѣмъ можно умереть,—чтобы на одну минуту ускорить часъ успѣха?

Лорисъ все еще на колѣняхъ, прижимая уста къ пальцамъ Регины, въ сладкомъ упоеніи, не вполнѣ разслышалъ сказанныя слова. Сказать ли правду? Въ эту минуту Жоржъ думалъ меньше объ ихъ предпріятіи, чѣмъ объ этомъ красивомъ лицѣ, которымъ онъ восхищался, объ этихъ глубокихъ глазахъ, озаренныхъ внутреннимъ блескомъ, которые сжигали ему сердце.

Бесспорно, онъ глубоко уважалъ ее, ее, которую такъ любилъ; онъ счелъ бы за преступленіе всякій помыселъ, который могъ бы профанировать чистоту той, которую онъ называлъ своею святою.

Но развѣ не было, если не брагоразумно, то жестоко держать его такъ близко къ себѣ, въ этомъ уединеніи, вдвоемъ, въ этомъ салонѣ, гдѣ политическій энтузіазмъ усложнялся мистицизмомъ страсти?

Что чувствовала она сама? Неужели же, дѣйствительно, только мечты о битвахъ, о побѣдѣ, отражались въ блескѣ ея глазъ, которыми она, безсознательная искусительница, глядѣла въ глаза Лорису?

Онъ тихонько притянулъ ее къ себѣ, она не сопротивлялась, и проговорилъ шепотомъ:

— Регина, моя Регина, я не разъ говорилъ себѣ, что значатъ всѣ эти честолюбія, слава!.. Для меня существуетъ одно только—ваша любовь... Ахъ, если бы вы меня любили такъ, какъ я васъ люблю!

— Дитя мое! Дорогое дитя!

Едва владѣя собою, онъ обнялъ молодую женщину за талію, упиваясь ароматомъ ириса, который распространялся отъ нея, чувствуя, какъ ея сердце бьется подлѣ его...

Она отвѣтила ему словами, въ которыхъ для нея было цѣлое обѣщаніе.

— Раньше, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, Наполеонъ побѣжденный будетъ оплакивать свои разбитыя арміи, и нашъ король будетъ въ Тюльери...

Онъ въ порывѣ искренности своего нетерпѣливаго обожанія невольно воскликнулъ:

— Какое мнѣ дѣло до Наполеона? Какое мнѣ дѣло до короля? Я вижу одну васъ, думаю только о васъ, обожаю васъ одну...

Она быстро освободилась изъ его объятій и, выпрямившись во весь ростъ, сказала:

— Вы богохульствуете! Что вы сказали? Возьмите назадъ ваши слова, Жоржъ. Развѣ вы забыли, кто я? Вы эгоистъ въ то время, когда разъигрывается послѣдній актъ, когда долженъ пробить часъ, который можетъ быть нашимъ тріумфомъ или нашею погибелью, вы думаете обо мнѣ и о себѣ! Любовь! Любовь! Да развѣ есть лучше, выше той, которая связываетъ насъ съ святыми интересами нашего короля, представителя самого Бога на землѣ? Право, Жоржъ, если бы я васъ не знала лучше, чѣмъ вы меня знаете, я бы усомнилась въ вашемъ разсудкѣ.

Виконтъ все еще стоялъ на колѣняхъ, удивленный, сконфуженный. Онъ любилъ Регину всѣми силами души, и слова, сказанныя имъ, были только выраженіемъ его сокровенныхъ чувствъ. Какъ же могла она на нихъ разсердиться, развѣ она не любила его на столько, чтобы пожертвовать ему всѣмъ? Она вернулась къ нему и, положивъ ему руку на лобъ, сказала:

— Между нами не должно быть недоразумѣній, Жоржъ. Какое-то мрачное сомнѣніе закралось мнѣ въ душу. Неужели вы одинъ изъ тѣхъ, которые подчиняютъ интересы неба земнымъ страстямъ? Какое вамъ дѣло до короля? — осмѣлились вы сказать, и это вы сказали мнѣ! Развѣ вы не знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я стала сознавать себя, у меня нѣтъ другой мысли, другой цѣли, какъ поднять эти пригнутыя, но не сломанныя лиліи? Увѣряю васъ, Жоржъ, что я люблю васъ всей душой, но, если бы завтра для того, чтобы разверзнуть врата Парижа передъ моимъ королемъ, пришлось убить меня и васъ со мною, я бы не задумалась. Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не хорошо знаете. Нѣтъ того интереса, той привязанности, которые могли бы пересилить эту преданность. Развѣ я не пожертвовала уже ради нея моими симпатіями самыми дорогими, самыми глубокими, до такой степени, что, не будь я убѣждена въ правотѣ моего дѣла, я съ ужасомъ назвала бы себя неблагодарной.

Жоржъ глядѣлъ на нее съ безпокойствомъ. Никогда еще онъ не видалъ ея въ такомъ страстномъ изступленіи. О чемъ упоминала она? Онъ даже боялся ее спросить.

Она отошла отъ него блѣдная и, облокотясь на ониксовый пьедесталъ, точно глядѣла на какое-то мучительное воспоминаніе изъ прошлаго, которое стояло передъ ея внутренними очами.

Она была блѣдна той блѣдностью монахини, которая служитъ доказательствомъ безжалостнаго отреченія.

— Что съ вами, Регина? Что значатъ ваши слова? Прошу васъ, успокойтесь. Неужели я, не желая того, пробудилъ въ васъ какія нибудь ужасныя воспоминанія?

— Да, ужасныя, совершенно вѣрно. Но именно въ этихъ воспоминаніяхъ я ищу себѣ силъ.

— Что же это за воспоминанія? Неужели же за одно неосторожное слово, сказанное мною необдуманно, вы лишите меня вашего довѣрія?

— Конечно, нѣтъ, другъ мой,—замѣтила она печально:—и моя откровенность будетъ вамъ лучшимъ тому доказательствомъ. Та, которая будетъ современемъ носить ваше имя, не должна имѣть отъ васъ тайнъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніе, которое я вамъ сдѣлаю, убѣдитъ васъ, что въ настоящее время въ моемъ сердцѣ нѣтъ мѣста для двухъ чувствъ. Я отдалась вся, отдалась всецѣло, и, только повинуясь тому, что я называю моею миссіею, я могу снова стать сама собою.

Жоржъ склонилъ голову, онъ не чувствовалъ въ себѣ такого безграничнаго безкорыстія.

— Говорите,—проговорилъ онъ:—считайте меня за брата.

Она поблагодарила его взглядомъ.

— Такъ слушайте же,—начала она.

Голосъ ея принялъ рѣзкій, металлическій звукъ.

— Я не одна носила имя Селестенъ, которое для меня не только гордость, но и поученіе... еще одна женщина носила его. Эта женщина—моя сестра...

— У васъ была сестра? Я никогда не слыхалъ объ этомъ.

— Она умерла, и имя ея никогда не произносилось. Она была десятью годами старше меня. Она выучила меня первымъ играмъ, когда я была еще ребенкомъ, первымъ молитвамъ.

— Какъ вы ее, должно быть, любили?

— Да, я ее любила,—проговорила Регина взволнованнымъ голосомъ.—Въ настоящее время я бы не должна была о ней даже помнить, я говорю о ней даже съ дрожью.

— И вы говорите, что она воспитывала васъ, что она васъ любила?

— Мнѣ было шестнадцать лѣтъ,—продолжала Регина:—отецъ нашъ прогналъ изъ нашего дома человѣка, который просилъ руки его старшей дочери.

— Вѣроятно, онъ былъ разночинецъ.

— Нѣтъ, дворянинъ, съ именемъ; но этотъ человѣкъ, послѣдо-

ватель Лафайэта и Мирабо, былъ революціонеромъ. Сестра моя любила его и бѣжала съ нимъ. Мой отецъ проклялъ ихъ обоихъ.

— Этого господина звали?

— Не все ли равно какъ? Ему имя—стыдъ и позоръ, на челѣ его была печать крови... крови вотъ этой жертвы...

И дрожащею рукою она указала на бюстъ Людовика XVI.

— Однажды, — продолжала она, съ устремленными глазами, точно подъ гипнозомъ своихъ воспоминаній, — это было въ 1800 году. Въ Bocage было послѣднее возстаніе, наши крестьяне, разъяренные, бросились на замокъ, въ которомъ жилъ этотъ человѣкъ и та, которая промѣняла наше прекрасное имя на такое постыдное. Онъ защищался... Замокъ былъ взятъ, разрушенъ, сожженъ... Его жена, думая спастись бѣгствомъ съ ребенкомъ на рукахъ, была найдена черезъ два дня мертвою въ оврагѣ.

— А ребенокъ?

— Исчезъ... вѣроятно, тоже былъ убитъ.

Она остановилась на минуту, точно желая хорошенько взвѣсить то, что она собиралась сказать.

— Жоржъ, взгляните мнѣ прямо въ глаза. Эта женщина была изъ моей семьи, носила мое имя, въ ней текла моя кровь. Такъ знайте, что для нея, которая отреклась отъ своего рода, которая была соучастницею преступленія, 21-го января, величайшаго преступленія, какое когда либо было совершено, у меня нѣтъ ни одной слезы, ни одного вздоха, нѣтъ никакой жалости. Между нею и мной проклятіе моего отца воздвигло непреодолимую преграду; есть нѣчто, что выше всякой привязанности, любви, семьи, отечества: это Богъ и король! Кто предаетъ ихъ, предаетъ меня, кто идетъ противъ нихъ, поражаетъ меня. Понимаете ли вы теперь, виконтъ де-Лорисъ, отчего ваши слова пронзили мнѣ сердце точно остріемъ шпаги?

Лорисъ не зналъ за этой женщиной, которую онъ любилъ, такого пыла, напоминающаго собой вдохновеніе пророчицы.

Даже физіономія ея преобразилась. По лицу ея разлилась яркая краска, а сама она вся дрожала, точно сгорая страстью.

И въ первый разъ этотъ пылъ, эта страсть не передавались ему, не сжигали его.

Точно безсознательно, подъ вліяніемъ какой-то воли, которая была сильнѣе его, онъ спросилъ:

— А ребенокъ, этотъ ребенокъ вашей сестры, который исчезъ въ этой катастрофѣ междоусобной войны,—неужели вы никогда не вспомнили о немъ? Неужели вы ничего не сдѣлали, чтобы узнать, что съ нимъ сталось.

— Не все ли равно что? — проговорила глухимъ голосомъ Регина.—Развѣ вы забываете, что этотъ ребенокъ родился отъ одного изъ тѣхъ, которые не признавали Бога, убили короля, обезчестили Францію!

— Ребенокъ невиненъ!

— Только Богъ можетъ ему отпустить преступленіе его близкихъ. Наконецъ, все заставляетъ предполагать, что онъ умеръ, а если-бъ даже онъ былъ живъ, между нимъ и мною не существуетъ никакой связи.

Жоржъ замолчалъ; ему не хотѣлось настаивать, онъ боялся услыхать еще что нибудь въ томъ же родѣ. Въ немъ явился какой-то внутренній протестъ, инстинктъ состраданія, справедливости, который не поддавался этимъ фанатическимъ взглядамъ.

Регина продолжала:

— Другъ мой, братъ мой, можетъ быть, мнѣ не слѣдовало говорить съ вами въ такомъ тонѣ, но наканунѣ послѣдней борьбы, передъ разлукою съ вами...

Онъ вскрикнулъ:

— Разлука со мной! Что вы хотите сказать этимъ?

У него замерло сердце.

Она продолжала, взявъ его за руку:

— Наша разлука будетъ недолгою, повѣрьте, но у меня есть обязанности, и вы знаете, я не признаю никакихъ сдѣлокъ. Да, я должна буду уѣхать.

— Когда?

— Завтра, послѣ Champ de Mai.

— Куда? Развѣ я не могу васъ сопровождать, ѣхать съ вами?

— Нѣтъ, я должна быть одна... дѣйствовать одна... должна взять на себя извѣстную отвѣтственность, слишкомъ тяжелую для мужчины. Вотъ отчего, Жоржъ, обращаюсь къ вамъ, ко всей искренности вашей совѣсти. Быть можетъ, теперь нашъ крестъ покажется вамъ слишкомъ тяжелымъ. Если только это такъ, если вѣра въ васъ поколебалась, если трудъ вамъ не подъ силу, сознайтесь въ этомъ, этого требуетъ ваша честь. Я протяну вамъ руку и скажу: братъ мой, каждому свой путь—не мѣшайте мнѣ идти моей дорогою.

— И вы думаете, что во мнѣ найдется достаточно подлости, чтобы позволить вамъ подвергать себя опасности, которой я не буду раздѣлять съ вами? Такъ-то вы вѣрите въ мою любовь? Регина, дайте мнѣ клятву, что вы не уѣдете одна, что вы не покинете меня. Куда бы вы ни шли, я иду за вами... исполняя ваши приказанія, какъ преданный рабъ... Ахъ, Регина, неужели вы въ самомъ дѣлѣ усомнились во мнѣ?—во мнѣ, который живетъ, дышитъ только вами?

Она положила ему руку на уста.

— Если бы вы знали, какъ я желаю вамъ вѣрить!

Насталъ вечеръ. Послѣдніе лучи солнца, врываясь въ окно, скользили по ней, окружая ее блестящимъ сіяніемъ.

— Я вашъ,—проговорилъ онъ,—навсегда, навѣки... Я желаю одного только—быть достойнымъ васъ.

— Благодарю васъ, теперь уходите... О, не надолго. Черезъ часъ вернитесь, у насъ вечеромъ важное собраніе. Будутъ обсуждаться серьезныя рѣшенія. Я разсчитываю на васъ.

— Но вы не уѣдете?

Она улыбнулась.

— Развѣ это хваленая преданность? Я ваша Регина, или нѣтъ?

Жоржъ хотѣлъ было сказать что-то, защитить тотъ дурно формулированный свой доводъ, который былъ ему такъ ясенъ.

Слова лились потоками изъ его сердца, но на устахъ для нихъ не было выраженій. Онъ склонился къ протянутымъ къ нему рукамъ, приложился къ нимъ долгимъ поцѣлуемъ и вышелъ.

Регина оставалась неподвижною.

Она была глубоко тронута этой молодой, восторженной любовью и, вопреки ея увѣреніямъ, она гордилась, что ее ставятъ выше всѣхъ и всего.

Регина никогда не любила: всѣ силы ея сконцентрировались въ политическихъ страстяхъ, которыя замѣнили ей всѣ иллюзіи дѣйствительной жизни.

По временамъ ей казалось, что силы измѣняютъ ей. Но она себя помнила; гордость снова приковывала ее къ ея неизмѣнной вѣрности; нѣтъ, она не имѣла права быть женщиною, не даромъ девизомъ ихъ рода было: «Non sibi, sed regi».

И, проведя рукой по лбу, она отправилась въ свой рабочій кабинетъ, къ капитану Лавердьеръ, который ее ожидалъ.

VI.

Не прошло часа, какъ Жоржъ Лорисъ былъ снова въ отелѣ де-Люсьенъ.

Онъ пережилъ за этотъ часъ тяжкія опасенія, невыразимыя тревоги. Всемогущая любовь снова овладѣла имъ, и онъ искренно допрашивалъ себя, достоинъ ли онъ Регины, не далъ ли онъ ей своею слабостью, нерѣшительностью повода сомнѣваться въ немъ.

Если въ ея присутствіи онъ и былъ неспокоенъ, говорилъ безсвязныя рѣчи, то какъ только онъ отошелъ отъ нея, она предстала ему во всей своей неумолимой, безгрѣшной красотѣ героини,—какимъ онъ долженъ былъ казаться ей подлымъ трусомъ! Но отчего сегодня ея энтузіазмъ удивилъ, испугалъ его больше, чѣмъ въ другіе дни? Развѣ онъ не былъ все тотъ же вѣрный рыцарь за правое дѣло—за Бога и за короля? Что за нерѣшительность заставляла лавировать его совѣсть между столькими чувствами? Отчего нѣкоторыя слова, столько разъ уже слышанныя, заставляли его страдать?

Въ улицахъ, по которымъ онъ бродилъ, чтобы убить время, было чрезвычайно оживленно. Направляясь къ Марсову полю, гдѣ на другой день должна была происходить церемонія, шли цѣлыя роты солдатъ; у всѣхъ ружейныхъ штыковъ были приколоты трехцвѣтные букеты. Гуломъ стояли въ воздухѣ звуки «Марсельезы»; какой-то пьянчуга, среди улицы, съ красной опухшей физіономіей, кричалъ: «долой иностранцевъ!».

Жоржъ, скорѣе печальный, чѣмъ сердитый, шелъ торопливыми шагами.

Онъ старался попасть въ уединенныя улицы, чтобы снова отдаться своимъ мыслямъ, чтобы снова вызвать образъ Регины, и онъ чувствовалъ себя счастливымъ, что снова былъ въ ея власти, подъ обаяніемъ ея личности.

Развѣ онъ не былъ щедро вознагражденъ самымъ желаннымъ образомъ за то отреченіе, котораго она требовала? Развѣ она не была повелительницею его души, его совѣсти, его жизни? Онъ чувствовалъ потребность снова стать передъ нею на колѣни, отрѣшиться отъ всякихъ попытокъ сопротивленія.

Затѣмъ, онъ съ ужасомъ повторялъ себѣ, что она уѣдетъ. Не окончательный ли это разрывъ? Быть можетъ, она не хотѣла сказать прямо, что не любитъ его. Онъ боялся сойдти съ ума отъ горя и безпокойства.

Не была ли уже признакомъ того, что онъ не въ умѣ, его безумная попытка сопротивленія?

Часъ прошелъ, онъ направился къ отелю. Салонъ маркизы былъ уже почти полонъ.

При свѣтѣ свѣчей блестѣли мундиры и костюмы придворныхъ. Великосвѣтское собраніе. Всѣ радостно встрѣтили молодаго человѣка, всѣ жали ему руки.

Тутъ вмѣстѣ съ графомъ Тремовилемъ были офицеры, о которыхъ онъ упоминалъ и которые принадлежали къ главному штабу генерала Бурмона: маркизъ де-Трезекъ, баронъ Водеваль, графъ Гишемонъ; затѣмъ старые эмигранты, съ которыми Лорисъ былъ еще раньше знакомъ, когда рыскалъ по свѣту съ своимъ дядей, барономъ Тиссакомъ, все старички, которые вѣрили съ гордостью въ несомнѣнное возмездіе въ будущемъ.

Отъ утренней размолвки съ Тремовилемъ—никакихъ видимыхъ слѣдовъ.

Всѣ разговаривали совершенно непринужденно, третируя узурпатора и его приверженцевъ самымъ смѣлымъ, дерзкимъ образомъ. Вдругъ раздался громко чей-то кислый голосъ:

— Я стыжусь, что вижу въ Парижѣ этихъ негодяевъ, которые разбили австрійцевъ подъ Аустерлицемъ, пруссаковъ въ Іенѣ, русскихъ подъ Москвою. Мое сердце возмущается при мысли, что эти разбойники проявили столько храбрости, столько пыла, такую

выдержку въ неудачѣ, которая со стороны другихъ, а не этихъ чудовищъ, была бы просто величественна. Какіе разбойники!

Лорисъ быстро обернулся.

— Вы? милѣйшій аббатъ!—воскликнулъ онъ, простирая къ нему объятія:—какъ я счастливъ васъ видѣть! Что же вы подѣлываете?

Аббатъ Блашъ,—это былъ онъ, все такой же тоненькій, въ напудренномъ парикѣ, въ сюртукѣ à la française, все такой же забавный, съ своимъ профилемъ фантоша, съ маленькими, мигающими глазками,—дружески обнялъ своего воспитанника.

— Да, да, это я самъ!—проговорилъ онъ:—я пріѣхалъ посмотрѣть, какъ-то этотъ негодяй,—я подразумѣваю Бонапарта,—выберется изъ этого дѣла. Это просто чудеса, какая-то дьявольщина это завоеваніе Франціи отъ залива Frejus до колокольни Notre Dame de Paris. Нашъ король, съ подобающимъ ему величіемъ, достоинствомъ, конечно, не остался, чтобы его встрѣтить на порогѣ дворца. Великолѣпно! Съ людьми такого сорта не знаются! Я знаю, что есть сумасброды, увлекающіеся этимъ бѣглецемъ, этимъ неисправимымъ человѣкомъ, который въ два мѣсяца организовалъ себѣ армію, съ которой, чего добраго, добьется того, что народъ его завтра провозгласитъ: вѣдь это — куча глупцовъ, которые не въ состояніи понять, какими прелестями сопровождалось бы это нашествіе! Все это, надо сознаться, не лишено сатанинскаго величія, и Франція безспорно была бы самою прекрасною страною міра, если бы она не была такъ преступна.

И маленькій аббатъ, съ своимъ ироническимъ оттѣнкомъ, этимъ обоюдо-острымъ оружіемъ, такъ хорошо знакомымъ Лорису, распространялся въ самыхъ сумасбродныхъ прозопопеяхъ.

Неужели же кто нибудь вѣрилъ этому возобновленному пріему слуги Донъ-Жуана? Быть можетъ. Вѣдь у фанатиковъ нѣтъ ясновидѣнія обыкновенныхъ людей.

Онъ говорилъ вполголоса, возвышая его только для бранныхъ возгласовъ.

Всѣ смѣялись, дѣлая видъ, что одобряютъ его. Въ эту минуту произошло общее смятеніе. Вошелъ господинъ, царедворецъ на видъ, лѣтъ сорока, худой, высокій, чрезвычайно изящный, всѣ бросились къ нему. Аббатъ Блашъ, вмѣстѣ съ другими, направился въ его сторону. Лорисъ остался одинъ. Изъ любопытства онъ подошелъ ближе.

Новый гость съ снисхожденіемъ, полнымъ достоинства, относился къ выраженіямъ почтенія, какое ему воздавалось, очевидно, по заслугамъ.

Лорисъ дотронулся до плеча Тремовиля.

— Кто это такой?—спросилъ онъ его на ухо.

— Развѣ вы его не знаете?—отвѣтилъ также тихо Тремовиль.—Это мсьё де-Маларвикъ, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ

ихъ величествъ, или, вѣрнѣе, ихъ повѣренный, единственный, который въ состояніи противодѣйствовать вліянію Блакаса.

— А молодой человѣкъ, который съ нимъ?

— Это его сынъ. Кстати, любезный другъ, я вамъ дамъ одинъ совѣтъ.

— Какой?

Тремовиль увлекъ Лориса въ амбразуру окна.

— Это величайшая нескромность, дайте слово, что вы никому этого не передадите.

— Вѣдь вы же меня знаете, Тремовиль.

— Ни даже m-me де-Люсьенъ.

— Даже ей. Отчего?

— Потому что... баронъ де-Маларвикъ, какъ я слышалъ, по волѣ короля, претендентъ на руку маркизы.

Лорисъ едва удержался, чтобъ не вскрикнуть отъ гнѣва.

— Нахалъ! да развѣ онъ не знаетъ, что m-me де-Люсьенъ уже дала мнѣ слово!

— Извините, но я долженъ сказать, что слово, данное вамъ, слишкомъ интимнаго свойства, это... обрученіе держалось въ такой тайнѣ, что даже я могъ или долженъ былъ не знать о немъ.

Лорисъ закусилъ губы. Тремовиль былъ правъ, а онъ, подъ вліяніемъ первой минуты злобы, выдалъ секретъ, который не принадлежалъ ему.

Но отступать было поздно.

— О, я съумѣю отдѣлать этого запоздалаго претендента.

— Который, предупреждаю васъ, не сдастся безъ борьбы. Какъ мнѣ говорили, король обѣщалъ ему вмѣстѣ съ женитьбой званіе маркиза... и княжеское приданое. Во всякомъ случаѣ вамъ придется имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ тѣмъ болѣе, что мсьё де-Маларвикъ оказалъ нашей партіи серьезную услугу.

— Какую?

— О, не требуйте отъ меня трансцендентальной политики.

Лорисъ собирался продолжать свои разспросы, какъ вдругъ всѣ разступились—вошла маркиза.

Въ бѣломъ атласномъ платьѣ, безъ всякихъ драгоцѣнностей, она походила на статую, сошедшую съ пьедестала.

Прежде, чѣмъ Лорисъ успѣлъ сдѣлать шагъ къ ней, мсьё де-Маларвикъ уже подошелъ къ маркизѣ съ низкимъ поклономъ.

Она протянула ему руку:

— Привѣтствую васъ,—обратилась она къ нему.—Какъ вы знаете, господа, мсьё де-Маларвикъ показалъ намъ, какъ далеко можетъ идти преданность къ королю. Благодаря ему, состоялось перемиріе между нашими храбрыми вандейцами и войскомъ узурпатора.

— Перемиріе!—воскликнулъ Лорисъ, горѣвшій нетерпѣніемъ

выдвинуться впередъ.—Развѣ не было долгомъ солдатъ короля драться до послѣдней капли крови, отодвигая къ западу войска Бонапарта и сдвигая ихъ такимъ образомъ съ границъ!

Мсьё де-Маларвикъ повернулся въ сторону молодаго человѣка, вѣроятно, пораженный его неожиданнымъ вмѣшательствомъ.

— Мсьё де-Лорисъ,—проговорила маркиза, опускаясь на диванъ и приглашая вандейца знакомъ сѣсть около нея, тогда какъ всѣ остальные окружили ее,—вы храбрый слуга короля. Но вы, вѣроятно, не прошли серьезной политической школы, не въ обиду будь вамъ это сказано, милѣйшій аббатъ Блашъ. Вамъ бы слѣдовало объяснить вашему ученику, что иногда приходится соглашаться на извѣстныя уступки ради болѣе серьезныхъ выгодъ. Если мы согласились на отдыхъ нашихъ самыхъ лучшихъ защитниковъ, то только имѣя въ виду выиграть капитальныя выгоды. Мсьё Фуше взялъ на себя устройство этого деликатнаго дѣла, и король при случаѣ выразитъ ему по этому поводу свое удовольствіе.

— Мсьё Фуше!—воскликнулъ неисправимый молодой человѣкъ, который все болѣе и болѣе горячился, замѣтивъ, что баронъ, рослый малый, лѣтъ тридцати, рыжій, красный, улыбался при каждомъ словѣ маркизы.—Ужъ не заключили ли мы договора съ цареубійцами?

Всѣ смолкли: дѣйствительно Лорисъ, съ своей юношеской неосмотрительностью, всѣхъ стѣснялъ.

Но маркиза нашлась, какъ всегда:

— Высшая дипломатія, мсьё Лорисъ. Я надѣюсь, что вы дѣлаете мнѣ честь не сомнѣваться во мнѣ.

Лорисъ чувствовалъ, что блѣднѣетъ. По незамѣтному оттѣнку въ голосѣ Регины онъ понялъ, что сдѣлалъ большую ошибку и какъ разъ въ то время, когда его предупредили о непредвидѣнной опасности.

— Я принадлежу вамъ, маркиза,—отвѣтилъ онъ разстроганнымъ голосомъ, стараясь быть спокойнымъ:—и прошу васъ простить мнѣ мое невѣдѣніе.

— И я не буду неумолимой, повѣрьте мнѣ,—проговорила она съ нѣжностью, отъ которой радостно забилось сердце бѣднаго мальчика.

Затѣмъ, обращаясь къ другому изъ присутствующихъ:

— Мсьё де-Трезекъ,—начала она,—я сегодня утромъ получила записку отъ мсьё де-Бурмонъ: онъ придаетъ большое значеніе тому, чтобы мсьё де-Шамбоа, этотъ благородный человѣкъ, убитый якобинцами, былъ какъ можно скорѣе замѣщенъ. Вы знаете, какъ важно для насъ, чтобы корпусъ офицеровъ, которые окружаютъ генералъ-лейтенанта, былъ преданъ королю. Я дала вамъ одно порученіе. Палъ ли вашъ выборъ на кого нибудь?

Лорисъ вздрогнулъ. Очевидно, въ этотъ вечеръ для него одна неожиданность смѣнялась другою.

Де-Люсьенъ вербовала офицеровъ для арміи Наполеона!

— Я поручилъ мсьё де-Тремовилю,—замѣтилъ Трезекъ,—сдѣлать выборъ. Я знаю, что онъ имѣлъ самъ кого-то въ виду...

— Кто же у насъ новый поручикъ, мсьё де-Тремовиль?

— Къ сожалѣнію, маркиза, я ошибся въ моихъ надеждахъ. Тотъ, кого я мысленно имѣлъ въ виду для этого назначенія, рѣшительно отъ него отказался.

— И вы говорите, что это—человѣкъ, преданный нашему дѣлу?

— Я не знаю болѣе преданнаго...

— Его имя?

— Я далъ ему честное слово не называть его.

— Онъ возвращаетъ вамъ ваше слово, мсьё де-Тремовиль!—воскликнулъ Лорисъ.—Тотъ, который былъ такъ пораженъ предложеніемъ служить въ арміи Бонапарта,—это я!

На этотъ разъ Регина не могла скрыть своего неудовольствія.

Ея глаза впились въ глаза Лориса; онъ увидалъ въ нихъ гнѣвъ, даже угрозу.

— Я не зналъ,—пробормоталъ онъ:—что это предложеніе шло отъ васъ.

— Это не причина, которая могла бы одержать верхъ надъ вашею волею.

— Мнѣ казалось,—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе теряясь:—что оно идетъ въ разрѣзъ съ моимъ долгомъ...

— Вашъ долгъ служить королю.

— И я готовъ умереть за него, но не за человѣка, котораго я презираю и ненавижу.

— Тутъ нѣтъ и рѣчи о смерти за Бонапарта. Дѣло идетъ о мсьё де-Вурмонъ, о немъ одномъ, и я утверждаю, что у короля нѣтъ лучшаго солдата.

— Въ такомъ случаѣ,—заговорилъ въ первый разъ баронъ де-Маларвикъ,—я считалъ бы за особое для себя счастье, если бы за отказомъ мсьё де-Лориса вамъ угодно было вписать мое имя.

Тремовиль и Лорисъ переглянулись.

— Вы сказали: за отказомъ... мсьё де-Лориса,—замѣтилъ Тремовиль.

— А я не отказываюсь, я принимаю,—прибавилъ Лорисъ, отвѣшивая поклонъ m-me де-Люсьенъ.

Баронъ Гекторъ де-Маларвикъ оглянулся; оба мужчины глядѣли другъ на друга въ упоръ.

Гекторъ сдѣлалъ шагъ назадъ и, обращаясь къ m-me де-Люсьенъ, сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я буду надѣяться, что маркиза не лишитъ меня возможности въ другой разъ доказать ей мою преданность.

Офицеры окружили Лориса и поздравляли его съ принятымъ рѣшеніемъ. Они говорили, что его нерѣшительность была имъ совсѣмъ непонятна. Развѣ они для него не достаточная гарантія, что отъ него не потребуется ничего, что было бы противъ интересовъ ихъ дѣла?

А онъ, точно въ какомъ-то опьяненіи, не слышалъ ихъ словъ.

— Однако, вѣдь нѣтъ же двухъ способовъ службы,—прошепталъ онъ.

— Какъ нѣтъ?—услыхалъ онъ надъ своимъ ухомъ ироническій голосъ:—а саксонцы подъ Лейпцигомъ.

Лорисъ вздрогнулъ. Это напоминаніе о страшной измѣнѣ на полѣ сраженія привело его въ ужасъ. Но въ ту минуту, какъ онъ собирался подойдти къ аббату Блашу,—это былъ его голосъ,—и просить объяснить значеніе его мрачныхъ словъ, онъ увидалъ, что баронъ Гекторъ подошелъ къ m-me де-Люсьенъ, которая встрѣтила его самой любезной улыбкой.

Онъ вернулся къ группѣ, которая окружала маркизу.

Разговоръ продолжался о завтрашней церемоніи. Нѣкоторые утверждали, что Наполеонъ будетъ встрѣченъ шиканьемъ, свистками.

— Не забудьте,—сказалъ Тремовиль Лорису:—что завтра мы взбираемся на нашу Голгоѳу.

— Я буду тамъ,—отвѣтилъ Лорисъ:—только не знаю, удержусь ли, чтобы не закричать: «Да здравствуетъ король!».

Маркиза погрозила ему.

— Вы будете дѣлать то, что вамъ прикажутъ... а вамъ будетъ дано приказаніе молчать.

Она подала знакъ къ разъѣзду, точно королева, отпускающая своихъ придворныхъ.

Мсьё де-Маларвикъ просилъ у m-me де-Люсьенъ разрѣшенія надняхъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Она взглянула на Лориса и отвѣтила, извиняясь предстоящимъ отъѣздомъ.

Очевидно, она не сердилась на Лориса, а онъ съ свойственнымъ молодости непостоянствомъ былъ снова счастливъ до безумія.

— Дайте всѣмъ разъѣхаться и вернитесь черезъ десять минутъ,—сказала она ему тихо.

VII.

Что произошло между m-me де-Люсьенъ и капитаномъ Лавердьеромъ?

Посѣтителю пришлось довольно долго ждать, пока Регина разговаривала съ Лорисомъ въ молельнѣ; онъ, усталый, послѣ всѣхъ перипетій дня, забылъ всѣ элементарныя правила француз-

ской вѣжливости, растянулся во всю длину на диванѣ, который стоялъ въ кабинетѣ маркизы напротивъ окна, и заснулъ сномъ праведнаго. Онъ не слыхалъ, какъ открылась дверь.

Регина стояла передъ нимъ съ лампою въ рукахъ и смотрѣла на этого спящаго человѣка.

Физіономія Лавердьера, въ неподвижности сна, въ этомъ спокойствіи всѣхъ линій лица, не была лишена извѣстной доли красоты: свѣжій, съ выдающимся лбомъ, съ широкою челюстью, онъ напоминалъ типъ рейтаровъ, изображенныхъ на стеклахъ въ нѣмецкихъ пивныхъ, но только понаящнѣе.

Маркиза невольно остановилась и разсматривала его; на лицѣ ея виднѣлось состраданіе. Она чувствовала, что этотъ человѣкъ избраннаго происхожденія, и жалѣла, что онъ палъ такъ низко.

Онъ вдругъ открылъ глаза и въ полуснѣ сталъ навытяжку, со шляпою въ рукахъ.

— Простите меня, маркиза, но усталость, жара...

Она прервала его гордымъ движеніемъ:

— Нечего извиняться. Отвѣчайте на мои вопросы: можно ли разсчитывать на тѣхъ людей, о которыхъ вы говорили?...

— Они къ вашимъ услугамъ, маркиза, такъ же какъ и ихъ начальникъ.

— Что это за люди?

Капитанъ слегка усмѣхнулся.

— Все честные люди, готовые на всякое дѣло, за которое имъ хорошо заплатятъ.

— Вѣроятно, и на измѣну въ пользу того, кто имъ заплатитъ больше.

Лавердьеръ на минуту задумался, затѣмъ добродушно отвѣтилъ:

— Весьма вѣроятно.

— Храбрые?

— До висѣлицы... говоря старымъ стилемъ.

— Какихъ политическихъ убѣжденій?

— Цвѣта вина и лакомаго куска.

— Ихъ много?

— Шестеро, ни больше ни меньше. Мнѣ еще неизвѣстно, какую миссію маркизѣ будетъ угодно на меня возложить, но я могу увѣрить моимъ опытомъ солдата, что небольшое число въ большинствѣ случаевъ гарантія успѣха.

— Вѣрю... Есть, однако, одинъ пунктъ, на которомъ я настаиваю.

Она взглянула ему прямо въ лице.

— Мнѣ было бы весьма непріятно, чтобы люди, которые будутъ бороться за такое правое дѣло и которые будутъ подвергаться величайшимъ опасностямъ, напримѣръ, могутъ попасться въ руки

нашихъ противниковъ, имѣли бы за собою безчестное прошлое, которое могло бы загрязнить знамя, которому они будутъ служить.

— Надѣюсь, маркиза не разсчитываетъ, чтобы для темныхъ дѣлъ, за которыя наградою бываетъ не честь, а мука, въ которыхъ приходится жертвовать жизнью за нѣсколько золотыхъ, я могъ предложить ей воплощенную добродѣтель.

Это было сказано рѣзко, почти грубо.

— Въ сущности безразлично, что это за люди, но, по крайней мѣрѣ, ихъ начальникъ?

Лавердьеръ сдѣлалъ странное движеніе.

— Я бы просилъ васъ, маркиза, не относиться къ ихъ начальнику, какъ къ орудію, которое можно купить за деньги, но какъ къ товарищу въ общемъ дѣлѣ. И тогда этотъ начальникъ будетъ готовъ открыть вамъ всю душу, предоставивъ вамъ право судить, на сколько онъ достоинъ.

Маркиза, пораженная торжественностью его тона, молчала.

— А теперь, маркиза,—продолжалъ онъ,—я жду вашихъ приказаній.

— Я желаю знать сперва ваши условія.

— Пятьдесятъ луидоровъ на человѣка за двухнедѣльную службу.

— Я дамъ по сотнѣ.

— Они не откажутся.

— А вамъ сколько?

— Ничего, если вы согласны.

Уже во второй разъ онъ предлагалъ маркизѣ нѣчто въ родѣ договора съ нимъ, который ставилъ его на одну ногу съ ней.

— Это будетъ слишкомъ дорого. Сколько деньгами?

— Вдвое противъ того, что получатъ мои люди.

— Рѣшено, шестьсотъ луидоровъ вашимъ людямъ, тысяча двѣсти вамъ.

— Извините, маркиза, вы не совсѣмъ меня поняли: для себя я прошу двойную плату одного человѣка, т. е. двѣсти.

— Избавьте, пожалуйста, отъ лишнихъ объясненій. Я уже сказала.

— Преклоняюсь, это покоролевски, но...

— Но?

— Не подумайте, что я чего нибудь страшусь, но я не могу удержаться, чтобы не спросить, за какой трудъ такое щедрое вознагражденіе.

— Вознагражденіе измѣряется услугою... Исполните свое дѣло и можете съ меня потомъ требовать, что хотите...

— Я не сомнѣваюсь въ нашемъ успѣхѣ, и тогда я буду имѣть честь напомнить о вашемъ обѣщаніи... быть можетъ, тогда я осмѣлюсь у васъ попросить...

— Чего?

— Больше, чѣмъ денегъ.

— Прекрасно... объ этомъ поговоримъ въ свое время. Еще вопросъ: вы не связаны никакими узами интереса, привязанности, благодарности?

— Съ кѣмъ, маркиза?—спросилъ Лавердьеръ съ любопытствомъ, перебирая мысленно, къ кому бы могли у него заподозрѣть какое нибудь чувство.

— Съ узарпаторомъ, съ Наполеономъ?

— Съ нимъ-то!—воскликнулъ Лавердьеръ:—о, будьте покойны.

И онъ откровенно добавилъ:

— Императоръ и жандармы—мои двѣ антипатіи.

Онъ, очевидно, чувствовалъ потребность быть откровеннымъ.

Регина не поощряла его въ этомъ, хотя это странное существо, это соединеніе какъ будто достоинства и вмѣстѣ цинизма, внушало ей сочувствіе.

— Такъ что, если бы потребовалось, вы не прочь были бы лично напасть на Наполеона?

Капитанъ ничего не сказалъ, но его молчаливый жестъ былъ ясенъ всякому.

— Меня начинаетъ увлекать эта распря,—прибавилъ онъ:—и увѣряю васъ, что я готовъ бы ее вести безплатно,—одно слово: буду ли я дѣйствовать самостоятельно, или я буду подчиненъ начальнику?

— Начальнику, одному только.

— Его зовутъ?

— Это вы узнаете позже.

— Я предпочелъ бы полную свободу дѣйствій... въ нѣкоторыхъ деликатныхъ обязанностяхъ лучше рѣшать и дѣйствовать одному.

— Не бойтесь. Вашъ будущій начальникъ предоставитъ вамъ на столько свободы, чтобы вы могли дѣйствовать самостоятельно.

— Въ такомъ случаѣ смиряюсь. А когда выступить? Не дождусь этой минуты.

— Можете ли вы быть готовы завтра?

— Завтра, конечно.

— Но какъ же пройдете вы съ вашимъ маленькимъ отрядомъ, не возбудивъ подозрѣнія?

— О!—засмѣялся онъ,—въ наши времена патріотизма это не трудно. Куда предстоитъ намъ идти?

— А вотъ слушайте.

Она подошла къ своему бюро, открыла ящикъ, вынула оттуда запечатанный конвертъ и, водя пальцемъ по разложенной картѣ:

— Здѣсь,—начала она,—въ двухъ лье отъ Мобёжа есть деревня Бергштейнъ. Вы войдете въ трактиръ съ вывѣской «Голубой Лебедь», здѣсь вы будете ожидать, проводя время въ ѣдѣ и питьѣ, не проявляя ничѣмъ иначе вашего присутствія. Черезъ день, дру-

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1892 г.

См. слѣд. стр.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

M. de Glinka

A mon [illegible] [illegible]
Paris le 26/15 mai 1845.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Дозв. ценз. Спб., 23 февраля 1892 г.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XII.

СЕМЬЯ Сергѣя Владиміровича Ратморцева проводила большую часть года въ имѣніи Святскомъ, въ Псковской губерніи.

Имѣніе было небольшое, но отлично устроенное и какъ нельзя удобнѣе, приспособлено для спокойной, комфортабельной жизни. Просторный и уютный барскій домъ былъ наполненъ прекрасными картинами, вывезенными изъ-за границы, богатой библіотекой и красивой, изящной мебелью. При немъ былъ старый паркъ съ тѣнистыми, изъ столѣтнихъ деревьевъ, аллеями, садъ съ рѣдкими цвѣтами, парники и оранжереи, содержавшіеся въ образцовомъ порядкѣ.

Святское было дорого семьѣ Ратморцевыхъ по фамильнымъ воспоминаніямъ.

Здѣсь прожила все свое дѣтство и раннюю юность жена Сергѣя Владиміровича, Людмила Николаевна.

Матери своей она не помнила, а когда ей минуло лѣтъ пять, отецъ ея попалъ въ немилость и, не дожидаясь, чтобъ его сослали, взялъ отставку и подъ предлогомъ нездоровья поселился въ деревнѣ, откуда не выѣзжалъ до самой смерти, занимаясь хозяйствомъ и воспитаніемъ дочери.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 297.

На затѣяхъ по хозяйству онъ разорился, а изъ его дочери вышло такое странное, не похожее на другихъ дѣвицъ изъ общества, существо, что когда про нее заходила рѣчь въ кругу родственниковъ и пріятельницъ ея покойной матери, всѣ пожимали плечами, жалѣли бѣдную дѣвушку и осуждали ея отца.

Чудакъ этотъ даже гувернантокъ не нанималъ для дочери, а училъ ее самъ разнымъ наукамъ, а когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, списался съ знакомымъ семействомъ за границей, гдѣ самъ онъ въ молодости долго жилъ, и отправилъ ее съ старой русской няней на два года въ Швейцарію.

Зачѣмъ именно въ Швейцарію и чему ее тамъ обучили въ семействѣ, гдѣ она жила, для всѣхъ оставалось загадкой.

Вернулась она назадъ не съ одной няней, а съ иностранцемъ пожилыхъ лѣтъ, по фамиліи Vaillant, съ которымъ и продолжала заниматься науками, какъ школьница, вмѣсто того, чтобъ выѣзжать въ свѣтъ, какъ всѣ дѣвушки ея лѣтъ и состоянія.

Богъ знаетъ, до какихъ поръ это бы продолжалось, если бы судьба не закинула въ ближайшую отъ нихъ деревню молодаго Ратморцева, и если-бъ случай не свелъ ихъ въ приходской церкви на храмовомъ праздникѣ.

Сергѣй Владиміровичъ влюбился въ Людмилу Николаевну съ перваго же взгляда и чуть не умеръ отъ отчаянья, когда родители объявили ему, что имъ не совсѣмъ по вкусу его выборъ. Отецъ Людмилы тоже не хотѣлъ слышать о томъ, чтобъ разставаться съ дочерью. Цѣлыхъ два года длилось мученіе влюбленныхъ, и, наконецъ, дѣло сладилось.

Какъ потекла жизнь молодыхъ, никто въ петербургскомъ обществѣ не зналъ.

Сергѣй Ратморцевъ (говорили, что по желанію тестя) вышелъ изъ военной службы, поступилъ въ гражданскую и съ прежними товарищами всякія сношенія порвалъ.

Жена его въ свѣтъ не выѣзжала.

Лѣтъ пять у нихъ не было дѣтей, а потомъ родились двѣ дѣвочки, близнецы.

Послѣ родовъ, совпавшихъ со смертью ея отца (родители ея мужа умерли раньше), Ратморцева долго была больна и жила съ дочерьми за границей.

Дѣвочки были слабенькія, и когда мать ихъ поправилась здоровьемъ, пришлось для нихъ еще нѣкоторое время оставаться въ Италіи, а по возвращеніи на родину жить бо́льшую часть года въ деревнѣ и только зиму проводить въ Петербургѣ.

Впрочемъ, и здѣсь Людмила Николаевна не измѣняла своего образа жизни, во всемъ противоположнаго тому, что вели дамы того общества, къ которому она могла бы принадлежать, какъ по своему рожденію и состоянію, такъ и по служебному положенію

своего мужа. Она вставала чуть свѣтъ, весь день съ помощью мсьё Vaillant, переѣхавшаго въ ихъ домъ послѣ смерти ея отца, занималась дѣтьми, вечера проводила съ мужемъ за книгами и ложилась спать въ то время, когда другія отправлялись на балы и на вечера.

Но въ тотъ годъ, съ котораго начинается этотъ разсказъ, строй жизни, благодаря которому дѣвочки Ратморцевы крѣпли и развивались нравственно и физически, какъ тропическія растенія, выдерживаемыя искуснымъ и терпѣливымъ садовникомъ вдали отъ всякихъ пагубныхъ вліяній, этотъ строй жизни долженъ былъ нарушиться.

Лѣтомъ, на водахъ въ Богеміи, гдѣ Сергѣй Владиміровичъ лечился отъ болѣзни печени, съ семействомъ его познакомилась очень коротко одна особа, близкая къ императрицѣ, и послѣдствіемъ этого знакомства было представленіе ко двору Людмилы Николаевны съ дочерьми.

Въ городѣ было много толковъ по поводу этого представленія.

Разсказывали, что Ратморцева понятія не имѣетъ о придворномъ этикетѣ, что дочери ея не умѣютъ ни дѣлать реверансовъ, ни разговаривать съ высокопоставленными особами, а что всего ужаснѣе, ни у нея, ни у дочерей ея, нѣтъ драгоцѣнныхъ вещей ни брилліантовъ, ни жемчуговъ, ничего однимъ словомъ.

Но куда же дѣвались ихъ фамильныя драгоцѣнности?

Современницы покойной матери Ратморцева помнили у нея прекрасные колье, гребни, браслеты, усыпанные каменьями,—куда же все это дѣлось?

Да и послѣ матери Людмилы Николаевны должны были остаться богатыя украшенія; она не послѣднюю роль играла при дворѣ императрицы Екатерины Алексѣевны.

Баронесса Фреденборгъ, посѣщавшая чаще другихъ родственниковъ своихъ Ратморцевыхъ и хваставшаяся тѣмъ, что ей хорошо извѣстна ихъ интимная жизнь, увѣряла, будто Людмила Николаевна въ бытность свою за границей, промѣняла фамильныя драгоцѣнности на такого рода произведенія искусства, какъ картины старинныхъ мастеровъ, изваянія знаменитыхъ художниковъ и тому подобное.

— У нихъ есть статуи и картины, которыя стоятъ тысячи, я знаю навѣрное, мнѣ самъ Аркадій Львовичъ говорилъ, а ужъ онъ толкъ знаетъ,—утверждала баронесса.—А сколько они тратятъ на книги! Даже страшно подумать. Каждый годъ имъ не меньше какъ на тысячу рублей высылаютъ книгъ изъ-за границы.

— И къ чему все это?—дивились всѣ.

Какъ бы тамъ ни было и, хотя дочерей своихъ Людмила Николаевна представила ко двору въ очень простыхъ платьяхъ, а сама одѣта была какъ квакерша, безъ единаго брилліантика, но

дѣвочки были такія хорошенькія и граціозныя, что ихъ нашли восхитительными, особенно когда увидѣли, какъ ласково обошлась съ ними императрица и великія княжны.

Вскорѣ послѣ этого представленія Ратморцевъ увезъ семью въ деревню и, поживъ тамъ недѣли двѣ, вернулся въ Петербургъ.

Служба не позволяла ему пользоваться продолжительными отпусками; болѣе двухъ разъ въ лѣто онъ пріѣзжать въ деревню не могъ, и волей-неволей приходилось довольствоваться перепиской съ женой и дочерьми.

Это было для него такъ тяжело, что онъ часто подумывалъ о томъ, чтобы, по примѣру покойнаго тестя, выйдти въ отставку, поселиться въ деревнѣ и заниматься хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, но Людмила Николаевна была очень честолюбива за мужа и готова была на всевозможныя жертвы и даже на разлуку съ нимъ, что было для нея всего тяжелѣе, лишь бы только онъ шелъ все выше и выше по пути, завѣщанному ему и отцомъ его, и дѣдомъ, которые занимали важныя административныя должности и слыли людьми, принесшими много пользы Россіи.

Наступилъ конецъ сентября, полили дожди, и ясныхъ, теплыхъ дней выдавалось немного, но въ Святскомъ господа объ отъѣздѣ въ городъ еще не помышляли, какъ вдругъ прискакалъ изъ Петербурга гонецъ съ письмомъ отъ барина, и барыня, прочитавъ это письмо, очень взволновалась и послала за управителемъ.

— Сергѣй Владиміровичъ желаетъ, чтобъ мы какъ можно скорѣе переѣзжали въ городъ. Когда намъ можно будетъ выѣхать, Семенычъ? Мнѣ хотѣлось бы во вторникъ,—объявила она толстяку съ добродушнымъ лицемъ и широкой бородой лопатой, прибѣжавшему на зовъ барыни съ гумна и ожидавшему приказаній въ дверяхъ столовой.

— Какъ твоей милости угодно, такъ и будетъ, матушка барыня, а только что-жъ это вы у насъ такъ мало въ нынѣшнемъ году погостили,—отвѣчалъ Семенычъ.

— Нельзя, Семенычъ, Сергѣй Владиміровичъ соскучился. Да и хлопотъ намъ въ эту зиму предстоитъ не мало. Барышни наши въ возростъ вошли, надо ихъ въ свѣтъ вывозить.

При послѣднихъ словахъ озабоченное выраженіе ея лица на мгновеніе прояснилось той счастливой улыбкой, которая всегда у нея являлась, когда она говорила про своихъ дочерей.

— Какой ихъ возростъ! Еще цыплятки, — замѣтилъ старикъ.

— Такихъ-то цыплятокъ, какъ онѣ, замужъ ужъ берутъ,—проворчала хлопотавшая у чайнаго стола старая горничная Акулина, справлявшая въ деревнѣ должность ключницы.

А когда Семенычъ вышелъ, обстоятельно перетолковавши съ

барыней о дормезахъ и тарантасахъ, въ которыхъ должно было совершиться переселеніе господскаго семейства въ городъ, да о томъ, кого да кого изъ людей надо отправить впередъ, кого съ господами снарядить, а кого съ поклажей, Акулина, со смѣлостью старой, довѣренной и любимой слуги, спросила у барыни: все ли у нихъ въ городѣ благополучно, что баринъ ихъ такъ вдругъ отъѣздомъ заторопилъ?

— Слава Богу, Акулинушка, слава Богу. Сергѣй Владиміровичъ здоровъ, и все у насъ благополучно, а вотъ у братца Александра Васильевича, у того не ладно, — отвѣчала со вздохомъ барыня.

У Акулины глаза засвѣтились любопытствомъ, она подошла ближе и, пригибая къ Людмилѣ Николаевнѣ сѣдую голову, повязанную темнымъ платочкомъ, съ аккуратно стянутымъ спереди узелкомъ, спросила таинственно, понижая голосъ:

— А что, матушка, неужто-жъ и въ самомъ дѣлѣ про ту несчастную всплываетъ?

Людмила Николаевна утвердительно кивнула.

— Мать Пресвятая Богородица, помилуй насъ, грѣшныхъ! — набожно крестясь, всхлипнула отъ волненія старуха.

И продолжала съ мольбой въ голосѣ:

— Что-жъ они вамъ пишутъ, матушка, баринъ-то нашъ?

— Да плохо, Акулинушка. Что дальше будетъ, неизвѣстно, а теперь не хорошо поворачивается дѣло для Александра Васильевича. Жаль намъ отъ души его ни въ чемъ неповинныхъ жену и дѣтей. Если дѣло это не удастся замять, бѣда имъ всѣмъ грозитъ страшная. Такая страшная, что даже и представить себѣ невозможно, что съ ними тогда будетъ. Дочка его старшая еще не пристроена, мальчики совсѣмъ маленькіе, а сама она, Марья Леонтьевна, также безпомощная, несмѣлая.

— Задаритъ небось всѣхъ, заткнетъ кому нужно глотку, не таковскій, чтобъ попался, не безпокойтесь, ужъ съумѣетъ вывернуться,—злобно проворчала старуха.

Барыня не возражала. Она думала о письмѣ мужа, которое держала въ рукахъ, чтобъ на просторѣ его еще разъ перечитать и душа ея была въ большомъ смятеніи.

Сергѣй Владиміровичъ писалъ ей, что дѣло, поднятое противъ Воротынцева, съ каждымъ днемъ осложняется новыми подробностями и такими ужасными, что сообщать о нихъ въ письмѣ онъ считаетъ неудобнымъ. «При свиданіи все разскажу, а теперь прошу тебя, мой неоцѣненный другъ, внушить Акулинѣ, Семенычу и кому еще найдешь нужнымъ, чтобъ по пріѣздѣ въ городѣ наши люди съ Воротыновской челядью не якшались, а чтобъ разговоровъ про то, что у нихъ въ домѣ дѣлается, у насъ бы не распложалось».

Акулина была Воротыновская, и вывезли ее изъ роднаго села въ Петербургъ еще при жизни Мареы Григорьевны, прабабки съ материнской стороны Сергѣя Владиміровича.

Какъ родственница любимицы старой барыни, Ѳедосьи Ивановны, она съ ранняго дѣтства была взята въ домъ и многое должна была помнить изъ того, что тамъ въ то время происходило.

При ней Александръ Васильевичъ, юношей пятнадцати лѣтъ, пріѣзжалъ въ Воротыновку знакомиться со своей прабабкой.

— Пожалуйста, Акулинушка,—начала барыня, — наблюди ты, чтобъ, когда мы пріѣдемъ въ городъ, у насъ ни въ людскихъ, ни въ дѣвичьихъ, люди про это дѣло не болтали, особливо съ Воротынцевскими. Они, я знаю, къ намъ забѣгаютъ, да и наши тоже...

— Какъ же не забѣгать, сударыня, мало ништо у нашихъ, промежъ ихнихъ, земляковъ и родни! Вонъ Ѳомкѣ выѣздному ихній поваръ Константинъ роднымъ дядей приходится, а Мавра ихъ, Петрушкина мать, нашей Варварѣ двоюродная. Опять таки Марина ихъ нашего Степана племянникомъ зоветъ, и крестникъ онъ ейный вдобавокъ. Ужъ тутъ, какъ ни запрещай, какъ ни взыскивай, а ничего не подѣлаешь, все будутъ другъ къ дружкѣ бѣгать, да другъ объ дружкѣ сухотиться. Какъ нонѣшней весной баринъ-то ихній грозился Петрушкѣ лобъ забрить, у насъ вся эта исторія въ тотъ же день стала извѣстна. Какому лѣшему понадобилось нашъ народъ этой вѣстью смущать, мы такъ съ Захаръ Демьянычемъ и не могли добиться, а только ревѣли и у насъ по Петрушкѣ не меньше, чѣмъ у нихъ, это вѣрно. Опять, когда у нихъ Хонька повѣсилась...

— Ну, да, я знаю,—сдвигая брови и морщась, прервала ее барыня, — а, всетаки, надо исполнить приказаніе барина и объявить всѣмъ, что тотъ, кто позволитъ себѣ сплетни оттуда таскать, будетъ строго наказанъ. Хотя мы съ братцемъ Александромъ Васильевичемъ и не въ ладахъ, а всеже онъ намъ близкій родственникъ и судить да рядить про него нашимъ холопамъ не слѣдъ.

Акулина слушала это наставленіе, молча и угрюмо насупившись.

— Такъ и Захару скажи, — подтвердила, возвышая строго голосъ, барыня.

— Не извольте гнѣваться, сударыня, а только не даромъ говорится: «на чужой ротокъ не накинешь платокъ», — возразила брюзгливо старуха.—Чѣмъ больше станемъ мы людямъ грозить и застращивать ихъ, тѣмъ пуще зачнутъ они мыслями распаляться и небылицы придумывать. Ужъ это завсегда такъ бываетъ,—продолжала она, ободренная смущеніемъ барыни, которой и слушать ее было жутко, и остановить казалось неудобнымъ. Многочисленный людъ, наполнявшій какъ ихъ домъ, такъ и домъ Воротын-

цевыхъ, былъ такъ тѣсно связанъ съ этой несчастной исторіей, что не мѣшало знать, какъ онъ къ ней относится. Это было также мнѣніе ея мужа.

— Да вотъ, хоша бы про меня сказать, — говорила Акулина, точно угадывая мысли барыни и торопясь на нихъ отвѣчать,— и рада была бы не грѣшить, забыть про старое и никого лихомъ не поминать, ужъ и лѣта мои такія, что о смерти только надо думать, да и вашей милости съ Сергѣемъ Владиміровичемъ угодить бы хотѣлось, чтббъ, значитъ, за всѣ ваши къ намъ милости ничѣмъ вамъ не досадить, а какъ прошелъ этотъ слухъ, будто Александра Васильевича хотятъ подъ отвѣтъ подводить за ту несчастную, которую онъ приказалъ въ подмосковной загубить, да еще вдобавокъ съ ребеночкомъ,—вѣдь тяжелая она была, какъ изъ Воротыновки-то ее отправляли,—стоитъ она у меня день и ночь передъ глазами, стоитъ неотступно, какъ живая, хоть ты тутъ что хочешь дѣлай. И скажи мнѣ таперича хоть самъ царь батюшка: скрой все, что про нее знаешь, Акулина, смерть тебѣ, если скажешь, я не послушаюсь и все скажу. Все до крошечки,—прибавила она съ возростающимъ одушевленіемъ. — Сама доносить не пойду, а, если спросятъ, скажу.

— Никто тебѣ этого запретить не можетъ, — дрогнувшимъ голосомъ вымолвила Людмила Николаевна:—мы только съ бариномъ желаемъ, чтобъ у насъ въ домѣ попусту не болтали, когда ничего еще неизвѣстно и очень можетъ быть, что все это окажется клеветой злыхъ людей, ничѣмъ больше.

— Какая ужъ тамъ клевета, сударыня! Холопы, говорятъ, доносъ-то царю подали, а ништо холопамъ можно на господъ клеветать, да ни въ жисть.

— Ну, вотъ видишь, какія враки! Никто царю не доносилъ, Царю ужъ тогда доложатъ, когда слѣдствіе будетъ кончено, а оно только что начато.

Старуха промолчала, но по ея стиснутымъ упорно губамъ видно было, что словъ барыни она принимать не хочетъ.

— Нельзя, Акулинушка, брать на вѣру все, что болтаютъ,— наставительно замѣтила барыня.

— Это точно, сударыня, — неохотно согласилась старуха и, помолчавъ немного, прибавила:—вотъ если да удастся ребенка ейнаго отыскать...

Людмила Николаевна измѣнилась въ лицѣ.

— Ребенка? Какого ребенка? Вѣдь онъ умеръ.

— Не могу знать, сударыня, можетъ, и ваша правда, — сдержанно возразила Акулина: — а только люди сказываютъ, могилу разрывать хотятъ, чтобъ, значитъ, посмотрѣть, однѣ ейныя косточки тамъ лежатъ, или съ дитятей. Сумлѣваются, значитъ.

И это имъ было извѣстно! Ну, какъ тутъ заставить ихъ молчать?

Людмила Николаевна поспѣшила дать разговору другой оборотъ.

— Хорошенькая она была? — спросила она у своей собесѣдницы.

Морщинистое лице Акулины оживилось, злобная подозрительность, такъ непріятно поразившая барыню, смѣнилась обычнымъ добродушіемъ, и на выцвѣтшихъ ея глазахъ засверка лислезы умиленія.

— Ужъ такая-то красавица, писанная, можно сказать! Тринадцатый годокъ ей шелъ, какъ меня съ обозомъ въ Питеръ отправили, а какъ взрослая дѣвица себя соблюдала. Чтобъ тамъ бѣгать, шалить да рѣзвиться, какъ прочія дѣти, ни Боже мой! Никогда! Ходитъ это, бывало, какъ пава и все въ книжкахъ читаетъ, либо на клавикордахъ играетъ. Ходила за ней Малашка, та самая, что опосля за баринова камардина Михаилу Иваныча замужъ вышла и барыней таперича въ своемъ домѣ на Мѣщанской живетъ. Вотъ кого бы по этому дѣлу слѣдовало допросить, сударыня, все до крошечки ей должно быть извѣстно...

— Кто же училъ эту дѣвушку на фортепьянахъ играть?—поспѣшила перебить ее барыня.

— Мусью при ней былъ, вотъ какъ таперича мусью Вальянъ при нашихъ барышняхъ.

— Ее Мареинькой звали?

— Мареой Дмитріевной,—поправила Акулина.—Намъ всѣмъ за настоящую барышню приказано было ее почитать. Старая барыня страсть какъ ее любили. До родныхъ дочерей, говорятъ, не была такъ ласкова, какъ до нея.

— На кого она была похожа? Правда, что на бабушку Сергѣя Владиміровича, Екатерину Васильевну?—продолжала любопытствовать барыня.

— Правда, сударыня, правда. Патретъ маменьки старый баринъ къ себѣ въ кабинетъ повѣсили. Ну, вотъ какъ привезли меня тогда въ домъ, старикъ Миколаичъ, буфетчикъ, позвалъ меня какъ-то разъ въ кабинетъ, господъ дома не было, да и спрашиваетъ: похожа, говоритъ, ваша барышня-сирота въ Воротыновкѣ на этотъ патретъ? Я такъ и обмерла! Ужъ такъ-то похожа, дяденька, говорю, такъ-то похожа, точно съ нея списанъ.

Вотъ съ какихъ поръ въ домѣ Ратморцевыхъ дворня интересовалась воспитанницей Мареы Григорьевны!

Изъ всѣхъ фамильныхъ портретовъ родни своего мужа Людмила Николаевна всѣхъ больше любила этотъ. Не разъ, глядя на него, она жалѣла, что бабушки нѣтъ въ живыхъ, и что она не можетъ ей сказать, до какой степени она ей симпатична.

Съ тѣми, кто увѣрялъ, что мужъ ея похожъ на свою бабку, Людмила Николаевна вполнѣ соглашалась. У него были такія же тонкія черты лица, задумчивые глаза, серьезное выраженіе въ

рѣзко очерченной линіи рта, кудрявые, бѣлокурые волосы, какъ у той граціозной молодой женщины въ костюмѣ конца прошлаго столѣтія, чтò была изображена на портретѣ.

Дочери были въ него. Но въ нихъ ничего ужъ не оставалось Воротынцевскаго, ни упрямства, выражавшагося у Сергѣя Владиміровича въ нижней части лица, съ слегка выдающимся подбородкомъ, ни высокаго роста, ни его широкой, крѣпкой груди, ни сильныхъ мускуловъ. У нихъ задумчивость во взглядѣ переходила въ мечтательность, нѣжность души—въ болѣзненную чувствительность, воспріимчивость ума — въ экзальтированную впечатлительность. Онѣ были не отъ міра сего, неспособны къ борьбѣ со зломъ и страстями, и другой жизни, кромѣ той, чтò онѣ вели въ родительскомъ домѣ, полную тихихъ радостей, любви и ласкъ, онѣ бы не вынесли.

— Добрая она была барышня, ласковая да привѣтливая,—продолжала между тѣмъ распространяться Акулина про барышню-сироту, которую она въ молодости знала въ Воротыновкѣ.—Всѣ мы въ ней души не чаяли, вотъ какъ теперь въ нашихъ барышняхъ, Вѣрѣ Сергѣевнѣ съ Софьей Сергѣевной. И какъ потомъ узнали мы черезъ людей, чтò пріѣхали оттуда съ Александромъ Васильевичемъ, про ея злую судьбу...

Ей не дали кончить. Параллель, проведенная между этой несчастной и ея дѣтьми, непріятно поразила Людмилу Николаевну.

Трагическая судьба Мареиньки ее ужасала, но въ ужасѣ этомъ была доля брезгливости къ ея темному происхожденію и, какъ ни осуждала она ея обольстителя, а всеже въ глубинѣ души допускала, что онъ могъ возненавидѣть свою жертву послѣ того, какъ, ослѣпленный страстью, совершилъ такую колоссальную глупость: обвѣнчался съ нею.

Развѣ она ему была пара, это дитя преступной любви, выросшее среди челяди въ глухой степи? И развѣ онъ могъ привезти ее въ Петербургъ, чтобъ представить роднымъ, какъ свою жену? Разумѣется, нѣтъ. Можно себѣ представить его отчаяніе, когда онъ понялъ всю безвыходность своего положенія! Она была даже не дворянка, она была мѣщанка, почти то же самое, что крѣпостная, и должна была смотрѣть на Воротынцева, какъ на барина. Что за безобразныя должны были быть отношенія между ними!

Сопоставленіе ея чистыхъ, прелестныхъ, невинныхъ ангеловъ, Вѣриньки и Сони, съ этой незаконной дочерью пропащей дѣвушки, опозорившей семью своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ,—сопоставленіе это оскорбляло материнскія чувства г-жи Ратморцевой.

Мужъ ея былъ другаго мнѣнія. Потому ли, что мать этой дѣвушки доводилась ему родной теткой,—она была дочь Дмитрія Ратморцева, брата его отца,—или потому, что къ понятіямъ о нравственности этотъ ученикъ тогдашнихъ мыслителей относился еще

строже своей жены, такъ или иначе, но размолвка его съ Воротынцевымъ была послѣдствіемъ именно этой исторіи съ пріемной дочерью ихъ нрабабки, и Воротынцевъ это зналъ, хотя объясненій между ними на этотъ счетъ и не происходило.

— А, всетаки, вы съ Захаромъ наблюдите, чтобъ у насъ въ домѣ про то, что дѣлается у Воротынцевыхъ, не болтали, — повторила Людмила Николаевна, поднимаясь съ мѣста, чтобъ идти въ свою спальню. — Сергѣй Владиміровичъ этого не желаетъ, — прибавила она строгимъ, не терпящимъ противорѣчій, тономъ.

Да, онъ этого не желалъ.

«Кабы я ему другомъ былъ, мнѣ было бы, кажется, легче,—писалъ онъ женѣ, — но ты понимаешь, другъ мой безцѣнный, какъ трудно всѣхъ увѣрить, что иначе, какъ съ душевнымъ сокрушеніемъ, мы къ этому прискорбному событію относиться не можемъ. Какъ Alexandre намъ ни антипатиченъ по причинѣ порочности его духовныхъ свойствъ, намъ нельзя забывать, что отецъ его доводился двоюроднымъ братомъ моему отцу, что юность свою онъ провелъ въ нашемъ домѣ, и что самъ я слишкомъ долго, увы, былъ ему другомъ! Тебѣ, ангелу хранителю моей души, неоцѣненная моя Милуша, извѣстны причины, заставившія меня отдалиться отъ этого несчастнаго. Да, онъ несчастный и потерянный человѣкъ, ибо утратилъ способность отличать добро отъ зла, и давно ужъ нѣтъ доступа до его души ни любви, ни жалости къ ближнему. Но можно ли сказать, что ему нѣтъ извиненія въ таковой его жестокости и порочномъ складѣ характера и ума? Нѣтъ, этого намъ утверждать было бы грѣхъ, ибо мы съ тобой знаемъ, какъ и кѣмъ онъ былъ воспитанъ, какими пагубными примѣрами питалось его дѣтство и какимъ испорченнымъ вступилъ онъ въ жизнь. Одного боюсь, чтобы графъ Александръ Христофоровичъ не потребовалъ отъ меня чистосердечнаго мнѣнія на счетъ этого дѣла, несчастнаго и позорнаго для всей нашей фамиліи, старшимъ представителемъ которой является Alexandre, а такъ какъ у меня есть данныя предполагать, что опасенія мои могутъ въ самомъ непродолжительномъ времени сбыться, потому что, еще разъ повторяю тебѣ, враги Воротынцева дѣйствуютъ съ изумительной энергіей и близки къ цѣли, прошу тебя, мой другъ Милуша, поспѣшить мнѣ на помощь въ эту труднѣйшую минуту моей жизни. Присутствіе тебя и дѣтей въ домѣ ободритъ меня, успокоитъ и сниметъ тяжесть съ сердца, подъ бременемъ которой, признаюсь тебѣ чистосердечно, я изнемогаю».

Не въ первый разъ получала Людмила Николаевна отъ мужа письма, подобныя вышеприведенному отрывку, и каждый разъ они приводили ее въ сладостное и восторженное умиленіе.

О, какъ она его любила, своего милаго Сергѣя! Какимъ онъ ей казался добрымъ, честнымъ, великодушнымъ и справедливымъ! Какъ она гордилась его довѣріемъ и любовью къ ней, какъ благодарила Бога за то, что онъ избралъ ее въ подруги жизни!

Со дня на день сближались они, сливались душой все тѣснѣе и тѣснѣе, и день ото дня, стремясь одновременно къ нравственному совершенству, становились необходимѣе другъ другу.

— Ну, Милуша, наконецъ-то мы одни! — вырвался у Сергѣя Владиміровича вздохъ облегченія.

Ужъ много часовъ прошло послѣ его встрѣчи съ семьей, послѣ первыхъ изліяній и обычныхъ разспросовъ про путешествіе, происходившихъ при свидѣтеляхъ. А послѣ ужина и продолжительной бесѣды съ дочерьми и m-r Vaillant, Сергѣй Александровичъ, благословивъ дѣтей на сонъ грядущій и сказавъ нѣсколько теплыхъ словъ ихъ учителю, не тотчасъ же пошелъ къ женѣ, а сначала удалился въ кабинетъ, чтобъ, какъ всегда, позаняться дѣлами передъ тѣмъ, какъ идти спать.

Но сегодня онъ былъ такъ взволнованъ, что даже и не присаживался къ письменному столу, а ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока на часахъ не пробило двѣнадцать. Тогда, убѣдившись, что въ домѣ всѣ огни погасли, онъ потушилъ лампу, взялъ зажженную свѣчу и прошелъ на половину жены узкимъ, потайнымъ ходомъ, продѣланнымъ въ каменной стѣнѣ еще при покойномъ его отцѣ, большомъ охотникѣ до подобныхъ оригинальныхъ затѣй, придававшихъ пикантность таинственности ночнымъ свиданіямъ съ законной супругой.

И Людмила Николаевна съ своей стороны ждала съ большимъ нетерпѣніемъ свиданія наединѣ съ мужемъ. Едва только успѣлъ онъ переступить порогъ высокой, просторной комнаты, съ широкой кроватью подъ зеленымъ штофнымъ пологомъ посреди, какъ между ними завязалась одна изъ тѣхъ интимныхъ бесѣдъ, возможныхъ только между людьми, понимающими другъ друга на полусловѣ и даже безъ словъ умѣющихъ читать въ душѣ другъ у друга, какъ въ открытой книгѣ. Слова не договаривались, отвѣты произносились раньше вопросовъ, рѣчь перескакивала съ одного предмета на другой съ такою, повидимому, непослѣдовательностью, что для посторонняго слушателя она была бы непонятна.

— Я тебѣ не все написалъ...

— Знаю. Что же еще?

— Страшныя улики противъ Александра...

— Значитъ, это вѣрно, что т а была еще жива, когда онъ...

— Когда онъ женился во второй разъ, да, вѣрно, а, кромѣ того, ея ребенокъ...

— Неужели онъ живъ?

— Живъ. На слѣдъ его ужъ, кажется, напали.

— Господи!

Отъ испуга она почти вслухъ выкрикнула это воззваніе, но комната, освѣщенная мягкимъ свѣтомъ лампады, теплившейся передъ образами въ большомъ кіотѣ, была глубока, полъ ея былъ устланъ мягкимъ ковромъ и двери въ ней припирались такъ плотно, что если-бъ даже кто и позволилъ себѣ приложить ухо къ замочной скважинѣ, чтобъ подслушать господъ, то ничего бы не услышалъ.

— Ахъ, Сережа! Сережа! — простонала Людмила Николаевна, въ страхѣ и волненіи прижимаясь къ мужу.—Что-жъ это будетъ! Боже, что-жъ это будетъ!

— Надо надѣяться, что все это свершилось помимо воли Александра Васильевича.

— О, разумѣется! Не такой же онъ злодѣй, чтобъ роднаго ребенка...

— Но вѣдь это надо доказать...

— Онъ докажетъ, онъ такой ловкій...

— Положимъ даже, что и докажетъ, но...

— Его бракъ съ Мари будетъ признанъ незаконнымъ, и дѣти отъ нея... Неужели! Но вѣдь это ужасно, Сережа, это хуже всего, что можно себѣ представить! Марта еще не пристроена...

— Баронесса всѣмъ и каждому разсказываетъ, что она запретила сыну и думать про дочь Александра Воротынцева.

— Ну, разумѣется. Всякая поступила бы такъ на ея мѣстѣ. Теперь ужъ бѣдной дѣвушкѣ не сдѣлать порядочной партіи. А мальчики-то! Мальчики! У нихъ все отнимутъ, имя, состояніе...

— Только родовое...

— Все равно. Срамъ-то какой! А тотъ, несчастный...

— Да, вотъ какъ судьба играетъ людьми. Мнилъ себя сиротой безъ роду, безъ племени, и вдругъ...

— Да гдѣ же онъ? Кто его нашелъ? Откуда ты это знаешь?

— Захаръ мнѣ намеднись намекнулъ. Я, разумѣется, разспрашивать не сталъ и повторилъ ему только, чтобъ люди наши не смѣли про эту исторію болтать.

— Но откуда Захаръ-то нашъ знаетъ?

— Слухомъ земля полнится. Онъ же съ сыномъ старика Бутягина въ дружбѣ и на дому у него бываетъ. Ну, а ужъ тамъ все извѣстно. Старикъ поклялся, что ничего не пожалѣетъ, чтобъ только доказать, что Александръ Васильевичъ отъ живой жены на другой женился, и что ребенка этой несчастной отдали въ воспитательный домъ, а не похоронили вмѣстѣ съ матерью. Дѣло ужъ переслано сюда изъ тульской уголовной палаты. Здѣсь оно, безъ сомнѣнія, пролежитъ долго и, по всей вѣроятности, ходатаи Воротынцева похлопочетъ найти какую нибудь закорючку, чтобъ его

препроводили обратно туда, откуда оно пришло. Но вѣдь и противная сторона будетъ дѣйствовать, а въ концѣ концовъ, кто знаетъ, можетъ быть, и одержитъ верхъ.

— А до той поры сколько муки и страха вынесетъ семья Воротынцева и самъ онъ!—замѣтила со вздохомъ Людмила Николаевна.

— Да, настрадаются, — подтвердилъ ея мужъ. — Хотя до сихъ поръ не замѣтно, чтобъ онъ унывалъ. На прошлой недѣлѣ я встрѣтилъ его на Невскомъ, въ открытой коляскѣ, съ дочерью, такимъ же молодцомъ выглядитъ, какъ и всегда.

— Несчастная дѣвушка!

— Не замѣтно, чтобъ ей было что нибудь извѣстно; нарядная такая, веселая. И, какъ всегда, первая мнѣ поклонилась. Онъ отвернулся, а она какъ-то особенно низко и почтительно нагнула головку, когда мы поровнялись. Со мной былъ князь Дмитрій Васильевичъ, онъ разсказалъ мнѣ, что съ нѣкоторыхъ поръ Воротынцевъ всюду показывается съ дочерью. Каждый день гуляетъ съ нею въ Лѣтнемъ саду, возилъ ее въ духовный концертъ въ капеллу. Марья Леонтьевна съ меньшими дѣтьми и съ гувернеромъ останется еще долго въ Царскомъ.

— Бѣдные, какъ мнѣ ихъ всѣхъ жаль!

— И мнѣ ихъ тоже жаль, моя душенька, — возразилъ Сергѣй Владиміровичъ.—Но мнѣ жаль также и того, который выросъ сиротой, въ темной нуждѣ и одиночествѣ, и которому предстоитъ тяжелая доля, когда онъ могъ бы пользоваться всѣми благами жизни. Во мнѣ возмущается чувство справедливости, когда я о немъ вспоминаю, и голосъ совѣсти говоритъ мнѣ, что способствовать возстановленію его правъ — мой долгъ...

— Ты вмѣшаешься въ эту исторію? — вскричала въ ужасѣ Людмила Николаевна.

— Боюсь, что буду къ этому вынужденъ, мой дружочекъ. Суди сама. Вчера вечеромъ, раздѣвая меня, Захаръ опять заговорилъ про Бутягиныхъ. Старика сюда со дня на день ждутъ. Сынъ его прибѣгалъ узнать: допущу ли я до себя его отца, если онъ придетъ ко мнѣ за совѣтомъ и помощью.

— И что же ты сказалъ?—съ замирающимъ отъ страха сердцемъ спросила Ратморцева.

— Мнѣ совѣстно было отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ, Милуша. Мнѣ кажется, что я ужъ слишкомъ долго отстранялся отъ участія въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Это эгоизмъ и малодушіе съ моей стороны. Вчера мой старикъ камердинеръ меня просто пристыдилъ своими разсказами про Бутягиныхъ. Когда я узналъ, какъ они хлопочутъ и до чего достигли, я не могъ не почувствовать къ нимъ уваженія, право. Ты только подумай: поднять такое опасное дѣло, тратиться на него, подвергаться всевозможнымъ напастямъ со стороны сильныхъ противниковъ, рисковать быть раз-

давленными, какъ мошки, въ неравной борьбѣ, и все это для юноши, котораго они никогда въ глаза не видали. Какъ хочешь, а это просто геройство со стороны темныхъ, необразованныхъ людей, дѣтей вольноотпущеннаго двороваго.

— Они ее всѣ очень любили, эту Мареиньку,—раздумчиво проговорила Людмила Николаевна, припоминая разговоръ съ Акулиной передъ отъѣздомъ.

— Ее, можетъ быть, и любили, правда, но что его въ Воротыновкѣ ненавидѣли, это тоже вѣрно, — замѣтилъ Сергѣй Владиміровичъ.—Онъ велъ себя тамъ не подворянски, жестоко и развратно. Людямъ, набалованнымъ послѣ смерти нашей прабабки, переносить его неистовства было невтерпежъ, особенно дворнѣ. У него тамъ пренепріятная исторія случилась съ одной старухой, ее засѣкли до смерти, и многіе увѣрены до сихъ поръ, что управитель дѣйствовалъ не безъ вѣдома барина... Alexandre мнѣ самъ тогда сознавался, что оставаться въ Воротыновкѣ было для него не безопасно, его могли зарѣзать... Ну, будетъ объ этомъ, не волнуйся. Богъ милостивъ и научитъ насъ, какъ поступать,—поспѣшилъ онъ перемѣнить разговоръ, замѣтивъ ужасъ, выразившійся на поблѣднѣвшемъ лицѣ своей подруги.—Разскажи мнѣ про дѣвочекъ. Онѣ очень поправились, розовенькія такія стали... M-r Vaillant мнѣ говорилъ, что Соня сочинила сонату.

Потолковавъ еще съ полчаса про дѣтей, про новую мебель, заказанную въ гостиную для этой зимы, про балъ, на которомъ петербургское общество должно было въ первый разъ увидѣть ихъ дочерей, Сергѣй Владиміровичъ зажегъ свѣчу въ серебряномъ низенькомъ подсвѣчникѣ на ночномъ столикѣ, взялъ евангеліе и прочелъ изъ него главу.

— А знаешь, Сережа, — сказала Людмила Николаевна, когда, окончивъ чтеніе, онъ заложилъ книгу закладкой, положилъ ее на прежнее мѣсто и погасилъ свѣчу,—не отложить ли намъ балъ до будущаго года? Неловко какъ-то задавать пиры, когда надъ домомъ близкаго родственника собирается такая страшная гроза.

Онъ отвѣчалъ, что ему и самому приходила въ голову эта мысль, но подъ какимъ предлогомъ откладывать балъ?

— Всѣ его ждутъ. И еще разъ повторяю тебѣ, это несчастное дѣло скоро не можетъ кончиться. Оно, вѣроятно, протянется много лѣтъ. Alexandre безъ боя не сдастся. Онъ всѣ силы употребитъ, чтобы спастись или, по крайней мѣрѣ, отдалить по возможности свою гибель. Очень можетъ быть даже, что и у нихъ будетъ балъ, какъ всегда, въ началѣ декабря, это въ его характерѣ бравировать общественнымъ мнѣніемъ.

— Да, да, онъ на это способенъ, — согласилась Людмила Николаевна,—а, всетаки, мнѣ жутко и не до веселья.

— Ты облѣнилась и одичала въ деревнѣ, тебя пугаетъ свѣтскій шумъ и хлопоты съ выѣздами и модистками.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не то! У меня предчувствіе, я боюсь перемѣны, мы были такъ счастливы!

— Были?—съ нѣжностью упрекнулъ ее мужъ.

— Да, Сережа, были,—повторила она, вскидывая на него затуманенный слезами взглядъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ поднялось это несчастное дѣло противъ Воротынцевыхъ, у меня нѣтъ ни минуты покоя, все кажется, что и насъ тоже мимоходомъ задѣнетъ буря.

— Полно, милая, какимъ же образомъ?

— Не знаю, не знаю, — повторила она съ тоской, — но вотъ увидишь, что Господь намъ тоже готовитъ крестъ, и, можетъ быть, тяжелѣе, чѣмъ Воротынцевымъ.

— Да будетъ воля Его,—сказалъ на это Ратморцевъ.—А всеже я буду дѣйствовать такъ, какъ велитъ мнѣ совѣсть. Fais ce que dois—advienne ce qui pourra. Отъ этого девиза мы съ тобой не отступимъ, Милуша.

XIII.

Ратморцевъ былъ правъ, предполагая, что гроза, нависшая надъ Воротынцевымъ, не скоро еще разразится.

Слѣдствіе производилось съ обычными проволочками и формальностями.

Александръ Васильевичъ зналъ теперь всѣхъ своихъ противниковъ не только по имени, но также гдѣ каждый изъ нихъ находится и что именно представляетъ изъ себя.

У него была своя полиція, дѣйствовавшая въ данномъ случаѣ не хуже Бенкендорфовской.

Все народъ темный его враги: странно бы предполагать, чтобы ему не удалось съ ними справиться. Кромѣ Бутягина, сына отпущеннаго на волю покойной Марѳой Григорьевной двороваго, составившаго себѣ состояніе хлѣбной торговлей и приписавшагося къ купечеству, Александру Васильевичу приходилось считаться большею частью со своими же собственными крѣпостными.

Управитель Яблочковъ, Дмитрій Лаврентьевъ, тоже изъ крѣпостныхъ, безгранично ему преданный, часто теперь наѣзжалъ изъ подмосковной съ докладами въ Петербургъ и сообщалъ барину все, что тамъ происходило.

По его словамъ, послѣ Бутягина слѣдовало всѣхъ больше опасаться попа Никандра да подьячаго Гусева.

Попъ этотъ будто бы больше всѣхъ мутитъ и пакоститъ. Въ началѣ лѣта притащился изъ Саратова старикъ Бутягинъ въ ихъ уѣздный городъ, прожилъ тамъ въ домѣ у Гусева дней пять, а затѣмъ

пріѣхалъ въ Петровское прямо къ попу, и, отдохнувши малую толику съ дороги, поздно вечеромъ, когда ужъ совсѣмъ стемнѣло, отправились всѣ вмѣстѣ, попъ, Гусевъ и Бутягинъ, да еще какихъ-то, двое, къ Яблочковскому лѣсу. Что ужъ они тамъ дѣлали, неизвѣстно. Дмитрію Лаврентьеву дали знать, да поздно; когда онъ прибѣжалъ къ указанному мѣсту, отъ нихъ и слѣдъ простылъ. А на другой день вся компанія укатила въ городъ, и вотъ, какъ вернулся попъ назадъ въ Петровское, опять заговорилъ народъ про слухъ, пущенный по околотку еще ранней весной, а затѣмъ стихнувшій, про ребенка покойницы, будто онъ живъ и будто безпремѣнно могилу раскапывать станутъ.

— Осмѣлюсь вашей милости доложить,—присовокупилъ къ своему донесенію управитель, — что попъ этотъ человѣкъ жадный и обремененъ многочисленнымъ семействомъ. Бутягинъ навѣрное хорошее вознагражденіе посулилъ ему за хлопоты, и если предложить ему болѣе изрядный кушъ...

Его съ раздраженіемъ прервали на полусловѣ.

— Оселъ! Чтобы сказали, что я боюсь?—закричалъ на него сердито баринъ.—Безмозглый болванъ! Вотъ тебѣ два письма,—продолжалъ онъ, вынимая изъ бюро два запечатанныхъ конверта.— Одно передашь архіерею, другое губернатору. Въ первомъ я извѣщаю его преосвященство, что племянникъ его, по моей просьбѣ, назначенъ священникомъ въ домовую церковь князя Петра Андреевича, а губернатору я пишу, чтобы подавалъ прошеніе: дочь его будетъ принята въ институтъ для благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ безъ баллотировки, какъ онъ этого желалъ. Очень можетъ быть, что оба, и преосвященный и Алексѣй Петровичъ, захотятъ тебя видѣть, чтобы разспросить обо мнѣ, скажи, что я здоровъ и нынѣшнее лѣто проведу съ семьей въ Царскомъ; государь, скажи этого желаетъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ смущенный управитель.

— Про то, что тамъ въ уѣздѣ противъ меня затѣвается, ни слова,—продолжалъ баринъ, строго возвышая голосъ: — пусть всѣ знаютъ, что для меня это вниманія нестоющая сплетня, и ничего больше, понялъ?

— Понялъ-съ.

— А если не позовутъ тебя, самъ не суйся, отдай письма и, не вступая въ разговоры ни съ губернаторской челядью, ни съ архіерейской, уйди. Про попа Никандра съ Гусевымъ и безъ тебя до нихъ дойдетъ. Уберутъ ихъ въ другое мѣсто—хорошо, а не уберутъ—наплевать. Чортъ съ ними со всѣми, никого я не боюсь и со всѣми сумѣю, если захочу, и одинъ справиться.

Цѣлыхъ два мѣсяца крѣпился Александръ Васильевичъ и велъ обычную хлопотливую и разсѣянную жизнь великосвѣтскаго вельможи, ѣздилъ во дворецъ, въ клубъ, принималъ гостей, занимался службой, и все это дѣятельнѣе обыкновеннаго, въ надеждѣ задушить червя, заползшаго ему въ душу вмѣстѣ съ роковымъ письмомъ, подброшеннымъ таинственнымъ незнакомцемъ.

Однако, къ концу іюня онъ заболѣлъ желчной лихорадкой и засѣлъ дома безвыѣздно, не приказывая никого принимать.

Семья его, какъ всегда въ маѣ, переѣхала на дачу, самъ же онъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ одинъ въ городѣ.

Одному ему было легче, насиловать себя становилось со дня на день нестерпимѣе.

Съ дочерью у него было объясненіе въ тотъ вечеръ, когда Хонька повѣсилась, и послѣ этого, къ великому прискорбію Марты, онъ избѣгалъ оставаться съ нею наединѣ.

Впрочемъ, то, что произошло тогда между ними, нельзя было назвать объясненіемъ; изъ словъ отца она узнала, что предчувствіе не обмануло ее, у него были какія-то непріятности, но что̀ именно, онъ запретилъ ей даже и думать объ этомъ.

Въ ту ночь, когда весь домъ спалъ крѣпкимъ сномъ, Марта поднялась съ постели, на которой долго металась въ тоскѣ, надѣла на босыя ноги туфли, накинула на плечи пенюаръ, тихо спустилась внизъ и направилась черезъ темные коридоры въ кабинетъ отца. Ей было такъ жутко, что она вся дрожала, и духъ у нея захватывало въ груди, но терпѣть долѣе она не могла, и если бы ей сказали, что отецъ убьетъ ее за то, что она позволила себѣ его безпокоить, угроза эта не остановила бы ея. Все на свѣтѣ казалось ей легче перенести, чѣмъ неизвѣстность, которой она терзалась съ той минуты, какъ узнала про смерть Хоньки, про таинственное письмо, внезапное нездоровье отца и поспѣшный разъѣздъ уже съѣхавшихся гостей, въ томъ числѣ и баронессы съ сыномъ.

Александръ Васильевичъ никого не ждалъ, а менѣе всего дочь.

Измученный перипетіями этого дня, полураздѣтый и почти въ безчувственномъ состояніи, лежалъ онъ въ глубокомъ, вольтеровскомъ креслѣ передъ каминомъ съ теплившимися угольями.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ съ испугомъ, увидавъ женскую фигуру въ бѣломъ, остановившуюся въ нерѣшительности на порогѣ безшумно растворившейся двери.

Онъ принялъ ее за привидѣніе съ того свѣта и вздрогнулъ, какъ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, когда къ нему вошелъ камердинеръ съ извѣстіемъ о томъ, что Хоньку привести въ чувство не могли.

— Это я, папенька, простите... не сердитесь... но я не могла утерпѣть... намъ сказали, что вы нездоровы... меня это безпокоитъ,

я не могла заснуть... простите... я за васъ боюсь,—лепетала безсвязно Марта.

И, быстро приблизившись, она опустилась передъ нимъ на колѣни и, схвативъ его руку, стала покрывать ее поцѣлуями.

— Зачѣмъ ты пришла?—спросилъ онъ мягко, не отнимая руки и ощущая какой-то странный, давно не испытанный приливъ нѣжности къ сердцу.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ не чувствовалъ онъ ничего подобнаго, съ тѣхъ поръ, какъ, замирая отъ любви, онъ стоялъ на порогѣ Маренькиной спальни и рвался къ ней всѣмъ своимъ существомъ, не смѣя оттолкнуть старуху, заграждавшую ему путь.

— Что тебѣ?—повторилъ онъ съ усиліемъ.

— Не отдаляйте меня отъ себя, я только васъ однихъ и люблю на свѣтѣ,—простонала она сквозь рыданіе, не поднимая головы съ его колѣней.

Онъ молчалъ.

— Я хочу всю жизнь посвятить вамъ однимъ. Не отдавайте меня замужъ, я не боюсь оставаться старой дѣвой...

— А! Ты вотъ про что!—вымолвилъ онъ, наконецъ, чуть слышно, не отрывая пристальнаго взгляда отъ пустаго пространства, которое наполнилось для него призраками изъ далекаго прошлаго.

— Ты вотъ про что,—повторилъ онъ еще тише, точно про себя.

— Я никого на свѣтѣ не люблю больше васъ,—продолжала она восторженно.—Не отталкивайте меня!

Онъ стряхнулъ, наконецъ, съ себя оцѣпенѣніе, овладѣлъ усиліемъ воли нервами и съ обычною сдержанностью приказалъ ей встать съ колѣней, перестать плакать и внимательно его выслушать.

— У меня есть причины желать скорѣе тебя пристроить,—началъ онъ.

Она опять рванулась къ нему и хотѣла схватить его руку, но онъ настойчиво отстранился отъ ея ласкъ.

— Постой, дай мнѣ договорить. У меня важныя причины желать тебя пристроить, и я очень жалѣю, что не позаботился объ этомъ раньше. Не случись того прискорбнаго обстоятельства, которое случилось сегодня, ты была бы уже помолвлена съ барономъ Фреденборгомъ. Но, къ несчастью, теперь ужъ, можетъ быть, поздно, и баронесса, чего добраго, не захочетъ, чтобъ ея сынъ на тебѣ женился,—прибавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Мы разорены?—спросила дѣвушка.

Онъ передернулъ нетерпѣливо плечами.

— Все это современемъ уладится, конечно,—объявилъ онъ, хмурясь и отвертываясь отъ ея пытливаго взгляда:—но теперь пока планы мои относительно Фреденборговъ разстроены.

И, помолчавъ немного, онъ поднялъ голову и, глядя на нее въ упоръ, произнесъ отрывисто и рѣзко:

— Вотъ все, что я могу тебѣ сказать, про остальное не смѣй допытываться. Оставь меня, я усталъ, мнѣ нуженъ покой.

Марта вышла изъ кабинета въ еще бо̀льшемъ волненіи, чѣмъ тогда, когда входила сюда, и съ еще бо̀льшей тоской въ душѣ.

Время шло. Наступили ясные, лѣтніе дни, но для нея горизонтъ не прочищался. Все мрачнѣе и мрачнѣе сгущалась вокругъ ихъ дома атмосфера мрачныхъ предчувствій, безотчетнаго страха и жуткихъ ожиданій чего-то ужаснаго и неотвратимаго.

Всѣ въ домѣ испытывали болѣе или менѣе то же самое чувство, и тѣ, что знали, въ чемъ дѣло, и тѣ, которымъ, какъ Мартѣ, только часть истины была открыта, и тѣ, которымъ ровно ничего не было извѣстно; всѣ ходили растерянные, подолгу забываясь въ праздныхъ размышленіяхъ о томъ, что съ ними будетъ, когда все рухнетъ, и, не отдавая себѣ отчета, въ чемъ именно будетъ состоять грозящая имъ катастрофа, всѣ были убѣждены, что никому отъ послѣдствій ея не спастись.

Гувернеръ съ гувернанткой перешептывались между собой о новыхъ мѣстахъ, которыя имъ легко было бы найдти въ лучшихъ домахъ города. Марья Леонтьевна молчала и молилась усерднѣе обыкновеннаго; старшіе слуги съ Михаиломъ Ивановичемъ во главѣ теряли энергію, бдительность ихъ со дня на день ослабѣвала, и дворня, не чувствуя больше надъ собою прежней узды, вольничала напропалую.

— И чтой-то онъ такъ долго барыню съ дѣтьми на дачу не отправляетъ,—говорила Маланья мужу, когда онъ ей описывалъ неурядицу, царившую у нихъ въ домѣ.

— Сняться бы имъ всѣмъ скорѣе съ мѣста да вояжъ себѣ какой ни на есть подальше устроить: самое разлюбезное было бы таперича для всѣхъ дѣло.

— Велѣлъ на дачу сбираться. Въ субботу люди выѣзжаютъ, а въ воскресенье барыня съ дѣтьми, съ барышней, мусью и мадамой.

— А самъ-то?

— Самъ въ городѣ остается. Сидитъ таперича по цѣлымъ днямъ запершись въ кабинетѣ, никого не велитъ къ себѣ пущать. И, по всему видать, не здоровится ему, вчера за дохтуромъ посылалъ.

Маланья нахмурилась.

— Нашелъ время хворать, нечего сказать,—проворчала она сквозь зубы.

— Скрываетъ про нездоровье-то. Не велѣлъ ни барынѣ, ни барышнѣ сказывать, что лекарство пьетъ. Барышня вечоръ допытывалась у меня про него. Бросьте, говорю, сударыня, папенька

разгнѣваются, коль узнаютъ, что вы изволите про нихъ разспрашивать. Они важными дѣлами заняты и не желаютъ, чтобъ ихъ безпокоили. Ну, а барыня, та еще ни о чемъ не догадывается.

— Гдѣ такой курышкѣ догадаться,—презрительно усмѣхнулась Маланья.

То, что происходило въ домѣ барина, такъ страстно интересовало ее, что она съ бранью накидывалась на мужа, когда онъ долго не являлся къ ней съ донесеніями.

— Да пойми же ты, болванъ эдакій, что мнѣ все до крошечки надо теперь про него знать,—повторяла она мужу.

Когда такъ случалось, что Михаилу Ивановичу два-три дня не удавалось выбрать свободную минуту, чтобъ прибѣжать на Мѣщанскую, она выходила изъ терпѣнія и посылала за нимъ прислугу.

Дѣтей своихъ она давно отправила на дачу, а сама только и жила, что мыслями объ Александрѣ Васильевичѣ да о пакостяхъ, происходившихъ въ подмосковной, откуда по временамъ и на Мѣщанскую заносились вѣсти. Каждый разъ, когда пріѣзжали оттуда съ донесеніями отъ управителя, баринъ, выслушавъ докладъ, препровождалъ докладчика къ Маланьѣ, но самъ онъ до сихъ поръ не изъявлялъ желанія съ нею перетолковать, и ей волей-неволей приходилось покоряться его капризу.

Прошло еще недѣли двѣ, пыльныхъ и душныхъ, въ опустѣвшемъ Петербургѣ.

Александръ Васильевичъ ужъ полтора мѣсяца какъ жилъ одинъ одинешенекъ въ своемъ городскомъ домѣ, а Маланья томилась жгучимъ любопытствомъ и тревогой за десять минутъ ходьбы отъ него, какъ вдругъ случилось обстоятельство, заставившее ее рѣшиться на отчаянную мѣру. Черезъ квартальнаго, съ которымъ, какъ предусмотрительная хозяйка, она водила знакомство ужъ давно, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась домовладѣлицей, Маланьѣ стало извѣстно, что въ полиціи наводятъ объ ней справки.

Справлялись про нее въ кварталѣ про то, куда она ходитъ и кто у нихъ бываетъ, не получаетъ ли она писемъ съ почты, да не останавливаются ли у нихъ пріѣзжіе изъ провинціи.

— У насъ извѣстно, что супругъ вашъ при господинѣ Воротынцевѣ довѣреннымъ камердинеромъ состоитъ, а на господина Воротынцева былъ доносъ, и слѣдствіе производится. Надо такъ полагать, что и васъ съ супругомъ вашимъ по этому дѣлу будутъ допрашивать,—объяснялъ квартальный, сидя въ зальцѣ за накрытымъ столомъ, уставленнымъ водками, наливками и закусками.

— Пусть допрашиваютъ, за нашимъ бариномъ иныхъ поступковъ, кромѣ самыхъ что ни на есть благородныхъ, ничего не откроется. Его государь императоръ лично знаетъ, онъ во дворецъ вхожъ, богатствомъ да знатностью съ кѣмъ угодно потягаться можетъ,—надменно возразила Маланья, съ достоинствомъ выпрямляясь.

— Тэкъ-съ, очинно можетъ быть-съ. Я васъ только, значитъ, предупредить желалъ, по знакомству, значитъ. Уваженіе вамъ желалъ оказать, а что до прочаго, какъ считаете для себя пользительнѣе, такъ и поступайте,—сдержанно возразилъ квартальный, принимаясь за горячій пирогъ съ сигомъ, который поставила передъ нимъ кухарка.

Маланья подумала, что фордыбачиться ей передъ нимъ не слѣдъ, и, перемѣнивъ тонъ, поблагодарила за участіе.

— Скажу вамъ, Семенъ Николаевичъ, что и съ нашей стороны, чѣмъ только въ силахъ, завсегда будемъ за честь считать вамъ всякое удовольствіе предоставить. Вотъ у насъ таперича въ Царскомъ ягоды въ садикѣ поспѣли, малины да черной смородины такая прорва, дѣвать некуда, если супруга ваша не побрезгуетъ, я прикажу имъ варенья наварить, сколько пожелаютъ.

Прояснилось лице и у квартальнаго при этихъ словахъ.

— Премного обяжете-съ. Супруга моя хотѣла даже васъ объ этомъ просить.

— Съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ, сколько пожелаете, столько и наваримъ. На меду ли съ патокой, на сахарѣ ли, намъ все это можно.

— Благодаримъ покорно. Если еще что узнаю, той же минутой почту за удовольствіе вамъ попріятельски сообщить.

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Послѣ этого разговора Маланья мѣста себѣ весь день не могла найти, ходила изъ угла въ уголъ, какъ потерянная, безпрестанно подходя то къ одному окну, то къ другому, чтобъ посмотрѣть, не видать ли ея мужа.

Но онъ не шелъ. Наступилъ вечеръ, на сосѣдней каланчѣ пробило девять, а его все не было. Ждать дольше она была не въ силахъ и рѣшила сама къ нему пойдти.

Очень можетъ быть, что ему нельзя отлучиться отъ дому; можетъ быть, барину занедужилось или другое что случилось, и тогда, если даже и дѣвку за нимъ послать, онъ не придетъ.

Надо самой къ нему отправиться; вызвать его, хоть въ сѣни, что ли, и разсказать о случившемся. Пусть барину доложитъ. Ей надо знать, какъ отвѣчать на допросѣ. Если у нея съ Александромъ Васильевичемъ въ разбивку пойдетъ — бѣда!

Съ минуты на минуту тревога ея усиливалась. Опасность казалась совсѣмъ близкой. За нею могутъ прислать изъ полиціи завтра и даже сегодня ночью.

Квартальный обѣщалъ предупредить, но развѣ можно на него полагаться: онъ, можетъ, нарочно вретъ, притворяется другомъ, чтобъ выпытать отъ нея то, чего она не хочетъ сказать. Этого-то ему не добиться, разумѣется, не на таковскую напалъ; она себя знаетъ, хоть жилы изъ нея тяни, ни слова лишняго не проронитъ.

Надо, чтобъ и Александръ Васильевичъ это зналъ.

Она надѣла на голову большой темный платокъ, подколола его подъ подбородкомъ толстой булавкой и вышла на улицу.

Народу ей встрѣчалось мало. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, какъ теперь, такъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, всякій, кто могъ, выѣзжалъ изъ Петербурга, оставляя дома и квартиры на попеченіе довѣренныхъ слугъ. Передъ запертыми воротами, то тутъ, то тамъ, люди изъ дворни, собравшись въ кучки, сидѣли на лавочкахъ и беззаботно гуторили промежъ себя. Кое-гдѣ раздавалась пѣсня, тягучіе звуки гармоники и раскатистый смѣхъ. Было пыльно, душно и свѣтлѣе, чѣмъ днемъ въ ноябрѣ, но тоскливымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ петербургскихъ лѣтнихъ ночей.

Обычнаго оживленія не ожидала встрѣтить Маланья и въ домѣ Воротынцевыхъ; черезъ мужа ей ужъ давно было извѣстно, что, проводивъ семью на дачу, Александръ Васильевичъ жилъ затворникомъ, никого не принималъ и почти не выходилъ изъ своей половины, обращенной окнами въ садъ; все это она знала, но, тѣмъ не менѣе, когда она вошла во дворъ (черезъ калитку, ворота были заперты), запустѣніе, царившее здѣсь, непріятно поразило ее.

Не встрѣтивъ ни души, прошла она мимо параднаго подъѣзда и поросшей сорными травами клумбы съ изсякшимъ фонтаномъ и, когда, обогнувъ домъ, заглянула въ ту сторону, гдѣ были людскія, она увидала толпу дворовыхъ у старой бани, въ концѣ заросшаго травой пустыря съ колодцемъ посреди.

Компанія весело проводила время. Кто-то наяривалъ на балалайкѣ, казачки играли въ бабки, дѣвки съ парнями распѣвали деревенскія пѣсни.

Искать въ этой толпѣ такую важную особу, какъ Михаилъ Ивановичъ, не стоило труда, онъ не могъ принимать участіе въ забавахъ подобнаго рода, и, не долго думая, Маланья проникла черезъ черный ходъ въ домъ, поднялась по лѣстницѣ съ крутыми, истертыми ступенями, въ свѣтлыя сѣни, гдѣ тоже никого не было, и прошла во внутреннія комнаты.

Тутъ тоже — всѣ двери настежъ и никого.

Порядки!

Баринъ, вѣрно, прокатиться или въ гости уѣхалъ, а Мишка, чего добраго, спать завалился или на Мѣщанскую побѣжалъ.

Но какъ же было оставить домъ незапертымъ, не приказать хоть одному изъ казачковъ въ прихожей сидѣть? Долго ли кому нибудь съ улицы сюда залѣзть! Грабь, сколько душѣ угодно, сдѣлай одолженіе.

А грабить есть что, слава Богу! — размышляла Маланья, продолжая свое странствованіе по опустѣлымъ комнатамъ, съ мебелью и люстрами, окутанными въ чехлы, и машинально останавливаясь передъ знакомыми портретами и картинами.

Многіе изъ нихъ были вывезены изъ Воротыновки, и она еще въ дѣтствѣ любовалась ими вмѣстѣ съ барышней Мареой Дмитріевной.

Сама того не замѣчая, дошла она до коридора, примыкавшаго къ бариновой половинѣ, и тутъ неожиданно увидала мужа.

Онъ выходилъ изъ буфетной съ чайнымъ приборомъ на серебряномъ подносѣ въ рукахъ, и встрѣча съ женой такъ его изумила, что онъ чуть было не выронилъ своей ноши.

— Малашенька!—вырвалось у него сдавленное восклицаніе.— Какъ ты сюда попала?

— Баринъ дома?—спросила она шепотомъ, кивая на дверь въ кабинетъ.

— Дома, дома. Что это тебѣ вздумалось? Боже сохрани, онъ тебя увидитъ...

— Не учи, сама знаю, что дѣлать, не маленькая,—оборвала она его на полусловѣ.

И, распахивая передъ нимъ дверь, чтобъ ему удобнѣе было пройти съ подносомъ, она прибавила все тѣмъ же отрывистымъ и повелительнымъ шепотомъ: —Неси ему чай, да выходи сюда скорѣе.

Онъ безпрекословно повиновался.

Баринъ сидѣлъ въ спальнѣ, на креслѣ, у окна, раствореннаго въ садъ.

Изъ коридора черезъ отпертую дверь, у которой остановилась Маланья, его отлично было видно; на немъ былъ домашній костюмъ: шелковый коричневый бешметъ съ серебряными съ чернью пуговицами, надѣтый прямо на сорочку. Онъ держалъ въ одной рукѣ книгу, а другою пощипывалъ привычнымъ жестомъ сѣдѣющія бакенбарды. Появленіе камердинера съ подносомъ не заставило его оторвать глаза отъ книги, но Маланья подумала, что онъ только притворяется, что читаетъ: свѣтъ изъ окна съ трудомъ пробивался сюда сквозь деревья, ростущія у самыхъ оконъ, и разобрать самую крупную печать было бы трудно.

Маланья нашла въ немъ большую перемѣну съ зимы. Послѣдній разъ она любовалась имъ у обѣдни въ Казанскомъ соборѣ. Какимъ онъ былъ молодцомъ тогда! Точно десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ: такъ онъ осунулся и постарѣлъ.

Неужели анаѳемское дѣло его такъ состарило? Не совсѣмъ онъ, значитъ, покоенъ насчетъ его исхода.

Ей жутко стало при этомъ предположеніи.

«Надо съ нимъ перетолковать»,—повторяла она себѣ съ еще большей увѣренностью, чѣмъ прежде,—«надо съ нимъ перетолковать».

И мысли съ такой быстротой зароились въ ея мозгу, что она ни на одной изъ нихъ не могла остановиться.

«Онъ одинъ, совсѣмъ одинъ... выслать Мишку, чтобъ караулилъ

въ корридорѣ, и можно будетъ все ему высказать... и заставить его выслушать до конца... Пора! вѣдь для его же пользы... Когда онъ все узнаетъ, ему удобнѣе будетъ дѣйствовать... Другаго такого случая переговорить съ нимъ наединѣ не представится... Неужели имъ не воспользоваться? Да это было бы ужъ совсѣмъ глупо»...

Поставивъ подносъ на столикъ возлѣ бюро, Михаилъ Ивановичъ торопливо возвращался назадъ, какъ вдругъ голосъ барина, рѣзко прозвучавшій среди тишины, заставилъ его остановиться на полпути.

— Мишка, свѣчей!

Камердинеръ сталъ искать въ карманахъ сѣрнички, чтобъ зажечь восковыя свѣчи подъ тафтянымъ абажуромъ, стоявшія на бюро, а тѣмъ временемъ Маланья неслышно прошмыгнула позади его черезъ кабинетъ, и, когда онъ вошелъ съ зажженными свѣчами въ спальню, она ужъ стояла передъ бариномъ.

— Не извольте гнѣваться, сударь, а только мнѣ ужъ не втерпежъ дольше молчать... Какъ вашей милости будетъ угодно меня наказать, такъ и накажите, а только выслушайте сперва... должна я вамъ сказать... приказаніе ваше выслушать, — лепетала она торопливо и безсвязно, въ страхѣ, что ее тотчасъ вонъ выгонятъ. — Сегодня узнала я отъ квартальнаго, что обо мнѣ черезъ полицію справляются и что насъ съ Михайлой допрашивать будутъ по тому дѣлу, — продолжала она, слегка озадаченная молчаніемъ барина,—что вы изволите приказать, то мы и скажемъ, потому я... какъ раба ваша, и вашими благодѣяніями сверхъ мѣры мы съ Михайлой осыпаны, значитъ...

Онъ сдѣлалъ рукой знакъ, который она приняла за приказаніе смолкнуть, и, оборвавъ рѣчь на полусловѣ, стала ждать возраженій.

Но Александръ Васильевичъ какъ будто забылъ объ ея присутствіи: такъ углубился онъ въ чтеніе лежавшей передъ нимъ книги.

Вблизи онъ показался ей еще старообразнѣе, чѣмъ издали. Около губъ образовалась складка, которой прежде не было, высокій лобъ былъ изборожденъ тонкими морщинами, но, что всего больнѣе поразило ее, это желтизна его кожи, точно покойникъ.

Сердце ея разрывалось отъ жалости къ нему. Ей хотѣлось броситься передъ нимъ на колѣни и, кланяясь ему въ ноги, умолять его позволить ей все взять на себя, все, все...

Но она слишкомъ хорошо его знала, чтобъ осмѣлиться на такой порывъ. Онъ никогда, ни при какомъ случаѣ, не позволитъ холопкѣ забыться передъ нимъ, даже если-бъ дѣло шло о спасеніи ему жизни. И, сдавивъ въ груди чувства, душившія ее, она почтительно повторила:

— Не извольте на меня гнѣваться, сударь, но я осмѣлюсь вамъ доложить, что безпокоиться вамъ не объ чемъ; во всемъ, что случилось, я одна виновата. Вашей милости ничего не было извѣстно про ребеночка, что онъ живымъ родился. Я же самовольно распорядилась въ воспитательный его свезть. Ваше дѣло тутъ сторона. Вы въ то время въ Петербургѣ на службѣ были, а я тамъ, въ Яблочкахъ, вдвоемъ съ управителемъ, орудовала. Никакихъ отъ вашей милости распоряженій не было на этотъ счетъ, значитъ, я одна только и буду въ отвѣтѣ, если что... Управитель умеръ, теперича, стало быть, съ одной только меня надо взыскивать,— продолжала она, постепенно одушевляясь, ободренная терпѣливымъ молчаніемъ своего слушателя. — Я и на допросѣ такъ покажу, что отъ вашей милости, окромя приказаній беречь Мареу Дмитріевну...

Ее опять прервали...

— Разскажи мнѣ про нее... какъ она тамъ, въ Воротыновкѣ, послѣ моего отъѣзда... и потомъ въ Яблочкахъ... разскажи мнѣ, какъ она умирала, я хочу знать,—вымолвилъ угрюмо Александръ Васильевичъ, отвертывая свое лице отъ ея пытливаго взгляда.

Долго, болѣе двухъ часовъ длился разсказъ Маланьи. Все заставилъ ее вспомнить баринъ, всѣ подробности нравственной пытки, кончившейся преждевременною смертью несчастней Мареиньки.

А Михаилъ Ивановичъ тѣмъ временемъ мотался взадъ и впередъ по корридору, не помня себя отъ тоски и страха.

Когда, наконецъ, жена его вышла изъ кабинета, лице у нея было такое сердитое, что онъ не посмѣлъ ничего спросить и дошелъ съ нею до воротъ молча.

И Маланья тоже не разжимала рта; но, когда онъ послѣдовалъ за нею на улицу, она строго приказала ему идти назадъ, при чемъ разразилась цѣлымъ потокомъ упрековъ.

— Куда тащишься? Баринъ одинъ во всемъ домѣ, а онъ, накоподикось, променажъ себѣ по улицамъ разрѣшаетъ! Безъ спросу! Да гдѣ у тебя совѣсть-то? На что похоже, какъ у васъ въ домѣ народъ-то распущенъ, срамота! Баринъ дома изволитъ быть, а казачки на заднемъ дворѣ въ бабки балуются, дѣвки, точно на деревнѣ, пѣсни играютъ въ двухъ шагахъ отъ господскаго дома. Всѣ комнаты я обошла, ни одной живой души не встрѣтила. Эхъ, подтянуть-то васъ, шельмецовъ, некому! Баринъ хвораетъ, дохтуръ ѣздитъ, лекарства прописываетъ, — передразнивала она, въ порывѣ негодованія, мужа:—какъ тутъ не захворать при такихъ порядкахъ! Да онъ у васъ и помретъ, такъ никто не замѣтитъ.

Вообще съ этого дня Маланья совсѣмъ явно перешла на сторону барина, и никому въ мірѣ не позволяла слова пикнуть противъ него.

Съ мужемъ же она стала обращаться еще пренебрежительнѣе и придирчивѣе прежняго, не давала ему ни въ чемъ выражать своего мнѣнія и еще строже требовала, чтобъ онъ отдавалъ ей отчетъ обо всемъ, что происходило въ домѣ.

Въ концѣ іюля Александръ Васильевичъ собрался ѣхать въ имѣніе своей жены на югъ Россіи; наканунѣ отъѣзда послалъ за Маланьей и имѣлъ съ нею продолжительный разговоръ; а когда, мѣсяца полтора спустя, онъ вернулся назадъ, она явилась къ нему въ тотъ же день, прежде чѣмъ онъ успѣлъ съѣздить въ Царское повидаться съ женой и дѣтьми.

— Что новаго?—спросилъ онъ у нея, улыбаясь при этомъ той иронической усмѣшкой, подъ которой онъ скрывалъ тревогу, грызущую ему сердце.

Она стала жаловаться на дѣйствія его повѣреннаго, чиновника при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по фамиліи Трофимова, который, по ея словамъ, совсѣмъ беззаботно относится къ дѣлу и только даромъ деньги беретъ.

— Былъ здѣсь прокуроръ изъ Тулы: барышню свою въ пенсіонъ къ француженкѣ помѣстилъ. Про слѣдствіе, что въ Яблочкахъ производится, господину министру докладывалъ, а Трофимову это и по сихъ поръ неизвѣстно. Извольте-ка у него объ этомъ сами спросить, вотъ увидите, что я вамъ истинную правду докладываю.

— А тебѣ откуда это извѣстно?—полюбопытствовалъ баринъ.

— Когда нужно, такъ все узнаешь,—сдержанно отвѣчала она.

— А изъ полиціи ничего не было?

— Ничего-съ. Да оттуда еще не скоро будетъ. Хлопочутъ тамъ таперича, чтобъ дозволили могилу разрыть.

— Ну, и пусть разрываютъ,—съ раздраженіемъ объявилъ Александръ Васильевичъ и, поднявшись съ мѣста, сталъ большими шагами прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ.

Онъ былъ такъ счастливъ послѣднія шесть недѣль, когда ничего не слышалъ про это несчастное дѣло!

Теперь опять началась его пытка.

— Отъ кого у тебя эти свѣдѣнія?—спросилъ онъ отрывисто, останавливаясь передъ Маланьей и пристальнымъ, пытливымъ взглядомъ заглядывая ей въ глаза.

— Не извольте сумлѣваться, человѣкъ вѣрный-съ,—отвѣчала она уклончиво.

— Имя его?—повторилъ онъ настойчиво.

— Гусевъ-съ, Иванъ Степанычъ.

Воротынцевъ измѣнился въ лицѣ.

— Гусевъ?—повторилъ онъ, сдвигая брови:—да вѣдь и того тамъ, въ Яблочкахъ, такъ зовутъ.

— Это его братъ-съ. Не извольте безпокоиться, этотъ за насъ,

этому выгоднѣе быть за насъ. Ему черезъ брата все до крошечки извѣстно, что тамъ дѣлается; онъ завсегда предупредить можетъ.

— Какимъ манеромъ ты съ нимъ познакомилась?

— Да мы его завсегда знали. Тульскіе вѣдь они. Сколько разъ въ Яблочки пріѣзжали оба съ братомъ. А Иванъ Степанычъ, тотъ неподалеку отъ насъ домикъ себѣ въ позапрошломъ году выстроилъ, сосѣдями мы таперича. Весной какъ-то онъ къ намъ зашелъ и сталъ про наше дѣло словечки закидывать, что онъ, молъ, тутъ не при чемъ и за брата не отвѣтчикъ.

— Вралъ, можетъ быть, чтобъ выпытать изъ тебя что нибудь.

— Чего ему выпытывать, когда ему все извѣстно,—возразила Маланья.

— Какъ это все?—переспросилъ онъ въ испугѣ.

— Да вы не извольте безпокоиться,—поспѣшила она заявить:— ваше дѣло тутъ сторона и, если до чего дойдетъ...

— Да я и не безпокоюсь вовсе, — съ раздраженіемъ прервалъ ее баринъ: — все это вздоръ и, кромѣ какъ пустяками, ничѣмъ не кончится. Ну, не найдутъ костей ребенка въ гробу, такъ что-жъ изъ этого? — продолжалъ онъ, снова принимаясь расхаживать въ волненіи по комнатѣ. — Почемъ я знаю, кто его оттуда вытащилъ?

— Я тоже говорю-съ,—подтвердила Маланья.

— Меня тамъ и не было, когда она умерла и ее хоронили, — горячился онъ, не вслушиваясь въ ея слова.— И, наконецъ, надо еще доказать, что онъ былъ живъ!

— Никакихъ приказаній отъ вашей милости намъ на этотъ счетъ не было, — съ твердостью и знаменательно отчеканивая слова, произнесла Маланья.

Но онъ продолжалъ разсуждать вслухъ съ самимъ собой, не поднимая на нее глазъ и точно забывая объ ея присутствіи.

— Надо доказать, что онъ живъ... А какъ это доказать? Гдѣ его найти? Ихъ туда каждый день десятками подбрасываютъ... Въ двадцать-то лѣтъ ихъ тамъ тысячи перебывало... тысячи перемерло... тысячи разбрелись по всей землѣ Русской, безъ имени, безъ... Да это все равно, какъ если-бъ кто вздумалъ искать булавку на днѣ морскомъ!..

И вдругъ онъ поблѣднѣлъ подъ впечатлѣніемъ неожиданной мысли, блеснувшей у него въ умѣ, и, остановившись передъ своей слушательницей, дрогнувшимъ голосомъ и съ усиліемъ произнося слова, спросилъ:

— Тамъ номера выдаютъ... ты уничтожила, конечно?

Она смутилась, опустила голову и прошептала чуть слышно, что номера у нея нѣтъ.

Уклончивость такого отвѣта не могла ускользнуть отъ Александра Васильевича, но настаивать онъ не сталъ. Потому ли, что

ему было слишкомъ тяжело распространяться по этому предмету, или потому, что въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что не стоитъ безпокоить себя подробностями на счетъ того, какимъ именно образомъ свершится то, что неминуемо должно свершиться такъ или иначе, но онъ отпустилъ Маланью, не выяснивъ вопроса о номерѣ, подъ которымъ ребенокъ его былъ записанъ въ воспитательномъ домѣ.

Бумажку съ номеромъ, выданную ей тамъ, Маланья впопыхахъ сунула въ карманъ, а потомъ, когда, нѣсколько дней спустя, она про нее вспомнила, найти ее не могла.

Отвозила она ребенка въ Москву не одна, съ нею ѣздила Лапшиха. У Маланьи морозъ подиралъ по кожѣ, когда она вспоминала подробности этой поѣздки, про разспросы Лапшихи, и какъ она интересовалась узнать: можно ли впослѣдствіи розыскать ребенка, отданнаго въ воспитательный домъ, или онъ ужъ пропалъ для матери навѣки? Очень можетъ быть, что сама же Маланья сказала ей про бумажку съ номеромъ, и что Лапшиха украла у нея эту бумажку.

А, кромѣ того, Гусевъ говорилъ ей про какую-то пеленку съ вышитымъ вензелемъ, про которую упомянуто въ слѣдствіи, а также о золотомъ крестикѣ съ буквами и годомъ и о колечкѣ съ драгоцѣннымъ камнемъ.

Правда, креста, снятаго съ себя и надѣтаго на ребенка умирающею матерью, Маланья снять съ него не рѣшилась. Не догадалась она также подмѣнить тряпкой безъ мѣтки батистовую простынку съ вензелемъ и гербомъ Воротынцевыхъ.

Тамъ, въ Яблочкахъ, остался цѣлый сундукъ съ дѣтскимъ бѣльемъ, сшитымъ и намѣченнымъ покойницей Мареой Дмитріевной. Времени у нея было много послѣ того, какъ мужъ ее покинулъ, и она коротала длинные часы уединенія приготовленіемъ приданаго ожидаемому ребенку. Она и тогда, когда ее привезли въ подмосковную, продолжала этимъ заниматься, до тѣхъ поръ, пока не стала въ умѣ мѣшаться отъ тоски и страха.

А колечко, должно быть, то самое, что покойница Мареа Григорьевна подарила Мареинькѣ въ день ея именинъ, за годъ до своей смерти. Өедосья Ивановна говорила тогда, что колечко это старая барыня сняла съ той, что умерла въ Гнѣздѣ, передъ тѣмъ, какъ въ гробъ ее стали класть.

Мареинька не разставалась съ этимъ колечкомъ. Маланья его видѣла у нея на пальцѣ, за день до ея смерти. Оно ей было такъ широко, что часто спадывало. На мертвой его ужъ не было но Маланьѣ было тогда не до того, чтобы заботиться о томъ, куда оно дѣлось. У нея было столько хлопотъ, она натерпѣлась такого горя и страха за послѣдніе пять мѣсяцевъ, что если-бъ не боязнь быть засѣченной до смерти, какъ тетка ея Өедосья

Ивановна, или что ее сошлютъ въ степную деревню и отдадутъ тамъ замужъ за лядащаго мужиченку, она давно отказалась бы отъ опасной и гнусной роли тюремщицы, на которую, зная ея любовь къ красивому баринову камединеру, обрекъ ее Воротыновскій управитель.

Особенно тяжела сдѣлалась ея доля, когда Мареинька стала отъ тоски и отчаянья въ умѣ мѣшаться, никого не узнавала, и надо было стеречь ее день и ночь, чтобъ бѣдъ не надѣлала. Тутъ ужъ Маланьѣ подчасъ подходило такъ жутко, что если-бъ послѣ родовъ несчастная Мареинька не померла, тюремщица сама бы на себя наложила руки: вотъ въ какомъ она была разстройствѣ.

Очень можетъ быть, что именно этому обстоятельству новорожденный и обязанъ былъ тѣмъ, что остался въ живыхъ послѣ смерти матери.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. А. НЕКРАСОВѢ.

I.

Въ БЫТНОСТЬ мою въ Петербургѣ, въ январѣ 1891 года, мнѣ понадобилось навѣстить нѣсколько редакцій, гдѣ я сотрудничалъ. Чтобы не пропустить пріемныхъ часовъ, я взялъ извозчика. Сначала я не обратилъ никакого вниманія на моего возницу, но когда я выходилъ изъ подъѣзда уже третьей и послѣдней редакціи, извозчикъ, широкоплечій мужикъ, поворотилъ ко мнѣ сѣдобородое, но румяное лице и, многозначительно сощуривъ хитрые сѣрые глаза, спросилъ:

— Изъ сотрудниковъ будете, баринъ?

— Да...

— За ганараромъ, или со статьей?

— И за деньгами, и вотъ въ эту редакцію статью отдалъ. Поѣзжай, пожалуйста, на Сергіевскую.

Извозчикъ тронулъ свою сытую, недурную лошадь, и она поѣхала «хозяйской» рысцой. Извозчикъ опять повернулся ко мнѣ.

— Барину не удивительно, что я редакціонные порядки знаю?

— Вѣроятно, ты служилъ въ какой нибудь редакціи?

— Никакъ нѣтъ-съ. Восемь лѣтъ кучеромъ прослужилъ у Николая Алексѣевича Некрасова!

Извозчикъ пристально посмотрѣлъ на меня.

Сколько горделивой снисходительности было въ его взглядѣ! Онъ совсѣмъ повернулся ко мнѣ. Лошадь пошла шагомъ.

Не ожидая вопросовъ, онъ началъ:

— Нанятъ къ Николаю Алексѣевичу я былъ сначала охотникомъ, при его охотѣ въ Чудовѣ состоять, но только я тамъ и года не выжилъ. Такой случай произошелъ, что Николай Алексѣевичъ пересталъ эту охоту держать.

— Какой случай?

— Разсказать могу. Слыхали, баринъ, что у Николая Алексѣевича замѣсто супруги (потомъ они, кажется, перевѣнчались) жила одна барышня, Зинаида Николаевна, царствіе ей небесное, покойницѣ!

— Слыхалъ.

— Ну, такъ вотъ черезъ эту самую Зинаиду Николаевну и закрылась наша Чудовская охота. Николай Алексѣевичъ имѣлъ такое обыкновеніе: какъ сильно проиграется въ своемъ клубѣ, такъ сейчасъ въ Чудово съ Зинаидой Николаевной на охоту. Она вѣдь тоже охотница была: въ мужскомъ платьѣ верхомъ на лошади на охоту ѣздила. Надѣнетъ это рейтъ-фракъ, брюки въ обтяжку, какъ рейтузы гусарскіе, на голову циммерманъ, волосы подъ шляпу подберетъ,—и узнать нельзя, что женскій полъ. Николай Алексѣевичъ до страсти любилъ ее въ этомъ костюмѣ.

Вотъ разъ, дѣло было лѣтомъ, пріѣзжаютъ они въ Чудово и, только позавтракали, сейчасъ чтобы на охоту собираться. Подали имъ верховыхъ лошадей. Выходятъ они на крыльцо, а любимая собака Николая Алексѣевича, Альфа, чуть съ ногъ не сбиваетъ и Николая Алексѣевича, и Зинаиду Николаевну. При Чудовской охотѣ было много собакъ, и хорошихъ собакъ, но Альфа находилась безотлучно при Николаѣ Алексѣевичѣ. Любилъ онъ ее, какъ любить собаку, быть можетъ, и не слѣдовало. Обыкновенная лягавая собака, сѣрая съ черными пятнами и съ ушами черными. Однако, понятливая, какъ человѣкъ, и самой высокой охотничьей дрессировки.

Сѣли они это на лошадей. Николай Алексѣевичъ стремя подержалъ Зинаидѣ Николаевнѣ и какой-то стихъ съ усмѣшкой прочиталъ, а я самого Николая Алексѣевича въ сѣдло посадилъ. Зинаида Николаевна чуть не съ мѣста въ галопъ свою лошадь подняла, Николай Алексѣевичъ, согнувшись, за ней еле поспѣваетъ. Я за ними, съ ружьями и припасами, въ американкѣ, слѣдомъ ѣду, слышу, смѣются оба, веселые, довольные. Послѣ лѣтняго Петербурга со штукатуркой да прочей ремонтной вонью Зинаида Николаевна каждой травкѣ радуется, каждому деревцу, и на все хлыстикомъ своимъ бѣлымъ Николаю Алексѣевичу показываетъ. День чудесный. На болотахъ дичи много. Думаю такъ: получатъ господа мои полное удовольствіе и охотниковъ тоже, по своему благородному обыкновенію, не забудутъ. Всѣмъ хорошо будетъ.

Только пріѣхали мы къ первому болоту, Зинаида Николаевна

скорѣй съ коня да ко мнѣ за ружьемъ и за патронами. Пока мы Николая Алексѣевича изъ сѣдла вынули, а ужъ она патроны въ ружье свое вложила и бѣгомъ на ту сторону болота, крикнула только: «сейчасъ назадъ», и пропала въ лозникѣ. Говорила она послѣ, что ей показалось, будто тамъ двѣ утки вспорхнули и опять на прежнее мѣсто опустились.

Альфа повертѣлась возлѣ Николая Алексѣевича, повизжала, хвостомъ повиляла, но какъ увидѣла, что Николай Алексѣевичъ на скамеечку возлѣ сторожки присѣлъ да, по своему обыкновенію, со мной и съ другимъ охотникомъ въ бесѣду вступилъ, то она сначала ползкомъ, а потомъ шажкомъ, а потомъ во весь собачій карьеръ маршъ-маршемъ за Зинаидой Николаевной. И до того собака умная была, что, пока шагомъ шла, все оборачивалась, на Николая Алексѣевича посматривала, дескать позови, я останусь, но онъ и вида не подалъ, что ея штуки наблюдаетъ. И только, когда она улепетнула, сказалъ: «измѣнница!». Разговорились мы съ Николаемъ Алексѣевичемъ, скажемъ, какъ съ своимъ братомъ роднымъ, потому что умѣлъ онъ доходить до самаго мелкаго мужичьяго интереса и понималъ его, какъ слѣдуетъ,—вдругъ, слышимъ, выстрѣлъ, а вслѣдъ за нимъ неестественный крикъ Зинаиды Николаевны и доносится пронзительный вой Альфы. Мы всѣ точно приросли къ своимъ мѣстамъ, а Николай Алексѣевичъ побѣлѣлъ, какъ полотно, но тоже молчитъ и прислушивается. За первымъ крикомъ Зинаиды Николаевны воспослѣдовалъ другой, еще громогласнѣй. Альфа воетъ безъ передышки.

— Что вы стоите? Бѣгите! Несите ее! Она себя, навѣрно, подстрѣлила!

Николай Алексѣевичъ встать хотѣлъ и не поднялся, а только весь задрожалъ да ноги протянулъ. Легкій обморокъ съ нимъ приключился. Дали ему стаканъ воды съ виномъ, онъ опамятовался, но, всетаки, на ту сторону болота не пошелъ, а тутъ и охотникъ Семенъ, который бѣгалъ къ Зинаидѣ Николаевнѣ, назадъ прибѣжалъ и доложилъ, что съ Зинаидой Николаевной, благодаренье Богу, все благополучно, но, по нечаянности, ими застрѣлена собака Альфа: зарядъ утиной дроби въ животъ угодилъ. Собака издыхаетъ, а Зинаида Николаевна не знаетъ, что надъ ней дѣлать, платкомъ носовымъ рану зажала и кричитъ благимъ матомъ. Дѣйствительно, крики Зинаиды Николаевны не умолкали, а вой Альфы слышенъ былъ все слабѣй и слабѣй.

Какъ только Николай Алексѣевичъ услыхалъ докладъ Матвѣя, откуда силы взялись, какъ мальчикъ, бросился на ту сторону болота, такъ что мы за нимъ еле поспѣвали. Бѣжитъ онъ по слуху на крики, о настоящей дорогѣ слышать не хочетъ, все платье себѣ въ лознякѣ изодралъ, руки, лице исцарапалъ, однако добѣжалъ и довольно скоро добѣжалъ.

Зинаида Николаевна на берегу сидитъ, Альфа у нея на колѣняхъ. Бѣлыя лосины ея всѣ въ кровь перепачканы. Альфа чуть дышитъ, однако еще взваиваетъ.

Какъ только увидѣлъ Николай Алексѣевичъ свою Альфу, къ ней бросился, какъ къ человѣку, за морду схватилъ, въ глаза ей смотритъ и, вѣрите или нѣтъ, баринъ, поцѣловалъ онъ ее прямо въ морду нѣсколько разъ и собака его лизнула. Не смотря на Зинаиду Николаевну, переложилъ онъ Альфу къ себѣ на колѣни, обхватилъ обѣими руками, какъ дитя малое, да вдругъ какъ затрясется всѣмъ тѣломъ, да какъ зарыдаетъ, да какъ заголоситъ,— такъ только по деревнямъ кликуши кричатъ. Зинаида Николаевна къ нему бросилась утѣшать: прощенья проситъ, умоляетъ, чтобы онъ убилъ ее за эту собаку, ноги его цалуетъ. Извѣстно, чего женщина съ отчаянія не придумаетъ! Между тѣмъ, онъ ничего не слышитъ. Кричать пересталъ, но слезы по лицу такъ ручьями и катятся. Наконецъ, издохла таки Альфа. Николай Алексѣевичъ ей самъ глаза закрылъ и положилъ возлѣ себя на траву. Воззрился на Зинаиду Николаевну, за плечо ее потрясъ, чтобы она причитать перестала, и говоритъ ей такимъ голосомъ:

— Что ты плачешь, о чемъ убиваешься, въ чемъ прощенья просишь?... Эту собаку ты нечаянно убила, а каждый день гдѣ нибудь на свѣтѣ людей нарочно убиваютъ. Нисколько на тебя не сержусь, но дай свободу тоскѣ моей, я сегодня лучшаго друга лишился.

Съ этими словами онъ всталъ, намъ приказалъ собаку привезти на дачу и тамъ въ садикѣ зарыть ее въ землю, сѣлъ въ американку съ Зинаидой Николаевной, и съ первымъ же поѣздомъ они уѣхали въ Петербургъ. Собаку зарыли въ палисадникѣ и надъ ея, скажемъ, могилой Николай Алексѣевичъ монументъ воздвигъ. Положилъ плиту каменную, или, кажется, даже чугунную, а на той плитѣ приказалъ вырѣзать надпись: «Моему лучшему и единственному другу». Хорошенько не помню всѣхъ остальныхъ словъ. Этой плиты я не видалъ: люди разсказывали. Больше Николай Алексѣевичъ въ Чудово не пріѣзжали. Охота была закрыта, а я попалъ къ нимъ въ кучера.

II.

Мы проѣзжали по Литейной, мимо магазина серебряныхъ и золотыхъ вещей. Мнѣ нужно было купить двѣ-три серебряныя чайныя ложечки. Я остановилъ извозчика. Хозяинъ магазина насмѣшливо посмотрѣлъ на меня, когда я объявилъ ему о своемъ желаніи.

— У насъ не продаются три ложечки, — отвѣчалъ мнѣ этотъ удивительно чисто одѣтый нѣмецъ.

— Почему?—вырвалось у меня невольно.

Нѣмецъ отвернулся отъ меня, какъ отъ круглаго невѣжды въ сторону, и отвѣчалъ съ пренебреженіемъ:

— Три ложечки продаются въ Александровскомъ рынкѣ, а порядочный магазинъ продаетъ дюжинами и въ крайнемъ случаѣ полдюжинами.

Я посмотрѣлъ на бѣдненькія витрины, гдѣ за стекломъ висѣли нейгольдовыя и серебряныя шейныя цѣпочки и сиротливо темнѣлъ подозрительно серебряный маленькій подносикъ. Въ двухъ небольшихъ ящикахъ, на стойкѣ, было много серебряныхъ, а больше никелевыхъ часовъ. Чайныхъ ложечекъ и вообще столоваго серебра, кромѣ вышеупомянутаго подносика, я такъ и не видалъ въ этомъ «порядочномъ» магазинѣ.

— Заказецъ какой получали или починку?—немедленно опросилъ меня любознательный Ѳедоръ. Я разсказалъ ему о своей неудачѣ. Ѳедоръ укоризненно покачалъ головой.

— Эхъ, баринъ, что же вы мнѣ раньше не сказали? Эти нѣмцы, какъ заберутся на Невскій или Литейный, такъ ужъ и не знаютъ, какую цѣну сложить. Объявили бы вы мнѣ о своемъ намѣреніи, я бы васъ въ тотъ магазинъ свезъ, гдѣ Николай Алексѣевичъ всегда серебро, золото да камушки покупалъ. Впрочемъ, время не ушло, да и магазинъ тотъ близко, въ Семіоньевскомъ, прикажете?—Затѣмъ онъ продолжалъ наставительнымъ тономъ:—Николай Алексѣевичъ по всѣмъ предметамъ былъ дока. Онъ только платьемъ да бѣльемъ щеголялъ и заказывалъ ихъ у первѣйшихъ мастеровъ, а на всѣ остальные предметы у него были свои, какъ онъ шутя говорилъ, придворные поставщики. Бѣдный магазинчикъ, небогатая лавочка, и вотъ въ этихъ лавочкахъ или черезъ хозяевъ этихъ лавочекъ, Николай Алексѣевичъ доставалъ себѣ всякій товаръ первѣйшаго сорта. Они ему, бывало, на квартиру приносятъ свои товары. А покупки Николай Алексѣевичъ любилъ дѣлать часто. Какъ выберется у него свободный часъ, другой,—сейчасъ это закладываемъ лошадей, и ѣдемъ деньги проживать, вещи наживать.

Мы подъѣхали къ магазину серебряныхъ и золотыхъ вещей придворнаго поставщика Некрасова. Три ложечки были немедленно свѣшаны и завернуты въ розовую папиросную бумагу. Отдавая деньги, я невольно спросилъ:

— Мнѣ говорили, что покойный Некрасовъ былъ вашимъ постояннымъ покупщикомъ?

— Не-кра-совъ!—вдумчиво повторилъ бѣлобрысый финляндецъ.

— Николай Алексѣевичъ, жилъ въ домѣ Краевскаго, на углу Литейнаго и Бассейной.

— Николай Алексѣичъ!—съ благоговѣніемъ воскликнулъ онъ:—о, это былъ такой покупатель, какихъ теперь нѣтъ! И какой человѣкъ, и какой шутникъ! Какъ только, бывало, онъ пріѣдетъ ко мнѣ въ магазинъ, или я приду въ его квартиру, онъ всегда спрашиваетъ: какая разница между финляндцемъ и русскимъ? Ну, я знаю его шутку, но, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, смѣюсь и

говорю: «не знаю». Тогда онъ раскроетъ широко глаза: «финляндецъ свободенъ у себя дома и въ Россіи, а русскаго притѣсняютъ въ Финляндіи, а у себя дома онъ боится городоваго». Ну, конечно, я смѣюсь громко, много и долго и платокъ вынимаю, чтобы глаза вытирать, а онъ сидитъ довольный въ своихъ креслахъ, или лежитъ на оттоманкѣ, смотритъ на меня и улыбается. И его супруга всегда были рады, когда я приходилъ, потому что знали, что Николай Алексѣевичъ испытаетъ черезъ меня веселое расположеніе своего духа. О, Николай Алексѣевичъ это былъ настоящій господинъ!

Онъ умолкъ и поднялъ глаза въ потолокъ, какъ бы созерцая тамъ видѣніе «настоящаго господина». Финляндецъ былъ растроганъ, его выцвѣтшіе, голубые глазки смотрѣли печально.

— Что такъ долго засидѣлись?—спросилъ меня Θедоръ, когда я вышелъ изъ магазина.

— Обмолвился я о Некрасовѣ, такъ вотъ хозяинъ этого магазина подѣлился со мной своими воспоминаніями о вашемъ покойномъ баринѣ.

— Подѣлился воспоминаніями,—воскликнулъ Θедоръ, и невыразимымъ презрѣніемъ зазвучалъ его голосъ:—какія у него воспоминанія, у чухны! Можетъ, не на одну тысячу Николая Алексѣевича нагрѣлъ, вотъ его всѣ воспоминанія! И охота вамъ была, баринъ, въ его паскудной лавчонкѣ (добросовѣстный магазинъ придворнаго поставщика превратился въ паскудную лавчонку) имя покойника упоминать?

Θедоръ отвернулся отъ меня и сѣлъ, какъ и слѣдуетъ сидѣть извозчикамъ. Въ досадѣ онъ пріударилъ возжами свою лошадь. Весь Семіоньевскій переулокъ онъ проѣхалъ крупной рысью, не произнеся ни слова.

III.

Когда мы выѣхали на Литейную, я рѣшился прервать молчаніе.

— И согласно они жили?

Лошадь вдругъ пошла шагомъ, хотя, какъ мнѣ показалось, безъ всякаго къ тому понужденія со стороны Θедора. Опять я увидѣлъ румяное лице Θедора.

— Да, ужъ такъ согласно жили, что и разсказать нельзя. Я, разумѣется, въ комнаты рѣдко хаживалъ, но вѣдь отъ лакеевъ да горничныхъ не спрячешься. Да и не мудрено, что у нихъ миръ семейный не нарушался: вѣдь изъ-за чего между мужемъ и женой ссоры да споры бываютъ? Каждый хочетъ на своемъ поставить, одинъ другаго покорить хочетъ. Зинаида же Николаевна смотрѣла на Николая Алексѣевича не просто, какъ на мужа, а какъ на существо не земное; стихи его всѣ на память знала. Этими стихами онъ ее въ полонъ взялъ. Она еще съ дѣтства всѣ

его пѣсни твердила. Ну, а какъ познакомилась, да онъ ее своей лаской пригрѣлъ,—у нея только и свѣта было, что Николай Алексѣевичъ. Впрочемъ, нѣтъ, бывали и у нихъ споры. Николай Алексѣевичъ часто сердился, что Зинаида Николаевна все дома сидитъ. Она, дѣйствительно, безъ него шага изъ квартиры не дѣлала. Ужъ какъ онъ ни старался, на концерты, вечера, въ театры, цирки, билеты ей представлялъ, но только ничего этимъ не достигъ. Первое время она изъ страха, чтобъ не пропали деньги, за билеты плоченныя, ѣздила на концерты, но какъ ѣздила! Повезу ее хотя бы въ Дворянское, гдѣ даетъ концертъ первая, можетъ быть, во всемъ мірѣ пѣвица,—Зинаида Николаевна четверть часика посидитъ, да и назадъ. Ну, на другой день Николай Алексѣевичъ ее разспрашиваетъ, она ему ничего толкомъ отвѣтить не можетъ. Пуститься же на ложь или, скажемъ, выдумку женскую она не умѣла. Вспылитъ нашъ Николай Алексѣевичъ, кричитъ: это все фантазіи, молодое существо не можетъ выносить добровольнаго одиночества! Это ты на себя какую нибудь эпитимію дурацкую наложила, признайся!

Молчитъ она все время, пока онъ кипятится, но какъ простынетъ Николай Алексѣевичъ немножко, она его руку возьметъ, поцѣлуетъ и отвѣчаетъ ему: «Самъ посуди, Николай Алексѣевичъ, какъ я могу спокойно сидѣть въ театрѣ или концертѣ, когда у меня всѣ мысли о тебѣ. Ты, можетъ быть, какъ разъ, когда я въ театрѣ сижу, большія деньги въ клубѣ проигрываешь и черезъ это огорченье получаешь, а я въ это время надъ какимъ нибудь шутомъ гороховымъ въ театрѣ смѣюсь. И никакой эпитимьи я на себя не накладывала, но только что же дѣлать, если безъ тебя мнѣ всего спокойнѣе въ одиночествѣ. По крайней мѣрѣ, никто мнѣ не мѣшаетъ думать о тебѣ».

Послѣ такихъ разговоровъ Николай Алексѣевичъ въ клубъ дня два-три не ѣздитъ. Водитъ Зинаиду Николаевну на выставки разныя, катается съ ней по городу. Вотъ въ это время больше всего покупокъ у насъ производилось. Однимъ словомъ старается всѣми средствами Зинаидѣ Николаевнѣ удовольствіе предоставить. Но только больше двухъ-трехъ дней онъ не выдерживалъ, ужъ очень привыкъ къ своему клубу, жить безъ него не могъ.

— Говорятъ, онъ необыкновенно счастливъ былъ въ картахъ?

— Дѣйствительно, счастье онъ имѣлъ большое, но только проигрывался онъ тоже часто и большими кушами. Когда умеръ Николай Алексѣевичъ, послѣ него всѣхъ денегъ тысячъ пять-десять осталось, а вѣдь, если вѣрить сплетнямъ, будто онъ игралъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и всѣхъ обыгрывалъ, да прибавить къ этому доходъ съ его сочиненій, да съ «Отечественныхъ Записокъ», да знать его бережливость, нужно ожидать милліоннаго наслѣдства. По городу такъ и говорили: умретъ Некрасовъ, обнаружится его

состояніе, получать наслѣдники милліонъ, а то, можетъ быть, и всѣхъ два милліона. Вотъ и умеръ, и обнаружилось. Эхъ, толки людскіе!

Ѳедоръ понурилъ голову. Мы проѣхали нѣсколько шаговъ молча. Мной овладѣла безконечная грусть. Покойный поэтъ достигъ вершины славы. На его стихахъ воспиталось нѣсколько поколѣній, надъ ними проливали слезы. Пренебрегая, можетъ быть, художественной формой, «суровымъ и неуклюжимъ стихомъ», въ которомъ не было, по собственному признанію Некрасова, «свободной поэзіи», онъ будилъ лучшія чувства въ своихъ читателяхъ, — и что же? Произнесите въ любомъ обществѣ его славное имя, и всегда найдется какой нибудь обвинитель, который повторитъ отвратительную клевету о карточной игрѣ Некрасова. Такъ было при жизни поэта, такъ осталось и послѣ его смерти.

Мы уже ѣхали по Сергіевской.

— Не знаю, какъ кто, баринъ, а я про Николая Алексѣевича могу сказать, что это былъ святой человѣкъ. Судите сами, какъ я отъ него отходилъ, онъ ужъ совсѣмъ больной былъ и въ постелѣ лежалъ, такъ онъ мнѣ изъ собственныхъ рукъ своихъ триста рублей денегъ далъ и пару лошадей на мой выборъ. Съ его легкой руки, я извозчичьимъ промысломъ занялся и, могу сказать, живу, не жалуюсь. Жена у меня, двое дѣтей, старшій сынъ въ ремесленномъ училищѣ курсъ кончаетъ. Занимаемъ мы квартиру изъ четырехъ комнатъ съ кухней, конюшней и сараемъ. Двѣ комнаты семейство занимаетъ, а въ двухъ другихъ комнатахъ, тѣхъ, что поменьше, всегда найдется постоялецъ и двадцать рублей мнѣ въ мѣсяцъ платитъ, половину всей квартирной платы. Года полтора тому назадъ жилъ у меня въ этихъ комнатахъ вольнопрактикующій фельдшеръ. Представьте себѣ, баринъ, что онъ не признавалъ стиховъ Некрасова.

— Народный поэтъ у насъ одинъ,—говорилъ онъ:—Кольцовъ, а Николая Алексѣевича сочиненія онъ, прости его Господь, маргариномъ называлъ. Вѣрно, въ газетѣ какой вычиталъ. Газетами онъ до страсти зачитывался и даже къ себѣ на домъ «Петербургскую» выписывалъ.

Мы подъѣхали къ дому, гдѣ я жилъ.

Расплачиваясь съ Ѳедоромъ, я далъ ему денегъ нѣсколько болѣе, чѣмъ бы ему слѣдовало безъ разсказа о Некрасовѣ. Онъ съ жаромъ благодарилъ меня, просилъ «предать гласности» его воспоминанія и предлагалъ мнѣ, «ежели случится ѣзда по часамъ», увѣдомить его по городской почтѣ наканунѣ, онъ, быть можетъ, еще что нибудь «сообразитъ да вспомнитъ о Николаѣ Алексѣевичѣ». Я обѣщалъ исполнить его желаніе, и мы разстались.

Викторъ Бибиковъ.

ЧАЙНАЯ РОЗА [1].

XV.

АЖДЫ, въ это время, мнѣ надо было куда-то спѣшно поѣхать. Когда я сходилъ съ лѣстницы, внизу, у швейцара, стоялъ сѣдой совсѣмъ человѣкъ, повидимому, пріѣзжій изъ деревни, — наѣздникъ, кучеръ, садовникъ, вообще бывшій дворовый. Они съ швейцаромъ говорили о чемъ-то и посматривали на верхъ. Когда я поровнялся съ ними, швейцаръ отворилъ мнѣ дверь, а старикъ снялъ фуражку и вытянулся. Я раскланялся, прошелъ въ подъѣздъ, сѣлъ на перваго извозчика и уѣхалъ.

Къ обѣду я вернулся домой. Мнѣ сказали, что меня на кухнѣ дожидается какой-то старикъ.

— Отъ кого?

— Не говоритъ. По дѣлу какому-то. Все разспрашивалъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ, Анатоліи Борисовичѣ, что у насъ бывалъ.

Въ кухнѣ я увидалъ того самаго старика, что стоялъ утромъ внизу со швейцаромъ.

— Что, батюшка, въ чемъ дѣло?—спросилъ я его.

— Позвольте вамъ однимъ доложить...

Я вышелъ изъ кухни въ корридоръ и остановился.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 344.

— Большое дѣло-съ,—началъ старикъ.—Ужъ вы извольте лучше откушать, а то долго разсказывать.

— Въ чемъ дѣло-то?

— Да насчетъ Анатолія Борисовича, господина Перцева.

— При чемъ же я-то тутъ?

— Ужъ вы спасите отъ него насъ...

— Кого васъ?

— И Зинаиду Евграфовну и всѣхъ насъ.

Я стоялъ и ничего не понималъ.

— Какую Зинаиду Евграфовну? Отъ чего спасти?

— Зинаиду Евграфовну, госпожу Алябьину... отъ этого самаго Анатолія Борисовича.

— «Алябьину?...Зинаиду Евграфовну?»...—Я началъ смутно припоминать.

— Ну, да... Помню, — сказалъ я. — Онъ-то, Перцевъ-то, при чемъ же тутъ?

— Да они отъискали ее, явились...

— Ну?

— Ну, и начали... Господи, Боже нашъ, жили двадцать слишкомъ лѣтъ тихо, спокойно, благородно, кажется, никому не помѣха, и вдругъ надо же такое несчастіе!..

Мнѣ сперва Богъ знаетъ что пришло въ голову.

— Да вѣдь она же старуха ужъ.

— Въ томъ-то и дѣло-съ.

— Ну, что-жъ я тутъ могу сдѣлать? Ахъ, негодяй какой! Я догадывался... Не зналъ только, къ кому онъ попалъ...

— Да, ужъ человѣчекъ-съ, можно сказать, къ чести ихъ нельзя приписать, — вздыхая и закладывая руки назадъ, сказалъ старикъ,—сказалъ и уставился на меня.

— Я не знаю, что-жъ я могу тутъ сдѣлать?—повторилъ я.

— Я вамъ доложу-съ обо всемъ этомъ. Только это очень долго будетъ разсказывать. Вы извольте кушать сперва, а потомъ если позволите...

— Да вы какъ ко мнѣ-то попали? Почемъ вы знаете, что я его знаю.

— Онъ же намъ все разсказывалъ. И какъ это Григорій Михайловичъ ихъ къ вамъ прислали, и какъ вы имъ мѣсто при министрѣ предоставили...

— При министрѣ? Гм...

— Онъ разсказывалъ...

— Вретъ онъ все.

— Ну, думаемъ, баринъ знакомый; надо къ нему пойдти посовѣтываться. И старуха моя: иди, говоритъ, посовѣтуйся. Вѣдь, мы изъ тѣхъ же мѣстъ, изъ Покровскаго. Васъ-то, сударь, еще вотъ какими знали.

Старикъ показалъ рукой на аршинъ отъ полу, какимъ онъ меня зналъ.

— Хорошо, посидите на кухнѣ,—сказалъ я:—пообѣдаю, я васъ позову, потолкуемъ, вы мнѣ разскажете все...

Я пообѣдалъ, зажегъ въ кабинетѣ лампу, позвалъ старика, усадилъ его въ кресло, и онъ началъ.

XVI.

— Вдругъ они къ намъ явились...

— Позвольте, прежде всего, какъ васъ зовутъ?—сказалъ я.

— Аверьянъ... Марковъ...

— Ну-съ, вы какъ же... вы бывшій крѣпостной Алябьиныхъ?

— Такъ точно-съ. Они потомъ насъ отпустили съ женой на волю. Передъ самымъ этимъ несчастіемъ... какъ въ Петербургъ-то они тогда уѣхали... послѣдній-то разъ. Я камердинеромъ вторымъ былъ при нихъ. Маркела-то они тогда съ собой въ Петербургъ взяли, а меня при барынѣ оставили: смотри, говоритъ, Аверьянъ, что увидишь, что услышишь, никому ни слова. А вотъ тебѣ съ женой—вольная. И объ этомъ также пока никому изъ людей ничего не говори... Предчувствіе у нихъ тогда, надо полагать, такое было, что они къ намъ изъ Петербурга не вернутся... Они уѣхали, и начали мы жить безъ нихъ... Тутъ слухи разные пошли...

— Это вѣдь отецъ этого самаго Анатолія Борисовича былъ Борисъ Павловичъ,—сказалъ я.

— Такъ точно-съ. Вѣдь все это на моихъ глазахъ было. Бывало, подаешь имъ кушать, или чай, или десертъ, а они поютъ, на гитарѣ, на портепьяно играютъ... А Зинаида Евграфовна слушаютъ...

— Я помню, т. е. не самъ я это все видѣлъ, а разсказы объ этомъ обо всемъ я помню,—сказалъ я.

— Много тогда напраслины на нихъ говорили, и-и сколько,—замѣтилъ, какъ бы про себя, старикъ.

— Т. е. что?

— Да вотъ все про это. Ужъ намъ бы не знать? Да кому же и знать-то, какъ не людямъ? Жена-то моя вѣдь у Зинаиды Евграфовны въ камерфрельняхъ служила, такъ мнѣ-то она развѣ бы не сказала, если бы что было? Нѣтъ!.. — съ негодованіемъ, оживляясь, воскликнулъ старикъ:—нѣтъ-съ!.. А она была расположена къ нему, или, какъ бы сказать?—чувства нѣжныя имѣла къ нему. И Борисъ Павловичъ тоже крѣпко ихъ обожалъ... Такъ ужъ обожалъ... такъ обожалъ, что и сказать нельзя... И въ этомъ они даже, дѣйствительно, предо мною открывались. Взойдешь, бывало, къ нимъ въ комнату за чѣмъ нибудь, а онъ, Борисъ Павловичъ-то, сидятъ одни одинешеньки, задумались и взглянутъ—глаза-то у нихъ все равно вотъ какъ у помѣшаннаго... Вѣдь они, если изволите

помнить, разговорчивые такіе были, ну, и слово за слово начнутъ говорить, дальше да больше, и скажутъ: ахъ, Аверьянъ, несчастный я человѣкъ, ничего ты не знаешь и не понимаешь, а все это за то, что много и я самъ на своемъ вѣку сердецъ изсушилъ... И дѣйствительно, кто-кто только въ него тогда у насъ изъ барышень, да и изъ замужнихъ, не были влюблены?..

— Такъ что это только?.. А ничего эдакого у нихъ?.. — спросилъ я.

— Какъ передъ Истиннымъ вотъ!—опять воскликнулъ старикъ оглянулся на образъ и медленно перекрестился.

— Намъ-то бы съ женою не знать! Мы тогда и въ Петербургъ съ ними поѣхали, какъ баринъ скончался. Жена моя всю дорогу въ одномъ экипажѣ съ ними ѣхала. А какъ въ Москву пріѣхали, мы въ Лоскутной тогда остановились, а Борисъ Павловичъ къ тетенькѣ своей прямо поѣхалъ. На другой день мы въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ тронулись, а онъ въ Москвѣ остался. На станцію они, правда, пріѣзжали насъ провожать, и только къ ручкѣ по обыкновенію.

— А тогда-то разсказывали!—сказалъ я.

Старикъ только рукой махнулъ.

XVII.

— А какое сходство съ отцемъ у этого-то?—сказалъ я.

— Да въ этомъ-то вся и бѣда наша, что онъ лицомъ на того похожъ,—горько усмѣхаясь, отвѣтилъ мнѣ старикъ и сейчасъ же добавилъ:—Только, воля ваша, пріятности въ нихъ нѣтъ никакой, какая въ отцѣ-то была. Глаза эдакіе, какъ у волка... бѣгаютъ... безстыжіе... У насъ вѣдь покойнаго Бориса Павловича-то нѣсколько портретовъ есть—никакого сходства, какъ сравнить. А такъ, какъ взойдутъ, дѣйствительно...

— Это какіе же портреты? У Зинаиды Евграфовны? — спросилъ я.

— У нихъ... И письма у нихъ его... всѣ цѣлы... такъ и лежатъ, ленточками голубенькими перевязаны...

Я ужъ забылъ совсѣмъ объ Анатолѣ и разспрашивалъ про то, что было тогда, давно. Меня то интересовало гораздо больше. Аверьянъ охотно разсказывалъ.

— И вотъ-съ, какъ вернулись мы тогда изъ Петербурга съ барыней, похоронивши барина, тутъ Зинаида Евграфовна-то заключилась во флигелѣ у себя и никуда сама и къ себѣ никого. Одно время мы съ женой такъ и думали, что они либо тронутся въ мысляхъ своихъ, либо руки на себя наложатъ. Такъ мы ужъ и смотрѣли за ними. Потому они себя во всемъ, что произошло, винили: и что тогда этотъ откупщикъ, барина компаньонъ, умеръ, и

что баринъ разорились, и что потомъ они надъ собою это сдѣлали,—все это они себѣ, т. е. вотъ тому, что онѣ тогда нѣжное чувство къ Борису Павловичу возъимѣли,—къ этому вотъ приписывали. Такъ дожили мы до продажи Покровскаго. Продали, намъ надо было уѣзжать,—какъ же оставаться? Барыня Зинаида Евграфовна намъ съ женой и говорятъ:—Ну, говоритъ, Аверьянъ и Евпраксія, спасибо вамъ за всю вашу службу мнѣ, вотъ вамъ отъ меня, и дала намъ съ женой по сотенному билету, а я, говоритъ, теперь отсюда навсегда должна уѣхать. Мы съ женой и говоримъ имъ: все равно, говоримъ, вѣдь вамъ, сударыня, прислуга нужна будетъ,—возьмите и насъ съ собою, мы поѣдемъ... Онѣ эдакъ посмотрѣли на насъ, слезы у нихъ показались на глазахъ: спасибо, говоритъ, поѣдемте со мною, хорошо. Только я, говоритъ, васъ предупредить должна, богатства у меня никакого нѣтъ, а что есть у меня, осталось мнѣ отъ мужа, такъ это вотъ бриллiанты, которые онъ мнѣ подарилъ, когда я еще невѣстой его была. А больше у меня ничего нѣтъ. Продать я должна буду ихъ въ Петербургѣ и на нихъ буду жить, потому родные у меня были бѣдные и тоже ничего мнѣ не оставили, да ихъ и въ живыхъ ужъ теперь никого нѣтъ—одна я, какъ перстъ, на этомъ свѣтѣ осталась... Умру, похороните меня, все ваше будетъ, что останется послѣ меня... Мы поблагодарили это ихъ, я къ ручкѣ подошелъ, жена въ плечико ихъ поцѣловала, а они насъ въ голову—сперва жену, а потомъ меня. Начали мы собираться, собрались и поѣхали. Прiѣхали мы въ Петербургъ, остановились въ гостиницѣ. Поѣхали барыня Зинаида Евграфовна съ женой моей къ ювелирамъ бриллiанты эти продавать. А я дома, въ номерѣ, остался. Только вотъ онѣ приходятъ и говорятъ,—это Зинаида Евграфовна говоритъ,—подозвала меня и говоритъ: ну, Аверьянъ, а знаешь ли ты, мы вѣдь богатые люди. Знаешь, за сколько мы бриллiанты-то съ Евпраксiей продали?—Почему же, говорю, сударыня, я знаю. Развѣ я въ нихъ понимаю что.—Ну, однако?—За пять тысячъ, говорю, продали,—такъ, наобумъ сказалъ, да и думаю—ужъ много.—За пятьдесятъ пять тысячъ, говоритъ... Даже улыбнулась при этомъ: вотъ, говоритъ, какiе мы богачи теперь!..

Аверьянъ, сказавъ это, опустилъ голову и развелъ руками. Помолчалъ и потомъ взглянулъ на меня.

— Ну, а дальше.

— Ну-съ, вотъ такъ мы и живемъ въ гостиницѣ недѣлю, другую. Дѣла у меня никакого нѣтъ. Барыня Зинаида Евграфовна съ женой моей каждый день ѣздятъ. Была она и на могилкахъ у родителей. Зинаида Евграфовна справить ихъ велѣли, заказали памятники, рѣшетки; были въ Смольномъ институтѣ, гдѣ Зинаида Евграфовна училась прежде, — гдѣ только не побывали. Вотъ однажды Зинаида Евграфовна и говоритъ моей женѣ: а сегодня,

говоритъ, Евпраксія, мы поѣдемъ съ тобой посмотрѣть тотъ домъ на Петербургской сторонѣ, гдѣ я прежде съ родителями до института жила и гдѣ я родилась. Поѣхали они, пріѣхали. Нашли. Только домика того нѣтъ—мѣсто одно нашли, а на мѣстѣ этомъ ужъ новый домъ стоитъ, большой, деревянный. Остался только садъ, и признали Зинаида Евграфовна даже деревцо въ немъ и березку одну, подъ которой тогда играли, сиживали... Что они тамъ съ женой говорили, я жену-то еще и не спросилъ, какъ Зинаида Евграфовна кличетъ меня: Аверьянъ, поди-ка сюда... Вотъ, говоритъ, что мнѣ въ голову пришло: хочу я этотъ домъ съ садомъ, въ которомъ росла, купить и поселиться въ немъ. Только не знаю, что за него хотятъ и продадутъ ли еще его.—Воля ваша-съ, говорю.—Нѣтъ, а ты мнѣ что посовѣтуешь?—Да что же, говорю, я тутъ посовѣтовать могу? Извѣстно, въ своемъ домѣ будетъ лучше и пріятнѣе жить, чѣмъ такъ-то вотъ въ гостиницѣ за все втридорога платить и никакого удовольствія себѣ не видать.—Такъ и ты находишь, что купить намъ слѣдуетъ? Ну, тогда вотъ что. Съѣзди ты туда, на Петербургскую, въ эту улицу и тамъ все это, какъ и что, разузнай... Съѣздилъ я, сударь, разузналъ все. Продается домъ, только не изъ нужды, а наслѣдники продаютъ для раздѣла и хотятъ за него десять тысячъ—ни копѣйки меньше. На другой день мы съ барыней Зинаидой Евграфовной поѣхали туда къ нимъ, ужъ прямо въ домъ, къ хозяевамъ. Торговаться—не уступаютъ. А барыня боится, какъ бы другой кто не перекупилъ, какъ бы не упустить. За десять тысячъ такъ и покончили. Совершили купчую, все какъ слѣдуетъ, черезъ недѣлю изъ гостиницы и переѣхали. Отдѣлали все заново, выкрасили, обоями оклеили, мебели накупили—и стали жить. Лошадку свою завели, я кучеромъ сначала ѣздилъ, пока напали на хорошаго человѣка. Корову свою завели, куръ, все какъ слѣдуетъ... Жили тихо, смирно, благородно. При домѣ у насъ два флигеля—въ одномъ пріютъ былъ: онъ и до сихъ поръ помѣщается, четыреста рублей въ годъ платитъ; въ другомъ генералъ отставной жилъ, теперь ужъ дочери его, барышни, живутъ. И вотъ, кромѣ начальницы этого пріюта да этого генерала съ дочерьми, никто у насъ не бывалъ и сами мы никуда... И такъ прожили мы, сударь, тихо, смирно и благородно двадцать семь лѣтъ... Какъ вдругъ, это божеское наказаніе, явился этотъ соколъ ясный!..

Аверьянъ опять опустилъ голову и развелъ руками.

XVIII.

— И что же такое произошло?—спросилъ я, когда онъ, помолчавъ, по обыкновенію, снова поднялъ на меня глаза.

— Все-съ... все прахомъ пойдетъ... и пошло ужъ,—добавилъ онъ.

Опять опустилъ голову, развелъ руками и сказалъ:

— И вѣдь могъ я имъ отказать: я и карточку ихъ визитную несъ, и ничего бы, какъ я вижу, не было бы этого. Сказалъ бы: не принимаютъ-съ, и конецъ.

— Ну, все равно, онъ письмо бы написалъ.

— Не написалъ бы. Я бы, если бы зналъ, такъ бы ужъ принялъ его, что не написалъ бы... Онъ, какъ я понимаю это теперь, думалъ сперва, ни больше, ни меньше, какъ вспомоществованіе какое нибудь себѣ получить. О счастьѣ своемъ онъ и не думалъ... и думать даже не смѣлъ. А зналъ онъ, врагъ нашъ, слыхалъ, должно быть, это все, какъ барыня-то Зинаида Евграфовна къ отцу его расположена была, пріѣхалъ сюда въ нищетѣ, холодный да голодный; вспомнилъ, дай, думаетъ, отыщу, можетъ жива, по отцу, по старымъ чувствамъ своимъ, изъ сожалѣнія и мнѣ вспомоществованіе какое дастъ. Слыхалъ вѣдь, небось, что сестру-то его изъ жалости барыня Зинаида Евграфовна тогда отъ Мутовкиныхъ взяла и воспитывала,—ну, думаетъ, авось и мнѣ отъ щедроты своей не пожалѣетъ дать что нибудь... И вѣдь я видѣлъ его, наканунѣ видѣлъ... Вышелъ это я за ворота, стою съ нашимъ дворникомъ, говорю объ чемъ-то, а тутъ, напротивъ насъ, постъ, городовой на посту стоитъ. И вижу я, какъ господинъ какой-то стоитъ съ бумажкой въ рукахъ и о чемъ-то разспрашиваетъ его. А городовой-то отвѣчаетъ ему и все на нашъ домъ смотритъ. И онъ это говоритъ съ городовымъ, а самъ тоже на домъ оглядывается. Мнѣ бы тутъ подойдти, разговориться съ нимъ, я бы его сейчасъ по лицу узналъ, выспросилъ бы и сказалъ бы ему тутъ прямо-на-прямо: никого у насъ барыня чужихъ не принимаютъ, и нечего вамъ къ ней и ходить. И докладывать не стану объ васъ—и конецъ бы. Ну, не съумѣлъ, ума не хватило... А это онъ все высматривалъ да выспрашивалъ у всѣхъ, какъ и что... Это наканунѣ, такъ часовъ въ пять было. Барыня откушали, я вышелъ и видѣлъ съ городовымъ-то его. Утромъ, на другой день, часовъ въ десять, только что барынѣ Евпраксія моя кофе понесла—звонокъ. Отворяю—онъ.

— Зинаида Евграфовна дома?—Дома-съ,—говорю, а самъ эдакъ осматриваю его съ ногъ до головы. Сюртучекъ на немъ новенькій, а ужъ сапоги-то и шапочка подгуляли.

— Мой и сюртучекъ-то,—сказалъ я:—это я ему сдѣлалъ.

— Вотъ на грѣхъ-то!.. Ну-съ, смотрю я на него и думаю: доложить объ немъ или нѣтъ. Вдругъ онъ вынимаетъ карточку и говоритъ: «Передайте Зинаидѣ Евграфовнѣ»... Тутъ вотъ я и далъ маху. Мнѣ бы хорошенько прочитать карточку-то, а я только эдакъ мелькомъ взглянулъ на нее, да вижу—Евпраксія-то идетъ отъ барыни, я и говорю ей: на-ка, отдай-ка барынѣ, дожидаются, отвѣта ждутъ... Она пошла, а я съ нимъ остался въ передней, смотрю на

него, вдругъ и вспомнилъ, призналъ въ немъ Бориса-то Павловича. Онъ, думаю, сынъ его! Онъ и есть, навѣрное!.. А Евпраксія-то ушла и нейдетъ. Стоимъ мы съ нимъ, я на него ужъ смотрѣлъ, смотрѣлъ... давай, думаю, спрошу:

— Не сынъ ли,—говорю,—позвольте узнать, Бориса Павловича, господина Перцева будете?

— Сынъ,—говоритъ.—А вы почему меня узнали?

— Да какъ же,—говорю,—мнѣ не узнать. Я Бориса-то Павловича, слава Богу, хорошо зналъ.

— Сынъ... сынъ...—повторяетъ:—похожъ, а?

— Очень даже,—говорю.

— А тутъ Евпраксія-то выглянула изъ дверей, вышла, да и кличетъ меня. Я поскорѣй къ ней. Съ барыней-то, говоритъ, что сдѣлалось: узнать нельзя ее... Одѣваться сейчасъ, причесываться, платье новое шелковое. А сама вся такъ и горитъ, на щекахъ румянецъ, глаза блистаютъ... Вѣдь это знаешь, кто?—Бориса Павловича Перцева сынъ,—помнишь?—Знаю, говорю, помню.—Велѣла просить въ гостиную... Выйдетъ сейчасъ... Вернулся я въ переднюю и говорю ему: пожалуйте, приказали принять...

— И пальтишко-то на немъ рваное-рваное было. Неловко ему было, самъ и снялъ, на вѣшалку повѣсилъ...—съ досадой и презрѣніемъ добавилъ Аверьянъ.

— Вошелъ это онъ, сударь, въ гостиную, а мебель и убранство у насъ все богатое: вотъ сами изволите увидать...

— Какъ же это я увижу? Зачѣмъ это я-то туда поѣду?—удивился я.

— А какъ же-съ? — еще больше моего удивился Аверьянъ. — Какъ же сдѣлать-то тогда?

— Да что же сдѣлать?

— Спасти ихъ надо отъ него. Вонъ его, врага, изъ дому его надо вонъ.

Я сомнительно покачалъ головой.

— Ужъ вы, ради Бога. Вся надежда на васъ. Что-жъ это такое будетъ? Онъ и ее всю оберетъ, и мы съ женой,—вѣрой и правдой тридцать пять лѣтъ имъ служили,—ни съ чѣмъ останемся. Все псу подъ хвостъ пойдетъ...

— Ну, увидимъ. Дальше.

— Вотъ-съ, только вошелъ онъ въ гостиную-то, озирается, стоитъ, смотритъ, видитъ себя въ зеркалахъ... Не знаетъ, куда ему руки свои загребастыя дѣвать, и такъ сложитъ, и эдакъ... Вдругъ дверь отворяется, и барыня Зинаида Евграфовна выходитъ къ нему... Вышли, остановились и смотрятъ... Онъ вдругъ къ ручкѣ къ ней и на колѣни. Да какъ заплачетъ, заплачетъ... Барыня это сейчасъ испугались: «Встаньте, ахъ, что это вы, Анатоль. Встаньте»...

— Онъ это сейчасъ всталъ, платочкомъ утирается.—Сядьте здѣсь,

говоритъ, Анатоль. Или нѣтъ, лучше пойдемте ко мнѣ, разскажите мнѣ все...—это Зинаида Евграфовна-то.

— Ну-съ, что ужъ онъ ей тамъ говорилъ, въ чемъ признавался, о чемъ просилъ, — этого я вамъ доподлинно разсказать не могу. Евпраксія моя входила туда къ нимъ нѣсколько разъ, слышала, что онъ ей все о страданіяхъ своихъ разсказывалъ, о гоненіяхъ разныхъ... Только, отпуская его отъ себя, Зинаида Евграфовна кликнули Евпраксію мою и приказали ей шкатулку съ деньгами подать и тутъ же при Евпраксіи вынули изъ шкатулки тысячный банковый билетъ, положили себѣ на колѣни, заперли опять шкатулку: унеси, говоритъ. Она понесла, а больше ужъ этого билета и не видали мы, и въ шкатулку барыня его не прятали... Онъ тутъ сряду, сейчасъ же, и уѣхалъ...

XIX.

— Ну, и шутъ съ нимъ. Сорвалъ, и прощай,—сказалъ я.

Аверьянъ покачалъ только головой:

— Да развѣ мы изъ-за этого! Это ужъ, Господь съ ней... Дальше-то что пошло... Дня три его не было. Является франтомъ. Узнать нельзя. Опять сейчасъ къ ручкѣ. Разговоръ тутъ ужъ у него, и все это—другое. А она, Зинаида Евграфовна-то, смотритъ на него и не нарадуется: Анатоль... Анатоль... (Аверьянъ передразнилъ ее). Не хотите ли того, не хотите ли этого? Евпраксія, принеси!.. Аверьянъ, подай!.. А онъ-то куражится. И все къ ручкѣ... Нѣтъ-нѣтъ, сидитъ-сидитъ, ходитъ-ходитъ — и опять къ ручкѣ все. Батюшка покойникъ, говоритъ, правъ былъ: оставилъ онъ намъ тайное духовное письмо, въ которомъ и мнѣ, и сестрѣ покойницѣ, которую вы воспитывали, завѣщалъ намъ, если что въ жизни съ нами случится, ни къ кому не обращаться, — къ вамъ. Она одна, говоритъ, вамъ какъ бы за мѣсто матери родной... Она вамъ и не откажетъ по мнѣ...

— А она, Зинаида Евграфовна-то, какъ дурочка, смотритъ на него и всему вѣритъ...

— Меня даже, сударь, разъ досада взяла. Стою я это, подаю имъ, онъ это лясы-то точитъ, а я не вытерпѣлъ и говорю: а гдѣ это, сударь, у васъ духовное это письмо? И можете ли вы его показать?—Такъ, вѣдь, какъ на меня!.. Ужъ барыня, Зинаида Евграфовна, насилу смирила его...

— И повадился онъ къ намъ ѣздить... Каждое утро, каждое утро. Какъ десять часовъ, такъ онъ тутъ—узнать, говоритъ, о здоровьѣ пріѣхалъ, какъ ночь провели. Поцѣлуетъ ручку, посидитъ съ четверть часа, опять поцѣлуетъ ручку и уѣдетъ... Черезъ недѣлю опять она ему тысячный билетъ вынула и отдала... Пріѣхалъ, наговорилъ это онъ ей, — вотъ тутъ и про васъ-то мы узнали, онъ

разсказалъ: опредѣлилъ, говоритъ, онъ меня къ министру... для секретныхъ порученій. Ужъ онъ ей несъ, несъ. И какъ министръ-то его призывалъ къ себѣ, и что ему говорилъ: вы, говоритъ, молодой человѣкъ хорошей фамиліи, съумѣйте себя поставить прилично, чтобы у васъ была квартира приличная, закладка для выѣзда...

Я вообразилъ себѣ эту сцену и разсмѣялся. Аверьянъ подумалъ, что я не вѣрю ему, и сталъ меня увѣрять:

— И про васъ тоже. Какъ это вы, сейчасъ, какъ онъ только явился къ вамъ, написали къ министру письмо, и онъ съ этимъ письмомъ поѣхалъ, и его приняли на службу... Какъ же-съ, все это онъ ей разсказалъ.

— Да этого не было ничего!

— Ну, все равно. А духовное письмо развѣ есть у него? Да я голову дамъ на отсѣченіе, что никакого письма у него нѣтъ!.. Однимъ словомъ,—если позволите выразиться такъ, — мошенникъ онъ... мазурикъ... жуликъ—ничего больше...

— Ну, она ему еще тысячу?

Аверьянъ вздохнулъ:

— Нѣтъ-съ, ужъ теперь онѣ ему пять тысячъ передавали. За этотъ мѣсяцъ-то онъ у нихъ ужъ пять тысячъ слизнулъ. Да и больше бы, пожалуй, только я-то ужъ вижу, куда это все пойдетъ, и рѣшился барынѣ все, какъ есть, въ глаза изложить, представить имъ, какъ есть все. Взошелъ къ нимъ вечеромъ, подалъ самоваръ, да и стою.—Ты, говоритъ, что Аверьянъ? Сказать имѣешь мнѣ что?—А вотъ что-съ, говорю: дозвольте вамъ правду всю высказать, какъ она есть передъ совѣстью. — Говори, говори. — Я имъ все это и началъ излагать—все, ужъ ничего не боялся.—Да, говоритъ, Аверьянъ, замѣчаю я и сама, что онъ не какъ слѣдуетъ благородному человѣку со мною поступаетъ, только жаль мнѣ его, по памяти объ отцѣ его Борисѣ Павловичѣ, мнѣ его жаль. — Да что же, говорю, жалѣть-то его? Помогли ему, всѣми мѣры и силы ему помогли,—теперь что же вамъ разориться, что ли, на старости лѣтъ для него? Ему развѣ хватитъ чего, на него развѣ напасешься? Ему все мало... Тутъ Евпраксія моя пришла, упала имъ въ ноги, плачетъ, молитъ... Себя, говоритъ, матушка барыня, пожалѣйте...

— Они и одумались было. Не велѣли было даже и принимать его. Я обрадовался: ну, думаю, слава Богу. Вдругъ видитъ его въ окно, подъѣхалъ онъ сегодня, она и кричитъ: Аверьянъ, прими, прими!.. Что-жъ, сударь, я подѣлаю?

— А онъ сегодня у нея еще тысячу слизнулъ. Мнѣ, говоритъ, до зарѣзу. Вчера, говоритъ, вечеромъ у министра въ карты посадили меня играть, отъ роду не игралъ, ну, тысячу рублей и проигралъ. Обѣщалъ сегодня привезти, заплатить. Не заплачу—

пулю въ лобъ!.. Вынулъ изъ кармана серебряный пистолетикъ вертитъ имъ то и дѣло. Какъ еще напугалъ-то ее...

— Ахъ, негодяй!—сорвалось у меня.

— Вотъ ужъ вѣрное-то слово изволили сказать!—живо подхватилъ Аверьянъ:—истинно, это негодяй... На старуху беззащитную коршуномъ—орломъ такимъ налетѣлъ.

— Вотъ, какъ ужъ онъ уѣхалъ, мы съ женой къ ней, къ Зинаидѣ Евграфовнѣ, и пристали. Позвольте, говорю я, пойдти мнѣ отъ вашего имени къ (Аверьянъ назвалъ при этомъ меня по имени и отчеству) узнать у нихъ всю правду объ немъ, какъ и что, у какого такого министра онъ служитъ. Они его на мѣсто опредѣляли, стало быть, они все и знаютъ. Потому, не можетъ этого быть, чтобы онъ все правду говорилъ. Обманываетъ онъ, обираетъ — и больше ничего... Зинаида Евграфовна и согласились. Что-жъ, говоритъ, сходи отъ моего имени, узнай. Я, говоритъ, не у него самого, а у родителей его въ домѣ, въ деревнѣ, нерѣдко бывала.

— Да, я помню ее,—сказалъ я.—Помню, ее еще Чайной Розой называли.

— Вотъ-вотъ! Какъ же-съ. Это имъ было прозваніе такое за красоту ихъ.

— Можете передать ей отъ меня, что это все вздоръ, что онъ про министра разсказывалъ вамъ. Нигдѣ онъ даже не служитъ. Прислалъ его сюда Григорій Михайловичъ съ письмомъ и т. д., и т. д.

И я все ему разсказалъ. Разсказалъ и то, какъ онъ себя велъ до этого тамъ, у насъ, въ губерніи.

Аверьянъ смотрѣлъ на меня и вдругъ сдѣлалъ необыкновенно сладкое лице:

— А сами вы къ намъ не пожалуете?

— Да съ какой же стати?

— А если бы я вамъ отъ нихъ приглашеніе письмомъ ихъ принесъ?

— Да зачѣмъ это надо?

— Ахъ, какъ это вы говорите! Развѣ это то же самое—что я имъ передамъ отъ васъ, что сами вы имъ разскажете?

Я подумалъ и сказалъ:—Хорошо.

Очень также мнѣ хотѣлось и посмотрѣть старуху.

— А что она очень стара?—спросилъ я.

— Нѣтъ-съ. Особенно вотъ когда эдакъ растревожатся, разстроятся ежели.

— А тутъ,—я показалъ на лобъ,—ничего?

— Ничего-съ! Вотъ только какъ этотъ соколъ-то нашъ ясный прилетѣлъ... А то ничего, все какъ слѣдуетъ...

— Пріѣду, посмотрю, что такое — любопытно.

Аверьянъ не зналъ, какъ ужъ и благодарить меня, ушелъ, обѣщалъ прійдти завтра и принести отъ Алябьиной письмо.

XX.

Но онъ пришелъ не завтра, а черезъ два дня, и принесъ мнѣ необыкновенно тонко и деликатно составленное и хотя почеркомъ начала столѣтія, но изящно написанное письмо Алябьиной. По всему видно было, что рѣшеніе написать его и самое написаніе составило тамъ цѣлое событіе, надъ которымъ много она ломала голову.

Письмо это цѣло у меня до сихъ поръ. Въ немъ Алябьина, очень обрадованная извѣстіемъ, что здѣсь, въ Петербургѣ, оказывается, постоянно живетъ одинъ изъ бывшихъ ея сосѣдей по имѣнію, выражаетъ твердую увѣренность, что онъ, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ добрымъ и искреннимъ чувствамъ, которыя связывали два дома тамъ, въ деревнѣ, не откажется пріѣхать навѣстить ее, чтобы вмѣстѣ вспомнить хорошее, свѣтлое прошлое и т. д. О Перцевѣ, разумѣется, ни слова.

— Когда же удобнѣе всего пріѣхать? — спросилъ я Аверьяна.

— Сегодня вечеромъ-съ.

— Какъ, ужъ и сегодня...

— Сдѣлайте ваше одолженіе!—умоляющимъ голосомъ чуть не вскричалъ Аверьянъ.—Онъ вчера опять былъ у насъ. Предлагаетъ переѣхать къ намъ во флигель — пріютъ у насъ выѣзжаетъ, свой домъ купили, такъ флигель-то пустой, оказывается, съ будущаго мѣсяца будетъ. Позвольте, говоритъ, мнѣ для доказательства, какой я скромный образъ жизни веду, переѣхать къ вамъ во флигель. А то, говоритъ, я знаю, догадываюсь, что васъ на счетъ меня смущаютъ. Она была ужъ совсѣмъ готова, согласилась... А я знаю, къ чему онъ подъѣзжаетъ-то,—прищуривая глаза, добавилъ Аверьянъ.

— Къ чему же?

— Ужъ знаю-съ. Меня ему не провести. Знаю, все вижу. Это онъ какъ только заговорилъ,—знаю, думаю себѣ, куда ты голубчикъ норовишь... Нѣтъ, тутъ люди тридцать пять лѣтъ служили вѣрой-правдой. Побольше твоего заслужили, все съ нею переносили безъ ропота, и худое, и хорошее,—все видѣли съ нею...

— Что-жъ онъ къ наслѣдству, что ли, подбирается?—спросилъ я.

— И очень просто, — опять также хитро прищурясь, сказалъ Аверьянъ. — Только я васъ, сударь, спрошу: что же это будетъ? Люди ей вѣрой и правдой, можно сказать, всю жизнь служили,— имъ ничего, а какому-то, съ позволенія сказать... все потомъ достанется? Ну, будь это наслѣдникъ ея—словъ нѣтъ, а то кто онъ ей такой? И за что? Что онъ ей такое сдѣлалъ? Чѣмъ онъ ей милъ? Мы люди простые, а развѣ мы не понимаемъ?

— Да чѣмъ же милъ?—проговорилъ я, чтобы провѣрить своего догадку.

— А тѣмъ, что покойника отца своего Бориса Павловича напоминаетъ, къ которому у нихъ нѣжныя чувства тридцать лѣтъ назадъ были. Вотъ чѣмъ-съ... Такъ имъ стыдно—старухѣ. И тогда, и въ то время ничего хорошаго въ этомъ не было. Ну, да тогда, извѣстно, молодость, извинительно. И баринъ покойникъ къ тому же ихъ не то чтобы въ загонѣ, а въ небреженіи держалъ. Про тогдашнее я ужъ не говорю. А вспоминать это имъ теперь Бориса Павловича, да еще глядючи на сына его, эдакого, можно сказать... Тьфу!... Въ ихъ года молиться надо, о душѣ заботиться, о смерти думать, а они что затѣяли... объ чемъ думаютъ...

— Да вѣдь что-жъ, что думаетъ. Можетъ, у ней, Аверьянъ, и во всю жизнь-то только и было свѣтлаго, что эти, какъ вы говорите, ея нѣжныя чувства къ Борису Павловичу,—сказалъ я:—я вѣдь ея жизни вовсе не знаю, и какъ она жила съ мужемъ.

— Жила ничего, обыкновенно... Въ довольствѣ жила,—со вздохомъ отвѣтилъ мнѣ Аверьянъ.

— Довольство — что̀.

— Да я про прошлое, сударь, не говорю... А вотъ теперь-то. Вѣдь шестьдесятъ одинъ годъ имъ...

Я ничего ему не отвѣтилъ. Мы помолчали.

— Ужъ вы, сударь, явите Божескую милость, — заговорилъ Аверьянъ: — пріѣзжайте сегодня.

Меня брало сильное раздумье—ѣхать ли ужъ? Аверьянъ этотъ дѣлался мнѣ все больше и больше не по душѣ. И не за то онъ опостылѣлъ мнѣ теперь, что имѣлъ на нее тоже корыстные виды, а зачѣмъ онъ не понимаетъ этихъ больныхъ ея нѣжныхъ чувствъ, которыя, быть можетъ, дѣйствительно были ея единственными свѣтлыми воспоминаніями во всей ея жизни...

Но онъ былъ въ то же время правъ въ томъ отношеніи, что ее надо избавить отъ этого Анатоля, который ее непремѣнно всю оберетъ, играя на этихъ струнахъ, и въ концѣ концовъ она на старости лѣтъ останется нищей. Въ этомъ вотъ отношеніи онъ правъ, и къ ней надо поѣхать, предостеречь ее. Анатоль, какъ типъ, былъ для меня еще противнѣе.

— Хорошо, Аверьянъ,—сказалъ я:—кланяйтесь барынѣ, скажите, что въ восемь часовъ сегодня я буду.

XXI.

Злая иронія случая! Какъ разъ въ этотъ день я получилъ письмо и отъ старушки, родственницы моей, и отъ Григорія Михайловича Бехилева, въ которыхъ они благодарили меня за устрой-

ство судьбы Анатоля, т. е. что я устроилъ, что его прикомандировали и что со временемъ онъ, вѣроятно, получитъ мѣсто.

Старушка обѣщала мнѣ всѣ благополучія въ жизни за доброе дѣло спасенія молодаго человѣка: «Поддержать его въ трудный моментъ некому было, оттого онъ и опустился такъ; но теперь, когда онъ будетъ на глазахъ, и у него есть, къ кому онъ можетъ обратиться за совѣтомъ, ты увидишь, изъ него еще выйдетъ, можетъ быть, и блестящій молодой человѣкъ»,—писала она.

«Да, милостивый государь мой, оказать молодому человѣку во время поддержку,—это все, что нужно, въ большинствѣ случаевъ, для живой, не испорченной натуры,—и онъ спасенъ и сохранитъ навсегда въ сердцѣ своемъ чувство признательности», — писалъ Бехилевъ.

— «Ужъ и теперь сталъ «блестящимъ молодымъ человѣкомъ». Вотъ только на счетъ признательности сомнѣваюсь»,—подумалъ я, прочитавъ эти письма.

Въ восемь часовъ, въ девятомъ, я былъ на Петербургской сторонѣ, въ одной изъ тѣхъ длинныхъ улицъ, которыя примыкаютъ къ Большому проспекту, съ заборомн, съ садиками и деревянными домиками съ мезонинами. Кто-то изъ прохожихъ указалъ мнѣ на усадьбу Алябьиной, именно усадьбу, а не домикъ, такъ какъ по серединѣ былъ настоящій большой, хорошій, отлично содержимый домъ, а по бокамъ его, въ нѣкоторомъ отдаленіи стояли въ качествѣ флигелей меньшіе домики съ мезонинами. Позади усадьбы,—хотя это было и зимой,—виднѣлся большой и густой садъ, очевидно, тоже принадлежащій сюда. Ворота были отворены, у воротъ сидѣлъ тепло, по формѣ одѣтый дворникъ съ бѣлымъ фартукомъ поверхъ тулупа. Я въѣхалъ во дворъ, обогнулъ по расчищенной отъ снѣга дорожкѣ цвѣтникъ передъ домомъ и остановился у главнаго подъѣзда, освѣщеннаго двумя керосиновыми фонарями съ бѣлыми рекфлекторами. Прелесть, настоящая, отличная усадьба богатаго человѣка, предпочитающаго жить не въ самомъ городѣ, а на окраинѣ, но за то широко, просторно, свободно.

Едва я позвонилъ, дверь деревяннаго подъѣзда съ начищенными мѣдными ручками и замкомъ отворилась, и я увидалъ Аверьяна въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ съ серебрянымъ подносомъ въ одной рукѣ.

— Пожалуйте,—оффиціально, почтительно кланяясь мнѣ, проговорилъ онъ, пропуская меня по мягкому, красному ковру во внутрь квартиры.

Большая, просторная, свѣтлая передняя, направо гостинная съ бархатной мебелью и золоченымъ зеркаломъ, прямо и налѣво тоже двѣ двери, но онѣ затворены.

Когда я снялъ пальто, Аверьянъ всталъ у дверей гостиной и, пропуская меня, опять сказалъ:—пожалуйте, сейчасъ доложу.

Я подождалъ съ полминуты, и ко мнѣ изъ слѣдующей комнаты, слабо освѣщенной лампой съ темнымъ абажуромъ, вышла женщина въ черномъ, шелковомъ платьѣ, сразу показавшаяся мнѣ никакъ не старше тридцатипяти лѣтъ. Я подумалъ было, что это она кого нибудь выслала занять меня, пока войдетъ сама.

— Я очень рада,—проговорила она, протягивая мнѣ руку.—Пожалуйста, пойдемте ко мнѣ сюда... Вы, право, такъ любезны... я такъ рада... повторяла она.

Мы прошли въ слѣдующую полутемную комнату и усѣлись у столика съ большой китайской лампой съ темнымъ абажуромъ—она на диванчикѣ, а я въ креслѣ. Я не могъ видѣть хорошо лице ея—она была въ тѣни, но глаза, большіе и живые, блестѣли совсѣмъ, какъ у молодой.

— Неужели вы хоть сколько нибудь меня помните?—говорила она, замѣтивъ, что я разсматриваю ее.

— Помню... припоминаю,—отвѣчалъ я.

Она начала разспрашивать про родныхъ, про знакомыхъ, сосѣдей.

Я ей отвѣчалъ, кто умеръ, кто живъ, кто выбылъ изъ тамошнихъ мѣстъ.

— Я бы хотѣла туда поѣхать,—нѣтъ, не поѣхать, а птичкой слетать, чтобы меня никто не видалъ, никто не видалъ,—вдругъ, впадая въ какое-то странное настроеніе, сказала она.—Да... и меня иногда сильно тянетъ туда...

— Васъ и такъ бы никто не узналъ. Все новыя лица. И вы бы никого не узнали,—сказалъ я и подумалъ, какъ бы она не обидѣлась, не приняла это за намекъ на ея старость.

— Это-то, конечно! Изъ стариковъ вотъ вы трехъ только назвали. Всѣ остальные при мнѣ—что же?—еще мальчиками, дѣвочками были,—уже опять улыбаясь, сказала она.—Вѣдь этому который годъ, какъ я оттуда уѣхала? Тридцать третій? Да... Двадцати восьми лѣтъ я оттуда уѣхала, а мнѣ теперь шестьдесятъ первый. Да, тридцать три года. Много!

— Много,—повторилъ я и невольно сказалъ, глядя на нее:—но вы удивительно сохранились.

— Да развѣ я живу? Что-жъ васъ удивляетъ?

— Какъ, то есть...—началъ было я.

— Да развѣ это жизнь? Такъ можно сто лѣтъ прожить. Были и у меня испытанія, и сильныя, но это когда было? Все это еще тогда было. И потомъ, все это на меня вдругъ, какъ ураганъ, налетѣло, все смело, переломало—и опять ничего, опять ясное небо, тихая жизнь...

Въ дверяхъ показался Аверьянъ съ чаемъ на серебряномъ подносѣ, который онъ несъ съ тѣмъ необыкновеннымъ сознаніемъ серьезности своего дѣла, которое встрѣчается только у слугъ стариковъ, и притомъ изъ старинныхъ деревенскихъ барскихъ домовъ.

XXII.

— Да,—опять начала она,—вы такъ на меня и смотрите,— знаете, бываютъ этакіе отлично сохранившіеся засушенные цвѣты... въ книгахъ попадаются... Нѣкоторые умѣютъ ихъ отлично засушивать.

— Какой же именно цвѣтокъ я долженъ въ васъ видѣть?— спросилъ я, невольно улыбнувшись.

— Это все равно,—продолжала она, очевидно, не понявъ моего намека:—все равно, всякій можно засушить даже цвѣтъ тотъ самый останется.

Я молчалъ, смотрѣлъ на нее.

— Для этого надо только сразу, какъ сорвали его, сейчасъ подъ такой прессъ, чтобы весь сокъ изъ него вышелъ, ничего бы не осталось, тогда онъ засохнетъ и навсегда такимъ останется,— останется, т. е. такого же цвѣта... Вотъ какъ и со мною было,— добавила она.

— Такъ ли?—сказалъ я.

— То есть что?

— Не ошибаетесь ли вы, дѣлая такое сравненіе?

— Увѣряю васъ.

— Въ такомъ случаѣ что же это за жизнь? Какъ же ею жить? Я понимаю, что еще можно этой жизнью жить, когда не сознаешь ея, не понимаешь, но разъ вы сознаете ее, понимаете... Какъ же ею можно удовольствоваться?

— А если ужъ въ душѣ у человѣка ничего не осталось?

— Я этому не вѣрю.

— Счастливый человѣкъ.

— Увѣряю васъ, и вы ошибаетесь.

— Нѣтъ.

— Чувство также живуче, какъ и мысль. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ отношеніи лично къ кому нибудь—да. Но засохнуть сердцемъ и душой въ отношеніи всѣхъ—этого я не понимаю.

— Ну, вы такой человѣкъ, а я иной.

— И вы, увѣряю васъ, такой же. Вотъ вы сами же говорили мнѣ, что вамъ хотѣлось бы повидать тѣ мѣста, наши, въ нашей сторонѣ. Развѣ это не тѣ же все чувства?

— О, да, въ прошедшемъ!—воскликнула она.—Въ прошедшемъ— да. Я только прошедшимъ и живу. Но мы говорили про настоящее. Я говорю—для настоящаго я тотъ же сохранившійся засушенный цвѣтокъ.

— Всетаки, значитъ, живете, чувствуете же.

Она разсмѣялась.

— Да, но вѣдь это жъ что же: я и ѣмъ, и пью. Конечно, я

не мертвая... Я хотѣла вамъ сказать,—я, можетъ быть, плохо выразилась,—что послѣ того, что я тогда, тридцать три года тому назадъ испытала, я больше ужъ ни душой, ни сердцемъ не жила, я послѣ того втеченіе всего этого, времени была вотъ этакимъ засушеннымъ цвѣткомъ. Я вѣдь отвѣчала вамъ на ваши замѣчанія, какъ я сохранилась. Это вотъ отчего.

— И неужели не жили и прошедшимъ?

— Прошедшимъ?—Она подумала:—прошедшимъ жила...

— Ну, вотъ видите.

— Но, если бы вы знали, какъ это глупо! А-ахъ, какъ это глупо... А еще глупѣе — понять это послѣ тридцати трехъ лѣтъ этакой жизни, на шестьдесятъ первомъ году... Это вѣдь не жизнь, это галюцинаціи, и онѣ могутъ, Богъ знаетъ, куда привесть. Вы знаете, онѣ могутъ обмануть, что это сама жизнь, и можно надѣлать такихъ глупостей по этимъ галюцинаціямъ...

Вошелъ опять Аверьянъ съ подносомъ.

— Хотите еще чаю?—спросила она.

— Позвольте.

Пока Аверьянъ бралъ чашки, она задумчиво молчала, чуть-чуть улыбаясь, а потомъ совсѣмъ задумалась, сдвинувъ немного брови.

XXIII.

— Я никакъ не ожидала,—начала она,—такого предисловія... Я думала, что мы просто встрѣтимся, вспомнимъ двухъ-трехъ знакомыхъ изъ того времени и начнемъ прямо разговоръ... о походахъ господина Перцева... Какъ онъ сюда попалъ? Что это за господинъ?.. Вы его хорошо знаете?

— Совсѣмъ не знаю. Слыхалъ объ немъ много.

— А какъ онъ къ вамъ попалъ?

Я ей разсказалъ все подробно. Она очень внимательно слушала меня, дѣлая иногда вопросы мнѣ, когда я, предполагая, что это ей извѣстно, опускалъ какую нибудь подробность, безъ которой дальнѣйшее было не совсѣмъ понятно.

— Значитъ, это просто не несчастный, запутавшійся человѣкъ, а прямо негодяй...—сказала она.

— Помоему—да.

— И эта служба его, вы говорите, все вздоръ?

— Вздоръ.

— Какъ я, однако, отстала!—проговорила она.

— Отъ чего?

— Да какъ же, я не поняла его сначала... Это новый совсѣмъ для меня типъ!

— Новый!—воскликнулъ я.—Что вы, Богъ съ вами, какой онъ

новый. Ими такими, какъ онъ, хоть прудъ пруди, что называется.

— Можетъ быть... И навѣрное даже... Но для меня-то онъ новый. Тридцать пять, сорокъ лѣтъ назадъ, когда я жила, бывала вездѣ, не было тогда такихъ. Я не понимаю. Были, конечно, въ то время тоже... негодяи, но не этого типа. Это новый.

— Да, вотъ такъ если,—тогда, пожалуй, и новый.

— На все, на что угодно, посягнетъ!

— На что угодно,—подтвердилъ я.

— И ни передъ чѣмъ не останавливается?

— Ни передъ чѣмъ.

— Да, впрочемъ, что-жъ я спрашиваю, удивляюсь!—какъ бы опомнившись, сказала она:—если бы вы видѣли его здѣсь!..

— Я воображаю,—сказалъ я.

— Всетаки можетъ обмануть.

— Нѣтъ,—сказалъ я, но сейчасъ же вспомнилъ, что онъ и меня также обманулъ, притворившись не такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, вызвавъ во мнѣ сожалѣніе и участіе. — «А это-то, потомъ, какъ онъ вспомнилъ объ ней, остановился на ней, слушая разсказъ объ отцѣ, отыскалъ ее, потомъ и подъѣхалъ на томъ къ ней—развѣ это дуракъ?.. Нѣтъ, какой это дуракъ!»—мысленно заключилъ я.

— А, всетаки, вотъ обманулъ же васъ,—какъ бы догадываясь о моихъ мысляхъ, сказала она.—Вы приняли тоже въ немъ и участіе и вотъ помогли ему... Я на немъ, какъ говорится, теперь крестъ поставила,—добавила она:—я ужъ и раньше было сдѣлала это, но во мнѣ, всетаки, оставалась еще тогда надежда, сомнѣвалась, не была увѣрена, не ошибалась ли я... не поторопилась ли я...

— Выбросьте его изъ головы совсѣмъ,—сказалъ я:—не стоитъ онъ того, чтобы думать о немъ.

— А все вѣдь это, знаете, галюцинація надѣлала,—жизни прошедшей.

— Ну, и довольно.

— То есть что довольно? Довольно жить прошедшимъ?

— Довольно, по крайней мѣрѣ, дѣлать для этого прошедшаго.

— А чѣмъ же жить-то тогда? Чѣмъ же я жива-то буду?

— Живите для настоящаго.

— Котораго я не знаю.

— Узнаете.

— Все кончено. Вотъ я изъ прошедшаго-то вышла въ это настоящее и хорошо же его поняла! Хороши люди и въ этомъ настоящемъ! Стоютъ они, чтобъ захотѣть выходить къ нимъ изъ прошедшаго!.. Нѣтъ, уйду я опять въ гербарій, на свое мѣстечко—самое это лучшее.

— А хотѣлось бы знать, кто у васъ тамъ, въ гербаріи этомъ, сосѣдъ?—сказалъ я:—какіе другіе еще цвѣта?

— Это я вамъ когда нибудь послѣ скажу,—улыбаясь, отвѣтила она мнѣ.

— Да вѣдь вы уйдете туда—когда же? васъ и не увидишь?

— Пожалуйста, вы посѣщайте меня, если вамъ не скучно со мною, — вдругъ спохватилась она при этихъ словахъ: — хоть изрѣдка... Вы, конечно, не помните, но вѣдь вотъ вашъ домъ, да еще два-три—и всѣ мои воспоминанія о той сторонѣ... А вѣдь вся моя молодость, все такъ ужасно... Вы, пожалуйста, меня не забывайте.

— Хорошо, благодарю васъ, я буду заходить,—сказалъ я.

На каминѣ тоненькимъ, серебрянымъ звономъ забили часы. Я насчиталъ двѣнадцать.

— Какъ я засидѣлся-то у васъ,—сказалъ я, вставая.

— Такъ что-жъ такое? Вы не думайте, мы здѣсь, въ гербаріумѣ, долго, иногда часовъ до трехъ, не спимъ. Я что нибудь читаю, Аверьянъ у себя тоже читаетъ и все вздыхаетъ,—говорила она, провожая меня.

Въ гостиной она еще разъ повторила, чтобы я заѣзжалъ, не забывалъ ея, и мы разстались.

— Ну, что-съ?—спросилъ меня Аверьянъ на лѣстницѣ.

— Она совсѣмъ молодецъ у васъ,—сказалъ я.—Я думалъ, она старуха дряхлая.

— Я докладывалъ вамъ. Вотъ только этотъ соколъ-то...

XXIV.

Я никакъ не ожидалъ встрѣтить ее такою. Я предполагалъ, что это развалина какая нибудь, выжившая изъ ума старуха, совсѣмъ тронутая, оглупѣлая, и вдругъ увидѣлъ женщину, у которой, не смотря на ея года, и глаза блестятъ и умъ совершенно ясный.

— «Говорятъ вотъ про француженокъ, что только онѣ однѣ умѣютъ удивительно сохраняться, а эта какъ?—думалъ я дорогой:—сохранившаяся засушенная чайная роза. Сама себя засушила и сохранилась».

Она долго послѣ не выходила у меня изъ головы. Я все думалъ о странныхъ этихъ чувствахъ, по которымъ она засушила себя, прожила въ такомъ видѣ тридцать слишкомъ лѣтъ, попробовала вызвать въ себѣ по воспоминаніямъ вновь ихъ, эти чувства, къ жизни во имя того, что было у нея свѣтлаго въ прошломъ, и теперь уходитъ опять послѣ неудачной попытки въ свой гербарій, какъ она выражается, и будетъ, совершенно спокойно соглашаясь, продолжать такое прозябаніе...

Черезъ мѣсяцъ я былъ недалеко въ той сторонѣ и заѣхалъ къ ней.

— Сею минуточкой только съ моей Евпраксіей уѣхали,—сказалъ мнѣ Аверьянъ.—Досадовать будутъ, что не застали вы ихъ.

— Ну, а что этотъ... не бываетъ у васъ?

— Слава Богу, нѣтъ-съ. Пріѣзжалъ три раза, не велѣли принимать. Писалъ потомъ—не отвѣчали. Такъ и отсталъ.

Я порадовался, конечно.

— Ну, слава Богу. И, не замѣчаете, не перемѣнилась, такая же, какъ и была прежде, не скучаетъ?

— Какое! Въ театръ два раза ѣздили! Никогда съ ней этого не бывало. Вдругъ говоритъ: Евпраксія, собирайся въ театръ, мы съ тобою поѣдемъ. Та ротъ разинула.—Что ты удивляешся? Не все же намъ сидѣть, поѣдемъ... Поѣхали. А потомъ другой разъ, вотъ надняхъ опять были.

— Смотрите,—разсмѣялся я:—какъ бы вы тутъ на старости лѣтъ не закутили съ нею.

— Нѣ-ѣтъ-съ. У насъ все честно, благородно.

Я опять уѣхалъ въ странномъ какомъ-то сомнѣніи... непониманіи... недоумѣніи.

— «Что это такое? Жизнь заговорила?»...

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ нея по городской почтѣ записку съ просьбой навѣстить ее. Въ запискѣ она очень сожалѣла, что я ея не засталъ.

Такъ какъ она не назначила, когда къ ней пріѣхать, то я поѣхалъ, спустя дня два-три, опять вечеромъ.

Она очень обрадовалась, опять усѣлись мы въ ея маленькой гостиной, около лампы съ темнымъ абажуромъ, какъ и первый разъ.

Она посмотрѣла на меня и ничего не говорила, какъ это дѣлаютъ обыкновенно, когда хотятъ сказать что нибудь очень любопытное или какую нибудь важную новость.

— Вы что-то хотите сказать?—началъ я.

— Да,—отвѣтила она.—Скажите, пожалуйста, вы вотъ, вѣроятно, знаете,—читаю я все: женскіе курсы... высшіе курсы... Что это такое? Я вѣдь ничего этого не знаю. Понятія объ этомъ никакого не имѣю.

— Это курсы, устроенные для женщинъ.

— Да что это такое?

— Какіе курсы? медицинскіе, педагогическіе? Вѣдь есть разные.

— Приходящія? Или живутъ тамъ?

— Большинство приходящія, но есть и общежитія.

— Можно это посмотрѣть?

— Вѣроятно. Я думаю.

— Это меня интересуетъ.

— Это очень интересно. Это еще новое у насъ дѣло.

Она замолчала и думала. Я смотрѣлъ на нее, снова ничего не понимая: «не можетъ же быть, чтобы она хотѣла поступить туда?»...

— Васъ собственно что интересуетъ-то на этихъ-то курсахъ?— спросилъ я.

— Меня что интересуетъ?—повторила она:—а вотъ видите... Какія это все женщины?

— Тамъ и женщины есть, и дѣвушки.

— Да какія онѣ?

— Тоже разныя.

— Какого типа?

— Разнаго.

— Мнѣ, вотъ видите, ужасно хотѣлось бы хоть одну видѣть.

— Да по одной вы не составите обо всѣхъ понятія.

— Это все вѣдь новые люди для меня... Я вѣдь понятія объ нихъ никакого не имѣю... Я бы и не одну, и больше хотѣла видѣть. Какъ это сдѣлать?

— Поѣзжайте, посмотрите, увидите.

— А вы ни съ одной не знакомы?

— Нѣтъ, знаю очень многихъ. Ну, конечно, онѣ для васъ новые люди. У васъ въ гербаріумѣ, въ прошедшемъ, нѣтъ такихъ, разумѣется,—сказалъ я.

Она подумала и проговорила:

— Вотъ видите... Ну, однимъ словомъ, это вамъ все равно, какъ и почему я пришла къ этому, какъ эта мысль явилась у меня,—только я бы хотѣла ихъ видѣть, говорить съ ними, хорошенько всмотрѣться въ нихъ... За время моего нахожденія въ гербаріумѣ, это самое крупное, что народилось у васъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ это такъ кажется. И потомъ, онѣ мнѣ интересны и близки, какъ женщинѣ женщины.

— Вотъ такъ и сдѣлайте, какъ я говорю,—сказалъ я:—поѣзжайте, посмотрите, познакомьтесь съ одной, съ другой, съ пятой, съ десятой.

— Это самое лучшее будетъ?

— Конечно. Да какъ же иначе-то? Не привести же вамъ одну или двухъ изъ нихъ на посмотрѣніе...

— Да, разумѣется,—подумавъ, согласилась она.

Я смотрѣлъ на нее, стараясь проникнуть въ ея мысль, что она затѣваетъ.

— А потомъ я вамъ скажу, что мнѣ въ голову пришло по поводу ихъ. Это я вамъ черезъ мѣсяцъ скажу,—заключила она.

— Хорошо, съ удовольствіемъ послушаю.

Она начала меня подробно разспрашивать о ихъ бытѣ, о томъ, кто такія онѣ, большей частью изъ какого слоя общества, какихъ больше — достаточныхъ или бѣдныхъ и проч., и проч. Потомъ,—

какъ это и съ чего началось... Точно, какъ я бы ей про Китай разсказывалъ, воспоминанія изъ путешествія. И все: — «Да?» — «Серьезно?» И потомъ:—«Ну, да ничего, я наверстаю»...

XXV.

Прошло съ мѣсяцъ времени. Въ Петербургѣ была сильная оттепель. На улицахъ стояли лужи, съ крышъ капало. Дворники по обыкновенію счистили весь снѣгъ, и ѣздить на саняхъ стало невозможно. Въ одинъ такой прекрасный день я пробирался на несчастномъ извозчикѣ изъ города на Васильевскій Островъ. Поднимаясь на Николаевскій мостъ, лошадь стала, извозчикъ соскочилъ съ облучка и, идя рядомъ съ лошадью, немилосердно хлесталъ ее кнутомъ. Я остановилъ его и тоже вышелъ изъ саней. Отдавая ему монетку, я услыхалъ, позади кто-то назвалъ меня по имени и отчеству.

— Не къ намъ ли изволили ѣхать?—говорилъ мнѣ Аверьянъ, когда я оглянулся.

— Ахъ, здравствуйте. Нѣтъ. А что?

— Да такъ, можетъ, вспомнили о насъ...

Онъ говорилъ это какъ-то странно, говорилъ и видимо чего-то не договаривалъ. Я взошелъ на панель моста и остановился съ нимъ.

— Ну, что Зинаида Евграфовна?—спросилъ я.

— Слава Богу-съ.

— Перцевъ не бываетъ у васъ?

— Какой ужъ Перцевъ! — отвѣтилъ Аверьянъ опять какъ-то загадочно, такъ что я посмотрѣлъ на него.

Онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Теперь насъ мамзели одолѣли...

Я не понималъ его.

— То-есть, это кто же, какія же это мамзели?

— А вотъ-съ эти, что учатся-то здѣсь. Какъ ихъ?—курсистки что ли...

— Да-а! Вотъ какъ!—воскликнулъ я.

— Какъ же-съ... И мы къ нимъ, и онѣ къ намъ. Каждый день только и знаемъ, что или къ нимъ ѣздимъ, или ихъ принимаемъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ я.—Это, всетаки, лучше, чѣмъ г. Перцеву деньги давать.

— Лучше-съ? Вы изволите думать? — съ ядовитой усмѣшкой проговорилъ Аверьянъ.

— Да какъ же нѣтъ!.. Господь съ вами!

— А помоему—такъ, какъ бы хуже того еще не вышло.

— Это почему?

— Потому, ужъ я вижу, куда это дѣло пошло...

— То есть, что же, вы думаете, онѣ у нея деньги будутъ выманивать? Нѣтъ, этого не будетъ,—сказалъ я.—Если она и поможетъ нуждающейся какой, такъ вѣдь это же пойдетъ на дѣло: это вѣдь не Анатолію Борисовичу дать.

— Ничего я не знаю-съ. Онѣ вѣдь насъ нынче не спрашиваютъ ни о чемъ. Это прежде бывало: чуть что, купить ежели что, сейчасъ:—«Аверьянъ, Евпраксія, какъ вы думаете, хочу я вотъ то-то и то-то купить». А нынче онѣ насъ не спрашиваютъ...

Аверьянъ былъ видимо недоволенъ и даже крайне возмущенъ поведеніемъ барыни. Хотѣлъ было я ему сказать: — «да что же, братецъ, ты тутъ понимаешь», но удержался и ничего не сказалъ.

Онъ продолжалъ:

— Вотъ такъ-съ: служили, служили, думали, хотя подъ старость уголъ себѣ свой заслужимъ.

Я опять промолчалъ.

— «Ужъ ты, Аверьянъ, и ты, Евпраксія, будьте покойны, умру ничего не возьму, родныхъ у меня никого нѣтъ, все вамъ оставлю»,—передразнивалъ онъ Алябьину.

— Эхъ, Аверьянъ,—сказалъ я:—вздоръ какой вы думаете, ну, кому же она оставитъ все, — конечно, вамъ же. И роздастъ если, ну, тысячу какую, вѣдь это же, я вамъ говорю, не г. Перцеву— все же еще вамъ останется. И вы съ женой вашей ужъ не молодые, дѣтей у васъ нѣтъ, оставлять вамъ тоже не кому...

— Нѣтъ-съ, у меня племянники есть, братнины дѣти, тамъ, въ деревнѣ, живутъ, имъ тоже помочь надо. Кто же имъ поможетъ?— вдругъ съ живостью и досадой сказалъ онъ.

Мы помолчали немного.

— Да вы чего собственно боитесь-то? — сказалъ я: — что она имъ, этимъ барышнямъ, все роздастъ? Весь свой капиталъ имъ отдастъ? У нея сколько этого капитала-то?

— Да вѣдь мы вотъ до этого года жили скромно, ни сами ни къ кому, ни къ намъ никто. Тратить мы что же тратили? Съ насъ и того хватало, что съ квартиръ получали, а до капитала-то мы не касались,

— Сколько же у нея?

— А Богъ ее знаетъ, сколько у нея теперь осталось, — уклончиво отвѣтилъ Аверьянъ.

— Ну, сколько у нея было до появленія у васъ этого г. Перцева? Она ему сколько дала,—5.000?

— Нѣтъ-съ, шесть.

— Ну, а сколько всего-то было у нея?

— Да больше сорока тысячъ было. Сорокъ три тысячи было, да купоны за годъ,—наконецъ, и то нехотя, съ трудомъ проговорилъ онъ.

— Ну, вотъ видите!—воскликнулъ я.—Останется еще довольно вамъ, хватитъ вамъ на всю вашу жизнь.

— Это вы такъ говорите только,—отвѣчалъ мнѣ Аверьянъ,—потому что вы не знаете, а мы-то ужъ догадываемся, что онѣ затѣваютъ-то, на какую сторону Зинаида Евграфовна гнутъ-то. Не говорятъ онѣ намъ, думаютъ, мы изъ ихъ разговоровъ-то ничего не понимаемъ, только мы все это, сударь, отлично понимаемъ... отлично... охъ, какъ хорошо.

— Да вы что думаете-то, чего собственно вы боитесь-то?—спросилъ я.

— А того-съ, что не только ужъ намъ, а и имъ-то самимъ, Зинаидѣ Евграфовнѣ, по ихъ затѣямъ, какъ бы только что, Богъ далъ, до скончанія ихъ жизни хватило,—съ презрительной усмѣшкой отвѣчалъ онъ.

— Не понимаю. Что же она роздаетъ много?

— Этого ужъ мы не знаемъ, а планы у нихъ въ головѣ такіе, что до добра ихъ не доведутъ.

— Стипендіи она, что ли, имъ выдаетъ?

— Какъ-съ?—переспросилъ Аверьянъ.

— Стипендіи... Это значитъ положила въ какое нибудь учрежденіе капиталъ, а проценты съ него чтобы шли на содержаніе одной или двухъ, сколько тамъ, ученицъ.

— Не знаю-съ. Ничего не знаю-съ... Можетъ, и до этого дойдутъ... Только я васъ спрошу, по какому же это такому праву онѣ, Зинаида Евграфовна, поступить такъ могутъ, коли ежели онѣ намъ съ женой сами духовный документъ выдали? — спросилъ Аверьянъ и сдѣлалъ одинъ глазъ хитрымъ.

Я на это улыбнулся.

— Ужъ не знаю,—сказалъ я.

— Ежели онѣ,—продолжалъ Аверьянъ,—выдали ужъ однажды на себя духовный документъ, то развѣ онѣ потомъ могутъ поступать такъ? Это еще мы увидимъ. Мы еще ихъ объ этомъ спросимъ.

Онъ даже поблѣднѣлъ, и губы у него судорожно двигались.

— Такихъ правъ у нихъ, у Зинаиды Евграфовны, не можетъ быть,—продолжалъ онъ.—Почемъ онѣ знаютъ, можетъ быть, мы изъ-за этого ихъ духовнаго документа и служили у нихъ съ женою все время, будучи въ надеждахъ, что этимъ самымъ себѣ уголъ подъ старость пріобрѣтаемъ.

— Охъ, Аверьянъ,—сказалъ я,—смотрите, осторожнѣй будьте.

Но онъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ какомъ-то своемъ правѣ на нее на основаніи этого «духовнаго документа» и, повидимому, рѣшилъ, что насталъ, наконецъ, моментъ ему начать дѣйствовать.

Мнѣ не хотѣлось, чтобы дѣло дошло у нихъ до разрыва. Мнѣ

ихъ обоихъ—и его, и ее—было бы непріятно, даже жалко видѣть въ ссорѣ, и я сказалъ ему:

— Если вы, Аверьянъ, думаете начинать судиться съ ней, я васъ предупреждаю: вы навѣрняка проиграете. Духовныхъ завѣщаній можно писать сколько угодно. Сегодня она могла вамъ написать, завтра мнѣ, и то только и дѣйствительно будетъ, которое написано позже всѣхъ. Это ужъ я хорошо знаю, и вы мнѣ повѣрьте.

Но онъ посмотрѣлъ на меня до того снисходительно,—дескать, ужъ знаемъ, вѣроятно, что дѣлаемъ,—что я понялъ, что всякія мои дальнѣйшія вразумленія его будутъ дѣломъ совершенно напраснымъ, и прекратилъ этотъ разговоръ.

— Заѣзжайте, полюбуйтесь, — немного помолчавъ, иронически проговорилъ онъ.

XXVI.

Меня онъ очень заинтересовалъ всѣми этими разсказами объ Алябьиной и своими разсужденіями и намѣреніями что-то предпринять противъ нея. Я хотѣлъ какъ нибудь вскорѣ заѣхать къ ней, посмотрѣть и на нее, что за перемѣна въ ней произошла, и вообще что такое у нихъ тамъ идетъ; но у меня столько оказалось своего дѣла, къ тому же я разсчитывалъ скоро разстаться съ Петербургомъ и уѣхать въ этомъ году на лѣто пораньше въ деревню, что никакъ не могъ выбрать свободное время, чтобы съѣздить къ нимъ на Петербургскую сторону. Въ этихъ хлопотахъ, сборахъ и устройствахъ своихъ дѣлъ я дожилъ и этотъ разъ до весны, когда обыкновенно ужъ уѣзжаю наконецъ.

Былъ чудный, весенній день, ранней петербургской весны; все ужъ зазеленѣло, погода стояла ровная, жаркая, совсѣмъ какъ лѣтомъ. Я выбрался изъ города просто прокатиться по островамъ и вдругъ вспомнилъ объ Алябьиной. По дорогѣ я заѣхалъ къ ней.

Хорошенькая усадьба ея, теперь въ зелени, окруженная зелеными березками, липками, кленами, была прелесть какая уютная, веселая. На дворѣ шла какая-то постройка; стучали топоры, шипѣли пилы, всюду стружки, щепки, пахло свѣжимъ сосновымъ деревомъ. Я хотѣлъ было позвонить у подъѣзда, но увидалъ самое Алябьину, сидѣвшую на стулѣ какъ разъ передъ новымъ строеніемъ. Возлѣ нея стояли двое мужиковъ, и она съ ними разговаривала. Я пошелъ къ ней. Она увидала и очень обрадовалась мнѣ. И видъ у нея былъ такой веселый, довольный.

— Ахъ, досада какая,—вдругъ сказала она:—все вы не ѣхали, забыли меня совсѣмъ; чтобы вамъ еще недѣльку-другую подождать, тогда бы все ужъ у насъ готово было. Я и то такъ и порѣшила—непремѣнно васъ звать на новоселье.

— Да что это такое вы строите?—спросилъ я.

— Это-то?—она кивнула на постройку. — А вотъ видите чтò: на этомъ мѣстѣ флигель прежде стоялъ, у меня его подъ пріютъ нанимали, а теперь пріютъ выѣхалъ, свой домъ купилъ, я и хотѣла было просто отремонтировать хорошенько помѣщеніе, да какъ начали кое-что передѣлывать, глядимъ, флигель-то весь ужъ гнилой. Ну, знаете, мнѣ и не захотѣлось начинать этакое дѣло Богъ знаетъ какъ, въ гниломъ флигелѣ... Ахъ, да что-жъ я, впрочемъ, вамъ говорю,—спохватилась она:—вѣдь вы ничего не знаете...

— Ничего.

— О!—воскликнула она.—Тутъ у насъ все вверхъ дномъ пошло...

— Да что такое?

Я чуть было не сказалъ про Аверьяна, что слышалъ отъ него о какихъ-то перемѣнахъ, но вò время вспомнилъ и ничего не сказалъ ей.

— Закутили? Новый домъ строите?

— Теперь совсѣмъ новый, двѣнадцать комнатъ. Вотъ эти,—она указала на окна справа,—вотъ эти четыре комнаты мои будутъ, я тутъ буду жить.

— А въ домѣ?

— Гдѣ? Въ домѣ?—Домъ отдаваться въ наемъ будетъ...

Я смотрѣлъ на нее и ничего не понималъ.

— О, вы ничего не знаете, что мы тутъ затѣваемъ!—смѣясь, сказала она.—Вы ничего не знаете, вамъ разсказать еще надо.

— Ничего не знаю,—повторилъ я.

— Я вамъ разскажу.

Она что-то повторила мужикамъ, все еще стоявшимъ передъ нею — рѣчь шла о какой-то перегородкѣ, которую надо переставить, потому что такъ будетъ удобнѣе; мужики-плотники ушли, и мы съ ней остались вдвоемъ передъ постройкой: она сѣла на стулъ, а я присѣлъ на какой-то обрубокъ.

Она смотрѣла на меня, молчала и улыбалась.

— Ну-съ,—сказалъ я,—вы хотѣли разсказывать...

— Да вотъ не знаю, какъ начинать, т. е. съ чего начинать... Ну, вы помните, тогда, когда вы были у меня послѣдній разъ, когда я еще вызывала васъ письмомъ-то?

— Помню.

— Помните, я къ вамъ приставала все съ разспросами объ этихъ учащихся дѣвушкахъ у насъ?

— Помню.

— Познакомилась я тогда, тутъ же какъ-то вскорѣ...

Она замолчала и опять посмотрѣла на меня.

— Ну, и что-жъ понравились онѣ вамъ?

— Понравились, или не понравились—это другой вопросъ: конечно, многія изъ нихъ очень странныя, т. е. и держать себя, и

манеры... Ну, да гдѣ же нѣкоторымъ изъ нихъ было и манеръ этихъ набраться... Но между ними я такую бѣдноту нашла... Ахъ, вы не можете представить себѣ, какія есть бѣдныя между ними.

— Я знаю,—сказалъ я.

— Ахъ, какія есть бѣдныя. Одной колбасой да чаемъ только и питаются... Ну, только вотъ, когда я узнала это все и основательно это все узнала, и начала я думать. Потомъ побывала у нихъ въ общежитіи... Ну, тамъ всѣ только со средствами живутъ, которыя могутъ за себя платить. Хорошо тамъ, спору нѣтъ, но для бѣдныхъ это недоступно... Вотъ я, послѣ всего этого, и надумала, наконецъ.

— Устроить у себя имъ общежитіе?

— Да!..

— Доброе дѣло.

— Не общежитіе, а такъ, знаете, по выбору, какія мнѣ больше пришлись по душѣ, предложить пятерымъ или шестерымъ изъ нихъ жить у меня—комнаты и все прочее готовое.

— Отлично.

— Много я не могу, но шестерыхъ устрою... Я ужъ и ѣздила, куда нужно, спрашивала, достала разрѣшеніе... У меня ужъ все готово. Вотъ только,—она кивнула опять головой на постройку,— вотъ только за этимъ дѣло теперь и стало... Хотите, пойдемте туда, я вамъ все покажу, какъ тамъ будетъ,—продолжала она.

Я, разумѣется, согласился, и мы пошли. Вчернѣ флигель,—я называю его только флигелемъ, а это былъ порядочный деревянный домъ,—былъ уже совсѣмъ готовъ, и крыша, и полы, и печи; шли только ужъ чистыя, больше столярныя ужъ отдѣлки: прибивали наличники у оконъ, передѣлывали какую-то перегородку и проч. Оставалось только оштукатурить внутри стѣны, снаружи обить тесомъ, вставить рамы, выкрасить полы.

— Вотъ это будетъ общая столовая. Это вотъ общая умывальная и гардеробная. Здѣсь у каждой будетъ стоять свой шкафикъ—это я, знаете, чтобы въ комнатахъ у нихъ не было безпорядка, а то вездѣ будутъ платья, юбки: не слѣдить же, не осматривать же ихъ комнаты каждый день, не ловко вѣдь это... А вотъ эти четыре комнатки будутъ моими, тутъ я буду жить. Это тоже необходимо... Всетаки, онѣ молодыя дѣвушки...

Я ходилъ и хвалилъ.

Когда, наконецъ, мы все осмотрѣли и ужъ выходили, направляясь опять къ своимъ мѣстамъ, гдѣ до этого сидѣли, я случайно взглянулъ на одно изъ оконъ въ домѣ, прямо противъ новой постройки, и увидалъ въ немъ Аверьяна, сидѣвшаго, положивъ голову на руку, и смотрѣвшаго на насъ.

— «Значитъ, все еще онъ тутъ живетъ, не поссорились они»,— подумалъ я.

XXVI.

— Ну, что же, одобряете это все? — спросила она меня, останавливаясь передъ фасадомъ постройки.

— Одобряю. Очень хорошо... и лѣсъ хорошій, толстый...

— Нѣтъ, я спрашиваю не объ томъ, а вообще мысль эту, устроить эти квартирки?

— О, еще бы!

— Вѣдь, у меня что въ мысляхъ-то: я хочу, чтобы это дѣло было поставлено на твердую ногу, чтобы и послѣ моей смерти оно продолжалось бы все точно также. Мѣсто здѣсь у меня огромное, вонъ видите сколько пустаго: это все вѣдь застроить можно. Квартиры отдавать въ наемъ, и на это содержать пріютъ.

Она начала мнѣ объяснять, какъ это все она намѣрена осуществить, что ей для этого нужно будетъ сдѣлать и проч., и проч. Видно было, что это все у нея не фантазія одна только и не предположенія, которыя при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью могутъ разрушиться, а серьезно обдуманное намѣреніе, для приведенія въ исполненіе котораго она собрала и обсудила всѣ необходимыя свѣдѣнія, взвѣсила, оцѣнила ихъ, и теперь ужъ все дѣло за временемъ, а она не остановится, не раздумаетъ.

И было странно смотрѣть на эту женщину, всю погруженную теперь въ разсчеты и соображенія, исполненную предпріимчивости, энергіи. Еще и полугода не было, какъ я съ ней же бесѣдовалъ, болталъ, вспоминая отдаленное прошлое, и она мнѣ высказывала тогда, что она живетъ только въ одномъ этомъ прошедшемъ, одними этими своими воспоминаніями, сравнивала себя съ засушеннымъ цвѣткомъ изъ гербаріума, который сохранилъ, благодаря счастливымъ условіямъ, только одинъ свой цвѣтъ, а жизни ужъ нѣтъ въ немъ, и онъ никогда ужъ не почувствуетъ ни ея радостей, ни ея огорченій и печалей, ея тревогъ и заботъ...

— Что вы такъ... странно какъ-то смотрите на меня?—вдругъ спросила она.

— Я?—Ничего,—сказалъ я.

— Нѣтъ, вы что-то думали... Вы думали, вѣроятно: вотъ, нечего ей дѣлать, — отъ пустоты, отъ бездѣлья затѣваетъ благотворительную игру. Ничего не смыслитъ въ этомъ во всемъ, ничего не знаетъ, не понимаетъ, и берется.

— Никогда этого не думалъ. А думалъ, какъ мы съ вами полгода назадъ бесѣдовали, что вы тогда говорили,—помните о засушенномъ цвѣткѣ, который ужъ никогда больше не почувствуетъ жизни и не отзовется на нее, — и что теперь вы говорите и дѣлаете.

— Жизнь увидала и захотѣлось самой жить. Хоть бочкомъ, сторонкой, да присоединиться къ толпѣ, пойти съ ней... Вы не поймете этого чувства,—заключила она.

— Это почему?

— А потому, что это надо испытать. Надо, чтобы понять эту радость жизни, прожить тридцать лѣтъ такъ, какъ я ихъ прожила.

— Только, пожалуйста, не примѣшивайте къ этому чувства раскаянія. А то начнутся у васъ эти напрасныя сожалѣнія о потерянномъ времени, о загубленной понапрасну жизни, о преступномъ эгоизмѣ, который позволялъ вамъ сосредоточиться только на одной себѣ, на однихъ чувствахъ и забыть всѣхъ — неимущихъ, голодныхъ, холодныхъ, которыхъ вы могли бы и должны бы спасать, утѣшать, которымъ вы обязаны помогать, и проч., и проч.

— Да, и я сознаю все это, и это вѣрно.

— Вѣрно, я не спорю. Но только, если вы будете предаваться этимъ позднимъ и грустнымъ размышленіямъ, вы ничего не сдѣлаете для живой жизни. Вы все будете думать опять-таки, въ сущности, о себѣ, о потерянномъ времени, сколько вы его потеряли,— все, что вы начнете и что сдѣлаете, будетъ вамъ казаться малымъ, ничтожнымъ, не стоящимъ названія дѣла; будете это сравнивать съ тѣмъ, что вы могли бы сдѣлать, если бы взялись за дѣло двадцать лѣтъ назадъ, и проч. Это все только будетъ убивать въ васъ рѣшимость, энергію, смыслъ дѣла, за которое вы беретесь. Этого вы больше всего бойтесь.

Она внимательно слушала.

— Вы помните только одно,—продолжалъ я:—свою тогдашнюю жизнь, свои тогдашніе взгляды и сравниваете ихъ съ теперешними. Можетъ быть, для того, чтобы они перемѣнились такъ, для васъ было необходимо прожить эти двадцать пять, тридцать лѣтъ именно такъ, какъ вы ихъ прожили. Можетъ быть, иначе въ васъ бы не заговорила такъ и самая эта радость жизни, и энергія, и готовность служить на пользу людямъ. Почемъ вы знаете, можетъ, это необходимо было все...

— Почему вы это такъ думаете?—вдругъ спросила она и сейчасъ же добавила:—почему вы узнали, что все это мнѣ приходитъ въ голову?

— Потому что и мнѣ самому это часто приходитъ на мысль о самомъ себѣ, и, потомъ, это общечеловѣческая черта — почему же вамъ быть исключеніемъ?

— Да, это тяжелое чувство, — проговорила она.

— И безплодное совсѣмъ.

— И вы вѣрно замѣтили, что это эгоистическое чувство,—продолжала она. — Это саморазсматриваніе себя въ прошедшемъ нисколько не ведетъ къ самосовершенствованію въ настоящемъ. Это

только опять-таки прилѣпливаніе мысли къ своей собственной особѣ... Я недавно читала объ одномъ пустынникѣ, это въ древности было, какъ онъ сорокъ лѣтъ прожилъ, отрѣшившись отъ жизни, и все думалъ только о спасеніи своей души, и вдругъ ему пришло въ голову, онъ догадался, что онъ величайшій эгоистъ, который только можетъ быть.

— И что-жъ онъ сдѣлалъ, когда онъ очнулся, понялъ это, догадался наконецъ?

— Онъ, видите ли, почувствовалъ жажду жизни тоже нѣсколько... опять-таки эгоистично. Онъ захотѣлъ пожить на закатѣ дней своихъ всласть... Онъ захотѣлъ любить, быть любимымъ, ну, и проч., и увидалъ, что онъ смѣшонъ, всѣ надъ нимъ только смѣются и обманываютъ его... Онъ удавился потомъ,—тихо добавила она:—но онъ самъ виноватъ, — продолжала она, — потому что онъ въ душѣ-то своей остался, всетаки, такимъ же эгоистомъ, какимъ и былъ. Это былъ, должно быть, очень чувственный старикъ...

— Да,—то онъ понялъ, что, заботясь о своей душѣ, онъ величайшій эгоистъ, а потомъ влюбляться сталъ, — тутъ что-то странное. Онъ, значитъ, не потому пересталъ заботиться о спасеніи своей души, что увидалъ въ этомъ эгоизмъ, а просто не выдержалъ искушенія, силы дольше не хватило у него на это... Онъ отчего бросилъ спасать душу? Это какъ случилось съ нимъ?

— Да все также вотъ...—отвѣтила она:—увидалъ живыхъ людей, столкнулся съ ними, сталъ вспоминать про свою молодость, про свою любовь, какъ онъ любилъ, какъ его любили... дальше ужъ онъ и не могъ въ гербаріумѣ оставаться...

Она помолчала немного и продолжала ужъ въ другомъ тонѣ:

— Это, всетаки, очень хорошая повѣсть. Тутъ есть одна у меня знакомая дѣвушка, изъ учащихся, она часто ко мнѣ приходитъ, и мы просиживаемъ съ ней иногда цѣлые вечера. Какъ жаль, что ея нѣтъ теперь,—я ей много про себя, про свою жизнь разсказывала,—она мнѣ эту книгу и дала. Это старинная книга, но она очень хорошо написана. Очень хорошо,—еще разъ повторила она.

Я посидѣлъ еще у нея и сталъ собираться уѣзжать.

— Когда же опять теперь заѣдете?

— Да ужъ не знаю. Я думаю надняхъ въ деревню ѣхать.

— А какъ же новоселье? Какъ же, вы развѣ у насъ не будете? Черезъ двѣ недѣли вѣдь все будетъ готово уже.

Я сказалъ, что разсчитываю уѣхать непремѣнно и едва ли попаду на новоселье.

— Ну, на всякій случай я вамъ пришлю записку съ извѣщеніемъ, вы пріѣзжайте непремѣнно тогда, если будете еще здѣсь.

Я обѣщалъ, разумѣется.

Когда я совсѣмъ уже уходилъ, въ усадбу съ улицы вошла молодая дѣвушка, очень скромно, но прилично одѣтая.

— А вотъ и Халютина, это—про которую я вамъ говорила, что книгу-то эту мнѣ дала,—заговорила Алябьина.—Я ее пригласила со мной вмѣстѣ жить. Мы вотъ въ этихъ комнатахъ съ ней вдвоемъ будемъ жить.

Я простился съ Алябьиной и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ къ себѣ въ деревню.

XXVIII.

Въ Петербургъ я вернулся очень поздно, передъ самыми праздниками, и въ первый же день моего пріѣзда встрѣтился на улицѣ съ Аверьяномъ. Онъ ѣхалъ съ какими-то кордонками, корзинками, очевидно, съ покупками къ праздникамъ. Мы раскланялись, но онъ началъ что-то говорить мнѣ, показывая рукой, и заставлялъ своего извозчика повернуть ко мнѣ. Я также остановился.

— Зинаида Евграфовна приказали долго жить, — проговорилъ онъ, подъѣзжая ко мнѣ и останавливаясь рядомъ съ моимъ извозчикомъ.

Это было до того неожиданно услыхать для меня, что я только и могъ сказать: какъ?

— Отъ разрыва сердца-съ...

Мы оба подъѣхали къ тротуару у самой думы, вышли изъ саней, и онъ началъ разсказывать, какъ это все случилось.

Она скончалась какъ разъ наканунѣ новоселья. Что-то не было готово, она не успѣла или забыла получить какую-то бумагу, это все ее волновало очень, и вечеромъ, часовъ въ девять, вдругъ, сидя въ креслѣ, когда эта нужная бумага была ею уже получена, схватилась рукой за лѣвый бокъ, поблѣднѣла, проговорила: «ахъ, не хорошо мнѣ»... и, пока посылали за докторомъ, пока докторъ пріѣхалъ, ея ужъ не стало.

— Ну, и что-жъ?—спросилъ я.

— Похоронили ихъ честь честью... на Смоленскомъ... три священника были, съ пѣвчими. Потомъ столъ былъ... Все какъ быть ихъ званію надлежитъ...

— Ну, а.... нескромный вопросъ: кому же все послѣ нея досталось?

— Намъ-съ... Вѣдь духовный документъ на насъ съ женою у нихъ былъ.

— И домъ этотъ, и деньги всѣ?..

— Все-съ... Изъ денегъ онѣ растратили вотъ только, что успѣли на это новое обзаведеніе израсходовать, знаете: на бѣлье, посуду, самоварчики—только-съ...

— И еще тоже нескромный вопросъ: что же, въ этомъ новомъ флигелѣ кто же живетъ?

— Подъ квартиры-съ отдаемъ,—уже совсѣмъ хозяйственнымъ

тономъ отвѣчалъ Аверьянъ, и сталъ звать меня сдѣлать ему честь не побрезговать заѣхать къ нему.

Я обѣщалъ, но никакъ не могъ собраться.

Потомъ ужъ и Аверьянъ, должно быть, умеръ, потому что мнѣ какъ-то пришлось проѣзжать мимо этого дома, и на воротахъ я увидалъ голубую вывѣску лентой и на ней надпись золотыми буквами: «домъ купца Масленникова».

А, можетъ, онъ и продалъ его...

С. Терпигоревъ.

ДО И ПОСЛѢ[1].

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XI.

„Съ поздравленіемъ".

ПОСЛѢДНЕЙ недѣлѣ поста бурсаковъ распустили. Пріѣзжала моя мать и говорила съ о. Петромъ. Она была поражена при извѣстіи, что меня не пустятъ на праздники. Но это было заявлено въ такихъ категорическихъ выраженіяхъ, что спорить не приходилось.

— Помилуйте, какъ мы его можемъ пустить? Вѣдь онъ исполатчикъ!

— Неужели? Онъ? Мой сынъ—исполатчикъ?

Мать моя была въ восторгѣ. Не ожидала она, чтобы ея маленькій сынъ сдѣлалъ такіе успѣхи и удостоился такой чести. Когда же ей сообщили, что я также и солистъ, то этимъ она была окончательно побѣждена и заявила:

— Ну, тогда, конечно... Тогда и говорить нечего!..

По моей просьбѣ она спросила, нельзя ли будетъ отпустить меня съ Пичужкой на четвертый день, хоть на недѣлю. О. Петръ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 870.

неопредѣленно мотнулъ головой и еще болѣе неопредѣленно издалъ какой-то нечленораздѣльный звукъ.

— Мм... Посмотримъ, посмотримъ!.. Заранѣе невозможно сказать!..

Но Пичужко, который обо всемъ уже основательно подумалъ, замѣтилъ моей матери, когда мы были съ нею около экипажа (онъ уже ей понравился):

— Сидоровъ тоже вотъ такъ просился, и о. Петръ сказалъ ему: «посмотримъ»... А его отецъ,—онъ священникомъ въ Обдираловкѣ,— привезъ ему, о. Петру, передъ самымъ праздникомъ двухъ индюковъ да еще колбасъ, такъ о. Петръ на четвертый день самъ сказалъ Сидорову: ну, поѣзжай домой на недѣльку... Ей-Богу!..

Результатомъ этого разговора было то, что наканунѣ праздника въ городъ пріѣхалъ Антонъ и завезъ въ соборный домъ, на квартиру о. Петра цѣлый куль праздничнаго съѣстнаго добра, которое было принято великодушно. А это въ свою очередь привело къ тому, что въ тотъ же день послѣ генеральной спѣвки о. Петръ сказалъ мнѣ:

— Твоя мать просила отпустить тебя на недѣлю. Такъ ты, пожалуй, поѣзжай на четвертый день... И Пичужко, пожалуй, пусть ѣдетъ... только чтобы къ Крещенью были здѣсь. Да не забудь передать мой поклонъ твоимъ родителямъ!

Пришло и Рождество. Мы выстояли длинную обѣдню и прямо изъ церкви пошли къ архіерею на домъ. Онъ вышелъ къ намъ въ праздничной рясѣ, въ клобукѣ, съ четками; мы торжественно пропѣли ему концертъ, онъ поздравилъ насъ съ праздникомъ и выдалъ о. Петру двадцать пять рублей. Это уже было у него такое положеніе. Послѣ этого мы, мальчики, разговлялись, такъ какъ весь Филипповъ постъ намъ давали строго-постную пищу. Нечего и говорить, что мы съ Пичужкой придали мало значенія жалкой ѣдѣ, что стояла на общемъ столѣ. Какая-то сомнительная курица, кусокъ сала не первой свѣжести и селянка изъ колбасы съ капустой, да еще вареныя яица. У насъ въ сундукѣ было такое сокровище, какъ жареный поросенокъ, начиненный гречневой кашей, индюшка и колбасы, настоящія деревенскія колбасы, а не покупныя съ подозрительнымъ запахомъ.

Но такъ какъ ждать, пока всѣ выйдутъ изъ комнаты, чтобы мы могли сосредоточиться надъ нашимъ сундукомъ, у насъ не хватало терпѣнія, то мы вдругъ неожиданно для самихъ себя совершили подвигъ великодушія: вытащили изъ мѣшка поросенка и положили его на столъ. Нечего и прибавлять, что черезъ какія нибудь пять минутъ отъ него и слѣда не осталось. Индюшку же и колбасы мы утаили и рѣшили, что будемъ ѣсть ихъ тихонько отъ другихъ гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ, въ глубинѣ развалинъ стараго дома...

Къ двумъ часамъ мы должны были снарядиться, чтобы начать хожденіе съ поздравленіями. Это было не трудно. Надо было облачиться въ такъ называемые «парады». Этотъ костюмъ еще и донынѣ не вышелъ изъ употребленія въ архіерейскихъ хорахъ. Мнѣ не такъ давно приходилось видѣть на петербургскихъ улицахъ взрослыхъ людей, облаченныхъ въ это во всякомъ случаѣ неудобное одѣяніе. Синій суконный кафтанъ длиной пониже колѣнъ, на груди толстая подкладка изъ войлока «для форсу», края кафтана обшиты бѣлымъ позументомъ, плечи приподняты и тоже съ войлочной подкладкой, сбоку какіе-то очень запутанные позументные шнуры въ родѣ адъютантскихъ аксельбантовъ, съ висящими тяжеловѣсными кистями. Костюмъ тяжелый, угловатый, некрасивый, мѣшавшій свободно двигаться и ходить. Мнѣ пришлось труднѣе всѣхъ, потому что на мою мѣрку «парада» не оказалось. Самый малый былъ мнѣ ниже пять и волочился по землѣ. Я былъ въ отчаяніи. Я просилъ, чтобы мнѣ позволили идти въ сюртукѣ, но объ этомъ и слышать не хотѣли. Это испортило бы весь эффектъ картины. Помилуй Богъ, всѣ пѣвчіе въ парадахъ, только одинъ о. Петръ въ рясѣ, и то въ своей новой темносиней рясѣ, и вдругъ какой-то мальчуганъ въ сюртукѣ. Это будетъ настоящее пятно на бѣломъ фонѣ, репейникъ среди букета нѣжныхъ цвѣтовъ, каковыми должны были представляться всѣ остальные мальчики, а также басы и тенора, а среди нихъ красноносый о. Павелъ и рыжеусый и всегда болѣе или менѣе пьяный Ѳедоръ.

Снаряженіе происходило въ спѣвочной, куда собрались всѣ и принесли «парады». Въ два часа пришелъ о. Петръ, и мы уже были готовы.

— Ну, что-жъ, двинемся, что ли?

И началось странное шествіе. Компанія человѣкъ въ тридцать растянулась въ длинную линію. Стоялъ легкій морозецъ, едва тронувшій поверхность жидкой грязи, заливавшей сплошь всѣ улицы. Поверхъ «парадовъ» мы накинули наши казенныя пальто, изъ-подъ которыхъ дикимъ образомъ висѣли длинныя полы синихъ кафтановъ съ позументами. Я долженъ былъ нести настоящій тяжелый трудъ, такъ какъ мнѣ все время приходилось подтягивать кверху и поддерживать обѣими руками полы моей парадной одежды, которыя иначе волочились бы и мѣшали бы мнѣ идти. Занятый этой работой и сосредоточенный на ней, я не сразу обратилъ вниманіе на то, что моему другу Пичужкѣ вмѣстѣ съ другимъ мальчикомъ досталась не очень завидная роль. Онъ шелъ неподалеку отъ меня, слегка наклонившись на правый бокъ, словно у него тутъ была привѣшена пудовая гиря. Я поровнялся съ нимъ и спросилъ его:

— Чего это ты такъ нагнулся?

— А ты думаешь, это легкая штука? — отвѣтилъ онъ, косясь однимъ глазомъ внизъ и въ бокъ.

— Что такое?

— А вотъ это!

Онъ приподнялъ лѣвой рукой полу пальто и показалъ мнѣ двѣ толстыхъ и длинныхъ нотныхъ тетради, которыя несъ въ правой рукѣ.

— Я несу ноты, я и Курбенко. Я несу басъ и альтъ, а онъ теноръ и дискантъ. Мы съ нимъ всегда носимъ ноты...

— Почему же только вы, а другіе не носятъ?—спросилъ я.

— Да ужъ такъ заведено. Всегда носятъ ноты тѣ, которые поплоше. Ну, а мы съ нимъ почти что безголосые. Такъ, неизвѣстно, за что насъ и держатъ... Вотъ мы и носимъ ноты. Тутъ всѣ концерты, на всякій случай... Потому кто нибудь попроситъ спѣть то, другое, третье...

— А вѣдь это тяжело, должно быть? а?

— А ты думалъ, легко? Фунтовъ по десять въ каждой тетради будетъ... Ну, да я привыкъ, мнѣ ничего. Я это всегда дѣлаю...

— Можетъ быть, я помогъ бы тебѣ? а?

— Куда тебѣ? Ты свои фалды едва ли донесешь какъ слѣдуетъ... Это тоже нелегкая штука...

Мы сдѣлали порядочный путь. Я слышалъ, какъ о. Петръ разговаривалъ съ о. Павломъ.

— Сперва, разумѣется, къ губернатору, а потомъ обойдемъ Привозную улицу. Часамъ къ пяти будемъ у Степана Ивановича, у него ужъ всегда закуска... Это ужъ каждый годъ... Тамъ вотъ и подкрѣпимся... Потомъ пройдемся по Старообрядческой, а уже какъ стемнѣетъ, къ Кургузенкѣ попадемъ... Ну, тамъ уже какъ слѣдуетъ подкрѣпимся. Кургузенко вчера меня встрѣтилъ. Такъ смотрите,--говоритъ,—о. Петръ, завтра ко мнѣ къ послѣднему, у меня для васъ готовится... Чудачина этотъ Кургузенко...

Губернаторскій домъ стоялъ особнякомъ и былъ самый красивый домъ во всемъ нашемъ губернскомъ городѣ. Прежде всего онъ выдавался своимъ казённымъ кирпичнымъ цвѣтомъ, такъ что, проходя мимо него, всякій уже зналъ, что здѣсь живетъ казенный человѣкъ. Съ трехъ сторонъ его во второмъ этажѣ глядѣли на прохожихъ величественные балконы, а у главнаго входа былъ пристроенъ обширный павильонъ, около котораго день и ночь стояли два солдата. Домъ заканчивался башенкой съ длиннымъ шпицемъ, на которомъ вертѣлся флюгеръ, и не доставало только штандарта, чтобы вышло совсѣмъ торжественно.

Солдаты посмотрѣли на насъ съ недоумѣніемъ, но допустили до крыльца. Одинъ изъ теноровъ, болѣе практичный и развязный, пошелъ впередъ и дернулъ звонокъ. Вышелъ швейцаръ въ ливреѣ.

— Доложите ихъ превосходительству, что пришли пѣвчіе съ поздравленіемъ! — бойко сказалъ теноръ, костюмъ котораго мало отличался отъ ливреи швейцара.

Швейцаръ посмотрѣлъ на насъ и сказалъ снисходительно:

— Проходите, уже былъ приказъ!

Это никого не удивило, потому что губернаторъ всегда принималъ пѣвчихъ. Какъ это ни странно, но въ нашемъ губернскомъ городѣ это считалось почти доказательствомъ хорошаго тона.

— Послушайте, любезнѣйшій!—обратился о. Петръ къ швейцару со всей изысканностью, требуемой хорошимъ воспитаніемъ:—какъ бы намъ обо что нибудь ноги вытереть!

— А вотъ коврикъ!—швейцаръ указалъ глазами на маленькій коврикъ.

— Ахъ, нѣтъ, намъ коврикъ не идетъ!... Мы его совсѣмъ изгадимъ!

Швейцаръ внимательно посмотрѣлъ на наши ноги, блестѣвшія отъ толстаго слоя свѣжей грязи, и сказалъ:

— Н...да! Это вѣрно. Я вамъ рогожу принесу!..

И принесъ рогожу, которая въ двѣ минуты превратилась въ какіе-то грязные клочья. Мы поднялись по лѣстницѣ на верхъ, стараясь идти по обѣ стороны ковровой дорожки, такъ какъ, не смотря на истребленіе рогожи, всетаки, мало надѣялись на чистоту своихъ сапогъ.

Войдя въ обширный залъ, гдѣ стояло множество мебели, невиданныхъ и непонятныхъ для меня фасоновъ, рояль, висѣли картины, мы размѣстились полукругомъ у порога: басы и тенора позади, а мальчики впереди. О. Петръ же впереди всѣхъ и нѣсколько отступя отъ насъ. Онъ вынулъ изъ кармана камертонъ, извлекъ изъ него двумя пальцами звукъ, поднесъ камертонъ къ уху и задалъ тонъ. Затѣмъ онъ энергично махнулъ рукой, и мы звонкими голосами хватили fortissimo: «сла-а-а-а-а-ава во вышнихъ Богу»...

Въ то время, какъ мы пѣли, въ дверь изъ другой комнаты осторожно просунулся высокій старикъ съ бритымъ лицомъ: это былъ самъ губернаторъ; а изъ двери выглядывало нѣсколько женскихъ головокъ. Губернаторъ слушалъ внимательно, какъ истый любитель хороваго пѣнія, а головки присматривались къ намъ, шептали какія-то замѣчанія и смѣялись, очевидно, находя насъ очень смѣшными. Мы кончили. Губернаторъ подошелъ къ намъ и сказалъ:

— Благодарю васъ, господа! Какъ здоровье преосвященнѣйшаго владыки? Онъ, должно быть, утомился въ обѣднѣ?

— Владыка принимали насъ. Они здоровы, ваше превосходительство,—отвѣтилъ о. Петръ.

— Еще разъ благодарю васъ! Вы доставили мнѣ истинное удовольствіе!—и тутъ губернаторъ протянулъ о. Петру руку, которую тотъ пожалъ такимъ образомъ, какъ дѣлаютъ это опытные доктора послѣ визитовъ, какъ бы загребая нѣчто хрупкое и деликатное.

Мы вышли, накинули на плечи верхнее платье и очутились на улицѣ. Тотчасъ около о. Петра образовалась группа изъ басовъ и теноровъ, среди которыхъ особенно суетился о. Павелъ.

— Сколько? — спросилъ о. Павелъ, не сводя глазъ съ руки о. Петра, которая оставалась сжатой въ кулакъ.

— У-у! Ужъ сейчасъ и насѣли! Сколько! сколько! Боитесь, что себѣ возьму, что ли!—и о. Петръ всенародно разжалъ кулакъ, въ которомъ оказались двѣ бумажки: красная и синяя.

— Пятнадцать! Гм... поскупился! А прошлый разъ двадцать пять далъ!

— То на Пасхѣ! Онъ на Пасхѣ всегда двадцать пять даетъ!.. Ну, теперь махнемъ по Привозной. Сперва къ Парамонову... Онъ любитъ, чтобъ къ нему прямо отъ губернатора. Въ прошлый годъ раньше зашли къ Котенкѣ, такъ Парамоновъ обидѣлся и не принялъ.

Парамоновъ былъ первой гильдіи купецъ, богатый и представительный. Хотя онъ и не былъ соборнымъ старостой, но въ соборѣ всегда стоялъ за свѣчнымъ столикомъ, красуясь своей шейной медалью на красной лентѣ. Когда мы позвонили, то вышедшая горничная прямо спросила:

— Отъ губернатора?

— Прямо отъ губернатора!— хоромъ сказали о. Петръ, о. Павелъ и Ѳедоръ. Впрочемъ, Парамоновъ и безъ того зналъ это, потому что слѣдилъ въ окно. Онъ уже раньше сдѣлалъ распоряженіе прислугѣ:

— Ежели пѣвчая придетъ отъ губернатора, зови въ комнату, а ежели къ кому другому зайдетъ, гони! Потому я никакъ не хуже другихъ, а много лучше!.. Я первой гильдіи!..

Но, не смотря на такое высокое мнѣніе о себѣ, Парамоновъ, съ степеннымъ умиленіемъ слушавшій наше пѣніе, сунулъ въ руку о. Петру всего лишь двѣ трехрублевки.

— Ишь-ты, скареда какая! Почтенія требуетъ, а красненькой пожалѣлъ!—говорили пѣвчіе на улицѣ.

— Что-жъ! двѣ трешницы — тоже деньги! И на нихъ можно выпить изрядно! — философски замѣтилъ Ѳедоръ, который рѣшительно всѣ явленія природы разсматривалъ съ этой весьма субъективной точки зрѣнія.

Какъ и было предположено, раіонъ Привозной улицы мы обошли къ пяти часамъ. Всюду, куда мы ни заходили, повторялось одно и то же. Мы становились у порога и пѣли все тотъ же праздничный концертъ, хозяинъ съ семействомъ умиленно слушали, а затѣмъ пожиманіе руки о. Петра и легкое выгребываніе съ его стороны. Это дѣйствіе, благодаря многолѣтней практикѣ, онъ производилъ съ необыкновенною ловкостью. Иные изъ хозяевъ считали приличнымъ поговорить о погодѣ, были и такіе, что указывали

на столъ съ яствами и говорили: «не закусите ли?». Но говорили это такимъ тономъ, что мы немедленно отказывались. Да намъ и разсчета никакого не было, такъ какъ мы имѣли въ виду свои заранѣе намѣченные пункты, которые назывались на партесномъ языкѣ «паузами». Когда выходили на улицу, около о. Петра сейчасъ же мелькалъ о. Павелъ и раздавался торопливый вопросъ: «сколько?». О. Петръ разжималъ кулакъ. Можно было думать, что нашъ почтенный регентъ подозрѣвался въ нечистотѣ на руку: до такой степени строгъ былъ надъ нимъ контроль.

Наконецъ, около пяти часовъ мы добрались до Степана Ивановича и могли сдѣлать «паузу». Когда мы подходили къ дому Степана Ивановича, то услышали стукъ въ окно, и сквозь двойную раму на насъ смотрѣло весело улыбающееся жирное лице хозяина. Очевидно, онъ уже давно поджидалъ насъ и уготовалъ для насъ многія блага. Дверь оказалась отверстою, такъ что мы вошли прямо безъ доклада. Знаніе нашихъ привычекъ тутъ было видно во всемъ, хотя бы, напримѣръ, въ томъ, что въ передней на полу лежали къ нашимъ услугамъ три рогожи, которыя мы сейчасъ же и превратили въ сплошную грязь. Когда же мы вошли въ обширную комнату, гдѣ мебель, однако-жъ, изъ предосторожности и не смотря на великій праздникъ, была покрыта сѣрыми чехлами, то видъ широко раскрытаго стола несказанно обласкалъ наше зрѣніе. Чего тутъ только не было, какихъ яствъ, и какія количества! Индивидуумы, какъ поросенокъ, индюшка, гусь, курица, присутствовали въ двухъ экземплярахъ каждый, а что касается неодушевленной мелочи, въ родѣ колбасъ, сальтисоновъ, ветчины и т. п., то этого было несмѣтное множество. Бутылки показывали свои горлышки изъ-за всѣхъ этихъ съѣстныхъ горъ, но надъ всѣмъ возвышалась огромная бутыль зеленаго стекла, и было до послѣдней степени очевидно, что въ той бутыли помѣщалась водка. Повторяю, знаніе вкусовъ и привычекъ нашей компаніи сквозило здѣсь во всемъ.

Однако-жъ, когда мы вошли и стали обычнымъ полукругомъ, хозяинъ что-то замѣшкался и вышелъ только тогда, когда раздалось наше пѣніе. Его добродушное, съ масляными глазами, лице, по своимъ размѣрамъ въ ширину, съ разными жировыми дополненіями ниже подбородка и за щеками, вполнѣ соотвѣтствовавшее его коренастой, широкой и пузатой фигурѣ, повидимому, очень хотѣло улыбнуться во всю ширь, но торжественность минуты обязывала къ сдержанности и благолѣпію, поэтому и онъ, и жена его, женщина тоже почтенныхъ размѣровъ, и чады съ домочадцами, которыхъ было множество, выдерживали постный видъ. Это была, такъ сказать, часть оффиціальная. Но едва мы протянули окончательный аккордъ, и въ то время, какъ Ѳедоръ тянулъ еще своей гремучей октавой послѣднюю ноту, хозяинъ, хозяйка, чады и до-

мочадцы, всѣ разомъ расцвѣли и привѣтливо заговорили, стараясь проявить передъ нами свою любезность.

— Просимъ покорнѣйше, господа! Садитесь, закусите, сдѣлайте милость! Подкрѣпите силы! Вамъ чего угодно? А вамъ чего? Поросеночка? Индюшечки? Вотъ окорокъ! Хорошій окорокъ, удался вполнѣ! Отецъ Павелъ! Өедоръ Евстигнеичъ! Водочки! Уже? Ну, такъ по второй! а? И по второй уже? Вотъ и отлично! Такъ по третьей, чего же лучше!..

Это говорили всѣ разомъ и всѣ вертѣлись около стола, подставляя намъ разныя кушанья. Но это было напрасно. Наши аппетиты не нуждались въ поощреніи, они были великолѣпны. Мы и вообще не страдали слабостью аппетитовъ, но теперь, шляясь по улицѣ изъ дома въ домъ, нагуляли ихъ въ превосходной степени и ѣли отмѣнно.

Хозяева смотрѣли на насъ и любовались, какъ мы ѣдимъ. Я вообще замѣтилъ, что есть любители посмотрѣть, какъ ѣдятъ другіе. При этомъ требуются два условія: чтобы угощающіе были сыты, угощаемые — голодны и ѣли крѣпко, здорово и захлёбисто. Изъ массы любителей такого рода выдѣляются особенные охотники угощать пѣвчихъ, потому что пѣвчіе, а въ особенности архіерейскіе, ѣдятъ и пьютъ классически. Этотъ своеобразный спортъ въ сильной степени развитъ въ провинціи среди купцовъ и болѣе запасливыхъ чиновниковъ. Въ столицахъ такого рода любители угощаютъ актеровъ, а въ нашемъ захолустьѣ никакихъ актеровъ никогда не водилось, поэтому пріятно было угостить хоть пѣвчаго. Степанъ Ивановичъ принадлежалъ къ такимъ спортсменамъ, и не только онъ самъ, но и все его многочисленное семейство,—женатые сыновья и замужнія дочери, на Рождествѣ и Пасхѣ, разговлялись у него съ своими женами и мужьями,—и все это, какъ главнаго развлеченія, ожидало прихода архіерейскихъ пѣвчихъ съ поздравленіемъ. И, безъ сомнѣнія, развлеченіе состояло вовсе не въ томъ, что пѣвчіе пропоютъ свой концертъ, который можно было послушать въ этотъ день и въ соборѣ, а именно въ томъ, какъ эта болѣе или менѣе голодная и любящая выпить и закусить орава будетъ насыщаться.

Бутылки звенѣли, бутыль зеленаго стекла дѣятельно перемѣщалась съ мѣста на мѣсто, но большею частью какъ-то застаивалась въ томъ пунктѣ, гдѣ сидѣлъ Өедоръ Евстигнеичъ. Надо отдать справедливость о. Петру, онъ насыщался невнимательно и больше бесѣдовалъ съ хозяевами. Когда же онъ всецѣло повернулся къ столу и взглянулъ въ то мѣсто, гдѣ стояла бутыль, то съ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Өедоръ, съ ума сошелъ?! Ей-Богу, онъ съ ума сошелъ!— воскликнулъ о. Петръ.

— А-а-а! — комически проревѣлъ Өедоръ, страшно разинувъ пасть и стараясь залѣзть въ самую глубину своей октавы.

— Өедоръ, Өедоръ! Ай-ай-ай-ай-ай!—съ безконечнымъ укоромъ воскликнулъ о. Петръ.

Стоило только взглянуть на Өедора, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ уже почти готовъ. Изъ бутыли значительная часть влаги перешла въ его желудокъ. Ѣлъ же онъ не особенно много, но пилъ часто.

— Э, ничего, ничего,—говорилъ хозяинъ поощрительно:—вкушайте!

— Өедоръ Евстигнеичъ, вкушайте на здоровье!

— Уже вкусилъ! Вку-у-си-илъ! — заявилъ Өедоръ. Когда онъ порядочно выпивалъ, то говорилъ чистѣйшей октавой, протягивая послѣдній слогъ, какъ въ церкви.

— Да какъ же можно! Вѣдь намъ еще сколько ходить надо! Какъ же это возможно!—негодовалъ о. Петръ.

— А что, вы думаете, я не въ состояніи ходить? Ого-о-о! Еще васъ перегоню, о. Петръ! Ей-Богу, перегоню! Давайте, попробуемъ! а?

— Ей-Богу, это свинство! Этотъ Өедоръ, кажется, и взрослый человѣкъ, и басъ, и все какъ слѣдуетъ, а совершенно будто мальчикъ!

— Гм... Мальчикъ столько не можетъ выпить,—какой же я мальчикъ? Ха-ха-ха!...

И всѣ хозяева, и гости смѣялись на это замѣчаніе, а о. Петръ негодовалъ по поводу того, что дальнѣйшее хожденіе съ поздравленіемъ, пожалуй, придется совершать безъ октавы, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно, что октава есть украшеніе всякаго хора, и среди купцовъ большой спросъ на октаву.

Өедоръ въ доказательство того, что онъ въ сущности не пьянъ, порывисто поднялся съ своего мѣста, но въ тотъ же мигъ сѣлъ обратно. Приходилось ему убѣдиться въ противномъ.

— Гм... я пьянъ! Неужели я пьянъ?—спрашивалъ онъ не то себя самого, не то стоявшую передъ нимъ бутыль, а о. Петръ стоялъ тутъ же и качалъ головой.

— А я сейчасъ протрезвлюсь! Ей-Богу! Вотъ увидите! Я знаю одно такое хорро-ошее средство.—И онъ схватилъ бутыль, налилъ, но не рюмку, а винный стаканъ, и выпилъ залпомъ. Послѣ этого эпизода лице его сдѣлалось совсѣмъ безсмысленнымъ, глаза закрылись, и онъ благополучно уснулъ на мѣстѣ,

— Ничего, ничего!—говорили хозяева, весело улыбаясь. До такой степени любили они этотъ спортъ угощенія пѣвчихъ, что даже и это считали за пріятное,—Нѣтъ, ничего, ничего... Онъ у насъ отдохнетъ... У насъ есть такая комнатка...

— Какъ можно? Что вы? Развѣ можно безъ октавы? Безъ октавы невозможно!

— Такъ вѣдь все одно—онъ не пойдетъ! Чѣмъ же онъ пойдетъ, коли у него совсѣмъ ногъ нѣтъ? Сами посудите!

Ѳедоръ въ это время въ полуснѣ задвигалъ ногами въ доказательство того, что у него ноги есть. Но это движеніе ровно ничего не доказало, и его пришлось почти что снести въ ту маленькую комнатку, о которой говорили хозяева. Пиршество между тѣмъ подвигалось къ концу. У мальчиковъ блистали глаза, потому что любезные хозяева ежеминутно подливали намъ вино. Насъ разбиралъ безотчетный смѣхъ, и мы весело хохотали. На столѣ уже лежали горы пряниковъ и конфектъ и всякихъ лакомствъ, хозяева брали ихъ пригоршнями и наполняли наши карманы. Но наполнить ихъ было не легко, ибо эти карманы, придѣланные къ «парадамъ», были необъятны. Повидимому, они дѣлались спеціально для «поздравленій». По крайней мѣрѣ, былъ случай, что одинъ басъ, у котораго дома сидѣло голодное семейство изъ одиннадцати душъ (такая разсказывалась легенда), однажды, ходя съ поздравленіемъ, всадилъ въ карманъ своего «парада» цѣлый окорокъ, слегка только надъѣденный, и тихонько занесъ его домой...

Мы простились съ хозяевами дружески. Они упрашивали насъ сидѣть еще, но намъ предстояло длинное путешествіе. Когда мы вышли и о. Петръ подъ контролемъ о. Павла раскрылъ кулакъ правой руки, то въ немъ, въ дополненіе ко всему, оказалась еще красненькая.

— Вотъ ужъ поистинѣ гостепріимный хозяинъ! — сказали въ одинъ голосъ басы и тенора: — и не гордъ... Не то, что Парамоновъ! Требуетъ, чтобы къ нему прямо отъ губернатора шли, а самъ скаредничаетъ—двѣ трешницы далъ!

Тутъ же, на улицѣ, держали совѣтъ по одному очень щекотливому вопросу.

— А Ѳедоръ-то каковъ?! Не выдержалъ! Помоему, это прямотаки скотство! — говорилъ о. Петръ, дѣйствительно сильно разгнѣванный на Ѳедора. Съ его регентской точки зрѣнія хоръ безъ октавы въ самомъ дѣлѣ казался чѣмъ-то крайне недодѣланнымъ, несовершеннымъ, ну, вотъ все равно, что лошадь безъ четвертой ноги или обѣдъ безъ водки.

— Какъ же мы съ нимъ теперь будемъ? а?—спрашивалъ о. Павелъ, всегда очень ревнивый къ денежнымъ вопросамъ.

— На счетъ чего это?

— Да на счетъ части! Какую теперь ему часть можно дать? Что-жъ, онъ дошелъ до половины и забастовалъ!..

— Ну, что тамъ! Неужели высчитывать? Это неблагородно. Вѣдь это у него болѣзнь такая! Это не отъ его воли.

— Хороша болѣзнь! Полъ-бутыли выжралъ одинъ! А хотя бы болѣзнь, мнѣ какое дѣло? Помоему, справедливость требуетъ,

чтобы вычетъ сдѣлать... Съ какой стати мое добро будетъ пропадать! Вѣдь онъ все-одно пропьетъ!..

— Нѣтъ, я не согласенъ! Это неблагородно! — повторилъ о. Петръ.—Это со всякимъ человѣкомъ можетъ случиться!.. Сегодня съ Ѳедоромъ, а завтра съ вами, о. Павелъ... Да!..

— Ну, ужъ это извините! Скорѣй это съ вами случится, о. Петръ, а со мной ничего такого не можетъ случиться...

— Да будетъ, будетъ! Съ вами только начни разговоръ, ужъ вы сейчасъ и станете задирать! Вы извѣстнѣйшій задира!..

— И нисколько не задира, а извѣстно—всякій человѣкъ свой собственный интересъ соблюдаетъ. Помилуйте, я буду драть глотку до вечера, а онъ будетъ себѣ сладко спать, и ему столько же, сколько и мнѣ. За что? Нѣтъ, на это я не согласенъ!

Вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Но хищный о. Павелъ еще очень долго говорилъ объ этомъ, подходилъ то къ одному, то къ другому пѣвчему и агитировалъ въ томъ смыслѣ, чтобы непремѣнно Ѳедора обидѣть.

XII.

Дѣлёжка.

Впродолженіе трехъ первыхъ дней праздника насъ таскали по дворамъ и всюду мы пѣли одно и то же. Тяжеловѣсные «парады», казалось, все становились тяжелѣй и тяжелѣй, а на третій день они были уже просто невыносимы. И такъ какъ къ этому дню и обыватели были оставлены попроще, то многимъ изъ насъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, было разрѣшено ходить въ сюртукахъ. «Парады» красовались только на пятерыхъ мальчикахъ, причемъ для этого были выбраны самые захудалые, т. е. тѣ, у которыхъ голосъ былъ наисходѣ или и совсѣмъ его не было, какъ у Пичужки.

Бѣдный Пичужко едва волочилъ ноги, таская уже третій день тяжелыя нотныя тетради. Мнѣ было гораздо легче идти въ сюртукѣ, и я возобновилъ попытку раздѣлить его ношу.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ!—буквально простоналъ онъ:—о. Петръ увидитъ, прибьетъ меня...

— Ну, можетъ, какъ нибудь не увидитъ... Я подъ полой буду держать!...

Пичужко серьезно задумался надъ этимъ вопросомъ. Мнѣ было жаль смотрѣть на моего друга. Лице у него было истомлено и блѣдно. «Парадъ» тѣснилъ его со всѣхъ сторонъ, со лба катились крупныя капли пота. Онъ то и дѣло перекладывалъ тетради изъ одной руки въ другую: такъ руки его быстро уставали. Но, наконецъ, онъ рѣшился. Мы незамѣтно отстали отъ процессіи и, когда она повернула за уголъ, Пичужко передалъ мнѣ половину своихъ тетрадей, а я поспѣшно спряталъ ихъ подъ полу.

— Теперь немного легче! — сказалъ онъ: — да гляди, чтобы о. Петръ не запримѣтилъ...

Я, разумѣется, только объ этомъ и заботился. Но зоркіе глаза были у о. Петра.

— Это что тамъ у тебя подъ полой отдувается?—спросилъ онъ у меня, когда послѣ раздѣванья въ какомъ-то домѣ я недостаточно ловко пристроилъ свои тетради.

— Это такъ... подкладка подвернулась! — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ я, боясь бѣды для Пичужки.

— Ну, какая тамъ подкладка!? Разсказывай! Должно быть, стибрилъ гдѣ нибудь цѣлую колбасу? а?

Это оскорбительное предположеніе вызвало на лицѣ моемъ густой румянецъ. Тѣмъ обиднѣе это было, что оскорбленіе было высказано передъ цѣлымъ хоромъ и вызвало общій смѣхъ.

— Я не тибрилъ колбасы!...—отвѣтилъ я, тяжело дыша и глядя на регента исподлобья.

— Ну, такъ цѣлую индюшку, должно быть...

Смѣхъ усилился. Хористы были веселые люди и очень любили всякіе поводы посмѣяться. Но въ то время, какъ меня такимъ образомъ травили, выступилъ Пичужко и самоотверженно заявилъ:

— Это не колбаса и не индюшка, о. Петръ!... Это онъ помогаетъ мнѣ нести ноты...

— Что-о? Ноты? Это почему?

— Ему очень тяжело. У него совсѣмъ руки замлѣли!... — объяснилъ я.

— Ха, ха! Вотъ нѣжности! Скажите, пожалуйста! Руки замлѣли!... Да что же ему больше дѣлать, если онъ нотъ не будетъ носить? Голосъ у него гусиный, и я не знаю, за что его въ хорѣ держать... Отдай ему ноты! А ты не нѣжничай, Пичужко!... Вотъ выдумки!..

Я долженъ былъ отдать тетради Пичужкѣ, который безропотно взялъ ихъ и опять, пыхтя и обливаясь потомъ, заковылялъ, какъ-то особенно нагибаясь впередъ и въ бокъ.

Въ этотъ день наше хожденіе кончилось раньше, чѣмъ въ предыдущіе, и ходили мы какъ-то вяло. Съ одной стороны столь однообразное занятіе всѣмъ надоѣло (насъ, мальчиковъ, оно и вовсе не прельщало), а съ другой—наши руководители не видѣли особеннаго интереса. Общая касса пополнялась слабо, потому что даянія были незначительны. «Больше изъ чести ходимъ», — говорили тенора и басы. Но и не ходить тоже нельзя было. Лица, которыхъ мы посѣщали въ этотъ день, были или знакомые регента и другихъ вліятельныхъ пѣвчихъ, или обѣднѣвшіе богачи, прежде платившіе щедро.

Часовъ въ шесть вечера мы уже пришли домой. До послѣдней степени усталые, мы тотчасъ же растянулись на своихъ жесткихъ кроватяхъ и предались отдохновенію. Наша праздничная роль была

окончена. Взрослымъ пѣвчимъ еще предстояло произвести дѣлежъ добычи, до насъ же это совсѣмъ не касалось.

Я лежалъ молча, погруженный въ мысли, которыхъ теперь не помню, но, должно быть, то были очень мрачныя мысли восьмилѣтняго мальчугана, послѣ трехдневнаго глупаго шаганья по городу и дранья глотки. Эти три дня праздника, на которые я привыкъ дома смотрѣть, какъ на самые отрадные дни въ моей жизни, были для меня самыми тяжкими рабочими днями. Ничего, кромѣ тяжести въ головѣ, ломоты въ утомленныхъ ногахъ и какой-то безысходной горечи въ сердцѣ, не ощущалъ я. Мнѣ хотѣлось плакать, кусать подушку, биться головой объ стѣну. И никогда въ жизни я не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, одинокимъ, брошеннымъ и обиженнымъ.

Въ комнатѣ былъ полумракъ, сумерки сгустились, но лампу не зажигали. Было положено, не взирая ни на какія показанія календаря, зажигать лампу въ девять часовъ. Въ обычные дни эти сумрачные часы мы проводили во дворѣ, бѣгая въ запуски вокругъ развалинъ стараго дома, но теперь было не до того. Быть можетъ, не одинъ я жалѣлъ о пропавшемъ праздникѣ, но и всѣ мои товарищи въ это время томились тѣмъ же чувствомъ. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ заснули глубокимъ сномъ въ тотъ моментъ, когда легли на кровати. Не надо забывать, что иные пили вино вмѣстѣ съ взрослыми, которымъ доставляло какое-то особенное удовольствіе видѣть посоловѣлые глазки на дѣтскомъ лицѣ.

Кто-то прикоснулся рукой къ моей головѣ и сѣлъ на мою кровать. Я догадался и тотчасъ же убѣдился, что это Пичужко.

— Ты не спишь? — спросилъ онъ меня.

— Гдѣ тамъ?!—какимъ-то тономъ безнадежнаго отчаянья отвѣтилъ я. — Праздникъ пропалъ, совсѣмъ пропалъ!

— Э, что!... Я привыкъ!... Я уже и не помню, когда у меня былъ праздникъ! Я такъ смотрю: что для пѣвчаго праздникъ-то и есть самая каторга... Съ вечера надо отпѣть всенощную, это— съ шести до одиннадцати, а на другой день съ девяти да до часу на голодный желудокъ — обѣдня, а тамъ еще вечерня... Вотъ онъ нашъ праздникъ. Да еще ноты таскать. Вѣдь я всегда ноты таскаю, каждую субботу и каждое воскресенье изъ архіерейскаго дома да въ соборъ. Отъ этого у меня въ рукахъ какое-то дрожаніе сдѣлалось, и я никакъ не могу ровно писать научиться. Все какія-то дрожащія каракульки выходятъ. Нѣтъ, ежели-бъ не нужда, лучше бы въ бурсѣ жить, чѣмъ тутъ... Еще слава Богу, что архіерей меня любитъ, а то я не знаю, что они со мной сдѣлали бы... Экономъ меня въ водовозную тачку запрягалъ бы. Онъ меня терпѣть не можетъ...

— За что?

— За то, что архіерей любитъ. Такъ и называетъ меня «любимчикъ»... Послушай, да ты не вѣшай носъ. Что за охота?

— Праздникъ пропалъ... Праздника мнѣ жаль! — повторилъ я и почувствовалъ, что слезы подступаютъ у меня къ горлу и дрожатъ въ голосѣ.

— Да вѣдь мы завтра ѣдемъ! — сказалъ Пичужко.

Послѣ этого восклицанія я вдругъ оживился, словно то, что сказалъ мой другъ, было для меня новостью. Правда, отъ усталости, огорченія и какого-то отупѣнія я почти забылъ объ этомъ или, по крайней мѣрѣ, не думалъ. Но, когда Пичужко напомнилъ мнѣ о завтрашнемъ отъѣздѣ, мои мысли приняли вдругъ самое веселое направленіе. Вся домашняя обстановка со всѣми мельчайшими подробностями разомъ встала въ моемъ воображеніи, сердце забилось радостно, голова посвѣжѣла, и я уже не ощущалъ никакой усталости. Я поднялся съ кровати.

— Знаешь что?—промолвилъ Пичужко и разсмѣялся.—Пойдемъ туда, къ спѣвочной!... я думаю, тамъ теперь какъ разъ самая драка происходитъ!...

— Какая драка? — спросилъ я.

— А обыкновенная драка. Вѣдь тамъ же дѣлятся...

— Кто дѣлится? — я сразу не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Басы и тенора! Ужъ это всегда дракой кончается, каждый годъ. О. Павелъ непремѣнно нападетъ на Ѳедора или съ самимъ отцомъ Петромъ сцѣпится! Ужъ это непремѣнно! Охъ, и жадный же этотъ о. Павелъ! Ты присмотрись, у него и глаза такіе, какъ у голодной собаки. Должно быть, онъ дома плохо ѣстъ, что ли!... Въ прошломъ году на Рождествѣ онъ съ о. Петромъ сцѣпился, да какъ! Другъ друга за косы... До архіерея дошло, и архіерей страшно разсердился, хотѣлъ обоихъ выгнать изъ хора, да они стали плакать... Простилъ. Пойдемъ! Я тебѣ говорю, что тамъ уже непремѣнно, если не дерутся, то ругаются!...

Нечего и говорить, что меня это очень интересовало. Посмотрѣть, какъ о. Павелъ и о. Петръ вцѣпятся другъ другу въ косы, да чего же лучше?

Мы вышли, спустились по невысокой деревянной лѣсенкѣ и прошли черезъ дворъ къ тому мѣсту, гдѣ одиноко стояло маленькое круглое зданіе съ куполомъ и со шпицомъ. Въ его широкія окна видѣнъ былъ тусклый свѣтъ. Подойдя поближе, мы могли различить фигуры пѣвчихъ. Большинство безучастно сидѣло за длиннымъ столомъ, ему, повидимому, было все равно, или же оно было увѣрено, что его мнѣніе не будетъ принято во вниманіе. О. Петръ сидѣлъ особнякомъ, то-есть за тѣмъ же столомъ, но около него съ обѣихъ сторонъ, какъ и во время спѣвокъ, образовалось пустое мѣсто. Онъ былъ красенъ, что-то убѣдительно говорилъ и стучалъ кулакомъ по столу. Его рыжіе волосы въ разныхъ мѣстахъ слипались отъ пота, который катился съ него градомъ, ряса и кафтанъ были разстегнуты, подъ ними была видна ситцевая рубашка

и отчасти волосатая грудь. Рѣчь его была обращена главнымъ образомъ къ о. Павлу, который шагалъ по спѣвочной и неистово размахивалъ головой и руками. Очевидно, онъ протестовалъ противъ чего-то. На общемъ фонѣ еще выдѣлялась почтенная фигура благообразнаго дьякона Синицкаго, перваго баса и солиста, обладавшаго необыкновенно мягкимъ, бархатистымъ голосомъ. У него былъ такой же мягкій и пріятный характеръ, какъ и голосъ. Ѳедоръ стоялъ въ сторонкѣ и смотрѣлъ на споривших съ выраженіемъ добродушнаго презрѣнія. Его взглядъ какъ бы говорилъ: «и о чемъ люди спорятъ, чего ради ссорятся? Все едино будетъ пропито во славу Божію!».

Споръ между тѣмъ касался его. Это было видно изъ того, что спорщики ежеминутно указывали на него взглядами. О. Петръ иногда обращался къ Синицкому, и тотъ начиналъ высказывать свое благоразумное мнѣніе, но о. Павелъ порывисто перебивалъ его, махалъ рукой и завладѣвалъ рѣчью.

Мы подошли къ самой двери и стали слушать.

— Да что вы говорите!—раздраженно восклицалъ о. Петръ:— что онъ тамъ лишнее выпилъ, эка бѣда! Онъ октавистъ, а октависту невозможно не пить, не такъ ли, господа?

— Не-воз-мож-но!—отвѣтилъ за всѣхъ самъ Ѳедоръ глубочайшей октавой. Многіе засмѣялись.

— Ежели онъ не будетъ выпивать, у него никакой октавы не будетъ, а что тогда преосвященный скажетъ? Преосвященный любитъ, чтобы въ хорѣ гудѣла октава...

— Гу-у-у! — прогудѣлъ Ѳедоръ, желая, очевидно, тутъ же на дѣлѣ показать, какъ въ хорѣ гудитъ октава.

— Такъ пускай преосвященный назначитъ ему особое жалованье на выпивку!—возразилъ о. Павелъ.—Пускай тогда и выпиваетъ, а не на мои деньги!...

— Однако, о. Павелъ, ежели ужъ на то пошло, то и съ вами это бывало. Помните, на похоронахъ купца Самолетова? Вы тогда въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ были пироги,—ну, да, у васъ тамъ экономка была знакомая,—нализались еще до выноса, а ужъ во время обѣдни-то, когда пришлось пѣть концертъ «Возведохъ очи мои», вы — ни бе, ни ме!... Пришлось мнѣ соло выдѣлывать... Ну, а деньги тогда раздѣлили такъ, какъ бы этого не было!...

— То совсѣмъ другое дѣло! То на похоронахъ! Какія тамъ деньги? По полтора рубля на брата пришлось,—эка деньги! А тутъ за двѣсти карбованцевъ сумма доходитъ, это совсѣмъ другой запахъ имѣетъ... Нѣтъ, я этого ни за что не дозволю. Дѣлите, какъ хотите, а я буду жаловаться...

— Кому? Неужто къ преосвященному пойдете?

— А что-жъ такое? А хотя бы къ преосвященному? Я по справедливости...

— А забыли, что было въ прошломъ году?...

— Въ прошломъ году вы, о. Петръ, ерепенились, оттого и вышло...

— Ну, какъ вамъ угодно. Я раздѣлилъ такъ,—и всѣ согласны, кромѣ васъ, о. Павелъ. Согласны, господа?

— Мы согласны! — отвѣтили пѣвчіе разомъ.

— Вотъ и превосходное дѣло. А вы, о. Павелъ, можете жаловаться... Посмотримъ, что вамъ отпоетъ преосвященный...

— Ишь, тоже хороши, нечего сказать!—злобно замѣтилъ о. Павелъ: — управились! Знаютъ, что къ преосвященному не пойду... Тоже народъ!...

— А не пойдете, зачѣмъ похваляетесь?

— А затѣмъ, что вы — свиньи, вотъ зачѣмъ! Назначили себѣ куши...

— Какіе куши? Что вы говорите, о. Павелъ? Нѣтъ, вы потише, пожалуйста! Вы не завирайтесь!...

— Нѣтъ, вы потише!... Вы же себѣ взяли вдвое больше, чѣмъ мнѣ, напримѣръ... Извѣстно, вамъ выгодно!

— «Постой, постой, драка-то еще будетъ! — шепнулъ мнѣ Пичужко:—а я уже думалъ, что такъ обойдется».

— Такъ вѣдь я же регентъ, кажется? Значитъ же это что нибудь! — горячо возразилъ о. Петръ.

— Эка важность—регентъ! Подумаешь, какая мудрость рукой махать! Глотку драть, я думаю, тоже не легко!...

— А вотъ я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ вы будете рукой махать! Угодно вамъ? Хорошо. Я завтра же скажу преосвященному, что вотъ, молъ, о. Павелъ желаетъ регентомъ быть! Угодно? Чтò-жъ вы молчите, о. Павелъ? Ага! Рукой махать надо умѣючи. А вы въ теноровой партіи, ежели что новенькое, лапти плетете!... Надоѣли вы мнѣ, о. Павелъ, вотъ какъ надоѣли! Вѣчно-то вы грызетесь да попрекаете... И вотъ, клянусь вамъ Богомъ, слово еще скажите, и я, — вотъ пусть всѣ будутъ свидѣтелями, — завтра же отъ регентства откажусь... И пускай преосвященный, какъ хочетъ, гнѣвается, пускай въ деревню меня ссылаетъ... Я или вы!... Вотъ что! Господа, получите!...

О. Павелъ больше не спорилъ. Угроза подѣйствовала, потому что ничего такъ не боялся онъ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ архіерея. Мы отошли отъ двери и стали противъ окна, чтобъ видѣть, какъ раздаютъ деньги. Руки пѣвчихъ протягивались къ о. Петру и получали кредитныя бумажки, а лица выражали полное удовольствіе. Получилъ свою порцію и Ѳедоръ. Онъ потрясъ бумажками въ воздухѣ и изрекъ что-то, должно быть, очень потѣшное, потому что весь хоръ, за исключеніемъ о. Павла, засмѣялся.

Черезъ минуту мы отошли подальше къ развалинамъ стараго дома, потому что и пѣвчіе начали выходить изъ «спѣвочной», по-

спѣшно направляясь къ воротамъ. Было уже темно, но Өедоръ, который шелъ неторопливо, замѣтилъ насъ и подошелъ къ намъ.

— Эй, Пичуга!—какъ-то таинственно моргая бровями, произнесъ онъ:—приходи ко мнѣ завтра, я тебя орѣхами и изюмомъ угощу!.. Видишь, деньги есть! И ты приходи, мелюзга!—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Мы завтра ѣдемъ!—отвѣтилъ Пичужко.

— Куда такое? Въ Парижъ, что ли?

— Нѣтъ, а вотъ къ нему. Онъ меня беретъ!..

— А-а! Это отлично! Такъ онъ, значитъ, славный парень! Ну, послѣ приходи, когда пріѣдешь... Ладно? Орѣхи съ изюмомъ, а!? Вѣдь ты любитель этого!..

— Да вы къ тому времени все уже пропьете, Өедоръ!—сказалъ Пичужко.

— Гм!..—подумавъ, произнесъ Өедоръ:—что правда, то правда! Ахъ, и шельма же ты, Пичуга! Какой сообразительный!

И Өедоръ вслѣдъ за другими удалился.

XIII.

Волненія моего друга.

На другой день я всталъ часовъ въ семь. Я имѣлъ полную возможность спать дольше, потому что не предстояло идти ни въ церковь, ни въ школу, но гдѣ тутъ было спать, когда въ этотъ день долженъ былъ пріѣхать Антонъ на парѣ нашихъ деревенскихъ лошадей. Я проснулся уже давно, но такъ какъ было еще темно, то я валялся въ постели. Первымъ долгомъ я, разумѣется, пошелъ будить Пичужку, но, къ моему изумленію, нашелъ постель его пустой. Я рѣшительно не понималъ, что̀ бы это могло значить. Зачѣмъ Пичужкѣ вставать такъ рано? Какія такія у него дѣла? И ужъ у меня явилось ревнивое подозрѣніе насчетъ того, нѣтъ ли у него какихъ нибудь тайнъ отъ меня, а въ особенности—не подружился ли Пичужко съ кѣмъ нибудь изъ другихъ моихъ товарищей. Меня это очень безпокоило, потому что я дорожилъ дружбой этого мальчика, единственнаго, съ кѣмъ я сошелся и съ чьей стороны видѣлъ теплое и искреннее отношеніе.

Я наскоро одѣлся и вышелъ за ворота поглядѣть, не пріѣхалъ ли Антонъ. Тутъ я замѣтилъ небольшую сѣрую фигуру, которая медленно ковыляла вдоль желѣзной рѣшетки взадъ и впередъ.

— Пичужко? Что ты тутъ дѣлаешь?—воскликнулъ я.

Пичужко удивился мнѣ еще больше, чѣмъ я ему.

— А ты уже всталъ?—спросилъ онъ и, какъ мнѣ показалось, былъ недоволенъ тѣмъ, что я всталъ.

— Ну, такъ что же, что я всталъ?

— Да ничего... Видишь, я выглядываю...

— Кого?

— Выглядываю твоихъ лошадей... я думалъ, ты будешь спать, я первый увижу и этой вѣстью разбужу тебя. А ты всталъ...

Я понялъ, откуда происходило его разочарованіе. Онъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ. Мнѣ показалось, что онъ какъ-то особенно взволнованъ. Щеки его были румяны, тогда какъ обыкновенно онѣ отличались блѣдностью, глаза блестѣли.

— Ахъ, ты не повѣришь, какъ мнѣ не терпится! Ой, какъ не терпится!...—восклицалъ онъ, глядя въ улицу, откуда по его разсчету должны были появиться наши лошади.—Ты знаешь... Да нѣтъ, вѣдь ты понять не можешь...

— А что такое, Пичужко?

— Да то, братъ, что я уже и не помню, когда видѣлъ поле, садъ, деревню!.. Вотъ ты послушай, какъ у меня сердце бьется!..

Онъ взялъ мою руку и приложилъ къ своей впалой худосочной груди. Дѣйствительно, сердце у него сильно билось, а рука была горяча.

— Я, братъ, съ тѣхъ поръ, какъ меня привезли въ бурсу, никуда не ѣздилъ, все здѣсь торчу. Вѣдь у меня никого нѣтъ... А люблю я степь, какъ рыба любитъ воду! Стой, стой!

Онъ на минуту прислушался и потомъ вдругъ запрыгалъ самымъ веселымъ образомъ. Показалась наша бричка, запряженная парой лошадей съ подвязанными хвостами, и на высокихъ козлахъ сидѣлъ Антонъ, божественный Антонъ, представлявшій въ своей особѣ для насъ всѣ тѣ прелести деревенской свободы, которыя насъ ожидали.

Бричка подкатила къ воротамъ; обыкновенно серьезный и даже угрюмый Антонъ улыбался и какъ-то заманчиво шевелилъ усами. Пичужко страшно заволновался.

— Какъ ты думаешь, намъ нечего ждать, пока экономъ проснется? Вѣдь мы отпущены? а?—спрашивалъ онъ, сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе уѣхать.

Я колебался. Экономъ не былъ строгъ, но любилъ, чтобы обо всемъ у него спрашивались. Пожалуй, за это самовольство намъ потомъ достанется. Эту мысль я выразилъ Пичужкѣ.

— Э, да мнѣ теперь все равно!—восклицалъ онъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ.—Что будетъ потомъ, и увидимъ потомъ! Онъ, пожалуй, проспитъ до двѣнадцати часовъ. Вчера, кажись, они съ Иваномъ Яковлевичемъ до полуночи чай съ ромомъ тянули!...

— Приказали сундукъ привезти и торбу,—сказалъ Антонъ.

Пичужко побѣжалъ въ припрыжку и мигомъ притащилъ мой сундукъ и торбу, ту самую знаменитую торбу, въ которой привозили мнѣ изъ деревни всякія вкусныя вещи. Онъ всячески хотѣлъ ускорить отъѣздъ.

— Велѣно еще въ лавку заѣхать, голову сахару взять и фунтъ кофію...—спокойно сообщилъ Антонъ.

На лицѣ Пичужки выразилась досада; все это казалось ему помѣхой счастью. Но онъ ничего не могъ возразить противъ головы сахару и фунта «кофію». Когда все было готово, я, всетаки, обнаружилъ нерѣшительность: можно ли ѣхать, не сказавшись эконому, нашему единственному ближайшему начальнику и воспитателю.

Пичужко негодовалъ, но не могъ поколебать меня. Я боялся не столько за себя, сколько за него. Экономъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, да, кромѣ того, у меня былъ голосъ и разныя другія пѣвческія достоинства. У Пичужки же ничего этого не было, и онъ могъ поплатиться серьезно.

Но вдругъ лице моего друга оживилось. Онъ указалъ мнѣ взглядомъ во дворъ.

— Гляди, гляди! Преосвященный вышелъ!

Я взглянулъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ архіерея. Онъ вставалъ рано и въ восьмомъ часу обыкновенно гулялъ по длинному корридору, а въ хорошую погоду выходилъ и во дворъ. На немъ былъ темно-сѣрый касторовый полукафтанъ съ мѣховой опушкой на краяхъ, на головѣ котиковая шапочка въ формѣ скуфьи, а на ногахъ высокія мѣховыя туфли. Онъ сходилъ со ступенекъ, держа въ одной рукѣ свою кипарисовую палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, а въ другой — цвѣтной платочекъ съ какимъ-то содержимымъ. Завидѣвъ его, къ нему со всѣхъ сторонъ мчалась всякаго рода птица, хлопая крыльями и издавая разнообразные звуки. Архіерей съ благодушнымъ, почти умильнымъ выраженіемъ лица разсыпалъ имъ кормъ, и при этомъ обращался къ своимъ любимцамъ съ поощрительными словами:

— Ну, ну! Обжорливый, обжорливый! Будетъ съ тебя, уступи другому! А ты что зѣваешь? а? Ахъ, ты—слабенькій! Видишь, ничего тебѣ и не досталось! Ахъ, ахъ! И птицы, какъ и люди! Кто посильнѣе, тотъ и урвалъ... Общій законъ! общій законъ! Господи, помилуй!...

— Знаешь что?—шепнулъ мнѣ Пичужко:—когда онъ кончитъ кормить птицъ, мы подойдемъ къ нему и возьмемъ благословеніе, да кстати и попросимся у него. Ужъ онъ навѣрно скажетъ: «Съ Богомъ, друзья мои, съ Богомъ!». Онъ всегда такъ говоритъ. Ну, а потомъ, въ случаѣ экономъ взбѣсится, мы ему: насъ преосвященный отпустилъ и благословилъ насъ!

Хотя архіерей былъ завѣдомо добръ къ намъ, но я, всетаки, побаивался его, и меня всегда удивляло, что Пичужко не только не избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ, но даже какъ будто нарочно лѣзетъ. Тѣмъ не менѣе я согласился. Очень ужъ хотѣлось Пичужкѣ поскорѣе уѣхать.

Архіерей уже вытряхивалъ платокъ, давая этимъ знать своимъ питомцамъ, что больше корма у него нѣтъ.

— Ну, теперь пойдемъ. Это въ самый разъ!—сказалъ Пичужко и живо двинулся во дворъ, а я нерѣшительно слѣдовалъ по его стопамъ. Я никогда еще не видалъ Пичужку такимъ оживленнымъ и подвижнымъ. Не смотря на то, что предстояло такое серьезное дѣйствіе, какъ встрѣча и бесѣда съ самимъ архіереемъ, онъ не шелъ, а какъ-то подпрыгивалъ и рѣшительно весь двигался. Конечно, онъ не замѣчалъ этого, это происходило помимо его воли и выражало его душевное состояніе.

Онъ подошелъ къ архіерею какъ-то сразмаху и остановился передъ нимъ въ упоръ и, сложивъ руки—одну на ладонь другой, крестомъ, не просилъ, а, казалось, требовалъ благословенія.

— А, да это ты, философъ!—привѣтливо сказалъ архіерей:— что такъ рано всталъ? Не спится тебѣ, что ли? А я думалъ, послѣ этихъ вашихъ поздравленій вы всѣ безъ ногъ лежите! Охъ, не по душѣ мнѣ эти шатанья по домамъ, не по душѣ!.. Позорно это для духовнаго сословія, позорно!..

Архіерей давно уже возмущался обычаемъ хора ходить на праздникахъ по домамъ. Въ особенности онъ протестовалъ противъ того, что взрослые пѣвчіе таскали съ собой мальчугановъ. Нравы этихъ почтенныхъ лицъ были ему хорошо извѣстны, и отъ ихъ примѣра онъ не ждалъ ничего хорошаго для дѣтей. И былъ такой случай, что онъ запретилъ эти хожденія. Но пѣвчіе съ о. Петромъ во главѣ слезно взмолились. Они заявили, что таковъ древній обычай, и, кромѣ того, сослались на свое семейное положеніе и традиціонную скудость средствъ. Во имя своихъ дѣтей они просили не лишать ихъ этого заработка и не отмѣнять обычая, унизительность котораго освящена древностью. Архіерей, всегда становившійся втупикъ и опускавшій руки, когда дѣлались ссылки на семейное положеніе, сдался и отмѣнилъ свое рѣшеніе.

Послѣ Пичужки и я взялъ благословеніе. Мнѣ архіерей сказалъ:

— А ты все такой же маленькій? а? Что же ты не ростешь?

Я, разумѣется, ничего не отвѣтилъ и не потому только, что не зналъ причины, мѣшавшей мнѣ вырости, а главнымъ образомъ потому, что струсилъ. Но Пичужко и не думалъ трусить. Нимало не смущаясь, онъ заговорилъ прямо:

— Мы, ваше преосвященство, собираемся ѣхать!

— Куда это вы собираетесь ѣхать?

— Въ деревню, къ нему вотъ!.. Онъ беретъ меня!

— А-а! Вотъ какъ! Это хорошо. Хорошо и то, что онъ тебя беретъ, потому что ты сирота и бѣденъ. Значитъ, онъ добръ. Хорошо и то, что ты ѣдешь, философъ. Его матушка славные пироги дѣлаетъ, я пробовалъ ихъ... Ей-ей, славные пироги!..

Архіерей смѣялся. Это была правда, что онъ пробовалъ пироги издѣлья моей матушки, когда ѣздилъ по епархіи. Онъ и тогда очень хвалилъ ихъ. Я дивился только тому, что это такъ долго осталось у него въ памяти.

— Такъ ѣдете? Эге!—прибавилъ онъ, взглянувъ на ворота и замѣтивъ нашу бричку съ Антономъ:—да уже за вами и колесница прикатила! Ну, а о. Петръ отпустилъ?

— Отпустилъ!—отвѣтилъ Пичужко.

— А экономъ ничего не имѣетъ?

— Тоже отпустилъ!..

— А родители твои знаютъ, что ты его берешь?—обратился онъ уже ко мнѣ.

— Они даже сами хлопотали у о. Петра!—отвѣтилъ, всетаки, Пичужко, и при этомъ на губахъ его заиграла улыбка.

— Хлопотали? а? Это значитъ—индюка привезли? Ахъ, ты—философъ!.. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ поѣзжайте! Ты это ладно дѣлаешь, что дружишь съ нимъ! Пичужко добрый мальчикъ, добрый! у него добрые глаза!..

Онъ поблагословилъ насъ и отпустилъ. Мы бѣгомъ помчались за ворота, сѣли въ бричку и покатили.

Когда бричка наша проѣзжала мимо зданія бурсы, я взглянулъ на окна той комнаты, въ которой недавно жилъ, и увидалъ высунувшуюся въ форточку голову моего великодушнаго покровителя Остапова. Кажется, онъ узналъ нашу бричку и догадался о цѣли нашего путешествія. Онъ дѣлалъ мнѣ весьма выразительные знаки, которые я очень легко понялъ въ томъ смыслѣ, чтобъ я привезъ ему изъ деревни чего нибудь съѣстнаго. Въ эту минуту я такъ хорошо былъ настроенъ, что въ душѣ далъ себѣ слово непремѣнно привезти Остапову особую торбу съ саломъ и колбасами. Я воображалъ, какое это будетъ для него торжество и какъ умилится его сердце. Ничѣмъ нельзя было такъ тронуть сердце стараго изголодавшагося бурсака, какъ поднесеніемъ въ его полное распоряженіе торбы, наполненной сытной и вкусной живностью.

Мы заѣхали въ бакалейный магазинъ, гдѣ всегда забирали товары. Оказалось, что у Антона былъ въ голенищѣ сапога спрятанъ списокъ порученій, изъ котораго мы узнали, что «голова сахару и фунтъ кофію» были только самыми крупными представителями списка, оттого и засѣли въ головѣ Антона, но, кромѣ этого, надо было заѣхать еще въ нѣсколько мѣстъ и купить тысячу разныхъ мелочей; это не доставило ни малѣйшаго удовольствія моему другу Пичужкѣ, которому хотѣлось какъ можно скорѣе выѣхать на степной просторъ и вдохнуть всею своею захудалою грудью вольнаго воздуха. Но всеже онъ не злился, и досаду свою выражалъ добродушнымъ ворчаніемъ и даже посмѣивался.

А тутъ еще, какъ на бѣду, случилось неожиданное осложненіе. Одна изъ лошадей расковалась на переднія ноги; обѣ подковы какъ-то разомъ отлетѣли. Пришлось завернуть въ кузницу и тамъ провозиться цѣлый часъ. Очевидно, судьба, прежде чѣмъ допустить Пичужку къ блаженству, хотѣла провести его черезъ рядъ испытаній.

Но вотъ, наконецъ, мы выѣхали за городъ. Уже передъ нами открылась безконечная степь, покрытая тонкимъ слоемъ сѣроватаго подтаявшаго снѣга. Мѣстами изъ-подъ снѣга выглядываютъ причудливой формы черныя пятна; дорога влажная, колеса брички подымаютъ и подбрасываютъ кверху куски грязи; воздухъ тепловатый, сочный, свѣжій; Пичужко дышитъ всей грудью; я вижу, какъ онъ упивается этимъ воздухомъ, какъ глаза его горятъ, жадно обводя окрестность, а на щекахъ расцвѣтаютъ розы.

— Ахъ, какъ хорошо! Господи, какъ хорошо!—восклицаетъ онъ восторженнымъ, задыхающимся голосомъ:—и зачѣмъ только мы живемъ въ этихъ душныхъ комнатахъ, на кой чертъ мы зубримъ эту латынь, когда есть на свѣтѣ такая прелесть: смотри, какое небо, какое солнце! А вонъ, гляди, какая-то птица пролетѣла! Что это за птица? Какъ она вольно машетъ крыльями!..

— Да это ворона!—убійственно охлаждающимъ тономъ поясняетъ Антонъ, полуобернувшись къ намъ съ своихъ высокихъ козелъ.

— Ворона? Я ее расцѣловалъ бы!—восклицаетъ Пичужко, и хохочетъ, и прыгаетъ на своемъ мѣстѣ, и, кажется, въ то же время и плачетъ. По крайней мѣрѣ, глаза его полны слезъ и голосъ дрожитъ.

— Да что съ тобой, Пичужко?—спрашиваю я, недостаточно понимая его настроеніе.

Пичужко не отвѣчаетъ и продолжаетъ хохотать и прыгать. Только когда послѣ полуторачасовой ѣзды впереди показались оголенныя верхушки тополей и вербъ, а затѣмъ изъ-за нихъ выплыло и все наше село, онъ взялъ себя въ руки, сталъ сидѣть смирнѣе и вообще приготовился къ встрѣчѣ съ моими родными, которыхъ еще не зналъ.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЭТА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА [1].

II.

ЧИСЛО лицъ, тѣснившихся вокругъ поэта, было велико; перечислить ихъ всѣхъ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, невозможно, да и нѣтъ надобности, такъ какъ участіе ихъ въ дѣлѣ постановки и веденія драмы — темно иль ничтожно. Вполнѣ достаточнымъ будетъ, если я упомяну: генерала князя В. С. Голицына, который, по сказанію Н. П. Раевскаго [2]), до размолвки съ Лермонтовымъ въ началѣ іюля, былъ распорядителемъ на всѣхъ праздникахъ, устроиваемыхъ молодежью, князя С. В. Трубецкаго [3]), князя Шаховского, графа Ламберта, графа Толстаго, С. Д. Безобразова, И. П. Иваницкаго, К. В. Неклюдова, А. К. Арнольди, П. В. Волкова, Л. С. Пушкина [4]), Н. П. Раевскаго, Веригина, Манзея, Зельмица, Дмитревскаго, Сатина, Креницына, Лисаневича, Тутолмина, Бенкендорфа [5]) и декабристовъ Лорера и князя Валеріана Голицына. Все это были люди, принадлежавшіе къ избранному обществу или отличившіеся въ рядахъ боевыхъ кавказскихъ войскъ. Ихъ соединяли семейныя петербургскія связи, боевое товарищество или давнее знакомство. Всѣ они пріѣхали въ Пятигорскъ, чтобы отдохнуть, по-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVII, стр. 427.

[2]) «Нива», 1885 года, № 1.

[3]) Квартировавшаго вмѣстѣ съ княземъ А. И. Васильчиковымъ.

[4]) Брата поэта А. С. Пушкина.

[5]) Сына шефа жандармовъ.

жить, освѣжиться и запастись новыми силами для службы отчизнѣ въ канцеляріяхъ или на полѣ брани. Всѣ они ежедневно сталкивались у источниковъ, на бульварѣ или у знакомыхъ, обмѣнивались полученными изъ столицъ или съ мѣстъ служенія послѣдними новостями, толковали о повышеніяхъ, наградахъ и переводахъ и спѣшили воспользоваться всѣми тѣми удовольствіями, которыя могла предоставить имъ «водяная жизнь».

На первомъ планѣ, конечно, стояли дамы. Но пріѣзжихъ дамъ избраннаго общества было очень мало. Въ Пятигорскѣ втеченіе всего сезона жила только одна княгиня Эристова изъ Тифлиса, дама Бальзаковскаго типа, да семейство какого-то тайнаго или полутайнаго совѣтника Полуэктова, состоявшее изъ старушки матери и двухъ перезрѣлыхъ дочерей, дѣвицъ анемичныхъ и золотушныхъ. Появлялись, впрочемъ, у источниковъ нѣсколько пріѣзжихъ помѣщицъ,—барынь дебелыхъ, толстыхъ и красныхъ, но всѣ онѣ чрезъ нѣсколько дней перекочевывали, по совѣту врачей, на другія группы водъ—въ Желѣзноводскъ или Кисловодскъ, и пятигорскіе гости поневолѣ должны были довольствоваться дамами мѣстнаго общества.

Наибольшимъ гостепріимствомъ изъ мѣстнаго общества отличались дома Марьи Ивановны Верзилиной и Екатерины Ивановны Мерлини. Оба они посѣщались пріѣзжей аристократіей, но въ первомъ, «у ногъ трехъ грацій», свила себѣ гнѣздышко молодежь, а во второмъ—«у прекрасной кисловодской героини», «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», ютились болѣе положительные и солидные люди. Въ первомъ влюблялись, шалили, смѣялись и плясали, во второмъ—тонировали, пикировались и убивали время въ нескончаемыхъ разговорахъ, прогулкахъ и кавалькадахъ за городъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ все это маленькое общество объединялось, устроивался какой нибудь общественный балъ, праздникъ, фестиваль, и всѣ члены кружка проводили время вмѣстѣ и веселились какъ могли [1]).

---

[1]) П. А. Висковатовъ, въ своей біографіи Лермонтова (стр. 395), говоритъ, что пятигорское общество подраздѣлялось на «пріѣзжую аристократію», «смѣшанное общество», «мѣстное болѣе аристократическое» и «мѣстное менѣе аристократическое общество». Но такого подраздѣленія признать нельзя. Вся пріѣзжая аристократія, какъ видно изъ приведеннаго выше списка лицъ, окружавшихъ поэта, ограничивалась четырьмя-пятью лицами. Прочіе же были просто служащіе дворяне и только по отношенію къ болѣе неразвитымъ слоямъ общества, именно «l'armée russe», какъ называлъ Лермонтовъ простыхъ кавказскихъ воиновъ, они, по своему внѣшнему лоску и виду, могли казаться аристократіей Что же касается мѣстной аристократіи, то ея совсѣмъ не было. Изъ общей сѣренькой массы чиновниковъ, офицеровъ и казаковъ выдѣлялись два дома генераловъ Верзилина и Мерлини, но ихъ нельзя считать аристократическими: это были дома выслужившихся офицеровъ. Поэтому все пятигорское общество, пріѣзжее и мѣстное, можетъ быть подведено подъ одно общее для него названіе: «смѣшаннаго общества» (société melée). Далѣе П. А. Висковатовъ говоритъ, что мѣстное общество, особенно дамы, не сходились съ столичными гостями, что болѣе

Вотъ при какихъ благопріятныхъ условіяхъ начался пресловутый сезонъ 1841 года.

Лермонтовъ успѣвалъ быть вездѣ и всюду, но вечера предпочтительно проводилъ у Верзилиныхъ. Дочери Петра Семеновича [1]) славились своею красотою. Старшая Аграфена Петровна была уже помолвлена за ногайскаго пристава Дикова, а Эмилія и Надежда, въ особенности первая, считавшаяся «розой Кавказа» и «царицей водъ», привлекали, завлекали и увлекали толпившуюся въ ихъ гостиной молодежь.

По словамъ П. А. Висковатова, Лермонтовъ охарактеризовалъ Верзилинскихъ барышень такимъ шуточнымъ экспромптомъ:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь лежитъ въ пыли,
У дѣвицы же Nadine
Былъ поклонникъ не одинъ,
А у Груши цѣлый вѣкъ
Былъ лишь дикій человѣкъ [2]).

Здѣсь началась драма, и здѣсь разыгралась она такимъ печальнымъ эпизодомъ, какъ вызовъ на дуэль. Въ завязкѣ драмы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была, по обыкновенію, женщина, а въ развязкѣ—завистники и ненавистники поэта. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Верзилинскіе вечера привлекали всѣхъ и все, что было молодо, остроумно, представительно и жаждало жизни и веселья. Здѣсь собирались запросто, сюда шли, какъ говорится, на огонекъ, безъ приглашеній, въ надеждѣ встрѣтить кого нужно и провести вечеръ по душѣ. Кромѣ самихъ «трехъ грацій» хозяекъ, на вечерахъ бывали дѣвицы: Озерская, Быховецъ, Лебединская, Зельмицъ и др. У каждой изъ нихъ, конечно, имѣлись свои поклонники, и всѣ сходились здѣсь и «убивали вечера» весело и непринужденно. Главнѣйшей забавой были танцы подъ фортепіано, за которое садились дѣвицы и кавалеры по желанію или по неимѣнію ангажемента для танцевъ. Въ антрактахъ пѣли, рисовали, играли въ фанты, въ

аристократическое мѣстное общество было въ антагонизмѣ съ пріѣзжей аристократіей, оберегало права свои и ревниво не уступало своихъ кавалеровъ. Здѣсь уже положительно нельзя понять, о комъ идетъ рѣчь, какія дамы не сходились съ столичными гостями, кто проявлялъ антагонизмъ, какія оберегалъ права и кому ревниво не уступались кавалеры. Все это тайна, извѣстная только почтенному біографу и требующая разъясненій, такъ какъ въ дѣйствительности, кажется, ничего подобнаго и не происходило. Была, правда, ссора у генеральши Мерлини съ кн. Эристовой изъ-за Пьера Волкова, но тутъ оберегала свои права и не уступала кавалера пріѣзжая княгиня, а не «мѣстная аристократка», и подобный единичный случай едва ли справедливо обобщать и характеризовать имъ все общество. Впрочемъ, все это не имѣетъ никакого отношенія къ послѣднимъ днямъ жизни поэта и можетъ быть вполнѣ игнорировано.

[1]) Падчерица Эмилія, по молвѣ, тоже считалась его дочерью.

[2]) Намекъ на ея жениха Дикова.

жмурки, въ кошку-мышку, или выходили въ садъ, бѣгали въ горѣлки, играли въ серсо и др. игры. Иногда всѣмъ обществомъ ходили на прогулку и составляли кавалькады для поѣздки за городъ, въ нѣмецкую колонію Каррасъ, расположенную верстахъ въ семи отъ Пятигорска, по Желѣзноводской дорогѣ, или на Перкальскую скалу, на одномъ изъ склоновъ Машука.

Лермонтовъ, всегда веселый, внимательный и услужливый, былъ душой общества. Онъ дирижировалъ удовольствіями и часто самъ принималъ въ нихъ участіе. Его разговоръ былъ занимателенъ, анекдоты смѣшны, шутки остры. О жизни на водахъ, по словамъ Н. П. Раевскаго [1]), велся точный отчетъ, въ видѣ «альбома приключеній», куда молодежь зарисовывала все: ея кавалькады, пикники и каррикатуры на «водяное общество». Лермонтовъ бойко рисовалъ, и часто, утомленный треволненіями дня, садился за альбомъ и воспроизводилъ въ немъ свои живыя эпиграммы, не давая въ нихъ пощады никому. Однажды, по разсказу Эмиліи Шанъ-Гирей [2]), Надежда Петровна, сестра ея, стала просить Михаила Юрьевича написать ей что нибудь въ альбомъ. Какъ онъ ни отговаривался, его не слушали, окружили всей толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: «пишите!». И написалъ онъ слѣдующую шутку-экспромптъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежно
Надъ шейкою нѣжно...
На поясѣ ножъ.
C'est un vers qui cloche [3]).

Потомъ онъ нарисовалъ ей же въ альбомъ курда [4]). Все это цѣло и теперь у ея дочери.

Князь А. И. Васильчиковъ говорилъ П. А. Висковатову [5]), что въ Лермонтовскихъ каррикатурныхъ набросках Мартыновъ игралъ главную роль. Онъ помнилъ, напримѣръ, сцену, гдѣ Мартыновъ верхомъ въѣзжаетъ въ Пятигорскъ. Кругомъ восхищенныя и по-

---

[1]) «Нива», 1885 года, № 7.

[2]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[3]) Экспромтъ этотъ переданъ не вполнѣ точно. Стихъ «разобранъ вашъ рядъ» не имѣетъ риемы, а Лермонтовъ, какъ извѣстно, «хромыхъ стиховъ» не писалъ. Въ варіантѣ этого экспромта, сообщеннаго Н. П. Раевскимъ («Нива», 1885 года, № 7), есть дополнительный стихъ: «И букли назадъ». А вмѣсто «локона» говорится: «Платочекъ небрежно подъ шейкою нѣжной завязанъ узломъ». Что же правильнѣе? Мнѣ кажется, что П. А. Висковатову, прежде чѣмъ помѣщать искалѣченный экспромптъ въ «Полное собраніе сочиненій» поэта (томъ I, стр. 348), слѣдовало бы свѣрить его съ подлинникомъ, находящимся, какъ заявила г-жа Шанъ-Гирей, у дочери Надежды Петровны.

[4]) По другимъ отзывамъ, не курда, а Мартынова въ изступленіи.

[5]) Біографія М. Ю. Лермонтова, стр. 403 и 404.

раженныя его красотою дамы. И въѣзжающій герой, и пораженныя его красотою дамы были замѣчательно похожи. Подъ рисункомъ была подпись: «Monsieur le poignard faisant son entrée à Piatigorsk». Въ альбомѣ же можно было видѣть Мартынова, огромнаго роста, съ огромнымъ кинжаломъ отъ пояса до земли, объясняющагося съ миніатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на поясѣ которой рисовался маленькій кинжальчикъ. Комическую подпись князь А. И. Васильчиковъ не помнилъ. Изображался Мартыновъ часто на конѣ. Онъ ѣздилъ плохо, но съ претензіей, изгибаясь. Былъ рисунокъ, на которомъ Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая кинжаломъ, сидя въ полуоборотъ на лошади, поворачивающей вспять. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ: «Мартыновъ положительно храбрецъ, но только плохой ѣздокъ, и лошадь его боится выстрѣловъ. Онъ въ этомъ не виноватъ, что она ихъ не выноситъ и скачетъ отъ нихъ». Помню,—разсказывалъ Васильчиковъ,—и себя, изображеннаго Лермонтовымъ, длиннымъ и худымъ посреди бравыхъ кавказцевъ. Поэтъ изобразилъ тоже самого себя маленькимъ, сутуловатымъ, какъ кошка вцѣпившимся въ огромнаго коня, длинноногаго Монго-Столыпина, серьезно сидѣвшаго на лошади, а впереди всѣхъ красовавшагося Мартынова, въ черкескѣ, съ длиннымъ кинжаломъ. Все это гарцовало передъ открытымъ окномъ, вѣроятно, дома Верзилиныхъ. Въ окнѣ были видны три женскія головки. Лермонтовъ, дававшій всѣмъ мѣткія прозвища, называлъ Мартынова: «le sauvage au grand poignard», или «montagnard au grand poignard», или просто: «monsieur le poignard». Оно довелъ этотъ типъ до такой простоты, что просто рисовалъ характерную кривую линію да длинный кинжалъ, и каждый тотчасъ узнавалъ, кого онъ изображаетъ. Обыкновенно наброски разсматривались въ интимномъ кружкѣ, и такъ какъ тутъ не щадили сами составители ни себя, ни друзей, то было неудобно сердиться, и Мартыновъ затаивалъ свое недовольство. Однако бывали и такія каррикатуры, которыя не показывались. Это болѣе всего бѣсило Мартынова. Однажды онъ вошелъ къ себѣ, когда Лермонтовъ съ Глѣбовымъ съ хохотомъ что-то разсматривали или чертили въ альбомѣ. На требованіе вошедшаго показать, въ чемъ дѣло, Лермонтовъ захлопнулъ альбомъ, а когда Мартыновъ, настаивая, хотѣлъ его выхватить, то Глѣбовъ здоровою рукою отстранилъ его, а Михаилъ Юрьевичъ, вырвавъ листокъ и спрятавъ его въ карманъ, выбѣжалъ. Мартыновъ чуть не поссорился съ Глѣбовымъ, который тщетно увѣрялъ его, что каррикатура совсѣмъ къ нему не относилась.

Разъ, въ казино, по разсказу Куликовскаго, послѣ игры молодежь ужинала. Разговоръ коснулся Мартынова, кто-то изъ кавказцевъ въ защиту его какой-то неловкости замѣтилъ: «ну, что вы хотите, господа, вѣдь онъ не Соломонъ же у насъ». Лермонтовъ не выдержалъ, всталъ со стула и сказалъ внушительно:

«Онъ правъ! Нашъ другъ Мартышъ не Соломонъ,
«Но Соломоновъ сынъ,
«Не мудръ, какъ царь Шалима, но уменъ,
«Умнѣй, чѣмъ жидовинъ.
«Тотъ храмъ воздвигъ, и сталъ извѣстенъ всѣмъ
«Гаремомъ и судомъ,
«А этотъ храмъ, и судъ, и свой гаремъ
«Несетъ въ себѣ самомъ».

Неистовое «браво, браво! Михаилъ Юрьевичъ!» покрыло эту характеристику отсутствовавшаго соперника.

Марья Ивановна Верзилина тоже была не прочь посмѣяться, слушая разсказы Михаила Юрьевича, и для того просила его иногда разсказать ей что нибудь. Въ собенности ее интересовало, если она могла услышать что нибудь о соперницѣ своихъ дочерей, генеральшѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мерлини. Зная такую слабость почтенной атаманши, Лермонтовъ не скупился на импровизаціи. Вотъ одна изъ такихъ импровизацій, записанная В. И. Чиляевымъ со словъ Глѣбова.

«Слишкомъ мѣсяцъ у Мерлини
«Разговоръ велся одинъ:
«Что творится у княгини [1]),
«Здравъ ли вѣрный паладинъ.

«Но съ недѣлю у Мерлини
«Перемѣна—рѣчь не та,
«И вкругъ имени княгини
«Обвилася клевета.

«Пьеръ [2]) обѣдалъ у Мерлини,
«Ѣздилъ съ ней въ Шотландку разъ,
Не понравилось княгинѣ,
«Вышла ссора за Каррасъ.

«Пьеръ отрекся... и Мерлини,
«Какъ тигрица, взбѣшена,
«Въ замкѣ храброй героини,
«Какъ предъ штурмомъ, тишина».

Особенно смѣялась Марья Ивановна, когда онъ разсказывалъ ей о какомъ-то калужскомъ помѣщикѣ, который привезъ на воды трехъ дочерей, съ цѣлью выдать ихъ замужъ за кавказскихъ офицеровъ, и, не найдя имъ жениховъ, бросилъ ихъ и уѣхалъ домой одинъ. Разсказъ этотъ Михаилъ Юрьевичъ закончилъ такъ:

«Онъ мѣтилъ въ умники, попался въ дураки,
«Ну, стоило ли ѣхать для того съ Оки!»

Нѣкоторые біографы поэта заявили, что Лермонтовъ и Мартыновъ ухаживали за Надеждой Петровной, младшей дочерью П. С.

---

[1]) Эристовой.
[2]) П. В. Волковъ.

Верзилина. Но это не вполнѣ вѣрно. Ухаживалъ за ней одинъ Мартыновъ, и то только въ началѣ сезона. Лермонтовъ же съ перваго дня появленія въ домѣ Верзилиныхъ оцѣнилъ по достоинству красоту Эмиліи Александровны и сталъ за ней ухаживать. Марья Ивановна отнеслась къ его ухаживанію за ея старшей дочерью съ полной благосклонностью, да и сама m-lle Эмилія была не прочь поощрить его искательство. В. И. Чиляевъ положительно удостовѣрялъ, что она сначала была даже слишкомъ благосклонна къ Михаилу Юрьевичу. Все было сдѣлано съ ея стороны, чтобы завлечь «петербургскаго льва», не смотря на его некрасивость. Взглядъ ея былъ нѣженъ, бесѣда интимна, разговоръ коротокъ (она называла его просто Мишель), прогулки и tête-à-tête'ы продолжительны, и счастье, казалось, было ужъ близко... какъ вдругъ дѣвица перемѣнила фронтъ. Ея вниманіе привлекъ другой, болѣе красивый и обаятельный мужчина. Мужчина этотъ былъ Николай Соломоновичъ Мартыновъ. Не стѣсняясь его ухаживаніемъ за Надеждой Петровной, она быстро повела на него атаку, и онъ сдался. Ему стало совершенно ясно, что лучшей карьеры ему и не сдѣлать. Красавица жена и протекція тестя, бывшаго наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска [1]), могли поставить вновь на ноги его, отставнаго маіора, уволеннаго изъ службы за какую-то амурную исторію. И онъ, не задумываясь, подалъ ей руку, и антагонизмъ соперниковъ обострился. Было ли это сдѣлано съ цѣлью испытанія привязанности Михаила Юрьевича, или же съ намѣреніемъ подвигнуть его на рѣшительный шагъ, или же, наконецъ, просто по вѣтренности и сердечному влеченію къ красавцу Мартынову,—осталось тайною Эмиліи Александровны. Но фактъ предпочтенія Лермонтову Мартынова—фактъ непреложный: онъ заявленъ такимъ компетентнымъ и безпристрастнымъ лицомъ, какъ В. И. Чиляевъ.

Съ этого времени, именно съ конца іюня, и началось со стороны Лермонтова усиленное бомбардированіе эпиграммами и каррикатурами Мартынова и самое тонкое и любезное поддразниваніе m-lle Верзиліи, какъ онъ сталъ называть Эмилію, соединивъ въ этомъ названіи начало фамиліи ея отца «Верз» и конецъ ея имени «илія». Къ этому же времени относится и брошенная имъ по ея адресу эпиграмма:

«Зачѣмъ, о счастіи мечтая,
«Ее зовемъ мы: гурія?
«Она, какъ дѣва,—дѣва рая,
«Какъ женщина же—фурія».

---

[1]) П. А. Висковатовъ, въ біографіи Лермонтова (стр. 396), пишетъ, что Петръ Семеновичъ Верзилинъ находился въ это время въ Пятигорскѣ, но его не было: онъ находился въ Варшавѣ, и только одна Марья Ивановна съ дочерьми была дома.

Въ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ [1]) Эмилія Александровна говоритъ: «Онъ не ухаживалъ за мной, а находилъ особенное удовольствіе me taquiner. Я отдѣлывалась какъ могла, то шуткою, то молчаньемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ, это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. Повидимому, игра эта его забавляла просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспылила и сказала, что ежели бы я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что, наконецъ, вывелъ меня изъ терпѣнья, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго. Какъ-то разъ ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонію Каррасъ. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари à discrétion, что на обратномъ пути будетъ ѣхать рядомъ со мною, что ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ, онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари».

Нѣтъ сомнѣнія, что это все такъ и было, но относится ко второму періоду ея отношеній къ поэту, о томъ же, что было въ первомъ, — она не только благоразумно умалчиваетъ, но отъ всякаго намека на ея кокетство (чтобы не сказать болѣе) съ Лермонтовымъ открещивается и старается всѣми силами замести хвостомъ слѣды [2]). Впрочемъ, впослѣдствіи Эмилія Александровна, какъ заявляетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова [3]), сама сознавала свое легкомысліе, говоря: «Если бы тогда мы (разумѣй: я) смотрѣли на Михаила Юрьевича, какъ теперь,

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Въ тѣхъ «Воспоминаніяхъ» она пишетъ: «часто слышу я разсказы и разспросы о дуэли М. Ю. Лермонтова, не разъ приходилось и мнѣ самой отвѣчать и словесно, и письменно, даже печатно принуждена была опровергать ложное обвиненіе, будто я была причиною дуэли. Но, не смотря на всѣ мои заявленія, многіе до сихъ поръ признаютъ во мнѣ княжну Мери. Каково же было мое удивленіе, когда я прочла въ біографіи Лермонтова въ послѣднемъ изданіи его сочиненій: «старшая дочь генерала Верзилина, Эмилія, кокетничала съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, отдавая преимущество послѣднему, чѣмъ и возбудила въ нихъ ревность, что и подало поводъ къ дуэли». Никто изъ серьезныхъ Лермонтистовъ не признавалъ въ ней княжны Мери, да у нея съ княжной никогда ничего общаго и быть не могло. Что же касается факта кокетства, или, проще сказать, ловли жениха въ Лермонтовѣ и Мартыновѣ, то онъ вполнѣ констатируется вышеприведеннымъ заявленіемъ В. И. Чиляева.

[3]) Стр. 489.

то это бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ». Огневыя слова на мрачномъ фонѣ картины: нужно ли пояснять ихъ!

Князь А. И. Васильчиковъ, въ статьѣ своей «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [1]), а за нимъ и П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова [2]), приводятъ нѣкоторыя шалости поэта, какъ-то: опустошеніе блюдъ, подаваемыхъ къ обѣду, уничтоженіе боченка огурцовъ во время чтенія стиховъ какимъ-то пріѣзжимъ піитой и надламываніе тарелокъ, и дѣлаютъ изъ этого неблагопріятные выводы о характерѣ поэта. Но я не послѣдую за ними, я знаю источникъ и цѣль подобнаго неблагопріятнаго разсказа [3]) и не придаю серьезнаго значенія шуткамъ поэта въ кругу товарищей, если онѣ дѣйствительно происходили. Но, при всемъ уваженіи къ авторитету князя Васильчикова, нельзя не усомниться, чтобы поэтъ въ одинъ разъ могъ съѣсть или унести въ карманахъ боченокъ огурцовъ. Вѣдь это напоминаетъ разсказы изъ «Тысячи и одной ночи».

Между тѣмъ событія зрѣли. Въ средѣ лицъ, окружавшихъ поэта, произошелъ расколъ, и Мерлинисты отпали. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ Н. П. Раевскій [4]): «Какъ-то разъ, недѣли за три-четыре до дуэли, мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикникъ въ нашемъ обычномъ гротѣ у Николаевскихъ ваннъ. Распорядителемъ на нашихъ праздникахъ бывалъ обыкновенно генералъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, но въ этотъ разъ онъ съ чего-то заупрямился и сталъ говорить, что неприлично женщинъ хорошаго общества угощать постоянными трактирными ужинами послѣ танцевъ съ кѣмъ ни попало на открытомъ воздухѣ. Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ, что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно на своемъ мѣстѣ на водахъ съ разношерстнымъ обществомъ. На это князь предложилъ устроить настоящій балъ въ казенномъ Ботаническомъ саду. Лермонтовъ замѣтилъ, что не всѣмъ это удобно, что казенный садъ далеко за городомъ и что затруднительно будетъ препроводить нашихъ дамъ, усталыхъ послѣ танцевъ, позднею ночью обратно въ городъ. Вѣдь биржевыхъ-то дрожекъ въ городѣ было трое-четверо, а свои экипажи у кого были. Такъ не на повозкахъ же тащить?

— «Такъ здѣшнихъ дикарей учить надо!—сказалъ князь.

«Лермонтовъ ничего не возразилъ, но этотъ отзывъ князя Го-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

[2]) Стр. 405 и 406.

[3]) Статью князя Васильчикова мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ.

[4]) «Нива», 1885 года, № 7.

лицына о людяхъ, которыхъ онъ уважалъ и въ средѣ которыхъ жилъ, засѣлъ у него въ памяти, и, возвратившись домой, онъ сказалъ намъ: «господа, на что намъ непремѣнно главенство князя на нашихъ пикникахъ? Не хочетъ онъ быть у насъ,—и не надо. Мы и безъ него съумѣемъ справиться». Не скажи Михаилъ Юрьевичъ этихъ словъ, никому бы изъ насъ и въ голову не пришло перечить князю Голицыну, а тутъ словно насъ бѣсъ дернулъ. Мы принялись за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что праздникъ вышелъ—прелесть. Площадку передъ гротомъ занесли досками для танцевъ, гротъ убрали зеленью, коврами, фонариками; а гостей звали, по обыкновенію, съ бульвара. Лермонтовъ былъ очень веселъ, не уходилъ въ себя, и отъ души шутилъ и смѣялся, не смотря на присутствіе armée russe. Нечего говорить, что князя Голицына не только не пригласили на нашъ пикникъ, но даже не дали ему объ немъ знать. Но вѣдь немыслимо же было, чтобъ онъ не узналъ о нашей продѣлкѣ въ такомъ маленькомъ городишкѣ. Узналъ князь и крѣпко разгнѣвался: то онъ у насъ голова былъ, а тутъ вдругъ и гостемъ не позванъ. Ну, да только такъ не такъ, а слышимъ мы черезъ нѣкоторое время, что князь отъ своей мысли не отсталъ, выписываетъ угощенье, устроиваетъ ротонду въ казенномъ саду, сзываетъ гостей, а намъ ни слова! Михаилъ Юрьевичъ какъ узналъ, что насъ-то обошли, и говоритъ намъ: «Что-жъ? Прекрасно. Пускай онъ себѣ дамъ изъ слободки набираетъ, благо тамъ капитаншъ много. Насъ онъ не зоветъ, и, даю голову на отсѣченіе, ни одна изъ нашихъ дамъ у него не будетъ!».

Вотъ причина къ ожесточенію отпавшей кучки Мерлинистовъ и гнусному шепоту: «проучить надо ядовитую гадину!».

Но возвратимся къ празднику, оставшемуся надолго въ воспоминаніяхъ мѣстнаго общества, подъ названіемъ «Лермонтовскій вечеръ».

Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ» [1]) пишетъ: «Въ началѣ іюля Лермонтовъ и компанія устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротѣ Діаны, противъ Николаевскихъ ваннъ. Гротъ внутри премило былъ убранъ шалями и персидскими шелковыми матеріями, въ видѣ персидской палатки, полъ устланъ коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Дамскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ: украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему волшебно-фантастическій характеръ. Танцовали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыки».

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

Въ запискахъ декабриста Лорера [1]) мы находимъ описаніе этого вечера. Вотъ оно. Іюля 3-го молодежь задумала дать балъ въ честь знакомыхъ пятигорскихъ дамъ. Деньги собрали по подпискѣ. Лермонтовъ былъ главнымъ иниціаторомъ, ему помогали другіе. Мѣстомъ торжества избрали гротъ Діаны возлѣ Николаевскихъ ваннъ. Площадку для танцевъ устроили такъ, что она далеко выходила за предѣлы грота. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красивый узелъ и прикрывъ круглымъ зеркаломъ; стѣны обтянули персидскими тканями; повѣсили искусно импровизированныя люстры, красиво обвитыя живыми цвѣтами и зеленью. На деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, горѣли болѣе 2,000 разноцвѣтныхъ фонарей. Музыка, помѣщенная и скрытая надъ гротомъ, производила необыкновенное впечатлѣніе, особенно въ антрактахъ между танцами, когда играли избранные музыканты или солисты. Во время одного антракта кто-то игралъ тихую мелодію на струнномъ инструментѣ, и Лермонтовъ увѣрялъ, что онъ приказалъ перенести, нарочно для этого вечера, эолову арфу съ «бельведера», выше Елисаветинскаго источника. Отъ грота лентой извивалось красное сукно до изящно убранной палатки—дамской уборной. По другую сторону велъ устланный коврами путь къ буфету. Небо было бирюзовое съ легкими небольшими янтарными облачками, между которыми мерцали звѣзды. Была полная тишина—ни одинъ листокъ не шевелился. Густая пестрая толпа зрителей обступала импровизированный танцовальный залъ. Свѣтъ фантастически ударялъ по костюмамъ и лицамъ, озаряя листву деревъ изумруднымъ свѣтомъ. Общество было весело настроено, и Лермонтовъ танцовалъ необыкновенно много. Послѣ одного бѣшенаго тура вальса, Лермонтовъ, весь запыхавшійся отъ усталости, подошелъ къ Лореру и тихо спросилъ: «Видите ли вы даму Дмитревскаго? Это—его «каріе глаза!»—не правда ли, какъ она хороша?». Дмитревскій [2]) былъ поэтъ, и въ то время влюбленъ былъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ-то карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говорилъ: «Послѣ твоихъ стиховъ разлюбишь поневолѣ черные и голубые глаза и полюбишь карія очи»... Въ самомъ дѣлѣ она была красавицей. Большіе каріе глаза, осѣненные длинными рѣсницами и темными, хорошо очерченными бровями, поразили бы всякаго... Балъ продолжался до поздней ночи, или вѣрнѣе до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а скоро и всѣ стали расходиться. Съ вершины грота,—заключилъ описаніе вечера Лореръ, — я видѣлъ, какъ усталыя группы спускались на бульваръ. Разошлась и молодежь... а я все еще сидѣлъ, погруженный въ мечты!...

[1]) То же, 1874 года, № 6, и «Біографія Лермонтова», П. А. Висковатова, стр. 410 и 411.

[2]) Тогда вице-губернаторъ Кавказской области.

П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова [1]) говоритъ: Балъ этотъ, въ высшей степени оживленный, не понравился лицамъ, не расположеннымъ къ Лермонтову. Они не принимали участія въ подпискѣ, а потому и не пошли на него. Еще до бала они всячески старались убѣдить многихъ изъ бывшихъ согласными участвовать въ немъ, отстать отъ предпріятія и создать свой «вполнѣ приличный, а не такой, гдѣ убранство домашнее, дурнаго вкуса (de mauvais goût) и дамъ заставляютъ танцовать по песку»... Но, такъ какъ молодежь не согласилась, то князь Голицынъ и рѣшился устроить балъ въ день своихъ именинъ (15-го іюля) въ Ботаническомъ саду, и строптивую молодежь не приглашать.

Далѣе въ біографіи Лермонтова [2]) мы находимъ слѣдующія указанія.

Нѣкоторыя изъ вліятельныхъ личностей изъ пріѣзжающаго въ Пятигорскъ общества, желая наказать «несноснаго выскочку и задиру», ожидали случая, когда кто нибудь, выведенный имъ изъ терпѣнія, «проучитъ ядовитую гадину» [3]). Какъ въ подобныхъ случаяхъ это бывало не разъ, искали какое либо подставное лице, которое, само того не подозрѣвая, явилось бы исполнителемъ задуманной интриги. Такъ, узнавъ о выходкахъ и полныхъ юмора продѣлкахъ Лермонтова надъ молодымъ Лисаневичемъ, однимъ изъ поклонниковъ Надежды Петровны Верзилиной, ему, черезъ нѣкоторыхъ услужливыхъ лицъ, было сказано, что терпѣть насмѣшки Михаила Юрьевича не согласуется съ честью офицера. Лисаневичъ указывалъ на то, что Лермонтовъ расположенъ къ нему дружественно и въ случаяхъ, когда увлекался и заходилъ въ шуткахъ слишкомъ далеко, самъ первый извинялся передъ нимъ и старался исправить свою неловкость. Къ Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль—проучить. «Что вы, — возражалъ Лисаневичъ, — чтобы у меня поднялась рука на такого человѣка!» Есть полная возможность полагать,—заключаетъ изъ этого П. А. Висковатовъ,—что тѣ же лица, которымъ не удалось подстрекнуть на недоброе дѣло Лисаневича, обратились къ другому поклоннику Надежды Петровны—Н. С. Мартынову. Здѣсь они, конечно, должны были встрѣтить почву болѣе удобную для брошеннаго ими сѣмени. Мартыновъ, мелко самолюбивый и тщеславный человѣкъ, коего умственное и нравственное пониманіе не выходило за предѣлы общепринятыхъ понятій, давно уже раздражался противъ Лермонтова, котораго онъ въ душѣ считалъ ниже

[1]) Стр. 411 и 412.

[2]) Стр. 408 и 409.

[3]) Выраженія, которыми, по удостовѣренію П. А. Висковатова, клеймили поэта, въ бесѣдѣ съ нимъ, нѣкоторые изъ его современниковъ, бывшихъ тогда на водахъ. Интересно было бы узнать имена этихъ лицъ, этихъ цѣнителей и судей поэта!

себя и по «карьерѣ», и по талантамъ «салоннымъ». О его поэтическомъ геніи Мартыновъ, какъ и многіе современники, судилъ свысока, а, можетъ быть, въ критической оцѣнкѣ своей не заходилъ далѣе того полковаго командира Михаила Юрьевича, который послѣ невзгоды послѣдняго, постигшей его за стихи на смерть Пушкина, выговаривалъ ему: «Ну, ваше ли дѣло писать стихи?! Предоставьте это поэтамъ и занимайтесь хорошенько командованіемъ своего взвода». Гдѣ было Мартынову задумываться надъ Лермонтовымъ, какъ великимъ поэтомъ, когда люди, какъ товарищъ поэта Арнольди, еще въ 1884 году говорили, что всѣ они въ то время писали стихи не хуже Лермонтова [1]).

Дѣйствительно, озлобленіе отпавшихъ отъ Лермонтовскаго кружка Мерлинистовъ, по разсказу В. И. Чиляева, было сильное. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало дискредитировать Лермонтовское диктаторство, вовлечь поэта съ кѣмъ нибудь въ ссору, довести до дуэли, до суда, до разжалованія въ рядовые, и удалить его такимъ образомъ изъ общества. Орудіемъ для того былъ избранъ Мартыновъ, а рукой, направлявшей орудіе,—«князь Ксандръ». Недобрая роль выпала въ этой интригѣ на долю князя. Затаивъ въ душѣ нерасположеніе къ поэту за безпощадное разоблаченіе его княжескихъ слабостей, онъ, какъ истинный рыцарь іезуитизма, сохраняя къ нему по наружности прежнія дружескія отношенія, взялся руководить интригою въ сердцѣ кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполнялъ порученное ему дѣло. Онъ съумѣлъ подстрекнуть Мартынова обуздать человѣка, соперничавшаго съ нимъ за обладаніе красавицей, раздуть вспышку и, не смотря на старанія прочихъ товарищей къ примиренію, довести соперниковъ до дуэли, уничтожить «выскочку и задиру» и послѣ его смерти прикинуться и числиться однимъ изъ его лучшихъ друзей. Отъ него самого я слышалъ,—говорилъ В. И. Чиляевъ,—такого рода отзывъ о поэтѣ: «Мишеля, что бы тамъ ни говорили, а поставить въ рамки слѣдуетъ!».

Въ городѣ, между тѣмъ, былъ пущенъ слухъ о предстоящей дуэли, но, какъ всѣ слухи, безъ указаній: гдѣ, у кого и за что. Начальство, чуткое къ бѣдѣ, прислушивалось и озиралось, но, не имѣя точныхъ указаній, ходило во тьмѣ ощупью. Во всякомъ случаѣ, кое-какія мѣры были приняты наугадъ. Столыпинъ и Лермонтовъ, которымъ данный медицинскимъ начальствомъ шестинедѣльный курсъ леченія сѣрными минеральными водами 10-го іюля истекалъ, были вызваны къ коменданту, и 12-го іюля утромъ они являлись.

— Ну, что, господа, — встрѣтилъ ихъ, по словамъ В. И. Чиляева, полковникъ Ильяшенковъ строго, — какъ ваше здоровье?

---

[1]) «Русская Старина», 1885 г., № 2.

Надѣюсь, воды помогли, вѣдь вы предписанный вамъ курсъ, кажется, прошли уже, что же вы намѣрены дѣлать? Въ отрядъ что ли поѣдете?

— Да, мы чувствуемъ себя гораздо лучше, г. полковникъ,— отвѣчалъ Столыпинъ,—но вліяніе водъ, какъ вамъ небезъизвѣстно, сказывается не вдругъ, а по прошествіи извѣстнаго времени, поэтому ничего положительнаго теперь сказать пока нельзя. Во всякомъ случаѣ намъ, чтобы окончательно окрѣпнуть, необходимо, по совѣту врача, взять еще по нѣскольку желѣзистыхъ ваннъ.

— Ну, что же, поѣзжайте въ Желѣзноводскъ!—поспѣшилъ съ разрѣшеніемъ старикъ, обрадованный возможностью сплавить отъ себя опасныхъ гостей:—когда вы можете выѣхать?

— Да дня три позвольте пробыть еще здѣсь,—проговорилъ не приготовленный къ такой быстрой развязкѣ Столыпинъ: — нужно поѣхать нанять квартиру и собраться.

— Ну, хорошо, три дня я вамъ даю,—отвѣчалъ повеселѣвшій комендантъ,—а когда отправитесь, донесите рапортами.

За симъ, какъ бы окончивъ оффиціальный пріемъ, онъ отошелъ къ окну и, поманивъ къ себѣ рукой Лермонтова, сталъ тихо, ласково и добродушно говорить съ нимъ.

— А вы не унимаетесь, все такой же безпардонный,—началъ головою старикъ:—ко всѣмъ привязываетесь, надо всѣми смѣетесь, это не хорошо! Посмотрите, сколько враговъ вы себѣ нажили, а вѣдь это все друзья ваши были.

Лермонтовъ встрепенулся. Его тронула простая, душевная рѣчь старика, и онъ отвѣтилъ ему экспромптомъ:

«Мои друзья вчерашніе—враги,
«Враги—мои друзья,
«Но, да проститъ мнѣ грѣхъ Господь Благій,
«Ихъ презираю я..

«Вы также знаете вражду друзей
«И дружество врага,
«Но чѣмъ ползущихъ давите червей?...
«Подошвой сапога».

Старикъ разчувствовался, положилъ руку на плечо поэта и участливо сказалъ ему:

— Послушайте, Лермонтовъ, я васъ люблю... знаете ли, я часто думаю, если бы у меня былъ такой сынъ, я бы вполнѣ былъ счастливъ!... Я не нарадовался бы на него!... Вѣдь вы—такой умница!... И что же? только дурачитесь... Бросьте все это... вѣдь они убьютъ васъ!...

Лермонтовъ саркастически улыбнулся, отступилъ шагъ назадъ и, подумавъ немного, съ чувствомъ проговорилъ:

«Имъ жизнь нужна моя—ну, что же, пусть возьмутъ,
«Не мнѣ жалѣть о ней!
«Въ наслѣдіе они одно пріобрѣтутъ—
«Клубъ ядовитыхъ змѣй».

— Нѣтъ, ужъ лучше уѣзжайте поскорѣе!—перебилъ его комендантъ,— черезъ три дня я жду рапорта. Прощайте.— И старикъ откланялся.

Въ тотъ же день камердинеръ Михаила Юрьевича, старый дядька его Ефимъ Соколовъ, былъ посланъ въ Желѣзноводскъ нанять квартиру, а вечеромъ, то-есть 12-го іюля, а не 13-го, какъ пишетъ Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]), Лермонтовъ былъ вызванъ на дуэль Мартыновымъ. Роковой вечеръ прошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Народу, по словамъ П. А. Висковатова [2]), было не много: полковникъ Зельмицъ съ дочерьми, Лермонтовъ, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и еще нѣкоторые [3]). Въ этотъ вечеръ Мартыновъ былъ мраченъ и танцовалъ мало [4]). У Раевскаго [5]) весьма характеристично описано начало вечера. «Собрались мы всѣ,— говоритъ онъ,— и передъ танцами вздумали музыкой заняться. А у Михаила Юрьевича, надо вамъ знать, была странность: терпѣть онъ не могъ, когда кто изъ любителей, даже и талантливый, играть или пѣть начнетъ. А тутъ, какъ на грѣхъ, засѣлъ за фортепіано юнкеръ одинъ, офицерства дожидавшійся, Бенкендорфъ; игралъ онъ недурно, скорѣй даже хорошо, но бѣда въ томъ, что Михаилъ Юрьевичъ его не очень-то жаловалъ. Какъ началась наша музыка, Михаилъ Юрьевичъ усѣлся въ сторонкѣ, въ уголку, ногу нà ногу закинувъ, что его обычной позой было, и не говоритъ ничего, а я-то ужъ вижу по глазамъ его, что ему не по себѣ. Взглядъ у него былъ необыкновенный, а глаза

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Біографія Лермонтова, стр. 413.

[3]) Были еще Н. П. Раевскій, Креницынъ, Тутолминъ, Дмитревскій и Бенкендорфъ. Въ біографіи Лермонтова (стр. 397) Висковатовъ говоритъ, что Раевскій рѣдко бывалъ у Верзилиныхъ. Напротивъ, это былъ самый частый гость и свой человѣкъ въ семьѣ Верзилиныхъ. Онъ жилъ у нихъ и прежде, когда лечился отъ раны, полученной въ 1839 году подъ Ахульго, и послѣ дуэли и, наконецъ, въ 1842 году сопровождалъ ихъ, когда онѣ отправились къ Петру Семеновичу въ Варшаву.

[4]) В. И. Чиляевъ говорилъ, что Мартыновъ явился на вечеръ съ предвзятымъ намѣреніемъ сдѣлать Лермонтову вызовъ на дуэль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, такъ какъ Лермонтовъ и Столыпинъ на другой день утромъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ, для осмотра нанятой для нихъ камердинеромъ Соколовымъ квартиры, а съ переѣздомъ ихъ туда возможность вызова уничтожалась и предположеніе «поставить поэта въ рамки» не осуществилось бы. А этимъ, какъ извѣстно, были заинтересованы отпавшіе Мерлинисты, «князь Ксандръ» и другіе недруги.

[5]) «Нива», 1885 года, № 7.

черные. Вѣрите ли, если начнетъ кого, хоть на пари, взглядомъ преслѣдовать,—загоняетъ, мѣста себѣ человѣкъ не найдетъ. Подошелъ я къ нему, а онъ и говоритъ: «Слётокъ, будетъ съ насъ музыки. Садись вмѣсто него, играй кадриль. Пусть ужъ лучше танцуютъ». Я послушался, сталъ играть французскую кадриль. Размѣстились всѣ, а одной барышнѣ кавалера не достало. А тутъ вдругъ Николай Соломоновичъ, poignard нашъ, жалуетъ. Запоздалъ, потому франтъ! Какъ пойдетъ ноготки полировать да душиться, — часы такъ и бѣгутъ. Вошелъ. Ну, просто сіяетъ. Бешметикъ бѣленькій, черкеска верблюжьяго тонкаго сукна безъ галунчика, а только черной тесемкой обшита и серебряный кинжалъ чуть не до полу. Какъ онъ вошелъ, ему и крикнулъ кто-то изъ насъ: «Poignard! вотъ дама. Становитесь въ пару, сейчасъ начнемъ». Онъ будто и не слыхалъ, поморщился слегка и прошелъ въ диванную, гдѣ сидѣли Марья Ивановна Верзилина и ея старшая дочь Эмилія Александровна. Ужъ очень ему этимъ poignard'омъ надоѣдали. И отъ своихъ, и отъ пріѣзжихъ, и отъ l'armée russe ему другаго имени не было. А на бѣду барышня оказалась изъ бѣдненькихъ. Жаль, забылъ я, кто именно была эта барышня. Однако, ничего, протанцовали кадриль. Барышня, переконфуженная такая, подходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы пустилъ я ее играть, а самъ бы потанцовалъ. Я пустилъ ее и вижу, что Мартыновъ вошелъ въ залу, а Михаилъ Юрьевичъ и говоритъ громко: «Велика важность, что poignard'омъ назвали. Не слѣдъ бы изъ-за этого неучтивости дѣлать!» А Мартыновъ въ лицѣ измѣнился, и фраза: «Михаилъ Юрьевичъ! я много разъ просилъ!... пора бы и перестать!» — сорвалась у него съ языка. Лермонтовъ сдержался, ничего ему не отвѣтилъ. Но когда кончился вечеръ и друзья пошли домой, Мартыновъ дорогой повторилъ свою просьбу перестать издѣваться надъ нимъ [1]) и сдѣлалъ Лермонтову вызовъ».

Это одна версія столкновенія друзей на вечерѣ. Теперь послушаемъ другую. Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [2]) описываетъ событіе такъ: «Я не говорила и не танцовала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванья. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: «M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie». — Ну, ужъ такъ и быть, въ послѣдній разъ, пойдемте!—было ему отвѣтомъ. Михаилъ Юрьевичъ далъ слово не сердить меня больше, и мы, провальсировавъ, усѣлись мирно разговаривать [3]). Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который

---

[1]) Хотя никакого издѣвательства въ замѣчаніи Лермонтова, если оно было сказано такъ, какъ передалъ Раевскій, и нѣтъ.

[2]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[3]) Въ возраженіяхъ же своихъ Раевскому («Нива», 1885 года, № 27), она (Э. Шанъ-Гирей) варьируетъ вступленіе своего разсказа такъ: «Лермонтовъ имѣлъ

также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux. Не смотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злаго особенно не говорили, но смѣшнаго много; но вотъ увидѣли Мартынова, разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ князь Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его montagnard au grand poignard. Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово poignard раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: «Сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: «языкъ мой—врагъ мой», Михаилъ Юрьевичъ отвѣчалъ спокойно: «ce n'est rien; demain nous serons bons amis». Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора. На другой день Лермонтовъ и Столыпинъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ. Послѣ ужъ разсказывали мнѣ, что, когда выходили отъ насъ, то Мартыновъ повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: «что-жъ, на дуэль что ли вызовешь меня за это?». Мартыновъ отвѣтилъ рѣшительно: «Да», и тутъ же назначили день».

П. А. Висковатовъ занесъ въ біографію М. Ю. Лермонтова разсказъ г-жи Шанъ-Гирей, прикрасивъ его нѣсколько, вѣроятно, со словъ ея, слышанныхъ имъ отъ нея впослѣдствіи [1]). Но совершив-

---

страсть поддразнивать (taquiner), за что мы часто съ нимъ ссорились, а какъ я нѣсколько дней ужъ съ нимъ не говорила, то когда начались танцы, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Faisons la paix, un tour de valse je vous prie». Я долго не соглашалась, то, наконецъ, онъ и сказалъ: «de grâce, m-elle Emilie, un tour de valse pour la dernière fois de ma vie». — «Если такъ, нечего дѣлать, пойдемте!».

[1]) Разсказъ объ этомъ вечерѣ кн. Васильчикова въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, коротокъ и теменъ. Вотъ онъ: «Однажды на вечерѣ у генеральши Верзилиной Лермонтовъ въ присутствіи дамъ отпустилъ какую-то новую шутку, болѣе или менѣе острую надъ Мартыновымъ. Что̀ онъ сказалъ, мы не разслышали, знаю только, что, выходя изъ дому на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ пофранцузски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ». На что Лермонтовъ такимъ же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія». Больше ничего у нихъ въ тотъ вечеръ и въ послѣдующіе дни не было». Необходимо замѣтить, что вся вообще статья кн. Васильчикова, написанная въ отвѣтъ на статью «Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ», появившуюся въ журналѣ «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10, не отличается правдой и безпристрастіемъ. Въ ней какъ будто сквозитъ намѣреніе скрыть длинные когти подъ рясой отшельника. П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 415) говоритъ: «Что касается недомолвокъ со стороны кп. Васильчикова въ статьѣ его въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, то это обусловливалось вни-

шееся въ домѣ Верзилиныхъ было лишь прологомъ къ драмѣ, окончаніе котораго разыграно подъ покровомъ темной ночи на улицѣ, когда противники расходились по домамъ.

По разсказу В. И. Чиляева, вечеръ этотъ былъ сдѣланъ Марьей Ивановной Верзилиной въ честь отъѣзжавшаго въ Желѣзноводскъ М. Ю. Лермонтова, котораго она устройствомъ сего вечера хотѣла поблагодарить за пикникъ въ гротѣ Діаны 8-го іюля. Танцы продолжались далеко за полночь, молодежь веселилась на распашку, и только Мартыновъ, злой и мрачный, портилъ настроеніе общества и, ища предлога для ссоры, два раза сцѣплялся съ Лермонтовымъ за его шутки надъ его неумѣстнымъ высокомѣріемъ и пристрастіемъ къ засученнымъ рукавамъ [1]). Окончательно же онъ вызвалъ его на дуэль по выходѣ изъ дома Верзилиныхъ. Лермонтовъ съ Глѣбовымъ шли впереди, за ними кучка молодежи, Зельмицъ съ Пушкинымъ, а въ хвостѣ—князь Васильчиковъ съ Мартыновымъ. Молодежь шумно хохотала, а Мартыновъ, перешепнувшись съ Васильчиковымъ, догналъ Михаила Юрьевича, остановилъ его безцеремонно за руку и, возвысивъ голосъ, рѣзко спросилъ его:

— Долго ли ты будешь издѣваться надо мной, въ особенности въ присутствіи дамъ?... Я долженъ предупредить тебя, Лермонтовъ, что если ты не перестанешь насмѣхаться, то я тебя заставлю перестать,—и онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и, продолжая идти, спросилъ: «что же, ты обидѣлся что ли?».

— Да, конечно, обидѣлся.

— Ну, такъ не хочешь ли потребовать удовлетворенія?

— Почему и не такъ...

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: «меня изумляетъ и твоя выходка, и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испугать нельзя, я отъ дуэли не откажусь... Хочешь драться—будемъ драться».

— Конечно, хочу,—отвѣчалъ Мартыновъ,—и потому разговоръ этотъ можешь считать вызовомъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и сказалъ: «Ты думаешь торжествовать надо мной у барьера. Но это вѣдь не у ногъ красавицы»... Мар-

---

маніемъ къ бывшему еще въ живыхъ Мартынову, защищать котораго приходилось князю во время слѣдствія по дѣлу. Сообщенія, сдѣланныя княземъ мнѣ уже позднѣе и послѣ смерти Мартынова, разнствуютъ съ прежними показаніями». Хорошо, значитъ, вниманіе, хороша защита, если они основаны на неправдѣ и искаженіи истины! А г. Висковатовъ приводитъ еще нѣкоторыя показанія кн. Васильчикова, какъ авторитетъ и непреложное доказательство высказанныхъ имъ предположеній.

[1]) Не доказываетъ ли это свидѣтельство, что записанныя Раевскимъ и Эмиліей Шанъ-Гирей вспышки Мартынова случились обѣ: одна—послѣ первой кадрили, а другая—послѣ одного изъ вальсовъ въ разгарѣ, если не въ концѣ вечера?

тыновъ быстро повернулся и пошелъ назадъ. Уходя, онъ сказалъ, что на утро пришлетъ секунданта [1]).

— Вотъ она злоба-то дня въ чемъ выразилась! — сострилъ Михаилъ Юрьевичъ, обратившись къ Глѣбову и другимъ столпившимся вокругъ него товарищамъ.—Ты, Глѣбовъ, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ? (Тотъ утвердительно кивнулъ головою). Я со Столыпинымъ поѣду завтра въ Желѣзноводскъ осмотрѣть нанятую квартиру и сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ ея, а ты устроивай дѣла здѣсь и, чѣмъ кончишь, дай мнѣ туда знать. — Затѣмъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ изумленную молодежь, онъ проговорилъ, улыбаясь, какъ бы въ раздумьѣ: «кого-то Мартышка пришлетъ къ намъ для переговоровъ—Лису иль Волка [2])?»—и сталъ прощаться. Пожимая руки товарищамъ, онъ подарилъ ихъ экспромптомъ, едва ли не послѣднимъ въ жизни:

«Ну, вотъ теперь у васъ для разговоровъ будетъ
«Дня на̀ три тема
«И, вѣрно, въ васъ къ себѣ участіе возбудитъ
«Не Миллеръ—Эмма».

---

[1]) Разсказъ этотъ о вызовѣ былъ напечатанъ мною во «Всемірномъ Трудѣ» 1870 года, № 10. «Когда я,—пишетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416),—прочитавъ это мѣсто князю Васильчикову, спросилъ его: «Такъ ли это было?»—князь отвѣчалъ: «Можетъ быть, кто же знаетъ! суть вѣрна! Въ этомъ родѣ оба они передавали разговоръ свой, но послѣдняя фраза не могла быть сказана Лермонтовымъ. Мартыновъ если и торжествовалъ надъ нимъ у ногъ красавицъ, то развѣ такихъ, которыми Лермонтовъ не могъ серьезно интересоваться. Лермонтовъ шаля пріударялъ за разными женщинами, но заинтересовывался только личностями, выходящими изъ ряда обыденнности». На этомъ основаніи послѣдняя фраза Лермонтова о торжествѣ у ногъ красавицы г. Висковатовымъ въ сказанной біографіи не помѣщена въ текстѣ, а объ ней въ примѣчаніи приведенъ вышесказанный отзывъ князя Васильчикова. Считаю долгомъ пояснить, что брошенный Лермонтовымъ Мартынову упрекъ въ необузданной самоувѣренности о торжествѣ не относился до «разныхъ женщинъ», а той красавицы, изъ-за которой у нихъ велся почти цѣлый мѣсяцъ самый ожесточенный споръ и которую, наконецъ, отбилъ Мартыновъ, то-есть Эмиліи Александровны, или «Верзиліи», какъ окрестилъ ее въ послѣднее время Лермонтовъ. Что же касается ироническаго восклицанія князя Александра Илларіоновича: «кто же это знаетъ!»—приведу тотъ фактъ, что разсказъ В. И. Чиляева объ этомъ вызовѣ записанъ со словъ Глѣбова, присутствовавшаго при немъ лично. Вообще свѣдѣнія, сообщенныя имъ, мнѣ кажется, имѣютъ болѣе достовѣрности, чѣмъ разсказы, замѣтки и воспоминанія князя Васильчикова и Эмиліи Шанъ-Гирей, вопервыхъ, потому, что онъ не былъ лицомъ, прикосновеннымъ къ дѣлу или заинтересованнымъ тѣмъ или другимъ его объясненіемъ, а, вовторыхъ, потому, что разсказъ его былъ записанъ тогда же, то-есть въ 1841 году, а не по прошествіи 30 лѣтъ, какъ написана статья князя Васильчикова, и слишкомъ 45, какъ разглагольствія г-жи Шанъ-Гирей. Притомъ же и самое служебное положеніе В. И. Чиляева, именно званіе плацъ-адъютанта, давало ему возможность знать многое, чего не знали другіе, хотя бы даже и сами участники роковаго событія или прикосновенныя къ нему лица.

[2]) Подразумѣвались: Лисаневичъ, поклонникъ Н. П. Верзилиной, и П. В. Волковъ, атташе княгини Эристовой.

Молодежь молча переглянулась. Никто не понялъ, о какомъ Миллерѣ и Эммѣ говорилъ имъ Михаилъ Юрьевичъ. И только послѣ дуэли, когда схоронили предательски убитаго поэта, кто-то, кажется, Дмитревскій, разгадалъ смыслъ сказанныхъ имъ словъ. Подъ именемъ *Миллеръ* были скрыты иниціалы поэта: *Ми Лер*, а подъ именемъ *Эмма* — иниціалы Мартынова: *М* (Эм) *а*, или же иниціалы Эмиліи и Мартынова: *Эм Ма*.

П. Мартьяновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ РАЗРЫВЪ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ 1853 ГОДА[1].

III.

Посольство князя Меншикова въ Константинополь.

Война Черногоріи съ Турціей. — Заступничество Австріи за черногорцевъ. — Порта принимаетъ австрійскій ультиматумъ. — Чрезвычайное посольство князя Меншикова.—Аудіенція его у султана.—Совѣщанія князя Меншикова съ рейсъ-эфенди по дѣлу о святыхъ мѣстахъ.—Жалобы великаго визиря и рейсъ-эфенди иностраннымъ дипломатамъ. — Прибытіе пословъ: англійскаго—лорда Редклифа и французскаго—Лакура. — Объясненіе Редклифа съ турецкими министрами и съ русскимъ посломъ.—Взглядъ князя Меншикова на положеніе дѣлъ.—Инструкція французскому послу.—Соглашеніе между нимъ и Меншиковымъ по вопросу о святыхъ мѣстахъ. — Нота русскаго посла Портѣ съ требованіемъ фирмановъ и сенеда.—Порта издаетъ фирманы, но отказываетъ въ сенедѣ.—Ультиматумъ князя Меншикова.—Совѣты Редклифа туркамъ и обѣщаніе англійской помощи.— Порта отклоняетъ русское требованіе о сенедѣ.—Второй и послѣдній ультиматумъ Меншикова. — Вторичный отказъ Порты.—Нота Меншикова о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Портою. — Примирительная попытка представителей великихъ державъ.—Послѣдняя уступка Меншикова.—Порта отвергаетъ предложенный имъ проектъ ноты.—Отплытіе князя Меншикова со всѣми чинами посольства въ Севастополь.

ОГЛАШЕНІЕ съ Турціей по вопросу о святыхъ мѣстахъ было главною, но не единственною цѣлью отправленія князя Меншикова чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Ему, кромѣ того, поручалось потребовать отъ Порты прекращенія военныхъ дѣйствій противъ Черногоріи, грозившихъ этой странѣ полнымъ разореніемъ и порабощеніемъ.

Со временъ Петра Великаго русскіе государи питали особое благоволеніе къ черногорскому народу и оказывали ему покровительство и щедрую помощь. Въ немъ находили мы вѣрныхъ и преданныхъ союзниковъ противъ турокъ при Екатеринѣ II и даже противъ французовъ при Александрѣ I. Изъ всѣхъ европейскихъ державъ, русскій дворъ одинъ признавалъ Черногорію независимою отъ Порты. Стоявшіе во главѣ ея владыки, изъ рода

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVII, стр. 456.

Петровичей, пріѣзжали ставиться въ Россію, и отъ нашего святѣйшаго синода принимали рукоположеніе во епископа.

Въ октябрѣ 1851 года скончался владыка Петръ II, назначивъ преемникомъ племянника своего Даніила. Прибывъ въ Петербургъ, молодой Петровичъ представилъ императору Николаю о всеобщемъ желаніи черногорцевъ имѣть не духовнаго, а свѣтскаго государя, и съ разрѣшенія его величества не принялъ постриженія, а былъ провозглашенъ наслѣдственнымъ княземъ черногорскимъ, подъ именемъ Даніила I.

Такая существенная перемѣна, происшедшая въ государственномъ устройствѣ Черногоріи, свидѣтельствовавшая о признаніи ею за русскимъ царемъ права измѣнять ея законы и самый порядокъ престолонаслѣдія, была крайне непріятна вѣнскому двору, съ конца прошлаго столѣтія привыкшему считать эту страну «входящею въ сферу австрійскаго вліянія». Дѣйствительно, по составленному Іосифомъ II и принятому Великою Екатериною плану раздѣла Балканскаго полуострова, Черногорія вмѣстѣ съ Малою Валахіею, Сербіею, Босніею, Герцеговиною и Албаніею должна была отойдти къ Австріи. Со времени пріобрѣтенія послѣднею Далмаціи и Боки Которской, небольшое славянское княжество было отрѣзано отъ моря австрійскими владѣніями и впало въ естественную матеріальную зависимость отъ своего могущественнаго сосѣда. Это, впрочемъ, не мѣшало ему продолжать духовно тяготѣть къ Россіи и отъ нея одной ожидать въ будущемъ улучшенія своей участи. Но, при существованіи тѣсныхъ союзническихъ отношеній между императорскими дворами с.-петербургскимъ и вѣнскимъ, австрійское правительство не рѣшилось гласно выказать своего неудовольствія. Оно признало Даніила княземъ, при возвращеніи изъ С.-Петербурга черезъ Вѣну приняло его съ почетомъ и обѣщало ему свою поддержку въ возникавшихъ между имъ и Турціею несогласіяхъ.

Занятіе черногорцами двухъ турецкихъ крѣпостей—Жабляка въ Герцеговинѣ и Спужа въ Албаніи, побудило Порту предписать Омеру-пашѣ, только что усмирившему возстаніе въ Босніи, во главѣ многочисленной арміи вторгнуться въ Черногорію и принудить ее признать надъ собою верховную власть султана. Императоръ Францъ-Іосифъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ съ одной стороны расположить въ свою пользу христіанское населеніе западныхъ областей Оттоманской имперіи, съ другой—дать почувствовать султану, что въ Вѣнѣ не забыли отказа Порты выдать австровенгерскихъ и польскихъ выходцевъ, искавшихъ убѣжища въ турецкихъ владѣніяхъ.

Австрійскія пограничныя власти доносили о готовившемся возстаніи южныхъ славянъ, подвластныхъ Портѣ, сигналомъ къ которому должно было послужить первое столкновеніе турокъ съ черногорцами. Императоръ Францъ-Іосифъ вознамѣрился не противо-

дѣйствовать этому движенію, даже не относиться къ нему враждебно, а, напротивъ, втихомолку поддерживать его, такъ, однако, чтобы при этомъ не были нарушены отношенія добраго сосѣдства съ Турціею. Цѣль его была упрочить и усилить вліяніе Австріи въ пограничныхъ съ нею земляхъ и привязать къ ней христіанско-славянское населеніе ихъ узами довѣрія и благодарности[1]).

Сообразно съ симъ приняты были Австріею соотвѣтствующія военныя мѣры. Цѣлый корпусъ, подъ начальствомъ хорватскаго бана Іелачича, приведенъ на военное положеніе и получилъ приказаніе расположиться вдоль рѣки Унны на боснійской границѣ. Пограничное укрѣпленіе Драгалъ занято сильнымъ гарнизономъ; усилены и укомплектованы войска, расположенныя въ Далмаціи; небольшая эскадра отправлена въ Тойлу, съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать высадкѣ турокъ на австрійскомъ берегу и вступленію военныхъ ихъ судовъ въ далматинскія гавани.

Въ первыхъ числахъ января 1853 года Омеръ-паша проникъ до Острожскаго монастыря въ долинѣ Зеты. Тамъ завязался кровопролитный бой, исходъ котораго былъ неблагопріятенъ черногорцамъ. Черногорія была открыта турецкому вторженію.

Австрійское правительство послало въ лагерь турецкаго главнокомандующаго двухъ офицеровъ, дабы предупредить его, что если оттоманскія войска займутъ Клекъ или Суторину, два прибрежные пункта на Адріатическомъ морѣ, хотя и принадлежащіе Турціи, но со всѣхъ сторонъ окруженные австрійскими владѣніями, то войска императора Франца-Іосифа немедленно перейдутъ черезъ Унну и займутъ Боснію. Они должны были также потребовать отъ Омера-паши удаленія изъ его арміи венгерскихъ и польскихъ выходцевъ.

Въ то же время австрійскій императоръ отправилъ въ Константинополь своего генералъ-адъютанта графа Лейнингена съ чрезвычайнымъ порученіемъ къ султану. Австрійскому послу было приказано потребовать отъ Порты: отозванія турецкихъ войскъ изъ Черногоріи, возстановленія въ ней statu quo, уравненія въ правахъ христіанъ съ мусульманами на всемъ протяженіи Оттоманской имперіи, предоставленія имъ полной религіозной свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ добыть отъ Порты вознагражденіе за убытки, понесенные австрійскими подданными отъ ежегодно повторяющихся разбойничьихъ набѣговъ, и обѣщаніе соблюдать statu quo въ Клекѣ и Суторинѣ, устранить ограниченія и препятствія, наложенныя въ послѣднее время на австрійскую торговлю, и, на-

---

[1]) Графъ Грюнне, генералъ-адъютантъ императора Франца-Іосифа, управлявшій его военною канцеляріею, графу Іелачичу, бану Хорватіи, 26-го декабря 1852 г. (7-го января 1853 г.).

конецъ, удалить отъ предѣловъ Австріи польскихъ и венгерскихъ выходцевъ, служащихъ въ турецкихъ войскахъ [1]).

Графъ Лейнингенъ прибылъ въ Константинополь въ концѣ января 1853 года и предъявилъ Портѣ требованія своего двора въ формѣ ультиматума. Онъ былъ поддержанъ представителями Англіи и Франціи. Русскій повѣренный въ дѣлахъ, къ которому австрійскій посолъ обратился съ просьбою о содѣйствіи, отвѣчалъ, что не имѣетъ инструкцій по этому предмету. Вскорѣ послѣ того инструкціи были, однако, получены. Онѣ предписывали г. Озерову оказать графу Лейнингену самую горячую поддержку. Но было поздно. Порта уже уступила, и посланецъ императора Франца-Іосифа съ торжествомъ возвратился въ Вѣну [2]).

Въ австрійской столицѣ не разсчитывали на такой быстрый и рѣшительный успѣхъ. Іелачича запросили по телеграфу, въ какой срокъ можетъ онъ съ пятнадцатитысячнымъ отрядомъ перейдти чрезъ Унну и углубиться въ Боснію на трехдневный переходъ. Въ восемь дней,—былъ его отвѣтъ. Намѣстнику Далмаціи приказано объявить Омеру-пашѣ и князю Даніилу, что Австрія беретъ на себя возстановленіе statu quo ante bellum, и пригласить турецкаго главнокомандующаго очистить Черногорію, предупредивъ его, что войска Іелачича готовы вступить въ Боснію. Самому Іелачичу писали изъ Вѣны, что императоръ Францъ-Іосифъ не намѣренъ начинать съ Турціею войны, которая потребовала бы силъ несравненно значительнѣйшихъ, чѣмъ тѣ, что расположены нынѣ въ Хорватіи и Далмаціи; что рѣчь идетъ лишь о временномъ занятіи Босніи и Черногоріи (sic), для поддержанія предъявленныхъ Портѣ требованій; что сначала предположено занять Ваньялуку и затѣмъ направиться къ Травнику. Все было готово къ наступленію, когда узнали въ Вѣнѣ о принятіи Портою австрійскаго ультиматума [3]).

Едва ли эти военныя приготовленія Австріи были извѣстны императорскому кабинету. Но не подлежитъ сомнѣнію, что сами же мы убѣждали вѣнскій дворъ вступиться за Черногорію и оказать ей помощь пропускомъ оружія, пороха и военныхъ снарядовъ. Во изъявленіе удовольствія, возбужденнаго въ немъ успѣхомъ посольства Лейнингена, императоръ Николай пожаловалъ австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Буолю алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго [4]).

---

[1]) Adolph Beer, die Orientalische Politik Oesterreichs, стр. 437—441.

[2]) Ср. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, ч. II, стр. 12, съ противоположнымъ утвержденіемъ Порты въ «Orientalische Politik Oesterreichs», стр. 443.

[3]) Beer, Orientalische Politik Oesterreichs, стр. 441.

[4]) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, ч. I, стр. 123.

Тѣмъ необходимѣе казалось государю не медлить долѣе отправленіемъ князя Меншикова въ Константинополь.

Ему поручалось потребовать отъ Порты: во-первыхъ, обнародованія февральскаго фирмана.

Во-вторыхъ, въ видѣ удовлетворенія за прошлые отзывы Фуадаэфенди, изданія объяснительнаго фирмана, провозглашающаго право греческаго духовенства на владѣніе Виѳлеемскимъ храмомъ, не смотря на передачу ключа отъ него католикамъ; отмѣны всѣхъ прочихъ преимуществъ, дарованныхъ латинянамъ и не упомянутыхъ въ февральскомъ фирманѣ; возобновленія купола надъ Святымъ Гробомъ безъ участія католиковъ.

Въ-третьихъ, прочныхъ ручательствъ въ соблюденіи въ будущемъ правъ восточныхъ христіанъ православнаго исповѣданія и заключенія формальнаго акта, гласнаго или тайнаго, имѣющаго обязательную силу договора и обнимающаго совокупность мѣръ и распоряженій, принятыхъ для сохраненія statu quo православной церкви на Востокѣ.

Въ случаѣ, если бы потребовалось успокоить султана относительно французскихъ угрозъ, послу разрѣшалось предложить ему заключеніе тайнаго оборонительнаго союза. Если же его требованія были бы отвергнуты, то ему предписывалось дать Портѣ три дня на размышленіе и по истеченіи этого срока оставить Константинополь вмѣстѣ со всѣми чинами императорскаго посольства.

Инструкціи эти не были безусловно обязательными для князя Меншикова. Высокое положеніе, имъ занимаемое, и личное довѣріе государя выдѣляли его изъ прямой подчиненности министерству иностранныхъ дѣлъ. Данныя ему наставленія были лишь изложеніемъ политическихъ результатовъ, достиженіе которыхъ признавалось желательнымъ, и послу предоставлялось видоизмѣнять ихъ по мѣрѣ надобности и по своему усмотрѣнію [1]).

Онъ имѣлъ вручить султану собственноручное письмо императора Николая, разъяснявшее главную цѣль посольства. Государь выражалъ въ немъ чувства прискорбія и удивленія, возбужденныя въ его величествѣ извѣстіемъ о рѣшеніи Порты по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, указывалъ на добросовѣстность, съ которою самъ всегда соблюдалъ свои обязательства и договоры съ султаномъ, а уклоненія послѣдняго отъ исполненія данныхъ обѣщаній называлъ «поступками, которые прискорбны ему, какъ другу, обидны, какъ союзнику, и налагаютъ на него, какъ на государя, весьма тяжкія обязанности». Приписавъ ихъ вліянію «неопытныхъ или неблагонамѣренныхъ министровъ», императоръ утверждалъ, что далекъ отъ мысли подвергнуть Порту распрямъ съ другими державами или предложить ей нарушеніе заключенныхъ съ ними договоровъ,

---

[1]) Тамъ же, ч. I, стр. 159—162.

но совѣтовалъ султану «сохранить права, освященныя вѣками, признанныя всѣми его славными предшественниками и подтвержденныя имъ самимъ, въ пользу православной церкви, догматы которой исповѣдываются многими изъ состоящихъ подъ его владычествомъ христіанъ, равно какъ и большею частью собственныхъ подданныхъ государя». Если-бъ сохраненіе этихъ правъ повело къ какому либо замѣшательству или подвергло опасности владѣнія султана, то обстоятельства эти еще болѣе упрочатъ союзъ его съ Россіею и поведутъ «къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ независимостью его правительства и со внутреннимъ спокойствіемъ его имперіи». «Позволяю себѣ надѣяться, — заключалъ государь свое письмо, — что ваше величество, убѣдясь въ справедливости этихъ замѣчаній и въ искренности словъ моихъ, устраните съ твердостью коварные и недоброжелательные извѣты, клонящіеся къ разрыву дружества и добраго сосѣдства, столь благополучно существовавшихъ доселѣ между нами» [1]).

Министерство иностранныхъ дѣлъ снабдило князя Меншикова проектомъ конвенціи, которую онъ долженъ былъ стараться заключить съ Портою, и общею инструкціею, въ коей излагался взглядъ императорскаго кабинета на отношенія наши къ великимъ европейскимъ державамъ.

Франція хотя и предлагала намъ разрѣшить споръ о святыхъ мѣстахъ путемъ прямаго съ нею соглашенія, но мы не придавали значенія ея предложенію. Императора Наполеона мы признали съ ограниченіями, которыя если и отвѣчали исповѣдуемымъ намъ политическимъ началамъ, то не могли не оскорбить его самолюбія. Мы не только заподозрѣвали въ немъ притязаніе принять на себя исключительное покровительство надъ католическою церковью въ Турціи, но допускали тайный умыселъ возбудить на Востокѣ смуты для осуществленія собственныхъ честолюбивыхъ видовъ, а потому и не надѣялись на уступчивость его въ Константинополѣ. Впрочемъ, отозваніе маркиза Лавалетта и замѣщеніе его другимъ представителемъ при Портѣ считалось благопріятнымъ признакомъ.

Отъ новаго министерства, образовавшагося въ Англіи подъ предсѣдательствомъ лорда Абердина, мы ожидали всего лучшаго. Возстановленіе имперіи во Франціи и воспоминанія о борьбѣ противъ перваго Наполеона у насъ считали достаточнымъ для упроченія общихъ видовъ между великобританскимъ правительствомъ и Россіей не вѣрили, чтобы между конституціонною Англіею и бонапартовскою Франціею могла существовать такая же тѣсная связь, какъ во времена Іюльской монархіи. Мы откровенно объяснились съ

---

[1]) Императоръ Николай султану Абдулъ-Меджиду 24-го января (5-го февраля) 1853 года.

великобританскимъ министерствомъ о цѣли посольства князя Меншикова и о намѣреніяхъ нашихъ относительно Порты, и, указавъ ему на вѣроятные замыслы императора французовъ, просили отнять у послѣдняго всякую надежду на содѣйствіе Англіи въ случаѣ, если бы онъ рѣшился возжечь войну на Востокѣ. Мы не сомнѣвались, что англійскій представитель въ Константинополѣ поддержитъ наши требованія предъ Портою.

Еще менѣе безпокоились мы относительно поведенія Австріи и Пруссіи, съ которыми состояли въ тѣсномъ союзѣ, при совершенномъ тождествѣ видовъ и прочности взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Въ особенности твердо вѣрили мы въ дружбу Австріи, которая сама предупредила просьбу нашу о поддержкѣ въ Константинополѣ выраженіемъ недовѣрія къ тайнымъ проискамъ французскаго правительства на Востокѣ. «Мы имѣемъ полное право надѣяться, — говорилось въ инструкціи князю Меншикову, — что ваша свѣтлость найдете въ уполномоченномъ вѣнскаго двора, искренно намъ союзнаго, совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ» [1]).

Подъ такими радужными предзнаменованіями предпринялъ князь Меншиковъ поѣздку свою въ Константинополь. Его сопровождала блестящая и многочисленная свита, военная и дипломатическая, въ составѣ которой выдавались вице-адмиралъ Корниловъ и генералъ-маіоръ Непокойчицкій. Военный пароходъ «Громоносецъ», на которомъ отплылъ изъ Севастополя чрезвычайный посолъ со своею свитою, бросилъ якорь въ Босфорѣ 16-го (28-го) февраля. Чины русскаго посольства со множествомъ христіанъ, состоявшихъ подъ нашимъ покровительствомъ, устроили ему торжественную встрѣчу.

18-го февраля (2-го марта) посолъ имѣлъ первое свиданіе съ великимъ визиремъ. Легенда о сѣромъ пальто, въ которомъ князь Меншиковъ будто бы явился на это свиданіе, сводится къ тому, что онъ дѣйствительно надѣлъ такое пальто поверхъ фрака, но, разумѣется, снялъ его при входѣ въ пріемную Мегемета Али-паши и перекинулъ черезъ руку, а потомъ положилъ возлѣ себя на диванѣ. Мелочной случай этотъ, конечно, не былъ бы замѣченъ, если бы не сопровождался серьезною демонстраціею. Уже въ первомъ разговорѣ своемъ съ великимъ визиремъ посолъ объявилъ ему, что, желая успѣшно исполнить возложенное на него государемъ порученіе, онъ не можетъ вести переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Фуадомъ-пашею, котораго не считаетъ человѣкомъ до-

[1]) Инструкція графа Нессельроде князю Меншикову 24-го января (5-го февраля) 1853 года.

бросовѣстнымъ. Выходя отъ визиря, онъ не только не сдѣлалъ этому министру обычнаго посѣщенія, но прошелъ мимо него, какъ бы его не замѣчая. Послѣдствіемъ была отставка Фуада и замѣщеніе его въ должности рейсъ-эфенди Рифаатомъ-пашею.

Перемѣна эта замедлила на цѣлую недѣлю пріемъ князя Меншикова султаномъ, состоявшійся въ Чираганскомъ дворцѣ лишь 24-го февраля (8-го марта). На торжественной аудіенціи посолъ вручилъ Абдулъ-Меджиду вѣрительную грамоту и произнесъ краткую рѣчь, въ которой, выразивъ дружескія чувства императора къ султану и участіе его величества къ благополучію его царствованія и къ прочности Оттоманской имперіи, заявилъ, что на него самого возложена забота объ упроченіи согласія и дружескаго сосѣдства обоихъ государствъ, и что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее для достиженія этой цѣли. Письмо государя князь передалъ Абдулъ-Меджиду на второй частной аудіенціи, послѣдовавшей непосредственно за первою. Оно произвело сильное впечатлѣніе на султана, съ трудомъ скрывавшаго свое смущеніе. Чтобы успокоить его, Меншиковъ сказалъ, что, не смотря на поданный турецкими министрами поводъ къ неудовольствію, императоръ Николай не измѣнилъ своего дружескаго расположенія къ Турціи и радъ будетъ усиленію сухопутныхъ и морскихъ силъ ея, съ цѣлью обезпеченія ея независимости. Султанъ извинился въ происшедшихъ недоразумѣніяхъ, тщательно выгораживая личную за нихъ отвѣтственность. Посолъ просилъ у него позволенія посѣтить давняго своего знакомаго, бывшаго сераскира Хозрева-пашу и передать ему украшенный алмазами портретъ государя[1]).

Прибытіе князя Меншикова въ сопровожденіи видныхъ представителей русской арміи и флота, торжественный пріемъ, ему оказанный какъ Портою, такъ и христіанскимъ населеніемъ Царьграда, были уже явленіями необычайными. Впечатлѣніе, произведенное ими, еще болѣе усилилось, когда услыхали тонъ его рѣчей, почтительный съ султаномъ, рѣзкій и высокомѣрный съ министрами его, холодно вѣжливый съ представителями великихъ державъ, но всегда рѣшительный и твердый. Умы на Востокѣ всегда склонны къ преувеличенію, еще легче воспламеняется тамъ воображеніе. Не успѣлъ посолъ начать переговоры, какъ стоустая молва уже распространяла невѣроятнѣйшіе слухи о предъявленныхъ имъ притязаніяхъ. Въ Портѣ забили тревогу. Подъ вліяніемъ паническаго страха, обуявшаго турецкихъ министровъ, великій визирь признался англійскому повѣренному въ дѣлахъ, что не вѣритъ въ примирительный характеръ Меншиковскаго посольства, а полагаетъ, что цѣль его—добиться у Турціи такихъ уступокъ, которыя разрушили бы ея независимость, и что намѣреніе русскаго

---

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 25-го февраля (9-го марта) 1853 года.

императора состоитъ въ томъ, чтобы попрать права Порты и достоинство султана. Полковникъ Розъ, временно замѣнявшій лорда Страдфорда Редклифа, находившагося въ отпуску въ Англіи, внялъ просьбѣ Мегемета-Али и собственною властью предложилъ командиру расположенной въ Мальтѣ англійской эскадры адмиралу Дундасу прибыть съ нею въ Вурлу, для оказанія поддержки турецкому правительству. Оправдывая это распоряженіе въ глазахъ своего правительства, онъ писалъ, что вмѣсто того, чтобы остановить свои войска, Россія направляетъ ихъ къ турецкимъ границамъ, что она заготовляетъ провіантскіе магазины въ княжествахъ, прежде чѣмъ изложитъ свои жалобы Портѣ, что вообще она принимаетъ важныя мѣры на сушѣ и на морѣ, съ очевидною цѣлью поработить Турцію или объявить ей войну [1]).

Таковъ былъ первый шагъ представителя Англіи, на помощь котораго долженъ былъ согласно инструкціямъ своимъ разсчитывать нашъ посолъ. Въ разговорахъ съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Портѣ г. Озеровымъ Розъ заявилъ, что по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ изъ С.-Петербурга, правительство наше обязалось намѣренія свои по дѣламъ Турціи предварительно сообщать великобританскому кабинету и получать его одобреніе, и что въ этомъ смыслѣ онъ объяснился и съ турецкими министрами. Озеровъ возразилъ, что объ одобреніи дѣйствій независимой державы со стороны иностраннаго правительства не можетъ быть и рѣчи, и что всякое постороннее вмѣшательство въ предстоящіе между Россіею и Турціею переговоры способно лишь затруднить соглашеніе. Въ свою очередь, Розъ высказалъ мнѣніе, что Портѣ слѣдуетъ предоставить рѣшеніе спора о святыхъ мѣстахъ непосредственнымъ переговорамъ Россіи съ Франціей. Тогда Меншиковъ велѣлъ объявить ему, что самъ лордъ Джонъ Руссель находитъ неправильными притязанія французскаго правительства. Но Розъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи, и Озеровъ вынужденъ былъ поставить ему на видъ, что хотя общую цѣль европейскихъ державъ и составляетъ поддержаніе цѣлости Оттоманской имперіи, но что въ дѣйствіяхъ своихъ посольства ихъ независимы другъ отъ друга, и что Россія не допуститъ посторонняго вмѣшательства по вопросамъ, исключительно ея касающимся. Отказомъ отвѣчалъ нашъ посолъ на требованіе представителя Англіи сообщить его инструкціи или отложить переговоры съ Портою впредь до возвѣщеннаго возвращенія въ Константинополь лорда Страдфорда Редклифа, а Озеровъ прибавилъ, что князь Меншиковъ будетъ напротивъ стараться какъ можно скорѣе окончить возложенное на него государемъ порученіе [2]).

---

[1]) Полковникъ Розъ графу Кларендону 22-го февраля (6-го марта) 1853 года.
[2]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 25-го февраля (9-го марта) 1853 года.

Такъ доносилъ въ С.-Петербургъ нашъ посолъ, а между тѣмъ, полковникъ Розъ сообщалъ своему правительству, что, по словамъ Меншикова, Россія намѣрена потребовать отъ Порты исполненія дарованнаго грекамъ фирмана, а также личнаго удовлетворенія императора Николая; впрочемъ отставка Фуада могла уже отчасти служить такимъ удовлетвореніемъ. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ полагалъ, что если Франція не нарушитъ statu quo въ особенности въ отношеніи купола, который нашъ посолъ считалъ русскимъ дѣломъ, то с.-петербургскій кабинетъ не потребуетъ дальнѣйшаго удовлетворенія [1]).

Въ ожиданіи прибытія вновь назначеннаго посла Лакура, французскимъ посольствомъ въ Константинополѣ управлялъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Бенедетти. И къ нему, такъ же какъ и къ англійскому его товарищу, обратился великій визирь съ просьбою призвать французскій флотъ на защиту турецкой столицы. Но Бенедетти не взялъ на себя, подобно Розу, вызвать эскадру изъ Тулона, а ограничился доведеніемъ просьбы визиря до свѣдѣнія своего правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ князю Меншикову, что если Порта, удовлетворяя русскимъ требованіямъ, отмѣнитъ сдѣланныя Франціи уступки по вопросу о святыхъ мѣстахъ, то французское правительство будетъ этимъ поставлено въ невозможное положеніе. Посолъ нашъ отозвался, что ему не поручено вести переговоровъ по этому предмету съ французскимъ посольствомъ, о русскихъ же вооруженіяхъ, на которыя обратилъ его вниманіе Бенедетти, коротко замѣтилъ, что, вѣроятно, ихъ правительства объяснятся о томъ между собою, прибавивъ, что «движеніе Омера-паши съ пятидесятитысячнымъ войскомъ къ австрійскимъ границамъ, присутствіе въ его арміи иностранныхъ революціонеровъ и покушеніе турокъ овладѣть Черногоріею вполнѣ оправдываютъ мѣры, принятыя нами для собственной безопасности» [2]).

Прошло около мѣсяца со времени прибытія князя Меншикова въ Константинополь, а онъ не начиналъ еще переговоровъ съ Портою. Посолъ присматривался къ обстоятельствамъ и къ людямъ, ему незнакомымъ, изучалъ ихъ, а между тѣмъ упускалъ драгоцѣнное время. Одною изъ причинъ такой медленности, по всей вѣроятности, служила перемѣна, происшедшая въ общемъ положеніи дѣлъ, вслѣдствіе состоявшагося за два дня до прибытія князя принятія Портою австрійскаго ультиматума, поддержать который вмѣнялось ему въ обязанность его инструкціями. Наконецъ 10-го (22-го) марта онъ имѣлъ первое совѣщаніе съ Рифаатъ-беемъ и

---

[1]) Полковникъ Розъ графу Кларендону 26-го февраля (10-го марта) 1853 года.

[2]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 26-го февраля (10-го марта) 1853 года.

изложилъ ему наши требованія по вопросу о святыхъ мѣстахъ. Они заключались въ слѣдующемъ:

1) Дарованный католикамъ ключъ отъ Виѳлеемской церкви, а также пожалованная имъ султаномъ и поставленная въ вертепѣ звѣзда, не даютъ имъ права на обладаніе большимъ престоломъ храма, ни на измѣненіе существовавшаго въ ней порядка богослуженія и права греческаго духовенства охранять главный входъ. 2) Въ Геѳсиманіи первенство остается за греками и очередь въ богослуженіи соблюдается согласно предложенію іерусалимскаго патріарха. 3) Виѳлеемскимъ храмомъ владѣютъ на равныхъ правахъ греки и католики. 4) Отмѣняются всѣ права, дарованныя католикамъ и русскому правительству неизвѣстныя. 5) Порта разрушитъ гаремы, загромождающіе терассы храма Гроба Господня. 6) Признаются права грековъ на обновленіе большаго купола, подъ наблюденіемъ іерусалимскаго патріарха. 7) Предоставленныя грекамъ святыни должны быть точно обозначены, такъ чтобы прочія христіанскія общины не могли впредь предъявлять на нихъ притязаній. Въ то же время князь Меншиковъ, заявивъ Рифаатъ-бею, что опытъ заставляетъ насъ въ сношеніяхъ съ Портою искать ручательствъ болѣе прочныхъ, чѣмъ обѣщанія ея, столь часто ею нарушенныя или неисполненныя, вручилъ ему проектъ конвенціи, составленный въ императорскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и приложенный къ его инструкціямъ.

Конвенція эта должна была состоять изъ шести статей и отдѣльнаго секретнаго акта. Первая статья постановляла, что «православная христіанская вѣра будетъ постоянно пользоваться покровительствомъ блистательной Порты и что министры императорскаго всероссійскаго двора будутъ, какъ и прежде, облечены правомъ ходатайствовать въ пользу церквей константинопольскихъ и другихъ, а также въ пользу духовенства, каковыя просьбы будутъ уважены, какъ приносимыя отъ имени сосѣдней и искренно дружественной державы». Второю статьею опредѣлялся порядокъ свободнаго и согласнаго правиламъ и уставамъ восточной церкви и древнему обычаю избранія патріарховъ и прочихъ духовныхъ лицъ и обезпечивалось имъ пользованіе всѣми предоставленными имъ отъ Порты правами. Третья статья обязывала Порту назначать избранныхъ синодомъ патріарховъ пожизненно и не смѣнять ихъ впредь, исключая тѣхъ случаевъ, когда оказалось бы, что патріархъ притѣсняетъ раію, или нарушаетъ уставы вѣры или виновенъ въ государственной измѣнѣ. Четвертою статьею Порта принимала предъ русскимъ дворомъ обязательство соблюдать и поддерживать права и льготы православной церкви и ея служителей въ Іерусалимѣ и другихъ мѣстахъ, безъ всякаго ущерба для прочихъ христіанскихъ общинъ, подданныхъ либо иностранцевъ, посѣщающихъ храмъ Гроба Господня и другія святыни, какъ сообща съ

греками, такъ и отдѣльно. Въ пятой статьѣ приводятся фирманъ и гатти-гумаюнъ, которыми утверждаются постановленія предшественниковъ султана въ пользу патріаршей іерусалимской церкви съ перечисленіемъ святынь, предоставленныхъ какъ православному, такъ и римско-католическому вѣроисповѣданію, и объявляется обѣщаніе Порты въ точности соблюдать эти фирманъ и гатти-гумаюнъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они были сообщены русскому двору. Шестая статья признаетъ за русскими подданными, посѣщающими Іерусалимъ и прочія святыя мѣста, право на покровительство мѣстныхъ властей наравнѣ съ націями, коимъ наиболѣе благопріятствуетъ мѣстное правительство, и предоставляется русскому двору право построить въ Іерусалимѣ или въ окрестностяхъ, церковь, посвященную богослуженію русскаго духовенства и страннопріимный домъ для неимущихъ и больныхъ поклонниковъ.

Отдѣльнымъ и секретнымъ актомъ императоръ Николай обязывался въ случаѣ, если бы удовлетвореніе его требованій возбудило противъ Порты неудовольствіе или вражду какой либо европейской державы, помогать султану своими сухопутными и морскими силами для защиты его владѣній [1]).

На слѣдующій же день рейсъ-эфенди сообщилъ старшему драгоману нашего посольства, что дѣло о святыхъ мѣстахъ будетъ разсмотрѣно въ совѣтѣ и представлено на утвержденіе султана, рѣшеніе котораго будетъ сообщено французскому повѣренному въ дѣлахъ. Но тогда же онъ выразилъ сомнѣніе въ возможности побѣдить препятствія, возбуждаемыя предложенною конвенціею. Рифаатъ спѣшилъ оговориться, что самъ онъ находитъ наши требованія вполнѣ основательными; что нельзя оправдать вмѣшательство и происки Порты въ дѣлахъ греческаго духовенства, нападенія турокъ на Черногорію и проч.; что признаніе Аали-пашою французскихъ притязаній вызвало требованіе конвенціи со стороны русскаго правительства; что предъявленныя нами условія не заключаютъ ничего чрезвычайнаго, но что въ желаемой намъ формѣ они едва ли могутъ быть приняты Портою [2]).

19-го (31-го) марта князь Меншиковъ имѣлъ съ рейсъ-эфенди второе совѣщаніе, продолжавшееся около семи часовъ. Они пришли къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ, касавшимся святыхъ мѣстъ, за исключеніемъ порядка службы въ Геѳсиманской пещерѣ и вопроса о куполѣ, возобновить который турки предлагали на счетъ султана. Посолъ не сомнѣвался, что всѣ требованія наши по дѣлу о святыхъ мѣстахъ будутъ удовлетворены Портою [3]).

---

[1]) Проектъ конвенціи и отдѣльнаго секретнаго акта напечатаны у Богдановича въ «Исторіи восточной войны», т. I, стр. 28—31.

[2]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 14-го (26-го) марта 1853 года.

[3]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 24-го марта (5-го апрѣля) 1853 года.

Иначе относились министры султана къ предложенной нами конвенціи. Великій визирь жаловался англійскому повѣренному въ дѣлахъ, что русскій посолъ имѣетъ тайные умыслы, цѣль которыхъ принудить Порту заключить съ Россіею секретный союзъ. Онъ не предлагалъ его оффиціально,—говорилъ полковнику Розу Мегеметъ-Али-паша,—но сказалъ нѣсколькимъ знакомымъ ему лицамъ, находящимся, какъ ему извѣстно, въ сношеніяхъ съ нами, что турки-де напрасно полагаются на англійское и французское правительство, ибо опытъ давно показываетъ, что они много потеряли и ничего не выиграли, слѣдуя ихъ политикѣ и совѣтамъ. Такими рѣчами онъ ищетъ получить ихъ поддержку и избѣжать ихъ противодѣйствія въ дѣлѣ тайнаго договора, который старается заключить. Политика его весьма туманна. То онъ хочетъ привлечь Порту на сторону Россіи ласкою, увѣряя, что намѣренія его правительства миролюбивы; то пытается убѣдить ее, указывая на невыгоды и безполезность ея надеждъ на Англію и Францію, на то, какъ дурно она поступаетъ, слѣдуя совѣтамъ этихъ двухъ державъ, къ которымъ она не должна быть привязана, въ особенности если принять въ соображеніе, что государственное ихъ устройство отлично отъ турецкаго, тогда какъ послѣднее, напротивъ, сходно съ русскимъ и австрійскимъ. Два дня тому назадъ князь Меншиковъ имѣлъ совѣщаніе съ Рифаатомъ-пашою. Онъ сказалъ ему, что прежде, чѣмъ сообщить блистательной Портѣ сущность возложеннаго на него порученія и требованія своего правительства или дать какія либо объясненія, онъ требуетъ отъ Рифаата-паши формальнаго обѣщанія Порты, что она не сообщитъ представителямъ ни Англіи, ни Франціи ничего объ его требованіяхъ или предложеніяхъ, присовокупивъ, что желаетъ вести переговоры въ глубочайшей тайнѣ, въ противномъ случаѣ онъ и не коснется предмета.

Разумѣется, великій визирь увѣрялъ, что Порта отказалась скрывать отъ представителей западныхъ державъ ходъ переговоровъ, но тотчасъ прибавилъ, что, вѣроятно, кто либо изъ турецкихъ министровъ, страха ради, далъ обѣщаніе сохранять ихъ въ тайнѣ. Тогда же онъ передалъ полковнику Розу сущность требованій, предъявленныхъ нашимъ посломъ, который будто бы предупредилъ, что если таковыя дойдутъ до свѣдѣнія англійскаго посольства, то самъ онъ и русская миссія немедленно оставятъ Константинополь.

Рифаатъ-паша также держалъ великобританскому повѣренному въ дѣлахъ рѣчи, крайне враждебныя по отношенію къ Россіи. «Я не дитя,—восклицалъ онъ,—я старый министръ, хорошо знакомый съ договорами, связывающими блистательную Порту съ дружественными державами. И я, слава Богу, слишкомъ хорошо понимаю важность нашихъ добрыхъ отношеній къ Франціи и Ан-

гліи, полное значеніе обязанности нашей соблюдать трактаты, все протяженіе зла, которому подверглось бы мое правительство, отступивъ отъ нихъ или ихъ нарушивъ, чтобы не сообщить безъ малѣйшаго колебанія ихъ представителямъ всякое требованіе или предложеніе, которое Россія пожелала бы навязать намъ и которое не было бы согласно съ правомъ, установленнымъ въ этихъ трактатахъ» [1]).

Въ такомъ положеніи находились переговоры, когда въ Константинополь прибыли послы: англійскій—лордъ Страдфордъ Редклифъ и вновь назначенный французскій—Лакуръ. Первый заѣхалъ по пути въ Парижъ и въ Вѣну, видѣлся съ императорами Наполеономъ и Францомъ-Іосифомъ и ихъ министрами иностранныхъ дѣлъ и достигъ Царьграда 24-го марта (5-го апрѣля), а два дня спустя туда же пріѣхалъ и французскій его товарищъ.

На другой же день по пріѣздѣ, лордъ Страдфордъ Редклифъ посѣтилъ князя Меншикова, а на третій день былъ принятъ султаномъ. Турецкіе министры, привыкшіе подчиняться его вліянію, спѣшили къ нему за указаніемъ и совѣтомъ. Англійскій дипломатъ скоро замѣтилъ, однако, что они не довѣряютъ ему всей сущности переговоровъ, происходившихъ между ними и русскимъ посломъ. Отсутствіе въ нихъ откровенности онъ приписывалъ внушеніямъ князя Меншикова. Мало по малу турки признались, что въ рѣчахъ, обращенныхъ къ нимъ послѣднимъ, «слышались, то неудовольствіе и жалобы, то дружественныя увѣренія, сопровождаемыя положительными требованіями по дѣлу о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ, указаніями на дальнѣйшіе виды и вообще настойчивостью, по временамъ граничащею съ угрозами». О «дальнѣйшихъ видахъ» они объяснили, что сначала русскій посолъ освѣдомился о намѣреніяхъ Порты относительно заключенія съ Россіею оборонительнаго союза, но что, встрѣтивъ отпоръ, онъ направилъ всѣ свои усилія къ преобразованію Константинопольскаго патріархата, къ болѣе ясному и точному опредѣленію основаннаго на договорахъ права Россіи покровительствовать греческимъ и армянскимъ подданнымъ Порты въ религіозныхъ вопросахъ и къ заключенію формальнаго соглашенія, которое обнимало бы всѣ эти предметы. Старайтесь,—отвѣчалъ лордъ Страдфордъ турецкимъ министрамъ,—вести дѣло о святыхъ мѣстахъ отдѣльно отъ дальнѣйшихъ русскихъ предложеній, каковы бы они ни были. Если князь Меншиковъ предъявитъ вамъ ихъ, то вы будете въ полномъ правѣ не вдаваться въ ихъ обсужденіе, пока не будетъ вамъ представлена вся сущность ихъ, размѣры и поводы къ нимъ. Если при разсмотрѣніи ихъ окажется, что они обусловливаютъ въ пользу иностранной державы такую степень

---

[1]) Полковникъ Розъ графу Кларендону, конецъ марта и начало апрѣля нов. ст. 1853 года.

вліянія на христіанскихъ подданныхъ Порты, которая окажется опасною или неудобною для отправленія въ будущемъ законной власти султана, то министры его хорошо поступятъ, отклонивъ ихъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—это не должно препятствовать устраненію всѣхъ существующихъ злоупотребленій по прямому почину верховной власти. Послѣ аудіенціи у султана великій визирь съ рейсъ-эфенди не замедлили повѣдать англійскому послу во всѣхъ подробностяхъ переговоры свои съ княземъ Меншиковымъ и сущность предъявленныхъ имъ требованій.

Въ одинаковомъ смыслѣ высказался лордъ Страдфордъ Редклифъ и въ первыхъ бесѣдахъ своихъ съ нашимъ посломъ. Въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ онъ вполнѣ призналъ справедливость нашихъ требованій и обѣщалъ содѣйствовать признанію ихъ какъ Портою, такъ и Франціею. Но онъ не скрылъ своего знакомства и съ прочими нашими домогательствами «касательно покровительства надъ всею греческою церковью и духовенствомъ въ Турціи» и выразилъ мнѣніе, что они встрѣтятъ серьезное сопротивленіе со стороны Порты и что самыя дружественныя Россіи державы будутъ взирать на нихъ неблагопріятно. Русскій посолъ возражалъ, стараясь смягчить «размѣры и значеніе» нашихъ притязаній, но англійскій дипломатъ настаивалъ на своемъ взглядѣ, настаивая на рѣзкомъ различіи между подтвержденіемъ нѣкоторыхъ обязательствъ, уже признанныхъ договорами, и распространеніемъ вліянія равносильнаго протекторату иностранной державы надъ самымъ важнымъ и многочисленнымъ разрядомъ данниковъ и подданныхъ султана. Впрочемъ, споръ продолжался не долго, такъ какъ оба посла рѣшили прекратить обсужденіе вопроса, которое могло повести къ взаимному раздраженію [1]).

Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ князь Меншиковъ изложилъ графу Нессельроде взглядъ свой на исходъ порученныхъ ему переговоровъ. Онъ увѣренъ былъ, что Порта удовлетворитъ всѣмъ нашимъ требованіямъ по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, но полагалъ, что турки побоятся связать себя конвенціею, и, чтобы избѣжать ея, султанъ предпочтетъ написать государю извинительное письмо въ самомъ покорномъ тонѣ и послать его чрезъ довѣренное лицо въ С.-Петербургъ. Предвидя важныя затрудненія, посолъ намѣревался дѣйствовать постепенно: сперва разрѣшить спорный вопросъ о святыхъ мѣстахъ, затѣмъ получить отъ Порты объяснительный фирманъ со включеніемъ въ него условія объ учрежденіи въ Іерусалимѣ русскаго страннопріимнаго дома и, наконецъ, отложить до послѣдней минуты переговоры о потребованномъ нами ручательствѣ въ формѣ конвенціи. Въ заключеніе онъ предложилъ

[1]) Лордъ Страдфордъ Редклифъ графу Кларендону, начало апрѣля новаго стиля 1853 года.

на разрѣшеніе государственнаго канцлера слѣдующіе вопросы: «Должно ли доводить настоянія до прекращенія дипломатическихъ сношеній съ Портою? Можно ли довольствоваться нотою либо другимъ документомъ вмѣсто формальнаго трактата? Въ случаѣ разрыва согласно ли будетъ съ видами императорскаго кабинета объявить Портѣ, что всякое нарушеніе льготъ восточной церкви, противное смыслу Кайнарджійскаго договора, заставитъ Россію требовать отъ Порты удовлетворенія средствами, которыя будутъ прискорбны императору, какъ по дружбѣ его къ султану, такъ и по всегдашнему сочувствію къ Оттоманской Портѣ, но которыя обязательны для него, какъ православнаго государя?» Со своей стороны князь Меншиковъ утверждалъ, что безъ поддержанія нашихъ требованій силою императорскому посольству трудно будетъ возвратить себѣ прежнее вліяніе на диванъ [1]).

Въ ожиданіи отвѣта изъ С.-Петербурга посолъ занялся окончательнымъ разрѣшеніемъ спора о святыхъ мѣстахъ.

Преемникъ маркиза Лавалетта, Лакуръ, какъ уже замѣчено выше, прибылъ въ Константинополь почти одновременно съ лордомъ Страдфордомъ Редклифомъ. Незадолго до отъѣзда его изъ Парижа, тамъ было получено извѣстіе о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Константинополѣ прибытіемъ русскаго чрезвычайнаго посла, и объ обращенной къ англійскому и французскому повѣреннымъ въ дѣлахъ просьбѣ Порты касательно вызова флотовъ ихъ націй въ турецкія воды. Не освѣдомившись даже о томъ, одобритъ ли великобританское правительство произвольное приглашеніе, посланное полковникомъ Розомъ адмиралу Дундасу, прибыть со ввѣренною ему эскадрою въ Вурлу, тюильрійскій кабинетъ предписалъ тулонской эскадрѣ, состоявшей подъ начальствомъ адмирала де-ла-Сюсса, немедленно отправиться въ Архипелагъ и бросить якорь въ Саламинской бухтѣ. Въ то же время министръ иностранныхъ дѣлъ снабдилъ отъѣзжавшаго къ своему посту Лакура инструкціею, въ которой предписывалось ему, «пока диванъ будетъ подверженъ лишь нравственному давленію, ограничиваться поддержаніемъ въ немъ мужества, заключеніемъ его въ предѣлахъ благоразумія и преподаніемъ ему просвѣщенныхъ совѣтовъ». Но если бы князь Меншиковъ прервалъ переговоры или прибѣгнулъ къ понудительнымъ мѣрамъ, то французскому послу предстояли иныя обязанности. При этомъ предвидѣлось три случайности. Во-первыхъ, Россія могла занять Молдавію и Валахію. Въ такомъ случаѣ Лакуру надлежало выждать обращенія къ нему Порты, и тогда онъ могъ пригласить эскадру адмирала де-ла-Сюсса вступить въ Дарданеллы. Впрочемъ, и безъ обращенія Порты ему разрѣшалось предложить эскадрѣ, въ случаѣ на-

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 29 марта (10 апрѣля) 1853 года.

добности, стать на якорѣ близь острова Вурлы или въ Эносскомъ заливѣ. Во-вторыхъ, если бы черноморскій флотъ вышелъ изъ Севастополя, а русскія войска, вступивъ въ княжества, приблизились къ турецкимъ берегамъ Чернаго моря или открыли военныя дѣйствія, то этимъ самымъ война началась бы на дѣлѣ, и султанъ былъ бы освобожденъ отъ обязанностей, налагаемыхъ на него договоромъ 1841 года. Лакуръ долженъ былъ тогда пригласить эскадру появиться за Дарданеллами подъ условіемъ не только согласія, но и письменнаго обращенія Порты, а если бы таковаго не послѣдовало, то французскому послу слѣдовало внушить рейсъ-эфенди, чтобы онъ съ этою просьбою обратился въ великобританское посольство, а самому заявить своему англійскому товарищу, что Франція вводитъ суда свои въ проливъ единственно въ видахъ защиты Оттоманской имперіи и безъ всякой своекорыстной цѣли. При разрѣшеніи Портою высадки экипажей англійскаго и французскаго флотовъ и занятія ими Дарданельскихъ заливовъ, предполагалось англійской эскадрѣ поручить защиту одного берега, а французской другаго. Въ-третьихъ, въ случаѣ появленія русскаго флота у входа въ Босфоръ и попытки его прорваться къ Константинополю, послу разрѣшалось, съ согласія султана, предложить адмиралу де-ла-Сюссу приплыть подъ стѣны турецкой столицы и помогать туркамъ не только силами, въ его распоряженіи находящимися, но и собственною военною опытностью. Съ этой минуты адмиралъ долженъ былъ дѣйствовать независимо, и Лакуръ имѣлъ лишь право указать время, когда ему слѣдуетъ выйдти изъ Босфора. Друэнъ-де-Люисъ заканчивалъ депешу выраженіемъ убѣжденія, что если дѣло дойдетъ до борьбы за существованіе Оттоманской имперіи, то и англійскій флотъ приметъ вмѣстѣ съ французскимъ участіе въ ея защитѣ, и предоставлялъ Лакуру въ рѣшительную минуту сообщить содержаніе своихъ инструкцій великобританскому посольству и вообще примѣнять ихъ, какъ только, по мнѣнію его, существованію Турціи будетъ грозить дѣйствительная опасность [1]).

Не взирая на такія наставленія, преподанныя французскому представителю при Портѣ на случай разрыва между нею и Россіею, Лакуръ оказался сверхъ чаянія сговорчивымъ и уступчивымъ въ переговорахъ своихъ съ княземъ Меншиковымъ по дѣлу о святыхъ мѣстахъ. Согласно обѣщанію, данному нашему послу, и инструкціямъ лондонскаго кабинета, лордъ Страдфордъ Редклифъ постарался убѣдить своего французскаго товарища въ неосновательности противодѣйствія Франціи нашимъ справедливымъ требованіямъ. Онъ совѣтовалъ ему удовольствоваться достигнутыми раньше преимуществами, ключемъ отъ Виѳлеемскаго храма и серебря-

[1]) Друэнъ-де-Люисъ Лакуру 10-го (22-го) марта 1853 года.

ною звѣздою, на отобраніи которыхъ у католиковъ Россія не настаивала, и уступить по вопросамъ о куполѣ, о богослуженіи въ Геѳсиманской пещерѣ и о привратникѣ въ Виѳлеемѣ. Онъ не скрылъ отъ него, что по разрѣшеніи этого спеціальнаго спора с.-петербургскій кабинетъ лишенъ будетъ главнаго предлога для дальнѣйшихъ своихъ требованій, по мнѣнію англійскаго дипломата, имѣвшихъ цѣлью возстановить русское вліяніе въ Турціи на исключительномъ основаніи, въ повелительной и обязательной формѣ [1]).

Соглашеніе не замедлило состояться между послами русскимъ и французскимъ на условіяхъ почти тождественныхъ съ тѣми, которыя были первоначально предъявлены нами Портѣ. Звѣзда и ключъ отъ Виѳлеемской церкви оставались въ рукахъ латинянъ, но не давали имъ никакихъ новыхъ правъ. Привратникъ этого храма долженъ былъ быть попрежному изъ грековъ, но входъ въ него оставался свободнымъ для христіанъ всѣхъ исповѣданій. Виѳлеемскимъ садомъ владѣли православные и римскіе католики на одинаковыхъ правахъ. Распредѣленіе часовъ богослуженія въ Геѳсиманской пещерѣ было условлено согласно желанію іерусалимскаго патріарха. Первые часы дня предоставлялись грекамъ; за ними слѣдовали армяне, наконецъ, латиняне, но въ указѣ Порты должно было быть выпущено выраженіе «права первенства» грековъ. Относительно купола надъ Гробомъ Господнимъ рѣшено, что возстановленіе его приметъ на себя султанъ, а что іерусалимскому патріарху будетъ предоставлено наблюдать за тѣмъ, чтобы въ постройкѣ не было никакихъ нововведеній и чтобы куполъ былъ возобновленъ въ прежнемъ видѣ. Турецкія строенія, возвышавшіяся надъ террасами Святаго Гроба, положено не снести, а лишь заложить въ нихъ окна, выходящія во внутренность храма [2]).

Портѣ оставалось лишь облечь условія франко-русскаго соглашенія въ форму правительственныхъ указовъ. За нѣсколько дней до заключенія его князь Меншиковъ обратился къ рейсъ-эфенди съ нотою слѣдующаго содержанія.

«Его превосходительство министръ иностранныхъ дѣлъ, ознакомясь при вступленіи своемъ въ должность съ происходившими до того времени переговорами, усмотрѣлъ изъ нихъ двуличіе своихъ предшественниковъ. Онъ долженъ былъ убѣдиться, какъ мало было принято во вниманіе уваженіе, подобающее императору все-

---

[1]) Eastern papers, ч. I, стр. 125 и 155.

[2]) Eastern papers, ч. I, стр. 248. Изложеніе франко-русскаго соглашенія по дѣлу о святыхъ мѣстахъ Богдановичемъ въ его «Исторіи восточной войны», т. I, стр. 49—52, составленное на основаніи донесеній князя Меншикова графу Нессельроде, страдаетъ неполнотою и неточностью. Соглашеніе состоялось 10-го (22-го) апрѣля 1853 года.

россійскому, и какъ великодушенъ его величество, предлагая Портѣ средство выйдти изъ затрудненій, въ которыя она была вовлечена недобросовѣстностью своихъ министровъ. Министры эти злоупотребили довѣріемъ своего государя, поставя его въ противорѣчіе съ собственными его словами и въ такое положеніе относительно его союзника и друга, которое несовмѣстно ни съ высокимъ обаяніемъ, ни съ достоинствомъ верховной власти. Государь императоръ хотя и одушевленъ желаніемъ предать забвенію прошлое и признать за удовлетвореніе увольненіе лживаго министра и открытое исполненіе торжественныхъ обѣщаній, но считаетъ своею обязанностью потребовать твердыхъ ручательствъ за будущее. Онъ требуетъ ихъ формально, положительно, и такъ, чтобы они обезпечили неприкосновенность исповѣданія, къ которому принадлежатъ какъ большинство подданныхъ Порты и Россіи, такъ и императоръ самъ. Онъ желаетъ лишь такихъ ручательствъ, которыя заключались бы въ документѣ или соглашеніи, равносильныхъ договору и независимыхъ отъ толкованій неблагомыслящаго или недобросовѣстнаго министра».

Ссылаясь на проявленную Портою медленность въ рѣшеніи по поводу предложеній, сдѣланныхъ ей русскимъ посломъ, князь требовалъ отъ нея скораго и категорическаго отвѣта, который долженъ былъ заключаться въ объяснительномъ фирманѣ, узаконивающемъ новый порядокъ, установленный между православными и католиками въ Виѳлеемѣ и въ Геѳсиманіи, и въ повелѣніи султана о возобновленіи купола надъ Гробомъ Господнимъ. Мѣры, подлежащія внесенію въ эти акты, излагались въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ вошли въ соглашеніе, о которомъ переговаривались между собою послы русскій и французскій, но о самомъ соглашеніи не упоминалось ни слова.

Этимъ, впрочемъ, не ограничивались требованія Меншикова. Въ дополненіе къ фирману и повелѣнію онъ требовалъ отъ Порты «сенеда (указа) или конвенціи съ ручательствомъ за сохраненіе строгаго statu quo преимуществъ каѳолической греко-россійской вѣры, восточной церкви и святынь, принадлежащихъ этому исповѣданію либо исключительно, либо совмѣстно съ прочими исповѣданіями въ Іерусалимѣ». Посолъ присовокуплялъ, что Россія не требуетъ отъ Порты политическихъ уступокъ, а желаетъ лишь успокоить совѣсть вѣрующихъ увѣренностью въ сохраненіи того порядка, «который существуетъ нынѣ и всегда существовалъ до настоящаго времени».

«Въ виду враждебныхъ стремленій,—продолжалъ князь,—которыя впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ обнаруживались противъ всего, что соприкасается съ Россіею, и въ интересѣ церковныхъ общинъ православнаго исповѣданія, Россія требуетъ объяснительнаго и положительнаго акта съ ручательствомъ, такого акта, кото-

рый никоимъ образомъ не наносилъ бы ущерба ни прочимъ исповѣданіямъ, ни отношеніямъ Порты къ другимъ державамъ. Оттоманская Порта, въ мудрости своей, взвѣситъ всю тяжесть совершенныхъ правонарушеній и сравнитъ ихъ съ умѣренностью потребованныхъ удовлетворенія и ручательствъ, которыя чувство законной самозащиты могло бы развить въ духѣ несравненно болѣе пространномъ и рѣшительномъ. Отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ укажетъ послу на предлежащія ему дальнѣйшія обязанности, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ не отвѣчать достоинству представляемаго имъ правительства и вѣры, исповѣдуемой его государемъ» [1]).

На ноту эту Порта отвѣчала сообщеніемъ двухъ фирмановъ, изъ которыхъ первый относился къ разрѣшенію споровъ между православными и латинянами въ Виѳлеемѣ и въ Геѳсиманіи, а второй къ возобновленію купола надъ Святымъ Гробомъ, на основаніяхъ, соотвѣтствовавшихъ русско-французскому соглашенію, и совершенно умалчивала о третьемъ нашемъ требованіи конвенціи или сенеда съ ручательствомъ за будущее [2]).

Меншикову хорошо было извѣстно, чьимъ внушеніямъ повиновалась Порта, пытаясь отдѣлаться однимъ молчаніемъ. Введенный въ заблужденіе готовностью англійскаго посла поддерживать наши требованія въ переговорахъ съ Лакуромъ о святыхъ мѣстахъ, князь рѣшился прочесть лорду Страдфорду Редклифу составленный имъ проектъ сенеда или конвенціи съ Портою. Хотя этотъ проектъ и во многомъ отличался отъ редакціи конвенціи, составленной въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и приложенной къ инструкціямъ Меншикова, хотя князь вовсе исключилъ изъ него нѣкоторыя первоначальныя условія и значительно смягчилъ другія, согласно замѣчаніямъ своего собесѣдника, англійскій посолъ возражалъ противъ всякаго договора, утверждая, что существуетъ значительная разница между обѣщаніемъ султана покровительствовать своимъ христіанскимъ подданнымъ и дарованіемъ права этого покровительства какой либо иностранной державѣ. Одна и та же степень вмѣшательства,— говорилъ онъ, — можетъ быть весьма опасна для Порты, если станетъ примѣнять его столь могущественное государство, какъ Россія, въ пользу десяти милліоновъ православныхъ подданныхъ султана, тогда какъ оно совершенно невинно по отношенію къ Австріи, религіозное сочувствіе которой распространяется лишь на самое небольшое число христіанъ, въ числѣ коихъ есть много ея собственныхъ подданныхъ. Впрочемъ, Страдфордъ не настаивалъ на своихъ возраженіяхъ, боясь помѣшать успѣху переговоровъ съ французскимъ посломъ, близившихся къ окончанію [3]).

---

[1]) Князь Меншиковъ Рифаату-пашѣ 7-го (19-го) апрѣля 1853 года.

[2]) Рифаатъ-паша князю Меншикову 24-го апрѣля (6-го мая) 1853 года.

[3]) Въ этомъ сознается самъ лордъ Страдфордъ Редклифъ. См. Eastern pa-

Но какъ только состоялось франко-русское соглашеніе, великобританскій посолъ сдѣлался гораздо невоздержнѣе въ своихъ рѣчахъ. Разговаривая съ Озеровымъ о предстоящемъ отвѣтѣ Порты на ноту князя Меншикова, онъ замѣтилъ, что отвѣтъ этотъ будетъ составленъ въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ, что къ нему будутъ приложены необходимые фирманы и что мы, конечно, примемъ его съ довѣріемъ. «Я знаю, — продолжалъ онъ,— что вы хотите развязки болѣе торжественной, но это ни благоразумно, ни справедливо. Положеніе ваше по сочувствію къ вамъ христіанъ, подданныхъ Турціи, всегда будетъ внушать подозрѣнія. Всякій одержанный вами на этой почвѣ успѣхъ возбудитъ недовѣріе не только Порты, но и всѣхъ насъ, людей Запада. Если вы желаете исправить какое либо нарушеніе заключенныхъ съ вами трактатовъ, требуйте и, безъ сомнѣнія, вы получите немедленное удовлетвореніе; но если вы домогаетесь новыхъ правъ, то встрѣтите сильное противодѣйствіе и вооружите противъ себя коалицію. Скажу вамъ прямо: слишкомъ тѣсная дружба между вами и Турціей возбудитъ столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько разрывъ, который повлечетъ за собою войну». Сообщая графу Нессельроде эти слова англійскаго дипломата, котораго отнюдь нельзя упрекнуть въ недостаткѣ откровенности, князь Меншиковъ замѣчалъ: «Порта болѣе, чѣмъ когда либо, слѣпо предана внушеніямъ лорда Страдфорда, турецкіе министры сообщаютъ ему въ подробности все, что касается до нашихъ переговоровъ, а великобританскій посолъ, принимая на себя явно роль миротворца, побуждаетъ въ тайнѣ диванъ противиться намъ въ самомъ важномъ изъ нашихъ требованій» [1]).

Но въ С.-Петербургѣ настаивали на безусловномъ исполненіи Портою именно этого требованія. Въ отвѣтъ на предложенные посломъ вопросы государственный канцлеръ, по высочайшему повелѣнію, предлагалъ ему строго придерживаться своихъ инструкцій, назначить министрамъ султана трехдневный срокъ для принятія нашихъ предложеній, изложенныхъ въ его послѣдней нотѣ Рифаату-пашѣ, и по минованіи этого срока безъ точнаго удовлетворительнаго отвѣта объявить данное ему порученіе оконченнымъ и оставить Константинополь [2]).

Князь Меншиковъ спѣшилъ исполнить волю государя. Онъ тотчасъ же сообщилъ рейсъ-эфенди проектъ сенеда или конвенціи, въ заключеніи которой мы усматривали единственное удовлетворительное ручательство въ исполненіи Портою данныхъ намъ обѣщаній.

регв, ч. I, стр. 156. Разговоръ его съ Меншиковымъ происходилъ 8-го (20-го) апрѣля.

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 14-го (26-го) апрѣля 1853 года.

[2]) Графъ Нессельроде князю Меншикову 31-го марта (12-го апрѣля) и 11-го (23-го) апрѣля 1853 года.

Проектъ этотъ, какъ уже было замѣчено выше, во многомъ отличался отъ составленнаго въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Желая по возможности облегчить его прнятіе Портою, посолъ удалилъ изъ него почти все, что вызвало возраженія Рифаата-паши и нѣкоторыхъ другихъ турецкихъ министровъ при веденіи съ ними словесныхъ переговоровъ по этому предмету. Первая статья прежняго проекта, признававшая, между прочимъ, право русскихъ министровъ въ Константинополѣ ходатайствовать въ пользу православныхъ церквей и духовенства, была замѣнена другою, которою Порта обязывалась не производить измѣненій въ правахъ и преимуществахъ, коими съ древнѣйшихъ временъ пользуются во владѣніяхъ султана православныя церкви, духовныя учрежденія и духовенство, и навсегда обезпечить имъ пользованіе оными, на основаніи statu quo. Вторая и третья статьи о порядкѣ назначенія и увольненія православныхъ патріарховъ были вовсе исключены, а вмѣсто нихъ предложена новая статья, распространявшая на православную церковь всѣ права и преимущества, которыя оттоманское правительство предоставило или предоставитъ въ будущемъ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ посредствомъ договоровъ, конвенцій или оффиціальныхъ распоряженій. Статья четвертая, пятая и шестая первоначальнаго проекта о святыхъ мѣстахъ составили въ новомъ статьи третью, четвертую и пятую, и не подверглись измѣненіямъ, за исключеніемъ вступительныхъ словъ въ первой изъ нихъ, гдѣ выраженіе «Блистательная Порта обязывается передъ императорскимъ россійскимъ дворомъ» замѣнено словами: «Блистательная Порта, заботясь о религіозныхъ убѣжденіяхъ подданныхъ своихъ, исповѣдующихъ это (православное) ученіе, обѣщаетъ и проч.». Наконецъ, къ новому проекту прибавлена шестая и послѣдняя статья, подтверждающая всѣ прежніе договоры Россіи съ Портою. Статья эта должна была замѣнить опущенное въ первой статьѣ право предстательства русскихъ министровъ въ Константинополѣ въ защиту православной церкви и духовенства, право, предоставленное намъ статьею 7-ю Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, на которой впродолженіе восьмидесяти лѣтъ мы всегда основывали наше вмѣшательство въ пользу христіанскихъ подданныхъ султана.

Въ сопровождавшей проектъ сенеда или конвенціи нотѣ князь Меншиковъ сознавался, что въ немъ поколеблено внушенное ему ласковымъ пріемомъ султана убѣжденіе въ готовности Порты благосклонно отнестись къ его предложеніямъ, направленнымъ къ возобновленію и упроченію узъ древней дружбы ея съ Россіею. Онъ принялъ во вниманіе возраженія Рифаата-паши, относившіяся какъ къ внѣшнему виду, такъ и къ внутреннему содержанію нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ условій. Относительно перваго онъ остается при заявленіи, что опытъ указываетъ на необходимость торже-

ственнаго обязательства, облеченнаго въ форму договора. Что же касается до содержанія, то онъ изложилъ взглядъ свой на него въ словесной нотѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля. Получивъ нынѣ отъ Порты сообщеніе двухъ фирмановъ по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, онъ не преминетъ передать ихъ своему правительству. Но, такъ какъ ему не доставлено отвѣта на третье и самое важное изъ его предложеній, то онъ долгомъ считаетъ предъявить рейсъ-эфенди требованія, которыя должны быть почитаемы за послѣднее выраженіе воли его государя. Основанія соглашенія остаются тѣ же, какъ и прежде. Православное восточное исповѣданіе, его служители и ихъ имущества должны отнынѣ пользоваться подъ покровительствомъ султана всѣми правами и преимуществами, издавна имъ принадлежащими, а также всѣми выгодами, предоставленными другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Новый фирманъ по вопросу о Святомъ Гробѣ долженъ получить силу формальнаго обязательства Порты относительно русскаго двора. Въ Іерусалимѣ русскіе поклонники должны быть также уравнены въ правахъ съ поклонниками другихъ націй. Препровождая проектъ сенеда, посолъ выражалъ надежду, что Порта оправдаетъ справедливыя ожиданія его государя и по устраненіи всякаго недовѣрія и колебанія не замедлитъ сообщить ему въ отвѣтъ на его сообщеніе рѣшенія султана не позже 28-го апрѣля (10-го мая). Дальнѣйшая проволочка можетъ быть принята имъ лишь за доказательство неуваженія къ его правительству и возложитъ на него самыя прискорбныя обязанности [1]).

Еще ранѣе отправленія русской ноты лордъ Страдфордъ Редклифъ пытался убѣдить нашего посла не дѣлать этого шага, въ письмѣ, въ которомъ просилъ его не уклоняться «отъ справедливости и умѣренности, свойственныхъ императору Николаю въ отношеніяхъ его къ чужестраннымъ государямъ». Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ раздѣлить взглядовъ англійскаго посла, и отстаивалъ свою свободу дѣйствій, прибавивъ, «что императорскому посольству невозможно оставаться въ Константинополѣ при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно нынѣ поставлено, и согласиться занять второстепенное положеніе, на которое хотятъ низвести его». При личномъ свиданіи посолъ нашъ подтвердилъ, что онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ уступчивости, и что дворъ его не хочетъ долѣе оставаться въ состояніи подчиненности, въ которомъ держатъ Россію по отношенію къ единовѣрцамъ ея государя [2])

Русскій ультиматумъ произвелъ на министровъ султана потрясающее дѣйствіе. Въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ они со

---

[1]) Нота князя Меншикова Рифаату-пашѣ отъ 24-го апрѣля (6-го мая) 1853 года и приложенный къ ней проектъ сенеда.

[2]) Eastern papers, ч. 1, стр. 217.

страхомъ отзывались о послѣдствіяхъ отказа въ нашихъ требованіяхъ. Но лордъ Страдфордъ Редклифъ спѣшилъ поддержать въ нихъ мужество. На совѣщаніи, происходившемъ ночью, въ загородномъ домѣ великаго визиря, и въ которомъ, кромѣ хозяина, приняли участіе сераскиръ и рейсъ-эфенди, англійскій посолъ далъ имъ совѣтъ—въ отвѣтной нотѣ «оставить открытою дверь для продолженія переговоровъ, но не соглашаться на уступки, несовмѣстныя въ истиннымъ благосостояніемъ и съ независимостью Оттоманской имперіи». Вмѣсто требуемаго княземъ Меншиковымъ ручательства онъ предложилъ имъ обнародовать по почину самого султана фирманъ, обезпечивающій всѣ духовныя и свѣтскія преимущества подвластныхъ Портѣ народностей, и оффиціально сообщить его пяти великимъ христіанскимъ державамъ. На вопросъ великаго визиря: можетъ ли Порта разсчитывать на помощь англійской средиземной эскадры, посолъ отвѣчалъ уклончиво, приглашая своихъ собесѣдниковъ противопоставить грозящимъ имъ опасностямъ «нравственную рѣшимость», а не «демонстраціи, которыя могутъ лишь усилить тревогу и вызвать неудовольствіе».

Обѣщаніе англійской помощи лордъ Страдфордъ Редклифъ приберегалъ для самого султана, у котораго испросилъ аудіенцію. Похваливъ турецкихъ министровъ за готовность согласиться на всѣ безопасныя уступки русскимъ требованіямъ, а также за твердость, съ которою они рѣшились противиться «притязаніямъ, посягающимъ на независимость и достоинство ихъ государя», посолъ продолжалъ: «Я ждалъ, чтобы узнать ихъ собственныя впечатлѣнія относительно истребованныхъ княземъ Меншиковымъ ручательствъ, и не могъ не одобрить рѣшенія, повидимому, принятаго имъ единогласно. Самъ я думаю, что если ваше величество утвердите это рѣшеніе, то русскій посолъ, вѣроятно, прерветъ сношенія свои съ Портою и уѣдетъ, быть можетъ, со всѣмъ своимъ посольствомъ. Нельзя также считать невозможнымъ временнаго занятія Россіею Дунайскихъ княжествъ, какъ бы оно ни было несправедливымъ. Но я предвижу навѣрное, что въ настоящемъ нечего опасаться ни объявленія войны, ни какого либо открытаго враждебнаго поступка, ибо императоръ Николай не можетъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ вслѣдствіе существующихъ несогласій, не становясь въ противорѣчіе съ самыми торжественными его увѣреніями и не подвергая себя негодующему порицанію всей Европы. Я постигаю, что при подобныхъ обстоятельствахъ Портѣ надлежитъ противопоставить нравственный отпоръ такимъ требованіямъ, которыя въ дѣйствительности нельзя признать справедливыми или основательными, и что это начало слѣдуетъ примѣнить при протестѣ къ занятію княжествъ, не ради слабости или отчаянія, а въ надеждѣ на свое правое дѣло и на сочувствіе дружественныхъ и независимыхъ правительствъ. Твердо и съ честью придерживаясь

какъ можно долѣе такого образа дѣйствій, всего легче, по мнѣнію моему, достигнуть окончательнаго успѣха, при наименьшей степени задора и избѣжать разстройства торговыхъ интересовъ».

Абдулъ-Меджидъ сдѣлалъ видъ, будто раздѣляетъ мнѣніе посла, и увѣрялъ его, что вполнѣ сознаетъ указанную имъ опасность, а также, что онъ готовъ принять подъ свое покровительство религіозныя права всѣхъ своихъ подданныхъ. Показавъ Страдфорду послѣднія письменныя сообщенія, которыми министры его обмѣнялись съ русскимъ посломъ, султанъ поблагодарилъ его за участіе, принятое въ разрѣшеніи спора о святыхъ мѣстахъ, и выразилъ увѣренность въ дружественную поддержку Великобританіи. Тогда представитель Англіи торжественно объявилъ, что въ случаѣ близкой опасности ему разрѣшено пригласить начальника англійскихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ держать эскадру свою въ готовности [1]).

Аудіенція происходила 28-го апрѣля (9-го мая), наканунѣ истеченія назначенннаго княземъ Меншиковымъ срока для доставленія отвѣта, который и былъ посланъ на слѣдующій день, къ вечеру. Рифаатъ-паша повторялъ обычныя увѣренія въ желаніи Порты поддерживать миръ и союзъ съ Россіею и въ стремленіи султана утвердить на прочномъ основаніи расположеніе и дружбу, связывающія его съ императоромъ. Но изъ предъявленныхъ ей посломъ требованій Порта готова удовлетворить лишь тѣ, которыя по существу своему не посягаютъ на независимость ея внутренняго управленія и на интересы, сопряженные съ пользованіемъ ея правами. Она согласна вести переговоры объ учрежденіи въ Іерусалимѣ русской церкви и больницы и о предоставленіи разныхъ преимуществъ православнымъ духовнымъ лицамъ и поклонникамъ и даже принять на себя письменныя обязательства по этому предмету, но такимъ образомъ, чтобы верховныя права ея остались неприкосновенными. Поэтому она не можетъ дать требуемаго Россіею ручательства въ неотъемлемости преимуществъ, дарованныхъ султаномъ своимъ подданнымъ греческаго исповѣданія, хотя послѣдній и далекъ отъ мысли отмѣнить ихъ или уменьшить, а напротивъ близко принимаетъ къ сердцу ихъ поддержаніе. Подобный актъ между двумя правительствами противорѣчилъ бы международному праву и въ послѣдствіяхъ своихъ уничтожилъ бы основныя начала независимости Оттоманской имперіи. Порта будетъ и впредь уважать и поддерживать права православной церкви, но не иначе, какъ согласнымъ съ независимостью ея образомъ. Она твердо рѣшилась доказать на дѣлѣ свое благосклонное и отеческое расположеніе ко всѣмъ своимъ подданнымъ, и провозглашеніе предъ лицомъ всего свѣта чистоты ея намѣреній и неизмѣнности ея образа

---

[1]) Eastern papers, ч. 1, стр. 177 и 218.

мыслей должно имѣть значеніе дѣйствительнаго и полнаго ручательства [1]).

Въ широковѣщательныхъ фразахъ, прикрывающихъ отказъ Порты исполнить наши требованія, князь Меншиковъ узналъ складъ мыслей и даже выраженія пословъ англійскаго и французскаго. Въ своемъ возраженіи онъ высказалъ сожалѣніе по поводу обнаруженнаго Портою недовѣрія къ намѣреніямъ императора Николая, которому она приписывала желаніе присвоить себѣ новое право въ ущербъ независимости и верховной власти султана. Ничего подобнаго государь не желаетъ, а хочетъ лишь получить явное доказательство заботливости султана о православной вѣрѣ, исповѣдуемой Россіею и которой онъ естественный защитникъ. Лишь актъ, проистекающій изъ верховной власти султана, лишь свободное и торжественное обязательство могутъ изгладить воспоминаніе объ ошибкахъ, содѣянныхъ въ этомъ отношеніи злонамѣреннымъ или неловкимъ министромъ. Послу поручено вести переговоры о такомъ доказательствѣ уваженія Порты къ религіознымъ убѣжденіямъ императора. Но, если она отвергнетъ начала, служащія тому основаніемъ, если въ систематическомъ противодѣйствіи она будетъ сама закрывать ему пути соглашенія, то онъ вынужденъ будетъ объявить, что считаетъ порученіе свое исполненнымъ, прерываетъ сношенія свои со дворомъ султана и возлагаетъ на министровъ его отвѣтственность за всѣ имѣющія произойдти отъ того послѣдствія. Посолъ не считаетъ себя въ правѣ признать послѣднюю турецкую ноту за отвѣтъ, соотвѣтствующій достоинству его государя, и назначаетъ новый трехдневный срокъ для полученія окончательнаго отвѣта Порты на свое сообщеніе [2]).

Рейсъ-эфенди предложилъ князю личное свиданіе. Но Меншиковъ, уже переѣхавшій на пароходъ «Громоносецъ», рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку къ примиренію и испросилъ аудіенцію у султана. Абдулъ-Меджидъ пригласилъ его къ себѣ 1-го (13-го) мая и принялъ въ присутствіи лишь двухъ лицъ: перваго драгомана русскаго посольства и своего адъютанта. Князь изложилъ султану всѣ поводы неудовольствія императорскаго кабинета на Порту и доказалъ необходимость дать намъ ручательства въ вѣрномъ соблюденіи правъ и преимуществъ православной церкви въ Турціи. «Воля моего государя непреклонна,— объявилъ онъ.—Его расположеніе къ Оттоманской Портѣ, не допускающее и тѣни помышленія о преобладаніи, требуетъ формальнаго опроверженія злорадныхъ толковъ о его намѣреніяхъ. Онъ домогается явнаго доказательства вашей довѣренности. Никогда мой августѣйшій государь и не думалъ, какъ доносили вашему вели-

[1]) Рифаатъ-паша князю Меншикову 28-го апрѣля (10-го мая) 1853 года.
[2]) Князь Меншиковъ Рифаатъ-пашѣ 29-го апрѣля (11-го мая) 1853 года.

честву, вмѣшиваться въ дѣла между вами и вашими подданными. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время онъ воздерживался отъ призыва къ столь естественному сочувствію своихъ единовѣрцевъ въ Турціи. Агенты его величества всегда склоняли ихъ къ слѣпому повиновенію верховной власти, и въ настоящихъ обстоятельствахъ мой августѣйшій государь, желая согласовать свою высокую набожность и религіозныя свои убѣжденія съ поддержаніемъ и утвержденіемъ вашей монархіи, обращается единственно къ могуществу и справедливости вашего величества, чтобы обезпечить и охранить подъ вашею защитою вѣковыя льготы и преимущества православнаго исповѣданія».

Абдулъ-Меджидъ изъявилъ искреннее желаніе возстановить сердечное и прочное согласіе съ высокимъ своимъ союзникомъ и увѣренность въ безкорыстіи его намѣреній. Тогда посолъ обратилъ вниманіе султана на опасный оборотъ, данный переговорамъ его министрами, превратившими ихъ въ вопросъ европейскій. Онъ представилъ султану печальную участь, ожидающую Турцію въ томъ случаѣ, если она, подобно Греціи, Бельгіи или другимъ мелкимъ государствамъ подпадетъ вліянію ареопага великихъ державъ и будетъ управляться протоколомъ, имѣющимъ силу формальныхъ трактатовъ. Въ то же время онъ просилъ дать ему опредѣлительный отвѣтъ и не скрылъ прискорбныхъ послѣдствій дальнѣйшей проволочки. Султанъ обѣщалъ доставить отвѣтъ на третій день, прибавивъ, что князь получилъ бы таковой и ранѣе, если бы отставка великаго визиря не лишала его самого главнаго его совѣтника. Изъ дворца Меншиковъ возвратился на свой пароходъ, предупредивъ Рифаата-пашу, что не поѣдетъ на свиданіе съ нимъ, такъ какъ получилъ лично отъ султана обѣщаніе скораго отвѣта [1]).

Дѣйствительно не только великій визирь, но и сераскиръ и рейсъ-эфенди подали въ отставку. Причиною этого рѣшенія было согласіе султана принять нашего посла не только помимо участія ихъ, но и безъ ихъ вѣдома. Великимъ визиремъ провозглашенъ былъ Мустафа-паша, а прежній визирь Мегеметъ-Али занялъ мѣсто сераскира. Решидъ-паша назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ [2]).

Князь Меншиковъ не только послалъ, согласно установленному обычаю, Озерова въ Порту привѣтствовать новыхъ министровъ, но и самъ посѣтилъ Решида-пашу на другой же день по вступленіи его въ должность. На требованіе князя яснаго и точнаго отвѣта рейсъ-эфенди отвѣчалъ краткою нотою, въ которой указывалъ на невозможность, вслѣдствіе происшедшихъ въ министерствѣ перемѣнъ, обсудить и разрѣшить въ короткое время столь важный

---

[1]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 9-го (21-го) мая 1853 года.
[2]) Eastern papers, ч. I, стр. 194.

и затруднительный вопросъ, какимъ представлялся вопросъ о религіозныхъ преимуществахъ. Порта искренно желаетъ отыскать ручательство такого рода, которое одинаково удовлетворило бы какъ русскій дворъ, такъ и ее самое, но для этого потребуется срокъ отъ пяти до шести дней. Впрочемъ онъ приложитъ все стараніе, дабы разрѣшить вопросъ если возможно еще ранѣе [1]).

Зная, что на 5-ое (17-ое) мая созвано было чрезвычайное собраніе дивана для обсужденія русскихъ предложеній, Меншиковъ согласился дать просимую отсрочку. Онъ написалъ Решиду-пашѣ, что разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Портою уже сталъ совершившимся фактомъ, но что, принимая во вниманіе затруднительное положеніе новаго министерства и личное доброжелательство самого рейсъ-эфенди, онъ отложилъ отправленіе оффиціальнаго о томъ сообщенія до 6-го (18-го) мая. Посолъ присовокупилъ, что всякое дальнѣйшее колебаніе оттоманскаго правительства будетъ сочтено за признакъ оскорбительнаго для Россіи недовѣрія и что неизбѣжнымъ и немедленнымъ послѣдствіемъ будетъ отъѣздъ князя изъ Константинополя въ сопровожденіи всѣхъ членовъ императорскаго посольства [2]).

Верховный совѣтъ Порты собрался въ составѣ сорока восьми членовъ. Въ совѣщаніи участвовали всѣ министры настоящіе и бывшіе, и въ числѣ послѣднихъ Хозревъ и Фуадъ, шейкъ-уль-исламъ, главные улемы, областные правители и другіе высшіе сановники. Большинствомъ 45-ти голосовъ противъ 3-хъ совѣтъ рѣшилъ отвергнуть русскій ультиматумъ.

Рѣшеніе совѣта было на другой же день лично сообщено князю Меншикову Решидъ-пашою. Въ то же время рейсъ-эфенди изложилъ ему крайнія уступки, на которыя соглашалась Порта. Честь ся, говорилъ онъ, требуетъ чтобы исключительныя духовныя преимущества, дарованныя предшественниками султана и подтвержденныя имъ самимъ, оставались въ полной силѣ, и чтобы греческое духовенство пользовалось одинаковыми правами со всѣми прочими христіанскими подданными султана. На этомъ основаніи совѣтъ постановилъ: провозгласить верховное рѣшеніе, обезпечивающее statu quo іерусалимскихъ святынь, съ тѣмъ, чтобы въ немъ не было совершаемо измѣненій безъ предварительнаго согласія съ русскимъ и французскимъ дворами; даровать Константинопольскому патріарху фирманъ съ подтвержденіемъ правъ греческаго духовенства; сообщить князю Меншикову въ заключеніе переговоровъ объяснительную ноту и предложить ему сенедъ, имѣющій силу формальнаго договора, объ уступкѣ мѣста для сооруженія русскихъ церквей и страннопріимнаго дома въ Іерусалимѣ [3]).

---

[1]) Решидъ-паша князю Меншикову 3-го (15-го) мая 1853 года.
[2]) Князь Меншиковъ Решиду-пашѣ 3-го (15-го) мая 1853 года.
[3]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 9-го (21-го) мая 1853 года; Eastern papers, ч. I, стр. 196.

Предложенія эти, сообщенныя словесно, были повторены въ нотѣ рейсъ-эфенди. Но терпѣніе Меншикова истощилось. Не дожидаясь полученія этой ноты, онъ послалъ Портѣ оффиціальное сообщеніе о разрывѣ дипломатическихъ съ нею сношеній.

Онъ писалъ Решиду-пашѣ, что въ отвѣтъ на письменныя его обращенія, подкрѣпленныя словесными разъясненіями, не оставляющими ни малѣйшаго сомнѣнія въ безкорыстіи видовъ и намѣреній императора всероссійскаго, онъ не получилъ ничего, кромѣ уклончивыхъ и обманчивыхъ увѣреній. Оба доставленные ему фирмана по іерусалимскому дѣлу не могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ. Порта, недовѣрчиво отнесясь къ нашимъ требованіямъ, проявила недостатокъ уваженія къ августѣйшему и многолѣтнему союзнику и тѣмъ самымъ оправдала опасенія императорскаго кабинета за участь древнихъ правъ восточной церкви. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ единствѣ вѣры и въ узахъ, утвержденныхъ издревле взаимными пользами и географическимъ положеніемъ обѣихъ сторонъ, залогъ прочной дружбы, Порта этими самыми причинами побуждается къ попыткѣ, оскорбительной для Россіи. Словесно сообщенныя Решидомъ-пашою предложенія, клонящіяся къ тому, чтобы обязательную силу получило лишь обѣщаніе Порты разрѣшить учрежденіе въ Іерусалимѣ русской больницы, не могутъ быть приняты. Убѣдясь въ тщетности своихъ усилій достигнуть съ Портою соглашенія удовлетворительнаго и отвѣчающаго достоинству его августѣйшаго государя, посолъ долгомъ почитаетъ объявить:

Что онъ считаетъ порученіе свое оконченнымъ;

Что императорскій дворъ не можетъ, не нарушая своего достоинства и не подвергаясь новымъ оскорбленіямъ, оставить долѣе посольство свое въ Константинополѣ и продолжать политическія сношенія съ оттоманскимъ правительствомъ на прежнихъ основаніяхъ;

Что вслѣдствіе того и въ силу даннаго послу полномочія, онъ покинетъ Константинополь, взявъ съ собою всѣхъ чиновъ императорскаго посольства, за исключеніемъ директора коммерческой канцеляріи, который, съ состоящими при немъ чиновниками, будетъ продолжать производить дѣла судоходныя и торговыя, защищать интересы русскихъ подданныхъ и заботиться объ отправленіи морскихъ судовъ;

Что посолъ глубоко сожалѣетъ о необходимости этого рѣшенія, но что, въ точности исполнивъ повелѣнія императора, передавъ на обсужденіе блистательной Порты предложенія самыя примирительныя, справедливыя и всего лучше отвѣчающія истиннымъ интересамъ Оттоманской имперіи, и получивъ прискорбную увѣренность въ томъ, что кабинетъ его величества султана не расположенъ принять и удовлетворить ихъ, онъ исполняетъ послѣдній

долгъ, возлагая отвѣтственность за всѣ послѣдствія, какія могутъ отъ того произойти, на оттоманскій кабинетъ, который, повидимому, поставилъ себѣ задачею вызвать серьезное столкновеніе между двумя имперіями;

Что отказъ въ ручательствахъ въ пользу православнаго грекороссійскаго исповѣданія отнынѣ приводитъ императорское правительство къ необходимости искать этихъ гарантій въ собственной своей силѣ;

Что, такимъ образомъ, всякое измѣненіе въ настоящемъ положеніи восточной церкви и ея цѣлости будетъ почтено императоромъ равносильнымъ нарушенію духа и буквы существующихъ договоровъ и какъ враждебное Россіи дѣйствіе и возложитъ на его величество обязанность прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыхъ онъ въ постоянной своей заботливости о прочности Оттоманской имперіи и въ искренней дружбѣ своей къ его величеству султану и къ его августѣйшему родителю всегда старался избѣгать [1]).

Извѣстіе о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Портою одинаково встревожило и министровъ султана, и иностранныхъ дипломатовъ, пребывавшихъ въ Константинополѣ. 7-го (19-го) мая лордъ Страдфордъ Редклифъ, въ качествѣ старшины дипломатическаго корпуса, пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе представителей великихъ державъ: французскаго посла и повѣренныхъ въ дѣлахъ австрійскаго и прусскаго. Всѣ они были согласны между собою въ необходимости произвести сообща попытку для примиренія враждующихъ сторонъ. Представителю Австріи поручено было отправиться къ князю Меншикову и отъ имени своихъ сотоварищей выразить ему сожалѣніе о происшедшемъ разрывѣ и радость, съ которою они привѣтствовали бы мирный исходъ несогласій, если бы таковой оказался еще возможнымъ, а также узнать, согласится ли князь частнымъ путемъ принять изготовленную Портою ноту и подвергнуть ее спокойному обсужденію [2]).

Между тѣмъ, въ русскомъ посольствѣ была получена эта обѣщанная Решидомъ-пашею объяснительная нота. Она составлена была въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ, говорила о безграничномъ довѣріи султана къ своему августѣйшему сосѣду и союзнику, императору всероссійскому, «о превосходныхъ качествахъ русскаго государя, доказанныхъ на опытѣ и стяжавшихъ ему всеобщее уваженіе», о драгоцѣннѣйшей надеждѣ Абдулъ-Меджида при каждомъ случаѣ укрѣплять и утверждать столь счастливо существующія между дворами дружескія отношенія, но ни на шагъ

[1]) Князь Меншиковъ Решиду-пашѣ 6-го (18-го) мая 1853 г. Странно, что Богдановичъ во главѣ II своей «Исторіи восточной войны», излагающей посольство князя Меншикова въ Константинополѣ, совершенно умалчиваетъ объ этой важной нотѣ.

[2]) Eastern papers, ч. I, стр. 205.

не подвигала дѣла къ желаемой нами развязкѣ. Изложенныя въ нотѣ предложенія были лишь повтореніемъ сообщенныхъ на словахъ Решидомъ Меншикову и отвергнутыхъ послѣднимъ. Особенную важность придавала нота фирману, дарованному султаномъ патріарху константинопольскому, и провозглашала его ручательствомъ достаточнымъ для устраненія всякихъ сомнѣній въ расположеніи Порты къ своимъ христіанскимъ подданнымъ [1]).

Турецкая нота не могла удовлетворить нашего посла, но, уступая убѣжденіямъ австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, онъ рѣшился удовольствоваться, вмѣсто конвенціи или сенеда, такою нотою, въ которой Порта изложила бы потребованныя нами ручательства по всѣмъ возбужденнымъ между ею и нами вопросамъ. Проектъ ея былъ составленъ княземъ Меншиковымъ и довѣрительнымъ путемъ препровожденъ къ рейсъ-эфенди.

Совершенно отличаясь по формѣ отъ первоначально предложеннаго проекта конвенціи или сенеда, нота эта имѣла съ нимъ одинаковое содержаніе. Она должна была сопровождать сообщеніе послу ираде султана, разрѣшающаго всѣ вопросы, составлявшіе предметъ переговоровъ его съ Портою. Во вступленіи упоминалось о желаніи султана дать своему августѣйшему союзнику и другу, императору всероссійскому, новое доказательство искреннѣйшей дружбы и желанія упрочить давнія отношенія добраго сосѣдства и совершеннаго согласія, существующія между обоими государствами, «о полномъ довѣріи султана къ постоянно благосклоннымъ намѣреніямъ его императорскаго величества, направленнымъ къ поддержанію цѣлости и независимости Оттоманской имперіи», и «о рѣшеніи принять въ серьезное соображеніе откровенныя и искреннія представленія русскаго посла въ пользу православной греко-россійской вѣры, исповѣдуемой августѣйшимъ союзникомъ султана и большинствомъ ихъ обоюдныхъ подданныхъ». «Вслѣдствіе сего, — говорилось далѣе, — нижеподписавшемуся повелѣно дать настоящею нотою самое торжественное увѣреніе русскому правительству, представляемому нынѣ при его величествѣ султанѣ его свѣтлостью княземъ Меншиковымъ, касательно неизмѣнной заботливости и чувствъ великодушія и терпимости, одушевляющихъ его величество султана по отношенію къ безопасности и благосостоянію въ его владѣніяхъ духовенства церквей и духовныхъ учрежденій христіанскаго восточнаго исповѣданія. Дабы придать больше ясности этимъ увѣреніямъ формальнымъ образомъ, опредѣлить главные предметы этой высокой заботливости, подкрѣпить дополнительнымъ разъясненіемъ, вызваннымъ ходомъ времени, смыслъ относящихся до религіозныхъ вопросовъ статей, заключенныхъ прежде между обѣими державами договоровъ и предупре-

---

[1]) Решидъ-паша князю Меншикову 7-го (19-го) мая 1853 года.

дить навсегда тѣмъ недоразумѣнія или несогласія по этому предмету между обоими правительствами, его величество султанъ разрѣшилъ нижеподписавшемуся объявить нижеслѣдующее»...

Слѣдовали четыре статьи, заключавшія принимаемыя на себя Портою обязательства, сходныя съ соотвѣтствующими статьями первоначальнаго проекта сенеда, за выпускомъ лишь той изъ нихъ, которою подтверждались условія всѣхъ прежнихъ трактатовъ, состоявшихся между Россіею и Портою [1]).

Решидъ-паша препроводилъ русскій проектъ ноты къ лорду Страдфорду Редклифу съ просьбою ознакомить съ нимъ представителей великихъ державъ и сообщить Портѣ мнѣніе ихъ о предстоящемъ ей рѣшеніи. Собранные вторично у англійскаго посла, посолъ французскій и австрійскій и прусскій повѣренные въ дѣлахъ вмѣстѣ съ нимъ подписали ноту на имя Порты, въ которой объявили, что въ вопросѣ, столь близко касающемся свободы рѣшеній и верховной власти его величества султана, Решидъ-паша всего лучше разсудитъ, какія слѣдуетъ ему принять мѣры, они же при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не считаютъ себя въ правѣ высказать мнѣніе свое по этому предмету [2]).

Решидъ понялъ тайный смыслъ отзыва западныхъ дипломатовъ и, подобно имъ, слѣдуя внушеніямъ англійскаго посла, отвергнулъ Меншиковскій проектъ ноты, подъ тѣмъ предлогомъ, что измѣненная форма русскихъ требованій не измѣняла ихъ сущности, равносильной признанію права покровительства Россіи надъ православною церковью въ Турціи. Получивъ извѣстіе о томъ 9-го (21-го) мая, князь Меншиковъ въ слѣдующую же ночь отплылъ на пароходѣ «Громоносецъ», приказавъ снять императорскій гербъ съ фронтона зданія русскаго посольства и взявъ съ собою весь личный составъ его. Передъ отъѣздомъ онъ въ послѣдней нотѣ протестовалъ противъ намѣренія Порты—собственною властью подтвердить въ фирманѣ на имя константинопольскаго патріарха права и преимущества православной церкви. Посолъ заявилъ рейсъ-эфенди, что подобнымъ актомъ были бы подвержены сомнѣнію всѣ льготы, издавна предоставленныя ей, но въ актѣ томъ не упомянутыя, а потому императорскій кабинетъ будетъ считать такой фирманъ за враждебное дѣйствіе, направленное противъ Россіи [3]).

Татищевъ.

---

[1]) Проектъ ноты, сообщенной княземъ Меншиковымъ Решиду-пашѣ 8-го (20-го) мая 1853 года.

[2]) Представители великихъ державъ въ Константинополѣ Решиду-пашѣ 9-го (21-го) мая 1853 года.

[3]) Князь Меншиковъ графу Нессельроде 9-го (21-го) мая 1853 года; онъ же Решиду-пашѣ того же числа и года.

ОБРУСѢНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ И ЗАДАЧИ ОБРУСИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

ѢКА ПРОШЛИ съ тѣхъ поръ, какъ Русское государство вышло изъ этнографическихъ предѣловъ славяно-русской народности и включило въ себя цѣлый рядъ племенъ, обособляющихся отъ нея физическимъ типомъ, языкомъ, религіей и всѣмъ строемъ своей культуры. Рядомъ съ русскими подъ одной государственной властью очутились финны Волжскаго бассейна и Сибири, вмѣстѣ съ ними когда-то дѣлившіе зависимость отъ монголо-татарскихъ завоевателей — черемисы, мордва, вотяки, остяки, можетъ быть, башкиры, затѣмъ потомки и ближайшіе родичи былыхъ повелителей Руси татары, калмыки, буряты, якуты, кочевое населеніе уходящихъ въ южную Сибирь и Среднюю Азію Заволжскихъ степей и, наконецъ, живой колоссальный этнографическій музей, представляемый Кавказомъ.

Одни изъ этихъ народовъ и народцевъ, заброшенные въ лѣса и тундры Сибири, втеченіе длиннаго ряда вѣковъ оставались на зачаточной стадіи политическаго развитія и служили попеременно матеріаломъ для пополненія то той, то другой господствующей надъ ними народности, другіе соединились съ русскимъ народомъ послѣ вѣковъ самостоятельной жизни, утомленные и обезсиленные неравной борьбой съ крупными сосѣдями (грузины и другія христіанскія племена Кавказа), третьи уступили только силѣ и связаны единствомъ вѣры или крови съ самостоятельными и могущественными государствами Востока — монголы-буддисты съ Китаемъ, многочисленныя мусульманскія народности Волжскаго бас-

сейна, Средней Азіи, Сибири и Кавказа съ Турціей и Персіей. Какой modus vivendi долженъ имѣть мѣсто въ государствѣ, составленномъ изъ такой пестрой смѣси этнографическихъ элементовъ, съ громаднымъ преобладаніемъ одной народности, можетъ ли государство ограничивать свои требованія отъ инородцевъ одними политическими отношеніями — исправнымъ внесеніемъ налоговъ, выполненіемъ воинской повинности, повиновеніемъ установленнымъ властямъ, или оно должно стремиться къ культурному объединенію входящихъ въ него народностей, къ полной ассимиляціи ихъ съ народностью господствующей? Этотъ вопросъ первостепенной научной и практической важности выдвинулся у насъ въ послѣднее время на видное мѣсто. Какъ всякій живой вопросъ, онъ раздѣлилъ публицистовъ на два хорошо намъ знакомыхъ лагеря: консерваторы и націоналисты рѣшаютъ его въ одномъ направленіи, либералы и «европейцы»—въ другомъ. Но при всемъ различіи окончательныхъ выводовъ и тѣхъ и другихъ объединяетъ одна общая черта: и консерваторы, и либералы смотрятъ на «Европу» и преподносятъ испробованныя или пробуемыя еще ею средства. Консерваторы обращаютъ свои взоры на Пруссію и въ ея германизаторской политикѣ видятъ образецъ для русскаго правительства. Передъ глазами либераловъ и «космополитовъ» (пусть читатель проститъ намъ эти избитыя въ нашей печати клички) носится европейскій идеалъ федеративнаго государства, на основѣ полной свободы развитія каждой народности. Одни стрѣляютъ по воробьямъ изъ пушекъ и готовы примѣнить къ какимъ нибудь вогуламъ или бурятамъ весь тяжелый аппаратъ прусской политики, другіе не прочь с о ч и н и т ь самобытныя культуры у телеутовъ и орочоновъ. Между этими крайностями до извѣстной степени колеблется втеченіе нынѣшняго столѣтія и наша политика по отношенію къ инородцамъ. Вчера мы сочиняли продолженіе къ остановившейся исторіи сибирскихъ инородцевъ и проектировали самоѣдскіе штаты (Сперанскій), сегодня сочиняемъ ассимиляціонные проекты по прусскому образцу и готовы примѣнить ихъ къ тѣмъ же самоѣдамъ. Ни ту, ни другую политику нельзя назвать нормальной. На русскомъ инородческомъ востокѣ не примутся ни прусскія, ни австрійскія (далеко не идеальныя, скажемъ кстати) насажденія. Тутъ нужно усовершенствовать, очистить отъ мѣшающихъ росту примѣсей то, что росло уже втеченіе вѣковъ, нужно тщательно изслѣдовать результаты сожительства русскихъ съ инородцами и воспользоваться тѣмъ, что даетъ историческій опытъ. Слѣдуетъ признаться, что сдѣлано въ этомъ направленіи чрезвычайно мало. Даже въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, которымъ ближе всего было бы вѣдать дѣло, дается вѣра такимъ баналъностямъ, какъ объякучиваніе и отатареніе русскихъ въ Сибири. Изучать вопросъ приходится съ азовъ. Можетъ быть, исходя

изъ этихъ соображеній, читатели найдутъ нелишнимъ тотъ запасъ относящихся сюда фактовъ, который даетъ слабо еще изученная исторія бывшаго Казанскаго царства и Сибири, и соглася̀тся съ тѣми практическими выводами, которые на немъ построены. Мы начнемъ обзоръ результатовъ, къ которымъ привело вѣковое сожительство русскихъ съ инородцами избраннаго раіона, съ его крайняго запада.

Подвинувшись съ юга и запада къ берегамъ Оки и Волги, русскіе славяне вошли въ соприкосновеніе съ сплошной инородческой массой, которая занимала громадную территорію на востокѣ до Урала, переходила Уралъ и распространялась по неизмѣримымъ пространствамъ Сибири. Первыми племенами, которыя встрѣтились съ нашими колонистами, были мещера и мордва: мещера на западѣ отъ Оки въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губерніи, мордва на востокѣ въ сплошныхъ лѣсахъ, которые занимали Нижегородское Заволжье и примыкающія къ нему нынѣшнія губерніи Тамбовскую, Пензенскую и Симбирскую. Исторія отношеній рязанскихъ колонистовъ къ мещерѣ лежитъ внѣ наблюденія. Мы можемъ только констатировать ея результаты. Мещера передвинулась подъ напоромъ русскихъ за Оку въ предѣлы Тамбовской и Пензенской губерній (Спасскій уѣздъ въ первой, Чембарскій и Керенскій — во второй), но не спасла своей національности. Въ настоящее время она только нѣкоторыми особенностями костюма да фамильными прозвищами, въ которыхъ уцѣлѣли древнія языческія имена, отличается отъ сосѣднихъ русскихъ. Самое имя народа удерживается благодаря русскимъ. «Въ Паимѣ насъ дразнятъ мещерой, а мы русскіе», — говорилъ намъ чембарскій мещерякъ-ямщикъ и былъ глубоко убѣжденъ, что никакого различія между нимъ и русскимъ человѣкомъ нѣтъ.

За мещерой передъ русскими очутилась мордва. Въ XIII вѣкѣ на пограничныхъ пунктахъ племени появилось два русскихъ города: Кадомъ (нынѣ заштатный городъ Тамбовской губерніи) и Нижній. Кадомъ былъ колоніей Рязани и уже въ 1209 году управлялся рязанскимъ тысяцкимъ; Нижній былъ аванпостомъ княжества Владимірскаго. И тотъ и другой начали успѣшно выполнять свое историческое призваніе: князья независимой мордвы оказываются, напримѣръ, подвластными князю нижегородскому, но татарское нашествіе остановило начавшійся процессъ. До XVI вѣка Нижегородское Заволжье и Кадомскій край недоступны для русскаго колониста. Только паденіе Казани сдѣлало для нихъ безопасными татаръ и въ мордовскіе лѣса проникаютъ русскія поселенія. Чѣмъ сопровождалось первое соприкосновеніе русскихъ съ мордвой, говоритъ намъ всего краснорѣчивѣе карта. Возьмемъ относящіеся къ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерніямъ листы карты Стрѣльбицкаго и мы увидимъ

въ ея краскахъ, въ чередованіи бѣлыхъ и зеленыхъ пространствъ, всю исторію русско-мордовскаго соприкосновенія. Кадомъ стоитъ въ вершинѣ лѣсистаго острова, который доходитъ на югѣ до Моршанска. На западѣ отъ этого острова за Цной идутъ безлѣсныя пространства Шацкаго уѣзда, на востокѣ за верховьями притоковъ видны такія же пространства Темниковскаго и Спасскаго уѣздовъ. Лѣса начинаютъ занимать значительныя пространства на востокъ отъ Мокши, которая въ предѣлахъ Краснослободскаго уѣзда круто поворачиваетъ на югъ,—въ уѣздахъ Краснослободскомъ и Наровчатскомъ. Отыскивая хозяевъ этихъ лѣсныхъ и безлѣсныхъ пространствъ, мы открываемъ, что русское населеніе занимаетъ вмѣстѣ съ татарами обѣ широкія безлѣсныя полосы на западѣ и востокѣ отъ Кадомскаго лѣснаго острова, мордва жмется по бокамъ этого острова и забирается внутрь его, расчистивши значительныя пространства. На западѣ мы имѣемъ цѣпь селеній Шацкой мордвы, на востокѣ Темниковской и Спасской. Многія изъ этихъ селеній стоятъ теперь среди открытыхъ полей, но ихъ относительная близость къ лѣсу и названія (Лѣсное Конобѣево, Лѣсные Цвѣты, Мордовская Поляна) указываютъ, что нѣкогда они были въ предѣлахъ Кадомскаго лѣса. Густое русское населеніе на обоихъ безлѣсныхъ пространствахъ указываетъ, что сюда прежде всего направился потокъ русской колонизаціи, и русскіе поселенцы занимали расчищенныя уже мордвою мѣста, оттѣсняя ее на дикія лѣсныя поляны. Первый періодъ соприкосновенія двухъ народностей не могъ такимъ образомъ дать никакихъ результатовъ въ смыслѣ обрусѣнія: мордва уходила на новыя мѣста и оставляла русскихъ единственными хозяевами своихъ покинутыхъ земель. Но основы будущаго обрусѣнія были всеже заложены: мордва была разобщена компактными русскими массами. Русскіе колонисты двигались по пятамъ за мордвой и основывали свои поселки рядомъ съ мордовскими. Начиная со второй половины XVII вѣка мы имѣемъ возможность слѣдить за результатами этого сосѣдства. Въ 1654 году рязанскій архіепископъ Мисаилъ, которому поручено было Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Никономъ привести къ крещенію Шацкую мордву, доносилъ царю: «и жены ихъ мордвы и дѣти русскимъ языкомъ говорить горазды, и живутъ между русскими людьми вмѣстѣ» (Ист. обозр. Ряз. іер., 123—124). Русскій языкъ такимъ образомъ проникъ въ мордовскую массу, но привязанность къ своей вѣрѣ была у мордвы еще такова, что архіепископъ Мисаилъ, рискнувшій употребить при своей проповѣди принудительныя мѣры, поплатился жизнью: мордовская стрѣла пронизала его сердце. Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ убійствомъ заявлено было расположеніе мордвы остаться при своей старинѣ, прошло 200 лѣтъ, и Шацкая мордва осталась мордвой только по имени. Подобно Чембарской мещерѣ,

она считаетъ себя русскими и сохранила кое-какіе остатки національной старины только въ костюмѣ. Нѣкоторыя селенія, бывшія языческими, мордовскими, въ эпоху Мисаила, какъ Инина Слобода, Ялтуново, Ернеево, даже по имени перестали быть мордовскими; мы не находимъ ихъ въ перечнѣ мордовскихъ деревень въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тамбовской губерніи. То же явленіе подготовляется по другую сторону Кадомскаго лѣса въ уѣздахъ Темниковскомъ и Спасскомъ. Здѣсь рядомъ съ мордвой, сохраняющей свой языкъ, имѣются уже такія селенія, гдѣ мордва считаетъ себя русскими. Майновъ, посѣтившій этотъ край въ 1877 году, сообщаетъ, что мордва Темниковская, Кадомская и Спасская сильно обрусѣли и не прочь выдавать себя за русскихъ (Очеркъ юридич. быта мордвы). Даже тамъ, гдѣ мордва сохранила еще свой языкъ, замѣтно, что окончательное обрусѣніе ея совсѣмъ близко. Мордовскій языкъ переполненъ русскими словами, которыя употребляются въ замѣнъ соотвѣтствующихъ собственныхъ. И. И. Дубасовъ въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи Тамбовскаго края» даетъ образчикъ этого языка въ отрывкѣ мордовской пѣсни:

«Вандыни Ушмань Байкась порашась,
«Седландазе сѣрый-бурый алашанцъ
«Сергя-дизнь вислоухій-борзый изанъ».

Переходя изъ Тамбовской губерніи въ Пензенскую, мы находимъ вполнѣ обрусѣлую мордву въ цѣломъ рядѣ деревень Чембарскаго и Городищенскаго уѣздовъ. Болѣе или менѣе стойко мордва-мокша удерживаетъ свою національность на сѣверѣ губерніи, въ уѣздахъ Краснослободскомъ, Наровчатскомъ и Инсарскомъ. Здѣсь говорятъ еще на родномъ языкѣ, живутъ и вѣрятъ по преданіямъ старины, но почва для будущаго обрусѣнія уже готова. Мордва оцѣплена русскими селеніями, разбита на небольшіе острова: въ Наровчатскомъ и Инсарскомъ уѣздахъ мельче—деревень въ 5 и менѣе, въ Краснослободскомъ—крупнѣе. Въ центрѣ и по окраинамъ самаго крайняго изъ мордовскихъ островомъ, въ Краснослободскомъ уѣздѣ между рѣками Мокшей и Сивинью расположились желѣзо-дѣлательные заводы, на которыхъ мордва работаетъ вмѣстѣ съ русскими и перенимаетъ у нихъ костюмъ, пѣсни и, конечно, языкъ.

Та же картина постепеннаго обрусѣнія открывается передъ нами, когда мы обратимся къ другой вѣтви мордовскаго племени—къ эрзѣ. Всѣ наблюдатели и изслѣдователи эрзи находятъ, что она вообще гораздо сильнѣе обрусѣла, чѣмъ мокша, и это вполнѣ справедливо.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 1863 году по списку населенныхъ мѣстъ Нижегородской губерніи числилось 25,000 душъ мордвы, называемой терюханами. Тогда уже эта мордва представлялась до такой степени обрусѣвшей, что употребляла русскій языкъ въ своихъ молитвахъ и распѣвала русскія пѣсни. Мы посѣтили этотъ

край въ 1889 году и встрѣтили вполнѣ обрусѣвшее населеніе. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ селѣ Борисовѣ жители прямо называли себя русскими, въ другихъ—«русской мордвой». До какой степени здѣсь сильно оказалось обрусѣніе, можно судить потому, что терюхане считаютъ языкъ, на которомъ говоритъ необрусѣвшая еще Арзамасская мордва, татарскимъ. Покойный Веске, въ томъ же году осенью посѣтившій терюханъ, нашелъ въ языкѣ ихъ лишь нѣсколько мордовскихъ словъ, уцѣлѣвшихъ въ названіяхъ различныхъ принадлежностей костюма и утвари. Въ уѣздахъ Ардатовскомъ, Арзамасскомъ, Лукояновскомъ, Княгининскомъ, Сергачскомъ и въ большей части Симбирской губерніи дѣло въ общемъ не зашло еще такъ далеко. Мордва говоритъ еще своимъ языкомъ, хотя съ громадной примѣсью русскихъ словъ, но приближающееся полное обрусѣніе выражается въ томъ, что мордовская молодежь предпочитаетъ русскія пѣсни своимъ и, не умѣя говорить болѣе или менѣе сносно порусски, распѣваетъ русскія пѣсни. Вмѣстѣ съ произведеніями русскаго народнаго творчества въ жизнь эрзи проникаютъ русскія юридическія понятія, нормы семейныхъ отношеній, вѣрованія и обряды. Майновъ въ своемъ «Очеркѣ юридическаго быта мордвы» отмѣчаетъ такія заимствованія, какъ взглядъ на грѣховность брака между лицами, состоящими въ духовномъ родствѣ, въ самыхъ дальнихъ степеняхъ родства кровнаго. Къ числу признаковъ приближающагося обрусѣнія мордвы слѣдуетъ отнести развитіе среди нея черничества и раскола. Чернички имѣются въ настоящее время почти въ каждомъ мордовскомъ селѣ среди эрзи, какъ и среди мокши. Расколъ проникаетъ въ мордовскую среду главнымъ образомъ въ Саратовской губерніи. Рядомъ съ этими признаками подготовляющагося обрусѣнія, мы видимъ въ области эрзи цѣлые раіоны, гдѣ оно уже представляетъ совершившійся фактъ: таковы, напримѣръ, нѣкоторые мордовскіе приходы въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ Сызранскомъ и Карсунскомъ Симбирской. Особенно сильно подвинулось дѣло обрусѣнія мордвы въ губерніяхъ, которыя она заселила позднѣе, уступая передъ русскими въ своихъ старыхи жилищахъ,—Саратовской, Самарской, Оренбургской и Казанской. Совершенно обрусѣлая мордва живетъ въ Балашовскомъ уѣздѣ (села Мордовскій Карай, Рѣпное, Козловка), въ Саратовскомъ (деревня Пилюгино), въ Вольскомъ (село Ключи, или Мордовскій Ключъ), въ Петровскомъ (село Лопатка и другія), въ восточной части Кузнецкаго. Въ Самарской губерніи, въ уѣздахъ Самарскомъ, Бузулукскомъ, Николаевскомъ и Новоузенскомъ имѣется, по изслѣдованіямъ отца Гребнева, цѣлый рядъ селъ, въ которыхъ мордовское населеніе совершенно обрусѣло («Самарскія Епархіальныя Извѣстія», 1886 г., № 23).

Мордва приняла русскій языкъ, русскій костюмъ, раздѣляетъ съ

русскими крестьянами то религіозное броженіе, которое породило въ Нижнемъ Поволжьѣ столько раскольничьихъ сектъ. Секты «собесѣдниковъ», «божьихъ людей», «блаженныхъ» имѣютъ среди своихъ адептовъ не малое количество мордвы. Совершенно обрусѣлой оказывается мордва и въ верхнемъ теченіи Черемшана—на границѣ губерній Самарской и Казанской; въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи мордва также не прочь выдавать себя за русскихъ. Вотъ каковы, стало быть, результаты сожительства съ русскимъ народомъ для одного изъ самыхъ крупныхъ инородческихъ племенъ Россіи, самаго крупнаго изъ восточно-финнскихъ.

За мордвой по Волгѣ и Камѣ къ Уралу слѣдуютъ черемисы, вотяки и пермяки изъ финновъ, татары и чуваши изъ тюрковъ. Русское вліяніе въ жизни черемисъ чувствуется гораздо слабѣе, чѣмъ въ жизни мордвы. Причина заключается въ томъ, что край, который они занимаютъ, гораздо менѣе привлекалъ къ себѣ русскую колонизацію, чѣмъ черныя земли Заволжья, а сѣверныхъ колонистовъ (изъ Вятки и Вологды) отдѣляла отъ черемисъ территорія вотяковъ. Главная масса черемисъ, занимая Царевококшайскій уѣздъ, сѣверъ Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ Казанской губерніи, Яранскій, Уржумскій и отчасти Малмыжскій Вятской, находится почти внѣ соприкосновенія съ русскими, въ особенности въ центрѣ. Представителями русской народности являются здѣсь власти, духовенство и лишь въ послѣднее время школа. Обрусѣніе въ смыслѣ знакомства съ русскимъ языкомъ замѣчается главнымъ образомъ на крайнемъ западѣ Черемисскаго края, гдѣ черемисы соприкасаются съ русскимъ народомъ—въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, Ветлужскомъ—Костромской, Котельничскомъ и Яранскомъ уѣздахъ Вятской губерніи. Вотяки, подобно черемисамъ, далеки отъ полнаго обрусѣнія, хотя соприкосновеніе ихъ съ русскими началось гораздо ранѣе—съ XIII и XIV вѣковъ. Только на сѣверо-западѣ занимаемой ими территоріи одинокія вотяцкія селенія потонули въ волнахъ русской колонизаціи. Въ уѣздахъ Вятскомъ, Орловскомъ, Нолинскомъ Вятской губерніи, въ Никольскомъ и Усть-Сысольскомъ—Вологодской мы встрѣчаемъ рядъ селеній, своими названіями говорящихъ о томъ, что жители ихъ были когда-то вотяками (Отяцкая, Вотиновцы, Вотяки, Вотяковская, Вотская). Въ Нолинскомъ уѣздѣ вотяки числились еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Изъ Нолинскаго и Слободскаго уѣздовъ обрусѣніе проникаетъ и на западъ Глазовскаго уѣзда. Здѣсь въ приходѣ села Сада вотяки окончательно обрусѣли и получили отъ русскихъ оригинальное прозвище «Садинскихъ оборотней». Сліяніе закрѣпляется все болѣе и болѣе смѣшанными браками. Дальше на востокѣ вотяки еще крѣпко удерживаютъ свои національныя свойства, но признаками начинающагося обрусѣнія являются распространеніе русскаго языка, усвоеніе женщинами русскаго костюма.

Причина относительной стойкости вотяковъ въ этомъ краѣ заключается въ физическихъ условіяхъ страны. Обширная площадь, которую занимаютъ населенные вотяками уѣзды Глазовскій, Малмыжскій, Елабужскій, Сарапульскій, была когда-то сплошь покрыта лѣсами. И теперь послѣ вѣковъ подсѣчнаго хозяйства съ любаго возвышеннаго пункта глазъ видитъ вокругъ лѣса и лѣса. «Волоки» въ 30—40 верстъ поперечника не представляютъ здѣсь особенной рѣдкости. Въ этихъ безпросвѣтныхъ лѣсахъ соприкосновеніе вотяковъ съ русскими дало на первыхъ порахъ тѣ же результаты, что и въ Мордовскомъ краѣ: вотякъ, привыкшій жить по своимъ вкусамъ на свободѣ, бросалъ свое старое пепелище и отыскивалъ въ лѣсахъ новую полянку («лудъ»), на которой могъ основать жилье и иногда сдѣлать первый посѣвъ. Какъ легко было исчезать безъ слѣда въ вятскихъ лѣсахъ, показываютъ факты изъ новѣйшаго времени: въ 80-хъ годахъ земскіе статистики нашли въ Малмыжскомъ уѣздѣ не одно селеніе схоронившимся въ лѣсу отъ всякаго рода властей. Населеніе этихъ поселковъ пользовалось, можно сказать, доисторической свободой — пахало землю, охотилось, плодилось и не платило никому, ни земству, ни правительству, никакихъ повинностей. Сто-двѣсти лѣтъ назадъ, когда лѣса были еще обширнѣе, въ нихъ легко могло схорониться и все небольшое вотяцкое племя. Лѣса долгое время не допускали перваго условія обрусѣнія—соприкосновенія между вотякомъ и русскимъ. Только съ начала нынѣшняго столѣтія, когда начался усиленный притокъ русскихъ поселенцевъ съ запада губерніи, лѣса стали рѣдѣть, и вотякъ оказался вынужденнымъ примириться съ русскимъ сожительствомъ. Русскія колоніи раздробили вотяцкую территорію на обособленные острова, въ значительномъ количествѣ вотяцкихъ деревень появились русскіе припущенники, число которыхъ увеличивается все болѣе и болѣе. Въ этихъ деревняхъ, преимущественно Малмыжскаго уѣзда, почва для будущаго обрусѣнія вполнѣ готова: населеніе освоилось съ русскимъ языкомъ, объединяется съ русскими припущенниками брачными связями. Результатомъ смѣшанныхъ браковъ является возростаніе **русскаго** населенія! Русская женщина, безсильная въ одиночку отстоять свою національность и превращающаяся за черемисиномъ въ черемиску, за мордвиномъ въ мордовку, руссифицируетъ семью, когда она въ деревнѣ не одна.

На востокъ отъ вотяковъ къ Уралу, по теченію Камы, мы встрѣчаемъ послѣднюю европейскую вѣтвь финнскаго племени— пермяковъ. Пермяки нѣсколько позднѣе, чѣмъ родичи ихъ, вотяки, пришли въ соприкосновеніе съ русскими, но обрусѣли гораздо болѣе. До извѣстной степени тутъ, конечно, вліялъ меньшій размѣръ территоріи, на которой въ XV вѣкѣ русскіе столкнулись съ пермяками: она ограничивалась пространствомъ, захваченнымъ въ

Камской излучинѣ между верховьями рѣки и мѣстомъ нынѣшней Перми и нижнимъ теченіемъ Вишеры (мы беремъ, конечно, здѣсь приблизительныя границы, подробности можно найдти въ нашей книгѣ «Пермяки», историко-этнографическомъ очеркѣ). Важнѣе, однако, было другое: Пермяцкій край съ XVI вѣка дѣлается не только земледѣльческимъ, но и промышленнымъ краемъ. Здѣсь развилось солевареніе и желѣзное производство. Желѣзо-дѣлательные заводы идутъ цѣпью съ верховьевъ Камы изъ Глазовскаго уѣзда (Омутницкій, Залязнинскій) къ Камѣ по теченію Иньвы (Кувинскій, Майкорскій, Пожвинскій) и ея притоковъ (Елизавето-Нердвинскій). Эти заводы служили и служатъ обрусительными центрами. По близости ихъ пермяцкое населеніе или вполнѣ обрусѣло, или сохраняетъ еще кое-какіе остатки своей племенной индивидуальности. Въ Зюздинскомъ краѣ (Глазовскаго уѣзда) пермяки въ большинствѣ говорятъ уже порусски; только старики коегдѣ употребляютъ еще переполненную русскими словами пермяцкую рѣчь. То же явленіе имѣетъ мѣсто въ раіонѣ Кувинскаго завода, въ Юмской и Юрлинской волостяхъ, Чердынскаго уѣзда, по Иньвѣ, начиная отъ Купроса до устья. Пермяки этихъ мѣстъ стремятся скрыть свою національность, выдаютъ себя за русскихъ, носятъ русскій костюмъ, распѣваютъ русскія пѣсни, говорятъ порусски между собою. «Русскій крестьянинъ для пермяка—идеалъ,— говоритъ одинъ наблюдатель: — онъ копируетъ его даже въ мелочахъ, въ походкѣ, въ одеждѣ, въ постройкахъ, во всемъ» (Добротворскій, «Вѣстникъ Европы», 1883 года, III).

За пермяками по обѣ стороны Урала живутъ остяки и вогулы, потомки древней югры. Въ предѣлахъ Пермской губерніи вогулы совершенно обрусѣли; не только по условіямъ быта, но даже по типу ихъ невозможно отличить отъ русскихъ. То же явленіе наблюдается среди осѣдлыхъ вогуловъ Зауралья. Венгерскіе изслѣдователи Б. Мункачи и К. Панай, проведшіе среди вогуловъ и остяковъ лѣто 1888 года и зиму 1888—1889 года, съ трудомъ могли найдти послѣднихъ вогуловъ, говорившихъ на томъ нарѣчіи, на которомъ Регули въ 40-хъ годахъ записывалъ свои тексты. Недавно вышедшая книга г. Ядринцева позволяетъ намъ отмѣтить явленія обрусѣнія среди тюркскихъ и монгольскихъ племенъ Сибири. Такъ называемые черневые татары, живущіе въ Кузнецкомъ округѣ среди русскихъ, постепенно сливаются съ русскими; татары кумышскіе въ нѣсколько лѣтъ совершенно переродились въ русскихъ («Сибирскіе инородцы», 94, 120). То же явленіе г. Адріановъ отмѣчаетъ среди енисейскихъ и томскихъ инородцевъ. Въ книгѣ г. Ядринцева, наконецъ, мы находимъ указанія на обрусѣлыхъ якутовъ и такъ называемыхъ ясачныхъ, или осѣдлыхъ, бурятъ.

Остановимся на этихъ фактахъ и подведемъ итоги. Все, что мы сказали до сихъ поръ, представляетъ естественный результатъ со-

жительства русскихъ съ инородцами. Ни о какой обрусительной системѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Ни князья Нижняго Новгорода и Рязани, ни великіе князья и цари московскіе, ни имперія XVIII и XIX вѣковъ, не стремились къ тому, чтобы сдѣлать инородцевъ русскими. Политика по отношенію къ инородцамъ въ существенныхъ чертахъ оставалась той же, какую практиковали первые русскіе князья: власть стремилась лишь къ тому, чтобы сдѣлать инородцевъ данниками, новой платежной силой. Съ XVI вѣка рядомъ съ этими практическими стремленіями зарождаются идеальныя: государство пытается сдѣлать своихъ данниковъ христіанами, но опять-таки не русскими. Эти стремленія раздѣляли съ нимъ и лучшіе люди общества. Еще ранѣе эпохи Грознаго, въ XIV вѣкѣ, когда св. Стефанъ Великопермскій задумалъ создать самостоятельную пермскую письменность, изобрѣлъ для пермянъ спеціальный алфавитъ и перевелъ на пермскій языкъ рядъ священныхъ книгъ, большинство русскихъ людей привѣтствовало въ немъ преемника свв. Кирилла и Меѳодія. Съ этихъ поръ и до нашихъ дней просвѣтительная задача остается неизмѣнной. Въ XVIII вѣкѣ начались переводы св. писанія и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки. Въ настоящее время христіанская проповѣдь на родномъ языкѣ является девизомъ просвѣтительной дѣятельности Казанской инородческой учительской семинаріи, и это направленіе встрѣчало неоднократныя выраженія сочувствія со стороны высочайшихъ посѣтителей школы. Первый практическій выводъ, къ которому приводитъ насъ исторія соприкосновенія русскихъ съ инородцами, заключается въ томъ, что обрусѣніе этихъ послѣднихъ представляетъ собою нормальный результатъ исторіи и, какъ ея постулятъ, является прямой задачей правительства, которое не желаетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ того, что происходитъ въ жизни. Въ этомъ основномъ фактѣ исторіи лежитъ raison d'être политики обрусѣнія. Противодѣйствовать обрусѣнію инородцевъ, усиливать ихъ средства для защиты своей племенной индивидуальности—значитъ бороться противъ жизни, противъ хода исторіи.

Въ послѣднее время въ сибирской печати раздавались голоса въ смыслѣ укрѣпленія въ инородцахъ путемъ школы народнаго самосознанія. «Дайте инородцу, — говоритъ одинъ публицистъ, — описаніе его племени, его исторіи... пусть онъ узнаетъ, что совершило его племя и что ему слѣдуетъ совершить». «Цѣлью образованія,—говоритъ другой,—должно быть внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его» (Ядринцевъ, «Сибирскіе инородцы», 241). Эти пожеланія очень симпатичны, но отъ нихъ вѣетъ кабинетомъ, они находятся въ противорѣчіи съ исторіей. Опытъ въ этомъ родѣ былъ произведенъ пять вѣковъ тому назадъ св. Стефаномъ Великопермскимъ; самостоятельная культура, которую онъ привилъ

пермянамъ, исчезла у нихъ втеченіе столѣтія: памятниками алфавита осталось нѣсколько надписей на иконахъ, изъ переведенныхъ книгъ не уцѣлѣло ни одной; тепличное растеньице, посаженное св. Стефаномъ, оказалось неспособнымъ къ жизни на свободѣ. Такими же тепличными продуктами окажутся и самоѣды съ тунгузами, которымъ русскіе учители привьютъ любовь къ родной исторіи и своему племени. За стѣнками школьной теплицы ихъ неизбѣжно ждетъ то же обрусѣніе, но оно совершится уже не такъ безболѣзненно, какъ совершалось до сихъ поръ.

Опредѣливши основное направленіе политики по отношенію къ инородцамъ, исторія опредѣляетъ и тѣ средства, которыя всего вѣрнѣе ведутъ къ данной цѣли. Пересматривая факты, относящіеся къ обрусѣнію инородцевъ, мы замѣчаемъ, что степень его находится въ прямой зависимости отъ размѣровъ русской колонизаціи въ краѣ. Мордва, оцѣпленная русскими и раздробленная на небольшіе островки, обрусѣла гораздо сильнѣе, чѣмъ черемисы, больше соприкасающіеся съ другими инородцами—чувашами, татарами, вотяками, чѣмъ съ русскими; пермяки сильнѣе, чѣмъ вотяки. Руссифицируетъ инородцевъ, стало быть, главнымъ образомъ русскій крестьянинъ, но мѣстами—заводскій рабочій. То же явленіе замѣчено наблюдателями въ Сибири, и притомъ въ такой области жизни, въ которой русскій колонистъ самъ недостаточно силенъ: «тамъ, гдѣ миссіонеровъ не было, но шире распространялась русская колонизація, тамъ инородцевъ перешло въ православіе гораздо болѣе и совершенно добровольно» (Ядринцевъ, l. c., 223). Этому выводу не противорѣчитъ тотъ фактъ, что русскіе по мѣстамъ оказываются воспріимчивыми къ инородческой культурѣ, бросаютъ свою одежду, охотнѣе говорятъ на какомъ нибудь инородческомъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ. Въ этихъ фактахъ сказывается общая всѣмъ русскимъ людямъ способность и потребность приспособляться къ окружающей средѣ. Наблюденія, которыя намъ приводилось дѣлать въ инородческихъ краяхъ, показали намъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ инородцами русскій человѣкъ руководится убѣжденіемъ, что инородцу не сладить съ трудностями русскаго языка, и идетъ къ нему на помощь, въ однихъ случаяхъ коверкая примѣнительно къ инородческой манерѣ русскій языкъ, въ другихъ стараясь говорить на языкѣ инородца. Такъ понимаютъ это явленіе и сами инородцы, и намъ не разъ приводилось наблюдать, какъ инородецъ, знающій русскій языкъ, упорно отвѣчаетъ порусски, когда его спрашиваютъ на его родномъ языкѣ. Бить въ набатъ по поводу отдѣльныхъ случаевъ омордовенья, опермяченія, объякученія русскихъ, нѣтъ никакого основанія. Мы знаемъ въ Пермяцкомъ краѣ цѣлыя семьи, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ опермячившихся русскихъ (Рочевы, Распоповы, Трапезниковы), но это не мѣшаетъ цѣлому племени идти быстрыми шагами

къ полному обрусѣнію. Дѣти этихъ утратившихъ свои народныя черты русскихъ не потеряны для русской народности; при соприкосновеніи съ свѣжими русскими переселенцами они, несомнѣнно, обрусѣютъ и гораздо скорѣе, чѣмъ ихъ сосѣди, кровные инородцы.

Первымъ и главнѣйшимъ орудіемъ обрусительной политики должна, стало быть, сдѣлаться умѣлая, основанная на точномъ знаніи мѣстныхъ условій колонизація. Въ настоящее время тысячи переселенцевъ ежегодно направляются въ Сибирь. Они бредутъ, руководствуясь слухами; осѣдаютъ тамъ, гдѣ для нихъ оказывается болѣе или менѣе подходящей земля и совокупность всѣхъ условій быта. Если эти тысячи направить туда, гдѣ инородческое населеніе представляетъ наиболѣе компактную и нетронутую русскимъ вліяніемъ массу, если при самомъ глубокомъ вниманіи къ экономическимъ интересамъ переселенцевъ расположить ихъ деревни такъ, чтобы онѣ, сохраняя связь между собою, разрывали территорію инородческаго племени на отдѣльные острова, если эти колонизаціонные кадры освѣжать отъ времени до времени притокомъ новыхъ переселенцевъ, дѣло обрусѣнія даннаго инородческаго племени можно считать обезпеченнымъ. По слѣдамъ колониста можно будетъ пустить тогда учителя. Это факторъ будущаго. Исторія даетъ въ отношеніи его чрезвычайно мало указаній. Недостатокъ своего опыта у насъ пытаются замѣнить подчасъ опытомъ другихъ. Намъ мерещатся прусскіе образцы—школы съ преподаваніемъ исключительно на государственномъ языкѣ, съ запрещеніемъ дѣтямъ говорить въ стѣнахъ училища и внѣ его на родномъ языкѣ. Нужно сидѣть всю свою жизнь въ кабинетѣ и смотрѣть на вещи исключительно западными—нѣмецкими, мадьярскими, галиційско-польскими глазами, чтобы не видѣть, какъ претитъ русскому чувству эта противорѣчащая нашей исторіи система. Нѣмецъ видитъ въ полякѣ, французѣ врага, котораго нужно согнать съ земли, раздавить; русскій, селившійся рядомъ съ инородцами на колоссальныхъ пустынныхъ пространствахъ, исторически не могъ воспитать въ себѣ этого чувства: онъ смотритъ на инородца подчасъ съ пренебреженіемъ, не прочь поэксплоатировать его, какъ и своего брата - простака, но онъ же живо подмѣчаетъ добрыя стороны инородца, сочувственно оцѣниваетъ ихъ и далекъ отъ истребительныхъ вожделѣній нѣмца, мадьяра и озлобленнаго историческими неудачами поляка. При такой органической противоположности условій не можетъ быть рѣчи объ успѣхѣ подражаній прусскимъ образцамъ. Чтобы учитель удовлетворялъ прусскому идеалу, въ его сердцѣ нужно поселить отсутствующую тамъ сознательную и горькую ненависть къ инородцу, а такую операцію продѣлать циркулярами нельзя. Опыты нашихъ дней показываютъ, что дѣло обрусѣнія посредствомъ школы можетъ быть поставлено иначе. Казанскій край, въ которомъ инородцы разныхъ наимено-

ваній считаются сотнями тысячъ, чтобы не сказать—милліонами, представляетъ собою самую благодарную почву для зарожденія обрусительныхъ стремленій à la prussien — и что же мы видимъ? Съ шестидесятыхъ годовъ, когда у насъ на Руси стали серьезнѣе подумывать о просвѣщеніи народа, здѣсь утвердились и въ обществѣ, и въ оффиціальномъ мірѣ воззрѣнія, рѣзко противоположныя тѣмъ, которыя формируются въ столицахъ. Епархіальное начальство (архіепископъ Антоній, епископъ Викторинъ), попечитель учебнаго округа (покойный П. Д. Шестаковъ), представители мѣстнаго общества—дворянство, торговое сословіе и духовенство—соединились подъ старымъ русскимъ знаменемъ святителя Гурія, на которомъ было написано: «христіанство для иновѣрцевъ», а не «обрусѣніе для инородцевъ». Возникшее въ эту пору братство св. Гурія, епархіальное начальство и учебный округъ сошлись въ общемъ убѣжденіи, что прежде всего слѣдуетъ сдѣлать иновѣрца христіаниномъ: потомъ онъ самъ уже добровольно сдѣлается русскимъ. Задачей инородческой школы было поставлено уясненіе инородцамъ на родномъ языкѣ догматовъ и нравственныхъ требованій христіанства. Этотъ поднимающійся надъ узкими требованіями прусской политики школьный идеалъ оказался на практикѣ наиболѣе дѣйствительнымъ въ смыслѣ обрусѣнія.

Школа разъясняетъ учащимся сущность «русской вѣры» (такъ всѣ инородцы называютъ христіанство), укрѣпляетъ ихъ твердость въ ней и такимъ образомъ кладетъ стѣну между національно-языческимъ прошлымъ и христіанско-русскимъ будущимъ. «Русковѣръ»-инородецъ стремится изъ религіозныхъ побужденій во всемъ уподобиться русскому: устроиваетъ порусски домъ, обстановку, житейскіе порядки. Распространеніе среди инородцевъ русскаго языка не встрѣчаетъ отъ такой постановки дѣла никакихъ препятствій. Живя среди русскихъ, видя практическое значеніе русскаго языка и русской грамоты, не встрѣчая въ изученіи того и другаго никакого принужденія, инородцы приносятъ съ собой изъ семьи въ школу то, за что дорого заплатили бы прусскіе германизаторы — готовность и желаніе учиться порусски. Піонеръ и въ настоящее время самый крупный дѣятель въ области просвѣщенія инородцевъ, Н. И. Ильминскій, такъ резюмируетъ результаты казанской школьной системы: «какъ скоро въ инородцахъ утвердились посредствомъ роднаго языка христіанскія понятія, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу. Когда также посредствомъ роднаго языка въ нихъ пробуждена любознательность, тогда они охотно и съ успѣхомъ занимаются и русскимъ языкомъ и ищутъ русскаго образованія» [1]). Случалось и случается

---

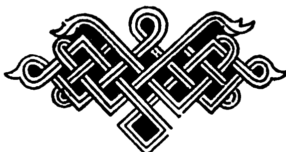
[1]) «Казанская центральная крещено-татарская школа», Казань, 1887 года, стр. 221.

даже такъ, что ученики на первыхъ порахъ, когда задача обученія еще не выяснилась, выражаютъ недоумѣніе по поводу обученія на родномъ языкѣ: «зачѣмъ намъ учиться на своемъ языкѣ, мы его и такъ знаемъ: надо учиться только русскому языку» [1]).

Поклонникамъ «прусской» системы можно рекомендовать весьма поучительную книгу, вышедшую въ Казани въ 1887 году: «Казанская центральная крещено-татарская школа. Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ». Изъ нея можно узнать, какимъ руссифицирующимъ факторомъ является школа, въ которой первоначальное обученіе предлагается на родномъ языкѣ, и какое впечатлѣніе производило примѣненіе стараго «русскаго» идеала къ практикѣ крещено-татарской школы на рядъ ея августѣйшихъ посѣтителей.

Наша замѣтка кончена. Позволяемъ себѣ подвести ея практическіе итоги. Обрусѣніе инородцевъ есть несомнѣнный и естественный результатъ исторіи. Нормальная политика по отношенію къ инородцамъ должна поэтому ввести его въ число своихъ задачъ. Средства, которыми правительство успѣшнѣе всего можетъ пользоваться для достиженія своей цѣли, указаны исторіей: это русская колонизація и школа съ смѣшаннымъ языкомъ преподаванія. Для того, чтобы эти средства полнѣе достигали цѣли, правительство можетъ регулировать направленіе русской колонизаціи и устранять случайности, которыя ведутъ инородцевъ къ озлобленію или сдержанности по отношенію къ русскимъ людямъ, — притѣсненія чиновниковъ и эксплоатацію торгашей.

И. Смирновъ.



[1]) Тамъ же, стр. 175.

ВООРУЖЕННЫЙ МИРЪ И ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ.

РИ ОЖИВЛЕННОЙ умственной и общественной жизни Франціи вполнѣ понятно, что такое крупное событіе, какъ франко-русское сближеніе, вызвало тамъ уже цѣлую литературу. Не проходитъ недѣли, чтобы не появилась новая журнальная статья, брошюра, книга. Просматривая всѣ эти труды, нельзя не замѣтить, что они распадаются на три категоріи. Во-первыхъ, мы встрѣчаемъ труды историческаго содержанія, въ которыхъ изслѣдуются аналогичные факты сближенія между двумя странами въ прошломъ; затѣмъ, насчитывается немало трудовъ общаго публицистическаго характера, въ которыхъ разсматриваются разныя международныя комбинаціи и взвѣшиваются выгоды каждой изъ нихъ; наконецъ, въ-третьихъ, встрѣчаются еще труды, въ которыхъ польза франко-русскаго сближенія признается какъ бы аксіомою и обсуждается уже вопросъ: на какихъ условіяхъ это сближеніе можетъ оказаться наиболѣе выгоднымъ и плодотворнымъ для обѣихъ странъ?

Нашъ вѣкъ называютъ вѣкомъ попреимуществу практическимъ. Но если познакомиться съ отмѣченными трудами, то мы не замедлимъ убѣдиться, что въ нихъ практическія стороны вопроса обсуждаются менѣе всего и что ихъ авторы склонны предаваться обобщеніямъ и фантазіямъ, иногда очень остроумнымъ и занимательнымъ, но въ сущности весьма мало пригоднымъ для немедленнаго осуществленія въ жизни. Дѣло тутъ не только въ томъ, что французы, какъ извѣстно, увлекаются фразою и лю-

бять обобщенія, дающія просторъ фантазіи. Нѣтъ, этимъ вопросъ не исчерпывается. Надо, кромѣ того, принять во вниманіе, что Россія очень долго выставлялась во Франціи врагомъ прогресса, цивилизаціи и свободы. Теперь же, когда въ силу обстоятельствъ состоялось сближеніе между двумя странами, французское общественное мнѣніе ищетъ оправданія этому отступничеству отъ установившихся традицій. Далѣе надо помнить, что долгое время Россія и Франція занимали первое мѣсто въ совѣтѣ державъ, и что въ силу этого обстоятельства между ними возгорѣлось соперничество, которое неоднократно проявлялось съ большою силою втеченіе XIX столѣтія. Мало того, политическія учрежденія двухъ странъ представляли по большей части противоположность. Поэтому между ними проявлялся антагонизмъ, вызывавшійся соображеніями внутренней политики. Франція любила выставлять себя защитницею и покровительницею угнетенныхъ народовъ, любила разыгрывать роль государства, стоящаго во главѣ цивилизаціи, прогресса и свободы. Ея правительства часто мало дорожили внутреннею свободою, но для отвода глазъ дѣлали видъ, что принимаютъ къ сердцу свободу другихъ народовъ. Это дѣлалось въ угоду общественному мнѣнію, съ которымъ правительство старалось быть солидарнымъ, вознаграждая его въ этой безобидной для себя сферѣ за стѣсненія, которымъ оно подвергало его въ другихъ. Такъ, напримѣръ, могло случиться, что правительство Наполеона III дѣятельно вело въ 1863 году дипломатическую кампанію въ пользу возставшихъ поляковъ, а въ 1867 году его ярый антагонистъ, радикалъ Флокэ, крикнулъ знаменитую свою фразу: «Et la Pologne, monsieur!». Конечно, нынѣ г. Флокэ придерживается совершенно иныхъ взглядовъ и сочувствуетъ Россіи, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько онъ въ то время сочувствовалъ Польшѣ; но поворотъ, происшедшій въ настроеніи передовыхъ политическихъ дѣятелей Франціи, совершается въ умахъ болѣе заурядныхъ медленнѣе, и старыя традиціи, привычки и наклонности все еще иногда, хотя теперь уже очень рѣдко, проявляются какъ во французской журналистикѣ и политической литературѣ, такъ и во французскомъ обществѣ. Мы, дѣйствительно, видимъ, что появляются брошюры и книги, авторы которыхъ либо относятся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ франко-русскому сближенію, либо даже прямо совѣтуютъ своимъ соотечественникамъ отказаться отъ союза съ варварскою Россіею, представляющею постоянную угрозу для цивилизованной Европы, и искать компромисса съ средне-европейскими государствами.

Подобныхъ произведеній, однако, становится все меньше, такъ что съ ними не стоило бы и считаться, если бы они не находили себѣ отголоска въ нѣкоторой части нашей печати. И у насъ есть публицисты, которые «ничего не забыли и ничему не научились»,

никакъ не могутъ отрѣшиться отъ смѣшенія задачъ внутренней и внѣшней политики и не понимаютъ, что подчинять ихъ другъ другу значитъ совершать ошибку, осужденную долголѣтнимъ и тяжелымъ опытомъ. Можно быть увѣреннымъ, что въ этой части нашей публицистики труды, коренящіеся въ отмѣченныхъ нами устарѣвшихъ традиціяхъ, встрѣчаютъ даже больше сочувствія, чѣмъ въ самой Франціи, и съ этимъ явленіемъ надо считаться, потому что труды противоположнаго характера рѣдко сводятъ вопросъ на чисто-практическую почву и слѣдовательно не противопоставляютъ разсужденіямъ, основаннымъ на смѣшеніи интересовъ внутренней и внѣшней политики, реальныхъ выгодъ, представляемыхъ франко-русскимъ сближеніемъ.

Такъ, если начать съ историческихъ трудовъ, то мы имѣемъ дѣло исключительно съ такими, въ которыхъ излагаются историческіе факты, свидѣтельствующіе о существовавшемъ и въ прежнее время стремленіи достигнуть сближенія между Франціей и Россіей. Мы уже выяснили въ одной изъ прежнихъ нашихъ статей [1]), что эта точка зрѣнія не можетъ считаться вѣрною. Обыкновенно ссылаются на попытки сближенія въ началѣ нынѣшняго столѣтія при Наполеонѣ I, а затѣмъ еще на попытку сближенія послѣ Крымской кампаніи, при Наполеонѣ III. Обѣ эти попытки были вызваны соперничествомъ между Франціею и Англіею и обѣ слѣдовательно коренились въ стремленіи ограничить путемъ франко-русскаго союза преобладаніе Англіи. Съ этой точки зрѣнія, конечно, можно найти нѣкоторую аналогію между теперешнимъ положеніемъ и положеніемъ въ началѣ или срединѣ текущаго столѣтія. Но теперь дѣло идетъ не столько о борбѣ съ Англіею, сколько о борьбѣ съ объединенною и могущественною Германіею. Слѣдовательно, если исходить изъ общаго принципа, что чрезмѣрное преобладаніе той или другой державы вызываетъ сближеніе между другими для оказанія ей отпора, то, пожалуй, аналогія между прошлымъ и настоящимъ существуетъ; но она существуетъ только на почвѣ этого крайне отвлеченнаго принципа. При обсужденіи же конкретныхъ международныхъ условій даннаго момента, аналогія совершенно исчезаетъ. Если мы вникнемъ въ роли, задачи и стремленія разныхъ государствъ, то мы сразу убѣдимся, что нѣтъ возможности строить наши сужденія о прочности франко-русскаго сближенія на историческихъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о склонности сближенія между обѣими странами въ прежнее время. Все кореннымъ образомъ перемѣнилось. Наполеонъ I искалъ сближенія съ Россіею, чтобъ дать отпоръ образовавшейся противъ него коалиціи. Но Россія тогда была заинтересована въ томъ,

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», ноябрь, 1891 года, статья: «Итальянскій походъ 1799 года и Кронштадтская встрѣча 1891 года», стр. 389.

чтобы примкнуть къ Англіи для сокрушенія могущества самого Наполеона. Полвѣка спустя, его племянникъ, Наполеонъ III, вступилъ въ союзъ съ Англіею, чтобъ подорвать преобладаніе Россіи, какъ онъ нѣсколько лѣтъ потомъ, когда Россіи нанесено было страшное пораженіе, искалъ опять сближенія съ Россіею, будучи недоволенъ своею союзницею.

Нынѣ не Франція, Россія или Англія преобладаютъ въ Европѣ,— преобладаетъ Германія, стоящая во главѣ тройственнаго союза, направленнаго въ равной мѣрѣ какъ противъ Франціи, такъ и противъ Россіи. Поэтому союзъ между двумя послѣдними державами вынуждается обстоятельствами, коренится въ общемъ положеніи Европы и долженъ былъ состояться, хотя бы къ этому и были нерасположены руководящія сферы. Болѣе дальновидные умы, слѣдовательно, могли его предусмотрѣть и предсказать съ математическою точностью, нисколько не опасаясь ошибиться. При Наполеонѣ III франко-русское сближеніе было явленіемъ болѣе или менѣе произвольнымъ; теперь же оно составляетъ фактъ исторически неизбѣжный, и, чтобъ оцѣнить истинное его значеніе, мы не можемъ довольствоваться аналогіями: мы должны взвѣсить и анализировать всю совокупность условій и интересовъ, которые, не смотря на всѣ препятствія, привели къ нему. Никогда еще, быть можетъ, вліяніе общихъ условій, подчиняющихъ себѣ волю отдѣльныхъ лицъ, не проявлялось въ исторіи такъ рельефно, какъ въ данномъ случаѣ, и поэтому усилія нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ дискредитировать франко-русское сближеніе и производятъ такое комическое впечатлѣніе.

Для болѣе полнаго выясненія нашей мысли мы остановимся на нѣкоторыхъ трудахъ, появившихся за послѣднее время во Франціи, выбравъ изъ нихъ тѣ, которые представляются намъ наиболѣе типичными. Изъ историческихъ трудовъ этого рода мы укажемъ на отрывокъ изъ мемуаровъ герцога Морни, выдержавшій въ короткое время два изданія подъ заглавіемъ: «Une ambassade en Russie». Изъ трудовъ втораго рода, то-есть посвященныхъ обсужденію общихъ международныхъ комбинацій, намъ представляется особенно характерною книга г. Вигурэ: «L'avenir de l'Europe». Наконецъ, изъ трудовъ третьей категоріи мы укажемъ на статьи нѣкоторыхъ французскихъ экономистовъ, напримѣръ, г. Поля Леруа-Болье въ «Journal des Débats» и «Journal des économistes» и г. Жаннэ въ «Correspondant».

Личность герцога Морни всѣмъ хорошо извѣстна. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ помощниковъ Наполеона III и вмѣстѣ съ Руэромъ болѣе всего содѣйствовалъ упроченію второй имперіи. Это былъ трезвый и дальновидный умъ. Его мемуары, слѣдовательно, представляютъ нѣкоторый интересъ, и та ихъ часть, которая теперь опубликована, имѣетъ, быть можетъ, не меньшее значеніе для насъ,

русскихъ, чѣмъ для французовъ. Собственно это не столько мемуары, сколько корреспонденція между герцогомъ Морни, княземъ Горчаковымъ, графомъ Валевскимъ, императоромъ Наполеономъ III и другими лицами. Корреспонденція бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всѣхъ этихъ дѣятелей, хотя въ общемъ въ ней мало новаго. Что же касается до основного насъ занимающаго вопроса, то она насъ только убѣждаетъ, что о какомъ нибудь серьезномъ союзѣ между Франціею и Россіею въ то время не могло быть и рѣчи. Не такъ смотрятъ на дѣло издатели корреспонденціи, которые, выпуская ее въ свѣтъ, думали убѣдить читающую публику въ проницательности и дальновидности герцога Морни, защищавшаго уже въ пятидесятыхъ годахъ мысль о франко-русскомъ сближеніи, осуществившуюся только теперь. Дѣйствительно, въ письмахъ герцога Морни, писанныхъ императору Наполеону III, или тогдашнему французскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Валевскому, изъ Петербурга или Москвы, гдѣ находился герцогъ Морни, въ качествѣ чрезвычайнаго посла императора Наполеона III, командированнаго въ Россію по случаю коронаціи, постоянно повторяется мысль о сближеніи между Россіей и Франціею въ качествѣ комбинаціи, наиболѣе обезпечивающей интересы обѣихъ странъ. Но этой мысли нельзя придавать того широкаго значенія, какое ей склонны придавать издатели корреспонденціи герцога Морни. Дѣло въ томъ, что тотчасъ послѣ окончанія Крымской кампаніи между союзниками, то-есть между Франціей и Англіею, какъ извѣстно, если не возникли прямыя пререканія, то послѣдовало значительное охлажденіе. Въ Лондонѣ начали опасаться, что императоръ Наполеонъ III воспользуется своимъ могуществомъ для территоріальныхъ расширеній, которыя не мирились бы съ интересами Англіи И вотъ французскіе государственные люди, и въ ихъ числѣ герцогъ Морни, искали сближенія съ Россіею, чтобы заставить Англію дорожить союзомъ съ Франціей. Если бы насъ въ этомъ не убѣждали всѣмъ извѣстные историческіе факты, то достаточно было бы прочесть слѣдующій отрывокъ изъ письма герцога Морни къ императору Наполеону III отъ 9-го декабря 1856 года: «Я не много потерялъ руководящую нить... Я думалъ, что было бы нелѣпо нарушить союзъ съ Англіею изъ-за такихъ пустяковъ и что было бы очень легко предупредить всѣ эти недоразумѣнія; но, съ другой стороны, я полагалъ, что вамъ нельзя переносить наглый образъ дѣйствій англичанъ, если вы не хотите потерять чрезвычайно выгодное положеніе, занятое вами въ Европѣ и во Франціи. Вотъ почему я такъ старался вывести васъ изъ теперешнихъ затрудненій (то-есть, пояснимъ мы, установить сближеніе съ Россіей); но въ интересахъ будущаго, конечно, лучше, что Англія уступила. Вы теперь опять можете съ почетомъ придерживаться союза съ Англіею. Мое рѣшеніе вопроса повредило бы ему и связало бы вамъ руки,

заставя васъ **исключительно придерживаться союза съ Россіею**». Кажется, эти слова не допускаютъ сомнѣнія относительно истинныхъ намѣреній какъ герцога Морни, такъ и императора Наполеона III. Что же касается до Россіи, то и она искала въ то время сближенія съ Франціею единственно потому, что хотѣла выйти изъ крайне затруднительнаго положенія, въ которое она тогда была поставлена. Не забудемъ, что Англія осталась недовольною Парижскимъ трактатомъ, снова послала флотъ въ Черное море и грозила истощенной Россіи новою войною. Австрія также вела себя очень двусмысленно. Въ такомъ положеніи Россіи ничего не оставалось, какъ добиваться соглашенія съ Франціею. Крайне характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ, происходившій въ коронаціонные дни въ Москвѣ между герцогомъ Морни и покойнымъ государемъ. Вотъ подлинныя слова послѣдняго, записанныя французскимъ посломъ: «Вѣрьте мнѣ, что мой отецъ питалъ чувства величайшаго удивленія и глубокой симпатіи къ императору Наполеону III и что никто болѣе его не рукоплескалъ государственному перевороту со всѣми его послѣдствіями. Позвольте мнѣ разсказать вамъ по этому поводу фактъ, который вамъ, можетъ быть, неизвѣстенъ, но прекрасно характеризуетъ дѣйствующихъ лицъ. Наканунѣ провозглашенія имперіи во Франціи, когда никто уже въ Европѣ въ ея установленіи не сомнѣвался, австрійскій кабинетъ, предусматривая это событіе, писалъ намъ, что онъ надѣется, что Россія не признаетъ императора французовъ въ формѣ, принятой для коронованныхъ особъ. Мнѣ не приличествуетъ обвинять моего отца; онъ, можетъ быть, слишкомъ себя считалъ носителемъ традиціонныхъ формъ, но онъ, конечно, менѣе отстаивалъ бы ихъ въ данномъ случаѣ, если не былъ бы къ тому приглашенъ. Когда я вспоминаю о поведеніи Австріи здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, въ Кремлѣ, гдѣ я присутствовалъ при сценѣ, какъ мой отецъ принялъ просьбу австрійскаго императора Франца-Іосифа о помощи и, не теряя ни минуты, сдѣлалъ распоряженія, которыя сохранили за нимъ корону!... О, эта Австрія! Какъ коварна ея политика! Теперь она старается оправдаться; она вамъ приписываетъ дурныя намѣренія; она утверждаетъ, что Франція потребовала уступки Бессарабіи и настаиваетъ на рѣшеніи спорныхъ пунктовъ мирнаго трактата во вредъ Россіи». Въ дальнѣйшей бесѣдѣ покойный государь еще замѣтилъ: «Какъ я сожалѣю, что они (императоры Николай I и Наполеонъ III) не имѣли свиданія. Я васъ увѣряю, что мой отецъ часто этого желалъ. Когда ему сообщили, что Наполеонъ собирается въ Крымъ, онъ хотѣлъ немедленно туда отправиться, чтобы съ нимъ встрѣтиться, и они навѣрное заключили бы миръ».

Дальнѣйшія событія вполнѣ убѣждаютъ, что сближеніе съ Франціею было и съ русской стороны лишь временною комбинаціею, имѣвшею цѣлью преодолѣть представившіяся международ-

ныя затрудненія. Усиленіе могущества Франціи, выразившееся въ побѣдахъ, одержанныхъ ею надъ Австріей, вызвало опасенія въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ снова сблизило Россію съ Пруссіею и Австріею. 10-го октября 1860 года состоялось въ Варшавѣ между русскимъ и австрійскимъ императорами и прусскимъ королемъ свиданіе, сильно не понравившееся въ Парижѣ. Вотъ что сказалъ, какъ мы узнаемъ изъ письма горцога Морни къ князю Горчакову, императоръ Наполеонъ III, когда онъ узналъ о предстоявшемъ свиданіи: «Я очень имъ опечаленъ... Я знаю, что чувства императора (русскаго) ко мнѣ не измѣнились, но наша дружба была большою взаимною силой и даже мнимое охлажденіе ослабитъ насъ». Комментируя эти слова императора Наполеона, герцогъ Морни говоритъ, что «пока Россія и Франція состоятъ въ союзѣ, Польша не можетъ вызвать безпорядковъ», и что «въ этомъ случаѣ Франція не признала бы соотвѣтствующимъ ея интересамъ возбуждать въ Польшѣ мятежный духъ». Извѣстно, что по прошествіи двухъ лѣтъ Франція признала соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ поддерживать возстаніе въ Польшѣ и, слѣдовательно, отречься отъ дружбы съ Россіей.

Стремленіе Россіи сойтись съ Франціею проявилось, какъ постоянный международный факторъ, лишь послѣ побѣдъ, одержанныхъ Пруссіею надъ Австріей, укрѣпилось послѣ франко-прусской войны и стало преобладающимъ моментомъ послѣ заключенія австро-германскаго союзнаго договора 1879 года. Но эта эволюція уже всецѣло относится къ нынѣшнему фазису франко-русскихъ отношеній и коренится въ могуществѣ, пріобрѣтенномъ Пруссіею послѣ ея грандіозныхъ военныхъ побѣдъ. Съ широкой исторической точки зрѣнія мы, слѣдовательно, видимъ, что попытки франко-русскаго сближенія вызываются неизмѣнно дѣйствующею причиною, то-есть, что онѣ повторяются всякій разъ, когда преобладаніе ускользаетъ изъ рукъ Россіи или Франціи и переходитъ въ руки другой европейской державы; но вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевидно, что въ этомъ повторяющемся явленіи нельзя усматривать признака постоянной солидарности ихъ интересовъ. Напротивъ, когда преобладаніе въ Европѣ переходитъ въ руки Франціи или Россіи, то онѣ очень скоро оказываются въ противоположныхъ лагеряхъ. Такъ было въ прошломъ, это повторится и въ будущемъ; а историческія монографіи, въ родѣ мемуаровъ герцога Морни, только подтверждаютъ эту историческую истину, какъ подтверждаютъ ее появляющіяся и у насъ историческія монографіи, посвященныя прежнимъ попыткамъ франко-русскаго сближенія.

Но перейдемъ отъ этихъ монографій къ трудамъ, въ которыхъ изучаются разныя международныя комбинаціи въ связи съ вопросомъ о франко-русскомъ союзѣ. Надо замѣтить, что сколько нибудь вѣскихъ трудовъ этого содержанія не появляется. Во всѣхъ

преобладаетъ поэзія надъ трезвою прозою. Если остановиться на упомянутомъ трудѣ г. Вигурэ, то окажется, что онъ сочувствуетъ франко-русскому соглашенію, но только какъ временной комбинаціи. Онъ—приверженецъ не политики интересовъ, а политики чувствъ. Чувство же ему подсказываетъ, что Франція должна стремиться къ объединенію европейскихъ народовъ латинскаго происхожденія, и что въ этомъ объединеніи заключается возможность устойчиваго умиротворенія Европы. Какъ же представляетъ себѣ г. Вигурэ международную эволюцію, которая приведетъ къ упомянутому его идеалу? Война кажется ему неизбѣжною. Франція въ союзѣ съ Россіею разгромятъ тевтоновъ. Тогда во всей Европѣ, за исключеніемъ Франціи и Россіи, произойдетъ безкровная революція: всѣ монархіи будутъ свергнуты; вездѣ установятся республики, и эти республики объединятся въ одинъ общій союзъ государствъ со включеніемъ въ него, понятно, и Балканскаго полуострова... Подъ протекторатъ этого союза будетъ поставлена и вся Африка. Россія получитъ азіатскія владѣнія Турціи, Персію, Индію и образуетъ великую Русскую имперію. Вся сѣверная Америка объединится; объединится и южная Америка, и такимъ образомъ получатся пять великихъ державъ: Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Южно-Американскіе Соединенные Штаты, Европейскіе Соединенные Штаты,—конечно, подъ главенствомъ Франціи,—Русская имперія и Китай.

Г. Вигурэ мотивируетъ свой грандіозный планъ въ довольно объемистой книгѣ, ссылаясь постоянно на историческіе факты и статистическія данныя. Но отъ этого его разсужденія не становятся убѣдительнѣе. Чтобы понять, какъ произвольны всѣ его построенія, достаточно отмѣтить, что онъ подъ «политикою интересовъ» разумѣетъ политику, «основанную на эгоизмѣ короля, династіи, словомъ какого нибудь господства безъ всякаго отношенія къ праву, справедливости и человѣчности», и что, тѣмъ не менѣе, самъ авторъ послѣ такого опредѣленія выступаетъ горячимъ защитникомъ политики интересовъ по отношенію къ франко-русскому союзу. На такой произвольной канвѣ можно рисовать очень причудливые узоры, какими и являются Соединенные Штаты Европы подъ главенствомъ Франціи. Къ сожалѣнію, большинство трудовъ этой категоріи, которые намъ приходилось просматривать, напоминаютъ по произвольности выводовъ и шаткости посылокъ только что разобранную нами книгу. Само собою разумѣется, что подобные труды нисколько не могутъ двинуть осуществленіе практическихъ задачъ, связанныхъ съ франко-русскимъ сближеніемъ.

Тѣмъ пріятнѣе остановиться на трудахъ, посвященныхъ разрѣшенію практичесскихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ франко-русскимъ союзомъ и обезпечивающихъ достиженіе его основной цѣли. Состоитъ она, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы противопо-

ставить могуществу средне-европейскихъ государствъ равную силу и тѣмъ предупредить всякія попытки нарушенія ими существенныхъ интересовъ Россіи и Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мира. Если бы средне-европейскія государства имѣли дѣло съ изолированною Россіею или Франціею, то они гораздо скорѣе рѣшились бы на нарушеніе ихъ интересовъ или на войну съ ними, чтобы подорвать ихъ военное могущество и этимъ путемъ на долгое время обезпечить тѣ изъ своихъ интересовъ, которые не мирятся съ интересами ихъ противницъ. Такимъ образомъ франко-русскій союзъ является гарантіею европейскаго мира, но мира вооруженнаго, единственно возможнаго въ настоящее время, когда ни одна изъ державъ не соглашается приступить къ разоруженію. Вооруженный миръ требуетъ большаго напряженія финансовыхъ, а слѣдовательно и экономическихъ силъ народовъ. Поэтому побѣда (если дѣло не дойдетъ до войны, какъ надо надѣяться въ виду безчеловѣчности обще-европейскаго столкновенія при грандіозныхъ размѣрахъ, которые оно нынѣ приметъ) останется за тѣми народами, которые окажутся въ силахъ съ успѣхомъ перенести финансовое и экономическое бремя, налагаемое на нихъ вооруженнымъ миромъ. Можно сочувствовать франко-русскому союзу, но если окажется, что международная комбинація, основанная на немъ, истощаетъ и разоряетъ Францію и Россію, то волею-неволею придется отказаться отъ этой комбинаціи и искать спасенія въ соглашеніи съ средне-европейскими державами, хотя бы цѣною значительныхъ жертвъ. Аналогичнымъ вопросомъ задались уже раньше насъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ. Тамъ вопросъ былъ не только возбужденъ, но и въ короткое время рѣшенъ, не смотря на всѣ представившіяся затрудненія, въ смыслѣ, чрезвычайно благопріятномъ для увеличенія податныхъ и экономическихъ силъ средне-европейскихъ народовъ. Достигнуто это путемъ торговыхъ договоровъ, которые заключила Германія съ Австріею, Италіею, Швейцаріею и Бельгіею.

Намъ не слѣдуетъ заблуждаться относительно истиннаго значенія этихъ договоровъ. Въ таможенной политикѣ германскаго правительства произошелъ поворотъ, несомнѣнно, содѣйствующій въ сильной мѣрѣ достиженію международныхъ цѣлей Германіи. Чѣмъ дешевле ея населеніе будетъ покупать жизненные припасы, тѣмъ быстрѣе возростетъ его благосостояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и податная способность. Германія, какъ страна попреимуществу мануфактурная, нуждается главнымъ образомъ въ удешевленіи жизненныхъ припасовъ, привозимыхъ изъ-за границы. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ теперь германскимъ правительствомъ очень рѣшительный шагъ, и человѣкъ, приступившій къ этому шагу, удостоился высокаго знака отличія со стороны того правительства, которое еще недавно видѣло все спасеніе въ экономической си-

стемѣ противоположнаго характера. Нашлись нѣмцы, которые отнеслись съ ироніею къ возведенію генерала Каприви въ графское достоинство и съ горечью вспоминали, что этотъ высокій знакъ отличія былъ дарованъ другимъ дѣятелямъ за славныя военныя побѣды, занесенныя золотыми буквами на страницы исторіи. Эти побѣды, однако, лишили Германію десятковъ тысячъ лучшихъ ея сыновъ и оставили ей наслѣдіе весьма сомнительнаго свойства (Эльзасъ и Лотарингію). Побѣда же, одержанная нынѣшнимъ германскимъ канцлеромъ, не только не лишитъ жизни ни одного нѣмца, но увеличитъ матеріальное благосостояніе милліоновъ обездоленныхъ современнаго общества, поддержитъ ихъ здоровье, даже существованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставитъ потомству не призрачное, а драгоцѣнное наслѣдіе. Наслѣдіе же это заключается въ первомъ рѣшительномъ шагѣ правительства къ достиженію плодотворной и великой цѣли: обезпеченію матеріальнаго благосостоянія народныхъ массъ путемъ значительныхъ финансовыхъ жертвъ. Да, новый германскій императоръ, не смотря на приписываемое ему измѣнчивое настроеніе, проявляетъ большую послѣдовательность и идетъ неуклонно по тому пути, который былъ возвѣщенъ имъ при вступленіи на престолъ, особенно-же во время грозныхъ вестфальскихъ стачекъ и который теперь привелъ къ такой рѣшительной мѣрѣ, какою намъ представляется заключеніе торговыхъ договоровъ.

Я только-что упомянулъ о жертвахъ, которыя Германія несетъ для достиженія своей цѣли, то-есть для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія неимущихъ народныхъ массъ. Еще лѣтомъ прошлаго года, когда только что было получено извѣстіе о предполагавшемся заключеніи австро-германскаго торговаго договора, я сдѣлалъ въ печати слѣдующій разсчетъ: «Всего Германія потребляетъ приблизительно семь съ половиной милліоновъ тоннъ хлѣба (шесть милліоновъ внутренняго производства и полтора милліона привознаго). Такъ какъ пошлина составляетъ 50 марокъ съ тонны и соотвѣтственно повышается въ цѣнѣ и хлѣбъ внутренняго производства, то германскій потребитель переплачивалъ землевладѣльцамъ 300.000,000 марокъ, а казна имѣла съ привознаго хлѣба доходъ въ 77.000,000 марокъ. Теперь же, благодаря пониженію пошлины на 30 процентовъ, потребители будутъ переплачивать землевладѣльцамъ только 210.000,000 марокъ, а казна лишится дохода въ 23.000,000 марокъ». Оказывается, однако, что жертвы германскаго правительства еще значительнѣе. Вслѣдствіе заключенія австро-германскаго договора казна потеряетъ, по исчисленію прусскаго правительства, не 23, а 30 милліоновъ марокъ на однѣхъ хлѣбныхъ пошлинахъ. На такую значительную жертву Германія рѣшается въ моментъ, когда бюджетъ ея съ трудомъ заключается безъ дефицита, а по нѣкоторымъ разсчетамъ предвидится даже

значительный дифицитъ въ благоустроенномъ германскомъ финансовомъ хозяйствѣ. Мало того. Германскіе землевладѣльцы, то-есть консервативная и такъ называемая аграрная партіи, лишаются дохода приблизительно въ 100 милліоновъ марокъ. Другими словами, германское правительство возбуждаетъ неудовольствіе весьма вліятельныхъ партій и слѣдовательно идетъ навстрѣчу новымъ внутреннимъ затрудненіямъ. Но оно передъ всѣмъ этимъ не останавливается и въ своей заботливости о благополучіи наименѣе обезпеченныхъ классовъ населенія рѣшается вступить въ борьбу съ правящими классами и урѣзать доходы, столь ему необходимые при нынѣшней системѣ вооруженнаго мира. Не рискуя сразу покончить съ бисмарковскимъ режимомъ, оно, однако, дѣлаетъ очень рѣшительный шагъ на этомъ пути и, понижая хлѣбныя пошлины, старается создать условія, обезпечивающія дешевое пропитаніе населенія съ возможнымъ ограниченіемъ интересовъ отечественной промышленности. Таковъ основной смыслъ заключенныхъ Германіею торговыхъ договоровъ. Прежняя таможенная борьба видоизмѣняется. Отнынѣ Германія не будетъ уже изолирована въ своей международной экономической борьбѣ: Австрія, Италія, Швейцарія, Бельгія присоединяются къ ней, и такимъ образомъ образуется обширная территорія съ объединенными международными экономическими интересами.

По этому поводу одинъ изъ французскихъ экономистовъ, г. Поль Леруа-Болье, высказываетъ сильныя опасенія на счетъ будущности своего отечества и съ горькою ироніею восклицаетъ: «Народу, занимающему незначительное пространство въ 536 тысячъ квадратныхъ километровъ и состоящему изъ 38 милліоновъ душъ обоего пола, вздумалось измѣнить ходъ цивилизаціи! Ему пришла фантазія стремиться къ обособленію... Рынокъ, обнимающій 38 милліоновъ потребителей, представляется ничтожнымъ въ сравненіи съ рынками остальной цивилизованной Европы. Даетъ ли онъ возможность достаточному раздѣленію труда, раскрываетъ ли онъ широкіе горизонты, даетъ ли просторъ, необходимый для успѣшнаго развитія промышленности и земледѣлія?!». Г. Поль Леруа-Болье приходитъ къ выводу, что Франція должна выйдти изъ своего изолированнаго положенія, что ей необходимо заключить торговые договоры по германскому образцу. Я съ большимъ сочувствіемъ отношусь къ этой мысли французскаго экономиста и позволяю себѣ по этому поводу напомнить то, что я писалъ лѣтъ пять тому назадъ, когда еще не было приступлено къ нашимъ конверсіоннымъ займамъ, а о германскихъ торговыхъ договорахъ не было и помину. Въ международной нашей торговой политикѣ,—писалъ я 15-го ноября 1887 года,—долженъ произойти поворотъ. Достигнуть этого можно путемъ пересмотра торговыхъ договоровъ, заключенныхъ нами съ нѣкоторыми дружественными

державами. На первомъ планѣ тутъ стоитъ Франція, на второмъ— Бельгія, Голландія, Данія. Мы могли бы значительно понизить таможенныя пошлины на товары этихъ государствъ, если они будутъ пропускать безпошлинно въ свои предѣлы наше сырье и нашъ хлѣбъ. Это была бы вполнѣ соразмѣрная взаимная уступка. При сильной конкурренціи между европейскими мануфактурными странами и при теперешнемъ застоѣ въ ихъ промышленности, нельзя сомнѣваться, что эти государства съ готовностью примутъ наше предложеніе. Экономическій кризисъ, господствующій теперь въ этихъ странахъ, прекратится вмѣстѣ съ оживленіемъ ихъ промышленности. Чрезмѣрнаго наплыва нашего хлѣба и нашего сырья имъ нечего опасаться, потому что при данныхъ условіяхъ наши земледѣльческіе продукты только вытѣснятъ на выгодныхъ условіяхъ земледѣльческіе продукты другихъ странъ (напримѣръ, американскую и индійскую пшеницу). Для Россіи же послѣдствія этой мѣры окажутся въ высшей степени плодотворными. Сокращеніе таможенныхъ доходовъ, если и произойдетъ, то не въ большихъ размѣрахъ и не надолго, потому что количество привозныхъ товаровъ увеличится. Наша мануфактурная промышленность также не можетъ чувствительно пострадать. Государства, съ которыми мы вступимъ въ соглашеніе, лишь постепенно могутъ приготовиться къ удовлетворенію усиленнаго спроса со стороны Россіи. Къ тому же, они, по свойству своей промышленности, не въ состояніи доставлять намъ многіе товары, обложенные у насъ таможенными пошлинами. Земледѣліе же, составляющее основу нашего богатства, выиграетъ отъ нея сторицею... Вмѣстѣ съ тѣмъ, наши бумажныя цѣнности найдутъ себѣ новые обезпеченные рынки. Этимъ экономическимъ выгодамъ предложенной мѣры соотвѣтствуютъ не менѣе важныя политическія послѣдствія. Какъ только мы приступимъ къ указанному пересмотру нашихъ торговыхъ договоровъ, въ Берлинѣ убѣдятся, что Россія въ финансовомъ отношеніи вовсе не такъ безсильна, какъ ее стараются тамъ изобразить. Въ случаѣ осуществленія этой комбинаціи, скоро выяснится, что отъ таможенной войны, объявленной намъ Германіею, пострадаетъ главнымъ образомъ она сама, ибо нѣмецкій мануфактурный товаръ, утративъ наши рынки, не такъ легко найдетъ себѣ въ Европѣ сбытъ.

Теперь эта программа пролагаетъ себѣ, наконецъ, дорогу въ жизнь. Она отчасти, на сколько касается нашихъ бумажныхъ цѣнностей, принята во вниманіе нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ. Ее одобряютъ теперь и французскіе экономисты. Въ этомъ смыслѣ высказывается и г. Жаннэ въ парижскомъ «Correspondant» и большинство солидныхъ парижскихъ газетъ: «Temps», «Journal des Débats» и др. Но для этого потребовалось, чтобы Германія дала Франціи урокъ, чтобы она и въ экономической сферѣ ее нагляднымъ

примѣромъ убѣдила въ необходимости отрѣшиться отъ изолированнаго положенія. Въ 1888 году началась эра нашихъ конверсіонныхъ займовъ. Но она, какъ извѣстно, окончилась неудачнымъ трехпроцентнымъ займомъ, хотя и не конверсіоннымъ, но заключеннымъ на той же почвѣ экономическаго сближенія съ Франціей. Дѣло въ томъ, что Россія систематически игнорировала взаимодѣйствіе между денежными и торговыми оборотами. Германія отказывалась пріобрѣтать наши бумаги; мы думали перевести ихъ во Францію, но не позаботились о томъ, чтобы оживить наши торговыя сношенія съ этою страною, а помимо этого условія о прочномъ помѣщеніи нашихъ займовъ во Франціи и думать нечего. Въ 1888 году мы у нея покупали на 15 милліоновъ рублей товаровъ и продавали ей на 59 милліоновъ, а въ 1890 году мы у нея покупали на 17 милліоновъ, а продали ей только на 48 милліоновъ, то-есть на 11 милліоновъ меньше. Вообще наши торговыя сношенія съ Франціею отличаются большою неподвижностью. Между тѣмъ, оживить ихъ было бы вовсе не трудно и даже, какъ я указывалъ, почти безъ всякихъ жертвъ. Покупаетъ же Франція въ Соединенныхъ Штатахъ на 306 милліоновъ хлѣба, а мы въ свою очередь, всетаки, покупаемъ очень много иностранныхъ фабрикатовъ, не смотря на страшно высокія таможенныя пошлины. Намъ стоило бы только сдѣлать взаимныя уступки въ таможенныхъ ставкахъ, и тогда получился бы тотъ результатъ, что мы покупали бы у Франціи много товаровъ, которые мы теперь покупаемъ у нашихъ сосѣдей, а Франція стала бы у насъ покупать товары, которые она теперь выписываетъ изъ-за океана.

Это было бы во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно желательно. Послѣ нынѣшняго неурожая наступитъ рядъ урожайныхъ лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ надо будетъ возстановить нашу отпускную торговлю. Безразсудно утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя лица, напуганныя нынѣшнимъ голодомъ, что слѣдуетъ-де вообще стѣснить нашъ отпускъ. Страшный вредъ стѣсненія хлѣбнаго отпуска выяснился всюду, гдѣ только эта мѣра принималась. Во Франціи при Сюлли, отмѣнившемъ запрещеніе вывоза хлѣба, земледѣліе достигло необычайнаго процвѣтанія; напротивъ, при Кольберѣ, возстановившемъ запрещеніе послѣ голода 1662 года, ежегодная производительность страны упала съ 70 до 40 милліоновъ setiers[1]), и втеченіе 113 лѣтъ, когда дѣйствовало это запрещеніе, Франція имѣла 65 голодныхъ годовъ, между тѣмъ какъ раньше, во время свободы торговли, одинъ голодный годъ приходился на пять урожайныхъ. Возьмемъ далѣе примѣръ бывшаго Неаполитанскаго королевства. Сицилія—страна плодороднѣйшая. Она производила пшеницу въ такомъ изобиліи, что урожай одного хорошаго года могъ

---

[1]) 1 setier = 12 четверикамъ.

обезпечить населеніе на семь лѣтъ. Но правительство, напуганное голодомъ, воспретило отпускъ хлѣба на многіе годы. Что же получилось въ результатѣ? Не прошло и пяти лѣтъ послѣ этого запрещенія, какъ во время неурожая снова разразился голодъ, потому что въ странѣ никакихъ запасовъ не оказалось. Населеніе, не находя въ урожайные годы сбыта пшеницѣ, перестало воздѣлывать ее въ прежнихъ размѣрахъ, обратилось къ другимъ культурамъ, и неурожай застигъ его въ такомъ же безпомощномъ положеніи, въ какомъ оно было до запрещенія отпуска. Этотъ примѣръ на ряду съ многими другими однородными убѣдилъ весь цивилизованный міръ, что воспрещеніе отпуска на продолжительные періоды является мѣрою крайне опасною для экономическихъ успѣховъ страны, такъ какъ нигдѣ и никогда земля не воздѣлывалась свыше тѣхъ требованій, которыя ей предъявляются при среднемъ урожаѣ; а примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, поставленныхъ съ нами въ одинаковыя условія, показываетъ, что населеніе можетъ быть обезпечено противъ голода безъ всякихъ мѣръ, стѣсняющихъ отпускъ, а, напротивъ, при всевозможныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы дать отпуску самое широкое развитіе.

Территоріальное разграниченіе разныхъ государствъ вызвано многообразными причинами, но между этими причинами экономическія соображенія не играли никакой роли. Выдвинутый за послѣднее время національный принципъ, какъ основа разграниченія государствъ, далеко еще не восторжествовалъ окончательно. Но даже, если-бъ этотъ принципъ одержалъ окончательную побѣду, то было бы болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ территоріальное разграниченіе соотвѣтствовало вѣрно понятымъ экономическимъ интересамъ. Напротивъ, съ хозяйственной точки зрѣнія, несомнѣнно, было бы наиболѣе выгодно, если-бъ всѣ государства образовали одну въ экономическомъ отношеніи объединенную территорію. Это вѣрнѣе всего обезпечило бы правильное раздѣленіе труда, успѣхи промышленности, дешевизну ея продуктовъ. Но на экономическую почву перенесена соціальная и политическая борьба, а вмѣстѣ съ тѣмъ создано положеніе, которое теперь не допускаетъ безъ нарушенія существенныхъ интересовъ внезапнаго возврата къ нормальному порядку вещей. Но, тѣмъ не менѣе, вездѣ ведется усиленная борьба въ пользу установленія широкихъ, въ экономическомъ отношеніи объединенныхъ, территорій. Мы теперь присутствуемъ при зрѣлищѣ, какъ въ столицѣ могущественной Германіи, гдѣ такъ долго придерживались крайнихъ экономическихъ теорій, гдѣ государственные и общественные дѣятели и даже—увы!—люди науки осмѣивали отжившую, по ихъ мнѣнію, манчестерскую школу,—Смитъ, Кобденъ, Пиль, опять заставляютъ преклоняться передъ собою тѣхъ, кто такъ легкомысленно отвергалъ ихъ ученіе. Торговые договоры, заключенные Германіею, имѣютъ именно этотъ смыслъ: они предста-

вляютъ краснорѣчивое доказательство безсилія обезпечить экономи ческіе интересы страны путемъ таможенныхъ пошлинъ на ограни ченной территоріи, коль скоро рѣчь заходитъ объ обезпеченіи инте ресовъ широкихъ народныхъ массъ,—и всѣ, кому дороги эти интересы, въ комъ совѣсть и сознаніе общественнаго долга не заглушается личными разсчетами, не могутъ не признать, что хотя бы указанный нами фактъ удешевленія въ Германіи необходимѣйшихъ жизненныхъ припасовъ на 120 милліоновъ является фактомъ въ высшей степени отраднымъ.

Но намъ возразятъ: все это касается государства, поставленнаго въ иныя условія, чѣмъ Россія. У насъ необходимые жизненные припасы дешевы и, если они дорожаютъ, то только благодаря неумѣренному заграничному отпуску того хлѣба, въ которомъ нуждается нашъ крестьянинъ. Я указалъ уже на примѣръ Франціи и Сициліи, гдѣ воспрещеніе отпуска нисколько не содѣйствовало удешевленію хлѣба, а, напротивъ, вызвало его вздорожаніе; я указалъ и на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ полная свобода хлѣбной торговли нисколько не ослабила благосостоянія страны, а, напротивъ, содѣйствовала ея изумительному обогащенію. Утопистъ можетъ возставать вообще противъ торговли, но пока торговля существуетъ, пока удовлетвореніе потребностей лучше всего обезпечивается обмѣномъ цѣнностей, производимыхъ въ данномъ пунктѣ съ наименьшими затратами труда и капитала, на цѣнности, легче всего производимыя въ другомъ пунктѣ, неразумно искусственно заставлять людей воздерживаться отъ такого обмѣна. Насъ смущаетъ тотъ фактъ, что житель, допустимъ, Пинежскаго уѣзда голодаетъ въ то время, какъ житель черноземной полосы продаетъ свой хлѣбъ за границу. Но разумно ли воспретить послѣднему продавать свой хлѣбъ иностранцу, когда мы по опыту знаемъ, что житель Пинеги все равно этого хлѣба не купитъ, и что результатомъ этого запрещенія будетъ только сокращеніе земледѣльческой культуры, составляющей, что бы тамъ ни говорили, основу нашего благополучія. Если бы между Пинегой и черноземною полосою существовали такіе удобные пути сообщенія, какъ между этою полосою и Штетиномъ, Бременомъ и Лондономъ, то было бы устранено одно изъ существенныхъ препятствій равномѣрнаго распредѣленія нашихъ сельскохозяйственныхъ богатствъ. Но, тѣмъ не менѣе, хлѣбъ, всетаки, не пошелъ бы въ Пинегу, если-бъ тамошнему крестьянину не на что было его купить. Иностранецъ можетъ платить больше, а такъ какъ землевладѣльцы составляютъ у насъ, въ отличіе отъ запада, подавляющее большинство населенія, то разумно ли сокращать доходъ этой массы мелкихъ землевладѣльцевъ, понизить и безъ того низкій уровень ихъ благосостоянія для того, чтобъ оказать, какъ убѣждаетъ примѣръ Франціи, Сициліи и многихъ другихъ странъ, мнимую помощь меньшинству? Было бы совершенно

нецѣлесообразно путемъ стѣсненія нашего заграничнаго хлѣбнаго отпуска понизить доходы той части населенія, которая такъ сильно пострадала вслѣдствіе прошлогодняго неурожая, и которая можетъ оправиться, только если въ ожидаемые урожайные годы хлѣбъ не будетъ искусственно обезцѣненъ. Столь же нецѣлесообразно лишать этимъ путемъ общество и государство доходовъ, необходимыхъ для содѣйствія успѣхамъ промышленности и народнаго образованія, этихъ основъ преуспѣянія страны. Даже съ точки зрѣнія мануфактурной промышленности обезцѣненіе нашего хлѣба въ урожайные годы гибельно, потому что оно лишитъ нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ значительной части покупателей.

Такимъ образомъ возстановленіе нашего хлѣбнаго отпуска является не только желательнымъ, но и необходимымъ, а между тѣмъ въ годину постигшаго насъ бѣдствія состоялись торговые договоры, которые въ значительной степени сократятъ сбытъ нашего хлѣба въ страну, главнымъ образомъ покупавшую его. Тѣмъ желательнѣе было бы найдти нашимъ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ сбытъ во Францію. Если бы намъ удалось убѣдить французское правительство въ пользѣ взаимныхъ таможенныхъ уступокъ, если бы французы могли, благодаря пониженію хлѣбныхъ пошлинъ во Франціи, платить за нашъ хлѣбъ дешевле, чѣмъ за американскій, и въ то же время сбывать намъ свои товары на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ на какихъ сбываютъ намъ свои товары нѣмцы, то, несомнѣнно, это послужило бы къ взаимной выгодѣ обѣихъ странъ и облегчило бы намъ экономическую борьбу, которую намъ придется теперь вести не съ одною Германіею, а съ союзомъ объединенныхъ центральныхъ государствъ Европы. Только при такой экономической политикѣ, то-есть при установленіи дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ Франціею, намъ удастся предупредить дальнѣйшее обезцѣненіе нашей валюты и нашихъ бумагъ, которыя будутъ находить себѣ все меньше покупателей въ Германіи, по мѣрѣ ослабленія нашихъ торговыхъ сношеній съ этою страною. Обезцѣненіе нашихъ бумагъ опять приняло значительные размѣры. За выигрышный заемъ II выпуска въ Берлинѣ платили годъ тому назадъ 174,75%, теперь платятъ не болѣе 139%; за восточные платили 84%, теперь—64%; даже металлическія наши бумаги понизились въ цѣнѣ: 4% консолидированный желѣзнодорожный заемъ съ 97 упалъ до 93%, а насколько велика иллюзія, что мы можемъ занимать деньги на такихъ же выгодныхъ условіяхъ, какъ другія государства, показываетъ тотъ фактъ, что за 3% французскую ренту платятъ 95½%, а за нашъ 3% заемъ—всего 76%. Нашъ вексельный курсъ за послѣднее время также значительно понизился (съ 240 марокъ до 198). Внутреннее обезцѣненіе нашего рубля между тѣмъ неизбѣжно; неизбѣжно оно вслѣдствіе новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и сокращенія мѣновыхъ оборотовъ, то-есть застоя въ промышленности и торговлѣ. Поэтому вдвойнѣ необходимо поза-

ботиться объ устойчивомъ поглощеніи иностранцами нашихъ процентныхъ бумагъ, вытѣсненныхъ съ англійскихъ денежныхъ рынковъ и усиленно вытѣсняемыхъ съ германскихъ. Если соотвѣтственныя мѣры не будутъ приняты, то за нашъ рубль могутъ опять, какъ въ 1888 году, платить только полтинникъ, и притомъ съ тою разницею, что тогда намъ угрожала война съ Германіею, а теперь это можетъ случиться даже безъ всякихъ политическихъ усложненій.

Но не мы одни заинтересованы въ экономическомъ сближеніи съ Франціею. Она сама столько же заинтересована въ сближеніи съ нами. Французскіе экономисты это, какъ мы видѣли, теперь вполнѣ сознаютъ, и ихъ изслѣдованія представляются намъ съ практической точки зрѣнія въ тысячу разъ болѣе цѣнными, чѣмъ комбинаціи будущаго переустройства Европы, сославляемыя французскими публицистами. Народные представители Франціи могли упустить эту сторону вопроса изъ виду, когда они приступали къ пересмотру торговыхъ договоровъ и установили такъ называемый минимальный тарифъ, удовлетворяющій интересы отдѣльныхъ отраслей промышленности, но нисколько не разсчитанный на то, чтобы примирить ихъ противоположность и этимъ обезпечить интересы всего народнаго хозяйства. Фактъ остается фактомъ. Внѣшняя торговля Франціи отличается, что касается до отпуска, большой неподвижностью. Двадцать лѣтъ тому назадъ Франція продавала иностранцамъ товаровъ на $4^1/_4$ милліарда; ровно столько же она продаетъ имъ въ среднемъ и теперь. Между тѣмъ, отпускъ Англіи возросъ втеченіе послѣднихъ 22-хъ лѣтъ почти на одинъ милліардъ рублей (съ 234 милл. фунт. ст. до 328 милл.); а отпускъ Франціи отличается поразительною неподвижностью, и это явленіе, надо опасаться, теперь вслѣдствіе германскихъ торговыхъ договоровъ, вѣроятно, еще усилится. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ увеличиться и податная сила французскаго народа, а вооруженный миръ требуетъ все вворостающихъ денежныхъ жертвъ. Мы слѣдовательно видимъ, что Россія и Франція одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы расширить свои взаимные торговые обороты. Только когда эта цѣль будетъ достигнута, онѣ окажутся поставленными въ условія, благопріятныя для одержанія побѣды въ экономической борьбѣ, которую имъ приходится вести съ средне-европейскими державами, а отъ этой побѣды зависятъ и политическіе успѣхи. Такимъ образомъ открывается широкое поле дѣятельности для упроченія франко-русскаго единенія, и только, когда мы справимся съ этою важною задачею, можно будетъ съ довѣріемъ ожидать грядущихъ событій и не имѣть повода опасаться, что въ борьбѣ съ центральною Европою силы намъ измѣнятъ на поприщѣ мирнаго труда, на которомъ мы, русскіе, до сихъ поръ оказывались всегда гораздо слабѣе нашихъ европейскихъ противниковъ.

Р. Сементковскій.

КАКЪ ОБЪЯСНЯЮТЪ РУССКІЕ ИСТОРИКИ ПРОИСХОЖДЕНІЕ У НАСЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА [1].

МЪ ПРИХОДИТСЯ слышать въ обществѣ и встрѣчать въ печати мнѣніе, что въ настоящемъ 1892 году исполнится триста лѣтъ со времени такого крупнаго событія въ нашей исторіи, какъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ указомъ царя Ѳедора Ивановича 1592 года. Мнѣніе это такъ укоренилось, что мы считаемъ не лишнимъ возобновить въ памяти читателей тѣ взгляды на происхожденіе у насъ крѣпостнаго права, которые высказывались нашими лучшими историками.

Начиная съ изданія трудовъ Татищева, то-есть съ конца прошлаго столѣтія, въ нашей исторической литературѣ установилось такое мнѣніе о происхожденіи крѣпостнаго права на крестьянъ.

Крестьяне первоначально имѣли право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому одинъ разъ въ годъ—въ Юрьевъ день,

[1]) К. Аксакова: разборъ Бѣлевской Вивліоѳики въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 года, кн. III; Погодина: «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?», ibid., кн. IV; его же: «Отвѣтъ г. Костомарову» въ «Арх. истор и практ. свѣдѣн.», 1859 года, кн. III; Костомарова: «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?»—изслѣдованіе, перепечатанное потомъ въ I т. его монографій; его же: «Два слова М. П. Погодину» въ названной книжкѣ Архива; Бѣляева: «Крестьяне на Руси», 1-е изд.; В. О. Ключевскаго: «Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи» въ «Русской Мысли», 1885 года, кн. VIII и X.

осенній (собственно «за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю послѣ Юрьева для осенняго»). Но пользованіе этимъ правомъ породило много неудобствъ; особенно оно было убыточно для бѣдныхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ крестьяне въ большомъ числѣ переходили къ богатымъ, сулившимъ имъ многія льготы. Бѣдные землевладѣльцы отъ этого не могли нести, какъ слѣдуетъ, возложенной на нихъ государствомъ военной службы. Чтобы прекратить это зло, въ 1592 году, въ царствованіе Ѳедора Ивановича и былъ изданъ законъ (не дошедшій, впрочемъ, до насъ или еще не найденный), уничтожившій право перехода, прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ. Крестьяне, неразрывно связанные съ землею частнаго владѣльца, быстро и незамѣтно сдѣлались собственностью послѣдняго. Такого мнѣнія, кромѣ Татищева, держались еще: Карамзинъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ, К. П. Побѣдоносцевъ. Первый, кто громко высказалъ сомнѣніе въ справедливости изложеннаго взгляда, былъ К. Аксаковъ.

Въ «Русской Бесѣдѣ» за 1858 годъ, подробно разбирая писцовую книгу [1]) 1632—1635 годовъ Бѣлевскаго уѣзда, К. Аксаковъ указываетъ, что она отмѣчаетъ нѣкоторыхъ крестьянъ «вышедшими», а нѣкоторыхъ — «сбѣжавшими» отъ землевладѣльца. Вышедшій крестьянинъ безъ всякой оговорки записывается въ ней за новымъ землевладѣльцемъ. Слѣдовательно, выходъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, въ 1630 годахъ de facto и de jure существовалъ. А такъ какъ переходъ крестьянъ съ самыхъ древнихъ временъ подлежалъ извѣстнымъ условіямъ (напримѣръ, могъ совершаться только въ Юрьевъ день и по прошествіи условленнаго числа лѣтъ), то переходъ безъ соблюденія этихъ условій долженъ былъ считаться бѣгствомъ.

Разсматривая дальше рядныя крестьянъ (договоры съ землевладѣльцами), К. Аксаковъ находитъ, что во времена до укрѣпленія переходившіе крестьяне часто рядились на неопредѣленный срокъ жить за такимъ-то; въ случаѣ несоблюденія этого условія, крестьянинъ возвращалъ подмогу (земледѣльческія орудія, скотъ и проч., взятыя у землевладѣльца) или платилъ пеню. Послѣ укрѣпленія въ такомъ точно случаѣ, тотъ, за кого рядился крестьянинъ, кромѣ денежной пени или вмѣсто нея, могъ требовать назадъ самого крестьянина и заставить работать на себя столько времени, сколько въ рядной написано (послѣ укрѣпленія крестьяне обыкновенно обязывались пожизненной работой). Отсюда К. Аксаковъ дѣлаетъ выводъ, что сущность закона о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ состояла въ запрещеніи крестьянамъ сокращать

[1]) Писцовыя книги—подробное описаніе земель съ поименнымъ перечнемъ населенія и опредѣленіемъ податей и повинностей, положенныхъ на него; описаніе, предпринимавшееся правительствомъ XVII вѣка отъ времени до времени по всѣмъ уѣздамъ государства.

срокъ работы уплатой, то-есть неустойки. Но прикрѣпленіе это было къ землѣ, а не къ лицу владѣльца.

До Петра Великаго крестьяне владѣльческіе были люди свободные и полноправные столько же, сколько и государственные крестьяне. Значеніе землевладѣльца для нихъ было чисто государственное. Помѣщикъ или вотчинникъ отношеніе свое къ крестьянамъ не имѣлъ права перемѣнять по своему желанію. Крѣпостное право на крестьянъ началось лишь съ Петра Великаго.

Вслѣдъ за теоріей К. Аксакова въ томъ же 1858 году появилось критическое изслѣдованіе Погодина о происхожденіи крѣпостнаго права, послужившее началомъ полемики между нимъ и Костомаровымъ объ этомъ вопросѣ.

Погодинъ прежде всего подвергаетъ разбору тѣ законодательные акты, которые служатъ опорой старому взгляду на происхожденіе крестьянской неволи. Акты эти слѣдующіе.

Указъ 1597 года, которымъ предписывалось возвращать въ имѣнія помѣщиковъ и вотчинниковъ бѣглыхъ крестьянъ, убѣжавшихъ за 5 лѣтъ передъ изданіемъ этого указа; тѣхъ же, которые удалились съ мѣста жительства ранѣе, оставить на новыхъ мѣстахъ. Изъ этого заключили, что за пять лѣтъ передъ тѣмъ, то-есть въ 1592 году, должна была произойти отмѣна права перехода.

Указъ царя Василія Шуйскаго 1607 года, въ которомъ свидѣтельствуется, что царь Ѳедоръ, по наговору Бориса Годунова, «выходъ крестьянамъ заказалъ» (то-есть запретилъ).

Указы 1601 и 1602 годовъ, которыми позволялось мелкимъ владѣльцамъ отпускать и принимать крестьянъ, а крупнымъ запрещалось. Изъ этого видѣли, что право перехода крестьянъ въ предъидущіе годы было уничтожено.

Боярскій приговоръ 1606 года[1]), схожій въ главныхъ чертахъ съ указомъ 1597 года.

Законъ 1597 года нисколько не указываетъ на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Это указъ не о перешедшихъ крестьянахъ, а о бѣглыхъ, то-есть перемѣнившихъ мѣсто жительства, не исполнивъ обязанностей (не доживъ условнаго срока, не заплативъ должныхъ денегъ и тому подобное). Онъ лишь устанавливаетъ давность, съ которой помѣщики могутъ отыскивать своихъ бѣглыхъ судомъ (таково мнѣніе о немъ и графа Сперанскаго). Такіе указы, очевидно, издавались и раньше, такъ какъ бѣглые были всегда.

Свидѣтельство указа царя Василія Шуйскаго 1607 года, что царь Ѳедоръ запретилъ крестьянскій выходъ, не имѣетъ для насъ никакого значенія, какъ какъ самый указъ этотъ, по непримиримымъ противорѣчіямъ, какія въ немъ заключаются, очевидно, подложенъ.

---

[1]) Костомаровъ, а иногда и Погодинъ, ошибочно относятъ этотъ приговоръ къ 1605 году.

Указы 1601 и 1602 годовъ дѣйствительно подразумѣваютъ запрещеніе перехода крестьянъ въ предъидущіе годы, но запрещеніе временное, только для одного года, на каковой срокъ изданы и названныя распоряженія 1601 и 1602 годовъ. «Общаго закона, какъ запретительнаго, равно какъ и позволительнаго о переходѣ крестьянъ при Борисѣ, кольми паче при Өедорѣ, еще не было, а бывали ограниченія въ частности, по временамъ и по мѣсту, по обстоятельствамъ, разныя позволенія и разныя запрещенія». Подъ такую категорію распоряженій безусловно подходятъ и указы 1601 и 1602 годовъ.

Относительно боярскаго приговора 1606 года, какъ схожаго въ главныхъ основаніяхъ съ указомъ 1597 года, нужно сказать то же, что и относительно послѣдняго.

Итакъ, перечисленные указы вовсе не даютъ намъ права предполагать прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ ни въ царствованіе Өедора, ни въ царствованіе Бориса. Какъ же образовалось, сложилось крѣпостное право на крестьянъ, кто былъ виновникомъ его основанія?

Первый моментъ зарожденія крѣпостнаго права должны мы искать въ эпоху появленія системы помѣстій, то-есть раздачи земель въ пожизненное владѣніе для обезпеченія государственной службы землевладѣльцевъ (приблизительно въ княженіе Ивана III). Тогда, очевидно, правительство стало стараться придать больше цѣнности помѣстью, для чего разными мѣрами должно было удерживать на немъ крестьянъ. Среди этихъ мѣръ явился къ концу XV вѣка и знаменитый Юрьевъ день, то-есть узаконеніе, по которому крестьянинъ могъ переходить лишь въ одно опредѣленное время въ году, а не когда угодно. Но въ исключительныхъ обстоятельствахъ переходъ и въ этотъ срокъ уничтожался. Крестьяне поэтому прикрѣплялись къ землѣ все чаще и чаще. Постепенное превращеніе помѣстій въ вотчину, то-есть пожизненной земельной собственности въ полную, въ родовое имѣніе [1],—превращеніе, начавшееся съ царствованія Бориса, повело еще къ большимъ затрудненіямъ для крестьянъ покидать земли частныхъ владѣльцевъ. Голодъ 1601—1603 годовъ вынудилъ правительство въ интересахъ народнаго пропитанія запретить крестьянамъ выходъ отъ богатыхъ помѣщиковъ. Мѣра эта была временная, но она понравилась богатымъ и сильнымъ землевладѣльцамъ, и они пожелали увѣковѣчить ее, тѣмъ болѣе, что на практикѣ переходъ крестьянъ уже былъ чрезвычайно стѣсненъ. Это стремленіе бояръ повело къ подлогамъ, конечно, заднимъ числомъ, въ законодательныхъ актахъ: явился указъ Шуйскаго 1607 года. Въ Уложеніе 1649 года пре-

[1] Опредѣленіе помѣстья и вотчины у Погодина приблизительно только вѣрно и точно.

жній законъ о правѣ перехода въ Юрьевъ день не вошелъ; составлявшіе его бояре и редакторы уступили господствующему образу мыслей, да и переходъ этотъ къ тому времени пресѣкся самъ собою, хотя и не безусловно, какъ раскрылъ это К. Аксаковъ.

Такъ прикрѣпились крестьяне къ землѣ, а черезъ это и сдѣлались крѣпостными землевладѣльцевъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Погодина, крѣпостное право на крестьянъ возникло постепенно, незамѣтно, вытекая изъ обстоятельствъ народной жизни, подобно многимъ учрежденіямъ въ англійской исторіи, о которыхъ напрасно было бы доискиваться, когда именно они возникли.

Костомаровъ въ полемикѣ своей съ Погодинымъ прежде всего старается защитить важность указовъ, заподозрѣнныхъ послѣднимъ, какъ ясно показывающихъ на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ при царѣ Ѳедорѣ.

Указъ 1597 года есть дѣйствительно указъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Такія узаконенія стали издаваться лишь тогда, когда въ законодательствѣ исчезли постановленія объ Юрьевѣ днѣ. А когда переходъ крестьянъ существовалъ, то-есть до царя Ѳедора, тогда такихъ указовъ не издавалось. Слѣдовательно появленіе такихъ узаконеній имѣетъ связь съ прекращеніемъ перехода.

Съ другой стороны, бѣглыми всегда назывались только тѣ люди, которые подлежали возврату въ прежнее положеніе, мѣстопребываніе. Поэтому крестьяне только тогда могли называться бѣглыми, когда подлежали возврату на покинутую землю, то-есть когда были прикрѣплены къ землѣ; только тогда могли и явиться законы о бѣглыхъ крестьянахъ. До царя Ѳедора законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ не было, слѣдовательно только при немъ крестьяне прикрѣплены были къ землѣ.

Толкуя слово «бѣглый» иначе, чѣмъ объясняли его К. Аксаковъ и Погодинъ, Костомаровъ подругому понимаетъ и «вышедшихъ» крестьянъ въ Бѣлевской писцовой книгѣ. «Вышедшій», по его предположенію, то же, что «отпущенный на волю».

Разъ указъ 1597 года сохраняетъ для насъ всю свою прежнюю важность, то законы 1601 и 1602 года показываютъ не на временное, а на окончательное запрещеніе перехода.

Постановленіе Шуйскаго 1607 года не можетъ намъ являться недостовѣрнымъ:

а) Въ старыхъ оффиціальныхъ бумагахъ можно нерѣдко встрѣтить противорѣчія и безсмыслицы, въ доказательство чего Костомаровъ приводитъ нѣсколько выписокъ изъ такихъ бумагъ.

в) Подлога въ немъ нельзя предполагать по самой трудности его въ столь важномъ дѣлѣ, да и редакція этого указа была бы тогда болѣе толковая въ интересахъ болѣе искуснаго обмана.

c) Наконецъ, Костомаровъ остроумно старается устранить противорѣчія и неясности, отмѣченныя Погодинымъ въ этомъ указѣ.

Но съ главнымъ положеніемъ своего противника, что крѣпостное право было основано не Борисомъ Годуновымъ, Костомаровъ согласенъ, такъ какъ съ одной стороны произволъ въ сношеніяхъ землевладѣльцевъ съ земледѣльцами существовалъ и гораздо ранѣе 1592 года, а съ другой—самое прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, которое дѣйствительно произошло въ 1592 году, могло лишь улучшить бытъ крестьянъ, обыкновенно разорявшихся при переходахъ съ земли одного землевладѣльца на землю другаго.

Вслѣдъ за полемикой Погодина съ Костомаровымъ, Бѣляевъ въ своей прекрасной монографіи «Крестьяне на Руси» излагаетъ намъ снова старую теорію происхожденія крѣпостнаго права, но съ такою полнотою, какой мы не встрѣчаемъ въ прежнихъ трудахъ русскихъ историковъ. При этомъ у Бѣляева замѣтны нѣкоторыя дополненія и измѣненія этой старой теоріи, явившіяся результатомъ изученія послѣднихъ работъ по вопросу о происхожденіи крѣпостнаго права. Впрочемъ, мы должны сказать, что его взгляды на этотъ вопросъ въ главнѣйшихъ чертахъ высказывались имъ еще ранѣе появленія статьи К. Аксакова въ другихъ его работахъ. XVI столѣтіе было эпохой наибольшаго развитія крестьянской равноправности, по мнѣнію Бѣляева, и въ то же время было вѣкомъ, подготовившимъ почву для быстраго и повсемѣстнаго исчезновенія крестьянской свободы.

Цѣлый рядъ обширныхъ войнъ и прямо и косвенно тяжело отражался на крестьянской общинѣ. Массы земель раздавались въ руки служилаго класса; крестьяне оказывались сидящими на помѣщичьихъ земляхъ. Разореніе огнемъ и мечемъ, разореніе податями на военные расходы, заставляли крестьянъ массами бѣгать въ казаки, переходить къ богатымъ и сильнымъ землевладѣльцамъ, умѣвшимъ давать имъ льготы на счетъ казны, заставляли продаваться въ холопы, которые по закону не платили податей. Порѣдѣвшія общины должны были платить въ казну за выбывшихъ своихъ членовъ. Въ государственныхъ сборахъ являлось все болѣе и болѣе недоимокъ. Правительство старалось увеличивать свои средства и ограниченіемъ земельныхъ богатствъ церквей и монастырей и строгимъ наказаніемъ богатыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, неправильно показывающихъ многія свои земли пустыми, то-есть не подлежащими обложенію, и другими мѣрами. Ничего не помогало. Требовался рѣшительный шагъ. Къ нему правительство и прибѣгло не ранѣе 1590 года, прикрѣпивъ къ землѣ всѣхъ тяглыхъ крестьянъ (то-есть обязанныхъ податями и повинностями государству, каковыми непремѣнно были всѣ крестьяне-хозяева).

Первоначальный указъ о прикрѣпленіи крестьянъ не сохранился или пока еще не отысканъ, но о немъ мы узнаемъ изъ

позднѣйшихъ узаконеній и прежде всего изъ указа 1597 года, упоминающаго объ этой рѣшительной мѣрѣ, но не указывающаго на годъ изданія утраченнаго закона.

Крестьянскій переходъ былъ отмѣненъ совершенно, и переходившіе отъ одного владѣльца къ другому стали называться уже бѣглыми.

Эта радикальная мѣра вызвала на столько сильное неудовольствіе и среди крестьянъ, и среди богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, что правительство нѣсколько времени колебалось: поддерживать ли новый порядокъ, или вернуться къ старому. Если бы не смуты самозванщины, вѣроятно, старый порядокъ восторжествовалъ бы.

Это колебаніе правительства замѣтно уже въ вышеупомянутомъ указѣ 1597 года и еще сильнѣе въ указахъ 1601 и 1602 годовъ. Первымъ изъ этихъ постановленій, хотя и запрещается переходъ крестьянъ, но назначается пятилѣтній срокъ давности для сыска бѣглыхъ. Слѣдовательно, если крестьянинъ пять лѣтъ скрывался и владѣлецъ втеченіе этого срока не могъ указать, гдѣ онъ находится, то на шестой годъ крестьянинъ уже не возвращался на покинутую землю по закону. Указы 1601 и 1602 годовъ прямо дозволили переходы, хотя и между мелкими землевладѣльцами и на опредѣленный короткій срокъ; это уже болѣе рѣшительный поворотъ къ старому порядку.

Но сближеніе московскихъ бояръ съ польскими панами въ царствованіе Лжедимитрія склонило первыхъ въ пользу прикрѣпленія, и указомъ 1606 года вновь утверждается пятилѣтній срокъ давности для сыска бѣглыхъ, причемъ нѣтъ уже помину въ немъ о правѣ перехода.

На третьемъ году царствованія Михаила Ѳеодоровича пятилѣтній срокъ замѣняется десятилѣтнимъ и постепенно совсѣмъ уничтожается. Уложеніе 1649 года закончило законодательную работу по прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ; крестьяне, неразрывно и вѣчно связанные съ землей, съ этого времени быстро становятся крѣпостными земледвладѣльца.

Впрочемъ, изъ порядныхъ записей крестьянъ, а также изъ Бѣлевской писцовой книги мы видимъ, что въ срединѣ царствованія Михаила первоначальный указъ о прикрѣпленіи снова былъ измѣненъ: вновь поступающимъ въ крестьянство дозволено было въ договоръ со владѣльцами включать условіе, по которому крестьянинъ могъ уйдти отъ владѣльца, заплативъ ему убытки.

Вообще, — заключаевъ Бѣляевъ, — прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, сдѣлавшее ихъ крѣпостными людьми владѣльцевъ, до уложенія 1649 года было еще довольно слабо и не совершенно уничтожало прежніе ихъ переходы отъ одного владѣльца къ другому.

Обращаемся теперь къ послѣдней по времени теоріи происхожденія крѣпостнаго права. Профессоръ В. О. Ключевскій, которому принадлежитъ она, подошелъ къ вопросу съ совершенно иной стороны, причемъ воспользовался цѣлымъ рядомъ неизданныхъ еще документовъ для рѣшенія своей задачи.

Онъ прежде всего рѣшительно отвергъ утвержденіе, что крестьяне владѣльческіе прикрѣпились къ землѣ, почему стали крѣпки и землевладѣльцу. Крѣпостнаго права поземельнаго характера мы совсѣмъ не вычитываемъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ. Уложеніе 1649 года, по мнѣнію Бѣляева, окончательно прикрѣпившее крестьянъ къ землѣ, на самомъ дѣлѣ какъ будто даже не понимаетъ прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ къ землѣ, хочетъ знать лишь то, за кѣмъ они по книгамъ записаны, а не то, къ какому обществу или къ какимъ участкамъ приписаны. Потому оно предписываетъ просто возвращать бѣглыхъ владѣльческихъ крестьянъ ихъ владѣльцамъ по книгамъ, не упоминая объ ихъ старыхъ жеребьяхъ, и допускаетъ много случаевъ, когда крестьянинъ могъ быть оторванъ отъ насиженнаго участка: его передавали отъ одного владѣльца къ другому за женитьбу на бѣглой, или за чужаго крестьянина, убитаго имъ, либо его владѣльцемъ, иногда даже другимъ крестьяниномъ того же владѣльца, переводили изъ отчуждаемаго помѣстья или вотчины на другую землю отчуждавшаго, отпускали на волю безъ земли. Крѣпостной всегда могъ быть оторванъ отъ земли именно потому, что онъ былъ крѣпокъ только землевладѣльцу. Прикрѣплена была къ землѣ только очень небольшая часть земледѣльцевъ—крестьяне дворцовые и черные (казенные).

В. О. Ключевскій центромъ тяжести въ вопросѣ о происхожденіи крѣпостнаго права ставитъ не поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, а развитіе и измѣненіе **личной** крѣпости, процессъ юридическій, а не политико-экономическій. Онъ разсматриваетъ, что̀ такое было крѣпостное холопское право въ древней Руси, какъ это право привито было къ крестьянству и какъ переродилось вслѣдствіе этой пересадки на новую, чуждую ему почву.

Со временъ «Русской Правды» на Руси былъ одинъ видъ холопства—**полнаго**. Это была неволя потомственная и наслѣдственная, то-есть неволя передавалась отъ отца къ сыну, а право на невольника—отъ господина къ его наслѣднику.

Съ конца XV вѣка явилось холопство **докладное**: лице продавало себя на службу въ должность сельскаго ключника (и только въ эту должность), причемъ выходило на волю лишь по смерти господина, не возвращая взятыхъ денегъ. Дѣти докладнаго холопа, если послѣдній умиралъ въ неволѣ, становились полными холопами.

Затѣмъ развивается холопство **кабальное**: лице дѣлало заемъ, обезпечивая его личнымъ закладомъ и обязываясь работать на заи-

модавца въ его домѣ вмѣсто уплаты процентовъ. Такъ было въ XVI вѣкѣ, а въ XVII кабальное холопство создавалось уговоромъ лица служить во дворѣ господина безъ всякаго займа и безъ выговореннаго ясно вознагражденія за эту службу. Кабальное холопство также продолжалось по смерть господина. Кабальный не могъ оставить господина безъ согласія послѣдняго, даже если бы предлагалъ ему взятыя у него деньги. Дѣти кабальнаго холопа, закабаленныя вмѣстѣ съ отцомъ или родившіяся въ холопствѣ, служатъ отцову господину только до смерти послѣдняго.

Наконецъ, съ начала XVII вѣка изъ кабальнаго холопства развилось **жилое**. Жилое холопство возникало изъ займа, соединеннаго съ обязательной службой за ростъ (то-есть вмѣсто уплаты процентовъ), или вмѣсто уплаты долга; изъ найма, соединеннаго съ условной платой по окончаніи работы, и, наконецъ, изъ прокорма, то-есть изъ обязательства со стороны хозяина одѣвать и кормить работника. Жилое холопство, смотря по соглашенію, продолжалось отъ нѣсколькихъ лѣтъ и до **смерти холопа**. Въ такую неволю не только отдавались, но и отдавали: родители дѣтей, мужья своихъ женъ, дяди племянниковъ. Изстари крестьяне на владѣльческихъ земляхъ вели свое хозяйство со ссудой, подмогой отъ владѣльцевъ и за это несли особыя повинности (которыя назывались «крестьянскимъ издѣльемъ») сверхъ поземельнаго оброка.

Но эти повинности были простыми долговыми обязательствами, не уничтожавшими личной свободы крестьянъ, которая выражалась въ правѣ выхода. Крестьянинъ, задолжавшій землевладѣльцу и по этому долгу вступившій въ зависимость отъ него, могъ ежеминутно прекратить эту зависимость, уплативъ владѣльцу долгъ.

Съ половины XVI вѣка усилился спросъ на крестьянскій трудъ вслѣдствіе усиленнаго развитія частнаго землевладѣнія.

Массы бездомнаго, бѣднаго люда съ помощью ссудъ, подмоги, превращены были въ хлѣбопашцевъ. Задолженность крестьянъ такимъ образомъ усилилась, и ссуда стала почти общимъ условіемъ крестьянскихъ договоровъ. Рѣдкій крестьянинъ могъ расплатиться со своимъ владѣльцемъ и должалъ все болѣе по мѣрѣ того, какъ заживался на его участкѣ. Поэтому, сохраняя право выхода, крестьяне не были въ состояніи пользоваться этимъ правомъ и могли уйдти отъ владѣльца или побѣгомъ, незаконно, или законнымъ порядкомъ вывезомъ, то-есть нашедши другаго владѣльца, который расплатился бы за нихъ съ прежнимъ и перевелъ на свой участокъ. Въ послѣднемъ случаѣ земледѣлецъ лишь мѣнялъ одну зависимость на другую. Итакъ, къ концу XVI вѣка крестьяне въ громадномъ большинствѣ фактически стали несвободны. Къ тому же времени начала кабальнаго холопства породили среди землевладѣльцевъ мысль, что крестьянинъ, получившій подмогу, становится такимъ же крѣпостнымъ, какимъ ставитъ кабальнаго

человѣка служба за ростъ, то-есть крестьянинъ не имѣетъ права безъ воли владѣльца уйдти отъ него, даже расплатившись съ нимъ съ помощью другаго землевладѣльца (то-есть уйдти при помощи вывоза). Дѣйствительно, различіе между обязательствомъ крестьянина работать на владѣльца за подмогу («крестьянское издѣлье») и обязательствомъ кабальнаго холопа работать на дворѣ господина за ростъ было очень незначительно. Подъ вліяніемъ этой мысли приблизительно со второй четверти XVII вѣка въ крестьянскіе договоры стали вносить условіе, по которому крестьянинъ, нанимая землю съ подмогой владѣльца, закрѣплялъ свои поземельныя и долговыя обязательства отказомъ навсегда отъ права прекращать основанную на этихъ обязательствахъ зависимость. Это условіе сообщило крестьянскому поземельному договору значеніе личной крѣпости. Обязательство крестьянина жить весь свой вѣкъ за владѣльцемъ сближало ссудную запись (то же, что рядная) съ тѣми жилыми записями (укрѣплявшими жилое холопство), въ которыхъ слуга неопредѣленно обязывался служить своему хозяину, его женѣ и дѣтямъ.

Ссудная запись, усвоивъ основныя условія кабальнаго холопства, ихъ послѣдствія развивала по готовымъ схемамъ его позднѣйшаго вида—холопства жилого.

Такъ какъ дѣти кабальнаго холопа находились въ одинаковомъ зависимомъ положеніи съ своимъ отцемъ отъ его господина по закону, то въ таковомъ же положеніи стали и крестьянскія дѣти во взглядахъ землевладѣльцевъ. А разъ крестьянинъ обязывался вѣчной зависимостью, то-есть не прекращавшейся смертью владѣльца, за котораго онъ рядился, то дѣти земледѣльца являлись въ глазахъ господъ полными холопами, подобно докладнымъ холопамъ, отцы которыхъ умирали, не успѣвъ выйдти на волю.

На этомъ послѣднемъ моментѣ приложенія кабальнаго права къ крестьянскимъ договорамъ и къ отношеніямъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ засталъ развитіе крестьянской крѣпости писцовый наказъ 1646 года, изданный по усиленнымъ просьбамъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ срока давности для сыска бѣглыхъ. Наказъ этотъ, отмѣняя срокъ давности, ввелъ новый способъ укрѣпленія, который не отмѣнялъ прежняго договорнаго, но скорѣе закрѣплялъ его,—это запись по писцовымъ книгамъ. Крестьяне, записанные за владѣльцемъ, становились крѣпки ему даже и безъ ссудной записи. Кромѣ того, писцовый наказъ 1646 года закрѣплялъ крестьянина не только лично, но и съ его потомствомъ. Но еще въ 1642 году правительство признало притязанія владѣльцевъ распространить на крестьянъ принципъ кабальнаго холопства: непрекращаемость долговыхъ обязательствъ безъ согласія ссудодателя. Это признаніе выразилось въ запрещеніи вывоза крестьянъ безъ согласія владѣльцевъ.

До 40-хъ годовъ XVII столѣтія не замѣтно почти вмѣшательства государственной власти въ крестьянскіе договоры съ владѣльцами. Но, признавъ за послѣдними крѣпостное право на крестьянъ, законодательство спѣшило ограничить его извѣстными условіями: крестьянская крѣпость давала владѣльцу право только на часть крестьянскаго труда и имущества, другая часть которыхъ обязательно шла въ пользу казны въ видѣ поземельнаго тягла.

Владѣльческія права на крѣпостныхъ были обусловлены государственными обязанностями (службой) владѣльцевъ. Крестьянскихъ дѣтей владѣлецъ обязанъ былъ устроить въ хозяйственномъ отношеніи. Всѣ эти условія отличали крестьянскую крѣпость отъ холопьей.

В. О. Ключевскій снова пересмотрѣлъ также всѣ перечисленные нами раньше указы, но, отвергая старое толкованіе, объясняетъ ихъ совершенно оригинально, съ принятой имъ точки зрѣнія на вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права. Указы являются въ его изслѣдованіи съ значеніемъ правительственнаго урегулированія практическихъ послѣдствій приложенія къ крестьянамъ принциповъ кабальнаго холопства.

Такимъ образомъ, по теоріи В. О. Ключевскаго, крѣпостное право въ Россіи было создано не государствомъ, а только съ участіемъ государства: послѣднему принадлежали не основанія права, а его границы.

Н. Гутьяръ.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ПЕРОВЪ.

ПЕРОВЪ умеръ 10 лѣтъ тому назадъ, 29-го мая 1882 года, и конечно, не смотря на то, что онъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ русскихъ художниковъ, до сихъ поръ не было еще издано полнаго собранія его произведеній, картинъ и рисунковъ. Что тутъ удивительнаго? Развѣ у насъ есть, по части художества, чье нибудь полное собраніе созданій? Переберите въ головѣ, отъ начала и до конца, всѣхъ нашихъ художниковъ, кого угодно, по собственному выбору и вкусу, даже не придерживаясь никакого особенно высокаго мѣрила, возьмите любаго изъ прежнихъ или нынѣшнихъ любимцевъ публики, или, наоборотъ, возьмите любаго изъ настоящихъ, въ самомъ дѣлѣ высокихъ художниковъ, то-есть тѣхъ, которыхъ безъ всякой особенной ревности уважаетъ и холодно провожаетъ публика, такъ только, потому что, наконецъ, надобно же для приличія,—въ обоихъ случаяхъ вы нигдѣ не найдете, чтобъ что нибудь дѣльное и прочное сдѣлано было для закрѣпленія навсегда въ всеобщей памяти, на вѣки вѣковъ, того, что сдѣлано любимцемъ. Ни истинный безкорыстный энтузіазмъ, ни корыстное суетливое воодушевленіе (иной разъ, всетаки, приводящее къ кое-какимъ добрымъ послѣдствіямъ), ничто не дѣйствуетъ, и понятіе о каждомъ изъ любимцевъ или любимчиковъ приходится получать по самымъ скуднымъ обрывкамъ. Поди, ищи гдѣ хочешь, гдѣ бы взглянуть, гдѣ бы узнать, всѣ разомъ, созданія того или другаго художника. Способность «распространенія», созданія «общедоступности» — вовсе не въ характерѣ и не въ правахъ нашихъ. Кому лѣнь, а кому ровно ничего не надо и не хочется; вотъ та́къ дѣло всегда и идетъ у насъ, помаленьку, въ прохладу и не торопясь. Вспомнимъ, напримѣръ, полное собраніе рисунковъ Александра Ива-

нова на сюжеты изъ Библіи и Евангелія. Это цѣлая галлерея истинно геніальныхъ созданій, давнымъ давно доведенная до конца въ Берлинѣ, прусскимъ археологическимъ институтомъ, на деньги архитектора Сергѣя Иванова (брата Александра Иванова). Вотъ видите, даже никому у насъ надобности не было и пальцемъ-то двинуть: все готово, все сдѣлано, просто въ ротъ все положено,

† В. Г. Перовъ.

(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

возьми раскуси и проглоти; даже нашлись такіе чудаки (напримѣръ, Крамской и еще какіе-то другіе), которые окунули свои перья въ чернила, и написали и напечатали статьи, гдѣ учили публику пойти и смотрѣть на эти изумительныя созданія русскаго генія, признанныя за таковыя, даже... кѣмъ бы вы думали?— самими нѣмцами (не очень-то падкими на похвалы русскимъ!). Ну,

и что же? Какъ бы тамъ ни было, а все никто у насъ еще не видалъ и не знаетъ, что за штука такая «Рисунки Иванова къ Библіи и Евангелію». А ужъ чтобы популяризировать это драгоцѣнное и дорогое изданіе, чтобы выпустить его въ свѣтъ въ маленькомъ форматѣ и дешевомъ видѣ, чтобы его распространить среди русскихъ массъ—о, что это за глупыя шутки, конечно, никому это и въ голову не приходило, да вѣрно и 100 лѣтъ еще не придетъ.

Такъ точно и съ Перовымъ. Чувствуя за собою кое-какую популярность, видя, что ему и на словахъ, и въ печати, часто кланяются и благодарятъ (конечно, съ еще болѣе многочисленныхъ батарей тоже усердно въ него и попаливаютъ, что̀ всегда хорошій знакъ!), Перовъ вообразилъ себѣ, что «надо», что «пора», что «самое время», и въ 1866 году задумалъ издать фотографическій альбомъ со всѣхъ своихъ произведеній. И что-жъ! дѣло кончилось на 1-й тетради! Тутъ появились: 1) «Судъ становаго», 2) «Сынъ дьячка, получившій первый чинъ», 3) «Проповѣдь въ селѣ», 4) «Отдыхъ въ Мытищахъ», 5) «Проводы покойника», 6) «Очередная у бассейна»; кажется, довольно тутъ было интереснаго, и въ слѣдующихъ выпускахъ надо было ожидать еще много важнаго, отличнаго. Такъ нѣтъ же, интереса и аппетита у публики оказалось такъ мало, что второй выпускъ, да и всѣ послѣдующіе, никогда не вышли въ свѣтъ, и дѣло такъ и заглохло. Даже въ журнальныхъ статьяхъ тогдашняго времени, кажется, никто такъ и ни слова не сказалъ о томъ, что вотъ, молъ, началось какое значительное изданіе, да такъ и перервалось. Жаль, дескать, жаль! Нѣтъ ровно никакого участія. Мнѣ, право, кажется иной разъ, что въ иныхъ случаяхъ мы, русскіе, словно стадо тетеревовъ, сидимъ на сучьяхъ и чистимъ носы объ дерево. Вдругъ откуда-то—бацъ! Одинъ изъ насъ, всего чаще самый крупный и лучшій, летитъ вверхъ ногами кувыркомъ. Кто-то и что-то его подстрѣлило. Ну, и что-жъ мы? Да ничего, сидимъ да поглядываемъ, да все продолжаемъ себѣ носы чистить объ дерево. Даже не понимаемъ, что̀ случилось.

Послѣ смерти Перова кое-что изъ его созданій было издано во всеобщее извѣстіе, но только все маленькими порціями, въ розницу, черезъ часъ по ложкѣ, тамъ и сямъ, въ иллюстраціяхъ и въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Всего болѣе и лучше издалъ картины Перова Н. П. Собко въ своемъ «Иллюстрированномъ каталогѣ посмертной выставки произведеній В. Г. Перова», 1882 года: тутъ было издано 14 картинъ Перова, съ вѣрныхъ снимковъ; потомъ Ѳ. И. Булгаковымъ издано, въ его книгѣ: «Наши художники», 4 картины («Охотники на привалѣ», «Птицеловъ», «Учитель рисованія», «Странникъ» [1]).

---

[1]) Эти самыя картины, съ тѣхъ же копій, воспроизведены вновь при настоящемъ № «Историческаго Вѣстника».

Поэтому мы всѣ должны быть въ высшей степени благодарны Дм. Ал. Ровинскому, который, только что окончивъ нѣсколько еще новыхъ громадныхъ своихъ изданій, такихъ, какъ «Ромбрандтъ» въ его гравюрахъ и послѣдніе шесть томовъ «Матеріаловъ для русской иконографіи», выпускаетъ теперь въ свѣтъ еще полное собраніе картинъ Перова, въ фототипическихъ снимкахъ без ретушей, то-есть въ томъ наивѣрнѣйшемъ видѣ, какой только намъ нынче доступенъ. Составъ этого великолѣпно и роскошно изданнаго тома таковъ: 1) 60 листовъ фототипій съ картинъ Перова масляными красками, и съ приложеніемъ 3-хъ его портре-

Охотники на привалѣ.
(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

товъ, 2) Подробная біографія Перова, написанная Н. П. Собко совершенно вновь, и заключающая множество новаго интереснаго матеріала, даже въ сравненіи съ его обширною біографіею Перова въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ» 1883 года, 3) Полнѣйшій и тщательнѣйшимъ образомъ составленный имъ же списокъ произведеній Перова въ хронологическомъ порядкѣ, 4) Списокъ портретовъ Перова, его же, 5) Списокъ печатныхъ матеріаловъ о Перовѣ, его же (оффиціальныя свѣдѣнія, журнальныя статьи, некрологи и біографіи, статьи о Перовской выставкѣ въ Москвѣ и Петербургѣ [1]).

[1]) Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія. 60 фототипій съ его картинъ безъ ретуши. Текстъ Н. П. Собко. Изданіе Д. А. Ровинскаго. Спб. 1892. Ц. 10 р.

Птицеловъ.
(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

Такія изданія, по доброму намѣренію и отличному исполненію,—у насъ на рѣдкость.

Вся чистая прибыль отъ продажи изданія поступаетъ, по назначенію самого издателя, въ пользу наслѣдниковъ В. Г. Перова.

Учитель рисованія.

(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

Но, что еще важнѣе, это—заявленіе Дм. Ал. Ровинскаго, высказанное въ «Предисловіи», что онъ «не теряетъ надежды издать современемъ, особымъ томомъ, снимки со всѣхъ рисунковъ Перова, вмѣстѣ съ литературными его трудами и письмами». Для подобнаго изданія еще меньше, пожалуй, нашлось бы

Странникъ.
(Изъ изданія «Наши Художники», Ѳ. И. Булгакова).

у насъ охотниковъ-издателей. А между тѣмъ, оно въ высшей степени важно, нужно и интересно. Тутъ только русскій народъ получитъ возможность окончательно оцѣнить, чего онъ лишился, потерявъ Перова всего на 49-мъ году его возраста, когда онъ далеко не свершилъ всего, къ чему былъ способенъ и къ чему приготовлялся.

В. Стасовъ.

КТО ЗАНЯЛЪ НОВГОРОДСКУЮ ГАВАНЬ ВЪ 1860 ГОДУ?

ЯНІЯ лицъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, имѣвшихъ не малое значеніе въ общемъ ходѣ государственной жизни и сдѣлавшихся дорогими историческими воспоминаніями, представляютъ, безспорно, общественный интересъ. Сплошь и рядомъ бываетъ, что за недосугомъ или изъ скромности люди, посвятившіе себя всецѣло службѣ и государству, не заботятся сохранить въ памяти потомства свои заслуги, а невольныя и, вѣроятно, неумышленныя ошибки другихъ, ихъ помощниковъ и слѣпыхъ исполнителей, повѣствующихъ о минувшемъ, такъ затемняютъ все происшествіе, что имена иниціаторовъ исчезаютъ и теряются для послѣдующихъ поколѣній.

Полезное дѣяніе каждаго на пользу общей намъ родины есть заслуга передъ нею и никѣмъ и никогда эта заслуга не можетъ быть отнята и присвоена другимъ иначе, какъ послѣ основательныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ. Полезное дѣяніе каждаго на какомъ бы то ни было государственномъ поприщѣ принадлежитъ всецѣло лишь имени совершившаго, сливается съ нимъ неразрывно и становится зачастую просто синонимомъ его. Рымникъ говоритъ намъ о Суворовѣ, Амуръ — о Муравьевѣ и Невельскомъ, и тотъ, кто теперь взялся бы утверждать что нибудь иное, прямо посягнулъ бы на имена людей, оскорбилъ бы ихъ дорогую память. Ни побѣда подъ Рымникомъ, ни присоединеніе Амурской области, не совершены только тремя названными лицами, а тысячами ихъ подчиненныхъ и помощниковъ, но великія заслуги Суворова, Муравьева

и Невельскаго ничего не теряютъ отъ этого и принадлежатъ только имъ однимъ и главныхъ образомъ потому, что они приняли на свои плечи тяжкую отвѣтственность за рѣшеніе на мѣстѣ трудныхъ вопросовъ и своею безпримѣрною энергіею, твердостію и силою воли преодолѣли всѣ препятствія, стоявшія на пути. Вся исторія присоединенія къ Россіи Амура есть не что иное, какъ рядъ самостоятельныхъ, смѣлыхъ до дерзости дѣйствій двухъ лицъ, генералъ-губернатора и капитана транспорта «Байкалъ», по счастію для насъ, русскихъ, жертвовавшихъ собою безкорыстно, глядѣвшихъ безстрашно на запугиваніе бюрократіи и признававшихъ единственною заслугою передъ верховною властью и родиною лишь исполненіе своего долга. Въ присоединеніи Уссурійской области съ приморскимъ побережьемъ до рѣки Тюмень-Ула, точно такую же самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ проявилъ еще одинъ изъ бывшихъ офицеровъ нашего флота, имя котораго должно бы было сохраниться въ лѣтописяхъ его и не затемняться ошибочными разсказами и невполнѣ ясными указаніями. «Каковы бы ни были впослѣдствіи обстоятельства Китая, измѣнится ли существующій въ немъ порядокъ, — для насъ всего необходимѣе было бы имѣть свидѣтельства юридическія на право обладанія тѣмъ, чѣмъ мы владѣли въ то время на самомъ дѣлѣ» [1]), — писалъ М. С. Карсакову 12-го мая 1859 года графъ Муравьевъ-Амурскій изъ Усть-Стрѣлки. Дѣло шло о пріобрѣтеніи права на обладаніе бухтами отъ мыса Поворотнаго до устья рѣки Тюмень-Ула и надобно было какъ можно скорѣе описать ихъ, положить на карту и занять практически. Кто же и почему исполнилъ это?

Въ рапортѣ бывшаго начальника эскадры въ Тихомъ океанѣ вице-адмирала Назимова, отъ 27-го августа 1891 года, напечатанномъ въ № 2-мъ «Морскаго Сборника» текущаго года, дается категорическій отвѣтъ на такой вопросъ въ слѣдующихъ словахъ: «18-го іюля, въ 9 часовъ утра, я съ офицерами съѣхалъ на берегъ осмотрѣть Новгородскій постъ, который впервые былъ занятъ мною въ 1860 году, причемъ я поднялъ тутъ русскій флагъ на основаніи Айгунскаго и Тяньзинскаго трактатовъ».

Но по Айгунскому договору, заключенному 16-го мая 1858 года, о границахъ между Россіею и Китаемъ говорится только въ первой статьѣ договора слѣдующее: «Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья рѣки Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до рѣки Уссури, владѣніемъ Дайцинскаго государства; отъ рѣки Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, соч. И. Барсукова, ч. I, стр. 556.

двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣнія Дайцинскаго и Россійскаго государствъ».

Въ статьѣ 9-й Тяньзинскаго трактата, заключеннаго 1-го іюня 1858 года, по поводу тѣхъ же границъ сказано такъ: «Неопредѣленныя части границъ между Китаемъ и Россіею будутъ безъ отлагательства изслѣдованы на мѣстахъ довѣренными лицами отъ обоихъ правительствъ, и заключенное ими условіе о граничной чертѣ составитъ дополнительную статью къ настоящему трактату. По назначеніи границъ сдѣланы будутъ подробное описаніе и карты смежныхъ пространствъ, которыя и послужатъ обоимъ правительствамъ на будущее время безспорными документами о границахъ».

Размѣнъ ратификацій этого трактата былъ совершенъ 12-го апрѣля 1859 года начальникомъ нашей миссіи въ Пекинѣ, Перовскимъ, который, увѣдомляя объ этомъ размѣнѣ графа Муравьева-Амурскаго, прибавлялъ: «объ Айгунскомъ договорѣ ничего не было упомянуто, а также и о нашей границѣ по Уссури».

Для составленія картъ на мѣстѣ былъ отправленъ графомъ Муравьевымъ въ январѣ 1859 года оберъ-квартирмейстеръ, подполковникъ Будогосскій. По увѣдомленію айгунскаго амбаня, раннею весною того же года къ устьямъ рѣкъ Уссури и Суй-фуна, впадающей въ море, должны были прибыть и китайскіе чиновники.

«Намъ желательно было бы имѣть границу до бухты Посьета,— писалъ графъ Муравьевъ 16-го ноября 1858 года великому князю Константину Николаевичу,—тогда мы владѣли бы всѣмъ приморскимъ берегомъ до Кореи, и я надѣюсь, что убѣжденія Перовскаго въ Пекинѣ и нашихъ коммиссаровъ на мѣстахъ приведутъ къ этому результату» [1]). Однако-жъ, по словамъ того же графа Муравьева, «Перовскій подъ вліяніемъ двухъ трусливыхъ архимандритовъ и своей лѣности не шевелилъ китайскаго правительства» [2]). Перовскій, вѣроятно, дѣйствовалъ главнымъ образомъ и подъ вліяніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣвшаго свой совершенно иной взглядъ на разграниченіе съ Китаемъ. «Весьма странно,—писалъ графъ Муравьевъ еще 25-го сентября 1858 года великому князю Константину Николаевичу,—что въ Пекинѣ признаютъ границею нашею по Айгунскому договору рѣку Уссури, а министерство иностранныхъ дѣлъ въ первой статьѣ своей объ этомъ въ «Journal de S.-Petersbourg» допускаетъ намъ одинъ только лѣвый берегъ Амура» [3]).

Но Перовскій послѣ размѣна ратификацій долженъ былъ оставить Пекинъ, а для дальнѣйшихъ переговоровъ съ китайскимъ

---

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 538.

[2]) Тамъ же, стр. 551.

[3]) Тамъ же, ч. I, стр. 534.

правительствомъ въ январѣ 1859 года былъ назначенъ генералъ-маіоръ Н. П. Игнатьевъ (нынѣ генералъ-адъютантъ и графъ). Главное назначеніе Н. П. Игнатьева состояло въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности вспомоществовать разрѣшенію вопросовъ въ Пекинѣ, которые неизбѣжно должны были возродиться при проведеніи границы нашей отъ Уссури до моря, соображаясь съ инструкціями, данными Перовскому, а также съ указаніями и личными объясненіями графа Муравьева[1]). Н. П. Игнатьевъ прибылъ въ Иркутскъ въ апрѣлѣ и немедленно вмѣстѣ съ графомъ Н. Н. Муравьевымъ отправился въ Кяхту, гдѣ надобно было выждать разрѣшенія для дальнѣйшаго путешествія въ Пекинъ. Не смотря на то, что графъ Муравьевъ, самъ получившій полномочіе на заключеніе трактата съ Японіею, торопился въ Іеддо, онъ оставался въ Кяхтѣ съ Н. П. Игнатьевымъ довольно долго и, безъ сомнѣнія, имѣлъ много времени для личныхъ объясненій и указаній.

12-го мая Н. П. Игнатьевъ получилъ долго ожидаемое разрѣшеніе ѣхать изъ Кяхты въ Пекинъ, а нѣсколькими днями ранѣе этого графъ Муравьевъ отправился въ Хакодате.

Исполнивъ въ этомъ японскомъ порту нѣкоторыя формальности, требовавшіяся тогда отъ полномочнаго посланника, графъ 19-го іюля 1859 года прибылъ въ Посьетъ, гдѣ нашелъ Будогосскаго, остался очень доволенъ его работами и отправилъ его съ неоконченными картами моремъ въ Пекинъ на пароходѣ «Америка». Здѣсь, въ заливѣ Посьета, графъ Муравьевъ болѣе всего укрѣпился въ мысли занять этотъ заливъ. «Будогосскій молодецъ,— писалъ графъ Муравьевъ изъ Посьета отъ 25-го іюля къ М. С. Карсакову, — онъ прекрасно исполнилъ свое трудное дѣло и во время кончилъ. Бухту Посьета мы отмежевываемъ себѣ и границу проводимъ до устьевъ Тюмень-Ула, которая составляетъ границу Кореи съ Китаемъ. Не хотѣлось бы захватывать лишняго, но оказывается необходимо: въ бухтѣ Посьета есть такая прекрасная гавань (Новгородская), что англичане непремѣнно бы её захватили при первомъ разрывѣ съ Китаемъ» [2]).

Но съ китайцами не такъ-то легко было вести переговоры и Н. П. Игнатьеву. Въ ноябрѣ, когда графъ Муравьевъ уже возвратился изъ Японіи, сдѣлалось очевиднымъ, что безъ репрессивныхъ мѣръ въ Пекинѣ вопросъ о разграниченіи благополучно для насъ не будетъ оконченъ. Айгунскій амбань вооружался, и графъ Муравьевъ принужденъ былъ остановиться въ Благовѣщенскѣ. «Вмѣсто военныхъ дѣйствій противъ Китая,—писалъ оттуда графъ М. С. Карсакову отъ 15-го ноября 1859 года,—я дѣлаю демонстрацію теперешнею остановкою моею здѣсь. Это китайцевъ ужасно пугаетъ,

---

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 550.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 558.

и вѣстники ихъ уже поѣхали въ Пекинъ. Не поможетъ ли это Н. П. Игнатьеву, а воевать намъ не приходится» [1]). Отъ этого же числа было послано предписаніе и военному губернатору Приморской области, и командиру сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана, К. А. Козакевичу, имѣть въ готовности всѣ суда ввѣренной ему флотиліи къ выступленію въ море немедленно по вскрытіи льда въ лиманѣ. Эскадра по этому предписанію должна была выйдти въ море подъ личною командою контръ-адмирала Козакевича и состоять изъ 3 корветовъ, двухъ клиперовъ, двухъ транспортовъ и парохода «Америки». Козакевичу предписывалось взять изъ Николаевска 4 роты Амурскаго линейнаго баталіона и дивизію горной артиллеріи съ лошадьми. Этими войсками предполагалось занять и укрѣпить Владивостокъ и Новгородскую гавань [2]).

Между тѣмъ китайцы неособенно испугались демонстрацій и оставались глухи ко всѣмъ запросамъ нашего посланника въ Пекинѣ. Н. П. Игнатьевъ, прекративъ всякія сношенія съ пекинскимъ кабинетомъ и не видя исхода своему бездѣйственному положенію, писалъ въ Петербургъ о принятіи нашимъ правительствомъ рѣшительныхъ мѣръ. Посланникъ, указывая на вредное для насъ вліяніе Англіи, когда представитель ея появится въ Пекинѣ, предлагалъ перенести переговоры на Амуръ, подкрѣпивъ наши домогательства принудительными мѣрами и движеніемъ войскъ на границахъ. Однако-жъ, это предложеніе не легко было исполнить; самъ графъ Н. Н. Муравьевъ въ вышеприведенномъ письмѣ къ М. С. Карсакову прибавлялъ: «а воевать намъ не приходится». Кромѣ величайшаго затрудненія продовольствовать въ то время и передвигать войска, которыми пришлось бы съ Амура поддерживать нашего посланника въ Пекинѣ, плану присоединенія къ Россіи намѣченныхъ бухтъ Владивостока и Посьета грозила еще большая опасность съ другой стороны. Эта опасность яснѣе всего изложена въ запискѣ графа Муравьева отъ 23-го ноября 1859 года, посланной изъ Благовѣщенска князю Александру Михайловичу Горчакову.

Въ запискѣ этой говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Будетъ ли, или не будетъ рѣшенъ въ Пекинѣ пограничный вопросъ относительно пространства отъ Уссури до моря, — все равно, ибо въ отношеніи европейскихъ державъ и Америки мы сохраняемъ всѣ права наши на основаніи Айгунскаго договора и указа богдыхана объ установленіи границъ по Амуру и Уссури, но если подъ вліяніемъ страха взятія Пекина богдыханъ заключитъ такой трактатъ съ англо-французами, по которому предоставитъ имъ защиту

---

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 568.

[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 280.

сѣверныхъ границъ своей имперіи и предастся совершенно ихъ покровительству противъ Россіи, а для этого предоставить имъ занимать бухты и гавани въ Кореѣ и Манджуріи и вездѣ имѣть своихъ резидентовъ,—то положеніе наше сдѣлается крайне затруднительнымъ, и хотя останется за нами владѣніе Амуромъ и правымъ берегомъ Уссури, но морскія наши силы здѣсь будутъ совершенно парализоваться сосѣдствомъ англійской станціи» [1]. Всѣ вышеприведенныя выписки изъ трактатовъ Айгунскаго и Тяньзинскаго и переписки графа Н. Н. Муравьева вполнѣ очевидно доказываютъ, что право и необходимость занятія цѣлаго залива Петра Великаго съ Владивостокомъ и Посьетомъ вытекали не изъ договоровъ, а по инымъ причинамъ. Французы и англичане, потерпѣвшіе неудачу въ Пей-хо въ 1859 году, сильно вооружились и готовились къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По взятіи Пекина, манджурская династія могла быть свергнута, хорошо знакомыя бухты и гавани, снятыя англичанами и французами три года ранѣе насъ, могли быть заняты ими съ полнаго согласія новаго представителя уже чисто китайской династіи, и Н. П. Игнатьеву пришлось бы ограниться проведеніемъ государственной границы отъ Уссури до моря.

Между прочими затрудненіями убѣдить пекинское правительство утвердить границу, проведенную Будогосскимъ по Тюмень-Ула, было и то, что, по увѣренію П. В. Шумахера, китайцы не имѣли понятія о нашихъ картахъ [2].

Итакъ, дипломатія въ лицѣ энергичнаго генерала, гидрографія, топографія и даже демонстрація, испугавшая айгунскаго амбаня, не двигали дѣло къ благопріятному окончанію. Необходимо было прійдти на помощь ко всѣмъ предъидущимъ, такъ сказать, духовнымъ средствамъ съ матеріальными, и, безъ сомнѣнія, лучшее было «совершившійся фактъ» и «дѣйствительное право владѣнія». Графъ Н. Н. Муравьевъ и рѣшился на это, какъ мы видѣли выше изъ его предписанія контръ-адмиралу Козакевичу. Но Амуръ поздно очищается отъ льда, англо-французы многое могутъ сдѣлать до прибытія въ Посьетъ русской эскадры, а иначе, какъ моремъ, туда нельзя было послать ни одной роты, ни одного солдата. Кто придетъ ранѣе во Владивостокъ и Посьетъ, Козакевичъ или союзники? Подъ гнетомъ этихъ соображеній и вопросовъ графъ Муравьевъ въ концѣ января 1860 года выѣхалъ изъ Иркутска въ Петербургъ. Здѣсь трудное положеніе нашего посланника въ Пекинѣ уже давно тревожило правительство. Въ самомъ началѣ января 1860 года, въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ въ Бозѣ почившаго государя императора, рѣшено было на помощь

---

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, соч. И. Барсукова, ч. II, стр. 284.
[2]) «Русскій Архивъ», 1878, кн. III, стр. 306.

Н. П. Игнатьеву собрать въ китайскихъ водахъ эскадру. Командованіе этою эскадрою было поручено капитану 1-го ранга И. Ф. Лихачеву (нынѣ вице-адмиралъ въ отставкѣ).

Однако-жъ, рѣшить посылку эскадры въ Китай было легче, нежели исполнить такое рѣшеніе фактически. Кронштадтъ былъ запертъ льдомъ, Суэзскаго канала еще не существовало. Въ силу этихъ обстоятельствъ И. Ф. Лихачеву предоставлено было право воспользоваться фрегатомъ «Свѣтланою», плававшимъ въ Средиземномъ морѣ, и тѣми судами, которыя были на Амурѣ, а также корветомъ «Посадникъ» и клиперами «Разбойникъ» и «Наѣздникъ», ушедшими на Амуръ изъ Кронштадта 25-го августа 1859 года. При удачѣ плаванія этихъ плохихъ паровыхъ судовъ съ старыми машинами высокаго давленія и при торопливости фрегата «Свѣтлана», И. Ф. Лихачевъ могъ надѣяться собрать эскадру не ранѣе, какъ въ іюнѣ. Но это казалось поздно для интересовъ дѣла, и И. Ф. Лихачевъ рѣшился не ожидать сбора всей своей эскадры. Эта рѣшимость отчасти была, вѣроятно, вызвана въ молодомъ и чрезвычайно энергичномъ флагманѣ препятствіемъ, возникшимъ въ первый же моментъ его распоряженія. Дѣло въ томъ, что по прибытіи въ Тулонъ 29-го января для осмотра и отправки «Свѣтланы» въ Китай И. Ф. Лихачевъ узналъ, что командиръ фрегата, капитанъ 2-го ранга Чихачевъ, по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, не могъ идти съ фрегатомъ въ Китай. Писать объ этомъ въ Петербургъ, просить о назначеніи новаго командира и ждать его при тогдашнихъ путяхъ сообщенія казалось И. Ф. Лихачеву слишкомъ продолжительнымъ и большою потерею драгоцѣннаго времени. Чтобы выиграть его, онъ принялъ на себя обязательство испросить у генералъ-адмирала присылку новаго командира въ Китай [1]). Покончивъ съ этимъ, на слѣдующій же день, 30-го января, И. Ф. Лихачевъ вышелъ изъ Марселя на пассажирскомъ пароходѣ въ Шанхай, куда и прибылъ 21-го марта. Не найдя здѣсь ни одного русскаго флага, онъ нанялъ французскій пароходъ «Remi» и на немъ пошелъ въ Хакодате. Въ этомъ порту, какъ и разсчитывалъ И. Ф. Лихачевъ, онъ засталъ клиперъ «Джигитъ», исправлявшій рѣшотку одного изъ своихъ котловъ, и транспортъ «Японецъ», вполнѣ готовый къ плаванію. Прибывъ въ Хакодате 3-го апрѣля, въ день Пасхи, И. Ф. Лихачевъ узналъ не только всѣ происшествія въ Китаѣ и Японіи, но и слухи и вѣсти, тревожившіе дальній востокъ и хорошо извѣстные нашему консулу въ Японіи г. Гошкевичу.

Вѣсти были на столько тревожныя, что И. Ф. Лихачевъ отдалъ приказаніе работать на «Джигитѣ» день и ночь, не смотря на ве-

---

[1]) И дѣйствительно, вмѣсто капитана 2 ранга Чихачева въ Шанхай былъ командированъ на фрегатъ «Свѣтлану» капитанъ 2 ранга И. И. Бутаковъ.

ликій праздникъ; перегрузивъ сто тоннъ угля съ «Remi» на транспортъ «Японецъ» и взявъ съ берега прикомандированнаго къ консульству лейтенанта Назимова, 7-го апрѣля ушелъ на транспортѣ въ Посьетъ. «Джигиту» приказано было тотчасъ же по окончаніи исправленій торопиться въ Печилійскій заливъ, въ Бейтанъ, куда ежеминутно могъ прибыть нашъ посланникъ Н. П Игнатьевъ, находившійся въ безпомощномъ и почти безвыходномъ положеніи. 11-го апрѣля, вечеромъ «Японецъ» прибылъ въ Посьетъ, въ Новгородскую гавань. 12-го апрѣля И. Ф. Лихачевъ осмотрѣлъ берегъ гавани и выбралъ мѣсто, на которомъ и рѣшилъ устроить первый русскій постъ. Въ тотъ же день послѣ полдня на берегъ были высажены: лейтенантъ П. Н. Назимовъ, мичманъ Н. Бенковичъ, 21 человѣкъ матросовъ, фельдшеръ и кондукторъ артиллеріи. Они были снабжены морскою провизіею на 14 недѣль и виномъ въ двойномъ количествѣ противъ положенія. Кромѣ того, съ «Японца» были оставлены въ распоряженіе начальника поста, лейтенанта Назимова, пятивесельный ялъ и четверка, палатки, ружья, порохъ, дробь, различные плотничные инструменты, лопаты, кирки, шкиперскія принадлежности, сто долларовъ деньгами, серебро въ слиткѣ и разные товары для мѣноваго торга съ китайцами. Никакого торжества при подъемѣ флага не производилось, чтобы не возбуждать особаго вниманія китайцевъ и корейцевъ, жившихъ въ гавани. Въ инструкціи же, оставленной начальникомъ эскадры въ китайскихъ водахъ лейтенанту Назимову, говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

«а) Вы воспользуетесь временемъ, если обстоятельства позволятъ, для того, чтобы собрать всѣ свѣдѣнія объ окружающей мѣстности, осмотрѣть подробно устья Тюмень-Ула и въ особенности бухту Гошкевича.

«б) Въ сношеніяхъ съ туземцами вы будете дѣйствовать съ возможною кротостью и ласкою, чтобы привязать ихъ навсегда твердо и осторожно, никогда не довѣряясь вполнѣ полудикому народу, который васъ окружаетъ.

«в) Въ случаѣ прихода иностранныхъ судовъ вы поднимите флагъ вашъ и на вопросы ихъ будете отвѣчать, что занимаемое вами мѣсто и портъ находятся на землѣ, утвержденной за Россіею Айгунскимъ трактатомъ въ 1858 году и заключающей все пространство до корейскихъ владѣній, и что вы здѣсь находитесь для пробной разработки угля» [1]).

Для того, чтобы команда имѣла постоянное занятіе, безъ котораго жизнь ея была бы тягостнымъ испытаніемъ, лейтенанту Назимову предписывалось заняться разработкою угольныхъ шахтъ въ бухтѣ «Экспедиція», или, какъ ее называли тогда, Napoleon Road.

---

[1]) Архивъ морскаго министерства. Дѣла эскадры К. А. Лихачева.

13-го апрѣля, раннимъ утромъ И. Ф. Лихачевъ ушелъ въ Печилійскій заливъ на помощь дипломатіи, долженствовавшей уже въ Пекинѣ получить документъ на закрѣпленіе за Россіею того клочка земли, на которомъ жилъ теперь по распоряженію своего ближайшаго начальника лейтенантъ Назимовъ. Изъ дневника [1]) этого офицера легко убѣдиться, что онъ самъ и его команда не придавали никакого особеннаго значенія своему пребыванію въ заливѣ Посьетѣ, очень скучали тамъ, обвиняли И. Ф. Лихачева въ скукѣ, одолѣвшей ихъ въ Новгородской бухтѣ, и жаловались на матеріальныя лишенія. П. Н. Назимовъ записалъ, напримѣръ, 2-го мая слѣдующее: «Сегодня услышалъ впервые пѣніе команды послѣ ужина; но пѣсни все унылыя, разлука съ родиною, неимѣніе постояннаго жилья, что-то похожее на ссылку; я имъ не могъ противорѣчить, соглашаясь съ ними вполнѣ, но подсказалъ спѣть веселую; она не склеилась; что же дѣлать». 20-е іюня: «Все, что принесли китайцы, я купилъ, а принесли немного; заплатилъ же дорого; все казна страдаетъ, а почему? Потому, что все торопятся, забывая русскую пословицу. А какъ легко было поправить или устроить дѣло. Остаться въ Хакодате на одинъ день только». Но этого-то дня и не хотѣлъ терять И. Ф. Лихачевъ, знавшій, что потерянный день въ гавани можетъ отозваться на всѣхъ его планахъ и разсчетахъ недѣлями. Море не поддается береговымъ соображеніямъ и ариѳметикѣ, а морской офицеръ, почему либо долго засидѣвшійся на берегу, въ удобной жизненной обстановкѣ, какъ, напримѣръ, въ Хакодате, всегда съ неохотою и отвращеніемъ пускается въ море и во всякомъ случаѣ находитъ чрезвычайно уважительныя причины и настоятельныя нужды прожить еще денекъ или два на сушѣ. Но изъ того же дневника видно, что команда была снабжена всѣмъ въ излишествѣ, да и китайцы доставляли въ русскій лагерь быковъ, куръ, просо, картофель, соль и т. д.

И. Ф. Лихачевъ хлопоталъ не объ удобствахъ и удовольствіяхъ высаженнаго отряда въ Посьетѣ, а о занятіи китайской территоріи de facto, въ чемъ и успѣлъ вполнѣ, отдѣлавшись за свои дѣйствія лишь легкимъ порицаніемъ, выпавшимъ на его долю въ № 7 «Морскаго Сборника» за 1888 годъ. Но графу Муравьеву и Невельскому доставалось гораздо болѣе. Графъ Н. Н. Муравьевъ вернулся изъ Петербурга въ Сибирь и только отъ 5-го августа доносилъ великому князю Константину Николаевичу: «Съ двумя курьерами, пріѣхавшими изъ Николаевска, я получилъ наконецъ извѣстіе объ отплытіи эскадры и Козакевича изъ Николаевска. Козакевичъ вышелъ послѣднимъ на пароходѣ «Америка» 18-го іюня. Необходимость дѣльнаго начальника штаба въ Николаевскѣ ощущается болѣе и болѣе» [2]).

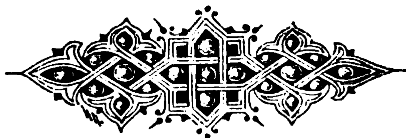
[1]) «Морской Сборникъ», 1888 года, № 7, стр. 64—87.
[2]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 595.

Черезъ два дня по отправкѣ этого донесенія графъ Муравьевъ наконецъ получилъ радостную вѣсть изъ Посьета, о которой и сообщилъ М. С. Карсакову въ тотъ же день: «Козакевичъ вышелъ очень поздно по разнымъ причинамъ; но слава Богу, что Лихачевская [1]) гавань занята была уже прежде Лихачевымъ» [2]). Контръ-адмиралъ Козакевичъ дѣйствительно запоздалъ выходомъ изъ Николаевска и прибылъ въ Посьетъ на пароходѣ «Америка» съ транспортомъ «Манджуръ» только 21-го іюня.

Такимъ образомъ, честь занятія и даже самая мысль о необходимости такого занятія въ виду англо-французскихъ соединенныхъ силъ въ китайскихъ водахъ вполнѣ и безраздѣльно принадлежитъ И. Ф. Лихачеву. Этой государственной заслуги нельзя забывать и отнимать отъ него, не смотря даже на его, повидимому, полное равнодушіе къ забывчивости, столь свойственной русскимъ людямъ. Многіе и тогда и послѣ утверждали, что ни англичане, ни французы не заняли бы заливъ Посьетъ. Однако-жъ, нельзя достовѣрно знать, что бы было или могло быть, если бы не было или не случилось того-то.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій съ присущимъ ему, всегда яснымъ и откровеннымъ, взглядомъ на вещи, оцѣнившій великую заслугу совершенно еще ему невѣдомаго капитана 1-го ранга, хотѣлъ увѣковѣчить память объ немъ, окрестивъ тотчасъ же Новгородскую бухту въ Лихачевскую. Но она до сихъ поръ называется Новгородскою. Такъ ее назвалъ и вице-адмиралъ П. Н. Назимовъ въ своемъ рапортѣ отъ 27-го августа 1891 года. Воспоминанія о происшествіяхъ 1860 года живутъ еще въ памяти немногихъ и передаются изустно. Но verba volant, scripta manent.

А. Бѣломоръ.



---

[1]) Новгородская.

[2]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, ч. I, стр. 597.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ М. Н. МУСИНА-ПУШКИНА.

Въ БУМАГАХЪ моего покойнаго отца я нашелъ отрывочныя воспоминанія о бывшемъ начальникѣ его, попечителѣ учебнаго округа М. Н. Мусинѣ-Пушкинѣ, въ свое время очень извѣстномъ общественномъ дѣятелѣ. Отецъ, въ 1852 году, принужденъ былъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, покинуть медико-хирургическую академію, въ которой онъ числился студентомъ, и поступить на какую либо службу; главнымъ образомъ этому способствовала внезапная смерть родителя и безпомощное положеніе семьи, требовавшей отъ него матеріальной поддержки. Послѣ долгихъ размышленій и неудачныхъ стараній пристроиться на какое либо мѣсто, отецъ мой остановился на мысли— сдѣлаться учителемъ, «хотя,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— учительство въ тогдашнее время все находилось въ рукахъ верхоглядныхъ иностранцевъ-авантюристовъ, слывшихъ на Руси столбами псевдо-европейской полированности, а русскіе педагоги, между тѣмъ, находились въ полномъ забвеніи и мужественно голодали. Тѣмъ не менѣе я твердо рѣшилъ посвятить себя наставничеству меньшихъ братій и принесть этимъ посильную долю своей беззавѣтной готовности служить человѣчеству,— это болѣе, чѣмъ что либо, соотвѣтствовало моему юношескому идеалу.

«Въ одно весеннее утро, вооружась мужественной рѣшимостью, я задумалъ положить конецъ моему невзрачному положенію, и съ этою цѣлью пошелъ къ тогдашнему попечителю учебнаго округа Михаилу Николаевичу Мусину-Пушкину, суровому и неуступчи-

вому меценату молодыхъ педагоговъ. Онъ жилъ тогда въ Моховой улицѣ, въ домѣ графа Ламздорфа. Ходила громкая молва объ его недоступности и тяжеломъ характерѣ, невольно охлаждавшая всякаго, имѣвшаго до него надобность.

«Поднявшись по свѣтлой, широкой лѣстницѣ, я вхожу изъ скромной, по своей уютности, передней въ просторный залъ, служившій пріемной неподатливаго вельможи; сбоку зала возвышался на стеклянныхъ стаканчикахъ рояль, съ открытыми на пюпитрѣ нотами; около нихъ ютилась этажерка, а стѣны скупо украшались пейзажами въ золоченыхъ рамкахъ. На стульяхъ въ различныхъ позахъ сидѣли просители и просительницы съ сосредоточенными выраженіями лицъ. У клѣтокъ на окнахъ, въ неуклюжемъ какомъ-то сюртукѣ, съ традиціоннымъ передникомъ поверхъ него, съ видимою любовью къ пернатымъ созданіямъ, копошился лохматый, хромоногій старикашка, методически вычищая ихъ и вполголоса присвистывая, вызывая птицъ на неугомонныя пѣсни. То былъ Захарычъ, любимецъ и докладчикъ суроваго временщика. Многіе, думаю, съ признательностью благословляютъ забавнаго старца, знавшаго и заранѣе предупреждавшаго посѣтителей отъ болѣзненнаго гнѣва попечителя въ минуты мучительныхъ приступовъ его подагрической боли, которая и объясняетъ его раздражительность.

«Громкій, нѣсколько сиповатый баритонъ Мусина-Пушкина раздавался изъ сосѣдняго кабинета: онъ наставительнымъ тономъ власть имущаго съ кѣмъ-то трактовалъ о чемъ-то; другой голосъ дѣлалъ категорическія заявленія болѣе мягкимъ голосомъ, видимо съ цѣлью убѣдить его въ противномъ.

«Захарычъ, внимательно вслушавшись въ горячій разговоръ, объявилъ намъ, что генералъ его сегодня не приступенъ, впрочемъ, онъ готовъ доложить о комъ угодно. Угодниковъ, однако, не находилось: всѣ стали пробираться къ выходу, трепеща неудачи. Одинъ я остался, прося доложить о себѣ... Будь, что будетъ! Было рѣшено мною,—все лучше, чѣмъ мучиться и изнывать въ неизвѣстности...

«Старикъ полуоткрылъ кабинетную дверь и доложилъ мою фамилію.

— «Пусть войдетъ,—грубо и отрывисто сказалъ чей-то голосъ.

«Вся моя прыть и энергія разомъ исчезли: непривѣтливый тонъ попечителя внушилъ мнѣ робость и безпокойство.

«Поперекъ двухъ-оконнаго кабинета стоялъ широкій письменный столъ подъ зеленымъ сукномъ, на которомъ въ некрасивомъ безпорядкѣ разбросаны были бумаги, книги, газеты и разная подручная мелочь; посрединѣ стола находилась большая аппетитная чашка съ блюдечкомъ бисквитъ, изъ которой прихлебывалъ коренастый толстякъ угрюмаго вида, въ шелковомъ халатѣ и съ орденомъ на манишкѣ. Одна нога его, забинтованная фланелью, покоилась на узорчатой скамейкѣ, вышитой темными арабесками. Это-то и былъ самъ принципалъ. Противъ него, у противополож-

ной стѣны, за особымъ столомъ, сидѣлъ правитель канцеляріи Делль, а поодаль, около дверей, усердно строчилъ какую-то бумагу столоначальникъ Злобинъ.

— «Зачѣмъ явился?—обратился ко мнѣ попечитель.

— «Просить благосклоннаго вниманія вашего превосходительства къ моей почтительнѣйшей просьбѣ,—подавая прошеніе, проговорилъ я неспокойнымъ голосомъ.

«Мусинъ-Пушкинъ пробѣжалъ прошеніе и опять спросилъ:

— «Больше ничего не имѣешь?

— «Вотъ только аттестатъ изъ медико-хирургической академіи...

— «Ты изъ академіи? Выгнанный?

— «Нѣтъ, ваше превосходительство,—я принужденъ былъ выйдти изъ нея въ силу своихъ матеріальныхъ стѣсненій.

— «Отчего же ты лучшаго не ищешь? Вѣдь въ учительствѣ ничего нѣтъ заманчиваго... Нищета и только... Обдумай все лучше, посовѣтуйся...

— «Да нужда, ваше превосходительство, нужда неумолимая гнететъ меня.

— «Въ чемъ же твоя нужда состоитъ?

— «А въ томъ, что послѣ недавней смерти моего отца на рукахъ у меня осталась больная мать, требующая бдительнаго попеченія и внимательнаго ухода. Болѣзнь все болѣе и болѣе развивается, а я безсиленъ облегчить ее...

«Нужно замѣтить, что покойный Мусинъ-Пушкинъ со всѣми обходился патріархально. Ты у него выражало благосклонность, вы— предвѣщало что-то зловѣщее. При моей репликѣ объ отцѣ и матери у меня на глазахъ навернулись невольно слезы, а голосъ оборвался.

— «Вижу: ты не испорченъ, ты чувствителенъ,—это дѣлаетъ тебѣ честь...

«Повертѣвъ въ рукахъ еще разъ прошеніе, онъ будто обдумывалъ что-то и, обратясь къ Деллю, спросилъ:

— «Есть ли гдѣ свободная вакансія у насъ?

— «Въ вологодской дирекціи есть: въ Тотьмѣ учитель недавно уволился,—отвѣтилъ тотъ.

— «Ну, вотъ тебѣ Тотьма!.. А теперь ступай, не мѣшай... Выкажешь себя—въ убыткѣ не будешь... Къ отъѣзду готовься... Обо всемъ остальномъ канцелярія тебя извѣститъ...

«Счастливый и радостный, безъ оглядки помчался я домой сообщить матери о радостномъ исходѣ моего предпріятія.

«Недѣли черезъ двѣ съ небольшимъ получаю съ курьеромъ предписаніе явиться на экзаменъ, производившійся тогда на должность элементарнаго учителя въ рекреаціонномъ залѣ Пятой гимназіи, у Аларчина моста, въ Коломнѣ.

«Являюсь на другой день въ гимназію и жду звонка большой перемѣны. Въ свое время вхожу въ залъ и нахожу тамъ сборище:

директора столичныхъ училищъ Андрея Степановича Воронова, инспектора Аникиту Семеновича Власова, трехъ учителей и старика-священника съ наперстнымъ крестомъ на шеѣ. Съ комическою важностью задавались мнѣ ничтожные вопросы, неизмѣримо ниже уровня моего образованія. Эпилогъ курьезнаго экзамена заключился пробнымъ урокомъ для доказательства свободнаго владѣнія устной рѣчью. Тотчасъ же, вслѣдъ за пустой формалистикой испытанія, былъ составленъ надлежащій актъ, на основаніи котораго должна была послѣдовать рѣшительная резолюція попечителя о мѣстѣ.

«При вторичномъ моемъ посѣщеніи я нашелъ Михаила Николаевича бодрымъ и преображеннымъ, съ легкимъ румянцемъ на лицѣ. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ со звѣздами и въ орденахъ, взглядъ его былъ веселый и давалъ мнѣ поводъ успѣшной надежды.

— «Здорово!.. Опять зачѣмъ?—встрѣтилъ меня онъ вопросомъ.

— «Безпокоить ваше превосходительство о моемъ назначеніи. Протоколъ изъ гимназіи уже пересланъ вамъ.

— «Читалъ, знаю... Распоряженіе сдѣлано. Получишь подорожную изъ канцеляріи и съ Богомъ... А теперь—прощай! я занятъ...

«Возвращаясь домой, дорогой занялся я вопросомъ: съ чего это составилась о Мусинѣ-Пушкинѣ нелестная репутація капризнаго деспота со всѣми, имѣющими къ нему какое бы ни было соприкосновеніе? Подъ грубой оболочкой онъ имѣлъ душу, способную къ добру, и минутами у него являлись непроизвольно проблески сердечной теплоты, но какъ сынъ своего вѣка, тогдашней аракчеевщины, Михаилъ Николаевичъ внутренно боролся съ дилеммой быть и казаться, и по укоренившемуся обычаю тѣхъ дней онъ слѣдовалъ второй... Какъ человѣкъ отъ природы горячій, безъ выдержанности, и какъ психическій и физическій страдалецъ отъ жестокой подагры, угнетавшей его хронически, Мусинъ-Пушкинъ временами бывалъ безгранично раздражителенъ, безпричинно вспыльчивъ и, впадая отъ этого въ случайныя опрометчивости, былъ бюрократически произволенъ. Не удивительно, что люди и поторопились создать изъ него сказочное страшилище.

«А что онъ не былъ таковъ, какимъ его баснословили, то вотъ доказательство, вотъ фактъ, за достовѣрность котораго я ручаюсь, ибо записанъ онъ мною со словъ очевидцевъ.

«Въ одномъ изъ петербургскихъ училищъ былъ дѣльный учитель русскаго языка, работяга неутомимый и знатокъ своего дѣла, но одержимый слабостію — напиваться до самозабвенія. Мусинъ-Пушкинъ хорошо его зналъ и даже отличалъ за успѣшные экзамены.

«Какъ-то однажды, по званію сенатора, Михаилъ Николаевичъ ѣдетъ въ сенатъ по Невскому проспекту и видитъ лежащаго на панели мертвецки-пьянаго господина, въ вицъ-мундирѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія; онъ приказалъ кучеру подъѣхать ближе

къ тротуару. Взглянулъ черезъ толпу и что же видитъ?—Это былъ тотъ самый учитель, съ которымъ онъ не разъ входилъ въ дѣльные филологическіе разговоры.

— «Эй, городовой! городовой!—закричалъ онъ могучимъ голосомъ, но его не обрѣталось нигдѣ по весьма простой причинѣ: эти господа, подъ именемъ будочниковъ, всегда проводили неподвижно сонное существованіе у своей радужной будки, съ неизмѣнной алебардой въ старческихъ рукахъ.

— «Господа! Будьте настолько милосердны къ несчастному, втащите его въ мою карету.

«Добрые люди изъ толпы исполнили просьбу генерала, и добрѣйшій Михаилъ Николаевичъ, вмѣсто сената, неожиданно попалъ на квартиру штатнаго смотрителя, сдалъ ему свой незавидный багажъ и строго-настрого приказалъ не сообщать никому, не исключая и виновнаго, о происшедшемъ, а только ограничиться внушеніемъ послѣднему всей несообразности его жалкой слабости съ званіемъ учителя.

«Мѣра эта ознаменовалась чудомъ: когда впослѣдствіи несчастный узналъ о благородномъ поступкѣ попечителя, то отрѣшился навсегда отъ своей пагубной страсти и началъ новую жизнь на радость домашнихъ».

Прослужа почти годъ учителемъ въ городѣ Тотьмѣ, Вологодской губерніи, отецъ мой вынужденъ былъ испросить у своего мѣстнаго начальства отпускъ, чтобы хотя на короткій срокъ посѣтить Петербургъ, изъ котораго приходили вѣсти о здоровьѣ его матери, крайне тревожнаго свойства. Его ходатайство было уважено, и онъ снова возвратился на родину. Далѣе о Мусинѣ-Пушкинѣ онъ говоритъ:

«По пріѣздѣ въ столицу, я долженъ былъ предстать предъ крутымъ попечителемъ, терпѣть не могшимъ «учительскихъ отлыниваній» отъ службы, изъ какихъ бы побужденій эти отлыниванія ни происходили. Нужно было подходить къ Михаилу Николаевичу издалека, приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ добродушному Захарычу, служившему надежнымъ громоотводомъ неукротимаго нрава грознаго принципала, особенно въ минуту его вспышки. И странный за то человѣкъ былъ этотъ Захарычъ! Рабски-преданный Мусину-Пушкину, онъ подъ горячій часъ мужественно переносилъ полновѣсныя затрещины своего излюбленнаго «Михаила Николаича», а когда захочется, бывало, ему совершить возліяніе, то скорчитъ онъ такую плаксивую физіономію, что Мусинъ-Пушкинъ, въ умиленіи чувствъ, всегда открывалъ свой письменный столъ и, вынимая изъ него первую попавшуюся подъ руку кредитку, подавалъ ее Захарычу со словами:

— «Вотъ тебѣ на случайные расходы!

«Разумѣется, Захарычъ сейчасъ же расходовалъ этотъ подарокъ барина подъ ближайшей виноградной вывѣской.

«Словомъ, понимали они другъ друга превосходнѣйшимъ образомъ и были довольны другъ другомъ безконечно.

«Старикъ Захарычъ былъ когда-то дядькой казеннокоштныхъ учениковъ излюбленной попечителемъ 3-й гимназіи, что у Пустаго рынка. Простякъ, незлобивый, любимецъ дѣтей, и при всемъ томъ преданный поклонникъ рюмочки, онъ очень понравился Михаилу Николаевичу, сманившему его къ себѣ въ камердинеры и сдѣлавшему его непосредственнымъ докладчикомъ о просителяхъ, желавшихъ видѣть звѣздоноснаго генерала, игравшаго такую большую роль въ цензурѣ и по обширному округу.

«Про этихъ двухъ оригиналовъ разсказывали такой случай. Въ какой-то высокоторжественный день Михаилъ Николаевичъ собирался во дворецъ; Захарычъ, по обыкновенію, ему прислуживалъ, едва успѣвая подавать своему барину многочисленные ордена, которые Мусинъ-Пушкинъ предварительно цѣловалъ и потомъ уже надѣвалъ на себя.

«Вдругъ,—трахъ!—одинъ изъ орденовъ падаетъ на полъ.

«Михаилъ Николаевичъ вспыхнулъ, насупился... и трахъ! звонко раздается пощечина по простодушной физіономіи ни въ чемъ неповиннаго Захарыча.

«Неожиданность смутила камердинера, и глаза его непривычно заволоклись слезами. Это, въ свою очередь, смутило попечителя; моментально онъ смягчился, полѣзъ въ столъ и, схвативъ нѣсколько кредитокъ, вручилъ ихъ своему любимцу, снисходительно проговоривъ:

— «Пей!

«Захарычъ, разумѣется, не заставилъ повторить разрѣшенія и запилъ за̀ здоровье добряка, позабывъ свои обязанности, къ которымъ вернулся тогда только, какъ увидалъ, что его баринъ украдкой самъ чиститъ свое платье.

«Меня крайне удручала тяжелая обязанность явиться къ попечителю съ повинною о скоромъ окончаніи отпуска и испрошеніи себѣ новаго на такой же срокъ. Какъ-то за двѣ недѣли до окончанія выданнаго мнѣ отпуска, я всталъ ранѣе обыкновеннаго и съ сердечнымъ замираніемъ поплелся въ Моховую, чтобы успокоить свое ретивое чѣмъ нибудь.

«На дорогѣ попадается мнѣ хорошій знакомый покойнаго отца, отставной генералъ-маіоръ артиллеріи Дмитрій Лонгиновичъ Зыскинъ, любимецъ великаго князя Михаила Павловича, всегда принимавшій въ матушкѣ живое участіе. Узнавъ отъ меня, что я иду къ попечителю, онъ посовѣтовалъ мнѣ потерпѣть недѣльку и вернуться домой, такъ какъ мою просьбу о продолженіи отпуска онъ считаетъ преждевременной. При этомъ онъ скрылъ отъ меня, что видѣлся уже съ Мусинымъ-Пушкинымъ и откровенно выяснилъ ему мое и матушкино положеніе.

«Истекаетъ урочная недѣля, и я снова отправляюсь къ попечителю. Меня встрѣчаетъ радушно Захарычъ.

— «А, здравствуйте! Давно васъ что-то не видно..

— «Далеко теперь служу, Захарычъ... А попечитель въ хорошемъ духѣ? Можно его видѣть?

— «Въ себѣ! — выразительно произнесъ старикъ и добавилъ:— Хотя и докладной день сегодня, но онъ въ полномъ смиреніи и тихъ... Ожидаемъ правителя канцеляріи... О васъ доложить Михаилу Николаевичу могу,—приметъ...

«Захарычъ просунулъ голову въ дверь кабинета попечителя и произнесъ мою фамилію.

— «Впусти! — слышу знакомый голосъ изъ сосѣдней комнаты.

«Вхожу въ кабинетъ и на этотъ разъ нахожу попечителя бодрымъ, съ самодовольнымъ выраженіемъ лица. Онъ, опираясь о суковатый костыль, который носилъ съ 1812 года вслѣдствіе контузіи, стоя прихлебывалъ изъ вмѣстительной своей чашки чай, закусывая его кренделемъ.

— «Лицо знакомо твое, но не помню. Гдѣ служилъ?

«Я назвалъ мѣсто своего служенія.

— «Ахъ, да, знаю! Изъ академіи ты?

— «Да, изъ медицинской.

— «Теперь помню. Зачѣмъ же ты здѣсь?

— «Вслѣдствіе тяжкой болѣзни матери.

— «А развѣ она крѣпко нездорова?

— «Сильно, ваше превосходительство.

— «Значитъ, лечить надо...

— «Лечится, ваше превосходительство.

— «Чего дразнишься! — полу-шутя, полу-сердито воскликнулъ Михаилъ Николаевичъ. — Знаю, что не такъ лежитъ... Что такое хотѣлъ я тебѣ сказать?.. Да! Недавно я посылалъ запросъ о твоемъ усердіи, поведеніи и службѣ, и получилъ удовлетворительный отвѣтъ отъ дирекціи. Это хорошо! Къ тому же, въ тебѣ принимаютъ участіе уважаемые люди... Поэтому я вотъ что надумалъ: въ Воздвиженскомъ училищѣ, въ Ямской, учитель переводится въ купеческую богадѣльню, а на его мѣсто я назначаю тебя, хоть это и вопреки моихъ постоянныхъ правилъ... Но ты не смѣй думать, что это для тебя, это для больной твоей матери; молокососамъ же я не потакаю, такъ ты и знай. Прощай!

«Вотъ двѣ характерныя встрѣчи мои съ симпатичнѣйшимъ Михаиломъ Николаевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, обрисованнымъ близорукими современниками почему-то тираномъ и извергомъ. Прежде всего онъ имѣлъ душу и умѣлъ дѣлать добро, по всѣмъ правиламъ христіанскаго ученія: правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая»...

М. Шевляковъ.

НЕЛЬСОНЪ И ЭММА ГАМИЛЬТОНЪ.

I.

МЕНИТЫЙ англійскій морской герой Гораціо Нельсонъ, одержавшій блестящія побѣды одну за другой отъ Абукира до Трафальгара, потерпѣлъ только одно пораженіе. Но пораженіе это оказалось на столько чувствительнымъ, что оно оставило тѣнь на его имени, увѣнчанной славой. Врагомъ тутъ было его собственное сердце. Мы разумѣемъ любовь его къ леди Гамильтонъ. Объ этомъ эпизодѣ въ жизни Нельсона проф. Генрихъ Блохъ недавно собралъ наиболѣе достовѣрныя данныя изъ документальнаго матеріала, приведеннаго въ извѣстность въ послѣднее время. И вотъ что узнаемъ изъ этого этюда какъ о возлюбленной Нельсона, такъ и объ исторіи его любви.

Дочь горничной и неизвѣстнаго отца, Эмма Ліонсъ, родилась въ 1760 году въ Престонѣ (въ Валлисѣ). О воспитаніи ея никто не заботился. 13-ти лѣтъ она попала въ семью одного хирурга въ Гаварденѣ для присмотра за дѣтьми. Три года спустя, она поступила въ услуженіе на кухню къ одному лондонскому купцу, а затѣмъ сдѣлалась горничной у одной богатой дамы. Тутъ впервые она имѣла случай заглянуть въ тайны туалета свѣтской дамы и въ короткое время оказалась мастерицей по этой части. Не поладивъ съ своей госпожей, она отошла отъ нея и нашла себѣ пріютъ въ одной гостинницѣ Ковентъ-Гарденскаго квартала. Гостинница ежедневно посѣщалась писателями, живописцами, скульпторами, музыкантами и актерами. Они любовались необычайной красотой Эммы, и

каждый старался угодить ей чѣмъ нибудь, такъ что въ короткое время Эмма выказала свои способности въ пѣніи, танцахъ и въ сценическомъ искусствѣ. Въ этомъ же кругу капитанъ Джонъ Вилле Пэнъ, вернувшись изъ удачнаго морскаго путешествія, влюбился въ Эмму и убѣдилъ ее сдѣлаться его подругой. Онъ окружилъ изысканной роскошью молодую дѣвушку, которая всего нѣсколько недѣль назадъ была скромной служанкой. Вскорѣ послѣ того ее похитилъ сэръ Гарри Физерстонгоу и увезъ въ Сусексъ. «Тамъ очаровательное существо нашло случай выказать новые таланты,—она сдѣлалась искусной наѣздницей и пожинала лавры отъ знатоковъ въ сельскомъ спортѣ всякаго рода. Но ея обожатель все болѣе и болѣе запутывался въ дѣлахъ, такъ что разрывъ сталъ неизбѣженъ». Тогда Эмма Ліонсъ вернулась въ Лондонъ.

Оставшись безъ всякой поддержки, она принялась распродавать свои дорогія платья и вещи. Отъ нужды избавилъ ее докторъ Грагэмъ, Каліостро низшаго разряда. Онъ хвастался изобрѣтеніемъ какого-то любовнаго напитка и особаго способа возстановленія силъ, который назывался имъ «Megalanthropogenesis». Когда онъ увидѣлъ красивую Эмму, то тотчасъ смекнулъ, что она можетъ оказать ему неоцѣнимыя услуги при эксплоатированіи легковѣрной толпы. Онъ объявилъ въ газетахъ о томъ, что можетъ представить живой наглядный примѣръ дѣйствія своего волшебнаго средства. Въ глубинѣ зала, фантастически освѣщеннаго, стояла пуховая постель, и на ней Эмма въ своей ослѣпительной красотѣ, подобно богинѣ, показывалась публикѣ. Любопытные собирались толпами посмотрѣть на нее. Весь Лондонъ заговорилъ о восхитительной богинѣ. Тутъ же познакомился съ ней и художникъ Георгъ Ромней, которому она позировала въ качествѣ модели для лучшихъ изъ его произведеній. Онъ писалъ ее то Цирцеей, Венерой, Калипсой, вакханкой, Пиѳіей, то святой Цециліей, кающеюся Магдалиной, богиней чувственности, невинности, Мирандой и Констанцей для Шекспировской галереи. Тутъ же такъ сильно влюбился въ нее сэръ Чарльзъ Гревилль, потомокъ Варвика, «дѣлателя королей», что увлекъ ее отъ доктора Грагэма и разорился ради этой замѣчательной авантюристки. Въ домѣ Гревилля она долгое время была центромъ блестящаго общества, которое восхищалось ея красотой и разнообразіемъ дарованій. Эмма произвела на свѣтъ Гревиллю двухъ дочерей и одного сына. Но въ одинъ прекрасный день, когда послѣ восторговъ публики, слушавшей ея пѣніе, Гревилль серьезно ее пожурилъ за самообольщенное тщеславіе, она, не отвѣтивъ ему ни слова, отправилась въ свою комнату, уложила свои украшенія и пышныя платья, одѣлась въ простое платье, какое носила раньше, и предстала передъ Гревиллемъ съ заявленіемъ, что она желаетъ освободить его отъ своего присутствія. Это была уловка, позволившая ей покинуть своего разорившагося обо-

жателя и давшая ей возможность плѣнить пріѣхавшаго тогда въ Лондонъ богатаго дядю его, англійскаго посланника при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій, Вилліама Гамильтона. И дѣйствительно, она обратилась къ этому 60-ти-лѣтнему дипломату съ ходатайствомъ объ уплатѣ долговъ Гревилля. Дипломатъ, чувствительный къ красотѣ, попалъ въ ея сѣти. Онъ согласился уплатить долги племянника и жениться на его метресѣ. Вскорѣ этотъ слухъ распространился въ Лондонѣ. Король Георгъ III спросилъ своего посланника, правда ли это, и поспѣшилъ прибавить, что онъ не вѣритъ этому. «Прошу, ваше величество, не гнѣваться на меня,—отвѣчалъ старый дипломатъ,—съ сегодняшняго утра это дѣло рѣшенное». И Эмма Ліонсъ съ 6-го апрѣля 1791 года сдѣлалась супругой сэра Вилліама Гамильтона.

Съ этого дня началась новая эпоха въ ея жизни. Свадьба ея возбудила сильную сенсацію въ англійской столицѣ. Всѣ только и говорили что о новой посланницѣ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ ея шагомъ. Огромная толпа постоянно стояла передъ дворцомъ ея въ ожиданіи того момента, когда она выйдетъ садиться въ экипажъ. Въ салонъ ея устремлялись именитые люди. Художникъ Ромней писалъ о ней тогда слѣдующее: «Я обѣдалъ у сэра Вилліама Гамильтона. Вечеромъ тамъ пили чай многіе изъ лицъ избраннаго круга. Милэди уступила всеобщимъ просьсамъ и спѣла... Невозможно описать, какое удивленіе возбудила она своей игрой, своимъ пѣніемъ. Ея «Нина», однако-жъ, превзошла все, когда либо видѣнное мною и, прибавлю, видѣнное когда либо кѣмъ бы то ни было. Всѣ зрители проливали слезы, вѣрнѣе сказать, рыдали. Какая простота, какое величіе! Возвышенно, патетично, ужасно!... Галліани предлагалъ ей за сезонъ 2,000 луидоровъ и, сверхъ того, два бенефиса, если бы она пожелала заключить съ нимъ контрактъ; но она на всю жизнь связана съ сэромъ Вилліамомъ Гамильтономъ, и это, конечно, больше стоитъ».

Но при англійскомъ дворѣ Эмму, всетаки, не приняли. За то она съ почетомъ была встрѣчена при неаполитанскомъ дворѣ. Королева Марія-Каролина обошлась съ ней необыкновенно милостиво. Тутъ имѣлись въ виду и политическія соображенія. Королева видѣла въ тѣсномъ сближеніи съ Англіей источникъ спасенія для Неаполитанскаго королевства, а въ лэди Гамильтонъ угадала вліятельнѣйшую пособницу въ этомъ политическомъ союзѣ, направленномъ противъ Франціи. Въ смыслѣ этого же союза британскій вице-адмиралъ лордъ Гудъ, стоявшій во главѣ англичанъ въ борьбѣ съ республиканской Франціей, отправилъ капитана линейнаго корабля Горацiо Нельсона на «Агамемнонѣ» въ Неаполь, чтобы возможно скорѣе получить отъ Фердинанда IV военную помощь. Нельсонъ, ставши на якорь въ Неаполитанскомъ заливѣ, обратился къ Гамильтону съ ходатайствомъ передать просьбу Гуда неаполитан-

Горацiо Нельсонъ.

Съ картины Джона Гопнера, (собственность англiйской королевы).

скому правительству. Британскій посланникъ послѣ первой встрѣчи съ морскимъ героемъ былъ внѣ себя отъ удивленія и восторга. «Вы увидите,—сказалъ онъ своей женѣ,—маленькаго человѣка, котораго едва ли можно считать красивымъ, но который, въ этомъ я убѣжденъ, удивитъ весь міръ. Это я усматриваю изъ нѣсколькихъ словъ бесѣды, какую имѣлъ съ нимъ. Относительно его я сдѣлаю исключеніе. Никогда еще я не пускалъ ни одного офицера подъ мою кровлю; но Нельсона мы помѣстимъ въ аппартаментахъ, предназначенныхъ для принца Августа». Гамильтонъ не предчувствовалъ тогда, что ему придется потомъ пожалѣть о томъ, что онъ нарушилъ свое правило. Конечно, ему и не могло прійдти на мысль, что онъ самъ же вводитъ въ свой домъ похитителя своей чести.

II.

Нельсонъ былъ вполнѣ доволенъ успѣшностью своей миссіи. Изъ Неаполя онъ доставилъ лорду Гуду значительное вспомогательное войско и для себя лично вынесъ наилучшія впечатлѣнія особенно отъ четы, оказавшей ему самое радушное гостепріимство. «Вы мнѣ по сердцу,—сказалъ онъ Гамильтону,—вы устроиваете дѣла по моему разумѣнію». Отъ лэди Гамильтонъ, которой тогда было 35 лѣтъ, онъ пришелъ въ восторгъ. «Эта молодая женщина,—писалъ онъ женѣ своей,—обладаетъ по истинѣ очаровательнымъ умѣньемъ обходиться съ людьми; и она дѣйствительно дѣлаетъ честь тому положенію, до какого возвысилась съ недавняго времени». Тайно уже начала прокрадываться въ сердце Нельсона страсть къ Эммѣ Гамильтонъ. Съ теченіемъ времени эта страсть сдѣлалась до такой степени неудержимой, что ради лэди Гамильтонъ онъ унижался передъ королевой Маріей-Каролиной, и этимъ запятналъ свою славу.

Тѣснѣе стало сближеніе его съ очаровательной лэди, когда исполнилось то, о чемъ незадолго передъ тѣмъ онъ просилъ Гамильтона извѣстить ее. «Скажите ей,—писалъ онъ Гамильтону,—что въ слѣдующій разъ я надѣюсь ей представиться или увѣнчаннымъ лаврами, или покрытымъ кипарисомъ».

Послѣ своей блестящей побѣды при Абукирѣ онъ вступилъ въ Неаполь «Нильскимъ побѣдителемъ». Въ письмѣ къ женѣ онъ описалъ оказанный ему тогда пріемъ: «Сэръ Вилліамъ и лэди Гамильтоны выѣхали мнѣ навстрѣчу, въ сопровожденіи множества парусныхъ судовъ и лодокъ, украшенныхъ эмблемами и вымпелами. Оба они только-что оправились отъ болѣзни. Болѣзнь и тревога, а затѣмъ чувство наивысшаго удовлетворенія и необычайной радости такъ потрясли ихъ. Безъ всякихъ предосторожностей милэди сообщили радостную вѣсть. Для нея это было слишкомъ много, она была поражена, какъ молніей, и упала безъ чувствъ. Еще теперь остались слѣды этого паденія на ея красивомъ челѣ. Мои досто-

уважаемые друзья подъѣхали ко мнѣ на лодкѣ. Сцена на кораблѣ была ужасна. Миледи безъ чувствъ упала передо мною. Я принялъ ее за мертвую. Къ счастью, слезы ея нашли выходъ, и тотчасъ же она почувствовала облегченіе».

Она открыла глаза. Взглядъ ея встрѣтился со взглядомъ Нельсона. Этотъ моментъ оказался рѣшительнымъ для всей его жизни, для его душевнаго спокойствія. Съ этой минуты Нельсонъ уже не могъ уйти отъ чаръ лэди Гамильтонъ. Ему только казалось, что его приковываетъ къ Эммѣ самая безкорыстная, самая чистая дружба. О такихъ своихъ чувствахъ къ ней онъ сообщалъ своей женѣ: «Я надѣюсь,—писалъ онъ тогда,—черезъ нѣсколько дней представить вамъ лэди Гамильтонъ. Она — одна изъ превосходнѣйшихъ женщинъ. Она дѣлаетъ честь своему полу... Я живу у нихъ и могу сказать вамъ, что расположеніе и вниманіе такихъ друзей, какими являются относительно меня лэди и ея супругъ, способны прогнать угнетавшую меня тоску о долгомъ отсутствіи васъ и поправить мое разстроенное здоровье. Вы ихъ полюбите, подобно мнѣ, какъ они заслуживаютъ быть любимыми всѣми».

Любовь Нельсона къ Эммѣ Гамильтонъ все болѣе росла съ каждымъ днемъ. Незамѣтно для него самого его начала терзать страсть. Въ своихъ оффиціальныхъ письмахъ онъ никогда не пропускаетъ случая вставить хоть словечко о лэди. «Я пишу касательно лэди Гамильтонъ,—говорится въ одномъ изъ писемъ къ лорду С.-Винсенту,—и, надѣюсь, вы поймете галиматью этого письма. На моемъ мѣстѣ вы писали бы еще менѣе связно. Когда сердце взволновано, дрожатъ руки... Неаполь—опасное мѣсто; я долженъ поскорѣе покинуть его». Но онъ уже не властенъ былъ развязаться съ угрожавшими ему опасностями. Напротивъ, онъ былъ радъ, что дѣла заставили его пробыть дольше въ Неаполѣ. Такимъ-то образомъ изъ строгаго пуританина, постоянно въ свободные часы читавшаго Библію, онъ превратился въ сибарита, который охотно отдавался удовольствіямъ и пріятностямъ жизни. На увѣщанія своего преданнаго друга Александра Дависона онъ мало обращалъ вниманія. Дависонъ напоминалъ ему о безпокойствѣ его жены. Она просила его передать Нельсону, что она сама пріѣдетъ въ Неаполь, если онъ не вернется въ скоромъ времени. «Не злоупотребляйте нѣжными чувствами женщины; они слишкомъ тонки, чтобъ можно было выразить ихъ словами». Но все было напрасно. На благо правителей Неаполя и въ то же время въ интересахъ Англіи онъ ринулся въ войну противъ Франціи потому, что лэди Гамильтонъ умѣла побудить его къ этому. И когда онъ одержалъ новую побѣду въ Палермо, гдѣ въ то время находился неаполитанскій дворъ, онъ сдѣлался предметомъ новыхъ овацій. Иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала восхитительной Эммѣ. Нельсонъ чувствовалъ себя чрезвычайно счастливымъ. «Я живу у сэра Вилліама и лэди Га-

Нельсонъ въ битвѣ при Сенъ-Винсенѣ, 14-го февраля 1797 г.

Съ картины Франка Баденъ-Поуэлля.

мильтоновъ,—писалъ онъ тогда лорду Минто,—и потому касательно своей домашней жизни могу сказать только одно: я счастливъ и ничто не нарушаетъ моего спокойствія, кромѣ голоса политики». Но что думало о немъ общественное мнѣніе въ Лондонѣ, гдѣ исключительныя отношенія героя Абукира и Неаполя къ семьѣ британскаго посланника уже стали предметомъ обыденныхъ толковъ, безпокоилась ли его жена, ему это было все равно, разъ около него находилась лэди Гамильтонъ.

Въ Лондонѣ, однако, рѣшили положить конецъ этой связи отозваніемъ Гамильтона. Теперь и Нельсонъ возвратился на родину, «Нильскаго побѣдителя» осыпали тамъ почестями. Свидѣтельницей его тріумфовъ явилась его горячая почитательница. Но жена не принимала участія въ нихъ. Онъ вернулся послѣ двухлѣтней разлуки, во время которой стяжалъ себѣ безсмертную славу, но жена отстранилась отъ него. Что значили для нея лавры этого Нельсона, который лишилъ ее душевнаго спокойствія? И она холодно встрѣтила своего знаменитаго мужа. Отношенія ихъ сдѣлались невыносимыми. Однажды Нельсонъ завтракалъ съ женой и другомъ своимъ Вилліамомъ Гасльвудомъ. Въ разговорѣ онъ упомянулъ о «дорогой лэди Гамильтонъ». Жена Нельсона, услышавъ это имя, рѣшительно встала съ своего мѣста: «Эта «дорогая лэди Гамильтонъ» надоѣла мнѣ до тошноты, и я рѣшила, что или меня, или ее вы должны оставить». И затѣмъ, не обращая вниманія на спокойное замѣчаніе мужа, она покинула его домъ, и онъ не видалъ ее болѣе передъ своимъ отъѣздомъ въ Плимутъ. На свои неоднократныя письма, въ которыхъ онъ искалъ примиренія съ женой, онъ не получалъ никакого отвѣта.

Но къ лэди Гамильтонъ онъ привязался еще сильнѣе, когда у нея родилась дочь, которой дано было имя Гораціи Томсонъ. «Томсонъ» была подставная фамилія. Дочерью же подарила его лэди Гамильтонъ. Этимъ объясняется и то, что Нельсонъ со времени возвращенія Гамильтона изъ Неаполя не разъ помогалъ ему большими суммами и уплачивалъ его долги. Ничто уже не могло охладить его отношеній къ «драгоцѣннѣйшей Эммѣ». Изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, куда его посылали для войны, онъ писалъ къ ней нѣжнѣйшія письма. Онъ постепенно добивался разрѣшенія вернуться въ Лондонъ, а когда ему отказывали въ этомъ, онъ приглашалъ къ себѣ Гамильтоновъ. Наконецъ, желаніе его исполнилось. Онъ могъ поселиться въ Лондонѣ на продолжительное время.

Вскорѣ затѣмъ (1803 года) умеръ сэръ Вилліамъ Гамильтонъ. Нельсонъ принялъ на себя заботы о вдовѣ его. Въ своемъ завѣщаніи онъ оставилъ имѣніе въ Мертонѣ ей и ея наслѣдникамъ. А когда его назначили стать во главѣ англійскаго флота въ Средиземномъ морѣ, онъ въ письмахъ къ своей «сердечной подругѣ, дороже жизни», къ которой «любовь и привязанность превосходятъ все на свѣтѣ»,

завѣрялъ ее въ своей неизмѣнной вѣрности, въ своей неугасающей любви. Только эта любовь могла побудить его выпрашивать у англійскаго правительства пособія изъ государственной казны для лэди Гамильтонъ «во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ ею странѣ», и ходатайствовать за нее у герцога Гамильтона, главы фамиліи ея покойнаго мужа.

13-го января 1805 года Нельсонъ опять отправился на войну. Близь мыса Трафальгаръ произошла битва, въ которой отважный герой, доставивъ англійскому флоту новые лавры, палъ отъ раны. Умирая, онъ вспоминалъ о своей Эммѣ и Гораціи, которыхъ поручалъ заботамъ признательной націи. Но хотя англійскій парламентъ ассигновалъ въ пользу семьи Нельсона 120,000 фунтовъ стерлинговъ, предсмертное желаніе героя было оставлено безъ вниманія. Эмму стали тѣснить ея кредиторы, она должна была спасаться отъ ихъ преслѣдованій, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ не настигъ ее и не засадилъ въ долговую тюрьму. Одинъ изъ горячихъ почитателей Нельсона добился освобожденія ея изъ заключенія, но боязнь дальнѣйшихъ гоненій заставила ее бѣжать въ Калле, гдѣ до смерти ея (5-го января 1815 года) помогала ей одна сострадательная женщина. Даже и послѣ кончины ее преслѣдовала судьба. Покровительница ея хотѣла поставить ей надгробный памятникъ, но этого ей не разрѣшили, такъ какъ Эмма была протестантка. А въ слѣдующемъ году уничтожили самое кладбище, гдѣ покоился ея прахъ, и такимъ образомъ утраченъ всякій слѣдъ отъ ея костей.

Ѳ. Б.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Выпускъ первый. Спб. 1892.

Къ ПРАЗДНОВАНІЮ своего полувѣкового существованія, въ видѣ отдѣленія академіи наукъ, наша бывшая «Россійская академія», основанная Петромъ Великимъ и ограниченная въ своей дѣятельности Николаемъ I, издала первый выпускъ новаго словаря русскаго языка. Съ искреннею признательностью встрѣтятъ всѣ русскіе люди этотъ трудъ представителей русской науки, отвоевывающей понемногу принадлежащее ей по праву первое мѣсто среди иноземныхъ элементовъ академіи наукъ. Въ академическомъ словарѣ чувствуется настоятельная необходимость, такъ какъ со времени изданія неудачнаго «Словаря церковнославянскаго и русскаго языка» прошло уже также почти полстолѣтія. Правда, въ это время словарь этотъ былъ выпущенъ въ свѣтъ частнымъ книгопродавцемъ вторымъ изданіемъ, но представляющимъ только точное воспроизведеніе перваго, безо всякихъ поправокъ и дополненій; вышли также «Областной словарь» и два изданія «Толковаго словаря» Даля,—послѣднее въ 1880 году, но колоссальный трудъ одного человѣка не могъ замѣнить труда офиціальнаго ученаго общества. Теперь оно даритъ насъ такимъ трудомъ, вообще заслуживающимъ полнаго вниманія и одобренія. Его нельзя назвать вторымъ изданіемъ, такъ какъ онъ совершенно переработанъ подъ главною редакціею Я. К. Грота, на новыхъ основаніяхъ. Посмотримъ, какія это основанія и можно ли безусловно съ ними согласиться.

Прежде всего нельзя не упрекнуть редакцію, что она слишкомъ коротко и сжато говоритъ объ этихъ основаніяхъ. Десять не полныхъ страницъ крупнаго шрифта введенія оставляютъ безъ отвѣта многіе вопросы, которые можно бы сдѣлать относительно веденія дѣла. О самомъ ходѣ работы по изданію сло-

варя говорится очень кратко. Сказано только, что тотчасъ послѣ появленія словаря въ 1847 году отдѣленіе начало составлять дополненія къ нему, но «другія предпріятія, которымъ посвящалась дѣятельность отдѣленія, были причиною того, что этотъ трудъ надолго былъ отложенъ». Не говоримъ уже о томъ, что никакимъ предпріятіямъ не слѣдовало отдавать предпочтеніе передъ главною цѣлью академіи—составленіемъ словаря, какія же важныя предпріятія отвлекли ее отъ исправленія и дополненія своего труда? Предисловіе говоритъ, что еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ выработана была програма новаго словаря исключительно русскаго языка, такъ какъ «нельзя въ одномъ трудѣ соединить всѣ періоды историческаго развитія языка». Но неужели для осуществленія этой важной мысли, до которой не додумалась редакція перваго словаря, потребовалось болѣе сорока лѣтъ, прошедшихъ съ той поры? Новая редакція не упоминаетъ, когда она приготовила и начала печатать вышедшій нынѣ первый выпускъ, а знать это публикѣ очень важно, чтобы разсчитать: можно ли ей начать пріобрѣтать вы пуски словаря или предоставить эту заботу своему потомству, если пройдетъ еще сорокъ лѣтъ до окончанія словаря. Ни о какихъ срокахъ его выхода, ни о томъ, сколько буквъ готово къ печати, не говорится ни слова. (А между тѣмъ въ отчетѣ академіи сообщено, что словарь древнерусскаго языка, составлявшійся Срезневскимъ, напечатанъ до буквы З). Что новый словарь будетъ являться выпусками, это очень хорошо, и такъ выходятъ всѣ европейскіе словари, даже цѣна выпуска 85 копѣекъ за 18 листовъ большого формата, въ два столбца по 68 строкъ на столбцѣ, не дорога относительно, хотя можно было бы оставить прежде назначенную цѣну—65 коп., по какой выпускъ и продавался первые дни, и не надбавлять 20-ти коп. въ пользу книгопродавцевъ, которые могли бы обойтись и безъ барыша на такое изданіе. Но число выпусковъ и срокъ появленія второго выпуска слѣдовало бы опредѣлить хоть приблизительно. А то вѣдь опять какія нибудь новыя академическія предпріятія отодвинутъ до греческихъ календъ продолженіе выпусковъ. Новый словарь посвященъ «собственно общеупотребительному въ Россіи литературному и дѣловому языку въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со времени Ломоносова» (хотя собственно литературный и дѣловой языкъ образовался послѣ Ломоносова). «Словарь — истолкователь живого языка, но не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ періоду, обнимаемому словаремъ». Стало быть, это уже противорѣчитъ мнѣнію, высказанному редакціей выше, что не слѣдуетъ «въ одномъ трудѣ соединять періоды историческаго развитія языка». Мы такъ быстро шли впередъ по пути этого развитія въ послѣднія сто лѣтъ, что множество словъ даже екатерининскаго времени и особенно ихъ формы и значеніе, теперь уже давно забыты и брошены. Но допустивъ ихъ даже въ словарь, необходимо оговорить, что они вышли изъ употребленія, а этого редакція не дѣлаетъ. Такъ, она помѣщаетъ слово аѳей, аѳеизмъ, потому что Пушкинъ въ двухъ письмахъ своихъ молодыхъ годовъ употребилъ эту неправильную по выговору форму. Но не говоря уже о томъ, что относительно правописанія поэтъ нашъ былъ не безъ грѣха, къ чему дѣлать особыя слова, когда тутъ же приведены атей, атеизмъ? Вѣдь ужъ если хотѣлось редакціи указать, что Пушкинъ употребилъ другую форму этого слова, можно было упомянуть объ этомъ при словѣ атей, а то при немъ сказано: сравни аѳей. Но вѣдь если

это слово попадется въ словарѣ иностранцу, изучающему русскій языкъ, развѣ не можетъ онъ подумать, что такъ слѣдуетъ писать и произносить и теперь, такъ какъ у этого слова нѣтъ никакой ссылки, что оно не общеупотребительно. Въ толковомъ словарѣ Даля нѣтъ и помину объ аѳеяхъ, какъ не слѣдовало бы имъ давать мѣсто и въ словарѣ живого русскаго языка.

Допуская въ этомъ словарѣ славянскія и областныя слова, употребляемыя въ литературномъ языкѣ, редакція говоритъ, что лучше въ этомъ случаѣ давать лишнее, чѣмъ опускать, объ излишествѣ чего могутъ быть спорныя мнѣнія. Съ этимъ можно согласиться по отношенію къ отдѣльнымъ кореннымъ, но не къ производнымъ словамъ. А такихъ пришлыхъ, производныхъ спорныхъ словъ — очень много. Возьмемъ хоть въ концѣ другой буквы В слово бѣлый, отъ котораго производится множество словъ. Почему словарь помѣщаетъ бѣлёхонекъ и бѣлёшенекъ, а не бѣлёхонькій и бѣлешенькій; затѣмъ идутъ сложные: бѣлобокій, бѣлобрюхій, бѣлорукій, бѣломордый, и др. Отчего же нѣтъ бѣлорылаго, бѣлоногаго, бѣлорогаго, бѣлоносаго, бѣлошейнаго? Можно и еще набрать такихъ сложныхъ словъ. Ихъ нѣтъ и у Даля, за то у него въ «гнѣздѣ» бѣлый — множество областныхъ словъ, обставленныхъ поговорками и пословицами, на которыя не очень щедръ академическій словарь, имѣющій за то полное основаніе хвалиться примѣрами употребленія многихъ словъ нашими лучшими писателями. Это не замѣняетъ, конечно, отсутствія такихъ характерныхъ пословицъ, какъ напримѣръ, при словѣ Богъ: «Богъ-то Богъ, да не будь самъ плохъ», но обиліе цитатъ изъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова и даже новѣйшихъ писателей вознаграждаетъ за бѣдность народныхъ поговорокъ. Во всякомъ случаѣ скорѣе можно было выбросить этихъ бѣломордыхъ и бѣлорукихъ, чѣмъ слова—вырытіе, вырѣзаніе, выжженіе и т. п., которыя редакція называетъ только возможными. Изъ техническихъ и научныхъ терминовъ въ словарь внесены выраженія, встрѣчающіяся во вседневномъ быту; то же правило соблюдено и по отношенію къ словамъ иностраннаго происхожденія; напрасно только редакція говоритъ, что эта отрасль лексикографіи у насъ слишкомъ бѣдна; напротивъ, у насъ не мало сборниковъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, да и наши энциклопедическіе словари переполнены такими словами. Всѣ слова, начинающіяся съ буквы *а*, у насъ заимствованныя, кромѣ ась и авось. Редакція присоединяетъ къ нимъ: алый и алкать, но ал потатарски значитъ красный. Даль принимаетъ еще: акать, аукать, ахать, но они происходятъ отъ междометій, свойственныхъ всѣмъ языкамъ. Собственныхъ именъ въ словарѣ нѣтъ, допущены только этнографическія. Всего слабѣе въ новомъ словарѣ опредѣленіе дѣленія словъ (оно гораздо точнѣе, обширнѣе и толковѣе у Даля) и объясненіе происхожденія словъ. Этимологическими свѣдѣніями словарь не блеститъ, и редакція прямо заявляетъ, что онъ имѣетъ преимущественно характеръ практическій. Но и въ справочной книгѣ научныя данныя — далеко не лишнія, а составъ редакціи словаря таковъ, что въ ней участвуютъ достаточныя ученыя силы. Черновая работа поручена четыремъ молодымъ ученымъ, затѣмъ въ засѣданіяхъ второго отдѣленія коректурные листы просматриваютъ 5 академиковъ подъ предсѣдательствомъ Я. К. Грота; листы разсылаются потомъ членамъ другихъ отдѣленій и извѣстнымъ лицамъ внѣ академіи. Кромѣ этого, множество добровольцевъ присылаютъ свои замѣча-

нія, и дѣло, поставленное такимъ образомъ на твердую почву, ведется вполнѣ основательно и добросовѣстно. Необходимо только, чтобы оно быстро подвигалось впередъ, хотя редакція и говоритъ, что это невозможно при такой сложной работѣ. Но неужели нельзя найти средствъ къ ускоренію изданія, въ которомъ участвуетъ столько вполнѣ компетентныхъ лицъ? Академія, побуждаемая Николаемъ I, въ шесть лѣтъ составила первый словарь: онъ вышелъ очень плохъ, но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло 44 года. Во сколько же лѣтъ еще дождемся мы появленія новаго словаря?

Вл. З.

Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. (Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу). Составилъ преподаватель Нижегородской классической гимназіи и педагогическаго класса Нижегородской Маріинской женской гимназіи, А. Кролюницкій. М. 1892.

Мы жадно схватились за эту книгу, предполагая въ ней найти практическое руководство къ преподаванію исторіи въ классѣ... Мы имѣли полное право ожидать этого отъ учителя, который даже и самъ, на обертвѣ своего труда, сообщаетъ намъ, что онъ преподаетъ и въ классической мужской гимназіи, и въ педагогическомъ классѣ женской гимназіи... Практическія указанія стараго опытнаго учителя, много лѣтъ преподающаго свой предметъ юношеству обоего пола, могутъ быть чрезвычайно важны и въ высшей степени назидательны, именно какъ матеріалъ для методики предмета. Но— увы! —заглавіе книги, весьма заманчивое, привело насъ къ горькому разочарованію! Въ книгѣ г. Кролюницкаго мы нашли не «Опытъ методики элементарнаго курса исторіи», а только опытъ составленія толстой книги изъ чужихъ статей съ нѣкоторымъ добавленіемъ никому ненужныхъ собственныхъ размышленій. Вмѣсто того, чтобы просто и безпритязательно ознакомить насъ съ тѣмъ, какъ онъ самъ преподавалъ исторію своимъ ученикамъ, какъ «проработывалъ» съ ними курсъ по программамъ и учебникамъ, г. Кролюницкій съ замѣчательнымъ усердіемъ собралъ въ одну обложку отрывки и выписки изъ разныхъ авторовъ-педагоговъ о преподаваніи исторіи, о различныхъ методахъ его, о задачахъ и цѣляхъ изученія исторіи и т. д. Мы бы еще поняли и даже оцѣнили бы усердіе г. Кролюницкаго, если бы онъ представилъ намъ сборникъ мнѣній и отзывовъ о преподаваніи исторіи, высказанныхъ великими учеными, знаменитыми педагогами и классическими авторами обширныхъ историческихъ трудовъ... Но мы рѣшительно не можемъ себѣ представить, кому, напримѣръ, могутъ быть полезны или даже нужны мнѣнія о преподаваніи исторіи, высказанныя г. Беллярминовымъ (авторомъ весьма плохихъ учебниковъ) или такими авторитетами, какъ гг. Сиповскій, Михайловскій, Овсянниковъ или Никольскій? Кому могутъ быть полезны длинныя выписки изъ старыхъ педагогическихъ журналовъ и изъ педагогическаго отдѣла «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»? Какому педагогу могутъ быть назидательны хоть бы такія умствованія г. Стасюлевича: «Прошедшее знать точно также трудно, какъ и будущее (!?); если увѣренность въ непреложности нѣкоторыхъ общественныхъ законовъ

доставляетъ намъ возможность говорить о вѣроятности того, что можетъ случиться, то для познанія прошедшаго мы не имѣемъ и такого удобства» и т. д.

А вотъ еще образецъ ненужныхъ разглагольствованій о «сагѣ»: «Сага по своимъ свойствамъ есть лучшее средство для возбужденія въ ученикахъ интереса къ исторіи и по своей внутренней истинѣ она вполнѣ способна пролить яркій свѣтъ на отдѣльные, сами по себѣ (?) темные періоды исторіи. Такъ разсуждая (?), вполнѣ невозможно (sic!) изгнать сагу совсѣмъ изъ школы по важности ея (саги или школы?) для исторіи». Смѣемъ увѣрить г. Кролюницкаго, что, «такъ разсуждая», можно довести учителя до полнѣйшаго одуренія!

Но, можетъ быть, приведенныя нами цитаты изъ книги г. Кролюницкаго представляютъ неудачныя выдержки изъ общеизвѣстнаго педагогическаго матеріала! Можетъ быть, тамъ, гдѣ г. Кролюницкій говоритъ «самъ отъ себя», онъ сообщаетъ нѣчто важное въ смыслѣ методики преподаванія и это «важное» излагаетъ ясно, точно и кратко, какъ подобаетъ хорошему преподавателю. Открываемъ стр. 355 и въ статьѣ «о личности и обязанностяхъ учителя» находимъ цѣлый рядъ курьезовъ, допущенныхъ г. Кролюницкимъ въ разсужденіи на эту важную тэму:

«Кромѣ знанія предмета на столько, на сколько это необходимо при требованіяхъ отъ учителя, какъ преподавателя (?), учитель долженъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать свѣдѣній, по мѣрѣ того, какъ будетъ расширяться его взглядъ. Жалкое будетъ (?) положеніе того учителя, который знаетъ только то, что необходимо для его преподаванія, и котораго дальнѣйшее развитіе вопроса (какого ?) можетъ поставить въ затрудненіе»... «Если ученики должны быть введены въ самую жизнь исторіи (sic!), то учитель долженъ стараться пріобрѣсти гораздо больше этого свѣдѣній»... Какой ужасный сумбуръ и какой невѣроятный языкъ! Если г. Кролюницкій преподаетъ исторію своимъ ученикамъ и ученицамъ такимъ языкомъ и съ такою же ясностью, то мы можемъ только пожалѣть объ учащихся. Еще болѣе жалѣемъ о томъ времени, которое авторъ потратилъ на составленіе своей безполезной и никому ненужной книги. П. П.

„Библіографическія записки". № 1. Москва. 1892. „Посредникъ печатнаго дѣла". № 1. Спб. 1892.

До настоящаго времени у насъ существовали два изданія, посвященные библіографіи, именно «Библіографъ», издающійся восьмой годъ, и «Книжный Вѣстникъ». Въ текущемъ году начали выходить еще два подобные же журнала: «Библіографическія Записки» и «Посредникъ печатнаго дѣла», начертавшій почему-то на своей обложкѣ: «изданія годъ второй». «Библіографическія Записки» поставили своей задачей занять мѣсто извѣстнаго журнала съ такимъ же заглавіемъ, который издавался въ 1858, 1859 и 1861 гг. и въ ожиданіи «болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ» прекратился. Эти «болѣе благопріятныя обстоятельства», по мнѣнію редакціи новаго журнала, наступили теперь, и это видно изъ того, что «стало возможнымъ одновременное существованіе трехъ библіографическихъ журналовъ» (стр. 4). Редакція немного самоувѣренно говоритъ о будущемъ. Вопросъ вѣдь еще возможно ли будетъ это существованіе, да и что это будетъ за существованіе? Впрочемъ, это покажетъ будущее. Относительно настоящаго

можно сказать слѣдующее. Первая книжка «Библіографическихъ Записокъ» составлена недурно, хотя особеннаго ничего въ себѣ не заключаетъ. Журналъ распадается на нѣсколько отдѣловъ. Въ первомъ помѣщены статьи, во второмъ—критическія замѣтки, затѣмъ опять статьи, хроника, вопросы съ отвѣтами и смѣсь. Изъ статей наиболѣе важными нужно назвать работы Д. Языкова: «Писатели и писательницы, умершіе въ 1891 году» (стр. 33 — 38) и «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей за 1887 годъ», помѣщенный въ приложеніи. Статья г. Остроглазова о С. Д. Полторацкомъ, снабженная портретомъ Полторацкаго, имѣетъ значеніе главнымъ образомъ по библіографическимъ указаніямъ, собраннымъ очень тщательно. Н. В. Сторожевъ сообщилъ «два челобитья», найденыя имъ въ архивѣ министерства юстиціи, имѣющія историко-юридическій интересъ и значеніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній крестьянства и дворянства во второй половинѣ XVII вѣка. Интересна также замѣтка Ѳ. И. Булгакова—«Новое объ изобрѣтеніи книгопечатанія», говорящая о томъ, что Гуттенбергъ еще до 1440 г. печаталъ отдѣльными литерами. Въ замѣткѣ г. Снегирева «Первинка русскаго книгопечатанія» сказано нѣсколько словъ по поводу **такъ называемаго** первопечатнаго апостола 1564 г., причемъ не упомянуто даже мнѣніе Викторова, который не считаетъ этого апостола первопечатнымъ и доказываетъ, что лѣтъ десять до него въ Москвѣ печатались книги. Что же касается до статей г. Варсова, если только ихъ можно назвать статьями, то онѣ, кажется, сводятся къ тому лишь, чтобы сказать, хоть самому о себѣ: «Обширное собраніе Варсова, по числу рукописей равняющееся книгохранилищу Погодина, а по систематичности собранію Ундольскаго, отличается наилучшимъ подборомъ списковъ» (стр. 6).

Другой библіографическій журналъ «Посредникъ» вышелъ въ Петербургѣ и, помимо «Посредника печатнаго дѣла», называется еще: «ежемѣсячный иллюстрированный журналъ издательской дѣятельности и графическихъ искусствъ». О содержаніи его говорить довольно мудрено, такъ какъ онъ совершенно безсодержателенъ. На первомъ мѣстѣ напечатанъ высочайшій манифестъ о смерти великаго князя Константина Николаевича, который можно найдти во всѣхъ газетахъ, затѣмъ хроника, каталогъ, рецензіи, объявленія. Очень жаль, что мы не имѣемъ возможности переписать здѣсь замѣтокъ г. Книгоѣда: «Нашъ книжный антикваріатъ», «Издательское дѣло въ 1891 г.» и др. Авторъ, напримѣръ, дѣлая обзоръ науки и литературы за прошлый годъ, не нашелъ тамъ ровно ничего выдающагося и самымъ серьезнымъ, авторитетнымъ образомъ заявляетъ: «Наука еще кое-что дала въ минувшемъ году, но **популярныхъ книгъ, да притомъ съ дѣльнымъ содержаніемъ, очень не много**». Здѣсь же, кромѣ того, приведено описаніе «Географіи Варенія 1718 г.», уже описанной Пекарскимъ, и «Практическое руководство для корректора», который, какъ видно изъ руководства, долженъ быть человѣкомъ всесторонне образованнымъ, «отлично знать типографское дѣло, долженъ обладать обширными познаніями по грамматикѣ, географіи, орѳографіи, исторіи, знать основные элементы математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ». Нужно ли такому человѣку руководство «Посредника», не знаемъ. Думаемъ, что врядъ ли оно ему понадобится. Судя же по первой книжкѣ журнала, можно думать, что тамъ не только корректора, но, кажется, и редактора съ такими познаніями нѣтъ. В. Б.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. 1791—1891. Критико-біографическій очеркъ Виктора Острогорскаго. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали. Спб. 1891.

20-го сентября прошлаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія С. Т. Аксакова, и настоящій «очеркъ» составляетъ приложеніе къ юбилейному изданію (Н. Г. Мартынова) сочиненій знаменитаго автора «Семейной хроники» и «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука». Этотъ «очеркъ», подобно другимъ этюдамъ о русскихъ писателяхъ В. П. Острогорскаго (о Гончаровѣ, Помяловскомъ, Лермонтовѣ), не есть научный трудъ, разсчитанный на спеціалистовъ, а представляетъ собою мастерское популярное изложеніе общеизвѣстнаго біографическаго матеріала, почерпнутаго главнымъ образомъ изъ произведеній самого Аксакова, съ указаніемъ историко-литературнаго значенія сочиненій названнаго автора.

«Отецъ двухъ высоко даровитыхъ сыновей, Константина и Ивана Сергѣевичей, наиболѣе горячихъ и искреннихъ представителей славянофильства Сергѣй Тимоѳеевичъ представляетъ въ нашей литературѣ явленіе совершенно особенное, оригинальное. Между тѣмъ, какъ крупнѣйшіе представители ея, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ, и многіе другіе еще въ молодости составляютъ себѣ громкое имя и сходятъ въ могилу, не достигши даже пятидесяти лѣтъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, кое-что только переводившій для театра да пописывавшій незначительныя театральныя рецензіи, вдругъ на 56 году жизни выступаетъ съ оригинальной книгой «Записки объ уженьѣ рыбы», обратившей на себя общее вниманіе, а 65 и 67 лѣтъ, на краю могилы, выпускаетъ въ 1856 и 1868 гг. «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы Багрова-внука», сразу поставившіе его въ рядъ самыхъ крупныхъ представителей русской художественной литературы». Чѣмъ объясняется это странное на первый взглядъ явленіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ біографія С. Т. Аксакова. Безспорно, онъ былъ крупный художникъ по натурѣ. Съ ранняго дѣтства, когда онъ начинаетъ себя помнить, онъ является ребенкомъ крайне воспріимчивымъ, чувствительнымъ, съ сильнымъ воображеніемъ. «Всего болѣе художественность этой натуры обнаруживается въ отношеніяхъ къ природѣ, во всѣхъ этихъ уженьяхъ, ловлѣ птицъ, собираніи бабочекъ, насѣкомыхъ, грибовъ, растеній. Эта природа наполняетъ главнымъ образомъ духовный міръ ребенка, давая ему на всю жизнь множество разнообразныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній, дѣлаетъ его до конца дней самымъ страстнымъ и неизмѣннымъ своимъ поклонникомъ. Къ этой природѣ постоянно рвется онъ изъ гимназіи, мечтая до галлюцинацій о деревнѣ и любимыхъ занятіяхъ; въ ней находитъ и впослѣдствіи радость и утѣшеніе и ждетъ не дождется, когда удастся вырваться изъ города на широкій ея просторъ». Здоровое чувство природы, никогда не оставлявшее Аксакова, сберегло въ немъ художника, который и выразился прежде всего въ разсказахъ о природѣ.

Поздно сказавшееся художественное дарованіе Аксакова было какъ бы усыплено, заглушено втеченіе продолжительнаго періода его жизни, благодаря вліянію сначала домашней и школьной обстановки, а потомъ ложноклассической литературы и ея адептовъ, среди которыхъ такъ долго вращался нашъ писатель. Такъ, въ пору наибольшей воспріимчивости ко всему новому, въ пору юношескихъ порывовъ ко всему свѣжему и оригинальному,

Сергѣй Тимоѳеевичъ всецѣло находился подъ ферулою сухаго педанта Карташевскаго. Этотъ менторъ возмущался любовью мальчика къ природѣ и тщательно охранялъ его отъ знакомства съ новыми литературными теченіями, воспитывая его вкусъ на сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Дмитріева, Капниста и т. п. Изъ иностранныхъ книгъ были допущены «малопонятныя для тринадцатилѣтняго мальчика проповѣди придворныхъ проповѣдниковъ Людовика XIV, Массильона, Бурдалу и даже Флешье, смерть Авеля Геснера и его же слащавыя идилліи, лишенныя всякой естественности и оригинальности, да сказки Шехерезады съ Векфильскимъ священникомъ, уже извѣстныя Аксакову въ русскомъ переводѣ, и Донъ-Кихотомъ... Ни съ Шиллеромъ, ни съ Гете, ни съ Лессингомъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Мольеромъ, и тѣмъ болѣе Бомарше, ни даже съ Бернарденомъ де-Сенъ-Пьеромъ или Лесажемъ,—словомъ, ни съ кѣмъ почти изъ лучшихъ иностранныхъ писателей познакомить его не было признано нужнымъ». Результатомъ подобныхъ условій первоначальнаго развитія было увлеченіе Аксакова ложнымъ классицизмомъ и «всякими литературными и театральными пустяками», преклоненіе предъ Шишковымъ, ненависть къ Карамзину, индиферентизмъ къ Пушкину, Лермонтову и т. п.

Первымъ проявленіемъ художественнаго таланта Сергѣя Тимоѳеевича былъ небольшой разсказъ «Буранъ», появившійся въ сборникѣ Максимовича «Денница» (1834 г.). «Не зная, что бы такое дать въ книжку пріятеля, неотступную просьбу котораго хотѣлось исполнить, Сергѣй Тимоѳеевичъ попробовалъ вспомнить о слышанномъ еще въ дорогомъ ему Оренбургскомъ краѣ разсказѣ о пострадавшемъ въ метель обозѣ, и вотъ явилась статейка, съ которой и начинается художественная дѣятельность писателя. Интересно при этомъ то обстоятельство, что статейку первый, не зная, кто ее написалъ, замѣтилъ и оцѣнилъ по достоинству не кто иной, какъ редакторъ «Московскаго Телеграфа» Н. А. Полевой, котораго Сергѣй Тимоѳеевичъ такъ не любилъ и даже «прижималъ», будучи цензоромъ». Въ числѣ факторовъ, повліявшихъ на выступленіе Сергѣя Тимоѳеевича на настоящую литературную дорогу, г. Острогорскій указываетъ на успѣхъ разсказика «Буранъ», понравившагося также и Гоголю, увлеченіе сочиненіями послѣдняго, повѣсти Пушкина, новые взгляды на искусство, проникшіе въ Аксаковскую семью съ поступленіемъ Константина въ университетъ. И вотъ «болѣе полвѣка таившійся въ человѣкѣ художникъ не только воспрянулъ для всѣхъ совершенно неожиданно, но и развернулъ, хотя и на закатѣ жизни, свой талантъ во всю ширь и глубь въ кругу матеріала, близко знакомаго автору и столь любимаго имъ съ дѣтства. Значеніе Аксакова, какъ писателя, опредѣляется г. Острогорскимъ такимъ образомъ: «Онъ очень любилъ міръ Божій, болѣе всего родину, а въ ней природу и человѣка. Богъ далъ ему великій даръ писать просто и душевно. Долго, до старости, не чуялъ онъ въ себѣ этого дара, но, почуявъ, разсказалъ о томъ, что зналъ и любилъ. И оставилъ онъ намъ чудные разсказы о родныхъ степяхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, лѣсахъ, поляхъ, метеляхъ и вьюгахъ, о красѣ весны и лѣта; разсказы, какъ живетъ рыба, дичь, звѣрь и, наконецъ, и о томъ, какъ жили, или, вѣрнѣе, прозябали среди этой природы въ сытомъ бездѣльѣ, на готовомъ хлѣбѣ, добытомъ тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, старинные простые русскіе люди, посвоему, непосредственно, стихійно чувствуя, не задаваясь никакими вопросами, не мучаясь никакими сомнѣніями. С. Т.

Аксаковъ—нашъ вполнѣ національный русскій поэтъ безъ рефлекса и пытливаго анализа, непосредственно созерцающій жизнь и дающій намъ вѣрныя ея изображенія, согрѣтыя чувствомъ теплой любви. Изображенія эти немногочисленны, не разнообразны, но зато все, что онъ далъ, исчерпано до глубины и тонкости поразительной, и притомъ такъ, что и этой природы, и этого наивнаго изображеннаго имъ человѣка не полюбить нельзя».

С.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга восьмая. М. 1891.

Кому неизвѣстна пословица: «у живаго человѣка и думы о живомъ»? Пословица совершенно справедливая, потому что «живой» рѣдко думаетъ о чемъ нибудь, отвлеченномъ отъ жизни. По отношенію къ представителямъ ученаго сословія эту же самую пословицу можно было бы нѣсколько видоизмѣнить: можно было бы сказать, что «у живаго человѣка самый сухой трудъ бываетъ живымъ», и пословица осталась бы совершенно вѣрною и въ этомъ примѣненіи. Эта мысль приходила намъ постоянно въ голову при выходѣ въ свѣтъ отдѣльныхъ книгъ «Описанія документовъ и бумагъ», издаваемаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи. Съ величайшимъ вниманіемъ просматривая отъ начала до конца каждую изъ книгъ «Описанія», мы постоянно благодарили мысленно главнаго виновника всей этой вполнѣ разумной ученой затѣи—того «живаго» русскаго человѣка, который съумѣлъ разрѣшить одну изъ весьма мудреныхъ задачъ: съумѣлъ простому «Описанію документовъ и бумагъ» архива придать живую и привлекательную форму. Съ глубокою грустью подумали мы, вскрывая восьмую книгу «Описанія», что главнаго виновника и вдохновителя столь полезнаго изданія уже нѣтъ на свѣтѣ: эта восьмая книга была въ полномъ смыслѣ слова «лебединою пѣснею» Н. А. Попова! Будетъ ли и послѣ него продолжаться это полезное и прекрасное изданіе, для котораго онъ съумѣлъ найти столько талантливыхъ молодыхъ дѣятелей, или заглохнетъ при новомъ архивномъ начальствѣ, какъ глохнутъ на Руси многія прекрасныя начинанія?—вотъ вопросъ, которымъ мы задавались теперь, перелистывая восьмую книгу «Описанія»...

Въ этой восьмой книгѣ «Описанія» находимъ въ началѣ чрезвычайно любопытную работу: «Краткій обзоръ ученыхъ занятій, совершенныхъ посторонними лицами и вѣдомствами на основаніи документовъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи». Этотъ обзоръ состоитъ изъ двухъ главъ. Первая заключаетъ въ себѣ очеркъ занятій частныхъ лицъ въ архивѣ; во второй главѣ разсмотрѣны изданія постороннихъ вѣдомствъ и учрежденій, пользовавшихся документами архива. Весь этотъ обзоръ представляетъ собою любопытную и важную страницу въ исторіи развитія русской исторической литературы. Въ какой степени изученіе рукописнаго матеріала быстро развивается и привлекаетъ все большій и большій кругъ новыхъ дѣятелей къ архивнымъ работамъ, — мы это видимъ изъ сопоставленія цифръ, приводимыхъ въ «Краткомъ обзорѣ». Оказывается, что втеченіе 48-ми-лѣтняго существованія архива въ немъ занималось 269 человѣкъ; но втеченіе первыхъ 10 лѣтъ занимавшихся въ архивѣ было всего только шестеро, а въ настоящее время ихъ ежегодно бываетъ не менѣе 30 человѣкъ!

Во второмъ отдѣлѣ «Описанія», кромѣ окончанія статьи, начатой въ предшествующей книгѣ («Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива»), помѣщена весьма интересная статья: «**Каменный приказъ и его дѣла**» (съ 1775 до 1783 г.). Статья знакомитъ насъ съ дѣятельностью этого важнаго и мало извѣстнаго учрежденія, которому временно даны были большія полномочія и придано важное значеніе. Эта дѣятельность была вызвана главнымъ образомъ страшными московскими пожарами, которые вынудили правительство принять мѣры и по застройкѣ пожарищъ, безобразившихъ городъ, и по приведенію улицъ города въ порядокъ, на основаніи правильно выработаннаго плана, и по заготовкѣ такихъ матеріаловъ, которые, при постройкѣ домовъ, уже обезпечивали бы ихъ до нѣкоторой степени отъ послѣдующихъ пожаровъ. Въ обязанность «Каменному приказу» были вмѣнены — съемка генеральнаго плана Москвы и отдѣльныхъ плановъ разныхъ ея частей, урегулированіе рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ по Москвѣ, наблюденіе за постройками и вообще благоустройствомъ города, и даже наблюденіе за фабричнымъ изготовленіемъ безопасныхъ въ пожарномъ отношеніи матеріаловъ (кирпичей и черепицъ). Статья сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ «архитектурномъ классѣ и школѣ», существовавшей при Каменномъ приказѣ, объ отношеніяхъ приказа къ полиціи, которая «препятствовала», а не способствовала выполненію мѣропріятій приказа по благоустройству города, а также даетъ намъ возможность заглянуть въ ту «старую Москву», которая была полнехонька грязи и зловонія и представляла собою весьма удобную почву для развитія всякихъ заразныхъ элементовъ.

Помѣщенный вслѣдъ за статьею о «**Каменномъ приказѣ**» сборникъ «писемъ современниковъ къ боярину И. А. Мусину-Пушкину» дополняетъ нѣсколькими немаловажными чертами характеристики уже извѣстныхъ дѣятелей Петровской эпохи. Въ заключеніе восьмой книги «Описанія» помѣщена статья Г. Сторожева «**Десятни и тысячная книга XVI вѣка**», знакомящая насъ съ важными сторонами внутренняго строя древней Руси, съ подробностями обстановки нашего военнаго быта и съ весьма пестрымъ составомъ служилаго сословія.

Въ общемъ своемъ составѣ восьмая книга «Описанія» производитъ на читателя такое же впечатлѣніе, какъ и первыя книги этой серіи отдѣльныхъ изслѣдованій по различнымъ отраслямъ матеріала, хранимаго въ архивѣ. Приходится, конечно, признать всѣ восемь книгъ этого «Описанія» одинаково важнымъ научнымъ подспорьемъ и справочнымъ фондомъ для каждаго занимающагося изученіемъ быта и старины русской. П. П.

Н. М. Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ за январь. Печатано подъ наблюденіемъ П. Н. Полеваго. Спб. 1892.

Всѣ наши журналы, за исключеніемъ двухъ, трехъ ежемѣсячныхъ, имѣющихъ руководящее значеніе, ведущихъ за собой публику, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы градусниками развитія большинства, такъ какъ отражаютъ въ себѣ почти всѣ интересы этого большинства. Они слѣдятъ за интересами массы и стараются удовлетворить ихъ, не заботясь нисколько о томъ, чтобы дать этимъ интересамъ то или другое направленіе.

Особенно отличаются этимъ наши еженедѣльные иллюстрированные журналы и журнальчики, дающіе до тысячи безплатныхъ приложеній. Нравятся публикѣ олеографіи—даютъ олеографіи, надоѣли олеографіи—даютъ альбомы, ноты, моды, выкройки и т. д., и т. д. Въ настоящее время среди этихъ безплатныхъ приложеній мы начинаемъ встрѣчать уже нѣчто иное, нѣчто болѣе серьезное. Такъ, напримѣръ, многіе изъ журналовъ въ прошломъ году дали сочиненія Лермонтова, причемъ одно изданіе, именно изданіе журнала «Нива», оказалось лучшимъ изъ всѣхъ юбилейныхъ изданій въ этомъ году тотъ же журналъ въ числѣ приложеній даетъ собраніе стихотвореній Грибоѣдова, Полежаева и Козлова, журналъ «Сѣверъ» въ качествѣ приложенія даетъ капитальный трудъ Н. М. Карамзина «Исторія государства Россійскаго»... Все это чрезвычайно отрадные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что въ массѣ начинаютъ пробуждаться болѣе серьезные интересы, что, читая всевозможные переводные романы, публика можетъ читать уже и Карамзина. Это большой шагъ впередъ.

Что касается до самаго изданія капитальнаго труда Н. М. Карамзина, то, какъ можно судить по первому тому, оно сдѣлано очень удовлетворительно. «Въ текстѣ Карамзина, по словамъ редактировавшаго изданіе г. Полеваго, не измѣнено ни одной буквы, не переставлено и не выпущено ни одно примѣчаніе, сохранена вполнѣ и его ореографія»... Внѣшность также очень хороша.

Загадывать впередъ, конечно, трудно, но, кажется, редакція «Сѣвера» не предполагаетъ издать указатель къ Карамзину, что было бы очень важно. Вотъ что писалъ еще Пушкинъ по поводу указателя или «ключа» къ «Исторіи государства Россійскаго», изданнаго Строевымъ: «Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. «Ключь» составленъ по второму изданію «Исторіи государства Россійскаго», «самому полному и исправному», пишетъ г. Строевъ. Издатели «Исторіи государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина» (Собр. соч., изд. 2-е, А. С. Суворина, т. IX, стр. 499). Хорошо было бы, если бы редакція «Сѣвера» вняла совѣту А. С. Пушкина. В. Б.

Вл. Штейнъ. Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Литературный очеркъ. Спб. 1891.

Авторъ этого очерка извѣстенъ въ нашей литературѣ замѣчательною монографіею Шопенгауера, появившеюся въ 1887 году. Вѣроятно, сочувствіе русскаго автора к теорія нѣмецкаго пессимиста заставили его обратить вниманіе и на итальянскаго поэта, приверженца идеи, что міръ—грязь, все въ немъ зло и тлѣнъ, а нормальный удѣлъ человѣчества—страданіе. Г. Штейнъ начинаетъ съ того, что такого поэта «міровой скорби», какими были Байронъ, Ламартинъ, Мюссе и Лермонтовъ, у насъ знаютъ мало и только по отрывкамъ. Но, не говоря уже о томъ, что нельзя называть ни исключительно, ни преимущественно, поэтами міровой скорби ни Ламартина, ни Мюссе, ни Лермонтова,—утвержденіе, что у насъ мало знаютъ Леопарди, неосновательно. Кромѣ переводовъ его лучшихъ стихотвореній и избранныхъ діалоговъ изъ «Operette morali», помѣщенныхъ въ «Пантеонѣ иностранной литературы», у насъ есть подробныя характеристики поэта въ добросовѣстной

и напрасно забытой «Исторіи итальянской литературы» В. Костомарова (1863, 3 выпуска), въ «Исторіи всемірной литературы» В. Зотова (1878 года, томъ II-й), даже въ весьма поверхностной «Исторіи національной литературы» М. Пинто, составленной по лекціямъ автора, читаннымъ въ Петербургскомъ университетѣ (1869 г.). Не мало есть отдѣльныхъ статей и монографій, въ которыхъ представлена оцѣнка поэта, какъ очеркъ В. Павловскаго «Леопарди» въ «Запискахъ для чтенія» (1867 г., № 12), С. Н. «О современной итальянской литературѣ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1864 г., Л. Бранди «Современные итальянскіе поэты», въ «Русскомъ Словѣ» 1864 г., № 3 и др. Г. Штейнъ добросовѣстный монографъ, онъ перечиталъ все, что явилось въ печати иностранной о предметѣ своего изслѣдованія, но объ русскихъ изслѣдователяхъ не говоритъ ни одного слова. Конечно, ихъ этюды о Леопарди не такъ обширны, какъ итальянскіе, французскіе и нѣмецкіе, мы дѣйствительно знаемъ его только по отрывкамъ, но нужно ли намъ знакомство со всѣми его произведеніями,— это вопросъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться. Знать все, что написалъ всякій выдающійся авторъ, имѣть полную оцѣнку его трудовъ пріятно и полезно для критика и историка литературы, для спеціалиста, а много ли ихъ не только у насъ, но и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ? Масса даже высоко образованной публики не считаетъ себя обязанною подробно изучать каждаго писателя: ей достаточно его общей характеристики, знакомства съ его главными трудами; она знаетъ далеко не все, что создали даже такіе міровые писатели, какъ Данте, Шекспиръ, Сервантесъ, Мольеръ, Гете, Байронъ, и это потому, что и у нихъ есть много слабыхъ вещей, не стоющихъ изученія. Леопарди даровитый писатель, но не создалъ ничего ярко выдающагося глубиною дарованія, а его міровоззрѣніе идетъ въ разрѣзъ съ идеалами романской расы, и тѣмъ болѣе съ убѣжденіями русскаго человѣка Библіографія всѣхъ сочиненій Леопарди занимаетъ въ изданіи Капеллети, далеко не полномъ, до восьми печатныхъ листовъ, неужели намъ надо знать все это? Въ 55 лѣтъ послѣ смерти поэта явилось въ западной литературѣ столько писателей, что не только подробное, но и поверхностное знакомство съ ними дѣлается немыслимымъ для самаго усерднаго любителя литературы. Въ это же время вышло нѣсколько монографій Леопарди на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ. Г. Штейнъ разбираетъ ихъ подробно; но онъ пишетъ порусски, стало быть, для гораздо меньшаго круга и менѣе образованныхъ читателей, — думаетъ ли онъ, что его этюдъ заинтересуетъ ихъ? Кого имѣлъ онъ въ виду, составляя свою монографію, въ которой много говорится о произведеніяхъ Леопарди въ такомъ тонѣ, какъ будто они должны быть извѣстны русскому человѣку, оставляетъ безъ перевода итальянскія цитаты, забывая, что съ этимъ языкомъ у насъ мало знакомы. Онъ даже и Нибура цитируетъ полатини безъ перевода. Кому это нужно? Вѣдь переводитъ же авторъ съ нѣмецкаго мнѣнія историка о Леопарди.

Книга составлена чрезвычайно добросовѣстно: въ пяти главахъ ея изложены дѣтство и юношескіе годы писателя, эпоха его оживленной литературной дѣятельности, послѣдніе годы, изложеніе его философской теоріи и оцѣнка трудовъ и значенія. Кажется, что можетъ быть полнѣе! Авторъ подробно разбираетъ всю внутреннюю жизнь Леопарди, слѣдитъ за развитіемъ его мыслей, настроеніемъ духа, измѣненіемъ въ характерѣ, за всѣми внѣшними перипетіями его несложной біографіи, подкрѣпляя все это многочисленными цитатами, взятыми изъ недавно изданной переписки поэта и послѣднихъ

этюдовъ о немъ. Все это, до извѣстной степени, интересно и представляетъ характеристику его, какъ человѣка, хотя и далеко не полную. Неполнота эта происходитъ отъ двухъ причинъ: г. Штейнъ смотритъ на Леопарди, какъ на философа, тогда какъ онъ прежде всего поэтъ, а потомъ авторъ разбираетъ его преимущественно съ психической, а не эстетической стороны, и разбираетъ не его литературныя произведенія, а ученые, критическіе и политическіе взгляды. Отъ этого характеристика Леопарди является отрывочною, незаконченною, неясною. Кромѣ того, авторъ, пишущій вообще тяжелымъ языкомъ, часто отзывается о своемъ героѣ въ неопредѣленныхъ выраженіемъ. Даже о болѣзни писателя, имѣвшей такое вліяніе на развитіе въ немъ мрачныхъ идей, авторъ говоритъ неясно, хоть и упоминаетъ, что онъ «страдалъ физическимъ порокомъ, которому былъ подверженъ и нашъ Гоголь». Между тѣмъ еще въ дѣтствѣ у него появились симптомы тяжелой болѣзни— размягченія костей, имѣвшей вліяніе на его ростъ, мучившей его всю жизнь. Объ этомъ г. Штейнъ не говоритъ, такъ же какъ о томъ, что Леопарди умеръ дѣвственнымъ, потому что, по словамъ его итальянскихъ біографовъ, не былъ рожденъ для любви. Онъ, однако, влюблялся два раза, и конечно оба раза былъ отвергнутъ. Графиня Мальвеци, по словамъ г. Штейна, не нашла его достаточно забавнымъ, — странный эпитетъ для такого состоянія!

Изъ 300 страницъ книги 55 посвящено философской теоріи Леопарди и столько же оцѣнкѣ его значенія. Остальная часть этюда наполнена исторіей жизни писателя, изложена съ психологической точки зрѣнія, съ многочисленными выписками изъ его переписки. Философію его г. Штейнъ называетъ «теоріею infelicità». Къ чему эта итальянщина и какой таинственный смыслъ заключается въ этомъ словѣ, что его нельзя было перевести порусски? Это старая теорія несчастія, страданія, которому обречено человѣчество, и о которой французскіе философы писали еще въ началѣ столѣтія. Неудачникъ Шопенгауеръ привелъ ее въ систему и назвалъ пессимизмомъ, Гартманъ, сдѣлавшійся философомъ, послѣ того какъ сломалъ себѣ ногу, далъ ей названіе «безсознательнаго». Мудрено ли, что ее проповѣдовалъ и дѣвственникъ Леопарди, обижавшійся, когда друзья приписывали его міровоззрѣніе болѣзненности, личнымъ несчастіямъ неудавшейся жизни, и употреблявшій всѣ усилія, чтобы увѣрить всѣхъ, что философія его выведена изъ наблюденій надъ міромъ и людьми. А онъ и наблюдалъ-то ихъ почти не много времени, проведя свои юношескіе годы въ уединеніи провинціальнаго городка (гдѣ въ 1830 году нашлось только шесть подписчиковъ на сочиненія Леопарди, зато въ 1870 г. воздвигнули ему памятникъ), а остальныя 15 лѣтъ недолгой жизни въ погонѣ за обезпеченіемъ положенія и въ борьбѣ съ мучительной болѣзнью. Изъ національнаго патріотизма итальянцы преувеличили его заслуги, какъ поэта, а похвала Шопенгауера его философскимъ теоріямъ поставила его въ ряду первыхъ философовъ Италіи. Г. Штейнъ упоминаетъ о мнѣніи Шопенгауера, но не цитируетъ его. Вотъ этотъ отзывъ, которымъ мы и закончимъ нашъ отчетъ о книгѣ г. Штейна: «Никто не разработалъ пессимистскаго возрѣнія съ такою полнотою и основательностью, какъ въ наши дни Леопарди. Онъ весь проникнутъ сознаніемъ ничтожества этого міра; во всѣхъ его сочиненіяхъ слышится иронія, на всякой страницѣ онъ говоритъ о злополучіи земного существованія, но съ такимъ разнообразіемъ въ формахъ и образахъ, что никогда не наводитъ тоски, напротивъ вызы-

ваетъ интересъ и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ». Это также преувеличенныя похвалы, такъ какъ Леопарди однообразенъ даже въ своихъ стихахъ, а въ своихъ философскихъ теоріяхъ скученъ и мало убѣдителенъ.

Вл. З.

Исторія православной церкви до начала раздѣленія церквей. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1891.

Настоящая книга, предназначенная служить руководствомъ при изученіи церковной исторіи въ учительской школѣ, не составляетъ самостоятельнаго труда. «Составитель,—читаемъ въ предисловіи,—имѣлъ въ виду воспользоваться готовымъ матеріаломъ изъ разныхъ сочиненій и разсказовъ, относящихся къ предмету: ему принадлежитъ только выборъ и расположеніе отдѣльныхъ статей и соединеніе ихъ одною руководственною мыслью».

Изученіе церковной исторіи, говорится далѣе, должно состоять не въ заучиваніи извѣстныхъ фактовъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ-то: перечисленіе семи вселенскихъ соборовъ съ обозначеніемъ цѣли каждаго и т. п.; нѣтъ, исторія церкви должна быть усвоена учащимися чувствомъ, какъ «таинственная исторія страданія ради великой, безконечной любви». Излагая извѣстный церковно-историческій матеріалъ, авторъ настаиваетъ на томъ, что всѣ, переносившіе гоненія за имя Христово, страдали въ то же время и за церковь; такъ, преслѣдованія со стороны язычниковъ не могли уничтожить открытаго исповѣданія вѣры, иконоборцы не искоренили почитанія иконъ, освященнаго церковью...

Исторію новозавѣтной церкви обыкновенно начинаютъ изложеніемъ событій, о которыхъ повѣствуетъ книга «Дѣяній Апостольскихъ». Но авторъ разсматриваемаго руководства считаетъ себя не въ правѣ перефразировать сказанія самихъ апостоловъ, основательно полагая, что будетъ гораздо лучше, если учащіеся сами непосредственно познакомятся съ этими событіями изъ первоисточника, и ограничивается только указаніемъ по главамъ содержанія названной книги Св. Писанія. Собственный разсказъ его начинается описаніемъ Рима въ то время, когда въ послѣдній разъ прибылъ туда апостолъ Павелъ, и оканчивается IX вѣкомъ, когда впервые въ исторіи упоминается о просвѣщеніи христіанствомъ нашего отечества.

Весь разсказъ проникнутъ одною мыслью, а именно, что церковь «все превозмогла и сберегла въ себѣ тотъ святой огонь, который Спаситель пришелъ самъ низвести на землю», что она и теперь та же, что и въ первые вѣка христіанства.

Съ внѣшней стороны книга издана изящно и вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ учебнику.

X.

Гринъ Джонъ Ричардъ. Исторія англійскаго народа. Переводъ съ англійскаго Николаева. Изданіе Солдатенкова. Т. I. Москва. 1891.

Почтенный московскій издатель К. Т. Солдатенковъ неутомимо продолжаетъ обогащать нашу литературу самыми добросовѣстными переводами весьма серьезныхъ и вообще хорошо выбранныхъ сочиненій. Его полезная дѣятельность не падаетъ, но развивается съ годами. Довольно указать,

что въ одномъ прошломъ году онъ далъ намъ около десятка крупнѣйшихъ произведеній западной науки по гуманитарной части. Они посвящены такимъ важнымъ, крайне интереснымъ, развивающимъ умъ предметамъ, какъ романтизмъ (Гайма) и реализмъ (Давида-Соважо) въ литературѣ и искусствѣ, исторія новѣйшаго времени (Вебера) и исторія эллинизма (Дройзена), исторія искусства временъ Возрожденія (Фрикена), исторія политической экономіи (Ингрема), культуры буддійская (Ольденберга) и китайская (Столповскаго). Наконецъ недавно вышла у того же издателя книга, за которую ему будутъ очень благодарны любители серьезнаго чтенія и даже профессора исторіи, которые, конечно, признаютъ за ней значеніе хорошаго пособія при ихъ лекціяхъ. Это «Исторія англійскаго народа» Грина. Авторъ—одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и симпатичныхъ историковъ Англіи, къ сожалѣнію, рано похищенный у науки смертью. Онъ былъ ученикомъ и другомъ извѣстныхъ современныхъ историковъ—Фримена и Стёбса, которымъ и посвященъ его трудъ. Въ Гринѣ совмѣщались черты крупнаго историка: основательное, самостоятельное знаніе, почерпаемое изъ источниковъ, и блестящій талантъ изложенія, который особенно проявился въ его учебникѣ англійской исторіи. Въ изданномъ теперь у насъ первомъ томѣ «Исторіи англійскаго народа» Грина заключается разсказъ о событіяхъ за тысячу лѣтъ (449—1461). Онъ ведется непрерывно, отъ царствованія къ царствованію, безъ особыхъ отдѣловъ для культуры. Одна изъ счастливыхъ особенностей Грина—умѣнье сливать внутреннюю исторію съ внѣшнею: судьбы народа подъ его перомъ представляются живымъ, органическимъ явленіемъ. У Грина ясенъ художественный талантъ не только въ характеристикахъ и описаніяхъ, но и въ искусномъ выборѣ фактовъ, никогда не утомляющихъ читателя, потому что всѣ они необходимы и на своемъ мѣстѣ. Наряду съ этимъ, онъ отличается рѣдкою ясностью въ обрисовкѣ общественнаго строя и его перемѣнъ, особенно въ такомъ запутанномъ періодѣ, какъ средніе вѣка, которые вообще обработаны авторомъ съ особою любовью. Переводъ книги Грина хорошъ въ смыслѣ правильности: колоритность такого даровитаго писателя, какъ Гринъ, трудно сохранить въ передачѣ на чужой языкъ. Переводчикъ справился даже съ терминами, которые такъ многочисленны и мудрены въ средневѣковой исторіи Англіи. Но здѣсь требуется строгая выдержка. А мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ «эорлъ», въ другомъ—«ирль». Особенно опасны въ такихъ случаяхъ опечатки, а мы встрѣтили, напримѣръ, нѣсколько разъ (275, 276) «тепанты» вмѣсто «тенанты». **А. Т.**

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1889 годъ. Спб. 1892.

Послѣдній отчетный годъ о тюремномъ населеніи Россіи запоздалъ на цѣлые два; но заключающіяся въ немъ свѣдѣнія и цифры до нѣкоторой степени освѣщаютъ бытъ арестантовъ всевозможныхъ наименованій и судимости. Мы узнаемъ, что всѣхъ мѣстъ заключеній въ Россіи въ отчетномъ году было 870.

Въ нихъ отъ 1888 года къ 1-му января 1889 года

оставалось арестантовъ	муж.	97.495	107.401 чел.
	женщ.	9.906	
Втеченіе 1889 года прибыло	муж.	570.237	656.972 чел.
	женщ.	86.735	

Итого въ отчетномъ году содержалось въ тюрьмахъ . . . . . 764.373 чел.

Затѣмъ втеченіе этого же года изъ мѣстъ заключенія выбыло 654.888 арестантовъ обоего пола, и такимъ образомъ къ 1-му января 1890 года оставалось въ заключеніи { 99.310 м. / 10.145 ж. } 109.485 чел., т. е. на 2.081 чел. болѣе, чѣмъ содержалось къ 1-му января 1889 года.

Процентное отношеніе женщинъ къ общему числу арестантовъ составляетъ отъ 1 до 20%; наибольшее число женщинъ было въ Калишской (28%), Плоцкой (22%), Архангельской (21%) и Сувалкской губерніяхъ (20%), а наименьшее въ Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерніяхъ, а также въ Дагестанской, Карской, Самаркандской и Ферганской областяхъ (по 1%), въ Закатальскомъ же округѣ и Тургайской области женщинъ арестантокъ не было.

Втеченіе отчетнаго года въ тюрьмахъ происходили убійства надзирателей арестантами, нанесеніе другъ другу увѣчій, ранъ и насилій, поддѣлка денегъ, святотатства, воровство, самоубійства, подкопы, проломы, пожары и побѣги.

Побѣговъ въ 1889 году арестантовъ въ пути было 314 случаевъ, причемъ бѣжало 360 чел. Въ Петербургской тюрьмѣ одиночнаго корпуса въ 1889 году было 2.159 арестантовъ.

Что касается смѣтныхъ назначеній по тюремному вѣдомству въ отчетномъ періодѣ, то оно располагало кредитомъ въ 14.631.155 р. 65 к., изъ коихъ было израсходовано 14.235.569 р. 79 к. Сравнительно съ предъидущимъ 1888 годомъ расходъ увеличился на 791.686 р. 79 к. Итогъ смѣтнаго назначенія на тюремные расходы въ 1890 году по государственной росписи опредѣлялся въ 14.351,602 р. Тюремные расходы частью восполняются отчисленіями изъ арестантскихъ заработковъ, общая сумма коихъ въ 1889 году равнялась 876.919 р. 49 к. Изъ этой суммы на пріобрѣтеніе матеріаловъ и на прикладъ для арестантскаго труда израсходовано 84.045 р. 68 к., и слѣдовательно чистый доходъ во всѣхъ тюрьмахъ имперіи достигалъ 792.873 р. 81 к. Въ вознагражденіе арестантамъ изъ этого дохода отчислено 284.649 р. 56 к., остальные поступили въ доходъ мѣстъ заключенія и казны.

Исправительныхъ пріютовъ и земледѣльческихъ колоній для несовершеннолѣтнихъ въ отчетномъ году было 13.

Санитарная и больничная части тюремъ, по отчету, находились въ удовлетворительномъ состояніи: въ тюрьмахъ было достаточно и пищи, и воздуху, и чистоты и т. д. Что касается ссыльно-каторжныхъ на островѣ Сахалинѣ, то свѣдѣнія о нихъ, помѣщенныя въ отчетѣ, довольно блѣдны и не представляютъ общаго интереса.

А. Фаресовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Отреченіе Наполеона I въ Фонтенбло.—Характеристика вожаковъ и солдатъ Вандейскаго возстанія 1793 года.—Новое о Мараѳонской битвѣ.—Франкмасонство и духовенство.—Вещи, увезенныя императрицей Евгеніей изъ Тюльери 4 сентября 1870 года.

Наполеона I въ Фонтенбло. (Изъ мемуаровъ
а Макдональда). Вслѣдъ за мемуарами генерала
о которыхъ уже знаютъ читатели нашего журнала,
сь въ Парижѣ и мемуары маршала Макдональда
ніемъ Камилла Руссе. Завоеваніе Голландіи, италь-
войны, битва при Ваграмѣ, и т. д. описаны тутъ
ыхъ чертахъ. Но особенно интересны эти мемуары
аніямъ того, что случилось послѣ пораженій, по-
хъ Наполеономъ I, и съ того момента, когда
льдъ сталъ играть интимную роль при Наполеонѣ
викѣ XVIII. Въ этой части мемуаровъ попадаются
которыя до сихъ поръ оставались совершенно не-
ыми. Вотъ, напримѣръ, подробности объ отреченіи
она въ Фонтенбло. Макдональда тогда Наполеонъ
призвалъ въ Фонтенбло. «Какъ только,—разсказываетъ Макдональдъ,—доложили о насъ, о герцогѣ де-Реджіо и обо мнѣ, мы были введены въ кабинетъ, гдѣ императоръ находился съ герцогами Бассано и де-Виченцомъ, княземъ Московы, княземъ Невшательскимъ, маршаломъ Лефебромъ и многими другими лицами, которыхъ сейчасъ не вспомню. Императоръ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и сказалъ: «Здравствуйте, герцогъ Тарентскій, какъ дѣла?».

— «Очень плохи,—отвѣтилъ я,—столько несчастныхъ событій! Такъ безславно быть пораженнымъ и не сдѣлать ни малѣйшаго усилія, чтобъ спасти Парижъ! Все это очень насъ унизило и поразило!

— «Да, это большое несчастье,—возразилъ Наполеонъ,—а что говорятъ войска?

— «Что вы насъ призываете, чтобъ идти на столицу. Войска раздѣляютъ наше горе, и я явился, чтобъ объявить отъ имени ихъ, что они не хотятъ подвергать столицу судьбѣ Москвы. Мы думаемъ, что достаточно доказали нашу преданность, чтобъ спасти Францію, достаточно доказали, чтобъ не рисковать болѣе, чѣмъ неравной попыткой, и всего лишиться... Впрочемъ, наше рѣшеніе неизмѣнно, и чего бы ни задумывали дѣлать, мы желаемъ положить конецъ дѣлу. Я лично заявляю вамъ, что никогда не обнажу своей шпаги противъ французовъ, что она никогда не будетъ обрызгана французской кровью. Довольно несчастной войны, чтобы еще возбуждать междоусобную войну!

— «Но вѣдь никто и не помышляетъ идти на Парижъ?—сказалъ императоръ.

«Я думалъ, что онъ разгнѣвается, а онъ отвѣтилъ это съ полнымъ спокойствіемъ. Онъ прибавилъ потомъ: «Да, взятіе Парижа, дѣйствительно, большое несчастье».

— «А вы знаете, что тамъ творится?—спросилъ я его.

— «Говорятъ, что союзники не хотятъ вести переговоровъ со мною.

— «И это все, что вы знаете?

— «Да!

— «Ну, такъ прочтите это письмо!»

И Макдональдъ передалъ ему письмо Бернонвилье. Затѣмъ императоръ обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ и сказалъ: «Ну-съ, господа, коли таковы дѣла, я отрекаюсь отъ престола!» И онъ составилъ актъ отреченія, редакцію котораго измѣнялъ дважды или трижды. Императоръ сказалъ затѣмъ: «Мм. гг., теперь вы можете удалиться. Я желаю написать инструкціи для комисаровъ, но я запрещаю, чтобъ они рѣшали что бы то ни было касательно моей личности». Потомъ онъ присѣлъ на софу и сказалъ совершенно хладнокровно: «А то, господа, оставимъ это и отправимся завтра, вѣдь мы ихъ побьемъ!» Макдональдъ повторилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ то, что раньше сказалъ о настроеніи арміи. «Нѣтъ,—прибавили мы,—съ насъ довольно, помните же, что каждый часъ теперь дорогъ для успѣха миссіи комисаровъ». Онъ велѣлъ позвать ихъ и сказалъ имъ: «будьте готовы къ отъѣзду въ 4 часа!» И затѣмъ императоръ попрощался съ нами.

— **Характеристика вожаковъ и солдатъ Вандейскаго возстанія 1793 года.** Шассэнъ въ отпечатанномъ недавно первомъ томѣ «Histoire de la guerre de Vendée» приводитъ очень любопытныя извѣстія о подготовленіи Вандейскаго возстанія 1793 года, знакомитъ съ персоналомъ этого возстанія, т. е. съ дворянствомъ Нижняго Пуату и крестьянами, которые составляли кадры и армію шуанства. Это дворянство Bas-Poitou, которое обстоятельства сдѣлали рыцарскимъ воплощеніемъ французской аристократіи, имѣло очень странныя повадки. Оно издавна пользовалось дурной репутаціей. Иные утверждаютъ, что изъ 1,200 дворянъ здѣсь не было и двухсотъ дѣйствительныхъ. Большинство дворянскихъ правъ были куплены потомками людей низшаго слоя. По заключенію Шассэна, наканунѣ революціи большинство французскаго дворянства происходило отъ чего угодно, только не отъ кровной родовитости, и французское дворянство никогда не было менѣе благородно, чѣмъ въ то время. Объ этихъ господахъ дворянахъ Bas-Poitou, чистокровныхъ или поддѣльныхъ, Мерсье-дю-Роше, хорошо знакомый съ ними, въ своихъ мемуарахъ и въ своемъ «Дневникѣ» оставилъ

назидательныя разоблаченія. Такъ, напримѣръ, встрѣчается необычайная біографія герцога д'Олоннэ, одного изъ Монморанси, родившагося 31 мая 1731 года, состоявшаго генералъ-маіоромъ въ 17 лѣтъ, заключеннаго въ тюрьму въ Pierre Encise за участіе въ убійствѣ одного изъ своихъ кредиторовъ своимъ слугою; скомпрометировавшаго себя, за время тюремнаго заключенія, изнасилованіемъ женщины, окончившимся смертью; затѣмъ проживавшаго въ Fontenay въ немилости, пока оспа не унесла его въ могилу въ іюлѣ 1777 года, по совершеніи имъ невѣроятныхъ мошенничествъ. Онъ съумѣлъ задолжать даже городскому палачу.

Въ рукописяхъ главнаго викарія епископа Люсонскаго, Брюмо де-Борегаръ, съигравшаго столь важную роль въ подготовленіи Вандейскаго возстанія, находится слѣдующая замѣтка, вполнѣ характеризующая нравы дворянства сосѣдней области:

«Среди окрестныхъ дворянъ Люсона царитъ велій духъ свободы и даже независимости, большая скромность, честность и простодушіе... Браки у нихъ заключаются исключительно между представителями мѣстнаго дворянства. Вслѣдствіе этого обстоятельства всѣ семьи связаны между собою узами родства, образуя родъ союза, въ которомъ царитъ полная равноправность и даже крайняя фамильярность, не смотря на различное распредѣленіе богатствъ. Не будучи гордымъ, вандейское дворянство мнитъ о себѣ очень высоко. Оно не является ко двору и положительно не одобряетъ тѣхъ, кто добивается чести быть туда представленнымъ... Оно любитъ собранія, ярмарки, баллады, вечеринки... Охота—одно изъ любимѣйшихъ его развлеченій... Дамы и барышни ѣздятъ на охоту... Это дворянство, растрачивающее всѣ свои доходы въ своей странѣ, несомнѣнно любимо народомъ, но о воспитаніи своемъ оно мало заботится, и нравы его не всегда образцовы»... Здѣсь дается вѣрный и чрезвычайно характерный портретъ вожаковъ или вдохновителей Вандейскаго возстанія. Эти дворянчики, проживавшіе вдали отъ двора, хлопотали о своихъ привилегіяхъ и о своей независимости гораздо болѣе, нежели о тронѣ и объ алтарѣ. Постоянное пребываніе въ деревнѣ, занятіе охотой, порождало грубые нравы, такъ что они являлись немного болѣе просвѣщенными, нежели ихъ вассалы. Они представляли собою анахроническое продолженіе феодализма; тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ новымъ родоначальникамъ дворянства, быстро ассимилировались съ остальными. Они съ презрѣніемъ относились, какъ тѣ, такъ и другіе, къ королю и къ благоразумнымъ соображеніямъ, побудившимъ Людовика XVI, съ самаго начала 1789 года, къ нѣкоторымъ уступкамъ зарождавшейся революціи; они устроивали сходки, сговаривались оказывать оппозицію удвоенію числа депутатовъ третьяго сословія въ «États généraux». Они порѣшили на своихъ истинно крамольныхъ собраніяхъ не являться делегатами, если только эта непріятная мѣра будетъ принята. Ихъ занималъ исключительно интересъ ихъ касты, а никакъ не королевства. Этотъ же исключительный интересъ руководилъ ими и втеченіе всего мятежнаго періода. Какъ вольтеріанцы, такъ и безразличные, никто изъ нихъ не остановился ни на какой религіи, ибо они не сознали еще необходимости воздѣйствовать на фанатизмъ своихъ крестьянъ. Это не замедлило потомъ явиться само собою, причемъ для болѣе интенсивной вибраціи этой мистической струны они не остановились передъ измышленіемъ подложнаго Агрскаго епископа, предложеннаго ими для набожнаго поклоненія вандейцевъ. Таковы были главари.

Не угодно ли теперь познакомиться съ солдатами, которыхъ имъ удалось увлечь за собою. Савари, бывшій судьей въ Шоле во время Конвента, а впослѣдствіи состоявшій членомъ Совѣта Пятисотъ, наблюдалъ ихъ близко и сообщилъ о нихъ безпристрастныя свѣдѣнія. Онъ говоритъ: «Довѣрчивость этихъ людей, простодушныхъ и добрыхъ, кроткихъ, гостепріимныхъ, вѣрныхъ въ своемъ словѣ, не уступаетъ ихъ невѣжеству. Они являются игрушкой всякаго шарлатана. Колдуны, вѣщуны, совершенно овладѣваютъ ихъ воображеніемъ. Религія ихъ представляетъ собою рядъ грубыхъ суевѣрій. Они скорѣе простятъ богохульство противъ Божества, нежели шутку противъ изображенія, повѣшеннаго на деревѣ, которому они поклоняются, или помѣщенному надъ фонтаномъ, которое они чтутъ чуть ли не со временъ друидовъ... Ихъ точный портретъ можно встрѣтить у кельтовъ, описанныхъ Тацитомъ»...

Воденъ (d'Angers), казначей арміи de l'Oues въ 1793 году и Луарской арміи въ 1815 г., бывшій депутатомъ съ 1820—1823 г., умершій въ 1829 г., состоя кореспондентомъ Французскаго Института, къ только-что приведенному портрету прибавилъ еще слѣдующія дополнительныя черты: «Вандейцы считаютъ достовѣрнымъ лишь то, что имъ говорятъ ихъ ксендзы... Около половины XVI столѣтія, духовенство, пользовавшееся ихъ полнымъ довѣріемъ, приняло ученіе Кальвина, и вандейцы послѣдовали его примѣру, не замедливъ сокрушить статуи святыхъ, уничтожить алтари и дойти до послѣднихъ крайностей, подъ благовиднымъ предлогомъ очищенія нравовъ духовенства и прекращенія религіозныхъ заблужденій. Въ концѣ XVIII столѣтія тотъ же самый народъ, который два вѣка тому назадъ хотѣлъ уничтожить свою религію, подъ знаменами католическихъ священниковъ, шелъ съ энтузіазмомъ проливать свою кровь за нерушимость этой же самой религіи»....

Таковы актеры исторической драмы въ описаніяхъ, отрѣшившихся отъ романическихъ прикрасъ и поэтическихъ вымысловъ.

— **Новое о Мараѳонской битвѣ.** Вообще надо признать, что историческая критика безпощадно расправляется съ историческими легендами. И эллинскому героическому сказанію о персидскихъ войнахъ недавно нанесенъ рѣшительный ударъ. Со школьной скамьи каждый изъ насъ знаетъ исторію злаго Дарія и храбраго Мильтіада, каждый восхищался борьбой за національную свободу маленькаго греческаго народа противъ угнетавшихъ его силъ персовъ, восхищался тѣмъ, какъ Мильтіадъ спасъ Аѳины. И вотъ теперь нашелся молодой историкъ Генрихъ Вельцгоферъ, напечатавшій въ «Historischen Taschenbuch» этюдъ о Мараѳонской битвѣ, отвергающій все, чему насъ учили о ней въ школѣ. Оказывается изъ этого этюда, что Дарій вовсе не былъ тираномъ враждебнымъ Греціи, ни о какомъ угнетеніи грековъ не должно быть и рѣчи. Великій царь персовъ относился къ эллинамъ благосклонно, даже съ уступчивостью, въ Делосѣ онъ почтительно отнесся и къ храму Аполлона; благородная черта его характера проявилась въ томъ, что онъ отказался отъ наказанія тѣхъ изъ эллиновъ, которые подстрекали народъ къ противодѣйствію персамъ. Все, что предпринялъ Дарій противъ Греціи, заключалось въ томъ, что онъ, покоривъ Ѳракію, потребовалъ отъ греческихъ государствъ земли и воды въ знакъ чисто внѣшней покорности, и получилъ это отъ большинства городовъ. Только Аѳины и Спарта обошлись безчеловѣчно съ посланцами Дарія. Въ Аѳинахъ ихъ бросили въ

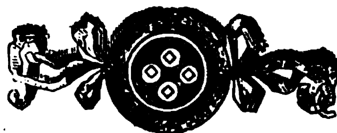
яму, куда бросали преступниковъ, а въ Спартѣ посадили въ колодезь. И, съ другой стороны, не было національной опозиціи исконному врагу: въ каждомъ городѣ существовала партія и дружественная персамъ и враждебная имъ, и не во имя какихъ либо идеальныхъ интересовъ. Вмѣсто приготовленій къ «освободительной войнѣ» города занимались между собою непрерывно мелочными дрязгами и пререканіями. А то, что случилось въ 904 г. до Р. Х. было пустое дѣло—походъ Датиса не съ 300,000 чел. или, какъ иные сочиняютъ, съ 600,000, а, можетъ быть, только съ 50,000, и не противъ Аѳинъ, а противъ Наксоса, двухъ мелкихъ острововъ и Эретріи. Они были покорены очень скоро. И что же затѣмъ? Гиппій, изгнанный сынъ и наслѣдникъ аѳинскаго тиранна Пизистрата, служившаго у персовъ, предпринялъ походъ противъ Аѳинъ на собственный рискъ, вѣроятно, съ войскомъ, случайно навербован нымъ, а участіе персовъ тутъ ограничивалось нѣкоторой помощью людьми. Почему онъ высадился у Мараѳона, объясняется просто: тутъ нѣкогда началось счастье Пизистрата, и своего рода суевѣрной надеждѣ обязано аттическое гнѣздо своей міровой славой. И все прочее становится также яснымъ Мильтіадъ вовсе не національный патріотъ, но правитель, изгнанный изъ своихъ владѣній персами; личные интересы побуждали его возстановить Аѳины противъ персовъ. Не было и никакого воодушевленія противъ варваровъ. Напротивъ, долго колебались, драться или нѣтъ. Никакіе аѳиняне не внушали собою страха. Напротивъ, по Геродоту, на грековъ одно имя мидянъ наводило ужасъ. Наконецъ, вовсе не было и огромной битвы: всего по 8—10 тысячъ на каждой сторонѣ. Сочинена также сказка и о тысячахъ труповъ персовъ. Персы удалились на корабли въ полномъ порядкѣ. Въ общемъ итогѣ получается эпизодъ нѣсколькихъ дней въ предпріятіи Датиса и неудачная попытка Гиппія возстановить тираннію въ Аѳинахъ.

На сколько Вельцгоферъ правъ въ цѣломъ и частностяхъ, рѣшить очень трудно, такъ какъ преданіе основывается почти исключительно на Геродотѣ У Геродота онъ различаетъ хорошее и дурное преданіе, т. е. вѣрные факты и вымыселъ.

— Франкмасонство и духовенство. Спорный вопросъ, былъ ли папа Пій IX франкмасономъ (см. «Историческія мелочи», № 12, 1891 года), послужилъ поводомъ къ многообразнымъ изысканіямъ, результаты которыхъ небезъинтересны. Такъ, Люсьенъ Фоконъ, консерваторъ музея Карсавале, напечаталъ въ «Intermédiaire des chercheurs et des curieux» объ отношеніяхъ франкмасонства къ духовенству нѣсколько точныхъ справокъ, по которымъ разрывъ между ними произошелъ лишь послѣ 1788 года, ибо въ спискѣ ложъ «Великаго Востока» Франціи подъ этимъ годомъ еще значатся въ числѣ масоновъ 30 духовныхъ лицъ: изъ нихъ два священника, семь каноников, 6 бенедиктинцевъ, одинъ цистерсіанецъ, одинъ ораторіанецъ и т. д. Даже аббатъ Пэнгре, библіотекарь аббатства св. Женевьевы, былъ масономъ.

— Вещи, увезенныя императрицей Евгеніей изъ Тюльери 4-го сентября 1870 года. Въ вышедшихъ надняхъ въ Парижѣ мемуарахъ барона де-Плянси, бывшаго обершталмейстера короля Жерома и депутата въ «Corps législatif» при второй имперіи, подъ заглавіемъ «Souvenirs et indiscretions d'un disparu», впервые напечатанъ неизданный документъ, подписанный маршаломъ Вальяномъ и иллюстрирующій обстоятельства, при которыхъ императрица Евгенія покинула Тюльери 4-го сентября 1870 года. Въ документѣ этомъ значится слѣдующее: «Перечень предметовъ, которые на-

ходятся въ ящикѣ, переданномъ Анжъ Родриго Виваръ, который, по приказанію ея величества императрицы, долженъ доставить этотъ ящикъ въ Мадридъ г-жѣ графинѣ де-Монтихо: брилліантовое и жемчужное колье, медальонъ съ инициіалами L. N., два браслета, двое серегъ и брошь, все усыпанное брилліантами, крестъ и карандашъ, подарокъ его величества русскаго императора, кубокъ съ брилліантами, сувениръ его высочества великаго князя Константина Николаевича, пятнадцать тысячъ франковъ банковыми билетами. Все вмѣстѣ на сумму около четырехъ милліоновъ франковъ. Парижъ. 4-го сентября 1870 г. Вальянъ». Баронъ Пляпси нашелъ этотъ документъ въ Женевѣ и пріобрѣлъ его. Какимъ образомъ попалъ туда документъ, въ мемуарахъ не объясняется.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Россія въ оцѣнкѣ французовъ.—Умственное движеніе до Екатерины II и до нашего времени. — Романъ, искуства, исторія, журналистика. — Очерки Урала и Сибири.—Письма дочери Ростопчина.—Русскіе поэты въ англійскомъ переводѣ.— Англійская литература въ 1891 году: исторія, біографія, мемуары, философскія и соціальныя науки, поэзія, романы и повѣсти, переводы.—Новыя изслѣдованія объ Иліонѣ и Иліадѣ.

Мы ГОВОРИЛИ уже въ прошломъ году о новомъ журналѣ, возникшемъ въ Парижѣ, какъ ежегодное продолженіе извѣстной энциклопедіи Ларусса. Мысль соединить періодическое изданіе, выходящее два раза въ мѣсяцъ, съ энциклопедическимъ словаремъ, весьма счастливая, и журналъ составляется умѣло, добросовѣстно и занимательно. Вступая во второй годъ своего существованія, онъ сдѣлалъ подарокъ читателямъ, приложивъ къ 25-му № особый выпускъ, посвященный описанію Россіи географической, этнографической, исторической, политической, административной, литературной, живописной и пр. (La Russie géographique, ethnographique, historique, politique, administrative, littéraire, pittoresque etc.). На сто десяти страницахъ большого формата въ два столбца всѣ эти отдѣлы добросовѣстно разработаны въ 18-ти большихъ статьяхъ, написанныхъ лицами, серьезно изучившими Россію, какъ Леруа-Больё, Рамбо, Вогюэ, Луи Леже и др. Изъ русскихъ только одна г-жа Лидія Пашкова описываетъ Петербургъ и Москву. Болѣе ста рисунковъ, портретовъ, картъ, типовъ и т. п. хотя и не новыхъ, но вѣрныхъ, отчетливо иллюстрируютъ изданіе, знакомящее французовъ съ нашимъ отечествомъ. Это достаточно полный сводъ всего, что необходимо знать образованному европейцу о странѣ, живущей среди цивилизованныхъ державъ только своеобразною жизнью. Не мѣшаетъ перечитать эту книгу и чисто русскому человѣку, не всегда хорошо знакомому со

всѣми сторонами его собственнаго быта. Промаховъ въ фактическомъ отношеніи не много въ книгѣ, любопытной и въ томъ отношеніи, что она освѣщаетъ точку зрѣнія, съ которой сочувствующая намъ нація относится къ явленіямъ нашей прошлой и настоящей жизни. Эту точку мы и прослѣдимъ въ главныхъ статьяхъ сборника, подраздѣляющагося на три главныхъ отдѣла, какъ и самый журналъ: литература и искуство, науки моральныя и политическія (вѣрнѣе: соціальныя), естественныя и прикладныя. Сборникъ начинается статьею Леже «объ умственномъ развитіи Россіи до Екатерины II». Авторъ находитъ нужнымъ защищать мысль, что русскій народъ—европейскаго происхожденія, хотя и не отдѣленъ отъ Азіи никакою «серьезною» географическою границею. Первобытные славяне своимъ именемъ и своимъ устройствомъ обязаны скандинавскому племени, не оставившему, однако, слѣдовъ въ умственномъ развитіи страны. Варяги научили только кіевскихъ славянъ набѣгамъ на Византію, «которая отомстила имъ (?) тѣмъ, что ввела у нихъ свою вѣру, измѣнила ихъ азбуку и литературу на свой ладъ». Это окончательно отрѣшило славянскій міръ отъ романской цивилизаціи, связавшей всѣ народы запада. Но писатели первыхъ вѣковъ Руси не ниже западныхъ: лѣтопись Нестора не хуже хроники Григорія Турскаго, житіе Бориса и Глѣба и кіевскихъ святыхъ не ниже легендъ Болландистовъ, завѣщаніе Владиміра Мономаха могъ бы написать Карлъ Великій; игуменъ Даніилъ въ XII вѣкѣ мирно молился вмѣстѣ съ французами короля іерусалимскаго Балдуина у тѣхъ святыхъ мѣстъ, за которыя императоры Николай I и Наполеонъ III вступили въ войну. За литературой того времени, не говоря уже о былинахъ, Леже признаетъ важное значеніе, хотя напрасно говоритъ, что князья той эпохи были очень образованы. Вліяніе татарщины отразилось не только на языкѣ, но и на нравахъ народа: онъ сдѣлался на половину азіатскимъ, какъ южная часть Италіи была греческою. Леже называетъ настоящимъ поэтомъ автора «Задонщины» и помѣщаетъ изъ нея отрывокъ, представляющій, однако, прямое подражаніе «Слову о полку Игоря», о которомъ говорится только два слова. Роль Москвы очерчена вѣрно, хотя Алексѣй Михайловичъ названъ «уже западнымъ монархомъ». Переводъ сатиръ Кантемира, напечатанный черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти, въ 1749 году, былъ первою французскою книгою, знакомящею съ русской литературой. Заслугамъ Ломоносова и писателямъ временъ Екатерины II авторъ отдалъ полную справедливость.

Картину умственнаго движенія въ Россіи послѣ Екатерины до нашего времени представляетъ Мельхіоръ Вогюэ. «Въ мрачное и короткое царствованіе Павла слышна была только команда капраловъ на парадахъ». Съ Александромъ I началась новая эпоха. Воспитанный Лагарпомъ, какъ молодой жирондистъ, онъ сначала имѣлъ твердое намѣреніе осуществить всѣ свои гуманныя идеи, съ помощью своихъ друзей—Строгонова, Новосильцева, потомъ Сперанскаго, котораго Наполеонъ просилъ уступить ему въ Эрфуртѣ, «въ обмѣнъ на какое нибудь королевство». Въ опозиціи Карамзина либеральнымъ идеямъ Сперанскаго, составившаго планъ освобожденія крестьянъ и конституціи, Вогюэ видитъ начало развитія въ Москвѣ политической, философской и литературной школы, получившей потомъ названіе славянофильской. Напрасно только авторъ смѣшиваетъ стремленія Аксакова съ направленіемъ Каткова и говоритъ, что школа эта всегда преобладала въ литературѣ. Мистическое направленіе Александра I обратило въ 1815 году

Петербургъ въ городъ теософовъ, сведенборгистовъ, масоновъ. Изъ масонскихъ ложъ развились тайныя общества. Николай I, испуганный кровавымъ началомъ своего царствованія, объявилъ непримиримую войну идеямъ, которыми увлекалась русская интелигенція. Онъ водворилъ порядокъ посредствомъ системы молчанія. Въ началѣ его царствованія говорила только поэзія, да и та вскорѣ замолкла. Значеніе Пушкина и Жуковскаго вѣрно опредѣлено авторомъ; напрасно только онъ приписалъ послѣднему переводъ Иліады. Писатели движенія сороковыхъ годовъ обрисованы также хорошо, хотя слишкомъ коротко. Авторъ ставитъ высоко Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Гоголя и представляетъ вѣрную оцѣнку литературнаго развитія при Александрѣ II. Русскій реализмъ возникъ раньше французскаго и вполнѣ самобытно. Романъ поглощаетъ въ Россіи всѣ силы интелигенціи, въ немъ высказываются всѣ идеи, всѣ доктрины, даже самыя отвлеченныя, такъ какъ политическія условія страны позволяютъ идеямъ странствовать только съ паспортомъ фантазіи. Парламентскаго и духовнаго краснорѣчія въ Россіи нѣтъ, философія допускается только православная, исторія копается только въ археологическомъ мусорѣ и обходитъ молчаніемъ явленія даже прошлаго вѣка. Громадные томы, изданные историческимъ обществомъ, представляютъ только сырой матеріалъ, ждущій еще обработки. Костомаровъ написалъ нѣсколько отдѣльныхъ удачныхъ монографій. 28 томовъ исторіи Соловьева представляютъ добросовѣстно подобранные факты и данныя, но вывода изъ нихъ никакого сдѣлать нельзя и читаются они съ трудомъ.

Въ романѣ Вогюэ отмѣчаетъ сначала успѣхи Гончарова и Писемскаго, но въ романѣ «Обломовъ» у перваго выходитъ все блѣдно, однообразно и монотонно, а второму не доставало широкихъ взглядовъ и сочувствія къ недостаткамъ изображаемаго имъ общества, потерявшаго свои идеалы въ тяжелое николаевское время. Гораздо рельефнѣе изображено это общество Тургеневымъ, Л. Толстымъ, Достоевскимъ, мастерски, хотя и сжато, очерченными французскимъ авторомъ. Онъ приводитъ отзывъ Тэна о Тургеневѣ, какъ о величайшемъ художникѣ, создававшемъ съ искуствомъ древняго грека литературныя камеи, блестящія совершенствомъ формъ и тонкостью рѣзца. Л. Толстой стоитъ на первомъ планѣ не только въ русской, но и во всемірной литературѣ. Характеристику этихъ лицъ, также какъ и другихъ нашихъ авторовъ: Некрасова, Алексѣя Толстого, Островскаго, Салтыкова, слѣдовало бы привести вполнѣ для нашихъ критиковъ, которые такъ много говорятъ о нашихъ писателяхъ и такъ мало высказываютъ о нихъ дѣльнаго, тогда какъ Вогюэ опредѣляетъ значеніе ихъ сжатыми, но рельефными чертами. Къ сожалѣнію, объемъ и цѣль нашихъ очерковъ не позволяютъ намъ приводить обширныя цитаты. Мы ограничимся только главными выводами французскаго критика о значеніи Л. Н. Толстого: «Онъ смотритъ на міръ съ вершины, находящейся внѣ этого міра; ясный и холодный взглядъ его проникаетъ подъ всѣ маски; онъ анализируетъ всѣ фазисы внутренняго человѣка въ его столкновеніи съ фактами и идеями, но онъ полонъ состраданія къ усиліямъ и невзгодамъ бѣднаго человѣчества. Какая цѣль жизни? Что надо дѣлать, чтобы она была сносною? Надо привести ее къ самымъ простымъ элементамъ и, чтобы достигнуть этого, Толстой проклинаетъ цивилизацію и дѣлается мужикомъ, но мужикомъ—философомъ. Не имѣя догматической религіи, онъ старается рѣшить религіозную и нравственную проблему. Но въ аскетѣ, занятомъ только своею проповѣдью, является

помимо его воли великій художникъ. Принужденный вращаться въ безвыходномъ метафизическомъ кругу, онъ напоминаетъ химика, обогатившаго міръ своими открытіями, но сдѣлавшагося алхимикомъ и погрузившагося въ отысканіе философскаго камня. Онъ не создаетъ уже прежнихъ свѣтлыхъ образовъ и сдѣлался писателемъ отвлеченной догмы, изъ которой старается извлечь раціональныя заключенія. Но это не мѣшаетъ распространенію извѣстности и вліянія Толстого на весь интелигентный міръ». Съ этимъ писателемъ и современными ему романистами, уже окончившими свое поприще, Россія достигла сознанія своего національнаго генія, и ему изумляется теперь, изучаетъ его старая Европа. «Русская литература, независимая на своей родинѣ (?), признана и внѣ ея, и изъ вассальной стала въ ряду великихъ державъ». Таковъ выводъ французскаго академика, сознающаго, однако, что въ настоящее время Россія литературная, какъ Россія политическая, отдыхаетъ и собирается съ силами (se recueille).

Три довольно обширныхъ статьи посвящены русскому искуству, музыкѣ и карикатурѣ. Всѣ фактическія данныя, относящіяся къ нашимъ живописцамъ, музыкантамъ, художникамъ, вѣрны, и отзывы объ нихъ могли бы быть даже менѣе панегиричны; портреты схожи, хотя мы предпочли бы изображеніе Бортнянскаго (о которомъ и вовсе не упоминается), Львова, Сѣрова, портретамъ господъ Кюи, Глазунова и подобныхъ имъ самозванныхъ извѣстностей. Карикатуру также не слѣдовало бы ограничивать перепечаткой незатѣйливыхъ рисунковъ «Стрекозы», называя редактора ея, г. Василевскаго, великимъ романистомъ и не упоминая ни слова о Ѳедотовѣ, «Искрѣ», Степановѣ и др. Исторія Россіи написана Альфредомъ Рамбо и ограничивается только главными фактами образованія государства, изъ маленькаго удѣла Даніила Калиты выросшаго въ державу, занимающую 22.430,000 квадратныхъ километровъ, то-есть почти пятую часть земного шара, на которомъ Франція занимаетъ только 529,000 квадратныхъ верстъ. Двѣ статьи о сношеніяхъ Россіи съ Франціей до реставраціи и потомъ до нашего времени представляютъ полную дипломатическую исторію этого времени. Отдѣльная статья посвящена нашимъ завоеваніямъ въ Азіи, затѣмъ слѣдуетъ картина организаціи политической, административной и судебной Россіи. Здѣсь, въ спискѣ монарховъ, начиная съ восшествія на престолъ старшей линіи герцогскаго Гольштейнъ-Готторпскаго дома въ лицѣ Петра III, сдѣланъ странный пропускъ: не показанъ вовсе Николай I. Леруа Болье описалъ устройство міра и русской общины, Рафаловичъ представилъ картину экономическаго состоянія Россіи по офиціальнымъ цифрамъ. Статья о народномъ образованіи основана также на послѣднихъ данныхъ. Въ третьемъ отдѣлѣ—прикладныхъ наукъ, описана физическая Россія, этнологическая, большіе города, русская армія, флотъ, русскіе ученые; въ концѣ приведены: русская азбука, календарь, мѣры и вѣсы, ордена, таблица чиновъ, замѣтки о религіи и духовной іерархіи, также о печати и цензурѣ—довольно поверхностныя. Такъ, нельзя принимать безусловно утвержденіе, что «политическая печать никогда не существовала въ Россіи»: въ своихъ мнѣніяхъ объ иностранной политикѣ журналистика пользуется довольно широкою свободой, а въ вопросахъ политики внутренней И. Аксаковъ, Катковъ и по временамъ «Голосъ» высказывали такія сужденія, за которыми слѣдовали тяжелыя административныя кары. Статья говоритъ, что, не смотря на цензороманію всѣхъ вѣдомствъ при Николаѣ I, писатели на-

учились выражаться такъ, что высказывали нецензурныя сужденія, но въ формѣ, къ которой нельзя было придраться. Но исторія нашей журналистики плохо знакома автору статьи, увѣряющему даже, что «съ трагическою кончиною Александра II либеральныя изданія, какъ «Голосъ», «Порядокъ», «Молва», «Московскій Телеграфъ», должны были прекратиться». О современныхъ газетахъ высказываются довольно поверхностныя мнѣнія.

— Шарль Рабо издалъ описаніе Урала и Сибири (Oural et Sibérie), которые изслѣдовалъ въ 1890 году. Онъ уже болѣе десяти лѣтъ изучаетъ сѣверныя страны въ естественно-историческомъ и географическомъ отношеніи и въ 1885 году провелъ долгое время на Бѣломъ морѣ, побывавъ въ Лапландіи, Гренландіи и на Шпицбергенѣ. Оттуда онъ отправился на сѣверный Уралъ и изслѣдовалъ оба склона его—бассейны Печоры въ Европѣ и Оби въ Азіи. Преимущественно занялся онъ этнографическими особенностями края, населеннаго первобытными племенами, напоминающими доисторическаго человѣка эпохи каменнаго вѣка. Остякъ дальняго сѣвера и теперь обработываетъ нужныя ему орудія тѣми же способами, какіе употребляли предки его, неолитическаго періода. Сѣверъ Россіи первоначально былъ заселенъ племенами финно-угровъ: по Волгѣ мордвою, черемисами, чувашами и вотяками (всего—до 1.700,000), въ басейнѣ Камы — пермяками, на Печорѣ — зырянами, въ сѣверо-западной Сибири — остяками, на сѣверо-востокѣ Европы — финнами, корелами, лапландцами. Нынѣшнее поколѣніе даже близь Москвы, центра русскаго населенія, произошло отъ смѣси славянскихъ племенъ съ финскими. Скиѳы, предки славянъ, были длинноголовымъ народомъ, тогда какъ у теперешнихъ русскихъ черепъ круглый, какъ у финновъ. Черемисы даже въ окрестностяхъ Казани мало поддались славянскому вліянію; Рабо описываетъ ихъ подробно; чуваши больше подверглись татарскому элементу. Пермяки, напротивъ, сильно обрусѣли, хотя избы ихъ не похожи на русскія. Какъ всѣ финны, они любятъ синій цвѣтъ и красятъ въ него даже свою посуду, а на домашней утвари изображаютъ ворона, какъ норвежцы. Черемисовъ считаютъ потомками волжскихъ болгаръ. Въ Сибирь Рабо переправлялся по такъ называемой сибиряковской дорогѣ, доступной только зимою и проложенной черезъ болотистый лѣсъ отъ Усть-Щугора до Ляпина на Сыгвѣ, куда могутъ проходить пароходы. Между Ураломъ и Обью живутъ, по мнѣнію этнографовъ, два различныхъ племени: вогулы и остяки, первые въ горахъ, вторые по рѣкѣ, но Рабо находитъ, что нѣтъ никакихъ причинъ различать ихъ: имени вогулъ никто не знаетъ на мѣстѣ, а называютъ такъ въ Екатеринбургѣ обрусѣлыхъ остяковъ. Эти племена живутъ охотой и рыбною ловлей; у нихъ еще можно найти оружіе—лукъ и стрѣлы, зато на дверяхъ ихъ жилищъ вовсе нѣтъ замковъ, и если между ними встрѣчаются иногда воры, то между такими лицами, которыя успѣли уже познакомиться съ европейской цивилизаціей. Вообще въ книгѣ Рабо много интересныхъ наблюденій.

— Вышли довольно интересныя «Письма графини Сегюръ, рожденной Ростопчиной къ виконту и виконтесѣ Симаръ де-Питре». (Lettres de la comtesse de Ségur, née Rostopchine, au vicomte et à la vicomtesse de Simard de Pitray). Книга эта издана виконтессою Симаръ, дочерью Ростопчиной, и эти письма матери къ дочери не ограничиваются изліяніями нѣжностей и семейными конфиденціями: въ нихъ виденъ талантъ писательницы, дочери нашего извѣстнаго государственнаго дѣятеля, встрѣ-

чаются прекрасно написанныя страницы, хотя и съ неизбѣжнымъ оттѣнкомъ женскаго ханжества, присущаго особенно католичкамъ высшаго круга. Она высказываетъ здравыя сужденія о жизни большого свѣта, о литературныхъ явленіяхъ, даже о политическихъ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія второй имперіи. О Наполеонѣ III она отзывается сначала съ сочувствіемъ, потомъ, когда онъ перестаетъ защищать интересы папы,—съ негодованіемъ. Но въ ея горячихъ и рѣзкихъ выходкахъ противъ вторженія нѣмцевъ во Францію звучитъ что-то «ростопчинское». Не менѣе правдивы ея отзывы о шаткой политикѣ Тьера до и во время комуны. Въ общемъ, въ письмахъ этой русской дѣвушки, сдѣлавшейся французскою графинею и матерью французской виконтесы, много важныхъ и любопытныхъ замѣтокъ, оставляющихъ впечатлѣніе въ читателѣ.

— Джонъ Полленъ издалъ: «Стихотворенія съ русскаго, представляющія точный переводъ избранныхъ отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ поэмъ». (Rhymes from the russian, beeing faithfull translations of selections from the best russian poems). Интересъ, возбужденный въ англійскихъ читателяхъ переводомъ русскихъ романистовъ, перешелъ и на нашихъ поэтовъ. Имена Пушкина, Лермонтова, Некрасова извѣстны въ Англіи также, какъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Въ небольшой книжкѣ Поллена помѣщены только лирики нынѣшняго столѣтія, начиная съ Державина. Болѣе всего приведено отрывковъ изъ Лермонтова, и это лучшіе переводы въ сборникѣ, какъ «Споръ» и «Родина», хотя на англійскомъ языкѣ утрачивается гармонія и звучность русскаго стиха. Изъ Пушкина хорошо переданъ «Пророкъ», но другія пьесы слабо. У Тютчева и Полонскаго можно было бы выбрать для перевода болѣе выдающіяся пьесы. Изъ Державина переведены его послѣдніе, предсмертные стихи, написанные грифелемъ на аспидной доскѣ, хранящіеся теперь въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Плана въ сборникѣ нѣтъ никакого: переводилось, очевидно, то, что нравилось Поллену, и не принималось во вниманіе, характеризуютъ ли выбранныя пьесы дарованіе поэта. Поэтому о Пушкинѣ, напримѣръ, нельзя составить себѣ понятія по цитированнымъ изъ него образцамъ. То же можно сказать и о Некрасовѣ, и переводъ его стихотворенія, озаглавленный «Te Deum», очень слабъ. Изъ Фета его поэтическая пьеса въ восьми стихахъ «Чудная картина» переведена и безъ размѣра, и съ риѳмами черезъ строчку. «И саней далекихъ одинокій бѣгъ» превратился въ «Sledge in the distance in its lonely flight». Если англійскій стихъ плохо передаетъ болѣе родственный ему стихъ нѣмецкій, то совершенно чуждый ему славянскій элементъ еще менѣе доступенъ англійской рѣчи.

— Въ Атенеумѣ помѣщенъ обзоръ англійской литературы за 1891 годъ (English literature in 1891). Приводимъ главные выводы статьи, въ дополненіе къ обзору всемірной литературы за то же время, приведенному въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго года. Общій результатъ годичной умственной и творческой дѣятельности Англіи не представляетъ ничего особенно выдающагося: историческіе этюды превращаются въ изученіе источниковъ, поэзія не создала ничего самостоятельнаго, беллетристика—также. Въ философіи, эстетической критикѣ—таже бѣдность замѣчательныхъ произведеній; выдвигаются впередъ только изслѣдованія соціальныхъ вопросовъ о положеніи рабочихъ и земледѣльческихъ классовъ. Въ области историческихъ наукъ національное значеніе имѣетъ «Исторія большой междоусобной войны» Гар-

динера, отъ августа 1642 года, когда знамя короля поднялось въ Нотингамѣ противъ страны, и до 30-го января 1649 года, когда голова короля пала на эшафотѣ въ Вейтгаллѣ. Три тома этого серьезнаго труда служать продолженіемъ «Исторія Англіи въ царствованіе Іакова I», и авторъ обѣщаетъ вести далѣе свои изслѣдованія. Борьба Кромвеля съ Карломъ I представляетъ, конечно, значительный интересъ, но изложеніе Гардинера нельзя назвать блестящимъ; зато оно основано на неопровержимыхъ документахъ, изученыхъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Професоръ Фриманъ издалъ весьма обширную «Исторію Сициліи», обнимающую періодъ почти въ 20 столѣтій, отъ древнѣйшихъ временъ до смерти императора Фридриха въ 1250 году. Фроудъ написалъ исторію «Развода Екатерины Арагонской». Факты изложены вѣрно, но нельзя же увѣрять, что Генрихъ VIII развелся съ женой изъ патріотизма, хотя Фроудъ сильно стоитъ за этотъ парадоксъ. Маіоръ Вингетъ разсказалъ подробно исторію «Махдизма въ Египетскомъ Суданѣ». Особенно драматично изображена смерть Гордона въ Хартумѣ. Разсказъ доведенъ до начала прошлаго года, когда египтяне снова овладѣли Токаромъ. Эгмонтъ Гекъ описалъ «Событія возстанія Тайпинговъ», въ подавленіи котораго значительную роль игралъ тотъ же генералъ Гордонъ. Книга вся основана на собственныхъ замѣткахъ и дневникѣ самого Гордона. Литература, обличающая Станлея въ его фантастическомъ описаніи освобожденія Эминъ-паши, ограничилась въ прошломъ году тремя сочиненіями: Герберта Варда, мистрисъ Джаксонъ, издавшей дневникъ своего покойнаго мужа, оклеветаннаго Станлеемъ, и доктора Парке — лучшая книга, написанная въ умѣренномъ тонѣ. Тѣмъ же тономъ отличается и «Исторія столкновенія Англіи съ Манипуромъ» мистрисъ Гринвудъ. Изъ популярныхъ книгъ большимъ успѣхомъ пользуется «Краткая исторія англійскаго народа» Грина, изданная съ превосходными илюстраціями. Особый интересъ въ публикѣ возбуждаютъ біографія и личныя воспоминанія. Миссъ Модлей издала панегирикъ кардиналу Ньюману, гдѣ 76 страницъ заняты его собственнымъ дневникомъ. Жизнь этого кардинала описали его братъ, професоръ Ньюманъ, Флетчеръ и Мейнель. Миссъ Сутерландъ Орръ составила біографію Роберта Броунинга. Здѣсь много любопытныхъ, хотя и не всегда скромныхъ подробностей о частной жизни поэта, и особенно интересны письма мистрисъ Броунингъ. Извѣстный Смайльсъ написалъ біографію Джона Моррея, не менѣе извѣстнаго книгоиздателя. Съ нимъ имѣли сношенія всѣ выдающіеся писатели конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, и личные анекдоты, относящіеся къ нимъ, занимаютъ въ книгѣ главное мѣсто. Вышли также воспоминанія о второстепенныхъ дѣятеляхъ: академикахъ Редгревѣ и Копе, живописцѣ Даусонѣ, карикатуристѣ Личѣ, Женни Линдъ. Аустинъ Добсонъ издалъ «мемуары Горація Вальполя», Бентлей—девять томовъ кореспонденціи этого министра, Кальвинъ—переписку поэта Китса. Изданы біографіи Теккерея, Лоренса Олифанта, Питта, Роберта Пиля, Маколея, Фокса, виконта Гардинера, архіепископа Тэта, Джона Веслея, Томаса Мора, зоолога Госса, Монтегю Вильямса, гуманнаго администратора, улучшившаго по возможности бѣдственное положеніе пролетаріевъ ист-эндскаго квартала въ Лондонѣ. Наконецъ епископъ Вордсвортъ напечаталъ автобіографію, въ которой гораздо меньше говоритъ о церковныхъ дѣлахъ, чѣмъ о своихъ успѣхахъ въ игрѣ въ крокетъ, гребныхъ гонкахъ и спортѣ всякаго рода.

По отдѣлу философскихъ наукъ вышло «Правосудіе» Герберта Спенсера,

составляющее четвертую часть его «Принциповъ этики». Здѣсь, главныя положенія, формулированныя философомъ въ его прежнихъ этюдахъ, разработаны подробно и возведены въ основные догматы. Дополненіемъ къ этой книгѣ служитъ превосходный этюдъ Джонса «Сознаніе въ животныхъ». Кембриджскій професоръ Сиджвикъ издалъ «Основанія политики», а другой професоръ Маршаль—«Экономическіе принципы». Множество богословскихъ трактатовъ громятъ, какъ всегда, еретиковъ и схизматиковъ, но этимъ не обращаютъ ихъ въ вѣрующихъ. Сентсбери издалъ два этюда «объ англійской литературѣ» и «о французскихъ нувелистахъ». Обѣ книги полны любопытныхъ данныхъ, но написаны сухо, также какъ и «литературные этюды» Джона Морлея. «Оксфордскія чтенія» Поллока и «Впечатлѣнія и мнѣнія» Джорджа Мура страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. Вильямъ Моррисъ написалъ соціалистскую фантазію «Извѣстія откуда-то» и издаетъ съ Магнуссономъ превосходный сборникъ исландскихъ сагъ.

Этотъ же писатель является замѣчательнымъ поэтомъ въ своихъ «Дорожныхъ стихотвореніяхъ». Другой Моррисъ, Льюисъ, написалъ поэму «Эпосъ Ада», гдѣ тѣни греческихъ героевъ передаютъ свои похожденія поэту, котораго водитъ по аду ангелъ. Извѣстный историкъ Лекки издалъ также томъ стиховъ, вѣроятно, для того, чтобы доказать, что можно быть въ одно и то же время замѣчательнымъ ученымъ и плохимъ поэтомъ. Эдвинъ Арнольдъ написалъ поэму съ большими претензіями «Свѣтъ міра», разсчитывая, вѣроятно, что она будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и прежде изданный имъ «Свѣтъ Азіи», но тамъ онъ могъ восхвалять сколько ему угодно Будду, а въ новой поэмѣ оказался весьма ординарнымъ стихотворцемъ. Давно молчавшій Теннисонъ напечаталъ прекрасный этюдъ «Дафна» и другія поэмы. Менѣе интересны «баллады» Стевенсона, взятыя изъ преданій острова Таити. Изъ романовъ большой успѣхъ имѣлъ «Одинъ изъ нашихъ завоевателей» Джорджа Мередита. Типъ героини Несты Радноръ англійская критика ставитъ на ряду съ лучшими романическими характерами. Гарди написалъ «Группу благородныхъ дамъ», романтическіе разсказы вессекскихъ леди, во время ихъ прогулки съ археологической цѣлью; Лука Молетъ — «Расплату за грѣхъ» — сенсаціонную новеллу. Блекъ въ «Дональдъ-Россъ изъ Геймры» рисуетъ нравы горцевъ и гаэлическія преданія. На историческихъ преданіяхъ основанъ и романъ Берингъ-Гоульда «Урата, дортмурская сказка». Повѣсти Кларка Росселя «Свадьба на морѣ» и «Моя датская возлюбленная», Шортгауза «Бланка, леди Фалезская», Олифанта «Рельсовый сторожъ и его дѣти», Норриса «Сыновья мистера Чена», мистрисъ Вудсъ «Деревенская трагедія»—принадлежатъ къ числу лучшихъ новеллъ прошлаго года. Галль Кайнъ въ интересныхъ сценахъ описываетъ жизнь въ Марокко. Киплингъ издалъ цѣлую серію разсказовъ, изъ которыхъ лучшіе: «Волокитство за Диною Шаддъ», «Безъ благословенія духовенства», «На Гринвудскомъ холмѣ». Но успѣхъ всѣхъ этихъ произведеній затмилъ романъ Варри «Маленькій министръ». Меріонъ Краурордъ въ своей «Прагской колдуньѣ» продолжаетъ разсказывать гипнотическія и всякія другія чудеса, нисколько не заботясь объяснять ихъ. Романъ архидіакона Фаррара критика называетъ подлиннымъ историческимъ трудомъ: дѣйствіе романа, называющагося «Сумерки и разсвѣтъ», происходитъ при Неронѣ. Вейманъ въ «Новомъ ректорѣ» подражаетъ манерѣ Антонія Троллопа. Дюморье въ своемъ «Петерѣ Иббетсонѣ» затрогиваетъ область фантастическаго и самъ же рисуетъ илю-

страціи къ похожденіямъ своего героя. Ридеръ Гаггардъ въ своемъ «Эрикѣ» переноситъ читателя въ эпоху викинговъ. Психическое общество издало цѣлый рядъ таинственныхъ разсказовъ, въ которыхъ старается убѣдить въ существованіи невозможныхъ чудесъ. Наконецъ, вышелъ любопытный разсказъ изъ жизни дѣтей «Томъ», напоминающій «Недоразумѣніе миссъ Монтгомэри». Переводная литература богата выдающимися произведеніями, болѣе всего относящимися къ древнему міру, какъ «Греческая антологія» и поэмы Кальпурнія и Мелеагра. Дранби издалъ томъ замѣчательныхъ «Китайскихъ волшебныхъ сказокъ».

— Въ Парижѣ недавно вышла очень интересная и прекрасно написанная книжка іезуита Гастона Сортэ (Sortais), вновь поднимающая пресловутый Гомеровскій вопросъ. Ея полное заглавіе: Ilios et Iliade (Les ruines d'Ilios. La formation de l'Iliade. Essai de restauration de l'Iliade primitive. L'Olympe et l'art homériques). Авторъ ея, бывшій преподаватель греческой литературы въ Кентербери въ Mary's College, страстный поклонникъ поэмъ Гомера, но не въ настоящемъ ихъ видѣ, а въ томъ, какой онѣ должны были имѣть до вставокъ, повтореній и распространеній позднѣйшихъ редакторовъ. Вопросъ въ томъ, 'какъ добраться до этого драгоцѣннаго зерна. Извѣстно, что рукописи и другія неоспоримыя данныя почти ничего не даютъ въ этомъ отношеніи. Сортэ, по примѣру многихъ другихъ своихъ предшественниковъ, долженъ прибѣгнуть къ субъективной, главнымъ образомъ эстетической критикѣ и, подобно имъ же, дѣлаетъ обычную и почти невольную ошибку: считаетъ первоначальнымъ то, что лично ему кажется существеннымъ и удовлетворяющимъ условіямъ великой національной поэмы. Отъ многихъ изъ этихъ предшественниковъ Сортэ выгодно отличается полнымъ знакомствомъ съ результатами раскопокъ Шлимана, а отъ всѣхъ нѣмецкихъ гомеристовъ замѣчательной ясностью и общедоступностью изложенія. Попытавшись въ 3-й главѣ возстановить первоначальную Иліаду, Сортэ остроумно изслѣдуетъ гомеровскій Олимпъ (онъ справедливо думаетъ, что греки переносили на него свое политическое устройство) и присоединяетъ къ этому еще 3 главы подъ заглавіемъ: l'art homérique, т. е. эстетическій разборъ частностей Иліады; онъ признаетъ за нею три великія достоинства: естественность, величіе и соединеніе идеальнаго съ реальнымъ, эти 3 главы написаны особенно горячо и живо. Книжка издана прекрасно и снабжена картами раскопокъ и мѣста дѣйствія Иліады.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Анекдотъ о князѣ А. М. Горчаковѣ.

НАЧАЛѢ семидесятыхъ годовъ, въ петербургской полиціи служилъ помощникомъ пристава нѣкто К—ъ, отличавшійся очень высокимъ ростомъ и крупнымъ тѣлосложеніемъ. Однажды К—ъ былъ назначенъ въ нарядъ въ Большой театръ. Проходя по одному изъ корридоровъ, К—ъ встрѣтилъ знакомаго, также толстяка; остановившись, они почти совершенно загородили собою проходъ.

Вдругъ К—ъ почувствовалъ, что кто-то дотронулся до его руки.

— Позвольте пройти,—услышалъ К—ъ позади себя и, обернувшись, увидѣлъ сухощаваго старика, пробиравшагося въ одну изъ ложъ.

— Проходите-съ,—обратился К—ъ, давая дорогу, къ неизвѣстному старику и при этомъ добавилъ:

— Эхъ, дѣдушка, вамъ лучше было бы сидѣть дома, да Богу молиться, чѣмъ по театрамъ разъѣзжать.

— Совершенно вѣрно изволили замѣтить,—съ добродушной улыбкой отвѣтилъ старичекъ на неумѣстное замѣчаніе полицейскаго чиновника и направился далѣе по корридору.

Въ это время къ К—у подбѣгаетъ полицеймейстеръ и спрашиваетъ: куда прошелъ свѣтлѣйшій?

— Какой свѣтлѣйшій?—недоумѣваетъ К—ъ.

— Свѣтлѣйшій князь Горчаковъ!

— Не могу знать.

— Какъ не знаете, когда я самъ видѣлъ, какъ онъ сію минуту у васъ о чемъ-то спрашивалъ,—горячился полицеймейстеръ и пробѣжалъ вслѣдъ за

свѣтлѣйшимъ, котораго требовалъ къ себѣ въ ложу, находившійся въ то время въ театрѣ, государь.

К—ъ совершенно ошалѣлъ и тутъ только догадался, что старичекъ, которому онъ такъ неосторожно посовѣтовалъ дома молиться Богу, былъ не кто иной, какъ государственный канцлеръ, свѣтлѣйшій князь Горчаковъ

«Ну, значитъ, теперь пропалъ,—думалъ несчастный К—ъ,—одно слово свѣтлѣйшаго, и вонъ изъ службы».

Подумавъ немного, К—ъ рѣшилъ тотчасъ же лично просить прощенія у свѣтлѣйшаго и сталъ ожидать его выхода изъ ложи. Обстоятельства благопріятствовали К—у. Полицеймейстеръ, передавъ свѣтлѣйшему требованіе государя, тотчасъ же удалился и черезъ двѣ-три минуты князь вышелъ въ корридоръ.

К—ъ бросился къ нему и со слезами, дрожащимъ голосомъ, началъ умолять пощадить его, хотя бы ради семейства.

— Позвольте, но я не понимаю, о чемъ вы меня просите?—перебилъ его свѣтлѣйшій.

— Простите, ваша свѣтлость, мою легкомысленную дерзость и не доводите...

— Ахъ, это вы на счетъ преподаннаго мнѣ совѣта! Да за это я на васъ не обижаюсь: вы сказали правду, а я ее люблю. Успокойтесь, все это останется между нами.

Понятно, радости К—а не было предѣловъ, и съ тѣхъ поръ онъ зарекся затрогивать незнакомыхъ ему людей неумѣстными замѣчаніями.

Сообщилъ **М. С. Робушъ.**

СМѢСЬ.

древностей профессора Самоквасова. Поднесенное Государю
ніе древностей члена археологической комисіи профессора
Самоквасова выставлено въ помѣщеніи комисіи, а по
рѣ будетъ отправлено въ Москву и передано въ импера-
й музей. Собраніе проф. Самоквасова, за исключеніемъ
гихъ случайныхъ пріобрѣтеній, составляютъ богатые пред-
разныхъ историческихъ эпохъ, найденные въ раскопан-
имъ языческихъ могильникахъ съ 1871 по 1891 г. въ гу-
хъ: Черниговской, Курской, Полтавской, Кіевской, Ека-
эславской, на Кавказѣ и въ Привислянскомъ краѣ. Мо-
ыя древности собранія подраздѣлены проф. Самоквасовымъ
отдѣла, соотвѣтствующіе четыремъ историческимъ эпохамъ
торіи культуры южной Россіи. Въ первомъ отдѣлѣ помѣ-
ся древности каменной и бронзовой культуры изъ могиль-
ъ до VI столѣтія до Р. Х., содержащихъ въ себѣ только
предметы изъ камня, глины, кости и бронзы; во второмъ отдѣлѣ—предметы скиео-сарматской эпохи изъ могильниковъ съ VI столѣтія до Р. Х. по V столѣтіе по Р. Х., въ которыхъ, рядомъ съ предметами быта древнихъ народовъ южной Россіи мѣстнаго производства, найдены предметы искуства древнихъ грековъ и римлянъ временъ существованія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря; въ третьемъ отдѣлѣ — предметы славяно-русской эпохи, изъ могильниковъ съ VI в. по XI в. Р. Х., заключавшихъ въ себѣ, рядомъ съ бытовыми предметами мѣстнаго производства, предметы искуства византійскаго и арабскаго этихъ столѣтій. Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ—предметы половецко-татарскаго владычества изъ курганныхъ могильниковъ половцевъ и татаръ, содержавшихъ въ себѣ монеты XII—XV столѣтій. Къ собранію древностей проф. Самоквасова приложены дневники археологическихъ раскопокъ, чертежи и планы типичныхъ монетъ разныхъ историческихъ эпохъ и разныхъ мѣстностей, описаніе и каталогъ бытовыхъ предметовъ собранія съ 10 таблицами гравированныхъ рисунковъ.

Библіотека Ивана Грознаго. Въ Москвѣ возобновились толки о судьбѣ библіотеки Ивана Грознаго, обращавшей на себя своимъ богатствомъ вниманіе современниковъ и, между прочимъ, имѣвшей до 800 греческихъ и латинскихъ рукописей. Г. Тремеръ не согласенъ съ русскими изслѣдователями древностей, полагающими, что библіотека погибла при одномъ изъ многочисленныхъ кремлевскихъ пожаровъ. Основываясь на томъ, что Кремль далеко еще не изслѣдованъ какъ слѣдуетъ, что не только въ 1837 г. подъ мусоромъ и бочками съ дегтемъ была открыта древнѣйшая часть дворца (относящаяся къ эпохѣ Василія IV) и съ нею небольшая дворцовая церковь св. Лазаря, но и прошлымъ лѣтомъ при осмотрѣ подваловъ въ восточной части теремовъ эти подвалы оказались отлично сохранившимися частями дворца Василія IV, г. Тремеръ думаетъ, что о судьбѣ библіотеки еще не сказано послѣднее слово. Древніе источники опредѣлительно говорятъ, что «казна великаго князя хранилась подъ сводами этой церкви» (Лазаря). Поэтому можно предположить, что и три тайника съ книгами находились въ сосѣдствѣ этой дворцовой церкви. Въ Москвѣ предполагается теперь произвести изслѣдованіе всего Кремля,—быть можетъ, и дѣйствительно библіотека царя Ивана Грознаго найдется.

Находка въ Дерптской библіотекѣ. Въ университетской библіотекѣ Дерпта сдѣлана г. Кордтомъ важная находка въ видѣ большого числа рукописей, имѣющихъ важное значеніе для исторіи XVII вѣка. Открыто до 600 документовъ на русскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, именно переписка извѣстнаго шведскаго полководца и государственнаго человѣка Якова де-ла-Гарди и графа Іоанна Оксенстіерна, сына знаменитаго Акселя Оксенстіерна. Въ первой перепискѣ оказалось до 60 собственноручныхъ писемъ и иллюстрацій короля Густава-Адольфа, проливающихъ новый свѣтъ на отношенія русскихъ къ шведамъ въ 1613 г., разъясняющихъ шведско-польско-лифляндскія отношенія въ 1627 и 1629 г. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ писемъ и отчетовъ шведскихъ полководцевъ и государственныхъ людей къ Я. де-ла-Гарди, въ томъ числѣ письма А. Оксенстіерна, Врангеля и другихъ. Переписка Г. Оксенстіерна содержитъ новый матеріалъ для исторіи Вестфальскаго мира.

Замокъ королевы Боны. Замковая гора «Бона», самая высокая изъ Овратынскихъ горъ Волынской губерніи, возвышается на 1,328 фут. надъ уровнемъ моря. На самой ея вершинѣ находятся развалины стариннаго замка, основаннаго въ IX вѣкѣ. Въ описаніи кременецкаго замка, составленномъ 21 іюля 1545 года дьякомъ Львомъ Патѣевымъ, сказано, что этотъ замокъ съ незапамятныхъ временъ сдѣланъ и построенъ изъ каменной скалы. Замокъ этотъ поддерживался до 1848 г., а съ тѣхъ поръ, заброшенный, постепенно разваливается. Большая часть стѣнъ замка и сѣверныя ворота сохранились до сихъ поръ; часть западной стѣны обрушилась лѣтъ десять назадъ и упала во внутрь замка, гдѣ до настоящаго времени видны ея слѣды; часть юго-западной стѣны обрушалась лѣтъ 30 назадъ и при паденіи своемъ повредила нѣсколько домовъ, причемъ былъ убитъ старикъ, жившій въ одномъ изъ нихъ. Въ настоящее время части южной стѣны, размытой частыми проливными дождями, угрожаетъ та же участь, но никто не обращаетъ на это вниманія, а между тѣмъ стѣна стоитъ отвѣсно надъ невдалекѣ находящимися домами, угрожая имъ съ ихъ жителями неминуемою гибелью, въ особенности если катастрофа случится ночью. Прошло столько лѣтъ, и до сихъ поръ никто не хочетъ обратить должнаго вниманія на такую историческую и древнюю постройку, какъ замокъ королевы Боны; ни одинъ археологъ не приступалъ къ раскопкамъ горы «Боны».

Лекція А. Ф. Кони о докторѣ Гаазѣ. Давно уже въ большой аудиторіи педагогическаго музея въ Соляномъ городкѣ не было такой массы публики, какая собралась на лекцію А. Ф. Кони, прочитанную въ пользу пострадав-

шихъ отъ неурожая. Не было ни одного пустого мѣста. Даже на эстрадѣ у каѳедры лектора поставленные дополнительные ряды стульевъ были заняты. Въ проходахъ густой толпой стояли слушатели. А. Ф. они читалъ о русскомъ Джовѣ Говардѣ, менѣе извѣстномъ, чѣмъ Говардъ, но не менѣе гуманномъ и замѣчательномъ человѣкѣ, докторѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Гаазѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ «Новомъ Времени» была помѣщена подробная статья объ этомъ истинномъ филантропѣ, дѣятельность котораго касается тяжелой тюремной жизни эпохи 40-хъ годовъ. Благодаря замѣчательной дикціи лектора, передъ глазами слушателей рельефно вырисовывался въ высшей степени симпатичный обликъ старика Гааза, втеченіе 24 лѣтъ съ успѣхомъ боровшагося противъ возмутительныхъ и варварскихъ условій тогдашняго быта арестантовъ. Всѣ свои нравственныя и физическія силы Ѳ. П. Гаазъ положилъ на служеніе интересамъ «несчастныхъ», которыхъ онъ любилъ истинною христіанскою любовью. На сколько велика была эта любовь, лучше всего видно изъ того, что докторъ Гаазъ, не смотря на свое сравнительно весьма малое значеніе и на страшную опозицію, постоянно встрѣчаемую имъ со всѣхъ сторонъ, всеже почти всегда достигалъ того, къ чему стремился, и тѣмъ или другимъ способомъ ухитрялся смягчать тяжелыя условія арестантской жизни. Изъ-за своихъ «несчастныхъ» докторъ Гаазъ вѣчно спорилъ и ратовалъ со всѣми лицами, имѣвшими то или другое отношеніе къ заключеннымъ, пренебрегалъ непріятностями, постоянно сыпавшимися на него изъ-за нихъ и не боялся сильно ходатайствовать за своихъ дѣтей даже передъ самимъ Николаемъ I. Уже подъ конецъ своей жизни, больной, престарѣлый Гаазъ, всетаки, оставался до конца вѣренъ своей идеѣ и умеръ окруженный толпой бѣдняковъ, которымъ посвятилъ всю свою жизнь. Интелигентное общество забыло о Гаазѣ. Не забыли его только тѣ «несчастные», которые и теперь, надѣвая облегченные гаазовскіе кандалы, вспоминаютъ святого старика. Могила Гааза неизвѣстна, и единственнымъ памятникомъ ему служитъ икона св. Ѳеодора, сооруженная въ память кончины Гааза арестантами въ далекомъ Нерчинскѣ. Заканчивая свою лекцію, А. Ф. Кони упомянулъ, что лучшею благодарностью покойному филантропу можетъ служить напоминаніе о его гуманной дѣятельности теперешнему поколѣнію. Взрывъ рукоплесканій закончилъ лекцію А. Ф. Кони Но лучшей наградой какъ ему за прочитанную лекцію, такъ и памяти покойнаго Гааза въ данномъ случаѣ были слезы, которыя виднѣлись на глазахъ многихъ изъ слушателей.

Лекція по исторіи химіи. Въ актовой залѣ Петербургскаго университета проф. Гольдштейномъ прочитана лекція на тему «алхимія и алхимики». Лекція сопровождалась опытами и туманными картинами. Историческія свѣдѣнія химіи охватываютъ собой болѣе 15 вѣковъ, но, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что гораздо раньше химическія явленія, тѣсно связанныя съ жизнью, занимали человѣка, который, не умѣя ихъ объяснить, создалъ на этой почвѣ множество миѳовъ и предразсудковъ. Всѣ эти сказанія, сохранившіяся въ сочиненіяхъ ученыхъ IX вѣка по Р. Х., даютъ основаніе думать, что Моисей, его сестра Маріамъ, Іоаннъ Златоустъ, были знакомы со многими химическими явленіями. Затѣмъ встрѣчаются совершенно миѳическія сказанія о книгѣ, написанной Енохомъ, въ которой указывалось, что ангелы въ очень давнее время, прельстившись красотой земныхъ женщинъ, сошли на землю и научили окрашивать ткани и т. п. явленіямъ, которыя носятъ теперь названіе химическихъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что самое слово «химія» произошло отъ названія этой книги, которая называлась Хеми, но другіе выводятъ это слово отъ египтянъ. Вообще наука химіи, которою усердно занимались какъ въ Египтѣ, такъ и въ Греціи, не можетъ отдѣлаться отъ мистицизма и таинственности до времени александрійскихъ ученыхъ—Зосимы Панополійскаго, Синезія, Олимпіодора, Демокрита, которые начинаютъ

уже объяснять химическія явленія языкомъ, болѣе понятнымъ на столько, что и теперь можно почерпнуть многое изъ ихъ сочиненій; но и у нихъ встрѣчаются весьма часто самыя туманныя формулы превращенія металловъ, въ родѣ такой, что «небо сверху—небо снизу, звѣзды сверху—звѣзды снизу; все вверху—все тоже внизу; это возьми и сдѣлайся счастливъ». Опыты александрійской школы, производившіеся на философскихъ, логическихъ началахъ, въ концѣ концовъ бросаются и начинается исканіе ощупью. Въ этотъ періодъ происходитъ страшная путаница: является множество лицъ, провозглашающихъ свое умѣнье дѣлать золото, дается множество рецептовъ, но ни одинъ изъ алхимиковъ XVI и XVII вѣковъ самъ не берется дѣлать его въ значительномъ количествѣ. Періодъ развитія блестящей литературы по вопросамъ химіи александрійскихъ ученыхъ и въ особенности арабовъ, пришедшихъ въ Испанію, замѣняется шарлатанскими опытами, среди которыхъ только изрѣдка попадаются дѣльные труды, сохранившіе свою силу и до настоящаго времени. Выработываются такія теоретическія воззрѣнія, какъ-то, что матерія едина; всѣ разнообразныя формы обусловливаются только разнообразіемъ комбинацій; природа эти комбинаціи воспроизводитъ и мы должны ихъ произвести. Но какъ произвести? Для этого у алхимиковъ существуетъ философскій камень, о которомъ никто изъ нихъ не говоритъ подробно. Названіе это появляется въ IX вѣкѣ, а раньше былъ «великій элексиръ», «красная тинктура», «средство третьяго порядка» и т. д Описаніе внѣшняго вида философскаго камня встрѣчается у Демокрита, который говоритъ, что это вещество красное—для выдѣлки золота и бѣлое—для серебра. Парацельсъ въ XVI вѣкѣ описываетъ его болѣе подробно. Онъ говоритъ, что это вещество въ большомъ количествѣ—красное, какъ рубинъ, прозрачное, а въ мелкомъ видѣ напоминающее шафранъ, гибкое, какъ смола, и ломкое, какъ стекло. Хотя хромокаліева соль и подходитъ по своимъ свойствамъ подъ это описаніе, но свойства философскаго камня она не проявляетъ. Дѣлая общій выводъ, лекторъ пришелъ къ заключенію, что алхимики, занимаясь изслѣдованіемъ химическихъ явленій, наблюдая тѣ необъяснимыя чудеса, съ которыми имъ приходилось встрѣчаться во время опытовъ, и не имѣя отправныхъ точекъ, которыми пользуется современная наука, не могли выйти изъ заколдованнаго круга, въ который они попали. Въ жизни же тогда господствовалъ невѣрный экономическій взглядъ, что чѣмъ болѣе золота, тѣмъ богаче народъ, и поэтому заставлялъ ихъ работать исключительно въ этомъ направленіи. Нельзя, однако, относиться съ ироніей ко всѣмъ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ они стремились, такъ какъ многое, что считается невозможнымъ, невозможно только пока, и на нашихъ глазахъ происходятъ удивительныя открытія.

Общество любителей древней письменности. Въ засѣданіи 24-го января М. И. Семевскій сообщилъ обзоръ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива князя Ѳ. А. Куракина (село Надеждино, Саратовской губерніи). Эти интересные матеріалы составятъ набранную уже третью книгу историческаго сборника, издаваемаго княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, и относятся къ царствованію Петра Великаго. Въ первой группѣ помѣщено собраніе грамотъ, наказовъ, писемъ царя, а также донесенія и мнѣнія его дипломата князя Бориса Ив. Куракина, относящихся до заключенія торговыхъ и иныхъ трактатовъ Россіи съ Англіей и Голландіей (наемъ морскихъ чиновъ, порученія царя о разныхъ покупкахъ, инструкціи самого князя Бориса Куракина его сыну, совѣтнику посольства въ Парижѣ, и т. п.). Во второй группѣ соединено до сотни разнообразныхъ документовъ, обрисовывающихъ внутренній бытъ Семеновскаго полка за первую половину 1709 г.; въ третьей группѣ сборника особенно любопытны автобіографическія записки князя Б. И. Куракина 1710—1712 г., писанныя княземъ въ апрѣлѣ 1712 года. Въ томъ же засѣданіи общества Н. П. Барсуковъ прочелъ 30—32 главы изъ шестой приготовляемой къ пе-

чати книги «Жизнь и труды М. И. Погодина», именно о путешествіи Погодина въ 1841 году вмѣстѣ съ П. И. Саввантовымъ по Вологодской губерніи и въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Маститый ученый П. И. Саввантовъ, присутствовавшій при этомъ чтеніи, разсказалъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ этого путешествія, отчасти дополняющихъ изложеніе самого Погодина.

Археологическое общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Русскаго археологическаго общества Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе «о сартскихъ плясовыхъ пѣсняхъ». Эти пѣсни, исполненіемъ которыхъ сопровождаются пляски извѣстныхъ бачей, отличаются самымъ разнообразнымъ содержаніемъ; однѣ изъ нихъ представляютъ чистую лирику, не лишенную возвышенности чувства, и притомъ преимущественно въ духѣ элегическомъ; другія представляютъ болѣе или менѣе цѣлостныя эпическія картины, лишь прерываемыя эротическими припѣвами; третьи, наконецъ, отличаются исключительно эротическимъ характеромъ, причемъ цѣлая группа послѣднихъ произведеній принимаетъ форму діалога между бачей и акомпаньяторомъ (дорьячи), такъ что исполненіе пьесы превращается въ своего рода народный балетъ и commedia dell'arte. Представленный докладчикомъ сборникъ пѣсенъ бачей въ точныхъ записяхъ, вмѣстѣ съ подстрочнымъ переводомъ, будетъ напечатанъ въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Записокъ восточнаго отдѣленія Русскаго археологическаго общества». Въ томъ же засѣданіи Н. Я. Марръ представилъ рецензію на появившуюся на нѣмецкомъ языкѣ книгу Влисоцкаго: «Сказки армянъ трансильванскихъ и буковинскихъ» и, ограничивая преувеличенныя утвержденія автора относительно народности этихъ сказокъ, указалъ уже извѣстные литературные источники нѣкоторыхъ изъ нихъ и главнымъ образомъ варіанты извѣстной повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ. В. Г. Голенищевъ принесъ въ даръ отдѣленію по экземпляру своихъ новыхъ трудовъ: «Vingt quatre tablettes cappodociennes de la collection W. Golénischeff» и «Ermitage Imperial. Inventaire de la collection Egyptienne».

Касса взаимопомощи. 25-го января состоялось общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; собралось около 30 участниковъ; предсѣдателемъ собранія былъ избранъ професоръ В. И. Сергѣевичъ. Предсѣдатель правленія Г. К. Градовскій доложилъ отчетъ о положеніи дѣлъ кассы съ 5-го мая 1891 года (день учрежденія) по 1-е января 1892 года. Отчетъ производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя о быстромъ возростаніи числа участниковъ и денежныхъ средствъ кассы. Касса открыла свои дѣйствія при 111 членахъ-учредителяхъ, но изъ нихъ только 95 лицъ сдѣлали вступительные взносы и образовали первый контингентъ участниковъ кассы; учредитель Э. К. Ватсонъ скончался нѣсколько дней спустя по открытіи дѣйствій кассы; до конца 1891 года принято новыхъ членовъ 64, такъ что къ 1892 году въ кассѣ участвовало 158 человѣкъ. Средній возростъ участниковъ кассы въ 1891 году составлялъ 41, 43 года, а на 1892 годъ—39, 44 года. Въ 1891 году никакихъ выдачъ изъ кассы не было, такъ какъ Э. К. Ватсонъ не пожелалъ оставить заявленія о выдачѣ. Общихъ собраній было два, а засѣданій правленія—четыре. Занятія правленія были направлены на организацію дѣлопроизводства и другія распорядительныя дѣйствія. Въ отношеніи формъ счетоводства правленіе старалось держаться традицій, выработанныхъ Литературнымъ фондомъ. Тѣмъ не менѣе, соотвѣтственно особенностямъ кассы и новѣйшимъ усовершенствованіямъ въ бухгалтеріи, признано необходимымъ принять иныя формы счетоводства. За 8 мѣсяцевъ 1891 года балансъ денежныхъ оборотовъ кассы равняется 3,467 рублей 87 коп.; дѣйствительнаго прихода было 1,969 рублей 75 коп., а расхода 34 рубля 55 коп. Въ 1892 году касса вступаетъ съ капиталомъ въ 1,935 рублей 20 коп. Въ первый же годъ суще-

ствованія кассы получили начало всѣ положенные по уставу капиталы: расходный капиталъ составлялъ 1,693 рубля, запасный—206 рублей 20 коп. и пенсіонный—6 рублей. Къ 1892 году число членовъ кассы увеличилось на 65 процентовъ; средній размѣръ суммъ, подлежащихъ выдачѣ членамъ, возросъ съ 364 до 569 рублей, а средній возростъ уменьшился болѣе чѣмъ на 1½ года Такимъ образомъ, число участниковъ кассы и выгоды, обѣщанныя этимъ учрежденіемъ, возросли, а страховой рискъ участниковъ ея уменьшился, благодаря болѣе молодому составу членовъ. Средній размѣръ обязательныхъ платежей членовъ опредѣлялся для 1891 года въ 3 рубля 83 коп., а для 1892 года—въ 3 рубля 69 коп. Если бы, — замѣчаетъ отчетъ, — участники кассы приняли во вниманіе всѣ эти весьма успокоительныя данныя и возвысили разрядъ своихъ платежей, то и выгоды участія въ кассѣ быстро увеличились бы.

Затѣмъ были произведены выборы. Изъ состава правленія по жребію выбыли: А. И. Поповицкій, А. А. Тихоновъ и А. К. Шеллеръ. Вмѣсто нихъ избраны: В. Ѳ. Михневичъ, Я. Г. Гуревичъ и М. Л. Песковскій, а кандидатами: С. Н. Худековъ и Э. И. Пильцъ. Въ новомъ своемъ составѣ правленіе избрало слѣдующихъ должностныхъ лицъ: предсѣдатель Г. К. Градовскій, секретарь М. Л. Песковскій и казначей И. Ф. Василевскій.

Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1890—1891 библіотечный годъ. Къ 26 ноября 1891 года оставалось библіотечныхъ суммъ на лицо 16,337 р. 26 к., да залоговъ 2,914 р. 59 к. Съ 26 ноября 1890 года по 26 ноября 1891 года поступило: пособій отъ министерства и Симбирской городской управы, пожертвованій, процентовъ и другихъ 1,521 р. 24 к. Залоговъ—1,381 р. 50 к., а съ остаткомъ на приходѣ — 22,954 р. 59 к. Употреблено въ расходъ: на жалованье и награды служащимъ—754 р., на выписку книгъ, журналовъ и газетъ—334 р. 51 к. и на другіе расходы—1,535 р. 78 коп.; возвращено залоговъ—1,599 р. 50 коп. Итого 3,135 р. 28 коп. Къ 26 ноября 1891 года состояло библіотечныхъ суммъ на лицо—17,122 р. 72 коп., залоговъ—2,696 р. 59 коп. А всего на лицо—19,819 р. 31 коп. Журналовъ и газетъ въ 1891 году получалось 44 названій, изъ нихъ—за половинную цѣну 4, даромъ 21. Книгъ въ библіотекѣ состоитъ 13,135 назвавъ 27,842 томахъ. Пожертвовано—30 томовъ. Пріобрѣтены за деньги 42 названія въ 51 томѣ. Чтеніе и выдача книгъ производились ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ дня, исключая субботы. Посѣтившихъ втеченіе года библіотеку опредѣлить трудно, но полагать можно отъ 30 до 70 человѣкъ ежедневно. Бравшихъ подъ залоги книги и ноты на домъ было 407 человѣкъ. Этимъ абонентамъ было выдано 20,110 томовъ, въ томъ числѣ: журналовъ 9343, французскихъ книгъ 291, нѣмецкихъ 42. Въ числѣ русскихъ книгъ было выдано изъ отдѣла литературы и изящной словесности 8,625, изъ исторіи 374, дѣтскихъ книгъ 353, исторіи литературы и критики 274. Изъ журналовъ были выданы: Вѣстникъ Европы 1,051, Русская Мысль 938, Русскій Вѣстникъ 897, Сѣверный Вѣстникъ 891, Колосья 708, Историческій Вѣстникъ 613, Семейные Вечера 449, Родникъ 308 и пр.

† Въ Москвѣ неутомимый общественный дѣятель **Николай Ѳедоровичъ Самаринъ**. Когда было обнародовано положеніе объ освобожденіи крестьянъ, покойный оставилъ службу, сулившую ему блестящую будущность въ чиновномъ мірѣ, и посвятилъ всѣ свои силы на безпокойный трудъ по устройству освобожденныхъ крестьянъ. Онъ былъ первымъ мировымъ посредникомъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи. Прямотою своего характера, безкорыстіемъ и безусловной справедливостью Н. Ѳ. пріобрѣлъ общее довѣріе крестьянъ и съумѣлъ устранить значительныя недоразумѣнія, возникшія повсемѣстно по обнародованіи положенія между помѣщиками и крестьянами. Своихъ бывшихъ крѣпостныхъ покойный надѣлилъ несравненно большими надѣлами и лѣсомъ, чѣмъ это слѣдовало по положенію. Въ 1869

году онъ былъ избранъ предводителемъ дворянства Богородскаго уѣзда и занималъ эту должность до 1884 года, когда не могъ по болѣзни заниматься болѣе служебными дѣлами. Н. Ѳ. родился въ 1829 году въ Москвѣ и окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Затѣмъ служилъ на Кавказѣ, подъ начальствомъ князя Воронцова, въ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и до 1861 года былъ чиновникомъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ синода. Помимо занятій по управленію Богородскимъ уѣздомъ покойный работалъ надъ приведеніемъ въ систему и описаніемъ собранныхъ имъ памятниковъ по русской исторіи. Его перу принадлежитъ «Хроника недавней старины», гдѣ онъ сообщилъ біографическія свѣдѣнія о своемъ дѣдѣ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ.

† 21-го января скоропостижно заслуженный професоръ Николаевской академіи, военный инженеръ генералъ **Владиславъ Михайловичъ Карловичъ**. Покойный былъ дѣятельнымъ инженеромъ, не только теоретикомъ, но и практикомъ. Родился онъ въ 1834 году, образованіе получилъ въ Николаевскомъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ инженерномъ искуствѣ поступилъ въ Николаевскую академію. Свою служебную дѣятельность Карловичъ началъ въ академіи, куда былъ приглашенъ въ качествѣ репетитора. Съ 1867 года въ качествѣ адъюнктъ-професора читалъ строительное искуство офицерамъ. Въ 1877 году покинулъ на десять лѣтъ академію, а затѣмъ вновь возвратился и продолжалъ читать строительное искуство. Въ 1889 году онъ въ качествѣ инспектора ѣздилъ обозрѣвать работы, произведенныя въ Мургабскомъ государевомъ имѣніи. Недавно онъ былъ выбранъ въ товарищи предсѣдателя общества охраненія народнаго здравія вмѣсто покойнаго И. Е. Андреевскаго. Принимая горячее участіе въ дѣятельности общества, онъ внесъ цѣнный проектъ образцовой земской больницы. Его проектъ послѣ тщательнаго обсужденія общество признало за такой, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при постройкѣ больницъ. Въ послѣднее время онъ предсѣдательствовалъ въ особой комисіи, образованной при обществѣ охраненія здравія, для изысканія общественныхъ работъ населенію, пострадавшему отъ голода. По его проектамъ построено въ Петербургѣ болѣе 50-ти домовъ и построены нѣкоторые городскіе мосты (напримѣръ, Симеоновскій). Имъ написана масса спеціальныхъ сочиненій, гдѣ разрабатываются детали строительной техники. Его трудъ, подъ названіемъ: «Опытъ разработки вопросовъ объ устройствѣ основаній и фундаментовъ различныхъ строеній», удостоенъ Михайловской преміи. Изъ остальныхъ сочиненій назовемъ «Санитарные очерки» и «Мургабское Государево имѣніе». Недавно изданъ «Курсъ строительной механики», принадлежащій перу покойнаго.

† 13-го января членъ совѣта министра финансовъ **Николай Яковлевичъ Макаровъ**. Онъ родился въ 1828 году въ Полтавской губерніи, въ имѣніи своего дѣда; первоначальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ гувернеровъ-иностранцевъ, затѣмъ учился въ Нѣжинской гимназіи и въ лицеѣ Безбородка, гдѣ окончилъ курсъ въ 1848 году въ числѣ лучшихъ. По окончаніи курса, Н. Я. случайно познакомился съ бывшимъ олонецкимъ губернаторомъ Н. Э. Писаревымъ, отъ котораго получилъ приглашеніе поступить на службу въ канцелярію губернатора и переселиться въ Петрозаводскъ. Но онъ не долго жилъ въ Петрозаводскѣ: ему вскорѣ пришлось убѣжать ночью изъ этого города, потому что онъ познакомился съ Баласогло, замѣшаннымъ въ исторію Петрашевскаго, а губернатору это знакомство не понравилось, и онъ сталъ преслѣдовать Макарова. Прибывъ въ Петербургъ, онъ направился къ своему родственнику, бывшему члену государственнаго совѣта, А. В. Кочубею, и только благодаря его поручительству получилъ разрѣшеніе жить въ Петербургѣ. Въ 1861 году онъ былъ назна-

чевъ оберъ-контролеромъ временной комисіи, учрежденной при департаментѣ морскихъ отчетовъ. Черезъ годъ уѣхалъ въ качествѣ управляющаго акцизными сборами въ Гродненскую губернію и за удачныя заботы о сохраненіи казенныхъ интересовъ былъ награжденъ пятью тысячами рублей. Съ 1863 по 1869 г. онъ занималъ должность вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ, затѣмъ управлялъ московской казенной палатой и съ 1881 до прошлаго года былъ товарищемъ управляющаго государственнымъ банкомъ. Въ началѣ своей служебной дѣятельности, Н. Я. Макаровъ занимался литературнымъ трудомъ. Въ 50-хъ годахъ онъ написалъ рядъ статей для иностраннаго обозрѣнія «Современника», издававшагося Панаевымъ и Некрасовымъ. Одновременно работалъ въ «Вѣстникѣ географическаго общества». Въ 1856 году въ журналѣ «Основа» напечатаны его воспоминанія о Н. А. Марковичѣ. Занимая въ 70-хъ годахъ видное служебное положеніе, покойный продолжалъ время отъ времени писать замѣтки для періодической печати. Въ 1872 году въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» печатались его интересныя письма изъ Либавы.

† 7-го января въ Самарѣ **Евгеній Өедоровичъ Кони.** Онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Осколковъ», «Будильника» и «Стрекозы», помѣстилъ нѣсколько разсказовъ въ «Новомъ Времени» (за подписью «Евгеній Южинъ»), печаталъ лирическія стихотворенія въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Въ юмористическихъ журналахъ онъ писалъ подъ псевдонимами «Юша», «Инокъ», «Евгеній», «Конекъ-Горбунокъ» и многими другими. Долгая и трудная болѣзнь сильно вредила его литературнымъ занятіямъ и, наконецъ, свела Кони въ могилу еще сравнительно молодымъ человѣкомъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Портретъ Глинки, дѣланный въ Парижѣ.

Приложенный къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ Глинки былъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ. Глинка прислалъ его въ 1845 году изъ Парижа своей сестрѣ Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, и съ тѣхъ поръ впродолженіе 45 лѣтъ онъ хранился въ имѣніи ихъ семейства, въ селѣ Новоспасскомъ Смоленской губерніи. Лишь въ недавнее время онъ снова былъ отысканъ, недавно принесенъ Л. И. Шестаковой въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ и можетъ, наконецъ, въ видѣ вѣрной копіи стать достояніемъ общимъ.

Для почитателей Глинки этотъ портретъ имѣетъ особое значеніе. Онъ относится къ 1845 году и времени пребыванія Глинки за границей, спустя всего три года послѣ появленія на русской сценѣ «Руслана и Людмилы». Изъ этого заграничнаго періода Глинки не было до сихъ поръ ни одного портрета.

Настоящій портретъ — литографія. Выполнилъ ее одинъ парижскій художникъ, въ настоящее время совершенно неизвѣстный, котораго подпись стоитъ внизу листа: «León Couderc. Paris. 1845». Тутъ же помѣщено и факсимиле подписи Глинки: «M. de Glinka». На нашемъ экземплярѣ (въ настоящее время едва ли не единственномъ) стоитъ надпись чернилами, рукою самого Глинки: «A ma chère soeur Loudmila. Paris le $^{25}/_{13}$ Mai 1845».

Эта послѣдняя дата указываетъ намъ на обстоятельства, при которыхъ и по причинѣ которыхъ этотъ портретъ явился на свѣтъ. 28-го марта (10-го апрѣля) 1845 года Глинка далъ въ Парижѣ концертъ, состоявшій изъ его сочиненій. Въ письмѣ къ матери изъ Парижа отъ 12-го апрѣля новаго стиля (въ настоящее время уже не существующемъ, но напечатанномъ мною, въ извлеченіи, въ моей біографіи Глинки 1857 года) онъ писалъ: «Послѣ дебюта моего въ концертахъ Берліоза (въ мартѣ), мнѣ нельзя было, не подвергнувшись насмѣшкамъ моихъ соотечественниковъ, оставить Парижъ, не представивъ на судъ парижской публики нѣсколько другихъ моихъ сочиненій. Я рѣшился дать концертъ въ пользу здѣшняго музыкальнаго общества. Хлопотъ и заботъ—безъ конца. Наконецъ, третьяго дня концертъ мой прошелъ очень удачно, хотя и не безъ варіацій. Соловьева, спасшая меня въ первомъ концентѣ Берліоза, была не въ голосѣ и оробѣла до такой степени, что, пропѣвъ итальянскій дуэтъ очень плохо, не могла продолжать. Маррасъ, превосходный теноръ (участвовавшій въ концертѣ), вызвался поправить дѣло и пропѣлъ отлично (кромѣ романса Глинки «Desiderio») сверхъ программы арію «Una furtiva lagrima» (изъ «Elisire d'amore»), возбудилъ въ слушателяхъ восторгъ и вознаградилъ за два нумера, которые не могли быть выполнены. (Соловьева должна была, по программѣ, пѣть арію Людмилы и романсъ «Сомнѣніе»). Въ жизни моей я не былъ встревоженъ до такой степени, и это, впрочемъ, не удивительно: приговоръ здѣшней публики рѣшаетъ судьбу, или, лучше сказать, репутацію артистовъ. Я выступилъ на сцену съ весьма небогатымъ запасомъ пьесъ, новыхъ для здѣшней публики; лучшихъ отрывковъ изъ моихъ оперъ дать было невозможно, ибо, кромѣ Соловьевой, никто здѣсь не можетъ пѣть порусски, а всѣ опыты перевода словъ моей музыки [1]) остались безъ успѣха. Зала была полна и публика отличная, хотя билетовъ продано было очень мало, какъ потому, что концертовъ здѣсь множество и публика утомлена, такъ и по интригамъ большей части музыкальныхъ магазиновъ. Хотя я и не прибѣгалъ ко всѣмъ тѣмъ хитростямъ, безъ коихъ въ подобныхъ случаяхъ нельзя обойтись, концертъ былъ очень удаченъ, пьесы разыграны были оркестромъ итальянскаго театра превосходно, и сотрудники мои играли и пѣли какъ нельзя лучше».

Глинка много разсчитывалъ на успѣхъ свой въ Парижѣ—онъ казался ему необходимъ для его тогдашнихъ цѣлей. Задумавъ ѣхать изъ Парижа въ Испанію, онъ писалъ своей матери: «Нельзя отнять у меня этого необходимаго для меня путешествія; оно сопряжено сколько съ требованіями моего искусства, столько и больнаго моего сердца. Мнѣ нужно солнце и предметы, къ коимъ давно влечетъ меня воображеніе, и если мои намѣренія исполнятся благополучно, тогда сынъ вашъ, сдѣлавшись извѣстнымъ въ Парижѣ, во всей Европѣ будетъ какъ дома, не говоря о Россіи, гдѣ я надѣюсь поставить себя на другую ногу»... Вотъ каково было положеніе Глинки: измученный равнодушіемъ или полнымъ непониманіемъ наибольшей массы своихъ соотечественниковъ, онъ принужденъ былъ бѣжать за границу, и искать тамъ немножко побольше сочувствія, которое отогрѣло бы его отъ холода русскаго общества, безумно и антихудожественно погрязшаго въ

---

[1]) Переводилъ тогда русскій текстъ на французскій языкъ давнишній пріятель Глинки, князь Элимъ Мещерскій.

болотахъ «итальянщины»; Глинка долженъ былъ отыскивать за границей способовъ для того, чтобъ быть «признаннымъ», и поставить себя въ Россіи «на другую ногу» противъ того, что до тѣхъ поръ было. А было до тѣхъ поръ то, что свои знать его не хотѣли, и увѣряли его, что «Русланъ и Людмила», вѣнецъ музыки,—«неудачная опера» (un opéra manqué); было то, что только два геніальныхъ иностранныхъ музыканта, Листъ и Берліозъ, поняли въ то время, что такое Глинка, и старались отогрѣть его, замерзшаго, на своей груди.

Итакъ, парижскій концертъ былъ для Глинки въ 1845 году дѣломъ первостепенной важности. Понятно, что онъ о немъ долженъ былъ сильно хлопотать. Онъ даже занялъ у пріятеля, князя Вас. Петр. Голицына, на расходы 1,500 франковъ, — трата совершенно непроизводительная, которая ни въ малѣйшей мѣрѣ не окупилась. Но, какъ бы ни было, Глинка, всетаки, ничуть не прибѣгалъ къ тѣмъ средствамъ («хитростямъ», по его словамъ), къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ тѣ, кто желаетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ, или даже и вообще за границей. Онъ не таскался передъ концертомъ къ критикамъ и рецензентамъ, не искалъ милости издателей и редакторовъ вліятельныхъ газетъ, никого не подкупалъ въ свою пользу ни деньгами, ни улыбками, ни поклонами и льстивыми разговорами. Извѣстенъ его отвѣтъ Мейерберу. Тотъ однажды спросилъ его: «Отчего это, мсьё Глинка, ваши сочиненія такъ хороши и мы ихъ такъ любимъ, а они такъ мало распространены въ Европѣ?» Оттого,—отвѣчалъ Глинка,—что у меня нѣтъ привычки развозить мои сочиненія по всему свѣту. Этотъ отвѣтъ отлично рисуетъ характеръ Глинки и презрѣніе его къ рекламѣ и тепленькому подготовленію себѣ успѣха. Вся новая русская музыкальная школа, наслѣдница Глинки, точно также всегда чуждалась «рекламъ», «забѣганій», «полезныхъ визитовъ», «униженія передъ рецензентами» (часто невѣждами и пошлыми рутинерами). Начиная съ Даргомыжскаго и кончая новѣйшими представителями талантливой русской школы, никто изъ истинныхъ наслѣдниковъ Глинки не могъ смотрѣть безъ жалости и негодованія на то, какъ «работаютъ» передъ своими концертами очень многіе изъ иностранныхъ музыкантовъ (часто даже очень интеллигентныхъ и талантливыхъ). Привычки «подготовки» не водворились, по счастью, даже и до сихъ поръ между лучшими изъ русскихъ композиторовъ и музыкантовъ. Тѣмъ менѣе это было возможно 45 лѣтъ тому назадъ, во времена еще начальныя русской школы, во времена еще первый ея свѣжести, юности, честности и полной неразвращенности. Глинка не прибѣгалъ ни къ какимъ «хитростямъ» въ Парижѣ, и потому навѣрное никогда не вздумалъ бы, въ числѣ прочихъ средствъ, прибѣгнуть также и къ распространенію своего портрета. Уже если онъ не захотѣлъ даже сообщить какихъ бы то ни было біографическихъ данныхъ о самомъ себѣ Берліозу, который пришелъ отъ него въ 1845 году въ Парижѣ въ такое восхищеніе, что рѣшился: напечатать о немъ въ «Journal des Débats» ту великолѣпную критическую статью, которая и до сихъ поръ есть самое горячее и вдохновенное выраженіе сочувствія Европы къ великому русскому музыканту, — не захотѣлъ, точно по какой-то умилительной стыдливости, давать біографическихъ подробностей о себѣ даже Берліозу и предоставилъ такую работу своему старинному пріятелю, Мельгунову, — то тѣмъ менѣе способенъ былъ Глинка заниматься изданіемъ своего портрета. Это было бы еще невозможнѣе и мучительнѣе для его нѣжной, деликатной, стыдливой натуры.

Но французы также не могли много заботиться тогда, въ 1845 году, о нарисованіи и изданіи портрета Глинки. Глинка былъ для нихъ человѣкъ совершенно неизвѣстный, и, значитъ, ничѣмъ неинтересный. Безпокоиться о его портретѣ никому изъ нихъ ни въ какомъ отношеніи не предстояло надобности.

Изъ этого я вывожу заключеніе, что парижскій портретъ Глинки былъ задуманъ, устроенъ, нарисованъ и изданъ незадолго до концерта 30-го марта 1845 года кѣмъ нибудь изъ русскихъ пріятелей и почитателей Глинки (которыхъ тогда было не мало въ Парижѣ), а, можетъ быть, и всѣми ими вмѣстѣ, на общій счетъ. Между ними были: Мельгуновъ, кн. Вас. Петр. Голицынъ, кн. Элимъ Мещерскій, кн. А. П. Салтыковъ, Н. П. Норовъ, М. Л. Неваховичъ, мадамъ Гиделла и другіе. Судя по рисунку и преувеличенно-длинной пропорціи всей фигуры (мало передававшей коротенькую малорослую фигуру Глинки), я думаю, что всего скорѣе этотъ портретъ Глинки нарисованъ былъ Алексѣемъ Салтыковымъ. Этотъ аматеръ-художникъ всѣ свои фигуры рисовалъ обыкновенно гораздо длиннѣе того, что видѣлъ въ натурѣ. Не смотря на этотъ существенный недостатокъ, нашъ портретъ представляетъ не малое, хотя и не полное, сходство лица Глинки съ тогдашнимъ оригиналомъ. Въ рукѣ у Глинки — тетрадь съ нотами, на правой рукѣ — перстень, который онъ носилъ впродолженіе всей своей жизни.

Прилагаемый при настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» снимокъ съ парижской литографіи прекрасно награвированъ на деревѣ нашимъ талантливымъ граверомъ В. В. Матэ. **В. Стасовъ.**

II.

Неизвѣстный до сихъ поръ гравированный портретъ царевны Софіи Алексѣевны.

Къ числу необыкновенно рѣдкихъ русскихъ гравированныхъ портретовъ собиратели ихъ относятъ портретъ царевны Софіи Алексѣевны, гравированный по заказу сторонниковъ Софіи тогдашнимъ граверомъ Тарасевичемъ. Нашъ уважаемый знатокъ этого дѣла Д. А. Ровинскій въ своемъ каталогѣ говоритъ объ этомъ портретѣ слѣдующее (стр. 1661): «Любимецъ Софьи, Шакловитый, задумалъ сдѣлать гравированный портретъ Софьи безъ братьевъ, съ арматурою: «у кесаря де римскаго седмь курфирстовъ рисуется вокругъ его портрета, тако на подобіе сего, вмѣсто семи курфирстовъ надобно сдѣлать седмь даровъ, сирѣчь добродѣтелей великой государыни». Вслѣдствіе чего, по порученію Шакловитаго, вырѣзаны Тарасевичемъ съ товарищами, на дворѣ Шакловитаго, на Дѣвичьемъ полѣ, двѣ доски: на одной изъ нихъ вырѣзано было изображеніе св. муч. Θеодора Стратилата (въ честь Θеодора Шакловитаго), съ воинскою въ ногахъ сбруею, литаврами, знаменами, копьями и другимъ оружіемъ. На другой доскѣ вырѣзанъ портретъ Софьи, въ коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ. Съ обѣихъ досокъ печатались оттиски на атласѣ, тафтѣ, объяри (плотной шелковой ткани) и на бумагѣ. Они розданы окольничьему А. П. Ржевскому, В. С. Нарбекову и инымъ разнымъ людямъ, имена которыхъ Медвѣдевъ и Перекрестъ запамятовали въ своихъ показаніяхъ (по дѣлу Шакловитаго). Граверу

Тарасевичу съ товарищами и Богдановскому выдано за работу «по сто рублевъ денегъ да объярь, да атласъ, да по двѣ пары штукъ сукна, да по двѣ пары, собольихъ шкуръ».

«Для распространенія портрета Софьи работы Тарасевича Шакловитый переслалъ одинъ оттискъ его, при посредствѣ Андрея Виніуса, Амстердамскому бургомистру Николаю Витсену, который поручилъ граверу Блотлингу сдѣлать съ него копію и въ скоромъ времени прислалъ сто отпечатковъ съ новой доски Шакловитому. Присланные Витсеномъ отпечатки портрета были розданы приверженцамъ Софьи. Въ 1699 году, во время розысковъ по ея дѣлу, всѣ найденные ея портреты, гравированные Тарасевичемъ и Блотлингомъ, уничтожены; ихъ отбирали подъ страхомъ смерти, и такъ исправно, что до нашего времени дошло всего три экземпляра гравюры Блотлинга и не дошло ни одного экземпляра гравюры Тарасевича».

Такимъ образомъ гравированный портретъ царевны Софьи работы Тарасевича, повидимому, долженъ считаться навсегда потеряннымъ. Между тѣмъ, въ одной частной коллекціи существуетъ слѣдующій портретъ Софьи Алексѣевны.

«Двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями; въ правой (отъ зрителя) лапѣ у орла пальма, въ лѣвой—мечъ. На груди—овальный медальонъ съ портретомъ царевны. Она въ коронѣ, въ царскомъ облаченіи; въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой держава. Волосы распущены по плечамъ. Фонъ сплошной, безъ всякихъ изображеній. Вокругъ медальона славянскимъ крупнымъ шрифтомъ въ одну строку надпись: «Пресвѣтлѣйшая и державнѣйшая, Божіею милостію великая Государыня благовѣрная Царевна и великая княжна Софіа Алексіевна, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержица». На правомъ крылѣ (отъ зрители) три овальныхъ медальона съ изображеніемъ добродѣтелей: Дѣвства (женская фигура подъ покрываломъ, держащая розу), Правосудія (женщина съ мечемъ и съ вѣсами) и Кротости (сидящая женщина съ сложенными на груди накрестъ руками). На лѣвомъ крылѣ тоже три медальона, съ добродѣтелями: Благочестіе (женщина, сидящая на камнѣ, держитъ въ рукахъ церковь), Милость (сидящая съ ребенкомъ на рукахъ женщина; возлѣ нея стоящій ребенокъ) и Крѣпость (женщина несетъ колонну, возлѣ лежитъ левъ); на верху, между двумя главами орла, въ медальонѣ, окруженномъ рамкой, седьмая добродѣтель—Мудрость (рука со свѣчой, на рукѣ глазъ). Подъ орломъ, внизу, въ восьмиугольной рамкѣ, слѣдующій титулъ, на семи строкахъ:

«Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царевна Казанская, Царевна Астраханская, Царевна Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княжна Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княжна Новагорода Низовскія земли, Черніговская Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удерская, Обдорская, Кондиская и всея сѣверныя страны Повелительница и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Очична и Дѣдична, Наслѣдница и Обладательница».

Подъ титуломъ, въ два столбца, стихи:

налѣво: Мудростію отъ Бога свыше наполнѐнна,
Благочестія, Дѣвства вѣнцѐмъ украшѐнна.
Милость, Правосу́діе истинное дѣетъ.
Крѣпость со Крòтостію дивную имѣетъ.

направо: Сими Себе святыми дары прославила
И царство àки седми столпы укрѣпила.
Сими во всѐй ѐстъ нынѣ вселеннѣй славима,
Яже и впредъидущій вѣкъ будетъ блажима.

Подписи гравера нѣтъ (или отрѣзана).

Экземпляръ вообще попорченъ. Бумага между крыльями, съ боковъ и внизу подъ стихами, обрѣзана. Листъ былъ согнутъ и на немъ поперечный разрывъ. Въ настоящее время листъ наклеенъ сплошь на тонкую бумагу, которая съ краевъ только наклеена на толстый листъ.

Титулъ и изображенія на медальонахъ совершенно тождественны съ имѣющимися на портретѣ масляными красками работы Тарасевича, хранящемся въ Романовской галлереѣ и помѣщенномъ, въ фотографическомъ снимкѣ, въ изданіи Ретгера.

Вышина гравюры отъ нижней черты до верха короны надъ орломъ 455 миллиметровъ, бóльшая ширина (окраины крыльевъ) 317 миллиметровъ.

Самая гравюра сдѣлана крѣпкой водкой, съ подправкой рѣзцомъ. Оттискъ сильный, но потертый.

Не догадаются ли наши собиратели портретовъ, кѣмъ бы могъ быть награвированъ этотъ листъ и не представляетъ ли онъ тотъ рѣдчайшій портретъ работы Тарасевича, съ котораго была сдѣлана (вольная) копія Блотлингомъ, такъ какъ портретъ, гравированный Аѳанасьевымъ, есть не что иное, какъ хорошая копія съ гравюры Блотлинга, причемъ латинскій текстъ замѣненъ дословнымъ русскимъ переводомъ. А. Пальчиковъ.

Въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Русская область на юго-западной окраинѣ», на стр. 548, оказалась существенная ошибка, которую спѣшимъ оговорить, а именно: подъ портретомъ кіевскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Безака, неправильно поставлена подпись «Д. Г. Бибиковъ».

гой въ этотъ же трактиръ прибудетъ нѣкто, кто затѣетъ громкій споръ съ трактирщикомъ изъ-за овса, даннаго его лошади. Когда споръ стихнетъ, вы подойдете къ пріѣзжему и спросите его объ урожаѣ хмѣля на сѣверѣ, онъ вамъ отвѣтитъ и въ свою очередь спроситъ васъ о виноградѣ въ Бургони. Такимъ образомъ, вы признаете другъ друга, и вы будете находиться въ распоряженіи этого человѣка, которому вы передадите вотъ это письмо для подтвержденія вашей личности. Быть можетъ, вамъ дадутъ какое нибудь порученіе, вы исполните его, но, что бы тамъ ни было, не позднѣе 15-го числа вы обязательно должны быть на бельгійской границѣ. Туда же должны прибыть и ваши люди, до тѣхъ поръ они могутъ скрываться у какого нибудь крестьянина, не привлекая на себя вниманія. Хорошо ли вы поняли?

— Я запомнилъ всѣ подробности. А послѣ 15-го?

— Въ Филипвиллѣ вы получите всѣ рѣшающія распоряженія. А главное—никакихъ неосторожностей, ни дракъ, ни пьянства, ни разгула.

— Не оставляйте моихъ людей слишкомъ долго безъ дѣла, и я за все отвѣчаю.

— Можете ли вы мнѣ дать слово за себя, что вы не примете никакого вызова, что вы будете избѣгать всякой ссоры?

— Конечно, исключая тѣхъ случаевъ, которыми будетъ руководить высшая сила. Я тѣмъ охотнѣе даю вамъ это слово, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ принятому мною рѣшенію за нѣсколько часовъ, вслѣдствіе одной глупой ссоры, поединка среди улицы.

— Вы были ранены?

— Я легко могъ быть убитъ, острое лезвіе... Мой противникъ, какой-то виконтъ де... я даже не разслышалъ хорошенько его имени, онъ затѣялъ все дѣло изъ-за маленькой якобинки, за которую онъ вздумалъ заступиться и которой онъ теперь, вѣроятно, строитъ куры.

Въ двухъ словахъ онъ разсказалъ суть дѣла.

— Что меня злитъ больше всего, это—что этотъ вертопрахъ считаетъ себя вправѣ подозрѣвать меня въ подлости.

— А эта кираса?

— Не что иное, какъ желѣзный ящикъ, который я ношу на груди и въ которомъ сохраняю порученныя мнѣ письма, какъ, напримѣръ, письма маркизы, но развѣ было мнѣ время объяснять все это: вѣдь меня толпа разорвала бы на куски.

— Не все ли равно... Вы, вѣроятно, никогда не встрѣтитесь съ вашимъ противникомъ.

— О, я ему долженъ отомстить. Я его розъищу.

— А ваше слово?

— Это потомъ, потомъ.

— Хорошо. Я разсчитываю на васъ. Возьмите этотъ пакетъ,

въ немъ часть обѣщанной суммы, тратьте не стѣсняясь, не считая, въ особенности въ рѣшительныя минуты.

— Постараюсь, чтобы вы были довольны.

— Завтра же выступать.

— Пора предупредить мой маленькій отрядъ, и въ дорогу!

Маркиза встала. Аудіенція была окончена.

Лавердьеръ поклонился и направился было къ двери, но вдругъ остановился.

— Кстати, маркиза, благодаря случаю, я узналъ нѣчто, что будетъ вамъ, быть можетъ, не безъинтересно узнать...

— Скажите, что такое?

Лавердьеръ передалъ ей таинственный разговоръ, слышанный имъ на заднемъ дворѣ почты.

— Я не знаю вашихъ замысловъ,—проговорилъ онъ:—но не мѣшаетъ знать, что наши самые ярые противники замышляютъ заговоръ.

— Дѣйствительно,—замѣтила задумчиво Регина,—эти якобинцы не обезоруживаются и думаютъ, что близокъ часъ для уженья рыбы въ мутной водѣ. Благодарю васъ за это сообщеніе, оно можетъ мнѣ весьма пригодиться.

— Запомните ли вы адресъ, лозунгъ пропуска, условный знакъ?

— Да, да.

— Не предупредить ли Фуше?

Но маркиза ничего не отвѣтила.

Капитанъ еще разъ поклонился и вышелъ.

VIII.

Можно себѣ представить, какъ былъ взволнованъ Лорисъ приглашеніемъ маркизы вернуться снова, сказанными ею почти шепотомъ.

Говоря правду, молодой человѣкъ находился въ весьма странномъ настроеніи духа; ему казалось, что онъ съ утра живетъ точно въ какомъ-то условномъ мірѣ, точно онъ играетъ какую-то роль на театральной сценѣ въ пьесѣ, которой онъ не знаетъ цѣликомъ. Каждую минуту въ немъ сталкивались самыя противорѣчивыя чувства. То онъ отдавался всей страсти юношескаго увлеченія, то онъ точно попадалъ подъ душъ ледяной воды; злоба, попытки протеста, какъ будто подымались со дна его души, и снова вся энергія превращалась въ безропотную покорность.

Въ данную минуту онъ сознавалъ только одно: онъ любилъ. Регина, женщина или героиня, овладѣла имъ всецѣло, и если въ глубинѣ души его еще держалось какое-то необъяснимое чувство безпокойства, онъ не хотѣлъ ему поддаваться. Регина вѣдь сказала ему, что близокъ часъ, когда она будетъ принадлежать ему, когда онъ получитъ награду за свою преданность.

Какое же ему дѣло до всего остальнаго? Онъ съ наслажденіемъ отдавался тому вихрю, который его увлекалъ, и если буря должна была его уничтожить, онъ мечталъ объ этой смерти отъ руки, которая превратитъ ее для него въ радостную.

Въ одиннадцать часовъ онъ снова былъ у дверей маленькой гостиной m-me де-Люсьенъ.

Она сама открыла ему, и Лорисъ вскрикнулъ отъ удивленія.

Регина была одѣта не то въ мужское платье, не то амазонкой. Черная шелковая шляпа, низкая, съ загнутыми полями, была надѣта на высоко зачесанныхъ и спрятанныхъ волосахъ.

Онъ только смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, не разспрашивая ея.

— Виконтъ,—начала она, и сама улыбалась:—быть можетъ, не откажетъ предложить мнѣ свою руку?

— Вы собираетесь со двора?

— Съ вами вмѣстѣ!—отвѣтила она утвердительно.

— Въ такое позднее время?

— О, Боже! Неужели вы никогда не выучитесь повиноваться безъ договоровъ!

Онъ-то! Никогда Регина не казалась ему болѣе красивой, оживленной, вѣроятно, подъ вліяніемъ мысли о предстоящей ночной экскурсіи.

— Помогите мнѣ,—обратилась она къ нему.

Онъ помогъ ей надѣть легкое манто, въ которое она вся завернулась.

Ихъ пальцы встрѣтились. Онъ взялъ эту маленькую ручку и поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ; она не отдергивала руки.

— Отчего же вы не спросите, куда мы собираемся?

— Не все ли равно, разъ, что вы идете.

— Наконецъ-то, вотъ такъ я согласна, чтобы вы меня любили!

Разговаривая такимъ образомъ, она открыла шкатулку, вынула изъ нея два маленькихъ пистолета съ рукоятками изъ слоновой кости, настоящія игрушки, и спрятала ихъ въ карманъ.

— Развѣ мы идемъ сражаться?..—спросилъ Лорисъ, видя въ этомъ женскую безосновательную предосторожность.

— Почемъ знать,—сказала она, смѣясь:—а вдругъ наткнемся на дикихъ звѣрей?

— А моя шпага?

Не отвѣчая ему, она взяла молодаго человѣка подъ руку, повела его въ паркъ, отворила калитку, и они очутились на улицѣ.

Была глубокая ночь. Собиралась гроза, молнія безпрестанно сверкала.

Конечно, Лорисъ предпочелъ бы этой экскурсіи во тьмѣ хорошую, мирную бесѣду въ будуарѣ наверху.

Но онъ поддавался романической прелести этой ночной прогулки, которую приближающаяся гроза дѣлала еще своеобразнѣе.

Они шли медленно, не разговаривая.

Сверкнула молнія, Регина вздрогнула и крѣпче прижалась къ своему спутнику.

— О, какая храбрая героиня,—проговорилъ онъ:—боится молніи.

— Упрекъ?

— Конечно, нѣтъ, напротивъ. Вы не могли придумать для меня, Регина, большей радости, какъ отдать себя подъ мою защиту: въ эту минуту вы настоящая женщина, и благодаря вашей обаятельной слабости, я ощущаю всю гордость моей любви и моей преданности. Куда мы идемъ, я не спрашиваю васъ, не хочу знать. Будемте идти все дальше, дальше, куда глаза глядятъ, безъ конца, опирайтесь на меня хорошенько, пока, изнемогающую отъ усталости, я не понесу васъ обратно, какъ малое дитя на рукахъ.

Снова сверкнула молнія, снова она вздрогнула.

Это была какая-то нервная вибрація всего существа. Склонивъ голову, она внимала нѣжному и вмѣстѣ убѣдительному голосу молодаго человѣка, которому, быть можетъ, впервые приходилось убаюкивать ее словами любви, полными прелести. Она слушала, не прерывая его, поддаваясь сладкому опьяненію, которое навѣвалъ на нее этотъ молодой, музыкальный голосъ.

Онъ сказалъ вѣрно, въ эту минуту она была женщиною, и только женщиною: мракъ, электричество, которымъ былъ пропитанъ воздухъ, все это дѣйствовало на нее, она не дѣлала даже попытокъ сопротивленія, она даже ничему не удивлялась, она вся отдалась своимъ новымъ ощущеніямъ, какихъ до сихъ поръ никогда не подозрѣвала; она не анализировала ихъ, а покорно переживала ихъ и только наслаждалась. Онъ говорилъ словами неясными, неопредѣленными. Это былъ настоящій языкъ страсти, это былъ какой-то шепотъ, который ласкалъ ея слухъ, но для нея онъ былъ понятенъ; она понимала его съ тою чуткостью, которая придаетъ значеніе даже біенію сердца.

Сильный ударъ грома, хотя еще далекій, пробудилъ ее изъ сладкой истомы. Она оглянулась.

— Гдѣ мы?—спросила она.

— Развѣ я знаю? Идемте дальше.

Но очарованіе точно разомъ исчезло.

— А, теперь понимаю... Мы взяли вѣрное направленіе. Знаете вы улицу Ереron?

Лорисъ съ трудомъ могъ скрыть неудовольствіе. Неужели у нихъ была какая-то цѣль, а не просто экскурсія въ міръ фантазіи.

— Эта улица въ двухъ шагахъ отсюда,—сказалъ онъ:—намъ стоитъ только повернуть направо.

— Такъ пойдемте.

Они быстро прошли по улицамъ между паркомъ отеля Шатовьё и старымъ замкомъ Saint André.

Регина остановилась.

— Тише,—проговорила она:—мы пришли.

Лорисъ посмотрѣлъ кругомъ. Вдали, въ концѣ улицы, неясно виднѣлся маленькій домикъ, повидимому, не жилой.

— Пришли? Куда?—спросилъ онъ.

— Другъ мой,—проговорила она,—быть можетъ, намъ предстоитъ опасность, вотъ отчего я просила васъ сопровождать меня. Вы видите тотъ домъ?

— Скорѣе догадываюсь о его существованіи.

— Замѣтили ли вы, что за эти нѣсколько минутъ, что мы здѣсь, какія-то тѣни проскользнули въ него и точно исчезли въ стѣнѣ.

— Это прохожіе, которые спѣшатъ и которыхъ мы теряемъ изъ виду.

— Нѣтъ, Жоржъ, это заговорщики, которые собираются въ условный часъ на тайное сборище, и я хочу узнать ихъ тайну.

Тотъ, кто взглянулъ бы въ эту минуту на лице Лориса, увидалъ бы на немъ ясные слѣды самаго горькаго разочарованія.

Какъ! въ то время, какъ онъ со всей своей юношеской наивностью поддавался иллюзіямъ, воображая, что Регина тоже подъ обаяніемъ той поэзіи, которая распространялась отъ всего его существа, появилась опять эта проклятая политика, точно выскочила откуда-то, точно чортикъ въ дѣтской игрушкѣ при нажатіи ребенкомъ пружины.

Она стала объяснять ему, что тутъ собираются якобинцы для какого нибудь преступнаго замысла, и что ея обязанность знать, какъ далеко заходитъ дерзость этихъ людей. Быть можетъ, надо предупредить какой нибудь заговоръ... быть можетъ, грозитъ опасность королю...

Лорисъ прервалъ ее со вздохомъ:

— Идемте, — проговорилъ онъ.

Снова она преобразилась. Она передала ему слово пропуска, условный знакъ. Главное, чтобы онъ не выдалъ себя, просила она. Онъ отвѣчалъ за себя, онъ былъ готовъ на все. Онъ надѣлъ маску, которую она ему вручила.

— Идемъ, — сказала она, — за Бога и за короля!

Какое-то неосторожное восклицаніе чуть было не сорвалось съ устъ Лориса, но онъ промолчалъ.

Они безъ всякаго труда нашли маленькую дверь, кто-то шелъ впереди ихъ, постучался и скрылся. Лорисъ постучался въ свою очередь. Они прошли безъ всякаго затрудненія, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія. Они очутились въ низкой комнатѣ, дурно освѣщенной нѣсколькими нагорѣвшими свѣчами. Довольно многочисленная публика терялась въ полумракѣ.

Лорисъ, которому было не по себѣ, который стыдился той роли, какую на себя взялъ, замѣтилъ, что всѣ присутствующіе сняли маски.

Это ему понравилось. Разъ, что онъ взялся за роль шпіона, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ за свой неделикатный поступокъ.

Онъ тоже снялъ маску. Регина храбро послѣдовала его примѣру, но, такъ какъ они пришли позже всѣхъ, то были въ самомъ концѣ комнаты, куда не проникалъ свѣтъ.

Впрочемъ, на нихъ никто не обращалъ вниманія. Кто-то говорилъ громкимъ, сильнымъ голосомъ. Лорисъ взглянулъ на говорящаго и невольно подпрыгнулъ.

Ему былъ знакомъ этотъ человѣкъ, говорившій стоя передъ маленькимъ столомъ, очевидно, президентъ этого собранія. Не къ добру онъ сюда попалъ—надо же, чтобы онъ встрѣтилъ здѣсь именно того старика, на котораго за нѣсколько часовъ ему указали, какъ на яраго бунтовщика 93 года... Картамъ... дѣдушка той прелестной молодой дѣвушки-революціонерки... И невольно Лорисъ искалъ глазами своего хорошенькаго врага, которому въ душѣ,—онъ сожалѣлъ объ этомъ,—онъ былъ другомъ.

Комната была дурно освѣщена, онъ ея не нашелъ.

Онъ сталъ слушать, нетерпѣливо ожидая возвращенія своей свободы.

Картамъ, бодрый старикъ, слегка сгорбленный, съ широкимъ, плоскимъ лбомъ, который, какъ серебрянымъ вѣнкомъ, былъ окруженъ сѣдыми локонами, говорилъ зычнымъ, сильнымъ голосомъ:

— Хорошо ли вы поняли, граждане? Или завтра, во время торжества Champ de Mai, мы свергнемъ съ трона, мы, новые Бруты, новаго Цезаря, человѣка, который вторично присвоилъ себѣ власть, или, покорные другому голосу, эхо котораго вы слышали здѣсь, вы поклянетесь не человѣку, а Франціи, что вы дадите убить себя на границахъ подъ начальствомъ того, кого изберетъ себѣ войско Наполеона. Выбирайте...

Всѣ молчали.

— Что скажетъ Жанъ Шенъ? — раздался чей-то голосъ.

Всталъ человѣкъ, опять знакомый ему; Лорисъ сейчасъ же призналъ его, хотя видѣлъ всего нѣсколько минутъ: это былъ спутникъ старика, тотъ самый, который при встрѣчѣ пожималъ руки Марсель. Ему было на видъ лѣтъ тридцать пять, сорокъ, лице у него было воинственное, съ коротко остриженными волосами, съ черными густыми усами надъ толстыми губами.

— Компаньоны дю-Ги, — сказалъ онъ, — вы знаете мою ненависть къ человѣку, который убилъ республику, убилъ свободу... Вы знаете также, что я былъ другомъ, сотоварищемъ по оружію того, чья память понынѣ живетъ между вами—Жанъ Жака Уде, предводителя филалетовъ, умершаго на моихъ рукахъ въ Ваграмѣ... убитымъ...

Онъ замолкъ. Пронесся шепотъ. Всѣ помнили...

— Изъ сохранившихся филалетовъ въ настоящее время образовалось общество компаньоновъ дю-Ги (du Gui), готовыхъ умереть за свободу и отечество, и вы дали мнѣ предводительство. Я не хочу имъ пользоваться. Я даю вамъ не приказаніе, но обращаюсь съ совѣтомъ къ вашей совѣсти солдатъ, французовъ и республиканцевъ. Безъ сомнѣнія, если вы захотите, я первый готовъ буду схватить его за мантію величія, этого человѣка, котораго мы всѣ ненавидимъ, чтобы покончить съ нимъ. Но заклинаю васъ мнѣ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: когда его не станетъ, кто будетъ командовать арміею? Вы знаете положеніе вещей, иностранныя державы угрожаютъ намъ и уничтожатъ насъ, присоединясь къ роялистамъ, которые готовы пожертвовать отечествомъ ради отжившихъ взглядовъ короля. Если Наполеонъ падетъ въ этой катастрофѣ отъ нашихъ рукъ, кто соединитъ воедино эту разбросанную армію, чья воля, сильная и единичная, двинетъ ее впередъ, подъ какимъ знаменемъ соединится она послѣднимъ усиліемъ, отъ котораго будетъ зависѣть самая жизнь Франціи? Я спрашиваю васъ, отвѣчайте.

Кто-то крикнулъ:

— Конвентъ!

Картамъ всталъ рядомъ съ Жанъ Шеномъ:

— Конвентъ! — воскликнулъ онъ, — я былъ въ немъ, у меня сохранились о немъ величественныя и вмѣстѣ ужасныя воспоминанія... Я требую его обратно; я желаю его! Мы имѣли храбрость отстаивать невозможное, мы боролись съ рокомъ, мы держали за горло самое судьбу! Борьба была тяжкая. Не имѣя достаточно снарядовъ, мы дрались нашими головами. Это было нѣчто ужасное и вмѣстѣ величественное. Когда непріятель былъ побѣжденъ, мы пали разбитые, растерзанные, уничтоженные... Въ жилахъ нашихъ не было крови. Вотъ что сдѣлалъ Конвентъ. Вы его требуете сегодня,—пусть будетъ такъ. Одинъ вопросъ: гдѣ ваши члены Конвента? Тѣ, прежніе, были молоды, были полны жизни, съ честолюбивыми замыслами, съ готовностью умереть... Они какъ бы народились отъ молодой Франціи, выросли на дѣвственной почвѣ, не разработанной, которую революція подготовила, вспахала. Гдѣ найдти въ настоящее время эту дѣвственную силу? Гдѣ это поколѣніе сильное и энергичное? Не забудьте, что все, что съ именемъ, все, что имѣетъ цѣну, за 15 лѣтъ подавлено, уничтожено. Канцлеры, камергеры, сановники, судейскіе лакеи или придворные слуги, купленные или продажные,—вотъ персоналъ вашего Конвента. Кто будетъ президентомъ въ немъ? Фуше? Конвентъ умеръ, и вамъ не воскресить его вновь.

Теперь заговорилъ Жанъ Шенъ. По его мнѣнію, вліяніе Наполеона, его обаяніе съ военной точки зрѣнія были еще во всей своей силѣ. Никто изъ патріотовъ не пожелалъ бы раскрыть на-

стежъ врата Франціи. Но слѣдовало принять рѣшеніе. За Наполеона, или противъ него?

— Рѣшайте!—воскликнули присутствующіе,—вы нашъ начальникъ, мы васъ послушаемся.

Помолчавъ минуту:

— Выслушайте меня,—воскликнулъ Жанъ-Жакъ.—Завтра ко времени выступленія, чтобы всѣ компаньоны дю-Ги были на своемъ посту. Вы знаете, что одинъ полкъ всецѣло нашъ; когда онъ будетъ проходить мимо Цезаря... глядите всѣ, слушайте всѣ... вамъ будетъ данъ знакъ, въ которомъ вы не ошибетесь... Все будетъ зависѣть, говорю вамъ, отъ поведенія народа... отъ всей арміи. Если для насъ пробилъ часъ отдаться тяжкому долгу освобожденія отчизны, не бойтесь, мы исполнимъ свой долгъ. Если же нашъ внутренній голосъ подскажетъ намъ, что этотъ человѣкъ еще нуженъ отечеству, тогда мы войдемъ въ ряды и дадимъ себя убить подлѣ него. Хорошо ли вы меня слышали... и клянетесь ли повиноваться мнѣ?

— Да, да!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Благодарю васъ, братья, — отвѣтилъ звучнымъ голосомъ Жанъ Шенъ,—до завтра, и, что бы ни случилось, будемъ помнить, что у насъ одно сердце и одна мысль: pro virtute, pro patria!

И всѣ стоя повторили клятву компаньоновъ дю-Ги.

— Еще одно слово,—продолжалъ онъ:—завтра чтобы всѣ части были собраны, всѣ люди вооружены, чтобы всѣ были готовы дѣйствовать, въ рядахъ никакихъ криковъ, а теперь разойдемся. Намъ надо быть вдвое благоразумнѣе. Мы знаемъ, что измѣнники задались цѣлью предать Францію. Меня увѣряли,—я не хочу этому вѣрить,—что роялисты пытались выкрасть изъ военныхъ канцелярій планы сраженій, чтобы вручить ихъ непріятелю.

Раздался всеобщій крикъ негодованія.

— Кто эти подлецы? Назовите ихъ.

— Мы узнаемъ, кто они, повѣрьте. Судъ надъ ними свершится, и ихъ роялистское чело заклеймимъ печатью подлости и безчестія.

— Подлецы и негодяи тѣ, кто смѣетъ оскорблять короля!—прокричалъ молодой, страстный женскій голосъ.

И Регина де-Люсьенъ, стоя, вся дрожа отъ волненія, съ непокрытымъ лицемъ, глядѣла гордо на людей, которыхъ она ненавидѣла. Какъ много выстрадала она съ первыхъ словъ, здѣсь слышанныхъ ею!

По мѣрѣ того, какъ Картамъ или Жанъ Шенъ говорили, ею все болѣе и болѣе овладѣвали ея страсть, ея предразсудки, ея гнѣвъ.

Эти слова о свободѣ, о Конвентѣ, пробудивъ въ ней ненавистныя воспоминанія, точно помрачили ей разсудокъ, и она позабыла, гдѣ она и кто она.

И какъ во снѣ, подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія,—она была подвержена нервнымъ страданіямъ,—она приподнялась со своего мѣста и прокричала тѣ слова ненависти.

— Шпіонка!—раздалось отовсюду.

Всѣ обступили ее.

Тутъ блеснула шпага.

Жоржъ Лорисъ всталъ передъ нею, готовый быть убитымъ, чтобы ее защитить.

Странное дѣло, онъ тоже находился въ какомъ-то опьяненіи, онъ точно слышалъ какой-то новый языкъ и удивлялся, что онъ ему понятенъ. Интересъ, испытывавшійся имъ, можно было сравнить съ интересомъ, какой былъ бы возбужденъ въ немъ какимъ нибудь произведеніемъ драматическимъ, романическимъ, потрясающимъ. Онъ тоже забылъ, гдѣ онъ былъ, а главное, около кого онъ былъ.

Внезапный возгласъ Люсьенъ напомнилъ ему о дѣйствительности, и онъ явился на свой постъ рыцаря.

Картамъ и Жанъ Шенъ бросились черезъ столпившіеся ряды, отстраняя шпаги, которыя вынимались изъ ноженъ.

— Безъ насилія!—прогремѣлъ громовый голосъ Жанъ Шена.

Затѣмъ, обращаясь къ виконту:

— Скажите, кто вы?—спросилъ онъ.—Кто эта женщина? Какимъ обаразомъ вы оба попали сюда? Не полицейскіе ли вы?

— Я не намѣренъ разговаривать съ вами,—отвѣтилъ Лорисъ.— Тотъ, кто осмѣлится сдѣлать шагъ къ моей спутницѣ, будетъ убитъ. Если вы не подлецы, разступитесь и пропустите мою даму...

— Не прежде, чѣмъ мы увидимъ ея лице,—сказалъ кто-то.

Дѣйствительно, инстинктивно она снова надѣла маску.

Быстрымъ движеніемъ Регина сняла ее и далеко отбросила:

— Мое лице—вотъ оно. Мое имя Регина де-Салестэнь, маркиза де-Люсьенъ.

Кто-то вскрикнулъ.

Жанъ Шенъ поблѣднѣлъ какъ смерть.

Онъ обратился къ своимъ друзьямъ.

— Сотоварищи,—сказалъ онъ,—мы не ведемъ войны съ женщинами. Пропустите ту, которая носитъ имя Салестенъ.

Произнося это имя, голосъ его звучалъ особенно торжественно.

— Проходите, сударыня, вы свободны.

Затѣмъ онъ обратился къ виконту.

— Надѣюсь, вы не удивитесь, что мы обратимся къ вамъ, какъ мужчины къ мужчинѣ, за нѣкоторыми объясненіями.

— Иначе сказать, вы оставляете меня въ плѣну.

— Роль, которую вы играете здѣсь, заставляетъ все подозрѣвать и оправдываетъ всѣ мѣры предосторожности.

Скрестивъ руки, Регина не двигалась, не желая пользоваться свободою, которую ей давали изъ состраданія.

Въ эту минуту въ углу комнаты отворилась маленькая дверь, и влетѣла молодая дѣвушка со словами:

— Отецъ! друзья! полиція!

— Полиція!—это шпіоны насъ выдали!

Всѣ были возмущены до отчаянья.

— Это ложь! — воскликнулъ Лорисъ, возмущенный подобнымъ подозрѣніемъ.

— Въ такомъ случаѣ защищай свою жизнь!

И одинъ изъ присутствующихъ офицеровъ поднялъ на него обнаженную шпагу.

Но молодая дѣвушка Марсель, которая вдругъ узнала Лориса, бросилась къ нему.

— Вы здѣсь? Какими судьбами?

— Развѣ ты его знаешь?—спросилъ Жанъ Шенъ.

— Это онъ, тотъ самый, который защитилъ меня сегодня утромъ. Помните, когда какой-то негодяй вздумалъ оскорбить меня на улицѣ...

Регина безмолвно слушала. Это внезапное вмѣшательство женщины еще болѣе усилило гнѣвъ, кипѣвшій въ ея крови. И вдругъ эта дѣвушка вступается за Лориса, она покровительствуетъ ему.

Но она вдругъ вспомнила разсказъ Лавердьера. Лорисъ дрался за эту якобинку!

У нея точно оборвалось сердце. Быстрота впечатлѣній опережаетъ всѣ разсчеты сознанія. Въ десятую часть секунды передъ Регинoю предстала вся сцена: Лорисъ, предложившій руку этой красивой дѣвушкѣ,—Регина была слишкомъ женщина, чтобы не понять, что она была прелестна,—чтобы спасти ее отъ Лавердьера, этого нахала. Итакъ Лорисъ зналъ ее, любилъ ее, и въ этомъ бѣдномъ сердцѣ маркизы, не подготовленномъ къ страданіямъ реальной жизни, открылась глубокая рана.

Она выпрямилась.

— Я свободна, сказали вы,—обратилась она гордымъ тономъ:— въ такомъ случаѣ пропустите меня.

Жанъ Шенъ подошелъ къ ней и предложилъ ей руку.

Она оглянула его съ невыразимой заносчивостью.

— Я просила только пропустить меня,—повторила она.

Жанъ Шенъ нисколько не разсердился.

— Бѣдная женщина,—проговорилъ онъ,—сколько слезъ вы себѣ готовите.

Она не разслышала его словъ или сдѣлала видъ, что не слышитъ ихъ.

Но, подходя къ двери, она обернулась.

Лорисъ не двигался.

Онъ не идетъ за ней! Онъ остается съ этой проклятой дѣвчонкой!

Онъ прочиталъ въ ея глазахъ отчаянный призывъ, полный упрека, онъ двинулся въ ея сторону.

— Постойте, — остановилъ его Картамъ, кладя ему руку на плечо:—вы забываете, что вы намъ ничего еще не отвѣтили.

Въ душѣ молодаго человѣка происходила мучительная борьба.

Марсель смотрѣла на него своими большими голубыми глазами, точно догадываясь, въ чемъ дѣло.

Затѣмъ она вдругъ проговорила:

— Боже мой! я совсѣмъ забыла, зачѣмъ я пришла. Отецъ, меня увѣдомили, что полиція предупреждена, васъ выдали.

— Вотъ видите,—воскликнулъ Картамъ, обращаясь къ Лорису:— болѣе чѣмъ когда нибудь вы обязаны объяснить ваше присутствіе.

— Какъ,—вскричалъ Лорисъ,—неужели вы можете думать!..

Онъ не докончилъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показались люди, и раздался голосъ:

— Именемъ закона! Никто не съ мѣста!

И Лорисъ въ полумракѣ увидѣлъ слѣдующее.

Начальникъ появившихся людей быстро подошелъ къ маркизѣ, поклонился ей и приказалъ людямъ пропустить ее.

И Регина де-Люсьенъ исчезла.

— Іуда!—вскричалъ Жанъ Шенъ, налетая на него.

Картамъ остановилъ его.

— Прежде всего спасемъ нашихъ друзей, наказать предателей всегда успѣемъ.

Все это случилось такъ быстро, что прежде, чѣмъ отрядъ полицейскихъ добрался до тѣхъ, кого имъ было велѣно арестовать, Картамъ успѣлъ добѣжать до маленькой двери, въ которую только что вошла Марсель, и, раскрывъ ее, указалъ своимъ друзьямъ, куда имъ бѣжать.

Затѣмъ, точно подчиняясь одной общей мысли, Картамъ и Жанъ Шенъ въ одну секунду устроили себѣ баррикаду изъ скамеекъ и столовъ, защищая дорогу къ двери.

Явились полицейскіе.

Тотъ, кто командовалъ ими, наткнулся на импровизированную баррикаду.

Лорисъ бросился ему навстрѣчу и сильнымъ толчкомъ оттолкнулъ его.

Въ эту минуту онъ увидалъ этого человѣка въ лице и вскрикнулъ въ бѣшенствѣ.

— Это ты злополучный капитанъ! Не сдобровать тебѣ!

Онъ узналъ Лавердьера.

Разбойникъ, не получивъ опредѣленнаго отвѣта отъ маркизы,

счелъ за лучшее выдать полиціи заговорщиковъ, тайну которыхъ онъ узналъ такъ случайно.

Всегда есть люди, готовые воспользоваться предательствомъ. Въ его распоряженіе было дано полдюжины полицейскихъ и на подмогу имъ пикетъ солдатъ, которые стояли неподвижно съ ружьями на плечо.

Компаньоны дю-Ги быстро исчезли.

— Чего ждете? Хватайте этихъ мерзавцевъ!—крикнулъ Лавердьеръ своимъ людямъ.

Въ то время, пока Лорисъ удерживалъ Лавердьера, полицейскіе пробрались было къ импровизированной баррикадѣ, но, получивъ нѣсколько здоровыхъ тумаковъ, должны были отступить.

Лавердьеръ съ обнаженной шпагой кинулся на Лориса.

— А! это ты чертова кукла!—промычалъ онъ: — береги свою шкуру!

— Подлецъ!—прошепталъ Лорисъ:—на этотъ разъ твоя кираса тебя не спасетъ.

Лавердьеръ, чтобы поскорѣе покончить, вытащилъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ изъ него въ Лориса.

Но Лорисъ отвелъ его руку шпагою.

— Спасайтесь!—крикнулъ онъ Картаму.

Но оба республиканца, заперевъ дверь за послѣднимъ товарищемъ, бросились на полицейскихъ.

На этотъ разъ завязалась отчаянная борьба въ этой полутемной залѣ, борьба неравная.

Силачъ Картамъ схватилъ скамейку и сдѣлалъ себѣ изъ нея грозное орудіе противъ противниковъ.

Двое другихъ, искусно владѣя шпагами, отстраняли полицейскихъ, непривычныхъ къ такой отчаянной борьбѣ. Спрятавшись въ углу, закрывая собою Марсель, которая прислонилась къ стѣнѣ, они довольно успѣшно защищались.

— Сюда, солдаты!—крикнулъ Лавердьеръ.

Одной рукой онъ раздвинулъ часть импровизированной баррикады, которая служила защитою трехъ людей, и снова очутился передъ Лорисомъ съ твердымъ намѣреніемъ покончить съ нимъ.

Возобновилась утрешняя борьба, но еще болѣе отчаянная, потому что Лорисъ отъ волненія потерялъ все хладнокровіе, хотя и не утратилъ умѣнья.

Но вотъ нѣсколько солдатъ, повинуясь призыву Лавердьера, приблизились съ направленными штыками.

На этотъ разъ всякое сопротивленіе становилось немыслимымъ.

Жанъ Шенъ крикнулъ:

— Сержантъ, развѣ подобное дѣяніе достойно солдатъ, развѣ вы на содержаніи мушаровъ Фуше?

— Безъ фразъ!—погремѣлъ Лавердьеръ,—хватайте эту каналью!

— За это слово ты заплатишь дорого! — воскликнулъ Лорисъ.

И онъ хватилъ шпагою по лицу негодяя.

Во время драки Марсель нагнулась къ Жанъ Шену и сказала ему нѣсколько словъ на ухо, затѣмъ она пробралась къ маленькой двери, совсѣмъ не замѣтной въ темнотѣ.

Шенъ и Картамъ, все еще отбиваясь, незамѣтно держались направленія этой двери.

Марсель крикнула:

— Мсьё Лорисъ, еще одну минуту!

И пока молодой человѣкъ держалъ въ решпектѣ полицейскихъ,—многіе изъ нихъ попробовали его шпаги,—она внезапно раскрыла дверь, въ которую оба исчезли.

— Сюда! Сюда, мсьё Лорисъ!—крикнула снова Марсель.

Онъ понялъ.

Солдаты почти овладѣли имъ. Онъ отскочилъ назадъ, Марсель схватила его за руку.

— Идите...

Можно было еще бѣжать.

Въ эту минуту раздался крикъ отчаянья.

Въ одно мгновеніе агенты окружили домъ и овладѣли бѣглецами.

Полицейскіе схватили Лориса.

Молодую дѣвушку чьи-то грубыя руки отбросили внутрь комнаты.

— Пусть лучше они убьютъ меня,—воскликнула она, обезумѣвъ отъ ужаса,—но издалека, издалека!

— Наконецъ-то попались!—воскликнулъ Лавердьеръ.

Негодяй, почти ослѣпшій отъ крови, которая струилась изъ его неопасной раны, взбѣшенный до неистовства, бросился на Лориса съ обнаженной шпагой.

— Здѣсь не убиваютъ,—проговорилъ сержантъ, поднимая оружіе, которое было выбито изъ рукъ.—А главное мы неособенно любимъ такого рода дѣла.

И, обращаясь къ арестованнымъ, сказалъ:

— Не бойтесь, господа, я отвѣчаю за вашу безопасность. Товарищи, если вотъ этотъ вздумаетъ оскорблять этихъ людей, на штыкъ его.

— Что касается васъ, мадемуазель,—обратился онъ къ Марсель:—мнѣ кажется, намъ нечего васъ арестовывать.

— Отчего нѣтъ!—воскликнулъ Лавердьеръ, который узналъ ее:—самка-заговорщица, чѣмъ не добыча!

— Разбойникъ,—крикнулъ ему Лорисъ,—мнѣ придется тебя убить!

Марсель проговорила тихо:

— Я арестована, это моя честь, и я отъ нея не отказываюсь.

Картамъ и Жанъ Шенъ дрожали отъ гнѣва. Ихъ такъ окружили, что всякая попытка къ бѣгству была безполезна.

Марсель улыбалась имъ, чтобы ихъ успокоить.

— Въ дорогу!—скомандовалъ сержантъ, который спѣшилъ избавиться отъ этихъ хлопотъ.

Четырехъ плѣнниковъ окружили солдаты.

Случай раздѣлилъ ихъ на группы: впереди шли Лорисъ и Марсель, за ними два ряда солдатъ и затѣмъ Картамъ и Жанъ Шенъ.

Полицейскіе слѣдовали за ними.

Выступили. Пока все это совершалось, гроза разразилась; шелъ теплый, мелкій дождь.

— Куда ведете вы насъ?—спросилъ Лорисъ сержанта.

— Въ консьержери.

— Далеко?

— Не болѣе получаса ходьбы.

Плѣнники такъ и шлепали по лужамъ.

— Смѣю ли я вамъ предложить руку?—спросилъ Лорисъ Марсель.

— Не знаю, принять ли мнѣ ваше предложеніе, — отвѣтила смѣясь Марсель:—вѣдь вы изъ нашихъ враговъ.

— Который защищалъ васъ не хуже лучшаго друга.

— И дважды въ одинъ день, — прибавила она, опираясь на его руку.

— Вы промокли,—замѣтилъ онъ. Онъ снялъ съ себя плащъ и накинулъ его на плечи Марсель.

Она не противилась.

Они шли рядомъ; она опиралась на его руку: она была такъ легка.

Оба молчали.

Свѣжесть ночи понемногу успокоила и отрезвила молодаго человѣка; сознаніе дѣйствительности вернулось къ нему. Съ самаго начала этого вечера ему казалось, что онъ живетъ въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ.

Только теперь онъ понялъ, что онъ, виконтъ Жоржъ де-Лорисъ, за полночь шелъ пѣшкомъ по улицамъ Парижа, окруженный солдатами, подъ конвоемъ полицейскихъ, что онъ былъ арестованъ среди якобинцевъ, которыхъ защищалъ со всею отвагою.

Онъ былъ причастенъ къ заговору, цѣлью котораго было торжество республики надъ королемъ, надъ всѣми принципами, которыхъ онъ былъ такимъ ярымъ защитникомъ.

Какъ могло все это случиться? Онъ съ трудомъ могъ собраться съ мыслями. Но у него сжималось сердце отъ боли.

Дѣйствительно, онъ началъ съ роли шпіона. Какъ могла m-me де-Люсьенъ,—Регина, которая была другою половиною его души, его совѣсти,—какъ могла она вовлечь его въ интригу, которая возмущала его честность.

И это отвращеніе, презрѣніе къ себѣ, усилилось еще, превратилось въ острую боль, когда онъ вспомнилъ, что въ ту минуту, когда въ эту залу проникли полицейскіе, ихъ начальникъ, негодяй, предатель, подлецъ, поклонился ей, приказавъ ее пропустить.

Значитъ, правда! Значитъ, Регина выдала полиціи тайну этого собранія! Когда она вела туда Лориса, она знала, что эти люди будутъ арестованы. Нѣтъ! быть этого не можетъ! Какъ бы ни была m-me Люсьенъ во власти тѣхъ страстей, которыя царили въ ея душѣ, быть не можетъ, чтобы она ни во что не ставила тѣхъ требованій чести, какія онъ, Лорисъ, привыкъ уважать.

Борьба! Пусть будетъ такъ! но съ открытымъ лицемъ, съ обнаженною грудью, со шпагою въ рукѣ, открытую борьбу я понимаю, но эти подземныя козни, эти предательскія хитрости!

И онъ чувствовалъ на своей рукѣ маленькую ручку этой Марсели, которая, быть можетъ, думала, что онъ выдалъ ее вмѣстѣ со всѣми ея близкими!

Но она казалась такою довѣрчивою, также довѣрчивы были и всѣ тѣ, которые не оттолкнули его, которые не отнеслись, какъ къ оскорбленію къ его общему съ ними участію въ борьбѣ и аресту.

Говоря правду, Лорисъ не могъ рѣшительно разобраться во всѣхъ этихъ событіяхъ, они казались ему до того противорѣчивыми антитезными, точно всѣ они были плодомъ горячечнаго бреда.

Онъ до того былъ поглощенъ всѣми этими мыслями, что совсѣмъ не замѣтилъ дороги; онъ съ грустью увидалъ, что передъ нимъ раскрылись двери, и что онъ четвертымъ вошелъ въ грязную комнату, подошелъ къ деревянной рѣшеткѣ, за которой сидѣлъ господинъ, безобразный съ виду, съ грубыми пріемами, который, уткнувъ носъ въ протоколъ, бормоталъ едва уловимые вопросы.

Спрашивались имена, фамиліи.

Картамъ проговорилъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Мы отвѣчать не намѣрены. До тебя это не касается. Тѣ, кто насъ арестовалъ, должны знать, кого они арестовали.

Жанъ Шенъ настаивалъ:

— Разъ, что вы не знаете нашихъ именъ, значитъ, противъ насъ не сдѣлано никакихъ заявленій. И тогда нашъ арестъ не законный. Я протестую.

— Хорошо. «Отказались отвѣчать»?—записалъ господинъ.—Мнѣ безразлично. Ну, а вы что скажете, малютка?—обратился онъ къ Марсель.

— Скажу, что вы невѣжа,—отвѣтила она, гордо выпрямляясь.

— Прекрасно,—повторилъ онъ.—Якобинцы и якобинки—всѣхъ васъ въ одинъ мѣшокъ.

Затѣмъ онъ съ насмѣшкою обратился къ Лорису.

— Что касается васъ, «citoiyien»...

Онъ нарочно сдѣлалъ удареніе на словѣ, вышедшемъ изъ употребленія.

Лорисъ прервалъ его рѣзко:

— Милостивый государь, мое имя—виконтъ Жоржъ де-Лорисъ, и я предупреждаю васъ, что если не сегодня, то въ первый день моей свадьбы я расплачусь съ вами палкою за ваши дерзости.

У виконта былъ весьма внушительный видъ, и чиновникъ, который умѣлъ различать людей, приподнялъ на него свои, вооруженные очками, глаза.

— Вы сказали—виконтъ...

— Де-Лорисъ... и даже если бы я не былъ дворяниномъ, я, все-таки, не позволилъ бы вамъ выражаться поизвощицки.

На этотъ разъ чиновникъ вскочилъ, онъ колебался между сохраненіемъ достоинства своей профессіи и благоразуміемъ.

— Я ничего вамъ не сказалъ обиднаго, — замѣтилъ онъ:—неужели обида назвать кого нибудь «citoyen».

Во всякое другое время Лорисъ принялъ бы это за величайшее оскорбленіе; но онъ былъ уже не тотъ.

— Довольно разговоровъ,—сказалъ онъ.—Исполняйте вашу обязанность, и только вашу обязанность, но предупреждаю васъ, что я разсчитаюсь съ вами за вашу грубость и за себя, и за моихъ друзей.

Онъ оглянулся.

— А гдѣ же,—спросилъ онъ:—поставщикъ тюрьмъ, которому я имѣлъ удовольствіе дать пощечину моей шпагой?

— Не знаю, о комъ вы говорите,—отвѣтилъ полицейскій.—Мнѣ некогда съ вами разговаривать.

Онъ сдѣлалъ знакъ тюремщикамъ, которые терпѣливо ожидали окончанія формальностей предварительной переписи.

— Отдайте все, что вы имѣете при себѣ,—сказалъ онъ арестованнымъ:—избавьте этихъ господъ отъ труда васъ обыскивать.

Картамъ и Жанъ Шенъ побросали на полъ пустяшные предметы, которые были у нихъ въ карманахъ. Марсель послѣдовала ихъ примѣру.

Что касается Лориса, котораго еще не обезоружили, онъ вынулъ шпагу и сказалъ:

— Первый, кто подниметъ на меня руку, будетъ проткнутъ мною, какъ курица.

У него былъ такой рѣшительный видъ, что полицейскіе, растерявшись, разступились.

— Однако,—воскликнулъ выведенный изъ себя чиновникъ,—правила должны быть соблюдаемы.

— Какія правила? — вскричалъ Лорисъ:—развѣ я признаю за вами право наложить на меня руку?

Картамъ вмѣшался:

— Повѣрьте, ваше сопротивленіе только узаконитъ грубость этихъ людей. Благоразумнѣе будетъ сдѣлать видъ, что вы подчиняетесь имъ.

— Что же я долженъ сдѣлать для этого?—спросилъ Лорисъ.

— По крайней мѣрѣ, отдать вашу шпагу...

— Кому? Этому?!...

— Отдайте ее мнѣ,—сказала Марсель.

Она смотрѣла на него съ улыбкою шаловливаго ребенка. Ему стало стыдно своей несдержанности передъ невозмутимымъ спокойствіемъ молодой дѣвушки, и, сознавая, что этотъ компромиссъ въ любезной формѣ избавлялъ его отъ уязвленія слишкомъ развитаго самолюбія, онъ передалъ ей шпагу.

Она взяла ее и передала чиновнику не рукояткою, а лезвіемъ:

— Сберегите намъ это,—сказала она:—пока мы здѣсь.

Она обращалась съ нимъ, точно съ лакеемъ, которому даютъ подержать верхнее платье.

Чиновникъ ощущалъ нѣкоторое безпокойство: дѣйствительно онъ не получилъ никакой пояснительной бумаги по поводу ареста этихъ людей, которые не походили на простыхъ преступниковъ.

Полицейскіе были вытребованы по особому приказу Фуше, они послѣдовали за своимъ случайнымъ начальникомъ и больше ничего не вѣдали.

Хуже всего было то, что этотъ начальникъ исчезъ до ихъ прибытія въ консьержери, быть можетъ, руководясь принципомъ, что не слѣдуетъ переступать порога тюрьмы безъ особой крайности.

Что дѣлать съ арестованными?

Чиновникъ не шевелился, съ поднятымъ перомъ къ верху онъ сидѣлъ, не зная, на что рѣшиться. Вдругъ ему пришла счастливая мысль. Лучшее средство уменьшить свою отвѣтственность, это—раздѣлить ее.

— Господа,—обратился онъ къ тѣмъ, которые отказывались ему отвѣчать:—напрасно вы не хотите назвать себя. Если бы я зналъ ваши фамиліи, я сегодня же послалъ бы списокъ въ канцелярію герцога Отрантскаго, и, быть можетъ, это помогло бы сократить время вашего заключенія.

Картамъ и Жанъ Шенъ переглянулись.

— Вы правы,—проговорилъ Картамъ:—чѣмъ скорѣе увидать въ глаза вонючее животное, тѣмъ лучше... Пишите же... Гракхъ Картамъ, ссыльный Нивоза, бывшій секретарь комитета общественнаго спасенія, который вмѣстѣ съ «citoyen» Фуше вотировалъ за смерть Капета...

— О! — воскликнулъ Лорисъ.

— Тише! — замѣтила Марсель.

Полицейскій чиновникъ злился до бѣлаго каленья, но молча писалъ.

— Жанъ Шенъ, — началъ другой, — капитанъ 6-го егерскаго полка. Бывшій другъ Уде, бывшій другъ Малэ...

— Это какіе-то съумасшедшіе,—рѣшилъ несчастный писака.— А вы? — обратился онъ къ Лорису и къ молодой дѣвушкѣ: — не имѣете ли и вы сообщить мнѣ чего особеннаго?...

— Да здравствуетъ король! — воскликнулъ Лорисъ.

— Да здравствуетъ республика! — воскликнула Марсель.

— Если вамъ хочется крикнуть: да здравствуетъ императоръ, пожалуйста, не стѣсняйтесь насъ,—сказалъ, громко смѣясь, Картамъ.

— Довольно!—крикнулъ ошеломленный полицейскій, твердо рѣшившій сейчасъ же обо всемъ увѣдомить свое начальство.—Отведите четырехъ арестованныхъ въ заднюю комнату канцеляріи. Тамъ они будутъ ожидать приказанія министра.

На этотъ разъ не было протеста, и черезъ нѣсколько минутъ наши четыре дѣйствующія лица очутились въ комнатѣ, болѣе похожей на контору, чѣмъ на тюрьму, въ которой было нѣсколько креселъ, диванъ, все это, правда, не первой свѣжести, но во всякомъ случаѣ чище и удобнѣе мебели залы St.-Martin.

Но для того, чтобы они не могли сомнѣваться насчетъ ихъ мѣстопребыванія, которое было, всетаки, заключеніемъ, ихъ оставили въ потьмахъ; затѣмъ они услыхали, какъ дверь съ основательными замками закрылась за ними.

IX.

Говоря правду, положеніе было довольно оригинальное.

Марсель привѣтствовала темноту веселымъ порывомъ смѣха, къ которому невольно присоединились и трое мужчинъ.

— Однако,—началъ Картамъ своимъ искреннимъ голосомъ, въ которомъ подъ искусственною грубостью звучала отеческая нѣжность,—надо намъ устроиться какъ можно поудобнѣе на ночь. Я разглядѣлъ тутъ нѣчто въ родѣ дивана... Его отдадимъ Марсели. Она въ немъ будетъ, какъ дитя въ колыбелькѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, диванъ для васъ, дѣдушка...

— Извольте слушаться, мадемуазель. Когда мы были въ Гвіанѣ и когда случалось быть въ трудныхъ походахъ, мы избирали себѣ начальника и всѣ должны были ему повиноваться. Дай-ка мнѣ руку, Марсель, я держусь за диванъ. Изъ нашихъ плащей мы тебѣ устроимъ подушку, а главное, постарайся заснуть... Если только угрызенія совѣсти...

Все это было сказано весело, съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ.

Ощупью идя на его голосъ, Марсель взялась за руку дѣдушки, который устроилъ ее какъ можно лучше.

— Теперь каждому изъ насъ по креслу. Жанъ, нашелъ ли ты твое?

— Да, какъ же.

— А вы, мсьё Лорисъ?

Виконтъ чувствовалъ всю неловкость своего положенія, которая увеличивалась все болѣе и болѣе съ каждою минутою.

До сихъ поръ между ними не было никакого объясненія, у его товарищей по бѣдѣ могли быть подозрѣнія на его счетъ, отъ которыхъ онъ желалъ себя оправдать.

— Господа, такъ какъ теперь мы одни, позвольте вамъ объяснить...

— Это въ часъ-то ночи?—воскликнулъ Жанъ Шенъ,—да Богъ съ вами: мѣшать спать Марсели, нѣтъ, ужъ, пожалуйста, отложимъ объясненія...

— Да замолчите ли вы?—крикнулъ Картамъ громовымъ голосомъ. — Всего одинъ вопросъ — вы французъ?

— Конечно.

— Если чужестранецъ овладѣетъ Франціею?

— Я положу жизнь, чтобы его выгнать.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Картамъ,—спите спокойно. Кричите «да здравствуетъ король», если это можетъ вамъ доставить удовольствіе, только не очень громко, чтобы насъ не разбудить. Во всякомъ случаѣ — вы славный малый.

— Я тебѣ говорила, дѣдушка.

— Молчи, маленькая болтушка, спи, не болтай. Прощай, черезъ три минуты я буду храпѣть.

Пусть всякій объясняетъ посвоему, отчего Лорисъ пришелъ въ самое радостное настроеніе. Положимъ, оцѣнка — славный малый, была довольно фамильярная, но Лорисъ не обидѣлся, напротивъ, онъ былъ въ восторгѣ. Въ первый разъ въ жизни ему приходилось сталкиваться такъ близко съ этимъ ужаснымъ людомъ революціи, съ этими Маратами въ изступленіи, съ этими ужасными «tricoteuses». Этотъ Картамъ, кровопійца,—попилъ таки онъ крови, мысленно, не безъ отвращенія, вспоминалъ Лорисъ,—а какое у него красивое, доброе лице, и этотъ Жанъ Шенъ, этотъ предводитель республиканскихъ бандитовъ, имѣетъ видъ настоящаго солдата, и эта мегера, вязальщица, которую въ темнотѣ, ее укрывавшей, нельзя было разглядѣть, и присутствіе которой такъ стѣсняло его, что онъ не рѣшался пошевелиться, чтобы дойдти до кресла или стула, на которомъ бы могъ отдохнуть, и изъ-за которой онъ стоялъ прислонившись въ самомъ отдаленномъ углу комнаты, не смѣя сдѣлать шагу, точно желая, чтобы теперь именно забыли о немъ. Конечно, онъ не будетъ спать! Неужели Лорисъ не можетъ провести одной ночи безъ сна,—онъ, весь истерзанный заботами, всякими треволеніями?

А Регина, Регина!

Это имя, которое вдругъ предстало въ его памяти, точно удивило его.

Чѣмъ объяснить, что до сихъ поръ оно не сорвалось ни разу съ его устъ?

Вмѣстѣ съ нимъ онъ съ тоскою вспомнилъ о послѣднихъ событіяхъ этого мучительнаго вечера.

Но неужели онъ будетъ несправедливъ?

Нѣтъ! Если Регина подъ впечатлѣніемъ своихъ политическихъ увлеченій и не сохранила настоящей границы между благородной борьбою и низкою засадою, то настоящимъ преступникомъ былъ, всетаки, онъ. Зачѣмъ не остановилъ онъ ее на порогѣ этого дома, который для чести ихъ обоихъ имъ не слѣдовало переступать.

Но кто донесъ полиціи?... О, конечно, не она... Но она знаетъ этого Лавердьера, этотъ типъ стараго воина, разбойника, убійцы по найму... Этотъ человѣкъ преклонился, чтобы пропустить ее... при этомъ воспоминаніи у Лориса выступили слезы на глазахъ, слезы сожалѣнія, боли, отчаянія, точно случилось что-то непоправимое, точно что-то умерло въ его сердцѣ.

Не любовь его пострадала,—онъ любилъ такъ же глубоко, такъ же страстно, какъ прежде,—но къ его чувству присоединилось какое-то отчаяніе, которое заставляло его невыносимо страдать. Передъ нимъ точно раскрылась мрачная бездна, отъ близости которой у него кружилась голова отъ страху.

Картамъ громко храпѣлъ, какъ подобаетъ сильному человѣку, который наполовину ничего не дѣлаетъ. Двухъ другихъ не было слышно. У него то путались мысли, то вдругъ являлись проблески сознанія дѣйствительности. Незамѣтно онъ опустился на полъ и, наконецъ, заснулъ.

Вдругъ черезъ нѣсколько времени онъ раскрылъ глаза. Лучъ яркаго свѣта падалъ ему прямо въ лице. У занавѣсокъ, наполовину отдернутыхъ, виднѣлся граціозный абрисъ молодой женщины. Онъ не сразу узналъ ее. Она стояла къ нему спиною и смотрѣла въ окно, приподнявшись на носки своихъ маленькихъ ножекъ.

Лорисъ вскочилъ однимъ прыжкомъ.

Молодая дѣвушка обернулась и слегка вскрикнула.

— А! мсьё Лорисъ, вы здѣсь,—проговорила она.

Это была Марсель во всей прелести своихъ 16 лѣтъ, съ розовыми щечками, свѣженькими губками, какъ пробуждаются отъ сна въ блаженные дни молодости.

Онъ, немного блѣдный, удивленно оглядывался вокругъ.

Они были одни.

Отчего? Почему?

— А я думала, — продолжала Марсель:—что вы ушли вмѣстѣ

съ ними... Я совсѣмъ не видала васъ, вы такъ запрятались въ вашемъ уголку.

— Они ушли, говорите вы, а вы остались... Отчего и вамъ не возвратили свободу?..

— Я вамъ не говорила, что ихъ освободили.

— Что же это все значитъ?

— Очень просто. Рано утромъ, не знаю хорошенько въ которомъ часу, я спала такъ крѣпко, открылась дверь, и пришли за отцемъ и дѣдушкою.

— Я ничего не слыхалъ.

— Это показываетъ, что у васъ крѣпкій сонъ.

— Что же имъ объявили?

— Что Фуше прислалъ за ними.

— Фуше!..

— Ну, да... О, это нисколько не удивило дѣдушку... Онъ даже отвѣтилъ имъ... какъ якобинецъ...

— Зачѣмъ же меня не разбудили? Зачѣмъ меня не увели вмѣстѣ съ ними?

— Ужъ не знаю. Что дѣлать, вы, можетъ быть, не знаете Фуше?

— Конечно, нѣтъ,—развѣ я знаюсь съ такими господами?

Онъ вдругъ остановился, почувствовавъ, что сказалъ что-то лишнее.

Марсель улыбнулась.

— О, я на васъ ничуть не въ претензіи... потому что... потому что...

— Почему же это? Скажите.

— Если вы такъ отрекаетесь отъ знакомства съ Фуше... значитъ, не вы насъ...

— Не я выдалъ вашего отца и его друзей?.. Мадемуазель, я благословляю случай, благодаря которому я могу, наконецъ, все выяснить, потому что, увѣряю васъ, у меня слишкомъ тяжелое бремя на душѣ. Посмотрите мнѣ въ лице, мадемуазель, и скажите, похожъ ли я на Іуду?

— Конечно, нѣтъ! Нисколько!

— Въ такомъ случаѣ, клянусь вамъ честью, по совѣсти, что я былъ пораженъ не менѣе васъ этимъ внезапнымъ появленіемъ полиціи. Чтобъ я занимался ремесломъ предателя... да я лучше бы согласился сгнить въ тюрьмѣ...

Онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ, искреннимъ, въ которомъ чувствовалась неподдѣльная честность его молодости.

— Какъ же вы могли попасть въ это собраніе? Вѣдь вы должны были знать пароль пропуска, извѣстный условный знакъ.

Лорисъ открылъ было ротъ, чтобы отвѣчать, но вдругъ вспомнилъ, что для того, чтобъ себя оправдать, онъ долженъ будетъ обвинить m-me де-Люсьенъ.

— Не спрашивайте меня,— пробормоталъ онъ: — прошу васъ, удовольствуйтесь моимъ словомъ честнаго человѣка... Я попалъ въ это собраніе, руководимый только любопытствомъ. Что касается слова пропуска и условнаго знака, я узналъ ихъ, благодаря чистой случайности... клянусь вамъ... Неужели вы еще не вѣрите мнѣ?

— Мнѣ дѣдушка сказалъ, что у васъ лице честнаго человѣка, я всегда вѣрю дѣдушкѣ.

— Такъ что, если бы дѣдушка не заступился за меня...

— Я никогда васъ не обвиняла.

Оба замолкли. Марсель сѣла, склонила голову, и разговоръ прекратился. Лорисъ не нашелся его возобновить. Но черезъ нѣсколько минутъ Марсель самымъ равнодушнымъ голосомъ заговорила снова.

— Дама, которую вы сопровождали, очень хорошенькая. Какъ мнѣ послышалось, она—маркиза.

— Она громко назвала себя, и потому не будетъ предательствомъ, если я повторю его. Ее зовутъ маркизою де-Люсьенъ.

— А ея имя?

— Регина.

— Она ваша сестра? Ваша родственница?

— Моя невѣста,—сказалъ серьезно Лорисъ.

Въ этомъ открытомъ заявленіи былъ точно протестъ противъ подозрѣній заранѣе обдуманнаго поступка.

Марсель захлопала въ ладоши.

— Какъ я рада, что она такая хорошенькая.

И, понизивъ голосъ, она прибавила съ комическою таинственностью:

— Значитъ, она ярая роялистка?

— Да, мадемуазель.

— Не подумайте, что я ее осуждаю за это, главное надо любить свое отечество, а тамъ всѣ убѣжденія хороши... Дѣдушка не любитъ Наполеона, но онъ выносилъ бы его, если бы его военная геніальность помогла ему изгнать иноземцевъ.

— Я слышалъ его взгляды и, признаюсь, былъ ими тронутъ.

— Дѣдушка такъ хорошо говоритъ... да и отецъ тоже, не правда ли?

— Моя лучшая похвала имъ будетъ, если я скажу, что, не смотря на разницу нашихъ убѣжденій, я забывалъ это, когда они говорили о Франціи.

— Какъ это хорошо. Какъ видите, мы съ вами совсѣмъ не такіе большіе враги, какъ вы говорили. Вы солдатъ?

— Я получилъ чинъ поручика, чтобы участвовать въ этомъ походѣ.

Какъ странно, въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ о своей нерѣшительности, и ему казалось вполнѣ естественнымъ идти защищать границы, хотя бы подъ предводительствомъ Наполеона.

— Прекрасно. Можетъ быть, мы съ вами тамъ встрѣтимся.

— Въ арміи? Что вы хотите этимъ сказать?

— Не бойтесь, я не буду маркитанткою; но, можетъ быть,—все это должно рѣшиться сегодня, — дѣдушка приметъ предложеніе Карно—стать во главѣ интендантства. Вѣдь дѣдушка былъ однимъ изъ великихъ организаторовъ арміи при Жемапѣ, Флерю, и еще въ 93 до самаго 18 брюмера.

— И если вашъ дѣдушка уѣдетъ?

— Я ѣду съ нимъ. Что же онъ будетъ дѣлать безъ меня?

— Вы его очень любите?

— Еще бы! Кромѣ него и отца, у меня никого нѣтъ на свѣтѣ.

— А ваша мать?

— Я ее не знала, — проговорила растроганная Марсель.—Моя исторія печальная: я найденышъ.

— Но у васъ отецъ, дѣдушка?

— Отецъ, да. Но дѣдушка не мой дѣдушка: онъ больше этого. Онъ нашелъ меня въ оврагѣ, умирающую, совсѣмъ, совсѣмъ маленькую. Мать моя была убита, отецъ пропалъ безъ вѣсти, и только позже, много, много позже, Картаму удалось розъискать моего отца. Зато теперь я такъ счастлива, они такіе добрые.

— Они сдѣлали изъ васъ маленькую отчаянную республиканку,—сказалъ смѣясь Лорисъ, желая отвлечь молодую дѣвушку отъ печальныхъ мыслей.

— Это случилось само собою; но главное, не подумайте, что я занимаюсь политикою. Это ихъ дѣло, родителей. Я только люблю ихъ и восхищаюсь ими и, если бы потребовалось, готова была бы умереть за нихъ, какъ храбрый солдатъ.

Все это было сказано безъ всякаго хвастовства, просто съ дѣтскою наивностью.

Теперь Лорисъ могъ хорошо ее разглядѣть, лучше, чѣмъ во время свалки съ полицейскими или въ минуту уличной ссоры, и онъ былъ пораженъ врожденной граціей, изяществомъ этой прелестной бѣлокурой дѣвушки, ея ручками герцогини, ея гармоническимъ голосомъ, который можно было только сравнить, выражаясь античнымъ стилемъ, съ пѣніемъ птичекъ. Вся ея физіономія, ея нѣжныя черты, нарисованныя точно пастелью, дышали энергіею и искренностью. Марсель не могла лгать, Марсель была преданная. Это можно было прочесть на ея спокойно-веселомъ лицѣ, на которомъ, казалось, еще никакая забота не оставила слѣда. Совсѣмъ не кокетка, тѣмъ не менѣе ея косыночка была очень граціозно повязана вокругъ ея таліи, платье ея падало красивыми складками, ногти были тщательно вычищены, ножки хорошо обуты, на нихъ не было ни капли грязи, не смотря на ночной походъ, — все это свидѣтельствовало объ уходѣ за собою. Въ ней не было и тѣни того дурнаго кокетства, которое она могла бы

проявить, оставшись одна въ обществѣ молодаго человѣка; ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ она не проявила желанія показаться ему лучше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Она говорила просто, какъ въ присутствіи своего отца, и даже слушатель менѣе деликатный, чѣмъ Лорисъ, не нашелъ бы повода ни къ какому банальному комплименту, болѣе или менѣе удачно выпрошенному.

Лорису казалось, что онъ въ обществѣ младшей сестры, быть можетъ, болѣе благоразумной, чѣмъ онъ самъ, которая на него имѣетъ вліяніе. Никакая банальная любезность не приходила ему на умъ.

Его разбирало любопытство. Ему очень хотѣлось разспросить молодую дѣвушку объ ея прошломъ, которое казалось ему такимъ печальнымъ; не зная его, ему уже было жаль ее, онъ чувствовалъ къ ней искреннее сочувствіе, благодаря невольной симпатіи, которую она ему внушала.

— Въ такомъ случаѣ,— воскликнулъ онъ:—ваше имя не Марсель Картамъ, какъ вы мнѣ сказали?

— Марсель—да, Картамъ—нѣтъ. Но, такъ какъ я долго жила съ дѣдушкой, мнѣ дали его фамилію. Я ношу ее пока. Я люблю ее: это фамилія человѣка съ чуднымъ сердцемъ, который много страдалъ. Да, мой дѣдушка, Гракхъ Картамъ, великій человѣкъ по своей честности, по своей добротѣ.

— Какая вы восторженная! Вашъ отецъ не ревнуетъ васъ къ мсьё Картамъ?

Марсель покачала головой:

— О, нѣтъ, они оба любятъ меня, и я люблю ихъ обоихъ, но люблю ихъ каждаго по другому. Видите ли, не знаю, какъ вамъ это даже объяснить; если бы такая дѣвочка, какъ я, смѣла бы судить о старикѣ, я бы сказала: Картамъ,—мы такъ называемъ его попросту Картамъ, безъ мсьё,—добродушнѣе... мягче... удивительно снисходителенъ, добръ, милъ...

— Тогда какъ мсьё Жанъ Шенъ...

— Отецъ—солдатъ,— отвѣтила серьезнымъ тономъ Марсель:— солдатъ Франціи, республики. Я вижу его не болѣе нѣсколькихъ недѣль въ году и тѣмъ не менѣе постоянно о немъ думаю; для меня онъ олицетворяетъ собою типъ древнихъ рыцарей, которые дрались съ чудовищами.

— Съ чудовищами!—воскликнулъ смѣясь Лорисъ:—это съ такими-то роялистами, какъ я?

— Вы смѣетесь, а вы совсѣмъ не такъ далеки отъ истины,— отвѣтила весело Марсель. — Но я только говорю, что отецъ мой внушаетъ мнѣ глубокое къ себѣ восхищеніе, что я преклоняюсь передъ его ежеминутнымъ отрѣшеніемъ, его безпредѣльною пре-

данностью... О, я убѣждена, что во всѣхъ моихъ взглядахъ на отца и дѣдушку я вполнѣ справедлива.

Затѣмъ, понизивъ голосъ, она прибавила:

— У него столько горя, такая печаль: онъ никогда не утѣшится... Дѣло въ томъ, что я очень напоминаю ему мою мать.

Она вздрогнула и провела рукой по глазамъ.

— Я вамъ разсказываю все это... я думаю, вамъ надоѣло меня слушать...

— Какъ можете вы это думать?—воскликнулъ Лорисъ:— мнѣ представляется, что вы моя сестра, и все, что близко вамъ, близко и мнѣ.

— Слова! Слова! По выходѣ отсюда, когда вы очутитесь около вашей хорошенькой, очень хорошенькой невѣсты, вы, конечно, скоро забудете о нашемъ братствѣ! И чего добраго, когда вернется вашъ король, — она такъ важно произнесла это монархическое слово,—вы, пожалуй, даже велите арестовать дѣдушку, отца и меня!

Лорисъ быстро всталъ.

— Это очень не любезно съ вашей стороны,—проговорилъ онъ,— я не знаю, гдѣ поводъ къ тому, чтобъ вы меня оскорбляли. Я ненавижу все, что даже издалека походитъ на преслѣдованіе, я бы скорѣе позволилъ себѣ отрубить вотъ эту руку, чѣмъ подписалъ бы четыре строчки, которыя лишили бы кого нибудь свободы. Вы считаете меня за очень дурнаго оттого, что я роялистъ? Разубѣдитесь въ этомъ, я тоже понимаю великодушіе и преданность и я такой же добрый, какъ Гракхъ Картамъ и Жанъ Шенъ.

— О, на счетъ этого...—замѣтила Марсель, качая головою.

— Вы сомнѣваетесь во мнѣ? Въ такомъ случаѣ я вамъ докажу это на дѣлѣ. Вопервыхъ, вы, кажется, сомнѣваетесь въ моей любви къ родинѣ. Развѣ я не уѣзжаю сегодня еще? Я офицеръ. Я исполню мой долгъ, и если меня убьютъ, я надѣюсь, что тогда m-lle Марсель Картамъ согласится не обвинять меня.

Какой удивительный переворотъ совершился въ душѣ Лориса, онъ гордился въ настоящую минуту тѣмъ, что наканунѣ еще казалось ему унизительнымъ для его достоинства. Говоря о будущихъ сраженіяхъ, онъ становился смѣлѣе, искренность такъ и просилась наружу изъ его облегченной души.

Онъ не пытался увлечь молодую дѣвушку своими рѣчами, онъ желалъ одного только страстно, честно, чтобы она простила ему его двусмысленное поведеніе этой ночи, желалъ только возстановить свое честное имя въ ея глазахъ.

— Значитъ, вы будете на Champ de Mai?

— Конечно,—отвѣтилъ онъ:—если только Фуше не вздумаетъ продержать меня до конца свѣта.

— Развѣ у васъ нѣтъ никого, кто бы похлопоталъ за васъ?

Онъ медлилъ отвѣтомъ.

— Конечно, есть... но дѣло въ томъ, что партія, къ которой я принадлежу, не пользуется вліяніемъ у этихъ людей...

Онъ закусилъ губы и остановился, онъ вспомнилъ, что втеченіе вечера имя Фуше было произнесено маркизою, и что между роялистами и цареубійцами было заключено нѣчто въ родѣ договора.

Онъ покраснѣлъ и поспѣшилъ прибавить:

— Но вы сами отчего же не освобождены до сихъ поръ?

— О, я покойна... Дѣдушка...

Она не успѣла докончить, какъ отворилась дверь. Въ комнату влетѣлъ маленькій, худенькій господинъ и направился прямо къ Лорису съ распростертыми объятіями.

— Дитя мое дорогое, скорѣе отсюда вонъ!

— Вы? любезный мсьё Блашъ!—воскликнулъ Лорисъ, бросаясь навстрѣчу своему бывшему воспитателю: — вы возвращаете мнѣ свободу, вы?

— Да, да... время дорого... Хочу скорѣе васъ видѣть въ вашей новой формѣ парадирующимъ передъ этимъ разбойникомъ, имѣющимъ претензію спасти Францію.

— Какъ вамъ удалось?..

— Васъ спасти?.. Я только-что отъ Фуше, отъ этого кровопійцы, который вѣчно преступенъ тѣмъ, что уменъ, какъ чортъ.

— Фуше? Это я обязанъ ему?!.

— Арестомъ... а затѣмъ освобожденіемъ... увы! да—ему!

Лорисъ услыхалъ, что за нимъ кто-то тихонько смѣялся, онъ оглянулся и увидѣлъ молодую дѣвушку, которая скромно притаилась въ сторонкѣ, но не проронила ни одного слова изъ разговора.

Аббатъ Блашъ вдругъ замѣтилъ ее, вздрогнулъ и, подойдя къ ней съ самымъ почтительнымъ видомъ, сказалъ:

— Простите меня, мадемуазель, ради Бога, я не имѣлъ чести васъ видѣть. Какъ! вы до сихъ поръ въ неволѣ вмѣстѣ съ моимъ негоднымъ воспитанникомъ. А я слышалъ, какъ было дано приказаніе васъ освободить.

— Кѣмъ было дано это приказаніе?

— Оно было дано у Фуше, но не имъ самимъ.

— Кѣмъ же?

— «Citoyen» Гракхомъ Картамомъ, и онъ отдавалъ его весьма громкимъ голосомъ, смѣю васъ увѣрить.

— Но, извините, мсьё, вы какъ будто знаете меня, а я между тѣмъ не помню васъ.

— Мой воспитатель, аббатъ Блашъ, — проговорилъ Лорисъ, представляя его.

Марсель старалась напрасно припомнить это имя.

— Вы меня не знаете, мадемуазель,—продолжалъ аббатъ,—но я знаю, кто вы, и это съ давнихъ поръ.

Въ эту минуту, точно по волѣ судьбы, чтобы прекратить этотъ разговоръ, въ дверяхъ показался полицейскій и сказалъ:

— Мадемуазель Марсель Картамъ—въ канцелярію!

Лорисъ взглянулъ на нее, ему казалось, что съ нею исчезаетъ прелестный сонъ. Этотъ часъ бесѣды былъ ему безконечно пріятенъ. Назвавъ ее сестрою, онъ былъ совершенно искрененъ; она представлялась ему честнымъ, хорошимъ товарищемъ, которому было бы такъ пріятно довѣрять самыя сокровенныя мысли, и въ ея глазахъ онъ прочелъ искреннюю, настоящую симпатію къ себѣ. Онъ протянулъ ей руку.

— Знаете что, мадемуазель Марсель, заключимте договоръ союза!

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтила она, кладя въ его руку свою, — настоящій союзъ, со всѣми жертвами... не нарушьте его, также какъ и я не нарушу его.

— Не сомнѣвайтесь больше во мнѣ, но неужели я васъ никогда не увижу?

— У меня есть предчувствіе, — сказала она, улыбаясь,— что я прощусь съ вами издалека, на Champ de Mai.

— Значитъ—до свиданія!

— До свиданія, и любите Францію!

Она поклонилась аббату, еще разъ кивнула головой Лорису и вышла.

— Что за прелестное существо!—воскликнулъ Лорисъ.

Аббатъ взялъ его подъ руку.

— Она не только прелестна, но очаровательна. Надѣюсь, мой воспитанникъ, вы не имѣете намѣренія оставаться здѣсь.

— Иду за вами тѣмъ болѣе, что до Champ de Mai я долженъ отправиться засвидѣтельствовать мое почтеніе m-me де-Люсьенъ.

— Маркиза де-Люсьенъ,—объявилъ съ важностью аббатъ:—покинула Парижъ сегодня утромъ.

— Она уѣхала?

— Государственное дѣло! Идемте, идемте.

И онъ потащилъ его за собой.

X.

Отель Фуше, герцога Отрантскаго, министра полиціи, помѣщался въ улицѣ du Bac № 34, немного не доходя до угла улицы de l'Université; онъ былъ построенъ двѣсти лѣтъ назадъ Вальбелемъ, однимъ изъ самыхъ отважныхъ героевъ французскаго флота.

Широкія ворота, украшенныя разными морскими атрибутами вели во дворъ, въ концѣ котораго было крыльцо съ восемью сту-

пенями, по которымъ подымались въ широкую переднюю въ родѣ Salle des Pas Perdus, въ которой въ этотъ день, 1 іюня 1815 года, съ шести часовъ утра толпилась масса всякаго народа.

Впрочемъ, эта часть улицы du Bac была всегда чрезвычайно оживлена. Отель нѣкогда бывшаго духовнымъ лицомъ былъ центромъ всякихъ вожделѣній и всякаго любопытства.

Фуше принималъ во всякое время.

Никогда еще добровольное шпіонство, вознаграждаемое не деньгами, а иною монетою подкупа, не процвѣтало въ такой степени съ большимъ безстыдствомъ, какъ въ періодъ первой имперіи. Доносы дѣлались съ самаго ранняго утра; Фуше зналъ это, и первые пріемные часы были для постыдныхъ Іудъ.

Въ особенности въ это время, когда судьбы Франціи зависѣли отъ каприза рока, Фуше былъ для всѣхъ честолюбивыхъ, для всѣхъ загнанныхъ оракуломъ, сфинксомъ, жрецомъ, къ которому обращались съ просьбами, съ мольбами, а подчасъ и съ проклятіемъ. Пронесся слухъ: Наполеонъ боится его. Тотъ, который хваталъ королей за горло, былъ сдержанъ съ этимъ пачкуномъ совѣсти, который допускалъ всякую безчестность, всякую подлость, всякое безстыдство, всякое предательство. Его боялись, значитъ; въ него вѣровали, и всѣ подлыя души стремились въ это подземное царство, подобно инымъ авантюристамъ, которые проникаютъ въ самыя мрачныя пещеры, въ надеждѣ найдти тамъ кладъ.

Вопреки обыкновенію, въ этотъ день, день важный, Фуше не было дома. Говорили, что онъ у императора.

Въ передней разговаривали группами. Разговаривали въ полголоса, какъ всегда, когда передаются какія нибудь сплетни разныхъ заговоровъ.

У наружной двери отвратительный съ виду швейцаръ, простодушный по приказанію, сортировалъ приходящихъ.

То появлялся старый щеголь, въ напудренномъ парикѣ, въ сюртукѣ à la française, въ шелковыхъ чулкахъ, припрыгивая на своихъ сухопарыхъ ногахъ; такой обыкновенно свысока оглядывалъ швейцара, громко называлъ свою важную фамилію и гордо проходилъ мимо. Затѣмъ шла очередь толстяка, широкоплечаго, со шляпою съ большими полями, съ сѣдыми лихо закрученными усами, котораго швейцаръ любезно привѣтствовалъ:

— Пожалуйте, пожалуйте, герцогъ скоро будетъ.

Были тутъ и люди ничѣмъ не замѣчательные съ виду, были и подозрительные съ виду, съ дерзкими, наглыми лицами, другіе какъ-то жались и осторожно крались, хотя мѣста было кругомъ достаточно.

Затѣмъ шли всевозможные типы буржуа, коммерсантовъ, поставщиковъ, тощихъ и жирныхъ, голодныхъ и сытыхъ, смотря потому, предстояли ли имъ дѣла, или они отошли для нихъ въ область прошлаго.

Цѣлый особый міръ въ миніатюрѣ, не особенно привлекательный, отъ котораго разило интригой и спекуляціей, но который, перешагнувъ черезъ порогъ, точно распускался въ подкрѣпляющей атмосферѣ. Въ пріемной всѣ шептались, остерегаясь невидимыхъ ушей.

Говорили о Champ de Mai, объ этой торжественной церемоніи, къ которой Наполеонъ пригласилъ и армію, и народъ.

— Интересно знать,—спрашивалъ кто-то,—что изъ этого всего выйдетъ.

— Ничего особеннаго: обнародуютъ голоса, которые утвердили дополнительный актъ.

— Безъ сомнѣнія, не много соберутъ голосовъ.

— Будетъ раздача орловъ.

— Первый актъ большой трагедіи...

— Трагедіи славы, смѣю увѣрить. Франція вернетъ свое положеніе.

— Или своего короля.

— Интересно знать, появится ли Наполеонъ въ своемъ сѣромъ сюртучкѣ. Это произвело бы большой эффектъ на народъ.

— Господа, я говорю на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, такъ какъ я имѣлъ честь провести вчерашній вечеръ съ герцогомъ Отрантскимъ. Мы, представители высшаго французскаго общества, дали понять его превосходительству, что императоръ долженъ воздержаться отъ излишнихъ уступокъ всякому сброду.

— Этотъ сбродъ не сдастся безъ борьбы, будьте увѣрены,— прервалъ чей-то рѣзкій голосъ.

Это былъ чистокровный бонапартистъ, раздраженный болтовнею бывшаго эмигранта.

На это тотъ, стряхивая ногтемъ нѣсколько крошекъ табаку, которыя какъ-то затерялись на его отворотахъ, сказалъ:

— Я подразумѣвалъ подъ сбродомъ чернь; не слѣдуетъ власти якшаться съ ней; императоръ долженъ быть императоромъ, представителемъ извѣстныхъ принциповъ. Онъ долженъ это помнить, и потому на Champ de Mai онъ явится во всемъ величіи императорскаго облаченія.

Въ другомъ мѣстѣ говорили:

— Значитъ, война несомнѣнна?

— Неизбѣжна.

— Я въ большомъ волненіи. Говорили, что союзники соглашаются на парижскій трактатъ.

— Успокойтесь, они располагаютъ милліономъ людей и не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ.

— Однако, если онъ откажется отъ престола въ пользу сына?

— Сына? Откуда его взять? Императрица въ Вѣнѣ... а можетъ

быть, и въ другомъ мѣстѣ. Это извѣстно только Богу да г. Нейпергу.

Выстрѣлы сигнальной пушки съ отеля Инвалидовъ возвѣстили, что шесть часовъ, и прервали разомъ всѣ разговоры, точно невидимый императоръ произнесъ свое: Quos ego!

Всѣ вздрогнули, нѣкоторыхъ взяло опасеніе за то, не сказали ли они чего лишняго, тогда какъ бронзовыя пасти напомнили всѣмъ о началѣ вѣщаго кризиса... Тутъ былъ одновременно и вызовъ, и тревога, и угроза.

Въ эту минуту на порогѣ передней показался человѣкъ лѣтъ пятидесяти, немного выше средняго роста, длинный, сухопарый, слегка сгорбленный и, не смотря на кости, которыя виднѣлись черезъ его платье, чрезвычайно бодрый, сильный, съ блѣдно-желтымъ лицомъ, землянымъ, очевидно, желчь разлилась въ немъ или вслѣдствіе сдержаннаго гнѣва, или чрезмѣрной усталости. Это было нѣчто безцвѣтное, тусклое, матовое. Глаза большіе, очень голубые, глубокіе, глядѣли какъ-то странно, необъяснимо; мысль въ нихъ утопала, они не поддавались никакому испытанію. Пять-десять лѣтъ спустя былъ человѣкъ съ такими же точно безцвѣтными глазами: его звали Троппманнъ.

А этого звали Фуше, герцогомъ Отрантскимъ.

Эти глаза никогда не оживлялись, они не темнѣли, не блестѣли, они были неподвижны, точно изъ стекла. За ними, ничего не выражающими, все скрывалось.

Фуше видѣлъ своихъ посѣтителей, не глядя на нихъ.

Затянутый въ сѣрый сюртукъ болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ у его патрона, въ большой круглой шляпѣ, скорѣе беззаботный, чѣмъ грубый, съ опредѣленными манерами, свидѣтельствующими о сознаніи своей силы, всегда готовый къ сопротивленію, Фуше прошелъ мимо.

Нѣкоторые, болѣе близкіе, подходили къ нему, но онъ, точно никого не замѣчая, не останавливаясь шелъ дальше, затѣмъ скрылся въ дверь, которую за нимъ заперъ привратникъ.

— Господинъ герцогъ министръ сегодня утромъ не будетъ принимать,—объявилъ появившійся секретарь.

Поднялся всеобщій гулъ отчаянія. Каждый выражалъ свои особыя права на то, чтобы быть принятымъ, помимо выраженій всеобщаго неудовольствія. Но секретарь былъ неумолимъ: если угодно, сегодня вечеромъ послѣ Champ de Mai пріемъ будетъ въ 10 часовъ, до тѣхъ поръ ни въ какомъ случаѣ.

Въ эту минуту черезъ толпу пробирались трое мужчинъ; секретарь ждалъ ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ агентъ, не представляющій изъ себя ничего особеннаго. Двое другихъ были Гракхъ Картамъ и Жанъ Шенъ.

Увидя ихъ, секретарь посторонился, открылъ имъ дверь и сказалъ:

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

— Войдите.

— Ихъ пускаютъ, а насъ нѣтъ...

Картамъ на порогѣ двери оглянулся.

— Это что за свора?—спрашивалъ онъ грубо.—Вѣчный лай на псарнѣ.

И Картамъ исчезъ вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, поразивъ присутствующихъ своею выходкою.

Нетерпѣливые набрасывались на привратника, который, выведенный изъ себя, спросилъ ихъ:

— Отрубили вы голову королю? Нѣтъ? Такъ чего лѣзете!

Агентъ стушевался.

Фуше стоялъ въ своемъ кабинетѣ.

Онъ сдѣлалъ шагъ навстрѣчу Картаму, протягивая ему руку.

— Мнѣ не надо твоей руки, — проговорилъ ворчливымъ голосомъ старый членъ Конвента,—я не пришелъ къ тебѣ за милостію, отъ тебя она мнѣ не нужна. Сегодня ночью по твоему приказанію совершена одна лишняя подлость, ты долженъ ее поправить.

Совершенно спокойно, съ полуулыбкою на устахъ, Фуше взялъ со стола записку:

— Въ улицѣ Eperon, въ домѣ именемъ Gui тайное сборище. Старые якобинцы, возвращенные ссыльные, солдаты. Заговоръ объ умерщвленіи императора во время Champ de Mai.

— Ложь!—воскликнулъ Жанъ Шенъ.

— Не совсѣмъ, положимъ, — замѣтилъ Фуше.—Васъ поразило слово «умерщевленіе»,—развѣ Брутъ не герой? Не будемъ разглагольствовать. Итакъ, мой старый Картамъ, ты неисправимъ.

— Да, въ дѣяніяхъ чести, какъ ты въ позорныхъ.

Фуше окончательно разсмѣялся:

— Брось ты свои разглагольствованія. Тебя арестовали: вотъ въ чемъ вся суть дѣла.

— По твоему приказанію.

— Не совсѣмъ такъ; я въ настоящее время такъ занятъ, что не имѣю времени слѣдить за всѣмъ, но былъ сдѣланъ доносъ, въ силу котораго было сдѣлано и распоряженіе. Въ добрыя времена комитета общественнаго спасенія, тебя бы непремѣнно упекли на гильотину, мой милый. Ты сегодня просишь о возвращеніи тебѣ свободы, хотя твое участіе въ заговорѣ несомнѣнно доказано; тѣмъ не менѣе она, всетаки, тебѣ, вѣроятно, будетъ возвращена. За что же ты ругаешь меня? Логично ли это? Или ты обо мнѣ лучшаго мнѣнія, чѣмъ я есть?

— Я думаю и знаю одно, что ты лгунъ, предатель, подлецъ. Я совсѣмъ не прошу тебя объ освобожденіи меня изъ-подъ ареста, но твои сеиды захватили и арестовали одну молодую дѣвушку. И я пришелъ требовать, чтобы ты исправилъ этотъ низкій поступокъ. А затѣмъ можешь поступить съ нами, какъ знаешь.

Фуше нагнулся надъ столомъ и сталъ разсматривать бумаги. Онъ быстро обернулся къ Картаму.

— Говори толкомъ, чѣмъ эта дѣвушка тебѣ такъ интересна?

— Это моя внучка! — отвѣтилъ Картамъ.

— Ты обозвалъ меня лгуномъ... берегись. Жена твоя умерла десять лѣтъ назадъ, и никогда у тебя не было дѣтей...

— Я ея отецъ, — замѣтилъ Жанъ Шенъ, — а Картамъ выростилъ ее.

— Вамъ я не скажу того, что сказалъ неукротимому Картаму... Скажу только, что мсьё Жанъ Шенъ никогда не былъ женатъ... по крайней мѣрѣ, подъ этимъ именемъ, а также не имѣется никакого документа, свидѣтельствующаго объ его отческомъ состояніи.

Жанъ Шенъ былъ пораженъ.

— Неужели же вы такъ и останетесь вѣчно дѣтьми,—воскликнулъ вставая Фуше. — Развѣ я васъ не знаю обоихъ, безумныхъ, жертвующихъ жизнью ради химеры... Ты, Картамъ, злился на имперію, ненавидѣлъ 18-е брюмера, ты ревѣлъ, проклиналъ... и что же дальше? Ты, не правда ли, свергнешь Наполеона?... Гдѣ ты былъ три мѣсяца назадъ, когда Людовикъ XVIII возсѣдалъ на тронѣ въ Тюльери?... Ты участвовалъ въ заговорѣ... Гдѣ твоя республика?... Что̀ придумалъ ты противъ громоваго удара Фрежюсъ?

— Вы, Жанъ Шенъ, вы сто разъ дрались противъ союзниковъ, рисковали жизнью, чтобы помѣшать имъ вторгнуться! Развѣ вы задержали ихъ? Чего же вы хотите? Что можете вы сдѣлать? Не смотря на ваши проклятія и на ваше геройство, колесо не перестаетъ вертѣться... и вы воображаете, что какимъ-то однимъ магическимъ словомъ или человѣческою грудью вы остановите его... О, безумныя дѣти, трижды безумныя!

— Я требую освобожденія моей дочери!—воскликнулъ Картамъ.

— Да это уже сдѣлано!—замѣтилъ Фуше, пожимая плечами.— Если бы я сталъ дожидаться, когда ты кончишь декламировать, чтобы распорядиться объ освобожденіи ея изъ-подъ ареста, она успѣла бы тамъ умереть... вы тоже свободны. Мнѣ совершенно безразлично, гдѣ вы: въ тюрьмѣ ли, на свободѣ ли. Одинъ изъ моихъ служащихъ думалъ, что дѣло сдѣлалъ, а сдѣлалъ глупость. Якобинцы!... вы воображаете, что вы страшны, а вы только смѣшны... Развѣ Франція васъ знаетъ? Вы забыты, дорогіе мои, вы погребены, вы мертвецы...

— Мертвецы, которые воскреснутъ!—вскричалъ Картамъ.

— Не скоро, — отвѣтилъ Фуше все такъ же хладнокровно, — не скоро, тогда, когда насъ съ вами уже не будетъ... А пока нечего намъ носиться въ пространствѣ. Говорю вамъ, что я васъ знаю лучше васъ самихъ. Если ты, Картамъ, собирался убивать императора, то зачѣмъ ты просилъ Карно назначить тебя въ армію?

— Тебѣ и это извѣстно?